

СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА – ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Материалы XXI Всероссийской студенческой научной конференции

12–13 марта 2026 г., Красноярск

www.kgau.ru

Министерство сельского хозяйства Российской Федерации
Департамент образования и кадровой политики
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Красноярский государственный аграрный университет»

СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА – ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Материалы XXI Всероссийской студенческой научной конференции
(12–13 марта 2026 г.)

ЧАСТЬ 5 – ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Секция 8. Актуальные проблемы права, процесса и судебных экспертиз в современных условиях

Секция 9. Гуманитарные науки

Электронное издание

Красноярск 2026

УДК 631
ББК 4я431
С 88

Ответственные за выпуск:
А.В. Коломейцев, М.В. Горелов

Редакционная коллегия:

В.С. Литвинова, канд. с.-х. наук, доцент;
Д.Д. Харебин, ст. преподаватель;
Е.А. Ерахтина, канд. юрид. наук, доцент;
С.М. Курбатова, д-р юрид. наук, доцент;
А.В. Ткаченко, канд. юрид. наук, доцент;
С.В. Широких, ст. преподаватель;
Е.В. Дадаян, канд. юрид. наук, доцент;
А.В. Гладких, ст. преподаватель;
Ю.В. Андреева, канд. юрид. наук, доцент;
С.Т. Гайдин, д-р ист. наук, доцент;
И.Н. Круглова, д-р филос. наук, профессор

С 88 Студенческая наука – взгляд в будущее [Электронный ресурс]: материалы XXI Всероссийской студенческой научной конференции. Часть 5 / Красноярский государственный аграрный университет. – Красноярск, 2026. – 887 с.

В пятой части представлены доклады, сделанные на XXI Всероссийской студенческой научной конференции, которая проходила в Красноярском государственном аграрном университете 12–13 марта 2026 г.

Предназначено для преподавателей, аспирантов, магистров и студентов сельскохозяйственных образовательных учреждений, специалистов сельского хозяйства.

УДК 631
ББК 4я431

Информация об опубликованных статьях размещена на платформе научной электронной библиотеки eLIBRARY.ru.

Статьи публикуются в авторской редакции, авторы несут полную ответственность за содержание и изложение информации: достоверность приведенных сведений, использование данных, не подлежащих публикации, использованные источники и качество перевода. Издательство не несет ответственности за опубликованные материалы. Все материалы отображают персональную позицию авторов. Мнение издательства может не совпадать с мнением авторов.

© ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет», 2026
© Авторы статей, 2026

СЕКЦИЯ 8. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА, ПРОЦЕССА И СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

ПОДСЕКЦИЯ 8.1. ОТРАСЛИ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

УДК 2428

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Алеевский Юрий Александрович, студент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

Aleevskiy_yuri@mail.ru

Научный руководитель: Пономарева Валерия Владимировна, доктор юридических наук, профессор

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

valery_e378he@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые аспекты муниципального развития в Российской Федерации, включая основные проблемы и вызовы, которые напрямую влияют на качество жизни граждан и эффективность управления территориями. Анализируются финансовые, демографические, инфраструктурные и управленческие направления, с которыми сталкиваются муниципалитеты. Резюмируется, что эффективное муниципальное управление играет важную роль в развитии страны.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальное развитие, компетенции, муниципалитет

С 19 июня 2025 года вступил в силу Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Он кардинально меняет правовую архитектуру местного самоуправления. Закон изменил систему компетенций местного самоуправления. Понятие «вопросы местного значения» заменено на «вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения». Полномочия разделены на три категории: не подлежащие перераспределению, могущие быть перераспределенными на органы государственной власти субъекта РФ и те, по которым субъект РФ может поручить их реализацию муниципалитетам. Это усиливает роль регионов в управлении территориями, но создает риски чрезмерной централизации. Реформа местного самоуправления вписывается в контекст реализации национальных целей развития до 2030 года и перспективы до 2036 года. Она направлена на повышение эффективности управления, рациональное использование ресурсов и улучшение качества предоставляемых населению услуг. Переходный период до 1 января 2027 года, до этой даты органы местного самоуправления осуществляют полномочия в соответствии со статьями 14-18 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», но все принимаемые и действующие муниципальные правовые акты уже должны не противоречить нормам Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Это создает правовую неопределенность и требует тщательной ревизии нормативных актов. Переход на одноуровневую систему в большинстве регионов упраздняются поселения и муниципальные районы, вместо них создаются муниципальные и городские округа. Это требует реорганизации административных

структур, перераспределения полномочий и адаптации персонала. Усиление вертикали власти. Органы местного самоуправления включены в «единую систему публичной власти», что усиливает контроль со стороны регионов. Возникает риск чрезмерной централизации, которая может затруднить учет интересов отдельных муниципальных образований.

Сегодня острее всего стоит проблема несоответствия полномочий органов МСУ и финансовых средств, которые необходимы для исполнения всех стоящих перед образованием задач. Это обстоятельство сильнее всех накладывает отпечаток на действия органов местного самоуправления. Чтобы разрешить возникшую проблему, прибегают к одному из двух путей: увеличение базы доходов бюджетов местного уровня; развитие межбюджетных отношений, которые направлены на привлечение финансов бюджета субъектов Федерации и всей Федерации.

В разные периоды наблюдались колебания среднего уровня дотационности по России. Например, за период с 2002 по 2015 год средняя доля дотаций в собственных доходах консолидированных бюджетов регионов варьировалась в пределах 7–12%. Максимальные уровни обычно отмечались в периоды ухудшения экономической ситуации, например, в 2009 и 2014 годах. Регионы с высокой дотационностью (доля дотаций в собственных доходах свыше 40%) часто характеризуются низким налоговым потенциалом, слаборазвитой экономикой, высокой долей населения в сельской местности, географической удаленностью от центров экономической активности и другими факторами. К таким регионам в разные периоды относились, например, Республика Тыва, Чеченская Республика, Республика Ингушетия, Республика Дагестан. В 2025 году отмечалось снижение зависимости регионов от дотаций: доля трансфертов из федеральной казны в общем объеме доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ снизилась до 14,9% минимума за шесть лет. Это связано с ростом собственных доходов регионов, в том числе за счет увеличения поступлений от налога на прибыль организаций и НДФЛ. При распределении дотаций иногда учитываются не расчетные, а фактические данные о доходах бюджетов. Это может поощрять неэффективное управление бюджетом, например, недостаточное использование налогового потенциала региона. К примеру Красноярск, как крупный городской центр в экономически развитом Красноярском крае, обладает высоким налоговым потенциалом. Значительная часть доходов краевого бюджета формируется за счет налога на прибыль крупных предприятий, что повышает его бюджетную обеспеченность. В результате Красноярск может не получать дотации на выравнивание, так как его уровень расчетной бюджетной обеспеченности превышает среднероссийский показатель (например, в 2025 году для Красноярска он составлял 1,45 против 1,000 в среднем по России).

Муниципалитеты могут участвовать в программах поддержки предприятий, ориентированных на замещение импорта, особенно в таких отраслях, как сельское хозяйство, машиностроение, фармацевтика. В некоторых регионах создаются инновационные кластеры и технопарки, где местные компании разрабатывают и внедряют новые технологии с акцентом на автономность от зарубежных источников. Отсутствие отечественных поставщиков, способных полностью заместить импорт, остается одной из главных проблем. Импортозамещение требует от муниципалитетов координации с региональными властями и бизнесом, а также развития инфраструктуры поддержки местных производителей. В контексте импортозамещения в крае могут реализовываться программы поддержки местных производителей, особенно в отраслях, где ранее доминировал импорт. Однако конкретные данные о мерах импортозамещения на муниципальном уровне в открытых источниках не упоминаются.

В Красноярском крае сохраняется значительный миграционный поток населения с других стран. По данным на 2023 год, в регион прибыло более 100 тысяч мигрантов. Основные страны Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан, Казахстан и Китай. Около 65% мигрантов приезжают на сезонную работу, а 70% остаются жить в Красноярске. Однако в последние годы ужесточилась миграционная политика, проводятся масштабные рейды, выявляются нарушения миграционного режима. За первое полугодие 2025 года было

выявлено более 5 тысяч случаев несоблюдения миграционного законодательства. Миграция из малых городов и сельской местности в крупные центры характерная черта для России в целом, и Красноярский край не исключение. Молодежь и квалифицированные специалисты чаще всего уезжают в поисках работы, образования, более высокого уровня жизни и развитой инфраструктуры. Миграция может как восполнять дефицит кадров, так и создавать нагрузку на социальную инфраструктуру образование, здравоохранение, жилье. Необходимость интеграции мигрантов. Успешная адаптация и интеграция мигрантов требует развития программ обучения языку, культурных и социальных программ, что ложится дополнительной нагрузкой на местные бюджеты. Демографические тенденции напрямую определяют экономический потенциал и социальные вызовы для муниципалитетов. Естественная убыль населения. Во многих муниципальных районах наблюдается сокращение численности населения из-за низкой рождаемости и высокой смертности, что ограничивает трудовой потенциал и снижает налоговую базу. Старение населения. Увеличение доли пожилых людей повышает нагрузку на пенсионную систему и здравоохранение. По данным на 1 января 2025 года, численность населения Красноярского края составляла 2 837 988 человек. Красноярский край поставил исторический антирекорд. За январь-июнь 2024 года коэффициент рождаемости в крае составил 8,8 рождения на 1000 человек. Такого не было даже в «лихие» 90-е. До сих пор самый низкий коэффициент в крае был зафиксирован в 1999 году после дефолта и составил 8,9 рождения на 1000 человек. Если говорить об абсолютных числах, то за первое полугодие в крае родилось 12 392 ребенка, это на 517 детей меньше, чем за аналогичный период прошлого года. При этом уровень смертности наоборот поднялся и составил 13,1 смерти на 1000 человек. В прошлом году в аналогичный период этот показатель равнялся 12,9. Всего за полгода в крае скончалось 18 501 человек, что на 365 человек больше, чем в 2023-м. Таким образом за январь-июнь в крае умерло в полтора раза больше людей, чем родилось.

Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва (Красноярскстат) публикует данные о социально-экономическом положении муниципальных образований Красноярского края в рамках базы данных показателей муниципальных образований. Эти отчеты содержат широкий спектр показателей, отражающих различные аспекты развития территорий такие как численность населения, миграция, заработная плата, инвестиции, промышленность и производство, малое и среднее предпринимательство, рынок труда, социальные показатели, жилищное строительство и т.д. можно ознакомиться на официальном сайте ведомства.

В рамках проекта «Умный город» в Красноярском крае внедряются цифровые решения в сферах городского управления, ЖКХ, транспорта, безопасности, медицины и других. Проект реализуется в рамках национальных проектов «Жилье и городская среда» и «Цифровая экономика РФ». В 2019 году в проект «Умный город» Минстроя России были включены три города Красноярского края: Красноярск, Железногорск (ЗАО) и Зеленогорск (ЗАО). Эти города стали пилотными территориями для внедрения ИКТ-решений в системах городского жизнеобеспечения и безопасности.

По итогам 2024 года Красноярск вошел в топ-10 Индекса цифровой трансформации городского хозяйства «IQ городов» в номинации «Крупнейшие города». Среднее значение индекса в 2024 году достигло 61 балла, что на 11% выше показателя 2023 года и на 55% выше базового уровня 2018 года.

В 2023 году шесть проектов Красноярского края получили награды на Национальной премии за вклад в развитие цифровизации городского хозяйства «Умный город». Среди победителей – портал «Активный гражданин», единый контакт-центр по номеру 122, государственная информационная система для градостроительной деятельности и другие.

Эти достижения свидетельствуют о системной работе по внедрению цифровых технологий в городское хозяйство, что направлено на повышение комфорта жизни граждан и эффективности управления ресурсами.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что муниципальное развитие в России находится в стадии трансформации. Реформы 2025 года призваны повысить эффективность управления и консолидировать ресурсы, но несут риски отдаления власти от населения. Решениями муниципалитетов требует комплексного подхода: совершенствования законодательства, укрепления финансовой базы, внедрения инноваций и активного вовлечения граждан. Только так можно обеспечить устойчивое социально экономическое развитие территорий и повышение качества жизни населения.

Кроме того, новый этап развития местного самоуправления в нашей стране обусловлен необходимостью повышения эффективности и качества работы органов местного самоуправления, а также реализацией новых положений Конституции Российской Федерации, включенных в нее по итогам общероссийского голосования 1 июля 2020 года.

Принципиально важным для развития и повышения эффективности всей системы органов публичной власти, включая органы местного самоуправления, является реализация конституционного принципа единой системы публичной власти. Согласно этому принципу, органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории. Это также предполагает согласованное действие различных уровней публичной власти как единого целого во благо граждан, общества и государства.

Список литературы

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти: Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ. – Текст: электронный // URL: <https://base.garant.ru/411718599/> (дата обращения: 05.03.2026).
2. Путеводитель по реформе местного самоуправления. Детальный разбор нововведений, включая территориальные изменения, преобразование муниципалитетов, систему полномочий и участие граждан. – Текст: электронный // URL: <https://zakon.ru/blog/2025/09/11/> (дата обращения: 05.03.2026).
3. Новая архитектура местного самоуправления в России. – Текст: электронный // URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 05.03.2026).
4. Муниципальная реформа 2025: новая архитектура местного самоуправления в России. – Текст: электронный // URL: <https://www.fa.ru/> (дата обращения: 05.03.2026).
5. Реформа местного самоуправления 2025 года. – Текст: электронный // URL: <https://pravsob.ru/> (дата обращения: 05.03.2026).
6. Проблемы развития местного самоуправления в России. – Текст: электронный // URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 05.03.2026).

ПРОБЛЕМА ДОПУСТИМОСТИ И ДОСТОВЕРНОСТИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ

Ардышева Ксения Александровна, студентка

Сибирский государственный университет путей сообщения, Новосибирск, Россия
ardysshevva@gmail.com

Носова Елизавета Анатольевна, студентка

Сибирский государственный университет путей сообщения, Новосибирск, Россия
posova_yelizaveta@mail.ru

Научный руководитель: Могилевский Григорий Александрович, кандидат юридических наук, доцент

Сибирский государственный университет путей сообщения, Новосибирск, Россия
mogilevskiy_1@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена повсеместным проникновением цифровых технологий в гражданский оборот, что неизбежно ведет к формированию обширной электронной доказательственной базы в судебных спорах. Новизна заключается в комплексном анализе текущих противоречий и пробелов российского гражданского процессуального законодательства в контексте динамичного развития цифровой среды. В статье полемически осмысливаются вопросы определения «электронного документа» как самостоятельного вида доказательств, а также сложности в установлении подлинности и неизменности электронных данных. Результатом исследования станут обоснованные предложения по совершенствованию нормативно-правового регулирования и формированию единой судебной практики, направленные на обеспечение баланса между процессуальной экономией и гарантией защиты прав сторон в условиях цифровизации.

Ключевые слова: электронные доказательства, гражданский процесс, допустимость доказательств, достоверность доказательств, цифровая экспертиза, нотариальное заверение, электронный документ, кибербезопасность

На современном этапе в Российской Федерации активно развивается процесс цифровизации, оказывающий непосредственное влияние на правовую систему в целом, включая сферу судопроизводства. Электронные доказательства – это сведения о фактах в электронном виде, на основании которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения лиц, участвующих в деле, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения дела. [3, с.1.] Проблемы допустимости и достоверности электронных доказательств в гражданском процессуальном праве связаны с тем, что широкое распространение цифровых технологий значительно опережает правовое регулирование сбора доказательств. В результате электронные доказательства, отвечающие всем иным требованиям, не могут быть приняты в качестве допустимых.

В судебной практике определены следующие виды электронных доказательств [2, с.17.]:

- информация, опубликованная на официальных сайтах госорганов или полученная из госреестров, госсистем;
- СМС, сообщения в мессенджерах, социальных сетях;
- переписка по электронной почте и вложения;
- аудиозаписи, видеозаписи, фотографии, изображения;
- электронные юридически значимые документы (договоры, акты, накладные и др.).

Таким образом, оценка представленных материалов и их признание в качестве доказательств – прерогатива суда. Если есть сомнения в подлинности, может быть назначена экспертиза всего документа, его отдельных частей, реквизитов или подписи.

Допустимость электронных доказательств – это соблюдение правовой формы. Чтобы файл или переписка стали доказательством, они должны быть получены законным путем и надлежащим образом зафиксированы.

Одной из ключевых преград на пути признания электронных сведений допустимыми является сложность верификации авторства сообщения. В отсутствие квалифицированной электронной подписи установление корреляции между «цифровым следом» и конкретным физическим лицом носит вероятностный характер. Проанализировав судебную практику, можно выделить проблему «презумпции владения устройством», то есть это означает, когда бремя доказывания данного факта несанкционированного доступа к аккаунту или же гаджету возлагается на владельца, исходя из этого и можно сделать вывод, что не всегда отвечает принципу справедливости. [6, с.35.]

Следующей проблемой необходимо выделить трансформация стандартов фиксации, согласно которому единственным надлежащим способом обеспечения доказательств в интернете является нотариальный протокол осмотра, что претерпевает существенную модернизацию. Современная судебная доктрина склоняется к признанию снимков экрана допустимыми доказательствами при условии, что они соответствуют критериям верификации. Нотариальное обеспечение при этом сохраняет статус «повышенной доказательственной силы», минимизируя риски оспаривания. [5, с.40.]

Стоит отметить, что фундаментальным критерием допустимости является соблюдение законности при получении электронных данных. Судебная практика решительно опровергает полученные сведения, связанные с нарушением конституционных гарантий и тайны переписки и неприкосновенности частной жизни, например, несанкционированный доступ к защищенным хранилищам, взлом учетных записей и так далее. Подобные данные признаются «отравленными плодами» и не могут быть положены в основу судебного решения. [4, с.15.]

Что касается достоверности в контексте электронных доказательств, то понимается как соответствие содержащихся в них сведений объективной действительности. Основная теоретико-практическая коллизия заключается в имманентной уязвимости цифровой информации к не деструктивным модификациям, можно выделить следующие преграды:

1. Риски технической модификации и манипуляции метаданными. Современное программное обеспечение позволяет осуществлять бесследную редакцию контента (например, функции удаления или изменения сообщений в мессенджерах для обоих участников диалога). Податливость метаданных (EXIF-данных изображений, атрибутов файлов) к фальсификации ставит под сомнение их использование в качестве безусловного подтверждения времени и места создания документа без проведения специализированной компьютерно-технической экспертизы.

2. Генеративные технологии и кризис доверия к медиа-файлам, подразумевает развитие технологий синтеза контента на основе искусственного интеллекта создает условия для генерации высоко детализированных фальсификатов аудио- и видеоматериалов. В отсутствие внедренных протоколов цифрового хеширования данных «в точке создания», достоверность любого мультимедийного доказательства может быть поставлена под аргументированное сомнение.

3. Проанализировав цифровую среду в современном мире, можно сделать вывод, что утрачивается традиционное различие между оригиналом и копией, поскольку двоичный код повторяется без потери качества, что размывает классическое понимание подлинности документов, принуждая соответствующий орган сосредоточиться на оценке целостности данных и логической последовательности информационных потоков, а не только на анализе их формы.

Резюмируя все вышесказанное, стоит отметить, что, анализ значимых препятствий для установления достоверности и допустимости доказательств в гражданском судопроизводстве выявил ряд критических аспектов, которым необходимо уделить особое внимание вызовам, связанным с цифровизацией, в частности, с обеспечением аутентичности и целостности электронных оригиналов и их копий, можно выделить следующие пути решения, указанных проблем:

1. В перспективе предполагается законодательное закрепление презумпции достоверности электронных доказательств, при условии, что противоположная сторона не оспорит их подлинность в установленном законом порядке согласно ст. 186 ГПК РФ [1]. Благодаря чему, это поспособствует реализации принципа процессуальной экономии.

2. Внедрение технологий распределенных реестров позволяет надежно фиксировать юридически значимые события в блокчейн-системах. Благодаря неизменности записанных данных и прозрачной хронологии событий, математические алгоритмы верификации гарантируют достоверность информации, устраняя тем самым сомнения в ее подлинности.

3. Также необходимо расширить использование усиленной квалифицированной подписи (УКЭП), поскольку является наиболее надежным инструментом обеспечения гарантирующий как подлинность автора документа, так и неизменность его содержания, что критически важно для его использования в гражданско-правовых отношениях.

Целесообразно сделать вывод, что использование электронных документов в гражданском процессе ставит перед правовой системой серьезные преграды, которые требует вызовы, касающиеся их доступности и доказанности. Получение и представление электронных доказательств в суде сопряжено со значительными техническими препятствиями, что включает в себя сложности с их извлечением, обеспечением соответствия требуемому формату и носителю для судебного разбирательства, а также гарантией доступа к ним для всех сторон процесса. Судьи не всегда обладают достаточными знаниями или техническими средствами для работы с такими материалами. В то же время, достоверность электронных данных ставит под сомнение их подлинность, целостность, авторство и неизменность. Отсутствие традиционных физических атрибутов (подпись, печать) требует сложных процедур подтверждения их достоверности, часто с привлечением экспертов и использованием специализированных технических средств.

Резюмируя все вышесказанное, можно сделать вывод, что данные аспекты существенно усложняют процесс доказывания, повышают риски оспаривания и диктуют необходимость дальнейшего развития правового регулирования, технических стандартов и судебной практики для обеспечения их надежного и справедливого использования в гражданском судопроизводстве.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс РФ: федер. закон от 14.11.2002 №138-ФЗ (ред. от 01.01.2026) // Рос. газ. – 2002. – № 220. (Дата обращения: 24.02.2026).
2. Абрамова, Е. Н. Верификация электронных доказательств в эпоху генеративного ИИ: новые вызовы гражданского процесса / Абрамова Е. Н. // Арбитражный и гражданский процесс. – 2025. – № 2. – С. 15-21.
3. Ковалева, Н. В. Допустимость электронных доказательств в гражданском процессе / Ковалева Н. В. // Диалог. — 2025. – №2 (32). – С. 1-3.
4. Кузнецова, Е. М. Автоматизированная проверка подлинности электронных документов в ГИС «Правосудие»: первые итоги внедрения модулей анализа / Е. М. Кузнецова // Право и экономика. – 2026. – № 1. – С. 12-19.
5. Саава, Я. А. Электронные доказательства в гражданском процессе / Саава Я. А. // Молодой ученый. – 2025. – № 49 (287). – С. 409-411.
6. Смирнова, М. А. Стандарты допустимости скриншотов и лог-файлов в практике Верховного Суда РФ / Смирнова М. А. // Российская юстиция. – 2025. – № 11. – С. 33–40.

ПРИНЦИП РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

Афанасьев Даниил Павлович, студент

Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева (Центральный филиал), Воронеж, Россия
d.p.afanasev@mail.ru

Мацкевич Вячеслав Евгеньевич, студент

Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева (Центральный филиал), Воронеж, Россия
slavamatsckevitsh@yandex.ru

Скобелева Ксения Эдуардовна, студентка

Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева (Центральный филиал), Воронеж, Россия
skobelevaksenia797@gmail.com

Научный руководитель: Дегтярева Леся Николаевна, кандидат юридических наук, доцент

Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева (Центральный филиал), Воронеж, Россия
alex.d.36@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению стабильности, а также приспособления принципа разделения властей в обстоятельствах нынешних массовых вызовов – цифровой трансформации, увеличения авторитарных направленностей, международных опасностей, а также падения независимости судебной системы. Авторы анализируют, как классические модификации сдержек, а также противовесов встречаются вместе с новейшими реалиями, в том числе воздействие научно-технических компаний, а также наднациональных вузов. Предполагаются линии модернизации принципа посредством формирования новейших институтов контролирования, усиление гражданского участия, а также формирование конституциональной культуры. Статья акцентирует внимание, то, что распределение властей остается необходимым фундаментом демократии, однако потребует глубочайшей реформы с целью сохранения собственной эффективности в XXI веке.

Ключевые слова: разделение властей, конституционный строй, сдержки и противовесы, цифровая трансформация, искусственный интеллект, право, транснациональные угрозы, государственное управление, права человека

Правило распределения властей, заложенный в базу нынешних демократических стран еще в период Просвещения, а также сформированный подобными мыслителями, как Шарль де Монтескье, остается базовым столпом конституционального порядка. Его сущность состоит в распределении общегосударственной правительству между тремя самостоятельными отраслями – законодательной, исполнительной, а также судебной – вместе с целью предотвращения концентрации власти в одних руках, предоставления обоюдного контролирования, а также охраны прав, а также независимостей людей. Данная концепция сдержек, а также противовесов исторически рассматривалась равно как основной электропредохранитель с тирании, а также гарантийное обеспечение главенства полномочий [1].

В обстоятельствах XXI века, если общество встречается с беспрецедентными призывами – от глобальных упадков, а также числовой модификации вплоть до увеличения авторитарных направленностей, а также дезинформации – это правило подвергается значительным проверкам. Невзирая на его абстрактную надежность, практическая деятельность демонстрирует, то, что традиционные механизмы сдержек, а также противовесов все без исключения чаще становятся недостающими с целью успешного функционирования демократических вузов. Активность нынешних опасностей, быстрота

принятия решений, а также трудность массовых проблем формируют влияние на концепцию, первоначально вычисленную в более размеренный, а также прозрачный процесс [3].

Один с основных призывов считается разрушение самостоятельности судебной власти. В многочисленных государствах суды подвергаются общественно-политическому давлению посредством предназначения судей, снижение бюджетов, перемена текстуры верховных тяжёбных организаций либо непосредственное вторжение исправной правительству в тяжёбные движения. Это приводит к этому, то, что судебная власть, призванная быть объективным посредником, а также заступником конституции, преобразуется в механизм легитимизации операций управляющей верхушки, то, что уничтожает саму мысль обоюдного контролирования.

В обстоятельствах пандемии, боевых столкновений, а также финансовых упадков правительства все без исключения больше прибегают к чрезмерным возможностям, какие, находясь правомерными в кратковременной возможности, имеют все шансы зафиксироваться как норма, подрывая баланс властей. К примеру, в определенных странах исправная власть получила возможность публиковать нормативные акты в отсутствии согласия парламента, а законодательные собрания существовали на время временно остановлены – то, что, несмотря на то а также имело внешнее основание в конституциях, в долгосрочной возможности обессилило депутатский надзор. Подобные мероприятия формируют угрожающий факт, если кратковременные исключения станут постоянной практикой [8].

Аналогичные практики формируют опасности «конституционного авторитаризма», если внешние демократические учреждения хранятся, однако их сущность обесценивается. В такого рода модификации распределение воля имеется только на бумаге: парламент преобразуется в «штамповочный орган», суды – в покорный механизм, а настоящее правительство сосредоточивается в руках исполнительной ветви. Это дает возможность системам удерживать видимость легитимности, в то же время подрывая основные принципы демократического правления. Таким способом, правило распределения властей на сегодняшний день имеет необходимость не только лишь в защите, а также в приспособлении к новейшим реалиям, в том числе улучшение самостоятельности судов, увеличение значимости гражданского общества, а также медиа как добавочных «сдержек», а кроме того, формирование интернациональных законных элементов, сподручных противодействовать его внутренней эрозии в отдельных государствах.

Числовая трансформация, а также увеличение воздействия научно-технических гигантов прибавили новейшее определение в задачу распределения властей. Классическая триада – законодательная, исправная, а также судебная власть – сформирована в период, если носителем, а также распространителем воздействия было только правительство. На сегодняшний день же колоссальная власть сконцентрирована в руках индивидуальных корпораций, какие осуществляют контроль цифровую инфраструктуру, струи информации, а также алгоритмические концепции, создающие нынешнюю действительность. Это формирует сознательно новейшую сферу, в которой классические конституциональные аппаратуры становятся неполными [2].

Алгоритмы, искусственный интеллект, а также платформы общественных сетей сейчас представляют значимость никак не только лишь в экономике, а также в создании социальных взглядов, избраниях, а также в том числе и в правоприменении. Они, по сути осуществляют квази-государственные функции: модерируют общественное обсуждение вопроса (аналогично тяжёбному надзору), ранжируют информацию и пользователей (исполняя сортировочные, а также репутационные функции), а концепции прогнозной специалисты применяются полицией, а также судами с целью оценки рисков. Но, в отличие от государственных институтов, их внутренние основы деятельности зачастую спрятаны коммерческой тайной, а постановления никак не подлежат общественному рассмотрению либо обжалованию в определенном законном режиме [7].

Однако эти субъекты никак не подпадают около классические рамки государственной власти, то, что формирует законную пустоту: кто именно осуществляет контроль методы, характеризующие допуск к информации? Кто именно отвечает за автоматизированное утверждение заключений в области общественных выплат, работника полиции наблюдения либо прогноза людей? Правительство зачастую как оказалось в двойственной позиции: с одной стороны, оно стремится корректировать числовую область, вместе с иной – делается подчиненным с научно-технических платформ с целью предоставления услуг, сбора данных, а также коммуникации вместе с жителями. Это размывает пределы ответственности: если метод, созданный индивидуальной компанией согласно муниципальному заказу, незаслуженно отбирает лица общественных выплат, повинно единичное руководство, компания либо непроницаемая закономерность наиболее концепции?

Недостаток точного распределения возможностей среди страны, индивидуальным сектором, а также интернациональными организациями приводит к дисбалансу, присутствию, котором индивидуальные компании, по сути, станут «четвертой ветвью власти», никак не подотчетной ни избирателям, ни судам. Они владеют господством в отсутствии легитимности, приобретенной посредством демократических операций, а также в отсутствии концепций сдержек, а также противовесов, свойственных муниципальным учреждениям. Их мировой характер дает возможность им избегать с юрисдикции отдельных государственных стран, то, что еще более усложняет задачу контролирования. Нынешнее требование состоит не только лишь в сохранении равновесия среди 3 традиционных ветвей власти, но и в потребности внести в данную концепцию новейших всемогущих условий, разработав с целью их граница прозрачности, подотчетности, а также социального контролирования, сравнимые вместе с этими, то, что исторически используются к стране [4].

Помимо этого, увеличение международных угроз – таких как климатические кризисы, пандемии, кибератаки, а также миграционные потоки – потребует наиболее эластичных, а также координированных решений, то, что в некоторых случаях приводит к перераспределению возможностей в пользу интернациональных учреждений либо наднациональных структур. Данные призывы, согласно своей природе, пренебрегают муниципальные пределы, а также продуктивно противодействовать им в один никак не способен никакой один, в том числе и наиболее могущественное правительство.

В результате суверенные правительства вынуждены делегировать часть своих полномочий – в сферах регулирования, стандартизации, координации политики и даже правоприменения – наднациональным органам, которые действуют в интересах коллективной безопасности и стабильности. Это создает новую, глобальную плоскость, на которой происходит разделение властей, но уже не внутри государства, а между государством и внешними институтами [9].

Это ставит под сомнение классическую модель разделения властей, основанную на национальном суверенитете. Традиционная модель Монтескье предполагала четкую иерархию и баланс внутри замкнутой политической системы национального государства. Однако в условиях глобализации и передачи полномочий на наднациональный уровень возникает сложная многоуровневая система управления, где власть рассредоточена между местными, национальными, региональными и глобальными институтами. В этой системе классические ветви власти национального государства – парламент, правительство, суды – вынуждены делить влияние и авторитет. В результате принцип разделения властей трансформируется в проблему разделения суверенитета и поиска нового баланса между эффективностью международного сотрудничества, необходимого для выживания, и демократической легитимностью, остающейся в своей основе национальной. Возникает парадокс: для защиты своих граждан государства должны добровольно ограничить собственный суверенитет, передав часть властных функций структурам, чья подотчетность этим самым гражданам является опосредованной и неочевидной.

Однако вместо отказа от принципа разделения властей современность требует его адаптации и модернизации. Суть этого принципа – предотвращение узурпации власти и защита свобод – остается актуальной как никогда, но его институциональное воплощение должно эволюционировать вслед за изменениями в технологиях, обществе и глобальной политике. Это означает не демонтаж классической триады – законодательной, исполнительной и судебной власти, – а ее дополнение новыми элементами и создание дополнительных контуров контроля, способных реагировать на вызовы XXI века. Модернизация направлена на то, чтобы система сдержек и противовесов работала не только между ветвями власти, но и в отношении новых центров влияния, будь то цифровые платформы, транснациональные корпорации или технократические органы [5].

Следует создавать новейшие механизмы сдержек, а также противовесов, учитывающие числовую действительность – к примеру, самостоятельные регуляторы по контролю за ИИ, парламентские комитеты по цифровым правам, прозрачные алгоритмические аудиты. Правительство алгоритмов, крупных данных, а также синтетического умственные способности на сегодняшний день сравнима вместе с классической общегосударственной господством, однако зачастую имеется за пределами ее демократического контролирования. По этой причине традиционное распределение воли должно быть расширено за счет формирования специальных самостоятельных организаций, наделенных возможностями согласно надзору за цифровой областью. Парламентские комитеты обязаны совершенствовать экспертизу с целью осознанного регулирования технологий, а неотъемлемые алгоритмические аудиты – аналогично экономическим либо экологическим проверкам – обязаны гарантировать ясность, а также подотчетность заключений, оказывающих большое влияние в участии людей. Это институционализирует надзор над новой, «четвертой» властью – господством научно-технических гигантов, а также непростых числовых концепций.

Укрепление гражданского общества, свободы прессы и правозащитных организаций также становится неотъемлемой частью новой системы контроля. В условиях, когда формальные институты могут отставать или испытывать давление, независимые СМИ, активистские и правозащитные сети выступают в роли жизненно важного внешнего контролера. Они выполняют функцию «сигнальной системы», выявляя злоупотребления как в традиционных ветвях власти, так и в новых цифровых и наднациональных сферах.

Их значимость видоизменяется из наблюдателя в интенсивного соучастника концепции сдержек, а также противовесов, чья законность сформирована никак не в мандате избирателей, а в нравственной авторитетности, экспертизе, а также приверженности социальным увлечениям. Помощь их независимости и становится такой же значимой проблемой страны, равно как, а также сохранение равновесия между своими собственными институтами [6].

Помимо этого, немаловажно совершенствовать конституциональную цивилизацию из числа людей – представление того, то, что разделение властей – это никак не просто адвокатская система, а активная система охраны независимости. Стабильность целой концепции, в окончательном счете, находится в зависимости с сознательной помощи людей. Это потребует непрерывного законного просвещения, что поясняло бы, как обоюдный надзор властей мешает произволу, по какой причине самостоятельный судебный процесс либо независимая пресса значимы с целью любого, а также как новейшие научно-технические опасности имеют все шансы разрушать демократические завоевания. Такого рода аспект создает не пассивных наблюдателей, а отвечающих носителей суверенитета, сподручных предъявлять требования отчетности от всех средоточий правительству – как старых, таким образом, а также новейших. Только лишь если правило распределения властей делается составляющей социальной культуры, а также общественного правосознания, он обретает подлинную силу, а также умение приспособиться к различным призывам, оставаясь основным гарантом независимости, а также человеческого достоинства.

В завершение подчеркнем, что правило распределения властей не устарел, однако потребует переосмысления в обстоятельствах глобализации, цифровизации, а также общественно-политической поляризации. Его базовая задача – устранение деспотизма посредством распределения, а также обоюдный надзор властных возможностей – остается базисным кремнем беспрепятственного сообщества. Но на сегодняшний день этот принцип встречается вместе с небывалыми призывами: международные компании, а также числовые платформы функционируют сверх государственных пределов, методы получают постановления, касающиеся полномочия миллионов, а социальное обсуждение вопроса зачастую фрагментируется в эхо-камерах общественных сетей. Данные реалии никак не аннулируют потребность распределения властей, однако настойчиво призывают его расширительного объяснения, а также использования к новым центрам влияния, какие исторически никак не вписывались в традиционную триаду [10].

Его поддержка, а также развитие – гарантия стабильности демократии. Демократичное устройство, базирующееся в устаревших либо оцепенелых институтах, делается чувствительным для упадков, а также манипуляций. По этой причине развитие принципа – это не признак бессилия, а подтверждение его жизнеспособности. Стабильность добывается через умение концепции к адаптации: формирование новейших присматриваемых организаций, антропофуизм классических вузов числовой зоной ответственности, формирование интернациональных законных элементов с целью контролирования надо массовыми игроками. В отсутствии такого рода развития внешнее распределение воль способен сохраниться, однако его сущность – настоящий надзор над сосредоточением правительству – станет размыта, то, что установит под угрозу сами основные принципы демократического управления.

Только лишь посредством непрерывное развитие институциональных элементов, увеличение прозрачности, а также привлечение людей возможно гарантировать, для того чтобы правительство сохранилась не только разделенной, но и ответственной пред народом. Подобным способом, перспективу принципа распределения властей находится в зависимости с 3-х взаимозависимых компонентов. Во-первых, данное институциональное развитие – смелый, а также креативный аспект к проектированию государственных, а также надгосударственных организаций, сподручных продуктивно ограничивать равно как классические отрасли правительству, таким образом, а также новейшие фигуры власти. Во-вторых, это бескомпромиссная прозрачность, в особенности в областях, в каком месте постановления берутся методами либо в замкнутых коллективных текстах; правительство, тайная в «черном ящике», согласно собственной натуре никак не способен являться подконтрольной. А также, в конечном итоге, в-третьих, это интенсивное, а также информированное привлечение людей, какие посредством избрания, социальный надзор, правозащитную работа, а также обыденную гражданскую осознанность обозначают окончательными бенефициарами, а также высшими посредниками данной трудной концепции.

Лишь синтез этих условий превращает разделение властей из исторической правовой доктрины в живой и действенный инструмент, гарантирующий, что любая власть – где бы и в какой форме она ни проявлялась – неизменно служила человеку и оставалась перед ним в ответе.

Список литературы

1. Авилов, С.А. Принцип разделения властей в отечественной государственно-правовой теории и практике / С.А. Авилов // Научные исследования и разработки: новое и актуальное: материалы X Международной научно-практической конференции. В 2 частях. Ростов-на-Дону, 2021. С. 716-719.

2. Комарова, В.В. Конституционная реформа 2020 г. в России (некоторые аспекты) / В.В. Комарова // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 8. С. 22-31.

3. Стеничкин, Н.Г. Обеспечение независимости и самостоятельности судебной власти в контексте конституционной реформы 2020 года / Н.Г. Стеничкин // Lex Russica. 2020. № 5. С. 41-52.
4. Грудинин, Н.С. Перспективы укрепления системы разделения властей в России в свете конституционной реформы 2020 г. / Н.С. Грудинин // Вестник Московского университета МВД России. 2020. №5. С. 43-45.
5. Макашова, А.А. Принцип разделения властей как основа организации государственной власти / А.А. Макашова // Молодой ученый. 2020. №44 (334). С. 256-259.
6. Кундакчян, Е.А. О некоторых проблемах реализации принципа разделения властей и механизма сдержек и противовесов в современной России / Е.А. Кундакчян // Научные записки молодых исследователей. 2022. № 10 (6). С. 50-59.
7. Чирикин, В.А. Особенности правового принципа «разделения властей» / В.А. Чирикин // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 348-349.
8. Команджаев, Е.А., Багдаева, В.Б., Шалхакова, Д.С., Адьяева, Б.А. Проблемы реализации принципа разделения властей в России / Е.А. Команджаев, В.Б. Багдаева, Д.С. Шалхакова, Б.А. Адьяева // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12, № 6А. С. 42-51.
9. Калашникова, В.А. Конституционный принцип разделения властей и проблемы его реализации в Российской Федерации / В.А. Калашникова // Актуальные проблемы юриспруденции. М.: Издательский центр РИОР, 2022. С. 83-88.
10. Шляков, В.С. Проблема разделения властей в современной России: теория и практика реализации / В.С. Шляков // Право и правосудие в современном мире: актуальные проблемы теории, истории, государственного управления и правоохранительной деятельности: сборник научных статей по результатам работы IX студенческой ежегодной научной конференции с международным участием. Санкт-Петербург, 2021. С. 67-72.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕР ПОДДЕРЖКИ НАСЕЛЕНИЯ

Баранова Элина Андреевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
13.e.ab@mail.ru

Голендухина Милена Алексеевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
milena02krsk@mail.ru

Научный руководитель: Ткаченко Анна Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
annavl.tkachenko@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу правовых основ и практических мер реализации социальной политики в Российской Федерации с акцентом на оценку эффективности ключевых мер поддержки населения. Оценка проводится на основе официальных статистических данных Росстата и контрольно-счетных органов. Исследование базируется на нормах Конституции РФ, закрепляющих статус Российской Федерации как социального государства, и детально рассматривает современное состояние отраслевого законодательства. Одновременно в статье выявляются проблемы, снижающие результативность мер по реализации социальной политики в стране.

Ключевые слова: социальная политика, государственная поддержка, развитие общества, правовое регулирование, социальные услуги, социальное государство

Социальная политика Российской Федерации, будучи одной из ключевых сфер государственного управления, направлена на обеспечение устойчивого развития общества и повышения благосостояния граждан. Ее эффективность напрямую зависит от качества правового регулирования и практической реализации мер поддержки населения.

На сегодняшний день правовая база социальной политики Российской Федерации представлена комплексом нормативных актов. Особую роль играют такие основополагающие нормативные правовые акты, как Федеральный закон от 29.12.2010 №442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», Федеральный закон от 17.07.1999 №178-ФЗ «О государственной социальной помощи», а также Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

Фундаментальные принципы и задачи социальной политики нашего государства закреплены в Конституции Российской Федерации, согласно которой «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [1]. В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты». Указанная конституционная норма является ключевой для развития всего комплекса правовых институтов, регулирующих сферу социальной защиты.

По мнению российского ученого-правоведа, доктора юридических наук Сурена Адибековича Авакьяна, социальная политика включает в себя институты, направленные на удовлетворение потребностей и интересов населения. Она является показателем эволюции общества и государства в сферах: экономического, социального, правового развития. Исходя

из этого, к основополагающим направлениям социальной политики важно, преимущественно, относить:

1. Охрана труда и здоровья населения. В соответствии со статистикой Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), ежегодно около трех миллионов граждан подвергаются риску получения заболеваний от профессиональной деятельности, таких как: респираторные заболевания, онкологические, сердечно-сосудистые патологии и многие другие, вызванные неблагоприятными условиями труда. Рациональная и наиболее эффективная система охраны труда должна включать в себя не только правовое регулирование, но и надзор и контроль со стороны органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также активное участие работодателей по созданию наиболее благоприятных условий и безопасных рабочих мест. Немаловажной ролью является улучшение информирования работников о потенциальных опасностях и способах их предотвращения.

2. Государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства. Она играет немаловажную роль в формировании стабильного демографического и социального климата. Предоставление финансовой помощи, льгот и социальных услуг семьям с детьми, в особенности молодым и многодетным, способствует снижению уровня бедности и обеспечению достойного уровня жизни будущего поколения.

3. Помощь малоимущим и особо нуждающимся в социальной защите категориям населения (в частности, инвалидам и пенсионерам). Особое внимание уделяется разработке и особое внимание уделяется разработке и внедрение программ реабилитации для инвалидов, направленных на их интеграцию в общественную жизнь с максимальной возможностью самостоятельности. Согласно статистике: доля населения, которая получает социальную поддержку продолжает расти, что демонстрирует необходимость тщательного совершенствования механизма социальной защиты.

4. Развитие системы социального обслуживания граждан. Существенно важно, чтобы установленные государством пособия, пенсии и МРОТ соответствовали «потребительской корзине» [2].

По мнению профессора Т.Я. Хабриевой, социальное законодательство в настоящий момент охватывает не только традиционное законодательство, но и новые законодательные отрасли и межотраслевые правовые комплексы (здравоохранение, наука и образование, культура и спорт, миграционные и межнациональные отношения). Дифференциация социального законодательства содействуют такие непосредственные факторы, как: 1) закономерности общественного развития; 2) факторы внешнего воздействия [3].

Реализация социальной политики в Российской Федерации – это системный и многоуровневый процесс, который направлен на гарантию обеспечения социального благополучия населения, устранения социального неравенства и формирования условий для стабильного развития общества. Процесс реализации воплощается через ряд государственных институтов и программ, охватывающих сферы: образование, здравоохранение, социальное обеспечение, занятость населения и жилищную политику [5]. Вопреки значительным усилиям, практика реализации социальной политики в Российской Федерации сталкивается с рядом вызовов и угроз. К ним можно отнести демографические проблемы, необходимость повышения эффективности бюджетных расходов на социальные нужды и адаптация к меняющимся экономическим условиям. Проект развития связан с дальнейшим совершенствованием различных механизмов инновационного развития и цифровизации государственных услуг в ряде социальной поддержки, развитием частно-государственного партнерства в социальной сфере и акцентом на стратегию государства в решении социальных проблем.

Фундаментальной проблемой является неравенство в уровне и качестве предоставления социальных услуг между регионами. Существенный разрыв в бюджетной обеспеченности субъектов РФ приводит к дифференциации в финансировании социальной поддержки. Согласно данным Росстата за 2024-2025 год, коэффициент дифференциации доходов населения между регионами превышает 5 раз. Это отражается в доступности и

качестве социальной инфраструктуры, создавая территориальную социальную несправедливость и стимулируя внутреннюю миграцию, которая дополнительно напрягает социальные системы угнетенных регионов [4].

Низкая эффективность системы точечной социальной поддержки также продолжает быть проблемным аспектом. По оценкам Счетной палаты Российской Федерации, большая часть социальных выплат продолжает носить всеохватывающий характер, не фокусируясь на наиболее уязвимых слоях населения, что снижает фискальную эффективность расходов. Таким образом, это часто сочетается с проблемой неполного охвата нуждающихся семей, что связано с недостатками в нормативно-правовой базе, а также с низкой грамотностью населения.

Подводя итог вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что правовое регулирование и практика реализации социальной политики в Российской Федерации позволяет свидетельствовать о наличии сложившейся, но находящейся в процессе постоянной адаптации системы поддержки населения. Нормативно-правовая база социальной политики, базирующаяся на основополагающих законах, образует комплексный и многосторонний фундамент. Однако ключевой проблемой остается согласованность многочисленных правовых актов и их эффективная имплементация на региональном уровне, где нередко возникают коллизии и пробелы.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята 12 декабря 1993 г. всенародным голосованием [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Авакьян, С.А. Муниципальное право России: учебник [отв. ред. С.А. Авакьян]. М.: Проспект, 2019. 544 с.
3. Хабриева, Т.Я. Основные векторы и проблемы развития социального законодательства / Хабриева Т.Я. // Журнал российского права. 2024. № 8 (212). С. 5-15
4. Блохина, И.М. Социальная политика и ее основные направления в Российской Федерации / Блохина И.М. // Вестник Академии знаний № 44 (3), 2021. С. 56.
5. Дашин, А. В. Особенности правового регулирования системы социального обеспечения в России / А. В. Дашин // Наука XXI века: актуальные направления развития. – 2025. – № 1–2. – С. 367–371.

ПРАВО СОБИРАТЬСЯ МИРНО: ПОЧЕМУ МИТИНГИ ЧАСТО ЗАПРЕЩАЮТ?

Битюкова Екатерина Юрьевна, студентка

Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева (Центральный филиал), Воронеж, Россия

bitukovaekaterina30@gmail.ru

Научный руководитель: Дегтярева Леся Николаевна, кандидат юридических наук, доцент

Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева (Центральный филиал), Воронеж, Россия

alex.d.36@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию причин и механизмов, обуславливающих высокую частоту отказов в проведении публичных мероприятий в Российской Федерации. Рассматривается противоречие между конституционными гарантиями свободы собраний и реальной правоприменительной практикой. Проанализированы международные критерии допустимого ограничения этого права, зафиксированные в статье 11 Европейской конвенции по правам человека, и выявлены расхождения с отечественным законодательным регулированием. Особое внимание уделено таким системным проблемам, как широкие дискреционные полномочия административных органов, чрезмерная детализация правил о местах проведения акций и непропорциональность юридической ответственности организаторов. Сделан вывод, что практика запретов зачастую обусловлена не реальной угрозой общественному порядку, а подменой уведомительного порядка разрешительным и расширительным толкованием ограничительных норм.

Ключевые слова: мирные собрания, публичные мероприятия, согласование митингов, конституционные права, пределы ограничений, правоприменительная практика.

Конституция Российской Федерации в статье 31 закрепляет право граждан собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование [1]. Эта норма традиционно рассматривается как один из ключевых индикаторов зрелости гражданского общества и демократичности политического режима. Однако статистика отказов в согласовании публичных мероприятий, а также последующее привлечение их участников к административной и даже уголовной ответственности позволяют говорить о наличии устойчивого разрыва между формально-юридическим содержанием права и его фактическим осуществлением. Возникает закономерный вопрос: почему при формально закреплённом уведомительном порядке проведения акций граждане столь часто сталкиваются с запретами, а реализация конституционной гарантии превращается в трудноразрешимую проблему?

Для ответа на этот вопрос необходимо проанализировать системные факторы, обуславливающие высокую частоту отказов в проведении публичных мероприятий в России. Сложившаяся ситуация является не случайностью и не следствием исключительных обстоятельств, а закономерным результатом взаимодействия трех групп факторов: дефектов законодательной техники, создающих почву для широкого административного усмотрения; особенностей правоприменительной практики, ориентированной на минимизацию публичной активности и политического контекста, в котором применяются правовые нормы.

Федеральный закон от 19 июня 2004 года № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» формально закрепляет уведомительный порядок проведения публичных мероприятий. Согласно статье 7 Закона, организатор направляет уведомление о проведении мероприятия, а орган публичной власти не разрешает или запрещает акцию, а лишь получает информацию о ее подготовке [2]. Однако анализ законодательных положений и практики их применения позволяет утверждать, что

уведомительный принцип трансформировался в разрешительный. Закон не содержит исчерпывающего перечня оснований для отказа в согласовании мероприятия, что открывает возможность для широкого толкования таких оценочных категорий, как «угроза общественному порядку», «помехи движению транспорта» или «несоответствие места проведения». Указанная неопределенность позволяет органам власти произвольно определять судьбу уведомлений. На практике это означает, что чиновник получает практически неограниченную дискрецию: он может отказать, сославшись на гипотетическую угрозу транспортному коллапсу или на совпадение с другими, порой также несуществующими, мероприятиями. Подобный отказ не позиционируется как прямой запрет, хотя он полностью ограничивает возможность проведения акции, поскольку любая, даже самая мирная, инициатива, которая не прошла процедуру согласования, автоматически обретает статус противоправного деяния, что влечет за собой соответствующие правовые последствия [3].

Проблема также существует в том, что регионы получили от федерального центра широкие полномочия, например, самостоятельно устанавливать площадки, где акции разрешены, а где запрещены или ограничены. Такое распределение приводит к тому, что в целом ряде субъектов реализовать конституционное право на собрания становится почти невозможно: в крупных городах обычно не найти ни одной подходящей территории для митинга или шествия, которая не подпадала бы под региональные запреты, а значит, что любая попытка проведения публичного мероприятия автоматически оказывается несогласованной.

В современной России все чаще наблюдается расхождение юридических и фактических обстоятельств при реализации конституционного права граждан на проведение митингов. В рамках закона должен действовать уведомительный порядок – то есть необходимо заранее сообщать властям, что планируется проведение митинга или шествия, и они это принимают к сведению. Но в реальности все превращается в разрешительную систему, когда без их явного одобрения ничего провести нельзя. Самое главное здесь то, что вместо того, чтобы реально проверять, создаст ли мероприятие угрозу общественному порядку, безопасности людей или движению транспорта, чиновники чаще всего смотрят только на то, все ли документы правильно заполнены и все ли сроки соблюдены.

Обычно отказы приходят по одним и тем же причинам: где-то идут ремонтные работы, в это же время запланировано другое мероприятие, площадка занята или перегружена, – этих аргументов хватает, чтобы отказ был законным. При этом никому не нужно доказывать, что проблемы действительно существуют и влияют на возможность проведения публичного мероприятия. Более того, при попытке восстановить нарушенное конституционное право на проведение митинга в судебном порядке, граждане сталкиваются с тем, что суды почти никогда не проверяют, правомерны ли эти ограничения и действительно ли нельзя было найти решение в данной ситуации. Подтверждением могут выступать материалы судебной практики по делам о нарушениях порядка проведения публичных мероприятий [4].

При этом критерий мирного характера собрания, который является конституционно значимым, подменяется формальным критерием наличия или отсутствия разрешительной визы чиновника. Мотивировочная часть судебных актов зачастую носит шаблонный характер, не содержит анализа доводов защиты о несоразмерности примененных мер или о нарушении порядка привлечения к ответственности. Примечательно, что суды при вынесении решений опираются исключительно на протоколы и рапорты сотрудников полиции, относясь к ним как к заранее установленным доказательствам, обладающим большей юридической силой, нежели доказательства защиты. Штрафные санкции по статье 20.2 КоАП РФ носят многотысячный характер, а в ряде случаев предусматривают административный арест. При этом правоприменительная практика идет по пути назначения максимальных санкций, а также квалификации действий участников по совокупности с иными составами (например, неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции по статье 19.3 КоАП РФ).

Уникальным для европейского правопорядка является существование статьи 212.1 Уголовного кодекса РФ, устанавливающей ответственность за неоднократное нарушение правил проведения публичных мероприятий [5]. Указанная норма подвергается обоснованной критике в доктрине за криминализацию деяний, не представляющих высокой общественной опасности, и за возможность привлечения к уголовной ответственности за административные правонарушения, что ставит под сомнение соблюдение принципа пропорциональности. Несомненно, это приводит к пассивности граждан в реализации своих конституционных прав в исследуемой сфере.

Нельзя игнорировать и политический контекст, в котором применяются правовые нормы. Участники судебных процессов и независимые эксперты неоднократно отмечали, что решения о согласовании акций зависят не столько от буквы закона, сколько от политической конъюнктуры. Это порождает феномен «двойных стандартов»: мероприятия, инициируемые или поддерживаемые властью, получают безусловное одобрение, в то время как оппозиционные акции сталкиваются с административными барьерами [6].

Резюмируя вышесказанное, обратим внимание на растущую практику минимизации публичной активности граждан в современной России. Международные критерии необходимости и соразмерности ограничений фактически игнорируются в пользу упрощенной схемы: любое отклонение от формальных требований влечет запрет, а любое несогласованное действие — наказание. Региональное нормотворчество создает дополнительные барьеры, а судебная система не обеспечивает эффективной защиты конституционного права. В этих условиях свобода мирных собраний из реальной гарантии превращается в декларацию, реализация которой зависит не от закона, а от усмотрения чиновников и политической целесообразности [7]. Преодоление сложившейся ситуации видится не в косметических поправках, а в фундаментальном пересмотре подходов к дискреции властей, создании четких и непротиворечивых критериев для оценки уведомлений, восстановлении реальной, а не декларативной, судебной защиты и приведении законодательства и правоприменительной практики в соответствие с международными стандартами, которые Россия обязалась соблюдать. Только реализация этих мер способна обеспечить превращение статьи 31 Конституции РФ из формальной декларации в реально действующую гарантию, позволяющую гражданам реализовывать свое право на коллективное выражение мнения в рамках правового поля и цивилизованного диалога с государством.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Российская газета. 1993. № 237. 25 декабря.
2. О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях: федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 25. Ст. 2485.
3. Авакьян, С.А. Конституционное право России. Учебный курс: учебное пособие: в 2 томах. Том 1 / С.А. Авакьян. // 7-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2026. 864 с.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 20.02.2026, с изм. и доп., вступ. в силу с 03.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1. — Текст: электронный // URL: <https://www.consultant.ru/document/> (дата обращения 05.03.2026)
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
6. Кондрашев, А.А. Свобода собраний в России: системные дефекты законодательства и политико-правовая практика / А.А. Кондрашев // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 6 (121). С. 24-44.
7. Евлоев, И.М. Конституционное право на свободу собраний и его законодательные ограничения / И.М. Евлоев // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 3. С. 46-47.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ВОЗДУШНОГО ФЛОТА РОССИИ

Веревкина Алина Николаевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

alyatrey@mail.ru

Непомнящий Даниил Евгеньевич, студент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

peromnyashchiy2025@gmail.com

Научный руководитель: Бородин Игорь Анатольевич, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

igoriborodin@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена правовым аспектам модернизации гражданской авиации России в условиях санкций и курса на технологический суверенитет. Проводится анализ нормативной базы импортозамещения, вопросы сертификации отечественных компонентов и легализацию процедур поддержания летной годности иностранного флота. Рассматривается опыт международного сотрудничества с Индией. Предложены законодательные меры по внедрению «регуляторных песочниц» и развитию авиационного лизинга для ускорения обновления парка воздушных судов.

Ключевые слова: гражданская авиация, воздушный флот, технологический суверенитет, импортозамещение, Воздушный кодекс РФ, сертификация, летная годности, санкции

Российская гражданская авиация в настоящее время переживает трансформацию, которая обусловлена стремлением к технологическому суверенитету в сложной обстановке жестких санкций. Воздушный транспорт играет для России не только важную роль в экономической инфраструктуре, но и является ключевым фактором обеспечения ее территориальной целостности и национальной безопасности. В последние годы правовое регулирование этой отрасли прошло значительные преобразования, адаптируясь к современным условиям, в которых ключевым направлением развития стала глубокая модернизация и замена импортируемых авиационных комплексов.

В качестве ключевого элемента правовой базы этих процессов служит Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 года № 60-ФЗ [1]. Данный кодекс устанавливает основные принципы, регулирующие использование воздушного пространства и деятельность в сфере авиации. Чтобы осуществить масштабное обновление флота, понадобилось принять специальные акты, в числе которых Федеральный закон «О государственном регулировании развития авиации» от 08.01.1998 N 10-ФЗ [2] и ряд постановлений Правительства, определяющих стратегические направления развития отрасли. В правовом поле авиации особое значение имеют Федеральные правила использования воздушного пространства и Федеральные авиационные правила, которые составляют основу подзаконного регулирования. Помимо них, к числу иных нормативных актов данного уровня относятся указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, а также ведомственные акты федеральных органов исполнительной власти, затрагивающие вопросы авиационного строительства.

Центральным программным документом, который устанавливает правовые и экономические рамки отраслевого развития, служит Комплексная программа развития авиационной отрасли Российской Федерации до 2030 года, одобренная распоряжением Правительства РФ от 25 июня 2022 г. № 1693-р [3]. Этот акт фиксирует не только целевые показатели производства воздушных судов, но и юридические инструменты государственной поддержки производителей и эксплуатантов. Программой предусматривается смещение акцента от использования преимущественно зарубежной техники к широкомасштабному

применению российских моделей, что влечет необходимость пересмотра подходов к процедурам сертификации, технического обслуживания и обеспечения эксплуатационной пригодности.

На текущий момент в России продолжают эксплуатироваться магистральные самолеты семейств Airbus и Boeing, правовой статус которых в условиях санкций был урегулирован специальными правительственными декретами, позволившими осуществлять эксплуатацию судов, находящихся в иностранном лизинге. В настоящее время стратегический курс направлен на увеличение доли отечественных лайнеров. Корпорация ПАО «ОАК» одна из крупнейших интегрированных структур в авиационной промышленности, ведет разработку целого ряда новых моделей: Sukhoi Superjet 100, MC-21 с двигателями нового поколения ПД-14, а также региональный Ил-114-300. Вместе с тем, проекты пока не являются полностью независимыми от зарубежных поставок: изначально они создавались в кооперации с мировыми лидерами. К примеру, комплектацию SSJ 100 обеспечивала компания Liebherr Aerospace, а MC-21 оснащался двигателями Pratt and Whitney и системой кондиционирования Hamilton Sundstrand [4, с. 45].

Юридическая составляющая модернизации воздушного флота сталкивается с рядом системных проблем. Одной из наиболее острых является вопрос сертификации импортозамещенных компонентов. Федеральные авиационные правила (ФАП-21), регулирующие порядок сертификации типа и одобрения комплектующих изделий, требуют высокого уровня гармонизации с международными стандартами для обеспечения безопасности полетов, однако в условиях изоляции от западных регуляторов, таких как EASA и FAA (European Union Aviation Safety Agency и Federal Aviation Administration), российское правовое поле вынуждено формировать собственные, автономные критерии признания летной годности. Это создает определенные барьеры для международного признания российских сертификатов в будущем. Проблема усугубляется необходимостью легализации процессов так называемого «обратного инжиниринга» и использования неоригинальных запчастей при обслуживании оставшегося иностранного флота.

В условиях дефицита оригинальных комплектующих критическое значение приобрело Постановление Правительства РФ от 26 декабря 2022 г. № 2435 [5], которое внесло изменения в особый порядок эксплуатации гражданских судов и фактически легализовало практику «каннибализации» – санкционированного снятия исправных компонентов с одних воздушных судов для их последующей установки на другие [6]. С юридической точки зрения такая процедура требует строжайшего соблюдения правил документирования, включая оформление талонов летной годности и паспортов на каждую переустановленную деталь, а также проведение повторных тестов и оценки состояния. Однако массовое применение этого механизма порождает серьезные правовые риски, связанные с невозможностью полноценного отслеживания истории эксплуатации в соответствии со стандартами ИКАО, что ставит под вопрос легитимность таких судов на международном рынке. Кроме того, возникают коллизии в сфере авиационного страхования и гражданско-правовой ответственности в случае авиационных инцидентов, причиной которых может стать отказ «переставленного» компонента, что требует дальнейшей детальной правовой регламентации для исключения рисков уголовной и административной ответственности эксплуатантов.

Международный аспект модернизации авиапарка находит свое отражение в укреплении связей с дружественными государствами, среди которых особое место занимает Индия. В октябре 2025 года между странами было подписано знаковое соглашение о совместном производстве и сборке самолетов SJ-100 на территории Индии, что открывает новые юридические горизонты для экспорта российских авиационных технологий [7]. Такое сотрудничество базируется на межправительственных соглашениях о поощрении и взаимной защите инвестиций, а также на специальных протоколах о военно-техническом и гражданском сотрудничестве. Юридическая база этих отношений позволяет не только обходить санкционные ограничения через создание совместных предприятий, но и

формировать альтернативные системы сертификации и контроля качества в рамках объединения БРИКС. Индийский опыт локализации авиационного производства, накопленный корпорацией HAL (Hindustan Aeronautics Limited), в сочетании с российскими конструкторскими решениями, создает прецедент формирования многополярного рынка гражданской авиатехники, где правовое регулирование основывается на двустороннем доверии и общих технических регламентах.

Для ускорения процесса перехода к чисто российскому флоту представляется необходимым реализовать комплекс мер правового и организационного характера. Прежде всего, требуется упрощение процедур сертификации для предприятий, внедряющих инновационные отечественные разработки, путем введения «регуляторных песочниц» в авиастроении. Юридической основой для этого выступает Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 258-ФЗ [8], который позволяет временно отступать от жестких общепринятых правил для ускоренного тестирования новых технологий и материалов. На законодательном уровне целесообразно закрепить обязательные квоты для российских авиакомпаний на приобретение отечественной техники при получении государственных субсидий на перевозки. Кроме того, необходимо совершенствовать лизинговое законодательство, создавая налоговые преференции для сделок с участием российских бортов, что сделает их эксплуатацию более экономически привлекательной по сравнению с поддержанием стареющего иностранного парка. Важным шагом должно стать создание единого правового центра компетенций по поддержанию летной годности, который взял бы на себя юридическое сопровождение эксплуатации судов в условиях дефицита оригинальной документации от разработчиков [9, с. 227-231].

Подводя итог можно сделать вывод о том, что российская гражданская авиация находится в эпицентре правовой и технологической трансформации. Пройденный этап экстренного реагирования на санкции сменяется этапом стратегического планирования, где центральное место занимает развитие собственного производства. Подписанные межправительственные соглашения, в том числе с Индией о совместном выпуске SJ-100, знаменуют собой смену вектора интеграции: от зависимости к равноправному партнерству и созданию альтернативных международных стандартов в рамках БРИКС.

Реализация комплекса предложенных мер – упрощение сертификации через «регуляторные песочницы», совершенствование лизингового законодательства и закрепление квот на отечественную технику – способна придать дополнительный импульс развитию отрасли. Российское право в сфере авиации постепенно перестает быть «догоняющим» по отношению к западным образцам и начинает выполнять функцию ключевого инструмента достижения технологического суверенитета. Дальнейшее совершенствование нормативной базы в этом направлении позволит не только обновить авиапарк, но и обеспечить конкурентоспособность российских юридических и технических стандартов на глобальном рынке будущего.

Список литературы

1. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ (ред. от 28.11.2025). – Текст: электронный // КонсультантПлюс: справочная правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13744/ (дата обращения: 10.02.2026).
2. О государственном регулировании развития авиации: Федеральный закон от 08.01.1998 № 10-ФЗ (ред. от 15.10.2020). – Текст: электронный // КонсультантПлюс: справочная правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17410/ (дата обращения: 11.02.2026).
3. Об утверждении комплексной программы развития авиационной отрасли Российской Федерации до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 25.06.2022 № 1693-р (ред. от 04.05.2024). – Текст: электронный // КонсультантПлюс: справочная правовая

- система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_420200/ (дата обращения: 14.02.2026).
4. Фролова, Е. К. Актуальные проблемы правового регулирования развития авиационной промышленности в условиях трансформации глобальных рынков / Е. К. Фролова. – Текст: электронный // Вестник Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2023. – № 8. – С. 40–50. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-pravovogo-regulirovaniya-razvitiya-aviatsionnoy-promyshlennosti-v-usloviyah-transformatsii-globalnyh-rynkov> (дата обращения: 14.02.2026).
5. О внесении изменений в приложение № 12 к постановлению Правительства Российской Федерации от 12 марта 2022 г. № 353: постановление Правительства РФ от 26.12.2022 № 2435 (ред. от 16.04.2024). – Текст: электронный // КонсультантПлюс: справочная правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_435901/ (дата обращения: 14.02.2026).
6. Россия узаконила «каннибализацию» самолетов. – Текст: электронный // РБК. – 2023. – 16 янв. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/01/2023/63c474fe9a79479fdb90e0e> (дата обращения: 14.02.2026).
7. ОАК подписала договор о производстве Superjet 100 в Индии. – Текст: электронный // РБК. – 2026. – 28 янв. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6979e74d9a7947b8fa23c399> (дата обращения: 14.02.2026).
8. Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ (ред. от 31.07.2025). – Текст: электронный // КонсультантПлюс: справочная правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/ (дата обращения: 14.02.2026).
9. Бордунов, В. Д. Международное воздушное право: учебник / В. Д. Бордунов. – Москва: Научная книга, 2007. – 464 с. – Текст: электронный // – URL: https://200ft.org/library/airlaw/Bordunov_V_D_Mezhdunarodnoe_vozdushnoe_pravo_2007.pdf?ysclid=mltcv8nf2r151412006 (дата обращения: 14.02.2026).

МИРОВЫЕ СУДЫ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ: СТАНОВЛЕНИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Вититников Даниил Александрович, студент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

Sunduk998@mail.ru

Научный руководитель: Трофимова Светлана Алексеевна, кандидат философских наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

trofimovas832@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрена история возникновения мировых судов в Красноярском крае и их развитие. Проанализированы на базе федерального и регионального законодательства, каков фундамент института мировых судей и их компетенция. Определены критерии создания судебных участков, приведена судебная статистика и выявлены проблемы по осуществлению правосудия начального уровня всей судебной системы Российской Федерации.

Ключевые слова: мировой суд, судебные участки, судебная система, институт мировой юстиции, аппарат мирового суда

Мировые суды являются составной частью судебной системы России, это отражено в основном законе нашего государства, в ст. 118 Конституции РФ: «Судебную систему Российской Федерации составляют Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, федеральные суды общей юрисдикции, арбитражные суды, мировые судьи субъектов Российской Федерации».[1] Официальное закрепление данного института получил с принятием ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» 1998 года. Целью создания института мировой юстиции в России являлось максимальное приближение к населению для улучшения доступности правосудия. Создать достаточные условия для реализации каждым лицом, прав на их судебную защиту. Правовую систему мировых судов составляют: ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»: в ч. 4, ст. 4 данного закона говорится, мировые судьи являются судьями общей юрисдикции субъектов Российской Федерации».[2] ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», относит к судам общей юрисдикции субъектов Российской Федерации мировых судей.[3] Важную роль играет Закон «О статусе судей в Российской Федерации», ФЗ «Об общем числе мировых судей и количестве судебных участков в субъектах Российской Федерации», а также нормативно-правовые акты субъектов.

Нормативно-правовая база организации института мировых судей в Красноярском крае начала формироваться в самом конце XX века. Первым значимым актом стал Закон 1999 года «О мировых судьях в Красноярском крае».[4] устанавливающий процедуру подбора кандидатов, условия назначения на должность, продолжительность срока полномочий, организацию аппаратов и материально-техническое обеспечение мировых судей. Вслед за ним последовало Постановление администрации Красноярского края «О структуре аппарата мировых судей», в котором прописывалось численность сотрудников аппарата каждого судебного участка – две штатные единицы плюс дополнительные работники для обслуживания помещений.[5]

Для обеспечения деятельности мировых судов в Красноярском крае по кадровому, финансовому, материально-техническому, и организационному вопросу в 2000 году была создана специальная структура – отдел по обеспечению деятельности мировых судей при Управлении Судебного департамента в Красноярском крае.

С принятием ФЗ «Об общем числе мировых судей и количестве судебных участков в субъектах Российской Федерации», система мировых судов Красноярского края получило

дальнейшее развитие. Согласно ему в Красноярском крае должно было функционировать 133 судебных участка. В 2001 году Законом Красноярского края «О создании судебных участков и должностей мировых судей» были учреждены указанные участки и введено соответствующее количество должностей мировых судей. Территориально участки распределились между 58 районами края таким образом, что там, где предусматривался лишь один судебный участок, его границы совпадали с административными границами конкретного населенного пункта или района.

В 2005 году Постановлением Совета администрации Красноярского края утверждено «Положение об агентстве по обеспечению деятельности мировых судей администрации Красноярского края», согласно которому, Агентство входит в состав исполнительного органа государственной власти Красноярского края, представленной Правительством Красноярского края (ранее называлось Администрацией Красноярского края).[6]

После территориальной реформы в 2007 году, был образован субъект Российской Федерации, путем объединения самого Красноярского края, Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа и Эвенкийского автономного округа. Данная реформа коснулась и мировой юстиции данных регионов. Агентство по обеспечению деятельности мировых судей края реорганизовано путем присоединения к нему службы по обеспечению деятельности мировых судей администрации Эвенкийского автономного округа. Было увеличено количество судебных участков и должностей мировых судей. Был изменен состав аппарата мирового судьи.

В настоящее время в Красноярском крае в соответствии с ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации», судебные участки и должности мировых судей создаются и упраздняются законами субъектов РФ. А также судебные участки создаются из расчета численности населения на одном участке от 15 до 23 тысяч человек. В административно-территориальных образованиях с численностью населения менее 15 тысяч человек создается один судебный участок.[7] Так на основании Закона Красноярского края 2008 года «О создании судебных участков и должностей мировых судей в Красноярском крае», утверждено 167 судебных участков и столько же должностей мирового судьи. Должность мировых судей создается из расчета один судья на один судебный участок. Определено, что в городах и районах, где создано по одному судебному участку, его границы совпадают с границами соответствующего города или района. В приложение 1 указано количество судебных участков, созданных на территории городов, округов и районов Красноярского края, например, согласно данному приложению в городе Красноярске расположено 54 судебных участка, а в нашем центральном районе 6.[8]

Деятельность мировых судов регламентируется ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» и Законом Красноярского края 2006 года «О мировых судьях в Красноярском крае».[9] На базе этих документов можно сделать вывод, что мировые судьи осуществляют правосудие в Красноярском крае именем Российской Федерации. Мировые судьи Красноярского края являются судьями общей юрисдикции Красноярского края, входят в единую судебную систему РФ и обладают статусом, единым со статусом других судей в РФ. Мировые судьи назначаются на должность Законодательным Собранием края по представлению председателя Красноярского краевого суда, основанному на заключении Квалификационной коллегии судей края. Первоначально мировой судья назначается на трехлетний срок. Когда указанный период истекает, бывший судья имеет право повторно представить свою кандидатуру для повторного избрания или назначения. Повторное назначение осуществляется бессрочно, без ограничения продолжительности полномочий. Возрастной предел нахождения в должности мирового судьи установлен на отметке 70 лет.

Основные полномочия мирового судьи включают самостоятельное рассмотрение дел, разбирательство в качестве первой инстанции и пересмотр собственных постановлений в случаях выявления новых обстоятельств после вступления их в законную силу.

Среди категорий дел, подлежащих рассмотрению мировым судом в первой инстанции, выделяются:

- уголовные дела, санкция по которым предусматривает лишение свободы максимум на три года, кроме случаев, перечисленных в ч. 1 ст. 31 УПК РФ;
- дела об административных нарушениях, за исключением тех, что обозначены в ч. 1–2 ст. 23.1 КоАП РФ и нарушений, наказуемых нормами местного законодательства;
- выдача судебных приказов;
- расторжение браков, если супруги не имеют разногласий по поводу детей;
- раздел совместно приобретенной собственности между супругами при сумме иска не выше 50 тысяч рублей;
- имущественные споры (кроме вопросов наследства и интеллектуальных прав), сумма исков по которым не превышает 50 тысяч рублей;
- защита потребительских прав, если цена иска не выходит за пределы 100 тысяч рублей.

Аппарат мирового судьи формируется специально для поддержки осуществления судебных функций мировым судьей. Минимальная численность штата аппарата определяется Правительством края исходя из нормы не меньше трех сотрудников на каждого мирового судью. Вопросы назначения работников аппарата и прекращения их полномочий решает глава Агентства по обеспечению деятельности мировых судей Красноярского края. В состав аппарата входят такие должности, как помощник мирового судьи, секретарь судебного участка и секретарь судебного заседания. Деятельность сотрудников аппарата направлена исключительно на обеспечение эффективной работы конкретного мирового судьи, которым также осуществляется руководство работой своего аппарата.

Организационное обеспечение деятельности мировых судей и их аппаратов входит в компетенцию Агентство по обеспечению деятельности мировых судей Красноярского края. Данное Агентство руководствуется Указом Губернатора Красноярского края 2023 года «Об утверждении Положения об агентстве по обеспечению деятельности мировых судей Красноярского края».[10]

Агентство подчиняется Правительству края и возглавляется руководителем, назначаемым и снимаемым Губернатором края. Задачи Агентства включают организацию работы мировых судей и их аппаратов на территории региона, содействие осуществлению государственной политики в сфере предоставления гражданам бесплатной юридической помощи и прочие направления деятельности. Агентство обладает полномочиями, среди которых проведение мероприятий по организации работы мировых судей и их аппаратов, ведение статистической отчетности, управление документооборотом, хранением, учетом и использованием архивных материалов мировых судей, их аппаратов и самого агентства, а также предоставление помещений для размещения судебных органов и прочее. Стоит подчеркнуть, что понятие "организационного обеспечения деятельности мировых судей и их аппаратов" охватывает кадровые, финансовые, материально-технические, информационные и иные меры поддержки.

В последние годы судьи, как и прежде сталкиваются с огромной нагрузкой при рассмотрении дел и вынесение по ним решения. В таблице 1 отображена судебная статистика рассмотрения мировыми судами Красноярского края уголовных, гражданских дел и дел об административные правонарушения за последние 3 года [11].

Таблица 1 – Сравнение нагрузки мировых судей по годам на примере гражданских дел

Критерий	Количественный показатель				
	2021	2022	2023	2024	2025
Гражданские дела					
Поступило дел	408243	433911	501280	496368	335331

На основании статистики можно заключить, что нагрузка на судей остается значительной, характеризуясь колебаниями, однако начиная с 2024 года отмечается сокращение числа поступающих дел.

Одна из ключевых проблем мировой юстиции заключается в недостаточной независимости мировых судов. Мировые судьи назначаются Законодательным Собранием по рекомендации Краевого суда, принимая во внимание заключение Квалификационной коллегии судей. Этот механизм направлен на поддержание равновесия между разными уровнями и ветвями власти, однако сохраняется влияние исполнительной власти на судебную сферу, что нарушает принцип разделения властей. Дополнительно установлено, что аппарат мирового судьи формируется Агентством по обеспечению деятельности мировых судей Красноярского края. С одной стороны, мировые судьи относятся к судьям общей юрисдикции субъектов РФ, следовательно, регионы вправе участвовать в их деятельности. Однако, с другой стороны, необходимо гарантировать независимость судебной власти от законодательной и исполнительной ветвей власти конкретного субъекта РФ.

Одно из решений проблемы может быть передача обеспечения мировых судов и их аппарата Судебному департаменту, а процедуру назначения мировых судей привести в соответствие с процедурой назначения районных или городских судей, что ко всему прочему поспособствует уменьшению забюрокративности мировых судов и повышению более качественной независимой деятельности мировых судей, обеспечивающей справедливое отправление правосудия.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 26.02.2026).
2. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 29.12.2025) «О судебной системе Российской Федерации» // URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 28.02.2026).
3. Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 № 1-ФКЗ (ред. от 23.07.2025) «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» // URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.03.2026).
4. Закон Красноярского края от 24.12.1999 года № 9-605 «О мировых судьях в Красноярском крае» // URL: <https://docs.cntd.ru/> (дата обращения: 05.03.2026).
5. Постановление администрации Красноярского края от 02.03.2000 года № 145-П «О структуре аппарата мировых судей» // URL: <https://docs.cntd.ru/> (дата обращения: 05.03.2026).
6. Постановление Совета администрации Красноярского края от 05.09.2005 года № 202-п «Об утверждении Положения об агентстве по обеспечению деятельности мировых судей администрации Красноярского края» // URL: <https://docs.cntd.ru/> (дата обращения: 05.03.2026).
7. Федеральный закон от 17.12.1998 № 188-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «О мировых судьях в Российской Федерации» // URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 02.03.2026).
8. Закон Красноярского края от 24.04.2008 № 5-1593 (ред. от 06.02.2025) «О создании судебных участков и должностей мировых судей в Красноярском крае» // URL: <https://docs.cntd.ru/> (дата обращения: 04.03.2026).
9. Закон Красноярского края от 20.06.2006 № 19-4817 (ред. от 21.04.2022) «О мировых судьях в Красноярском крае» // URL: <https://docs.cntd.ru/> (дата обращения: 04.03.2026).
10. Указ Губернатора Красноярского края от 30.03.2023 № 79-уг (ред. от 13.01.2026) «Об утверждении Положения об агентстве по обеспечению деятельности мировых судей Красноярского края» // URL: <https://docs.cntd.ru/> (дата обращения: 04.03.2026).
11. Судебная статистика. Итоги работ мировых судей Красноярского края – URL: <https://ms69.mirsud24.ru/ms/> (дата обращения: 05.03.2026).

ПРОБЛЕМЫ ЛЕГИТИМАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Вититников Даниил Александрович, студент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

Sunduk998@mail.ru

Шавронский Олег Александрович, студент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

o123lgavvv@mail.ru

Научный руководитель: Пономарева Валерия Владимировна, доктор юридических наук, профессор

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

valery_e378he@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена ключевым аспектам легитимации публичной власти в современном российском обществе. Авторы подчеркивает, что помимо формальных правовых оснований, важную роль играют доверие населения, социальная и экономическая эффективность государственной политики, цифровая трансформация госуправления, интеграция гражданского общества в принятие решений, профессиональная репутация чиновников и международное признание.

Ключевые слова: легитимация власти, общественное доверие, эффективная социальная политика, цифровая трансформация, гражданское общество, антикоррупционные меры, международная поддержка

Ключевыми аспектами легитимации публичной власти в современных условиях становятся не только формально-правовые процедуры, но и реальное признание населением права власти на управление. Процесс обретения и сохранения легитимности сталкивается с серьезными трудностями. Одна из ключевых – это постоянная потребность демонстрировать, что принимаемые в обществе и экономике решения действительно эффективны. Огромная проблема заключается в расхождении между тем, чего ожидает население, и тем, как быстро реализуются государственные инициативы. Если реформы не приносят ощутимого и скорого улучшения жизни, это подрывает доверие к органам управления. Таким образом, легитимность напрямую связывается с успешностью социальной политики и способностью государства гарантировать социальное благополучие.

Цифровизация государственного управления также накладывает свой отпечаток на процессы легитимации. С одной стороны, внедрение электронных сервисов делает взаимодействие с властью более удобным и прозрачным. С другой стороны, возникают вопросы цифрового неравенства и сохранности персональных данных, что формирует новые требования к этике и ответственности государственного аппарата в цифровом пространстве. По данным на сентябрь 2025 года, подготовленный Агентством политических и экономических коммуникаций (АПЭК), Москва заняла первое место в Индексе цифровой экосистемы регионов России, набрав 96,76 балла из 100 возможных. В тройку лидеров также вошли Татарстан (89,22) и Санкт-Петербург (82,85). Индекс оценивал уровень цифровизации по таким критериям, как количество онлайн-сервисов, доступных жителям, глубина проникновения цифровых технологий и использование новых решений. Отстающими признали признали Туву (индекс 24,09), Карачаево-Черкессию (28,23), Чукотку (28,51), республики Алтай (28,97) и Ингушетию (30,44).[1]

Информационное сопровождение деятельности власти играет критическую роль в формировании общественного мнения. В эпоху избытка информации и распространения недостоверных данных власти требуется выстраивать более доверительный и прямой диалог

с гражданами. Отсутствие оперативной и аргументированной обратной связи может приводить к искаженному восприятию государственных инициатив.

Важным фактором остается интеграция гражданского общества в процессы принятия решений. Легитимность укрепляется тогда, когда общественные институты, такие как общественные палаты и экспертные советы, не просто присутствуют в системе, но и обладают реальными инструментами влияния на законотворческий и исполнительный процессы. Это позволяет учитывать интересы различных социальных групп и снижать уровень конфликтности в обществе.

Также значимым аспектом является профессионализм и этический облик государственных служащих, которые играют ключевую роль в обеспечении доверия граждан к органам власти. ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» подчеркивает важность антикоррупционной деятельности и строгого соблюдения правовых норм сотрудниками госслужбы.[2] Нарушения принципов справедливости и компетентности отдельными представителями власти негативно отражаются на восприятии всей системы управления государством в целом. Согласно статистическим данным, по ст. 290 УК РФ (получение взятки), было зарегистрировано начиная с 2017 года - 3188 дел и заканчивая декабрем 2022 годом – 5540 дел. Можно сделать вывод, что уровень преступности увеличился на 73.77%.[2]

В современных условиях легитимность также тесно связана с динамикой социокультурных изменений и ценностных трансформаций в обществе. Каждое новое поколение формирует свой запрос к государственным институтам, ориентируясь на актуальные представления о справедливости, свободе и социальном благополучии.

Ключевым фактором долгосрочной стабильности любой политической системы является ее способность оперативно реагировать на чаяния общества, сохраняя при этом преемственность и устойчивость.

Существенная роль отводится экономической состоятельности, служащей материальной основой для доверия к власти. Граждане оценивают эффективность управления через призму реальных улучшений в их жизни: контроль над инфляцией, доступность жилья, развитость инфраструктуры и системы социальной поддержки. Процветающая экономика и справедливое распределение общественных ресурсов способствуют лояльности населения к существующему строю, поскольку видят в нем гарантию собственного благополучия.

Не менее важен символический аспект власти. Государственные праздники, коллективная историческая память, национальная идея и государственная атрибутика выступают мощными объединяющими факторами. Обращаясь к общему прошлому, к победам и свершениям, власть формирует национальное самосознание, которое служит дополнительным источником легитимности, выходящим за рамки простых материальных интересов.

В условиях глобализации легитимность власти также подвержена влиянию международного фактора. Признание на мировой арене, участие в международных объединениях и соблюдение общепринятых норм в различных сферах укрепляют авторитет государства внутри страны. Российская Федерация активно сотрудничает с такими организациями, как ОДКБ, ШОС, БРИКС и многими другими. Взаимосвязь внутренних и внешних условий требует от современного государства постоянного поиска баланса между национальными приоритетами и требованиями глобальной политической арены, что подразумевает высокий уровень стратегического мышления и дипломатического искусства.

В эпоху цифровой трансформации технологическая легитимность приобретает особое значение. Внедрение электронных услуг, прозрачность государственного управления через онлайн-платформы и налаженная система обратной связи с гражданами трансформируют взаимодействие между властью и обществом. Технологии делают управление более быстрым и эффективным, что для современного поколения является показателем компетентности и прогрессивности государственных институтов.

Однако цифровизация порождает и новые вызовы. Скорость распространения информации и формирование сетевых сообществ, требуют от системы повышенной оперативности и способности справляться с постоянным информационным потоком. Успешная коммуникация в медиа пространстве, разъяснение принимаемых решений и эффективная работа с общественным мнением становятся критически важными для поддержания доверия. Правовая преемственность при этом остается неизменной основой.

Фундаментальные конституционные принципы Российской Федерации, включая приоритет прав и свобод человека, народный суверенитет, принцип разделения властей и политический плюрализм, обеспечивают предсказуемость будущего, даже при условии их гибкой адаптации к меняющимся условиям. Эта предсказуемость, основанная на уверенности граждан и бизнеса в стабильности базовых "правил игры", стимулирует инвестиции в человеческий капитал и долгосрочные проекты, что, в свою очередь, укрепляет социальный контракт.

Следовательно, современная политическая устойчивость представляет собой не статичное, а динамичное явление. Она достигается посредством сложного баланса между эффективным экономическим менеджментом, опорой на традиционные ценности, внедрением инноваций и постоянным взаимодействием с обществом. Только комплексное применение этих элементов позволяет системе успешно преодолевать периоды глобальных трансформаций и кризисов, сохраняя при этом свою целостность и стратегический вектор развития³.

Для обеспечения стабильности в нынешних реалиях критически важно развивать человеческий капитал и активно инвестировать в социальную сферу. Образование, здравоохранение и укрепление семейных ценностей формируют внутренний стержень общества, который служит буфером в нестабильные периоды. Когда государство ставит во главу угла благополучие своих граждан, это закладывает прочную основу для их лояльности, которая проистекает из общего интереса и уважения, а не из внешнего давления.

Не менее важным предохранителем является экономический суверенитет. Стимулирование внутреннего производства, разработка собственных финансовых инструментов и поддержка научно-технического прогресса позволяют снизить уязвимость к внешним потрясениям. Способность экономики самостоятельно удовлетворять потребности населения существенно увеличивает ее запас прочности.

Важность культурной политики трудно переоценить. Именно она, оберегая идентичность и историческую память, сплачивает общество на основе общих ценностей. Это, в свою очередь, формирует защиту от разрушительного информационного влияния и внешних попыток разобщения. Когда граждане разделяют единое видение своего прошлого и будущего, любые разногласия внутри страны разрешаются мирно и продуктивно.

В конечном итоге, устойчивость любого государственного строя определяется его умением обновляться, не теряя при этом управляемости. Способность принимать новые идеи, вовлекать одаренную молодежь в управление и оперативно корректировать стратегию, сохраняя при этом свои фундаментальные основы, позволяет обществу двигаться вперед, превращая возникающие проблемы в шансы для качественного развития.

Цифровые преобразования и передовые технологии расширяют возможности для более результативного управления. Они позволяют автоматизировать повторяющиеся задачи и сделать работу государственных органов более открытой и понятной. Разработка интуитивно понятных сервисов для связи между людьми и государством устраняет излишнюю бюрократию, что, в свою очередь, укрепляет доверие общества. В перспективе это может привести к появлению "электронного Правительства", способного оперативно решать проблемы граждан по первому обращению. По данным ООН, Россия на данный момент занимает 43-е место в мире по уровню развития электронного Правительства⁴. Важно помнить, что технологический прогресс должен сопровождаться этическими нормами, чтобы инновации приносили пользу людям, а не превращались в средство надзора.

Связь между научными открытиями и их практическим применением является ключевым фактором развития, определяющим позиции страны в мире в долгосрочной перспективе. Инвестиции в фундаментальные исследования в сочетании с оперативными внедрением практических разработок способствуют созданию продукции с высокой ценностью. Это не только пополняет государственную казну, но и повышает престиж интеллектуальной деятельности, побуждая молодое поколение строить свою карьеру, способствуя развитию своей страны.

Вопросы экологии также приобретают первостепенное значение для обеспечения устойчивого будущего. Согласно ФР «Об охране окружающей среды», ответственное управление природными ресурсами, развитие циклической экономики и восстановление природных ландшафтов представляют собой важные инвестиции в благополучие будущих поколений.[5] Экологически грамотное поведение сегодня обеспечивает экономическую безопасность завтрашнего дня, предотвращая дефицит сырья и снижая вероятность природных бедствий.

Один из способов повышения доверия среди населения к органам власти в рамках антикоррупционной деятельности может выступить полная конфискация имущества как самого осужденного, так и его близких кто был тесно связан с совершением коррупционных преступлений. Для повышения доверия населения в рамках экологической повестки необходимо провести анализ всех действующих предприятий, занимающихся так называемым «грязным» производством, с повышенной загрязняемостью окружающей среды и провести модернизацию их процессов доставки, добычи, производства. По результатам которого уровень загрязнения воды, воздуха, атмосферы, или земли, должен сводится к минимуму.

Таким образом, гармоничное сочетание социальной справедливости, экономической независимости, культурной интеграции и технологического лидерства создает уникальную модель развития. Такая модель ориентирована на долгосрочное процветание, где стабильность является не статичным состоянием, а динамическим процессом постоянного совершенствования и адаптации к меняющемуся миру.

Список литературы

1. Индекс цифровой экосистемы регионов России (ИЦЭР) 17.09.2025 - Текст: электронный // URL: <http://www.apresom.ru/> (дата обращения 05.03.2026).
2. Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 28.12.2025) - Текст: электронный URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 05.03.2026).
3. Информационно-аналитический портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации - Текст: электронный URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.03.2026).
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) - Текст: электронный // URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.03.2026).
5. Исследование ООН: Электронное правительство 2024. «Ускорение цифровой трансформации для устойчивого развития». С дополнением об Искусственном Интеллекте. Департамент по экономическим и социальным вопросам - Текст: электронный // URL: <https://docs.yandex.ru/> (дата обращения: 05.03.2026).
6. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 28.12.2025) - Текст: электронный // URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.03.2026).

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ФИНАНСОВ

Владимирова Екатерина Александровна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

vladimieovaea123456@gmail.com

Научный руководитель: Трофимова Инесса Борисовна, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Росси:

inesdmitrieva@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию региональных аспектов финансового регулирования в контексте реализации стратегии экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. Актуальность работы обусловлена усилением роли субъектов Федерации в обеспечении национальной устойчивости в условиях современных внешних вызовов и санкционного давления. На примере Красноярского края – стратегически важного региона с мощным промышленным и ресурсным потенциалом – рассматриваются ключевые угрозы в финансовой сфере и инструменты их нейтрализации. Таким образом, целью данной статьи является исследование особенностей и разработка ключевых аспектов стратегии финансового регулирования Красноярского края как элемента общероссийской системы экономического регулирования.

Ключевые слова: экономическое регулирование; финансовое регулирование; региональная экономика; Красноярский край; стратегическое планирование; бюджетная устойчивость; санкционные риски

Понятие финансового регулирования многогранно. В контексте данного исследования целесообразно опираться на определение из «Большого экономического словаря» (А.Н. Азрилиян), где оно трактуется как состояние экономики, обеспечивающее достаточный уровень существования и развития РФ, неуязвимость и независимость ее экономических интересов по отношению к возможным угрозам. Научную основу исследования составляют: системный и структурный анализ, позволяющие рассматривать финансовое регулирование края как комплексную систему; сравнительно-правовой анализ для сопоставления региональных норм с общероссийскими стандартами; а также методы статистического анализа для оценки объективных данных о состоянии финансово-бюджетной сферы региона [5].

Красноярский край обладает значительным потенциалом, основанным на добывающей и обрабатывающей промышленности. Однако структура экономики формирует специфические угрозы для его финансового регулирования, имеющие выраженное правовое измерение. Бюджетно-правовые риски сырьевой зависимости. Доходная часть бюджета края в значительной степени формируется за счет налогов, связанных с добычей и экспортом сырья (НДПИ, налог на прибыль). Это делает региональные финансы крайне чувствительными к колебаниям налоговой базы, вызванным внешнеэкономическими факторами. Санкционные ограничения создают прямую угрозу стабильности основных доходных источников, повышая риски несбалансированности бюджета. Риски в сфере бюджетного планирования. Бюджетные инвестиции и налоговые льготы исторически сконцентрированы в сырьевых отраслях. Диверсификация экономики сдерживается недостаточным использованием правовых инструментов стимулирования (специнвестконтракты, инвестиционный налоговый вычет). Это закрепляет зависимость доходной части бюджета от ограниченного круга системообразующих предприятий. Риски для кредитно-финансовой системы. Региональная банковская система, представленная филиалами федеральных банков, подвержена общим санкционным рискам. Нормативные барьеры могут создавать риск снижения финансовой доступности для малого и среднего

бизнеса, ограничивая их вклад в налоговый потенциал территории. Социально-правовые аспекты. Высокое неравенство доходов, монопрофильный характер экономики отдельных территорий создают потенциальные очаги социальной напряженности, что может потребовать экстренных бюджетных расходов, не предусмотренных законом о бюджете [5].

Для нейтрализации выявленных угроз необходима целостная региональная стратегия, реализуемая через механизмы финансового права:

- Диверсификация доходной базы бюджета посредством правового стимулирования

Данное направление является ключевым, так как нацелено на устранение корневой причины угроз - сырьевой зависимости бюджета. Цель - создать устойчивые источники налоговых поступлений. Стратегия реализуется через совершенствование регионального налогового законодательства: использование права субъекта РФ на снижение налоговых ставок по специальным налоговым режимам для не сырьевого сектора; установление инвестиционного налогового вычета по налогу на прибыль для обрабатывающих производств[6].

- Развитие импортозамещающих производств: принятие региональных законов, предоставляющих льготы по налогу на имущество организаций для новых производств.[6]

- Нормативная поддержка МСП: упрощение административных процедур, расширение имущественной поддержки в рамках Федерального закона № 209-ФЗ. Данная стратегия базируется на федеральных документах: Стратегии национальной безопасности (Указ №400)[1], Федеральном законе №172-ФЗ «О стратегическом планировании», национальных проектах.

- Повышение устойчивости бюджетной системы. Включает внедрение следующих правовых механизмов:

- Формирование резервных фондов: законодательное закрепление порядка формирования и использования фондов, аккумулирующих сверхдоходы для использования в периоды спада.[4]

- Программно-целевое бюджетирование: законодательное требование увязки бюджетных ассигнований с достижением стратегических целей госпрограмм.

- Развитие ГЧП: активизация применения регионального закона о ГЧП для снижения прямой долговой нагрузки на бюджет.[6]

- Совершенствование финансового контроля и инфраструктуры. Предполагает усиление эффективности работы региональных контрольных органов (счетная палата, минфин) в части соблюдения бюджетного законодательства [6]. Реализацию региональных программ повышения правовой и финансовой грамотности населения.

Обеспечение финансового регулирования в Красноярском крае представляет собой комплексную задачу, требующую консолидации нормотворческих усилий региональных и федеральных органов власти [1, 2, 4]. Ключевые угрозы носят структурный характер и связаны с сырьевой зависимостью бюджета и недостаточной диверсификацией налоговой базы [5]. Предложенные направления стратегии: диверсификация доходной базы через налоговое стимулирование, повышение бюджетной эффективности через программно-целевые методы, совершенствование финансового контроля – направлены на формирование качественно новой модели бюджетной устойчивости. Их реализация через региональные законы и подзаконные акты позволит минимизировать угрозы и трансформировать потенциальные уязвимости в конкурентные преимущества [6]. Укрепление финансового регулирования Красноярского края станет весомым вкладом в обеспечение экономической устойчивости Российской Федерации в целом.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021г. № 400 – Текст: электронный // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения 05.03.2026).

2. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» 400 – Текст: электронный // URL: <https://base.garant.ru/71672608/> (дата обращения 05.03.2026).

3. «О стратегии экономического развития России» – Текст: электронный // URL: <https://spkurdyumov.ru/economy/o-strategii-ekonomicheskogo-razvitiya-rossii/> (дата обращения 06.03.2026)

4.. Министерство финансов Российской Федерации Москва, 2025 Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов – Текст: электронный // URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2025/10/main/Osnovnye_napravleniya.pdf (дата обращения 05.03.2026).

5. Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республики Хакасия и Республики Тыва – Текст: электронный // URL: <https://24.rosstat.gov.ru/> (дата обращения 05.03.2026).

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ОТРАЖЕНИЕ САНКЦИЙ НА СТАТУСЕ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН НЕДРУЖЕСТВЕННЫХ ГОСУДАРСТВ

Ганева Гергана Димитрова, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

geriganeva0@mail.ru

Шоба Диана Викторовна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

shoba.diana152@yandex.ru

Научный руководитель: Бородин Игорь Анатольевич, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

igoriborodin@bk.ru

Аннотация. В ответ на санкции вводятся визово-миграционные ограничения, блокировка активов, запреты или ограничения на оформление ВРЖ и гражданства, а также ограничения участия в государственных закупках и сделки с сельскохозяйственными землями для физических и юридических лиц из таких стран. В результате страдают деловые и бытовые права: утрата бизнес-возможностей, сложности с доступом к госзакупкам, запреты на приобретение или аренду земли, затруднения при получении ВНЖ и гражданства, заморозка активов и рост административных споров; граждане «недружественных» государств оказываются коллатеральными жертвами контрсанкционной политики. При этом для сохранения национальной безопасности важно обеспечить прозрачность процедур и механизмы обжалования, чтобы минимизировать излишние нарушения прав отдельных лиц.

Ключевые слова: санкции, иностранные граждане, закон, недружественные государства, закупка, министерство, сельхоз значение

Санкции для граждан недружественных государств. Правовой режим для граждан «недружественных» государств формируется на основе указов Президента РФ, принятых в целях обеспечения финансовой стабильности в условиях внешнего санкционного давления. Перечень таких государств утвержден Распоряжением Правительства РФ № 430-р от 5 марта 2022 года и охватывает широкий круг стран, включая все государства-члены ЕС, США, Великобританию, Канаду, Австралию, Японию, Украину и другие [1].

Ключевыми нормативными актами, вводящими ограничительные меры, выступают: Указ № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности», Указ № 95 «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами», Указ № 254 «О временном порядке исполнения финансовых обязательств в сфере корпоративных отношений перед некоторыми иностранными кредиторами» и Указ № 302 «О временном управлении некоторым имуществом». Совокупное применение положений этих документов приводит к тому, что иностранные граждане из указанного перечня сталкиваются с существенными административными барьерами при реализации базовых имущественных прав и фактически утрачивают операционный контроль над своей собственностью и капиталом на территории Российской Федерации. Дополнительные ограничения введены Указом № 585, который приостанавливает действие отдельных положений налоговых соглашений, что в ряде случаев ведет к двойному налогообложению. Также ужесточен визовый режим и введен жесткий валютный контроль [1].

Финансовые ограничения. В финансовой сфере ключевым механизмом, ограничивающим права «недружественных» лиц, является введение так называемых счетов типа «С». Согласно нормам Центрального банка РФ, любые доходы от ценных бумаг, купонные выплаты, дивиденды, а также средства, вырученные от продажи имущества, не переводятся напрямую их владельцам, а зачисляются на специальные заблокированные счета [5].

Распоряжаться средствами, находящимися на счетах типа «С», без специального разрешения профильной Правительственной комиссии невозможно. Это создает ситуацию, при которой формально принадлежащие иностранцу активы становятся недоступными для использования или репатриации [5].

В сфере валютного регулирования для российских компаний и индивидуальных предпринимателей действуют жесткие ограничения при работе с наличной иностранной валютой. Согласно нормативным актам Банка России, получение наличных долларов США, евро, фунтов стерлингов и японских иен допускается исключительно в пределах суммы, эквивалентной пяти тысячам долларов США, и только для целей оплаты командировочных расходов за пределами территории Российской Федерации [5].

В исключительных случаях указанный лимит может быть пересмотрен в сторону увеличения при условии направления банком специального запроса в адрес регулятора и получения соответствующего разрешения. Выдача наличных средств в иных иностранных валютах осуществляется без ограничений при наличии законных оснований, предусмотренных валютным законодательством РФ [5].

Ограничения в сфере недвижимости и корпоративных прав. В сфере недвижимости граждане «недружественных» стран лишены возможности свободно распоряжаться своим имуществом. Любые сделки купли-продажи, дарения или иного отчуждения жилых и коммерческих объектов требуют обязательного согласования с уполномоченными властями. На практике это превращает потенциально ликвидные активы в «замороженные», поскольку получение такого согласования сопряжено со сложными административными процедурами и далеко не всегда гарантирует положительный результат [1].

С точки зрения корпоративного права, действующие указы существенно ограничивают права акционеров и участников обществ. В частности, введены ограничения на получение дивидендов, а также на выход иностранных участников из состава российских компаний. Даже если такой выход теоретически возможен, он требует соблюдения специальных процедур и, как правило, также нуждается в разрешении Правительственной комиссии [2].

Алгоритм совершения сделок с ценными бумагами и недвижимостью. Указами № 81 и № 95 установлен особый, разрешительный порядок совершения сделок, где одной из сторон выступает «недружественное» лицо. Совокупное применение действующих указов, предписаний и разъяснений Центрального банка РФ позволяет выработать определенный алгоритм действий в зависимости от статуса контрагентов [1].

В ситуации, когда обе стороны сделки являются гражданами Российской Федерации, сделка совершается в обычном порядке без каких-либо дополнительных требований. Если же одной из сторон выступает иностранец, необходимо проверить, не входит ли страна его происхождения в «недружественный список». Такую проверку, в частности, обязан провести нотариус при удостоверении сделки.

Когда контрагентом выступает иностранец из «недружественного» государства или иностранная компания с иностранным бенефициаром из такого государства, для совершения сделки требуется получение разрешения Подкомиссии Правительственной комиссии. Без такого разрешения сделка не может быть проведена.

Особый случай представляют собой иностранные компании, фактически контролируемые российскими бенефициарами. Для признания их «дружественными» контрагентами необходимо представить документы, подтверждающие раскрытие информации о контролируемых иностранных компаниях налоговым органам Российской Федерации [4].

Особенности осуществления государственных и муниципальных закупок. В связи с введением иностранными государствами санкционных мер в отношении Российской Федерации, Постановлением Правительства РФ № 301 от 06.03.2022 установлен специальный порядок осуществления закупок для государственных и муниципальных нужд. Разъяснения по применению данного постановления даны в совместном письме Минфина России и ФАС России от 15 июля 2024 г.

Главное нововведение – исключение возможности проведения открытых конкурентных закупок. Заказчики, подпадающие под действие Постановления № 301, могут проводить закупки только двумя способами: закрытые конкурентные закупки (в электронной или иной форме) и неконкурентные закупки.

Для закрытых конкурентных закупок в электронной форме установлено дополнительное требование: они могут проводиться исключительно на электронных площадках, операторы которых включены в утвержденный перечень.

При проведении неконкурентных закупок заказчики вправе руководствоваться ограничениями по размещению информации на официальном сайте ЕИС, предусмотренными Постановлением № 301. В целях единообразия практики ведомства рекомендовали заказчикам при организации неконкурентных закупок применять по аналогии ряд положений Закона № 223-ФЗ (о разъяснениях, отмене закупки, заявках, протоколах, заключении договоров), а также по возможности проводить такие закупки в электронной форме с созданием комиссии.

При этом важно отметить, что для неконкурентных электронных закупок заказчик не ограничен в выборе электронной площадки – допустимо использование любой.

Основанием для применения данного особого порядка (неразмещения сведений в ЕИС) является сам факт введения политических или экономических санкций недружественными государствами либо применение ограничительных мер непосредственно в отношении заказчика [4].

Ограничения в обороте земель сельскохозяйственного назначения для граждан недружественных государств. Законодательство РФ устанавливает специальные ограничения в отношении прав иностранных лиц на земли сельскохозяйственного назначения. Иностранные граждане, иностранные юридические лица, лица без гражданства, а также российские компании с долей иностранного участия свыше 50% могут владеть сельскохозяйственными землями только на условиях аренды. Из этого правила есть исключения, предусмотренные Федеральным законом № 119-ФЗ от 1 мая 2016 года, который регулирует предоставление земель в Арктической зоне и на территориях Севера, Сибири и Дальнего Востока [2].

Если указанные категории лиц приобретают право собственности на такие участки по допускаемым законом основаниям (например, в порядке наследования), вступает в действие механизм принудительного отчуждения. Пункт 1 статьи 238 Гражданского кодекса РФ обязывает собственника произвести отчуждение имущества, которое не может ему принадлежать, в течение одного года с момента возникновения права собственности.

Данное положение корреспондирует с нормами специализированного Федерального закона № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения». Согласно части 1 статьи 5 этого Закона, если в собственности лица оказались участок или доля в праве общей собственности на земли сельхозназначения с нарушением требований статьи 3 и пункта 2 статьи 4 Закона № 101-ФЗ, такое имущество подлежит обязательному отчуждению.

Несоблюдение обязанности по отчуждению влечет за собой судебное разбирательство. В соответствии с пунктом 2 статьи 238 ГК РФ и частями 2, 3 статьи 5 Закона № 101-ФЗ, по заявлению уполномоченного органа суд принимает решение о принудительной продаже такого участка с выплатой бывшему владельцу вырученной суммы либо о передаче имущества в государственную или муниципальную собственность с компенсацией стоимости, определенной судом.

Таким образом, иностранное владение сельскохозяйственными землями на праве собственности рассматривается российским законодательством как временное и подлежит обязательному прекращению в установленном порядке [2].

Перечень недружественных государств и территорий. Правовое положение граждан «недружественных» государств (перечень утвержден Распоряжением Правительства РФ № 430-р от 05.03.2022, включает страны ЕС, США, Великобританию, Канаду, Японию, Украину и др.) определяется комплексом ограничительных мер, введенных указами

Президента РФ в целях обеспечения финансовой стабильности. Базовыми актами выступают Указы № 81, 95, 254 и 302, которые в совокупности создают существенные административные барьеры при реализации имущественных прав, фактически лишая иностранцев операционного контроля над активами в России. Дополнительное давление оказывают Указ № 585 (риск двойного налогообложения), ужесточение визового режима и усиленный валютный контроль.

Наличие гражданства или регистрации бизнеса в указанных юрисдикциях влечет применение всех вышеперечисленных ограничений, что необходимо учитывать при планировании любых операций на территории Российской Федерации [3].

Список литературы

1. Законодательство РФ: кодексы и законы в последней редакции – КонсультантПлюс. – Текст: электронный // URL: <https://www.consultant.ru/>
2. Законы и кодексы РФ. Полные тексты документов в последней редакции. Аналитические профессиональные материалы – Гарант.ру. – Текст: электронный // URL: https://zakupki.orb.ru/images/orenburg/Novosti/Pravovue_aktu_02-22.04.2022.pdf?ysclid=mlaq6iptst410476714
3. Асабин, К.В. «Кто друг, кто враг...» Понятия и критерии дружественных и недружественных лиц на примере сделок с недвижимостью и ценными бумагами – Текст: электронный// URL: https://zakon.ru/blog/2022/03/20/kto_drug_kto_vrag_ponyatiya_i_kriterii_druzhestvennyh_i_nedruzhestvennyh_lic_na_primere_sdelok_s_ned_94933 (дата обращения 05.03.2026).
4. Что значит недружественные России страны: как с ними работать? – Текст: электронный// URL: <https://www.buhgalteria.ru/article/chto-znachit-nedruzhestvennye-rossii-strany-kak-s-nimi-rabotat-> (дата обращения 05.03.2026).
5. Центральный банк Российской Федерации – Текст: электронный// URL: <https://cbr.ru/> (дата обращения 05.03.2026).

БЕСПРИЗОРНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК СОЦИАЛЬНАЯ И ПРАВОВАЯ ПРОБЛЕМА

Горбунов Иван Юрьевич, студент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

gorv0730@gmail.com

Научный руководитель: Бородин Игорь Анатольевич, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

igoriborodin@bk.ru

Аннотация. В статье анализируется беспризорность несовершеннолетних как комплексная социальная и правовая проблема современного общества. Рассматриваются причины распространения данного явления, его связь с безнадзорностью, девиантным поведением и подростковой преступностью. Исследуется нормативно-правовое регулирование в Российской Федерации и международные стандарты защиты прав ребенка. Особое внимание уделяется историческому опыту преодоления беспризорности в трудах А. С. Макаренко. Делается вывод о необходимости комплексного межведомственного подхода и усиления превентивных мер социальной поддержки семьи.

Ключевые слова: беспризорность, несовершеннолетние, безнадзорность, социальная защита, профилактика правонарушений, социальное сиротство, девиантное поведение

Проблема беспризорности несовершеннолетних остается актуальной для современного общества, несмотря на развитие социальной политики и совершенствование законодательства в сфере защиты детства. Беспризорность представляет собой не только социальное отклонение, но и правовую проблему, затрагивающую вопросы обеспечения конституционных прав ребенка, профилактики правонарушений и охраны общественного порядка.

На международном уровне базовым документом является Конвенция о правах ребенка, принятая Организация Объединенных Наций в 1989 году [1]. В Российской Федерации правовое регулирование основывается на Конституции РФ, Семейном кодексе РФ и Федеральном законе № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [2].

В научной литературе беспризорность определяется как крайняя форма безнадзорности, характеризующаяся отсутствием постоянного места жительства, родительского контроля и устойчивых социальных связей. В отличие от безнадзорности, которая предполагает ослабление воспитательного контроля, беспризорность означает фактическое выпадение ребенка из системы социальных институтов.

Согласно Федеральному закону № 120-ФЗ, профилактика безнадзорности включает систему социальных, правовых и педагогических мер, направленных на предупреждение антиобщественного поведения несовершеннолетних [2].

Исследования в области криминологии, в том числе работы Г. М. Миньковский указывают на прямую связь между отсутствием социального контроля и вовлечением подростков в противоправную деятельность [3]. Таким образом, беспризорность выступает как социальным, так и криминогенным фактором.

Причины возникновения беспризорности носят комплексный характер и включают:

- неблагополучие семьи (алкоголизм родителей, насилие, конфликтная среда);
- бедность и социальную незащищенность;
- социальное сиротство;
- миграционные процессы;
- недостаточную эффективность профилактических механизмов.

Особое место занимает социальное сиротство – явление, при котором родители формально живы, но не исполняют обязанности по воспитанию ребенка. В таких условиях несовершеннолетний оказывается в ситуации психологической и социальной изоляции.

Кроме того, беспризорность тесно связана с распространением девиантного поведения, употреблением психоактивных веществ и ранней криминализацией подростковой среды.

Значительный вклад в решение проблемы беспризорности внес советский педагог Антон Семенович Макаренко. В 1920–1930-е годы, после Гражданской войны, в стране наблюдался массовый рост числа беспризорных детей. В этих условиях Макаренко организовал трудовые колонии для несовершеннолетних правонарушителей и беспризорных.

Его педагогическая система основывалась на принципах коллективного воспитания, дисциплины, общественно полезного труда и уважения к личности воспитанника. В произведении «Педагогическая поэма» он описал практический опыт перевоспитания трудных подростков [4].

Основные принципы его методики включали:

- воспитание в коллективе и через коллектив;
- сочетание высокой требовательности и доверия;
- формирование ответственности и самоуправления;
- социализацию через труд.

Опыт Макаренко продемонстрировал, что комплексное педагогическое воздействие способно обеспечить успешную ресоциализацию несовершеннолетних, оказавшихся в ситуации беспризорности. Исторический пример свидетельствует о важности не только правовых мер, но и продуманной воспитательной стратегии.

Современная система профилактики в Российской Федерации включает деятельность комиссий по делам несовершеннолетних, органов опеки и попечительства, образовательных учреждений и подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел.

Федеральный закон № 120-ФЗ закрепляет принципы индивидуального подхода, межведомственного взаимодействия и приоритета защиты прав ребенка [2]. Государственная политика направлена на раннее выявление семей группы риска и социальное сопровождение несовершеннолетних.

Международные обязательства, принятые в рамках Конвенции о правах ребенка [1], предусматривают защиту детей от всех форм насилия, эксплуатации и пренебрежения их интересами.

Для снижения уровня беспризорности необходимы:

1. Усиление мер социальной поддержки семьи.
2. Развитие системы психологической помощи.
3. Совершенствование межведомственного взаимодействия.
4. Расширение программ дополнительного образования и занятости подростков.

5. Повышение роли образовательных организаций в раннем выявлении неблагополучия. Комплексный подход предполагает сочетание правовых, социальных и педагогических мер

Беспризорность несовершеннолетних представляет собой сложное междисциплинарное явление, находящееся на стыке социальной политики, педагогики и права. Она обусловлена совокупностью социально-экономических и семейных факторов и оказывает негативное влияние на формирование личности ребенка.

Исторический опыт, в частности педагогическая практика А. С. Макаренко, подтверждает эффективность системного воспитательного подхода. В современных условиях решение проблемы возможно только при условии комплексной государственной политики, направленной на укрепление института семьи и защиту прав ребенка.

Список литературы

1. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI. – Текст: электронный // URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-44-25> (дата обращения: 03.03.2026).
2. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 23.03.2024) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Собрание законодательства РФ. 28.06.1999. № 26. Ст. 3177. – Текст: электронный // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/ (дата обращения: 03.03.2026).
3. Миньковский, Г.М. Криминология и профилактика правонарушений : учебник / Г.М. Миньковский, А.П. Дьяченко, Н.А. Стручков. – М.: Академия МВД СССР, 1989. – 272 с. (в тексте ссылка на работы Г.М. Миньковского).
4. Макаренко, А.С. Педагогическая поэма / А.С. Макаренко. – М.: Педагогика, 1981. – 573 с. – Текст: электронный // URL: https://pedlib.ru/Books/2/0068/2_0068-461.shtml (дата обращения: 03.03.2026).

ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Дресвянникова Вероника Андреевна, студентка

Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева (Уральский филиал), Челябинск, Россия

dresvannikovaveronika@gmail.com

Научный руководитель: Степанова Марина Николаевна, кандидат экономических наук, доцент

Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева (Уральский филиал), Челябинск, Россия

mns017@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена нарастающим кризисом местных бюджетов в России, усугубляемым цифровой трансформацией экономики. В статье обосновывается новизна подхода к анализу дисбаланса межбюджетных отношений, который заключается в выявлении фундаментального противоречия между пространственной локализацией экономической активности и архаичным порядком зачисления налогов по месту юридической регистрации компаний. Основное полемическое положение работы состоит в том, что действующие фискальные механизмы не учитывают реальную нагрузку на муниципальную инфраструктуру, что ведет к несправедливому распределению доходов. В качестве ключевых результатов предложены конкретные направления реформ: внедрение «формульного распределения» налога на прибыль на основе объективных факторов и интеграция налога на профессиональный доход в систему местных финансов через механизм территориальной привязки к месту ведения деятельности. Реализация этих мер позволит восстановить принцип фискальной эквивалентности и укрепить финансовую самостоятельность муниципалитетов.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальные финансы, дефицит бюджета, налог на прибыль, налог на профессиональный доход, межбюджетные отношения, фискальная справедливость, цифровая трансформация, формульное распределение, территориальная привязка

По информации с сайта minfin.gov.ru, в 2024 году дефицит местного бюджета был установлен в 35 муниципальных образованиях [1]. Так, по данным Счетной палаты за первое полугодие 2025 года, общий дефицит исполнения консолидированных бюджетов регионов составил 397,8 млрд рублей, при этом с суммарным дефицитом в объеме 738,2 млрд рублей – бюджеты 71 региона [2].

Безусловно, одной из проблем современного этапа развития муниципальных финансов выступает системное несоответствие устоявшихся фискальных механизмов новым экономическим реалиям, обусловленным цифровой трансформацией. Стремительная экспансия удаленных форм занятости, рост сектора самозанятости и появление распределенных компаний, чья хозяйственная деятельность территориально отделена от места официальной регистрации, обнажают глубокую дисфункцию в системе межбюджетных отношений. Это порождает фундаментальное противоречие между фактическим пространственным осуществлением экономической активности, потребляющей создаваемую на муниципальном уровне публичную инфраструктуру и сервисы, и действующим порядком зачисления налоговых платежей, что в результате приводит к критическому дисбалансу в распределении фискального бремени между бюджетами различных муниципальных образований [3, с. 51].

В соответствии с Конституцией Российской Федерации по ст. 132 органы местного самоуправления обладают правом на самостоятельное управление муниципальной

собственностью, а также на формирование, утверждение и исполнение местного бюджета. Указанные финансовые полномочия составляют фундамент экономической самостоятельности муниципальных образований, которая, в силу предписаний ст. 62 Федерального закона № 33-ФЗ, реализуется прежде всего через местный бюджет. Формирование доходной части последнего, как установлено ст. 68 того же Закона, осуществляется в строгом соответствии с нормами бюджетного и налогового законодательства.

В рамках действующей налоговой системы Российской Федерации ст. 15 Налогового кодекса РФ закрепляет исчерпывающий перечень налогов, отнесенных к компетенции муниципального уровня. Общим системообразующим основанием для их введения служит принцип прямой территориальной связи между объектом обложения и потреблением публичных благ, предоставляемых муниципальным образованием. К таким налогам и сборам, носящим компенсаторный характер по отношению к расходам местного бюджета на благоустройство, развитие инфраструктуры и содержание социальной сферы, относятся земельный налог, налог на имущество физических лиц, торговый сбор, а также курортный (туристический) сбор.

В контексте финансового обеспечения местного самоуправления ключевое значение имеет налог на прибыль организаций. Согласно ст. 56 Бюджетного кодекса Российской Федерации, налог на прибыль организаций (за исключением отдельных видов доходов) зачисляется в бюджеты субъектов РФ по нормативу 100 процентов. При этом законодатель устанавливает, что указанный налог подлежит зачислению в бюджет субъекта Российской Федерации по месту нахождения организации. Данная норма создает фундаментальную основу для формирования доходной базы региональных бюджетов, однако она же порождает системный дисбаланс в финансировании муниципальных образований, выступающих фактическими локациями хозяйственной деятельности.

Общим основанием для отнесения земельного налога, налога на имущество физических лиц, торгового и туристического сборов к местным налогам является принцип прямой территориальной связи между объектом обложения и потреблением публичных благ, предоставляемых муниципальным образованием: данные фискальные платежи непосредственно компенсируют затраты местного бюджета на создание и содержание инфраструктуры (транспортной, коммунальной, рекреационной), которая используется плательщиками в результате владения недвижимостью, ведения торговой деятельности или пребывания на курортной территории, что реализует концепцию фискальной выгоды, при которой налоговое бремя корреспондирует с объемом получаемых муниципальных услуг. Именно этот принцип делает указанные налоги справедливыми и экономически обоснованными.

Действующий механизм приводит к возникновению проблемы так называемых «юрлиц-прокладок» и искажает принцип фискальной справедливости. Крупные хозяйствующие субъекты, такие как сетевые ритейлеры, промышленные предприятия или IT-компании, зачастую выбирают для регистрации территории, предлагающие льготный налоговый режим – особые экономические зоны (ОЭЗ) или территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР). В то же время, их основная производственная, логистическая или торговая деятельность осуществляется в крупных агломерациях или индустриальных центрах. В результате муниципальное образование, на территории которого реально функционирует предприятие, создавая нагрузку на транспортную, коммунальную и социальную инфраструктуру, несет соответствующие расходы, но не получает адекватных финансовых поступлений от налога на прибыль. Налоговые доходы аккумулируются в бюджете того субъекта Федерации, где юридически зарегистрирована головная организация. Это не только экономически нелогично, но и подрывает стимулы муниципалитетов к созданию качественной и комфортной среды для бизнеса, поскольку прямая финансовая отдача от таких инвестиций оказывается минимальной.

В качестве направления реформирования данной системы предлагается внедрение механизма распределения налога на прибыль между бюджетами разных уровней по принципу территориальной генерации экономической активности. Базовый вариант предполагает законодательное закрепление обязанности по распределению сумм налога между бюджетом по месту юридической регистрации и бюджетами муниципальных образований по месту фактического нахождения обособленных подразделений, основных производственных мощностей или активов. Более сложным, но и более справедливым инструментом для крупного и межрегионального бизнеса является внедрение принципа «формульного распределения», апробированного в практике США и Европейского Союза [4 С. 160]. В данном случае налоговая база предприятия распределялась бы между территориями на основе комбинации трех ключевых факторов: доля фонда оплаты труда (payroll), доля выручки от продаж и доля стоимости основных средств (активов) в каждом конкретном муниципальном образовании.

Правовое обоснование и реализация данных предложений требуют масштабной реформы бюджетного и налогового законодательства, в первую очередь, внесения изменений в Бюджетный и Налоговый кодексы РФ. В качестве первого шага возможно апробирование подобных подходов на отдельных специальных налоговых режимах или введение корректирующих механизмов для отдельных отраслей. Такая трансформация позволила бы преодолеть существующий дисбаланс, усилить финансовую автономию местного самоуправления и создать устойчивую связь между качеством муниципальной среды и доходной базой местных бюджетов.

В системе доходов местных бюджетов ключевую роль играют регулирующие налоги, среди которых налог на доходы физических лиц (НДФЛ), зачисляемый по нормативам от 8 до 15 процентов в соответствии со ст. ст. 61–61.6 Бюджетного кодекса РФ. В отличие от этого, налог на профессиональный доход (НПД), уплачиваемый самозанятыми, полностью исключен из системы местных финансов. Согласно п. 3 ст. 146 и статье 56 Бюджетного кодекса РФ, поступления от НПД распределяются между бюджетом субъекта Российской Федерации - 63% и бюджетом Федерального фонда обязательного медицинского страхования - 37%. Данный механизм создает правовой дисбаланс, поскольку самозанятые граждане, как и наемные работники, активно используют социальную и коммунальную инфраструктуру муниципальных образований, но их налоговые платежи не участвуют в финансировании соответствующих расходов местных бюджетов.

В целях устранения указанного дисбаланса представляется целесообразным внедрить механизм распределения части НПД в бюджеты муниципальных образований. Основное предложение заключается в модификации принципа уплаты налога на профессиональный доход через предоставление самозанятым возможности выбора муниципального образования, на территории которого осуществляется основная деятельность. Данный подход может быть реализован по аналогии с патентной системой налогообложения, где территориальная привязка налогового обязательства является определяющим фактором.

Техническая реализация предполагает интеграцию в мобильное приложение «Мой налог» дополнительного функционала, позволяющего осуществлять геолокацию места ведения деятельности или ручной выбор конкретного муниципального образования при регистрации каждого дохода. Это позволило бы установить дифференцированные нормативы отчислений: часть налога могла бы зачисляться в бюджет по месту жительства самозанятого, а часть – в бюджет муниципального образования, на территории которого фактически осуществляется экономическая деятельность.

Правовое обоснование реформы требует внесения изменений в Налоговый кодекс Российской Федерации в части установления новых нормативов распределения НПД между бюджетами разных уровней, а также корректировки Федерального закона № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в части определения порядка фиксации территории осуществления деятельности. Реализация данного предложения будет способствовать

укреплению финансовой самостоятельности местного самоуправления и обеспечению справедливого распределения налогового бремени в условиях цифровой трансформации экономики.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что финансовый кризис местного самоуправления в Российской Федерации в условиях цифровой трансформации экономики приобретает системный характер, обусловленный фундаментальным дисбалансом между фактической пространственной локализацией экономической активности и архаичными принципами зачисления налоговых платежей. Катализатором кризиса выступает прогрессирующее расхождение между фискальной базой, формируемой по критерию юридической прописки хозяйствующих субъектов, и реальным потреблением публичных благ, предоставляемых муниципальными образованиями - фактическими площадками экономического процесса. В этом контексте предлагаемые направления институциональных преобразований представляют собой не просто техническую корректировку бюджетного процесса, а стратегическую необходимость для сохранения финансовой состоятельности и субъектности местной власти. Реализация модели формульного распределения налога на прибыль организаций на основе объективных критериев в сочетании с интеграцией налога на профессиональный доход в систему местных финансов через механизм территориальной привязки к месту осуществления деятельности позволит осуществить регулировку межбюджетных отношений в соответствии с парадигмой «фискальной эквивалентности». Такой подход не только обеспечит целевое финансирование развития муниципальной инфраструктуры, непосредственно используемой налогоплательщиками, но и создаст прозрачные экономические стимулы для муниципалитетов по формированию комфортной предпринимательской и человеческой среды, что в конечном итоге будет способствовать преодолению системного дефицита местных бюджетов и укреплению конституционных основ местного самоуправления в цифровую эпоху.

Список литературы

1. Официальный сайт министерства финансов РФ – URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2025/06/main/Rezultaty_monitoringa_mestnykh_budzhetrov.pdf (дата обращения: 20.11.2025).
2. Федеральное казначейство официальный сайт Казначейства России Информация официального сайта Федерального казначейства // Консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации и бюджетов территориальных государственных внебюджетных фондов – URL: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/1019/> (дата обращения: 20.11.2025).
3. Вылкова, Е. С. Теоретические подходы к интерпретации налоговой нагрузки, налогового бремени и тяжести налогообложения / Е. С. Вылкова, Н. В. Покровская // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2021. – № 4(130). – С. 45-51.
4. Шептура, А. В. Сравнительный анализ практики межбюджетного выравнивания в Российской Федерации и США / А. В. Шептура // Прогрессивная экономика. – 2025. – № 6. – С. 157-166.

ПОЛУЧЕНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ СТАТУСА БЕЖЕНЦА В РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Дьяченко Валерия Алексеевна, студентка

Сибирский университет потребительской кооперации университет, Новосибирск, Россия
leradya@mail.ru

Научный руководитель: Степанова Вера Владимировна, старший преподаватель

Сибирский университет потребительской кооперации университет, Новосибирск, Россия
s.v.v.work@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется конституционно-правовой статус беженцев в Российской Федерации. Особое внимание уделяется проблемам реализации правового статуса: сложность документального подтверждения обстоятельств вынужденного оставления страны происхождения, недостаточная социальная поддержка и несовершенство правоприменительной практики. На основе анализа статистических данных и научных источников предлагаются пути совершенствования законодательства: обеспечение единообразного применения критериев предоставления статуса, усиление социальной интеграции и развитие системы бесплатной юридической помощи. Делается вывод, что защита прав беженцев требует комплексного подхода.

Ключевые слова: беженцы, конституционно-правовой статус, права человека, социальная защита, проблемы реализации, интеграция, правоприменительная практика

В условиях глобализации и увеличения числа конфликтов, экономических кризисов и природных катастроф, вопросы, касающиеся правового статуса беженцев и вынужденных переселенцев, становятся все более актуальными. Как справедливо отмечают исследователи, проблема беженства остается одной из самых острых гуманитарных проблем современности, а для Российской Федерации в силу ее геополитического положения и прозрачности границ существует реальная опасность развития миграционного кризиса [1, с. 54]. Лица, обладающие статусом беженца, сталкиваются с множеством вызовов и трудностей, связанных с их правами, безопасностью и возможностями интеграции в новые общества.

При подготовке статьи использовались общенаучные и специальные методы познания: анализ нормативных правовых актов и научной литературы, сравнительно-правовой метод, статистический анализ, а также метод системного обобщения полученных данных. Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере реализации конституционно-правового статуса беженцев в Российской Федерации, предметом – нормы международного и российского права, регулирующие правовое положение данной категории лиц, а также практика их применения.

Правовую основу статуса беженца в России составляет Конституция России, закрепляющая основные права и свободы человека, а также Федеральный закон от 19.02.1993 № 4528-1 «О беженцах». Согласно статье 1 данного закона, беженец – лицо, которое не является гражданином Российской Федерации и которое в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений [2].

Обращаясь к национальному уровню регулирования правового статуса данной категории лиц, в первую очередь необходимо отметить основной закон нашей страны –

Конституцию Российской Федерации. Она является правовой основой статуса беженцев. Статья 63 Конституции Российской Федерации закрепляет, что наше государство гарантирует предоставление политического убежища, базируясь на международных нормах, иностранным гражданам и лицам без гражданства [3, с. 287].

Согласно статье 8 Федерального закона от 19.02.1993 № 4528-1 «О беженцах» лицо, признанное беженцем, наделяется широким спектром прав: на получение питания, пользование жилым помещением из фонда временного поселения, медицинскую помощь, содействие в трудоустройстве и профессиональном обучении, социальную защиту наравне с гражданами РФ. Вместе с тем на него возлагаются и обязанности, такие как соблюдение Конституции и законов, своевременная постановка на учет и прохождение переучета [2].

Несмотря на детальную правовую регламентацию, изучение практики реализации статуса беженца позволяет выявить ряд существенных проблем. Одной из ключевых проблем реализации права на получение статуса беженца является сложность документального подтверждения обстоятельств, послуживших основанием для вынужденного оставления страны происхождения, что обусловлено самой природой экстренной миграции и объективной невозможностью заблаговременного сбора доказательств.

Согласно статистике Министерства внутренних дел Российской Федерации, общее число лиц, обладающих статусом беженца, по состоянию на 30 июня 2025 года составило 252 человека. Данный показатель на 22 человека превышает аналогичный показатель прошлого года (230 человек на 30 июня 2024 года) и на 35 человек больше, чем на конец 2024 года (216 человек на 31 декабря 2024 года). При этом за первые шесть месяцев 2025 года с ходатайством о признании беженцем обратились 112 человек, а положительное решение было принято в отношении 38 заявителей. Примечательно, что все 38 лиц, получивших статус беженца в указанный период, являлись гражданами одного государства – Сирийской Арабской Республики. Указанная статистика резко контрастирует с данными за предшествующий четырнадцатилетний период (с момента начала гражданской войны в Сирии в 2011 году до конца 2024 года), в течение которого российскими властями было удовлетворено всего четыре ходатайства о признании беженцами из более чем 2,8 тысячи, поданных сирийскими гражданами [4].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что статус беженца в России получают единицы, и почти исключительно – граждане Сирии. Хотя согласно методике основным источником информации служит опрос заявителя, а документы принимаются при их наличии, на практике итоговое решение во многом зависит от усмотрения миграционных органов и внешнеполитических интересов России. Институт убежища фактически становится политизированным: международные нормы применяются избирательно, а реальная защита предоставляется преимущественно лицам из государств, в отношении которых у России есть политические интересы. Это противоречит самой идее универсальной защиты беженцев.

Второй значимой проблемой является недостаточная социальная поддержка беженцев. Законодательно закрепленные права на жилье, медицинскую помощь и трудоустройство на практике реализуются не в полном объеме. Отсутствие эффективных государственных программ интеграции, включающих языковую и профессиональную подготовку, способствует изоляции этой уязвимой группы и росту социальной напряженности.

Так, согласно Постановлению Правительства РФ от 23.05.1998 № 484, единовременное денежное пособие выплачивается лицу, получившему свидетельство о рассмотрении ходатайства о признании беженцем по существу, в размере 100 рублей, а на каждого прибывшего с ним члена семьи, не достигшего 18-летнего возраста, – также 100 рублей. Для малообеспеченных категорий лиц (одиноким нетрудоспособных пенсионеров и инвалидов, одиноких родителей с детьми до 18 лет, многодетных семей с тремя и более детьми до 18 лет) размер пособия составляет 150 рублей на заявителя и на каждого

несовершеннолетнего члена семьи [5]. Очевидно, что указанные суммы являются крайне незначительными и не могут рассматриваться как реальная мера поддержки лиц, ищущих убежище, особенно с учетом минимальных потребностей в питании, одежде и предметах первой необходимости в первые месяцы пребывания на территории России.

Третья проблема кроется в несовершенстве законодательной техники и правоприменительной практики. В Российской Федерации заложены законодательные основы регулирования института беженства, в целом соответствующие международным стандартам. Однако действующие нормативные правовые акты носят фрагментарный характер, порой противоречат друг другу, а имплементация Российским государством международных правовых норм в национальную правовую систему осуществляется непоследовательно и неполно. Практика реализации прав беженцев далека от совершенства и часто противоречит нормам, зафиксированным как в международных документах, так и в российских нормативных правовых актах, регулирующих статус беженцев [1, с. 56].

Для решения обозначенных проблем необходимо совершенствование конституционно-правового регулирования статуса беженцев по нескольким направлениям.

Во-первых, требуется не столько уточнение законодательных критериев, сколько обеспечение их единообразного применения на практике. Важно, чтобы гибкие подходы к оценке доказательств, формально закрепленные в ведомственных актах, действительно учитывали не только документально подтвержденные факты преследования, но и объективную обстановку в стране исхода. Это позволит снизить доказательственную нагрузку на заявителя, который зачастую физически не может вывезти подтверждающие документы из зоны боевых действий. Целесообразно также расширить основания для предоставления убежища, учитывая, что Конвенция о статусе беженцев 1951 года, закладывая минимальные стандарты защиты, не препятствует государствам принимать более благоприятные нормы для лиц, нуждающихся в международной защите.

Во-вторых, необходимо обеспечение реальной социальной защиты и интеграции беженцев. Практика показывает, что формальное закрепление прав без создания действенных механизмов их реализации остается декларацией. Это предполагает разработку федеральных и региональных программ, направленных на содействие в трудоустройстве, обучении языку, предоставлении доступного жилья. Особого внимания заслуживает проблема жилищного обустройства: необходимо исключить случаи предоставления непригодного для проживания жилья и установить минимальные стандарты качества помещений временного поселения. Важным шагом является вовлечение в интеграционный процесс неправительственных организаций, имеющих успешный опыт работы с мигрантами, а также создание центров адаптации, где беженцы могли бы получать комплексную помощь.

Определенные позитивные сдвиги в данном направлении уже наблюдаются. Так, курс Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН) по адаптации иностранных граждан в России охватил уже более 99 тысяч человек. Согласно отчету агентства по итогам работы в 2025 году, адаптационными центрами было проведено 3196 мероприятий по доведению материалов адаптационного курса, которыми охвачено 99 336 иностранных граждан, а также оказана 3351 индивидуальная консультация. К концу октября 2025 года пилотный проект ФАДН по созданию центров социальной и культурной адаптации иностранных граждан, реализуемый в пяти субъектах Российской Федерации (Республика Саха (Якутия), Татарстан, Хабаровский край, Кемеровская и Челябинская области), охватил около 55 тысяч человек. Как отмечает руководитель одного из таких центров в Хабаровском крае, иностранных граждан чаще всего интересуют вопросы изменения законодательства в сфере миграции, проблемы при оформлении документов, а также возможность пройти бесплатные курсы по русскому языку как иностранному.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в России постепенно формируется инфраструктура социальной и культурной адаптации вынужденных мигрантов. Однако эффективность этих усилий напрямую зависит не только от расширения программ поддержки, но и от изменения общественного восприятия беженцев. Без формирования в

обществе толерантного отношения к вынужденным мигрантам, без преодоления ксенофобских настроений любые, даже самые масштабные, интеграционные программы не смогут достичь поставленных целей.

В-третьих, следует совершенствовать процедуры обжалования и повышать прозрачность работы миграционных органов. Действующая процедура рассмотрения ходатайств характеризуется непрозрачностью, а сроки принятия решений зачастую затягиваются, что создает дополнительную неопределенность для заявителей. Формально у лица, претендующего на статус беженца, есть право на досудебное (внесудебное) обжалование действий (бездействия) и решений, принятых в ходе предоставления государственной услуги, в соответствии со статьей 11.1 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [6]. Однако установленные сроки подачи жалобы – один месяц со дня получения уведомления о принятом решении либо три месяца со дня, когда лицу стало известно об отказе в признании беженцем, – на практике могут оказаться недостаточными для лиц, находящихся в уязвимом положении, не обладающих юридическими знаниями и доступом к квалифицированной помощи. Кроме того, сама по себе возможность обжалования не решает проблему длительности рассмотрения ходатайств и отсутствия четких критериев оценки доказательств, что обуславливает необходимость не только сохранения существующих механизмов, но и повышения их доступности и эффективности.

Необходимо обеспечить доступность бесплатной юридической помощи для беженцев на всех стадиях обжалования, поскольку они часто не обладают ресурсами для квалифицированной защиты своих прав. Формально действующие административные регламенты предусматривают достаточно детальную систему информирования заявителей по телефону, при личном или письменном обращении (о сроках, порядке подачи документов, процедуре обжалования). Однако информирование – это лишь сообщение сведений о процедуре, тогда как юридическая помощь предполагает содействие в составлении документов и представлении интересов заявителя. Возможность получить по телефону разъяснение за 10 минут или письменный ответ в течение 30 дней не заменяет квалифицированной юридической поддержки, особенно для лиц, не владеющих русским языком. В этой связи необходимо развитие системы бесплатной юридической помощи для беженцев с привлечением адвокатов и неправительственных организаций.

Таким образом, конституционно-правовой статус беженцев в России имеет прочную законодательную основу, однако существует несколько проблем реализации. Анализ правоприменительной практики показывает, что заявляемые законом гарантии далеко не всегда воплощены в реальности, что ставит беженцев в уязвимое положение. Сложность доказательной базы, недостаточная социальная поддержка и несовершенство правоприменения требуют комплексного подхода к решениям данных проблем. При этом особое значение приобретает не только обновление нормативной базы, но и создание эффективных административных механизмов, обеспечивающих реализацию предоставленных прав. Важно также учитывать, что решение проблем беженцев невозможно без изменения общественного восприятия этой категории лиц. Только целенаправленная работа государства, общественных организаций и международных структур по совершенствованию механизмов защиты и интеграции позволит обеспечить беженцам достойные условия жизни и реализацию их законных прав. Это является не только юридической, но и гуманитарной обязанностью современного общества.

Список литературы

1. Деникаева, С.Э. Правовое положение беженцев в Российской Федерации: проблемы реализации / Деникаева С.Э., Шамсудинова А.Ш. // Юридический вестник ДГУ. – 2015. – Т. 16, №4 – С. 54-57
2. Федеральный закон от 19.02.1993 № 4528-1 (ред. от 13.06.2023) «О беженцах» // Собрание законодательства РФ. – 1993. – № 34. – Ст. 2671.

3. Галиакбарова, С. В. Конституционно-правовые основы статуса беженцев / С. В. Галиакбарова, И. Р. Аминов // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2022. – Т. 5-2, № 68. – С. 287-290.

4. Миграционные итоги 2025 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://refugee.ru/fr/dokladyi/migraczionnaya-statistika-mvd-rossii-za-pervoe-polugodie-2025-goda/> (дата обращения: 17.02.2026).

5. Постановление Правительства РФ от 23.05.1998 № 484 «О размере единовременного денежного пособия и порядке его выплаты лицу, получившему свидетельство о рассмотрении ходатайства о признании беженцем на территории Российской Федерации по существу» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – №22 – Ст. 4.

6. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 31. – Ст. 4179.

АКТЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ КАК ИСТОЧНИК ПУБЛИЧНОГО ПРАВА: НОРМАТИВНОСТЬ И ПРЕДЕЛЫ ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ

Захарова Екатерина Александровна, студентка

Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева, Саранск, Россия
ekaterinazaharova068@gmail.com

Беськаева Валерия Александровна, студентка

Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева, Саранск, Россия
beskaevavaleria@gmail.com

Научный руководитель: Давыдов Денис Геннадьевич, кандидат философских наук, доцент

Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева, Саранск, Россия
DavDen81@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена определению правовой природы актов Конституционного Суда РФ как источников публичного права. Актуальность исследования обусловлена отсутствием единого доктринального подхода к данной проблеме. Новизна работы заключается в обосновании дифференцированной оценки различных видов актов Суда и выводе о том, что юридическая сила «отказных» определений зависит от наличия в них правовых позиций, а не от формы акта. Автор доказывает, что решения Конституционного Суда являются источниками права особого рода, обязательными для всех органов власти и обеспечивающими применение конституционных норм.

Ключевые слова: Конституционный Суд РФ, источник права, нормативность, правовая позиция, судебный прецедент, обязательность решений, публичное право

В системе публичного права России Конституционный Суд РФ занимает уникальное положение. Являясь судебным органом конституционного контроля, он не только разрешает конкретные дела, но и оказывает фундаментальное воздействие на развитие всей правовой системы. Его решения, посредством которых осуществляется толкование Конституции и выявляется конституционно-правовой смысл нормативных положений, обладают свойствами, выходящими за рамки традиционных правоприменительных актов. Вопрос о признании актов Конституционного Суда источником права сохраняет свою дискуссионность на протяжении всей истории функционирования органа конституционной юстиции в России. Как справедливо отмечается в научной литературе, идея об отнесении решений Конституционного Суда к правовым актам особого рода, не сводимым исключительно к судебным решениям или нормативным актам, перестала вызывать всеобщее отторжение и ожесточенные споры, однако единое мнение о их правовой природе до сих пор отсутствует.

Исследование правовой природы актов Конституционного Суда РФ необходимо начать с анализа легальной основы их обязательности. Правовое регулирование деятельности Конституционного Суда РФ закрепляет ряд ключевых положений, определяющих юридическую значимость принимаемых им актов. Согласно статье 6 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», решения этого органа обладают обязательной силой на всей территории страны. Они являются обязательными для всех ветвей власти: законодательной, исполнительной и судебной, а также для местного самоуправления, разнообразных организаций, должностных лиц, граждан и их объединений [1]. В развитие этой нормы статья 79 того же закона указывает на окончательный характер таких решений, невозможность их обжалования и немедленное вступление в законную силу. Если нормативные акты или их отдельные части признаются не соответствующими Конституции, они автоматически утрачивают юридическую силу; международные договоры, еще не вступившие в действие, не могут быть имплементированы или применены.

Однако одной лишь формальной обязательности недостаточно для определения места этих актов в системе источников права. Как подчеркивает И.К. Лавренюк, многообразие видов решений, выносимых Конституционным Судом, препятствует однозначной квалификации всех его актов как источников права в классическом понимании. Даже внешне идентичные по форме документы, принимаемые Судом, могут существенно различаться по своему содержанию, что влечет за собой и различия в их правовой сущности и нормативном значении [2, с. 38].

В современной юридической литературе сформировалось несколько ключевых точек зрения относительно правовой сущности решений Конституционного Суда. Представители первого направления, признавая обязательный характер данных актов, отказываются причислять их к источникам права. Например, В.С. Нерсисянц, апеллируя к концепции разделения властей, категорически отвергает наделение судебных решений нормативными свойствами. С его позиции, документы, исходящие от любых судебных инстанций, являются исключительно правоприменительными и обладают силой лишь в этом узком смысле. Иной подход демонстрирует вторая группа исследователей, настаивающая на том, что решения Конституционного Суда следует считать полноценными источниками права. Так, В.А. Кряжков указывает на недопустимость недооценки прецедентного характера этих актов, которые задают верный вектор в интерпретации Конституции для всех прочих субъектов и формируют устойчивое ожидание, что Суд и впредь будет придерживаться аналогичных правовых позиций по сходным делам [3, с. 51]. Наиболее признанной в текущей доктрине является третья позиция, сторонники которой квалифицируют акты Конституционного Суда как источники права уникального (гибридного) типа, вбирающие в себя черты разных правовых форм. Н.С. Бондарь в этой связи определяет их как нетипичные источники, органично сочетающие признаки сразу нескольких классических разновидностей [4, с. 77].

Ключевое значение для разрешения данной теоретической проблемы имеет правовая позиция, сформулированная самим Конституционным Судом. Впервые она была изложена в Постановлении № 19-П от 16 июня 1998 года, принятом в рамках дела о толковании положений статей 125, 126 и 127 Конституции РФ. В этом акте Суд разъяснил, что его решения, аннулирующие юридическую силу нормативных актов, признанных неконституционными, обладают действием, идентичным по своим пространственным, временным и субъектным параметрам действию актов нормотворческих органов. Из этого следует, что подобные решения имеют общеобязательное значение, аналогичное нормативным актам, и принципиально отличаются в этом качестве от актов судов общей юрисдикции и арбитражных судов, которые по своей природе являются правоприменительными [5].

Следовательно, согласно позиции Конституционного Суда, его акты, будучи по своей формально-юридической природе индивидуальными правоприменительными документами, по сути порождают правовые последствия и обладают значимостью, характерной для нормативных установлений законодательных органов.

Анализ нормативности актов Конституционного Суда требует обращения к теории права, где под нормативностью понимается установление общеобязательных, рассчитанных на многократное применение правил для неопределенного круга лиц. Нормативность актов Конституционного Суда проявляется в трех аспектах: признание нормы неконституционной влечет утрату ею силы (фактическая отмена); выявление конституционно-правового смысла предписывает применять норму только в данном истолковании; правовые позиции Суда обязательны для всех правоприменителей при рассмотрении аналогичных дел. Как указал Суд в Определении № 556-О-Р, норма действует в нормативном единстве с подтвердившим ее конституционность решением [6].

Правовая позиция Конституционного Суда – ключевая категория для понимания нормативности его актов. Не имея легального определения, она широко применяется в законодательстве и доктрине (Гаджиев: «кристаллизованное право»; Хабриева, Волкова: результат конституционного толкования). Признаки: подконституционность, устойчивость,

обязательность, интерпретационность. По словам Б.С. Эбзеева, правовая позиция не ограничена участниками конкретного дела и обязательна для неопределенного круга лиц при разрешении иных споров.

Современные исследователи, в частности И.К. Лавренюк, обосновывают необходимость дифференцированного подхода к оценке нормативности актов Конституционного Суда, выделяя три группы. Индивидуальные правовые акты (например, отказные определения без правовых позиций) не являются источниками права. Интерпретационные акты выступают вторичными источниками, содержащими нормативное толкование, но не создающими новых норм. Акты смешанной природы сочетают черты различных видов: в части общих норм – первичный источник, в части правовых позиций – вторичный, в части индивидуальных предписаний – не источник. Данная классификация позволяет учитывать сложную структуру содержания актов Суда [2, с. 42].

Особое значение имеет обязательность решений Конституционного Суда для законодательной власти. Постановления Суда могут содержать указания федеральному законодателю о необходимости изменения законодательства. Законодатель обязан их исполнить, но конкретные способы реализации определяет самостоятельно в пределах, установленных Судом.

Решения Конституционного Суда служат обязательным ориентиром для судов общей юрисдикции и арбитражных судов в их правоприменительной деятельности. Как следует из Постановления № 6-П, опираясь на правовую позицию Конституционного Суда, нижестоящие суды наделены полномочием признавать недействующими законы субъектов РФ, которые воспроизводят нормы, уже признанные неконституционными [7].

В то же время в доктрине сохраняется дискуссия относительно юридической силы определений Конституционного Суда, вынесенных по итогам рассмотрения жалоб и запросов, но содержащих отказ в принятии обращения к рассмотрению. Некоторые суды не признают их источниками права из-за отсутствия значения итогового решения. Однако такой подход игнорирует тот факт, что в «отказных» определениях Суд нередко формулирует важные правовые позиции, разъясняющие конституционно-правовой смысл норм. Представляется обоснованным, что юридическая сила таких определений определяется не формой, а наличием нормативных правовых позиций.

Определяя место актов Конституционного Суда в системе источников публичного права, необходимо отметить их особое положение. Они не могут быть отменены законодателем, так как основаны на непосредственном применении Конституции, но при этом не подменяют законодательные акты, а выступают интерпретационными актами, обеспечивающими конституционное правовое воздействие на правовой порядок. Данное воздействие представляет собой влияние конституционных ценностей на все правовые нормы, и в этом процессе акты Суда играют ключевую роль, обеспечивая аутентичное понимание Конституции.

Акты Конституционного Суда оказывают существенное влияние на все отрасли публичного права. В конституционном праве они формируют понимание основ конституционного строя и прав человека; в административном – определяют параметры административного усмотрения; в финансовом и налоговом – устанавливают пределы налоговой нагрузки. Воздействие может быть как негативным (признание норм неконституционными), так и позитивным (выявление конституционно-правового смысла норм) [8, с. 259].

Таким образом, можно сформулировать следующие основные выводы:

Акты Конституционного Суда РФ занимают особое место в системе источников публичного права, представляя собой источники особого рода, сочетающие свойства различных правовых актов. Их нормативность проявляется в признании неконституционных норм утратившими силу, в общеобязательности выявленного конституционно-правового смысла норм и в нормативном характере правовых позиций, распространяющихся на неопределенный круг лиц.

Различные виды актов обладают неодинаковой юридической силой: постановления по делам о проверке конституционности и о толковании Конституции имеют наибольшую нормативную значимость; определения могут содержать нормативные правовые позиции при условии формулирования выводов общего значения.

Пределы обязательности актов определяются их действием во времени, пространстве и по кругу лиц. Решения Суда обязательны для всех органов публичной власти, включая законодателя и суды, и не могут быть преодолены повторным принятием актов, признанных неконституционными.

В системе публичного права акты Конституционного Суда выступают ключевым регулятором, обеспечивающим конституционное воздействие на правопорядок. Это создает условия для согласованного понимания и применения конституционных норм во всех публично-правовых отраслях.

Список литературы

1. О Конституционном Суде Российской Федерации: Федеральный закон от 21 июля 1994 года [в редакции от 31 июля 2023 года] – Текст: электронный // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»..

2. Лавренюк, И.К. Правовая природа и виды актов Конституционного Суда Российской Федерации / И.К. Лавренюк // Право и политика. 2025. №6. – Текст: электронный // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-i-vidy-aktov-konstitutsionnogo-suda-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения 05.03.2026).

3. Туркина, Д.А. решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник права / Д.А. Туркина // Вопросы российской юстиции. 2023. №28. – Текст: электронный // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/resheniya-konstitutsionnogo-suda-rossiyskoy-federatsii-kak-istochnik-prava-1> (дата обращения 05.03.2026).

4. Бондарь, Н.С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источников права / Н.С. Бондарь // Журнал российского права. 2007. №4 (124). – Текст: электронный // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/normativno-doktrinalnaya-priroda-resheniy-konstitutsionnogo-suda-rf-kak-istochnikov-prava> (дата обращения 05.03.2026).

5. По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации: Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 – Текст: электронный // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. О разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 11 ноября 2008 N 556-О-Р – Текст: электронный // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 81 и статьи 123 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества: Постановление Конституционного Суда РФ от 06 февраля 2018 – Текст: электронный // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Иванова, Е. А. Юридическая природа правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и источники их общеобязательности / Е.А. Иванова // Актуальные проблемы российского права. 2009. №1. – Текст: электронный // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-priroda-pravovyh-pozitsiy-konstitutsionnogo-suda-rossiyskoy-federatsii-i-istochniki-ih-obscheobyazatelnosti> (дата обращения 05.03.2026).

ИНФОРМАЦИОННЫЕ «ВБРОСЫ» КАК ПРИЕМ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ильиных Анна Сергеевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

annavoyts@mail.ru

Шелепкова Наталья Анатольевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

Научный руководитель: Пономарева Валерия Владимировна, доктор юридических наук, профессор

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

valery_e378he@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается феномен «информационного вброса» как инструмента манипулирования общественным мнением в условиях стремительного развития цифровых технологий и социальных сетей. Авторы анализируют теоретические подходы к определению понятий «информационный вброс», «фейковая новость» и «недостоверная информация», выявляя их таксономические и целевые различия. Особое внимание уделяется анализу российского законодательства: исследованы составы административного правонарушения (ст. 13.15 КоАП РФ) и уголовных преступлений (ст. 207.1, 207.2 УК РФ), устанавливающих ответственность за распространение недостоверной общественно значимой информации. На основе судебной практики и разъяснений Верховного Суда РФ раскрываются правоприменительные аспекты квалификации данных деяний. В статье также проводится сравнительно-правовой анализ с немецким законом NetzDG, рассматривается проблема соблюдения баланса между ограничением распространения фейков и конституционным правом на свободу слова в контексте международных стандартов.

Ключевые слова: информационный вброс, фейковые новости, недостоверная информация, общественное мнение, манипуляция, социальные сети, административная ответственность, уголовная ответственность, КоАП РФ, УК РФ, свобода слова, судебная практика, информационная безопасность

Быстрое развитие информационных технологий и широкое распространение социальных сетей требуют от государства принятия дополнительных мер, предотвращающих нарушение общественного порядка посредством распространения недостоверной информации.

Само словосочетание «информационный вброс» появилось относительно недавно. Стоит отметить, что сегодня оно не имеет однозначной дефиниции, а в литературе делаются лишь попытки формулирования данного термина. Так, в одних случаях под информационным «вбросом» подразумевают резкое заполнение сетевого пространства какой-либо короткой информацией, имеющей яркую, преимущественно негативную эмоциональную окраску, обладающей малой долей правды [3]. «Вбросом» также можно назвать информацию, способную вызвать общественный резонанс, о чем ее распространителю заведомо известно. Целью информационного «вброса», наряду с введением в заблуждение, является отвлечение внимания аудитории от информации, которая по каким-либо причинам не должна стать широко известной.

Здесь стоит упомянуть о том, что помимо понятия «информационный «вброс», существует термин «ложная новость» («фейковая новость»). Фундаментальное отличие заключается не столько в содержании, сколько в тактике распространения и целеполагании. Если ложная новость может существовать в информационном поле длительное время,

будучи единичным искажением факта, то «вброс» характеризуется прежде всего своей технологией: это именно резкий, массированный и залповый выброс сведений в информационное пространство с целью оперативного воздействия на опубликованную информацию. В связи с этим важным представляется вопрос о валидности распространяемых сведений. «Вброс» не всегда является синонимом абсолютной лжи. Таксономический анализ показывает, что он может быть как полностью ложным, так и состоять из правдивой, но специально скомпонованной или деконтекстуализированной информации. В последнем случае достоверные факты подаются таким образом, чтобы спровоцировать искаженное восприятие, панику или требуемую инициатору реакцию аудитории. Следовательно, критерием истинности выступает не объективность данных, а характер их подачи и ожидаемый манипулятивный эффект.

В переводе с английского, «Fake» означает: «мистификация, введение в заблуждение», следовательно, «медиафейк» – намеренное введение в заблуждение аудитории. Отметим, что исследователь А.А. Первухин при определении данного понятия обращает внимание на его производность, указывая, что «медиамистификация» включает в себя несколько этапов: сокрытие информации, ее искажение и подмену, следовательно, «медиафейк» – это своеобразный прием, метод воздействия на аудиторию[4]. Термин «фейковые новости» имеет несколько значений. Наиболее часто его используют для обозначения сенсационных, но заведомо ложных сообщений, скрытой рекламы и пропаганды. Встречаются случаи применения этого термина для правдивых сообщений, но имеющих преувеличенную сенсацию. Таким образом, нечеткость содержания этого термина не позволяет использовать его в текстах нормативных актов. В законодательных актах речь идет о недостоверной информации.

При этом следует отметить, что ни Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», ни Кодекс об административных правонарушениях, ни Уголовный кодекс Российской Федерации не содержат легальной дефиниции понятия «недостоверная информация». Термин носит оценочный характер, точное значение которого определяется в процессе правоприменения, включая судебную практику и толкования, сформулированные Верховным Судом Российской Федерации. Согласно Обзору отдельных вопросов судебной практики, утвержденному Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 21 апреля 2020 года, заведомо недостоверная информация – это сведения, которые являются фактически неверными и сознательно воспринимаются лицом, осуществляющим их распространение, именно как ложные. Таким образом, отсутствие единой законодательной дефиниции компенсируется судебным толкованием, что характерно для оценочных категорий в праве.

Несмотря на различное толкование рассматриваемых понятий, их объединяет общая черта – они направлены на введение аудитории в заблуждение, что в последующем может послужить причиной нарушения общественного порядка. Так, до 2018 года в законодательстве Российской Федерации (далее также – РФ) отсутствовала конкретная норма, которая бы содержала санкцию за распространение ложной информации. Российский закон защищал лишь отдельно взятых частных лиц. То есть, если человек распространит какую-либо заведомо ложную информацию порочащего характера о другом, то последний имеет право обратиться в суд. Когда же речь шла о распространении ложной информации в отношении государства, чрезвычайных происшествиях, жертвах, то возможность обращения в суд была исключена.

В настоящее время законодательство Российской Федерации устанавливает две формы ответственности за умышленное распространение ложной социально важной информации через средства массовой коммуникации и сети Интернет – административная и уголовная.

12 декабря 2018 года в Государственную Думу Российской Федерации поступил законопроект № 606595-7, предусматривающий внесение изменений в статью 13.15 КоАП

РФ, устанавливающих административную ответственность за распространение в СМИ и сети Интернет заведомой недостоверной информации, имеющей общественное значение, предлагая дополнить статью 13.15 КоАП частью 9, которая в последующем была введена Федеральным законом от 18.03.2019 № 27-ФЗ. Анализ диспозиции данной нормы позволяет выделить ключевые элементы состава правонарушения. Во-первых, объективную сторону образует распространение информации, которая является «заведомо недостоверной». Как следует из примечания к самой статье и разъяснений Верховного Суда РФ, под такой информацией понимаются сведения, не соответствующие действительности, при этом субъективная направленность деяния («заведомость») предполагает, что лицо на момент распространения достоверно знало об их ложности, то есть действовало с прямым умыслом. Во-вторых, обязательным признаком является «общественная значимость» информации. Легальные критерии общественной значимости в законе отсутствуют, что делает эту категорию оценочной. На практике (и это подтверждается судебной деятельностью) к таковой относят сведения о чрезвычайных происшествиях, действиях органов власти, террористических угрозах, стихийных бедствиях и иных событиях, затрагивающих безопасность неопределенного круга лиц. Санкции статьи дифференцированы в зависимости от субъекта: для граждан предусмотрен штраф от 30 до 100 тысяч рублей, для должностных лиц – от 60 до 200 тысяч рублей, для юридических лиц – от 200 до 500 тысяч рублей. Судебная практика по данной статье уже сформирована: так, только в 2020-2021 годах судами было рассмотрено несколько тысяч дел, связанных с распространением ложных сведений о пандемии COVID-19 (например, постановления судов о привлечении к ответственности за фейки о тотальном локдауне или нехватке средств индивидуальной защиты), что подтверждает востребованность данной нормы.

Уголовная ответственность за подобные правонарушения была введена позже, после принятия Федерального закона от 1 апреля 2020 года № 100-ФЗ, дополняющего Уголовный кодекс РФ новыми статьями 207.1 и 207.2. Здесь важно провести четкое разграничение составов преступлений, которое имеет ключевое значение для квалификации содеянного. Согласно статье 207.1 Уголовного кодекса РФ, предусмотрена ответственность за открытое распространение заранее известной неправдивой информации относительно обстоятельств, создающих опасность для жизни и здоровья населения. Данный состав является формальным: преступление считается оконченным с момента публичного распространения таких сведений, независимо от наступления каких-либо вредных последствий. Напротив, статья 207.2 УК РФ (в двух ее частях) сконструирована как материальный состав: привлечение к ответственности возможно лишь тогда, когда указанные действия привели к непреднамеренным тяжелым последствиям: нанесению ущерба здоровью гражданина (часть первая) либо гибели человека (часть вторая). Судебная практика по данным статьям начала складываться практически сразу после их принятия. Первые приговоры были вынесены уже в 2020 году (например, приговоры судов Свердловской и Новосибирской областей в отношении лиц, распространявших ложную информацию о зараженной воде и тотальном дефиците продуктов), что свидетельствует о реальном применении уголовной репрессии в данной сфере.

Понимание и применение указанных правовых норм разъяснены в Обзоре Президиума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2020 года № 1, посвященном вопросам судебной практики в условиях борьбы с распространением COVID-19 на территории России. В данном Обзоре, в частности, подчеркивается необходимость установления прямого умысла и заведомости при квалификации деяний по указанным статьям.

Введение указанных норм и практика их применения неизбежно ставят вопрос о балансе между ограничением распространения недостоверной информации и конституционным правом на свободу слова (ст. 29 Конституции РФ). Конституционный Суд РФ в ряде своих решений (например, в Определении от 26.03.2020 № 567-О) сформулировал правовую позицию, согласно которой ограничения прав и свобод человека и гражданина допустимы, если они соразмерны защищаемым Конституцией ценностям (общественный

порядок, здоровье, безопасность государства), не посягают на само существо права и не препятствуют его реализации. Установленная законодателем ответственность за распространение недостоверной информации, по мнению Суда, таким критериям соответствует, поскольку направлена на защиту именно этих конституционно значимых благ.

Рассматривая международный опыт, можно отметить, что Германия стала одной из первых стран, внедривших на законодательном уровне меры наказания за распространение неподтвержденной информации. 01 октября 2017 года вступил в силу Закон «Об улучшении правоприменения в социальных сетях» NetEnforcementAct (NetzDG). Он направлен на борьбу с фейками, диффамацией и языком вражды в интернете.

Данный закон обязал социальные сети с более чем двумя миллионами зарегистрированных пользователей следить за своим контентом. На сегодняшний день Правительство ФРГ выбрало 7 таких сетей: Facebook, YouTube, Instagram, Twitter, Google+, Pinterest и Soundcloud. Если социальная сеть на жалобу не реагирует и подобный случай не единичный, компании-владельцу грозит штраф в размере до 50 миллионов евро.

Вместе с тем, некоторые высказывают беспокойство относительно возможного ограничения свободы выражения мнений новым законом, а социальные сети вместо тщательного анализа содержания поста будут просто удалять его. Правозащитники, интернет-активисты и крупные интернет-компании уже высказались против этого закона. В мае 2017 года Facebook открыто выступил против согласованного правительством Германии законопроекта. По мнению представителей социальной сети, борьбой с разжиганием ненависти должно заниматься само государство, а не интернет-платформы. В свою защиту представители власти отметили, что в декабре 2015 года основные крупные интернет-компании подписали с властями ФРГ договор о нераспространении фейковых новостей. Однако, по данным Минюста ФРГ, ни Facebook, ни Twitter не соблюдали договоренность в полной мере, поэтому власти были вынуждены принять специальный закон.

Стоит отметить, что подобное регулирование появилось и в законодательстве РФ, так как Федеральным законом от 30.12.2020 № 530-ФЗ были внесены изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ. Законом теперь также предусмотрена обязанность владельцев социальных сетей производить мониторинг социальных сетей и удалять информацию, которая противоречит закону.

И в России, и за границей активно обсуждается тема возможных ограничений права на свободное выражение взглядов, закрепленного в конституциях многих государств, вследствие введения подобных законов. Для обоснования позиции можно обратиться к Международному пакту о гражданских и политических правах. В пункте 2 статьи 19 Пакта говорится непосредственно о самой гарантии права на свободное выражение мнения. Тем не менее, пункт 3 статьи 19 ясно указывает, что реализация права свободно выражать свое мнение предполагает наличие особых обязательств и ответственности. Поэтой причине допускаются две узкие области ограничения этого права тогда, когда они предусмотрены законом и являются необходимыми: а) для уважения прав или репутации других лиц; или б) для охраны государственной безопасности (общественного порядка), здоровья или нравственности населения. На наш взгляд, государство было вынуждено принять такие меры, поскольку недостоверная информация может повлечь весьма серьезные последствия как на национальном, так и на международном уровне.

Исходя из изложенных фактов, очевидно, что стремительный прогресс информационных технологий и значительное увеличение объема как правдивых, так и фальшивых сведений в соцсетях вынуждают власти адаптировать законодательную базу для эффективного регулирования этой сферы. На данный момент трудно говорить о том, что принятие законов об ответственности за информационные «вбросы», является прямым ограничением права на свободное выражение мнения, ведь это сделано в целях защиты общественного порядка и имеет вполне законное основание.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, утвержденный Федеральным законом от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 20.02.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.03.2026) – Текст: электронный // URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.03.2026).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации, утвержденный Федеральным законом от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) – Текст: электронный // URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 04.03.2026).
3. Кочешев, П.А. Информационные «вбросы». Методы минимизации последствий / П.А. Кочешев // Проблемы науки. – 2016. – No 6(7). – С. 24-25.
4. Первухин, А.А. К определению понятия «медиамистификация» /А.А.Первухин // Челябинский гуманитарий. – 2012. – No2(19) .– С.52-55.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ОРГАНАМИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Кадырова Алена Валерьевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

alyona.kad.2001@xmail.ru

Научный руководитель: Пономарева Валерия Владимировна, доктор юридических наук, профессор

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

valery_e378he@mail.ru

Аннотация. Актуальность темы продиктована необходимостью внедрения эффективной социальной политики, способной противостоять вызовам современности. Правовое регулирование сферы социальной политики выступает важнейшим инструментом ее практической реализации в России. Основой служит Конституция Российской Федерации, провозгласившая страну социальным государством, что обязывает органы публичной власти обеспечивать каждому гражданину достойные условия жизнедеятельности и возможности для свободного самореализации. Особое значение приобретает адаптация социальных гарантий к условиям экономической нестабильности и демографических перемен. Системный подход к правовому регулированию позволяет согласованно действовать органам всех уровней власти, нацеливаясь на поддержку наиболее уязвимых групп населения. Благодаря этому укрепляется социальная стабильность, благополучие и повышается качество жизни граждан. Особое внимание уделяется проблемам механизма в условиях современных вызовов и предполагаются пути совершенствования законодательства в социальной сфере.

Ключевые слова: социальная политика, социальное государство, социальное право, правовое регулирование социальной политики

Социальная политика, являясь одной из ключевых задач современного государства, осуществляется посредством комплекса согласованных мероприятий и решений со стороны органов публичной власти. Правовое регулирование играет в этом процессе основополагающую роль, определяя не только цели и задачи социальной политики, но и, что особенно важно, полномочия, компетенцию и порядок деятельности именно органов публичной власти в этой сфере. Тем самым внимание сосредотачивается на властной основе формирования и реализации социальных программ. По мнению Я.А. Маргульяна, социальное право представляет собой совокупность нормативных актов и правовых положений, благодаря которым государство реализует свои социальные обязательства в отношении граждан [7, с. 34-35].

Принято считать, что государственная социальная политика - это система направленных действий в социальной сфере, складывающихся с учетом текущего социально-экономического климата и особенностей исторического развития общества. Реализация таких мер обеспечивается за счет выделения соответствующих финансовых средств и организации управленческих механизмов, а их итогом должно стать достижение заранее определенных позитивных социальных изменений. Учитывая данный контекст, в данном случае правовое регулирование выступает совокупностью норм, устанавливающих порядок формирования, полномочия, правовые формы деятельности, а также способы контроля и ответственности федеральных, региональных и местных органов власти, отвечающих за принятие и исполнение решений в социальной сфере.

Правовое регулирование социальной политики в Российской Федерации (далее - РФ) охватывает нормы Конституции РФ, федеральные законы, подзаконные акты, нормативные

документы субъектов РФ и международные соглашения. Их целью является обеспечение социального равноправия и благополучия граждан. Статья 7 Конституции РФ прямо указывает, что Россия – социальное государство, чья политика направлена на создание условий для достойной жизни и свободного становления личности. Кроме того, в законе закреплён ряд ключевых прав и гарантий:

- охрана труда и здоровья;
- установление гарантированного минимального размера оплаты труда;
- обеспечение поддержки семьи, материнства, отцовства, детства, инвалидов и пожилых людей;
- развитие системы социальных служб;
- установление пенсий, пособий и иных форм социальной защиты [1].

В рамках расширительного толкования права целесообразно считать, что под «условиями, обеспечивающими достойную жизнь» понимается не только формальное превышение уровня прожиточного минимума, но и, например, материальную обеспеченность на финансовом уровне большинства в современном обществе, возможность пользоваться культурными благами, а также надёжную защиту личных прав и безопасности. Под «свободным развитием человека» может также предполагаться, помимо получения образования, также нравственное совершенствование, моральные ценности, привитые в семье. Все эти перечисленные аспекты находятся в сфере регулирования различных отраслей российского права: государственного, трудового, гражданского, административного, финансового, семейного и прочих, что свидетельствует о признании страны социальным государством. Сам термин «социальное государство» может трактоваться как модель управления, как концепция, направленная на социальную защиту граждан, а также как форма общественных отношений (человек-государство). Основная цель такого государства – достижение социальной справедливости [6, с. 29]. Конституционный суд РФ в постановлении от 16.12.1997 № 20-п отметил, что государство обязано обеспечивать благополучие граждан, их социальную защиту. Если человек вследствие возраста, болезни или иных обстоятельств не может работать и не располагает доходами, достаточными для обеспечения себя и семьи, он вправе рассчитывать на помощь от государства и общественности [3]. Эта обязанность закреплена статьёй 39 Конституции РФ, в которой предусмотрены такие права, как социальное обеспечение по возрасту, в случае заболевания, инвалидности, потери кормильца, при воспитании детей [1]. Несоблюдение и неисполнение данных обязательств влечёт публично-правовую ответственность в отношении конкретного субъекта правонарушения.

В связи с этим в данной сфере организован многоуровневый контроль. Законодательные органы контролируют деятельность исполнительной власти в социальной сфере посредством отчетов, слушаний, создание специальных комиссий. Прокуратура осуществляет надзор за соблюдением законодательства, реагирует на нарушения. Граждане и юридические лица вправе обжаловать решения и действия (или бездействие) органов публичной власти, нарушающие их права, в судебном порядке. Как упоминалось выше, за нарушение законодательства в социальной сфере должностные лица органов власти могут быть привлечены к ответственности. При наличии оснований, должностные лица несут дисциплинарную и материальную ответственность перед государством или вышестоящим органом в зависимости от степени вины и масштаба ущерба.

Одним из ярких примеров защиты социальных прав является Постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.2018 № 46-п. Поводом к рассмотрению дела послужили жалобы граждан на отказ в предоставлении мер социальной поддержки по оплате жилого помещения и коммунальных услуг, поскольку объем потребления превышал установленную регионом «социальную норму». Суд указал, что федеральный законодатель, передавая регионам полномочия по определению форм социальной поддержки, обязан установить такие правовые механизмы, которые гарантировали бы реализацию этих прав. Установление льгот лишь в пределах «социальной нормы» было признано не соответствующими

Конституции РФ, поскольку это умаляет право граждан на льготы, гарантированные федеральным законом [4].

Научное сообщество, в частности Т.К. Миронова, обращает внимание на фрагментарность и частую изменчивость законодательства, что создает трудности в правоприменении [8, с 118]. Социальные реформы последних лет требуют постоянной корректировки. А по мнению С.А. Авакьяна дальнейшее развитие социального законодательства должно идти по пути консолидации социального законодательства, возможно путем принятия Социального кодекса РФ, который систематизировал бы разрозненные нормы и обеспечил бы единообразие правоприменительной практики [5, с. 210].

В российской правовой системе действительно действует множество нормативных и правовых документов, регулирующих социальную политику в РФ, некоторые из которых представлены ниже:

- Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» (далее - ФЗ № 178) – устанавливает правила оказания помощи различным категориям граждан.

- Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» – определяет порядок оказания социальных услуг, полномочия властей, права и обязанности сторон.

- Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» – предусматривает меры поддержки инвалидов, включая экономическую, правовую и социальную защиту.

- Федеральный закон от 13.07.2024 № 179-ФЗ «О ежегодной семейной выплате гражданам Российской Федерации, имеющим двух и более детей» – регулирует денежные пособия семьям с двумя и более детьми.

- Указы Президента РФ – уточняют и дополняют федеральные законы, например, Указ Президента РФ от 23.01.2024 № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей».

- Постановления Правительства РФ – например, постановление Правительства РФ от 16.12.2022 № 2330 «О порядке назначения и выплаты ежемесячного пособия в связи с рождением и воспитанием ребенка» - регулирование порядка начисления пособий на ребенка.

- Нормативные документы субъектов Российской Федерации, а также распоряжения Глав администраций муниципальных образований и т.д.

Кроме того, нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью внутренней правовой системы РФ (Конвенция Международной Организации Труда от 22.06.1962 № 117 «Об основных целях и нормах социальной политики», Европейская конвенция о социальном обеспечении от 14.12.1972 № 078).

Стоит отметить, что представленный свод нормативных правовых документов отражает лишь малую часть существующего законодательства в области социальной политики, соответственно создание такого единого нормативного акта как Социального кодекса РФ потребует значительного времени для анализа и кодификации огромного количества документов и практики, реализуемой в России на всех уровнях, принятия самого закона, его финансирования, а также последующих изменений в существующее законодательство, что в условиях современного времени нерационально и трудновыполнимо. Альтернативным решением, на мой взгляд, может выступать создание единого реестра на базе цифровой платформы с содержанием имеющихся нормативных и правовых актов РФ в рамках социальной сферы, в том числе в разрезе субъектов РФ.

Отдельно хочется выделить проблему правовой неопределенности норм федерального законодательства. В статье 13 Федерального закона от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» в части требований к размещению информации на официальных сайтах поставщиков социальных услуг отдельные

положения закона содержат абстрактные формулировки без должной конкретизации, что создает трудности для правоприменителей при определении состава и формата размещаемых сведений, ведет к разночтениям и снижает эффективность реализации норм о прозрачности деятельности поставщиков социальных услуг. Комментарии к статье не затрагивают всех перечисленных положений, что снова затрудняет их толкование. В рамках настоящей статьи был издан приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации (далее - Минтруд России) от 28.03.2025 № 163н, в котором утвержден порядок размещения и обновления информации о поставщике социальных услуг, в том числе указаны требования к содержанию информации, однако сущность необходимой информации для размещения поставщиком социальных услуг не разъяснена. Кроме того, в указанном положении расширен перечень требуемой информации положения, который так же не разъясняется законодателем.

Согласно статье 4 ФЗ № 178 к компетенции РФ в сфере оказания государственной социальной помощи относятся:

- принятие федеральных законов и иных актов РФ, регулирующих вопросы оказания государственной поддержки;
- реализация федеральных программ с предоставлением субсидий на покрытие расходов на социальные услуги;
- установление видов государственной помощи, обязательных на всей территории страны, включая федеральную социальную доплату к пенсии;
- определение порядка оказания помощи субъектами РФ на условиях софинансирования из федерального бюджета по социальному контракту [2].

На федеральном уровне реализацию социальной политики осуществляют различные органы публичной власти. Их полномочные функции варьируются от законотворчества до контроля за исполнением норм (например, Федеральное Собрание РФ, Правительство РФ, ведомства, суды разных инстанций, Прокуратура и другие). Наиболее приближенным федеральным исполнительным органом власти к сфере социальной политики считается Минтруд России, в полномочия которого входит формирование государственной политики, нормативно-правовое регулирование в сфере социальной защиты, труда, демографии, уровня доходов, оплаты труда, пенсионного обеспечения, социального страхования. Помимо этого, участвуют в реализации социальной политики Социальный Фонд России и Федеральная служба по труду и занятости, подведомственная Минтруду России.

В Красноярском крае также демонстрируется вся полнота властных полномочий: Законодательное Собрание края принимает законы о поддержке многодетных семей, ветеранов труда, детей-сирот и иных уязвимых категорий. Исполнительные органы (министерство социальной политики Красноярского края, министерство здравоохранения Красноярского края, министерство образования Красноярского края) разрабатывают подзаконные акты, реализуют краевые программы и проекты, управляют подведомственными учреждениями. Муниципальные органы власти, в свою очередь, осуществляют часть этих полномочий на своей территории [9].

Несмотря на слаженность системы, существует однако размытость критериев разграничения полномочий и предметов ведения обязанностей: положения Конституции РФ, Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ и Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ не всегда четко определяют, кто именно – федеральный центр, регион или муниципалитет – отвечает за финансирование той или иной меры. Это порождает ситуацию «необеспеченных мандатов», когда регионы и муниципалитеты обязаны предоставлять меры, но не получают на это достаточных средств из федерального бюджета.

Необходимо подчеркнуть, что правовое регулирование деятельности органов публичной власти в сфере социальной политики находится в постоянном развитии. Оно сталкивается с необходимостью адаптации к новым вызовам времени - от декларативности норм до несовершенства механизмов реализации, а также необходимость подстраиваться под демографические изменения, экономические кризисы. Это требует высокой гибкости,

быстрого реагирования на изменения и постоянного совершенствования механизмов контроля и обеспечения законности. Судебная практика, особенно акты Конституционного и Верховного Судов, играет важную роль в защите прав граждан, но не может подменять собой законодателя. Предложенные меры – «кодификация» законодательства посредством создания единого реестра нормативных и правовых актов социального права на всех уровнях государства, корректировка и уточнение норм – способны повысить эффективность социальной политики и обеспечить реальное, а не декларативное исполнение Российской Федерацией функций социального государства.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: текст с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года: одобрен Советом Федерации 11 марта 2020 года. // КонсультантПлюс: официальный сайт – Москва – Текст: электронный // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 04.03.2026).

2. Российская Федерация. Законы. О государственной социальной помощи: Федеральный закон № 178-ФЗ: [принят Государственной Думой 25 июня 1999 года: Одобрен Советом Федерации 2 июля 1999 года].// КонсультантПлюс: официальный сайт – Москва – Текст: электронный // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23735/ (дата обращения: 04.03.2026).

3. Российская Федерация. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.12.1997 № 20-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца шестого пункта 1 статьи 28 Закона Российской Федерации от 19.04.1991 «О занятости населения в Российской Федерации в редакции от 20.04.1996» // КонсультантПлюс: официальный сайт – Москва – Текст: электронный // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17163/ (дата обращения: 04.03.2026).

4. Российская Федерация. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20.12.2018 № 46-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго пункта 40 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов в связи с жалобами граждан В.И. Леоновой и Н.Я. Тимофеева» // КонсультантПлюс: официальный сайт – Москва – Текст: электронный // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314138/ (дата обращения: 06.03.2026).

5. Авакьян, С.А. Конституционное право России : учебное пособие / С.А. Авакьян. - 7-е изд., перераб. и доп. - Москва: ИНФРА-М, 2024. - 864 с. - (Высшее образование).- ISBN 978-5-00156-165-1. - Текст: электронный // URL: <https://znanium.ru/read?id=436538> (дата обращения: 06.03.2026).

6. Забралова, О.С. Социальное государство: понятие, сущность и виды / О.С. Забралова // научная статья «Социальное государство: понятие, сущность и виды»: социологические науки / Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина. - № 6 (139) С. 21-31 – 2022. — Текст: электронный // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48683677> (дата обращения: 05.03.2026).

7. Маргулян, Я. А. Основы социального государства: учебник для вузов / Я. А. Маргулян. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 178 с. – (Высшее образование). - ISBN 978-5-534-07234-1. – Текст: электронный // ЭБС Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/561634> (дата обращения: 04.03.2026).

8. Миронова, Т.К. Право социального обеспечения : учебное пособие / Т.К. Миронова. - 4-е изд., перераб. и доп. - Москва : КНОРУС, 2024. - 306 с. - (Бакалавриат и специалитет) - Текст: непосредственный.

9. Красноярский край: официальный сайт. – Красноярск. – Обновляется в течение суток. – URL: <http://www.krskstate.ru/> (дата обращения: 05.03.2026).

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Клопенко Екатерина Сергеевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

Klopenkoeaterina194@gmail.com

Козлова Мария Сергеевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

Maria.k2007@yandex.ru

Научный руководитель: Бородин Игорь Анатольевич, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

igorborodin@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются правовые аспекты участия России в Болонском процессе, анализируются противоречия гибридной модели высшего образования, сложившейся вследствие селективной имплементации европейских стандартов. Особое внимание уделяется юридической природе Болонской декларации, проблемам сосуществования бакалавриата, специалитета и магистратуры, а также нормативному повороту 2023 года. Обосновывается переход к политике образовательного суверенитета и возвращению специалитета в стратегически значимых отраслях.

Ключевые слова: Болонская декларация, высшее образование, правовое регулирование, специалитет, бакалавриат, магистратура, образовательный суверенитет, гибридная модель, государственная образовательная политика, академическая мобильность, международное признание дипломов, имплементация

Высшее образование имеет огромное значение для страны, выходя за рамки просто социальной политики. От него непосредственно зависит технологическая независимость, экономическая стабильность и сохранение культурной идентичности. В России на протяжении двух последних десятилетий система высшей школы испытала существенные правовые и институциональные изменения. Эти реформы были нацелены на внедрение международных стандартов Болонского процесса с традиционной отечественной системой подготовки специалистов.

На сегодняшний день этот эксперимент исчерпал себя. Правовое регулирование высшего образования столкнулось с рядом системных проблем, вызванных изначальной двойственностью подхода. Федеральные законы, такие как «Об образовании в Российской Федерации», установили бакалавриат и магистратуру как основные уровни подготовки. Однако в некоторых особо важных и социально значимых отраслях сохранилось преобладание специалитета. Это привело к созданию неоднородной и противоречивой гибридной модели высшего образования.

Болонская декларация как основа реформ:

Болонская декларация, подписанная в 1999 году министрами образования 29 европейских стран, ставила целью создание единого Европейского пространства высшего образования[3, с.3]. Это должно было обеспечить сопоставимость систем образования и свободное академическое взаимодействие. Болонский процесс подразумевает под собой форму добровольного сотрудничества государств в сфере образования, направленную на формирование единого образовательного и научного пространства без создания наднациональных органов принуждения[2, с.3].

Основные цели Декларации включали:

- Внедрение двухуровневой системы высшего образования (бакалавриат – магистратура);

- Взаимное признание квалификаций и ученых степеней;
- Развитие академической мобильности учащихся и педагогов;
- Улучшение качества обучения посредством кредитную систему ECTS и механизмы внешней оценки;

Важно отметить, что Болонская декларация не является международным договором в строгом юридическом смысле. Она носит характер политического соглашения, относящегося к «мягкому праву», но стала основой для масштабных реформ национальных образовательных систем в рамках Европы.

Особенности присоединения России к Болонской декларации:

Российская Федерация объявила о своем намерении участвовать в Болонском процессе в 2003 году[1, с.1]. Термин «ратификация» по отношению к этому событию с юридической точки зрения некорректен, что имеет важное значение для дальнейших юридических последствий. Болонская декларация не требовала парламентской ратификации, поскольку не являлась международным договором. Присоединение России представляло собой политическое обязательство, принятое исполнительной властью, что оставляло государству свободу в интерпретации и реализации положений процесса[3, с. 2].

Практическое воплощение данных принципов потребовала приспособления российского законодательства. Это происходило поэтапно, в том числе внесение поправок в существующие законы об образовании, принятие закона от 24.10.2007 № 232-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» году, который зафиксировал двухуровневую систему, и последующий закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», где бакалавриат, специалитет и магистратура стали самостоятельными уровнями. Таким образом, политическое решение 2003 года воплотилось в правовую систему спустя почти десятилетие, что породило внутренние противоречия модели.

Правовые проблемы реализации Болонской модели в РФ:

Вступление России в Болонский процесс следует рассматривать как цивилизационный и институциональный выбор, не получивший четкого и согласованного правового оформления[4, с.6]. Основная сложность заключалась в попытке внедрения европейской модели, основанной на автономии университетов и гибкости трудового рынка, в российскую систему с высоким уровнем государственного регулирования и отраслевой специализации[5, с.8].

Несмотря на отсутствие прямого юридического действия Болонской декларации, ее положения нашли отражение в правоприменительной практике. Анализ информационно-правовых систем продемонстрировал устойчивые оценки этой трансформации[7, с.3].

Так, в аналитических обзорах указывается, что внедрение бакалавриата и магистратуры реализовывалось не путем слепого копирования, а посредством приспособления к отечественной системе подготовки специалистов[8, с.5]. Одновременно сохранение специалитета, прежде всего в инженерных, медицинских и оборонных направлениях, свидетельствует о стремлении государства удержать черты классической системы, что и стало источником институциональной двойственности.

Материалы справочно-правовой системы подчеркивают, что сосуществование трех уровней образования (бакалавриат, специалитет, магистратура) усложняет вопросы академической мобильности и международного признания дипломов, особенно в государствах, полностью перешедших на двухуровневую систему[10, с.1]. Это подтверждает избирательный подход внедрения Болонского процесса и конфликт между международными ориентирами и внутренними задачами системы обучения.

Указанные позиции фиксируют селективный характер имплементации Болонского процесса и подтверждают наличие устойчивого конфликта между международными ориентирами и внутренними образовательными приоритетами.

Переход к новой модели и возврат специалитета

В 2021–2022 годах, на фоне изменения внешнеполитических и экономических условий, Россия начала пересмотр своего участия в Болонском процессе. Ключевым событием стал Указ Президента РФ от 12 мая 2023 года No 339, утвердивший новый список направлений подготовки[4, с.12].

Согласно указу, специалитет вновь становится основной формой высшего образования для направлений, связанных с технологическим суверенитетом, национальной безопасностью, здравоохранением и педагогикой[6, с.13]. Бакалавриат и магистратура сохраняются, но утрачивают статус универсальной модели, трансформируясь в формы базового и специализированного высшего образования[8, с.13].

С правовой точки зрения указ является инструментом реализации новой государственной стратегии, направленной на воссоздание национальной модели высшей школы с углубленной профессиональной подготовкой. Эта стратегия требует масштабного обновления образовательных стандартов и их согласования с профессиональными стандартами.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что многолетняя интеграция российской высшей школы в общеевропейскую модель, развитую в контексте Болонского процесса, не привела к ожидаемому системному обновлению образования, а напротив – выявила глубинные противоречия между заимствованной конструкцией и национальными стратегическими интересами. Унификация формальных уровней подготовки и процедур оценки качества не позволила достичь ни устойчивого международного признания, ни сопоставимого прироста конкурентоспособности. Вместо этого возникла институциональная неоднородность и размывание традиций фундаментальной школы.

Двухуровневая архитектура высшего образования, будучи ориентированной на экономические реалии стран Западной Европы, оказалась недостаточно подходящей для системы, ориентированной на долгосрочное научно-технологическое развитие. В условиях, когда государству требуется воспроизводство инженерных и исследовательских кадров высокой квалификации, сокращение сроков и фрагментация подготовки неизбежно снижают глубину профессиональной социализации. Это, в свою очередь, ставит под сомнение способность образовательной системы стабильно обеспечивать кадровую основу для сложных отраслей промышленности и науки.

Одновременно правовая двойственность – сосуществование бакалавриата, магистратуры и специалитета – усилила неопределенность статусов дипломов и ожиданий работодателей. Попытка совмещения различных методов регулирования привела к затяжному периоду адаптации, в течение которого ни одна из моделей не была реализована последовательно и полноценно. Такая институциональная компромиссность объективно снижала предсказуемость образовательной политики и подрывала доверие к реформам.

В новых геополитических и экономических условиях стало очевидно, что дальнейшее следование внешним стандартам без учета национальных приоритетов не отвечает задаче укрепления образовательного суверенитета. Отказ от прежней парадигмы не следует трактовать как изоляционизм; скорее, речь идет о переходе к модели, в которой международное сотрудничество строится на принципах равноправия, а внутренняя структура высшей школы формируется исходя из потребностей страны.

Таким образом, отказ от Болонской системы следует рассматривать не как изоляцию, а как акт защиты образовательного суверенитета. Накопленный за два десятилетия негативный опыт доказал, что унификация образования под единые европейские стандарты ведет к утрате его национальной специфики и снижению качества подготовки в стратегически важных отраслях. Возврат к традиционной модели (с сохранением лучших наработок Болонского процесса, таких как академическая мобильность внутри страны и гибкость отдельных программ) является единственно верным путем для сохранения России как страны-цивилизации. Только фундаментальное, целостное и непрерывное образование, а не фрагментированная двухуровневая система, способно воспитать личность и подготовить специалиста, способного решать задачи прорывного развития государства в условиях глобальных вызовов

Список литературы

1. Болонская декларация 19 июня 1999 года // Европейское пространство высшего образования.
2. Россия присоединилась к Болонскому процессу в сентябре 2003 года. - Текст: электронный // ТАСС: информационное агентство. - URL: <https://tass.ru/info/14650777> (дата обращения: 11.02.2026).
3. Минеев, В. В. Болонский процесс и модернизация российского высшего образования / В. В. Минеев // Право и образование. - 2010. - № 5. - С. 4-12.
4. Болонский процесс: цели, структура и основные направления реформирования высшего образования. - Текст: электронный // URL: <https://present5.com/bolonskij-process-bolonskaya-deklaraciya-19-iyunya-1999-g/> (дата обращения: 11.02.2026).
5. Байденко, В. И. Компетентностный подход в высшем образовании: методологические и теоретические проблемы / В. И. Байденко // Высшее образование в России. - 2004. - № 11. - С. 3-10.
6. О мерах по реализации государственной политики в сфере высшего образования: Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2023 № 339. - Текст: электронный // URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.02.2026).
7. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (в ред. Действующей на момент исследования). - Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс».
8. Аналитический обзор: «Реализация Болонского процесса в Российской Федерации» // СПС «Гарант». - Материалы правового анализа Минобрнауки России.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА РОСПОТРЕБНАДЗОРА

Колчин Геннадий Андреевич, студент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

genakolchi@mail.ru

Цецулин Иван Денисович, студент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

seculinivan725@gmail.com

Научный руководитель: Бородин Игорь Анатольевич, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

igorborodin@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые проблемы оценки качества и эффективности работы Роспотребнадзора. Рассматриваются сложности внедрения риск-ориентированного подхода и трудности определения критериев успеха. Большое внимание уделено роли цифровизации в повышении прозрачности процессов. Изучается поиск баланса между снижением административной нагрузки на бизнес и гарантией санитарно-эпидемиологической безопасности.

Ключевые слова: Роспотребнадзор, государственный контроль, защита прав потребителей, риск-ориентированный подход, критерии качества, профилактика правонарушений, цифровая трансформация

На текущем этапе в России наблюдается масштабная реформа надзорной сферы, где ключевым субъектом изменений выступает Роспотребнадзор. Реализация положений Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ [1], позволила перейти от стратегии наказания к приоритету предупреждения правонарушений. Данная законодательная трансформация показала внутренние проблемы.

Проблемы реализации полномочий Роспотребнадзора

1. Проблема перехода от количества к качеству

Долгое время деятельность проверяющих структур оценивалась через призму статистическо-карательных методов (количество выездов на объекты, общая сумма наложенных санкций и число зафиксированных проступков), однако сколько гипотетических вспышек болезней удалось избежать остается неизвестным.

В настоящий момент ведомство пытается внедрить модель оценки через предотвращенный ущерб и систему стимулирования инспекторов за профилактические результаты по устранению корневых причин и снижению рисков.

2. Изъяны системы группирования рисков

Актуальный механизм контроля основан на распределении предприятий по уровням потенциальной угрозы. Этот процесс сталкивается с серьезными препятствиями:

Рейтинги безопасности опираются на архив предыдущих проверок. В итоге новые предприниматели рынка, часто получают категорию риска случайным образом или исходя из общих отраслевых стереотипов.

Трансформация сервисов происходит быстрее, чем обновляются государственные чек-листы. Из-за чего требуется перейти к риск-ориентированной выборке объектов с регулярным обновлением профилей на основе оперативных данных и внешних источников. Усилить взаимодействие налоговых, таможенных, медицинских баз данных для автоматизации процесса определения категорий риска, и обновлять чек-листы через сотрудничество с ассоциациями отрасли и пилотные тесты новых критериев на реальных предприятиях.

3. Новые критерии оценки качества продукции сотрудниками Роспотребнадзора

Большое сокращение устаревших нормативов упростило требования, но повысило планку для самих проверяющих. Теперь инспекторам нужно не просто следовать пунктам инструкции, но и интерпретировать общие нормы. Наблюдается острый дефицит аналитиков, способных на глубокую экспертизу в сложных ситуациях. Что приводит к развитию аналитических потенциалов: набор и обучение аналитиков, методологическая поддержка территориальных отделов, использование машинного обучения для выявления аномалий.

Обновить чек-листы через сотрудничество с ассоциациями отрасли и пилотные тесты новых критериев на реальных предприятиях.

4. Критерии оценки качества санитарных норм предприятий

Роспотребнадзор оценивает соблюдение санитарных норм на производствах посредством плановых и внеплановых проверок (выездных, документарных, инспекционных визитов и др.).

В ходе проверок инспекторы изучают документацию предприятия (сертификаты, протоколы исследований, медицинские книжки работников), осматривают помещения и оборудование, берут пробы для лабораторных исследований.

Ключевой элемент оценки – анализ программы производственного контроля предприятия, включая план лабораторных исследований, организацию медосмотров и гигиенической подготовки персонала.

По результатам проверки при выявлении нарушений Роспотребнадзор выдает предписание об их устранении, может наложить штраф или приостановить деятельность предприятия.

5. Обратная сторона цифровой трансформации

Информатизация процессов через такие ресурсы, как ЕРКНМ, была призвана победить субъективизм.

Из-за обилия специфических терминов и запутанных интерфейсов открытая информация осталась недоступной для понимания рядовым гражданином или малым бизнесом. Электронные системы фиксируют лишь факт совершения действия, из-за чего программа не способна оценить реальное качество проведенного анализа. Для решения данной проблемы можно будет провести модернизацию электронных интерфейсов и создать понятный глоссарий/инструкцию для граждан и малого, среднего бизнеса.

6. Конфликт стратегических задач: экономика против безопасности

Введение запретов на плановые проверки стало критическим моментом для оценки работы Роспотребнадзора. Служба оказалась зажата между политическим курсом на либерализацию бизнеса и своей прямой обязанностью охранять здоровье населения. В итоге возникает противоречие в критериях успеха: для государства достижением является снижение административного пресса, а для общества – безопасность товаров. Эта дилемма «двойного ожидания» до сих пор не получила окончательного разрешения в рамках текущей реформы.

Анализ показывает, что главная проблема оценки качества деятельности Роспотребнадзора заключается в переходе от количества к качеству. Для совершенствования системы необходимо:

1. Завершить разработку научно обоснованных методик расчета предотвращенного вреда здоровью населения.

2. Внедрить систему стимулирования инспекторов за профилактические результаты, а не только за количество предписаний и штрафов.

3. Усилить взаимодействие налоговых, таможенных, медицинских баз данных для автоматизации процесса определения категорий риска.

4. Развивать систему публичных рейтингов территориальных органов Службы, основанную на отзывах граждан и реальных показателях благополучия региона.

5. Запустить публичные пилотные проекты по прозрачности и рейтингу площадок с методикой оценки капитала здоровья региона и механизмом обратной связи от бизнеса и граждан.

Список литературы

1. Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 248-ФЗ - Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Правительства РФ от 25.06.2021 № 1005 «Об утверждении Положения о федеральном государственном санитарно-эпидемиологическом контроле (надзоре)» - Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс».
3. Ежегодный государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации» - Текст: электронный // URL: https://rospotrebnadzor.ru/documents/details.php?ELEMENT_ID=25053 (дата обращения 05.03.2026).
4. Иванова, Т. С. Реформа контрольно-надзорной деятельности: новые подходы к оценке результативности / Т.С. Иванова // Вестник государственного и муниципального управления. – 2022.
5. Петров, А. В., Сидоров, Н. К. Риск - ориентированный подход в деятельности Роспотребнадзора: проблемы внедрения и пути решения/ А.В. Петров, Н.К. Сидоров // Гигиена и санитария. – 2021. – Т. 100, № 5.
6. Степанова, Е. М. Профилактика как приоритетное направление государственного контроля в сфере защиты прав потребителей // Юридическая наука. – 2023. – № 2.
7. Методика оценки результативности и эффективности контрольно-надзорной деятельности (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 17.05.2016 № 934-р) - Текст: электронный // URL: <https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-17052016-n-934-r/> (дата обращения 05.03.2026).

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛНОМОЧИЙ РОСПОТРЕБНАДЗОРА И РОССЕЛЬХОЗНАДЗОРА

Кольга Антонина Сергеевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

antoninakolga606@gmail.com

Ергаева Анастасия Юрьевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

anastasiaergaeva0@gmail.com

Научный руководитель: Бородин Игорь Анатольевич, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

igorborodin@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу полномочий Роспотребнадзора и Россельхознадзора как ключевых федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих контрольно-надзорные функции в Российской Федерации. Рассматриваются правовые основы их деятельности, предметы ведения, инструменты государственного контроля и особенности применения риск-ориентированного подхода. Особое внимание уделяется различиям в функциональной направленности органов: социальной – у Роспотребнадзора и экономико-стратегической – у Россельхознадзора. В статье анализируется влияние их деятельности на обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения, продовольственной безопасности и развитие предпринимательской среды. Сделан вывод о взаимодополняющем характере полномочий ведомств и необходимости дальнейшего совершенствования механизмов межведомственного взаимодействия и цифровизации надзора.

Ключевые слова: контрольно-надзорная деятельность, государственный контроль, административное право, санитарно-эпидемиологическое благополучие, продовольственная безопасность, риск-ориентированный подход, полномочия федеральных органов, защита прав потребителей, ветеринарный контроль, фитосанитарный надзор

Современная модель государственного управления в Российской Федерации ориентирована на повышение эффективности надзора, снижение административной нагрузки на бизнес и внедрение риск-ориентированного подхода. В этой связи особую научную и практическую значимость приобретает сопоставление компетенций различных ведомств, позволяющее выявить их функциональные особенности, зоны пересечения полномочий и потенциал для оптимизации взаимодействия.

Несмотря на общую принадлежность к системе федеральных органов исполнительной власти, рассматриваемые службы выполняют различные задачи и имеют отличающиеся предметы ведения. Роспотребнадзор сосредоточен на защите прав потребителей и санитарно-эпидемиологическом благополучии населения, тогда как Россельхознадзор реализует функции в сфере ветеринарного и фитосанитарного контроля, обеспечивая безопасность аграрного производства и продовольственного рынка.

Целью настоящего исследования является комплексный сравнительный анализ полномочий указанных органов, их инструментов регулирования и роли в системе государственного контроля. Для достижения поставленной цели рассматриваются правовые основы их деятельности, направления надзора, а также социально-экономические эффекты реализации контрольных функций.

Научная новизна работы заключается в систематизации различий и сходств компетенций ведомств с учетом современных тенденций реформирования контрольно-надзорной деятельности. Практическая значимость исследования состоит в возможности

использования его результатов при совершенствовании механизмов межведомственного взаимодействия и разработке предложений по повышению эффективности государственного контроля.

В современной системе государственного управления Российской Федерации особое место занимает контрольно-надзорная деятельность, направленная на обеспечение безопасности населения, устойчивости экономики и защиты национальных интересов. В этой структуре ключевыми субъектами выступают Роспотребнадзор и Россельхознадзор, обладающие схожей по форме, но различной по содержанию компетенцией. Сравнительный анализ их полномочий позволяет выявить институциональные особенности регулирования в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия и ветеринарного и фитосанитарного контроля, а также оценить эффективность распределения функций между ведомствами [4, с. 1].

Исторически формирование компетенций данных органов происходило в контексте административной реформы и трансформации модели государственного контроля, направленной на переход к риск-ориентированному подходу. В научной литературе подчеркивается, что модернизация контрольно-надзорной деятельности стала одним из ключевых инструментов повышения качества государственного управления и доверия граждан к институтам власти [4, с. 2]. В этом контексте Роспотребнадзор и Россельхознадзор рассматриваются как специализированные регуляторы, обеспечивающие баланс между экономическими интересами и требованиями безопасности.

Правовой статус Роспотребнадзора определяется его функциями по контролю в сфере защиты прав потребителей и санитарно-эпидемиологического благополучия населения. Орган осуществляет надзор за соблюдением санитарных норм, проводит эпидемиологический мониторинг, а также участвует в разработке нормативных актов и профилактических программ. Таким образом, его полномочия имеют ярко выраженную социальную направленность, поскольку ориентированы на защиту здоровья населения и качество среды обитания.

В отличие от него, Россельхознадзор концентрируется на ветеринарном, фитосанитарном и земельном контроле, включая надзор за безопасностью продукции животного и растительного происхождения. Его деятельность напрямую связана с обеспечением продовольственной безопасности и устойчивости аграрного сектора, что придает его полномочиям выраженный экономический и стратегический характер. В условиях глобализации и роста международной торговли эта функция приобретает особую значимость.

Сравнивая предмет ведения ведомств, можно отметить, что Роспотребнадзор ориентирован преимущественно на конечного потребителя и общественное здоровье, тогда как Россельхознадзор – на производственные процессы и сырьевые цепочки. Такое распределение компетенций отражает функциональное разделение государственного контроля по стадиям жизненного цикла продукции: от производства до потребления. Подобная модель позволяет минимизировать дублирование функций и повысить адресность регулирования.

Инструментарий надзорной деятельности обоих органов во многом схож и включает проверки, мониторинг, выдачу предписаний, административные меры и участие в межведомственном взаимодействии. Однако различия проявляются в приоритетах: для Роспотребнадзора ключевыми являются санитарно-гигиенические требования и эпидемиологические риски, тогда как Россельхознадзор акцентирует внимание на биологической безопасности и соблюдении ветеринарных стандартов.

В научных исследованиях подчеркивается, что эффективность контрольно-надзорных органов во многом зависит от их способности адаптироваться к меняющимся экономическим условиям и структуре рисков [2, с. 1]. В этом аспекте Россельхознадзор играет важную роль в поддержке экспортного потенциала агропромышленного комплекса, поскольку его

контрольные процедуры обеспечивают соответствие продукции международным требованиям и стандартам.

Роспотребнадзор, в свою очередь, активно участвует в формировании регуляторной среды, влияющей на деловой климат и развитие предпринимательства. Его деятельность по контролю качества товаров и услуг напрямую связана с уровнем благополучия субъектов малого и среднего бизнеса, поскольку регуляторные требования формируют рамки их функционирования [2,с.2]. Следовательно, полномочия ведомства имеют не только социальное, но и экономическое измерение.

Важным аспектом сравнительного анализа является взаимодействие органов с другими государственными институтами. Оба ведомства входят в систему федеральных органов исполнительной власти и участвуют в межведомственных программах, однако Россельхознадзор чаще задействован в международном сотрудничестве по линии ветеринарного и фитосанитарного контроля, тогда как Роспотребнадзор – в глобальных инициативах в области общественного здоровья.

Таблица 1 – Сравнительная характеристика полномочий Роспотребнадзора и Россельхознадзора

Критерий сравнения	Роспотребнадзор	Россельхознадзор
Основная сфера контроля	Санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и защита прав потребителей	Ветеринарный, фитосанитарный и земельный контроль
Объект надзора	Товары и услуги для населения, условия среды обитания	Продукция животного и растительного происхождения, аграрные ресурсы
Ключевая цель	Защита здоровья населения и прав потребителей	Обеспечение продовольственной и биологической безопасности
Основные инструменты	Проверки, санитарный мониторинг, предписания, профилактика нарушений	Инспекции, ветеринарный и фитосанитарный контроль, разрешительные процедуры
Экономическое значение	Влияние на качество потребительского рынка и деловой климат	Поддержка аграрного сектора и экспортного потенциала
Социальное значение	Высокое – напрямую связано с качеством жизни населения	Косвенное – через стабильность продовольственного обеспечения

С точки зрения административных процедур, оба органа применяют риск-ориентированный подход при планировании проверок, что соответствует современным тенденциям реформирования контроля и надзора. Исследования показывают, что такая модель способствует снижению административной нагрузки на бизнес и повышению результативности надзорной деятельности [4,с.3]. Тем не менее специфика рисков в их сферах приводит к различиям в критериях оценки и методах контроля.

Социально-экономическое значение деятельности ведомств также различается. Роспотребнадзор в большей степени влияет на качество жизни населения, поскольку его решения непосредственно связаны с санитарной безопасностью, условиями труда и потребительскими правами. Россельхознадзор же играет ключевую роль в обеспечении стабильности аграрного производства и продовольственного рынка, что особенно важно в условиях внешнеэкономических ограничений [1,с.280].

В научной литературе отмечается, что развитие системы государственного надзора тесно связано с общими цивилизационными и институциональными процессами, отражающими трансформацию социально-экономических отношений [3,с.1]. В этом контексте функции обоих органов можно рассматривать как элементы более широкой системы управления рисками, направленной на поддержание устойчивости общества.

Несмотря на различия, между ведомствами существует и зона пересечения полномочий, прежде всего в сфере контроля безопасности пищевой продукции. Здесь требуется четкое разграничение компетенций и эффективная координация, поскольку дублирование функций может снижать эффективность государственного управления и увеличивать административные издержки.

Перспективы развития полномочий Роспотребнадзора и Россельхознадзора связаны с дальнейшей цифровизацией контрольно-надзорной деятельности, внедрением аналитических систем и расширением профилактических механизмов. Усиление превентивной функции позволяет сместить акцент с карательных мер на предупреждение нарушений, что соответствует современным управленческим подходам.

На практике в деятельности хозяйствующих субъектов возможны ситуации, когда на одно и то же производство одновременно или в близкие сроки выходят с проверками территориальные органы Роспотребнадзора и Россельхознадзора. Подобная ситуация чаще всего возникает в сфере производства и оборота пищевой продукции, где санитарно-эпидемиологические требования пересекаются с ветеринарными и фитосанитарными нормами.

Правовую основу организации государственного контроля (надзора) составляет Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». Указанный закон закрепляет принципы недопустимости дублирования контрольных мероприятий и необходимость координации действий контрольных органов (ст. 8, 26, 57 № 248-ФЗ) [11].

Особую роль в предотвращении необоснованного одновременного проведения проверок играет Прокуратура Российской Федерации. В соответствии со ст. 1 и ст. 21 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» органы прокуратуры осуществляют надзор за соблюдением законности, в том числе при проведении проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей[5].

Кроме того, согласно положениям ст. 19 и 57 Федерального закона № 248-ФЗ, проведение внеплановых проверок подлежит согласованию с органами прокуратуры (за исключением отдельных случаев, прямо предусмотренных законом). Таким образом, прокуратура выполняет координационную функцию и вправе не допустить проведение дублирующих или необоснованных контрольных мероприятий[5].

Пересечение полномочий Роспотребнадзора и Россельхознадзора обусловлено нормативным разграничением их компетенции:

- деятельность Роспотребнадзора регулируется Постановлением Правительства РФ от 30.06.2004 № 322 «О Федеральной службе по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека», а также Федеральным законом от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»;

- деятельность Россельхознадзора регламентируется Постановлением Правительства РФ от 30.06.2004 № 327 «О Федеральной службе по ветеринарному и фитосанитарному надзору», Федеральным законом от 14.05.1993 № 4979-1 «О ветеринарии», а также Федеральным законом от 21.07.2014 № 206-ФЗ «О карантине растений».

Наибольшая зона пересечения возникает при контроле безопасности пищевой продукции. В соответствии с Техническим регламентом Таможенного союза ТР ТС 021/2011 «О безопасности пищевой продукции» контроль требований безопасности может относиться как к санитарным нормам (компетенция Роспотребнадзора), так и к ветеринарным требованиям (компетенция Россельхознадзора).

При отсутствии четкой координации это может приводить к параллельным проверкам одного и того же предприятия по смежным основаниям. Именно поэтому законодательство о государственном контроле закрепляет принцип риск-ориентированного подхода и межведомственного взаимодействия, направленный на снижение административной нагрузки на бизнес.

Несмотря на различие функциональной направленности ведомств, пересечение их компетенций в сфере продовольственной безопасности требует эффективного прокурорского надзора и согласования проверочных мероприятий. Прокуратура выступает гарантом законности контрольной деятельности и механизмом предотвращения необоснованного дублирования проверок.

Таким образом, сравнительный анализ показывает, что Роспотребнадзор и Россельхознадзор, обладая сходными административными инструментами, выполняют различные по содержанию функции, дополняя друг друга в системе государственного контроля. Их деятельность охватывает ключевые аспекты безопасности – от здоровья населения до устойчивости аграрного производства, что делает их важнейшими элементами институциональной структуры современного государства.

Проведенный сравнительный анализ показал, что Роспотребнадзор и Россельхознадзор занимают важное место в системе государственного управления, выполняя взаимодополняющие функции. Несмотря на сходство административных инструментов, их полномочия различаются по предмету регулирования и целевой направленности, что отражает отраслевую специализацию надзорной деятельности.

Установлено, что деятельность Роспотребнадзора имеет преимущественно социальную направленность, поскольку напрямую связана с обеспечением санитарной безопасности и защитой прав потребителей. В свою очередь, Россельхознадзор играет ключевую роль в поддержании продовольственной безопасности и развитии аграрного сектора, что придает его полномочиям стратегическое экономическое значение.

В перспективе повышение эффективности государственного контроля возможно за счет дальнейшей цифровизации надзора, совершенствования риск-ориентированных механизмов и укрепления межведомственной координации. Реализация данных направлений позволит усилить превентивный характер контроля и повысить результативность деятельности обоих органов в интересах общества и экономики.

Список литературы

1. Зверева, А.Д. Нефинансовые меры поддержки российских экспортно ориентированных предприятий в современных условиях / А.Д. Зверева // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 8-2. С. 279-285; - Текст: электронный // URL: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=3655> (дата обращения: 26.02.2026).
2. Королева, Е. А. Оценка благополучия субъектов малого и среднего предпринимательства в современной России: макроэкономический аспект / Е.А. Королева // Russian Journal of Economics and Law. 2025. №4. - Текст: электронный // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-blagopoluchiya-subektov-malogo-i-srednego-predprinimatelstva-v-sovremennoy-rossii-makroekonomicheskiiy-aspekt> (дата обращения: 26.02.2026).
3. Лапина, И. Ю., Каргапольцев, С. Ю. Цивилизационные вызовы и системные проблемы отечественного социогенеза. Часть 10 / И.Ю. Лапина, С.Ю. Каргапольцев // Клио. 2024. №12 (216). - Текст: электронный // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsivilizatsionnye-vyzovy-i-sistemnye-problemy-otechestvennogo-sotsiogeneza-chast-10> (дата обращения: 26.02.2026).
4. Масленникова, Е. В., Добролюбова, Е. И. Реформирование контрольно-надзорной деятельности: результаты с точки зрения граждан и согласно статистической отчетности / Е.В. Масленникова, Е.И. Добролюбова // Власть. 2021. №2. - Текст: электронный // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reformirovanie-kontrolno-nadzornoj-deyatelnosti-rezultaty-s-tochki-zreniya-grazhdan-i-soglasno-statisticheskoy-otchetnosti> (дата обращения: 26.02.2026).
5. О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 17 янв. 1992 г. № 2202-1 (ред. действующая) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 8. Ст. 366.
6. О ветеринарии: закон Рос. Федерации от 14 мая 1993 г. № 4979-1 (ред. действующая) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 24. Ст. 857.

7. О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения: федер. закон Рос. Федерации от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ (ред. действующая) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 14. Ст. 1650.
8. О Федеральной службе по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека: постановление Правительства Рос. Федерации от 30 июня 2004 г. № 322 (ред. действующая) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 28. Ст. 2899.
9. О Федеральной службе по ветеринарному и фитосанитарному надзору : постановление Правительства Рос. Федерации от 30 июня 2004 г. № 327 (ред. действующая) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 28. Ст. 2904.
10. О карантине растений : федер. закон Рос. Федерации от 21 июля 2014 г. № 206-ФЗ (ред. действующая) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 30 (ч. I). Ст. 4207.
11. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: ФЗ РФ от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ (ред. действующая) // Собр. Законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5007.
12. О безопасности пищевой продукции : техн. регламент Таможенного союза ТР ТС 021/2011 : утв. Решением Комиссии Таможенного союза от 9 дек. 2011 г. № 880 (ред. действующая) // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА ДОСТУП К ИНФОРМАЦИИ И РЕЖИМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ

Кондаурова Диана Евгеньевна, студентка

Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева (Центральный филиал),
Воронеж, Россия

kondaurova.diana@inbox.ru

Научный руководитель: Дегтярева Леся Николаевна, кандидат юридических наук, доцент

Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева (Центральный филиал),
Воронеж, Россия

alex.d.36@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается соотношение конституционного права граждан на доступ к информации и правового режима государственной тайны. Анализируются нормы Конституции Российской Федерации, Федерального закона «О государственной тайне» и подзаконных актов. Особое внимание уделяется поиску баланса между принципом открытости информации в демократическом обществе и необходимостью ограничения доступа к сведениям в целях обеспечения безопасности государства. В работе также затрагиваются последние изменения законодательства 2024 года, касающиеся порядка допуска к государственной тайне и защиты информации органов Федеральной службы безопасности.

Ключевые слова: Конституция РФ, право на информацию, государственная тайна, доступ к сведениям, ограничение прав, режим секретности, ФСБ России, защита информации, допуск к государственной тайне

В XXI веке информация стала одним из важнейших ресурсов, а доступ к ней – необходимым условием для реализации гражданских, политических и социально-экономических прав. В Российской Федерации право на доступ к информации закреплено на высшем конституционном уровне. Однако данное право не является абсолютным. Государство вынуждено устанавливать определенные ограничения, связанные с необходимостью защиты суверенитета и безопасности. Центральным элементом таких ограничений выступает институт государственной тайны.

Летом 2024 года вступили в силу поправки в Закон РФ «О государственной тайне» и Федеральный закон «О федеральной службе безопасности», которые существенно расширили полномочия силовых ведомств в части определения порядка доступа к охраняемым сведениям. Для студента-юриста первого курса важно понять, как на практике реализуется конституционная формула о возможности ограничения прав федеральным законом и где проходит грань между секретностью и законным интересом общества.

Основополагающие принципы доступа к информации закреплены в Конституции Российской Федерации. Статья 24 устанавливает обязанность органов государственной власти и местного самоуправления обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом. Кроме того, часть 4 статьи 29 провозглашает право каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом [1].

Вместе с тем, статья 55 Конституции вводит важнейшее правило: права и свободы человека могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Таким образом, именно Конституция задает вектор для поиска баланса: открытость – это

правило, а ограничения – исключение, которое должно быть обоснованным и закрепленным в законе.

Базовым актом, регулирующим отношения по защите сведений, составляющих государственную тайну, является Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-І «О государственной тайне». Данный нормативный правовой акт определяет государственную тайну как «защищаемые государством сведения в области его военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной и оперативно-розыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб Российской Федерации» [2].

Закон устанавливает три степени секретности: «особой важности», «совершенно секретно» и «секретно». В зависимости от степени секретности оформляется соответствующий допуск. Порядок оформления такого допуска детально регламентирован подзаконными актами, в частности, Постановлением Правительства РФ от 07.02.2024 № 132, которым утверждены новые Правила допуска должностных лиц и граждан к государственной тайне [3]. В этих правилах даются четкие определения: что такое доступ, близкие родственники, карточка допуска, а также описываются процедуры проверочных мероприятий, которые проводят органы безопасности.

Анализ последних изменений показывает вектор развития законодательства в сторону усиления защитных механизмов. 8 августа 2024 года был принят Федеральный закон № 249-ФЗ, который внес существенные коррективы сразу в несколько нормативных актов [4].

Ключевым изменением стало дополнение статьи 4 Закона «О государственной тайне» пунктом 4.1. Согласно данной норме, «органы государственной власти, наделенные полномочиями по распоряжению секретными сведениями, могут устанавливать собственный (ведомственный) порядок оформления допуска к гостайне, учитывающий специфику решаемых ими задач» [2]. Важно, что такой порядок должен согласовываться с ФСБ России, однако сама возможность дифференциации процедур для разных ведомств является новеллой.

Кроме того, поправки в Закон «О федеральной службе безопасности» закрепили право ФСБ России отказывать не только физическим, но и юридическим лицам в доступе к сведениям о деятельности органов безопасности, если эти сведения составляют государственную или иную охраняемую тайну [5]. Также было введено понятие «профессиональная тайна» органов ФСБ, разглашение которой может создать препятствия для выполнения задач, возложенных на эти органы. Перечень такой информации будет определяться руководителем ФСБ, что фактически выводит большой пласт информации из публичного поля.

Отдельного внимания заслуживает норма о том, что персональные данные (включая биометрические) сотрудников ФСБ и гражданского персонала могут обрабатываться без их согласия в целях обеспечения собственной безопасности. Это прямое исключение из общего правила о конфиденциальности персональных данных.

С одной стороны, ужесточение режима государственной тайны в 2024 году выглядит логичным в условиях современных геополитических вызовов. Интересы обороны и безопасности являются конституционно признанным основанием для ограничения прав граждан. С другой стороны, возникает риск злоупотреблений. Если ведомства сами устанавливают порядок допуска и сами определяют перечни «профессиональной тайны», это может привести к необоснованному засекречиванию информации, к которой общество должно иметь доступ.

Студенту-юристу важно понимать, что гарантией от злоупотреблений выступает судебный контроль. Статья 4 Закона «О государственной тайне» прямо относит к полномочиям органов судебной власти рассмотрение дел о нарушениях законодательства о гостайне и обеспечение судебной защиты граждан. Любой гражданин, считающий, что его право на доступ к информации нарушено необоснованным засекречиванием, вправе обратиться в суд [2].

Реализация права граждан на доступ к информации, содержащей сведения ограниченного доступа, представляет собой сложный многоступенчатый процесс. Важно отметить, что сам по себе режим государственной тайны не означает тотального запрета на получение информации, а лишь устанавливает особый порядок (процедуру) доступа к ней. Данная процедура включает в себя несколько этапов: принятие добровольного обязательства о неразглашении, согласие на частичные временные ограничения прав, проведение проверочных мероприятий органами безопасности, принятие решения руководителем организации о допуске [6].

Особый интерес представляет соотношение государственной тайны с правом на благоприятную окружающую среду, закрепленным в статье 42 Конституции РФ [1]. Долгое время в научной среде дискутировался вопрос: может ли информация об экологической опасности засекречиваться? Федеральный закон «О государственной тайне» дает однозначный ответ: не подлежат засекречиванию сведения о чрезвычайных происшествиях и катастрофах, угрожающих безопасности и здоровью граждан, а также о состоянии экологии [2]. Это важнейшая гарантия, обеспечивающая приоритет жизни и здоровья человека над соображениями секретности.

Однако на практике возникают коллизии, связанные с тем, что информация о деятельности предприятий оборонно-промышленного комплекса, даже если она касается экологических последствий, часто маркируется, как содержащая государственную тайну. В таких случаях механизмом защиты права граждан выступают обращения в межведомственную комиссию по защите государственной тайны либо в суд.

Российское законодательство предусматривает механизмы рассекречивания охраняемой законом тайны: статья 13 Закона «О государственной тайне» устанавливает, что «основаниями для рассекречивания являются взятие на себя международных обязательств по открытому обмену сведениями, изменение объективных обстоятельств, вследствие которого дальнейшая защита сведений является нецелесообразной» [2]. Однако на практике инициатива рассекречивания чаще исходит от ведомств, а не от граждан или общественных организаций.

Анализируя текущее состояние правового регулирования, можно выделить несколько направлений его возможного совершенствования.

Во-первых, представляется целесообразным законодательное закрепление принципа открытости информации о деятельности органов государственной власти, за исключением случаев, прямо установленных федеральными законами.

Во-вторых, требуется совершенствование механизмов общественного контроля за обоснованностью засекречивания информации, в том числе путем создания при Уполномоченном по правам человека в РФ специального экспертного совета по вопросам доступа к информации.

В-третьих, шагом могло бы стать принятие федерального закона «О праве на информацию», который бы систематизировал разрозненные нормы о доступе к информации, содержащиеся в десятках различных нормативных актов. Такой закон мог бы установить единые стандарты: сроки предоставления информации, исчерпывающий перечень оснований для отказа, ответственность должностных лиц за необоснованное сокрытие сведений.

Таким образом, конституционное право на доступ к информации в условиях режима государственной тайны реализуется через сложную систему разрешений, ограничений и судебного контроля. Полагаем, что государственная тайна должна защищать государство, но не скрывать от общества информацию, необходимую для реализации конституционных прав граждан. Дальнейшее развитие законодательства должно быть направлено на поиск оптимального баланса между этими двумя конституционно значимыми ценностями.

Анализ последних изменений, внесенных в 2024 году, показывает, что законодатель склонен расширять дискреционные полномочия силовых ведомств в части определения секретности и порядка допуска к ней. Это позволяет более гибко реагировать на угрозы безопасности. Однако такая тенденция накладывает на правоприменителя повышенную

ответственность и требует от судебной системы эффективного контроля за тем, чтобы режим государственной тайны не превращался в инструмент сокрытия информации, необходимой обществу.

На наш взгляд, дальнейшее развитие законодательства должно идти по пути не только усиления защиты, но и повышения прозрачности самой процедуры засекречивания. Только тогда будет соблюден тот самый конституционный баланс, при котором обеспечение безопасности не ущемляет фундаментальные права и свободы человека и гражданина.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации – Текст: электронный // URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.02.2026).
2. О государственной тайне: закон РФ от 21.07.1993 № 5485-І: (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 41. Ст. 8220.
3. О порядке допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне: постановление Правительства РФ от 07.02.2024 № 132 (ред. от 21.09.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 7. Ст. 924.
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 08.08.2024 № 249-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. 08.08.2024. – Текст: электронный // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202408080004> (дата обращения: 28.02.2026).
5. О федеральной службе безопасности: федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ: (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 15. Ст. 1269.
6. Шепель, В.В. О праве на свободу получения и распространения информации в Российской Федерации (конституционно-правовой аспект) / В.В. Шепель // Государственная служба и кадры. 2024. № 2. С. 114-117.

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КИНОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ В ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ
ОРГАНАХ ФСИН РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ГУФСИН
ПО КРАСНОЯРСКОМУ КРАЮ)**

Кочергина Алина Дмитриевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

kochergina.lina@internet.ru

Панюшкина Селена Сергеевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

selena.panushkina@mail.ru

Научный руководитель: Бородин Игорь Анатольевич, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

igoriborodin@bk.ru

Аннотация. В статье анализируются правовые и организационные проблемы функционирования кинологической службы в уголовно-исполнительной системе. На основе ведомственных актов, статистических данных ФСИН России и информации с официальных интернет-ресурсов ГУФСИН по Красноярскому краю выявлены кадровый дефицит, несоответствие штатной численности объему задач, недостаток профильного образования специалистов, износ материальной базы. Рассмотрены результаты деятельности кинологов Красноярского края, включая участие в соревнованиях и общественных мероприятиях. Предложены меры по совершенствованию правового регулирования, оптимизации штатной структуры и кадровой политики.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, кинологическая служба, правовое регулирование, служебные собаки, кадровое обеспечение, ГУФСИН по Красноярскому краю

Кинологическая служба уголовно-исполнительной системы выполняет широкий спектр задач по охране учреждений, конвоированию и проведению режимных мероприятий, являясь одной из крупнейших в структуре российских правоохранительных органов [1]. В условиях реформирования УИС роль служебных собак сохраняется, поскольку они обладают природными преимуществами перед техническими средствами [2, с. 69]. Однако статистика последних лет свидетельствует о системных проблемах: кадровый дефицит, износ материальной базы, недостаток профильного образования специалистов. Это обуславливает актуальность исследования, направленного на выявление проблем правового регулирования и организации службы на примере ГУФСИН по Красноярскому краю.

Данным вопросом интересовались следующие авторы: Филиппев Р. А., Костарев Д. Ф. и Ворошук В. Б. рассматривают историю становления и современное состояние кинологических подразделений, подчеркивая их высокий уровень подготовки по сравнению с другими ведомствами, а также анализируют нормативную базу применения служебных собак [3]. Пасечник В. Н., Драгун О. В. и Ондар Д. А. исследуют административно-правовое обеспечение деятельности кинологических служб, выявляя проблемные вопросы в механизме правового регулирования и определяя место кинологической службы в системе государственного управления исполнением наказаний [4]. Михайлиди С. М. и Шиханов В. А. провели комплексный анализ динамики и структуры кинологических подразделений за 2019–2022 годы, выявив тенденцию к сокращению отделений и росту числа групп, а также представили подробные данные о кадровом составе и укомплектованности [5]. Румянцев Н. В. и Прихожая Л. Е. на основе масштабного социологического опроса 2023 года детально исследовали проблемы привлечения кинологов к режимным мероприятиям, систематизировали выявленные недостатки и предложили конкретные пути их решения [2].

В ходе исследования были проанализированы Закон РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» от 21.07.1993 № 5473–1 [6] и Приказ ФСИН «Об утверждении Порядка обращения со служебными животными в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» от 31.12.2019 № 1210 [7]. Изучены статистические данные, информация о деятельности ГУФСИН по Красноярскому краю за 2024–2025 гг., материалы интервью с сотрудниками. Это позволило отметить следующее.

ГУФСИН по Красноярскому краю является одним из крупнейших территориальных органов. На 2025 году здесь проходят службу более 360 кинологов и более 400 служебных собак [8]. Породный состав представлен преимущественно немецкими, восточноевропейскими и бельгийскими овчарками; для поиска наркотических средств используются спаниели. В племенном питомнике содержится 10 собак, инфраструктура включает 18 городков и учебно-тренировочную базу [9].

Система содержания животных строго регламентирована Приказом ФСИН «Об утверждении Порядка обращения со служебными животными в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» от 31.12.2019 № 1210: у каждой собаки отдельный вольер, взрослые особи вместе не содержатся. На питомнике оборудовано теплое родильное помещение с камерами видеонаблюдения, что позволяет кинологу наблюдать за процессом, не тревожа собаку; имеются также теплые щенятники для холодного времени года. Кормление осуществляется сухими кормами: для кормящих матерей и щенков предусмотрены отдельные рационы, прикорм начинается с трех недель, а с полутора месяцев щенки полностью переходят на кормление кормами. Ветеринарные специалисты регулярно контролируют качество кормов и условия содержания, закупки производятся централизованно по заявкам, случаев поставок просроченного корма не фиксируется [1].

Организация племенной работы и выращивания молодняка строится на тестировании щенков в возрасте 2 и 4 месяцев. Оцениваются основные параметры: отклик щенка, контактность с человеком, адаптация к новым местам, реакция на шум. При хороших показателях щенок допускается к дальнейшему выращиванию. Отсеиваются особи с нестабильной нервной системой, физическими дефектами (неправильный прикус, постановка лап), а также те, кто не социализируется к человеку. До 11 месяцев кинолог занимается социализацией и первичной дрессировкой, приучая щенка к шуму, толпе, после чего животное передается в учреждение для дальнейшего обучения по профилю службы. Передача оформляется документально; учреждения могут подавать заявки на щенков определенного темперамента (более активных или спокойных), а кинолог имеет возможность приехать, протестировать щенка самостоятельно, например, бросив ключи и оценив реакцию.

Специалисты-кинологи региона обеспечивают применение собак для досмотра транспортных средств, покидающих территорию объектов УИС, патрулирования внутренних запретных зон, розыска и задержания лиц, бежавших из-под охраны, поиска наркотических и взрывчатых веществ, огнестрельного оружия и боеприпасов, а также участвуют в оперативно-розыскных и режимно-профилактических мероприятиях. Специальной дрессировки на различение осужденных и гражданских не проводится: как поясняют сами кинологи, собака реагирует на запах и форму одежды, но четкого разделения не формируется. При конвоировании у собак вырабатывается навык проявлять агрессию именно в служебной ситуации, а не в отношении конкретной категории лиц [5, с. 45].

Одним из ключевых показателей эффективности организации службы выступают результаты ведомственных соревнований. Команда ГУФСИН России по Красноярскому краю на протяжении последних десяти лет стабильно входит в число лидеров: за этот период она дважды становилась победителем всероссийских соревнований, дважды занимала второе место и один раз – третье, при том, что в соревнованиях ежегодно участвуют от 65 до 70 регионов. Особого внимания заслуживает успех красноярских кинологов в 2024 году на

Чемпионате ФСИН России по многоборью кинологов, проходившем в Суздале. В соревнованиях участвовали 54 команды из территориальных органов ФСИН России. Команда Красноярского края уверенно заняла первое общекомандное место в категории территориальных органов с численностью свыше 3 000 человек. В личном зачете представители региона завоевали второе место в дисциплине «Поиск и обнаружение наркотических средств» и третье место в дисциплине «Поиск и обнаружение взрывчатых веществ» [9].

Помимо служебных задач, кинологи ГУФСИН активно участвуют в общественных и патриотических мероприятиях. В 2025 году сотрудники краевого управления провели десятки встреч со школьниками и воспитанниками детских домов: показательные выступления в ДОСААФ, экскурсии в Межрегиональный учебный центр, уроки в кинологическом городке ЛИУ-32, форумы «Служу России!» и «Традиции сохраним!». Особый акцент в этих мероприятиях делается на профориентацию: подросткам рассказывают о возможности получения высшего образования в вузах ФСИН России, условиях службы и имеющихся вакансиях [8,9].

Несмотря на высокие результаты, в деятельности кинологической службы сохраняется ряд системных проблем, характерных как для России в целом, так и для ГУФСИН по Красноярскому краю.

Прежде всего, это кадровый дефицит и недостаток профильного образования. Укомплектованность кинологических подразделений в среднем по стране составляет 88,8 %, при этом лишь 14,4 % сотрудников имеют специальное образование в области кинологии, зоотехнии или ветеринарии [5, с. 47, 50]. Процесс оформления кандидатов растягивается на месяцы из-за необходимости прохождения медицинской комиссии, что создает перебои в замещении вакансий. В Красноярском крае, несмотря на относительную стабильность численности, сохраняется потребность в привлечении квалифицированных специалистов. Основные причины оттока кадров – высокая интенсивность службы, ненормированный график, риски при контакте с осужденными.

Вторая проблема – несоответствие штатной численности реальному объему служебных задач. Возложение на кинологов-патрульных дополнительных функций по обеспечению безопасности в штрафных изоляторах, помещениях камерного типа и при проведении режимных мероприятий не сопровождалось соответствующим увеличением штатной численности [2, с. 73]. Это ведет к перегрузкам, профессиональному выгоранию и, как следствие, к текучести кадров.

Третья проблема – износ учебно-материальной базы. По состоянию на 2022 год 16,8 % имущества кинологической службы в целом по стране выслужило установленные сроки эксплуатации (от 16 % костюмов для дрессировки до 25 % поводков) [5, с. 51]. В Красноярском крае эта проблема решается планомерной заменой, однако, как отмечают сотрудники, стабильное и полноценное обеспечение не всегда достижимо.

Кроме того, в практике привлечения кинологов к выполнению служебных задач выявлены такие недостатки, как отсутствие единых критериев оценки эффективности работы (отчетность ориентирована на количественные показатели, что провоцирует риск завышения результатов), а также недостаточная частота привлечения специалистов к поиску наркотических средств в учреждениях.

Анализ научной литературы и мнений работников позволяет предложить следующие меры по совершенствованию деятельности кинологической службы:

- Пересмотр норм нагрузки на кинологов с учетом дополнительных функций, возложенных на них в последние годы, и внесение соответствующих изменений в ведомственные акты, регламентирующие штатную численность.
- Разработка программы целевой подготовки специалистов-кинологов в ведомственных образовательных организациях (Академия ФСИН России, Пермский институт ФСИН России).
- Ужесточение требований к племенной работе в рамках Приказа № 1210 [7], включая контроль за соблюдением межвзвочных интервалов, недопущение незапланированных вязок и завышения показателей выхода щенков.
- Модернизация учебно-материальной базы и обеспечение своевременного обновления амуниции и снаряжения.

- Введение в штатное расписание должностей кинологов, специализирующихся исключительно на проведении режимных мероприятий, с заступлением в состав дежурной смены без привлечения к охране учреждений в течение службы.

- Разработка нормативной правовой базы, регламентирующей порядок применения служебных собак при проведении режимных мероприятий и закрепляющей единые критерии оценки эффективности.

Реализация этих предложений позволит повысить эффективность кинологической службы, снизить текучесть кадров и улучшить качество выполнения служебных задач.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

- Нормативная правовая база деятельности кинологической службы УИС в целом сформирована, однако требует корректировки в части регламентации порядка привлечения специалистов-кинологов к проведению режимных мероприятий и закрепления единых критериев оценки эффективности.

- Основными проблемами организации службы на федеральном уровне и в ГУФСИН по Красноярскому краю являются: кадровый дефицит, недостаток специалистов с профильным образованием, несоответствие штатной численности реальному объему задач, износ учебно-материальной базы.

- ГУФСИН по Красноярскому краю демонстрирует высокие результаты служебной деятельности, подтвержденные стабильными победами на всероссийских соревнованиях, и активно участвует в общественной работе, особенно в сфере профориентации и патриотического воспитания молодежи.

- Для устойчивого развития кинологической службы необходима системная работа по совершенствованию правовой базы, оптимизации штатной структуры, развитию системы профессиональной подготовки и обновлению материально-технической базы.

Таким образом, комплексный подход к решению выявленных проблем позволит повысить эффективность кинологической службы как на федеральном уровне, так и в ГУФСИН по Красноярскому краю.

Список литературы

1. Официальный сайт Федеральной службы исполнения наказаний. – Текст: электронный // URL: <https://fsin.gov.ru/> (дата обращения: 24.02.2026).

2. Румянцев, Н. В. Проблемы, возникающие при привлечении специалистов-кинологов со служебными собаками для проведения режимных мероприятий на территориях учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации / Н. В. Румянцев, Л. Е. Прихожая // Пенитенциарная наука. – 2024. – Т. 18, № 1 (65). – С. 67–74.

3. Филиппев, Р. А. К вопросу о применении служебных собак в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации / Р. А. Филиппев, Д. Ф. Костарев, В. Б. Ворошук // Вестник Пермского института ФСИН России. – 2024. – № 2(53). – С. 170–178.

4. Пасечник, В. Н. Административно-правовое обеспечение деятельности кинологических служб ФСИН России / В. Н. Пасечник, О. В. Драгун, Д. А. Ондар // Научный альманах Центрального Черноземья. – 2022. – № 3-10. – С. 406–416.

5. Михайлиди, С. М. Актуальные вопросы службы кинологических подразделений учреждений и органов уголовно-исполнительной системы / С. М. Михайлиди, В. А. Шиханов // StudArctic Forum. – 2023. – № 4 (56). – С. 44–52.

6. Российская Федерация. Законы. Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы: Закон РФ от 21.07.1993 № 5473–1. – Текст: электронный // КонсультантПлюс: справочная правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4645/ (дата обращения: 24.02.2026).

7. Российская Федерация. Приказы. Об утверждении Порядка обращения со служебными животными в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: Приказ ФСИН России от 31.12.2019 № 1210. – Текст: электронный // КонсультантПлюс: справочная правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_344255/ (дата обращения: 24.02.2026).

8. ГУФСИН России по Красноярскому краю: официальный сайт. – Текст: электронный // URL: <https://24.fsin.gov.ru/> (дата обращения: 24.02.2026).

9. ГУФСИН России по Красноярскому краю. – Текст: электронный // ВКонтакте: [социальная сеть]. – URL: <https://vk.com/krasgufsin> (дата обращения: 24.02.2026).

ПРАВО НА АБОРТ: СОМАТИЧЕСКОЕ ПРАВО ИЛИ ДЕТОУБИЙСТВО?

Красницкая Полина Сергеевна, студентка

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

krasnickaapolina527gmail.com

Научный руководитель: Евдеева Наталия Владимировна, кандидат юридических наук, доцент

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Nevdeeva@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме правового восприятия искусственного прерывания беременности. Автор, анализируя различные теории, устанавливающие момент приобретения человеком права на жизнь, правовой статус эмбриона, а также нормативно-правовые акты, определяет позицию российского законодателя по данному вопросу. Отмечая законность проведения искусственного прерывания беременности, отсутствие в действующем законодательстве преступлений в отношении эмбриона, определяются последствия введения запрета на аборт.

Ключевые слова: соматические права, право на жизнь, правовой статус эмбриона, искусственное прерывание беременности, детоубийство

Одним из основных элементов в структуре правового статуса личности являются его права и свободы. В настоящее время правовая наука классифицирует данные составляющие правового положения человека и гражданина по самым различным основаниям. В частности, по сфере жизнедеятельности, где вышеуказанные компоненты правового состояния личности реализуются, «условно» выделяют личные, политические и социально-экономические права и свободы. Как правило, их появление преимущественно связано с постоянными изменениями, происходящими в социуме. Таким образом, по мере инновационного развития и достижения высоких показателей в биомедицинской сфере возникла группа прав четвертого поколения, т. е. соматических прав. Данное понятие, введенное в научный оборот В.И. Круссом, интерпретируется следующим образом: это способность человека самостоятельно и независимо от волеизъявления окружающих его людей распоряжаться своим телом, осуществлять его модификацию посредством медикаментозных или технико-агрегатных средств [1, с. 43]. К «телесным» правам относятся право на смерть, изменение пола, искусственное репродуктивное, аборт и т. д. Данная категория прав не представляет собой явление, регламентированное правом. На протяжении нескольких тысячелетий продолжаются дискуссии по поводу разрешенной законом возможности искусственного прерывания беременности, поскольку воспринимается это не только как личностное право, но и как совершение преступления. Следовательно, необходимо выяснить, обосновано ли, с точки зрения юриспруденции, считать аборт детоубийством, или это право человека распоряжаться своим телом? Отметим, что в данной статье мы не будем затрагивать морально-этические и религиозные аспекты указанной проблемы и обратимся только к ее юридической составляющей.

Разногласия относительно выше обозначенного вопроса связаны с определением правового статуса эмбриона. С какого момента признается право на жизнь каждого человека? Имеют место быть две основные теории, устанавливающие момент приобретения лицом права на жизнь. Согласно эмбриональной концепции, данное неотъемлемое право возникает у ребенка в период нахождения его в утробе матери, т. е. с момента его зачатия. Однако сторонники концепции «условной правоспособности» утверждают обратное: право на жизнь ребенок приобретает в момент рождения, т. е. когда происходит отделение плода от

организма матери посредством родов. С юридической точки зрения, данная теория является наиболее приемлемой, что обуславливает поддержание ее российским законодателем. Действующая Конституция РФ в ст. 17 закрепляет основные права и свободы за каждым человеком с момента его рождения. Следовательно, право на жизнь как естественное право равным образом принадлежит личности от рождения [2]. Данная точка зрения содержится и в ст. 17 ГК РФ, где упоминается о способности гражданина иметь субъективные права и юридические обязанности с момента его рождения [3]. Таким образом, в соответствии с законодательством Российской Федерации, правовой статус эмбриона не равен статусу рожденного ребенка, за которым признаны основные права и свободы. В этом случае необходимо воспринимать плод как часть тела матери. Об этом же свидетельствует и тот факт, что существует приоритет жизни матери перед жизнью еще не рожденного ребенка в случае наступления угрозы жизни и здоровью матери.

В то же время, современное законодательство содержит положения, обеспечивающие защиту эмбриона как субъекта права, что порождает неопределенность в обозначенном нами вопросе. Так, ст. 1116 ГК РФ закрепляет за эмбрионом возможность быть субъектом наследственного права, т. е. еще не родившийся ребенок, но зачатый при жизни наследодателя, может «призываться» к наследованию [3]. Ст. 63 УК РФ определяет совершение преступления в отношении беременной женщины в качестве отягчающего обстоятельства, что свидетельствует о правовой защите эмбриона [4]. СК РФ также содержит положения, гарантирующие охрану не рожденному ребенку со стороны государства. Согласно ст. 89, жена в период беременности имеет право требовать уплаты алиментов от супруга в судебном порядке в случае его отказа. Ст. 17 не допускает за супругом права расторгнуть брак в одностороннем порядке в период беременности жены [5]. Вопрос, связанный с признанием эмбриона в качестве субъекта правоотношений, затрагивается и в иных нормативно-правовых актах.

Наряду с вышеуказанными юридическими документами в системе права РФ существует «основной» закон, непосредственно легализирующий возможность искусственного прерывания беременности. Согласно ст. 56 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», женщина вправе самостоятельно решать вопросы, связанные с материнством [6]. Проведение аборта допустимо только с информационного добровольного согласия женщины, при наступлении обозначенных в законе условий и при наличии определенных социальных и медицинских показаний. В случае отказа лечащего врача провести искусственное прерывание беременности, пациентке назначается другой специалист.

Кроме того, о праве на аборт, как о соматическом праве, стоит упомянуть в рамках понятия «автономия личности», которое основано на регламентированном правом достоинстве личности и неприкосновенности частной жизни. Женщина единолично, самостоятельно способна распоряжаться своей жизнью и совершать те или иные действия без посторонней помощи. Эти суждения находят подтверждение в ст. 21 и 23 Конституции РФ, где закрепляется охрана достоинства личности, неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны со стороны государства [2]. Таким образом, ограничение права на аборт повлечет за собой нарушение конституционно-правовых норм.

Вместе с тем, в законодательстве РФ отсутствует официально закрепленное понятие детоубийства. Это обусловлено проблемой определения четких возрастных границ для данной категории противоправных действий. Однако А.В. Шевченко в своей публикации упоминает следующую классификацию преступлений против детей, основанием выделения которой выступает возраст потерпевшего: преступления, совершаемые в отношении новорожденных, лиц дошкольного возраста, лиц школьного возраста, малолетних и несовершеннолетних [7, с. 51]. Следовательно, современное российское законодательство «не знает» преступлений в отношении эмбриона. Исходя из этого, можно утверждать, что аборт не является противоправным деянием как таковым, так как на текущий момент

детоубийство, в собственном смысле слова, предполагает лишение жизни лиц, не достигших совершеннолетнего возраста.

Резюмируя вышесказанное, сделаем следующий вывод: правовой статус эмбриона не симметричен статусу ребенка, который в момент своего рождения приобрел естественные права, а именно право на жизнь. Поэтому проведение искусственного прерывания беременности не предполагает лишения жизни не рожденного ребенка, а значит и не относится к категории преступлений в отношении детей.

Благодаря ряду нормативных правовых актов, мы можем утверждать, что право на аборт – это соматическое право личности. Женщина самостоятельно способна распоряжаться своим телом, поэтому она лично принимает решения по поводу материнства. В случае ограничения возможности на проведение искусственного прерывания беременности со стороны государства, произойдет нарушение не только конституционных норм, но и репродуктивных прав женщины. Кроме того, наложение запрета на данное право повлечет за собой осуществление нелегальных или «подпольных» абортов, что негативно скажется на здоровье и жизни женщины.

Список литературы

1. Крусс, В.И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы / В.И Крусс // Государство и право. - 2000. - № 10. - С. 43-50.

2. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года]. - Текст: электронный // URL: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения 25.06.2025).

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): ГК: [принят Государственной думой 1 ноября 2001 года: одобрен Советом Федерации 14 ноября 2001 года]. - Текст: электронный // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/ (дата обращения 25.06.2025).

4. Уголовный кодекс Российской Федерации: УК: [принят Государственной думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года]. - Текст: электронный // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 25.06.2024).

5. Семейный кодекс Российской Федерации: [принят Государственной думой 8 декабря 1995 года]. - Текст: электронный // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения 25.06.2025).

6. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон № 323-ФЗ: [принят Государственной думой 1 ноября 2011 года: одобрен Советом Федерации 9 ноября 2011 года]. - Текст: электронный // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения 25.06.2025).

7. Шевченко, А.В. Классификация детоубийств / А.В. Шевченко // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2018. - № 3. – С. 47-53.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК В РОССИИ

Куликовская Галина Валерьевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

galinka-k@internet.ru

Научный руководитель: Ткаченко Анна Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

annavl.tkachenko@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается эволюция правового регулирования государственных закупок в России с древнейших времен до современности. Исследование охватывает ключевые исторические этапы формирования контрактной системы, начиная с первых документальных упоминаний о государственных подрядах в XVI веке и заканчивая современным периодом. Анализируется трансформация нормативно-правовой базы государственных закупок, выявляются основные тенденции развития и определении ключевых факторов, повлиявших на формирование современной системы государственного заказа.

Ключевые слова: государственное регулирование, система закупок, нормативно-правовая база, эволюция законодательства, государственные подряды, закупочная деятельность, реформа закупок

Закупки для государственных и муниципальных нужд – это процедура приобретения товаров, работ или услуг для обеспечения деятельности государственных и муниципальных органов, бюджетных учреждений и иных организаций, финансируемых из бюджетов разных уровней (федерального, регионального, местного). Их цель заключается в том, чтобы эффективно и прозрачно расходовать бюджетные средства, обеспечивая при этом потребности государства и муниципалитетов в необходимых ресурсах.

Система государственных закупок в Российской Федерации обладает богатой историей, насчитывающей более трех столетий. Ее зарождение можно отнести к XVI веку. Основными целями данной системы являются оптимизация государственных расходов и предотвращение коррупционных практик [1, 31-32].

Среди первых правовых источников, заложивших фундамент государственных закупок в России, следует отметить документы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве и Российском государственном архиве древних актов:

- указ «О подрядной цене на доставку в Смоленск муки и сухарей» от 7 июля 1654 г. царя Алексея Михайловича, согласно которому за перевоз определенного объема груза купцы получали вознаграждение;

- указ Сената «Об осуществлении борьбы с ненастоящими ценами и коррупцией в деле подрядов и каких-либо поставок» 1721 года;

- «Регламент Адмиралтейства и Верфи», 15 пункт которого назывался «Каким образом подрядчиков сыскивать и вести с ними переговоры?» Петра I;

- печатание объявлений о закупках в государственных центральных газетах при Анне Иоанновне;

- «Учреждение о губерниях» (ст. 118 «О контрактах по подряду, поставках и откупах») 1775-1776 годов Екатерины Великой и создание Казенной палаты, на которую были возложены полномочия по назначению подрядчиков и заключению договоров;

Нормативные правовые акты, регламентирующие процедуры формирования государственного заказа, отбора исполнителей и заключения договорных отношений,

составляют базу нынешней системы закупок для государственных и муниципальных нужд в Российской Федерации.

Исторический аспект государственного регулирования закупок в России невозможно представить без изучения важнейшего документа конца XIX – начала XX века – «Положения о казенных подрядах и поставках», которое хранится в Российской государственной библиотеке. Данный документ прямо определяет различные методы осуществления государственных закупок, а именно:

- изустные торги (аукцион);
- торги посредством запечатанных объявлений (запрос котировок);
- смешанные торги.

Данные способы определения поставщика используются и в настоящее время.

В советский период государственные закупки работали по принципу централизованного планирования. Вся система поставок управлялась через административные приказы и плановые документы (фондовые извещения, планы прикрепления). Государство полностью контролировало процесс распределения продукции, что являлось примером жесткого публично-правового регулирования экономики.

Период 1920-х годов ознаменовался появлением важных законодательных документов в сфере государственных закупок. Ключевыми нормативными правовыми актами стали:

- «Положение о государственных подрядах и поставках» от 1921 года, заложившее фундамент гражданско-правовых отношений между участниками закупочного процесса;

- «Положение о государственных подрядах и поставках» от 1927 года, существенно переработавшее предыдущий документ и сузившее круг участников до государственных предприятий.

Вышеуказанные нормативные правовые акты хранятся в Российском государственном архиве экономики и Государственном архиве Российской Федерации.

Ликвидация данной системы была проведена Постановлением Совмина РСФСР от 23 октября 1991 года № 558 «Об организации материально-технического обеспечения народного хозяйства РСФСР в 1992 году», которое было опубликовано в Российской газете.

Последствия упразднения прежней системы хозяйственных связей оказались весьма неоднозначными. Возникла серьезная неопределенность относительно механизмов участия субъектов в экономической деятельности. Для хозяйствующих субъектов ситуация сложилась крайне непростая – если не критическая, то безусловно сложная. Отсутствие четких механизмов перехода к новым условиям создало значительные трудности для предприятий и организаций, привыкших к плановому характеру взаимодействия в рамках прежней экономической модели. Это привело к существенному осложнению их хозяйственной деятельности.

Система государственных закупок в России сформировалась на основе трех исторических этапов развития. До революции 1917 года были заложены базовые принципы определения поставщиков через торги. В советский период господствовала централизованная система планирования. После 1991 года произошла трансформация в современную модель с конкурентными процедурами и рыночной основой.

Сегодняшняя система государственных закупок – это результат многовекового опыта, адаптированного к текущим экономическим реалиям.

С целью выхода из сложившейся ситуации в период с 1992 по 1999 год был принят ряд нормативных актов, регулирующие:

- поставку продукции и товаров для государственных нужд;
- закупку и поставку сельскохозяйственной продукции;
- порядок формирования и использования государственного материального резерва;
- поддержку малого предпринимательства;
- порядок проведения конкурсов на размещение заказов.

Федеральный закон от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», был опубликован Собранием законодательства РФ 25 июля 2005 года. Данный нормативный правовой акт впервые создал целостную законодательную базу для организации и проведения государственных закупок. До его появления система правового регулирования в данной сфере характеризовалась фрагментарностью и недостаточной эффективностью. Ранее регулирование осуществлялось через разрозненные нормативные документы, которые затрагивали лишь отдельные аспекты закупочной деятельности. Комплексный подход к регламентации всего процесса государственных закупок отсутствовал, что существенно ограничивало развитие системы поставок для нужд регионов Российской Федерации.

Таким образом, принятие данного закона стало переломным моментом в формировании современной системы государственных закупок, обеспечив ее нормативно-правовое единство и целостность [2, 113].

На данный момент государственные закупки регулируются Федеральным закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ.

Сфера государственных и муниципальных закупок регулируется правовыми источниками разных уровней. Нормативные акты, регламентирующие данную сферу, обладают комплексным характером и охватывают разнообразные отрасли права: бюджетное, гражданское, административное, государственное и финансовое. Такое правовое регулирование обусловлено тем, что государственные закупки представляют собой целенаправленную деятельность государства в сфере потребления товаров и услуг для удовлетворения публичных потребностей [3].

Система государственных закупок в России сталкивается с комплексом проблем законодательного характера, которые снижают ее эффективность, прозрачность и конкурентоспособность.

Одна из ключевых сложностей – противоречивость и сложность действующих нормативных актов. Закон о контрактной системе содержит нормы, которые порой вступают в противоречие друг с другом или с Гражданским кодексом РФ. Например, расхождения в сроках подписания контракта создают правовую неопределенность: это затрудняет признание победителя уклонившимся от заключения сделки.

Существенно ограничивает конкуренцию требование обязательного участия субъектов малого предпринимательства и социально ориентированных НКО в объеме не менее 25 % годового объема закупок. На практике это приводит к тому, что значительная часть контрактов заключается без полноценной конкурсной борьбы, что может снижать качество поставляемых товаров и услуг.

Проблемы возникают и в сфере бюджетного финансирования. Средства, выделенные на закупки, должны быть освоены в течение календарного года. Если они остаются неиспользованными, их приходится возвращать в бюджет либо проходить сложную процедуру согласования на продление сроков. Это провоцирует нерациональные решения – например, проведение работ в неподходящих условиях (как укладка асфальта зимой) ради «освоения» средств.

Закон о контрактной системе не обеспечивает должной защиты прав поставщиков. Нечетко прописаны основания для одностороннего отказа заказчика от исполнения контракта, что создает риски злоупотреблений со стороны заказчиков [4, 502].

Для преодоления этих проблем необходим комплексный подход. Прежде всего, целесообразно упростить и систематизировать нормативную базу. Например, разработать единый Кодекс закупок, который объединит положения законов № 44-ФЗ и № 223-ФЗ. Это устраним противоречия и сделает правила более понятными для всех участников процесса.

В закупках для государственных и муниципальных нужд важную роль играет цифровизация. Внедрение искусственного интеллекта и роботизированных систем для

автоматизации рутинных операций (проверки заявок, сопоставления данных) повысит прозрачность, сократит сроки процедур и снизит вероятность ошибок.

Кроме того, нужно обеспечить гармоничное взаимодействие информационных систем – Единой информационной системы, региональных платформ и электронных торговых площадок.

Чтобы усилить добросовестную конкуренцию, можно внедрить рейтинг деловой репутации поставщиков: добросовестным участникам предлагать преференции, например, снижение размера обеспечения контракта.

Наконец, важно усилить контроль и ответственность. Ужесточение мер против конфликта интересов, введение санкций в процентном размере от стоимости контракта за нарушения и повышение квалификации должностных лиц позволят снизить уровень злоупотреблений и повысить доверие к системе госзакупок.

Таким образом, несмотря на достигнутые успехи, система сталкивается с определенными проблемами: противоречивостью некоторых норм, сложностями в бюджетном финансировании и недостаточной защитой прав поставщиков.

Перспективы развития связаны с дальнейшей цифровизацией процессов, совершенствованием нормативной базы и усилением механизмов контроля. Внедрение современных технологий и оптимизация законодательства способны сделать систему более эффективной и прозрачной.

Список литературы

1. Бондарева, Е.А. Становление и развитие института государственных закупок в России / Е.А. Бондарева // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института, 2016. – 31 с.

2. Герасименко, А.А. История формирования и развития института государственных закупок в России и за рубежом: сравнительно-правовой аспект / А.А. Герасименко // Теология. Философия. Право, 2021. – 109 с.

3. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/document/cons>.

4. Георгадзе, Н.Д. Этапы становления системы государственных закупок в российской федерации / Н.Д. Георгадзе // Московский экономический журнал. Право, 2022. – 494 с.

ПРАВОВОЕ ТОЛКОВАНИЕ КРИТЕРИЕВ ОЦЕНКИ ЗАЯВОК В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПКАХ

Куликовская Галина Валерьевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

galinka-k@internet.ru

Научный руководитель: Пономарева Валерия Владимировна, доктор юридических наук, профессор,

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

valery_e378he@mail.com

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы правового толкования критериев оценки заявок при проведении закупок для государственных и муниципальных нужд. На основе анализа судебной практики исследуются основные подходы к оценке заявок участников закупочных процедур, выявляются проблемные аспекты применения критериев оценки и их влияния на результаты торгов.

Ключевые слова: заявки, государственные закупки, Закон о контрактной системе, судебная практика, критерии оценки заявки

Толкование – это уяснение смысла правовой нормы, устранение неопределенности в ее понимании. Цель толкования – определить, как следует понимать норму, и создать условия для правильной ее реализации.

Выделяют 3 вида толкования норм права:

1) Грамматическое толкование – уяснение смысла правовой нормы путем анализа текста нормативного правового акта.

2) Логическое толкование – уяснение смысла правовой нормы с помощью законов и правил логики.

3) Систематическое толкование – уяснение смысла правовой нормы с учетом того места, которое она занимает в конкретном нормативном правовом акте, правовом институте, отрасли права или в праве в целом.

Государственные закупки играют ключевую роль в удовлетворении общественных потребностей, рациональном расходовании бюджетных средств и стимулировании экономического роста. Однако эта сфера неизменно привлекает внимание коррупционеров, нацеленных на незаконное обогащение за счет государственной системы.

Одним из важнейших аспектов, требующих детального юридического анализа, является система оценки заявок участников закупочных процедур. [1,103].

Критерии оценки – это параметры, по которым происходит сравнение и оценка заявок участников закупки. Согласно части 1 статьи 32 Федерального закона о контрактной системе, к ним относятся:

- цена контракта или сумма цен единиц товара, работы, услуги;
- расходы на эксплуатацию и ремонт товаров, использование результатов работ;
- качественные, функциональные и экологические характеристики объекта закупки;
- квалификация участников закупки (наличие финансовых ресурсов, оборудования, опыта работы, деловой репутации, квалифицированных специалистов) [3].

Эти критерии закреплены в документации о закупке и служат основой для сравнения заявок.

Критерии оценки заявок являются основополагающим элементом механизма государственных закупок, непосредственно влияющим на эффективность торгов и рациональное использование бюджетных средств. Их правовое толкование и практическое

применение часто вызывают разногласия между участниками закупочных процедур и становятся предметом судебного разбирательства.

Судебная практика в сфере государственных закупок свидетельствует о наличии трудностей при интерпретации критериев оценки заявок. Эти сложности обусловлены многофакторностью закупочных процедур и постоянными изменениями законодательства в области государственных и муниципальных закупок. Анализ судебных решений позволяет выявить систематические нарушения при установлении и применении критериев оценки, а также разработать рекомендации по их устранению [2,568].

Порядок оценки – это процедура, которую устанавливает заказчик в документации о закупке. Она включает:

- правила присвоения баллов по каждому критерию;
- методы расчета итоговых оценок (например, использование формул, шкал оценки, учета мнений членов комиссии);
- алгоритм определения победителя (например, суммирование баллов с учетом значимости критериев).

Оценка заявок участников является ключевым этапом в системе государственных закупок, определяющим выбор наиболее подходящего поставщика. Законодательство устанавливает строгие требования к процедуре оценки с целью обеспечения равноправных условий для всех участников и минимизации рисков злоупотреблений.

При оценке заявок применяются как ценовые, так и неценовые критерии. К основным критериям относятся: цена контракта, эксплуатационные расходы, качественные характеристики объекта закупки, а также квалификация участников.

Значимость критерия оценки – это вес критерия в процентах в совокупности всех критериев, установленных в извещении о закупке или документации о закупке.

Заказчик обязан четко определить все критерии и порядок их оценки в документации о закупке. Важно отметить, что сумма значимости всех критериев должна составлять 100%, и критерии, а также их весовые значения не могут быть изменены после публикации документации о закупке. Особое внимание уделяется прозрачности процедуры: заказчик должен обеспечить понятность методики расчета баллов и возможность проверки результатов оценки.

При оценке квалификации участников учитываются такие факторы, как финансовые ресурсы, наличие необходимого оборудования, опыт работы по предмету контракта, деловая репутация и квалификация сотрудников. Система оценки должна быть объективной и не допускать дискриминации участников закупки.

Необходимо отметить, что правильно организованная процедура оценки заявок позволяет выбрать наиболее квалифицированного поставщика, который гарантирует оптимальное соотношение цены и качества предоставляемых товаров, работ или услуг.

На основе анализа судебной практики выявлены ключевые проблемы в оценке заявок на участие в электронных конкурсах:

Во-первых, при оценке опыта участников необходимо установить максимальное пороговое значение для критерия общей суммы контрактов. Иначе участник с чрезмерно большим опытом получает несправедливое преимущество, которое не компенсируется даже существенным снижением цены.

Данная позиция подтверждается Решением Арбитражного суда Республики Карелия от 19 сентября 2022 г. по делу № А26-4568/2022 - «не установление в извещении о проведении закупки предельного значения по опыту, который подлежит оценке, приводит к необоснованному предоставлению участнику закупки, обладающему максимальным опытом, преимущественного положения, которое невозможно преодолеть в ходе конкурентной борьбы даже в случае значительного снижения цены на границе экономической рентабельности и за ее пределами (что в данном случае подтвердилось результатами конкурса). В случае, если один из участников показывает избыточный опыт, остальные участники получают необоснованно низкий балл по данному критерию даже при наличии достаточного опыта выполнения аналогичных работ, сопоставимого с объемом закупки.

Во-вторых, необходимо детально прописывать перечень подтверждающих документов для предотвращения предоставления поддельных документов об опыте и квалификации участников (Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 19 июня 2020 г. № Ф01-10160/20 по делу N А43-22315/2019).

В-третьих, заказчики вправе самостоятельно определять критерии оценки и формулы расчета баллов, но должны обосновывать их необходимость для выбора наилучшего поставщика.

В-четвертых, вопрос о возможности учета договоров субподряда при подтверждении опыта участника закупки решается судами неоднозначно.

Верховный Суд Российской Федерации сформировал однозначную позицию по вопросу учета договоров субподряда при подтверждении опыта участников закупки.

По его мнению, договор субподряда не может считаться надлежащим подтверждением опыта участника закупки. Это обусловлено тем, что субподрядчик не является полноправной стороной контракта с прямыми обязательствами перед заказчиком.

Суд исходит из того, что все документы – от договора до актов и заключений экспертизы – должны быть оформлены непосредственно на участника закупки. При этом субподрядчик несет ответственность только перед генеральным подрядчиком, а не перед заказчиком, что не позволяет считать его опыт полноценным для целей участия в закупках.

Эта позиция особенно актуальна при проведении закупок проектных и изыскательских работ, где предъявляются повышенные требования к опыту участников. Верховный Суд последовательно придерживается данной позиции в своих определениях, подчеркивая, что именно генеральный подрядчик несет полную ответственность перед заказчиком за весь объем работ.

Таким образом, для подтверждения своего опыта участник закупки должен предоставить договоры, в которых он выступает генеральным подрядчиком с полным объемом ответственности перед заказчиком.

Судебная практика подчеркивает необходимость комплексного подхода к оценке заявок, учитывающего как формальные требования законодательства, так и экономическую целесообразность установленных критериев. При этом важное значение имеет правильное соотношение норм различных правовых актов, регулирующих закупочную деятельность. [4,16].

Таким образом, критерии оценки должны быть объективно измеримыми и не допускать необоснованного ограничения конкуренции. Уменьшение числа участников закупки само по себе не является нарушением, если установленные требования обеспечивают дополнительные гарантии исполнения обязательств.

Заказчики вправе устанавливать дополнительные требования к участникам для выявления наиболее квалифицированного исполнителя. Однако все критерии и порядок их оценки должны быть четко прописаны в документации закупки.

Правовое регулирование критериев оценки заявок нуждается в дальнейшем совершенствовании для обеспечения баланса интересов всех участников закупочных процедур и повышения эффективности использования бюджетных средств.

Полученные результаты могут быть использованы как для совершенствования законодательства о закупках, так и для практической деятельности заказчиков и участников закупочных процедур.

Список литературы

1. Степанов, Д.Ю. Актуальные проблемы механизма закупок по 44-ФЗ и 223-ФЗ / Д.Ю. Степанов // Экономика и бизнес: теория и практика, 2024. – 97 с.
2. Лаврова, О.В. Актуальные проблемы контрактной системы в сфере государственных и муниципальных закупок / О.В. Лаврова // StudNet. 2020. – 561 с.
3. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» / КонсультантПлюс: справочная правовая система. – Текст: электронный // URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения 05.03.2026)
4. Аристов А.В. Направления совершенствования системы закупочной деятельности на территории российской федерации / А.В. Аристов // Вестник поволжского государственного университета сервиса. Серия: экономика, 2023. – 10 с.

ПРАВОВОЙ СТАТУС И ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИРОВОГО СУДЬИ В РФ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Кулиш Антонина Анатольевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

Antonina-kulish@yandex.ru

Научный руководитель: Пономарева Валерия Владимировна, доктор юридических наук, профессор

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

Vaiery_e378he@mail.ru

Аннотация. В статье автор на основе анализа законодательства, регулирующего правовой статус и основы организации деятельности мировых судей в РФ характеризует изменения, коснувшиеся, в частности, передачи полномочий по кассационному пересмотру решений мировых судей от девяти окружных кассационных судов Президиумам Верховных судов республик, краевых, областных и равных им судов.

Ключевые слова: мировой судья, судебная система, правосудие, судебный участок, подсудность, нагрузка на судей, доступность правосудия, судебная реформа

Возрождение института мировых судей в РФ в ходе судебной реформы 1990-х годов стало важным шагом на пути приближения правосудия к населению и разгрузки федеральных судов общей юрисдикции. Мировые судьи рассматривают основную массу гражданских, административных и уголовных дел, отнесенные к их подсудности, с которым непосредственно сталкиваются граждане. Однако за более чем 20 летний период функционирования этого института накопились существенные проблемы, связанные с финансированием, кадровым обеспечением, колоссальной нагрузкой и судебной практикой. Несмотря на постоянное совершенствование законодательства, многие вопросы остаются нерешенными, что негативно сказывается на качестве правосудия. В связи с этим исследование правового статуса и организации деятельности мировых судей, выявление основных проблем и разработка путей их решения представляются актуальными.

Правовой статус мирового судьи в РФ. Мировой судья в РФ является носителем судебной власти, входит в единую судебную систему РФ и осуществляет правосудие именем РФ. Правовую основу деятельности мировых судей составляют Конституция РФ, Федеральный Конституционный закон «О судебной системе РФ», Федеральный закон от 17.12.1998 № 188-ФЗ «О мировых судьях в РФ», а так же процессуальные кодексы ГПК РФ, УПК РФ, УК РФ и законы субъектов РФ.

Особенности правового статуса мирового судьи заключается: с одной стороны, он является судьей общей юрисдикции и на него распространяются гарантии независимости, несменяемости и неприкосновенности, установленные Законом РФ «О статусе судей в РФ», с другой стороны, порядок назначения [избрания] и материально-техническое обеспечение его деятельности регулируются законодательством субъектов РФ.

Мировые судьи назначаются на должность законодательным собранием, либо избираются населением соответствующего судебного участка в порядке, установленном законом субъекта РФ. Срок полномочий впервые назначенного мирового судьи не может превышать трех лет, при повторном назначении - не менее пяти лет. Предельный возраст пребывания в должности мирового судьи 70 лет.

Компетенция мирового судьи определена статьей 3 ФЗ «О мировых судьях РФ» и соответствующими статьями процессуальных кодексов. Мировой судья рассматривает в первой инстанции:

- Уголовные дела о преступлениях, за совершение которых максимальное наказание не превышает трех лет лишения свободы [подсудность которых не изменена УПК РФ], а так же дела частного обвинения.

- Гражданские дела: 1. о выдаче судебного приказа, 2. о расторжении брака, если между супругами отсутствует спор о детях, о разделе совместно нажитого имущества при цене иска, не превышающей 50 тысяч рублей, иные дела возникающие из семейно - правовых отношений, за некоторыми исключениями, дела по имущественным спорам [кроме дел о наследовании и интеллектуальной собственности] при цене иска, не превышающей 50 тысяч рублей, дела об определении порядка пользования имуществом.

- Дела об административных правонарушениях, отнесенные КоАП РФ к компетенции мирового судьи [в основном правонарушения, по которым может назначаться административный арест или штраф].

Организация деятельности мировых судей. Деятельность мировых судей организуется в пределах судебных районов на судебных участках. Общее количество мировых судей и количество судебных участков определяется ФЗ по представлению Верховного суда РФ. В настоящее время в России действует более 7,5 тысяч судебных участков.

Организационное обеспечение деятельности мировых судей [материально-техническое снабжение, предоставление помещений, обеспечение аппаратом, оплата труда работников аппарата] осуществляться органами исполнительной власти субъектов РФ. При этом финансирование самой судебной деятельности [зарботная плата судьи, социальные выплаты] производятся из федерального бюджета через Судебный департамент при Верховном суде РФ.

Аппарат мирового судьи включает - помощника мирового судьи, секретаря судебного заседания, секретаря судебного участка. Штатная численность аппарата определяется законом субъекта РФ, но зачастую она недостаточна для обеспечения качественной подготовки дел к слушанию и изготовления протоколов [с 1 января 2026 года вступили в силу поправки в Гражданский процессуальный кодекс [Федеральный закон от 01.04.2025 № 49-ФЗ]. Эти изменения не отменяют протокол, а лишь корректируют правила делопроизводства в связи с развитием цифровых технологий] особенно при высоком поступлении дел.

Актуальные проблемы деятельности мировых судей.

Несмотря на значимость института, в его функционированию существует ряд острых проблем, требующих законодательного и организационного решения.

- Чрезмерная судебная нагрузка. Главная проблема остается нагрузка на мировых судей. Согласно статистике Судебного департамента при Верховном Суде РФ, средне месячная нагрузка на одного мирового судью по гражданским делам в несколько раз превышает нормативы, установленные еще в советское время и не пересмотренные до сих пор. Например, в 2023 году в среднем по России на одного мирового судью приходилось более 200 гражданских дел в месяц, а в отдельных регионах до 400-500. это приводит к формальному рассмотрению дел, сокращению времени на изучение материалов, снижению качества судебных актов и росту числа апелляционных жалоб. Перегрузка негативно сказывается на здоровье судей, что приводит к профессиональному выгоранию.

- Ненадлежащее материально-техническое обеспечение. Разграничение полномочий по финансированию между федеральным центром и субъектами РФ привело к существенным диспропорциям в условиях работы мировых судей. В богатых регионах (Москва, Тюменская область) судебные участки оснащены современной техникой, расположены в отдельных зданиях. В других регионах мировые судьи зачастую работают в приспособленных помещениях - здания с недостаточной площадью, отсутствием залов судебных заседаний, отвечающих требованиям к открытости процесса. Отсутствие систем видео - конференц - связи, медленное внедрение электронного документооборота, затрудняя оперативное рассмотрение дел, и их исполнению.

- Кадровый дефицит и недостаточная квалификация аппарата.

Высокая нагрузка и невысокая заработная плата работников аппарата мировых судей (особенно секретарей) приводят к постоянной текучести кадров. Молодые специалисты не задерживаются на должностях секретарей судебного заседания из-за низкой оплаты и стрессовой работы. В результате у мирового судьи часто отсутствует квалифицированный помощник, способный готовить проекты судебных постановлений (решений) а секретари не успевают своевременно изготавливать протоколы, что влечет нарушение процессуальных сроков и возврат дел.

- Проблемы доступности правосудия

Несмотря на цель приближения правосудия к населению, территориальная доступность мировых судей не всегда обеспечивается должным образом. В сельской местности и отдаленных районах расстояние до судебного участка может быть значительным, а транспортное сообщение - нерегулярным. Кроме того, сложность процессуальной формы [особенно по делам частного обвинения, где доказывания лежит на самом потерпевшем] делает защиту прав затруднительной для граждан без юридической помощи.

- Отсутствие единообразия судебной практики

Мировые судьи не связаны прецедентом, и несмотря на наличие апелляционной инстанции в лице районных судов, на практике нередко случаи вынесения противоречивых решений по аналогичным делам в пределах одного судебного района. Это подрывает принцип правовой определенности и равенства всех перед законом.

Пути совершенствования организации деятельности мировых судей. Решение обозначенных проблем требует комплексного подхода, включающего изменение законодательства, оптимизацию организационных механизмов и дополнительное финансирование. Необходимо:

- Пересмотр подсудности и унификация процессуальных норм.

Целесообразно рассмотреть вопрос об увеличении пороговой стоимости иска по гражданским делам, рассматриваемым мировыми судьями, до 100 тысяч рублей, что позволит сосредоточиться на более сложных категориях дел. Одновременно необходимо упростить процедуру по бесспорным делам [судебный приказ] и расширить применение приказного производства. По уголовным делам частного обвинения следует возложить обязанность по сбору доказательств на органы дознания, чтобы освободить граждан от непосильной функции обвинения

- Передача материально - технического обеспечения на федеральный уровень.

Наиболее радикальным, но действенным шагом могло бы стать полное финансирование деятельности мировых судей [включая содержание помещений и аппарата] из федерального бюджета через Судебный департамент. Это позволило бы установить единые стандарты оснащения судебных участков по всей стране и прекратить зависимость правосудия от региональных властей.

- Увеличение штатной численности аппарата и повышение оплаты труда.

Необходимо законодательно закрепить минимальную штатную численность работников аппарата мирового судьи [например, помощник + два секретаря судебного заседания + два секретаря участка] с финансированием из федерального бюджета. Повышение заработной платы секретарям и помощникам привлечет квалифицированные кадры и снизит текучесть. Кадровая катастрофа и текучка - Сотрудники аппарата (секретари, помощники) получают зарплату из региональной казны. Их доход часто ниже, чем у федеральных госслужащих. Результат – колоссальная текучка, которая делает работу судов неэффективной.

Данные по регионам Сибири (пример для сравнения):

Новосибирская область (более богатый регион): Там ситуация чуть лучше, но проблема признается острой. Текучесть среди помощников мировых судей в 2024-2025 гг. колебалась в районе 35-45%, что все равно критично для любой организации.

Республика Хакасия (дотационный регион): Здесь картина гораздо мрачнее. Из-за низкой конкурентоспособной зарплаты текучка в аппаратах мировых судей в отдельные периоды доходила до 70-80%. Вакансии секретарей судебного заседания могут быть открыты годами.

Красноярский край: Край относится к регионам - донорам, но проблема единства стандартов стоит остро. В северных территориях (Норильск) и на юге края зарплата аппарата может отличаться из-за "северных" коэффициентов, но уровень финансирования все равно зависит от краевой казны.

В связи с этим предлагается изменить редакцию статьи закона - Вместо перекалывания денег, нужно изменить логику закона. Сейчас мировой судья – субъекта РФ, а его аппарат должен быть обеспечен по федеральным стандартам. Вот как могла бы выглядеть новая редакция статьи 10 Федерального закона "О мировых судьях в Российской Федерации":

Действующая редакция (п. 1-2):

"1. Работники аппарата мирового судьи являются государственными гражданскими служащими субъекта Российской Федерации.

2. Структура и штатное расписание аппарата мирового судьи устанавливаются в порядке, предусмотренном законом субъекта Российской Федерации. Финансирование расходов на оплату труда работников аппарата мирового судьи и их материально-техническое обеспечение осуществляется из бюджета субъекта Российской Федерации".

Проект изменений:

"1. Работники аппарата мирового судьи являются государственными гражданскими служащими Российской Федерации, замещающими должности в аппарате мирового судьи, который входит в единую систему Судебного департамента при Верховном Суде РФ.

2. Финансовое обеспечение расходных обязательств, связанных с материально-техническим обеспечением деятельности мировых судей и оплатой труда работников аппарата мировых судей, осуществляется за счет средств федерального бюджета в порядке, установленном Правительством Российской Федерации и Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации.

3. Установление структуры, штатного расписания и условий оплаты труда работников аппарата мировых судей осуществляется на основе единых федеральных нормативов, утверждаемых Судебным департаментом при Верховном Суде РФ по согласованию с Советом судей РФ. Указанные нормативы являются обязательными для применения на всей территории Российской Федерации и не могут быть снижены".

Аргументация (почему это правильно)

- Принцип "несменяемости" и "независимости". Гарантии независимости судьи распространяются и на его аппарат. Если секретарь боится потерять работу из-за сокращения регионального бюджета или конфликта с местной администрацией, это влияет на делопроизводство и косвенно – на отправление правосудия.

- Единое правовое пространство. Гражданин в Хакасии и в Красноярске имеет право на равный доступ к правосудию. Но если в Хакасии суд не может набрать секретарей и дела "висят" годами, это право нарушается. Федеральный стандарт оплаты труда и нормативов штатной численности (один помощник + один секретарь на судью) ликвидирует это неравенство.

- Вреднее электронного правосудия и оптимизации документооборота.

Необходимо ускорить полномасштабное внедрение ГАС «Правосудие» у мировых судей, включая возможность подачи исков в электронном виде, участие в заседании посредством видео - конференц - связи, а также автоматизированное распределение дел. Это снизит нагрузку на аппарат и повысит доступность правосудия для граждан, проживающих далеко от судебного участка.

- Развитие примирительных процедур.

Активное внедрение судебного примирения и медиации на стадии подготовки дела к судебному разбирательству позволит урегулировать значительную часть споров без вынесения решения, что разгрузит судей.

Институт мировых судей остается важнейшим элементом судебной системы РФ, обеспечивающим оперативное и доступное правосудие по значительному массиву дел. Однако эффективность его работы содержится системными проблемами, прежде всего критической нагрузкой, неудовлетворительным материально-техническим обеспечением и кадровым голодом. Существующая модель организации деятельности, основанная на разграничении полномочий между Федерацией и регионами, исчерпала свой потенциал и требует модернизации.

Для повышения качества правосудия и восстановления доверия граждан необходимо принятие комплекса мер: пересмотр подсудности, передача финансирования на федеральный уровень, укрепление аппарата и цифровизация процессов. Только системный подход, подкрепленный политической волей и достаточными бюджетными ассигнованиями, позволит превратить мировую юстицию в реально работающий и уважаемый институт, соответствующий современным требованиям правового государства.

Список литературы

1. Конституция РФ [принята всенародным голосованием 12.12.1993] // Российская газета.-1993-25 декабря
2. О судебной системе РФ: Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 №1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. -1997.-№1.-Ст.1.
3. О мировых судьях в РФ: Федеральный закон от 17.12.1998 №188-ФЗ // Собрание законодательства РФ. -1998.- №51.- Ст.6270
4. О статусе судей РФ: Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 //Российская газета.-1992.- 29 июля.
5. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 №138-ФЗ//Собрание законодательства РФ.-2002-№46.-Ст.4532.
6. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. -2001.- №52[ч.1] - СТ.4921.
7. Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 №195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 2002-. -№1[ч.1] . - Ст.1.
8. Воскобитова, Л.А Мировая юстиция: проблемы и перспективы/ Л.А. Воскобитова // Lex Russica.- 2020. - №5. -С. 65-77.
9. Колоколов, Н.А Мировая юстиция: эволюция или стагнация / Н.А. Колоколов // Российский судья. - 2023. - №2. - С. 3-9
10. Ермошин, Г.Т Статус судьи в РФ: проблемы правового регулирования / Г.Т. Ермошин // Журнал российского права. - 2021. -№8. - С. 98-110
11. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Отчет о работе судов Общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 2023 год – Текст: электронный // URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=6120> (дата обращения 02.03.2026)
12. Доклад Совета судей РФ «О состоянии судебной системы и приоритетных направлениях ее развития» 2024 // Вестник Высшей квалификационной коллегии судей РФ. - 2024. - №3. - С. 12-18.

К НЕКОТОРЫМ ПРАВОВЫМ ИНСТИТУТАМ НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ

Мадиминова Юлия Александровна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

madiminovaj@gmail.com

Научный руководитель: Трофимова Инесса Борисовна, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

inesdmitrieva837@gmail.com

Аннотация. В настоящее время институт демократии как политической системы, основанной на признании народа источником власти, подвергается новым испытаниям. В противовес традиционной представительной демократии, прямая демократия предоставляет гражданам более широкие права и свободы, одновременно усиливая их ответственность на локальном уровне. При этом она формирует определенные потенциальные преимущества для социального прогресса, как в интересах отдельной личности, так и общества в целом.

Ключевые слова: непосредственная демократия, местное самоуправление, федеральный закон, сход граждан

В современной России устройство государственной власти опирается на демократические начала, которые закреплены в Конституции РФ. Ключевое значение здесь имеют такие аспекты, как суверенитет страны, работа демократических институтов, права и свободы граждан, а также то, каким именно образом общество может влиять на власть и участвовать в ее делах.

Особого внимания заслуживает вопрос применения инструментов прямой демократии в регионах страны. Сама по себе прямая демократия представляет собой такой способ организации общественной жизни, когда граждане берут на себя решение главных вопросов государственного или местного уровня. В этом случае они действуют без участия каких-либо посредников, делая выбор через голосование или открытое обсуждение.

Чтобы лучше понять суть прямой демократии, стоит обратиться к ее формам, каждая из которых имеет ряд отличительных черт. Среди таких черт можно выделить наличие особого круга участников с определенными требованиями (например, решение принимается большинством), прямое волеизъявление граждан, неразрывную связь самого решения с тем, кто его принимает (народ выступает от своего имени), нацеленность на конкретные вопросы общественной и государственной жизни, а также особый порядок действий при реализации власти.

Все задачи, которые выполняют формы прямой демократии, обычно разделяют на две группы: основные и вспомогательные. В числе основных выделяют императивную, консультативную, регулирующую и комплексную функции.

Императивная функция подразумевает вынесение решений, которые носят окончательный характер и обязательны для исполнения по конкретным вопросам. На деле она воплощается через выборы, референдумы, сходы жителей, отзыв депутатов или голосования по поводу изменения границ и преобразования муниципалитетов.

Консультативная функция призвана выявить позицию граждан и соотнести ее с деятельностью органов власти или должностных лиц, которые формируются при участии населения. Она находит свое выражение в таких мероприятиях, как собрания, уличные шествия, митинги, пикеты, общественные слушания, а также в консультативных референдумах и публичных дискуссиях. Эту функцию выделяют отдельно, так как в законодательстве зачастую отсутствует строгий порядок действий, и высказанные в такой форме мнения должны учитываться властями.

Регулирующая функция направлена на поддержание активности людей в то время, когда избранные органы власти осуществляют свои полномочия. Она реализуется через личные и коллективные обращения граждан, правотворческие инициативы, наказы избирателей, отчеты

депутатов и выборных лиц перед жителями, а также собрания и конференции. Основанием для выделения этой группы служит наличие механизмов, которые позволяют населению оказывать влияние на итоговые решения властных структур.

Участие самих жителей – это основа, на которой держится местное самоуправление. Если люди не проявляют инициативы и не пополняют ряды тех, кто действительно заинтересован и включен в работу, то любые институты прямой демократии так и останутся невостребованными. Они будут существовать лишь на бумаге как формы, предусмотренные законом, но не более того. В таком случае закреплённая в законодательстве норма будет описывать лишь возможный, а не действительный порядок вещей.

Принятый Федеральный закон № 33-ФЗ уточнил само понятие местного самоуправления. Теперь оно трактуется как форма самоорганизации общества, которая признана и гарантируется Конституцией РФ. Через нее народ может реализовывать свою власть, самостоятельно решая повседневные вопросы жизни на своей территории. Все вопросы регулируются в рамках полномочий, установленных Конституцией РФ, данным законом, иными федеральными законами, а в отдельных случаях – законами субъектов РФ.

В прежней редакции Закона № 131-ФЗ местное самоуправление определялось как форма народовластия, что указывало на его особый статус. Территориальное общественное самоуправление и разные способы объединения жителей по традиции относят к видам общественной самоорганизации.

Ключевое новшество Закона № 33-ФЗ заключается в ориентации на одноуровневую систему организации местного самоуправления, хотя при этом допускается и возможность сохранения двух уровней. Под муниципалитетом понимается территориальная единица с определенной самостоятельностью, которая занимается управлением местными делами. На его территории население решает вопросы местного значения напрямую либо через выбранные органы.

Одно из главных изменений, вступивших в силу, является переход к преимущественно одноуровневой модели. Она распространяется на три типа муниципальных образований: городские округа, муниципальные округа и внутригородские территории городов федерального значения. При этом для регионов со своими социально-экономическими, историческими или национальными особенностями предусмотрена возможность оставить двухуровневую систему.

Она подразумевает наличие сельских либо городских поселений, а также муниципальных районов. Если городской или муниципальный округ создается на территории нескольких ранее существовавших поселений, то в их административных центрах появятся территориальные подразделения, включенные в структуру местной администрации.

Кроме того, закон проводит различие между формами прямого участия жителей в местном самоуправлении и формами их общего участия. К первым относятся местный референдум, муниципальные выборы и сход граждан. Ко вторым причисляют опросы, публичные слушания, общественные обсуждения, собрания, выдвижение инициативных проектов, территориальное общественное самоуправление, а также институт сельских старост. Безусловно, сохраняются и иные способы участия в жизни муниципалитета, если они не противоречат Конституции РФ, федеральным законам и другим нормативным актам.

Список литературы

1. Федеральный закон от 20 марта 2025 года №33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». – Текст: электронный // URL: <https://ehogor.ru/stati/media/2025/6/27/federalnyj-zakon-ot-20-marta-2025-goda-33-fz-ob-obschih-printsipah-organizatsii-mestnogo/> (дата обращения 01.03.2026).
2. Авдеев, Д. А., Кузнецов, И. А. Институты непосредственной демократии в Российской Федерации / Д. А. Авдеев, И. А. Кузнецов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук, том 5-2, 2021. – с. 186-188.
3. Гребенникова, А. А. Новый закон о местном самоуправлении в Российской Федерации /А.А. Гребенникова/ – Текст: электронный // URL: https://piu.ranepa.ru/news/novyy-zakon-o-mestnom-samoupravlenii-v-rossiyskoy-federatsii/?utm_source=google.com (дата обращения 01.03.2026).

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА В СНГ, ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И КАЗАХСТАНА

Майорова Валерия Олеговна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

maiorova-valeriya20@mail.ru

Научный руководитель: Бородин Игорь Анатольевич, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

Аннотация. Настоящая научная статья посвящена комплексному исследованию проблем правового регулирования деятельности Таможенного союза (ТС) в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ), с особым акцентом на взаимоотношения Российской Федерации и Республики Казахстан. В работе анализируются ключевые аспекты формирования и функционирования правовой базы ТС, выявляются существующие пробелы и противоречия в законодательстве, а также рассматриваются особенности реализации правовых норм в контексте национальных юрисдикций государств.

Ключевые слова: таможенный союз, СНГ, правовое регулирование, Россия, Казахстан, интеграция, гармонизация законодательства, право, Таможенный Кодекс

Таможенный союз (ТС) в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ) сталкивается с рядом правовых и экономических вызовов, которые препятствуют его полноценному функционированию и развитию. Особое внимание заслуживают отношения между ключевыми участниками – Россией и Казахстаном, а также противоречия в сфере таможенных платежей. Одним из фундаментальных камней, на котором строится Таможенный союз, является стремление к созданию единого экономического пространства, свободному перемещению товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Однако на практике это стремление сталкивается с множеством реальных препятствий. Правовая база, призванная унифицировать таможенные процедуры и тарифы, зачастую остается декларативной, не полностью имплементированной на национальных уровнях или трактуемой по-разному, что порождает неопределенность и усложняет ведение бизнеса. Отношения России и Казахстана, как двух крупнейших экономик и основных инициаторов ТС, играют ключевую роль в его судьбе. Несмотря на стратегическое партнерство, периодически возникающие торговые споры и разногласия в трактовке правил свидетельствуют о наличии скрытых противоречий. Эти противоречия могут быть связаны с национальными экономическими интересами, в частности, с попытками отдельных государств защитить свои внутренние рынки, что вступает в прямое противоречие с принципами свободной торговли, заложенными в основу Таможенного союза. Сфера таможенных платежей представляет собой особо острый узел проблем. Несогласованность в вопросах взимания, распределения и администрирования таможенных пошлин, налогов и сборов создает неравные условия для экономических агентов. Различия в ставках, процедурах администрирования и системах контроля могут приводить к перетоку грузопотоков в более "выгодные" с точки зрения фискальной нагрузки регионы, искажая конкуренцию и подрывая доверие к институтам ТС. Недостаточная гармонизация законодательства в области технического регулирования, санитарных, фитосанитарных и ветеринарных норм также является серьезным тормозом. Отсутствие единых стандартов и процедур сертификации вынуждает производителей проходить множество проверок и получать различные документы для доступа на рынки стран-участниц, что увеличивает издержки и время выхода на рынок. Это подрывает саму суть создания общего рынка, где товар, легально продающийся в одной стране, должен свободно обращаться на всей территории союза.

Таможенный кодекс [1], будучи краеугольным камнем в системе регулирования внешнеэкономической деятельности, на практике сталкивается с рядом непреодолимых, на первый взгляд, трудностей. Одной из наиболее острых проблем является разрозненность правовых систем стран - участниц. Отсутствие полной гармонизации национальных законов с положениями Кодекса приводит к возникновению многочисленных коллизий, когда нормы одного государства противоречат нормам другого, создавая правовую неопределенность для участников внешнеэкономической деятельности. Это, в свою очередь, тормозит развитие международной торговли, увеличивает издержки и снижает инвестиционную привлекательность. Существующая практика применения Таможенного кодекса часто свидетельствует о том, что отдельные статьи и институты Кодекса трактуются по-разному компетентными органами разных государств. Например, подходы к определению таможенной стоимости товаров, классификации товаров по Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности (ТН ВЭД) или применению мер нетарифного регулирования могут значительно отличаться. Эти расхождения усугубляются недостаточной унификацией судебной и правоприменительной практики, что делает предсказуемость таможенных процедур иллюзорной. Необходимо отметить, что текущее состояние применения Таможенного кодекса требует глубокого анализа и разработки комплексных мер. Это включает в себя не только совершенствование самого Кодекса и национальных законодательств, но и налаживание эффективного диалога между государствами-членами, а также создание действенных механизмов разрешения возникающих противоречий. Кроме того, комментарии к Кодексу должны стать не просто отражением проблем, но и инструментом для их системного решения, предлагая практические рекомендации и разъяснения, основанные на анализе правоприменительной практики.

Динамика отношений России и Казахстана в рамках ТС неоднозначна. С одной стороны, эти страны являются локомотивами интеграции, с другой – именно в их двусторонних отношениях проявляются наиболее острые противоречия. Это связано с различиями в экономических моделях, приоритетах внешней торговли и степенью интеграционной готовности. Особое место в динамике российско-казахстанских отношений в рамках ТС занимает вопрос о формировании единого экономического пространства. Москва последовательно продвигает идею углубления интеграции[2], вплоть до создания наднациональных органов, стремясь к унификации законодательства и стандартов. Астана же, сохраняя прагматичный подход, стремится к балансу между выгодами от интеграции и необходимостью защиты собственных экономических интересов, опасаясь чрезмерной зависимости от России. [3] Это проявляется в дискуссиях по вопросам гармонизации налогового и таможенного законодательства, создания общих рынков энергоресурсов и транспорта. Еще одним источником напряженности являются вопросы, связанные с национальными меньшинствами и языковой политикой. Российская сторона периодически выражает обеспокоенность по поводу положения русскоязычного населения в Казахстане, настаивая на его правах и свободах. Казахстан, в свою очередь, подчеркивает свою приверженность многонациональному характеру государства и равенству всех граждан, но при этом отстаивает суверенитет в формировании своей языковой и культурной политики, что иногда вызывает неприятие в Москве. В сфере внешнеполитического позиционирования также наблюдаются определенные расхождения. Несмотря на тесное сотрудничество в рамках ОДКБ и ООН[4,5,6], Казахстан старается проводить многовекторную внешнюю политику, поддерживая отношения с Китаем, Западом и другими игроками. Это стремление к диверсификации партнеров иногда воспринимается российской стороной как попытка дистанцироваться или снизить роль России в регионе, хотя официальные лица обеих стран последовательно заявляют о стратегическом характере партнерства. Тем не менее, несмотря на все сложности и противоречия, Россия и Казахстан остаются ключевыми партнерами, чьи отношения имеют стратегическое значение для региональной стабильности и развития. Обе страны осознают взаимную выгоду от сотрудничества, как в экономическом, так и в военно-

политическом плане. Формат ТС, несмотря на все его недостатки, служит площадкой для диалога и поиска компромиссов, способствуя взаимному учету интересов и выработке совместных решений, что позволяет преодолевать возникающие трудности и двигаться по пути дальнейшей интеграции.

Ситуация с выходом отдельных стран из ТС, а также с присоединением к другим интеграционным объединениям, демонстрирует ограниченность текущей модели. Факторы, побуждающие к выходу, часто связаны с недостаточной эффективностью ТС, неспособностью обеспечить равные выгоды для всех участников и преобладанием национальных интересов над наднациональными. Ключевой проблемой являются противоречия в системе таможенных платежей. Несогласованность ставок, порядка взимания и распределения таможенных пошлин между государствами-участниками подрывает принципы единого экономического пространства. Это проявляется в попытках национальных правительств извлечь дополнительную выгоду, что ведет к искажению конкуренции и создает барьеры для трансграничной торговли. Наиболее ярким примером является неустойчивость некоторых участников, которые, покинув ТС, пытаются найти более выгодные экономические и политические ниши. В частности, частое изменение ставок ввозных и вывозных пошлин, обусловленное краткосрочными фискальными потребностями отдельных стран, создает неопределенность для бизнеса. Компании, планирующие долгосрочные инвестиции и цепочки поставок, сталкиваются с риском внезапного роста издержек, что делает их продукцию менее конкурентоспособной на общем рынке. Отсутствие унифицированных правил расчета таможенной стоимости, когда разные национальные органы могут трактовать одни и те же товары по-разному, также порождает споры и задержки на границах. Кроме того, неоднозначность в применении правил происхождения товаров является источником серьезных трений. национальные власти могут требовать дополнительные подтверждения или применять иные критерии, нежели заложено в общих соглашениях, что приводит к необоснованному взиманию более высоких пошлин. Это не только увеличивает финансовую нагрузку на предпринимателей, но и подрывает доверие к механизмам интеграции, поскольку компании вынуждены тратить значительные ресурсы на юридическое сопровождение и оспаривание решений. Это не означает полного провала интеграционных процессов, но указывает на необходимость глубокого анализа причин, толкающих государства к подобным шагам. Бюрократические препоны, наличие нетарифных барьеров, а также неравномерное распределение выгод между более развитыми и менее развитыми экономиками препятствуют достижению заявленных целей. Страны, ощущающие себя в проигрыше, начинают искать альтернативные пути развития, не связанные с существующим форматом интеграции. Преобладание национальных интересов над наднациональными также играет существенную роль. Решения, принимаемые на уровне ТС, не всегда соответствуют приоритетам стран, что приводит к недовольству и желанию выйти из-под коллективного управления. Это свидетельствует о том, что механизмы координации и консенсуса в рамках ТС нуждаются в совершенствовании. Все эти противоречия, усугубляемые отсутствием эффективных механизмов разрешения споров и контроля за соблюдением правил, создают благодатную почву для торговых барьеров. Вместо того чтобы способствовать свободному движению товаров, система зачастую превращается в инструмент протекционизма, ограничивая потенциал развития общего экономического пространства и снижая его привлекательность для внутренних и внешних инвесторов. Если ТС не может предложить более привлекательных условий партнерства по сравнению с другими объединениями или двусторонними соглашениями, то стремление к выходу становится вполне закономерным. Таким образом, динамика выхода стран из ТС является зеркалом его внутренних проблем и неспособности адаптироваться к меняющимся геоэкономическим реалиям.

Для эффективного функционирования Таможенного союза в рамках СНГ необходимы глубокие реформы, направленные на гармонизацию национальных законодательств, синхронизацию экономической политики и устранение противоречий в системе таможенных

платежей, в первую очередь, в отношениях России и Казахстана. Без этих мер дальнейшее развитие интеграционных процессов будет затруднено. Особое внимание следует уделить унификации таможенных процедур и правил. Различия в толковании и применении норм, а также неравномерность контроля создают административные барьеры для бизнеса и снижают эффективность товарооборота. Создание единого информационного пространства и внедрение современных цифровых технологий позволит ускорить прохождение товаров через границу и повысить прозрачность всех операций. Ключевым элементом успешного развития Таможенного союза является формирование общей промышленной и инвестиционной политики. Это позволит избежать недобросовестной конкуренции, создать равные условия для предприятий всех стран-участниц и стимулировать развитие кооперационных связей. Согласование макроэкономических показателей и проведение единой бюджетной политики также будут способствовать устойчивому росту экономик государств. Дальнейшая интеграция требует преодоления национальных экономических интересов в пользу общесоюзных. Это подразумевает готовность к компромиссам и выработке взаимоприемлемых решений по всем спорным вопросам. Отсутствие прорывных шагов в этом направлении чревато стагнацией и потерей достигнутых результатов, что негативно скажется на конкурентоспособности всего объединения на мировой арене. Таким образом, успешное будущее Таможенного союза зависит от комплексного подхода к решению существующих проблем. Решительное движение в направлении углубления институциональных реформ, укрепление договорно-правовой базы и активное вовлечение деловых кругов станут залогом повышения эффективности и привлекательности интеграционной модели для всех ее участников.

Список литературы

1. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019) (приложение N 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза)
- Текст: электронный // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/ (дата обращения: 10.02.2026).
2. Указ Президента РФ от 24 октября 2025 года № 778 «Об особенностях таможенного регулирования на российско-казахстанском участке государственной границы Российской Федерации» - Текст: электронный // URL: <https://ctu.customs.gov.ru/document/text/662773> (дата обращения: 10.02.2026).
3. Левченко, А.С., Бурцев, И.А. Таможенное и торговое сотрудничество российской федерации с казахстаном / Левченко А.С. Бурцев И.А./ «Экономика и бизнес» //- Текст: электронный // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tamozhennoe-i-torgovoe-sotrudnichestvo-rossiyskoy-federatsii-s-kazahstanom> (дата обращения: 10.02.2026).
4. В.В. Путин предупредил о конфискации товаров из Казахстана на границе с Россией с 2026 года //Новости Казахстана - Текст: электронный // URL: <https://www.lada.kz/kazakhstan-news/146405-putin-predupredil-o-konfiskatsii-tovarov-iz-kazakhstana-na-granitse-s-rossiei-s-2026-goda.html> (дата обращения: 10.02.2026).
5. Казахстан и ООН: история сотрудничества - Текст: электронный // URL: <https://e-history.kz/ru/news/show/33426> (дата обращения: 10.02.2026).
6. Китанов Т.Т. Сотрудничество Республики Казахстан по формированию и развитию военной составляющей системы коллективной безопасности в формате ОДКБ (ДКБ) / Китанов Т.Т. // «Право» - Текст: электронный // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotrudnichestvo-respubliki-kazahstan-po-formirovaniyu-i-razvitiyu-voennoy-sostavlyayushey-sistemy-kollektivnoy-bezopasnosti-v> (дата обращения: 10.02.2026).

БАНКОВСКИЕ МЕХАНИЗМЫ-ОГРАНИЧИТЕЛИ: ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Маланина Вероника Петровна, студентка

Сибирский государственный университет путей и сообщения, Новосибирск, Россия
mvpnika114@gmail.com

Хоменко Николай Александрович, студент

Сибирский государственный университет путей и сообщения, Новосибирск, Россия
khomenkoq2wertu@gmail.com

Научный руководитель: Дониц Светлана Рюриковна, старший преподаватель

Сибирский государственный университет путей и сообщения, Новосибирск, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу современных законодательных и технологических механизмов противодействия мошенничеству в банковской сфере. Рассматриваются инициативы Центрального банка РФ и новые федеральные законы, направленные на ограничение незаконных операций и защиту средств клиентов. Особое внимание уделяется правовым инструментам возврата похищенных денег и судебной практике 2024–2025 гг. Авторы приходят к выводу о системной эффективности вводимых ограничительных мер, для устранения распространения противоправных махинаций.

Ключевые слова: банковское мошенничество; противодействие мошенничеству; ограничительные механизмы; Центральный банк РФ; судебная практика; возврат денежных средств; защита банковских счетов

Ключевым условием в банковской системе является надлежащая защита денежных средств аккумулируемых в ходе гражданского, предпринимательского и иного оборота. На сегодняшний день законодательные и исполнительные органы власти расширили полномочия в отношении банков и направили курс на защиту средств, которые потенциальные клиенты банков ежедневно вносят и совершают с ними банковские операции. Однако на повестке дня в Правительстве совместно с Центральным банком России стоит вопрос об ограничении завладения третьим лицами чужих денежных средств путем обмана или иными действиями носящие общественно-опасный характер. Актуальностью данной темы является систематизация законодательства в области аккумуляирования денежных средств и действия кредитных организаций, осуществляющих банковские операции, которые направлены на создание защитных механизмов для противодействия распространению мошенничества. Важно понимать, насколько данная система сможет снизить количество преступных деяний совершаемых ежедневно, это важно для большинства сферот экономической составляющей аккумуляирования активов юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, до социальный составляющей, где каждый день необходима поддержка граждан, которым осуществляются социальные услуги.

На данный момент Центральным банком России реализовались некоторые подходы к осуществлению механизма ограничения, такими в частности являются: вступивший в законную силу 1 апреля 2025 года Федеральный закон №41 «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий» [2], который существенно ужесточил мероприятия по «обналичиванию» счетов. В частности, гражданам в сутки разрешено снимать сумму до 50 тысяч рублей. Данные меры не являются всеобщими и способствуют лишь выявлению потенциальных мошенников для дальнейшей передачи данных в Центральный банк, с одобрением на блокирование счета в нужный момент для предотвращения преступного деяния. До этого, была система, связанная с кредитами и займами, которая ограничивала «мгновенные» переводы и делала это в течение 48 часов. В эту составляющую, закрепленную Федеральным законодательством и иными нормативными

актами, входило ряд функций: системы мониторинга транзакций, обеспечивающие отслеживание транзакций в реальном времени и выявления подозрительных операций; биометрические технологии, позволяющие анализировать отпечатки пальцев и сканирование по лицу; регистрацию уполномоченных лиц, которая заключается в личном присутствии владельца банковского счета или уполномоченного представителя, который по доверенности сможет осуществлять банковские операции. Помимо этих мер, используются меры применяемые федеральными органами исполнительной власти, в частности, существуют информационные центры на базе МВД, следственного комитета, федеральной службы безопасности, федеральной налоговой службы, которые ежедневно проводят профилактические мероприятия в информационной и банковской сфере для выявления преступлений и предупреждения граждан для предотвращения таких преступлений.

Однако, несмотря на введение механизмов-ограничителей, все же стоит вопрос о том, что делать с денежными средствами граждан, которые были получены со счетов банков третьими лицами обманным путем. Ответ был получен относительно недавно. В середине 2024 года, в соответствии с Федеральным законом от 24.07.2023 № 369-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О национальной платежной системе» гражданам, пострадавшим от рук мошенников была предоставлена возможность вернуть полученные преступным путем денежные средства» [1]. Однако данные нормы распространяются не на всех. В стандартной ситуации при обмане, гражданин имеет право и одновременно обязанность сообщить об этом любыми доступными способами в кредитную организацию для дальнейшей блокировки карты. Дальнейшие действия банка будут распространяться в течение 30 установленных дней после того, как гражданин напишет заявление о краже денежных средств с его карты. Помимо этого, существует ситуация, когда это будет работать только в случае, когда сама кредитная организация уведомила или предпринимала действия по уведомлению и предотвращению хищения.

В данном случае ситуацию будет довольно легче решить. В качестве примера рассмотрим решение Якутского городского суда № 2-8680/2024 от 11 октября 2024 г. по делу № 2-8680/2024[5], в котором было установлено, что «Прокуратура Пензенской области в интересах ФИО1 обратилась в суд с иском к ФИО2 о взыскании неосновательного обогащения. В обоснование иска указано, СО ОМВД России по Пензенскому району возбуждено уголовное дело №№ по части 4 статьи 159 УК РФ сообщению о хищении у ФИО1 денежных средств в размере 2.500.000 рублей... ФИО2 используя абонентский различные номера телефонов, связалось со ФИО1, после чего представляясь сотрудником правоохранительного органа, ввело последнюю в заблуждение под предлогом не возбуждения уголовного дела и путем обмана побудило ФИО1 оформить на свое имя кредитные договоры, и полученные денежные средства переслать на специальные счета неустановленных лиц. В результате преступных действий, неустановленное лицо причинило ФИО1 материальный ущерб на сумму 2.500.000 рублей.». Данный пример является частью работы созданного в 2024 году механизма по возврату денежных средств похищенных с банковского счета преступным путем. Данное исковое заявление было удовлетворено судом и обязало ФИО2 к возврату похищенной суммы и взысканию неосновательного обогащения. Еще одним примером можно привести решение Коченевского районного суда Новосибирской области № 2-559/2025 от 25 мая 2025 г. по делу № 2-559/2025 «Предварительным следствием установлено, что 08.10.2024 неустановленное лицо, находясь в неустановленном месте, из корыстных побуждений, ввело истца в заблуждение в результате чего завладело принадлежащими ФИО1 денежными средствами в сумме 205000 рублей, причинив тем самым последнему значительный материальный ущерб на указанную сумму. В ходе расследования получены сведения о движении похищенных у истца денежных средств. Из ответа АО «Альфа-Банк» следует, что с принадлежащего ФИО1 банковского счета АО «Альфа-Банк» № на банковский счет ответчика № поступили денежные средства в сумме 205000 рублей.» [4], здесь повторяется ситуация с первым решением, где истец

вовремя обратился в органы внутренних дел в связи с хищением денежных средств с банковского счета.

В конечном итоге, требования истца были удовлетворены и денежные средства были возвращены. Последним примером является приговор № 1-70/2025 от 25 марта 2025 г. по делу № 1-70/2025 Моршанского районного суда Тамбовской области «ДД.ММ.ГГГГ в вечернее время ФИОЗ, находясь в 2 метрах от <адрес> юго-западном направлении по <адрес>, на земле нашел банковскую карту, выпущенную АО «ТБанк» к счету №, оформленную на имя Потерпевший №1, оснащенную чипом, позволяющим осуществлять расходные операции (покупки) на сумму до 1000 рублей без ведения пин-кода. В этот момент у ФИОЗ, возник единый преступный умысел на тайное хищение принадлежащих Потерпевший №1, денежных средств, находящихся на банковском счете №, открытом в офисе АО «ТБанк» расположенном по адресу: <адрес>А, стр.26, на имя Потерпевший №1, путем приобретения двух дезодорантов «Олд Спайс» в красной упаковке и геля для душа «Олд Спайс» и расчета за них с помощью указанной банковской картой», где в конечном итоге была применена уже уголовная ответственность к совершившему преступное деяние гражданину[3].

На сегодняшний день таких дел достаточно много, и раз за разом судебные инстанции встают на защиту прав граждан в данной области. Это показывает, что созданные государством меры систематизированно помогают по предотвращению мошеннических схем.

В заключение хотелось бы отметить, что на 2025 год ограничительные меры значительно расширяют свое влияние. Доступность граждан к созданным на всех уровнях власти способам защиты их банковских данных способствует реализации эффективной работы механизмов-ограничителей мошенничества и снижению уровня преступности в информационной сфере. Совместно с помощью и поддержкой органов власти, кредитные организации совершенствуют систему безопасности в отношении денежных средств, хранящихся на счетах, и предотвращают распространение мошеннических схем.

Список литературы

1. О внесении изменений в Федеральный закон «О национальной платежной системе»: федер. закон от 24.07.2023 №369-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2023. №31 (Часть III). Ст. 5795.
2. О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий: федер. закон от 01.04.2025 №41-ФЗ. // Собр. законодательства РФ. 2025. №14. ст. 1574.
3. Приговор Моршанского районного суда Тамбовской области № 1-70/2025 от 25 марта 2025 г. по делу № 1-70/2025// Судебные и нормативные акты РФ – Текст: электронный // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/lgWdIWl4FOlw/> (дата обращения 03.03.2026).
4. Решение Коченевского районного суда Новосибирской области № 2-559/2025 от 25 мая 2025 г. по делу № 2-559/2025// Судебные и нормативные акты РФ – Текст: электронный // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/h1SfPN6sR8mK/> (дата обращения 03.03.2026).
5. Решение Якутского городского суда № 2-8680/2024 от 11 октября 2024 г. по делу № 2-8680/2024 // Судебные и нормативные акты РФ – Текст: электронный // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/kzfK4shTRU6R/> (дата обращения 03.03.2026).

ПРОБЛЕМАТИКА ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ ЛЕКАРСТВЕННЫХ ПРЕПАРАТОВ ДЛЯ ЖИВОТНЫХ

Мандрык Полина Евгеньевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

mailto:polinamandryk6@mail.ru

Федотова Амелия Васильевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

ameliya_fedotova@mail.ru

Научный руководитель: Бородин Игорь Анатольевич, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

igoriborodin@bk.ru

Аннотация. Импортозамещение лекарственных препаратов для животных является ключевым направлением государственной политики в условиях трансформации фармацевтического рынка и усиления требований к продовольственной и биологической безопасности. Зависимость ветеринарной отрасли от зарубежных поставок создает риски для устойчивости агропромышленного комплекса и доступности терапии, что обуславливает актуальность оценки эффективности мер по развитию отечественного производства ветеринарных препаратов.

Ключевые слова: импортозамещение, ветеринарные препараты, контроль качества, государственная поддержка, конкурентоспособность, регистрация, лицензирование, инновации, технологии, федеральный закон, постановление

Реализация любой масштабной инициативы в фармацевтической сфере должна опираться на четкую и прозрачную правовую рамку. Опыт регулирования оборота медицинских препаратов демонстрирует, что ключевыми точками приложения усилий являются этапы лицензирования, регистрации, контроля качества и дистрибуции. Применительно к ветеринарному импортозамещению это означает, в первую очередь, необходимость оптимизации процедуры регистрации отечественных препаратов без ущерба для их доказательной базы. Не менее значим вопрос организации оборота. Четко регламентированный порядок отпуска, включающий требования к условиям хранения, ведению учетной документации и профессиональной компетенции отпускающего лица, является финальным барьером, обеспечивающим сохранность потребительских свойств препарата до момента его применения. Без выстроенной и контролируемой системы дистрибуции даже качественно произведенный отечественный препарат может потерять свою эффективность, подорвав доверие к политике импортозамещения в целом.

Определить эффективность и перспективы реализации политики импортозамещения в сфере лекарственных препаратов для животных, выявить правовые барьеры и предложить рекомендации по их преодолению для обеспечения безопасности и доступности ветеринарных препаратов на внутреннем рынке.

Федеральный закон № 61-ФЗ "Об обращении лекарственных средств" (2010) [1, с. 2–48] является конституционной основой регулирования обращения ветеринарных препаратов в Российской Федерации, обеспечивая нормативное регулирование вопросов лицензирования, регистрации, контроля качества и безопасности продукции. На основании данного закона реализуются процедуры лицензирования производственных мощностей, которые предполагают выполнение высокотехнологичных требований к технологическим линиям и системам менеджмента качества, что в свою очередь обуславливает значительные инвестиционные затраты для российских субъектов.

Процедуры государственной регистрации, регламентированные статьей 24 указанного закона, предполагают предоставление обширного пакета документов, подтверждающих безопасность, эффективность и качество продукции. Продолжительные сроки рассмотрения, высокая бюрократическая нагрузка и требования к научно-технической документации зачастую приводят к существенным задержкам в выводе отечественных препаратов на рынок. В результате отечественные производители сталкиваются с ограничениями по времени и ресурсам, что негативно сказывается на их конкурентоспособности в сравнении с импортными аналогами, обладающими более развитой регуляторной инфраструктурой. Кроме того, в рамках нормативной базы реализуются меры поддержки инновационной деятельности, направленные на стимулирование научных разработок и технологического обновления. В частности, Постановление Правительства РФ № 1232 (2019) "О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 1 июля 2016 г. № 617" [2, с. 1-3] предусматривает предоставление грантов, налоговых льгот и иных мер поддержки для реализации перспективных проектов в области ветеринарных лекарственных средств. Однако, анализ объема и эффективности данных мер демонстрирует наличие значительных диспропорций между потребностями отрасли и реальными возможностями их реализации, что обусловлено недостаточной ресурсной обеспеченностью и слабой интеграцией научных институтов с промышленным сектором.

Научный потенциал и уровень технологического развития отечественного ветеринарного препаратостроения характеризуются высоким научным и технологическим потенциалом, однако реализация инновационных разработок сталкивается с системными барьерами. Основными из них являются недостаточное финансирование НИОКР (научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ), слабая институциональная интеграция между научными центрами, промышленными предприятиями и регуляторными органами, а также недостаточная инфраструктурная оснащенность. В рамках государственной стратегии по развитию технологической базы, реализуемой посредством программ поддержки инновационных проектов, наблюдается низкий уровень коммерциализации научных разработок, что обусловлено сложной процедурой трансфера технологий, отсутствием механизмов масштабирования и недостаточным уровнем адаптации научных достижений к промышленным требованиям. В результате отечественный сектор остается в значительной степени зависимым от импортных технологий, что подрывает стратегическую автономию отрасли.

Регуляторные процедуры, связанные с регистрацией и сертификацией ветеринарных препаратов, регулируются законодательством, в частности, Федеральным законом № 61-ФЗ и сопутствующими нормативными актами. Стандартизация и контроль за качеством являются важнейшими элементами обеспечения безопасности животноводческих продуктов и конечных потребителей. Однако, преимущественно длительный характер процедур, высокая бюрократическая нагрузка и требования к обширной документации ведут к существенным задержкам при выводе отечественных препаратов на рынок.

В целях устранения указанных недостатков в 2014 году было инициировано внедрение процедур ускоренной регистрации, закрепленных Постановлением № 855 Правительства РФ "О Правительственной комиссии по вопросам оптимизации и повышения эффективности бюджетных расходов" [3, с. 1–3]. Несмотря на это, на практике, реализация данных мер сталкивается с административными барьерами и недостаточной информационной прозрачностью, что снижает их эффективность. В результате отечественные инновационные разработки оказываются в невыгодных условиях по сравнению с импортными препаратами, обладающими более развитой регуляторной поддержкой.

Государственные меры поддержки, реализуемые посредством Постановления № 1008 от 2017 года "О порядке осуществления мониторинга и контроля реализации самокупаемых инфраструктурных проектов, реализуемых юридическими лицами, в финансовые активы которых размещаются средства Фонда национального благосостояния и (или) пенсионных

накоплений, находящихся в доверительном управлении государственной управляющей компании, на возвратной основе, целевого использования средств Фонда национального благосостояния при финансировании указанных проектов и внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации" [4, с. 1-4], включают налоговые льготы, субсидии, кредитные каналы и иные инструменты, направленные на снижение издержек отечественных производителей ветеринарных препаратов. Однако, анализ их практической эффективности свидетельствует о необходимости повышения масштабов и дифференцированности данных мер, а также разработки новых инструментов стимулирования инновационной активности.

Стратегически важным аспектом является реализация положений Федерального закона № 248-ФЗ "О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации" [5, с. 1–12], предусматривает приоритетное размещение государственных заказов на производство стратегически значимых ветеринарных лекарственных средств на территории Российской Федерации. Однако объем финансирования и масштабы таких заказов остаются недостаточно значительными, что препятствует достижению полной технологической независимости отрасли, а также не способствует стимулированию масштабных инвестиций в инфраструктуру и технологическую модернизацию, что является критически важным для обеспечения устойчивого развития и повышения конкурентоспособности отечественной ветеринарной фармацевтической промышленности.

На основе проведенного анализа можно констатировать, что внутренний сектор ветеринарных препаратов сталкивается с комплексом межотраслевых, нормативных и технологических препятствий, обусловленных как внутренними системными диспропорциями, так и внешними вызовами. Основными проблемными аспектами являются сложности регуляторных процедур, недостаточная финансовая и инфраструктурная поддержка, слабая интеграция научных и производственных структур, а также низкая скорость трансфера инноваций.

Для повышения уровня конкурентоспособности и полноценного внедрения политики импортозамещения необходимо предусмотреть ряд мер, включая усовершенствование нормативных актов, создание условий для ускорения процедур регистрации, расширение государственной поддержки инновационных проектов, развитие инфраструктуры высокотехнологичного производства и стимулирование интеграции научных и промышленных структур. Комплексное выполнение данных рекомендаций позволит сформировать устойчивую систему внутреннего производства ветеринарных препаратов, способную обеспечить стратегическую автономию и технологическую независимость страны.

Список литературы

1. Федеральный закон от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 16. – Ст. 1815.
2. Постановление Правительства РФ от 21 сентября 2019 г. № 1232 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 1 июля 2016 г. № 617» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 39. – Ст. 5420.
3. Постановление Правительства РФ от 26 августа 2014 г. № 855 «О Правительственной комиссии по вопросам оптимизации и повышения эффективности бюджетных расходов» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 35. – Ст. 4774.
4. Постановление Правительства РФ от 25 августа 2017 г. № 1008 «О порядке осуществления мониторинга и контроля реализации самоокупаемых инфраструктурных проектов...» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 35. – Ст. 5321.
5. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31. – Ст. 5007.
6. Джупарова, И. А. Порядок отпуска лекарственных препаратов для медицинского применения аптечными организациями: учебное пособие / И. А. Джупарова, И. А. Харина, А. С. Джупаров. – Новосибирск: НГМУ, 2024. – 90 с. – Текст: электронный// Лань: электронно-библиотечная система. – URL: <https://e.lanbook.com/book/507532> (дата обращения: 17.02.2026).
7. Петров, А. Г. Медицинское и фармацевтическое товароведение: товароведческий анализ медицинских и фармацевтических товаров: учебное пособие / А. Г. Петров, Е. Б. Григорьева, А. А. Марьин. – Кемерово: КеМГМУ, 2024. – 153 с. – Текст: электронный// Лань: электронно-библиотечная система. – URL: <https://e.lanbook.com/book/422198> (дата обращения: 17.02.2026).

РАЗГРАНИЧЕНИЕ РЕКЛАМЫ И ИНФОРМАЦИОННОГО КОНТЕНТА: ПРАВОВЫЕ КРИТЕРИИ И ПРАКТИКА ФАС

Миллоджанова Алина Дмитриевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

titkova130@gmail.com

Научный руководитель: Пономарева Валерия Владимировна, доктор юридических наук, профессор

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

valery_e378he@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются правовые аспекты разграничения рекламы и информационного контента со стороны толкования права. Рассматриваются критерии Федеральной антимонопольной службы (ФАС) России, используемые для разграничения рекламных материалов от материалов, не являющихся рекламой.

Ключевые слова: реклама, информация, законодательство о рекламе, правовые критерии, регулирование, ответственность

Реклама - информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке [1].

Для того чтобы отделить понятие «рекламы» от других смежных понятий, нужно выделить ее признаки:

Первым и основным признаком рекламы является ее публичный характер распространения. В соответствии с ним реклама должна охватывать неопределенный круг лиц, а не быть адресованной конкретному лицу.

Вторым значимым признаком рекламы является особое содержание и специфическая направленность такой информации, т. е. реклама непосредственно направлена на объект рекламирования с целью подогрева интереса потребителей к данному объекту.

Третьим признаком является то, что информация, являющаяся рекламой, может распространяться любым способом, например, с помощью телевидения, радио, в интернете и т.д.

Для разграничения информации, подпадающей под понятие рекламы, и информации, не являющейся рекламой, необходимо обратиться к термину «информация» и найти признаки, которые определяют этот термин.

Информация - сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления [2].

Проблема идентификации сведений, которые будут являться рекламой, заключается в том, что нужно определить признаки, по которым можно разделить информацию.

Чтобы отграничить термин «информация» нужно выделить признаки:

Объективность как свойство информации означает то, что сведения описывают события и процессы внешнего мира независимо от того, как их воспринимает конкретный субъект. В юридическом смысле это качество позволяет провести разграничение между объективной реальностью и субъективными суждениями, которые зачастую составляют основу рекламных обращений.

Достоверность. Это свойство, которое характеризует информацию как соответствующую действительности. Достоверность является обязательным требованием законодательства «О рекламе» и «Об информации».

Относительность. Сущность данного признака состоит в том, что одна и та же информация может толковаться по-разному в зависимости от условий ее применения. Данное свойство приобретает особую значимость при отграничении рекламных материалов от информационных, поскольку оценка характера сведений зачастую строится не на их дословном содержании, а на контекстуальных особенностях размещения (например, помещен ли отзыв в соответствующую рубрику или выделен в виде рекламного баннера).

Актуальность исследования заключается в том, что разграничение рекламы и информационного контента очень сильно возрастает в условиях динамичного развития цифровой сферы. Распространение онлайн-платформ и социальных сетей порождает тенденцию к органичному встраиванию рекламных сообщений в общее число информационных публикаций. Это, в свою очередь, создает для потребителя сложности в распознавании истинного характера получаемой информации.

Целью настоящего исследования является выявление вопросов толкования нормативных правовых актов в сфере отграничения рекламы от информационного контента. Достижение указанной цели предполагает анализ правовых критериев, используемых в данной сфере, а также обобщение практики Федеральной антимонопольной службы (ФАС).

Значимость статьи с научной точки зрения обусловлена толкованием законодательства, регулирующего разграничение рекламы и информационного контента. Данные результаты являются важными для разработки и совершенствования механизмов правового регулирования в рассматриваемой области.

Практическая значимость работы заключается в том, что в ней исследуются актуальные проблемы публичного права, а также анализируются способы толкования юридических норм, определяющих разграничение рекламы и информационного контента. Сформулированные в работе выводы могут служить основой для совершенствования правоприменительной практики в данной сфере.

В условиях интенсивного развития информационного общества и цифровой экономики вопросы толкования законодательства о рекламе приобретают особую актуальность. Знания законодательства о рекламе помогает лучше разобраться в процессах.

Толкование права – процесс мышления, направленный на уяснение смысла нормы права, а также результат этого процесса как совокупность суждений, раскрывающих содержание толкуемой нормы [3].

Сложности, возникающие при толковании законодательства о рекламе, связаны с тем, что

Федеральный закон «О рекламе» не содержит четких терминов. Вследствие этого многие понятия толкуются излишне широко, что создает возможность для квалификации в качестве рекламы информации, таковой не являющейся.

Также встречаются противоречия с положениями Федерального закона «Об информации», так как распространение информации понимается как совершенно разные процессы.

Определенную сложность при толковании законодательства о рекламе представляет собой разграничение понятий «реклама» и «информационные материалы». Отнесение информации к той или иной категории во многом зависит от контекста и конкретных обстоятельств: так, один и тот же отзыв может не являться рекламой в одной ситуации и квалифицироваться как рекламное сообщение в другой – в частности, когда он содержит подробное описание объекта рекламирования либо направлен на его продвижение на рынке.

Данная проблема является очень актуальной в рамках деятельности Экспертного совета при ФАС России, а также его территориальных органов.

Таким образом, выявленные проблемы свидетельствуют о том, что в законодательстве о рекламе имеются пробелы, которые создают сложности для правоприменительной практики. Указанные обстоятельства требуют продолжения углубленного изучения данной проблематики и выработки мер, направленных на устранение существующих противоречий.

Учитывая вышеизложенное, возникает вопрос: как можно разграничить понятие «реклама» и «информационный контент»?

В соответствии с приказом ФАС России от 14.11.2023 года №821/23 утверждено Руководство по соблюдению обязательных требований «Понятие рекламы», которое помогает разграничивать рекламу и информационные материалы.

Так, информационные сообщения («Добро пожаловать», «Въезд 24 часа» и так далее), размещенные у въезда/выезда на территорию организации и не содержащие товарных знаков, наименований товаров, их характеристик или названий юридических лиц, не являются рекламой. На них не распространяются требования Федерального закона «О рекламе».

Одним из ярких, но спорных вопросов является размещение информации на дорожном знаке, так как в одном случае это не будет являться рекламой, так как основной целью данной информации является указание месторасположения. В другом же случае с указанием конкретного коммерческого наименования будет являться рекламой, в соответствии с Законом №38-ФЗ «О рекламе».

Например, Красноярское УФАС рассмотрело дело о размещении на опоре с дорожным знаком 6.10.1 информации с указанием коммерческого наименования «Мир аккумуляторов» и направления движения к данному торговому объекту. Комиссия пришла к выводу, что такая информация формирует интерес к товарам конкретного субъекта рынка и является рекламой, поскольку размещена не в месте нахождения организации.

Чтобы разграничить понятие «рекламы и информационный контент» нужно проанализировать имеющуюся информацию по критериям разграничения:

1)определить цель указанной информации: если она направлена на привлечение внимания к объекту, продвижение услуг/работ, то такая информация будет считаться рекламой,

2)широкая направленность рекламы на неопределенный круг лиц, а не на конкретный субъект.

3)определить объект указанной информации.

Таким образом, проблема толкования права очень сильно заметна в данной сфере, так как отсутствие четко закрепленных терминов приводит к тому, что одно и тоже понятие может трактоваться по-разному, вызывая сложности в применении норм.

Список литературы

1.Федеральный закон от 13.03.2006 «38-ФЗ «О рекламе» - Текст: электронный // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/?ysclid=mm76rdn0db60208009. (дата обращения 03.03.2026).

2. Федеральный закон от 27.07.2006 №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» » - Текст: электронный // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения 03.03.2026).

3. Хропанюк, В.Н. Теория государства и права. / В.Н. Хропанюк // М., 2008. С.274.

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ВЫБОРОВ В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Никулина Алина Вячеславовна, студентка

Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева (Центральный филиал), Воронеж, Россия
alina_nikulina24@mail.ru

Научный руководитель: Дегтярева Леся Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева (Центральный филиал), Воронеж, Россия
alex.d.36@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена детальному рассмотрению избирательного права Российской Федерации; особенностей проведения выборов в условиях чрезвычайных ситуаций, в том числе военного положения; анализу практики применения действующего законодательства в различных ситуациях. Особо акцентируется внимание на сравнении результатов выборов до внесения поправок в избирательное право и после внесения. Выявляются недостатки внесенных изменений, предлагаются пути их решения и основные направления для дальнейшего развития избирательного права Российской Федерации.

Ключевые слова: избирательное право, избирательный процесс, выборы, референдум, отложение голосования, чрезвычайная ситуация, чрезвычайное законодательство

Избирательное право – это совокупность правовых норм, характеризующихся известным системным единством и целостностью, устанавливающих избирательную систему и регулирующих выборы в государстве [1, с. 10]. Оно является особенно актуальным в современном мире, поскольку играет ключевую роль в реализации демократических принципов и легитимности власти.

Проблема особенностей проведения выборов в условиях чрезвычайных ситуаций активно обсуждается в научной литературе последних лет. Огромный вклад внесли С.А. Старостин, Д.Э. Барганджия, В.А. Чехарина. В своих работах они рассматривают специфику проведения выборов и управленческой деятельности в условиях чрезвычайных ситуаций, проблему переноса выборов и сложности, связанные с ограничением свободы волеизъявления.

Правовые основы избирательного права Российской Федерации на федеральном уровне закреплены в ряде нормативных актов, в числе которых: Конституция Российской Федерации [2], Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [3], Федеральный закон от 10 января 2003 года № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» [4], Федеральный закон от 22 февраля 2014 года № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» [5].

До 2020 г. законодательство не содержало четкой регламентации механизмов адаптации избирательного процесса к чрезвычайным ситуациям. Выборы либо проводились в штатном режиме, либо откладывались на неопределенный срок без правового закрепления. В 2020 г. законодательство РФ, закрепляющее избирательные права, претерпело значительные изменения из-за сложившейся эпидемиологической ситуации в стране, связанной с распространением инфекции COVID-19. Происходит закрепление норм, регулирующих проведение выборов и референдумов в условиях чрезвычайных ситуаций, определяются некоторые особенности, утверждаются нововведения.

Одно из важнейших изменений – утверждение статьи, регулирующей проведение выборов, референдумов при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной

ситуации, военного положения [3, ст. 10.1]. Впервые в российском законодательстве появляется статья, закрепляющая процедуру проведения выборов в таких условиях. Теперь при введении чрезвычайной ситуации голосование может быть отложено, а дальнейшие действия по проведению выборов определяются комиссией в каждом конкретном случае исходя из особенностей чрезвычайной ситуации на соответствующей территории.

Данное нововведение способствовало ликвидации пробела в избирательном праве, ведь, как уже было отмечено, до этого законодательство не предусматривало регулирование подобных ситуаций. При этом изменение подразумевает гибкость системы регулирования – сроки и порядок действий может устанавливать избирательная комиссия самостоятельно в зависимости от сложившейся ситуации, что дает возможность оперативно реагировать на происходящие события и обеспечивать реализацию права граждан на участие в выборах, несмотря на чрезвычайную ситуацию.

Еще одно значимое изменение – вводится статья, закрепляющая возможность проведения многодневного голосования [3, ст. 63.1]. Избирательная комиссия может принять решение о проведении выборов, либо референдумов в течение нескольких дней подряд, но не более трех.

Введение многодневного голосования оказалось эффективным решением, которое помогло законодателю справиться с рядом актуальных задач, стоявших перед избирательной системой. С возможностью перехода на трехдневное голосование происходит более равномерное распределение потока избирателей на избирательных участках, так как суммарное время голосования увеличивается втрое и поток людей распределяется более равномерно. Также повышается явка на выборы, потому что у избирателей появляется возможность самостоятельно выбрать удобный день и удобное время для принятия участия в голосовании.

Кроме того, впервые вводится термин «дистанционное электронное голосование» [3, ст. 64.1], которое понимается как голосование без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием специального программного обеспечения, размещенного на специальном портале, доступ к которому через информационно-телекоммуникационные сети предоставляется на техническом устройстве избирателя, участника референдума [3, ст. 62.1]. Данное нововведение способствовало тому, что у граждан появляется больше возможностей реализации своих избирательных прав – есть возможность проголосовать, не выходя из дома, что особенно важно для людей с ограниченными возможностями и жителей отдаленных населенных пунктов.

Для полноценного анализа и выявления эффективности основных изменений в законодательстве избирательного права необходимо обратиться к итоговым результатам президентских выборов 2018 г. [6] и итоговым результатам президентских выборов 2024 г. [7], приведенными в таблице 1.

Таблица 1 – Статистические данные президентских выборов 2018 года и президентских выборов 2024 года

Год проведения президентских выборов	Сравнительный критерий	
	Количество избирателей, принявших участие в выборах	Количество избирателей, воспользовавшихся дистанционным электронным голосованием
2018 г.	73 578 992	0
2024 г.	87 397 569	4 767 974

Можно отметить, что в 2024 г. происходит увеличение явки избирателей на выборы, что объяснимо изменениями, внесенными в законодательство избирательного права Российской Федерации. Подробное объяснение положительного влияния данного процесса объясняется выше при анализе каждого изменения. Кроме того, более четырех с половиной миллионов граждан в 2024 г. предпочли относительно новую форму голосования –

дистанционное электронное голосование, что подчеркивает важность его введения для повышения явки избирателей.

Анализируя выборы 2024 г. нельзя не заметить, что изменения, вызванные в первую очередь неблагоприятной эпидемиологической обстановкой в 2020 г., находят применение и в постэпидемиологический период из-за определенных причин. Например, можно наблюдать применение на практике права ЦИК РФ устанавливать особенности подготовки и проведения выборов на определенной территории в условиях чрезвычайного положения (в особенности – военного положения). Так, ЦИК РФ принял постановление [8] о проведении выборов Президента РФ, назначенных на 17 марта 2024 г., на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области [9, с. 144].

Безусловно, изменения, введенные законодателем, сыграли важную роль в регулировании особенностей реализации избирательных прав граждан в условиях чрезвычайных ситуаций. Тем не менее практика применения их выявила некоторые несовершенства.

Например, возможность проведения многодневного голосования создает целый ряд сложностей. В законодательстве не закрепляется единый порядок хранения бюллетеней между днями голосования, что создает риск их подмены или порчи, что в дальнейшем может привести к недостоверным результатам голосования. Также можно выделить проблему с наблюдателями в случае многодневного голосования. Партии и общественные организации не обязаны направлять наблюдателей на все дни голосования, из-за чего в какой-то из дней избирательный участок может остаться без контроля, что снизит прозрачность проведения голосования.

Введение дистанционного электронного голосования тоже не является совершенным. Повышается риск технических сбоев, ведь на платформу идет большая нагрузка, на которую она не рассчитана. Возможна угроза кибератак, что особенно актуально в современном мире. Кроме того, можно выделить проблему возможного «дублирования» электронного и «бумажного» голоса. В 2020 г. был зафиксирован ряд случаев, когда избиратели смогли проголосовать заочно и очно, так как не были исключены из списков в УИК. Одна из самых важных проблем дистанционного электронного голосования – ограниченность применения по регионам. Как отмечает глава ЦИК Российской Федерации Элла Памфилова, опыт проведения дистанционного голосования на декабрь 2024 года имеют лишь 37 регионов.

Полагаем, что для устранения выявленных недостатков целесообразно закрепить вышеизложенные правовые пробелы в законодательстве, регулирующем избирательное право Российской Федерации. Кроме того, необходимо совершенствовать платформу для проведения дистанционного электронного голосования и расширить практику применения в различных регионах.

В целом, установление и закрепление особенностей проведения выборов в условиях чрезвычайных ситуаций является отличным дополнением избирательного права, однако на достигнутом не нужно останавливаться. Необходимо детально следить за практикой применения, выявлять новые недостатки и закреплять их в законодательстве. Только в таком случае избирательное право нашего государства будет оставаться актуальным, и отвечать на современные вызовы.

Список литературы

1. Ким, Ю.В. Избирательное право: учебник для среднего профессионального образования / Ю.В. Ким // 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2026. 359 с.
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года - Текст: электронный // URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.02.2026).
3. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

- Федерации» // «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/ (дата обращения: 28.02.2026).
4. Федеральный закон от 10.01.2003 № 19-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О выборах Президента Российской Федерации» // «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40445/ (дата обращения: 28.02.2026).
5. Федеральный закон от 22.02.2014 № 20-ФЗ (ред. от 23.05.2025) «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_159349/ (дата обращения: 28.02.2026).
6. Постановление ЦИК России от 23.03.2018 № 152/1255-7 «О результатах выборов Президента Российской Федерации, назначенных на 18 марта 2018 года» // «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/53066.html> (дата обращения: 28.02.2026).
7. Протокол Центральной избирательной комиссии Российской Федерации о результатах выборов Президента Российской Федерации от 21.03.2024 // URL: [http://cikrf.ru/analog/prezidentskiye-vybory-2024/p-itogi/protokol-%E2%84%967-\(467\)-2024.pdf](http://cikrf.ru/analog/prezidentskiye-vybory-2024/p-itogi/protokol-%E2%84%967-(467)-2024.pdf) (дата обращения: 28.02.2026).
8. Постановление ЦИК России от 11.12.2023 № 141/1084-8 «О проведении выборов Президента Российской Федерации на части территории Российской Федерации, на которой введено военное положение» // «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_463995/ (дата обращения: 28.02.2026).
9. Захаров И.В., Кокотов А.Н. Избирательное право Российской Федерации: учебник и практикум для вузов / под редакцией И.В. Захарова, А.Н. Кокотова / 6-е изд., перераб. И доп. Москва: Издательство Юрайт, 2026. 324 с.

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ОШИБОЧНОГО ТОЛКОВАНИЯ НОРМ ЭКСТРАДИЦИИ: ВОПРОСЫ ПУБЛИЧНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Новицкая Алина Максимовна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
allnov24@mail.ru

Научный руководитель: Пономарева Валерия Владимировна, доктор юридических наук, профессор

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
valery_e378he@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются правовые последствия ошибочного толкования норм об экстрадиции в контексте публичной ответственности Российской Федерации. На основе анализа новейшей судебной практики 2025 года, решений Европейского суда по правам человека, а также официальных заявлений российских должностных лиц рассматриваются механизмы возникновения международно-правовой ответственности государства. Особое внимание уделяется трансформации подходов западных правоприменительных органов к экстрадиционному сотрудничеству с Россией и ответным законодательным инициативам Российской Федерации.

Ключевые слова: экстрадиция, ошибочное толкование, публичная ответственность, международное сотрудничество, политически мотивированные отказы

Институт экстрадиции представляет собой сложный межотраслевой комплекс норм, эффективность применения которого напрямую зависит от качества толкования международных договоров и национального законодательства. Ошибочное толкование в данной сфере влечет не только внутригосударственные правовые последствия, но и порождает публичную ответственность государства на международном уровне, затрагивая его суверенитет, репутацию и обязательства перед лицом, подлежащим выдаче.

В современных геополитических условиях проблема ошибочного толкования норм экстрадиции приобретает особую остроту. С одной стороны, Российская Федерация сталкивается с массовыми отказами в экстрадиции со стороны западных государств, мотивированными политическими соображениями [13]. С другой стороны, российские правоприменительные органы вынуждены адаптироваться к новым реалиям, связанным с выходом России из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека.

Ошибочное толкование норм об экстрадиции возникает на двух уровнях правоприменения. Первый уровень – внутригосударственный, где решения принимаются судами и органами прокуратуры. Второй уровень – межгосударственный, связанный с взаимодействием запрашивающего и запрашиваемого государств.

В юридической доктрине под ошибочным толкованием понимается неправильное уяснение содержания правовой нормы, следствием которого становится ее неверное применение. В сфере экстрадиции ошибки толкования особенно опасны, поскольку затрагивают фундаментальные права индивида (право на свободу, запрет пыток, право на справедливое судебное разбирательство) и баланс ключевых принципов международного сотрудничества: неотвратимости наказания и гуманизма.

Анализ судебной практики выявляет ключевые виды ошибочного толкования, влекущие публичную ответственность в контексте экстрадиции. Это включает ошибки в интерпретации материальных оснований экстрадиции, таких как определение признаков "двойной преступности" деяния и квалификация преступления как политического. Также значимы ошибки в оценке процессуальных гарантий, предоставляемых запрашивающей

стороной, и рисков применения пыток или бесчеловечного обращения. Кроме того, важны ошибки в определении статуса лица, включая гражданство, наличие убежища и принадлежность к уязвимым категориям. Наконец, ошибки в толковании сроков и процедур содержания под стражей в ожидании экстрадиции также играют существенную роль.

Наиболее серьезные правовые последствия неправильного толкования связаны с нарушением принципа *non-refoulement* (невыводение), закрепленного в статье 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ) и Конвенции ООН против пыток. По устоявшейся практике ЕСПЧ, государство несет ответственность за выдачу человека, если есть серьезные основания полагать, что в запрашивающей стране ему угрожают пытки или бесчеловечное обращение [14].

Российскую Федерацию неоднократно обвиняли в неправильной оценке таких рисков. Показательным примером стало дело *Искандарова против России* (постановление ЕСПЧ от 23 сентября 2010 года). Лидер оппозиционной партии Таджикистана был похищен в Подмосковье и тайком вывезен в Душанбе, где приговорен к 23 годам за терроризм. ЕСПЧ признал нарушение статей 3 и 5 Конвенции, а также статьи 34 (право на индивидуальную жалобу), и назначил компенсацию в 30 тысяч евро. Это дело демонстрирует крайнюю форму ошибочного толкования – игнорирование экстрадиционных процедур и использование незаконных методов [8].

Еще один пример – дело *Хамидкариева против России* (постановление от 26 января 2017 года). ЕСПЧ установил нарушение статьи 3 Конвенции в материальном и процессуальном аспектах, присудив 19 500 евро. Суд отметил, что российские власти не оценили риск пыток в случае выдачи заявителя в Узбекистан [10].

Ученые неоднократно поднимали проблему систематических нарушений статьи 3 в экстрадиционных делах. Как отмечает Д.В. Тренина, Европейский Суд выявил как минимум одно нарушение Конвенции в 40 постановлениях по российским делам об экстрадиции и высылке. В большинстве случаев речь шла о высоком риске жестокого обращения в стране назначения [14].

Анализ отдельных дел демонстрирует механизм наступления ответственности, однако для понимания глубины проблемы необходимо обратиться к статистике. По данным Комитета министров Совета Европы, с момента присоединения к Европейской конвенции общая сумма компенсаций, присужденная ЕСПЧ Российской Федерации, превысила 2 млрд евро. Значительная часть этой суммы и рассмотренных жалоб связана с нарушениями, допущенными, в том числе, в контексте экстрадиции и высылки.

Хотя точное количество дел, касающихся исключительно экстрадиции, в общей статистике не выделяется, их значимость подтверждается данными правозащитных организаций. Так, Европейский центр защиты прав человека (EHRAC), специализирующийся на ведении дел в ЕСПЧ, указывает, что к 2015 году им было выиграно 87 дел против России, из которых 9 напрямую касались экстрадиции. Важно отметить, что в большинстве выигранных экстрадиционных дел Суд фиксировал нарушение статьи 3 Конвенции (запрет пыток и бесчеловечного обращения), что подтверждает системный характер проблемы, поднятой в данной статье.

Отдельная сфера публичной ответственности связана с неправильным пониманием норм, регулирующих содержание под стражей в ожидании экстрадиции. Вопросы, поднятые ЕСПЧ в деле *Ошлаков против России* (2011), касались системных недостатков российского законодательства, не предусматривающего "достаточно доступной, точной и предсказуемой процедуры, предотвращающей произвольное содержание под стражей в ожидании экстрадиции" [9].

Суд неоднократно отмечал нарушение требований незамедлительности при апелляционном пересмотре решений о выборе и продлении меры пресечения. Хотя УПК РФ устанавливает срок в трое суток для рассмотрения апелляционной жалобы, на практике это может занять до полутора месяцев, что противоречит гарантиям, закрепленным в статье 5 Конвенции.

В деле Чантуридзе против России (постановление от 28 ноября 2017 года) ЕСПЧ выявил нарушения статей 3, 5 и 13 Конвенции и присудил заявителю компенсацию в размере 15 000 евро. Заявитель жаловался на условия содержания под стражей, которые можно считать бесчеловечными, а также на отсутствие эффективных средств правовой защиты [6].

Публичная ответственность может наступить, если должностные лица, не дожидаясь решения об экстрадиции, уже открыто высказываются о виновности человека. ЕСПЧ в деле Калиниченко против России признал такие действия нарушением презумпции невиновности. Хотя это дело касалось внутреннего расследования, его принципы применимы и к экстрадиционным процессам. Публичные заявления о "преступной природе" человека до завершения процедуры экстрадиции противоречат статье 6 Конвенции и возлагают ответственность на государство [5].

Неправильное толкование норм экстрадиции внутри России приводит к созданию негативных прецедентов, которые формируют устойчивое недоверие к российской судебной системе со стороны международных партнеров. Примером этого может служить решение Высокого суда Англии и Уэльса по делу Зармаева против Правительства Российской Федерации (2017), в котором суд отказал в экстрадиции в Россию, сославшись на риски нарушения статьи 3 ЕКПЧ из-за системных проблем в российской пенитенциарной системе [11].

Еще более яркое проявление этой проблемы было зафиксировано в решении магистратского суда Великобритании по объединенным делам Смычковского, Егоровой, Цуркан и Киндрачук (2020). Главный магистрат пришел к выводу о наличии "реального риска нарушения статьи 3" из-за "системного насилия во многих пенитенциарных учреждениях" и отсутствия "эффективной системы противодействия жестокому обращению и пыткам". Высокий суд отклонил апелляцию Российской Федерации, фактически заблокировав экстрадицию в Россию до тех пор, пока не будут внесены фундаментальные изменения в пенитенциарную систему. Как отмечает адвокат Кейт Гулд, "выводы главного магистрата, полностью поддержанные Высоким судом, серьезно затрудняют возможность экстрадиции в Россию в будущем" [12].

Международные организации выражают серьезную обеспокоенность по поводу выполнения Россией решений Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) в делах об экстрадиции. Как указывает Д.В. Тренина, «дела о высылке и экстрадиции – это основной повод для запросов о применении срочных мер в соответствии с Правилом 39 Регламента ЕСПЧ». Неисполнение предписаний Суда о приостановлении экстрадиции считается самостоятельным нарушением Конвенции, а именно права на подачу индивидуальной жалобы, которое закреплено в статье 34 Конвенции.

Примером этого может служить дело Искандарова, когда экстрадиция была осуществлена, несмотря на применение Правила 39, что ЕСПЧ расценил как нарушение права на подачу индивидуальной жалобы.

Высшие судебные инстанции активно работают над унификацией практики толкования экстрадиционных норм. Пленум Верховного Суда РФ, в своих разъяснениях, таких как постановление от 14 июня 2012 года и последующие документы, стремится минимизировать ошибки в правоприменении. Апелляционный и кассационный пересмотр судебных решений остаются ключевыми механизмами для восстановления прав, нарушенных из-за ошибочного толкования.

Основным способом защиты прав, нарушенных в результате неправильного толкования, является обращение в международные инстанции. Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), Комитет ООН против пыток и Комитет ООН по правам человека рассматривают индивидуальные жалобы и, в случае выявления нарушений, присуждают справедливую компенсацию. Сумма компенсаций варьируется: от 3–5 тысяч евро в простых делах до 15–30 тысяч евро и более в случаях серьезных нарушений.

Под влиянием прецедентной практики ЕСПЧ российское законодательство претерпело значительные изменения. Были введены процедуры судебного контроля за

содержанием лиц под стражей в ожидании экстрадиции и уточнены основания для отказа в выдаче. Однако, несмотря на эти меры, системные проблемы в правоприменении полностью не решены.

В 2025 году произошли значительные изменения. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 2 от 27 мая 2025 года изменило судебные приоритеты: российские суды теперь ориентируются не на положения Европейской конвенции и практику ЕСПЧ, а на нормы Конвенции СНГ, Международного пакта о гражданских и политических правах и другие соглашения, участником которых остается Россия [7].

В сфере экстрадиции были уточнены допустимые сроки содержания под стражей, которые составляют 30 или 40 дней в зависимости от конкретной конвенции СНГ. Суды теперь учитывают только те различия в условиях отбывания наказания за рубежом, которые объективно мешают достижению целей наказания. Простое несоответствие условий содержания более не является веской причиной для отказа в экстрадиции. Эти изменения направлены на адаптацию правоприменительной практики к новым реалиям, но одновременно создают риски для единообразия и защиты прав лиц, подлежащих экстрадиции.

Параллельно с этим, международная практика демонстрирует тенденцию к ужесточению подходов к экстрадиции в Россию. Решение Апелляционного суда Венеции в 2025 году и позиция Министерства юстиции Италии свидетельствуют о формировании устойчивого подхода, при котором экстрадиция в Россию признается невозможной из-за системных нарушений прав человека и выхода России из-под юрисдикции ЕСПЧ.

Проведенный анализ показывает, что публичная ответственность Российской Федерации за ошибочное толкование норм экстрадиции носит комплексный характер. Она включает материально-правовые последствия в виде выплат компенсаций, процессуальные последствия, такие как отмена незаконных решений и освобождение из-под стражи, а также политико-дипломатические и репутационные последствия, включая недоверие со стороны иностранных государств и блокирование экстрадиционного сотрудничества. Кроме того, ошибочные толкования могут создать прецедентные последствия, негативно влияя на международную практику рассмотрения экстрадиционных дел.

Чтобы минимизировать отрицательные последствия неправильного понимания, необходимо строго придерживаться телеологического (целевого) подхода к толкованию международных соглашений, уделяя первостепенное внимание правам человека. Также важно системно улучшать законодательство и правоприменительную практику, опираясь на решения международных судов.

В нынешних реалиях, когда Россия вышла из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека и Верховный Суд РФ изменил свои методы применения международных норм, особенно актуально разработать последовательную внутреннюю практику, которая обеспечит надежную защиту прав экстрадируемых лиц и предотвратит дальнейшее ослабление международного сотрудничества в этой области.

Список литературы

1. Европейская конвенция о выдаче (заключена в Париже 13 декабря 1957 года) (с Дополнительным протоколом от 15 октября 1975 года и Вторым дополнительным протоколом от 17 марта 1978 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 23. – Ст. 2348.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в Риме 4 ноября 1950 года) (с изм. от 13 мая 2004 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 2. – Ст. 163.
3. Обзор ЕСПЧ (Хамидкариев против РФ, Чантуридзе против РФ) // Официальный сайт МВД России
4. Постановление Апелляционного суда Венеции от 27 августа 2025 года // canestriniLex. – 27.08.2025.

5. Постановление ЕСПЧ от 21 июня 2011 года по делу «Калиниченко против России» (Kalinichenko v. Russia), жалоба № 34509/05 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2012. – № 1.
6. Постановление ЕСПЧ от 28 ноября 2017 года по делу «Чантуридзе против России» (Chanturidze v. Russia), жалоба № 71503/13 // Российская хроника Европейского Суда. – 2018. – № 2.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 2 от 27 мая 2025 года // СПС «КонсультантПлюс»
8. Постановление ЕСПЧ от 23 сентября 2010 года по делу «Искандаров против России» (Iskandarov v. Russia), жалоба № 17185/05 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2011. – № 4.
9. Постановление ЕСПЧ от 21 января 2011 года по делу «Ошлаков против России» (Oshlakov v. Russia), жалоба № 56662/09 // Российская хроника Европейского Суда. – 2012. – № 1.
10. Постановление ЕСПЧ от 26 января 2017 года по делу «Хамидкариев против России» (Khamidkariyev v. Russia), жалоба № 57358/13 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2017. – № 6.
11. Решение Высокого суда Англии и Уэльса от 27 октября 2017 года по делу «Zarmaev v. The Government of the Russian Federation» [2017] EWHC 2705 (Admin)
12. Решение магистратского суда Великобритании от 2020 года по объединенным делам «Smychkovsky, Egorova, Tsurcan and Kindrachuk».
13. Рогачев: некоторые страны отказывают РФ в экстрадициях по политическим мотивам // ТАСС, 27.05.2025
14. Тренина, Д.В. Проблемы исполнения Россией постановлений Европейского Суда в делах о выдаче и высылке / Д.В. Тренина // «Международное правосудие», 2014, №3 (11) // с.63-78.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В СИСТЕМЕ СДЕРЖЕК И ПРОТИВОВЕСОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Перова Софья Дмитриевна, студентка

Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева (Центральный филиал), Воронеж, Россия
sofffxq21@gmail.com

Научный руководитель: Дегтярева Леся Николаевна, кандидат юридических наук, доцент

Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева (Центральный филиал), Воронеж, Россия
alex.d.36@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается место и роль прокуратуры Российской Федерации в механизме государственной власти. Актуальность темы обусловлена уникальностью конституционно-правового статуса прокуратуры, которая не входит ни в одну из ветвей власти, но при этом обеспечивает их согласованное функционирование. Автор анализирует нормы Конституции РФ и Федерального закона «О прокуратуре РФ», определяющие функции и полномочия данного органа. Особое внимание уделяется роли прокуратуры как элемента системы «сдержек и противовесов», позволяющего удерживать баланс между законодательной, исполнительной и судебной властью. В работе делается вывод о том, что, не являясь ветвью власти, прокуратура выступает важнейшим инструментом государства, гарантирующим верховенство закона.

Ключевые слова: прокуратура, конституционно-правовой статус, разделение властей, система сдержек и противовесов, надзор, Конституция РФ, законность

Принцип разделения властей, закрепленный в статье 10 Конституции Российской Федерации [1], предполагает не только разграничение функций между законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти, но и создание механизма их взаимного контроля – системы «сдержек и противовесов». Однако эффективность этой системы невозможна без наличия органа, стоящего на страже закона. Таким органом в России выступает прокуратура. Вопрос о ее конституционно-правовом статусе является одним из самых дискуссионных в юридической науке, поскольку прокуратура, обладая властными полномочиями, формально не относится ни к одной из трех ветвей власти. Как справедливо отмечает А.Ю. Винокуров, «правовой статус прокуратуры всегда отражает особенности исторического развития и политического режима государства» [2].

Согласно части 1 статьи 129 Конституции РФ, прокуратура Российской Федерации представляет собой «единую федеральную централизованную систему органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, а также выполняющих иных функции» [1]. Это определение дает ключ к пониманию ее статуса. В юридической литературе подчеркивается, что данный орган власти занимает особое место, выступая своеобразным «оком государевым», но в современном, правовом смысле этого слова [3].

Во-первых, принцип централизации означает строгую вертикаль подчинения: нижестоящие прокуроры подчиняются вышестоящим и Генеральному прокурору РФ. Это обеспечивает независимость прокуратуры от местных властей. Во-вторых, ключевым словом является «надзор». Прокуратура не управляет государством, не принимает законы и не вершит правосудие (это прерогатива суда). Она наблюдает за тем, как эти законы исполняются всеми: министерствами, губернаторами, полицией, бизнесом и гражданами.

Важно отметить, что история знала разные периоды. Как отмечается в комментариях к законодательству, в советский период прокуратура была более связана с законодательной властью и подотчетна Верховному Совету [4]. Современная же Конституция 1993 года

вывела прокуратуру за рамки какой-либо одной ветви власти, сделав ее самостоятельным федеральным органом.

Почему же прокуратура не относится ни к одной из ветвей власти? Это не законодательная власть, так как не издает законов. Это не исполнительная власть, так как не занимается оперативным управлением хозяйством или экономикой. Это не судебная власть, так как не выносит приговоров и решений по спорам. Статья 129 Конституции расположена в главе 7 «Судебная власть и прокуратура», что говорит об их тесной связи в процессе уголовного преследования и поддержания обвинения в суде, но не о тождественности функций.

Прокурор, с одной стороны, поддерживает обвинение в суде (сближаясь с функцией исполнительной власти), а с другой – опротестовывает незаконные судебные решения (выступая гарантом законности). Получается, что прокуратура занимает особое, самостоятельное место. Ее уникальность заключается в том, что она является механизмом обратной связи и принуждения к соблюдению закона для всех ветвей власти сразу.

Система сдержек и противовесов работает тогда, когда один орган может ограничить другой в случае нарушения закона. Прокуратура реализует эту функцию через свои надзорные полномочия, закрепленные в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» [5].

Первый элемент – это надзор за законодательной властью. Прокуроры имеют право участвовать в правотворческой деятельности. Они проводят антикоррупционную экспертизу законопроектов. Если региональный парламент принял закон, противоречащий федеральному, прокурор приносит протест и требует приведения акта в соответствие с Конституцией. Как показывает практика, прокуратура активно оспаривает в судах незаконные нормативные акты муниципальных и региональных властей.

Второй элемент – надзор за исполнительной властью. Это самое обширное поле деятельности. Прокуроры проверяют, как чиновники соблюдают права граждан (например, своевременно ли выплачивают зарплату, предоставляют льготы), законно ли они распоряжаются бюджетными средствами. Как отмечают исследователи, именно надзор за исполнительной властью является исторически сложившимся приоритетом в работе российской прокуратуры [2].

Третий элемент – взаимодействие с судебной властью. Прокурор участвует в судебных процессах. Если суд выносит незаконный приговор, прокурор обязан принести апелляционное или кассационное представление, инициируя пересмотр дела.

Кроме того, важным противовесом является порядок назначения руководителей прокуратуры. Генеральный прокурор назначается на должность Президентом РФ, но после консультаций с Советом Федерации. Это пример «сдержки»: Президент предлагает кандидата, а верхняя палата парламента (законодательная власть) участвует в процедуре согласования, хотя прямого утверждения сегодня и не требуется.

Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что современная модель прокуратуры формировалась под влиянием двух противоположных подходов: европейского (где прокуратура чаще входит в систему министерства юстиции) и советского (где прокуратура являлась высшим надзорным органом, фактически стоящим над всеми ведомствами). Российская Федерация выбрала уникальный путь, закрепив в Конституции РФ синтез этих моделей. Как верно отмечает В.Г. Бессарабов, «прокуратура сегодня выступает не просто карающим мечом, а институтом, обеспечивающим баланс публичных и частных интересов» [3].

Особого внимания заслуживает вопрос о том, как прокуратура взаимодействует с институтами гражданского общества. В последние годы наметилась устойчивая тенденция к расширению участия прокуроров в защите прав социально незащищенных категорий граждан. Прокуроры все чаще обращаются в суды с исками в интересах инвалидов, пенсионеров и детей, что свидетельствует о приобретении прокуратурой правозащитной функции. Это направление деятельности хотя прямо и не прописано в Конституции как

основное, вытекает из общего смысла статьи 2 Конституции РФ, провозглашающей человека, его права и свободы высшей ценностью [1]. Таким образом, прокуратура становится связующим звеном между государством и обществом.

Кроме того, важным аспектом конституционно-правового статуса является координационная функция прокуратуры. В соответствии со статьей 8 Федерального закона «О прокуратуре РФ», «Генеральный прокурор и подчиненные ему прокуроры координируют деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью» [5]. Это означает, что прокуратура выступает своеобразным штабом, организующим взаимодействие МВД, Следственного комитета, ФСБ и других структур для достижения общих целей. Без этого элемента система сдержек и противовесов могла бы дать сбой, так как правоохранительные органы, относясь к исполнительной власти, часто конкурируют друг с другом, и только независимый арбитр в лице прокурора способен объединить их усилия.

Нельзя обойти стороной и проблему независимости прокуратуры. Важнейшей гарантией этой независимости выступает особый порядок финансирования. Финансирование органов прокуратуры производится из федерального бюджета, что закреплено в статье 52 Федерального закона «О прокуратуре РФ» [5]. Это означает, что региональные власти не могут влиять на прокуроров через «кошелек», угрожая сокращением финансирования в случае принципиальной позиции последних. Данное положение является фундаментальной сдержкой в системе публичной власти, не позволяющей исполнительной власти на местах подчинить себе надзорный орган.

Также стоит упомянуть о таком инструменте, как прокурорское предостережение о недопустимости нарушения закона. Эта мера профилактического характера позволяет предотвратить правонарушения на стадии их замысла, что особенно эффективно в отношении должностных лиц, склонных к превышению полномочий. Своевременное предостережение, вынесенное губернатору или главе муниципалитета, способно остановить незаконное решение еще до его вступления в силу, что является идеальным проявлением сдерживающей функции.

В контексте взаимодействия с судебной властью следует выделить участие прокурора в гражданском процессе. Прокурор может вступить в дело на любой стадии, если этого требует защита прав граждан или охраняемых законом интересов общества и государства. Это не нарушает принципа состязательности, но добавляет в процесс элемент публичности, гарантируя, что ни одна из сторон не сможет злоупотребить своим правом в ущерб законности.

Более того, анализируя конституционные поправки 2020 года, можно заметить усиление роли прокуратуры во взаимодействии с судебной властью. Закрепление в статье 129 Конституции РФ требования о том, что прокуроры обязаны обладать «безупречной репутацией», повышает качественные требования к кадровому составу, что напрямую влияет на качество надзора и, как следствие, на устойчивость всей системы сдержек и противовесов [1].

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о соотношении прокурорского надзора и других видов государственного контроля. В системе публичной власти действуют такие контролирующие органы, как Счетная палата (финансовый контроль), уполномоченные по правам человека (общественный контроль), Роспотребнадзор и другие ведомства (административный контроль). Однако прокуратура занимает среди них особое место, поскольку она наделена полномочиями по надзору за самой контролирующей деятельностью этих органов [2]. Иными словами, прокурор проверяет, законно ли действуют контролеры. Это создает дополнительный уровень защиты прав граждан и организаций от избыточного административного давления. Если, например, налоговая инспекция проводит проверку с нарушениями, именно прокурор может опротестовать ее результаты и привлечь самих налоговиков к ответственности.

Важным элементом конституционно-правового статуса является уголовно-процессуальная функция прокуратуры. Хотя в 2007 году полномочия прокурора по

возбуждению уголовных дел и проведению следствия были переданы Следственному комитету, за прокурором сохранились ключевые надзорные полномочия на досудебной стадии. Прокурор утверждает обвинительное заключение и направляет дело в суд. Это означает, что ни одно уголовное дело не может попасть в суд без согласия прокурора. Данный механизм выступает важнейшим фильтром, отсеивающим некачественно расследованные или сфабрикованные дела. Тем самым прокуратура защищает граждан от незаконного уголовного преследования, что напрямую связано с реализацией принципа гуманизма, закрепленного в статье 2 Конституции РФ [1].

Нельзя игнорировать и воспитательную функцию прокуратуры. Через средства массовой информации и официальные сайты прокуратура регулярно отчитывается о результатах своей работы, разъясняет гражданам их права и способы их защиты. Прокуроры выступают с лекциями в школах и вузах, участвуют в правовом просвещении населения. Повышение правовой грамотности граждан ведет к тому, что люди начинают активнее отстаивать свои права, а значит, чиновники вынуждены более ответственно относиться к своим обязанностям. Это косвенное, но очень действенное влияние на систему публичной власти, поскольку создает атмосферу нетерпимости к нарушениям закона в обществе.

Интересным представляется и вопрос о международном сотрудничестве прокуратуры. Генеральная прокуратура РФ взаимодействует с правоохранительными органами других стран по вопросам выдачи преступников (экстрадиции), оказания правовой помощи по гражданским и уголовным делам. В условиях глобализации преступность не знает границ, и эффективное противодействие транснациональным преступлениям (терроризм, киберпреступность, торговля людьми) возможно только при наличии сильного и авторитетного органа, представляющего интересы России на международной арене. Это укрепляет позиции государства в целом и, соответственно, всех ветвей публичной власти.

Рассматривая систему сдержек и противовесов, нельзя обойти вниманием и тот факт, что сама прокуратура также является объектом контроля. Высшей формой контроля за деятельностью прокуратуры является парламентский контроль. Ежегодно Генеральный прокурор представляет палатам Федерального Собрания доклад о состоянии законности и правопорядка в России. Депутаты и сенаторы могут задавать вопросы, высказывать замечания и предложения. Кроме того, существует ведомственный контроль (вышестоящие прокуроры проверяют нижестоящих) и судебный контроль (граждане могут обжаловать действия прокурора в суде, если считают их незаконными). Таким образом, прокуратура, будучи мощным инструментом влияния, сама включена в систему сдержек и противовесов, что не позволяет ей выйти из-под контроля общества и государства.

Стоит отметить, что динамика развития законодательства о прокуратуре показывает тенденцию к расширению ее полномочий именно в тех сферах, где существует наибольший риск злоупотреблений со стороны исполнительной власти. Это доказывает, что государство осознает важность сильного надзорного органа как обязательного условия существования демократического правового государства, провозглашенного в статье 1 Конституции РФ [1].

Таким образом, конституционно-правовой статус прокуратуры России уникален. Не входя в структуру ни одной из трех ветвей власти, прокуратура выполняет функцию системного стража законности. Она является не просто карательным органом, а важнейшим элементом системы сдержек и противовесов. Осуществляя надзор за исполнением законов всеми органами публичной власти, прокуратура обеспечивает их взаимодействие и не позволяет ни одной из ветвей выйти за правовые рамки. Как справедливо отмечают исследователи, прокуратура способствует согласованному функционированию разделенных властей как единого государственного механизма [6]. Следовательно, сильная и независимая прокуратура – это гарантия реального, а не декларативного действия принципа верховенства права в России.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.02.2026).
2. Винокуров, А.Ю. Прокурорский надзор: учебник для вузов / А.Ю. Винокуров. 7-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2025. 389 с.
3. Бессарабов, В.Г. Прокуратура в системе государственного контроля Российской Федерации / В.Г. Бессарабов // Журнал российского права. 2024. № 4. С. 45-53.
4. Комментарий к Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации» / под ред. Ю.Е. Винокурова. Москва: Норма, 2023. 512 с.
5. О прокуратуре Российской Федерации: федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. от 29 декабря 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 47. Ст. 4472.
6. Казанник, А.И. Конституционное право России: учебник / А.И. Казанник, А.Н. Костюков / Москва: Проспект, 2024. 704 с.

ИСТОРИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В РОССИИ

Подколзина Алина Александровна, студентка

Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева (Центральный филиал), Воронеж, Россия

Aline.podckolzina@yandex.ru

Научный руководитель: Дегтярева Леся Николаевна, кандидат юридических наук, доцент

Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева (Центральный филиал), Воронеж, Россия

alex.d.36@mail.ru

Аннотация. В данной статье исследуется трансформация российского конституционализма в XX–XXI веках, проводится сравнительный анализ советских и постсоветской конституционных моделей и формулируются гипотетические перспективы модификации Основного закона Российской Федерации.

Ключевые слова: конституционное право, конституционный строй, конституционные изменения, конституционализм, Конституция РСФСР 1918 года, Конституция РСФСР 1925 года, Конституция РСФСР 1937 года, Конституция РСФСР 1978 года, Конституция РФ 1993 года

В развитии правовой системы любого государства ключевую роль играет Конституция. Именно она определяет основы государственного устройства, права и свободы граждан, систему органов государственной власти и территориальное устройство. Конституционное развитие России представляет собой последовательную цепочку фундаментальных преобразований, являющихся следствием радикальных смен политических режимов, экономических моделей и социальных укладов.

Конституция РСФСР 1918 года была не просто основным законом страны, а политическим манифестом, фиксировавшим итоги революции [1]. Ее главная задача – узаконить новую власть Советов, которая отрицала парламентские принципы. В отличие от конституций демократических стран, советская Конституция открыто объявляла «диктатуру пролетариата». Государство представляло интересы рабочего класса, отнимая политические права у других слоев общества – дворян, буржуазии, духовенства. В экономике Конституция провозглашала переход всех основных ресурсов – земли, фабрик, банков – в собственность государства. Это означало полное уничтожение частной собственности и попытку создать совершенно новую модель экономики.

Измененный текст Конституции РСФСР, утвержденный 11 мая 1925 года XII Всероссийским съездом Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов, определил главный ее принцип – безусловное верховенство союзных законов на территории республики [2]. Таким образом, в иерархии правовых актов Конституция РСФСР 1925 года занимала подчиненное положение по отношению к общесоюзному Основному закону, что юридически оформляло ограничение суверенитета республики. Значительная часть нормативного содержания Конституции РСФСР 1925 года представляла собой повторение и раскрытие ключевых положений общесоюзного Основного закона. Главная правовая задача документа – не формирование самостоятельной модели государственного устройства, а формальное включение и закрепление в республиканском законодательстве уже установленного Конституцией СССР 1924 года размежевания компетенции между союзными и республиканскими органами власти. В круг полномочий общесоюзных органов были переданы все стратегические сферы: оборона, внешняя политика, транспорт, связь и основы экономической системы. Обязанности же органов власти РСФСР сводились преимущественно к вопросам административного управления, социально-культурного

строительства и поддержания правопорядка на местах, но строго в рамках директив центра. В Конституции не было закреплено сохранение за РСФСР права выхода из состава Союза ССР (хотя такая норма применительно ко всем союзным республикам в Конституции имелась).

Конституция РСФСР 1937 года была точной копией новой Конституции СССР 1936 года с основной особенностью: глубокое противоречие между тем, что было написано, и тем, что происходило в реальности [3]. Задача документа заключалась в том, чтобы создать видимость справедливого и демократического государства. Однако на практике вся реальная власть в стране безраздельно принадлежала одной партии – ВКП(б). Таким образом, Конституция служила не для реального ограничения власти, а для ее символического оправдания и укрепления. В области государственного устройства – окончательно утвердила формальный федерализм, при котором фактическая централизация власти достигла предела. Главенство союзного законодательства было провозглашено абсолютным, что делало невозможным реализацию даже тех ограниченных признаков суверенитета, которые числились за РСФСР в тексте Конституции. Основные решения в области экономики, политики и управления принимались исключительно центральными союзными органами, а республиканские власти сводились к роли административных исполнителей, действующих в строго очерченных рамках.

Конституция РСФСР 1978, принятая вскоре после Конституции СССР 1977 года, была нормативно-идеологическим документом, который должен был закрепить теоретическую концепцию «развитого социализма» в законодательном порядке [4]. В нем были детально изложены и конкретизированы главные принципы союзной Конституции, приспособленные к компетенции РСФСР, и существенно увеличен перечень прав граждан, добавив к уже существующим свободам новые социальные гарантии, которые были прямо закреплены в тексте Основного закона республики. Однако юридическое значение этих норм оказалось очень малым. Конституция 1978 года официально утвердила РСФСР как административную единицу в составе единого централизованного государства – СССР. Принципиальное подчинение нижестоящих органов власти вышестоящим и безусловное верховенство союзных законов не оставляли места для реализации формального суверенитета республики. Все основные решения принимались в Москве, а Конституция лишь фиксировала этот сложившийся порядок, лишая РСФСР фактической политической самостоятельности.

В период Перестройки Конституция 1978 года претерпела значительные изменения: введен пост Президента РСФСР, упразднена руководящая роль КПСС, признана частная собственность и разделение властей. Эти нововведения создали внутреннее противоречие между старым советским текстом и новым демократическим содержанием. Нестабильность Конституции стала одной из причин правового кризиса 1992-1993 годов, который завершился принятием новой Конституции РФ в 1993 году.

12 декабря 1993 года всенародным референдумом была принята Конституция Российской Федерации, представляющая собой учредительный акт, который юридически завершил советский период и закрепил основы нового конституционного строя [5]. Главная задача новой Конституции – установление четких и недвусмысленных правил политической игры, которые бы предотвратили повторение кризиса и определили, кто и в какой ситуации обладает верховной властью. Конституция 1993 года отличалась от всех предыдущих советских конституций. Она не только служила инструментом идеологического обоснования, но и стремилась ограничить власть государства, устанавливала верховенство закона и строгое распределение полномочий. Статья 1 определила Россию как демократическое федеративное правовое государство, а четкое разграничение полномочий между центром и регионами помогло остановить сепаратизм и обеспечить правовое единство страны. Конституция установила систему разделения властей, однако на практике президентская власть получила доминирующее положение. Нововведением Конституции 1993 года стал принцип высшей ценности прав и свобод человека (ст. 2), что означало отказ от советской классовой идеологии. Вторая глава закрепила обширный каталог личных и экономических прав, включая право на жизнь, частную собственность и свободу предпринимательства. Поправки к Конституции 2020 года способствовали усилению этой тенденции. Эти изменения озаменовали

переход от либеральной модели управления 1990-х к более централизованной системе, формально не нарушая конституционных норм.

Подводя итог, мы приходим к выводу, что история российских конституций показывает, как основной закон страны прошел путь от инструмента классового господства к гарантии прав и свобод всех граждан, от символического документа политической власти к реальному инструменту правового регулирования и защиты гражданского общества. Если советские конституции были в основном декларативными и не всегда соответствовали реальной политике государства, то Конституция РФ 1993 года стала попыткой создать действующую правовую систему, где власть не только действует по закону, но и ограничена им. После распада Советского Союза в российской системе государственного управления сохраняется дисбаланс, при котором президентская власть преобладает над законодательной и исполнительной [6]. Поправки 2020 года узаконили централизацию политической и правовой систем, а также расширение президентских полномочий.

Развитие российского конституционализма предполагает сохранение конституционной модели 1993 года на бумаге, но на практике Основной закон преобразуется в динамичную систему правовых принципов и адаптивных институтов, а конституционные нормы переосмысливаются в контексте усиления государственного суверенитета и повышения эффективности управления [7].

Таким образом, конституционное развитие России прошло путь от радикальной реформы 1993 года к поэтапной, прагматичной модернизации действующего Основного закона. Это означает, что власть предпочла эволюционные изменения вместо радикального пересмотра Конституции, а в ближайшей перспективе развитие конституционного процесса будет продолжаться по линии практического нормотворчества и адаптации институтов власти к меняющимся политическим и социальным реалиям.

Список литературы

1. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Принята V Всероссийским съездом Советов от 10 июля 1918 г. // СПС Консультант плюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=2929#l3l9CAVWgwS2eqGJ1> (дата обращения 03.02.2026).
2. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Утверждена постановлением XII Всероссийского съезда Советов от 11 мая 1925 г. // СПС Консультант плюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=2898#_ufVACAVjfwS4p5f8 (дата обращения 03.02.2026).
3. Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Принята Чрезвычайным XVII Всероссийским съездом Советов 21 января 1937 г. // СПС Консультант плюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3228#b8gACAV4kl3wYQ4O> (дата обращения 03.02.2026).
4. Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета РСФСР девятого созыва 12 апреля 1978 г. // СПС Гарант. URL: <https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/1592891/> (дата обращения 03.02.2026).
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС Консультант плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 03.02.2026).
6. Агибалов, Н.Н. Основные этапы конституционного развития в РСФСР и этапы конституции в России / Н.Н. Агибалов // Наука молодых – будущее России: сборник научных статей 8-й Международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых, Курск, 12-13 декабря 2023 года. Курск: Университетская книга, 2023. С. 30-32.
7. Анохина, Е.М. Особенности конституционного развития в России / Е.М. Анохина, В.А. Матюхина // Общество, экономика, управление, право: вызовы современности и перспективы развития: Материалы IX Международной научно-практической конференции, Рязань, 20 апреля 2023 года / Отв. редакторы И.А. Тихонова, Н.И. Денисова. Москва: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2023. С. 345-351.

ПРИНЦИП ГУМАНИЗМА КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩЕЕ НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Сосин Артем Михайлович, студент

Московского университета им. С.Ю. Витте (филиал), Нижнем Новгороде, Россия
artemsosin555@gmail.com

Научный руководитель: Моисеева Вера Сергеевна, преподаватель

Московского университета им. С.Ю. Витте (филиал), Нижнем Новгороде, Россия
vsmoiseeva.kst@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется принцип гуманизма как фундаментальная основа гражданского процессуального права. Анализируется его правовая природа, место в системе принципов гражданского процесса, а также формы реализации в нормах ГПК РФ. Особое внимание уделяется соотношению принципа гуманизма с принципами законности, справедливости и равенства сторон спора. На основе судебной практики выявляются проблемы применения гуманистических начал при рассмотрении гражданских дел и предлагаются пути их устранения.

Ключевые слова: гражданское процессуальное право, принцип гуманизма, право, система права, система правосудия, юридические методы

Современное гражданское процессуальное право Российской Федерации строится на системе принципов, определяющих его сущность и направленность правового регулирования. Одним из ключевых принципов является принцип гуманизма, который пронизывает всю систему правосудия и задает ценностные ориентиры для правоприменительной практики. Актуальность темы обусловлена необходимостью обеспечения баланса между формальной законностью и справедливостью, защитой человеческого достоинства в условиях усложняющихся гражданско-правовых отношений. Цель статьи – раскрыть содержание принципа гуманизма в гражданском процессе, выявить формы его реализации и обозначить проблемы применения. Методологическую основу исследования составили общенаучные (анализ, синтез, системный подход) и специальные юридические методы (сравнительно-правовой, формально-юридический, историко-правовой).

Принцип гуманизма в гражданском процессуальном праве можно определить как требование к суду и иным участникам процесса строить свои действия с учетом уважения к личности, защиты ее прав и свобод, создания условий для справедливого и доступного правосудия. В отличие от принципов законности и диспозитивности рассматриваемый принцип носит ценностно-нормативный характер. Он проявляется не только в буквальных формулировках норм, но и в духе закона, в толковании норм судом. Исторически принцип гуманизма развивался параллельно с формированием идеи правового государства. В российском праве он получил закрепление в Конституции Российской Федерации (ст. 2, 17, 21), а затем был конкретизирован в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – ГПК РФ).

В ГПК РФ принцип гуманизма прямо не назван в главе 1 «Основные положения», однако его содержание раскрывается в рамках системы норм, в том числе: в положениях о доступности правосудия (ст. 3 ГПК РФ), которые предполагают, что право на обращение в суд не может быть ограничено необоснованно; в нормах о предоставлении льгот по уплате госпошлины (ст. 89 ГПК РФ), закрепляющих освобождение или снижение размера пошлины для социально уязвимых категорий граждан; в разделах об упрощенных процедурах (глава 21.1 ГПК РФ о приказном производстве), предполагающих, что сокращение сроков и упрощение формальных требований для защиты очевидных прав, и т.д.

Особые гарантии предусматриваются для защиты прав и законных интересов отдельных категорий лиц, например, участие прокурора в делах о выселении, восстановлении на работе и др. (ст. 45 ГПК РФ); обязательное привлечение органов опеки в спорах о детях (ст. 47 ГПК РФ).

Реализация принципа осуществляется и через нормы, регламентирующие формы участия в процессе. Например, возможность дистанционного участия через видеоконференц-связь (ст. 155.1 ГПК РФ); использование электронных документов (ст. 35 ГПК РФ).

Реализация этого принципа происходит и через проявление уважения к достоинству личности, в том числе установлении запрета на унижающие действия или высказывания в зале суда (ст. 158 ГПК РФ). Кроме того, гуманистический подход проявляется в дискреционных полномочиях суда: судья вправе смягчить процессуальные требования, если это не нарушает права других лиц (например, восстановить пропущенный срок при уважительных причинах – ст. 112 ГПК РФ).

Принцип гуманизма не существует изолированно, а взаимодействует с другими базовыми началами гражданского процессуального права. Взаимодействие с принципом законности состоит в том, что гуманизм не допускает нарушения норм, но позволяет выбирать наиболее справедливое толкование. Взаимодействие с принципом равенства сторон предполагает предоставление для уязвимых участников (например, льготы по пошлине) не нарушения равенства, а компенсируют фактическую диспропорцию.

Взаимодействие принципа гуманизма с принципом диспозитивности проявляется, когда суд учитывает волю сторон, но может вмешаться, если это необходимо для защиты прав (например, привлечь третьих лиц по своей инициативе – ст. 43 ГПК РФ).

Рассматриваемый принцип взаимодействует и с принципом состязательности, это означает, что суд не остается пассивным, если одна из сторон объективно не может полноценно участвовать в споре (разъяснение прав, истребование доказательств – ст. 57 ГПК РФ).

Таким образом, гуманизм выступает «смягчающим» фактором, предотвращающим формальность в применении с другими принципами.

Несмотря на развитие содержания принципа гуманизма в ГПК РФ, его практическое применение нередко бывает сопряжено с некоторыми трудностями. Например, формальный подход судей к рассмотрению дел приводит к отказу в восстановлении сроков подачи процессуальных документов со ссылкой на буквальное толкование норм закона, без учета конкретных обстоятельств дела. Это нередко связано с тем, что отсутствуют четкие критерии для признания причины пропуска срока «уважительной» (ст. 112 ГПК РФ), что ведет к субъективизму судей.

Кроме того, недостаточная цифровизация гражданского судопроизводства не позволяет повсеместно использовать при рассмотрении дел видеоконференц-связь, что затрудняет участие лиц с ограниченными возможностями или проживающих в отдаленных местностях в судебном разбирательстве спора с их участием. Низкий уровень правовой грамотности приводит к тому, что не все граждане знают, как можно реализовать предоставленные им процессуальные права, поэтому не используют их в полной мере.

Среди трудностей, осложняющих реализацию принципа гуманизма, также отметим загруженность судов. Стремление к процессуальной экономии иногда приводит к сокращению времени на рассмотрение дел, что может ущемлять права сторон.

Указанные проблемы требуют комплексного решения, предполагающего множество мер – от совершенствования процессуального законодательства до повышения доступности юридической помощи.

Для усиления гуманистической составляющей гражданского судопроизводства можно предложить следующие шаги. Во-первых, конкретизировать нормы законодательства о сроках. Введение четких критериев «уважительности» причин пропуска сроков, расширение перечня категорий лиц, имеющих право на льготы.

Во-вторых, расширить использование в гражданском судопроизводстве цифровых технологий. Обеспечение повсеместного доступа к онлайн-заседаниям, электронным сервисам подачи документов, автоматизированному информированию сторон о ходе дела.

В-третьих, повышением правовой культуры населения путем создания общедоступных памяток для граждан о процессуальных правах и гарантиях, проведения просветительских мероприятий.

Принцип гуманизма является не просто декларацией, а действенным инструментом обеспечения справедливости в гражданском процессе. Посредством данного принципа правовое регулирование гражданских процессуальных отношений ориентируется на человека, его нужды и ценности, признается его достоинство, определяются пределы допустимого государственного принуждения.

Практическая реализация данного принципа требует не только четкого нормативного регулирования, но и изменения правоприменительного мышления – от формального соблюдения процедур к ориентации на защиту человеческого достоинства. Дальнейшее развитие принципа гуманизма должно идти по пути усиления гарантий для уязвимых категорий лиц, внедрения цифровых технологий и повышения правовой культуры общества. Только в этом случае гражданское судопроизводство сможет в полной мере соответствовать идеалам правового государства, провозглашенным в Конституции Российской Федерации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм. и доп.) // СПС «Консультант Плюс»
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ (в действующей редакции) // СПС «Консультант Плюс»
3. Дронова, Ю. А. Размышления о принципе гуманизма / Ю. А. Дронова, Л. В. Туманова // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». – 2022. – № 1 (69). – С. 129–139.
4. Федина, А. С. Общая характеристика принципов гражданского процессуального права с точки зрения и значения их формы / А. С. Федина // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2021. – № 1 (65). – С. 74–83.
5. Филимонов, В. Д. Гуманизм как принцип права : монография / В. Д. Филимонов / Москва : Норма, 2018. – 248 с.
6. Федина, А. С. Общая характеристика принципов гражданского процессуального права с точки зрения и значения их формы / А. С. Федина // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2021. – № 1 (65). – С. 74–83.

АЛГОРИТМИЧЕСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ПУБЛИЧНОМ ПРАВЕ

Степанов Юрий Сергеевич, студент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

stepanov_j@mail.ru

Научный руководитель: Пономарева Валерия Владимировна, доктор юридических наук, профессор

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

valery_e378he@mail.ru

Аннотация. В статье описывается влияние цифровых технологий (блокчейн, смарт-контракты, генеративный ИИ) на институт ответственности в публичном праве. Анализируется противоречие между эффективностью алгоритмов и фундаментальными правовыми принципами (справедливость, индивидуализация наказания, право на защиту). Особое внимание уделяется феномену «*lex informatica*» как нового нормативного регулятора, а также проблеме «эпистемологического разрыва» и отсутствия объяснимости решений, принимаемых с участием ИИ. В выводах обосновывается необходимость трансформации правового инструментария и внедрения стандартов «объяснимого искусственного интеллекта» (ХАИ) в публичное управление.

Ключевые слова: соотношение принципов права и технического регулирования, публично-правовая ответственность в условиях цифровизации, алгоритмическое регулирование (*lex informatica*), генеративные модели ИИ в сфере права и смарт-контракты, дискреция и автоматизация правоприменения, принцип индивидуализации и автоматические санкции, феномен «черного ящика» и эпистемологический разрыв, гибридная нормативная среда, право на объяснение (*right to explanation*), объяснимый искусственный интеллект (ХАИ), трансформация оснований юридической ответственности

Современный этап развития публично-правовых отношений характеризуется глубокой экспансией цифровых технологий в процессы нормотворчества и правоприменения. Детерминированность программного кода, долгое время остававшаяся прерогативой технических наук, сегодня активно вторгается в сферу дискреционных полномочий, присущих публичному праву. Использование технологий блокчейна, смарт-контрактов и генеративных моделей искусственного интеллекта (ИИ) приводит к формированию феномена алгоритмического регулирования, или «*lex informatica*», который функционирует параллельно с традиционным правовым регулированием, а в некоторых случаях и замещает его. Как справедливо отмечает Эльвира Владимировна Талапина, цифровые технологии существенно влияют на право и законодательство, и их использование в публичном управлении требует переосмысления классических правовых институтов.

Актуальность исследования в этой сфере, то есть на стыке области позитивного права и области технического регулирования в программировании обусловлена наличием фундаментального противоречия. С одной стороны, алгоритмы обеспечивают скорость, точность и неотвратимость исполнения предписаний, с другой стороны, их применение в публичной сфере размывает классические основания юридической ответственности, деформирует ее формы и нивелирует принцип индивидуализации наказания. Так называемый феномен «черного ящика» генеративных моделей и автоматическое исполнение смарт-контрактов создают ситуацию, при которой применение мер государственного принуждения может происходить без должного процессуального оформления и без возможности реализации права на защиту. Как справедливо отмечается в современной доктрине, в демократическом обществе невозможно генерировать решения только на основе

ИИ, поскольку право обладает более сложными характеристиками, не сводимыми к формальному истолкованию текстов. Судебная практика уже формирует запрос на «человеческую» проверяемость в значении, что решения, принятые алгоритмами, не должны иметь юридической силы без возможности их объяснения.

Целью настоящего исследования является выявление закономерностей и последствий влияния детерминированных технологий программирования (блокчейн, смарт-контракты) и вероятностных технологий (генеративные модели) на институт ответственности в современном публичном праве. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- провести сопоставительный анализ оснований, форм и степени ответственности в классическом публичном праве и в технологической среде;
- исследовать феномен *lex informatica* как новый источник нормативности, трансформирующий классические правовые принципы;
- оценить влияние необъяснимости выводов ИИ (эпистемологический разрыв) на возможность привлечения к ответственности и реализацию принципов справедливости.

Методологическую основу проведенного исследования составляет междисциплинарный подход, позволяющий интегрировать знания из области юриспруденции, теории алгоритмов и социологии техники. С применением метода моделирования при анализе системы ASSIS (Assistente Artificial do Sistema Judiciário) Бразильского суда, смоделирована ситуация, где норма права неразрывно связана с программным кодом, а ошибка в коде может привести к ничтожности судебных актов. Система ASSIS, внедренная Судом штата Рио-де-Жанейро, ярко иллюстрирует, как программный код становится неотъемлемой частью правовой нормы и судебного процесса. Герменевтический метод использован для интерпретации правовых норм в контексте их «перевода» на язык алгоритмов. В качестве примеров интерпретации рассмотрен предметно-ориентированный язык программирования CATALA, применяемый во Франции. Его применение позволяет юристам и программистам совместно работать над кодом, гарантируя, что алгоритмы налоговых или социальных выплат точно соответствуют закону. Другим примером интерпретации из зарубежного опыта служит пример Канады (инструмент Blawx). Это визуальный инструмент на основе блоков (как в детском конструкторе Lego), который позволяет юристам и разработчикам политик процессов самостоятельно «собирать» логику закона. В российской практике примерами применения герменевтического метода являются, например, формализация системы маркировки товаров «Честный знак», а также формализация расчета налога на профессиональный доход (НДП) в системе «Мой налог». В исследовании применение герменевтического метода и метода моделирования позволили предположить возможность существования технической модели и ее эксплуатации управляющими компаниями для автоматизации расчетов пени за просрочку оплаты услуг ЖКХ. Так, правила расчета пеней за просрочку оплаты коммунальных услуг регулируются частью 14 статьи 155 Жилищного кодекса РФ. Размер пени зависит от ключевой ставки ЦБ и количества дней просрочки оплаты. Интерпретация и искажение могут заключаться в использовании специализированного прикладного программного обеспечения (ПО) для автоматического расчета и начисления пеней. Как должна работать норма: $\text{Пени} = \text{Сумма долга} \times \text{Период просрочки} \times (1/300 \text{ или } 1/130 \text{ от ставки ЦБ})$. Конкретный размер ставки ЦБ в расчете – это фактическая ставка ЦБ на момент фактической оплаты долга. Формула динамичная, так как ставка может меняться за период долга. При реализации задачи автоматизации расчета и начисления пени, а также включения расчетного значения в квитанцию на оплату, в расчет будет браться ставка ЦБ актуальная на момент производства расчета, а не на дату гипотетической оплаты. Норма закона закрепляет, что при расчете необходимо учитывать динамику ставки, а алгоритмическая интерпретация может сформировать расчет по текущей ставке (на момент формирования расчета). В программном коде специализированного ПО это могло выглядеть так:

ставка = ПолучитьКлючевуюСтавкуЦБ(ТекущаяДата()), вместо необходимой

ставка = ПолучитьКлючевуюСтавкуЦБ(ПериодПросрочки).

Итог – искажение, заключающееся в следующем, если ключевая ставка выросла к моменту формирования квитанции, жителям начисляли пени по завышенной ставке за те периоды, когда действовала низкая ставка. Либо наоборот – занижали, что ущемляло интересы УК. В судебной практике имеются случаи указания на то, что упрощенный алгоритм исчисления пени незаконен, и заставляли делать перерасчет, так как формальное программирование формулы без учета контекста ее применения (плавающей ставки во времени) исказило суть нормы – справедливую компенсацию за конкретный период просрочки по правилам, действовавшим именно в тот период.

В ходе исследования получены следующие основные результаты, структурированные по ключевым технологическим направлениям.

1. Детерминизм блокчейна и автоматизация дискреции.

Анализ применения технологий распределенного реестра и смарт-контрактов в публично-правовой сфере показывает фундаментальный сдвиг в основаниях ответственности. Классическое основание – вина субъекта – замещается технологической неизбежностью наступления последствий.

Исследование Теймура Эльдаровича Зульфугарзаде демонстрирует, что правоприменительная практика идет по пути возложения ответственности за исполнение смарт-контрактов на владельцев цифровых платформ по аналогии с агрегаторами. Такой подход, заимствованный из транспортного права, позволяет преодолеть ситуацию, когда формально код исполняется автоматически, а экономические и правовые последствия ложатся на конкретных лиц. В качестве примера правоприменительной практики приведем пример взыскания с агрегатора. Верховный суд РФ в определении от 9 января 2018 г. (дело № 5-ГК17-220) допустил взыскание вреда с агрегатора такси за смерть пассажира. Хотя напрямую это дело не о смарт-контракте, логика суда применима и к децентрализованным системам, то есть лицу, создающее платформу и получающее выгоду от автоматизированного взаимодействия, несет ответственность за вред, причиненный при ее функционировании.

2. Вероятностная природа генеративных моделей и кризис объяснимости.

Использование больших языковых моделей (LLM) в правоприменении порождает проблему «эпистемологического разрыва». LLM не понимают фабулу дела и не строят причинно-следственные связи, а осуществляют статистический подбор комбинаций символов.

Это может приводить к следующим последствиям для института ответственности:

- деформация основания, заключающаяся в отсутствии рационального проверяемого и оспоримого обоснования решения, подготовленного или принятого на основе рекомендации ИИ;

- смещение субъекта ответственности, заключающееся в неопределенности в вопросе о том, кого привлекать к ответственности за вред, причиненный решением ИИ, разработчика алгоритма, владельца инфраструктуры, чиновника, утвердившего документ, эксплуатанта генеративной модели или никого;

- снижение степени ответственности, заключающегося в парадоксе, что использование «черного ящика» ИИ может снизить реальную ответственность публичной администрации, так как конкретное должностное лицо всегда может сослаться на рекомендацию алгоритма, разрывая причинно-следственную связь между своими действиями и наступившим вредом.

В качестве примера негативных последствий рассмотрим дело о «Британских «галлюцинациях» ChatGPT» (июнь 2025 г.). В деле R. (Ayinde) против Haringey LBC барристер истца включила в обоснование иска пять несуществующих судебных прецедентов, сгенерированных ИИ. В другом деле Al-Naroun v Qatar National Bank истец самостоятельно подготовил с помощью ИИ свидетельские показания с вымышленными цитатами из реально существующих дел, а его солиситор не проверил эти данные. Приведем разбор по элементам состава. Субъект – в первом деле – профессиональный юрист (барристер), во втором – истец

(непрофессионал) и его солиситор. Вина – суд признал поведение юристов небрежным (negligent), а в случае с солиситором – «прискорбным несоблюдением базовых требований по проверке точности материалов». Квалификация – суд указал, что использование ИИ для юридических исследований не освобождает от профессиональной обязанности проверять точность цитируемых источников. Дело передано в регулирующие органы (Bar Standards Board, Solicitors Regulation Authority). Вывод – суд не принял ссылку на «ошибку ИИ». Ответственность полностью возложена на человека, подписавшего документ.

Российский подход – «прикрыться AI не удастся». В 2024-2025 годах российские суды рассмотрели серию дел об использовании ИИ, в том числе, приведем в качестве примера, дело о клевете (Torzhok.Pro). Редакция портала утверждала, что оскорбительная статья «создана искусственным интеллектом» на основе анализа публикаций. Суды возложили ответственность на редакцию, указав, что использование ИИ не освобождает от контроля за содержанием публикуемых материалов.

Российская судебная практика демонстрирует последовательную позицию, - технология является лишь инструментом в руках человека. Ответственность за конечный результат несет субъект (лицо), использующее этот инструмент. Это коррелирует с позицией Президента РФ, выразившего мнение, что «ссылка на то, что это подсказал искусственный интеллект, не должна приниматься».

3. Lex informatica как новый источник нормативности.

Обобщение данных позволяет говорить о формировании lex informatica как особой разновидности социотехнического регулятора. В его рамках нормативность создается архитектурой кода. Основанием для применения санкций выступает нарушение протокола, а формой ответственности – автоматическое блокирование.

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета Владислав Владимирович Архипов являясь экспертом в сферах теории права, а также правового регулирования интернета и распространения информации, в своих работах последовательно развивает идею о том, что код становится не просто средством, но и средой регулирования, формирующей особое «цифровое пространство», где классические юридические конструкции требуют адаптации. Он предлагает рассматривать субъектов, действующих в этой среде, как «гибридных акторов», чья воля может быть выражена как непосредственно, так и опосредована алгоритмом.

4. Проблема субъекта ответственности в «гибридных» системах оформляется в ключевом вопросе: кого привлекать к ответственности за вред, причиненный решением ИИ?

При ответе на этот вопрос можно выделить несколько подходов.

Европейский подход (EU AI Act). Регламент ЕС 2024/1689 (AI Act) вступил в силу 1 августа 2024 г. Он не признает ИИ субъектом права. Ответственность возлагается на поставщика (provider) или развертывающего (deployer) систему. Для систем высокого риска установлены жесткие требования к качеству данных, технической документации и прозрачности. Одновременно ЕС пересматривает Директиву об ответственности за продукцию, чтобы распространить ее на цифровые продукты и ИИ. Французские юристы, комментируя AI Act, подчеркивают, что ответственность всегда несет физическое или юридическое лицо, разрабатывающее или использующее ИИ. Разработчик освобождается от ответственности только если докажет, что вред возник из-за нарушения правил эксплуатации.

Отечественный подход – российский проект закона об ИИ (2025 г.). Разработанный законопроект предлагает классификацию систем ИИ по уровню риска (неприемлемый, высокий, ограниченный, минимальный). Системы с неприемлемым риском запрещены. Для систем высокого риска вводится обязательная регистрация и сертификация. Законопроект устанавливает ответственность разработчиков и операторов за причинение вреда, но с оговоркой: разработчик не отвечает, если принял все необходимые меры для предотвращения вреда, а оператор освобождается от ответственности, если докажет вину разработчика. Подходы Талапиной и Архипова позволяют критически оценить законопроект. Талапина

указывает на необходимость защиты фундаментальных прав человека при алгоритмической обработке данных. Необходимо отметить, что предложенная проектом закона модель распределения ответственности между разработчиком и оператором не учитывает «гибридную» природу самого процесса принятия решения, где вклад каждой стороны трудно выделить. Может ли в такой модели формальное распределение ответственности привести к тому, что гражданин, чьи права нарушены «рекомендацией ИИ», будет бесконечно перенаправляться между разработчиком и оператором при попытке установить ответственность?

На правах заключения к изложенным тезисам, стоит отметить, что проведенное исследование позволяет формулировать следующие выводы.

Происходит глубокая конвергенция принципов публичного права и программирования, результатом которой становится формирование гибридной нормативной среды. Институт ответственности претерпевает качественные изменения, в частности, основание смещается от вины к технологическому событию, форма – от санкции к автоматическому исполнению, а степень – от индивидуализированной к детерминированной либо размытой.

Институт ответственности претерпевает качественные изменения. Так, основание смещается от вины к технологическому событию, форма – от санкции к автоматическому исполнению, а степень – от индивидуализированной к детерминированной (вследствие применения алгоритмов) либо к размытой (вследствие применения генеративных моделей).

В результате осуществляемой глобальной трансформации правовой сферы объективно возникает необходимость создания, выбора, адаптации и использования нового правового инструментария. Классические правовые средства (запрет, дозволение, обязывание) недостаточны для регулирования отношений в условиях *lex informatica*. Требуется разработка института «права на объяснение» (*right to explanation*) решений, затрагивающих права граждан, а также внедрение стандартов объяснимого искусственного интеллекта (ХАИ) как обязательного элемента систем, используемых в публичном управлении. Технология должна использоваться только для поддержки судей и административных органов, но не для подмены их усмотрения.

Одновременно со сформулированными выводами акцентируем направления дальнейших исследований в этой сфере.

Разработка общей теории гибридной ответственности, в том числе создание доктрины, которая позволила бы отделять и устанавливать ответственность человека и алгоритма (его создателями, собственниками, легитимными и нелегитимными пользователями) в различных сценариях (от технического сбоя до предвзятости модели).

Исследование алгоритмической герменевтики, то есть изучение методов интерпретации – «обратного перевода» решений ИИ на «человеческий» язык для их проверки на соответствие принципам права. Это включает в себя анализ применимости технологий ХАИ в судопроизводстве.

Сравнительный анализ сценариев развития машиночитаемого права, то есть оценка правовых и социальных последствий реализации различных моделей перевода права в машиночитаемый вид (полный, частичный, либо создание норм сразу в машиночитаемом виде).

Юрисдикционные проблемы в децентрализованных системах, а именно исследование вопросов определения подсудности и применимого права при возникновении споров в децентрализованных автономных организациях (DAO), функционирующих на основе *lex cryptographia*, как инновационных моделях организации, где управление и исполнение правил полностью автоматизированы, децентрализованы, распределены и лишены территориальной принадлежности.

Список литературы

1. Тайков, Е. Почему ChatGPT и другие популярные сервисы не всегда подходят для серьезной практики / Е. Тайков, И. Гуняшов // Legal Academy: Сфера: [сайт]. – 2025. – 11 августа. – URL: <https://legalacademy.ru/sphere/post/pochemu-chatgpt-i-drugie-populyarnye-servisy-ne-vsegda-podhodyat-dlya-sereznoi-praktiki> (дата обращения: 05.03.2026).
2. Алгоритмизация права: обзор актуального исследования: научное издание // Сибирский федеральный университет: [сайт]. – Красноярск, 2023. – URL: <https://www.research.sfu-kras.ru/publications/publication/50356025> (дата обращения: 05.03.2026).
3. Мартынов, Е. Бизнес начал доверять LLM юридические данные: что изменилось / Е. Мартынов // РБК Тренды. – 2026. – 27 января. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/6979bae49a79471866da6426> (дата обращения: 05.03.2026).
4. Чернышов предложил обязать ИИ объяснять свои решения // ЛДПР : [сайт]. – 2026. – 20 февраля. – URL: <https://ldpr.ru/event/chernyshov-predlozhit-obyazat-ii-obyasnyat-svoiresheniya/> (дата обращения: 05.03.2026).
5. Талапина, Э.В. Законотворчество под влиянием цифровых технологий / Э.В. Талапина // Государственная власть и местное самоуправление. – 2024. – № 11. – С. 38-42.
6. Южаков, В. Н. Обеспечение фундаментальных прав человека при обработке данных в государственном управлении / В. Н. Южаков, Э. В. Талапина, И. А. Черешнева // Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – Москва: Дело, 2022. – 214 с. – Текст: электронный // URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=694968> (дата обращения: 05.03.2026).
7. Талапина, Э.В., Южаков, В.Н., Ефремов, А.А., Черешнева, И.А. Применение технологий распределенного реестра в государственном управлении: возможности и правовые риски / Э. В. Талапина, В. Н. Южаков, А. А. Ефремов, И. А. Черешнева // Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – Москва: Дело, 2021. – 314 с. – Текст: электронный // URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=685879> (дата обращения: 05.03.2026).
8. Архипов, В.В. Искусственный интеллект и право: проблема субъектности / Архипов В.В. // Закон. – 2023. – № 5. – С. 22-35.
9. Зульфугарзаде, Т.Э. Особенности правового обеспечения смарт-контрактов / Т.Э. Зульфугарзаде // ЭКОНОМИКА. ПРАВО. ОБЩЕСТВО. – 2018. – № 2. – С. 28-34.
10. Santiago, E.S. Legal analysis of the ASSIS System: risks of nullity of judicial Acts in the context of algorithmic governance and discriminatory biases / E.S. Santiago // Brazilian Journal of Law, Technology and Innovation. – 2025. – Vol. 3. – No. 2. – URL: <https://bjlti.com/revista/article/view/58>
11. Confidence in AI: EU revises product liability regime // Corporate Disputes Magazine. – Jan-Mar 2025. – URL: <https://www.corporatedisputesmagazine.com/confidence-in-ai-eu-revises-product-liability-regime>
12. Нетупский, П. Искусственный интеллект в законе / П. Нетупский // Фонтанка.ру. – 14.12.2025. – URL: https://www.intellectpro.ru/press/commenters/iskusstvennyy_intellekt_v_zakone/
13. AI hallucinations hit the High Court in the UK and Ireland // DAC Beachcroft. – 10.12.2025. – URL: <https://www.dacbeachcroft.com/fr/what-we-think/ai-hallucinations-hit-the-high-court-in-the-uk-and-ireland>
14. Крюков, М. В России могут запретить искусственный интеллект с «неприемлемым уровнем риска» / М. Крюков // Парламентская газета. – 11.04.2025. – URL: <https://www.pnp.ru/social/v-rossii-mogut-zapretit-iskusstvennyy-intellekt-s-nepriemlemym-urovнем-riska.html> (дата обращения: 05.03.2026).
15. Кургаева, Ж. Ю. Цифровизация государственного управления и гражданского участия: индикаторы оценки уровня развития, вызовы и перспективы / Ж. Ю. Кургаева // Вестник евразийской науки. – 2025. – Т. 17. – № 2. – URL: <https://esj.today/PDF/46ECVN225.pdf> (дата обращения: 05.03.2026).

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ САНКЦИЙ

Твердохлебова Дарья Александровна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
darya.tverdokhlebova2006@mail.ru

Раджабов Шахзод Райимжонович, студент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
yamach_kochovaly107@mail.ru

Научный руководитель: Бородин Игорь Анатольевич, старший преподаватель
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

Аннотация. В статье исследуются проблемы применения административных наказаний к лицам, не достигшим совершеннолетия. Анализируется действующее законодательство и правоприменительная практика, выявляются пробелы в системе дифференциации санкций. Обосновывается недостаточная эффективность традиционных мер ответственности (штраф, предупреждение) в отношении подростков. Рассматривается потенциал альтернативных санкций, включая общественно полезные работы, реабилитационные программы и образовательные мероприятия. Формулируются предложения по совершенствованию законодательства, направленные на повышение эффективности профилактики правонарушений и социальной адаптации несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетние, административная ответственность, административное наказание, дифференциация санкций, альтернативные меры, правоприменение, профилактика правонарушений, КоАП РФ, ювенальная юстиция

Ответственность подростков за административные нарушения – это особая сфера права. В отличие от взрослых, ребенок 14–16 лет не всегда до конца понимает, к чему приведут его поступки, поэтому и наказывать его нужно иначе. Закон должен не только карать, но и помогать исправиться.

Актуальность темы исследования продиктована рядом факторов. Во-первых, статистика свидетельствует о сохранении значительного уровня правонарушений среди молодежи, что требует поиска более действенных механизмов реагирования. Во-вторых, действующее законодательство об административных правонарушениях содержит фрагментарные нормы, касающиеся несовершеннолетних, и не предлагает системного подхода к дифференциации наказаний в зависимости от возраста и индивидуальных особенностей правонарушителя. В-третьих, практика применения существующих санкций демонстрирует их низкую эффективность: административные штрафы зачастую оплачиваются родителями, не оказывая воспитательного воздействия на самого подростка, а предупреждения воспринимаются как формальность. Особую остроту проблема приобретает в связи с ростом правонарушений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, среди несовершеннолетних. В данной категории дел требуется особый баланс между мерами пресечения и необходимостью медицинской и психологической реабилитации, однако существующие правовые механизмы не всегда позволяют его достичь.

Цель настоящей работы заключается в комплексном анализе проблем дифференциации административных наказаний для несовершеннолетних и обосновании необходимости внедрения альтернативных санкций, ориентированных на воспитание, реабилитацию и социальную адаптацию. Для достижения поставленной цели требуется решить следующие задачи: раскрыть общую характеристику административной

ответственности несовершеннолетних; выявить основные проблемы дифференциации наказаний; проанализировать правоприменительную практику; оценить эффективность существующих санкций; рассмотреть потенциал альтернативных мер; сформулировать предложения по совершенствованию законодательства. Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере привлечения несовершеннолетних к административной ответственности. Предметом исследования являются нормы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, практика их применения, а также научные подходы к проблеме дифференциации административных наказаний.

Административная ответственность несовершеннолетних в Российской Федерации наступает по общему правилу с шестнадцати лет [1]. Отдельные составы правонарушений предусматривают возможность привлечения к ответственности с четырнадцати лет, что создает определенную правовую неоднородность. Однако ключевая проблема заключается не столько в возрастных порогах, сколько в отсутствии гибкой системы санкций, адаптированных к разным возрастным группам и индивидуальным особенностям подростков. Действующий КоАП РФ не содержит специального раздела, посвященного особенностям административной ответственности несовершеннолетних. Нормы, касающиеся данной категории лиц, носят разрозненный характер. Так, статья 2.3 КоАП РФ [1] лишь устанавливает возраст ответственности и возможность освобождения от нее с применением мер воспитательного воздействия, но не конкретизирует, какие именно меры могут применяться и в каком порядке. Статья 3.4 [1] предусматривает предупреждение как меру наказания, а статья 3.5 [1] – административный штраф, при этом размер штрафа для несовершеннолетних законодательно не ограничен, хотя фактически взыскивается с родителей или законных представителей.

Отсутствие четких критериев дифференциации наказаний приводит к тому, что подростки 14-15 лет и лица 17 лет, существенно различающиеся по уровню социальной зрелости, подвергаются одинаковым мерам воздействия. Это противоречит принципу индивидуализации ответственности и снижает эффективность воспитательного воздействия. По мнению С.П. Иванова, если суд не смотрит на возраст (14 лет или 17 – разница огромная), то идея защиты детства теряет смысл [2, с. 17]. С этим сложно не согласиться: подросток в 8 классе и студент колледжа – это разные уровни сознания. Еще одна проблема связана с отсутствием законодательно закрепленного перечня обстоятельств, подлежащих обязательному учету при назначении наказания несовершеннолетнему. В отличие от уголовного права, где статья 89 УК РФ прямо предписывает учитывать условия жизни и воспитания, уровень психического развития, иные особенности личности, административное законодательство таких требований не содержит. Это порождает разноречивость в правоприменительной практике и зависимость назначаемого наказания от субъективного усмотрения должностного лица или судьи.

Кроме того, наблюдается конфликт между необходимостью гуманизации наказаний для несовершеннолетних и требованиями административной дисциплины. На практике это выражается в том, что при совершении схожих правонарушений к одним подросткам применяются мягкие меры (предупреждение), а к другим – более строгие (штраф или даже административный арест), причем критерии такого выбора остаются неясными. Отсутствие единой методики оценки степени общественной опасности деяния и личности правонарушителя ведет к нарушению принципа справедливости.

Анализ правоприменительной практики позволяет выявить ряд устойчивых тенденций, свидетельствующих о несовершенстве действующей системы административных наказаний для несовершеннолетних. Наиболее распространенным видом наказания выступает административный штраф. Как отмечает М.В. Петрова, штраф получают около 70 % подростков [3, с. 50]. Но какой в этом смысл? Денег у ребенка нет, платят родители. В итоге наказан тот, кто не нарушал, а сам подросток делает вывод: «можно нарушать, за меня заплатят». Поскольку самостоятельного заработка подростки, как правило, не имеют, уплата штрафа возлагается на родителей. В результате правонарушитель не несет реальных

лишений, а наказание воспринимается им как абстрактная санкция, адресованная его семье. Воспитательный потенциал штрафа в таких условиях практически равен нулю. Предупреждение как мера наказания применяется примерно в 20-25% случаев. Однако его превентивное значение также невелико. Формальный характер предупреждения, отсутствие реальных последствий для подростка приводят к тому, что оно не воспринимается как серьезная мера воздействия. Особенно это характерно для подростков, уже имеющих опыт общения с правоохранительными органами. Административный арест, хотя и применяется к несовершеннолетним крайне редко (менее 1% случаев), представляет собой чрезмерно суровую меру, способную нанести серьезный психологический вред. Изоляция от привычной среды, контакты с взрослыми правонарушителями, стигматизация – все это может усугубить криминализацию подростка, а не предотвратить ее.

Показательным является пример дел о нарушении правил дорожного движения. В ряде регионов зафиксированы случаи назначения штрафов в размере, превышающем возможности несовершеннолетних, что фактически превращает наказание в формальность. При этом возможность применения общественно полезных работ или иных альтернативных мер игнорируется, хотя они могли бы иметь больший воспитательный эффект. Отдельного внимания заслуживает ситуация с правонарушениями, связанными с употреблением наркотических средств и психотропных веществ (ст. 6.9 КоАП РФ). В данной сфере наблюдается особенно широкий разброс практики: в одних случаях несовершеннолетних направляют на профилактические программы и лечение, в других – назначают штрафы или административный арест. Отсутствие единых стандартов оценки степени зависимости и нуждаемости в реабилитации приводит к тому, что решение зачастую зависит не от объективных обстоятельств, а от позиции конкретного должностного лица. Таким образом, анализ практики подтверждает, что существующие административные санкции в большинстве случаев не достигают цели исправления правонарушителя и не учитывают его индивидуальных потребностей. Требуется пересмотр подходов к наказанию и расширение спектра применяемых мер.

Мировой и отечественный опыт свидетельствуют о том, что наиболее эффективными в отношении несовершеннолетних правонарушителей являются не столько карательные, сколько восстановительные и воспитательные меры. Под альтернативными санкциями в данном контексте понимаются меры, не связанные с денежными взысканиями или изоляцией, а направленные на коррекцию поведения, развитие социальных навыков и интеграцию подростка в общество. К числу наиболее перспективных альтернативных санкций можно отнести общественно полезные работы. Эта мера позволяет подростку ощутить реальную ответственность за содеянное, принести пользу обществу и получить позитивный опыт социально одобряемой деятельности. Важно, чтобы работы подбирались с учетом возраста, физических возможностей и интересов несовершеннолетнего. Как показывает опыт зарубежных стран, участие в благоустройстве территорий, помощи социальным учреждениям способствует формированию у подростков чувства сопричастности и ответственности.

Обязательное участие в реабилитационных программах особенно актуально для правонарушений, связанных с употреблением психоактивных веществ, а также для подростков с девиантным поведением. Программы могут включать психологическое консультирование, тренинги социальных навыков, занятия с наркологом. Важно, чтобы такие программы проводились квалифицированными специалистами и были адаптированы к возрастным особенностям. Образовательные меры включают обязательное посещение занятий по правовому просвещению, участие в тренингах по разрешению конфликтов, профориентационные мероприятия. Повышение правовой грамотности и развитие жизненных навыков снижают риск повторных правонарушений. Ограничение досуга может применяться как дополнительная мера и предполагать запрет на посещение определенных мест, ограничение пребывания вне дома в вечернее время. Важно, чтобы такие ограничения были соразмерны деянию и не препятствовали обучению и развитию подростка.

Восстановительные программы (медиация) предполагают проведение примирительных процедур между правонарушителем и потерпевшим, заглаживание вреда (в том числе в нематериальной форме), что способствует осознанию вины и восстановлению социальных связей.

Как отмечает Л.А. Кузнецова, «зарубежная практика убедительно доказывает, что применение альтернативных санкций в отношении несовершеннолетних позволяет снизить уровень рецидивной преступности на 20-30% по сравнению с традиционными наказаниями» [4, с. 70]. Внедрение альтернативных санкций требует создания соответствующей инфраструктуры: центров социальной реабилитации, подготовленных специалистов (психологов, социальных работников), механизмов контроля за исполнением. Кроме того, необходимо законодательное закрепление перечня альтернативных мер и процедур их назначения.

На основе проведенного анализа можно предложить несколько конкретных шагов, которые помогут сделать систему наказаний для подростков более справедливой и эффективной.

Самое главное – это изменения в Кодексе об административных правонарушениях. Нужно добавить туда отдельную главу или хотя бы статью, где будет четко прописано, как именно должны наказывать несовершеннолетних. В законе стоит закрепить список обстоятельств, которые судья обязан учитывать: возраст ребенка, его семью, условия жизни, психическое состояние. Также нужно четко перечислить все возможные альтернативные наказания – общественные работы, реабилитацию и так далее – и объяснить, в каких случаях их можно применять.

Хорошо бы ограничить и размер штрафов для подростков. Например, установить максимальную сумму, а если у ребенка нет своих денег – разрешать заменять штраф на бесплатные работы для общества. Тогда наказание будет чувствовать именно нарушитель, а не его родители.

Еще один важный шаг – создать для судей и полицейских понятные методические рекомендации. Чтобы они не на глазок решали, кого штрафовать, а кого отправлять к психологу, а действовали по единым правилам по всей стране. В этих рекомендациях нужно прописать, как оценивать личность подростка, в каких случаях применять альтернативные меры и как взаимодействовать со школами и соцслужбами.

Кстати, о взаимодействии. Сейчас полиция, школы, больницы и социальные работники существуют как будто в разных мирах. А должны работать в связке. Хотя Федеральный закон «Об основах системы профилактики» [5]

прямо требует их координации, на практике это часто не работает. Хорошо бы законодательно закрепить, что они обязаны обмениваться информацией и вместе сопровождать подростка, который попал в беду. Только так можно вытащить его из криминальной среды.

И конечно, нужны нормальные специалисты. Судьи, инспекторы по делам несовершеннолетних, следователи – все, кто работает с детьми, должны проходить специальное обучение. Им нужно объяснять психологию подростков, основы педагогики, методы общения. Тогда они будут не просто штамповать решения, а реально пытаться помочь ребенку вернуться на правильный путь.

Также не помешает создать единую базу данных, где будет видно, какие наказания работают, а какие нет. Чтобы можно было отслеживать статистику, видеть проблемные зоны и вовремя менять подходы.

Особое внимание – делам, связанным с наркотиками. Тут нужен четкий алгоритм: обязательное обследование у врача, оценка, есть ли зависимость, и только потом – решение о наказании или лечении. Часто ребенку нужен не штраф, а помощь, и закон должен это учитывать.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов. Система административных наказаний для несовершеннолетних в Российской Федерации

характеризуется недостаточной дифференциацией, отсутствием гибких механизмов учета возрастных и индивидуальных особенностей правонарушителей. Традиционные санкции – предупреждение и штраф – в большинстве случаев не достигают целей исправления и профилактики, поскольку не оказывают реального воспитательного воздействия на подростка. Правоприменительная практика страдает от разнобоя в подходах, отсутствия единых критериев выбора меры наказания, слабого взаимодействия между правоохранительными, образовательными и социальными учреждениями. Особенно остро эти проблемы проявляются в делах о правонарушениях, связанных с употреблением наркотических средств, где требуется баланс между пресечением и реабилитацией.

Перспективным направлением совершенствования законодательства выступает внедрение альтернативных санкций – общественно полезных работ, реабилитационных программ, образовательных мер, восстановительных процедур. Эти меры в большей степени соответствуют принципам гуманизма и индивидуализации ответственности, способствуют социальной адаптации подростков и снижению риска рецидивов. Для реализации этого потенциала требуется комплексное реформирование законодательства: дополнение КоАП РФ специальными нормами об ответственности несовершеннолетних, закрепление перечня альтернативных санкций, создание межведомственных механизмов взаимодействия, подготовка квалифицированных кадров. Только системный подход позволит превратить административную ответственность из формальной процедуры в действенный инструмент воспитания и социализации подрастающего поколения.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 11.06.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
2. Иванов, С.П. Дифференциация административных наказаний в отношении несовершеннолетних: теоретические и практические аспекты / Иванов С.П. // Юридический вестник. – 2020. – № 3. – С. 15–23.
3. Петрова, М.В. Проблемы применения административных наказаний к несовершеннолетним в современной России / Петрова М.В. // Вестник права и управления. – 2019. – № 7. – С. 48–55.
4. Кузнецова, Л.А. Альтернативные санкции в системе административного права: опыт зарубежных стран и перспективы для России / Кузнецова Л.А. // Право и общество. – 2021. – № 2. – С. 67–74.
5. Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24.06.1999 № 120-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 26. – Ст. 3177.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Усачева Дарья Валерьевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

darya.usacheva.123@mail.ru

Научный руководитель: Пономарева Валерия Владимировна, доктор юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

valery_e378he@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается современное состояние и проблемы миграционного законодательства, предлагается вариант устранения имеющихся недостатков правового регулирования. Исследование охватывает миграционные процессы в Российской Федерации, которые являются важным аспектом социально-экономического развития страны. Они затрагивают множество сфер, включая трудовые отношения, демографическую ситуацию и культурное разнообразие.

Ключевые слова: миграция, миграционные потоки, миграционный кодекс, иностранные граждане, правовое регулирование

Актуальность проблем правового регулирования миграционных процессов в Российской Федерации связана с тем, что миграция в XXI веке – распространенное и сложное социально-правовое и политическое явление. Миграционные процессы имеют мировой масштаб и характерны для многих стран. Приток мигрантов в страну, с одной стороны, позволяет решить демографические и экономические проблемы, с другой – создает угрозу для национальной безопасности и общественного порядка, становится причиной возникновения конфликтов на этнической и религиозной почве, а также создает социальную напряженность.

Целью данного исследования является проведение комплексной исследовательской деятельности, направленной на выявление основных проблем в области миграционного законодательства и разработку возможных путей их решения.

Миграционные процессы в современном мире носят глобальный характер, активизируясь под воздействием военно-политических, экономических и социальных факторов. Сегодня миграция является одним из ключевых факторов, определяющих демографическую ситуацию и уровень безопасности как в Российской Федерации, так и на международной арене, что актуализирует необходимость разработки четкого миграционного законодательства.

Обострение военно-политической обстановки в Украине, Сирии и ряде иных государств повлекло за собой увеличение миграционных потоков в Россию. При этом, согласно данным статистики, проблемы в миграционной сфере диктуют необходимость принятия серьезных законодательных мер при безусловном обеспечении прав и свобод как российских граждан, так и иностранных лиц.

В соответствии с Концепцией государственной миграционной политики РФ на период до 2025 года, действующее законодательство не в полной мере соответствует текущим и перспективным потребностям общества и государства. Данная ситуация во многом является следствием формирования нормативной базы в 1990-х годах в условиях масштабного притока мигрантов из бывших союзных республик, что обусловило сжатые сроки разработки и негативно сказалось на качестве нормативных актов.

Анализ правоприменения позволяет выделить ряд системных недостатков:

– отсутствие в законодательстве легальных определений таких понятий, как «миграция», «место пребывания», «приглашающая сторона»;

– неоднозначность формулировок (в частности, пункта 1 статьи 5 ФЗ №115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»), которая не позволяет единообразно исчислять сроки пребывания иностранных граждан и препятствует формированию единой практики привлечения к административной ответственности;

– недостаточная регламентация миграционных потоков из государств – членов СНГ (Украина, Таджикистана, Узбекистана), граждане которых пользуются правом безвизового въезда;

– несовершенство правового регулирования трудовой миграции, выражающееся в отсутствии специальных сезонных программ и несоответствии системы квотирования реальным потребностям работодателей;

– пробелы в механизмах привлечения к ответственности, включая отсутствие единого подхода к административному выдворению, а также

– нерешительность вопроса о выдворении иностранцев, освобожденных из мест лишения свободы, при наличии решения о нежелательности их пребывания.

Устранение указанных недостатков требует системного подхода. В связи с этим представляется целесообразным разработать и принять Миграционный кодекс РФ – инициатива, давно обсуждаемая в юридической науке. Позитивным примером в данном отношении является Республика Азербайджан, где подобный кодифицированный акт успешно реализован. Принятие Миграционного кодекса позволит:

– закрепить унифицированный технологический аппарат;

– систематизировать действующие нормативные акты;

– устранить существующие пробелы;

– дополнить правовую базу нормами, отвечающими актуальным потребностям регулирования миграционных отношений.

Актуальность и современность данного подхода подтверждается тем, что уже в январе 2026 года депутатами Государственной Думы была инициирована разработка проекта Миграционного кодекса РФ. Запланированная к апрелю 2026 года первая редакция документа призвана заложить основу для системного реформирования миграционной политики.

Таким образом, цели, поставленные в данной работе, были достигнуты. В ходе комплексного исследования были выявлены ключевые проблемы правового регулирования миграционных процессов в России, проанализированы причины их возникновения, а также обоснована необходимость принятия Миграционного кодекса РФ как основного инструмента для устранения существующих пробелов и создания эффективной, внутренне согласованной системы миграционного законодательства.

Список литературы

1. Федеральный закон Российской Федерации от 25.07.2002 №115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/?ysclid=mmc77q7nd8709638652 (дата обращения 05.03.2026).

2. Федеральный закон Российской Федерации от 15.08.1996 №114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW11376/?ysclid=mmc7a77ltm627250338

(дата обращения 05.03.2026).

3. Зреева И.М. Правовое регулирование миграционных процессов в России: проблемы и перспективы развития [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-migratsionnyh-protsessov-v-rossii-problemy-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения 05.03.2026).

4. Статистические сведения по миграционной ситуации // Официальный сайт МВД РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/>

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЦЕННОСТИ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ДЛЯ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Харламова Сабрина Игоревна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

sabr.r.i@list.ru

Санников Кирилл Юрьевич, студент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

kirillsannikov04@icloud.com

Научный руководитель: Ткаченко Анна Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

annavl.tkachenko@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается фундаментальная роль теории государства и права в системе юридических знаний и практической деятельности. Представлен анализ функций общей теории права. Особое внимание уделяется демонстрации того, как категориальный аппарат теории государства и права выступает необходимым инструментом в деятельности по законотворчеству и правоприменению. На примере института «снятия корпоративной вуали» раскрывается механизм применения теоретических конструкций для разрешения сложных правовых конфликтов. Обосновывается тезис о том, что теория государства и права формирует профессиональное правовое сознание и служит концептуальной основой для разработки и реализации правовой политики.

Ключевые слова: теория государства и права, юриспруденция, методология, правовое сознание, правовые категории, правовая культура, правоприменение, юридическая практика, законотворчество, юридическая техника, юридическая фикция, взаимосвязь права и морали

Теория государства и права занимает особое, фундаментальное место в системе юридических наук. Являясь методологической основой всей юриспруденции, она формирует концептуальный и категориальный аппарат, без которого невозможно ни развитие отраслевых юридических дисциплин, ни эффективная практическая деятельность. Актуальность рассмотрения вопроса о значении теории государства и права для юриспруденции обусловлена тем, что в условиях динамичных социальных изменений, усложнения правовых систем и повышения требований к качеству правовой деятельности именно фундаментальные теоретические знания позволяют сохранить целостность правового регулирования и обеспечить его социальную эффективность.

Категории и определения, разработанные в рамках теории государства и права, служат основой для концептуального аппарата отраслевых юридических дисциплин. Существование и эффективное развитие правовой системы невозможно без опоры на концептуальный и категориальный ряд, разработанный общей теорией [1]. Такие категории, как «юридическое лицо», «юридическая фикция», «злоупотребление правом», «механизм правового регулирования», «форма правления», «правовой режим» пронизывают все отрасли права, обеспечивая их терминологическое единство, а также согласованность.

Кроме того, теория государства и права выполняет мировоззренческую (философскую) функцию по отношению к юриспруденции. Философский подход позволяет осмыслить государственные и правовые явления в контексте общей картины мира, сосредоточившись на проблемах их генезиса, законах эволюции и характере взаимосвязей [2]. В рамках теории формируются методы познания, изучаются динамика и основные закономерности развития этих институтов. Именно теория государства и права дает юристам понимание того, что право и государство – это не статические, а развивающиеся явления, подчиняющиеся определенным объективным законам.

Выполняя онтологическую функцию, теория государства и права не ограничивается простым описанием государственных и правовых явлений, но проникает в их глубинную сущность, раскрывая природу властных отношений и механизмы правового регулирования, что формирует комплексное научное понимание того, как функционирует политико-правовая реальность на разных исторических этапах. Эти знания позволяют юристам не только констатировать существование определенных институтов, но и понимать их внутреннюю логику, цели и социальное назначение.

Важнейшим следствием таких знаний является их прогностическая функция, позволяющая моделировать возможные сценарии развития государства и права на основе выявленных закономерностей [3]. Предвидение тенденций в эволюции правовых систем и институтов власти имеет решающее значение для своевременного реформирования законодательства и предотвращения социальных конфликтов. В частности, моделирование векторов эволюции государственных и общественных институтов требует от специалистов не только знания действующего законодательства, но и умения абстрактно мыслить и анализировать понятия, основным качеством здесь является развитое критическое мышление, которое позволяет делать надежные прогнозы развития правовой системы на основе теоретических построений. Только опираясь на понимание законов, регулирующих возникновение и функционирование государства и права, можно адекватно оценить потенциальные риски и перспективы правовых реформ.

Кроме того, теория государства и права выполняет интегративную роль в системе гуманитарных наук, аккумулируя достижения философии, социологии, политологии и исторической науки в их применении к правовой сфере, что обеспечивает комплексное изучение сложных государственных и правовых явлений, позволяя избежать их узкого рассмотрения [4]. Право не существует в социальном вакууме, и понять его связи с экономикой, политикой, моралью и религией можно только с помощью данных смежных наук, которые теория государства и права творчески перерабатывает с учетом потребностей юриспруденции.

С практической точки зрения, разработка общей теории создает основу для законотворческой деятельности и правоприменения, то есть четкое понимание пределов государственного вмешательства, принципов построения правовой системы и механизма действия ее норм позволяет законодателям принимать обоснованные решения, а правоприменителям, в свою очередь, правильно толковать и применять положения закона в конкретных ситуациях. Вопреки распространенному заблуждению об исключительно прикладном характере практической юридической деятельности, важно помнить, что она неразрывно связана с участием в процессе законотворчества и толкованием его результатов. В частности, разработка законопроектов предъявляет повышенные требования к точности формулировок, поскольку любые терминологические ошибки или искажения смысла могут не только ввести в заблуждение правоприменителей, но и привести к нарушению основополагающих общих правовых принципов регулирования. Здесь правовая теория предоставляет законодателю необходимый аппарат и знания о правовой технике, позволяя ему конструировать нормы, органично вписывающиеся в существующую правовую систему.

Правовые принципы, выступая в качестве базовых идей и сквозных регуляторов, одновременно задают цели регулятивного воздействия и служат критериями оценки качества законодательства. Четкое определение содержания принципов, таких как принципы справедливости, равенства и соразмерности, позволяет законодателям моделировать конечный результат правового регулирования на стадии разработки акта, прогнозируя его социальные последствия. В свою очередь, установление методов правового воздействия позволяет выбрать оптимальные инструменты для достижения поставленных целей, избегая как чрезмерного государственного принуждения, так и пробелов в регулировании.

Влияние теории на юридическую практику можно оценить через призму конкретных профессиональных областей. Практическая реализация юридических компетенций охватывает адвокатуру, судебную практику, частное консультирование, правоохранительную

деятельность и обучение. В то же время юридическая практика неразрывно связана с функционированием органов государственной власти и их должностных лиц. По сути, все представители государственного аппарата в той или иной степени участвуют в юридически значимой деятельности. Государство, как особая властная структура, осуществляет свои полномочия в неразрывной связи с правом [5].

Овладение категориальным аппаратом, разработанным в рамках теории государства и права, является фундаментальным условием для понимания связи между государством и правом, без этого профессиональная деятельность юриста теряет свою обоснованность и эффективность, а сам специалист рискует не соответствовать квалификационным стандартам. В связи с этим ключевой задачей юристов является глубокое осмысление результатов научных исследований в области государственных и правовых явлений. Данный тезис обосновывает необходимость не только теоретических исследований, но и их адаптации профессиональным сообществом в практической деятельности.

Изучение теории государства и права органично встроено в процесс подготовки юристов, поскольку закладывает основы профессионального мышления. Важность этой дисциплины определяется самой природой права, которое подвержено постоянным изменениям. Однако развитие права противоречиво, в частности, оно может быть направлено как на созидание, так и на разрушение. Понимание вектора этих изменений требует глубокого знания фундаментальных законов, регулирующих правовую систему – и это является основной задачей теории. Именно в рамках теории государства и права закладываются основы профессионального правового сознания, позволяющие юристам адекватно оценивать не только буквальное содержание правовых норм, но и процедуры их реализации, а также конечные результаты правоприменения с точки зрения их справедливости и социальной эффективности. Пренебрежение развитием правового сознания приводит к тому, что юристы становятся специалистами, способными лишь применять нормы, но не понимающими их смысла, что в современных условиях недопустимо. Таким образом, теория государства и права выступает в качестве интеллектуального инструмента, который преобразует совокупность знаний о законах в целостное правовое мировоззрение.

Практическим примером, иллюстрирующим важность теоретических знаний, является проблема привлечения контролирующих лиц к ответственности за долги юридического лица, известная в доктрине как «снятие корпоративной вуали». Так, на первый взгляд, перед судом стоит задача взыскать убытки с конкретного директора или учредителя обанкротившейся компании, однако решить этот вопрос невозможно без обращения к фундаментальным категориям теории государства и права, таким как «юридическое лицо», «юридическая фикция» и «злоупотребление правом». Классическая теория исходит из того, что юридическое лицо является самостоятельным субъектом права, а его участники, например, акционеры или учредители, не несут ответственности по его обязательствам [6]. Это базовая модель, основанная на теоретическом разграничении разделения собственности. Однако практика показывает, что эта конструкция может быть использована для злоупотреблений, в частности для создания подставных компаний, вывода активов или умышленного банкротства. В таких случаях именно теория государства и права дает юристам (судьям, адвокатам, истцам) инструменты для разрешения этого конфликта. На основе теоретических представлений о пределах осуществления прав, фиктивном характере юридического лица как инструмента и необходимости защиты общественных интересов судебная практика разработала механизмы привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности по обязательствам недействующего юридического лица [7]. Без понимания фундаментальной природы юридического лица как правовой конструкции правоприменение было бы неэффективным в попытках использовать корпоративную форму в ущерб кредиторам. Этот пример наглядно демонстрирует, что теория государства и права является необходимым инструментом для разрешения самых сложных гражданско-правовых споров и обеспечения справедливости в сделках.

Значение теории государства и права для юриспруденции раскрывается через ее способность наделить юристов методологией анализа сложных социально-правовых явлений. Одним из ключевых аспектов является изучение взаимосвязи между моралью и правом, так как

будучи тесно взаимосвязанными регуляторами, они составляют основу общества [8]. Теория государства и права позволяет понять, что право, регулируя конкретные правовые отношения, неизбежно взаимодействует с моралью, которая влияет на те же социальные отношения, это знание в свою очередь, дает понимание интеграции права в жизнь общества, однако практика знает много случаев противоречий между правом и моралью, поскольку их природа различна, и следование морали часто более органично, чем подчинение закону, мотивированное страхом наказания, и именно в таких случаях юрист выступает посредником между формальной нормой и реальными моральными убеждениями. Профессиональная правовая осведомленность позволяет юристам толковать нормы таким образом, чтобы устранить их отчуждение от моральных установок адресата. Логичность и доступность толкования, обеспечиваемые теоретической подготовкой, гарантируют не формальное соблюдение, а ценностное принятие норм.

Важно понимать, что теория государства и права играет системно-формирующую роль. Опираясь на данные таких отраслевых наук, как конституционное, гражданское и уголовное право, она выявляет общие для всех них закономерности, что позволяет юристам, специализирующимся в конкретной области, видеть общую картину правового пространства и понимать взаимосвязь между публичными и частными принципами, материальными и процессуальными нормами. Без этих фундаментальных знаний правовая система представляется разрозненным набором институтов, что значительно снижает эффективность правоприменения и препятствует выработке системных решений правовых проблем.

Таким образом, теория государства и права выполняет не только теоретическую и познавательную функцию, но и важную практическую функцию, формируя научные знания об закономерностях политико-правовой реальности, которые служат ориентирами для деятельности ее субъектов, а также моделями поведения в сфере взаимодействия. Именно через призму правовых закономерностей наука устанавливает и объясняет различные аспекты правовой реальности.

Фундаментальное значение теории государства и права для юриспруденции определяется тем, что она формирует методологическую культуру юристов, развивает их правовое сознание, дает концептуальные инструменты для решения как теоретических, так и практических проблем. В условиях динамичных социальных изменений именно прочная теоретическая основа позволяет юридической науке и практике сохранять свою целостность, эффективность и социальную ориентацию.

Список литературы

1. Нехай, А. А. Значение теории государства и права в деятельности юриста / Нехай А. А. // *Новости науки 2025: гуманитарные и точные науки.* – 2024. – № 2. – С. 152-154.
2. Грунтовский, И. И., Паршин, С. В. Юридическая логика: генезис, значение и место в современной теории государства и права / И. И. Грунтовский, С. В. Паршин // *Безопасность бизнеса.* – 2024. – № 2. – С. 154-160.
3. Касимов, Т. С. Прогностическая функция теории государства и права и юридическая футурология / Касимов Т. С. // *Правовое государство: теория и практика.* – 2019. – № 4(58). – С. 50-54.
4. Лазарев В. В. Место теории государства и права в системе гуманитарного знания / Лазарев В. В. // *Ленинградский юридический журнал.* – 2008. – № 1. – С. 5-23.
5. Корнев, А. В. Проблемы истории, методологии и теории юридической науки: Монография / Корнев А. В. – 1-е изд. – Москва: Норма, 2023 – 528 с.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) - Текст: электронный // КонсультантПлюс: – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 27.02.2026).
7. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам о субсидиарной ответственности контролирующих лиц по обязательствам недействующего юридического лица - Текст: электронный // КонсультантПлюс: – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_519204/ (дата обращения: 27.02.2026).
8. Касаева, Т. В., Цыбулевская, О. И., Милушева, Т. В. Государство, право, мораль, культура. Общая теория государства и права: учебник / Касаева, Т. В., Цыбулевская, О. И., Милушева Т. В. // 1-е изд. – Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова", 2018, 322-349 с.

СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ: ВОПРОСЫ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ

Цариков Александр Сергеевич, студент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

tsarikov042007@bk.ru

Научный руководитель: Ткаченко Анна Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

annavl.tkachenko@gmail.com

Аннотация. В работе автором представлен анализ исследования судебного прецедента и его роли. Проанализированы некоторые нормативно правовые акты и Постановления Верховного суда Российской Федерации, а также даны соответствующие пояснения по данной тематике. Особое внимание автор уделяет статьям Арбитражного процессуального кодекса и Гражданского процессуального кодекса РФ, обращая внимания на некоторые элементы и признаки прецедентного права. В заключении автор приходит к выводам, о значимости прецедентного права в Российской правовой системе и его роли.

Ключевые слова: прецедент, постановление Пленума Верховного Суда, судебная практика, источник права, правовая норма

На сегодняшний день в науке, различные авторы ведут дискуссии, по поводу того, является ли прецедент в Российской Федерации источником права. Ученые высказывают различные точки зрения по данному вопросу, одни считают, что прецедент действительно является источником права, поскольку существуют разъяснения правовых норм в Постановлении Верховного Суда и Постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации, которые имеют огромное значение при вынесении нижестоящими судами решений. Другие ученые, напротив считают, что прецедент не может быть источником права и его практическое значение не существенно для судебной системы и правовой науки. Однако рассматривая и анализируя судебные решения, можно в значительной мере увидеть его элементы в судебных решениях.

Если углубиться в историю происхождения прецедента, то происходит он от латыни, и означает «предшествующий», то есть то, что уже было или же существовало ранее. Л.А. Морозова в своих работах отмечала, что судебный прецедент имеет значимую роль для нижестоящих инстанций, и по своей правовой природе именно он формирует основу, для формирования аналогичных дел [1].

По этому вопросу существует много различных мнений. Так, например автор А.Б. Алексеева, высказывала свою позицию таким образом, что на сегодняшний день судебный прецедент это определенная точка зрения, выработанная Высшестоящим судебным органом и подкреплённая его авторитетом, то есть, судебный прецедент, это по своей природе, некое решение суда, которое в дальнейшем будет служить определенным ориентиром для судей, которые сталкиваются с аналогичными делами. Но на сегодняшний день нельзя однозначно сказать, могут ли решения всех звеньев судебной системы Российской Федерации служить, определенными признаками прецедента в дальнейшем для всей судебной системы.

Прецедентное право в современной России охватывает широкий спектр правовых отношений, преимущественно проявляясь в арбитражном и гражданском процессах, а также частично затрагивая сферу уголовного судопроизводства. Значительным шагом в развитии прецедентной практики стало принятие в июне 2020 года Постановления Пленума Верховного суда «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции» [5]. Изучая данное Постановление можно прийти к выводу, что оно представляет собой определенное

руководство для Арбитражной судебной системы. Задачей данного Постановления является недопущение Арбитражными судами ошибок совершаемыми судами первой и апелляционной инстанций. Фактически данное Постановление устанавливает обязанность судей учитывать правовую позицию Верховного Суда Российской Федерации при рассмотрении аналогичных дел. Так, например в статье 170 Арбитражного процессуального кодекса в части четвертой, прямо говорится, что в мотивировочной части решения могут содержаться ссылки на постановления Пленума Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда, а также обзоры судебной практики Президиумом Верховного Суда [3]. Исходя из данной статьи можно сделать вывод, что законодатель позволил Арбитражным судам использовать, практику, которая была разъяснена вышестоящим Верховным Судом и даже ВАС, который был упразднен в 2014 году. Ведь и сегодня, некоторые Постановления Высшего Арбитражного Суда имеют юридическую силу и не были утрачены, как разъяснения конкретных норм Арбитражного процессуального кодекса.

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации в статье 198 также отображает, что суд в мотивировочной части решения не лишен права ссылаться на Постановления ВС РФ, а также на обзоры судебной практики. Таким образом мы видим, что хотя и судебный прецедент не является официальным источником права в Российской Федерации, но косвенно его элементы содержатся и в АПК и ГПК РФ [7].

А.А. Иванов, являющийся бывшим председателем Высшего Арбитражного Суда РФ, указывал: «...прецедентная система способствует снижению коррупции в судах. Она формирует широкий набор правовых позиций, хорошо известных участникам рынка, обеспечивает предсказуемость решений судов. Именно прецеденты позволяют выявлять «странные» решения, отступающие от сложившейся практики» [6].

В сфере уголовного права до сих пор сохраняется дискуссионный характер вопроса о правовой природе Постановлений Пленума ВС РФ. Необходимо отметить, что официальный статус постановлений Пленума не предполагает их отнесения к судебным прецедентам, поскольку они не содержат решений по конкретным уголовным делам. Тем не менее, Пленум Верховного суда наделен полномочиями по разъяснению законодательства, что придает его актам особую значимость в правоприменительной практике. По мнению К.В. Ображиева, Уголовный кодекс РФ не лишен пробелов, которые временно восполняются посредством разъяснений Пленума Верховного Суда РФ до внесения соответствующих изменений законодателем [2]. При этом автор подчеркивает нормативный характер постановлений Пленума, что подтверждается практикой: отдельные положения, сформулированные Пленумом, впоследствии практически в неизменном виде включаются в уголовное законодательство.

В Российской правовой системе доктрина судебного прецедента существенно отличается от моделей, принятых в странах общего права. В профессиональном юридическом сообществе сформировались две противоположные позиции относительно правовой природы судебного прецедента в России. Сторонники признания прецедента, такие как В.Д. Зорькин, А.А. Иванов, выступают за легитимацию данного правового явления в российской правовой системе. По их мнению, необходимо официально закрепить право высших судебных органов на правотворчество и признать Конституционный суд РФ одним из субъектов формирования правовых норм, а также распространить прецедентный статус на акты высших, и нижестоящих судов. С противоположной точкой зрения выступают С.В. Поленина, В.С. Нерсисян, говоря о том, что, судьи не создают, а лишь применяют существующие нормы права, единственным легитимным источником права в российской правовой системе является закон и расширение полномочий судов в сфере нормотворчества недопустимо. Данное противостояние отражает фундаментальные различия в понимании механизмов правового регулирования и роли судебной системы в формировании правовых норм в современной России [4].

В связи с этим остро стоит вопрос о границах судебского усмотрения и допустимом уровне субъективизма при осуществлении судебного правотворчества. При этом нельзя не

учитывать значимость института ответственности судей и роль судейского убеждения в правоприменительной деятельности. Особую актуальность данная проблема приобретает в условиях динамичного развития общественных отношений и постоянного изменения правовой реальности. Важно отметить, что как законодательная база, так и правоприменительная практика не способны в полной мере охватить все многообразие возникающих правовых ситуаций.

В современной российской правовой системе судебный прецедент представляет собой неоднозначное явление, находящееся в состоянии правовой неопределенности. Несмотря на отсутствие официального закрепления прецедентного права в законодательстве, его фактическое существование в судебной практике неоспоримо. Судебная практика выступает своеобразным аналогом прецедента, формируя негласные правила правоприменения. Особую значимость в этом контексте имеют решения Конституционного суда Российской Федерации, обладающие фактически прецедентным характером при рассмотрении аналогичных дел. Неоднозначную роль также играют Постановления Верховного суда Российской Федерации, имеющие рекомендательно-обязательный характер при принятии решений нижестоящими судебными инстанциями. Таким образом, судебный прецедент имеет немаловажное значение для судебной системы Российской Федерации и на сегодняшний день существует множество предпосылок для его официального закрепления как источника права.

Список литературы

1. Морозова, Л.А. Теория государства и права / Л.А. Морозова – 4-е изд. – Москва: , 2010 – 189 с.
2. Ображиев, К. В. Система формальных (юридических) источников российского уголовного права: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: Диссертация на соискание доктора юридических наук / Ображиев, К. В. // Москва – м, 2014. – 587 с.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) - Текст: электронный // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/: (дата обращения: 28.02.2026).
4. Усанов, В.Е Судебный прецедент: проблемы конвергенции в российскую правовую систему// Актуальные проблемы российского права/ Усанов, В.Е // Актуальные проблемы российского права. – 2008. – №2. – С. 23
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции» - Текст: электронный // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_356424/ (дата обращения: 28.02.2026).
6. Малешин, Д. Я. Гражданская процессуальная система России / Д. Я. Малешин // Москва:, 2011 – 284 с.
7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации" от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 22.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2026) - Текст: электронный // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 01.03.2026).

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОРЕГУЛИРОВАНИЯ СОЗДАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ В РОССИИ

Чекушкина Анастасия Александровна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

nastya.chekushkina.07@mail.ru

Лабоцкая Ксения Васильевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

ksyu.labotskaya.07@bk.ru

Научный руководитель: Бородин Игорь Анатольевич, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию актуальных пробелов и системных противоречий в правовом регулировании мер поддержки многодетных семей в Российской Федерации. Работа обусловлена современными демографическими вызовами и необходимостью укрепления института семьи. Новизна исследования заключается в комплексном анализе качества мер, согласованности и практической реализуемости на различных уровнях государственной власти. Основной полемический тезис заключается в том, что действующее законодательство, регулирующее поддержку многодетных семей, носит фрагментарный и декларативный характер. При этом сам по себе статус многодетной семьи не обеспечивает устойчивых гарантий долгосрочного благополучия. В результате образуется необходимость перехода от системы разрозненных льгот к созданию целостной правовой модели. Эта модель должна предусматривать индивидуальный подход к каждой семье, меры по профилактике рисков бедности и синхронизацию федеральных и региональных норм. Реализация таких мер позволит существенно повысить эффективность государственной семейной политики.

Ключевые слова: правовое регулирование, семейная политика, социальная поддержка, статус многодетной семьи, региональное законодательство, правовые противоречия, праворегулирование многодетности, национальный проект «Демография», национальный проект «Семья», демографическая политика, жилищная проблема, усыновление

Статус многодетной семьи в Российской Федерации, несмотря на декларируемую государственную поддержку, остается скорее формой социального героизма, нежели комфортной жизненной стратегией. Правовое регулирование в этой сфере не полное, меры поддержки зачастую носят заявительный характер и варьируются от региона к региону, что создает неравные условия для семей. Несмотря на декларируемую политику поддержки семьи, действующее законодательство создает препятствия для многодетных семей (готовых к рождению или усыновлению трех и более детей) вместо предоставления им возможностей.

Проблема состоит в том, что действующее правовое регулирование поддержки многодетных семей в России носит фрагментарный, декларативный и компенсационный характер. Меры сведены к денежным выплатам (маткапитал, льготная ипотека), которые не покрывают реальной стоимости жилья и не решают главной проблемы, то есть отсутствия у семей отдельного, достаточного по площади жилья.

Данная статья ставит целью выявить основные противоречия в правовом регулировании, проанализировать их в контексте новых государственных программ и научных исследований, а также предложить принципиально новое решение.

Демография как объект государственной политики

Демография – это наука, изучающая закономерности воспроизводства населения, включая его численность, состав, распределение и динамику. В контексте государственного

управления демография становится важной политической задачей, решение которой влияет на экономический потенциал, обороноспособность и социальную стабильность страны.

Национальный проект «Демография», утвержден 24 декабря 2018 г. по 2024 г. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, представляет собой масштабную программу, направленную на преодоление негативных демографических тенденций. Основные цели проекта включают увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни, рост суммарного коэффициента рождаемости, снижение смертности и поддержку семей с детьми.

Проект концентрируется на двух основных рычагах: укрепление здоровья населения (влияет на демографию) и прямые выплаты семьям (материнский капитал и пособия). Однако его критикуют за преобладание мер, не меняющих фундаментальных условий жизни. Выплаты возможно и помогают, но они не решают проблему хронической нехватки жилья, высокой нагрузки по уходу за детьми и карьерных рисков для родителей, особенно для матерей.

Национальный проект «Семья» в системе правового регулирования

Национальный проект «Семья», утвержден указом Президента РФ в 2024 г. на период до 2030 г., он также продолжает «Демографию», но фокусируется именно на институте семьи. Его ключевые задачи включают:

- Повышение уровня благополучия семей с детьми
- Создание условий для рождения и воспитания детей
- Всестороннюю поддержку, включая социальные услуги, психолого-педагогическую помощь и содействие в решении жилищных вопросов.
- Развитие инфраструктуры для семейного отдыха и поддержку семейных традиций.

Анализ текстов проектов и сопутствующих нормативных актов (например в описаниях грантов для НКО работающих с семьями) позволяет выделить несколько системных правовых проблем:

- Региональная спецификация: Федеральные стандарты поддержки многодетных семей дополняются региональными мерами, которые нестабильны из-за бюджетной ситуации, нарушая единство правового пространства.

- Фрагментальный характер льгот: Информация о льготах разрознена по множеству нормативных актов, что создает административный барьер для семей, вынужденных самостоятельно искать права.

- Жилищный вопрос: Дефицит доступного и достаточного по площади жилья остается нерешенной проблемой, несмотря на существующие программы, тормозя рождаемость и усыновление.

- Недостаточность мер для отцов: Поддержка сосредоточена на материнстве, тогда как роль отца в правовом и экономическом аспекте стимулируется слабо.

- Слабая интеграция поддержки многодетных и системы устройства сирот: Меры для этих категорий существуют параллельно, хотя многодетные семьи являются потенциальным ресурсом для устройства детей-сирот.

Проект задает комплексный подход к семье. Однако он остается в парадигме

«поддержки нуждающихся», а не «создания класса благополучных многодетных семей». Его главный недостаток - отсутствие мощного, безусловного стимула, меняющего жизненную траекторию. Он не предлагает прорывных, мотивационных инструментов, которые бы кардинально изменили жизненные расчеты молодых людей в пользу многодетности.

Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР от 1981 года

«О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей»

Выдержка (жилищный раздел):

- многодетные семьи ставятся на учет на получение жилья в первую очередь;
- предоставляются льготные ссуды на строительство или покупку жилья в размере до 3000 рублей сроком до 20 лет под 2% годовых;

- предприятиям и местным Советам предписано выделять квартиры многодетным семьям вне очереди;
- разрешено увеличивать жилую площадь при постановке на учет исходя из состава семьи.

Указ Президента РФ от 2024 года

«О мерах социальной поддержки многодетных семей»

Выдержка (жилищный раздел):

- сохранено право на льготную ипотеку (ставка 6%);
- выплата 450 000 рублей на погашение действующего ипотечного кредита;
- материнский капитал можно направить на улучшение жилищных условий;
- рекомендация регионам предоставлять земельные участки;
- норма о внеочередном предоставлении готового жилья государством отсутствует.

Таблица 1- Сравнение выдачи жилья многодетным семьям в разные года жизни

Параметр	СССР, 1981	РФ, 2026
Обязанность государства	Предоставить квартиру	Предоставить льготный кредит
Сроки	Вне очереди	Без гарантий
Форма	Готовое жилье (ордер, кооператив)	Деньги на погашение рыночной ипотеки
Цена вопроса	Себестоимость строительства	Рыночная цена, завышенная в 3–4 раза
Итог для семьи	Получает квартиру	Получает долг на 20–30 лет

По данным в таблице 1 можно сделать вывод:

В 1981 году государство брало на себя обязанность обеспечить жильем.

В 2026 году государство финансирует банки, давая семье право влезть в ипотеку.

Разница не в самих терминах, а в сути:

- тогда многодетная семья въезжала в квартиру
- сегодня она въезжает в ипотеку

Девушки не рожают, потому что вместо квадратных метров им предлагают квадратные проценты.

Женщины понимают, что рождение ребенка не приближает семью к собственному жилью, а наоборот отдаляет и тем самым увеличивает ежемесячные платежи.

Никакой материнский капитал (2 м² в столице) и никакие 450 тысяч (2 года процентов по ипотеке) эту логику не ломают.

Как итог пока государство не вернет норму «многодетная семья равно квартира от государства», демография будет падать, а не подниматься. Женщины согласны рожать, но они не согласны рожать в долг.

Анализ проблем праворегулирования подводит к выводу, что существующие меры, включая нацпроекты, носят половинчатый характер. Они сглаживают остроту проблемы, но не создают сильных стимулов для ее кардинального решения.

Национальные проекты «Демография» и «Семья» признают проблему, но их инструменты недостаточно радикальны для изменения демографической ситуации. Действующее правовое регулирование формирует сложную, но неэффективную систему поддержки.

Мы считаем, что для достижения прорыва требуется вернуться к опыту, доказавшему свою эффективность в СССР, но на новом технологическом и экономическом уровне: предоставление семьям, рожающим или усыновляющим детей, бесплатного жилья (либо в собственность, либо по социальному найму с последующим выкупом по символической цене после достижения детьми совершеннолетия). Данный подход предлагает комплексное решение, направленное на поддержку семей, особенно многодетных и тех, кто рассматривает возможность усыновления, путем предоставления им жилья.

Это предполагает адаптацию советской практики с использованием современных механизмов государственно-частного партнерства, создание целевого жилищного фонда, прозрачных очередей и критериев.

Государственное участие в решении жилищного вопроса семей, которые решаются на рождение или усыновление трех и более детей, трансформирует этот шаг из подвига в осознанный, поощряемый и выгодный выбор. Это станет основой новой, просемейной и демографической политики России.

Список литературы

1. Национальный проект «Демография» Архив 2019-2024 - Текст: электронный // URL: <https://национальныепроекты.рф/projects/demografiya/> (дата обращения 05.03.2026).

2. Паспорт национального проекта «Демография» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 30.11.2023 № 15) // Официальный интернет-портал Правительства РФ — Текст: электронный // URL: <http://government.ru> (дата обращения 05.03.2026).

3. Национальный проект «Семья» - Текст: электронный // URL: <https://национальныепроекты.рф/new-projects/semya/> (дата обращения 05.03.2026).

4. . Указ Президента РФ от 22.11.2024 № 987 «О национальном проекте «Семья»» // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 48. – Ст. 7123. - Текст: электронный // URL: <https://base.garant.ru/411014138/> (дата обращения 05.03.2026).

5. Аналитическая записка по итогам мониторинга региональных программ поддержки многодетных семей в рамках нацпроекта «Семья» (2024) // Архив Фонда президентских грантов. – Отчеты победителей конкурса по направлению «Поддержка семьи, материнства, отцовства и детства» - Текст: электронный // URL: <https://президентскиегранты.рф> (дата обращения 05.03.2026).

6. Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР от 1981 года «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» - Текст: электронный // URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=77334> (дата обращения 05.03.2026).

7. Указ Президента РФ от 23.01.2024 N 63 "О мерах социальной поддержки многодетных семей" \ КонсультантПлюс - Текст: электронный // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_467710/ (дата обращения 05.03.2026).

8. Обеспеченность жильем многодетных семей в Российской Федерации: аналитический доклад / Счетная палата РФ. – М., 2025. – 78 с. — Текст: электронный // URL: <https://ach.gov.ru> (дата обращения 05.03.2026).

9. Жилищное право России: история и современность / отв. ред. А.В. Кузнецов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2024. – 416 с.

ЦИФРОВОЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ КАК ОСНОВА ЛЕГИТИМНОСТИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Щербакова Виктория Станиславовна, аспирант

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
vikky172002@yandex.ru

Научный руководитель: Шварц Лариса Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
shvarts-lv@ranepa.ru

Аннотация. Исследуется баланс цифровой трансформации публичной власти и конституционных прав граждан в Российской Федерации. Выявлены риски трансформации цифровых инструментов в механизм усиления административного надзора. Научная новизна заключается в обосновании необходимости законодательного закрепления права на отказ от цифровых сервисов и исключении конклюдентных форм согласия на обработку персональных данных. Обосновывается применение концепции цифрового конституционализма для защиты прав граждан. Предложены меры усиления судебного контроля за техническими мерами управления сетью «Интернет». Результаты могут быть использованы для совершенствования законодательства о персональных данных.

Ключевые слова: цифровая трансформация; публичная власть; конституционные права; персональные данные; цифровой конституционализм; централизованное управление сетью; цифровой суверенитет

Современная доктрина формирует целостное понимание цифровой трансформации как многоуровневого процесса, охватывающего технологический, институциональный, нормативный и ценностный уровни. Как отмечают Э. В. Талапина[9, 10] и С. М. Шахрай[14], цифровизация не создает новых прав, но трансформирует условия их реализации. Ключевым условием легитимности цифрового государства выступает сохранение конституционных ограничений и применение этических стандартов при внедрении цифровых решений в сферу публичной власти.

Цифровое государственное управление характеризуется тремя специфическими чертами: (1) «автоматизация» обязанностей (перемещение контроля с постериорной стадии на предварительную), (2) предиктивность (прогнозирование рисков на основе алгоритмов), (3) персонализация (проактивное предоставление услуг). Однако у персонализации есть «темные стороны» – профайлинг, вмешательство в частную жизнь, цифровое неравенство.

Цифровая трансформация госуправления в Российской Федерации (далее – РФ) все чаще выступает не как инструмент эффективности, а как механизм усиления административного надзора, угрожающего конституционным правам граждан.

Яркий пример – Постановление Правительства РФ № 1667 от 27 октября 2025 г. «Об утверждении Правил централизованного управления сетью связи общего пользования»[3], вступившее в силу 1 марта 2026 г. и наделяющее Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее – РКН) полномочиями централизованного управления информационно-телекоммуникационной сетью «Интернет» (далее – сеть «Интернет») на территории Российской Федерации. Согласно п. 14, управление техническими средствами противодействия угрозам возможно при «угрозе безопасности и целостности функционирования» сети. При этом п. 12 (пп. «б» и «д»)) при соблюдении данного условия дает контролирующему органу право:

- «изменять маршруты сообщений электросвязи» – вплоть до изоляции трафика внутри страны;
- «применять средства защиты информации», что может включать DPI-фильтрацию и блокировку трансграничного трафика.

Это противоречит:

- ст. 23, 24 Конституции Российской Федерации[1] (далее – КРФ) – о неприкосновенности частной жизни;
- ч. 4 ст. 29 КРФ – о праве свободно получать и распространять информацию.

Данная модель соответствует формирующемуся в доктрине типу превентивного контроля, основанного на алгоритмическом мониторинге и прогнозировании рисков[5]. Э. В. Талапина указывает на потенциал искусственного интеллекта в контрольно-надзорной деятельности, одновременно предупреждая о рисках автоматизации принятия решений в сфере ограничения прав граждан без надлежащих гарантий обжалования[9]. Критически важными ограничениями остаются: запрет на полную автоматизацию решений об ограничении прав, обеспечение прозрачности критериев цифрового профилирования, право на обжалование алгоритмических решений в судебном порядке. Однако, как предупреждают А. М. Цирин и Е. А. Артеменко[12], критически важными правовыми ограничениями автоматизации остаются: (1) запрет на принятие решений об ограничении прав без участия человека; (2) необходимость объяснимости алгоритмических решений; (3) право на обжалование результатов алгоритмического анализа.

Аналогичные риски возникают при навязывании мессенджера «Мих» под предлогом «цифровой трансформации». При формальной «добровольности» граждане фактически вынуждены использовать его в связи с переводом официальной коммуникации в школах и госучреждениях исключительно в этот сервис. При этом ключевыми чертами мессенджера являются: непрозрачный сбор данных, временные ограничения по удалению аккаунта, принудительная привязка к российской или белорусской SIM-карте и др. Помимо этого, согласие на обработку персональных данных выражается конклюдентно, при первом запуске приложения, что нарушает п. 1 ст. 9 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [2] (далее – ФЗ № 152-ФЗ), обязывающий получать от пользователя конкретное, предметное, информированное, сознательное и однозначное согласие на обработку персональных данных.

Согласно исследованию Э. В. Талапиной, использование государством цифровых технологий влечет более серьезные последствия для граждан, нежели применение их частными субъектами, в силу монопольного характера государственного управления. Выделяются три базовых риска: (1) Право на конфиденциальность – нарастающее противоречие между вторжением в частную жизнь для целей государственного управления и ее защитой; (2) Право на защиту персональных данных – угроза в связи с необходимостью проведения технологической обработки больших данных и повторной идентификации; (3) Право на равное обращение и недискриминацию – нарушение вследствие профилирования и автоматизированной обработки данных[9]. Систематизация рисков нарушений прав человека при использовании цифровых технологий в реализации функций государственного управления представлена в таблице 1. Она выявляет наиболее уязвимые сферы, в частности – конфиденциальность данных и автоматизированное принятие решений, что обосновывает необходимость введения дополнительных конституционных гарантий для каждой функции.

Проблема конклюдентного согласия является частью более широкого вызова, который Т. Я. Хабриева[11] характеризует как необходимость сохранения гуманистических основ права в цифровую эпоху. М. С. Сафонов, Ф. А. Поляков и Р. А. Аленичев[7] предлагают модель «этического аудита» цифровых решений, включающую оценку пропорциональности, минимизации данных, прозрачности алгоритмов и сохранения права на отказ от цифровых сервисов.

Таблица 1 – Риски нарушения прав человека в условиях цифровизации государственного управления

Функция государственного управления	Риски нарушения прав человека	Необходимые гарантии
Нормотворчество	Стандартизация поведения граждан, предвзятость алгоритмов	Прозрачность нормотворческого процесса, участие граждан в обсуждении проектов
Контрольно-надзорная деятельность	Чрезмерное вмешательство в частную жизнь, массовый сбор персональных данных	Запрет полной автоматизации решений об ограничении прав, судебный контроль
Оказание государственных услуг	Дискриминация, цифровое неравенство, исключение уязвимых групп	Право на отказ от цифровых сервисов, право на использование альтернативных (традиционных) форм взаимодействия
Правосудие	Недостаточная прозрачность функционирования искусственного интеллекта, отсутствие объяснимости решений	Обязательный контроль со стороны человека, право на обжалование алгоритмических решений

Конституционный суд Российской Федерации (далее – КС РФ) в Постановлении от 25 мая 2021 г. № 22-П[16] подчеркнул: сбор данных без реального согласия недопустим, так как затрагивает неприкосновенность частной жизни.

К. В. Арановский указывает, что доступ к сети – гарантия реализации как основных, так и социальных прав человека[4]. А В. В. Лазарев напоминает: любое ограничение должно быть законным, соразмерным и необходимым[6].

Концепцию «цифрового конституционализма», разработанную Э. В. Талапиной, следует понимать как встраивание конституционных ограничений на этапе проектирования цифровых решений, включая гарантии против массового профилирования, автоматизированного принятия решений об ограничении прав и необоснованного сбора персональных данных.

По мнению Э. В. Талапиной, сущность концепции заключается в том, что цифровая трансформация должна осуществляться в рамках конституционных ограничений, с сохранением неотчуждаемых прав человека, включая право на информационное самоопределение, право на цифровое забвение и право на отказ от цифровых технологий. Ключевой принцип – «ответственность по умолчанию» (responsible by design), предполагающий встраивание правовых гарантий на этапе проектирования, а не постфактум[9].

Без системного конституционно-правового регулирования цифровизация рискует трансформироваться в режим несоразмерного и бесконтрольного вмешательства публичной власти в сферу частной жизни граждан, что напрямую противоречит принципам правового государства, закрепленным в ст. 18 КРФ.

Как подчеркивает П. В. Степанов, цифровой суверенитет включает некоторое число компонентов, в числе которых: технологический (контроль над критической ИТ-инфраструктурой) и нормативный (право на самостоятельное регулирование цифровой среды)[8]. Баланс между этими компонентами и защитой прав человека определяет легитимность цифровой трансформации публичной власти.

В целях обеспечения баланса между управленческой эффективностью и защитой конституционных прав предлагается:

1. Усилить судебный контроль и прокурорский надзор за применением технических мер управления сетью (в особенности деятельностью РКН), обеспечив возможность их обжалования и независимой экспертизы.

2. Привести практику получения согласия на обработку персональных данных мессенджерами в соответствии с требованиями ст. 9 ФЗ № 152-ФЗ, исключив конклюдентные формы согласия.

3. Законодательно закрепить право гражданина на отказ от цифровых сервисов при обеспечении альтернативных (традиционных) форм взаимодействия с органами публичной власти, что соответствует принципу антропоцентризма, обоснованному в работах М.

Калимана[15] и Т. С. Черепановой[13]. В перспективе возможно формулирование нового права человека – права против правительственного автоматизированного принятия решений, которое предполагает: (1) запрет на подвержение автоматизированным решениям; (2) право на разъяснение решения; (3) право на пересмотр.

Только при условии системного конституционно-правового регулирования цифровизация сможет выполнять свою позитивную миссию – служить инструментом реализации, а не ограничения прав человека в XXI веке. Как подчеркивает Э. В. Талапина[9], успех цифровой трансформации государственного управления в целом зависит от отношения к соблюдению прав человека. Цифровое государство легитимно только тогда, когда цифровизация служит не самоцелью, а средством повышения качества жизни граждан при неукоснительном соблюдении конституционных принципов правового государства.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – Текст: электронный // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (дата обращения: 06.03.2025).
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных» // Официальный интернет-портал правовой информации - Текст: электронный // URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102108261> (дата обращения: 06.03.2025).
3. Постановление Правительства РФ от 27.10.2025 № 1667 «Об утверждении Правил централизованного управления сетью связи общего пользования» // Официальный интернет-портал правовой информации. – Текст: электронный // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202511060014> (дата обращения: 06.03.2025).
4. Арановский, К. В. О правах человека и социальных правах / К. В. Арановский, С. Д. Князев, Е. Б. Хохлов // Сравнительное конституционное обозрение. – 2012. – № 4(89). – С. 61-91.
5. Евсикова, Е. В. Публичный финансовый контроль в условиях цифровой трансформации (теоретико-правовой аспект) / Е. В. Евсикова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – Т. 9 (75), № 3. – С. 224-236.
6. Лазарев, В. В. Ограничение прав и свобод как теоретическая и практическая проблема / Лазарев В. В. // Журнал российского права. 2009. № 9. С. 49–50.
7. Сафонов, М.С., Поляков, Ф.А., Аленичев, Р.А. Этические проблемы цифровой трансформации государственного управления в России и возможные решения / Сафонов М.С., Поляков Ф.А. Аленичев Р.А // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025.
8. Степанов, П. В. Подходы к пониманию цифрового суверенитета России / П. В. Степанов // Журнал российского права. – 2024. – Т. 28, № 4. – С. 37-51.
9. Талапина Э. В. Права человека в цифровом государственном управлении / Талапина Э. В. // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 9 С. 137-149.
10. Талапина, Э. В. Права человека в эпоху интернета: публично-правовой аспект: монография / Э. В. Талапина, А. А. Антопольский, В. Н. Монахов // ответственный редактор Э. В. Талапина. – Москва: Проспект, 2021. – 143 с.
11. Хабриева, Т. Я. Технологические императивы современного мира и право / Т. Я. Хабриева // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2023. – Т. 19, № 1. – С. 5-12.
12. Цирин, А. М. Цифровые технологии и искусственный интеллект как средства профилактики проявлений коррупции в контрольной (надзорной) деятельности: отечественный и зарубежный опыт / А. М. Цирин, Е. А. Артеменко // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27, № 3. – С. 126-142.
13. Черепанова, Т.С. Конституционные и правовые основы статуса человека и гражданина в цифровом государстве / Черепанова Т.С. // Конституционное и муниципальное право. – 2024. – № 8. – С. 14–17.
14. Шахрай, С. М. Цифровая конституция. Основные права и свободы личности в тотально информационном обществе / С. М. Шахрай // Вестник Российской академии наук. – 2018. – Т. 88, № 12. – С. 1075-1082.
15. Каліман, М. Р. Механізм забезпечення прав і свобод людини під час поліцейського піклування / М. Р. Каліман // Науковий вісник Ужгородського Національного Університету. Серія «Право». – 2023. – Вип. 77, ч. 2. – С. 61–65.
16. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 мая 2021 г. № 22-П «По делу о проверке конституционности пункта 8 части 1 статьи 6 Федерального закона "О персональных данных" в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "МедРейтинг"» // Официальный интернет-портал правовой информации: сайт. – Текст: электронный // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202105280003> (дата обращения: 06.03.2025).

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРА ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОМ МЕДИЦИНСКОМ СТРАХОВАНИИ

Ядыкова Диана Александровна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

a102app@icloud.com

Научный руководитель: Ткаченко Анна Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

annavl.tkachenko@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается понятие и виды конституционных гарантий, роль конституции. Особое внимание уделено механизму реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина. Исследование охватывает проблемы и вызовы в обеспечении конституционных гарантий, а также перспективы развития системы конституционных гарантий.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, конституционные гарантии, права и свободы гражданина, правовая охрана, судебная защита, индивидуальные права, личные права, политические права, экономические права, социальные права, достоинство личности, свобода выражения мнений, равноправие, законность, механизм реализации, контроль соблюдения, ответственность государства, правоприменение, международные стандарты, обязательное медицинское страхование

Права и свободы человека и гражданина являются базисом демократического устройства и правового государства. В связи с этим гарантирование и защита этих прав выступают важнейшими функциями современного государства. Ключевым актом, определяющим содержание, пределы и способы реализации прав и свобод, выступает Конституция Российской Федерации: она фиксирует систему фундаментальных ценностей, принципов, а также юридические механизмы их защиты.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью постоянного совершенствования системы обеспечения прав и свобод, особенно в условиях динамично меняющегося общественного развития и международного сотрудничества.

Цель настоящей статьи заключается в изучении сущности, содержания и механизма реализации конституционных гарантий прав и свобод гражданина в современной России.

Структура статьи включает рассмотрение ключевых понятий, анализ существующих нормативных актов и судебной практики, а также предложение путей дальнейшего укрепления системы конституционных гарантий.

Под конституционными гарантиями понимается совокупность правовых средств и организационных механизмов, которые обеспечивают реальное осуществление и защиту прав и свобод. Их закрепление на конституционном уровне придает таким гарантиям высшую юридическую силу и определяющее значение для всей правовой системы [1, с. 44–45].

К видам конституционных гарантий относятся:

- **Правовые гарантии**
- обеспечивают защиту прав и свобод граждан;
- включают в себя конституционные права, законы и международные соглашения.
- **Государственные гарантии**
- предоставляются государством в рамках его полномочий;
- сюда относятся социальные льготы, пенсии, пособия и другие формы поддержки.

- **Социальные гарантии:**
- обеспечивают защиту интересов различных социальных групп;
- включают в себя гарантии трудовых прав, медицинского обслуживания и образования.

- **Финансовые гарантии:**

- обеспечивают защиту инвестиций и финансовых операций.

- **Экологические гарантии:**

- направлены на защиту окружающей среды;

- включают в себя меры по охране природы и устойчивому развитию.

Каждый из видов гарантий играет важнейшую роль в обеспечении стабильности и защиты интересов общества.

Механизмы реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина необходимы для того, чтобы обеспечить эффективное функционирование всех аспектов гражданского общества и справедливость в государстве.

Основные механизмы защиты включают:

- Судебная защита – особое значение имеет конституционный контроль, через который проверяются законы и действия органов власти на соответствие Конституции. Право на судебное обжалование нарушений позволяет гражданам защищать свои права в суде [3, с. 89].

- Органы государственной власти – законодательная, исполнительная и судебная власть выполняют функции по закреплению, реализации и контролю соблюдения прав и свобод.

- Институты гражданского общества – общественные организации, СМИ и правозащитные структуры помогают контролировать власть и защищать права.

Механизмы реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина необходимы для того, чтобы обеспечить эффективное функционирование всех аспектов гражданского общества и справедливость в государстве.

Анализ ключевых статей конституции РФ и других стран.

Конституция Российской Федерации:

Статья 2 устанавливает обязанность государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина.

Статья 18 подчеркивает прямое действие Конституции, подчеркивая, что права и свободы определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти.

Статья 45 гарантирует каждому государственную защиту прав и свобод, допуская возможность самозащиты способами, предусмотренными законом.

Статья 46 обеспечивает право на обращение в суд и международную юрисдикцию при нарушении прав и свобод.

Статья 41 Конституции Российской Федерации посвящена правам граждан в области охраны здоровья и медицинской помощи. Она формулирует основополагающие принципы государственной политики в сфере здравоохранения и гарантирует каждому человеку конституционные права на получение квалифицированной медицинской помощи.

Обязательное медицинское страхование (ОМС) является одной из важнейших составляющих системы здравоохранения в Российской Федерации. Оно обеспечивает каждому гражданину доступ к бесплатной медицинской помощи независимо от уровня дохода и социального статуса. Рассмотрим основные гарантии ОМС подробнее.

Права застрахованных лиц

Согласно законодательству, каждый гражданин имеет право на следующие виды медицинской помощи:

- Первичная медико-санитарная помощь (амбулаторное лечение)
- Специализированная медицинская помощь (лечение заболеваний внутренних органов, нервной системы, опорно-двигательного аппарата и др.)

- Высокотехнологичная медицинская помощь (сложные операции, трансплантация органов и тканей)
- Профилактические мероприятия (диспансеризация, вакцинация, скрининговые обследования)

Кроме того, граждане имеют право выбирать медицинскую организацию и врача, получать консультации специалистов, проходить обследование и лечение в условиях стационара или амбулаторно.

Обязанности медицинских организаций

Медицинские организации обязаны оказывать медицинскую помощь гражданам бесплатно в рамках программы государственных гарантий. Они несут ответственность за качество оказываемых услуг и соблюдение стандартов лечения. Медицинская организация должна обеспечить доступность медицинской помощи, включая экстренную госпитализацию и неотложную помощь [5, с. 18].

Роль страховых компаний

Страховые медицинские организации выполняют следующие функции:

- Осуществляют регистрацию и учет застрахованных лиц
- Контролируют правильность оформления документов и обоснованность расходов на оплату медицинской помощи
- Обеспечивают защиту прав пациентов путем рассмотрения жалоб и обращений
- Участвуют в финансировании медицинской помощи через систему ОМС

Таким образом, страховая компания выступает посредником между пациентом и медицинским учреждением, обеспечивая контроль за качеством и объемом предоставленных услуг.

Финансирование ОМС

Финансовое обеспечение ОМС осуществляется за счет взносов работодателей, платежей индивидуальных предпринимателей и иных источников. Средства аккумулируются в территориальных фондах ОМС, откуда распределяются между медицинскими организациями согласно утвержденному тарифу и объему оказанных услуг.

Пример из зарубежного опыта:

Конституция Германии: Основные права (Grundrechte) содержатся в первой части основного закона ФРГ. Здесь подробно прописаны общие положения о достоинстве человеческой личности, свободе вероисповедания, праве на образование, свободе передвижения и многие другие аспекты.

Конституция Италии. В статье 3 закреплено, что все граждане имеют одинаковые гражданские права и равны перед законом без различия пола, расы, языка, религий, политических убеждений, личного и социального положения. В статье 4 говорится о праве на труд и о том, что каждый гражданин обязан способствовать материальному или духовному развитию общества.

Конституция Франции. В Конституции 1958 года лишь несколько статей посвящены правам и свободам. Статья 3 говорит об избирательном праве и о принципе равенства мужчин и женщин в получении выборного мандата и в выполнении функций избирателя. В статье 4 – о праве на образование политических партий, а в статье 66 – о неприкосновенности личности и о судебных гарантиях личной свободы.

Несмотря на значительный объем законодательной базы гарантий прав и свобод граждан, применение этих идей на практике сопряжено со значительными препятствиями [4, с. 100].

Практические трудности:

- Несоответствие формальных гарантий реальным возможностей их реализации.
- Низкий уровень информированности граждан о своих правах и путях их защиты.
- Коррупционные явления и бюрократические препоны, препятствующие своевременному обращению за восстановлением прав.

-Финансовые и организационные ограничения в доступе к бесплатной квалифицированной юридической помощи.

Конфликты интересов и ограничения прав:

- Невозможность гарантировать полное соблюдение всех прав одновременно.
- Тяжесть выбора между экономическими потребностями общества и экологическим состоянием окружающей среды.

Роль правовой культуры и правосознания:

- Незнание населением базовых прав и обязанностей.
- Недоверие к институтам государственной власти и органам правосудия.
- Несоблюдение этики поведения в обществе, игнорирование чужих прав и потребностей[2, с. 60] .

Таким образом, эффективная реализация конституционных гарантий зависит от комплексного подхода, включающего улучшение качества судебной системы, развитие правовой грамотности и формирование уважительного отношения к правам и интересам окружающих.

Перспективы развития системы конституционных гарантий

Для повышения эффективности гарантий необходимо:

- Продолжать законодательные реформы, адаптирующие нормы к современным условиям;
- Усиливать международное сотрудничество и интеграцию правовых стандартов;
- Совершенствовать судебную практику с целью более оперативной и справедливой защиты прав.

Особое значение придается развитию институтов гражданского общества и распространению правовой информации.

Таким образом, система обязательного медицинского страхования в России гарантирует каждому гражданину возможность получения качественной и доступной медицинской помощи. Законодательство определяет четкий механизм реализации прав застрахованных лиц, устанавливает обязанности медицинских учреждений и страховщиков, а также предусматривает механизмы финансового обеспечения и контроля качества услуг. Это позволяет создать условия для эффективного функционирования системы здравоохранения и защиты здоровья населения страны.

Конституция является основным документом, который закрепляет и защищает права и свободы личности, устанавливая их неотъемлемость и универсальность, эффективная реализация данных прав зависит не только от их законодательного закрепления, но и от механизмов защиты, включая судебную систему и институты гражданского общества.

Кроме того, важным аспектом является динамичность и адаптивность конституционных норм к изменяющимся социальным условиям и вызовам времени. Это подчеркивает необходимость постоянного мониторинга и совершенствования законодательства в области защиты прав и свобод человека.

Наконец, следует отметить, что гарантии прав и свобод не могут быть реалистичными без активного участия граждан в их защите, что подразумевает необходимость повышения правовой грамотности и гражданской ответственности. Таким образом, конституционные гарантии становятся не просто формальной основой, а реальным инструментом для обеспечения человеческого достоинства и свободы в современном обществе.

Список литературы

1. Баглай, М.В. Конституционное право Российской Федерации / М.В. Баглай // Учебник для вузов, 2022. – 784 с.
2. Витрук, Н.В. Общая теория правового положения личности / Н.В. Витрук // Теология. Философия. Право, 2021. – 368 с.
3. Дубровский, А.А. Конституционные права и свободы человека и гражданина / А.А. Дубровский // Московский юридический журнал. Право, 2022. – 494 с.
4. Кравченко, В.В. Права человека международные и национальные аспекты / В.В. Кравченко // Учебник для вузов, 2020.-210с.
5. Якушин, А.А. Правовые основы системы обязательного медицинского страхования / А.А. Якушин // Ростовский экономический журнал, 2019.-30 с.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ТОЛКОВАНИЯ НОРМ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА В МЕХАНИЗМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО МЕДИЦИНСКОГО СТРАХОВАНИЯ

Ядыкова Диана Александровна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

a102app@icloud.com

Научный руководитель: Пономарева Валерия Владимировна, доктор юридических наук, профессор

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

valery_e378he@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические основы толкования норм публичного права в сфере ОМС. Особое внимание уделено современным тенденциям в толковании норм публичного права при реализации ОМС. Исследование охватывает проблемы и вызовы толкования норм публичного права в ОМС, а также перспективы совершенствования толкования норм публичного права в ОМС.

Ключевые слова: Обязательное медицинское страхование (ОМС), публичное право, современные тенденции, цифровое здравоохранение, качество оказания медицинских услуг, социальные гарантии

Обязательное медицинское страхование (ОМС) представляет собой важнейший элемент российской системы здравоохранения, гарантирующий гражданам получение медицинских услуг. Юридическое обеспечение функционирования ОМС основывается на положениях публичного права, где государство играет роль основного защитника общественного здоровья. Толкование норм публичного права в контексте реализации ОМС приобретает особое значение в современном правоприменении, учитывая динамичность правовой среды, изменения в социальной и экономической сферах, а также сложность взаимодействия множества участников процесса страхования и оказания медпомощи.

Актуальность темы исследования обусловлена усложнением нормативно-правовой базы и необходимостью обеспечения баланса интересов всех участников системы. увеличением значимости международных договоров в сфере регулирования публичных правоотношений на нынешнем этапе эволюции международного права.

Цель данной научной статьи заключается в выявлении и исследовании текущих направлений интерпретации норм публичного права, влияющих на продуктивность функционирования системы обязательного медицинского страхования.

Теоретические основы толкования норм публичного права в сфере ОМС.

Толкование правовых норм – это неотъемлемый процесс, обеспечивающий правильное понимание и применение закона.

Эффективность функционирования данной системы напрямую зависит от точного и адекватного толкования норм публичного права, регулирующих правоотношения государственных органов, страхователей и страховщиков [2, с. 35].

Основные подходы к толкованию норм публичного права в ОМС:

1. Буквальное (лексическое) толкование

Ориентировано на точный смысл слов и выражений, используемых в нормативных актах об ОМС. Помогает установить прямое значение норм, исходя из текста закона.

2. Системный подход

Толкование норм ОМС в контексте всей системы права, учитывая взаимосвязь с другими правовыми актами, принципами и институтами здравоохранения и страхования.

3. Телеологический (целевой) подход

Фокусируется на целях и задачах, которые преследует норма в сфере ОМС – обеспечение доступности медицинской помощи, страховой защиты населения, повышение качества услуг [1, с. 20].

4. Исторический подход

Учитывает историю принятия нормы, намерение законодателя, чтобы лучше понять смысл и направленность правила.

5. Систематико-целевой подход

Комбинирует системный и телеологический подходы, учитывая как место нормы в общей правовой системе, так и ее целевое назначение.

6. Строительный (логический) подход

Применяется для разрешения противоречий в нормах ОМС, с опорой на логику и структуру нормативных актов.

7. Социально-правовой подход

Учитывает социальные условия, общественные отношения и правовую практику, в том числе позицию судов и контролирующих органов, для адекватного применения норм публичного права в отрасли страхования.

Трудности и препятствия в понимании норм публичного права в области обязательного медицинского страхования

Несмотря на положительные тенденции, существуют проблемы: неоднозначность формулировок законов, частая смена нормативных актов, недостаточная конкретизация прав и обязанностей субъектов. Это приводит к разнотолкованию норм, создает сложности в правоприменении, снижает доверие граждан к системе ОМС. Отчасти проблему усугубляет низкий уровень правовой культуры участников страховых отношений[3, с. 63].

1. Постоянное обновление законодательства

Нормативная база в сфере ОМС регулярно обновляется под влиянием социальных изменений, экономических факторов и прогресса в медицине. Эти постоянные модификации осложняют правильное понимание действующих норм и соблюдение соответствия различным правовым актам разных уровней.

2. Сложная структура регламентации

Правовые нормы устанавливаются на трех уровнях: федеральный, региональный и местный. Такое многослойное регулирование требует глубокого знания иерархии нормативных документов и степени их взаимозависимости, что существенно усложняет эффективное применение законодательства на практике.

3. Несоответствие теории и реальности

Формально закрепленные правовые предписания нередко сталкиваются с проблемами в процессе исполнения. Так, разница в финансовых возможностях регионов ведет к неравномерному распределению материальных ресурсов и ограниченному доступу к качественным медицинским услугам[5, с. 8].

4. Непрозрачность формулировок нормативных актов

Многочисленные положения законов сформулированы неясно либо допускают двусмысленное прочтение. Подобная ситуация порождает разногласия среди профессионалов юридического и медицинского сообществ касательно объема ответственности страховщиков и государства перед застрахованными лицами.

5. Повышение нагрузок на судебные органы

Растущее число судебных разбирательств, вызванных неверным пониманием норм ОМС, повышает давление на судебную систему. Судебные решения становятся дополнительным фактором регулирования, одновременно создавая новые сложности для формирования единой судебной практики[4, с. 15].

6. Потребность интеграции с международными стандартами

Современные медицинские услуги развиваются в направлении следования международным нормам качества и безопасности. Национальное законодательство должно соответствовать мировым тенденциям и гармонически сочетаться с общепринятыми международными правилами и рекомендациями.

- Основные споры возникают вокруг статьи 15 ФЗ-326 (предмет и объем обязательного медицинского страхования), а также статьи 16 (гарантированный объем бесплатной медицинской помощи).

- Неясности касаются различий в толковании гарантированного объема медпомощи, особенно в части включения высокотехнологичной и специализированной медицинской помощи.

- Также проблемной считается статья 44-ФЗ (отдельные вопросы финансирования ОМС в регионах), где встречаются неоднозначности в распределении финансовых потоков.
- Российские суды, включая Верховный Суд РФ, рассматривают жалобы по вопросам предоставления медицинских услуг в рамках ОМС.
- Например, решения Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ № 78-КГ18-10 от 2018 года рассматривают споры по объему и качеству оказываемой помощи при ОМС.
- Основное противоречие – в финансировании, которое напрямую влияет на объем и качество медицинской помощи.
- В регионах разные подходы к распределению средств ОМС (статья 18 ФЗ-326), что отражается на практике и вызывает неоднородность в толковании стандартов.
- Следует рассматривать эту проблему как комплексную: законодательство в части регулирования финансирования и практическое толкование обеих сторон (страхователей и медучреждений).

Для повышения эффективности толкования норм публичного права в системе ОМС целесообразно реализовать следующие меры:

Укрепление нормативной основы: детальная разработка и унификация правовых норм, устранение двойственности и неопределенности формулировок.

Развитие судебного опыта: регуляризация и распространение обобщающих материалов по наиболее важным случаям рассмотрения дел в области ОМС, способствующих формированию стабильной и предсказуемой судебной практики.

Профессиональное обучение и подготовка: углубленная переподготовка сотрудников сферы здравоохранения и правоприменительных структур, направленная на повышение компетентности в вопросах соблюдения норм права.

Цифровая трансформация процессов: активное использование современных информационных технологий для автоматизированного анализа и контроля применения норм права, позволяющее повысить прозрачность и объективность принятия решений.

Привлечение общественности: создание прозрачных механизмов учета мнения представителей гражданского общества и профессиональных ассоциаций, направленных на оптимизацию законодательства и правоприменительной практики[6, с. 10].

Таким образом, актуальные направления толкования норм публичного права в контексте обязательного медицинского страхования нацелены на достижение большей определенности и точности в правоприменительном процессе. В ситуации постоянного обновления нормативной базы и наличия неоднозначных формулировок особую значимость приобретают методы, позволяющие обеспечить устойчивость и предвидимость правоприменения. Детализация прав и обязанностей участников системы, а также рост уровня правовой грамотности обеспечивают уменьшение разночтений и укрепление уверенности граждан в надежности механизма ОМС. Следовательно, постоянное совершенствование способов толкования правовых норм служит необходимым условием эффективной работы обязательного медицинского страхования и гарантией равноправного доступа каждого гражданина к необходимой медицинской помощи.

Список литературы

1. Герасимова, Е.Н. Организация и экономика здравоохранения / Е.Н. Герасимова // Московский экономический журнал. Право, 2017.-494 с.
2. Перепелкина, Д.Ю. Медицинское страхование и защита прав пациентов / Д.Ю. Перепелкина // Учебник для вузов, 2020. – 186 с.
3. Решетников, А.В. Экономика здравоохранения / А.В. Решетников // Учебник для вузов, 2026. – 316 с.
4. Кравченко, В.В. Права человека международные и национальные аспекты / В.В. Кравченко // Учебник для вузов, 2020.-210с.
5. Ярных, Э.М. Государственное регулирование охраны здоровья граждан / Э.М. Ярных // Молодой ученый, 2025.-217с.
6. Якушин, А.А. Правовые основы системы обязательного медицинского страхования / А.А. Якушин // Ростовский экономический журнал, 2019.-30 с.

ПОДСЕКЦИЯ 8.2. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗЕМЕЛЬНОГО, ЭКОЛОГИЧЕСКОГО, ПРИРОДОРЕСУРСНОГО И ТРУДОВОГО ПРАВА И ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

УДК 349.4

ПУБЛИЧНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ НОРМ

Барабаш Вероника Сергеевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

barabash462@gmail.com

Научный руководитель: Пономарева Валерия Владимировна, доктор юридических наук, профессор

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

valery_e378he@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются актуальные проблемы правоприменения в сфере публичной ответственности за нарушения земельного законодательства. Отмечается, что, несмотря на формальное закрепление составов правонарушений в КоАП РФ и УК РФ, судебная и административная практика сталкивается с серьезными сложностями, вызванными бланкетным характером норм и рассогласованностью понятийного аппарата земельного и деликатного права. Выявляются ключевые проблемы толкования: определение момента окончания длящихся правонарушений, квалификация нецелевого использования земель и применение принципа платности землепользования при незаконных отказах органов власти. Обосновывается необходимость унификации терминологии и предлагает пути совершенствования правоприменительной практики.

Ключевые слова: земельное правонарушение, административная ответственность, публичная ответственность, нецелевое использование земли, самовольное занятие участка, длящееся правонарушение, судебное толкование

Земельное законодательство является одной из наиболее сложных отраслей российского права. Это связано с особенностями природы объектов земельных правоотношений, многообразием форм собственности на землю и разнообразием видов нарушений, допускаемых субъектами земельных отношений. Одним из ключевых аспектов эффективного функционирования системы охраны правопорядка в сфере землепользования является правильное понимание и применение правовых норм, устанавливающих меры публично-правовой ответственности за нарушения земельного законодательства. Однако эффективность применения мер публичной ответственности напрямую зависит от единообразия толкования правовых норм. Как справедливо отмечают исследователи, в настоящее время наблюдается терминологическая несогласованность между положениями земельного и административного законодательства, что приводит к сложностям в право применении. Целью настоящей статьи является выявление основных проблем толкования норм о публичной ответственности за земельные правонарушения и анализ подходов к их разрешению, сформированных в новейшей судебной практике.

В науке земельного права традиционно выделяют четыре вида ответственности: уголовную, административную, дисциплинарную и материальную. Однако, как указывается в современной литературе, гражданско-правовая ответственность зачастую необоснованно отождествляется с материальной, хотя их природа и основания применения различны [1]. Под публичной ответственностью традиционно понимают установленную государством

обязанность лица претерпеть неблагоприятные последствия вследствие совершения правонарушения против охраняемых законом общественных интересов. Согласно действующему законодательству Российской Федерации основными видами публичной ответственности являются административная и уголовная ответственность [2]. Административная ответственность наступает за совершение административных проступков, предусмотренных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, тогда как уголовная ответственность применяется в случаях особо тяжких нарушений законов, предусматривающих уголовную санкцию [3]. Публичная ответственность обладает специфическим субъектным составом: субъектами ответственности выступают физические, должностные и юридические лица, а субъектами привлечения к ответственности – органы государства, наделенные юрисдикционными полномочиями. Квалификация земельных правонарушений осложняется тем, что составы, предусмотренные главой 7 КоАП РФ и статьей 170 УК РФ, являются бланкетными, то есть для установления факта правонарушения необходимо обращение к нормам земельного, гражданского и градостроительного законодательства.

Одной из наиболее дискуссионных проблем является квалификация момента окончания земельного правонарушения. Правонарушения, как самовольное занятие земельного участка (ст. 7.1 КоАП РФ) или использование земель не по целевому назначению (ст. 8.8 КоАП РФ), относятся к категории длящихся. Проблема толкования заключается в определении начального момента течения срока давности привлечения к ответственности. В правоприменительной практике длительное время существовал подход, согласно которому срок давности исчисляется с момента обнаружения правонарушения. Однако Верховный Суд РФ в своих определениях неоднократно подчеркивал, что по длящимся правонарушениям срок давности начинает течь со дня, следующего за последним днем периода, предоставленного для исполнения соответствующей обязанности, либо со дня совершения правонарушения, если обязанность не была установлена [4].

Наиболее частым нарушением в сфере земельных отношений является использование земельных участков не по целевому назначению (ст. 8.8 КоАП РФ). Как отмечают М. Вербицкая и Т. Светличная, законодательство об административных правонарушениях «не поспевает» за изменениями, вносимыми в земельное законодательство [5]. Основная проблема толкования связана с понятием «разрешенное использование». Земельный кодекс и Федеральный закон «О введении в действие Градостроительного кодекса РФ» допускают возможность изменения одного вида разрешенного использования на другой при определенных условиях. На практике возникают споры: образует ли объективную сторону правонарушения использование участка в соответствии с основным видом разрешенного использования, но с нарушением установленных градостроительным регламентом ограничений? Суды приходят к выводу, что для привлечения к ответственности необходимо установить не просто формальное несоответствие записи в ЕГРН, а факт нарушения режима использования территории.

Отдельного внимания заслуживает проблема толкования норм об ответственности в тех случаях, когда нарушение прав землепользователя допущено самими органами публичной власти. В Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (2025) рассмотрен показательный случай, где орган местного самоуправления незаконно отказал гражданину в предоставлении участка в собственность, продолжая при этом взыскивать арендную плату по повышенным ставкам. Верховный Суд РФ сформулировал важную правовую позицию: начисление арендной платы с момента нарушения органом власти права на выкуп является неправомерным. При нарушении права гражданина на получение участка в собственность, арендная плата не подлежит взысканию в части, превышающей размер земельного налога. Данное толкование основано на принципе платности использования земли (подп. 7 п. 1 ст. 1 ЗК РФ) и недопустимости извлечения выгоды из незаконного поведения самим публичным органом. [6]

Сложной проблемой является разграничение административной ответственности и гражданско-правовой реституции (возврата земельного участка) в случаях, когда правонарушение связано с незаконным выбытием имущества из публичной собственности. В Определении Верховного Суда РФ от 8 июля 2025 г. № 38-КГ25-1-К1 рассматривалась ситуация

истребования земельного участка, выбывшего из владения государства в результате мошеннических действий [6]. В данном контексте важно толкование момента, с которого собственник (публично-правовое образование) узнал о нарушении своего права. Суд указал, что исчисление срока исковой давности не может быть поставлено в зависимость от совершения процессуальных действий по уголовному делу; определяющее значение имеет момент, когда уполномоченный орган реально обнаружил нарушение. Это разграничивает момент для публичного преследования правонарушителя и момент для защиты вещного права (гражданско-правовая ответственность). Публичное преследование и защита вещного права имеют разные цели и сроки, и их не следует смешивать.

Анализ действующего законодательства позволяет выявить ряд направлений улучшения механизмов привлечения к ответственности нарушителей земельного законодательства. Среди основных предложений выделяются усиление контрольных функций органов власти, повышение качества проверок соблюдения земельного законодательства, развитие института судебного обжалования решений уполномоченных органов. Важнейшей задачей остается разработка единообразных подходов к оценке обстоятельств дела, устранение противоречивых определений и разъяснений нормативных актов.

Особое внимание заслуживает расширение полномочий правоохранительных органов по привлечению к ответственности юридических лиц, совершающих массовые и серьезные нарушения земельного законодательства. Так, введение специальной нормы о коллективной ответственности организаций могло бы существенно повысить уровень законности и дисциплины в сфере землепользования.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о наличии устойчивых проблем толкования норм о публичной ответственности за нарушение земельного законодательства. Основные противоречия вызваны несовершенством юридической техники, бланкетным характером норм и отсутствием единого понятийного аппарата в земельном и административном законодательстве. Судебная практика, в особенности разъяснения Верховного Суда РФ 2024–2025 годов, идет по пути функционального толкования: приоритет отдается не формальному составу правонарушения, а существу нарушенного правоотношения и принципам земельного права (единства судьбы участка и объекта, платности землепользования, сочетания публичных и частных интересов). Перспективным направлением совершенствования правового регулирования является унификация терминологии в КоАП РФ и ЗК РФ, а также законодательное закрепление критериев разграничения административной и гражданско-правовой ответственности публичных образований за действия (бездействие) их органов.

Список литературы

1. Зиновьева В. В. Проблемы административной ответственности за правонарушения в области использования, управления и охраны земель в Российской Федерации / В. В. Зиновьева // Административное право и процесс. – 2022. – № 2. – С. 45–50.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ: [принят Гос. Думой 20 декабря 2001 г.: одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 г.]: (ред. от 3 марта 2026 г.) СПС «Гарант». – Ст. 2.1 - Текст: электронный // URL: <https://base.garant.ru/57747929/b5dae26bebf2908c0e8dd3b8a66868fe/>.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: [принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г.]: (ред. от 20 февраля 2026г.) СПС «Гарант». – Ст. 14. - Текст: электронный // URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/10108000/paragraph/147:0>
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2025): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.12.2025 - Текст: электронный // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413242330/> СПС «Гарант».
5. Вербицкая, М. Нецелевое использование земли: некоторые проблемы административной ответственности / М. Вербицкая, Т. Светличная // Гуманитарные и юридические исследования. – 2021. – № 2. – С. 150–156.
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 8 июля 2025 г. № 38-КГ25-1-К1 - Текст: электронный // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412339492/> СПС «Гарант».

ПРАВА ГРАЖДАН В ОБЛАСТИ ЖКХ

Басенцян Мэри Гагиковна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

meri-basentsyan@mail.ru

Научный руководитель: Трофимова Инесса Борисовна, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

Аннотация. В данной статье рассматриваются актуальные вопросы реализации и защиты прав граждан в сфере жилищно-коммунального хозяйства, представляющей одну из наиболее значимых и проблемных областей для современного российского общества. Исследование направлено на анализ нормативно-правовой базы, регулирующей статус граждан как потребителей коммунальных услуг и собственников жилья.

Ключевые слова: жилищные права граждан, жилищное право, социальное право, ЖКХ, социальные гарантии

Социальное право - самостоятельная отрасль права, совокупность норм которой регулирует отношения по материальному обеспечению граждан из государственных и внебюджетных фондов при наступлении определенных социально значимых обстоятельств.

Некоторые ученые понимают жилищное право как совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, возникающие по поводу реализации права граждан на жилище, его использования, содержания и управления жилищным фондом.

На сегодняшний день одна из самых болезненных для наших сограждан тем актуальна, так как сфера ЖКХ касается каждого гражданина, а количество споров по качеству услуг и начислениям в квитанциях остается стабильно высоким.

Мы попытаемся провести анализ нормативно-правовой базы, регулирующей права граждан как потребителей коммунальных услуг и собственников жилья; выявление наиболее эффективных способов защиты прав граждан при ненадлежащем оказании услуг ЖКХ и разработка рекомендаций по их реализации; повышение уровня правовой грамотности граждан в вопросах взаимодействия с управляющими организациями.

Проанализировав нормы Жилищного кодекса РФ, закона «О защите прав потребителей» и Постановления Правительства № 354; выделив и систематизировав основные права граждан, возможно прийти к следующим умозаключениям

В системе конституционного права Российской Федерации право на жилище (ст. 40 Конституции РФ) не ограничивается лишь физическим наличием четырех стен. Современная конституционно-правовая доктрина рассматривает это право расширительно: как право на достойное проживание в условиях, отвечающих стандартам безопасности, гигиены и комфорта.

Сфера ЖКХ является материальной базой для реализации сразу нескольких конституционных прав:

Принцип социального государства, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь (ст. 7 Конституции РФ)

Право на охрану здоровья и благоприятную среду обитания (некачественная вода или отсутствие тепла напрямую угрожают здоровью) (ст. 41 Конституции РФ)

Право на благоприятную окружающую среду. (ст. 42 Конституции РФ)

В контексте конституционного права предоставление коммунальных услуг – это не просто коммерческая сделка между потребителем и поставщиком. Поскольку услуги ЖКХ связаны с обеспечением жизнедеятельности (вода, тепло, свет), государство несет позитивное обязательство по созданию эффективного механизма их предоставления.

Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал (например в Постановлении от 10.07.2018 № 30-П), что регулирование в сфере ЖКХ должно обеспечивать баланс интересов: с одной стороны – рыночные интересы поставщиков ресурсов, с другой – право граждан на доступность этих ресурсов. Чрезмерный рост тарифов без адекватных социальных гарантий может быть расценен как нарушение конституционного принципа справедливости и соразмерности (ст. 55).

Правовой статус гражданина можно толковать двояко.

Во-первых, Гражданин как потребитель: Здесь вступает в силу принцип защиты слабой стороны в правоотношениях. Конституция гарантирует судебную защиту прав (ст. 46), а Закон «О защите прав потребителей» конкретизирует это в виде права на информацию, качество и безопасность услуг.

Во-вторых, Гражданин как ответственный собственник: Ст. 35 Конституции РФ (право частной собственности) налагает на гражданина бремя содержания своего имущества. Конфликт между «правом на доступные услуги» и «обязанностью содержать сложную инфраструктуру дома» является центральным в современных правовых спорах.

Необходимо перечислить некоторые права граждан:

1. Право на получение услуг надлежащего качества

Это базовое право, согласно которому коммунальные ресурсы должны поставляться бесперебойно и соответствовать техническим регламентам:

Отопление: Температура в жилых помещениях должна быть не ниже +18°C

Горячая вода: Температура должна быть в пределах 60–75°C.

Холодная вода и электричество: Должны подаваться круглосуточно.

Содержание дома: Управляющая компания (УК) обязана обеспечивать чистоту в подъездах, исправность лифтов, освещение придомовой территории и своевременный вывоз мусора.

2. Право на перерасчет и снижение платы

Если услуги не оказывались или были некачественными, гражданин имеет право платить меньше:

За перерывы: За каждый час превышения допустимого перерыва в подаче ресурса плата снижается на 0,15%.

За некачественную услугу: Если вода ржавая или холодная, плата может быть снижена вплоть до полного освобождения от нее за этот период.

За временное отсутствие: Если в квартире не установлены счетчики, при отсутствии жильца более 5 дней он имеет право на перерасчет

3. Право на полную и достоверную информацию

Гражданин имеет право знать, за что он платит и как управляют его домом:

О тарифах: Исполнитель обязан предоставить расчеты и основания изменения цен на услуги.

О выполненных работах: Раз в год УК обязана представлять отчет о выполнении договора управления (обычно в течение первого квартала).

О показаниях приборов учета: Жилец имеет право проверять правильность снятия показаний общедомовых счетчиков.

4. Право на социальную поддержку

Конституционный принцип социального государства реализуется через:

Субсидии: Если расходы на ЖКХ превышают определенный процент от дохода семьи (в среднем по РФ – 22%, в Москве – 10%), государство обязано выплатить субсидию.

Льготы: Ветераны, инвалиды, многодетные семьи и другие категории имеют право на скидки при оплате жилья и коммунальных услуг.

5. Право на судебную и административную защиту

В случае нарушения прав гражданин может:

Обратиться в ГЖИ: Это главный надзорный орган, который может оштрафовать УК или выдать предписание на устранение брака.

Подать иск в суд: На основании Закона «О защите прав потребителей». При этом истец освобождается от уплаты госпошлины, а также может требовать штраф в размере 50% от присужденной суммы за отказ УК решить вопрос мирно.

Таким образом, можно сделать общий вывод о том, что защита прав граждан в ЖКХ – это не только борьба с УК, но и ответственность собственника. Эффективность системы возможна только при сочетании строгого государственного надзора и активного контроля со стороны самих жильцов. Использование современных цифровых инструментов и знание норм Постановления № 354 являются главными инструментами современного гражданина.

Список литературы

1. Авакьян, С. А. Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь/ С. А. Авакьян // М.: Юстицинформ, 2015. С. 590
2. Борисов, А.Б. Большой Юридический Словарь / А.Б. Борисов // М.: Книжный мир, 2010-848с.
3. Жилищный кодекс РФ – Текст: электронный // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/?ysclid=mm2b4elv2d957159583(дата обращения 05.03.2026).
4. Авакьян, С.А. Конституционное право / С.А. Авакьян // 2014 – Текст: электронный // URL: <https://go.11klasov.net/9918-konstitucionnoe-pravo-rossii-v-2-tomah-avakjan-sa.html> (дата обращения 05.03.2026).
5. Постановление Правительства РФ №354 – Текст: электронный // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_114247/?ysclid=mm2b7y5zjn18589480
6. Конституция РФ – Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс»

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ПОД ЗАХОРОНЕНИЯ

Бойко Андрей Валерьевич, магистр

Московский Государственный университет геодезии и картографии, Москва, Россия

Andrey-Boyko-2000@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены правоприменительные аспекты реализации права человека на распоряжение своим телом после смерти и выбора места захоронения. Проведен анализ норм действующего российского законодательства о похоронном деле, рассмотрена проблема отсутствия законодательно закрепленного права граждан по получению в собственность земельного участка на кладбище, проанализирована судебная практика, внесены предложения по совершенствованию Земельного кодекса и Федерального закона «О похоронном деле в Российской Федерации».

Ключевые слова: права человека, похоронное дело, правовой режим земель кладбищ, закон, статус кладбищ

Человеческая жизнь – уникальная ценность, поэтому волеизъявление лица о его захоронении в выбранном им при жизни месте захоронения должно быть правом каждого человека. Статья 5 Федерального закона № 8 «О погребении и похоронном деле» гарантирует исполнение волеизъявления умершего. [1]

Права человека, гражданина охраняются законом и должны исключать возможное неправомерное поведение родственников и иных лиц, направленных на удовлетворение их собственных интересов. Закон подтверждает и закрепляет вытекающие из самой природы человека возможности пользоваться элементарными, наиболее важными благами в условиях безопасного, свободного существования личности в обществе даже после его смерти. Право любого человека заявить о согласии или несогласии быть подвергнутым патологоанатомическому вскрытию, быть погребенным на том или ином месте, по тем или иным обычаям или традициям, рядом с теми или иными ранее умершими, и доверить исполнить свое волеизъявление тому или иному лицу, даже если оно не является его близким родственником. [1]

За последние десятилетия внимание к похоронной отрасли уменьшилось, что привело к снижению государственного и муниципального регулирования данной сферы, и негативно сказалось на правовой защищенности граждан.

А.П. Анисимов в научной статье «Правовой режим земель кладбищ в контексте прав человека» обращает внимание: «В современный период права человека понимаются как обще социальное понятие, отражающее национальные, общечеловеческие требования и стандарты в области свободы личности». [2]

Возникает вопрос, всегда ли волеизъявление человека будет исполнено после его кончины?

Согласно части 2 статьи 15 Федерального закона № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле», земли кладбищ являются федеральной или муниципальной собственностью, как и могилы, которые находятся на этих кладбищах. [1] Поэтому следуя законодательству, оформить завещание на могилу, продать или подарить ее невозможно, так как участок земли, на котором произведено захоронение, не является частной собственностью ответственного за захоронение. То есть в настоящее время отсутствует возможность оформить земельный участок на кладбище в частную собственность, так как это не предусмотрено земельным законодательством, даже в случае родственных или семейных (родовых) захоронений [3]. Даже ответственность за могилу не гарантирует человеку посмертное право быть захороненным в ней. Не имея возможности оформить место

захоронения в собственность человек фактически лишается права на последнее волеизъявление и полагается только на порядочность родственников и администрацию кладбища.

В Постановлении N 260-ПП «О состоянии и мерах по улучшению похоронного обслуживания в городе Москве» подробно описан механизм предоставления участков на кладбище, порядок проведения похорон, но никак не определено понятие собственности на место на кладбище. [4] А процедура перерегистрации захоронения на другое лицо на городских кладбищах возможна только с согласия лица, ответственного за захоронение, и рассматривается в каждом отдельном случае ГБУ «Ритуал» через администрацию городских кладбищ, то есть отсутствует закрепленный законодательством регламент оборота земельных участков на кладбище.

В процедурах разграничения государственной собственности, описанных в части 3.1 Земельного кодекса Российской Федерации вопрос о собственности участков на кладбище не прописан. В пункте 4 статьи 27 Земельного кодекса РФ сказано лишь, что участки, занятые под воинские и гражданские захоронения изъяты из оборота и находятся в федеральной собственности. [5]

Н.А. Аксенов в научной статье обращает внимание, что несовершенство законодательного регулирования правового режима земель, занятых захоронениями, позволяет предположить, что такие понятия как «земли захоронений», «места погребения», «кладбище» являются тождественными. [6] Однако указанное предположение не соответствует действительности. Понятие «земли захоронений» значительно шире, чем понятия «места погребения» и «кладбище», поскольку включает также мемориальные или историко-культурные объекты, не предназначенные для погребения или хранения праха умерших, но непосредственно связанные с захоронениями и имеющие особую историческую ценность.

Интересна судебная практика о прекращении права ответственного за захоронение и возложении обязанности перерегистрации ответственности за захоронение. Например, в деле № 8Г-6508/2023 (88–9244/2023) Первый кассационный суд общей юрисдикции города Саратова оставил без изменения решение Свердловского районного суда г. Белгорода от 26 июля 2023 года и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Белгородского областного суда от 25 октября 2022 года [7]. Суд апелляционной инстанции отметил, что осуществление надлежащего ухода за могилой, не может повлечь отмену решения суда о перерегистрации ответственности за захоронение, поскольку основанием для удовлетворения требований истца о прекращении права за захоронение являлось не нарушение ответчиком обязательств лица, ответственного за захоронение, а приоритет прав истца, являющейся близким родственником умершей над правами ответчика, не являющимся родственником. Судебная коллегия по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции нашла изложенные в обжалуемых судебных актах выводы основанными на правильном применении норм материального и процессуального права, на установленных по делу обстоятельствах, имеющих значение для разрешения возникшего между сторонами спора. То есть именно близкое родство, а не осуществление надлежащего ухода за захоронением с 1998 по 2022 годы является для суда определяющим фактором. Но ведь бывают разные ситуации и зачастую посторонний по документам человек оказывается в течение жизни, да и после смерти ближе и ответственнее, чем юридически значимые родственники.

Поэтому вопрос специфического правового статуса мест захоронений в российском законодательстве остается очень острым, до сих пор не определен этический фундамент для создания нормативно-правовых актов, регулирующих этот вопрос [8]. Давно назрела необходимость принять закон, который бы регламентировал статус кладбищ, а также прописал механизм безвозмездной приватизации или выкупа мест захоронений для личных нужд граждан с правом гарантированного захоронения собственника на личном земельном

участке, а также наследования, дарения и других действий аналогичным недвижимому имуществу.

Несомненно, проблема прав умерших и правового статуса мест погребения должна найти свое отражение в Земельном кодексе, а также в разработке и утверждении поправок к Федеральному закону «О похоронном деле в Российской Федерации». У человека при жизни должно быть законодательно закрепленное право купить или получить в собственность место для захоронения и уверенность, что после кончины его права будут защищены, а последняя воля исполнена.

Список литературы

1. Федеральный закон от 12 января 1996 года №8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. №3. Ст. 146.

2. Анисимов, А. П. Правовой режим земель кладбищ в контексте прав человека / А. П. Анисимов, К. С. Левашкина // Аграрное и земельное право. – 2015. – № 5(125). – С. 39-46.

3. Жилин, М. С. Правовое регулирование повторного использования места захоронения на региональных и муниципальных кладбищах / М. С. Жилин // Материалы 54-й Международной научной студенческой конференции МНСК-2016: Государство и право, Новосибирск, 16–20 апреля 2016 года / Научный руководитель И.А. Кравец. – Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2016. – С. 59-60.

4. Постановление Правительства Москвы от [дата принятия] №260-ПП «О состоянии и мерах по улучшению похоронного обслуживания в городе Москве» - Текст: электронный // Официальный сайт мэра и правительства Москвы. – URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/13456220/?ysclid=mldp4dr5oj998531331> (дата обращения: 01.02.2026).

5. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 года №136-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025) - Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/?ysclid=mldp92xySr788868109 (дата обращения: 08.02.2026).

5. Аксенов, Н. А. Нормативно-правовое регулирование оборота земельных участков, занятых гражданскими и военными захоронениями / Н. А. Аксенов, Д. О. Волобуев // Структурные преобразования экономики территорий: в поиске социального и экономического равновесия: Сборник научных статей 3-й Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х томах, Курск, 12–13 марта 2020 года. Том 1. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2020. – С. 7-14.

6. Судебные решения РФ: информационная система судебных актов - Текст: электронный / ООО «Право.ру». – Москва, 2025 // URL: <https://судебныерешения.рф/74335759?ysclid=mljdkd97cb149685280> (дата обращения: 08.02.2026).

7. Парыгина, П. В. К вопросу о правовом регулировании цифровизации кладбищ / П. В. Парыгина // Law Afterknown: право за гранью обыденного: материалы III Международного молодежного юридического форума, Тюмень, 16–18 мая 2024 года. – Тюмень: ТюмГУ-Press, 2024. – С. 316-321.

МОРАЛЬНЫЙ ВРЕД В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ПРОБЛЕМА ДОКАЗЫВАНИЯ И РАЗМЕР КОМПЕНСАЦИИ

Буханистова Анна Алексеевна, студентка

Международный юридический институт (Тульский филиал), Тула, Россия

a.bukhanistova2016@yandex.ru

Научный руководитель: Михалева Наталия Владимировна, старший преподаватель

Международный юридический институт (Тульский филиал), Тула, Россия

viisaspollo@yandex.ru

Аннотация. В настоящей работе рассматриваются как теоретические, так и практические сложности, связанные с компенсацией морального вреда, который причинен работникам в результате неправомерных действий работодателя. Особое внимание уделяется трудностям в определении нравственных и физических страданий, а также отсутствию единых стандартов для определения размера компенсации в судах. Анализ действующего законодательства, разъяснений Верховного Суда РФ и судебной практики позволяет выявить основные закономерности и предложить меры по улучшению правового регулирования в данной сфере.

Ключевые слова: моральный вред, трудовые отношения, работник, работодатель, доказывание, судебная практика, размер компенсации

Наблюдаемый рост числа трудовых споров, где работники требуют возмещения морального вреда, делает данный вопрос особенно актуальным. Это подтверждается данными Судебного департамента Верховного Суда РФ: иски о компенсации морального вреда все чаще выдвигаются с такими требованиями как восстановление на должности, выплата задолженности по заработной плате или оспаривание дисциплинарных взысканий. Несмотря на то, что вопросы компенсации морального вреда регулируются статьями 151, 1099-1101 Гражданского кодекса РФ и статьей 237 Трудового кодекса РФ, на практике сохраняется ряд нерешенных проблем. Ключевыми из них являются сложность доказывания факта причинения страданий и отсутствие объективных критериев для оценки моральных страданий и, как следствие, существенная вариативность в размерах присуждаемых компенсаций, что приводит к назначению символических сумм, которые не способны выполнить компенсационную функцию.

Институт морального вреда закреплен в статье 151 Гражданского кодекса РФ и трактуется как физические или нравственные страдания, вызванные действиями, нарушающими личные неимущественные права гражданина или затрагивающими связанные с ними нематериальные блага [1]. При этом в гражданских правоотношениях моральный вред возникает исключительно в результате посягательства на неимущественные права. Однако в сфере трудовых отношений это понятие получает более широкое толкование, приобретая характерные особенности. Согласно статье 237 Трудового кодекса РФ, работник вправе потребовать возмещения морального вреда, причиненного любыми противоправными действиями или бездействием работодателя, если такие нарушения затрагивают его трудовые права и касаются как нематериальных, так и имущественных интересов [2]. Верховный Суд РФ выделяет наиболее распространенные случаи такого поведения со стороны работодателя – незаконное увольнение или перевод на иную должность, необоснованное применение дисциплинарных мер, задержка или неполная выплата заработной платы. Ключевым аспектом является то, что для реализации права на компенсацию достаточно доказать факт нарушения трудовых прав, приведший к нравственным страданиям. При этом вину работодателя признают установленной, хотя на

практике судебные органы зачастую требуют представления подтверждений факта испытываемых страданий.

Отсутствие в действующем законодательстве исчерпывающего перечня доказательств, которые служат основанием для признания морального вреда, порождает трудности в процессе его доказывания. Работник несет бремя доказывания трех, ключевых элементов: противоправности действия или бездействия работодателя, факта причинения морального вреда, а также наличия причинной связи между двумя этими элементами. Работник, в свою очередь, вправе опровергать как факт своей вины, так и факт причинения вреда как такового. Именно процесс доказывания второго элемента, наличия морального вреда является, пожалуй, самым сложным этапом в судебном разбирательстве. Трудности вызваны нематериальной сущностью страданий, которые невозможно измерить, и работнику приходится описывать свои внутренние переживания, что само по себе сложно. На практике работники используют такие доказательства как: справки, больничные листы и иные медицинские документы, которые подтверждают, например, обострение хронических заболеваний, развитие депрессии или бессонницы вследствие перенесенного стресса после незаконного увольнения; показания коллег, членов семьи, которые могут подтвердить изменения в поведении, настроении, ухудшение самочувствия работника. Однако, стоит отметить, что многие работники не обращаются за врачебной помощью по поводу стресса на рабочем месте, а суды, в свою очередь, относятся с сомнением на «нравственные страдания», если они не сопровождаются документально подтвержденными «физическими», последствиями.

Размер компенсации по статье 237 Трудового кодекса РФ первоначально определяется соглашением между сторонами, однако при наличии разногласий решение принимается судом. Законодательство не устанавливает ни верхних, ни нижних пределов для выплаты, равно как и не регламентирует конкретные методики расчета. Ориентиром при определении суммы выступают критерии, закрепленные в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ №33 от 15 ноября 2022 года: уровень морального страдания, степень вины правонарушителя, требования разумности и справедливости, а также персональные характеристики лица, пострадавшего от действий работодателя [3]. Из-за отсутствия четких правил, размер определяется исключительно мнением судьи, что приводит к сильному разбросу в размерах выплат – от незначительных до весьма крупных сумм в несколько сотен тысяч рублей. Этот подход часто называют «символическим», так как присуждаемые суммы порой не способны выполнить ни функции реального возмещения ущерба, ни функции эффективного наказания нарушителя.

Вопрос о разработке единых подходов к определению размера компенсаций является довольно обсуждаемым. Для повышения объективности и результативности системы возмещения морального вреда в трудовых отношениях, на наш взгляд, требуются следующие решения:

1. Установление минимальной суммы компенсации. Это послужило бы формированию ориентиров для судов и обеспечило реальный, а не символический характер компенсации.

2. Разработка Верховным Судом РФ комплексных методических рекомендаций по оценке морального ущерба, содержащих конкретные критерии. В частности, судам рекомендуется принимать во внимание соотношение со среднемесячным заработком уровня дохода работника, а в особо сложных случаях – привлечение психологов для экспертной оценки перенесенных страданий.

3. Упрощение доказывания морального вреда путем установления правила презумпции его наступления. При наличии доказательств нарушения трудовых прав сотрудника, например, случаи дискриминации, то сам факт нанесения морального ущерба признается установленным, а доказывание отсутствия последствий возлагается на работодателя.

Таким образом, существующая система компенсации морального вреда в трудовых спорах, несмотря на свою значимость для защиты прав работников, имеет существенные трудности. Основными проблемами являются сложности с доказыванием степени нравственных страданий и чрезмерной свободой судей при назначении суммы. Для решения этих проблем целесообразно: обобщить судебную практику и разработать рекомендации по определению размера компенсации, возможно, установить минимальные и максимальные суммы при нарушении трудовых прав, а также упростить процедуру доказывания.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) - Текст: электронный // URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239&rdk=> (дата обращения: 04.03.2026).
2. Трудовой кодекс Российской Федерации: Кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 №197-ФЗ (ред. от 29.12.2025, с изм. от 06.02.2026) - Текст: электронный // URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102074279&rdk=> (дата обращения: 04.03.2026).
3. О практике применения судами норм о компенсации морального вреда: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 №33 - Текст: электронный // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431485 (дата обращения: 04.03.2026).
4. Шаронов, С.А. Трудовое право России: учебник для вузов / С.А.Шаронов, А.Я. Рыженков // Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 462 с. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт // URL: <https://urait.ru/bcode/582540> (дата обращения: 04.03.2026).

ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ РАБОТОДАТЕЛЕЙ В РФ

Вашлаева Кристина Евгеньевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

vaslaevakristina@gmail.com

Лаврешук Ксения Николаевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

Lavresukksenia99@gmail.com

Научный руководитель: Бородин Игорь Анатольевич, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

igorborodin.@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы регулирования деятельности работодателей в Российской Федерации в условиях трансформации рынка труда. Анализируются ключевые вызовы, связанные с дефицитом квалифицированных кадров, демографическими изменениями, цифровизацией экономики и развитием гибких форм занятости. Особое внимание уделяется институциональным ограничениям и противоречиям действующей системы правового и организационно-экономического регулирования, а также необходимости совершенствования механизмов социального партнерства и стимулирования инвестиций работодателей в человеческий капитал. Обосновывается вывод о комплексном характере выявленных проблем и необходимости модернизации нормативной среды с учетом долгосрочных тенденций развития российского рынка труда.

Ключевые слова: рынок труда, работодатели, государственное регулирование, трудовые отношения, кадровый дефицит, человеческий капитал, цифровизация, социальное партнерство, занятость, трудовое законодательство

Введение. Современный этап развития экономики Российской Федерации характеризуется существенными трансформациями рынка труда, обусловленными цифровизацией, демографическими изменениями, структурной перестройкой экономики и усилением внешнеэкономических ограничений. В этих условиях особую актуальность приобретает проблема совершенствования регулирования деятельности работодателей, поскольку именно они выступают ключевыми субъектами формирования спроса на труд и определяют параметры занятости, оплаты и условий труда. Исследования современных тенденций рынка труда указывают на нарастание дисбалансов между спросом и предложением рабочей силы, изменение профессионально-квалификационной структуры занятости и усиление конкуренции за человеческий капитал [1, с. 23], требует адекватной адаптации правовых и организационно-экономических механизмов регулирования работодателей к новым реалиям.

Дополнительным фактором усложнения регулирования выступают глобальные вызовы воспроизводства человеческого потенциала, включая демографическое старение, миграционные процессы и трансформацию ценностных ориентиров трудовой деятельности. Российская специфика данных процессов проявляется в неравномерности регионального развития, снижении численности экономически активного населения и росте потребности в высококвалифицированных кадрах [2, с. 44]. В условиях кадрового дефицита работодатели сталкиваются с необходимостью пересмотра стратегий привлечения и удержания персонала, однако действующие механизмы государственного регулирования не всегда обеспечивают баланс интересов бизнеса и работников. Анализ причин и последствий дефицита специалистов подтверждает, что проблема носит системный характер и затрагивает как экономические, так и правовые аспекты функционирования организаций [3, с. 448; 5, с. 37].

Наряду с этим трансформация рынка труда сопровождается появлением новых форм занятости, развитием дистанционной работы, платформенной экономики и гибких трудовых отношений, что ставит перед государством задачу модернизации нормативно-правовой базы и инструментов контроля за деятельностью работодателей. Современные исследования подчеркивают наличие ключевых барьеров и институциональных ограничений, препятствующих эффективному регулированию рынка труда и обеспечению устойчивого социально-экономического развития [4]. Таким образом, проблема регулирования работодателей в Российской Федерации приобретает комплексный характер и требует научного осмысления с учетом экономических, социальных и правовых факторов, что и определяет актуальность настоящего исследования.

Проблематика регулирования деятельности работодателей в Российской Федерации непосредственно связана с общей трансформацией социально-экономических отношений и изменением структуры занятости. В условиях структурной перестройки экономики усиливается роль работодателя как ключевого института, формирующего параметры спроса на труд, уровень заработной платы и условия занятости. При этом, как отмечают исследователи, российский рынок труда характеризуется высокой степенью адаптивности, но одновременно – нестабильностью и неравномерностью развития по отраслям и регионам [1, с. 24], создает дополнительные вызовы для нормативного регулирования, требующего учета отраслевой и территориальной специфики.

Одной из центральных проблем является дефицит квалифицированных кадров, который оказывает прямое влияние на поведение работодателей. В условиях нехватки специалистов организации вынуждены усиливать конкуренцию за трудовые ресурсы, повышать издержки на подбор и обучение персонала, пересматривать кадровую политику [3, с. 450]. Однако действующая система регулирования не всегда стимулирует работодателей к долгосрочным инвестициям в человеческий капитал, что приводит к преобладанию краткосрочных стратегий и усилению текучести кадров.

Существенным фактором, влияющим на характер регулирования, выступает демографическая динамика. Снижение численности трудоспособного населения и старение кадрового состава обостряют проблему воспроизводства человеческого потенциала [2, с. 47]. Работодатели сталкиваются с необходимостью адаптации рабочих мест к потребностям старших возрастных групп, внедрения программ наставничества и переквалификации, однако нормативные механизмы поддержки подобных инициатив остаются недостаточно системными.

Дополнительную сложность создает дисбаланс между системой образования и потребностями работодателей. Несмотря на наличие государственных программ модернизации профессионального образования, сохраняется разрыв между компетенциями выпускников и требованиями бизнеса [1, с. 26], приводит к росту затрат работодателей на дополнительное обучение и снижает общую производительность труда, что, в свою очередь, требует совершенствования координации между государством, образовательными учреждениями и работодателями.

В условиях цифровизации экономики возрастает значение гибких форм занятости, дистанционной работы и платформенных моделей взаимодействия. Однако правовое регулирование данных форм занятости зачастую отстает от практики их применения, создает правовую неопределенность как для работодателей, так и для работников, увеличивает риски трудовых споров и снижает предсказуемость деловой среды [4]. Следовательно, требуется модернизация трудового законодательства с учетом новых форм организации труда.

Особого внимания заслуживает проблема региональной дифференциации рынка труда. В ряде субъектов Российской Федерации наблюдается острый дефицит кадров, тогда как в других сохраняется структурная безработица. Такая ситуация усложняет регулирование деятельности работодателей на федеральном уровне, поскольку универсальные меры не всегда учитывают региональную специфику [4]. Необходим более

гибкий механизм распределения полномочий между федеральными и региональными органами власти.

Наряду с этим сохраняется проблема неформальной занятости и теневых практик в сфере трудовых отношений. Работодатели, стремясь минимизировать издержки, иногда прибегают к использованию гражданско-правовых договоров вместо трудовых, что снижает уровень социальной защищенности работников. Подобные практики подрывают устойчивость системы социального страхования и требуют усиления контрольных и стимулирующих механизмов регулирования.

Существенным аспектом является также уровень оплаты труда. В условиях кадрового дефицита работодатели вынуждены повышать заработную плату для привлечения специалистов, что увеличивает нагрузку на бизнес, особенно в малом и среднем секторе [5, с. 39]. При этом чрезмерное административное давление может негативно сказаться на предпринимательской активности. Следовательно, регулирование должно обеспечивать баланс между защитой работников и сохранением экономической устойчивости работодателей.

Таблица 1 – Ключевые проблемы регулирования работодателей в РФ

Проблема	Проявление	Направление решения
Дефицит кадров	Нехватка квалифицированных специалистов	Стимулирование корпоративного обучения и переквалификации
Демографические изменения	Сокращение трудоспособного населения	Поддержка занятости старших возрастных групп
Развитие гибкой занятости	Рост дистанционной и платформенной работы	Обновление трудового законодательства
Региональные дисбалансы	Неравномерность занятости по субъектам РФ	Региональные программы поддержки рынка труда
Неформальная занятость	Использование гражданско-правовых договоров	Усиление контроля и легализация трудовых отношений

Проблема производительности труда также напрямую связана с деятельностью работодателей. Низкий уровень технологической модернизации и ограниченные инвестиции в инновации препятствуют росту эффективности использования трудовых ресурсов. В этих условиях государственная политика должна стимулировать работодателей к внедрению современных технологий и повышению квалификации персонала, что позволит снизить зависимость от экстенсивных факторов роста [1, с. 28].

Отдельного анализа требует вопрос социальной ответственности работодателей. В современных условиях возрастает общественный запрос на соблюдение стандартов достойного труда, прозрачности оплаты и равенства возможностей. Однако нормативное закрепление принципов корпоративной социальной ответственности остается фрагментарным, что ограничивает возможности комплексного регулирования в данной сфере.

Важным направлением является развитие механизмов социального партнерства. Коллективные договоры и соглашения способны стать эффективным инструментом согласования интересов работников и работодателей, однако их распространенность в Российской Федерации остается ограниченной. Усиление роли профсоюзов и развитие института переговоров может способствовать снижению конфликтности и повышению устойчивости трудовых отношений.

С учетом глобальных экономических изменений работодатели сталкиваются с необходимостью адаптации к санкционным ограничениям, изменению логистических цепочек и импортозамещению, процессы усиливают нагрузку на кадровую политику и требуют гибкости в управлении персоналом. При этом нормативная среда должна обеспечивать предсказуемость и поддержку стратегических отраслей экономики.

Не менее значимой является проблема миграционного регулирования. В условиях дефицита рабочей силы привлечение иностранных работников становится одним из инструментов компенсации нехватки кадров. Однако действующие процедуры оформления и контроля трудовой миграции нередко характеризуются бюрократической сложностью, что затрудняет деятельность работодателей и снижает эффективность использования трудовых ресурсов.

Регулирование деятельности работодателей в Российской Федерации осуществляется в условиях многоплановых вызовов, включая демографические, технологические и институциональные факторы. Анализ современных исследований подтверждает системный характер проблем рынка труда и необходимость комплексного подхода к их решению [2, с. 52; 3, с. 456]. Эффективное регулирование должно учитывать долгосрочные тенденции развития человеческого потенциала и стимулировать работодателей к инвестициям в устойчивое развитие.

В целом можно констатировать, что совершенствование механизмов регулирования работодателей является важнейшим условием обеспечения устойчивости рынка труда и социально-экономической стабильности страны. Только при условии гармоничного сочетания правовых, экономических и организационных инструментов возможно формирование сбалансированной системы трудовых отношений, отвечающей современным вызовам и стратегическим целям развития Российской Федерации.

Подводя итоги проведенного исследования, следует отметить, что проблемы регулирования работодателей в Российской Федерации носят комплексный и системный характер. Они обусловлены структурной трансформацией экономики, демографическими изменениями, дефицитом квалифицированных кадров и развитием новых форм занятости. Современные вызовы требуют пересмотра традиционных подходов к правовому и организационно-экономическому регулированию, усиления координации между государством, бизнесом и системой образования, а также формирования эффективных механизмов стимулирования работодателей к инвестициям в человеческий капитал. Без учета этих факторов невозможно обеспечить устойчивость рынка труда и сбалансированность интересов его участников.

Таким образом, совершенствование регулирования деятельности работодателей должно быть направлено на создание гибкой, адаптивной и предсказуемой нормативной среды, способной реагировать на долгосрочные социально-экономические тенденции. Необходим комплексный подход, сочетающий меры поддержки бизнеса, развитие институтов социального партнерства и повышение уровня социальной ответственности работодателей. Только при условии системной модернизации регулирования возможно формирование устойчивой модели трудовых отношений, способствующей развитию человеческого потенциала и укреплению экономической стабильности Российской Федерации.

Список литературы

1. Кожемяко, С.В., Алпатова, Э.С. Современные проблемы и перспективы развития рынка труда / С.В. Кожемяко, Э.С. Алпатова // Московский экономический журнал. 2023;3(8) С.512–527. - Текст: электронный // URL: https://doi.org/10.55186/2413046X_2023_8_3_139 (дата обращения: 02.03.2026).
2. Соболева, И.В., Чубарова, Т.В. Вызовы для воспроизводства человеческого потенциала: глобальные тренды и российская специфика / И.В. Соболева, Т.В. Чубарова // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023;5 С. 40-58. - Текст: электронный // URL: https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_5_40_58 (дата обращения: 02.03.2026).
3. Сафронова, С.Г., Шейхова, М.С. Дефицит кадров на современном рынке труда России: причины, тренды, пути преодоления / С.Г. Сафронова, М.С. Шейхова // Московский экономический журнал. 2024;6(9) С. 445-459. - Текст: электронный // URL: https://doi.org/10.55186/2413046X_2024_9_6_301. (дата обращения: 02.03.2026).
4. Леонова, Т. Н., Синеглазова, В. Ю. Рынок труда в Российской Федерации: трансформация, новые вызовы, ключевые барьеры и возможности / Т.Н. Леонова, В.Ю. Синеглазова // Вестник ГУУ. 2025. №3. - Текст: электронный // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rynok-truda-v-rossiyskoy-federatsii-transformatsiya-novye-vyzovy-klyuchevye-bariery-i-vozmozhnosti> (дата обращения: 02.03.2026).
5. Цомартова, М. Э., Волик, М. В. Последствия дефицита специалистов на рынке труда и вызовы 2024 года / М.Э. Цомартова, М.В. Волик // Дискуссия. 2024. №4 (125) - Текст: электронный // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/posledstviya-defitsita-spetsialistov-na-rynke-truda-i-vyzovy-2024-goda> (дата обращения: 02.03.2026).

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРЕРАБОТКИ ОТХОДОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Галкина Регина Ильвяревна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

regina.galkina.2004@inbox.ru

Научный руководитель: Трофимова Светлана Алексеевна, кандидат философских наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

Аннотация. Проблема утилизации отходов становится все более актуальной в условиях глобальных экологических вызовов и недостатка ресурсов. В России, как и в большинстве стран мира, объемы производства отходов растут, что создает необходимость в эффективных системах их переработки. В статье проводится сравнительный анализ подходов к переработке отходов в Российской Федерации и ряде зарубежных стран, с акцентом на теоретические и практические аспекты.

Ключевые слова: отходы производства, отходы потребления, переработка, зарубежный опыт, правовая регламентация, окружающая среда, здоровье человека

В России система управления отходами значительно отстает от мировых стандартов. По данным Росстата, в 2023 году в стране, без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике, Луганской Народной Республике, Запорожской и Херсонской областям было образовано более 9278.8 миллионов тонн отходов производства и потребления из которых утилизировано и переработано 3960.9 [1]. Проблемы в сфере переработки и утилизации отходов включают в себя недостаточную инфраструктуру, низкую мотивацию населения к раздельному сбору и недостаточную осведомленность хозяйственных субъектов о процедурах переработки.

Отходы производства и потребления (далее - отходы) - вещества или предметы, которые образованы в процессе производства, выполнения работ, оказания услуг или в процессе потребления, которые удаляются, предназначены для удаления или подлежат удалению. Выделяют несколько классов опасности отходов:

- чрезвычайно опасные,
- высоко опасные,
- умеренно опасные,
- малоопасные,
- неопасные.

Федеральный закон "Об отходах производства и потребления" регламентирует обращение с отходами производства и потребления в целях предотвращения вредного воздействия на здоровье человека и окружающую среду [2].

Стратегия развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 года устанавливает следующие приоритеты [3]:

- максимальное использование сырья;
- предотвращение образования отходов;
- сокращение образования отходов;
- обработка, утилизация, обезвреживание, размещение отходов.

В некоторых регионах России внедряются инициативы по переработке отходов, как, например, создание мусороперерабатывающих заводов и программ по раздельному сбору. Примеры успешных кейсов можно видеть в Москве, где наблюдается рост числа пунктов приема вторичных сырьевых материалов.

В мировой практике выделяют следующие основные виды утилизации отходов, которые также применяются в России:

- сжигание, в процессе термической обработки отходов происходит получение инертных материалов и энергоносителей;
- захоронение, складирование на специально обустроенных полигонах твердых коммунальных отходов;
- переработка, использование отходов для вторсырья.

Для эффективного функционирования система управления отходами должна базироваться на соответствующих нормативных правовых актах. В Европейском союзе имеется целый пакет законодательных и других нормативных правовых документов [4].

В Германии активно развивается концепция замкнутого цикла отходов: безотходное и малоотходное производство с широким использованием вторичных материалов. Ответственность за утилизацию переложена на производителей, а система разделения отходов включает разделение на нестираемые (используются для повторного применения) и стираемые (для отопления).

В Дании действует строгий запрет ввоза неутилизированных упаковок. Поддерживаются некоммерческие проекты по отдельному сбору, а коммерческая деятельность ограничена при наличии муниципальных систем раздельного сбора.

Шведская модель предусматривает 50% государственную финансовую поддержку для перерабатывающих предприятий и систему стимулирующих налогов/пошлин. Отходы используются как вторсырье в производстве, а часть из них безопасно утилизируется с выработкой энергии.

Французская система включает налогообложение производителей упаковок для финансирования раздельного сбора и обязательное использование биогаза со свалок.

Япония - пример страны, которая успешно борется с отходами благодаря высоким технологиям и строгой системе сортировки. Японское законодательство обязывает граждан сортировать до 45 видов отходов. Переработка отходов составляет около 90% от их общей массы, и большая часть этого процесса осуществляется на высокотехнологичных заводах.

В Японии организована специализированная система министерств, заботящихся об утилизации отходов. Финансирование этих процессов возложено как на местные администрации, так и на национальное правительство. В стране утверждены категории отходов, требующие совместных усилий муниципалитетов и промышленников по сбору и переработке. Преобладающим методом утилизации служит термический способ, а часть материалов направляется в производство вторичных товаров или для создания искусственных островов – практика уже успешно применяется на протяжении десятилетий.

В Соединенных Штатах уровень переработки отходов варьируется в зависимости от региона. В некоторых штатах, таких как Калифорния, предпринимаются активные меры для повышения уровня переработки до 75%. Однако общая картина характеризуется значительными различиями, связанными с отсутствием универсального федерального законодательства. Разработаны комплексные стратегии управления отходами, включая строгий контроль медицинских отходов, а переработка рассматривается как ключевой элемент ресурсосберегающей экономики.

Сравнительный анализ показывает, что эффективность систем переработки отходов в зарубежных странах связана с мощной институциональной базой, высоким уровнем общественного сознания и вовлеченности жителей в процессы переработки. В России, напротив, основными барьерами остаются недостаток инфраструктуры, недостаточное финансирование и низкий уровень осведомленности населения.

Зарубежные страны активно используют современные технологии и для переработки отходов, включая сортировку на сортировочных станциях, использование микробов и бактерий для переработки органических отходов, а также технологии получения вторичных материалов. России необходимо учитывать международный опыт и внедрять инновации, адаптированные к местным условиям.

Сравнительный анализ показывает, что для успешного управления отходами в России необходимо не только реформирование законодательства, но и повышение уровня осведомленности населения, развитие инфраструктуры и внедрение современных технологий. Взаимодействие государства, бизнеса и общества может стать залогом успешной реализации программ по переработке отходов, что приведет к улучшению экологической ситуации и развитию экономики. Опыт зарубежных стран предоставляет ценные, практические примеры для реализации эффективных практик в России.

Список литературы

1. Образование, утилизация, обезвреживание и размещение отходов производства и потребления в Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики: офиц. сайт. – Текст: электронный // URL: <https://clck.ru/3FGUC8> (дата обращения: 04.03.2026).
2. Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» (ред. от 08.08.2024) // Консультант плюс. – Текст: электронный // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19109/ (дата обращения: 04.03.2026).
3. Распоряжение Правительства РФ от 25.01.2018 № 84-р (ред. от 13.10.2022) «Об утверждении Стратегии развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов потребления на период до 2030 года». h– Текст: электронный // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_289114/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения: 04.03.2026).
4. Трушникова, К. А. Мировые тренды в организации услуг по утилизации твердых коммунальных отходов / Трушникова К. А // Развитие теории и практики управления социальными и экономическими системами : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., Петропавловск-Камчатский, 23–25 апреля 2019 г. – Петропавловск-Камчатский : Камчатский государственный технический университет, 2019. – С. 138–141.

ФИКТИВНАЯ САМОЗАНЯТОСТЬ: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Добренькая Елена Алексеевна, студентка

Финансовый университет при Правительстве РФ Ярославский ф-л, Ярославль, Россия
lena.dob005@gmail.com

Барашкова Мария Сергеевна, студентка

Финансовый университет при Правительстве РФ Ярославский ф-л, Ярославль, Россия
barashkovamariia@gmail.com

Научный руководитель: Кваша Ольга Владимировна, кандидат экономических наук, доцент
lena.dob005@gmail.com

Финансовый университет при Правительстве РФ Ярославский ф-л, Ярославль, Россия

Аннотация. В статье анализируется правовая природа специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (НПД) во взаимосвязи с проблемой подмены трудовых отношений гражданско-правовыми. На основании положений Федерального закона № 422-ФЗ, сложившейся судебной практики Верховного Суда РФ и правоприменительных подходов налоговых органов выявлены системные недостатки текущего законодательного регулирования. Обосновывается тезис о том, что действующая редакция закона создает условия для налоговой оптимизации путем использования механизмов «фиктивной samozанятости». Предложен комплекс мер по совершенствованию законодательства, включающий закрепление в законе критериев экономической зависимости, введение механизма дифференциации доходов и обеспечение переходных социальных гарантий.

Ключевые слова: налог на профессиональный доход, samozанятые граждане, фиктивная samozанятость, подмена трудовых отношений, налоговая оптимизация, трудовое право, страховые взносы, судебная практика, Верховный Суд РФ, правовое регулирование

Введение в 2018 году эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (НПД) ознаменовало собой новый этап в развитии российской налоговой системы, будучи ориентированным на решение давно назревшей проблемы легализации доходов граждан, осуществляющих деятельность без официальной регистрации. Законодатель преследовал две ключевые цели: во-первых, вывести из теневого сектора значительную часть samozанятого населения, предоставив им простой и доступный механизм взаимодействия с государством, и во-вторых, минимизировать административные барьеры и фискальную нагрузку на микробизнес. Однако практика применения данного режима продемонстрировала неоднозначность достигнутых результатов. Позитивным итогом можно считать легализацию деятельности более 14 миллионов граждан, получивших возможность работать «в белую». Вместе с тем, парадоксальным образом именно достоинства режима – минимальные налоговые ставки (4% при расчетах с физическими лицами и 6% – с юридическими) и освобождение от уплаты страховых взносов – создали предпосылки для его использования не по прямому назначению, трансформировав НПД в действенный инструмент агрессивной налоговой оптимизации, позволяющий работодателям минимизировать свои фискальные обязательства за счет социальной незащищенности работников.

Ключевая проблема, требующая законодательного осмысления, – подмена трудовых отношений. Работодатели, стремясь минимизировать фискальную нагрузку (НДФЛ 13% + страховые взносы ~30%), инициируют принудительную регистрацию работников в качестве samozанятых. Формально вступая в гражданско-правовые отношения, стороны фактически реализуют трудовые правоотношения со всеми признаками зависимости (подчинение

правилам внутреннего распорядка, выполнение трудовой функции, обеспечение условий труда работодателем).

Правовая фикция «самозанятого» как независимого подрядчика вступает в противоречие с фактической экономической зависимостью работника. Это влечет за собой серьезные последствия: работник лишается права на оплачиваемый отпуск, больничные, зачет времени работы в трудовой стаж (в отсутствие добровольных взносов), а государство недополучает средства в социальные фонды. Судебная практика последних лет, включая позицию Верховного Суда РФ, демонстрирует ужесточение подхода к таким схемам, однако законодательство остается инертным.

Правовой режим НПД регулируется Федеральным законом от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход». Анализ закона показывает, что изначально он был ориентирован на максимальную либерализацию и простоту, что обернулось отсутствием защитных механизмов от злоупотреблений [1].

Согласно ч. 1 ст. 4 Закона № 422-ФЗ, налогоплательщиками признаются физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели. Объектом налогообложения в силу ч. 1 ст. 6 являются доходы от реализации товаров (работ, услуг, имущественных прав). Легальное определение «самозанятого» в законе отсутствует, что создает сложности для отграничения данного статуса от иных форм экономической активности. Закон не требует от заказчика проверять, не скрывается ли за статусом самозанятого бывший или потенциальный штатный сотрудник [1].

Статья 4 Закона № 422-ФЗ устанавливает запрет на применение НПД для лиц, осуществляющих перепродажу товаров, реализующих подакцизные товары, или имеющих наемных работников.

Однако закон не содержит запрета на ситуацию, при которой единственным или основным источником дохода самозанятого является один заказчик. Именно этот критерий (экономическая зависимость) является маркером трудовых отношений в практике Верховного Суда. Закон № 422-ФЗ игнорирует данный критерий, допуская ситуацию, когда лицо формально является «независимым подрядчиком», а фактически находится в штате.

Часть 1 ст. 15 Закона № 422-ФЗ освобождает заказчика от обязанности уплачивать страховые взносы за самозанятого, при условии наличия чека, сформированного в приложении «Мой налог». [1] Это ключевой экономический стимул для бизнеса. Однако отсутствие обязательных отчислений означает, что период работы в статусе самозанятого не формирует пенсионные права (за исключением случаев добровольного участия в системе социального страхования). Таким образом, действующая модель создает «налоговый рай» для бизнеса за счет социальной незащищенности работника.

Поскольку Закон № 422-ФЗ не содержит механизмов противодействия фиктивной самозанятости, функцию правоприменителей взяли на себя суды и Федеральная налоговая служба. Сложилась ситуация, при которой суды вынуждены «преодолевать» формально-юридический подход, применяя материальные критерии трудового права.

Анализ судебной практики, в том числе Определение Верховного Суда РФ № 310-ЭС24-24050 от 08.08.2025, позволяет выделить следующие признаки, указывающие на фиктивность самозанятости:

1. Устойчивый характер отношений: систематическое заключение договоров с одним и тем же лицом на протяжении длительного времени.
2. Интеграция в деятельность заказчика: выполнение работником функций, соответствующих основному виду деятельности компании, с использованием оборудования заказчика и на его территории.
3. Экономическая зависимость: получение оплаты, которая является единственным или основным источником дохода (более 90%) [2].

4. Процессуальный контроль: подчинение распорядку дня, графику работы и указаниям заказчика, что характерно для трудовой функции, а не для самостоятельного оказания услуг.

5. Фиксированная оплата труда: ежемесячные выплаты в одинаковом размере, привязанные к календарным периодам, а не к объему выполненных работ.

Верховный Суд РФ последовательно проводит линию, согласно которой формальная регистрация лица в качестве самозанятого не имеет правопрепятствующего значения для признания отношений трудовыми. Как отмечено в Определении от 03.02.2025 N 309-ЭС24-20306, НПД, уплаченный самозанятым, и НДФЛ, который обязан удержать работодатель, – это разные налоги, и уплата первого не освобождает компанию от обязанности уплатить второй [3]. Более того, суды указывают, что при переквалификации договора компания не может требовать зачета уплаченных самозанятым 6% в счет недоимки по НДФЛ (13%), так как это разные налоговые режимы и разные плательщики.

Выявленный разрыв между формальным статусом налогоплательщика НПД и фактическими трудовыми отношениями требует не просто корректировки правоприменительной практики, а системных изменений в Федеральный закон № 422-ФЗ. Предлагаемый ниже комплекс мер основан на принципах немецкой и французской моделей регулирования «ложной самозанятости» и адаптирован к российской правовой реальности [4].

Во-первых, предлагается дополнить статью 4 Федерального закона № 422-ФЗ, устанавливающую перечень лиц, не вправе применять НПД, пунктом 4 следующего содержания: «физические лица, доход которых от реализации товаров (работ, услуг) в пользу одного заказчика (взаимозависимых лиц, включая группу компаний) превышает 85 процентов от общего дохода физического лица, учитываемого при определении налоговой базы по налогу на профессиональный доход, по итогам двух последовательных календарных месяцев подряд». Введение указанного порога экономической зависимости (85%) позволит формализовать сложившуюся судебную практику: если лицо получает более 85% дохода от одной компании, резюмируется (с возможностью опровержения) его интеграция в деятельность данной компании, что обяжет стороны либо перейти на трудовой договор, либо предоставить заказчику возможность доказывать разовый и проектный характер работ.

Во-вторых, в рамках эксперимента предлагается создать новую категорию – «профессиональный доход с социальным участием», для чего внести изменения в статью 15 Закона № 422-ФЗ, предусмотрев, что в случае превышения объема оказанных услуг в пользу одного заказчика установленного лимита (например, 1 млн рублей в год), если отношения при этом не подпадают под полную переквалификацию в трудовые, заказчик обязан уплачивать в консолидированный бюджет страховые взносы по пониженной ставке (например, 5% от суммы превышения). Данные взносы будут обеспечивать участие работника в системе обязательного медицинского страхования и формирование его пенсионных прав, что позволит сохранить гибкость режима, но при длительном сотрудничестве обеспечит минимальные социальные гарантии, а также снизит мотивацию бизнеса к бесконечному использованию «дешевого» труда самозанятых.

В-третьих, предлагается дополнить статью 14 Закона № 422-ФЗ, регламентирующую порядок исчисления налога, обязанностью по указанию в чеке идентификатора заказчика с последующим автоматическим анализом ФНС доли дохода, а также внедрить обязанность для заказчиков, превысивших порог взаимодействия с самозанятыми (например, 50 самозанятых или фонд оплаты услуг более 5 млн рублей в год), предоставлять в налоговые органы обоснование гражданско-правового характера отношений по запросу в превентивном порядке. Автоматизация указанных процессов снизит нагрузку на бизнес и позволит ФНС в режиме реального времени выявлять «серые» схемы, а не констатировать их через несколько лет, когда взыскание недоимки становится проблематичным.

В-четвертых, представляется необходимым внесение в Трудовой кодекс РФ и Закон № 422-ФЗ нормы, предусматривающей, что при переквалификации отношений в судебном

порядке заказчик обязан возместить работнику стоимость страховых взносов, подлежавших уплате исходя из минимального размера оплаты труда, с уплатой процентов (по аналогии со статьей 236 ТК РФ). Данная норма создаст механизм защиты работника и выступит дополнительным сдерживающим фактором для работодателя, который будет осознавать, что даже при отсутствии налоговой проверки работник вправе самостоятельно инициировать судебное разбирательство и взыскать упущенную выгоду в виде не поступивших страховых взносов.

Режим налога на профессиональный доход зарекомендовал себя как эффективный механизм вывода из тени доходов самозанятого населения, однако его применение в условиях правовой неопределенности породило проблему фиктивной самозанятости, требующую законодательного решения. Действующая редакция Федерального закона № 422-ФЗ, будучи изначально разработанной в качестве временного экспериментального механизма, не учитывает всей сложности социально-трудовых отношений и порождает значительное число злоупотреблений, связанных с подменой трудовых отношений. Сложившаяся правовая неопределенность создает предпосылки для использования режима НПД в целях агрессивной налоговой оптимизации, что влечет за собой нарушение трудовых прав граждан и недополучение страховых взносов бюджетом. Предложенный в настоящем исследовании комплекс мер, включающий внедрение критерия экономической зависимости, дифференциацию социального страхования в зависимости от интенсивности сотрудничества с одним заказчиком и совершенствование механизмов мониторинга, позволит сохранить низкую налоговую ставку для действительно независимых подрядчиков и одновременно обеспечить защиту работников от недобросовестных действий работодателей, стремящихся к необоснованной минимизации фискальной нагрузки. Реализация указанных предложений будет способствовать формированию устойчивого правового баланса между интересами государства, бизнеса и самозанятых граждан, а также обеспечит определенность и предсказуемость правоприменения в условиях дискуссии о завершении экспериментального режима НПД.

Список литературы

1. Федеральный закон "О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход" от 27.11.2018 N 422-ФЗ – Текст: электронный // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311977/ (дата обращения: 05.03.2026).
2. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 08.08.2025 N 310-ЭС24-24050 по делу N A83-21915/2023 ФЗ – Текст: электронный // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412365990/> (дата обращения: 05.03.2026).
3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 03.02.2025 N 309-ЭС24-20306 по делу N A76-20897/2023 ФЗ – Текст: электронный // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411316455/> (дата обращения: 05.03.2026).
4. Иванова, Н.В. О возможности юридической оптимизации налоговой составляющей специальных налоговых режимов / Иванова Н.В. // Финансовое право. – 2011. – № 6. – С.12-13.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УТИЛИЗАЦИИ ТВЕРДЫХ БЫТОВЫХ ОТХОДОВ В РФ: СИСТЕМНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ РЕШЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ МОСКВЫ

Елага Арина Ивановна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

Батурина Екатерина Романовна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

Научный руководитель: Бородин Игорь Анатольевич, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблематики твердых бытовых отходов в РФ. Цель данной работы - изучение твердых бытовых отходов в РФ: системных проблемах и региональных решений на примере Москвы. Задачи - исследовать системные проблемы и региональные решения твердых бытовых отходов на примере Москвы.

Ключевые слова: твердые бытовые отходы, проблема утилизации, негативное воздействие, Министерство природных ресурсов и экологии РФ, Федеральная антимонопольная служба

Актуальность: Проблема утилизации твердых бытовых отходов (ТБО) является одной из наиболее острых экологических проблем современной России. Быстро растущие объемы мусора требуют эффективных решений, направленных на минимизацию негативного воздействия на окружающую среду и здоровье населения. Несмотря на наличие законодательной базы и попыток реформирования системы обращения с отходами, многие регионы сталкиваются с серьезными трудностями. Настоящая статья посвящена исследованию основных системных проблем управления ТБО в Российской Федерации и рассмотрению региональных решений на примере города Москва.

Основные системные проблемы управления ТБО в РФ:

Перегруженность существующих полигонов и высокий уровень загрязнения территории. По официальным данным Министерства природных ресурсов и экологии РФ, около 90% твердых коммунальных отходов (ТКО) направляется на полигоны и санкционированные свалки, при этом менее 10% подлежит переработке и утилизации [1, с. 45]. Из-за нехватки достаточного числа мусороперерабатывающих предприятий значительная часть накопленного мусора приходится складировать в специально отведенных местах, большинство из которых уже исчерпали свою проектную вместимость. Так, по оценкам Института экологии РАН, общая площадь занятых под хранение отходов земель составляет примерно 4 млн гектаров, что сопоставимо с территорией некоторых субъектов РФ [2, с. 12].

Высокая стоимость транспортировки и перерабатывания отходов. Согласно расчетам Федеральной антимонопольной службы (ФАС), расходы на транспортирование и обработку ТКО составляют значительную часть затрат муниципальных образований, достигая порядка 20–30 тысяч рублей за тонну. Основная причина высоких издержек заключается в удаленности мест накопления мусора от центров переработки и малой плотности потока грузов. При отсутствии централизованных схем обращения с отходами муниципалитеты вынуждены нести значительные издержки на организацию транспортных маршрутов и создание условий для временного хранения мусора [3, с. 8-9].

Несовершенство нормативной правовой базы. Федеральный закон № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» регулирует основные принципы обращения с отходами, однако нормы и требования закона нуждаются в доработке. Стандарты классификации отходов устарели, отсутствует единый реестр объектов обезвреживания и захоронения мусора. Реализация концепции расширенной ответственности производителей

(РОП) буксует ввиду несовершенства механизма компенсации расходов предприятий, вовлеченных в оборот упаковки и товаров [4, ст. 24.1-24.4].

Неправильная организация раздельного сбора отходов населением. Данные исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения показывают, что всего около 15% российского населения практикует систематический раздельный сбор мусора [5, с. 3]. Одна из главных причин низкой заинтересованности граждан связана с ограниченной доступностью инфраструктуры раздельного сбора и слабым уровнем просветительской работы властей и организаций ЖКХ. Население испытывает трудности с идентификацией типов отходов и местом сдачи вторсырья.

Ограниченные финансовые средства для реализации инвестиционных проектов. Развитие системы перерабатывания мусора требует значительного объема денежных ресурсов. Государственное финансирование ограничено бюджетными возможностями, частный сектор осторожно относится к вложениям в отрасль вследствие неопределенности сроков окупаемости и низкого инвестиционного рейтинга ряда направлений. Вложительская привлекательность сферы ухудшается низким спросом на продукцию переработки и высокими транспортными затратами [6, с. 78].

Региональные решения на примере субъекта РФ - Москвы.

Москва активно работает над решением проблемы твердых бытовых отходов (ТБО), внедряя современные подходы и развивая инфраструктуру. Город реализует комплекс мер, направленных на улучшение экологической ситуации и снижение негативного воздействия мусора на окружающую среду. Эффективность этих мер оценивается неоднозначно, и есть как положительные, так и критические аспекты [7, с. 18; 8, с. 57].

С 2020 года в Москве внедрена двухпоточная система раздельного сбора отходов: синие контейнеры предназначены для вторсырья (пластик, стекло, металл, картон, бумага), серые - для смешанных отходов.[9, раздел «Инфраструктура»]. Это позволило значительно увеличить сбор вторсырья: если в первый год действия программы было собрано около 600 тыс. тонн, то за первое полугодие 2024 года - уже 720 тыс. тонн, а по итогам года этот показатель мог достичь 1,5 млн тонн [10, с. 22].

В городе функционируют современные комплексы по переработке отходов (КПО), такие как «Нева» и «Восток» (группа компаний «ЭкоЛайн»). На этих комплексах происходит дополнительная сортировка: крупные фракции (мебель, техника) отделяются вручную, а остальной мусор проходит через установки с разрывателями пакетов. Из вторсырья производят промышленные товары, компост, стройматериалы, RDF-топливо и другие продукты [11, раздел «Технологии»].

Москва также развивает технологии переработки. Например, запущен крупнейший в стране завод по рециклингу полимеров: загрязненные пакеты очищают, измельчают и перерабатывают в гранулы, из которых делают пластиковые контейнеры [12, с. 6].

В 2024 году Москва возглавила рейтинг лучших регионов в сфере обращения с ТКО по версии Российского экологического оператора (РЭО), что подтверждает эффективность принятых мер [13, итоговая таблица].

Однако система управления ТБО в Москве имеет существенные недостатки. Один из главных - зависимость от внешних полигонов: значительная часть отходов все еще направляется в Московскую область, что не решает проблему регионального загрязнения [14, с. 128]. Качество сортировки во многом зависит от добровольного участия жителей. Если кто-то выбрасывает органические отходы в синий контейнер, это снижает эффективность всей системы [15, с. 34].

Есть проблема с загрязненными отходами: упаковка от доставки часто приходит в нечистоте, что усложняет перерабатывание [16, с. 17]. Тарифы на вывоз смешанных отходов и вторсырья в Москве одинаковые, что не стимулирует жителей к раздельному сбору. Предлагалось ввести дифференцированные тарифы, но эта мера пока не реализована [17, ч. 3, п. 2 ст. 24.4].

В прошлом возникали проблемы с логистикой и организацией работы. Например, сообщалось о случаях, когда дворники перемешивали мусор из разных баков, если один из них переполнен. Также отмечались периодические сбои в вывозе отходов. [18, раздел «Нарушения логистики»] [19, с. 8].

Эти проблемы обозначены в Законе г. Москвы № 68, а также в Стратегии развития системы управления мусором до 2030 года, которая предусматривает дальнейшее совершенствование инфраструктуры и повышение экологической культуры населения [20, ст. 12].

Проблема утилизации твердых бытовых отходов (ТБО) является серьезной экологической проблемой в России, требующей комплексного подхода. Сложности связаны с высоким объемом мусора, недостаточностью инфраструктуры переработки, проблемами в организации раздельного сбора и ограничениями в денежных средствах. Москва выступает примером активных действий по решению этих вопросов, внедряя современные методы и улучшая экологическую обстановку.

Тем не менее, наряду с очевидными успехами, город сталкивается с рядом серьезных препятствий: зависимость от внешних полигонов, некачественный раздельный сбор жителями, нехватка стимулирующих тарифов и организационные трудности. Следовательно, успешный опыт Москвы должен быть адаптирован с учетом особенностей каждого региона, учитывая специфику территориального расположения, экономических возможностей и культурных традиций.

Опыт Москвы может служить отправной точкой для других регионов, но важно понимать, что универсальные решения здесь невозможны. Каждая территория должна разработать собственную стратегию, основанную на глубоком анализе местной ситуации и активном взаимодействии с местным сообществом и бизнесом.

Применяем ли московского опыта управления ТБО в Красноярском крае? Несмотря на географические, климатические или экономические отличия от Москвы, опыт столицы может послужить основой для совершенствования системы обращения с отходами в крае - при условии его грамотной адаптации. Красноярский край обладает уникальными характеристиками, отличающими его от Москвы и затрудняющими простое копирование столичных практик. К ним относятся: Огромная площадь региона с низкой плотностью населения в отдельных районах. Холодный климат, осложняющий процессы переработки отходов зимой. Финансовая нагрузка на региональные власти, ограничивающая бюджетные вложения в создание необходимой инфраструктуры. Недостаточный уровень культуры раздельного сбора отходов среди населения.

Принимая во внимание указанные обстоятельства, прямое заимствование московских моделей окажется неэффективным. Вместо этого необходимо создать гибридную систему, сочетающую лучшие практики столицы с адаптациями под условия региона.

Организация раздельного сбора. Эффективная система раздельного сбора должна включать информационно-просветительную работу среди населения, начиная с детских садов и школ. Можно организовать конкурсы на лучший проект раздельного сбора, привлекать волонтерские движения и проводить акции поощрения тех, кто сортирует отходы (бонусы, скидки в магазинах). Для улучшения качества хранения мусора в зимнее время целесообразно установить утепленные контейнеры, защищающие содержимое от замерзания.

Дифференциация тарифов на вывоз ТБО. Важно мотивировать население снижением платы за услуги по обращению с отходами для домовладений, где организован раздельный сбор. Возможно введение бонусных программ для жителей, регулярно сдающих вторичное сырье, предлагая льготы или скидки в крупных торговых сетях.

Создание перерабатывающей инфраструктуры. Ключевым элементом станет построение малых компостных площадок и мусороперерабатывающих объектов в основных городах региона (например, Красноярске, Канске, Минусинске). Такие объекты позволят провести первичную сортировку и прессование отходов, снизив транспортные расходы и

нагрузку на полигоны. Межмуниципальная интеграция создаст единые логистические хабы для накопления и отправки сырья на дальнейшую переработку.

Активизация привлечения инвестиций. Частные инвесторы могут внести значительный вклад в модернизацию инфраструктуры через механизм государственно-частного партнерства (ГЧП). Например, заинтересовать бизнес можно созданием льготных условий налогообложения и выделением субсидий на закупку оборудования для производства топливных гранул из органических отходов (RDF-топливо).

Внедрения успешного опыта Москвы к особенностям Красноярского края возможна, однако требует тщательного учета местных факторов и особенностей. Реализация предложенных мер повысит эффективность системы обращения с отходами, улучшит экологическое состояние региона и обеспечит долгосрочную устойчивость природоохранных мероприятий. Успех такого проекта зависит от совместной работы органов власти, бизнеса и гражданского общества, объединяющих усилия для решения общей задачи.

Список литературы

1. Приказ Минприроды России от 16 ноября 2021 г. № 884 «Об утверждении формы федерального статистического наблюдения № 2-ТП (отходы)» // СПС «Консультант плюс».
2. «Экологическая безопасность России»: доклад Академии наук, Институт экологии РАН, 2022.
3. Постановление ФАС России от 15 июля 2022 г., протокол № 2/30–2022 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ): пресс-релизы опросов за январь-февраль 2023 г. – Текст: электронный // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/itogi-2023> (дата обращения 05.03.2026).
6. Доклад Комиссии Совета Федерации Федерального Собрания РФ по развитию экономики замкнутого цикла, 2023 – Текст: электронный // URL: <http://economy.council.gov.ru/events/news/148726/>
7. Новикова, А.А., Котов, И.В. Проблемы и перспективы внедрения раздельного сбора отходов в мегаполисах России /А.А. Новикова, И.В. Котов // Вестник Московского университета. Серия XXVI: Социально-экономическое положение и политика. 2023. № 3. С. 15–23.
8. Шашкин, О.П., Гришин, Д.Н. Анализ состояния системы обращения с отходами в столице России / О.П. Шашкин, Д.Н. Гришин // Природоресурсное право и экономика. 2024. № 1. С. 54–61.
9. Официальный сайт мэра Москвы. Программа раздельного сбора отходов в Москве. — Текст: электронный // URL: <https://www.mos.ru/>
10. Годовой отчет ГК «ЭкоЛайн» за 2024 год - Текст: электронный // URL: <https://ec-line.ru/about/>
11. Официальный сайт комплекса КПО «Нева» - Текст: электронный // URL: <https://kpo-neva.ru/>
12. Интервью генерального директора завода по переработке полимеров ООО «Гринполимер». Газета «Московская правда». 2024. № 12.
13. Результаты ежегодного рейтинга РЭО за 2024 год - Текст: электронный // URL: <https://riarating.ru/infografika/20250623/630282378.html>
14. Евсеенко, Г.С., Горшков, Ю.И. Экономика и экология устойчивого развития городов: региональный аспект / Г.С. Евсеенко, Ю.И. Горшков // Российское предпринимательство. 2024. № 2. С. 124–131.
15. Федеральная служба статистики Российской Федерации. Ежегодный отчет по состоянию обращения с отходами в городах России за 2024 год - Текст: электронный // URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/oxr_bul_2025.pdf
16. Исследование московского Центра городской экологии МГУ им. Ломоносова. 2024.
17. Федеральный закон № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления». Глава VI. Статья 24.4 // СПС «КонсультантПлюс».
18. Обзор нарушений, выявленных департаментом жилищно-коммунального хозяйства Москвы. Официальный сайт департамента. [раздел «Нарушения логистики», отчет от 05.08.2024]. - URL: <https://www.mos.ru/dgkh/documents/deistvuiushchie-normativnye-pravovye-akty/>
19. Отчет независимой экологической комиссии «Зеленый патруль». Декабрь 2024 - Текст: электронный // URL <https://ecologmir.ru/tpost/kkbg5f0yj1-natsionalnii-ekologicheskii-reiting-regi>
20. Закон г. Москвы № 68 «Об отходах производства и потребления». Официальный сайт мэрии Москвы // URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/>

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ ПРИ ПРЕКРАЩЕНИИ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА С РУКОВОДИТЕЛЕМ ОРГАНИЗАЦИИ ПО РЕШЕНИЮ СОБСТВЕННИКА: ПРЕДЕЛЫ ДИСКРЕЦИИ РАБОТОДАТЕЛЯ

Иванов Аскер Артурови, студент

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия,
askerivanov001@icloud.com

Научный руководитель: Цыпкина Ирина Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент,
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия,
i_c_tcipkina@mail.ru

Аннотация. В работе исследуются пределы дискреции работодателя при увольнении руководителя организации по решению собственника. Анализируется проблема злоупотребления правом, предлагается закрепление принципа запрета злоупотребления трудовыми правами в Трудовом кодексе РФ.

Ключевые слова: злоупотребление трудовыми правами, руководитель организации, расторжение трудового договора по инициативе работодателя, увольнение, дискреционные полномочия работодателя, правовые гарантии

Одной из задач трудового права законодатель признает создание таких условий, при которых согласование интересов сторон трудовых отношений будет достигаться наилучшим образом. Однако совокупность предоставляемых сторонам прав и обязанностей, как показывает судебная практика, нередко используется ими для неосновательного достижения выгоды. Это обуславливает соответствующую реакцию государства, которое в лице судебных органов признает существование такого правового явления, как злоупотребление правом, и борется с ним. Примечательно, что в трудовом законодательстве на данный момент не содержится упоминаний о злоупотреблении правом, хотя суды и лица, чьи трудовые права нарушаются, активно используют эту категорию. Несмотря на то, что в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 N 2 при закреплении общеправового принципа недопустимости злоупотребления правом акцент делается на необходимости его соблюдения работником, именно работодатель в большинстве случаев пользуется имеющимися в законе пробелами, действуя произвольно и выходя за рамки имеющейся у него свободы усмотрения при реализации своих прав.

Особенно актуальна рассматриваемая проблема применительно к прекращению трудового договора с руководителем организации по п. 2 ч. 1 ст. 278 ТК РФ, согласно которой с руководителем организации трудовой договор может быть расторгнут в связи с принятием такого решения работодателем. Примечательно то, что субъект, правомочный принимать такое решение, не обязан указывать его мотивы и конкретные обстоятельства прекращения трудового договора, предлагать работнику другую работу, предупреждать его об увольнении, если иное не предусмотрено в трудовом договоре, что подтверждается позициями высших судов. Указанные положения определяют широкие пределы дискреционных полномочий собственника, что объясняется существенными различиями в правовом статусе руководителя организации и иных работников и обуславливается спецификой его трудовой функции, включающей одновременно элементы трудового и корпоративного правоотношений. Как указал Конституционный Суд РФ, рассматриваемое основание расторжения трудового договора вводится ввиду невозможности установления исчерпывающего перечня обстоятельств, которые для реализации и защиты прав работодателя вызывают необходимость увольнения руководителя организации.

Введение указанной нормы не означает, что трудовые права руководителя организации ущемляются. Высшими судами признается факт ограничения таких прав, в связи с чем

законом предусмотрены адекватные гарантии защиты от негативных последствий, к которым относится, например, право оспорить увольнение по п. 2 ч. 1 ст. 278 ТК РФ в судебном порядке и признать решение собственника незаконным в случае злоупотребления правом и дискриминации работника. Такое возможно, когда работодатель действует произвольно, вопреки целям предоставления указанного полномочия и не учитывает интересы организации и не руководствуется ими при принятии решений. По существу, основанием увольнения руководителя по п. 2 ч. 1 ст. 278 ТК РФ являются конкретные обстоятельства, т.е. одна из тех самых ситуаций, не позволяющих сохранить трудовой договор. При этом сама правовая норма сформулирована так, что не подразумевает анализа этих обстоятельств правоприменительными органами.

Суды активно применяют позицию о том, что если прекращение трудового договора было обусловлено обстоятельствами, свидетельствующими о злоупотреблении правом работодателем, то руководитель организации должен быть восстановлен в должности. Например, с директором школы был расторгнут трудовой договор приказом Управления образования. Суд в качестве причины принятия такого решения установил разногласия директора с руководителем Управления образования по поводу подписания актов о выполненных работах, что подтверждалось показаниями свидетелей и аудиозаписью. Также суд отметил, что ввиду достоверных сведений о ее высокой квалификации и профессионализме, способности эффективно руководить школой, у собственника должны были быть основания, в силу которых Управление образования имело право уволить директора без указания мотива. Придя к выводу, что со стороны работодателя были произвольные действия, которые были оценены как проявление неограниченной свободы усмотрения при принятии решения о расторжении договора, суд указал на наличие оснований для восстановления директора.

В приведенном выше Постановлении Конституционного Суда РФ в качестве необходимого условия успешного сотрудничества собственника с лицом устанавливается наличие доверительности в отношениях между ними. Учитывая, что статья 278 ТК РФ введена для предупреждения не указанных в законе обстоятельств, при которых возможно расторжение трудового договора, возникает вопрос, как соотносятся между собой и взаимодействуют п. 2 ч. 1 ст. 278 и п. 7.1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ, согласно которой основанием для расторжения трудового договора по инициативе работодателя является совершение коррупционных действий работником. В данном случае основания для утраты доверия прямо предусмотрены в ТК РФ. Однако следует иметь в виду, что расторжение договора п. 2 ч. 1 ст. 278 ТК РФ не является мерой юридической ответственности, а значит, это положение применяется в случаях, когда речь идет о невиновных действиях (бездействиях) работника.

Статья 278 ТК РФ устанавливает, что работодатель может уволить руководителя организации без указания мотивов, что следует признать недопустимым, поскольку руководитель организации также является работником. Отсутствие в законе перечня дополнительных оснований расторжения трудового договора с руководителем организации порождает проблему пределов реализации и защиты права собственника по п. 2 ч. 1 ст. 278 ТК РФ. Ситуация осложняется тем, что судебным органам приходится использовать категорию злоупотребления правом, которая не закреплена среди принципов трудового права. Как нам представляется, данная категория является оценочной, поэтому при разрешении трудовых споров суды нередко усматривают неограниченную свободу работодателя, расширительно толкуя п. 2 ч. 1 ст. 278 ТК РФ и относя неправомерные действия к злоупотреблению, что вызывает неоднородность судебной практики. Целесообразным представляется включение принципа «запрета злоупотребления трудовыми правами» в ст. 2 ТК РФ.

Список литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 N 2 (ред. от 24.11.2015) "О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации" // Российская газета. – 2004. – №72.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 2 июня 2015 г. N 21 "О некоторых вопросах, возникших у судов при применении законодательства, регулирующего труд руководителя организации и членов коллегиального исполнительного органа организации" // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – №7.
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15.03.2005 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 278 и статьи 279 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца второго пункта 4 статьи 69 Федерального закона "Об акционерных обществах" в связи с запросами Волховского городского суда Ленинградской области, Октябрьского районного суда города Ставрополя и жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. – 2005. – №13. – ст. 1209.
4. Саурин, С.А. Практические проблемы соотношения начал корпоративного и трудового права в правовом регулировании специальных оснований увольнения руководителя организации / Саурин С.А. // Гражданское право. 2020. N 6. С. 32 - 35.
5. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21.09.2021 N 88-13372/2021 по делу N 2-350/2020 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации – Текст: электронный URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/573126732?section=text> (дата обращения: 04.11.2025).

НЕОБХОДИМОСТЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОПРОСА О РЕАБИЛИТАЦИИ РАДИОАКТИВНО ЗАГРЯЗНЕННЫХ УЧАСТКОВ ТЕРРИТОРИЙ, НА КОТОРЫХ РАСПОЛОЖЕНЫ ОБЪЕКТЫ ЯДЕРНОГО НАСЛЕДИЯ

Калашникова Виктория Руслановна, студентка

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия

tora800orlova@gmail.com

Юденкова Дарья Юрьевна, студентка

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия

yudenkova.dari@yandex.ru

Научный руководитель: Агапов Дмитрий Александрович, кандидат педагогических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия

agapovda@mail.com

Аннотация. Указ Президента РФ называет реабилитацию территорий с объектами ядерного наследия главной проблемой ядерной безопасности, но ее правовое регулирование отсутствует. Объекты ядерного наследия есть в 40 регионах, цель – вернуть земли в оборот. Законодательство регулирует безопасную работу отрасли, но не ликвидацию старых объектов. Не определены ключевые понятия, статус земель, сроки работ, источники финансирования и нет единого реестра таких участков. В следствии чего необходима разработка единого нормативно правового акта, регулирующего реабилитацию радиоактивно загрязненных участков территорий, на которых расположены объекты ядерного наследия.

Ключевые слова: ядерное наследие, реабилитация, радиоактивное загрязнение, почва, радионуклиды, вывод из эксплуатации, правовое регулирование, Росатом, безопасность

В соответствии с указом Президента РФ основными проблемами в области обеспечения ядерной и радиационной безопасности в настоящее время является реабилитация радиоактивно загрязненных участков территорий, на которых расположены объекты ядерного наследия [1].

Несмотря на значительный период с момента принятия соответствующего указа до сих пор отсутствует правовое регулирование данного вопроса. Согласно данным Росатома объекты ядерного наследия в настоящее время находятся в 40 субъектах РФ. Целью в данном вопросе является вывод из эксплуатации таких объектов и возврат земель, зданий и оборудования в хозяйственный оборот. Важность этого вопроса обусловлена существенной необходимостью для людей земель, как природных объектов и их восстановления после повреждения.

В биосфере появился важный экологический фактор – ионизированное излучение, исследованием влияния которого на сельскохозяйственные почвы, растения и животных занимаются сельскохозяйственная радиоэкология. Облучение, превышающее определенные для различных объектов, пороговые значения, может нарушить функционирование почв.

Экологические последствия радиоактивного загрязнения почв заключаются в том, что радионуклиды, как и многие другие загрязняющие вещества, постепенно концентрируются в пищевых цепях. В экологическом отношении наибольшую опасность представляет то что искусственные радионуклиды закрепляются в основном (до 80-90%) в верхнем слое почвы: на целине – слое 0-10 см, на пашне – в пахотном горизонте. Наибольшей сорбцией обладают почвы с высоким содержанием гумуса, тяжелым гранулометрическим составом, богатые монтмориллонитом и гидрослюдами, с непромытым типом водного режима. В таких почвах радионуклиды способны к миграции [2].

У животных однократное воздействие радиоактивного излучения, моделирующего космическую радиацию протонного излучения и тяжелых ионов, вызывает когнитивные дисфункции, связанные с нарушением обучаемости и пространственной памяти, повышение тревожности. В результате у животных как в ранние, так и в отдаленные сроки после облучения выявляются те или иные когнитивные дисфункции, проявляющиеся в нарушении способности к распознаванию и переключению внимания, пространственной памяти, эпизодической памяти, дефиците исполнительской функции. Поведенческие изменения в ряде случаев выявлялись через 12–15 месяцев после облучения [3].

Таким образом, вред, который причиняют радиоактивно загрязненные участки почвам и обитающим в окрестностях животным не вызывает вопросов. Остается понять, как законодателю наиболее эффективно регулировать данный вопрос. Сформировавшаяся в последнее время нормативно-правовая база обеспечивает безопасное функционирование предприятий атомной отрасли, но не решает проблему с избавлением от ядерных объектов, ставших рудиментами и несущих вред окружающей среде. Так, сложными и нерешенными вопросами в регулирующих документах остается регулированием ядерного наследия, особенно существенны проблемы рекультивации земель с загрязнением, обусловленным предыдущей ядерной деятельностью.

Объекты ядерного наследия – это сооружения для использования атомной энергии в оборонных и мирных целях, созданные до установления современных требований к обеспечению ядерной и радиационной безопасности. В том числе к объектам относят сооружения, эксплуатация которых по функциональному назначению прекращена и которые находятся на стадиях вывода из эксплуатации, захоронения, утилизации. Для государства необходимо принять меры по завершению жизненного цикла либо полной реабилитации объектов, перевести их в ядерно- и радиационно- безопасное состояние, а также восстановить загрязненные территории, на которых расположены эти объекты.

В соответствии со ст. 4 Федерального закона "О Государственной корпорации по атомной энергии "Росатом" [4] реабилитацией радиоактивно загрязненных участков территорий, на которых расположены объекты ядерного наследия, занимается Росатом. Мероприятия по выводу из эксплуатации объектов использования атомной энергии предусматривают проведение работ со значительными объемами, что особенно актуально в отношении объектов ядерного наследия, территории которых подверглись загрязнению по причине несовершенства технологий начальных этапов развития ядерных производств и методов обращения с радиоактивными отходами.

Анализ результатов работ по реабилитации территорий Курчатовского института, ликвидации последствий аварии на Подольском заводе цветных металлов позволяет оценить объемы РЗГ на территории каждого объекта ядерного наследия в размере не менее 20 тыс. м³. Технологии обращения с РЗГ целесообразны для применения при условии кратного снижения их объемов за счет дезактивации или сепарации фракций, относящихся к РАО. Анализ результатов проведенных работ показывает, что большая часть радионуклидов в РЗГ концентрируется в мелкодисперсной фракции, характеризующейся глинистыми минералами. Их эффективное выделение лежит в основе технологических схем очистки грунтов, загрязненных радионуклидами [5].

В правовом закреплении нуждается в первую очередь понятийный аппарат, правовой статус загрязненных земель, вопросы, связанные с установлением срока восстановления земель на которых расположены объекты ядерного наследия на каждом этапе рекультивации и создания единой базы таких земель. Так же неясным остается вопрос о более эффективном финансировании данной деятельности и механизме перехода земель после реабилитации. Разберем подробнее правовую необходимость данных вопросов в сфере реабилитации радиоактивно загрязненных участков.

Без четко прописанных дефиниций невозможно применять единые правовые нормы. На сегодняшний день понятие «объекты ядерного наследия» существует лишь в Указе Президента № 585 [1], чего явно недостаточно для полноценного и всестороннего

регулирования. Отсутствие легального определения «реабилитации» приводит к тому, что этот процесс не имеет юридической значимости, то есть нет документа, который бы официально удостоверял, что земля стала безопасной.

Правовой статус загрязненных земель юридически не установлен и нет четкой процедуры, которая бы запускала механизм реабилитации. Законодатель лишь косвенно упоминает наличие на территории РФ земель, которые загрязнены различными веществами в Постановлении Правительства, но отдельно такая категория земель не выделяется [6]. Необходимость закрепления сроков восстановления земель обусловлена особой важностью защиты земельного фонда РФ от намеренного замедления процесса реабилитации для извлечения собственной выгоды и халатного отношения, затягивающего такой значимый для государства процесс.

Создание Единого государственного реестра радиоактивно загрязненных участков в будущем предотвратит совершение юридических сделок с этими землями без учета рисков. Согласно ст. 34 Федерального закона «Об использовании атомной энергии» [7] вывод из эксплуатации ядерной установки, деятельность по обращению с ядерными материалами и радиоактивными веществами должна обладать полномочиями, финансовыми, материальными и иными ресурсами, достаточными для осуществления своих функций.

Финансовое обеспечение деятельности Корпорации за счет средств федерального бюджета осуществляется в соответствии с бюджетным законодательством Российской Федерации [4]. Но ни в одном нормативно правовом акте нет четких указаний на то как именно финансируется данная деятельность. Без законодательно закрепленной системы и источников бюджетного финансирования реабилитация будет зависеть от текущей политической и экономической конъюнктуры, а не от реальной необходимости.

Таким образом, необходимость систематизированного правотворчества не подлежит сомнению. Такой подход позволит не просто восполнить пробелы, но и предложить системное видение того, как должен выглядеть закон, регулирующий именно экологический аспект проблемы ядерного наследия. Приведение территорий в безопасное состояние за счет снижения воздействия загрязнения, минимизация радиационных рисков, улучшение экологической ситуации на радиационно загрязненных участках являются важнейшими задачами современного общества, которые будут реализованы более эффективно с принятием нормативно правового акта.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 13.10.2018 № 585 "Об утверждении Основ государственной политики в области обеспечения ядерной и радиационной безопасности Российской Федерации на период до 2025 года и дальнейшую перспективу" // Собрание законодательства РФ. 2018. № 42 (часть II), ст. 6447.
2. Михадарова, С.А. Радионуклиды в почве. Радиоактивное загрязнение почвы /С.А. Михадарова // федеральное бюджетное учреждение здравоохранения «Центр гигиены и эпидемиологии в Республике Марий Эл» - 2017. - Текст: электронный // URL: https://12sanepid.ru/press/publications/2586.html?sphrase_id=17367 (дата обращения: 19.02.2026)
3. Атаманюк, Н.И. Влияние средних и малых доз ионизирующего излучения на высшую нервную деятельность человека и животных / Атаманюк Н.И // Медицина экстремальных ситуаций. 2023. №3. - Текст: электронный // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-srednih-i-malyh-doz-ioniziruyuschego-izlucheniya-na-vyshshuyu-nervnuyu-deyatelnost-cheloveka-i-zhivotnyh> (дата обращения: 19.02.2026).
4. Федеральный закон от 01.12.2007 № 317-ФЗ (ред. от 23.07.2025) Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс»
5. О Государственной корпорации по атомной энергии "Росатом" // Собрание законодательства РФ. 2007. № 49, ст. 6078; 2025. № 30 (Часть II), ст. 4414.
6. Соболев, А. И., Самойлов, А. А. Опыт обращения с радиоактивно загрязненным грунтом при выводе из эксплуатации объектов ядерного наследия / А.И. Соболев, А.А. Самойлов // Радиоактивные отходы. 2023. № 1 (22). С. 91–101.
7. Постановление Правительства РФ от 29.05.2025 №N 781 "Об утверждении Правил проведения рекультивации и консервации земель" // Собрание законодательства РФ. 2025. № 22 (Часть I), ст. 2898; 2025. № 31 ст. 4696.
8. Федеральный закон от 21.11.1995 № 170-ФЗ (ред. от 21.04.2025) «Об использовании атомной энергии» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 48, ст. 4552.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В СФЕРЕ СБОРА, УТИЛИЗАЦИИ И ПЕРЕРАБОТКИ ОТХОДОВ ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ

Касьянова Александра Алексеевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

heler33q@gmail.com

Зацепина Маргарита Сергеевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

k45050669@gmail.com

Научный руководитель: Бородин Игорь Анатольевич, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

igoriborodin@bk.ru

Аннотация. Обращение с отходами производства и потребления влияет на качество жизни и напрямую связано с реализацией конституционного права на благоприятную окружающую среду. Цель статьи – в учебном формате выявить правовые проблемы охраны окружающей среды на стадиях накопления, сбора, транспортирования, утилизации и переработки отходов. Новизна работы состоит в сопоставлении требований экологического, земельного, муниципального и трудового законодательства с типичными конфликтами правоприменения (размывание ответственности, слабый контроль за содержанием контейнерных площадок, трудности пресечения стихийных свалок и обеспечения рекультивации). Показано, что без согласования правил благоустройства, режима охраны земель и требований охраны труда устойчивый переход от захоронения к переработке затруднен. Итогом является перечень практических «точек риска» и предложений учебного характера.

Ключевые слова: отходы, твердые коммунальные отходы, уборка территории, санитарная очистка, утилизация, переработка, правила благоустройства, охрана земель, рекультивация, ответственность, охрана труда

Введение. Мы учимся на первом курсе и раньше воспринимали тему отходов как бытовую: контейнер, график вывоза, жалобы на запах. Но при изучении правовых дисциплин стало понятно, что это сложная система норм и обязанностей. Конституция Российской Федерации закрепляет право каждого на благоприятную окружающую среду и на возмещение вреда, причиненного экологическим правонарушением [1]. Значит, если отходы размещаются или убираются так, что страдают люди и природа, это не «неудобство», а нарушение охраняемых законом интересов.

Актуальность исследования обусловлена тем, что несанкционированные свалки, переполненные площадки накопления и низкая доля переработки приводят к загрязнению почв и вод, росту пожароопасности и ухудшению санитарного состояния населенных пунктов. **Цель исследования** – выявить основные правовые проблемы охраны окружающей среды в сфере сбора, утилизации и переработки отходов производства и потребления. **Задачи:** 1) определить нормативную основу; 2) рассмотреть проблемные зоны на этапе накопления и уборки территории; 3) проанализировать земельно-правовые вопросы (охрана земель, рекультивация); 4) обозначить барьеры утилизации и переработки; 5) оценить трудовые аспекты (охрана труда работников отрасли). **Объект исследования** – общественные отношения в сфере обращения с отходами; предмет – нормы и проблемы их применения. **Методы:** анализ нормативных актов и научной литературы, сравнительное сопоставление требований разных отраслей права, обобщение типичных ситуаций.

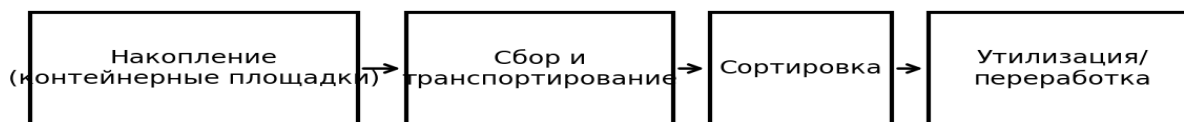
1. Нормативная основа обращения с отходами. Общие принципы охраны окружающей среды закреплены в Федеральном законе «Об охране окружающей среды» [2]. Специальное регулирование обращения с отходами производства и потребления установлено

Федеральным законом № 89-ФЗ [3]. Для повседневного этапа накопления ТКО важны подзаконные правила обустройства мест (площадок) накопления и ведения их реестра [4]. Дополнительно значим муниципальный уровень – правила благоустройства, которые конкретизируют обязанности по уборке территории и содержанию мест накопления отходов (например, Правила благоустройства территории города Красноярска) [5].

Краткий обзор источников показывает, что вопрос обращения с отходами рассматривается не только юридически, но и как управленческая и технологическая проблема. В монографиях и пособиях описываются модели организации отрасли и влияние способов обращения с отходами на качество окружающей среды: например, вопросы управления утилизацией на региональном уровне [6, с. 1-128], а также анализ экологических последствий различных методов обезвреживания ТБО [7]. Технологические аспекты подготовки вторичных полимерных отходов к переработке раскрыты в монографии Т. Г. Белобородовой [8, с. 1-99]. Для темы «уборка/санитарная очистка» полезны работы, где санитарная очистка городов рассматривается как комплексная эколого-экономическая задача [9].

2. Проблемы накопления, уборки территории и сбора отходов: роль правил благоустройства. Самый «видимый» этап – это накопление отходов и уборка прилегающей территории. Именно здесь возникают конфликты между жителями, управляющими организациями, собственниками территории и перевозчиками. На практике часто трудно ответить на вопрос: кто обязан убирать мусор вокруг контейнеров и поддерживать площадку в нормативном состоянии. Муниципальные правила благоустройства призваны распределить эти обязанности и установить требования к чистоте территорий и элементам благоустройства. Проблема в том, что даже при наличии правил контроль и исполнение могут быть недостаточными, а ответственность – «размываться» между участниками.

Чтобы показать последовательность стадий обращения с отходами и места, где чаще всего возникает экологический риск, приведена схема процесса (Рисунок 1). Для меня как первокурсницы это удобный способ «разложить» проблему: если сбой происходит на первом этапе (нет нормальной площадки, не соблюдается уборка, отходы накапливаются вне контейнеров), то дальше страдает все – и транспортирование, и сортировка, и переработка.

Правовая рамка: Конституция РФ, 7-ФЗ, 89-ФЗ, ЗК РФ, ТК РФ,
ПП РФ № 1039, правила благоустройства

Рисунок 1 – Стадии обращения с отходами и правовые точки риска

Отдельная сложность связана с раздельным накоплением: нормативные установки стимулируют переход к сортировке и переработке, но населению важны понятные правила и доверие к системе. Если контейнеры для раздельного сбора установлены формально или отходы затем смешиваются, мотивация граждан снижается. В итоге правовая идея (раздельный сбор) опережает инфраструктуру и фактическую практику, что уменьшает экологический эффект и усиливает конфликтность.

3. Земельно-правовые проблемы: свалки, полигоны и рекультивация. Отходы неизбежно «встречаются» с землей: стихийные свалки чаще появляются на пустырях и окраинах, а полигоны занимают значительные площади. Земельный кодекс РФ устанавливает содержание охраны земель, включая предотвращение загрязнения и восстановление нарушенных земель, в том числе рекультивацию [10]. С правовой точки

зрения важно не только убрать отходы, но и восстановить участок: иначе сохраняются долгосрочные риски загрязнения почв и подземных вод. На практике проблема – установление виновного лица и обеспечение финансирования и качества рекультивационных работ.

Для учебного анализа мы сопоставили правовые требования и типовые нарушения по стадиям обращения с отходами; результат представлен в таблице (Таблица 1).

Таблица 1 – Правовые требования и типовые нарушения на стадиях обращения с отходами

Стадия	Ключевые требования (нормативная база)	Типовые нарушения/риски
Накопление и уборка территории	Правила обустройства площадок накопления ТКО; правила благоустройства (пример: г. Красноярск)	Переполнение, мусор рядом с контейнерами, отсутствие уборки прилегающей зоны, смешение фракций
Сбор и транспортирование	Требования недопущения загрязнения при перевозке; договорные обязанности в системе ТКО	Нарушение графика, вывоз в неустановленные места, утечки и рассыпание отходов
Обработка/сортировка	Экологические требования к объектам обработки	Смешивание потоков, снижение качества вторсырья, рост доли захоронения
Утилизация/переработка	Приоритет вовлечения отходов во вторичный оборот технологические требования	Недостаток мощностей, нестабильный поток сырья, «бумажная» отчетность
Размещение и рекультивация	Охрана земель и восстановление нарушенных территорий; экологическая безопасность	Загрязнение фильтратом, пожары, отсутствие/низкое качество рекультивации после закрытия объекта

4. Утилизация и переработка: правовые барьеры и «разрыв» между нормой и инфраструктурой. Закон № 89-ФЗ закрепляет направления государственной политики в обращении с отходами, включая снижение захоронения и развитие утилизации и переработки. Однако правовая цель не превращается автоматически в результат. По данным научных работ, эффективность системы зависит от регионального управления, экономических стимулов и прозрачности потоков отходов. Технологическая сторона также важна: переработка требует подготовки сырья, оборудования и соблюдения требований безопасности, что подробно рассматривается на примере полимерных отходов.

С точки зрения правоприменения одна из серьезных проблем – «серые» схемы обращения с отходами, когда перевозка и размещение происходят вне установленной системы. Здесь правовая сложность состоит в доказательстве: если отходы уже выгружены на несанкционированную свалку, трудно установить конкретное лицо, совершившее нарушение. Поэтому профилактика (удобные и контролируемые площадки, понятные правила и контроль) зачастую эффективнее последующего наказания.

5. Трудовые аспекты и охрана труда. Когда говорят про отходы, обычно обсуждают тарифы и полигоны, но меньше – людей, которые ежедневно выполняют уборку, вывоз и сортировку. Между тем для стабильной санитарной очистки важны безопасные условия труда и санитарно-бытовое обеспечение работников. Трудовой кодекс РФ предусматривает обязанности работодателя по обеспечению охраны труда и соответствующих условий [11]. В учебном смысле это тоже экологический фактор: если труд в отрасли опасен и плохо организован, растет текучесть кадров и ухудшается качество уборки и вывоза, что усиливает экологические риски.

Выводы. 1) Конституционное право на благоприятную окружающую среду задает общий ориентир, но реализация зависит от согласованности норм и исполнения на местах .

2) Основные правовые проблемы проявляются на стыке регулирования: федеральные требования к площадкам накопления, муниципальные правила благоустройства, режим охраны земель и рекультивации, а также требования охраны труда. 3) Для снижения загрязнения важны не только санкции, но и профилактика: понятное распределение обязанностей по уборке территории, регулярный контроль, прозрачность раздельного накопления и развитие переработки с учетом технологических требований.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм. и доп.) – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 12.02.2026).
2. Об охране окружающей среды: Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (с изм. и доп.) – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 12.02.2026).
3. Об отходах производства и потребления: Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ (с изм. и доп.) – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 12.02.2026).
4. Об утверждении Правил обустройства мест (площадок) накопления твердых коммунальных отходов и ведения их реестра: постановление Правительства РФ от 31.08.2018 № 1039 (с изм. и доп.) – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 12.02.2026).
5. Правила благоустройства территории города Красноярска: Решение Красноярского городского Совета депутатов от 25.06.2013 № В-378 (ред. от 16.09.2025). – Текст: электронный //URL: <https://www.admkrsk.ru/administration/structure/architectureupr/Documents/Правила%20благоустройства%20территории%20города%20Красноярска.pdf> (дата обращения: 12.02.2026).
6. Шипилин, Н. Н. Комплексное управление проблемой утилизации мусора на региональном уровне: монография / Н. Н. Шипилин // Новосибирск: Золотой колос, 2014. – 128 с.
7. Витковская, С. Е. Твердые бытовые отходы: монография / С. Е. Витковская // Твердые бытовые отходы: антропогенное звено биологического круговорота. – СПб: АФИ, 2012. – 132 с.
8. Белобородова, Т. Г. Оборудование для подготовки полимерных отходов к вторичной переработке: монография / Т. Г. Белобородова // Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2014. – 99 с.
9. Атаманова, Н. А.; Исмаилов, Э. Ф. Санитарная очистка городов от твердых бытовых отходов как комплексная эколого-экономическая проблема / Атаманова Н. А., Исмаилов Э. Ф // Вестник университета, 2013 № 6, С. 127-133.
10. Земельный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ (с изм. и доп.) – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 12.02.2026).
11. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ (с изм. и доп.) – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 12.02.2026).

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ ВОДНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ (НАДЗОРА)

Клинкова Ирина Игоревна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

iklinkova-u25@stud.kgau.ru

Научный руководитель: Пономарева Валерия Владимировна, доктор юридических наук, профессор

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

valery_e378he@mail.ru

Аннотация. В работе обращено внимание на актуальность и необходимость правового регулирования в сфере охраны окружающей среды, в частности способов использования водных объектов, оснований приобретения прав на такое использование. Приведено краткая характеристика исторического становления водного законодательства в советский и российский период. Приведены примеры актуальных проблем толкования существующих правовых норм при осуществлении государственного экологического контроля (надзора), обозначены возможные негативные исходы при реализации правоприменения на основе некорректного толкования.

Ключевые слова: водный объект, охрана окружающей среды, использование и охрана поверхностных водных объектов, водное законодательство, негативное воздействие на окружающую среду, государственный экологический контроль надзор), проблемы толкования правовых норм, возможные последствия неправильного толкования правовых норм

Неизменно нарастающие темпы индустриального развития общества сопровождаются увеличением техногенного влияния, последствия которого ощутимы практически во всех сферах жизни человека. В эпоху достижения высоких стандартов технологического прогресса, растущей урбанизации и укрупнения производств одной из важнейших основ функционирования общества становится сохранение благоприятной окружающей среды и осуществление рационального природопользования.

Ведущими мировыми державами, в том числе Российской Федерацией, уже обращено внимание на проблемы, возникающие при поиске баланса между организацией технологического развития для производств и достойной экологической обстановки для граждан, а также предприняты первые в рамках современного исторического этапа основательные шаги на пути к становлению полного и продуктивного регулирования экологической отрасли в целом. В условиях развитого правового поля такие явления как экологические права и охрана природных ресурсов должны быть санкционированы так же эффективно, как и другие наиболее важные правовые основы государства.

Российская Федерация – государство, богатое различными природными ресурсами, в том числе, водными объектами. По состоянию на 2024 год территория страны насчитывает свыше 2,5 миллионов рек, различной длины, полноводности и водного режима, более 2,7 миллионов озер, а также множество ручьев, прудов, болот, ледников и других водных объектов. Согласно официальным данным Министерства природных ресурсов Российской Федерации в 2024 году объем водных ресурсов России достиг 4445,6 км³, что на 5,1% выше среднего многолетнего показателя. Основная часть – 4191,5 км³ – сформирована на территории России, тогда как 254,1 км³ поступило из сопредельных государств [1].

Обладание таким большим количеством ресурса создает необходимость действенного правового регулирования, которая вызвала внимание еще советского юриста. Безусловно, первично водное право рождено в связи с нуждами социалистического народного хозяйства –

улучшение гидрологических, почвенных и агроклиматических условий для получения высоких и устойчивых урожаев сельскохозяйственных культур, а также обеспечения водопотребления животноводческих комплексов, промышленных предприятий.

В этой связи Будникова Ю.Е. отмечает, что в связи с подчинением водного законодательства советского периода задачам народного хозяйства, природоохранные требования отходили на дальний план, не были достаточно проработаны и внедрены [2, с. 117].

Накопленный опыт требовал кодификации, а положения статья 42 Конституции 1993 г. ознаменовала надежное закрепление нового ориентира в правовом регулировании водохозяйственных отношений.

18 октября 1995 года Государственной Думой был принят Водный кодекс Российской Федерации № 167-ФЗ – первый российский кодифицированный акт, сочетавший переход к сочетанию публично-правового регулирования с элементами рыночных механизмов водопользования, согласно преамбуле призванный регулировать отношения по поводу вод путем установления правовых основ использования и охраны водных объектов.

Ключевой особенностью нормативного правового акта стало навеянное переходом к рыночной экономике использование договорных форм водопользования наряду с имеющими разрешительную природу. Введение принципа платности водопользования как стимула рационального использования.

Несмотря на такие положительные аспекты как формирование современной системы водного законодательства в новых экономических условиях, разграничение полномочий между уровнями публичной власти, а также усиление природоохранных требований, Водный кодекс 1995 г. с течением времени был обречен на переработку.

Новый Водный кодекс Российской Федерации 2006 года был принят в рамках реформы природоресурсного законодательства. Работа над кодексом была начата в 2003 году, разработчики рассмотрели многочисленные предложения в проект закона и поправки в него.

Вопреки страхам общественности о введении института приватизации водных объектов [3], новый кодекс, хоть и явил свету более детально проработанную концепцию приобретения права пользования водными объектами на основании договора, но возможность изменения государственной собственности на частную в отношении всех водных объектов не допускает. Исключения составляют лишь пруды и обводненные карьеры, возникновение прав на которые связывается с правом собственности на земельный участок.

В связи с тем, что водный объект – сама по себе подвижная и изменяемая материя, неудивительны затруднения при формулировании исчерпывающих признаков, позволивших бы определить юридический предмет регулирования. В настоящее время понятие водного объекта сформулировано в пункте 4 статьи 1 Водного кодекса Российской Федерации следующим образом: «природный или искусственный водоем, водоток либо иной объект, постоянное или временное сосредоточение вод в котором имеет характерные формы и признаки водного режима» [4].

Козлов Д.В. высказывал опасения, что дополнение понятия водного объекта возможностью временного характера сосредоточения вод и замена таких понятных признаков как границы, объем и черты водного режима словосочетанием «характерные формы и признаки» в отсутствие законодательного закрепления пояснения, вводит существенную неопределенность [5]. Нельзя не согласиться с автором, ведь при осуществлении правоприменения ключевое значение имеет как определение объекта реализации права пользования, так и установление места в случае совершения правонарушения.

Правовые нормы, определяющие порядок установления границ многих водных объектов, также едва терпят критику. Например, береговая линия рек, ручьев, каналов, озер, обводненных карьеров определяется по среднесезонному уровню воды в безледный период, а береговая линия прудов и водохранилищ – по нормальному подпорному уровню воды. По отношению ко многим водным объектам установить на практике эту линию трудно.

Рассматривая проблему с точки зрения толкования права, для установления истинного смысла некоторых закрепленных в Водном кодексе Российской Федерации понятий правоприменитель вынужден обращаться не только к иным нормативным актам, но и к специальной литературе в области знаний о гидрологии.

Не стоит упускать из внимания также, что одной из ключевых функций водного законодательства является регулирование использования водных объектов, в том числе установление процедуры приобретения права на пользование, условий и порядка при реализации такого права, а также ответственность за нарушение условий водопользования.

Вопросы использования подземных водных объектов в большей степени возложены на законодательство о недрах, водное законодательство же выполняет в отношении них в основном охранительную функцию.

Исчерпывающий перечень оснований приобретения права пользования поверхностными водными объектами или их частями представлен установлен статьей 11 Водного кодекса Российской Федерации – заключение договора водопользования с уполномоченным органом или получение решения о предоставлении водного объекта в пользование. Линией разграничения в этом случае выступает цель.

Использование водных ресурсов осуществляется для удовлетворения большого спектра нужд общества, государства и бизнеса – забор (изъятие) водных ресурсов для нужд населения и предприятий, использование акватории в рекреационных целях или для аквакультуры, производство электрической энергии, создание стационарных и плавучих буровых установок, строительство, разведка и добыча полезных ископаемых, сплав древесины и так далее.

Ввиду особой формы, внешнего выражения, хрупкости и истощаемости особенного предмета законодательной охраны, поверхностные водные объекты зачастую становятся объектом нарушения обязательных требований законодательства, которые при своей значительности в ряде случаев трудно выявляемые, в том числе, из-за неоднозначности при толковании правовых норм.

Объекты, оказывающие негативное воздействие на окружающую среду, в России подразделяются на четыре категории в зависимости от уровня воздействия, в связи с чем к каждому из таких объектов предъявляется ряд обязательных требований, соблюдение которых призвано минимизировать негативное влияние и исключить загрязнение компонентов окружающей среды.

Так, для объектов, отнесенных к I категории, обязательным является получение комплексного экологического разрешения, в котором в целях ликвидации бюрократического барьера и выполнения поэтапного перехода к использованию предприятиями наилучших доступных технологий объединены обязательные требования к выбросам загрязняющих веществ в атмосферу, сбросы сточных вод в водоемы, обращение с отходами производства и потребления, воздействие на недра и другие компоненты окружающей среды.

Получение комплексного экологического решения является результатом прохождения сложной и многоступенчатой процедуры согласования с органами государственной власти, каждый из которых проводит оценку соответствия представленных документов и сведений требованиям действующего законодательства.

Несмотря на довольно широкий перечень документации, которая ложится в основу принятия решения о выдаче комплексного экологического разрешения, в том числе нормативы допустимых сбросов, программа производственного экологического контроля, а также программа повышения экологической эффективности при ее наличии, итоговая запись о разрешительном документе согласно пункту 10 статьи 31.1 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» в части нормативов качества отводимых сточных вод предприятием должна содержать лишь технологические нормативы, нормативы допустимых сбросов высокотоксичных веществ, веществ, обладающих канцерогенными, мутагенными свойствами (веществ I, II класса опасности).

При этом, статьей 21 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» определено, что в целях предотвращения негативного воздействия на окружающую среду хозяйственной и (или) иной деятельности устанавливаются нормативы допустимого воздействия на окружающую среду, в том числе, нормативы допустимых сбросов.

На основании требований пункта 2 и 4 статьи 22 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» расчет нормативов допустимых выбросов, нормативов допустимых сбросов производится юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, планирующими строительство объектов I и II категорий (при проведении оценки воздействия на окружающую среду), а также осуществляющими хозяйственную и (или) иную деятельность на объектах II категории, исключение из обязанности расчета нормативов допустимых сбросов, за исключением радиоактивных, высокотоксичных веществ, веществ, обладающих канцерогенными, мутагенными свойствами (веществ I, II класса опасности), составляют лишь объекты III категории [6].

Главная проблема, вытекающая из двойственности нормативного регулирования, стала очевидной при осуществлении правоприменительной практики: контролируемые лицами совокупность выше приведенных экологических норм толкуется как отсутствие необходимости разработки и соблюдения любых нормативов, кроме установленных комплексным экологическим решением. В этих условиях перед органами исполнительной власти, осуществляющими государственный контроль (надзор) встает вопрос – каким образом в таких случаях осуществлять контроль по сбросам загрязняющих веществ, которые не являются предметом установления технологических нормативов или веществами I и II класса опасности.

Масштабы проблемы становятся очевидными на практике, когда при проверке объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду высокого и чрезвычайно высокого риска, проверяющий сталкивается с ограниченным нормированием минимального количества загрязняющих веществ, по которым, как правило, установлен довольно высокий порог превышения допустимого сброса.

Фактически действующее законодательство о требованиях к контролируемым показателям, допускает проблему толкования правовых норм, последствием которой может стать как образование сектора бесконтрольного негативного воздействия на окружающую среду и причинение вреда водным объектам, так и необоснованное нарушение прав и законных интересов юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля [7].

Обращаясь к анализу проблем толкования правовых норм водного законодательства, имеющих практическое значение, нельзя оставить без внимания сложности разграничения предмета государственного экологического контроля (надзора), осуществляемого на федеральном уровне и субъектами Российской Федерации.

Одним из характерных примеров является критерий отнесения объектов к объектам, подлежащим федеральному государственному надзору, закрепленный в Постановлении Правительства Российской Федерации от 30.06.2021 № 1096 и сформулированный следующим образом: «использование водных объектов или их частей для нужд городов с численностью населения 100 тыс. человек и более, а также для нужд предприятий и других организаций, производящих забор воды или сброс сточных вод в объеме более 15 млн. куб. метров в год» [8].

Нормальное применение изложенной правовой нормы сталкивается с рядом проблем грамматического, логического толкования, а также толкования по объему – законодатель не определяет, что именно следует понимать под «нуждами городов, предприятий и других организаций», какова логика исключения из этого перечня иных категорий водопользователей (граждан, государственных органов и прочие), в каких случаях относить к предмету контроля весь водный объект, а в каких – часть, чем определяются границы этой части, забор воды или сброс сточных вод в объеме более 15 млн. куб. метров в год должны

осуществляться одним водопользователем или совокупно, а также к каким данным следует обращаться при оценке – нормативно допустимым или фактическим.

Также отсутствуют основания для толкования нормы с точки зрения вопроса о достаточности соблюдения условия о использовании водного объекта (или его части) для нужд города или необходимо совокупное сочетание всех указанных в норме права условий.

В целях единообразия правоприменительной практики на территории Красноярского края долгое время все эти вопросы разрешались путем негласного разграничения предмета подведомственности по территориальному признаку: в границах населенных пунктов для части такого водного объекта действует приоритет компетенции федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на осуществление государственного экологического контроля (надзора), за пределами населенного пункта – область ответственности соответствующего органа субъекта Российской Федерации. Однако, в настоящее время такое применение такого способа толкования постановлено под сомнение, а официальное разъяснение до сих пор так и не явило себя свету.

Эта проблема толкования в том числе играет не последнюю роль при оценке качества проведения контрольных (надзорных) мероприятий и их результатов, что при неблагоприятном исходе может стать причиной наступления публично-правовой ответственности государства, ведь специфика охраняемого объекта заключается в местоположении одних и тех же водных объектов не только на территории нескольких субъектов Российской Федерации, но и за ее пределами, что повышает уровень ответственности при формировании и применении нормативного регулирования.

В связи с необходимостью использования водных ресурсов повсеместно и в совершенно различных целях, а также от года к году возрастающей актуальностью экологической повестки, законодательно предстоит проведение крупной реформаторской компании складывающегося комплекса правовых норм по использованию и охране водных объектов.

Список литературы

1. О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2024 году. Государственный доклад. – М.: Минприроды России; ФГБУ «ВНИИ Экология», 2025. – 721 с.
2. Будникова, Ю. Е. Анализ водного законодательства РФ и выявление пробелов в нем / Будникова Ю. Е. // Труды Института государства и права РАН. – 2010. – № 2. – С. 116-123.
3. Госдума выводит страну на чистую воду. – Текст: электронный // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/644359> (дата обращения: 05.03.2026).
4. Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Российская газета. – 2006 – № 4087.
5. Козлов, Д. В. Сравнение водных кодексов 1995 и 2006 годов / Козлов Д. В. // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2006. – № 4. – С. 280-285.
6. Федеральный закон от 10.01.2002 (ред. от 28.12.2025) «Об охране окружающей среды» // Российская газета. – 2002 – № 0(2874).
7. Федеральный закон от 26.12.2008 (ред. от 29.12.2025) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» – Текст: электронный // URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.03.2026).
8. Постановление Правительства РФ от 30.06.2021 (ред. от 27.08.2025) «О федеральном государственном экологическом контроле (надзоре)» – Текст: электронный // URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.03.2026).

ЭВОЛЮЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОЙ ДОКТРИНЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ В РЕШЕНИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ

Козаченко Арина Алексеевна, студент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
arinakozachenko1@gmail.com

Научный руководитель: Трофимова Инесса Борисовна, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
iness.kastilia@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется эволюция конституционной доктрины социальной защиты в решениях Конституционного Суда Российской Федерации, принятых в 2025 году. На основе анализа постановлений № 6-П и № 10-П автором выявляются новые тенденции в интерпретации принципов социального государства, гарантий трудовых прав и мер поддержки отдельных категорий граждан. Особое внимание уделяется правовым позициям Суда относительно содержания права на справедливое вознаграждение за труд и критериев дифференциации социальных гарантий. Делается вывод о формировании устойчивого вектора на «персонализацию» социальной защиты и усиление гарантий для социально уязвимых групп.

Ключевые слова: Конституционный Суд, социальная защита, конституционная доктрина, трудовые права, социальное государство, дифференциация правового регулирования, право социального обеспечения

Конституция Российской Федерации 1993 года провозгласила Россию социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (статья 7) [1]. Однако, конкретное наполнение этого конституционного принципа, его границы и механизмы реализации неизменно остаются предметом интерпретации со стороны Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ, Суд) [5].

2025 год ознаменовался принятием ряда значимых Постановлений, в которых КС РФ существенно уточнил и развил свою правовую позицию по вопросам социальной защиты. Цель настоящей статьи – выявление основных направлений эволюции конституционной доктрины социальной защиты на основе анализа двух ключевых постановлений: Постановления от 5 марта 2025 года № 10-П (далее – Постановление № 10-П) и Постановления от 11 февраля 2025 года № 6-П (далее – Постановление № 6-П) [2]. В задачи исследования входит: 1) реконструкция правовых позиций Суда по каждому из указанных актов; 2) выявление общих тенденций в интерпретации социальных прав; 3) оценка влияния данных решений на развитие законодательства и правоприменительной практики.

Постановление № 10-П рассматривает конституционное измерение заработной платы и принцип эквивалентности [1].

Постановление Конституционного Суда РФ от 5 марта 2025 г. № 10-П, вынесенное по жалобе гражданина Е.В. Неверова, учителя информатики и физики из Алтайского края, стало значимым этапом в развитии доктрины оплаты труда [1]. Заявитель, работая на условиях неполного рабочего времени (14 часов в неделю при норме 18 часов за ставку), оспаривал конституционность ряда положений Трудового кодекса РФ, регулирующих структуру заработной платы и гарантии ее минимального размера [1].

Суть дела заключалась в следующем: при установленной учебной нагрузки ниже нормы часов за ставку заработная плата заявителя, состоящая из оклада, компенсационных и стимулирующих выплат, в сумме не достигала минимального размера оплаты труда (МРОТ), хотя формально гарантии статьи 133 Трудового кодекса РФ (о недопустимости оплаты ниже

МРОТ при полностью отработанной норме) к нему не применялись, поскольку норма рабочего времени полностью не вырабатывалась [1]. Возникал вопрос о конституционности самой конструкции оплаты труда педагогических работников и о том, гарантирует ли государство пропорциональную защиту при неполной занятости [5].

Правовая позиция Суда заключается в следующем [1]:

Конституционный Суд, исследовав представленные материалы, сформулировал ряд принципиальных выводов, развивающих доктрину социальной защиты.

Во-первых, Суд подтвердил, что конституционное право на вознаграждение за труд (статья 37 Конституции РФ) предполагает не только формальное соблюдение минимальных стандартов, но и справедливую оценку труда с учетом его количества и сложности [1]. Суд указал, что «заработная плата работника, выполняющего трудовую функцию в условиях неполного рабочего времени, не может формироваться произвольно, а должна отражать эквивалентность между затраченным трудом и его оплатой в пропорции, соответствующей объему выполняемой работы» [1].

Во-вторых, КС РФ обратил внимание на дефектность действующего правового регулирования, при котором работники с неполной занятостью фактически исключаются из сферы действия гарантий, связанных с МРОТ, что создает риск неоправданного занижения оплаты их труда [1]. Суд подчеркнул, что отсутствие прямой привязки к МРОТ в таких случаях не означает, что оплата может устанавливаться в произвольном размере, не учитывающем минимальные стандарты вознаграждения за единицу трудовых затрат [1].

Наиболее значимым представляется вывод Суда о том, что принципы социального государства требуют установления таких механизмов оплаты труда, которые обеспечивали бы работнику, даже при неполной занятости, получение средств, достаточных для удовлетворения основных жизненных потребностей [1]. Иными словами, Конституционный Суд распространил действие социальных гарантий на всех работников независимо от формы занятости, фактически признав необходимость пропорциональной защиты [5].

Значение для конституционной доктрины весьма велико [5].

Постановление № 10-П существенно обогатило конституционную доктрину социальной защиты, в частности, понимания права на труд [1]. Если ранее акцент делался преимущественно на минимальных гарантиях при полной занятости, то теперь Суд обратил внимание на «скрытые зоны» социальной уязвимости – работников с неполной занятостью, чей труд, будучи формально оплачиваемым, мог фактически недооцениваться [5]. Тем самым КС РФ продемонстрировал движение от формально-уравнительного понимания социальных гарантий к дифференцированному и более справедливому, учитывающему реальные трудовые затраты [5].

Постановление № 6-П: посмертная репродукция и расширение границ социальной защиты [2].

Не менее резонансным стало Постановление Конституционного Суда РФ от 11 февраля 2025 года № 6-П, посвященное проблеме посмертной репродукции [2]. Это дело затронуло ранее не урегулированные законодательством вопросы использования генетического материала умершего лица для рождения ребенка [3].

Конституционно-правовой конфликт [2].

В центре внимания Суда оказалась ситуация, когда вдова обратилась в медицинскую организацию с просьбой использовать криоконсервированный генетический материал умершего супруга для искусственного оплодотворения, но получила отказ ввиду отсутствия законодательного регулирования данного вопроса [2]. Заявительница оспаривала сложившуюся правовую неопределенность, как нарушающую ее право на создание семьи и право на социальное обеспечение в случае утраты кормильца [2].

Правовая позиция Суда и доктринальные новеллы заключаются в следующем [2]:

Конституционный Суд признал, что отсутствие законодательного регулирования посмертной репродукции создает риски нарушения конституционных прав граждан [2]. В своем решении Суд, по существу, возложил на законодателя позитивную обязанность

урегулировать данный институт, определив условия и порядок использования репродуктивных технологий после смерти генетического донора [2].

Ключевым доктринальным выводом Постановления № 6-П стало признание того, что социальная защита со стороны государства не может ограничиваться традиционными формами (пенсии, пособия), но должна распространяться и на новые сферы, связанные с реализацией репродуктивных прав [2]. Суд указал, что «государство, провозглашая защиту семьи, материнства, отцовства и детства, обязано создавать правовые механизмы, позволяющие гражданам реализовывать свои репродуктивные намерения, в том числе в ситуациях, не получивших прямого законодательного разрешения, но не противоречащих конституционным ценностям» [2].

Ю. Васильева, анализируя современные тенденции социальной политики, характеризует их как движение в сторону «социального конституционализма» и «детоцентризма» [4]. Постановление № 6-П в полной мере отражает эту тенденцию, расширяя границы государственной заботы о семье и детях на новые, ранее не известные праву случаи [4].

Установление презумпции и предотвращение конфликтов

Исследователи отмечают, что после принятия Постановления № 6-П перед законодателем встала задача выбора одной из двух моделей регулирования: презумпции согласия на посмертную репродукцию либо презумпции несогласия [3]. Каждая из моделей имеет свои преимущества и риски [3]. В любом случае, Конституционный Суд обозначил вектор: отсутствие явно выраженной воли лица при жизни не должно автоматически блокировать возможность рождения ребенка, если это соответствует интересам семьи и не нарушает права иных лиц [2].

Эволюционные тенденции в доктрине социальной защиты [5].

Сопоставительный анализ двух рассмотренных постановлений позволяет выявить общие тенденции в развитии конституционной доктрины социальной защиты.

Персонализация и адресность

И в Постановлении № 10-П [1], и в Постановлении № 6-П [2] отчетливо прослеживается стремление Суда к «персонализации» социальной защиты [5]. В первом случае речь идет об учете реального объема трудовых затрат конкретного работника [1], во втором – об учете уникальных жизненных обстоятельств и репродуктивных намерений конкретной семьи [2]. Традиционные, «среднестатистические» модели социальной поддержки уступают место более гибким механизмам, ориентированным на конкретную жизненную ситуацию [5].

Расширение предметного поля межотраслевой нормы КС РФ сформулировал следующим образом:

Конституционная доктрина социальной защиты последовательно расширяет свои границы [5]. Если ранее она охватывала преимущественно вопросы пенсионного обеспечения, пособий, льгот, то теперь в орбиту конституционного регулирования попадают такие сферы, как оплата труда при нестандартных формах занятости [1], репродуктивные права [2], биомедицинские технологии [3]. Это свидетельствует о том, что принцип социального государства понимается Судом как динамичная категория, содержание которой обогащается по мере развития общественных отношений [6].

Баланс публичных и частных интересов [5].

Оба постановления демонстрируют тонкую работу Суда по поиску баланса между публичными интересами (бюджетные ограничения, необходимость единообразного регулирования) и частными интересами конкретных граждан [5]. В Постановлении № 10-П этот баланс достигается через признание за работником права на пропорциональную защиту, но без автоматического распространения на него всех гарантий, предназначенных для полностью занятых [1]. В Постановлении № 6-П – через возложение на законодателя обязанности урегулировать отношения, но с предоставлением ему широкой дискреции в выборе конкретной модели [2].

Активная роль Суда в формировании социальной политики заключается в том что, оба решения подтверждают тезис о возрастающей роли Конституционного Суда как активного участника формирования социальной политики [5]. Суд не только проверяет конституционность уже принятых норм, но и указывает законодателю направления развития правового регулирования, фактически формулируя позитивную повестку в сфере социальной защиты [5].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что 2025 год стал важным этапом в эволюции конституционной доктрины социальной защиты в России [5]. В Постановлениях № 6-П и № 10-П Конституционный Суд РФ продемонстрировал последовательное движение в сторону расширения границ социальной защиты, ее персонализации и адаптации к новым вызовам общественного развития [5].

В сфере трудовых прав акцент смещается от минимальных стандартов к справедливой оценке труда в его реальном измерении, включая нестандартные формы занятости. В сфере семейных и репродуктивных прав происходит признание необходимости государственного регулирования новых отношений, связанных с применением биомедицинских технологий [2].

Оба рассмотренных постановления создают прочную конституционную основу для дальнейшего совершенствования законодательства о социальной защите и формирования более гибких, адресных и справедливых механизмов поддержки граждан в различных жизненных ситуациях [5].

Список литературы

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 5 марта 2025 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности абзаца пятого части первой статьи 21, абзаца седьмого части второй статьи 22, части четвертой статьи 60.2, части третьей статьи 93, статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, частей первой – четвертой и одиннадцатой статьи 133.1, а также частей первой и второй статьи 135 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Неверова». – Текст: электронный // URL: <https://www.v2b.ru/documents/postanovlenie-ks-rf-ot-05-03-2025-10-p/> (дата обращения: 25.02.2026).

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 февраля 2025 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности положений Федерального закона "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" и Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.А. Малышевой». – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.02.2026).

3. Третьяк, И. А. Посмертная репродукция в решениях Конституционного Суда РФ: проблемы конституционно-правового регулирования / И. А. Третьяк / - Текст: электронный // Enforcement. – 2025. – № 1. – URL: <https://enforcement.omsu.ru/jour/article/jats/1172> (дата обращения: 25.02.2026).

4. Васильева, Ю. Новый вектор социальной политики российского государства в отношении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей / Ю. Васильева. – Текст: электронный // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2025. – № 1. – С. 5-12. - Текст: электронный // URL: <http://electronic.ruzh.org/?q=en/node/2205> (дата обращения: 25.02.2026).

5. Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации за первый квартал 2025 года. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://kprim.ru/pervyj-obzor-praktiki-konstitucionnogo-suda-rossijskoj-federaczii-za-2025-god/> (дата обращения: 25.02.2026).

К НЕКОТОРЫМ ВОПРОСАМ СОЦИАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА

Козачук Алина Игоревна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

Alinaki7002@mail.ru

Научный руководитель: Трофимова Инесса Борисовна, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

Аннотация. В данной статье проводится анализ Российской Федерации как социального государства, защиты социальных прав, обозначаются цели и задачи социального государства, описывается как конкретно исполняются социальные гарантии от государства гражданам РФ исходя из нормативно-правовых актов. На примерах решений Конституционного Суда РФ показано практическое значение защиты права граждан на жилище. Также в тексте упоминается роль социальных норм в реализации социальной политики и рассматривается насколько качественно осуществляется социальная помощь от государства для всего населения в целом.

Ключевые слова: социальное государство, Российская Федерация, социальное право, социальные нормы, защита прав граждан, право на жилище, Конституционный Суд РФ

Социальное государство – характеристика конституционно-правового статуса государства, (принцип), предполагающий закрепление в конституции гарантий экономических и социальных прав и свобод человека и гражданина и соответствующих обязанностей государства [1, с 701].

Цель социального государства: создание условий для достойной жизни и свободного развития человека [2].

Основные задачи социального государства: охранять труд и здоровье людей; устанавливать гарантированный минимальный размер оплаты труда; обеспечивать государственную поддержку семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан; развивать систему социальных служб, устанавливать государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты [2].

Почему же Российская Федерация является социальным государством? В РФ охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты [2]. То есть, Российская Федерация выполняет все основные цели и задачи социального государства. Все эти социальные гарантии закреплены в различных НПА, а именно в Конституции РФ, статьи: 7, 37-41; в федеральных законах (например, ФЗ от 17.01.1999 №178-ФЗ «О государственной социальной помощи»), законах РФ и др.

Социальные права – это совокупность конституционных прав человека, дающих ему возможность претендовать на получение от государства при определенных условиях определенных материальных благ [1, с.702].

К социальным правам относятся: право на труд, право на охрану материнства и детства, право на социальное обеспечение, право на жилище, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, право на благоприятную окружающую среду, право на образование [2].

Наиболее распространенной и эффективной формой защиты социально-обеспечительных прав в Российской Федерации является судебная защита права, которая может классифицироваться как защита социально-обеспечительных прав Конституционным

Судом РФ, Верховным Судом РФ, судами общей юрисдикции, мировыми судьями, арбитражными судами [3].

Рассмотрим случай судебной защиты связанный с правом человека на жилище. Р.С. Темиржанова, состоящая с 2014 г. в списке детей-сирот Алтайского края, в 2022 г. приобрела квартиру в ипотеку с использованием материнского капитала. Местные органы исключили ее из списка нуждающихся по ст. 8 ФЗ №159 из-за наличия жилья в собственности; она обратилась в Конституционный Суд. Суд постановил, что само приобретение жилья в ипотеку не лишает детей-сирот права на государственное жилье: оспариваемые нормы ФЗ №159 не противоречат Конституции, но должны применяться так, чтобы ипотечное жилье не служило основанием для исключения. Упомянуто, что ФЗ №461-ФЗ (04.08.2023) расширил гарантии – выплата на покупку жилья или погашение ипотеки. В результате квартира осталась в собственности Темиржановой, ее право на жилье восстановлено, а решения нижестоящих судов подлежат пересмотру [4]. В этом случае Конституционный Суд как государственный орган РФ проявил себя очень компетентно. Он грамотно проанализировал все жалобы Р.С. Темиржановой, указал, какие ФЗ не противоречат Конституции РФ, отметил законные права детей-сирот (к которым относилась гражданка) анализируя соответствующие федеральные законы, защитив право гражданки на государственную квартиру.

Еще одним примером защиты права на жилище может послужить этот инцидент. КС РФ Гражданин Марков Б. В. оспорил в КС РФ изменение части 3 ст. 8 ФЗ №247-ФЗ, которое Федеральным законом №485-ФЗ от 30.12.2021 повысило порог выслуги с 10 до 25 лет. Заявитель заключил договор найма служебного жилья 31.03.2021 и уволился 10.01.2022. КС указал, что лица, заключившие договор найма до 30.12.2021 и имевшие на эту дату статус нуждающихся, выслугу не менее 10 лет и проживавшие в служебном жилье, не лишаются права на его сохранение после увольнения, несмотря на введение порога в 25 лет [5]. Как итог, гражданин Марков Б. В. вправе защищать право на пользование служебным жильем после увольнения. Здесь мы опять можем заметить, как качественно работает КС РФ, решая проблемы граждан с правом на жилище. Это доказывает высокое качество социальной помощи от государства, а также хорошую деятельность государственных органов в решении социальных проблем.

Социальные нормы – отличные от норм права, не закрепленные законодательно общие правила поведения, регулирующие общественные отношения между людьми, коллективами, социальными группами, государственными и общественными организациями, предприятиями и другими хозяйственными структурами [1, с. 702].

В Российской Федерации социальная политика через социальные нормы реализуется с помощью НПА, которые обеспечивают защиту права граждан на отдых. Определяется максимальная продолжительность рабочего времени и ежегодно оплачиваемый отпуск, ежедневный перерыв для отдыха и питания, устанавливаются нерабочие праздничные дни и т.д.

Исходя из своих полномочий, Конституционный Суд разрешает дела о соответствии Конституции: федеральных конституционных законов, федеральных законов, нормативных актов Президента РФ, Совета Федерации, Госдумы, Правительства РФ и т.д. Разрешает споры о компетенции: между федеральными органами государственной власти, между органами государственной власти РФ и органами власти субъектов РФ, между высшими государственными органами субъектов РФ. Проверяет конституционность законов и иных нормативных актов по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан, по запросам судов [2].

Список литературы

1. Борисов, А.Б. Большой юридический словарь / А.Б. Борисов // – Москва, 2010-848 с.
2. Конституция Российской Федерации: (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с поправками, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.) – Текст: электронный // // Консультант Плюс: Законодательство.

3. Гусев А. Ю. Формы и способы защиты социально-обеспечительных прав и их классификация / А.Ю. Гусев // Вестник Воронежского государственного университета. - 2022. - С. 131.

4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18.07.2025 № 30-П по делу о проверке конституционности положений пункта 3-1, подпункта 3 пункта 4 статьи 8 Федерального закона "О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей" части 4 статьи 10 Федерального закона "О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей", части 1 статьи 109-1 Жилищного кодекса Российской Федерации, а также положений статей 327-1 и 379-6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Р.С.Темиржановой – Текст: электронный // Консультант Плюс: Законодательство.

5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 09.10.2025 № 33-П по делу о проверке конституционности части 3-2 статьи 8 Федерального закона "О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина Маркова Бориса Викторовича – Текст: электронный // // Консультант Плюс: Законодательство.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Корякина Ангелина Вадимовна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

lino4kalyna@gmail.com

Худенко Виктория Дмитриевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

viktoria.hu@mail.ru

Научный руководитель: Бородин Игорь Анатольевич, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

igoriborodin@bk.ru

Аннотация. Рассматривается современная демографическая ситуация в России сквозь призму правовых проблем и исторического опыта СССР. Анализируются основные факторы, влияющие на рождаемость и смертность в текущем году. На основе статистических данных и сравнительно-правового метода предлагаются конкретные пути совершенствования законодательства для улучшения демографических показателей.

Ключевые слова: демография, рождаемость, правовые проблемы, решения, семья

Актуальность исследования обусловлена тем, что в 2026 году демографическая ситуация в РФ характеризуется устойчивыми негативными тенденциями, признанными на высшем государственном уровне приоритетной угрозой национального развития [4; 15]. Суммарный коэффициент рождаемости сохраняется ниже 1,4, что недостаточно для простого воспроизводства населения [3]. Ситуация усугубляется сокращением численности женщин репродуктивного возраста («демографическая яма» 1990-х) и ростом демографической нагрузки на трудоспособное население [15].

Ключевым инструментом воздействия на демографические процессы выступает право. Государством предпринимаются активные меры: с 2026 года введена семейная налоговая выплата [8], разработана Стратегия действий до 2036 года [13; 10]. Однако анализ правоприменительной практики показывает, что существующие меры поддержки носят фрагментарный характер и не дают системного эффекта [7; 5].

Цель исследования – анализ ключевых правовых проблем демографической политики и обоснование путей их решения.

На начало 2026 года численность населения России составляет 143,4 млн человек - на 3 млн меньше, чем в 2020 году. Естественная убыль ускорилась с 212 тыс. в 2020 году до прогнозируемых 600-700 тыс. ежегодно в 2025-2026 годах [1; 15]. Медианный возраст вырос с 38,7 до 40,7 лет.

Контраст с советским периодом подчеркивает глубину спада. В 1990 году население РСФСР составляло почти 149 млн человек [15]. Пик рождаемости (1987 год) - 2,5 млн детей, прогноз на 2026 год - всего 1,143 млн (минимум за всю постсоветскую историю). Суммарный коэффициент рождаемости упал с 2,13 в 1985-1987 годах до 1,37-1,4 [3; 15].

Для полноты ситуации стоит рассмотреть дополнительные показатели:

Продолжительность жизни. К 2020 году Россия вернулась к показателю СССР 35-летней давности: 71,5 года против 71,4 в 1985-м [15]. После пандемии к 2023 году достигнуто 73,3 года. Разрыв между полами составляет 12 лет (мужчины - 67,9, женщины - 79,5), что указывает на сверхсмертность мужчин.

Естественная убыль. В СССР до конца 1980-х сохранялся прирост. В 2020 году убыль достигла рекордных 702 тыс. человек [1]. Согласно прогнозу Росстата, совокупные потери до 2046 года могут превысить 12,7 млн человек [15].

Репродуктивный потенциал. Численность женщин репродуктивного возраста сократилась с 39 млн до 34 млн. Группа 20–29 лет снизилась до 7,18 млн человек [1; 3] - «эхо» спада 1990-х.

Таким образом, текущая ситуация представляет собой системный структурный кризис, требующий пересмотра основ политики (табл. 1).

Таблица 1 – Сводная таблица показателей

Показатель	СССР (1985-1990)	2020 год	2025-2026	Основная динамика
Численность населения	148,98 млн (1990)	146,37 млн	143,39 млн	Сокращение к уровню 1985
СКР	2,13	1,5	1,37-1,4	Падение в 1,5 раза
Число родившихся	2,5 млн (1987)	1,44 млн	1,143 млн (прогноз)	Исторический минимум
ОПЖ (оба пола)	71,4 года (1985)	71,5 года	73,3 года (2023)	Отставание на 35 лет
Разрыв ОПЖ (м/ж)	8-9 лет	~10 лет	11-12 лет	Увеличивается
Естественная убыль	Прирост	-702 тыс.	-600-700 тыс.	Необратимый характер
Женщины 20-29 лет	~12 млн	~8 млн	7,18 млн	Сжатие базы производства

Рассмотренные выше тенденции – падение рождаемости, старение населения и естественная убыль – не являются исключительно результатом "эха войн" или экономических циклов. Во многом они отражают способность или неспособность государства создать через правовые механизмы благоприятную среду для реализации репродуктивных установок граждан. Перейдем к анализу правовых проблем, препятствующих эффективной демографической политике, и рассмотрим, как менялось законодательство в этой сфере на протяжении последних десятилетий.

Система поддержки семей в России прошла сложную эволюцию, однако многие проблемы имеют корни в исторических разрывах.

Советский период (1930-1980-е). Целостная система поддержки: Указ от 08.07.1944 учредил звание «Мать-героиня» [9], Постановление от 27.06.1936 ввело пособия многодетным [13]. Действовали гарантированное жилье (хоть и по очереди), бесплатное дошкольное образование, сеть ведомственных учреждений. К 1985 году детские сады посещали более 70% детей.

Постсоветский этап (1991-2005). Период стагнации: сокращение сети детских учреждений, утрата жилищных гарантий, переход к категориальным выплатам. Указ № 431 от 05.05.1992 закрепил минимальные льготы, передав их реализацию регионам [6], что создало межрегиональную дифференциацию.

Современный этап (2007-2026). Внедрение новых инструментов: материнский капитал (ФЗ № 256-ФЗ) [3], единое пособие с 2023 года [2; 7]. Однако системные проблемы сохраняются (табл. 2).

Таблица 2 – Сравнительная характеристика правовых проблем

Параметр сравнения	СССР (1980-е)	2020 год	2025-2026	Ключевая проблема современности
Жилищное обеспечение	Бесплатное предоставление жилья (очередь 5-10 лет)	Льготная ипотека 6% для семей с детьми	Семейная ипотека до 6%, расширение на вторичное жилье	Рост цен на жилье (+40 % за 5 лет) нивелирует эффект льгот

Пособия на детей	Ежемесячные пособия малообеспеченным семьям (с1974)	Ежемесячные выплаты до 3 лет (средний размер 5-7 тыс. руб.)	Единое пособие до 17 тыс. руб. в среднем	Запутанность критериев нуждаемости, отсекающая работающих бедных
Материнский капитал	Отсутствовал	466 617 руб. на первого	690 000 руб. на первого (индексация)	Реальная покупательная способность снижается из-за инфляции
Детские сады	Охват 70+ %, ведомственная сеть	Очереди в ясли, сокращение ведомственных садов	Доступность ясельных групп остается проблемной в регионах	Дефицит мест для детей до 3-х лет
Налоговые льготы	Освобождение от ряда налогов (с 1944)	Стандартные вычеты 1400 руб. на первого, 3000 на третьего.	С 2026 г. семейная налоговая выплата (7 % от НДФЛ для семей с двумя+ детьми)	Вычеты не успевали за доходами, эффект «налогового кешбэка» 2026 г. еще предстоит оценить
Гарантии для студенческих семей	Общежития для семейных, повышенные стипендии	Декларативные нормы, реальная поддержка слабая	Рекомендации Минобрнауки по созданию условий (сентябрь 2026)	Отсутствие системных правовых гарантий
Миграционное законодательство	Закрытая система, трудовые мигранты из соцстран	Квоты, патенты, ориентация на замещение убыли	Курс на привлечение соотечественников, но противоречия сохраняются	Миграция не решает коренных проблем рождаемости

На основе сравнительного анализа можно выделить следующие системные недостатки:

1. Рассогласованность мер. Льготная ипотека сопровождается ростом цен на жилье (+40% за 5 лет) [5; 15]. Около 70% строящегося жилья - однокомнатные квартиры, непригодные для многодетных.

2. Дифференциация, грозящая дискриминацией. Усиление особого регулирования для работников с семейными обязанностями создает риски дискриминации женщин детородного возраста [7; 5].

3. Критерии нуждаемости. Парадокс: для получения земли нужна нуждаемость, для ипотеки - платежеспособность. Это отсекает семьи, способные перейти в категорию самодостаточных [5].

4. Жилищное обеспечение. Современная модель ориентирована на ипотеку, но дифференциация ставок в зависимости от числа детей недостаточна, механизмы перехода между программами отсутствуют [5; 14].

5. Студенческие семьи. В СССР были общежития семейного типа и повышенные стипендии. Современное законодательство лишь в 2026 году вышло на уровень рекомендаций [10], что создает разрыв между периодом учебы и трудовой занятости.

С учетом выявленных проблем возможны следующие пути решения (табл. 3):

Таблица 3 – Сравнительная характеристика предлагаемых решений

Направление	Опыт СССР	Современные инициативы (2025-2026)	Предлагаемые меры
Жилищная политика	Бесплатное жилье по очереди	Семейная ипотека, погашение 450 тыс. за четвертого	Дифференциация ставки по ипотеке в зависимости от числа детей; развитие льготной аренды для семей с детьми
Налоговое стимулирование	Освобождение от налогов	Семейная налоговая выплата (с 2026)	Расширение прогрессии; учет детей при расчете НДФЛ на постоянной основе
Поддержка студенческих семей	Общежития для семейных	Рекомендации Минобрнауки (2026)	Законодательное закрепление статуса «студенческой семьи»; гарантии мест в общежитиях семейного типа
Медицинская помощь	Развитая сеть женских консультаций	Модернизация перинатальных центров; центры репродуктивного здоровья Росатома и ФМБА	Распространение положительного опыта центров репродуктивного здоровья на все регионы
Информирование о мерах поддержки	Устная пропаганда, «растяпы»	Раздел «Госуслуги. Семья» и мобильное приложение (с 2026)	Создание системы проактивного информирования при наступлении жизненных событий
Оценка эффективности законов	Отсутствовала	Предложение о демографической ОРВ (2025)	Внедрение обязательной оценки воздействия на демографию для всех законопроектов

1. Демографическая ОРВ. В июле 2025 года Госдума рекомендовала Правительству разработать механизм оценки воздействия законопроектов на демографические процессы [7]. Это позволит оценивать, насколько решения помогают или создают проблемы.

2. Системная поддержка. Стратегия до 2036 года содержит 129 мероприятий по 8 направлениям [13; 10]. Важно обеспечить их согласованность, внедрив принцип поддержки «с рождением каждого последующего ребенка» во все сферы.

3. Корпоративная поддержка. Перечень поручений Президента от 09.02.2026 предусматривает анализ и распространение опыта работодателей по поддержке семей [14].

4. Жилищные решения. Требуется дифференциация ставок по ипотеке в зависимости от числа детей, развитие льготной аренды, первоочередное улучшение жилищных условий семей с детьми до 7 лет [5; 14].

5. Система выплат. Переход от сложных пособий к прозрачным и существенным выплатам, создающим условия для самообеспечения семьи [8; 13].

Проведенный анализ свидетельствует о системном демографическом кризисе: естественная убыль достигает 600-700 тыс. человек ежегодно [3; 14], суммарный коэффициент рождаемости (1,37-1,4) ниже уровня воспроизводства, численность женщин активного репродуктивного возраста сократилась до 7,18 млн человек [2]. За 35 лет России не удалось превзойти показатели рождаемости и продолжительности жизни конца 1980-х годов [12; 13; 14].

Проведенный анализ свидетельствует о системном демографическом кризисе: естественная убыль достигает 600–700 тыс. человек ежегодно [3; 15], суммарный коэффициент рождаемости (1,37–1,4) ниже уровня воспроизводства, численность женщин активного репродуктивного возраста сократилась до 7,18 млн человек [1]. За 35 лет России не удалось превзойти показатели рождаемости и продолжительности жизни конца 1980-х годов [9; 11; 15].

Правовой анализ выявил системные недостатки: рассогласованность жилищных и социальных программ [5], сложность критериев нуждаемости [7], отсутствие реальных гарантий для студенческих семей [10]. Принятые в 2025-2026 годах Стратегия действий до 2036 года [13] и нацпроект «Семья» [4] создают институциональную основу для изменений.

Ключевые направления совершенствования: внедрение демографической ОРВ [7],

дифференциация жилищных программ [14], законодательное закрепление статуса студенческой семьи [10], развитие корпоративных мер поддержки [14]. Их реализация способна создать условия для перелома негативных тенденций.

Список литературы

1. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС): официальный сайт – Текст: электронный // URL: <https://fedstat.ru/> (дата обращения: 16.02.2026).
2. О внесении изменений в Федеральный закон «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей»: Федеральный закон № 455-ФЗ от 21.11.2022 // Официальный интернет-портал правовой информации – Текст: электронный URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202211220001> (дата обращения: 16.02.2026).
3. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: Федеральный закон № 256-ФЗ от 29.12.2006 – Текст: электронный // КонсультантПлюс. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64872/ (дата обращения: 15.02.2026).
4. О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей: Федеральный закон № 418-ФЗ от 28.12.2017 // Официальный сайт Президента России – Текст: электронный // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42647> (дата обращения: 16.02.2026).
5. О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам...: Постановление ЦИК СССР № 65, СНК СССР № 1134 от 27.06.1936 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов – Текст: электронный // URL: https://e-ecolog.ru/docs/9-QSnSKS8cEaCFHgxm_QW (дата обращения: 16.02.2026).
6. О мерах по социальной поддержке многодетных семей: Указ Президента РФ № 431 от 05.05.1992 – Текст: электронный // КонсультантПлюс. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5504/ (дата обращения: 17.02.2026).
7. О рекомендациях парламентских слушаний «Демографическая политика России: новые решения»: Постановление ГД ФС РФ № 5432-8 ГД от 10.07.2025 // Система обеспечения законодательной деятельности – Текст: электронный // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/5432-8> (дата обращения: 17.02.2026).
8. О семейной налоговой выплате гражданам Российской Федерации, имеющим двух и более детей: Федеральный закон № 178-ФЗ от 13.07.2024 // Официальный интернет-портал правовой информации – Текст: электронный // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202407130012> (дата обращения: 16.02.2026).
9. Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям...: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 08.07.1944 // Контур.Норматив – Текст: электронный // URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=30133> (дата обращения: 16.02.2026).
10. Об утверждении плана мероприятий по реализации Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики... до 2036 года: Распоряжение Правительства РФ № 3999-р от 23.12.2025 // Официальный интернет-портал правовой информации – Текст: электронный // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202512290128> (дата обращения: 15.02.2026).
11. Об утверждении Положения о порядке назначения и выплаты государственных пособий семьям, имеющим детей: Постановление Совмина СССР № 659 от 12.08.1970 // Контур.Норматив – Текст: электронный // URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=31217> (дата обращения: 16.02.2026).
12. Об утверждении Порядка предоставления ежегодной семейной выплаты: Приказ Минтруда России № 450н от 15.08.2025 // Официальный интернет-портал правовой информации – Текст: электронный // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202508210015> (дата обращения: 16.02.2026).
13. Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года: Распоряжение Правительства РФ № 615-р от 15.03.2025 – Текст: электронный // Гарант.ру // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411631987/> (дата обращения: 17.02.2026).
14. Перечень поручений по итогам заседания Совета по реализации государственной демографической и семейной политики: утв. Президентом РФ 10.02.2026 № Пр-245 – Текст: электронный // Гарант.ру. - URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1994030/> (дата обращения: 15.02.2026).
15. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2046 года: стат. бюллетень / Росстат. – 2023 – Текст: электронный // URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/220709> (дата обращения: 16.02.2026).

ЧАСТНАЯ ИЛИ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ШКОЛА, ОСОЗНАННЫЙ ВЫБОР БУДУЩЕГО ДЛЯ СВОЕГО РЕБЕНКА, ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА

Кривоносова Дарья Борисовна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

krivonosovadash@yandex.ru

Шароглазова Дарья Сергеевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

Sharoglazovad@mail.ru

Научный руководитель: Бородин Игорь Анатольевич, старший преподаватель,

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

Аннотация. Выбор школы для ребенка, с этим сталкиваются все родители, некоторые выбирают частные школы основываясь на рекомендациях знакомых и близком расположении от дома, но этих знаний недостаточно при выборе образовательного учреждения, ведь несерьезный подход может привести к потере аттестата. В данной статье мы разберем поэтапно, что нужно знать при выборе частной школы, а также рассмотрим возможные риски для родителей и их ребенка.

Ключевые слова: Частная школа, аккредитация, лицензия, аттестат, государственная школа

Частная школа – это негосударственное образовательное учреждение, работающее на основе лицензии, финансируемое за счет платы за обучение, взимаемой с родителей, а не из госбюджета, как это происходит в государственных школах [2].

Одним из важных моментов при выборе школы является лицензия на введения образовательной деятельности по программам общего образования. Лицензия – это как паспорт для школы, без лицензии школы официально не существует и данное образовательное учреждение не имеет права оказывать образовательные услуги, ее обязаны иметь как частная, так и государственная школы [3]. Это означает:

1. Что организация в полном праве обучать ребенка с 1 по 11 класс.
2. Находится под контролем надзорных органов.
3. Работает по федеральным стандартам (ФГОС).
4. Проводит итоговую и промежуточную аттестацию [[1], [2], [3]].

Для того чтобы школу лицензировали нужно:

1. Учебные программы, соответствующие стандартам
2. Безопасное здание не подвергающее жизни учащихся и персонала опасности.
3. Учителя с дипломами.
4. Достаточное количество учебных пособий, компьютеров и др. для удобного и доступного в полной мере изучения образовательной программы.

Для оформления лицензии на обучение в частной школе, сперва нужно будет получить положительное заключение Роспотребнадзора и МЧС, данное заключение будет являться подтверждением о том, что данная образовательная организация соответствует всем нормам и правилам требуемые от образовательных учреждений [4]. Далее предстоит подготовить и подать в территориальный Комитет образования пакет документов:

1. Заключение СЭС и Пожарного надзора.
2. Опись вложения.
3. Квитанция об оплате госпошлины.
4. Справка о материально-техническом обеспечении образовательной деятельности.
5. Перечень образовательных программ и план педагогической деятельности.
6. Справка о наличии условий для оказания услуг детям с ограниченными возможностями (для спецшкол).

7. Заявление о предоставлении образовательной лицензии.

8. Документ, подтверждающий владение и пользование зданием и территорией предназначенные для частной школы.

9. Учредительные документы: свидетельство о государственной регистрации, ИНН, устав, приказ о назначении руководителя.

Государственная пошлина за выдачу образовательной лицензии составляет 7.500,00 рублей, согласно ст. 333.33 НК РФ, оплачивается безналичным расчетом [2].

Уполномоченный государственный орган рассматривает заявление о выдаче разрешения на ведение образовательной деятельности в течение 45 дней. Отказ может быть в двух случаях:

1. Несоответствие требования распространяющихся на общеобразовательные учреждения.

2. Предоставление ошибочных, недостоверных или ложных сведений и/или документов.

Если лицензирующий орган не выявит недочетов и оснований для отказа, через 45 дней заявитель получает лицензию, которая действует бессрочно [[1], [2] , [3]], но существует и другой тип лицензии – на дополнительное образование. Туда можно отнести кружки, факультативы, мастер-классы. Но подобные школы не имеет право учить детей по образовательной программе и гарантировать выдачу аттестата [3].

Следующий этап - аккредитация. Аккредитация свидетельствует не только о том, что данное образовательное учреждение соответствует государственным требованиям, но и дает право выдавать аттестаты государственного образца [4].

Риски для родителей при устройстве ребенка в частную школу, не имея понимания о нормах и законах для частных школ, заключаются в том что:

1. Ребенок не получает легитимного документа об окончании школы или класса.

2. Трудности при переводе в другие учебные учреждения, при аттестации или при поступлении в высшее учебное заведение или колледж/техникум.

3. Ребенка не ведут по школьной программе.

4. Знания ребенка не фиксируются официально.

Родителям при устройстве ребенка в частную школу стоит запросить у школы лицензию и аккредитацию. Важно помнить, что школы у которых нет проблем с данными документами не откажут в их предоставлении и не будут пытаться перевести тему или придумывать причины для отказа [2].

Рассмотрим частную школу «Веритас» находящуюся в г. Новосибирск. Создана школа "Веритас" в 1993 г. [1]. Их полное наименование - Общеобразовательная Автономная некоммерческая организация «Средняя общеобразовательная школа «Веритас»; сокращенное - ОАНО СОШ «Веритас». Первая аттестация с последующей аккредитацией в 2001г. Переезд в новое здание школы на ул. Танковую, 9/1 в 2004 г. Подтверждение аттестации и повторная аккредитация - 2006 г. Третья аттестация и аккредитация прошли в ноябре 2010 года. Последняя аттестация успешно прошла в марте 2016 года.

Лицензия выдана Министерством образования, науки и инновационной политики Новосибирской области, серия 54Л01 № 0003025, получена 29 марта 2016 года без окончания срока действия. Свидетельство об аккредитации № А007-01199-54/01185136 выдано 18 декабря 2015 года без окончания срока действия [1].

Также рассмотрим государственную школу для более точного понимания, представления и выбора образовательного учреждения для своего ребенка. Государственная школа – это образовательное учреждение созданное и финансируемое государством за счет налогов граждан. Обучение в таких школах бесплатное, а образовательный процесс регламентируется государственным стандартами [2].

Лицензия обязательна государственной школе так же как и частной школе. То же самое относится и к аккредитации, она также важна и для государственных школ.

Для наглядного примера сравним частную и государственную школы (табл. 1).

Таблица 1 – Сравнение частной и государственной школы

Показатель	Частная школа	Государственная школа
Преподаватели (учителя)	Меньше нагрузка на учителей. Больше сил на то, чтобы включаться в каждого ребенка и разнообразить уроки подходя избирательнее к преподаванию материала. Но повышается риск наткнуться на некомпетентных педагогов, поскольку в частных школах необходимости в регулярных подтверждениях квалификации нет	Педагоги государственных школ обязаны на регулярной основе проходить подтверждение квалификации (не реже чем раз в 3 года). Зачастую учащиеся сталкиваются с неуважительным отношением преподавателей к ученикам. Большая нагрузка на учителей, из-за этого учителя работают по одной системе, т.е. у них не хватает сил и времени на разработку иной системы проведения уроков (например в игровой форме, чтобы приподнести учебный материал более доступно и интересно)
Социализация	Зачастую классы маленькие (5-10 человек), из-за этого ребенку может не хватать общения со сверстниками.	Большие классы, но при этом большая очередь на место. Меньше внимания учителя к обучающимся
Олимпиады/конкурсы	Редко акцентируют внимание и подготовку к олимпиадам/конкурсам	Часто проводятся олимпиады/конкурсы, упор на подготовку к ним
Домашнее задание	Меньше домашнего задания по сравнению с государственными школами. Акцентируют внимание на практические задания, больше времени на дополнительные секции/кружки	Достаточно домашнего задания, чтобы занять весь вечер при этом включив в выполнение домашнего задания родителей
Индивидуальный подход	Учитывают индивидуальные способности ребенка и его ритм изучения программы. Исходя из увлечений ребенка могут составить для него индивидуальный план занятий (например, если ребенок активно занимается спортом, то ему в расписание поставят больше уроков с физической нагрузкой)	Нет индивидуального подхода. Все учащиеся учатся по определенной заданной программе. Ребенку приходится подстраиваться под общий ритм обучения из-за этого часто многие родители нанимают репетиторов
Перемены	Более длинные перемены. Возможность усвоить информацию и отдохнуть перед следующим уроком	Обычно 5-15 минут. Данного времени недостаточно, чтобы восстановиться после занятия и усвоить нужную информацию. Недостаток времени на личные нужды
Развитие навыков	Развивают эмоциональный интеллект, закладывают умение работать в команде	Зачастую у педагога не хватает времени для того, чтобы способствовать развитию определенных навыков ребенка

Исходя из вышеперечисленного можем сделать вывод о том, что у любой школы есть свои плюсы и минусы, неважно государственная эта школа или частная. Выбор куда определить своего ребенка остается за родителем, но самое главное, что на родителе лежит ответственность за будущее своего чадо. К выбору образовательного учреждения стоит подходить с умом и уверенностью.

Список литературы

1. Официальный сайт средней общеобразовательной школы «Веритас» -Текст: электронный // URL: <https://veritas-m.school/o-shkole/tolko-fakty>
2. Бялт, В.С. Правоведение: учебник для вузов / В. С. Бялт. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 303 с. – (Высшее образование).
3. Братко, Т.Д. Основы правоведения. Практический курс : учебное пособие для вузов / Т. Д. Братко. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2026. – 197 с. – (Высшее образование).
4. Лютягина Е.А. Обществознание. Основы государства и права : учебник для среднего профессионального образования / Е. А. Лютягина, А. М. Волков ; под общей редакцией Е. А. Лютягиной. 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2026. – 294 с.

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПОРЯДОК ПРИВЛЕЧЕНИЯ ОРГАНОВ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕСОБЛЮЖДЕНИЕ ПРОЦЕДУР ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ГРАЖДАНАМ

Крюк Анастасия Евгеньевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

anastasiakryuk@yandex.ru

Научный руководитель: Пономарева Валерия Владимировна, доктор юридических наук, профессор

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

valery_e378he@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется административный порядок привлечения органов местного самоуправления к ответственности за нарушения процедур предоставления земельных участков гражданам. Анализируются нормативно-правовая основа, виды правонарушений, субъектный состав ответственности и система мер наказания. Особое внимание уделяется проблемам правоприменения и перспективам совершенствования законодательства с учетом последних изменений, включая Федеральный закон от 19 июня 2025 г. № 33-ФЗ и Федеральный закон от 30 января 2026 г. № 12-ФЗ.

Ключевые слова: органы местного самоуправления, земельные участки, административная ответственность, должностные лица, казна, дисквалификация, прокурорский надзор

Земля как объект земельных отношений имеет двойное значение: согласно пп. 1 п. 1 ст. 6 Земельного кодекса РФ (ЗК РФ) она является природным объектом и природным ресурсом, а в соответствии со ст. 1, 3 ЗК РФ выступает одновременно основой жизни народов, составной частью природы, средством производства и объектом недвижимости. Данная специфика предопределяет повышенное внимание законодателя к процедурам предоставления земельных участков и особую значимость защиты прав граждан в этой сфере.

Права граждан на получение земельных участков гарантированы ст. 36 Конституции РФ и Земельным кодексом РФ. Однако многочисленные обращения в органы прокуратуры свидетельствуют о системном характере нарушений со стороны органов местного самоуправления (ОМСУ). По данным Генеральной прокуратуры РФ, значительная часть нарушений земельного законодательства связана именно с действиями (бездействием) муниципалитетов, при этом административные механизмы реагирования часто оказываются неэффективными.

В законодательстве РФ сохраняются пробелы и коллизии в регулировании механизмов привлечения к административной ответственности ОМСУ. Принятие 19 июня 2025 года нового Федерального закона № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» усложнило правоприменительную практику.

Системный анализ нормативных источников позволяет выделить три уровня правового регулирования ответственности ОМСУ.

Конституционный: ст. 36 Конституции РФ закрепляет право частной собственности на землю; ст. 12 устанавливает организационную самостоятельность местного самоуправления, что определяет специфику контроля; ст. 46 гарантирует право на обжалование решений и действий органов публичной власти.

Кодифицированные акты: Земельный кодекс РФ (ст. 39.14–39.18) – устанавливает процедуры предоставления участков; Гражданский кодекс РФ (ст. 16, 1069) – определяет

механизм возмещения вреда за счет казны; КоАП РФ (ст. 5.63, 7.1, 19.9) – закрепляет составы административных правонарушений.

Специальные федеральные законы: ФЗ № 131-ФЗ (в ред. от 19.06.2025) – общие принципы организации МСУ и ответственность перед населением; ФЗ № 210-ФЗ – стандарты предоставления муниципальных услуг; ФЗ № 59-ФЗ – порядок рассмотрения обращений граждан.

Ключевым составом административного правонарушения выступает статья 19.9 КоАП РФ «Нарушение порядка предоставления земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности». Правоприменительная практика позволяет выделить основные виды правонарушений:

Нарушение сроков рассмотрения заявлений (ч. 1 ст. 19.9 КоАП РФ). Бланкетная норма отсылает к ЗК РФ: 30 дней – для предоставления без торгов (п. 5 ст. 39.17 ЗК РФ); 2 месяца – для решения о проведении аукциона (подп. 9 п. 4 ст. 39.11 ЗК РФ).

Незаконный отказ в предоставлении участков (ч. 3 ст. 19.9 КоАП РФ). Муниципалитет вправе отказать только при наличии исчерпывающих оснований, предусмотренных ст. 39.16 ЗК РФ (для предоставления без торгов) или п. 8 ст. 39.11 ЗК РФ (для аукционов). Отказы по мотивам «нецелесообразности» или «отсутствия средств» являются незаконными. Часть 2 ст. 19.9 КоАП РФ устанавливает ответственность за предоставление участка лицу, не имевшему на это права.

Необоснованное изменение границ участков. Ответственность может наступать по ст. 7.1 КоАП РФ (самовольное занятие земельного участка), если действия ОМСУ создают условия для самовольного занятия: утверждение схем с пересекающимися границами, непринятие мер по пресечению захватов, предоставление участков без учета сложившихся границ.

Важной процессуальной особенностью является отнесение возбуждения дел по ст. 19.9 КоАП РФ к исключительной компетенции прокурора, что подчеркивает особый публичный характер данных правонарушений.

Для понимания механизма административно-правовой защиты рассмотрим субъекты ответственности. К ним относят:

Муниципальные образования и ОМСУ. Согласно ст. 12 Конституции РФ, органы МСУ не входят в систему госвласти. КоАП РФ не предусматривает составов, где субъектом выступало бы муниципальное образование или коллегиальный орган. Однако: вред возмещается за счет казны (ст. 16, 1069 ГК РФ) – это гражданско-правовая ответственность; ФЗ № 131-ФЗ предусматривает публично-правовую ответственность (ропуск представительного органа, отрешение главы), имеющую конституционно-правовую природу.

Должностные лица и муниципальные служащие. В соответствии с примечанием к ст. 2.4 КоАП РФ, должностные лица – субъекты, наделенные организационно-распорядительными функциями. К ним относятся: главы муниципальных образований, главы администраций, руководители комитетов по управлению имуществом, отделов архитектуры. Ключевые составы: ст. 19.9 (ч. 1-3), 5.63, 7.1 КоАП РФ. Виды наказаний: административный штраф (по ст. 19.9 – от 20 до 50 тыс. рублей) и дисквалификация на срок от 6 месяцев до 3 лет (ст. 3.11 КоАП РФ). Привлечение к административной ответственности должностного лица не снимает с муниципалитета обязанности возместить вред по ГК РФ (принцип параллельной ответственности)

Основными проблемами правоприменения в данной сфере отношений будут являться: отсутствие системности в регулировании (составы «разбросаны» по разным главам КоАП РФ); недостаточная дифференциация санкций; сложность доказывания вины конкретного лица при коллегиальном принятии решений.

Завершающим этапом административного порядка привлечения к ответственности является применение к виновным лицам мер государственного принуждения, которые формируют многоуровневую систему наказания и восстановления нарушенных прав. Действующее законодательство предусматривает три основных направления воздействия на

правонарушителей, которые могут применяться как самостоятельно, так и в совокупности, обеспечивая комплексную защиту прав граждан.

Дисциплинарная ответственность выступает первичным внутриорганизационным механизмом. Основание – дисциплинарный проступок (ст. 192 ТК РФ). Виды взысканий: замечание, выговор, увольнение. Может быть инициирована по результатам прокурорской проверки.

Материальная компенсация убытков гражданам реализуется через институт ответственности казны. На основании ст. 16, 1069 ГК РФ убытки, причиненные незаконными действиями ОМСУ, возмещаются муниципальным образованием. Гражданин вправе требовать полного возмещения, включая реальный ущерб и упущенную выгоду (ст. 15 ГК РФ). Ответственность возлагается на публично-правовое образование, что гарантирует компенсацию независимо от платежеспособности конкретного служащего.

Административные штрафы и взыскания. По ст. 19.9 КоАП РФ – штраф 20-50 тыс. рублей для должностных лиц; дисквалификация. Исключительная компетенция прокурора по возбуждению дел обеспечивает независимость санкций. Привлечение к административной ответственности должностного лица не снимает с муниципалитета обязанности возместить вред по ГК РФ (принцип параллельной ответственности)

Повышение эффективности административного порядка привлечения органов муниципальной власти к ответственности за нарушения в сфере землеотвода невозможно без модернизации системы контроля и надзора, ключевыми направлениями которой выступают обеспечение прозрачности процедур предоставления земельных участков и повышение уровня информированности населения о правах и обязанностях местных властей. ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» обязывает размещать в открытом доступе административные регламенты, перечни документов, проекты схем расположения участков. Практика применения ст. 39.18 ЗК РФ показывает, что отсутствие открытой информации создает почву для коррупции. В доктрине обосновывается необходимость законодательного закрепления обязанности вести публичные реестры заявлений с указанием сроков рассмотрения. Правовое просвещение и разъяснение порядка обжалования незаконных решений (механизмы прокурорского реагирования, иски о возмещении вреда за счет казны) способны повысить правовую активность граждан и создать действенную систему обратной связи.

Анализ правоприменительной практики и текущих изменений земельного законодательства позволяет обозначить перспективные направления развития института ответственности органов муниципальной власти за нарушения процедур предоставления земельных участков, которые должны быть реализованы через модернизацию правовых механизмов и внесение системных изменений в нормативные акты.

Перспективным является законодательное закрепление упрощенного (внесудебного) порядка возмещения вреда. Принятый 30 января 2026 года Федеральный закон № 12-ФЗ, вносящий изменения в ст. 39.28 и 39.29 ЗК РФ, детализирует процедуры перераспределения участков, что минимизирует риски необоснованного изменения границ и создает предпосылки для введения специальных составов административных правонарушений. В доктрине обосновывается необходимость введения квалифицированных составов по ст. 19.9 КоАП РФ с повышенными штрафами за повторные нарушения и расширения оснований для дисквалификации.

Практика Конституционного Суда РФ (постановления № 42-П от 20.12.2024 и № 46-П от 15.03.2025) задает ориентиры для законодателя в части недопустимости привлечения к ответственности за действия, разрешенные правилами землепользования и застройки.

Перспективным, но требующим доктринальной проработки, является введение в КоАП РФ специальной статьи об ответственности муниципальных образований за систематические нарушения, что потребует учета конституционной природы местного самоуправления.

Проведенное исследование позволяет заключить, что административный порядок привлечения органов муниципальной власти к ответственности за несоблюдение процедур предоставления земельных участков представляет собой сложный, многоуровневый механизм, сочетающий нормы земельного, административного и гражданского права.

Непосредственным субъектом административной ответственности выступают должностные лица ОМСУ. Муниципальные образования несут имущественную (гражданско-правовую) ответственность через институт казны, а также публично-правовую ответственность в особых конституционно-правовых процедурах.

Развитие института ответственности должно идти по пути: а) дифференциации санкций в зависимости от тяжести правонарушения; б) расширения внесудебных механизмов восстановления прав граждан; в) последовательной конкретизации составов административных правонарушений с учетом новейших изменений земельного законодательства, включая Федеральный закон № 12-ФЗ от 30.01.2026.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. – 1993. – 25 дек.
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.
6. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.
7. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 4179.
8. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 19. – Ст. 2060.
9. Федеральный закон от 19.06.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 25. – Ст. 4125.
10. Федеральный закон от 30.01.2026 № 12-ФЗ «О внесении изменений в статьи 39.28 и 39.29 Земельного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2026. – № 5. – Ст. 789.
11. Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 7. – Ст. 776.
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.2024 № 42-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 19.9 КоАП РФ» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2025. – № 1.
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.03.2025 № 46-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений земельного законодательства» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2025. – № 3.
14. Боголюбов, С.А. Земельное право: учебник / С.А. Боголюбов // М.: Юрайт, 2025. – 415 с.
15. Волков, Г.А. Принципы земельного права России / Г.А. Волков // М.: Статут, 2024. – 320 с.
16. Галиновская, Е.А. Административная ответственность за земельные правонарушения: проблемы теории и практики / Е.А. Галиновская // Журнал российского права. – 2025. – № 4. – С. 45-58.
17. Игнатьева, И.А. Совершенствование законодательства об ответственности органов публичной власти в сфере земельных отношений / И.А. Игнатьева // Экологическое право. – 2025. – № 3. – С. 12-19.
18. Крассов, О.И. Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации / О.И. Крассов // М.: Норма, 2026. – 848 с.
19. Липски С.А. Земельное право: учебное пособие / С.А. Липски. – М.: КноРус, 2025. – 328 с.
20. Мельников, Н.Н. Проблемы административной ответственности должностных лиц органов местного самоуправления / Н.Н. Мельников // Административное право и процесс. – 2025. – № 2. – С. 34-40.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕРАБОТКИ И УТИЛИЗАЦИИ ТВЕРДЫХ БЫТОВЫХ ОТХОДОВ

Мустафина Земфира Ильнуровна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

zemfiramust@yandex.ru

Переломова Анастасия Степановна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

dark.d1eam@yandex.ru

Научный руководитель: Бородин Игорь Анатольевич, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

igoriborodin@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается комплекс правовых аспектов организации и функционирования специализированного предприятия в сфере обращения с отходами на примере ООО «Полигон». Актуальность исследования обусловлена реализацией в России «мусорной реформы» и ужесточением экологического законодательства. Анализируются ключевые этапы легализации деятельности: выбор организационно-правовой формы, лицензирование, соблюдение земельных, градостроительных и экологических норм, взаимодействие с региональным оператором. Особое внимание уделяется правовым рискам и мерам ответственности. Выводы статьи подчеркивают необходимость строгого соблюдения комплексных требований законодательства для минимизации финансовых и репутационных потерь.

Ключевые слова: ООО «Полигон», обращение с отходами, твердые коммунальные отходы (ТКО), переработка отходов, утилизация отходов, региональный оператор, лицензирование деятельности, экологическое право, юридическая ответственность, объект, оказывающий негативное воздействие на окружающую среду (НВОС), платежи за НВОС, отходоперерабатывающее предприятие, законодательство об отходах

Общество с ограниченной ответственностью является наиболее распространенной формой для предприятий, подобных ООО «Полигон». Данный выбор обусловлен преимуществами, такими как ограничение имущественной ответственности учредителей размерами их вкладов в уставный капитал и относительная гибкость в системе корпоративного управления. Учредительный документ общества – Устав – в обязательном порядке отражает специфику его деятельности через коды Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД). Для компании, занимающейся переработкой и утилизацией отходов, ключевыми являются коды, связанные с обработкой и утилизацией неопасных отходов (38.21), обработкой и утилизацией опасных отходов (38.22), а также с обезвреживанием отходов (38.32). Законодательство предъявляет специальные требования (наличие необходимых зданий, строений, помещений; профессиональное обучение или дополнительное профессиональное образование; санитарно-эпидемиологическое заключение; наличие транспортных средств; положительное заключение государственной экологической экспертизы) к учредителям и руководителям подобных организаций. В соответствии со статьей 4.1 Федерального закона «Об отходах производства и потребления», они не должны иметь непогашенной или неснятой судимости за преступления в сфере экологии [1,5].

Осуществление деятельности по сбору, транспортированию, обработке, утилизации, обезвреживанию и размещению отходов I-IV классов опасности подлежит обязательному лицензированию на основании статьи 12 Федерального закона №99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности». Для получения лицензии в уполномоченный орган –

Росприроднадзор – ООО «Полигон» должно подтвердить соответствие ряду строгих требований. Во-первых, необходимо наличие специально оборудованных и сооруженных объектов (полигонов, сортировочных комплексов, цехов переработки), которые соответствуют санитарным и экологическим нормам. Во-вторых, требуется владение на законных основаниях транспортными средствами, оснащенными специальным оборудованием для безопасной перевозки отходов. В-третьих, в штате компании должны состоять сотрудники, имеющие профессиональную подготовку, подтвержденную свидетельствами (аттестатами) по обращению с отходами соответствующего класса опасности. Наконец, предприятие обязано разработать и внедрить программу производственного экологического контроля в области обращения с отходами. Процедура получения лицензии является сложной и многоэтапной, требующей подготовки объемного пакета документов, подтверждающих соблюдение всех перечисленных условий [2, 7].

Размещение объектов по обработке и утилизации отходов требует тщательного выбора земельного участка. Земли, как правило, должны относиться к категориям промышленности, энергетики, транспорта с соответствующим видом разрешенного использования. Критически важным является соблюдение норм о санитарно-защитных зонах (СЗЗ), которые устанавливают минимальные допустимые расстояния от производственных объектов до жилых домов, общественных зданий и рекреационных территорий. Для крупных объектов, таких как полигоны ТКО, которые обычно относятся к I категории НВОС, обязательным этапом является прохождение государственной экологической экспертизы (ГЭЭ) проектной документации. Только после положительного заключения ГЭЭ можно получить разрешение на строительство, а впоследствии – разрешение на ввод объекта в эксплуатацию. Несоблюдение градостроительных и земельных норм может привести к признанию объекта самовольной постройкой с последующим сносом [4, 5].

После ввода объекта в эксплуатацию ООО «Полигон» обязано поставить его на государственный учет как объект НВОС, что определяет дальнейший объем экологических обязанностей компании. Для объектов I-II категорий необходимо разработать и согласовать в уполномоченном органе целый ряд документов. Ключевыми среди них являются проект нормативов образования отходов и лимитов на их размещение (ПНОЛР), который устанавливает допустимые объемы захоронения отходов, и программа производственного экологического контроля (ПЭК). Предприятие обязано вносить плату за негативное воздействие на окружающую среду, в первую очередь за размещение отходов на полигоне. Система отчетности включает предоставление формы федерального статистического наблюдения 2-ТП (отходы), сдачу отчетности через «Модуль природопользователя» и подачу декларации о плате за НВОС. Деятельность компании находится под постоянным надзором контролирующих органов: Росприроднадзора, Роспотребнадзора, а также природоохранной прокуратуры [3, 7].

В рамках проводимой в России реформы системы обращения с твердыми коммунальными отходами ключевым участником рынка стал региональный оператор (Регоператор), который обеспечивает единую систему сбора, транспортирования, обработки, утилизации и захоронения ТКО на закрепленной территории. Для ООО «Полигон» возможны несколько моделей взаимодействия. Основной является оказание услуг по обработке, утилизации или размещению отходов по долгосрочному договору с Регоператором. Параллельно компания может работать с другими юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, образующими отходы в процессе своей деятельности, при условии соблюдения лицензионных требований. При заключении договоров необходимо детально прописывать объемы принимаемых отходов, их морфологический состав (фракции), тарифы, а также порядок приемки и взаимной ответственности сторон [6, 5].

Для оптимизации налоговой нагрузки, ООО «Полигон» может применять как общую систему налогообложения (ОСНО), так и упрощенную систему налогообложения (УСН), в частности, объект «Доходы минус расходы», что позволяет учитывать значительные затраты

на эксплуатацию и модернизацию. Затраты на приобретение экологического оборудования и технологий могут быть учтены в составе расходов. Существует возможность получения государственной поддержки в рамках программ, направленных на развитие «зеленых» технологий и внедрение наилучших доступных технологий (НДТ) в сфере обращения с отходами [7,4].

Несоблюдение требований законодательства влечет за собой серьезные правовые последствия. Административная ответственность, предусмотренная главой 8 Кодекса об административных правонарушениях РФ, включает наложение крупных штрафов на юридических лиц (до нескольких сотен тысяч рублей), а также приостановку деятельности предприятия на срок до 90 суток. В случае совершения деяний, создавших угрозу причинения существенного вреда здоровью людей или окружающей среде, может наступать уголовная ответственность по статье 247 Уголовного кодекса РФ. Независимо от привлечения к административной или уголовной ответственности, виновное лицо обязано возместить причиненный экологический вред в полном объеме в соответствии со статьями 77-79 Федерального закона «Об охране окружающей среды». Наиболее серьезным последствием для бизнеса является риск приостановки или аннулирования лицензии, что фактически означает прекращение легальной деятельности [2, 7].

Деятельность предприятия ООО «Полигон» в сфере обращения с отходами представляет собой пример высокорегулируемой хозяйственной деятельности, требующей комплексного соблюдения норм корпоративного, земельного, градостроительного, экологического и административного права. Основной вывод исследования заключается в том, что устойчивость и успех такого бизнеса определяются не только технологической оснащенностью, но и грамотной юридической организацией на всех этапах – от этапа планирования и создания компании до ее повседневной эксплуатации. Строгое следование лицензионным требованиям, экологическим нормативам и правилам взаимодействия с государственными органами и контрагентами является ключом к минимизации значительных правовых и финансовых рисков. В связи с этим представляется необходимым привлечение квалифицированных юристов и экологов как на этапе планирования, так и в процессе текущей деятельности предприятия [7,6].

Проблематика статьи заключается в том, что действующее правовое регулирование в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами, несмотря на свою детальную проработанность, содержит нормы, которые не позволяют предприятиям эффективно выполнять все функции на этапах создания и эксплуатации объектов переработки. На примере ООО «Полигон» демонстрируется, что жесткие нормы усложняют не только вхождение бизнеса в отрасль, но и его текущую операционную деятельность. На сегодняшний день предприятие вынуждено одновременно выполнять множество дублирующих друг друга разрешительных и отчетных процедур, что создает избыточную административную нагрузку.

Первый проблемный блок связан с получением лицензии и прохождением экологической экспертизы. Фактически, ООО «Полигон» проходит две параллельные, но схожие по содержанию проверки: одну – в рамках лицензирования (Росприроднадзор), вторую – в рамках государственной экологической экспертизы проектной документации. При этом заключения данных инстанций не являются взаимозаменяемыми, а требования к пакетам документов различаются в деталях, что вынуждает предприятие готовить «двойной» комплект обосновывающих материалов. Целесообразно законодательно закрепить принцип «одного окна» для вновь создаваемых объектов НВОС I категории: положительное заключение ГЭЭ должно автоматически учитываться при лицензировании без повторной проверки исполненных требований, что позволит сократить сроки согласований с 6–8 месяцев до 3–4 месяцев.

Сложность представляет также система нормирования и отчетности. Предприятие обязано разрабатывать проект нормативов образования отходов и лимитов на их размещение (ПНООЛР), программу ПЭК, ежеквартально рассчитывать и вносить плату за НВОС, сдавать

статистическую форму 2-ТП (отходы) и заполнять «Модуль природопользователя». Жесткие нормы усложняют деятельность тем, что значительная часть отчетной информации дублируется. Например, сведения о массе размещенных отходов одновременно вносятся в декларацию о плате, в форму 2-ТП и в отчетность для Регоператора. Необходимо на уровне подзаконных актов утвердить единый электронный формуляр экологической отчетности предприятия, объединяющий все обязательные показатели. Это снизит трудозатраты на подготовку данных и минимизирует риск расхождения сведений, предъявляемых разным контролирующим органам.

В статье обозначена проблема земельно-правового обеспечения. Действующие санитарные нормы предъявляют жесткие требования к размерам санитарно-защитных зон, однако процедура установления СЗЗ для действующих предприятий остается длительной и затратной. Кроме того, нормы, которые не позволяют эффективно выполнять функции, проявляются в том, что земли под объектами переработки зачастую имеют вид разрешенного использования, не в полной мере соответствующий фактической деятельности (например, «под размещение производственной базы», а не «под полигон ТКО»). Рекомендуются внедрение уведомительного порядка установления (изменения) СЗЗ для объектов, уже имеющих положительное заключение экологической экспертизы и действующую лицензию, а также унификация видов разрешенного использования для всех отходоперерабатывающих предприятий независимо от класса опасности отходов.

Преодоление выявленных правовых проблем возможно только путем системного упрощения разрешительных процедур, устранения дублирования функций контролирующих органов и унификации требований к документации на всех этапах – от создания юридического лица до вывода объекта на проектную мощность. Предложенные меры позволят ООО «Полигон» и аналогичным предприятиям сосредоточиться на технологической модернизации и фактическом снижении негативного воздействия на окружающую среду, а не на преодолении административных барьеров.

Список литературы

1. Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» (дата обращения 10.02.2026)//СПС Консультант Плюс;
2. Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (дата обращения 10.02.2026)//СПС Консультант Плюс;
3. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». (дата обращения 10.02.2026)//СПС Консультант Плюс;
4. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 30.01.2026) (дата обращения 10.02.2026) //СПС Консультант Плюс;
5. Градостроительный кодекс Российской Федерации (дата обращения 10.02.2026) //СПС Консультант Плюс;
6. Об особенностях правового регулирования деятельности региональных операторов по обращению с ТКО: постатейный комментарий к Федеральному закону № 89-ФЗ / под ред. И.С. Семеновой. – М.: Юстицинформ, 2023. – 156 с. (дата обращения 10.02.2026)
7. Дубовик, О.Л. Экологическое право: учебник для вузов / отв. ред. О.Л. Дубовик. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2024. – 480 с. (дата обращения 10.02.2026).

ЗАЩИТА ПРАВ РАБОТНИКОВ ПРИ БАНКРОТСТВЕ ПРЕДПРИЯТИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ

Мушкина Дарья Владимировна, студентка

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (Краснодарский филиал), Краснодар, Россия

mushkinadarya@yandex.ru

Научный руководитель: Дудченко Анна Владимировна, кандидат юридических наук, доцент

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (Краснодарский филиал), Краснодар, Россия

A-dyd4enko@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются актуальные проблемы защиты трудовых прав работников в процедурах несостоятельности (банкротства) предприятий. Анализируется эволюция правового регулирования статуса работника как кредитора второй очереди, выявляется противоречие между декларируемыми материальными привилегиями и ограниченными процессуальными возможностями участия работников в деле о банкротстве. Особое внимание уделяется современным тенденциям реформирования законодательства: расширению процессуальной правосубъектности работников и их представителей, роли профсоюзов как потенциальных участников процесса, а также перспективам внедрения компенсационных механизмов (страховых фондов) для гарантированной выплаты заработной платы. На основе анализа научных подходов и правоприменительной практики обосновывается необходимость комплексного реформирования системы, направленного на создание реальных, а не формальных гарантий защиты трудовых прав при банкротстве работодателя. Автором предлагаются направления совершенствования законодательства в целях достижения баланса интересов трудового коллектива и иных кредиторов.

Ключевые слова: банкротство предприятия, несостоятельность работодателя, защита прав работников, заработная плата, реестр требований кредиторов, вторая очередь, трудовые права, привилегии кредиторов, арбитражный управляющий, представитель работников, профсоюзы, реформирование законодательства, компенсационные фонды, процессуальные гарантии

Вопросы защиты прав работников при банкротстве предприятия традиционно находятся в центре внимания юридической науки и правоприменительной практики. Конституция Российской Федерации, провозглашая право каждого на вознаграждение за труд (ч. 3 ст. 37), устанавливает базовую гарантию, однако механизм ее реализации в условиях несостоятельности работодателя сталкивается с серьезными вызовами [1].

Актуальность темы обусловлена как сохраняющейся экономической нестабильностью, так и статистикой: по итогам 2024 года задолженность по заработной плате перед работниками обанкротившихся юридических лиц составила 13,3 млрд рублей.

Данные цифры свидетельствуют о том, что, несмотря на формальное наличие привилегий для работников во второй очереди реестра кредиторов, существующая модель защиты (модель привилегий) демонстрирует недостаточную эффективность. Настоящая статья посвящена анализу современных тенденций реформирования системы защиты трудовых прав в процедурах банкротства, включая законодательные инициативы и поиск новых правовых механизмов.

Эволюция правового статуса работника в деле о банкротстве: от пассивного кредитора к активному участнику процесса.

Современное правовое регулирование отличается дуализмом подхода к защите прав работников при банкротстве. С одной стороны, законодатель предоставляет существенные материальные привилегии.

Требования по оплате труда и выходным пособиям удовлетворяются во вторую очередь (ст. 134 Закона о банкротстве), а в некоторых случаях – например, для работников, обеспечивающих безопасность на опасных производственных объектах, – предусмотрены внеочередные выплаты по текущим платежам [2]. Более того, для работников установлен упрощенный (внесудебный) порядок включения требований в реестр через арбитражного управляющего, что призвано ускорить процесс [3].

С другой стороны, процессуальное положение работника долгое время оставалось уязвимым. Работники не являются конкурсными кредиторами в полном смысле этого слова, не участвуют в деле о банкротстве как самостоятельные лица и не могут в индивидуальном порядке обжаловать судебные акты, затрагивающие их интересы. Эта коллизия между материальной привилегией и процессуальной пассивностью долгое время снижала эффективность защиты.

Ключевым направлением реформирования стало преодоление этого разрыва. Законодательство развивается в сторону расширения процессуальных возможностей работников и их представителей. Важным институциональным механизмом является представитель работников должника, избираемый на собрании работников для участия в арбитражном процессе и собраниях кредиторов.

Особого внимания заслуживает проблема защиты прав руководителя должника. Судебная практика и доктрина отказывают руководителю в статусе «слабой стороны», возлагая на него бремя доказывания добросовестности и отсутствия фактов участия в распределении прибыли, чтобы его требования о выплате заработной платы не были субординированы [6]. Это свидетельствует о дифференциации подходов к защите внутри самой категории «работник».

Необходимость реформирования системы защиты прав работников при банкротстве продиктована не только внутригосударственными проблемами, но и процессами глобализации. Развитие трансграничных корпораций и транснациональных трудовых отношений требует унификации правовых стандартов. В связи с этим особую значимость приобретает разработка модельного закона СНГ «О трансграничной несостоятельности и банкротстве» [5].

По словам генерального секретаря ВКП Виктора Пинского, «работники – самая уязвимая категория кредиторов при трансграничном банкротстве. Важно гарантировать им правовую защищенность сейчас, когда в СНГ создается система регулирования трансграничного банкротства. Объективно в любой из стран СНГ профсоюз – это единственная организация, которая специализируется и вообще создается для защиты прав работников. Компания-банкрот должна в первую очередь выплатить работникам заработанные деньги, даже если это иностранные специалисты, поскольку сотрудники зачастую не имеют альтернативного источника дохода.

В научной среде активно обсуждается возможность создания специализированных страховых (компенсационных) фондов для выплаты заработной платы при банкротстве работодателя. Анализ зарубежного законодательства позволяет выявить два основных подхода к защите прав работников: с использованием системы привилегий и посредством гарантийного фонда. Путем сравнения зарубежного опыта применения названных подходов обосновывается большая эффективность модели гарантийного фонда в сравнении с системой привилегий.

Зарубежные исследования подтверждают, что разработанные и четко регламентированные гарантийные схемы помогают устранить экономические последствия несостоятельности организаций. Такие механизмы выступают вторым элементом гарантии выплат работникам в случае несостоятельности компании наряду с правовыми нормами. В целях повышения степени защищенности прав и интересов работников предлагается

создание государственной корпорации, финансируемой за счет средств государственного бюджета, взносов предпринимателей и иных источников, задачей которой стало бы безусловное удовлетворение требований работников в условиях процедуры банкротства работодателя [7].

Ключевой научной и практической проблемой остается поиск баланса между интересами трудового коллектива и кредиторов, а также между частноправовыми и публично-правовыми гарантиями. Как отмечает главный научный сотрудник ИГП РАН С.Ю. Чуча, современная российская система нуждается в совершенствовании как привилегий работников, так и механизмов их реализации [4].

Новизна современных подходов к реформированию заключается в смещении акцента с исключительно материальных гарантий на создание эффективных процессуальных и организационных механизмов.

Активно обсуждается идея законодательного закрепления права профсоюзов на представительство интересов работников в делах о банкротстве. Всеобщая конфедерация профсоюзов (ВКП) настаивает на том, что профсоюз должен стать полноправным участником процесса, особенно в трансграничных банкротствах, так как именно он является специализированной организацией по защите прав трудящихся [8]. Это предложение направлено на профессионализацию защиты коллективных интересов.

Совершенствование экономических гарантий. В научной среде и на уровне законопроектных инициатив обсуждается возможность создания специализированных страховых (компенсационных) фондов для выплаты заработной платы при банкротстве работодателя [6]. Такая модель, успешно применяемая в ряде зарубежных стран, позволяет переложить бремя выплат с ликвидируемого предприятия на систему коллективного страхования, что гарантирует работнику получение средств даже при отсутствии имущества у должника.

Предлагаются способы совершенствования системы привилегий на основе анализа судебной практики, уточнение понятий «период подозрительности» и «неравноценность встречного исполнения» при оспаривании сделок должника, а также разграничение вещной и обязательственной теорий оспаривания. Это позволит защитить добросовестных работников от риска возврата уже полученной заработной платы как неосновательного обогащения.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что реформирование системы защиты прав работников при банкротстве предприятий движется по пути усложнения и дифференциации правового регулирования. Простая констатация привилегированного положения работников во второй очереди кредиторов более не отвечает потребностям практики.

Основные направления эволюции правовой системы включают:

1. Усиление процессуальной правосубъектности работников через институт представительства работников должника, обеспечение реальной возможности участия представителей работников в собраниях кредиторов и арбитражном процессе.

2. Расширение круга субъектов защиты за счет законодательного закрепления права профсоюзов на представительство интересов работников в делах о банкротстве, включая трансграничные производства.

3. Поиск новых финансовых механизмов гарантированного удовлетворения требований работников, в частности, создание специализированных компенсационных фондов по образцу успешных зарубежных моделей.

4. Совершенствование механизмов судебной защиты путем выработки четких критериев правомерности кадровых решений в предбанкротный период, исчисления периодов подозрительности и разграничения различных теорий оспаривания сделок.

Тем не менее, проблема практической реализации этих механизмов остается острой. Работник по-прежнему остается самой уязвимой категорией кредиторов ввиду отсутствия альтернативных источников дохода и сложности юридических процедур.

Дальнейшее реформирование должно быть направлено на создание целостной системы, которая гарантирует не только право на получение заработной платы, но и реальную, оперативную и максимально упрощенную процедуру ее взыскания в условиях несостоятельности работодателя. Как отмечается в зарубежных исследованиях, несмотря на то что личная и гражданская судьба работников стала более защищенной от коммерческой неудачи компании-банкрота, результаты дела о несостоятельности и уровень компенсации работникам зависят прежде всего от трех основных компонентов: силы правовых и институциональных технологий банкротства, схем гарантирования заработной платы и системы социального обеспечения, а также практики корпоративной социальной ответственности. Дальнейшее развитие российского законодательства должно учитывать все три указанных компонента в их системном взаимодействии.

Список литературы

1. Недилько, Ю. В. Телеологический и смысловой аспекты толкования намерений законодателя / Ю. В. Недилько // Юридическая наука. – 2016. – № 1. – С. 23-28.
2. Дудченко, А. В. Реформирование системы защиты прав работников при банкротстве предприятия / А. В. Дудченко, М. А. Голотова // Сборник научных статей профессорско-преподавательского состава и студентов Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. – Берлин : Вест-Ост Ферлаг Берлин, 2017. – С. 163-171.
3. Томбулова, Е. Г. Гражданский процесс. Общие положения / Е. Г. Томбулова // Краснодар: ООО "Издательский Дом - Юг", 2023. – 132 с.
4. Чуча, С. Ю. Публичные и частные гарантии получения заработной платы при несостоятельности работодателя / С. Ю. Чуча // Публичные и частные начала правового регулирования в современном социальном государстве (научные чтения, посвященные памяти профессора Г. Б. Шишко): Сборник статей научно-практической конференции с международным участием, Минск, 07 декабря 2023 года. – Минск: Белорусский государственный экономический университет, 2024. – С. 28-33.
5. Дебалюк, А. Р. Защита трудовых прав работников в случае банкротства их работодателей / А. Р. Дебалюк // Молодой ученый. – 2020. – № 3 (293). – С. 167-169.
6. Коваленко, М. А. Корпоративное управление организацией труда в условиях цифровизации / М. А. Коваленко, В. П. Насыбулина, М. Е. Чаганова // Вызовы и решения для бизнеса: ВЭД в новых реалиях: Сборник материалов III Международного внешнеэкономического научно-практического форума, Москва, 14 декабря 2022 года. – Москва: Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 2023. – С. 147-151.
7. Karaleu Yu.Yu. Interaction between institutional technologies, wage guarantee schemes and corporate social responsibility in respect of the protection of workers' benefits in case of company insolvency // RUDN Journal of Economics. – 2020. – Vol. 28. – No. 2. – P. 225-238.
8. Соколенко Н.Н. Основные государственные гарантии по оплате труда работников: анализ законодательства и судебной практики / Н.Н. Соколенко // Кадровик. – 2024. – № 4. – С. 31–32.

ПОНЯТИЕ «ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ»: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Осина Дарья Сергеевна, студентка

Саратовская государственная академия права, Саратов, Россия

dashulya.osina@yandex.ru

Научный руководитель: Махонько Николай Иванович, доктор медицинских наук, профессор

Саратовская государственная академия права, Саратов, Россия

nmakhonko@yandex.ru

Аннотация. Целью данной статьи является попытка провести происходящие на современном этапе содержательные изменения понятия «экологическое преступление». В статье рассмотрены научные работы российских ученых, в которых представлена интерпретация указанного понятия и исследованы его основные составляющие, также делается попытка систематизации различных подходов и классификаций.

Ключевые слова: уголовное право, преступление, экологическое преступление, общественно опасные деяния, преступление против природной среды, преступления против окружающей среды, экологическое правонарушение

В системе современного правового государства проведение теоретико-методологического анализа в сфере экологических преступлений дает системное представление о становлении законодательства в разные исторические периоды. В отечественной юридической литературе отмечаются методологические проблемы определения понятия «экологические преступления», что влечет за собой и проблемы классификации данного понятия. С ухудшением экологической обстановки и необходимостью охраны окружающей среды следует более детально проработать вопрос противодействия экологическим преступлениям. Все вышесказанное и определяет актуальность выбранной темы исследовательского проекта.

В рамках исследования проанализируем дискуссионный вопрос относительно правового статуса понятия «экологическое преступление», а также рассмотрим, закреплено ли данное понятие на законодательном уровне и какие категориальные подходы к данному понятию существуют в научно-профессиональной среде на данный момент.

Изучение исторического аспекта нормативного регулирования в сфере экологических преступлений дает системное представление о становлении законодательства в разные исторические периоды. Изначально понятие «экологическое преступление» было закреплено в статье 85 Закона РСФСР от 19 декабря 1991 г. «Об охране окружающей природной среды», на данный момент утратившим силу. «Это общественно опасные деяния, посягающие на установленный в РФ экологический правопорядок, экологическую безопасность общества и причиняющие вред окружающей природной среде и здоровью человека» [1]. Вместе с утратой силы данного закона, не стало законодательной дефиниции экологического преступления. Эту проблему не решил и вступивший в силу ФЗ «Об охране окружающей среды» [2]. Законодатель стремился систематизировать правовые нормы от кодифицированного уголовного закона до обособления правовых норм в отдельную главу 26 «Экологические преступления» Уголовного кодекса РФ. Но стоит отметить, что данное понятие не закреплено и в Уголовном Кодексе РФ от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ [3]. Мы видим, что важную роль в точной интерпретации данного понятия сыграли изменения со стороны законодательства, в частности, с точки зрения необходимости уточнения данного термина, что приводит в итоге к тому, что сейчас в нашей правовой литературе существует избыток определений, и возникают некоторые сложности с точной интерпретацией понятия

«экологическое преступление». В связи с этим актуальность данной статьи обусловлена возникшей необходимостью уточнения значения понятия «экологическое преступление».

Представляется необходимым обратиться к правовой классификации В.Л. Кудрявцева. Доктор юридических наук, профессор В.Л. Кудрявцев представил следующую классификацию определений данного понятия, отраженную в таблице 1. Он систематизирует определения понятия «экологическое преступление» следующих ученых: А.Б. Баумштейн, О.Л. Дубовик, Э.Н. Жевлаков, Ю.И. Ляпунов Л.Ю. Родина, Л.А. Прохоров, М.Л. Прохорова, В.В. Сверчков, В.Б. Яценко. Проанализировав данные определения, можно выделить следующие существенные признаки данного понятия. Во-первых, это общественно опасное, виновное, наказуемое деяние. На это указывают такие ученые как О.Л. Дубовик, Э.Н. Жевлаков, Ю.И. Ляпунов, Л.Ю. Родина, Л.А. Прохоров, М.Л. Прохорова, В.В. Сверчков, В.Б. Яценко. В свою очередь, А.Б. Баумштейн, дает определение через понятие «преступление». Во-вторых, это деяния, которые наносят вред окружающей среде, растительному и животному миру, а также здоровью человека. А.Б. Баумштейн указывает на вред природной окружающей среде; Э.Н. Жевлаков, В.Б. Яценко, В.В. Сверчков считают, что вред причиняется окружающей среде и наносит ущерб экологической безопасности населения, а О.Л. Дубовик добавляет, что вред причиняется еще и территориям. В свою очередь, Ю.И. Ляпунов Л.Ю. Родина считают, что вред наносится окружающей среде и здоровью человека, А. Прохоров, М.Л. Прохорова более целостно определяет нанесение ущерба всему живому на земле.

Таблица 1 – Классификация определений по В.Л. Кудрявцеву [4, 105-106]

№	Определение понятия “экологическое преступление”	Представители
1.	преступления, предусмотренные главой 26 УК РФ и нарушающие правила охраны природы путем негативного на нее воздействия, если эти деяния причинили существенный вред окружающей природной среде или создали реальную угрозу его причинения	А. Б. Баумштейн
2.	предусмотренное уголовным законом и запрещенное им под угрозой наказания виновное общественно опасное деяние (действие или бездействие), посягающее на окружающую среду и ее компоненты, рациональное использование и охрана которых обеспечивают оптимальную жизнедеятельность человека, а также на экологическую безопасность населения и территорий, и состоящее в непосредственном противоправном использовании природных объектов как социальной ценности, приводящем к негативным их изменениям	О.Л. Дубовик
3.	предусмотренные ст. 246-263 главой 26 УК РФ общественно опасные, виновные, наказуемые деяния, посягающие на общественные отношения по сохранению качественно благоприятной окружающей среды, рациональному использованию ее ресурсов и обеспечению экологической безопасности населения	Э.Н. Жевлаков
4.	общественно опасное деяние, посягающее на установленный в РФ экологический правопорядок, экологическую безопасность общества и причиняющее вред окружающей природной среде и здоровью человека	Ю.И. Ляпунов, Л.Ю. Родина
5.	предусмотренное уголовным законом общественно опасные деяния, наносящие ущерб окружающей среде, растительному и животному миру, здоровью человека в процессе нарушения установленных правил осуществления хозяйственной деятельности	Л.А. Прохоров, М.Л. Прохорова
6.	предусмотренные ст. 246-262 главой 26 УК РФ умышленные или неосторожные общественно опасные деяния (действия или бездействие), посягающие на установленные в России природоохранные отношения, экологическую безопасность общества и причиняющие либо способные причинить вред природной среде человеку, другим правоохраняемым интересам	В.В. Сверчков
7.	предусмотренные уголовным законом общественно опасные деяния, посягающие на общественные отношения по сохранению благоприятной природной среды, рациональному использованию её ресурсов и обеспечению экологической безопасности населения	В.В. Яценко

Рассмотрим теоретические подходы, которые позволяют объяснить особенности понятия «экологическое преступление». Нам импонирует глубокий терминологический анализ понятия «экологические преступления», предложенный российским ученым

С.И. Голубевым [5, 49-59]. Он выделил четыре группы определений понятия «экологические преступления».

Первая группа определений носит название натуралистического и отражает экономический аспект, где существенным признаком выступает причинение вреда окружающей среде и ее составляющим элементам. Одно из ключевых определений, с этой точки зрения, является определение, предложенное в учебном пособии «Уголовно-правовая охрана природы органами внутренних дел» Ю.И. Ляпуновым. «Экологическое преступление рассматривается как деяние, совершенное с намерением причинить вред окружающей среде» [6, 17] В этом определении подчеркивается фундаментальная характеристика – деяние. Но необходимо констатировать, что в данный момент подобные определения редко встречаются в научно-правовой среде.

Вторая группа определений строится на комбинированном подходе, где в качестве видового объекта выступает как природа в различных вариациях, так и общественная безопасность, экологический правопорядок, рациональное использование природных ресурсов и др. Тем самым, авторы признают многообъектность преступлений.

Существует предположение, что на формулировку подобных определений влияет ряд нормативных документов, в которых дается понятие экологического правонарушения. Это «... виновные, противоправные деяния, нарушающие природоохранительное законодательство и причиняющие вред окружающей природной среде и здоровью человека», следует из утратившего силу Закона РСФСР от 19 декабря 1991 г. № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды» [7].

Третья группа определений («социальные») – Е.А. Майорова и Ю.Н. Климова считают, что «объектами экологических преступлений стали признаваться общественные правоотношения, выполняющие относительно устойчивые функции по обеспечению необходимых экологических условий для существования и развития общества» [8].

Э.Н. Жевлаков, придерживаясь такой точки зрения, определяет экологические преступления как «общественно опасные деяния, посягающие на общественные отношения по сохранению благоприятной природной среды, рациональному использованию ее ресурсов и обеспечению экологической безопасности населения [9].

Что касается содержания подобных определений, то в них не входят дефиницированные признаки (генетическая связь родового и видового объекта), это обусловлено тем, что особенная часть УК РФ сгруппирована, исходя из объекта экологического преступления, и рассматриваемые деяния включены в раздел IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» [3], следовательно, они представляют собой посягательства на общественную безопасность и нарушают экологическую безопасность. С. И. Голубев отмечает, что «мы часто видим подмену понятий в определениях этой группы: «вместо самих общественных отношений, поставленных под защиту уголовного закона, называются отношения по их охране и обеспечению (например, «по охране природной среды и обеспечению экологической безопасности»)» [10, 54].

В последние годы между правоведами ведутся достаточно активные дискуссии по содержанию термина «экологическое преступление», таким образом, сформировались достаточно серьезно различающиеся концептуальные правовые подходы, заключающиеся в выделении либо смешанной либо специальной противоправности, но, стоит отметить, что большей популярностью пользуются классическая трактовка единой уголовной противоправности, вытекающая из закрепления в уголовном законе.

В научной литературе, посвященной данным вопросам, начинает формироваться четвертый подход, где понятие «экологическое преступление» получает дополнительную функциональную интерпретацию и рассматривается как деяние против экологической безопасности. Важно, что в данной группе определений отмечается социальная направленность изучаемых нами деяний. В современной практике мы наблюдаем переосмысление основных составляющих данного понятия, опирающееся на базовые

составляющие, и появление новых терминов «преступление против природной среды» или «преступления против окружающей среды», соответственно.

Значимым в рамках нашей работы является вывод С.Т. Фаткулина, что «проблема разрозненности определений состоит не в том, чтобы как можно точнее и полнее вывести определение экологического преступления, а в правильном определении его признаков и объекта посягательства» [11, 95]. Такое понимание структурной природы основных признаков данного понятия (экологичность, противоправность и общественная опасность) позволяет выделить экологические преступления в самостоятельную группу в структуре иных противоправных общественно опасных деяний.

В таком ракурсе стоит затронуть вопрос разграничения экологических преступлений и экологических правонарушений. Прежде всего, это различное нормативно-правовое регулирование. Экологические преступления регулируются Уголовным кодексом РФ, а экологические правонарушения – Кодексом об административных правонарушениях. Из чего вытекает, что экологические преступления обладают повышенной общественной опасностью, следовательно, степень общественной опасности является критерием разграничения экологических преступлений от административных правонарушений.

Согласимся с Д.С. Крыловой, которая выделяет в качестве критериев определения общественной опасности: масштаб последствий, вид экосистемы, длительность нарушения, возможность восстановления, умысел [12, 73].

Нарушения в сфере экологии «должны рассматриваться как преступление, если они совершаются умышленно, или имеют серьезные негативные последствия» [13], что следует из положения «Директивы Европейского парламента и Совета от 19.11.2008 № 2008/99/ЕС» [13].

В связи свыше изложенным материалом, представляется, что экологическое преступление и экологическое правонарушение схожи между собой и являются общественно опасными, но отличаются друг от друга по наступившим последствиям.

Рассуждая над тем, что это – преступление или правонарушение, необходимо затронуть вопрос составляющих состава преступления, т.е. рассмотреть систему признаков преступления: объект и субъект, а также объективную и субъективную стороны преступления. Учитывая терминологическую неопределенность анализируемого понятия, отметим, что законодатель фактически не использует видовой объект данных преступлений. Это также приводит к различным трактовкам объекта и субъекта, а также объективной и субъективной стороны преступления. Объект – экологическая безопасность; объективная сторона – существенные признаки (деяние, последствие и причинная связь между ними); субъект – лицо (физическое или наделенное дополнительными признаками); субъективная сторона – четко не обозначается, и ключевая роль отдана правоприменителю в решении данного вопроса. Отсутствие четкости в закреплении данного понятия в законодательстве может также привести к неоднозначным последствиям, например, необоснованное освобождение от юридической ответственности, к произвольным действиям со стороны разных органов.

Анализируя обзор судебной практики можно выделить следующие позиции: суда при вынесении решения в области охраны окружающей среды и природопользования, руководствуются тем, какие требования главы 26 УК РФ были нарушены и в приговоре указывается конкретный пункт, часть статьи и сама статья, по которой было совершено нарушение. Из разъяснений прокуратуры Республики Коми, следует, что ответственность будет наступать только за те противоправные деяния, в результате которых был причинен вред природно-ресурсному потенциалу только неправомерными действиями. В качестве меры ответственности чаще всего назначают штраф и обязательные работы, но также может быть лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Самым суровым видом наказания выступает ограничение свободы, где максимальный срок наказания достигает 10 лет. На основании судебного решения могут конфисковать имущество нарушителя.

Из проведенного анализа следует, что отсутствует единая точка зрения ученых по данному вопросу. Но большинство ученых указывают на то, что экологическое преступление, во-первых, это деяние (как мы ранее установили), во-вторых, это не просто деяние, а общественно опасное, виновное и уголовно наказуемое, в-третьих, либо идет посягательство либо создается угроза наступления в целом на экологическую безопасность, включая ущерб окружающей среде, растительному и животному миру, а также здоровью человека. Из вышеприведенного анализа следует, что у экологических преступлений более высокая степень общественной опасности, на это указывает и характер деяний, и тяжесть последствий. Как следствие такой терминологической неопределенности это приводит к размытости и классификации экологических преступлений. Стоит сделать вывод, о целесообразности закрепления анализируемого термина в Уголовном кодексе РФ, так как данную проблему анализировали в этой плоскости.

Список литературы

1. Закон РСФСР от 19 декабря 1991 г. № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды» - Текст: электронный // URL: <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=32468&dst=100465&field=134&rnd=ZBGxw#HuC9k3V8VTvjXBNo>
2. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об охране окружающей среды» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» – (дата обращения: 25.02.2026).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» – (дата обращения: 25.02.2026).
4. Кудрявцев, В. Л. Экологические преступления: общая характеристика / В. Л. Кудрявцев // Вестник Южно-Уральского профессионального института. – 2012. – № 1(7). С. 105-116.
5. Голубев, С. И. Понятие экологического преступления: в чем суть дискуссии? / С. И. Голубев // Шестые юридические чтения: сборник статей, Сыктывкар, 23–24 ноября 2018 года / Ответственные редакторы: В.Д. Потапов, В.В. Воробьев. – Сыктывкар: Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, 2019. – С. 49-59.
6. Ляпунов Ю. И.. Уголовно-правовая охрана природы органами внутренних дел /Ю.И. Ляпунов // Учеб. пособие / Акад. МВД СССР. – Москва: [б. и.], 1974. С. 17.
7. Закон РСФСР от 19 декабря 1991 г. № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды» - Текст: электронный // URL [https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=32468&dst=100465&field=134&rnd=ZBGxw#HuC9k3V8VTvjXBNo]
8. Майорова, Е. А. Методологические проблемы определения понятия «экологическое преступление» / Е. А. Майорова, Ю.Н. Климова // Научный формат. 2019. №2 (2). - Текст: электронный // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-problemy-opredeleniya-ponyatiya-ekologicheskoe-prestuplenie> (дата обращения: 25.02.2026).
9. Жевлаков, Э. Н. Экологические преступления: понятие, виды, проблемы ответственности: специальность 12.00.08 "Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право": автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Жевлаков Э.Н. // – Москва, 1991. – 54 с.
10. Голубев, С. И. Понятие экологического преступления: в чем суть дискуссии? / С. И. Голубев // Шестые юридические чтения: сборник статей, Сыктывкар, 23–24 ноября 2018 года / Ответственные редакторы: В.Д. Потапов, В.В. Воробьев. – Сыктывкар: Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, 2019. С. 54.
11. Фаткулин, С.Т. Назначения наказания за экологические преступления: российский и мировой опыт / С.Т. Фаткулин // Аграрное и земельное право. 2016. №5 (137). С. 95.
12. Крылова, Д.С. Актуальные проблемы квалификации экологических преступлений, их отличие от административных правонарушений в области охраны окружающей среды, природопользования и обращения с животными / Д.С. Крылова // Актуальные проблемы квалификации и предупреждения экологических преступлений: материалы всероссийского научно-практического круглого стола (Москва, 28 марта 2025 года) / под ред. Я.Н. Ермоловича, Н.И. Кузнецовой // М.: Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, 2025. С. 73
13. Директива Европейского парламента и Совета от 19.11.2008 № 2008/99/ЕС «Об уголовно-правовой охране окружающей среды» - Текст: электронный // URL: <https://base.garant.ru/2567903/> (дата обращения 25.02.2026).

СПОСОБЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ТОВАРОПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ В РЕГИОНАХ СИБИРИ (НА ПРИМЕРЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)

Павлова Марина Игоревна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

maruna.pavlova@mail.ru

Научный руководитель: Трофимова Светлана Алексеевна, кандидат философских наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

trofimovas832@gmail.com

Аннотация. В статье исследуются правовые механизмы государственной поддержки аграрного сектора в Сибирском Федеральном округе. Рассматривается федеральная и региональная нормативная база, регламентирующая предоставление поддержки сельскохозяйственным товаропроизводителям.

Ключевые слова: государственная поддержка, агропромышленный комплекс, сельскохозяйственные товаропроизводители, субсидирование, зона рискованного земледелия, продовольственная безопасность

Современное состояние агропромышленного комплекса (далее – АПК) РФ характеризуется высокой степенью зависимости от внешнеэкономических факторов, климатических рисков и макроэкономической нестабильности. В условиях давления санкций и курса на обеспечение продовольственной безопасности страны, особая роль отводится государственному регулированию и поддержке сельскохозяйственных товаропроизводителей. Важное значение данная проблема приобретает для регионов Сибири, которые относятся к зонам рискованного земледелия. Суровые природно-климатические условия, удаленность от рынков сбыта и низкая инвестиционная привлекательность делают сельское хозяйство Сибирского Федерального округа более уязвимым по сравнению с южными регионами РФ, что требует применения особых правовых механизмов субсидирования и стимулирования производства сельскохозяйственной продукции.

Правовое регулирование государственной поддержки осуществляется на двух уровнях: федеральном и региональном. Базовым федеральным законом выступает Федеральный закон от 29.12.2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства»^[1], который закрепляет основные направления государственной поддержки: обеспечения доступа к кредитным ресурсам, развитие системы страхования, поддержка племенного животноводства и элитного семеноводства.

Ключевым документом также является Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, утвержденная постановления Правительства РФ от 14.07.2012 г. № 717^[2]. В рамках этой программы, начиная с 2026 года предусмотрено предоставление новых видов грантов, включая грант «Агромотиватор».

Основным региональным документом, регламентирующим поддержку аграриев, является государственная программа Красноярского края «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия».

Анализ регионального законодательства позволяет классифицировать меры государственной поддержки по нескольким основаниям. По способу предоставления: прямые субсидии – погектарная поддержка в растениеводстве, субсидии на производство молока, компенсацию части затрат на приобретение техники и оборудования. Грантовая поддержка – предоставляется на конкурсной основе под конкретные проекты. Грант «Агромотиватор» предназначен для участников специальной военной операции. Размер гранта составляет до 7 млн. рублей на развитие мясного или молочного скотоводства и до 5 млн. рублей по иным направлениям, при этом грант покрывает до 90% затрат; Льготное кредитование – реализуется во взаимодействии с уполномоченными банками в рамках федеральных программ.

По субъектному составу получателей поддержка дифференцируется в зависимости от формы производителя для: крупных сельскохозяйственных организаций; для субъектов малых форм хозяйствования; для сельскохозяйственных потребительских кооперативов.

Существенной новеллой 2026 года стало введение дополнительных условий для получения государственной поддержки. По поручению Губернатора края М. М. Котюкова, при поддержке сельскохозяйственной отрасли теперь учитываются стратегические задачи государственной политики – принцип семейноцентричности и повышение производительности труда.

Значимым нововведением становится обязанность сельхозтоваропроизводителей формировать социальный паспорт предприятия. В социальном паспорте должны содержаться сведения о среднесписочном составе работников, размере заработной платы, материальной помощи работникам, поддержке многодетных семей.

С 2027 года планируется ввести дополнительное требование - наличие программ поддержки многодетных семей, которые станут обязательным условием при получении субсидий на содержание сельскохозяйственных животных, проведение агротехнических работ.

Несмотря на расширение мер поддержки, правоприменительная практика выявляет ряд системных проблем, затрудняющих доступ сельхозтоваропроизводителей к бюджетным средствам. Одной из наиболее острых является проблема межведомственного информационного взаимодействия. Существующие государственные информационные системы, обслуживающие агропромышленный комплекс, недостаточно интегрированы между собой. Председатель краевого парламента А. Додатко подчеркивает, что аграриям приходится вносить данные в несколько систем одновременно, при этом зафиксированные сведения могут противоречить друг другу. Особенно остро проблема проявляется во взаимодействии с системой «Хорриот» – идентификационные данные о животных не могут быть переданы ветеринарной службой органам местного самоуправления для привлечения к ответственности владельцев скота, нарушающих правила благоустройства.

Депутаты краевого парламента предлагают ускорить создание единой цифровой платформы агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов, что позволит снизить административную нагрузку на производителей и повысить эффективность управления отраслью. Необходимо понимать, что введение новых требований создает дополнительные риски для сельскохозяйственных товаропроизводителей, так как неисполнение этих условий может повлечь признание получения субсидии необоснованным и необходимость возврата бюджетных средств.

Проведенный анализ показывает, что Сибирский Федеральный округ демонстрирует поступательное развитие регионального законодательства о государственной поддержке сельскохозяйственных товаропроизводителей. Новеллы 2026 года отражают тенденцию к усилению социальной направленности аграрной политики. Решение этих проблем требует совместных усилий федеральных и региональных органов власти, а также учета специфики сибирских территорий при разработке правовых актов.

Список литературы

1. Федеральный закон "О развитии сельского хозяйства" от 29.12.2006 N 264-ФЗ (последняя редакция) - Текст: электронный // URL: <https://clck.ru/3S5L4w> (дата обращения: 24.02.2026).
2. Постановление Правительства РФ от 14.07.2012 г. № 717 «Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» - Текст: электронный // URL: <https://clck.ru/3S3Ho9> (дата обращения: 24.02.2026).
3. Федеральный закон "О развитии сельского хозяйства" от 29.12.2006 N 264-ФЗ (последняя редакция) - Текст: электронный // URL: <https://clck.ru/3S5L4w> (дата обращения: 24.02.2026).
4. Закон Красноярского края от 21.02.2006 № 17-4487 «О государственной поддержке агропромышленного комплекса и развития территорий Красноярского края» - Текст: электронный // URL: <https://clck.ru/3S3HjS> (дата обращения: 24.02.2026).
5. Пыжикова, Н.И., Титова, Е.В. Формирование стратегического подхода в организации АПК / Н.И. Пыжикова, Е.В. Титова // Эпоха науки. 2017. №11. - Текст: электронный // URL: <https://clck.ru/3S3Nm6> (дата обращения: 24.02.2026).

ЗАЩИТА КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ СЕМЬИ

Полубелова Дарья Евгеньевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

dasha.polubelova@yandex.ru

Научный руководитель: Трофимова Инесса Борисовна, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

trofimovas832@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу Постановления Конституционного Суда РФ от 30 октября 2025 г. № 36-П, которым проверялась конституционность пункта 3 статьи 35 Семейного кодекса РФ. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления нового подхода высшей судебной инстанции к балансу прав супругов, добросовестных приобретателей и несовершеннолетних детей в сделках с общей недвижимостью. Новизна работы заключается в рассмотрении правовых позиций Суда, выявившего конституционно-правовой смысл оспариваемой нормы, обязывающий суды учитывать жилищные права детей как приоритетные. В статье анализируются обстоятельства дела гражданина О.И. Лустача и полемика вокруг формального подхода к применению семейного законодательства. Результатом исследования является вывод о том, что принятое постановление существенно усиливает механизмы государственной защиты семьи и детства в имущественных спорах, предотвращая возможные злоупотребления со стороны одного из родителей.

Ключевые слова: Конституционный Суд РФ, Постановление № 36-П, защита прав семьи, общее имущество супругов, пункт 3 статьи 35 Семейного кодекса РФ, сделки с недвижимостью, права несовершеннолетних детей, баланс конституционных ценностей, жалоба гражданина Лустача О.И., судебная практика, имущественные споры супругов

Институт семьи и закрепленные в Конституции РФ гарантии ее защиты постоянно находятся в фокусе внимания Конституционного Суда Российской Федерации. Особую значимость приобретают решения, в которых высшая судебная инстанция устраняет правовую неопределенность, напрямую влияющую на имущественные и личные неимущественные права супругов. Таким знаковым актом стало Постановление Конституционного Суда РФ от 30 октября 2025 г. № 36-П, вынесенное по жалобе гражданина О.И. Лустача. В данном решении Суд проверил конституционность пункта 3 статьи 35 Семейного кодекса РФ и сформулировал важные правовые позиции, направленные на обеспечение баланса интересов всех членов семьи.

Фабула дела и позиция заявителя

Поводом к рассмотрению дела послужила жалоба гражданина Олега Игоревича Лустача, чьи конституционные права, по его мнению, были нарушены применением оспариваемой нормы в деле о признании недействительной сделки по распоряжению общим имуществом супругов. Как следует из материалов, изученных Судом, заявитель столкнулся с ситуацией, когда его бывшая супруга, действуя без его согласия и согласия органа опеки и попечительства, совершила сделку по отчуждению недвижимого имущества, приобретенного в браке и являющегося совместной собственностью. При этом в данной квартире были зарегистрированы и проживали их несовершеннолетние дети.

Пункт 3 статьи 35 Семейного кодекса РФ устанавливает, что для совершения одним из супругов сделки по распоряжению недвижимостью и сделки, требующей нотариального удостоверения и (или) регистрации, необходимо получить нотариально удостоверенное согласие другого супруга. Однако, как указал заявитель, правоприменительная практика, основанная на формальном толковании данной нормы, позволяла признавать сделку

действительной, если контрагент по сделке не знал и не должен был знать об отсутствии согласия второго супруга. Такой подход, по мнению О.И. Лустача, нарушал не только его имущественные права, но и жилищные права его несовершеннолетних детей, которые лишились права пользования жилым помещением. Это ставило под сомнение соблюдение конституционных принципов охраны семьи и материнства, детства и отцовства.

Правовая позиция Конституционного Суда РФ

Конституционный Суд, изучив представленные материалы и руководствуясь положениями статей 7, 35, 38 и 46 Конституции РФ, пришел к выводу, что оспариваемое законоположение само по себе не противоречит Конституции. Однако Суд выявил конституционно-правовой смысл данной нормы, который является общеобязательным и исключает любое иное ее истолкование в правоприменительной практике.

Суд указал, что, хотя Гражданский кодекс РФ и защищает права добросовестного приобретателя, этот механизм не может применяться автоматически в ущерб конституционно значимым ценностям защиты семьи. Особое внимание в постановлении уделено необходимости учета прав и законных интересов несовершеннолетних детей. Конституционный Суд подчеркнул, что суды общей юрисдикции при рассмотрении исков о признании сделок с недвижимостью, совершенных одним из супругов, не могут ограничиваться лишь констатацией факта отсутствия нотариального согласия и наличия признаков добросовестности у покупателя.

Суды обязаны исследовать все фактические обстоятельства дела, включая:

- * Было ли отчуждаемое имущество единственным пригодным для проживания семьи (в частности, несовершеннолетних детей) жильем;

- * Не нарушает ли переход права собственности к новому приобретателю права детей на проживание в данном помещении и на сохранение жилищных условий;

- * Имело ли место злоупотребление правом со стороны супруга, совершившего сделку, и было ли это очевидно для другой стороны сделки.

Таким образом, Конституционный Суд РФ фактически ввел дополнительный критерий оценки подобных споров – необходимость обеспечения баланса между защитой прав добросовестного приобретателя и публично-правовой обязанностью государства защищать семью и детство. Суд подтвердил, что права супруга, не дававшего согласия на сделку, не могут быть принесены в жертву исключительно в интересах стабильности гражданского оборота, если это влечет за собой серьезные негативные последствия для семьи и детей.

Значение постановления для защиты прав семьи

Постановление Конституционного Суда РФ № 36-П от 30 октября 2025 г. имеет принципиальное значение для российской правовой системы. Оно развивает конституционную доктрину защиты семьи, наполняя конкретным содержанием положения статьи 38 Конституции РФ, согласно которым материнство и детство, семья находятся под защитой государства.

Для правоприменительной практики решение Суда означает, что суды более не могут подходить формально к делам, где сталкиваются интересы гражданского оборота и семейные ценности. Отныне при разрешении споров об отчуждении общего имущества супругов ключевое значение приобретает не только факт соблюдения процедуры получения согласия, но и существо нарушенных прав членов семьи, особенно несовершеннолетних.

Для граждан, таких как заявитель О.И. Лустач, это решение открывает возможность более эффективной судебной защиты: они вправе требовать от суда оценки сделки не только с точки зрения ее соответствия гражданскому законодательству, но и с позиций соблюдения конституционных гарантий прав семьи. Это укрепляет правовые механизмы, предотвращающие ситуации, когда дети могут быть лишены крова в результате недобросовестных действий одного из родителей.

Рассмотрев дело гражданина О.И. Лустача, Конституционный Суд РФ подтвердил, что защита прав и законных интересов семьи является приоритетной задачей правосудия.

Выявленный конституционно-правовой смысл пункта 3 статьи 35 Семейного кодекса РФ служит важным ориентиром для законодателя и правоприменителя, обеспечивая не просто формальное, а реальное действие принципов справедливости и гуманизма, закрепленных в Основном Законе страны. Данное постановление стало еще одним шагом на пути формирования такой судебной практики, в центре которой находится человек, его права и обязанности, а также защита семьи как фундаментальной основы общества.

Список литературы

1. Семейные и наследственные споры в 2025г. Текст: электронный // URL.: https://advokatrd.ru/news/news_1866.html
2. Постановление Конституционного суда РФ от 18.07.2025 N 30-П "По делу о проверке конституционности положений пункта 3.1, подпункта 3 пункта 4 статьи 8 Федерального закона "О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей", части 4 статьи 10 Федерального закона "О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей", части 1 статьи 109.1 Жилищного кодекса Российской Федерации, а также положений статей 327.1 и 379.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Р.С. Темиржановой" Текст: электронный // URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-18072025-n-30-p-po/>

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЧАСТНЫХ ОХОТНИЧЬИХ ХОЗЯЙСТВ

Попов Иван Романович, студент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

Popovivan987789@gmail.com

Серебренников Дмитрий Евгеньевич, студент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

serebrennikovdmitrij65@gmail.com

Научный руководитель: Бородин Игорь Анатольевич, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

igoriborodin@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы правового регулирования деятельности частных охотничьих хозяйств в Российской Федерации. На основе анализа положений федеральных законов «О животном мире», «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов» и «Об охране окружающей среды» выявляется ключевое противоречие: государственная собственность на охотничьи ресурсы и частный характер инвестиций в охотничью инфраструктуру и биотехнические мероприятия. Особое внимание уделяется правовой природе охотхозяйственных соглашений, проблеме двойного финансирования и неопределенности прав на создаваемое имущество. Анализируются сложности правового режима содержания животных в полувольных условиях, коллизии между коммерческими интересами хозяйств и требованиями природоохранного законодательства, а также недостатки в системе государственного мониторинга. В заключении предлагаются пути решения выявленных проблем, направленные на гармонизацию законодательства и снижение инвестиционных рисков.

Ключевые слова: охотничье хозяйство, охотничьи ресурсы, животный мир, право собственности, охотхозяйственное соглашение, частные инвестиции, биотехнические мероприятия, полувольное содержание, охрана окружающей среды, правовое регулирование

Деятельность частных охотничьих хозяйств в Российской Федерации представляет собой сложный комплекс правоотношений, находящихся на стыке природоресурсного, гражданского и экологического права. Основная коллизия заключается в том, что главный актив таких хозяйств (охотничьи ресурсы) является государственной собственностью, в то время как инфраструктура и затраты на их содержание ложатся на плечи частных инвесторов. Анализ положений Федерального закона от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире», Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и Федерального закона от 24.07.2009 № 209-ФЗ «Об охране окружающей среды» позволяет выявить ряд системных проблем, препятствующих эффективному развитию этого института [1, с. 3].

Фундаментальной основой, определяющей все дальнейшие правовые коллизии, выступает норма, устанавливающая, что животный мир в пределах территории России является государственной собственностью. Данный закон определяет животный мир как совокупность диких животных, находящихся в состоянии естественной свободы. В развитие этой нормы специальный закон конкретизирует понятие «охотничьи ресурсы» как те объекты животного мира, которые могут быть использованы в целях охоты [2, с. 1].

Проблема для частного охотничьего хозяйства возникает из-за невозможности распоряжаться главным ресурсом как своей собственностью. Частный инвестор, вкладывающий средства в создание охотничьей инфраструктуры, проведение

биотехнических мероприятий, не приобретает вещных прав на самих животных. Право собственности возникает лишь на продукцию охоты, то есть на уже добытых животных. Это создает дисбаланс: хозяйство несет бремя содержания фактически государственных ресурсов, рискуя, что результаты его деятельности могут быть использованы иными лицами или изъяты государством без должной компенсации [2, с. 9].

Охотхозяйственные соглашения, заключаемые по результатам аукционов, являются основным способом предоставления права на долгосрочное пользование охотничьими ресурсами. Юридическая природа этого договора вызывает вопросы. По сути, хозяйство получает право на использование охотничьих угодий – земель и лесных участков, но не на самих животных.

Ключевая проблема, касается платности. Победитель аукциона обязан уплатить единовременный сбор за заключение соглашения, а также вносить ежегодную арендную плату за лесной участок. При этом обязанность по проведению биотехнических мероприятий и созданию инфраструктуры также лежит на пользователе. Фактически имеет место двойное финансирование: плата за доступ к ресурсу и затраты на его воспроизводство. При этом гражданское законодательство, на которое дается отсылка, не дает четкого ответа о судьбе созданной за частный счет инфраструктуры в случае прекращения действия соглашения, что создает высокие инвестиционные риски [2, с. 53].

Законодательство выделяет особую категорию – объекты животного мира, содержащиеся в полувольных условиях или искусственно созданной среде обитания. Отношения по их охране регулируются в том числе и специальным Федеральным законом от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов». Деятельность по их содержанию и разведению при наличии разрешений прямо допускается. Однако переходный статус животных создает правовую неопределенность [2, с. 26].

Если животное содержится в вольере, оно уже не находится в состоянии «естественной свободы». Возникает вопрос: остается ли оно объектом исключительно государственной собственности или к нему могут быть применены нормы, допускающей нахождение изъятых из среды обитания объектов в частной собственности? Порядок документального оформления перехода такого животного из «дикого» состояния в категорию, подлежащую гражданскому обороту, законодательно проработан слабо. Это порождает трудности с реализацией продукции охоты, полученной от таких животных, и с ответственностью за причиненный ими вред [1, с. 4].

Деятельность частных охотничьих хозяйств не должна противоречить целям сохранения благоприятной окружающей среды. Животный мир, согласно основополагающим понятиям, является компонентом природной среды. Хозяйства обязаны соблюдать нормативы допустимого воздействия, однако методики определения такого воздействия для охотничьей деятельности размыты [3, с. 22].

Особую сложность представляет реализация полномочий по регулированию численности с целью предотвращения ущерба. Эти меры могут вступать в противоречие с принципами охраны биологического разнообразия, закрепленными в профильном законе. Кроме того, требования к охране среды обитания могут ограничивать хозяйственную деятельность по созданию охотничьей инфраструктуры, если она ведет к разрушению естественных экологических систем, охраняемых законом. Проблемой является и недостаточно эффективная координация ведения государственного мониторинга и кадастра объектов животного мира между государственными органами и пользователями, что приводит к использованию устаревших данных для установления лимитов и квот добычи [1, с. 5; 2, с. 48].

Правовое регулирование частных охотничьих хозяйств в России страдает от внутренних противоречий, порожденных несовместимостью концепции исключительной государственной собственности на животный мир и потребностей частноправовых методов хозяйствования. Основные проблемы сосредоточены в области распределения прав и обязанностей по охотхозяйственным соглашениям, неясности правового статуса животных в

полуволевых условиях и сложности интеграции коммерческих интересов с императивами природоохранного законодательства. Решение этих проблем видится в законодательном уточнении прав на создаваемую инфраструктуру, прозрачном механизме перехода права собственности на продукцию охоты и усилении роли публичного контроля, основанного на достоверных данных государственного мониторинга. Проблема правового регулирования частных охотничьих хозяйств в России носит системный характер и обусловлена несколькими факторами: противоречиями между нормами различных кодексов, неопределенностью правового статуса ключевых документов (охотхозяйственных соглашений), а также переходным периодом от старых форм пользования (долгосрочных лицензий) к новым.

Требуется устранение коллизий в законодательстве. Отдельные нормы Федерального закона от 24.07.2009 № 209-ФЗ «Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» противоречат друг другу и Гражданскому кодексу РФ, что затрудняет правоприменение. В частности, предлагается уточнить сторону охотхозяйственного соглашения – в договоре должен фигурировать субъект Российской Федерации, а не орган исполнительной власти, что соответствует статьям 2 и 125 ГК РФ о публично-правовых образованиях. Это позволит привести отраслевое законодательство в соответствие с общей логикой гражданского оборота [3, с.22].

Необходимо решить проблему "переходного периода" для организаций, работающих по старым лицензиям. Многие охотпользователи, получившие участки на 25 лет по долгосрочным лицензиям, сегодня не могут переоформить свои права, так как Лесной кодекс требует наличия охотхозяйственных соглашений и постановки участков на кадастровый учет. Для огромных по площади территорий процедура кадастрового учета финансово неподъемна. Выходом может стать внесение изменений в Лесной кодекс, разрешающих предоставление лесных участков для ведения охотничьего хозяйства без обязательной постановки на кадастровый учет.

Важно повысить качество управления и ответственности пользователей. Здесь требуется двустороннее движение: с одной стороны – упрощение процедур для добросовестных хозяйств, с другой – ужесточение санкций для нарушителей. С пользователями, допустившими системные нарушения и ухудшение среды обитания, охотхозяйственные соглашения расторгаются в судебном порядке. Это подтверждает работоспособность механизма ответственности. Одновременно с этим предлагается ввести совместный с госорганами учет охотничьих ресурсов, чтобы повысить его объективность и предотвратить искажение данных.

Решение проблем невозможно без обновления стратегического планирования. Стратегия развития охотничьего хозяйства требует актуализации с учетом современных вызовов. Работа над ней должна вестись с привлечением широкого круга заинтересованных сторон – от охотничьего сообщества до природоохранных организаций – для создания сбалансированной системы, учитывающей интересы всех участников.

Решение проблемы правового регулирования частных охотничьих хозяйств лежит в плоскости комплексной гармонизации законодательства, приведения его в соответствие с Гражданским кодексом, создания переходных механизмов для старых лицензий, внедрения прозрачных процедур контроля (включая совместный учет) и обновления стратегических документов отрасли.

Список литературы

1. Федеральный закон от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире» - Текст: электронный // (дата обращения 20.02.2026)//Контур норматив;
2. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ - Текст: электронный // «Об охране окружающей среды» (дата обращения 20.02.2026)//Контур норматив;
3. Федеральный закон от 24.07.2009 № 209-ФЗ «Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» - Текст: электронный // (дата обращения 20.02.2026)//Контур норматив.

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Сафархонзода Мухаммадсидик, слушатель

Сибирского юридического института МВД России, Красноярск, Россия

sidiq.m799@icloud.com

Научный руководитель: Власов Валерий Александрович, кандидат юридических наук, доцент

Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия

vav.70@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные актуальные проблемы молодежи в сельскохозяйственной деятельности как в России, так и в Таджикистане. А также исследуются вопросы, касающиеся данной проблемы.

Ключевые слова: молодежь, политика, сельское хозяйство, государство, высококвалифицированные кадры, сельские местности, квоты, повышение заработной платы

В настоящее время сельские территории России сталкиваются с острым дефицитом молодых специалистов и квалифицированных работников, как в научной сфере, так и среди профессий массового спроса. Ключевым фактором этой проблемы исследователи называют отсутствие продуманной и результативной государственной стратегии в данной области. Примечательно, что научное сообщество пока уделяет недостаточное внимание комплексному изучению данного вопроса.

Основной причиной кадрового кризиса в аграрном секторе стал устойчивый стереотип среди сельской молодежи о низкой доходности профессий, связанных с сельским хозяйством. Такие специальности, как агрономия, зоотехника, эксплуатация сельхозтехники, садоводство и аналогичные направления, воспринимаются как экономически невыгодные. Параллельно наблюдается отсутствие мотивации к трудоустройству в родной местности, где многие выпускники предпочитают карьере на селе миграцию в города.

Современные молодые люди все чаще выбирают «городские» профессии от IT сферы до инженерных и финансовых специальностей. Этот тренд усугубляет проблему преемственности поколений в аграрной отрасли, создавая угрозу долгосрочному развитию сельского хозяйства страны.

Следует также отметить системную проблему трудоустройства выпускников аграрных учебных заведений. Даже при наличии желания работать по специальности они сталкиваются с отсутствием в сельской местности необходимой инфраструктуры, современной техники и технологий, что делает профессиональную реализацию практически невозможной. Данный фактор дополнительно стимулирует отток перспективных кадров в другие секторы экономики.

Государственная аграрная политика представляет собой стратегическое регулирование, ориентированное на устойчивое развитие сельскохозяйственного производства и смежных отраслей агропромышленного комплекса. Ее ключевая задача – обеспечение роста экономической эффективности АПК с параллельным повышением качества жизни сельского населения и укреплением социально-экономического потенциала страны. В российской практике приоритетами такой политики выступают достижение продовольственной безопасности через производство качественной отечественной продукции, а также формирование условий для технологической модернизации сельхозпроизводства и перерабатывающих отраслей. Однако реализация этих целей осложняется отсутствием у молодежи четких ориентиров для выбора аграрных специальностей и слабой мотивацией к работе в сельской местности. Для решения проблемы

требуются системные меры от популяризации аграрных профессий через образовательные программы и PR-кампании до адресной поддержки молодых специалистов. В числе приоритетных шагов инвестиции в модернизацию сельской инфраструктуры, внедрение современных технологий, повышение зарплат в агросекторе, а также реализация проектов, предусмотренных «Стратегией устойчивого развития сельских территорий РФ до 2030 года».

Данный документ акцентирует внимание на создании привлекательных условий жизни в сельской местности, включая доступ к образованию, здравоохранению и цифровым сервисам. Только комплексный подход, сочетающий экономические стимулы, социальные гарантии и технологическое обновление, способен изменить восприятие аграрного сектора среди молодежи и остановить отток кадров из сельских регионов.

В России для сельской молодежи действует ряд федеральных и региональных программ, направленных на закрепление кадров, поддержку молодых специалистов (врачей, учителей, аграриев) и улучшение жилищных условий. Основные меры включают льготную «сельскую ипотеку» (3%), выплаты «подъемных» (до 1-2 млн руб.), гранты на открытие хозяйства и субсидии на жилье.

Современные вызовы трудоустройства молодежи в аграрных регионах Таджикистана остаются критически значимыми для развития национальной экономики. Несмотря на признание сельского хозяйства стратегическим сектором, наблюдается устойчивый кадровый дефицит, обусловленный комплексом факторов. Государственные инициативы, включая квотные программы, разовые выплаты и обеспечение жильем, направлены на поддержку молодых специалистов, однако эти меры не компенсируют системные проблемы.

В Таджикистане в течение последних 30 лет существования советской власти полностью утвердилась монокультура хлопка. Это означало, что в аграрной политике советского государства основное внимание в Таджикистане уделялось наращиванию производства хлопка-сырца. Сельское хозяйство республики развивалось в рамках так называемого общесоюзного разделения труда, где ему отводилась роль поставщика хлопкового волокна для хлопчатобумажной промышленности всего Советского Союза. Быстрые темпы развития инфраструктурных элементов этой отрасли были направлены на создание развитого сектора хлопководства в республике, которая была призвана внести растущий вклад в решение задач и обеспечения хлопковой независимости СССР.

Биоклиматические условия Таджикистана благоприятствуют, во-первых, получению высоких урожаев хлопчатника, во-вторых, выращиванию хлопка-сырца с высокими показателями качества продукции, в-третьих, производству тонковолокнистых сортов хлопка, многие из которых по своему качеству не уступают шелку. Поскольку всего 7% территории страны расположено в равнинах, в Таджикистане постановка задачи обеспечения хлопковой независимости советской страны постепенно привела к развитию хлопковой монокультуры (Вахидов и др. 2003). Особое внимание в те годы уделялось развитию хлопководства в Вахшской долине, которая отличается сухим субтропическим климатом. Именно в Вахшской долине, благодаря созданию мощной ирригационной сети, была создана специализированная зона по производству тонковолокнистого хлопчатника.

Ключевым барьером выступает низкий уровень доходности аграрного труда, делающий его непривлекательным для нового поколения. Парадоксальная ситуация складывается в секторе НПО, организации, действующие в сельской местности, испытывают потребность в квалифицированных сотрудниках, однако молодежь зачастую не обладает необходимыми компетенциями из-за ограниченного доступа к современному образованию. Устаревшая система профессиональной подготовки усугубляет проблему: многие учебные заведения прекратили выпуск специалистов аграрного профиля, создавая разрыв между спросом и предложением на рынке труда. Дополнительным вызовом стала масштабная трудовая миграция, затрагивающая даже подготовленных аграриев. Отсутствие современных технологий, сельхозтехники и цифровой инфраструктуры в селах формирует порочный круг: недостаток инноваций снижает производительность, что ведет к сокращению инвестиций и дальнейшему оттоку населения. Результатом становится «утечка умов» молодые люди

предпочитают поиск возможностей в городах Таджикистана или за рубежом, что ставит под угрозу продовольственную безопасность и устойчивое развитие сельских территорий. Для изменения тенденций требуется не только модернизация материально-технической базы, но и трансформация образовательных программ, внедрение грантовых механизмов для фермеров, а также создание цифровых платформ для передачи знаний. Без решения этих задач аграрный сектор рискует потерять целое поколение специалистов, что негативно отразится на экономике страны в долгосрочной перспективе.

Государственная аграрная стратегия Республики Таджикистан ориентирована на повышение качества жизни сельского населения и поддержку молодежи в аграрных регионах. Ее стратегическими приоритетами выступают устойчивое развитие агропромышленного комплекса, рост его производительности и конкурентоспособности, а также укрепление продовольственной безопасности как элемента национальной стабильности. Для модернизации сельскохозяйственной отрасли требуются комплексные меры. Во-первых, необходимо обеспечить доступ молодого поколения к профильному образованию через расширение сети аграрных университетов и профессиональных колледжей. Во-вторых, ключевым стимулом для закрепления кадров в сельской местности должно стать повышение доходов работников аграрного сектора. В-третьих, критически важной задачей остается оснащение сельхозпредприятий современной техникой, что позволит повысить эффективность труда и привлекательность профессии.

В качестве итоговых рекомендаций следует подчеркнуть необходимость системных стимулов для мотивации молодежи к получению аграрного образования. Это позволит сформировать квалифицированные кадры, способные внедрять инновационные подходы в сельское хозяйство. Одновременно требуется синхронизация образовательных программ с реальными потребностями отрасли, инвестиции в технологическое переоснащение и создание социально-экономических условий, которые снизят трудовую миграцию и укрепят кадровый потенциал села.

Список литературы

1. Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года - Текст: электронный // URL: <https://docs.cntd.ru> (дата обращения 18.04.2025)
2. Власов, В.А., Ткаченко, А.В. К вопросу об эффективности реализации государственной программы Российской Федерации «комплексное развитие сельских территорий» в системе высшего аграрного образования / В.А. Власов, А.В. Ткаченко // Аграрное и земельное право. 2020. № 4 (184). С. 17-20 - Текст: электронный // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-effektivnosti-realizatsii-gosudarstvennoy-programmy-rossiyskoy-federatsii-kompleksnoe-razvitie-selskih-territoriy-v> (дата обращения 18.04.2025)
3. Власов, В.А. Продовольственная безопасность Российской Федерации как важнейшее стратегическое направление обеспечения национальной безопасности / В.А. Власов // Национальная безопасность 2010. № 6 (11). С. 96-101 - Текст: электронный // URL: https://author.nbpublish.com/nbmag/article_57928.html (дата обращения 18.04.2025)
4. Стомба, Е.В. Исследование социально-экономических проблем молодежи сельских территорий региона (на примере респ. Башкортостан) / Е.В.Стомба, Р.Н.Масалимов // Современные проблемы науки и образования. – 2012.
5. Вахидов, В, Гафуров, Х. Хлопководство: Актуальные проблемы развития хлопководство в Таджикистане / В. Вахидов, Х. Гафуров // 2003, Душанбе, Ирфон.
6. Каримов, Х.Х. Вклад физиологии, генетики, селекции и биотехнологии растений в решении проблем сельского хозяйства / Х.Х. Каримов // 2006/ Таджикистана. Душанбе.
7. Бегматов, А.А, Умаров, Д.М Проблемы модернизации сельского хозяйства / А.А. Бегматов, Д.М. Умаров // 2007 / Таджикистан / Душанбе.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЖИЛИЩНЫХ ПРАВ ДЕТЕЙ-СИРОТ

Фантарова Алина Игоревна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

Fantarova05@mail.ru

Федорова Мария Григорьевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

Mf834517@gmail.com

Научный руководитель: Бородин Игорь Анатольевич, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

igoriborodin@bk.ru

Аннотация. В нашей стране проблематика нарушения жилищных прав детей из категории детей-сирот и детей, находящихся без родительского попечения, не решается в течение нескольких десятилетий. Отрицательные тенденции в обеспечении этой категории детей адекватным жильем связаны в первую очередь с недостаточной эффективностью федерального и регионального законодательства. В данной статье анализируется современный механизм предоставления жилого помещения данной категории детей, выявляются проблемы, мешающие полноценному осуществлению их жилищных прав.

Ключевые слова: жилищные права, дети-сироты, законодательство, государственные программы, финансирование, правовые основы, качество жилья

Настоящий документ представляет собой исследование трудностей, возникающих в процессе правового регулирования предоставления жилых помещений детям-сиротам и детям, лишенным родительского попечения. В работе анализируются ключевые препятствия, с которыми сталкиваются эти дети при реализации своего жилищного права, а также проводится сравнительный анализ ситуации в столице, Санкт-Петербурге и Красноярске. Отдельное внимание уделяется мерам поддержки, направленным на профилактику сиротства.

Региональные особенности усугубляют проблемы, в результате чего даже те, кто имеет законное право на жилье, могут годами ждать его получения. Непрозрачность системы распределения, отсутствие ясных критериев очередности и возможность субъективного подхода со стороны должностных лиц способствуют росту коррупции и нарушению прав.

Следует также отметить неудовлетворительное качество предоставляемого жилья. Зачастую это помещения в ветхих домах с устаревшими коммуникациями, требующие значительных вложений в ремонт. Фактически, сироты получают жилье, нуждающееся в капитальной реконструкции, что создает дополнительные финансовые трудности для этой категории граждан. В некоторых случаях квартиры предоставляются в отдаленных районах, вдали от социальной инфраструктуры, что затрудняет их адаптацию и интеграцию в общество.

Бюрократическая система, кажется, намеренно усложняет жизнь сиротам. Необходимость многократных визитов в различные инстанции, сбор документов с ограниченным сроком действия и постоянное ожидание в очередях истощают их моральные и физические силы. Отсутствие единой системы учета и контроля, разрозненность информации между ведомствами создают хаос и подрывают веру в справедливость.

Критической проблемой является недостаточная информированность сирот о своих правах и способах их защиты. Часто они становятся жертвами своей неосведомленности, не зная, куда обратиться за помощью, какие документы подготовить или как оспорить отказ. Отсутствие адекватной юридической поддержки и просвещения делает их беззащитными перед лицом системных проблем.

Для решения этих проблем необходим комплексный подход: увеличение финансирования, разработка прозрачных механизмов распределения жилья, контроль за качеством предоставляемых помещений, упрощение бюрократических процедур и активная информационная работа с детьми-сиротами и их представителями. Только такой подход позволит приблизиться к реальному обеспечению их конституционного права на жилище.

Региональные различия в методах предоставления жилья детям-сиротам являются прямым отражением их социально-экономического положения. Москва, обладая наибольшим финансированием и населением, способна реализовывать более масштабные программы, стремясь улучшить жилищные условия для будущих поколений. Это проявляется в качестве предоставляемых квартир и жилищных сертификатов. Сертификат детям-сиротам предоставляют с 2023 года. Благодаря жилищному сертификату молодые люди имеют возможность выбрать себе квартиру, какую хотят – по площади, планировке, месторасположению и т.д. А при наличии собственных средств, они могут их добавить и взять жилье большего размера. Но это не всегда успешно из-за высокого спроса на жилье.

Санкт-Петербург как второй по значимости город страны реализует схожие с Москвой градостроительные стратегии, хотя и в менее масштабном формате. В 2025 году было выделено 34,2 млн рублей, что позволяет выдать 6 сертификатов. Так же в 2026 году планируется предоставить 700 квартир детям-сиротам. Квартиры передаются с мебелью и техникой. Акцент на предоставлении квартир в новостройках здесь, вероятно, продиктован стремлением повысить инвестиционную привлекательность жилья, рационально использовать дефицитные земельные участки и ускорить развитие инфраструктуры. Тем не менее, ключевые проблемы – многолетние очереди на улучшение условий и прогрессирующий рост цен на квадратные метры – остаются для Северной столицы столь же острыми, как и для большинства мегаполисов.

В Красноярске, как и во многих других региональных центрах, ситуация менее благоприятна. В городе действует такая же система жилищных сертификатов как в Москве и Санкт-Петербурге. Основные меры поддержки в Красноярском крае

Социальная выплата (сертификат). Для покупки жилья в собственность на территории края. Можно добавить свои или кредитные средства. Специализированный найм: Жилье предоставляется по договору на 5 лет (обычно до 23 лет) с возможностью последующей приватизации. Площадь: Не менее 18 кв. метров на человека. Качество: Жилье должно быть благоустроенным. Главное условие: Необходимо встать на учет (в список) до достижения 23 лет, обратившись в органы опеки или администрацию. Но ограниченность бюджета вынуждает идти на компромиссы, что может означать предоставление жилья меньшей площади, в удаленных районах с неразвитой инфраструктурой. В таком случае дети-сироты вправе отказаться от предоставляемого жилья и потребовать замену.

Таким образом, жилищный вопрос для детей-сирот – это не только социальная, но и экономическая проблема, зависящая от региональных ресурсов. Различия в подходах Москвы, Санкт-Петербурга и Красноярска наглядно иллюстрируют неравномерность развития страны. Это подчеркивает необходимость разработки более сбалансированных федеральных программ, учитывающих региональные особенности и обеспечивающих равные стартовые возможности для всех детей.

Несмотря на декларируемую помощь детям-сиротам на всех уровнях, реальное качество и скорость решения жилищной проблемы сильно варьируются. В то время как мегаполисы располагают ресурсами для более качественного и оперативного подхода, регионам зачастую приходится мириться с ограничениями, что приводит к неравноправию в доступе к основному праву – праву на жилище.

Эффективная стратегия предотвращения сиротства требует комплексного подхода, охватывающего как превентивные меры, так и меры экстренной помощи. В крупных городах, таких как Москва и Санкт-Петербург, наблюдается более развитая инфраструктура поддержки. Москва активно развивает программы поддержки семей в кризисных ситуациях, психологическую помощь, юридическое сопровождение, центры временного размещения.

Санкт-Петербург фокусируется на программах раннего выявления семейного неблагополучия, профилактической работе с родителями, развитии семейных форм устройства детей.

В регионах, напротив, подобные программы могут быть менее развиты вследствие ограниченности ресурсов. Это делает особенно важным усиление работы по раннему вмешательству, поддержке кровных семей, профилактике социального сиротства. Ключевым аспектом здесь является создание доступных и эффективных служб, способных оперативно реагировать на сигналы о семейных трудностях и предоставлять необходимую помощь до того, как ситуация приведет к разлучению ребенка с семьей.

Необходимо также развивать систему профессиональной подготовки специалистов, работающих с семьями в трудной жизненной ситуации. Это включает психологов, социальных педагогов, юристов, которые должны обладать не только теоретическими знаниями, но и практическими навыками работы с различными категориями семей, включая те, которые находятся под угрозой распада. Важна межведомственная координация усилий различных структур – органов опеки, образовательных учреждений, медицинских организаций, некоммерческих фондов.

Осознание обществом проблемы сиротства и уровня его прилегающей опасности является еще одним важным фактором. Информационные кампании, направленные на формирование позитивного имиджа приемного родительства, а также на повышение осведомленности о доступных формах помощи для родителей, находящихся в сложной ситуации, могут способствовать снижению числа детей, остающихся без попечения.

В конечном итоге, предотвращение сиротства – это инвестиция в будущее общества. Создание условий, в которых каждая семья может получить необходимую поддержку, является залогом благополучия детей и устойчивого развития страны.

Проблемы правового регулирования защиты прав детей-сирот по предоставлению жилья остаются актуальными. Необходима систематическая работа по совершенствованию законодательства, увеличению финансирования, контролю за качеством предоставляемого жилья и упрощению процедур. Важную роль играет развитие ассоциальных программ, направленных на предотвращение сиротства и поддержку семей в трудной жизненной ситуации.

Список литературы

1. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 188-ФЗ. ЖК РФ Статья 109.1. Предоставление жилых помещений детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей - Текст: электронный // URL: СПС КонсультантПлюс.

2. Федеральный закон от 21.12.1996 N 159-ФЗ (ред. От 15.12.2025) «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» Статья 8. Дополнительные гарантии прав на имущество и жилое помещение - Текст: электронный // URL: СПС КонсультантПлюс.

3. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 188-ФЗ. ЖК РФ Статья 50. Норма предоставления и учетная норма площади жилого помещения - Текст: электронный // URL: СПС КонсультантПлюс.

4. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 188-ФЗ. ЖК РФ Статья 20. Государственный жилищный надзор, муниципальный жилищный контроль и общественный жилищный контроль - Текст: электронный // URL: СПС КонсультантПлюс.

5. Федеральный закон от 30.12.2012 N 283-ФЗ (ред. От 15.12.2025) «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» Статья 7. Норма предоставления площади жилого помещения - Текст: электронный // URL: СПС КонсультантПлюс.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ БАЗА РФ В СФЕРЕ АГРОНОМИИ, НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРИМЕНЕНИЯ БИОПРЕПАРАТОВ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ

Чазов Михаил Владимирович, студент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
chazovmihail@yandex.ru

Научный руководитель: Крылова Марина Васильевна старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
krylova_9880@mail.ru

Аннотация. В статье представлен комплексный анализ законодательной базы РФ в сфере агрономии, селекции и агrobiотехнологий. Исследованы механизмы реализации ФЗ «О семеноводстве» и «Об органической продукции» в контексте обеспечения продовольственного суверенитета. Новизна работы заключается в системном разборе новелл 2023–2025 гг., включая правовой режим побочных продуктов животноводства и внедрение системы прослеживания через ФГИС. Выявлены коллизии в вопросах оценки экологического ущерба почвам и регистрации инновационных кормовых добавок. Автором обоснована необходимость гармонизации норм аграрного и природоохранного права, а также предложены алгоритмы цифровизации контроля для защиты прав добросовестных землепользователей.

Ключевые слова: агрономия, законодательство РФ, семеноводство, биопрепараты, органическая продукция, селекция, почвенное плодородие, ГМО, агротехнологические классы

Современное сельское хозяйство России переживает этап глубокой технологической трансформации, где центральное место занимают вопросы продовольственной безопасности, импортозамещения генетического материала и экологизации производства. Красноярский край, будучи одним из крупнейших аграрных регионов Сибири, непосредственно включен в эти процессы. Однако эффективное развитие агрономии невозможно без прочного правового фундамента, который не только устанавливал бы правила игры, но и стимулировал научные исследования и внедрение инновационных биопрепаратов. В последние годы российский законодатель проделал значительную работу по обновлению этого фундамента.

Базовым документом, формирующим понятийный аппарат современной агрономии, является Федеральный закон «О семеноводстве» от 30.12.2021 № 454-ФЗ (в ред. от 28.11.2025). Этот нормативный акт ввел в правовое поле ключевые для научных исследований понятия: «генетический паспорт» (документ на основе молекулярно-генетического анализа), «ДНК сорта или гибрида», а также четко определил критерии «отечественной селекции». Согласно закону, отечественной признается селекция, осуществленная полностью на территории РФ российскими лицами, при условии, что для воспроизводства сорта не требуется ввоз генетического материала из-за рубежа.

Развитие научной базы обеспечивается и подзаконными актами. Постановлением Правительства РФ от 03.05.2024 № 572 были утверждены правила формирования и ведения Государственного реестра сортов и гибридов сельскохозяйственных растений. Документ перевел процесс регистрации новых селекционных достижений в цифровой формат через портал «Госуслуги», что должно ускорить внедрение научных разработок в производство. Финансирование этих полномочий осуществляется за счет бюджетных ассигнований, предусмотренных Минсельхозу и подведомственному ФГБУ «Госсорткомиссия».

Для глубокого анализа темы агрономии и биопрепаратов в правовом поле РФ важно выделить те «болевы́е точки» и инновационные сдвиги, которые происходят прямо сейчас.

Актуальность темы обусловлена тремя ключевыми факторами:

1. Продовольственная безопасность и импортозамещение. В условиях санкционного давления критически важно создать собственную базу средств защиты растений (СЗР) и семенного фонда. Зависимость от зарубежных штаммов микроорганизмов и действующих веществ остается высокой.

2. Экологизация и «Зеленый эталон». С 2022 года в РФ действует закон о продукции с улучшенными характеристиками. Потребительский спрос на «чистые» продукты заставляет аграриев массово переходить с жесткой химии на биопрепараты.

3. Цифровизация госконтроля. Внедрение системы ФГИС «Сатурн» сделало рынок прозрачным. Теперь невозможно применять препараты без документального подтверждения, что требует от агрономов и ученых четкого соблюдения регламентов.

Научная и практическая новизна исследования в данной области заключается в следующем:

1. В правовом статусе микробиологических агентов. Впервые законодательно биопрепараты начинают рассматривать не просто как подвид «агрохимикатов», а как самостоятельный инструмент с иным профилем риска.

2. Интеграции науки и бизнеса. Новые механизмы господдержки (например, в рамках ФНТП) создают правовой мост между лабораторией и полем, чего не было в такой степени в предыдущие десятилетия.

3. Генетических технологиях. Появление новых норм, регулирующих генетическое редактирование в агрономии, открывает путь к созданию культур, комплементарных конкретным биопрепаратам.

Одним из главных трендов последних лет стало законодательное закрепление стандартов для «зеленой» продукции и биологических методов ведения хозяйства. С 1 сентября 2025 года вступили в силу существенные поправки в закон об органической продукции. Теперь использование в маркировке терминов «био», «эко», «биологический», «зеленый» и их аналогов разрешено только производителям, прошедшим добровольную сертификацию. Исключение сделано лишь для случаев, где «био» является частью техрегламента, или «зеленый» указывает на цвет продукта, а также для продукции с улучшенными характеристиками под брендом «Зеленый эталон». Нарушение этих правил грозит штрафами до 100 тысяч рублей.

Отдельного внимания заслуживает регулирование применения биопрепаратов в контексте Федерального закона от 14.07.2022 № 248-ФЗ «О побочных продуктах животноводства» (ППЖ). Закон определяет правовые основы вовлечения навоза и помета в сельхозоборот в качестве сырья для повышения плодородия. Как отмечают специалисты ФГБУ «Россельхозцентр», ключевым моментом здесь является недопущение признания ППЖ отходами. Для этого хозяйствам рекомендуется разрабатывать регламенты применения биопрепаратов (например, «ЭМ-Вита.Про»), которые ускоряют переработку органических отходов, снижают патогенную нагрузку и устраняют неприятные запахи, тем самым обеспечивая соответствие строгим требованиям Россельхознадзора и Росприроднадзора.

Несмотря на прогресс в законотворчестве, сохраняются системные проблемы. Одна из них – методика расчета ущерба, наносимого сельхозземлям. В январе 2026 года Госдума приняла в первом чтении законопроект, передающий полномочия по разработке такой методики от Минприроды к Минсельхозу. Действующие методики Минприроды зачастую трактуют штатные агротехнические приемы (внесение навоза, заправка сидератов) как загрязнение и накопление вредных веществ. Передача полномочий аграрному ведомству призвана защитить фермеров от необоснованных штрафов и создать прозрачную систему охраны почти 200 млн га пашни, которая сейчас обследуется крайне медленно.

Другим важным направлением становится регулирование оборота ГМО-содержащих кормов. С 1 октября 2025 года в России введена упрощенная процедура их регистрации. Теперь подать заявление можно онлайн, объединив этапы регистрации самого ГМО и готовой кормовой добавки. Однако, по оценкам отраслевого союза, говорить о полном

открытии рынка преждевременно: процедура осталась двухэтапной, а спрос на услугу прогнозируется низким, поскольку ранее в РФ не было зарегистрировано ни одного такого продукта.

Законодатель также обратил внимание на кадровый голод в АПК. С 1 сентября 2025 года школы получили право официально открывать агротехнологические профильные классы. В рамках нацпроекта «Технологическое обеспечение продовольственной безопасности» к 2030 году планируется создать более 18 тыс. таких классов с углубленным изучением биологии, химии и физики. Это позволит готовить будущих исследователей и агрономов со школьной скамьи, ориентируя их на поступление в профильные вузы.

Кроме того, уточнено регулирование деятельности садоводов и огородников. В законе № 217-ФЗ закреплено понятие «хозяйственные постройки», унифицирована терминология. Эти изменения важны для миллионов граждан, ведущих личное подсобное хозяйство и использующих биопрепараты на своих участках.

Анализ показывает, что законодательная база РФ в сфере агрономии и биопрепаратов эволюционирует от фрагментарных мер к системному регулированию. Цифровизация реестров (семян, пестицидов), введение генетической паспортизации и ужесточение требований к органической продукции создают основу для прорыва в науке.

Однако, как показывает практика, закон должен быть не только сводом правил, но и инструментом защиты разумного природопользования. Передача методик расчета вреда почвам в руки аграриев – шаг к тому, чтобы штрафовать не за заботу о земле, а за ее истощение. Внедрение биопрепаратов, регулируемое через закон о ППЖ, превращает отходы животноводства в ценный ресурс, замыкая цикл органического вещества.

Красноярский край, обладая мощной научной базой в лице Красноярского ГАУ и НИИ, может стать полигоном для отработки новых правовых механизмов. Создание агротехклассов в школах региона, поддержка разработки местных биопрепаратов и активное участие в программе «Зеленый эталон» – те направления, которые позволят региону не просто следовать федеральным нормам, но и формировать повестку устойчивого развития агропромышленного комплекса Сибири.

Анализ показывает, что российское аграрное законодательство успешно завершило этап оборонительной адаптации и теперь готово к переходу на модель, ориентированную на стимулирование роста. Законодательная база трансформировалась в комплексную систему, где цифровые инструменты контроля (ФГИС «Сатурн», «Семеноводство») и генетическая паспортизация эффективно минимизируют риски подделок. Тем не менее, для превращения текущего импортозамещения в полноценную экспортную экспансию необходимо переориентироваться с простого контроля производственных процессов на капитализацию уникальных экологических преимуществ, таких как низкий углеродный след и высокий уровень биологизации.

Предложения по совершенствованию.

Унификация "Зеленого эталона" с мировыми стандартами. Обеспечить соответствие российских ГОСТов для продукции с улучшенными характеристиками международным требованиям (BRC, IFS), что откроет сибирским биопрепаратам и другой продукции беспрепятственный доступ на рынки Азии и Ближнего Востока.

Законодательное закрепление "Биоресурсного статуса". Модифицировать ФЗ № 109, предусмотрев упрощенную и ускоренную процедуру регистрации для микробиологических препаратов, успешно апробированных в региональных научно-образовательных центрах (например, на базе Красноярского ГАУ).

Стимулирование "Замкнутого цикла" через налоговые льготы. Ввести льготы по НДС или налогу на имущество для агропредприятий, которые внедряют технологии переработки побочных продуктов животноводства в биоудобрения, сертифицированные по стандартам органического земледелия.

Развитие региональных агробиотехнологических зон. Разработать типовое положение о «Зонах агробиотехнологического развития» (на примере Красноярского края) с особым

правовым режимом для полевых испытаний инновационных средств защиты растений, что позволит сократить срок их внедрения в 1.5–2 раза.

Список литературы

1. О семеноводстве: Федеральный закон от 30.12.2021 № 454-ФЗ (ред. от 28.11.2025) – Текст: электронный // URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-30122021-n-454-fz-o-semenovodstve/> (дата обращения: 21.02.2026).
2. О побочных продуктах животноводства и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 14.07.2022 № 248-ФЗ. – Текст: электронный // URL: <https://rosselhoccenter.ru/> (дата обращения: 21.02.2026) .
3. Об утверждении Правил формирования и ведения Государственного реестра сортов и гибридов сельскохозяйственных растений, допущенных к использованию, и предоставления сведений из него: Постановление Правительства РФ от 03.05.2024 № 572. – Текст: электронный // URL: <https://cis-legislation.com/> (дата обращения: 21.02.2026) .
4. Какие законы в АПК вступили в силу с 1 сентября 2025 года. ГлавАгроном. – 2025. – 31 августа. – Текст: электронный // URL: <https://glavagronom.ru/news/kakie-zakony-v-apk-vstupili-v-silu-s-1-sentyabrya-2025-goda> (дата обращения: 21.02.2026) .
5. VGNKI experts explain the terms of labeling of organic products. – Text : electronic // VGNKI. – 2025. – URL: <https://en.vgnki.ru/vgnki-experts-explain-the-terms-of-labeling-of-organic-products.html> (date of access: 21.02.2026).
6. Минсельхоз РФ получит право определять размер ущерба, нанесенного сельхозземлям. // Dairynews. – 2026. – 20 февраля – Текст: электронный // URL: <https://dairynews.ru/news/minselkhoz-rf-poluchit-pravo-opredelyat-razmer-ushch.html> (дата обращения: 21.02.2026).
7. Russia simplifies registration of GMO-containing feed additives. – Text: electronic // Feedinfo. – 2025. – 30 сентября. – URL: <https://www.feedinfo.com/> (дата обращения: 21.02.2026).
8. О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29.07.2017 № 217-ФЗ (ред. от 31.07.2025) – Текст: электронный // URL: <http://www.kodeks.karelia.ru/> (дата обращения: 21.02.2026).

ПРОБЛЕМА ЗАЩИТЫ ПРАВ ЖИВОТНЫХ ПРИ БИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Шабалина Анна Антоновна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

annasabalina808@gmail.com

Матвеева Варвара Евгеньевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

Foxsi176@gmail.com

Научный руководитель: Бородин Игорь Анатольевич, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

igoriborodin@bk.ru

Аннотация. Статья рассматривает защиту прав животных в биологических исследованиях, подчеркивая необходимость баланса между научными целями и этическими обязательствами. Ключевые аргументы за усиление защиты включают альтернативные подходы, минимизацию страданий и передовые методы. Анализируются нормативные акты и проблемы их соблюдения.

Ключевые слова: животные, лабораторные исследования, правовая проблема

Правовой статус животных, которые используются в научных целях, в том числе и в качестве биологических тест-систем для проведения доклинических исследований, категория сложно регулируемая. Подходы со стороны мировой общественности в определении прав живых существ, используемых в качестве подопытного объекта для тестирования тех или иных лекарственных средств, крайне неоднозначны [0].

Лабораторные животные служат важной моделью в медико-биологических исследованиях. На протяжении всей истории науки в экспериментах принимали участие животные. Сторонники данных экспериментов полагали, что заражение животных поможет лучше понять природу инфекционных заболеваний.

Цель работы: изучить правовую проблему прав использования животных при биологических исследованиях.

Правовой статус животных, используемых в научных целях (включая доклинические исследования), сложно регулируется. Мировая общественность неоднозначно подходит к определению их прав. Сегодня представители разных стран активно работают в международных организациях над созданием или доработкой правовой базы, определяющей статус, права и гарантии защиты животных, а также обеспечивающей гуманное отношение к ним.

Как отмечает Эндрю Найт, необходимость соответствия принципу «трех «Р» (несмотря на различия в интерпретации содержания каждого из принципов) сегодня рассматривается в качестве фундаментального правила в практике использования экспериментальных животных в научных целях [0].

Развитие биоэтики и осознание необходимости гуманного отношения к животным послужили основой для принятия ряда международных актов, направленных на защиту прав животных. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 8 Всемирной декларации прав животных, «эксперименты на животных, вызывающие их физическое или психологическое страдание, нарушают права животных» [Ошибка! Источник ссылки не найден.]. Более детально биоэтические аспекты использования экспериментальных животных в научных целях были урегулированы в Европейской конвенции о защите позвоночных животных, используемых для экспериментов или в иных научных целях [0].

Гражданское право определяет «животное» как движимую, неделимую, неупотребляемую вещь, обладающую товарностью, способную испытывать боль и трансформироваться (биологическая гибель превращает его в неодушевленную вещь), имеющую потребности для своего существования [0].

Термин «животный мир» имеет легальное определение: совокупность диких животных, населяющих РФ и находящихся в естественной свободе, а также относящихся к природным ресурсам континентального шельфа и исключительной экономической зоны РФ. Объект животного мира – дикое животное. Закон «О животном мире» регулирует только диких животных как природные ресурсы, поэтому понятия «животные» и «животный мир» не синонимичны, первое шире [0].

Испытательные лаборатории, использующие диких животных в исследованиях, являются пользователями животного мира. Они обязаны ежегодно учитывать используемых животных и объемы их изъятия, предоставляя данные Министерству природы РФ. Лаборатории также должны получать разрешения на использование животных от уполномоченных органов власти субъектов РФ (или федеральных органов при изъятии с особо охраняемых территорий) [0].

Говоря о требованиях, установленных к порядку проведения лабораторных процедур, следует упомянуть ГОСТ 33044-2014 «Принципы надлежащей лабораторной практики», принятый с целью привести отечественное регулирование в соответствие с аналогичным по названию документом, принятым Организацией экономического сотрудничества и развития [0]. ГОСТ достаточно подробно регламентирует вопросы, связанные с подготовкой плана исследования, устанавливает требования к отчетности и хранению данных о ходе проведения исследования, к условиям содержания животных и обращения с ними.

Таким образом мы приходим к выводу, что правовой статус животных в научных исследованиях сложен и развивается. Международные дискуссии и законодательство отражают растущее осознание необходимости гуманного отношения.

Список литературы

1. ГОСТ 33044-2014. Принципы надлежащей лабораторной практики – Текст: электронный // URL: <https://internet-law.ru/gosts/gost/58846/> (дата обращения: 03.03.2026).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Европейская конвенция о защите позвоночных животных, используемых для экспериментов или в иных научных целях (ETS N 123) (рус., англ.) от 18 марта 1986 - docs.cntd.ru – Текст: электронный // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901909691> (дата обращения: 03.03.2026).
4. Захаров, Д. Е. Животные как объекты гражданских прав: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Захаров Дмитрий Евгеньевич; [Место защиты: Ур. гос. юрид. акад.]. - Екатеринбург, 2010. - 22 с.
5. Российское законодательство и защита лабораторных животных – Текст: электронный // URL: <https://barrist.ru/laboratornye-zhivotnye/> (дата обращения: 03.03.2026).
6. Федеральный закон от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 17. – Ст.1462
7. Reviewed Works: The Three Rs and the Humanity Criterion: An Abridged Version of The Principles of Humane Experimental Technique by W. M. S. Russell and R.L. Burch and Michael Balls Review by: Andrew Knight. Journal of Animal Ethics. 2012; 2(1): 107-109.

ПРАВОВОЙ АСПЕКТ МОРСКОЙ ДОБЫЧИ УГЛЕВОДОРОДОВ НА АРКТИЧЕСКОМ КОНТИНЕНТАЛЬНОМ ШЕЛЬФЕ РФ

Шайдорова Ксения Александровна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
rtabhh@mail.ru

Научный руководитель: Трофимова Светлана Алексеевна, кандидат философских наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
trofimovas832@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы освоения континентального шельфа Арктической зоны РФ. В условиях глобального изменения климата и растущего спроса на энергоносители, континентальный шельф становится объектом повышенного внимания со стороны арктических государств и нефтегазовых компаний. Представлен обзор геологических и экологических особенностей добычи, исследуется правовой аспект. Особое внимание уделяется экологическим рискам и последствиям, связанным с климатическими изменениями.

Ключевые слова: Арктический шельф, углеводородное сырье, недропользование, полезные ископаемые, нефть, газ, геологоразведка, Арктическая зона РФ, Конвенция ООН по морскому праву, Конвенция о континентальном шельфе

Разработка углеводородных ресурсов является ключевым фактором, поддерживающим текущее функционирование национальной экономики страны. Нефтегазовый сектор играет определяющую роль в формировании консолидированного бюджета и внешнеторгового баланса государства, существенно влияя на социально-экономическое развитие регионов, динамику доходов госбюджета, инфраструктурное строительство, занятость населения и его материальные условия.

Арктика выступает глобальным стратегическим регионом для России с особо значимым потенциалом углеводородных запасов. Здесь сосредоточено свыше двадцати процентов отечественных нефтяных и более семидесяти – газовых ресурсов мира, что существенно выделяется на фоне других арктических стран.

Однако последние годы отмечаются лишь открытием небольших сухопутных месторождений, тогда как на шельфе обнаружены уникальные залежи. Экс-глава Роснедр Евгений Петров подчеркивает критическую роль технологического отставания и отсутствия сотрудничества с иностранными компаниями в освоении арктических морских ресурсов.

Площадь российской Арктики с ее континентальной территорией превышает 4.8 миллиона квадратных километров, занимая почти треть территории страны и содержа около 41 % совокупных нефтегазовых ресурсов региона по оценкам Министерства природы.

Особое внимание уделяется освоению прибрежных территорий России. На шельфе сосредоточено 4,7% нефтяных запасов страны и 11% конденсата, однако уровень изучения акваторий значительно варьируется: хорошо исследованы районы Каспийского и Азовского морей, Охотское море (в районе о. Сахалин), а также прибрежные участки северных морей – Баренцево и Печорское. Большинство арктических шельфов остаются малоизученными.

Общие запасы на континентальном шельфе оцениваются Роснедрами в 17 млрд т нефти и 85 трлн куб. м газа – стратегический резерв для страны.

Основные запасы жидких углеводородов сосредоточены на шельфе Баренцева моря. Здесь обнаружены крупные залежи конденсата в Штокмановском газоконденсатном месторождении, нефти – в Приразломном, Долгинском и Медынском-море, а также открыто масштабное Мадачагское нефтяное месторождение. Карское и Печорское моря также богаты ресурсами, где открыто множество фонтанных месторождений.

Минерально-сырьевые центры (МСЦ) становятся ключевыми точками развития, объединяя территории с месторождениями углеводородов и инфраструктурой. Их развитие финансируется компаниями-недропользователями. Таймыро-Туруханская опорная зона в Красноярском крае выделяется как стратегический регион для освоения арктического шельфа, поддержки Северного морского пути и промышленной деятельности.

Для обеспечения грузопотока по Северному морскому пути важны запасы углеводородов в Обской губе, Енисейском заливе Карского моря, Енисей-Хатангском прогибе и на полуострове Ямал. Газовые месторождения Гыданского полуострова и шельфа морей Лаптевых также играют значительную роль в проектах сжижения природного газа.

В настоящее время действует Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года [1], определяющая основные направления развития и цели. Данная Стратегия является одним из основополагающих документов, которые обеспечивают развитие и управление Арктическими территориями РФ.

Конвенция о континентальном шельфе [2], а также Конвенция ООН по морскому праву [3] предоставляют основу для регулирования международных споров о границах шельфовых зон и праве доступа к ресурсам. Тем не менее, несмотря на существование международных норм и соглашений, многие государства проводят агрессивную политику, направленную на расширение своих прав на арктические ресурсы, что может привести к конфликтам.

Площадь континентального шельфа определяется на основе его географических границ, которые устанавливаются в соответствии с нормами международного права. Внутренней границей континентального шельфа является внешняя граница территориального моря. Внешняя граница континентального шельфа находится на расстоянии 200 морских миль от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря.

При намерении установить границу шельфа за пределами 200 морских миль, арктическое государство обязано подать представление в Комиссию ООН по границам континентального шельфа.

Комиссия ООН по границам континентального шельфа является специальным органом, созданным в рамках Конвенции ООН по морскому праву. Комиссия уполномочена содействовать установлению внешних границ континентального шельфа, выходящих за пределы 200 морских миль от прямых исходных линий.

В 2014 году подкомиссия ООН признала геологическую принадлежность анклава в центральной части Охотского моря за Российской Федерацией.

В 2019 году подкомиссия ООН признала геологическую принадлежность части шельфа российских арктических окраинных морей, части Евразийского бассейна и центральной части Амеразийского бассейна.

Морская добыча углеводородов, таких как нефть и природный газ, имеет ряд особенностей, которые отличают ее от добычи на сухопутных территориях:

- сложные геологические структуры.
- значительные затраты на создание и поддержание инфраструктуры, включая буровые платформы, трубопроводы, терминалы для загрузки и транспортировки ресурсов.
- высокие требования к технологиям, используемым в бурении и добыче из-за высокого давления и низких температур.
- потенциальные экологические риски.
- соблюдение сложной системы международных и национальных правовых норм, которые регулируют права на использование морских ресурсов, охрану окружающей среды и безопасность.
- требуется специализированное оборудование для производства работ в морской соленой среде.

- экономическая целесообразность проектов на современном уровне развития технологий представляется невысокой.

Программа комплексного освоения месторождений углеводородного сырья Ямало-Ненецкого автономного округа и севера Красноярского края [4] предусматривает: создание Координационного комитета, мониторинг и уточнение параметров; подготовку предложений по геологоразведочным работам; предложения по созданию объектов инфраструктуры; формирование системы стимулирования разработки месторождений; мероприятия охраны окружающей среды в федеральные программы; меры государственной поддержки регионов.

Несмотря на заявления о развитии Арктики, реальное положение дел остается неоднозначным: Восточная Арктика мало изучена геологоразведкой, а проблемы льдообразования существенно затрудняют добычу. Независимые эксперты указывают на необходимость активного развития технологий и инфраструктуры для эффективной эксплуатации арктических месторождений, что требует дополнительного государственного и частного финансирования.

Необходимо увеличить ответственность компаний, занимающихся добычей углеводородов, путем внедрения более строгих экологических стандартов и новых технологий, направленных на снижение негативного воздействия на окружающую среду.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 26.10.2020 № 645 (ред. от 27.02.2023) «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» - Текст: электронный // Консультант Плюс: Законодательство.

2. Конвенция о континентальном шельфе (заключена в г. Женева 29 апреля 1958 г.) - Текст: электронный // Консультант Плюс: Законодательство.

3. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS) (заключена в г. Монтего-Бее 10.12.1982) (с изм. от 23.07.1994) - Текст: электронный // Консультант Плюс: Законодательство.

4. Приказ Министерства энергетики РФ от 10.09.2010 № 441 «О программе комплексного освоения месторождений углеводородного сырья Ямало-Ненецкого автономного округа и севера Красноярского края» - Текст: электронный // Консультант Плюс: Законодательство.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ САМОЗАНЯТОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Шарапова Ирина Алексеевна, студентка

Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина ф-л РАНХиГС, Саратов, Россия
IRASN.NICE@yandex.ru

Научный руководитель: Колобова Светлана Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина ф-л РАНХиГС, Саратов, Россия
kolobovapags@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются актуальные изменения правового регулирования самозанятости в Российской Федерации, произошедшие в первом квартале 2026 года. Рассматриваются новые контрольные механизмы, включая Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 08.12.2025 № 685н, ужесточивший критерии выявления подмены трудовых отношений, а также законодательные инициативы по снятию с учета неактивных плательщиков и введению добровольного социального страхования. Особое внимание уделяется проблемам социальной незащищенности самозанятых, неопределенности их процессуального статуса в судах и сложностям разграничения долгов в процедурах банкротства. Делается вывод о трансформации государственной политики: от либерального эксперимента к усилению контроля при сохранении базовых параметров режима до 2028 года.

Ключевые слова: самозанятость, налог на профессиональный доход, подмена трудовых отношений, добровольное социальное страхование, индикаторы риска, судебная практика

Специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» (НПД), введенный в качестве эксперимента в 2019 году, к началу 2026 года стал одним из самых массовых явлений в российской экономике. По данным Федеральной налоговой службы, количество зарегистрированных самозанятых превысило 15 миллионов человек, что составляет практически каждого пятого экономически активного гражданина страны [1]. За время действия эксперимента по введению НПД самозанятые заработали в общей сложности больше 7,5 триллионов рублей и перечислили в бюджет свыше 330 млрд рублей налогов [2].

Однако столь стремительный рост и широкая распространенность режима обнажили ряд системных проблем, требующих научного осмысления и правового анализа. Правительство РФ и Минэкономразвития заняли однозначную позицию: режим НПД сохранится до 2028 года. Эксперимент завершится в конце 2028 года, как планировалось изначально. Прежние условия останутся – ставка 4% с физлиц, 6% с юрлиц, лимит дохода – 2,4 млн рублей. Регистрация остается простой. Никаких внезапных изменений не будет [3].

Тем не менее, 2026 год ознаменовался не «заморозкой» регулирования, а его качественной трансформацией. На первый план вышли вопросы контроля за подменой трудовых отношений, социальной защищенности самозанятых и исключение неактивных плательщиков из реестра. Целью настоящей статьи является анализ наиболее значимых изменений правового регулирования самозанятости, произошедших в первом квартале 2026 года, и оценка их влияния на правовой статус плательщиков НПД и их контрагентов.

За последний период произошли существенные изменения в контрольной деятельности государства в том числе вступление в силу Приказа Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 08.12.2025 № 685н, обсуждаются законодательные инициативы по обновлению реестра, а также сохраняется дискуссия о социальной защищенности данной категории лиц и неопределенности их процессуального статуса.

Суть нововведения заключается в кардинальном ужесточении критериев, при которых взаимодействие компании с самозанятыми может стать основанием для внеплановой проверки Государственной инспекцией труда (ГИТ). Если ранее оценка рисков носила усредненный характер, то новая редакция индикатора ориентирована на индивидуальный анализ по каждому исполнителю.

Согласно тексту Приказа, индикатор риска срабатывает при поступлении информации об организации (индивидуальном предпринимателе), взаимодействующей (взаимодействующим) более чем с 35 физическими лицами (индивидуальными предпринимателями), применяющими специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход», каждое из которых соответствует следующим условиям: среднемесячный доход от указанной организации (индивидуального предпринимателя) в размере более 35 тысяч рублей, продолжительность работы с указанной организацией (индивидуальным предпринимателем) составляет более трех месяцев, доля дохода от указанной организации (индивидуального предпринимателя) составляет 75 процентов и более [4].

Данный нормативный подход получил неоднозначную оценку со стороны профессионального сообщества и профсоюзов. Председатель Объединения профсоюзов России СОЦПРОФ Сергей Вострецов оценивает Приказ Минтруда № 685н как «важный и своевременный шаг вперед», отмечая, что он стал результатом «многолетней работы профсоюзов, включая нашу активную позицию по разграничению настоящей самозанятости и ее подмены». По его мнению, новый подход позволит эффективнее выявлять случаи подмены трудовых отношений и добиваться восстановления прав работников [5].

С юридической точки зрения, Приказ № 685н является реализацией государственной политики по противодействию подмене трудовых отношений гражданско-правовыми. Как пояснил С. Вострецов, выявление фактов, когда компания держит более 35 человек на постоянной основе, платит им стабильно выше 35 тысяч рублей в месяц, причем эти деньги составляют 75–90 % их общего дохода, а сотрудничество тянется месяцами и годами – это уже не свобода предпринимательства, а классическая зависимая работа без отпусков, без оплачиваемых больничных, без пенсионных накоплений.

Введение новых индикаторов риска происходит на фоне расширения социальных прав самих самозанятых. С 1 января 2026 года стартовал трехлетний эксперимент по добровольному социальному страхованию самозанятых в Социальном фонде России (СФР). Уплачивая ежемесячный взнос в размере от 1 344 до 1 920 рублей, самозанятый может получать пособие по временной нетрудоспособности до 50 000 рублей в месяц. Однако, как отмечается в аналитических материалах, эффективность добровольного подхода остается под вопросом, поскольку самозанятые зачастую не мотивированы платить дополнительные взносы, полагая, что уплата налога 4–6 % выполняет все требования законодательства в части налогообложения.

Таким образом, прослеживается четкий вектор государственной политики 2026 года: сохранение низкой фискальной нагрузки при одновременном резком усилении контрольных функций. Государство, подтверждая стабильность режима до 2028 года, фактически предъявляет бизнесу ультиматум: либо сотрудничество с самозанятыми строится на принципах реальной независимости исполнителей, либо такие отношения будут жестко пресекаться через механизмы ГИТ и ФНС.

Ключевой проблемой, обозначенной в дискуссиях начала 2026 года, стал дисбаланс между фискальной отдачей от самозанятых и их участием в системе социального страхования. Де-юре плательщики налога на профессиональный доход почти исключены из системы софинансирования социальных гарантий. Действующая конструкция налога предполагает отчисления исключительно в Фонд обязательного медицинского страхования, тогда как формирование пенсионных прав и социальное страхование (оплата больничных, декретных) остаются на добровольной основе и фактически не реализуются большинством самозанятых.

Депутат Никита Чаплин в своем разъяснении от 3 января 2026 года акцентирует внимание на том, что «поскольку обязательные страховые взносы на пенсионное страхование в этом режиме не уплачиваются, страховой стаж для будущей пенсии не формируется» [6].

Осознание этого социального пробела побуждает законодателей искать альтернативные пути поддержки самозанятых, выходящие за рамки страховой модели. Так, депутаты фракции «Новые люди» предложили распространить на самозанятых право получения статуса социальных и доступа к специализированным мерам поддержки, что свидетельствует о поиске дополнительных стимулов для данной категории [7].

Еще одной законодательной инициативой 2026 года стал законопроект сенаторов Андрея Кутепова и Ивана Евстифеева, согласно которому ФНС сможет лишать статуса самозанятого при отсутствии сведений о финансовых расчетах более 15 месяцев. Авторы инициативы указывают на статистику ФНС, согласно которой до 30% из зарегистрированных в налоговом режиме имеют нулевой доход за 2022 год, в последующие годы цифра не выходит из этого диапазона [8]. Таким образом, значительная часть зарегистрированных самозанятых формально сохраняют статус, дающий право на льготное налогообложение и потенциальный доступ к мерам господдержки, однако фактически не участвуют в наполнении бюджета, что ставит под вопрос эффективность использования преференциального режима.

Таким образом, обозначилось противостояние двух подходов: фискального – очистка реестра для получения объективных данных; и либерального – сохранение максимальной доступности режима для граждан с непостоянными доходами.

Однако ключевая проблема кроется глубже политической дискуссии. Двойственность статуса самозанятого – физическое лицо, ведущее экономическую деятельность, порождает системный кризис в правоприменительной практике, особенно в сфере судебной защиты. Анализ решений 2025-2026 годов фиксирует отсутствие единообразия: суды не могут договориться даже о том, в каком порядке рассматривать споры с участием этой категории граждан.

Суды общей юрисдикции в большинстве случаев исходят из того, что статус самозанятого имеет значение исключительно для налогообложения и не наделяет гражданина статусом предпринимателя, а значит, споры с его участием подсудны судам общей юрисдикции. Эта позиция последовательно подтверждается апелляционными определениями Московского городского суда и разъяснениями Минфина России.

Вместе с тем существует и противоположная практика. Отдельные арбитражные суды, как например, в Постановлении Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.09.2022 исходят из того, по ст. 23 ГК РФ деятельность самозанятых граждан является предпринимательской, позволяет гражданину вести деятельность без регистрации ИП, а значит, экономические споры из такой деятельности подлежат рассмотрению в арбитраже [9].

Наиболее остро и драматично эта правовая неопределенность проявляется не в вопросе определения подведомственности спора, а в процедурах банкротства. Как указывается в статье «ИП/самозанятый в процедуре банкротства» (12.02.2026), судам приходится решать комплексную задачу по разграничению долгов, возникших в связи с ведением бизнеса (предпринимательских/профессиональных долгов) и личных (потребительских) долгов. Судебная практика Верховного Суда РФ второй половины 2025 г. – начала 2026 г., вынужденного реагировать на разнородные подходы нижестоящих инстанций, активно формирует критерии такого разграничения. От исхода этой работы напрямую зависит не только возможность освобождения гражданина от долгов, но и имущественные обязательства его супругов [10].

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов относительно современного состояния правового регулирования самозанятости в России.

Во-первых, подтверждена политическая воля к сохранению режима НПД как минимум до 2028 года. Базовые параметры – налоговые ставки (4% и 6%) и годовой лимит дохода (2,4 млн рублей) – остаются неизменными, что обеспечивает стабильность для миллионов граждан, избравших данную форму занятости.

Во-вторых, 2026 год ознаменовался качественным сдвигом от «эксперимента по легализации» к активному контролю. Вступление в силу Приказа Минтруда № 685н, установившего жесткие индивидуальные критерии оценки рисков (35 самозанятых, 35 тыс. рублей, 3 месяца, 75% дохода), создает правовой механизм противодействия подмене трудовых

отношений. Бизнес, использующий труд самозанятых на постоянной основе и фактически интегрирующий их в свои процессы, поставлен перед выбором: либо перестраивать отношения на принципах реальной независимости исполнителей, либо столкнуться с внеплановыми проверками и риском переквалификации договоров со всеми вытекающими финансовыми последствиями.

В-третьих, наиболее острой остается проблема социальной защищенности. Отсутствие обязательных отчислений в Социальный фонд России (СФР) при пользовании государственной медициной создает системный дисбаланс. Запущенный с 1 января 2026 года эксперимент по добровольному социальному страхованию, несмотря на свою прогрессивность, вряд ли кардинально изменит ситуацию ввиду низкой мотивации самозанятых к уплате дополнительных взносов. Предложения о распространении на самозанятых статуса социального предпринимательства свидетельствуют о поиске государством альтернативных стимулов.

В-четвертых, сохраняется высокая степень правовой неопределенности процессуального статуса самозанятых. Разнонаправленная судебная практика (подсудность споров то судам общей юрисдикции, то арбитражным судам) и сложности разграничения личных и предпринимательских долгов в процедурах банкротства требуют либо законодательного уточнения, либо выработки единой позиции высшими судебными инстанциями.

Наконец, дискуссия вокруг законопроекта о снятии с учета «неактивных» самозанятых (более 15 месяцев без дохода) обнажила противоречие между фискальным подходом (очистка реестра) и базовым принципом режима «нет дохода – нет налога», который обеспечивает доступность самозанятости для граждан с нерегулярными заработками.

В перспективе до 2028 года можно прогнозировать дальнейшее усиление контрольных механизмов и, вероятно, попытки сделать социальные взносы если не обязательными, то более привлекательными. Однако любые изменения, как подчеркивают органы власти, будут анонсироваться заблаговременно, чтобы избежать дестабилизации и ухода миллионов самозанятых в теневой сектор.

Список литературы

1. Самозанятость. – Текст: электронный // ФНС России. – URL: <https://geochecki-vpd.nalog.gov.ru/self-employment> (дата обращения: 04.03.2026).
2. Отменят ли самозанятость в 2026 году: что будет с НПД. – Текст : электронный // ВТБ Онлайн: [сайт]. – 2025. – URL: <https://www.vtb.ru/articles/samozanyatye/otmenyat-li-samozanyatost-chto-budet-s-npd/> (дата обращения: 04.03.2026).
3. Отменят ли самозанятость в 2026 году: официальная позиция, прогнозы и что делать. – Текст: электронный // Sber Developers: [сайт]. – 2025. – URL: <https://developers.sber.ru/help/business-development/abolition-of-self-employment> (дата обращения: 04.03.2026).
4. Российская Федерация. Министерство труда и социальной защиты. О внесении изменения в пункт 8 перечня индикаторов риска нарушения обязательных требований при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права: Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации № 685н от 08.12.2025: зарегистрирован в Минюсте России 30.12.2025 № 84858.
5. Минтруд ужесточил индикаторы риска для ГИТ. – Текст: электронный // СОЦПРОФ: [сайт]. – Текст: электронный // URL: <https://sotsprof.org/press/news?id=17821> (дата обращения: 04.03.2026).
6. Депутат разъяснил. – Текст: электронный // Подмосковье. Без формата - Текст: электронный // URL: <https://podmoskovye.bezformata.com/listnews/deputat-razyasnil/155166428/> (дата обращения: 04.03.2026).
7. Госдума приняла закон. – Текст: электронный // РИА Новости: [сайт]. – 2026. – 13 янв. - Текст: электронный // URL: <https://ria.ru/20260113/gd-2067579184.html> (дата обращения: 04.03.2026).
8. Новости экономики. – Текст: электронный // ТАСС: [сайт]. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/26478225> (дата обращения: 04.03.2026).
9. Постановление Арбитражного суда. – Текст : электронный // СудАкт.ру : [сайт]. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/XsuVdUACemgw/> (дата обращения: 04.03.2026).
10. Радмила Радзивил. Статья. ИП/самозанятый в процедуре банкротства: такая тонкая грань между предпринимательскими и личными долгами (главные выводы для 2026 г.) – Текст: электронный // «ЭЖ-Юрист» №05 (1402) 2026 Электронная газета: [сайт]. – URL: <https://www.eg-online.ru/article/501630/> (дата обращения: 04.03.2026).

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЛЯ САМОЗАНЯТОГО НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ

Шван Виктория Романовна, студентка

Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Алтайский филиал), Барнаул, Россия

shvanvika@mail.ru

Леснов Дмитрий Денисович, студент

Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Барнаул, Россия

Lesnovdima2005@mail.ru

Научный руководитель: Колодина Елена Викторовна, доцент

Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Алтайский филиал), Барнаул, Россия

kolodina-ev@ranepa.ru

Аннотация. В статье анализируется современное состояние института самозанятости в Российской Федерации в контексте реализации конституционного права граждан на социальное обеспечение. Особое внимание уделено влиянию режима налога на профессиональный доход на социальные права самозанятых. Рассматриваются правовые новеллы, связанные с экспериментом по добровольному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности, а также проблемы отсутствия страховой защиты по материнству. Исследуются риски подмены трудовых отношений самозанятостью и их влияние на уровень социальной защищенности экономически зависимых исполнителей. Формулируются предложения по поэтапной интеграции самозанятых в систему социального страхования, принятию специального закона о правовом положении самозанятых.

Ключевые слова: самозанятые граждане, налог на профессиональный доход, обязательное социальное страхование, временная нетрудоспособность, подмена трудовых отношений

Институт самозанятости в Российской Федерации представляет собой одно из наиболее динамично развивающихся явлений социально-экономической и правовой действительности последнего десятилетия. Принятие Федерального закона от 27 ноября 2018 года № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»» ознаменовало качественно новый этап государственной политики в области регулирования занятости населения.

Первоначально эксперимент был запущен в четырех субъектах Российской Федерации с 1 января 2019 года, а впоследствии был распространен на всю территорию страны. Динамика роста числа самозанятых свидетельствует об исключительной востребованности данного режима: так, по данным Федеральной налоговой службы (далее – ФНС), если на 30 ноября 2022 года в России насчитывалось 6,32 млн. плательщиков налога на профессиональный доход (далее – НПД), то к 31 декабря 2025 года их число достигло 15,43 млн. человек, то есть увеличилось более чем в два раза за три года. Прирост за 2025 год составил около 25%, а общее число самозанятых означает, что практически каждый пятый работающий гражданин страны избрал данную форму занятости [1]. Столь бурное развитие института обусловлено целой совокупностью факторов: упрощенной процедурой регистрации через мобильное приложение «Мой налог», низкой налоговой нагрузкой, а также высокой гибкостью трудовой деятельности.

Между тем стремительный рост числа граждан, зарегистрированных в качестве плательщиков налога на профессиональный доход, обнажил целый ряд системных противоречий, ключевым из которых является практическое исключение самозанятых из большинства механизмов обязательного социального обеспечения. Действующее

законодательство освобождает самозанятых от уплаты страховых взносов в Социальный фонд России, что, с одной стороны, делает режим НПД экономически привлекательным, но с другой – лишает самозанятых стажа, дающего право на страховую пенсию, оплаты периодов временной нетрудоспособности и пособий, связанных с материнством. Часть уплачиваемого НПД (37%) автоматически направляется в Федеральный фонд обязательного медицинского страхования (далее – ОМС), что обеспечивает самозанятым доступ к бесплатной медицинской помощи в рамках системы ОМС, однако пенсионные взносы и взносы на социальное страхование из НПД не отчисляются.

Причем важно отметить, что право на социальное обеспечение является конституционным правом каждого гражданина Российской Федерации. Ст. 39 Конституции Российской Федерации гарантирует каждому социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом. Государственные пенсии и социальные пособия устанавливаются законом, а добровольное социальное страхование, создание дополнительных форм социального обеспечения и благотворительность поощряются. Ст. 7 Конституции РФ провозглашает Россию социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Вместе с тем реализация указанных конституционных гарантий в отношении самозанятого населения остается во многом формальной.

Пенсионное обеспечение самозанятых представляет собой наиболее острую проблему в контексте их социальной защищенности. Самозанятый, не уплачивающий добровольных пенсионных взносов, не формирует страхового стажа и индивидуальных пенсионных коэффициентов, а значит, не может претендовать на страховую пенсию по старости или инвалидности. Ему доступна лишь социальная пенсия, размер которой существенно ниже страховой, а право на нее возникает на пять лет позже общеустановленного пенсионного возраста – у мужчин в 70 лет, у женщин в 65 лет. Ст. 29 Федерального закона от 15.12.2001 № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» предоставляет самозанятым право на добровольное вступление в правоотношения по обязательному пенсионному страхованию путем заключения соответствующего соглашения с Социальным фондом России, однако, как показывает практика, абсолютное большинство самозанятых этим правом не пользуется. По данным Социального фонда в 2024 году лишь 53 тыс. самозанятых внесли добровольные взносы на государственное пенсионное страхование – менее 0,5% от общего числа плательщиков НПД [4]. Как указывает Т. В. Жукова, «ограниченные возможности по выплате взносов у большинства самозанятых и отсутствие их заинтересованности в добровольном пенсионном страховании из-за низкого размера будущей пенсии» являются центральной проблемой, характерной не только для России, но и для многих зарубежных государств [2].

Член Комитета Совета Федерации по экономической политике И. А. Евстифеев справедливо указал, что многие самозанятые не осознают, что их пенсия не формируется автоматически, как у наемных работников, а это создает риски для их будущего, особенно в условиях стареющего населения и растущей нагрузки на пенсионную систему. Как пояснил министр труда и социальной защиты РФ А. О. Котяков, если человек не формирует сам свою будущую страховую пенсию, он будет получать социальную пенсию, которую назначают на пять лет позже достижения пенсионного возраста. По данным Социального (ранее Пенсионного) фонда РФ, ежегодно около 3% российских граждан сталкиваются с проблемой недостаточности страхового стажа, и количество таких граждан может заметно возрасти за счет самозанятых [3].

Самостоятельную проблему представляет отсутствие у самозанятых, не являющихся индивидуальными предпринимателями, права на получение пособий по временной нетрудоспособности, по беременности и родам, по уходу за ребенком. Ранее для получения таких пособий самозанятые должны были быть зарегистрированы в качестве ИП, а получать

выплаты могли только со следующего года после полной уплаты страховых взносов в добровольном порядке.

Значимым шагом в развитии системы социального обеспечения самозанятых стало принятие Федерального закона от 15 декабря 2025 г. № 456-ФЗ «О проведении эксперимента по добровольному вступлению отдельных категорий граждан в правоотношения по обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности» (далее – Федеральный закон № 456-ФЗ). Данный закон предусматривает проведение на всей территории России с 1 января 2026 года по 31 декабря 2028 года эксперимента по добровольной уплате самозанятыми гражданами взносов на социальное страхование. Участниками эксперимента могут стать физические лица – плательщики НПД, а также ИП, перешедшие на данный режим. Для вступления в эксперимент необходимо подать заявление в территориальный орган Социального фонда России до 30 сентября 2027 года – на бумаге, или через портал «Госуслуги», или через мобильное приложение «Мой налог». Самозанятый вправе выбрать размер страховой суммы – 35 тыс. или 50 тыс. рублей. Тариф страхового взноса установлен в размере 3,84% от выбранной страховой суммы, что составляет 1 344 рубля и 1 920 рублей в месяц соответственно. Право на получение пособия по временной нетрудоспособности возникает по истечении шести месяцев уплаты страховых взносов.

Кроме того, значительным фактором, деформирующим институт самозанятости и подрывающим систему социального обеспечения, является подмена трудовых отношений гражданско-правовыми отношениями с самозанятыми. Данная проблема прямо закреплена в главе 13 Федерального закона от 12.12.2023 № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации». По данным главы ФНС Д. В. Егорова, риски использования самозанятости для подмены трудовых отношений выявлены у 182 тыс. (1,25%) из 14,6 млн зарегистрированных плательщиков НПД. При этом министр труда А.О. Котяков сообщил, что по результатам анализа, проведенного Минтрудом и ФНС на 170 предприятиях, в 84% случаев были обнаружены факты подмены трудовых отношений самозанятостью. Роструд с 2025 года применяет следующие индикаторы риска: компания подвергается проверке, если взаимодействует с 35 и более самозанятыми, средний доход которых составляет 35 тыс. рублей, срок сотрудничества – от трех месяцев, а доля дохода самозанятого от данной компании превышает 90% [6].

Подмена трудовых отношений ведет к тому, что работники, которые де-факто находятся в трудовых отношениях, лишаются прав на все виды обязательного социального страхования. Как обоснованно отмечает Н. В. Закалюжная, правовое регулирование самозанятости как новой формы занятости в России запаздывает. Д. В. Егоров указывает, что в будущем государству придется заново выстраивать подход к трудовым отношениям, поскольку грань между бизнес-активностью и ними стирается, и предлагает не «плодить» налоговые режимы, а разработать «гармоничную систему» к 2028 году [5].

Стоит отметить, что опыт стран – членов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) показывает многообразие подходов к интеграции самозанятых в системы социального обеспечения. Т. В. Жукова, проведя кластерный анализ пенсионных систем 28 стран ОЭСР, выделила три подхода: 1) обязательное участие самозанятых в государственном пенсионном страховании на равных с наемными работниками условиях; 2) обязательное участие, но на льготных условиях; 3) добровольное участие в доступных пенсионных схемах на льготных условиях. Исследователь делает вывод, что ни один из подходов не обеспечил безусловно лучшего результата, а для России актуальны альтернативные варианты – условно-обязательное участие, объединение с наемными работниками добровольного накопительного компонента и софинансирование государства. Е. Н. Синдяшкина, исследуя опыт пенсионного обеспечения самозанятых в странах ОЭСР, указывает на ограниченные возможности по выплате взносов у большинства самозанятых и риск оттока из регистрируемого сегмента при введении обязательных пенсионных взносов – так, автор рекомендует сохранение добровольности участия в

сочетании с повышением мотивации путем увеличения сроков и доли государственного софинансирования.

Л. В. Зайцева, анализируя опыт Испании и Германии, обращает внимание на установление социально-трудовых прав самозанятых с учетом их экономической зависимости от клиентов. Так, в Испании экономически зависимыми самозанятыми признаются лица, получающие от одного клиента не менее 75% дохода, в Германии для наделения самозанятых правами в сфере социального обеспечения достаточна планка экономической зависимости в 50% дохода. Применение подобных критериев для российской практики представляется перспективным, хотя и сопряжено с объективными трудностями определения экономической зависимости, особенно при наличии нескольких контрагентов.

Ключевым вопросом государственной политики в сфере социального обеспечения самозанятых является определение модели регулирования после завершения эксперимента по НПД в 2028 году. Руководитель Центра налоговой политики К. В. Никитин указывает, что после 2028 года режим НПД может распасться на несколько отдельных – каждый под свою аудиторию, поскольку самозанятые представляют собой «очень большой набор разных категорий людей».

В экспертном сообществе обсуждается несколько сценариев. Первый – наиболее вероятный – предполагает трансформацию режима в постоянный с новыми условиями: повышением ставки для работы с юридическими лицами до 8–10% и введением небольших фиксированных взносов в Социальный фонд. Второй сценарий предусматривает ограничение сферы применения НПД исключительно услугами населению и сдачей жилья в аренду с возвращением всех иных форм деятельности в более жесткую налоговую реальность. По мнению некоторых специалистов в налоговой сфере, речь должна идти именно о модернизации, а не об отмене режима, поскольку отмена с высокой вероятностью не решит проблему подмены трудовых отношений, а лишь приведет к использованию новых схемы [7].

С точки зрения права социального обеспечения реформирование должно осуществляться по нескольким направлениям. Во-первых, необходимо решение вопроса о переходе от полностью добровольного к условно-обязательному или обязательному пенсионному страхованию самозанятых. Опыт добровольного пенсионного страхования с охватом менее 0,5% убедительно свидетельствует о неэффективности исключительно добровольного подхода. Т. В. Жукова обоснованно указывает на перспективность условно-обязательного участия с элементами государственного софинансирования. Заслуживает внимания предложение генерального директора Международной ассоциации развития маркетплейсов и предпринимателей А. А. Молодых о том, что «пенсионный налог» должен быть уже включен в цену услуги или продукта [3].

Во-вторых, эксперимент по добровольному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности требует расширения по завершении трехлетнего периода. Оно может предполагать сохранение НПД с параллельным развитием системы мягкой интеграции в социальное страхование – с добровольными пакетами, софинансированием и бонусами за «белую» историю. Представляется необходимым распространение механизма социального страхования на случаи беременности и родов, ухода за ребенком, что в настоящее время не предусмотрено Федеральным законом № 456-ФЗ. И. А. Евстифеев обоснованно обращает внимание на необходимость разъяснительной работы и разработки дополнительных мер поддержки в сфере декретных пособий для самозанятых

В-третьих, нами видится логичным принятие специального Федерального закона «О правовом положении самозанятых в Российской Федерации», который закрепил бы комплексное регулирование статуса самозанятых, включая нормы о социальном обеспечении. Такой закон мог бы установить дифференцированный подход к социальному обеспечению различных категорий самозанятых: тех, для кого самозанятость является основным источником дохода, и тех, кто использует НПД как форму подработки; лиц, работающих с физическими лицами, тех, кто оказывает услуги только юридическим лицам и тех, кто работает с обоими категориями. Предложение О. А. Парягиной о разделении

бремени расходов на пенсионные взносы между самозанятыми и их контрагентами представляется наиболее сбалансированным решением для обеспечения пенсионного страхования при сохранении привлекательности режима, согласно которому при заключении гражданско-правовых договоров с самозанятыми часть страхового взноса по обязательному пенсионному страхованию уплачивает самозанятый, а часть – лицо, выплачивающее вознаграждение (юрлицо или ИП- заказчик). По смыслу это аналог распределения взносов между работником и работодателем в классической модели ОПС, но без установления трудовых отношений, так, самозанятый сохраняет статус самостоятельного субъекта, контрагент не становится работодателем, но участвует в формировании пенсионных прав зависимого от него исполнителя. При этом стоит подчеркнуть, что такая модель оправдана в первую очередь для экономически зависимых самозанятых, у которых значительная доля дохода приходится на одного или узкий круг контрагентов по модели Испании или Германии.

Таким образом, необходимо поэтапное расширение охвата социальным страхованием – от пособий по временной нетрудоспособности к страхованию материнства и в перспективе к условно-обязательному пенсионному страхованию с элементами государственного софинансирования и распределения бремени между самозанятыми и их контрагентами. Принятие комплексного закона о правовом положении самозанятых, учитывающего зарубежный опыт и специфику российской модели самозанятости, представляется приоритетной задачей законодателя, решение которой обеспечит реализацию конституционного права граждан на социальное обеспечение вне зависимости от формы их занятости.

Список литературы

1. Алексеевских, А. В России резко выросло количество самозанятых / А. Алексеевских // Газета. Ru: [сайт]. – 2026. – 19 янв. – URL: https://www.gazeta.ru/business/news/2026/01/19/27636307.shtml?utm_auth=false (Дата обращения: 25. 01. 2026).
2. Жукова, Т. В. Международный опыт финансирования пенсий самозанятых. / Т. В. Жукова // Финансы: теория и практика. – 2022. – № 26 (1). – С. 169-185.
3. Игнатова, О. Эксперты назвали пути решения с пенсионным обеспечением самозанятых / О. Игнатова // rg.ru [сайт]. – 2025. – 31 янв. - URL: <https://rg.ru/2025/01/31/eksperty-nazvali-puti-resheniia-s-pensionnym-obespecheniem-samozaniatyh.html> (Дата обращения: 27.01.2026).
4. Мануйлова, А. Сам себе пенсионный фонд / А. Мануйлова // kommersant.ru : [сайт]. – 2025. – 19 марта. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7587389?ysclid=mlthsc9ogr468831672> (Дата обращения: 27.01.2026).
5. Мосолкина, Д. ФНС видит риски подмены трудовых отношений у менее 2% самозанятых / Д. Мосолкина // vedomosti.ru [сайт]. – 2025 – 22 окт. - URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2025/10/22/1149042-fns-vidit-riski> (Дата обращения 27.01.2026).
6. Парягина, О. А. О правовом положении российских самозанятых на рынке труда и в сфере социального обеспечения / О. А. Парягина // Сибирский юридический вестник. – 2024. - № 4 (107). – С. 76 – 83.
7. Перевощикова, М. Эксперимент с налогом для самозанятых: насколько он успешен и что будет дальше / М. Перевощикова // forbes.ru [сайт]. – 2025 – 15 окт. - URL: <https://www.forbes.ru/finansy/547768-eksperiment-s-nalogom-dla-samozanatyh-naskol-ko-on-uspesen-i-cto-budet-dal-se> (Дата обращения 27.01.2026).
8. Синдяшкина, Е. Н. Опыт пенсионного обеспечения самозанятых в странах ОЭСР и возможности его применения в России. Анализ и прогноз. / Е. Н. Синдяшкина // Журнал ИМЭМО РАН. – 2024. - № 2. – С. 29-40.

УДК 347.78.01

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ АВТОРСКОГО ПРАВА

Агеева Анастасия Александровна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

nastasia.alexandrovna@mail.ru

Научный руководитель: Дадаян Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

dadaelena.lena@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об актуальности действующих норм авторского права в современный период высокого технологического развития, анализируются некоторые проблемы и пробелы авторского права, а также представляются пути их решения в рамках развития законодательства.

Ключевые слова: авторское право, интеллектуальное право, исключительные права, нарушение права, теория авторского права, автор произведения, права автора

Авторское право как подотрасль гражданского права представляет собой совокупность норм гражданского права, регулирующих отношения, возникающие в связи с созданием и использованием произведений науки, литературы и искусства [1 с. 35].

Актуальность данного исследования заключается в том, что авторское право в настоящее время притягивает внимание не только исследователей и правоведов, но и других лиц, которые проводят большое количество времени в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Данная сеть упрощает процесс создания и распространения произведения литературы, науки, искусства и других сфер.

Такие возможности повышают интерес авторов к созданию произведений, но одновременно и ведут к росту риска нарушения авторских прав. Именно поэтому исследователям и специалистам права так важно понимать их сущность, чтобы иметь возможность предупреждать случаи нарушения авторского права, а также успешно восстанавливать нарушенные права. В первую очередь для этого требуется изучить теоретическую базу авторского права, которая преимущественно содержится в Главе 70 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2].

Изучению авторского права посвящено множество научных трудов, это отображается как в учебных пособиях (Магомедова М.М. Рожкова М.А. и др.), так и в научных статьях студентов юридических факультетов и дипломированных специалистов в сфере юриспруденции (Беспалов Ю.Ф., Маслова И.С. и др.). Большинство из них посвящены анализу основных понятий данной подотрасли и тому, как следует применять нормы авторского права в условиях современности. Также некоторые авторы упоминают то, что эти условия вынуждают законодателя своевременно реагировать на технологические новшества, что не всегда удается сделать [3 с. 157].

Некоторые нормы авторского права на данный момент недостаточно актуальны и требуют редакции. Теоретические, материальные нормы авторского права составляют основу для правоприменения, так как на них строятся процессуальные нормы, необходимые для защиты права. Именно поэтому материальные нормы в первую очередь должны соответствовать текущим потребностям общества.

Для всестороннего изучения любой отрасли и подотрасли права, в первую очередь исследователи обращаются к соответствующему определению. В главе 70 ГК РФ содержится определение «авторского права» (п.1 ст.1255 ГК РФ). Считаем, что данный вариант определения недостаточно полно раскрывает суть термина, что может вызвать ряд вопросов при понимании

различных элементов данной подотрасли гражданского права. В связи с этим возникает необходимость обращения к доктрине, в которой определения зачастую разнятся у каждого автора.

Данное законодателем определение «авторских прав» является лишь формальным родовым определением для выделения объектов авторского права, при этом оно не раскрывает признаки данной подотрасли, что может вызвать затруднение при толковании и применении нормы.

В этом случае решением данной проблемы видится внесение изменений в п.1 ст.1255 ГК РФ. Следует заменить текст пункта на «авторскими правами признаются интеллектуальные права автора или правообладателя на создание и использование произведений науки, искусства, литературы и иного творчества». Такое решение проблемы позволит облегчить изучение данной нормы, так как новый вариант позволяет выделить основные признаки «авторского права».

Также редакция определения «авторского права» поможет обратить внимание на то, что круг объектов данной подотрасли гражданского права является динамичным в своем изменении в соответствии с ростом современных технологий и появлением новых способов проявления творческих способностей и создания оригинальных произведений. Данную особенность объектов авторского права следует считать одним из ключевых признаков данной подотрасли [4 с. 141].

Помимо всего прочего, считаем важным подробнее раскрыть вышеуказанную проблему достаточно ограниченного круга объектов авторского права, который в современном мире, вероятнее всего, уже потерял свою актуальность, что может вызывать проблемы при признании права авторства на такие произведения, как: татуировки, макияж, иные нетипичные объекты. Также с развитием технологий выросла популярность создания и использования NFT (невзаимозаменяемый токен) для продажи коллекционерам в качестве уникального и неповторимого предмета коллекции. Поскольку данные объекты стали лишь относительно недавно попадать в правовое поле, регулирование с точки зрения авторского права на данный момент является недостаточным. В будущем с большой вероятностью появятся новые виды подобных передовых объектов, и это может стать серьезной проблемой при защите прав авторов [5 с. 34].

Для этого предлагается решение в виде расширения круга объектов авторского права, путем издания Федерального закона, который будет вносить изменения в п.1 ст. 1259 ГК РФ. Следует продолжить список перечисляемых объектов следующими формулировками, каждая с нового абзаца: «невзаимозаменяемые токены, относящиеся к предметам искусства, литературы и коллекционирования; уникальные тату-произведения тату-мастера; уникальные результаты творчества визажиста, предназначенные для определенных целей».

Таким образом, наличие нерешенных теоретических вопросов способно существенно затруднить деятельность как исследователей, так и практикующих юристов, которым в первую очередь необходимо четко понимать правовую природу данной подотрасли и четкий перечень отношений, входящих в ее предмет. В связи с этим, поддержание материально-правовых норм в актуальном состоянии, соответствующему текущему уровню общественного развития, является насущной необходимостью.

Список литературы

1. Павлова, И. О. Интеллектуальная собственность: учеб. пособие / И. О. Павлова. - Самара: Изд-во Самарского университета, 2018. – 245 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 26 ноября 2001 года № 146-ФЗ (в ред. Федерального закона от 31.07.2025 № 315-ФЗ) // Консультант Плюс: законодательство (дата обращения: 18.02.2026).
3. Агаева, Д. Р. Значение института авторского права. Его значение и принципы / Д. Р. Агаева, О. М. Землина // Вестник науки. - 2025. – №5. – С. 157.
4. Беспалов, Ю. Ф. Предмет авторского права / Ю. Ф. Беспалов // Государственная служба и кадры. – 2021. – №1. – С. 141.
5. Зяятуев, Ж. Ц. Современный взгляд на интеллектуальную собственность и авторское права / Ж. Ц. Зяятуев // Юридические науки. - 2023. – №12. - С. 34.

ЗАЩИТА ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Алаторцев Владислав Андреевич, студент

Институт высокотехнологичного права, социальных и гуманитарных наук, НИУ МИЭТ, Москва, Россия

VladToonTube@gmail.com

Научный руководитель: Левина Мария Ильинична, кандидат юридических наук, доцент

Институт высокотехнологичного права, социальных и гуманитарных наук, НИУ МИЭТ, Москва, Россия

mlevina@list.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу защиты чести, достоинства и деловой репутации и особенностям такой защиты в социальных сетях. В статье автор формулирует определение социальной сети и рассматривает те трудности, которые возникают при нарушении указанного права в социальных сетях. Анализируются гражданско-правовые способы защиты нарушенного права, а также проблемы сбора цифровых следов, доказывания и определения надлежащего ответчика. На основе анализа доктрины и судебной практики формулируются предложения по совершенствованию законодательства в современных условиях.

Ключевые слова: личные неимущественные права, честь, достоинство, деловая репутация, социальные сети, цифровая среда, распространение порочащих сведений, сбор цифровых следов, фиксация доказательств, доказывание, баланс прав

Право на честь, достоинство и деловую репутацию принадлежит каждому из нас. В многочисленных соцсетях, чатах приходится сталкиваться с нарушением этого права – сведения распространяются с невероятной быстротой, кочуя из одной соцсети в другую, из одного чата в другой. Защита права затруднена: надо установить лицо, запустившее информацию, которая умаляет честь, достоинство и деловую репутацию, соотнести личность нарушителя с конкретным аккаунтом. Между тем, репутация и доброе имя любого человека могут быть непоправимо разрушены одним постом.

Цель исследования – анализ содержания права на честь, достоинство и деловую репутацию, особенностей его защиты в соцсетях. В ходе исследования применялись системно-функциональный и формально-юридический методы.

Конституция РФ гарантирует защиту права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23). Право на честь, достоинство и деловую репутацию защищают нормы различных отраслей права. Гражданско-правовая защита этого права предусмотрена ст. 152 ГК РФ. Гражданское законодательство относит право на честь, достоинство и деловую репутацию к личным неимущественным правам.

Сами же честь, достоинство и деловая репутация – это нематериальные блага и объекты личных неимущественных прав. Для споров, возникающих в социальных сетях, это имеет практическое значение, поскольку при правовой квалификации содержания информации необходимо определить, какое именно благо затронут распространёнными сведениями.

Защита чести, достоинства и деловой репутации как в реальной жизни, так и в цифровой среде обеспечивается конституционными гарантиями (ч. 1 ст. 23 Конституции РФ). Защита конституционного права на честь и доброе имя обеспечивается нормами различных отраслей права. Наиболее распространёнными являются гражданско-правовые

способы защиты личных неимущественных прав в целом, и чести и достоинства в частности (ст. 150-152 ГК РФ).

Конституционное право сформулировано более широко: право на защиту чести и доброго имени. Субъективное гражданское право более конкретно – право на честь, достоинство и деловую репутацию. Деловая репутация подлежит защите как у граждан, так и у юридических лиц, тогда как достоинство личности относится к нематериальным благам гражданина. В содержании этого субъективного гражданского права принято выделять следующие правомочия: возможность требовать от иных лиц воздерживаться от действий, направленных на умаление соответствующих благ, а также возможность обратиться за защитой в случае нарушения (умаления) права.

Так, статья 150 ГК РФ закрепляет честь, доброе имя и деловую репутацию как нематериальные блага, и тем самым они являются объектами гражданско-правовой защиты. Статья 151 ГК РФ предусматривает компенсацию морального вреда при нарушении личных неимущественных прав и посягательстве на нематериальные блага. Компенсация морального вреда является одной из мер восстановления нарушенного права. Статья 152 ГК РФ является специальной нормой по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации. Она закрепляет право требовать опровержения порочащих сведений, если распространившее их лицо не докажет их соответствие действительности. Защиту права устанавливает и Закон о СМИ [1], нормы которого закрепляют право на опровержение и на ответ, которые являются самостоятельными способами восстановления нарушенного права. Они также могут применяться при добровольном разрешении спора без обращения в суд.

Право на защиту чести, достоинства и деловой репутации вступает в конфликт с правом на свободу информации (право свободно искать, получать, производить и распространять информацию согласно ч. 4 ст. 29 Конституции РФ), а также с конституционными гарантиями свободы массовой информации (ч. 5 ст. 29). Приоритет того или иного права устанавливается в каждом отдельном случае с учетом обстоятельств. Установление приоритета либо того, либо другого права связано и с ограничениями, которые установлены федеральным законодательством для каждого из них. Таким образом, оба этих права являются законными ограничениями друг для друга.

Защита чести, достоинства и деловой репутации в социальных сетях имеет свои особенности, которые связаны с распространением информации (сведений) в цифровой среде. На основе норм информационного законодательства автор сформулировал определение социальных сетей как цифровых ресурсов, при помощи которых пользователи создают персональные страницы и могут создавать, получать и распространять информацию.

Для социальных сетей характерны высокая скорость распространения сведений, широкий охват аудитории и низкий порог публикации. Все это позволяет большому числу пользователей быстро размещать посты, комментарии и иную информацию самого разного содержания. Кроме того, размещенная информация нередко получает дальнейшее распространение.

Под распространением информации понимается сообщение сведений, в том числе и в устной форме, в любой форме хотя бы одному лицу согласно позиции Верховного Суда РФ. Сообщение сведений только самому лицу, которого они касаются, при соблюдении конфиденциальности не признается распространением [2].

Для квалификации содержания цифровой коммуникации надо учитывать не только сам факт передачи сообщения в электронной форме, но и его адресата, а также наличие доступа к нему у неопределенного круга лиц. Такой вывод подтверждается и позицией Конституционного Суда РФ, – который указывает на недопустимость оценки переписки с органами власти через официальные средства коммуникации «в качестве публичного распространения информации» [3].

При рассмотрении исков о защите чести, достоинства и деловой репутации необходимо установить, кто является распространителем сведений: автор публикации, лицо, выполнившее репост, администратор сообщества либо иной участник цифровой

коммуникации. Это не всегда можно установить в реальной жизни, а в социальных сетях сделать это намного труднее: информация размещается под никнеймами, анонимно или через формально не персонифицированные аккаунты. Кроме того, информация может быть быстро удалена, изменена, к ней может быть ограничен доступ – все это затрудняет последующую ее квалификацию. При вирусном распространении информации – репосты, алгоритмические рекомендации – аудитория мгновенно расширяется. Недостоверную информацию распространяет каждый участник цепочки. Здесь возникает вопрос об ответственности: кому предъявлять иск – первоначальному источнику недостоверной порочащей информации, каждому из тех, кто участвовал в распространении?

Особенности распространения информации (сведений) в цифровой среде затрудняют фиксацию и последующее доказывание. При нарушении права необходимо своевременно зафиксировать содержание информации, дату и время ее размещения, ссылку на страницу, а также сведения об аккаунте, с которого были распространены оспариваемые сведения. Без фиксации этих фактов далее будет трудно доказать нарушение права.

Особенно сложно доказать принадлежность аккаунта конкретному лицу и подтвердить, что именно с этого аккаунта были распространены сведения. Никнеймы, анонимные аккаунты, не персонифицированные профили – все это затрудняет сбор и оценку доказательств, которые необходимы прежде всего для того, чтобы выявить нарушителя и установить надлежащего ответчика.

Порядок защиты чести, достоинства и деловой репутации разъясняется в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» (далее – Постановление) [2]. Для того, чтобы иск о защите чести, достоинства и деловой репутации был принят и рассмотрен судом необходимо наличие трех обстоятельств: 1) факт распространения ответчиком сведений об истце; 2) порочащий характер этих сведений; 3) несоответствие их действительности. Если отсутствует хотя бы одно из них, иск не может быть удовлетворен судом (п. 7 Постановления).

Согласно Постановлению, истец должен доказать, что сведения были распространены. Истцом может выступать только то лицо, чье право было нарушено, хотя возможна защита этого права и после смерти субъекта нарушенного права. Под распространением сведений понимается их обнародование различными способами и в различных формах (устно или письменно), в том числе и в Интернете, т.е. доведены до сведения хотя бы одного лица (п.7 Постановления). На ответчике лежит бремя доказывания соответствия распространенных сведений действительности. Под сведениями, не соответствующими действительности, признаются утверждения о том, что не происходило в реальности (п. 7 Постановления).

Здесь речь идет о фактах и событиях, которые следует отделять от оценочных суждений, мнений, убеждений, которые всегда субъективны, а потому не могут соответствовать или не соответствовать действительности (п. 9 Постановления). Поэтому при анализе распространенной информации и комментариев в социальных сетях необходимо учитывать не только возможный порочащий характер высказывания, но и его содержание: идет ли речь о факте или его автор выражает свое субъективное мнение, суждение, убеждение. Окончательная оценка того, является ли высказывание утверждением о факте или оценочным суждением, дается судом с учетом содержания и контекста публикации.

В соцсетях особенно сложно разграничить факты и оценочные суждения. Короткие сообщения, эмоциональные комментарии, плохо различаемый сарказм, шутки, гиперболы, визуальный контент – такие гибридные формы коммуникации требуют не только буквального толкования текста, но и анализа контекста: такие неуловимые моменты, как тональность общения, реакции пользователей, особенности конкретной соцсети.

Если же ответчику не удастся доказать, что распространенные сведения соответствуют действительности, то, согласно ст. 152 ГК РФ, суд может обязать ответчика опровергнуть распространенные сведения, возместить убытки и компенсировать моральный

вред. В соцсетях могут быть распространены и порочащие сведения, соответствующие действительности. В таких случаях нарушено не право на защиту чести, достоинства и деловой репутации, а иное личное неимущественное право, например, право на личную, семейную или иную тайну (п. 8 Постановления).

В цифровой среде, где сложно выявить нарушителя, подтвердить принадлежность аккаунта конкретному лицу, установить связь между распространенными сведениями и нарушителем, субъект нарушенного права все равно вправе обратиться в суд с заявлением о признании таких сведений не соответствующими действительности (п. 8 ст. 152 ГК РФ). В подобных случаях, когда невозможно установить нарушителя, субъект нарушенного права может потребовать удалить распространенную информацию и ее опровержения там, где она была размещена.

Порочащая информация может быть размещена на зарубежных интернет-площадках, а также на тех, которые запрещены на территории РФ и находятся вне российской юрисдикции. Даже если будет вынесено решение российского суда, оно не будет исполнено. В лучшем случае информация будет объявлена недостоверной и (или) удалена.

В качестве примера можно привести спор о публикации негативной информации в социальной сети «ВКонтакте». Ответчик разместила сообщения в публичной группе «Черный список Кунгур» и на своей личной странице, где указала, что ее семья якобы отравилась в кафе «Вкусная кухня». Она призвала откликнуться других «пострадавших» и просила о максимальном репосте. Суд установил, что на момент публикации 01.11.2023 ответчик не располагала достоверными данными, подтверждающими связь заболевания с деятельностью кафе, и прямо указал, что она «не обладала достоверными сведениями» о том, что причиной заболевания является употребление блюд в данном кафе [4]. Поскольку информация стала доступна неопределенному кругу лиц, сведения были признаны распространенными, не соответствующими действительности и порочащими. В результате суд обязал ответчика удалить публикации, разместить опровержение и взыскал компенсацию морального вреда. Это свидетельствует о том, что в спорах о защите чести, достоинства и деловой репутации в социальных сетях необходимо доказать действительность распространенных сведений, установить нарушителя права и наличие объективных доказательств, подтверждающих или опровергающих сведения.

Таким образом, защита чести, достоинства и деловой репутации в социальных сетях требует последовательного установления нескольких обстоятельств: факта распространения сведений, их порочащего характера, несоответствия действительности, а также личность нарушителя. Особую сложность в цифровой среде создают высокая скорость распространения публикаций, возможность их последующего удаления или изменения, а также трудности в установлении связи между конкретным аккаунтом и реальным лицом. Поэтому в подобных спорах решающее значение приобретают своевременная фиксация публикации, правильное разграничение утверждений о фактах и оценочных суждений и сбор доказательств, позволяющих подтвердить или опровергнуть достоверность распространенных сведений.

Развитие информационно-коммуникационных технологий, цифровизация оказывает существенное воздействие на осуществление и защиту прав, как конституционных, так и личных неимущественных прав. Как отмечает М.Н. Малеина, цифровизация не меняет сущность личных неимущественных прав, но меняет способы их осуществления и защиты [5]. Содержание права на честь, достоинство и деловую репутацию не меняется из-за того, что оно нарушено в цифровой среде. Не меняются и сами гражданско-правовые способы его защиты. Однако меняются способы сбора доказательств и доказывания.

В настоящее время процедуры и способы сбора и фиксации доказательств – цифровых следов не регламентированы нормативными актами. На распространение информации в цифровой среде также оказывают алгоритмы автоматической модерации соцсетей и рекомендательные системы. Соцсети, цифровые платформы применяют сложные технологии для выявления недостоверной информации. Однако такие алгоритмы несовершенны: они не

различают сатиру и юмор, личное мнение и оценочное суждение, гиперболы и метафоры. Удаление информации или ее обозначение как недостоверной может быть расценена как нарушение права на свободу слова, мысли, свободу и распространение информации. Если «виноваты» алгоритмы, то кому предъявлять иск?

Становится очевидно, что традиционные гражданско-правовые способы защиты нарушенного личного неимущественного права уже недостаточны. В новых условиях цифровых коммуникаций они должны быть дополнены новыми юридическими и технологическими способами. Представляется необходимым регламентировать порядок сбора и фиксации цифровых следов, чтобы установить источник недостоверной информации, нарушителя права, факт размещения информации в соцсетях. Не менее важно установить для соцсетей требование мониторинга и контроля применения соответствующих алгоритмов.

Нововведения необходимы, но они должны обеспечивать баланс общественных и личных интересов, права и обязанностей личности, конституционных и личных неимущественных прав.

Список литературы

1. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 23.11.2024) «О средствах массовой информации» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511 (дата обращения: 06.03.2026).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 (ред. от 09.12.2025) «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52017 (дата обращения: 06.03.2026).
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 04.12.2025 № 43-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Роговой Лилии Геннадьевны» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_520623 (дата обращения: 06.03.2026).
4. Решение Кунгурского городского суда Пермского края от 14.02.2024 по делу № 2-429/2024 (№ 2-4080/2023) «О защите чести, достоинства, деловой репутации и компенсации морального вреда // СудАкт.ру. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/vDbnOscyyF52> (дата обращения: 06.03.2026).
5. Малеина, М. Н. Современные тенденции осуществления и защиты личных неимущественных прав граждан / М. Н. Малеина // Lex Russica. – 2023. – Т. 76, № 12 (205). – С. 9-20. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-osuschestvleniya-i-zaschity-lichnyh-neimuschestvennyh-prav-grazhdan> (дата обращения: 06.03.2026).

ПОНЯТИЯ УПРАВЛЕНИЯ МНОГОКВАРТИРНЫМ ДОМОМ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Бабанина Наталья Александровна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

babanina2008@mail.ru

Научный руководитель: Дадаян Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

dadaelena.lena@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена сравнительно-правовому анализу понятия управления многоквартирным домом. В работе исследуется содержание данного понятия через призму четырех различных подходов, изложенных в разных нормативно-правовых актах. По ходу исследования делается вывод о том, что в законодательстве Российской Федерации существует ситуация фрагментарного регулирования понятия управления многоквартирным домом, которая, с одной стороны, на первый взгляд, не влечет за собой особых правовых последствий, а с другой стороны, определяет возможность для правоприменительного усмотрения, и, в частности, для злоупотреблений ответственными субъектами управления. В целях гармонизации правового регулирования исследуемой сферы отношений, нами предлагается восполнить существующую проблему категориальной разобщенности посредством установления единого понятия управления многоквартирным домом, которое может и должно быть отражено в содержании ст. 161 ЖК РФ. Сформированное в исследовании авторское понятие, которое может быть положено за основу для единой законодательной категории «управление многоквартирным домом».

Ключевые слова: управление многоквартирным домом, жилищные услуги, коммунальные услуги, безопасные условия проживания, поставка ресурсов, общедомовое имущество, управляющая компания

Современная система жилищного управления в Российской Федерации (далее по тексту – РФ) испытывает некоторые проблемы, связанные с обеспечением эффективности и качества оказываемых жильцам многоквартирных домов жилищных и коммунальных услуг. Так, по данным всероссийского социологического опроса, за последние 10 лет увеличилась неудовлетворенность населения относительно участвовавших перебоев водоснабжения (с 14% в 2015 г. до 20% в 2025 г.), энергоснабжения, нехватки парковочных мест (с 17% до 27%). Также жители поселений России все чаще стали жаловаться на недобросовестность и пассивность управляющих компаний (рост проблемы с 18% до 27%) [1].

В конечном итоге доля тех, кто удовлетворен качеством услуг, оказываемых жильцам многоквартирных домов в ходе их управления, на 2025 год составляет лишь 8% [1]. При этом справедливо заметить, что сама по себе проблематика объясняется в первую очередь категориальной неопределенностью и противоречивостью действующих правовых основ в исследуемой сфере регулирования. Из-за отсутствия унифицированного подхода к нормативному определению правовых категорий в отношениях по управлению многоквартирными домами, в конечном итоге, возникают ситуации, связанные с злоупотреблениями со стороны субъектов управления, трактуемых в своей хозяйственной деятельности категории по своему собственному усмотрению. Все это в конечном итоге сказывается на последующих нарушениях прав и интересов участников отношений по управлению многоквартирными домами.

На сегодняшний день основным правовым актом, раскрывающим вопросы управления многоквартирным домом, выступает Постановление Правительства РФ от 15.05.2013 № 416 «О порядке осуществления деятельности по управлению

многоквартирными домами» (далее по тексту – Постановление № 416) из которого следует, что под деятельностью по управлению следует понимать выполнение ответственными субъектами стандартов, которые ориентированы на обеспечение реализации целей, установленных ст. 161 Жилищного Кодекса РФ (далее по тексту – ЖК РФ), а также иных целей, установленных решением собственником помещений [2].

Вполне закономерен вопрос о том, какие цели определены действующим жилищным законодательством в части реализации деятельности по управлению многоквартирным домом? Из нормы ч.1 ст. 161 ЖК РФ следует, что управление многоквартирным домом нацелено на:

- создание благоприятных и безопасных условий проживания в многоквартирных домах;
- предоставление коммунальных и жилищных услуг жильцам многоквартирных домов;
- содержание общедомового имущества и решение вопросов, связанных с его использованием;
- подготовка и содержание инженерной инфраструктуры и иного общедомового имущества [3].

Из нормы ч.2 ст. 161 ЖК РФ также следует, что управление многоквартирным домом осуществляется в трех допустимых формах: непосредственное управление в домах, общее число квартир не более 30 единиц (ответственность за управление несут непосредственно собственники); товариществом собственников жилья либо жилищным кооперативом или иным специализированным потребительским кооперативом (ответственность за управление несут соответствующие товарищества или кооперативы); управляющей компанией (ответственность за управление многоквартирным домом несет непосредственно управляющая компания).

При этом определение сущности управления многоквартирного дома Постановлением №416 через систему положений, изложенных в ст. 161 ЖК РФ, является не исчерпывающим в действующей системе нормативного регулирования жилищно-коммунальных отношений. К примеру, п.1.8 Постановления Госстроя РФ от 27.09.2003 №170 «Об утверждении Правил и норм технической эксплуатации жилищного фонда» [4], исследуемое понятие раскрывается как структурная составляющая единой деятельности ответственных субъектов управления, в том числе жильцов помещений многоквартирного дома, направленная на ремонтные и технические работы, а также непосредственную эксплуатацию помещений и общедомового имущества. Здесь же дополняется, что в структуру управления входит деятельность по организации взаимоотношений субъектов управления и жильцов с организациями-поставщиками и иными предприятиями, поставляющими жилищные, а также коммунальные услуги для надлежащего функционирования многоквартирного дома и возможности его эксплуатации.

Как нам кажется, изложенный подход является чрезмерно обобщенным и содержит в себе формулировки, допускающие возможность осуществления чрезмерного правоприменительного усмотрения. Также следует отметить и положение п. 3.43 ГОСТ Р 51929-2014 [5], в котором управление многоквартирным домом понимается как деятельность субъектов, уполномоченных на управление, по организации ими процессов, работ, а также услуг, направленных на обеспечение безопасной эксплуатации дома, жилых и технических помещений в таком доме, придомовой территории, общего имущества, жилищно-коммунальной инфраструктуры. Кроме того, указанным стандартом закрепляется, что в содержание деятельности по управлению также входит иная деятельность, которая в той или иной мере направлена на увеличение капитализации объекта управления, отдельных его помещений, общего имущества, решение вопросов содержания и использования такого имущества, организацию предоставления потребителям коммунальных и жилищных услуг, а также деятельность по увеличению общей капитализации многоквартирного дома, как комплекса, или отдельных его помещений.

Обобщая существующие нормативные подходы к определению понятия «управление многоквартирным домом», можно резюмировать, что, по – сути, Постановление №416 содержательно не раскрывает исследуемое понятие и отсылает к нормам ст. 161 ЖК РФ. Но при этом указанная норма, фактически, в большей мере посвящена отдельным вопросам регулирования управления общим имуществом в многоквартирном доме в допустимых организационно-правовых формах управления. В то же время ГОСТ Р 51929-2014 из всех четырех представленных актов, как нам кажется, наиболее емко определяет характеристику анализируемого понятия, беря во внимание как положения Постановления №416, так и отдельные нормы ст. 161 ЖК РФ, в том числе Постановления Госстроя РФ от 27.09.2003 №170.

По мнению И.И. Ворошилова, такая ситуация фрагментарного регулирования понятия управления многоквартирным домом, на первый взгляд, не влечет за собой особых правовых последствий, а с другой стороны, определяет возможность для правоприменительного усмотрения, и, в частности, для злоупотреблений ответственными субъектами управления [6, с. 3].

Об этой проблеме говорит и Г.А. Моргунова, отмечая, что на сегодняшний день нормативно-правовые акты РФ, которые в той или иной мере определяют понятие «управление многоквартирным домом», в своем содержании кардинально отличаются в части определения предмета и объекта управления. В целях гармонизации правового регулирования отношений, вытекающих из управления многоквартирного дома, Г.А. Моргунова справедливо предлагает для начала устранить категориальную неопределенность и разобщенность в действующих правовых основах [7, с. 48].

Однако следует также отметить, что проблема категориально-сущностной определенности существует и в современной доктрине, поскольку некоторые исследователи, к примеру, по какой-то причине ограничивают понимание термина «управление многоквартирным домом» лишь в рамках согласованной деятельности собственников жилья и участников кооперативного жилищного строительства, упуская иные формы кооперации, а также возможность управления через управляющую компанию [8, с. 127]. Что уж говорить, если даже на уровне практических материалов муниципальных образований управлением многоквартирных домов признается лишь согласованная деятельность собственников жилья [9], упуская ранее отмеченные опосредованные формы управления, а также возможность участия в управлении не только непосредственно собственников, но и также нанимателей (арендаторов).

Таким образом, резюмируя существующую проблему нормативной и доктринальной разобщенности в понимании термина «управление многоквартирным домом», считаем объективно необходимым закрепление в содержании ст. 161 ЖК РФ, единой правовой категории, что в конечном итоге позволит устранить существующую на сегодняшний день правовую неопределенность. В частности, нами предлагается следующая редакция понятия управления многоквартирным домом – согласованная деятельность собственников помещений многоквартирного дома, нанимателей (арендаторов) или лиц, привлеченных ими в формах, установленных частью второй настоящей статьи, направленная на бесперебойное обеспечение жильцам качественных жилищно-коммунальных услуг, соответствующих установленным стандартам, контроль качества поставки услуг, обеспечение заключения соглашений на поставку соответствующих услуг, содержание и распоряжение общим имуществом многоквартирного дома в интересах жильцов, обеспечение доступа жильцов к общему имуществу многоквартирного дома с учетом защиты интересов всех жильцов и бесперебойности функционирования жилищно-коммунальной инфраструктуры многоквартирного дома, а также иная деятельность, направленная на создание и поддержание благоприятных и безопасных условий для проживания граждан в многоквартирных домах, на безопасное и эффективное содержание имущества, защиту в установленном законе порядка прав и интересов жильцов многоквартирного дома в органах государственной власти и местного самоуправления.

Как нам кажется, сформированное авторское понятие, которое может быть положено за основу для единой законодательной категории «управление многоквартирным домом», учитывает многообразие содержательной сущности деятельности по управлению и устраняет недочеты, правовые пробелы и коллизии, существующие в рамках действия одновременно нескольких понятий в содержании четырех нормативно-правовых актов.

Список литературы

1. Тарифы и качество услуг ЖКХ: опрос ВЦИОМ. – Текст: электронный // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tarify-i-kachestvo-uslug-zhkkh> (дата обращения 17.02.2026).
2. Постановление Правительства РФ от 15.05.2013 №416 (ред. от 21.12.2023) «О порядке осуществления деятельности по управлению многоквартирными домами» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. – № 21. – Ст.2652.
3. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 1 (ч. I). – Ст. 14.
4. Постановление Госстроя РФ от 27.09.2003 №170 (ред. от 22.06.2022) «Об утверждении Правил и норм технической эксплуатации жилищного фонда» // Российская газета. 2003. 23 октября.
5. ГОСТ Р 51929-2014. Национальный стандарт Российской Федерации. Услуги жилищно-коммунального хозяйства и управления многоквартирными домами. Термины и определения: утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 11.06.2014 № 543-ст // Официальное издание. М.: Стандартинформ, – 2019.
6. Ворошилов, И. И. Проблема определения понятия «деятельность по управлению многоквартирными домами» / И. И. Ворошилов // Хозяйство и право. – 2025. – № 11. – С. 3-15.
7. Моргунова, Г. А. Проблемы определения и содержания термина «управление многоквартирными домами» на современном этапе / Г. А. Моргунова // Интернет-журнал Науковедение. – 2012. – № 4(13). – С. 41-47.
8. Архипенко, Ю. А. Совершенствование организационно-экономического механизма управления многоквартирными домами / Ю. А. Архипенко, А. А. Мигел // Russian Economic Bulletin. – 2021. – Т. 4, № 5. – С. 127-132.
9. Управление многоквартирным домом: информационно-справочный материал Петровского городского поселения Гаврило-Посадского муниципального района. – Текст: электронный // URL: <http://petrovskposelenie.ru/chto-takoe-upravlenie-mnogokvartirnym-domom.html> (дата обращения 19.02.2026).

ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРОВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ И МЕССЕНДЖЕРАХ

Беськаева Валерия Александровна, студентка

Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева, Саранск, Россия
beskaevavaleria@gmail.com

Захарова Екатерина Александровна, студентка

Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева, Саранск, Россия
ekaterinazaharova068@gmail.com

Научный руководитель: Рябова Евгения Васильевна, кандидат философских наук, доцент

Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева, Саранск, Россия
Riabova-e@rambler.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена стремительной трансформацией деловой коммуникации, где мессенджеры и социальные сети вытесняют традиционные каналы связи, формируя новую правовую реальность, к которой судебная система вынуждена адаптироваться. Научная новизна работы заключается в комплексном анализе формирующейся судебной практики, впервые приравнявшей переписку в мессенджерах к обычаю делового оборота и полноценному письменному доказательству, а также в выявлении правовых коллизий, связанных с использованием эмодзи как нетекстовых средств волеизъявления. Результаты исследования демонстрируют, что суды вырабатывают новые подходы к оценке цифровых доказательств, однако отсутствие единообразной практики в отношении эмодзи и уязвимость переписки перед фальсификацией сохраняют высокие правовые риски для участников оборота.

Ключевые слова: мессенджеры, деловая переписка, судебная практика, письменное доказательство, эмодзи, обычай делового оборота, цифровизация права, договор в электронной форме, нотариальное заверение переписки

Цифровые технологии меняют способы общения между участниками деловых отношений. Если раньше для переговоров и заключения сделок на расстоянии использовались SMS или email, то сегодня эту роль все чаще берут на себя мессенджеры.

Это не просто смена одного инструмента на другой, а переход к принципиально новой форме коммуникации. Главное преимущество мессенджеров – в их универсальности и скорости. В одном диалоге можно моментально обмениваться текстом, документами, фото, голосовыми сообщениями и даже проводить видеозвонки, выстраивая полную картину переговоров от начала до конца. Такая подробная хронология общения может стать важным доказательством в случае спора, так как показывает не только итог, но и весь процесс достижения договоренностей.

Однако у этого удобства есть и обратная сторона – новые правовые сложности. Возникают вопросы: как точно установить, кто именно написал сообщение? Как гарантировать, что переписка не была изменена? Как определить, в какой момент оппонент получил и ознакомился с информацией? Как обеспечить долгосрочное хранение этих данных в меняющейся цифровой среде?

Таким образом, закон и судебная практика сталкиваются с необходимостью адаптироваться. Классические правила о форме договора и доказательствах теперь должны учитывать реальность, где юридически значимые действия совершаются в чате, а история переписки становится полноценным юридическим документом [1, с. 262].

Сложилась устойчивая судебная практика, которая приравнивает договоренности, достигнутые в мессенджерах, к официальным. Суды признают такой формат обычным и законным способом ведения деловых отношений. Фактически суды узаконили сложившуюся

бизнес-практику. Поскольку предприниматели массово используют мессенджеры, отрицать юридическую силу такой переписки значило бы игнорировать действительность и нарушать справедливость.

Во многом эта практика берет начало с постановления Арбитражного суда Московского округа от 14.10.2020 № А40–93872/2019. Суд выдвинул тезис о том, что взаимодействие через мессенджеры трансформировалось в обычай делового оборота, по крайней мере, в мегаполисах. Значимость данной правовой позиции заключается в ее экономическом обосновании: суд прямо связал использование мгновенных коммуникаций с повышением эффективности хозяйственной деятельности, указав на их роль в сокращении транзакционных издержек, ускорении согласований и, как следствие, в стимулировании экономического роста. В результате правосудие показало свою готовность меняться вместе с экономикой, признавая реальные практики бизнеса важнее формальных устаревших норм [2].

С правовой точки зрения, сила переписки в мессенджере опирается на нормы Гражданского кодекса (п. 2 ст. 434, абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ).

Чтобы считать договор, заключенный в переписке, оформленным в простой письменной форме, суды проверяют два главных условия, которые стали цифровым аналогом обычных требований:

Возможность надежно зафиксировать договоренность. Содержание соглашения, т. е. история чата, должно быть точно сохранено и может быть воспроизведено на бумаге или в цифровом виде – например, через скриншоты или нотариально заверенную распечатку переписки, без искажений.

Возможность установить, кто именно вел переписку. Нужно подтвердить, что сообщения отправляли именно стороны договора. Это можно сделать, связав номер телефона или аккаунт с конкретным человеком или компанией, либо через анализ стиля общения, обмена документами и других данных.

Таким образом, суды не изобрели новое правило, а применили старые, хорошо известные правовые принципы к современным реалиям. Они, по сути, узаконили мессенджеры как новый, быстрый и эффективный способ заключать сделки, который при этом остается юридически надежным [3, с. 67].

Значимую позицию по этому вопросу занял Девятый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 17 октября 2022 года по делу № А40–87054/22. В нем суд четко разграничил, какие форматы общения в мессенджерах считаются допустимыми доказательствами.

Суд указал, что текстовая переписка, при доказанности факта обмена сообщениями между конкретными лицами, обладает полной юридической силой и может быть принята в качестве письменного доказательства в соответствии с частью 1 статьи 71 АПК РФ. Это решение официально приравнивает цифровую переписку к традиционным письменным доказательствам, признавая ее полноценным способом зафиксировать соглашение сторон.

Одновременно с этим суд четко ограничил сферу применения данного подхода, указав на неприменимость аналогичного правового режима к голосовым сообщениям. Несмотря на то, что они также передаются в рамках того же мессенджера, их правовая природа была определена иначе. Суд отнес голосовые сообщения к категории иных доказательств, не являющихся письменными. Это разграничение подчеркивает, что правовой статус цифрового контента зависит не только от канала передачи, но и от его формы (текст, аудио, видео), что требует от сторон внимательного подхода к выбору способа фиксации договоренностей [4].

Хотя суды все чаще признают договоренности в мессенджерах, у юристов остаются серьезные вопросы к этому способу заключения сделок. Основные проблемы, которые они отмечают, это: удаление или изменение сообщений и использование эмодзи.

Первая проблема связана с возможностью одностороннего удаления или редактирования переписки без уведомления контрагента. В целях защиты интересов рекомендуется незамедлительно фиксировать достигнутые договоренности с помощью

скриншотов, заверять важную переписку у нотариуса, а также включать в договор условие, запрещающее удаление сообщений и предписывающее оформлять все изменения путем отправки новых сообщений.

Вторая проблема связана с использованием эмодзи – элементов, внедряемых в профессиональную коммуникацию, что создает правовую коллизию при интерпретации волеизъявления сторон. Как отмечает А. Е. Куликова, современная юридическая доктрина не признает эмодзи самостоятельным доказательством в силу их несоответствия формальным требованиям законодательства [1, с. 263].

Несмотря на повсеместное использование мессенджеров в договорных отношениях, судебные прецеденты, связанные с толкованием эмодзи при заключении сделок, остаются единичными как в арбитражных судах, так и в судах общей юрисдикции.

Как отмечено в решении Арбитражного суда Краснодарского края от 01.12.2023 по делу № А32–19233/2023 [5], отправление и получение эмодзи может рассматриваться в качестве юридически значимого действия, что подтверждается позицией Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда, изложенной в постановлении от 29.06.2023 № 15АП-8889/2023.

В рамках указанного дела согласование условий договора купли-продажи осуществлялось посредством переписки в WhatsApp, где реакцией покупателя на предложенный продавцом вариант раскраски торгового киоска стало отправление эмодзи. Суд констатировал, что в общепринятом коммуникативном контексте данный символ интерпретируется как выражение одобрения или согласия. При этом суд подчеркнул, что истец, оспаривавший данное толкование, не представил альтернативного обоснованного значения символа, а также не запросил уточнений в последующей переписке, что позволило квалифицировать его молчание как принятие сложившегося понимания [6].

Таким образом, правоприменитель не только признал конкретное эмодзи юридически значимым акцептом, но и зафиксировал методологический принцип контекстуальной интерпретации визуальных символов, требующий анализа их места в последовательности коммуникации, предмета обсуждения и последующих действий сторон.

Суд не просто согласился, что смайлик «большой палец вверх» в данном случае означал «согласен». Он установил важное правило: чтобы понять значение такого символа, нужно смотреть на контекст – что обсуждали до этого, какую именно договоренность подтверждали и что стороны делали после.

В практике Гурьевского районного суда (дело № 2–129/2024 от 09.01.2024) был рассмотрен случай, где использование эмодзи «большой палец вверх» в переписке было оспорено. Суд отказался признать этот жест согласием с условиями договора купли-продажи оборудования, указав, что однократное использование символа в ходе продолжительных переговоров не свидетельствует о достижении окончательной договоренности. Было подчеркнуто, что взаимодействие сторон оставалось на стадии согласования существенных условий, которое так и не было завершено. Данный подход иллюстрирует принцип контекстуальной оценки: даже общепринятый позитивный символ не является безусловным, если переговоры носили предварительный и незавершенный характер [7].

Подводя итог, можно сказать, что мессенджеры и соцсети прочно вошли в деловую практику как удобный и быстрый способ заключать договоры. Российские суды это признают: переписка в чате приравнивается к письменному соглашению, если можно подтвердить, кто писал и что именно было согласовано.

Однако у этого удобства есть и «подводные камни»: сообщения можно удалить или изменить, а эмодзи понимаются неоднозначно. Для защиты от изменений в переписке помогут скриншоты, нотариальное заверение и специальные условия в договоре. Что касается эмодзи, суды пока разбирают каждый случай отдельно, тщательно изучая контекст всей переписки, и пока не выработали единых правил их оценки.

Список литературы

1. Кретов, В. С. Заключение договоров с помощью мессенджеров: особенности и проблемы / В. С. Кретов. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2025. – № 15 (566). – С. 261-264. – URL: <https://moluch.ru/archive/566/124130> (дата обращения: 16.02.2026).
2. Постановления Арбитражного суда Московского округа от 14 октября 2020 года по делу № А40–93872/2019. – Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: Интернет-ресурс. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/DxgoJPa7256x/?ysclid=mlgyxto49b397185401> (дата обращения: 16.02.2026).
3. Аблятипова, Н. А. Особенности заключения договора по электронной почте и через интернет-сайты в системе договорного гражданского права/ Н. А. Аблятипова, П. В. Чесноков // Ученые записки Тамбовского отделения РoCMY. 2020. № 18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-zaklyucheniya-dogovora-po-elektronnoy-pochte-i-cherez-internet-sayty-v-sisteme-dogovornogo-grazhdanskogo-prava> (дата обращения: 16.02.2026).
4. Постановление девятого арбитражного апелляционного суда от 17 октября 2022 года по делу № А40–87054/22. – Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: Интернет-ресурс. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/DeMSXBYgE9rD/?ysclid=mlgz3r8k97162745125> (дата обращения: 16.02.2026).
5. Постановление Арбитражного суда Краснодарского края от 01 декабря 2023 года по делу № А32–19233/2023 – Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: Интернет-ресурс. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/FRLZ5yJ8ehL4/?ysclid=mlgz5extcx322533136> (дата обращения: 16.02.2026).
6. Постановление пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29 июня 2023 года № 15АП-8889/2023. – Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: Интернет-ресурс. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/Bc8fmwwZhIrK/?ysclid=mlgz6jedc7278484959> (дата обращения: 16.02.2026).
7. Решение Гурьевского районного суда от 9 января 2024 года № 2–129/2024. – Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: Интернет-ресурс. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/gHFBhLmjlZJK/?ysclid=mlgz8htiez397641339> (дата обращения: 16.02.2026).

ОСОБЕННОСТЬ ПРОЦЕДУРЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРИСОЕДИНЕНИЯ К ЭЛЕКТРИЧЕСКИМ СЕТЯМ В РАМКАХ ЗАКОНА О КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЕ

Бурцев Максим Викторович, студент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

deyn.artur54353@mail.ru

Научный руководитель: Летягина Екатерина Александровна, кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

let_k@mail.ru

Аннотация. В данной публикации изложена правовая проблема заключения договора технологического присоединения к электрическим сетям. Договор об осуществлении технологического присоединения является публичным договором, регулируемым нормами гражданского законодательства и специального отраслевого права. Его заключение составляет правовую основу для последующего проведения закупки у единственного поставщика. Момент заключения такого договора представляет собой специальную норму отраслевого регулирования, которая в целях повышения определенности и безопасности оборота в сфере естественной монополии отступает от общего гражданско-правового принципа. Так для договора технологического присоединения момент заключения отсрочен и поставлен в зависимость от совершения конклюдентного действия – полной или частичной оплаты выставленного сетевой организацией счета. Таким образом, даже при наличии подписанного сторонами документа, договор не порождает юридических последствий для сторон до момента совершения указанного платежа. В этой связи возникает системная правоприменительная проблема, порожденная коллизией специального и общего законодательства в сфере закупок.

Ключевые слова: технологическое присоединение к электрическим сетям, договор технологического присоединения к электрическим сетям; типовый договор, закупка у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя), единая информационная система в сфере закупок, реестр контрактов, дата заключения договора

Процедура технологического присоединения к электрическим сетям (далее – технологическое присоединение) представляет собой урегулированный нормами публичного и частного права комплекс мероприятий, направленных на обеспечение технической возможности передачи и потребления электрической энергии. Данный институт выступает системообразующим элементом правоотношений в электроэнергетике, закладывая правовые основания для подключения объектов к инфраструктурным сетям.

Нормативную базу технологического присоединения формируют два ключевых акта:

- Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» (ст. 26) определяет технологическое присоединение как услугу, осуществляемую в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, и закрепляет ее однократный характер [1].

- Постановление Правительства РФ от 27.12.2004 № 861 «Об утверждении Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям» (далее – Правила технологического присоединения) – основной подзаконный акт, детально регулирующий всю процедуру, включая подачу заявки, заключение договора, выполнение технических условий и оформление актов [2].

По своей правовой природе технологическое присоединение является публичной услугой, оказываемой сетевой организацией на основании публичного договора любому обратившемуся лицу. Ее целью является обеспечение легитимного физического и юридического подключения энергопринимающих устройств или объектов генерации к сетевой инфраструктуре. Процедура применяется в случаях, определенных Правилами технологического присоединения, включая:

- первичное присоединение новых объектов;
- увеличение максимальной мощности ранее присоединенных объектов;
- изменение категории надежности, точки присоединения или вида деятельности, влекущее изменение схемы электроснабжения.

С момента введения в правовой оборот договор технологического присоединения неизменно находится в фокусе внимания как теоретиков права, так и специалистов-практиков. Повышенный научно-прикладной интерес обусловлен двумя основными факторами: формированием принципиально новой договорной конструкции и наличием существенных пробелов в ее нормативной регламентации. Указанные обстоятельства предопределили множественность доктринальных подходов к определению правовой сущности данного договора [3].

Рассмотрим особенности заключения договора технологического присоединения для лиц, на которых распространяется действие Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ) [4].

Федеральный закон от 17.08.1995 № 147-ФЗ «О естественных монополиях» относит деятельность по передаче электрической энергии и технологическому присоединению к сфере естественных монополий [5]. Это предполагает наличие на конкретной территории единственного владельца инфраструктуры – сетевой организации, обладающей исключительным правом на подключение. Следовательно, отсутствие выбора поставщика обусловлено объективными технико-экономическими факторами, а не субъективным решением заказчика.

Базовым принципом Закона № 44-ФЗ выступает приоритет конкурентных процедур, обеспечивающих эффективность и прозрачность бюджетных расходов. Закупка у единственного поставщика сконструирована как исключительный правовой режим, применяемый лишь в строго ограниченных законом пределах – при объективной невозможности или нецелесообразности проведения торгов. Основание для применения данного режима прямо предусмотрено п. 1 ч. 1 ст. 93 Закона № 44-ФЗ, допускающим заключение контракта с единственным поставщиком при закупке услуг, отнесенных к сфере естественных монополий (включая технологическое присоединение). Таким образом, обязанность проведения конкурентных процедур при заключении соответствующего договора у заказчика отсутствует.

Договор технологического присоединения к электрическим сетям (далее – договор технологического присоединения, договор) по своей правовой природе относится к категории публичных договоров. Его правовое регулирование осуществляется как общими нормами гражданского законодательства, так и специальными нормами отраслевого законодательства об электроэнергетике. Его заключение составляет правовую основу для последующего проведения закупки у единственного поставщика. Ключевыми характеристиками договора являются:

- основание публичности: на сетевую организацию (субъекта естественной монополии) возложена публичная обязанность заключать данный договор с любым обратившимся лицом (заявителем), отвечающим установленным техническим и правовым требованиям;
- регламентация: существенные условия и порядок заключения договора детально определены Правилами технологического присоединения в типовой форме договора (далее – типовой договор).

Для заказчиков, руководствующихся Законом № 44-ФЗ, заключение договора технологического присоединения осуществляется по типовой форме, содержащейся в Приложениях № 9 и № 17 к Правилам технологического присоединения. Особого внимания заслуживает п. 21 типового договора, устанавливающий, что договор считается заключенным со дня оплаты заявителем счета. Данное условие, являясь элементом типовой формы, носит императивный характер и конкретизирует общий порядок заключения, предусмотренный п. 103 Правил технологического присоединения.

Указанное условие вводит специальное основание для определения момента заключения договора, отличное от общего правила, закрепленного в п. 1 ст. 433 Гражданского кодекса РФ, согласно которому договор признается заключенным в момент получения акцепта лицом, направившим оферту [6]. Применительно к договору технологического присоединения момент заключения отсрочен и поставлен в зависимость от совершения конклюдентного действия – полной или частичной оплаты выставленного счета. Следовательно, подписанный сторонами, но не оплаченный договор не порождает правовых последствий до момента осуществления платежа.

Рассматриваемое условие представляет собой специальную норму отраслевого регулирования, которая в целях повышения определенности и безопасности оборота в сфере естественной монополии отступает от общего гражданско-правового принципа. Оно формирует уникальную правовую конструкцию, в рамках которой юридический факт оплаты выполняет триединую функцию: акцепта оферты, доказательства заключения договора и начала его исполнения.

В соответствии с ч. 1 ст. 103 Закона № 44-ФЗ ведение реестра контрактов, заключенных заказчиками (далее – реестр контрактов, реестр), возложено на Федеральное казначейство. Обязательному включению в реестр контрактов подлежат, в частности, контракты, заключаемые с единственным поставщиком. Реестр контрактов формируется на основании информации и документов, перечень которых установлен ч. 2 ст. 103 Закона № 44-ФЗ. В число обязательных сведений входит, среди прочего, дата заключения контракта.

Порядок ведения реестра контрактов регламентируется Правилами ведения реестра контрактов, заключенных заказчиками, утвержденными постановлением Правительства РФ от 27.01.2022 № 60 (далее – Правила ведения реестра контрактов, Правила) [7]. Указанными Правилами предусмотрена обязательная проверка соответствия такого атрибута, как дата заключения контракта. Заказчики обязаны в пятидневный срок с даты заключения контракта направить в реестр информацию и документы, предусмотренные ч. 2 ст. 103 Закона № 44-ФЗ, для формирования соответствующих данных Федеральным казначейством.

Норма ч. 8 ст. 103 Закона № 44-ФЗ содержит императивное предписание, в силу которого осуществление платежей по контракту, не прошедшему процедуру включения в реестр контрактов, не допускается. Указанная норма устанавливает безусловный запрет на реализацию денежного обязательства заказчика перед контрагентом при невыполнении последним установленной законом обязанности по регистрации контракта. Данное правило носит обязательный, а не рекомендательный характер.

Проведенный анализ данных Единой информационной системы в сфере закупок (далее – ЕИС) свидетельствует о наличии системной правоприменительной проблемы, порожденной коллизией специального и общего законодательства. Так заказчики, заключая договоры на технологическое присоединение, сталкиваются с противоречием между:

- специальным условием типового договора (п. 21 Приложений № 9 и № 17 к Правилам технологического присоединения), согласно которому договор считается заключенным с даты оплаты заявителем счета;

- общей нормой Закона № 44-ФЗ (ч. 3 ст. 103), обязывающей заказчика направить сведения для включения договора в реестр контрактов в пятидневный срок с даты его заключения.

В попытке формально соблюсти оба требования заказчики используют следующую практику. В текст договора технологического присоединения включают условие о моменте заключения, предусмотренное типовой формой. При регистрации договора в реестре контрактов указывают иную дату (чаще всего это дата подписания договора сторонами), которая позволяет уложиться в пятидневный срок, установленный ч. 3 ст. 103 Закона № 44-ФЗ. Примеры таких

договоров с соответствующими реестровыми записями приведены ниже: 3522901545425000010, 2772381433225000252, 2860102221125000049, 2673100346325000476, 2860102221125000049, 3451003254325000019, 3671404534325000036, 3263406483325000022, 3671404534325000034, 3713300232025000223, 3673200146925000093, 3712800481225000067, 3712800481225000064) [8].

Указанные действия приводят к следующим правовым последствиям:

- включение в договор условия о заключении договора с даты оплаты квалифицирует действие заказчика, как добросовестное следование императивной норме специального законодательства (Правил технологического присоединения);

- указание заказчиком в реестре контрактов даты, отличной от даты оплаты, приводит к размещению заведомо недостоверных сведений в ЕИС (нарушение требований ч. 2, 3 ст. 103 Закона № 44-ФЗ о достоверности и своевременности размещения информации);

- расхождение между условием договора и информацией в реестре контрактов создает правовую неопределенность в отношении существенного условия договора – даты его заключения, а также формирует основания для оспаривания действий заказчика как контролирующими органами, так и контрагентами.

Сложившаяся практика не является следствием злоупотребления или халатности заказчиков, а представляет собой вынужденное нарушение, к которому их принуждает неустраняемая при действующем регулировании процедурная коллизия. Заказчик оказывается в ситуации, где он вынужден нарушать требования Закона № 44-ФЗ, в части достоверности сведений в реестре контрактов.

Таким образом, выявленная проблема носит системный законодательный характер. Ее разрешение требует не усиления контрольных мер, а устранения коренной причины, а именно, приведения условия о моменте заключения типового договора в соответствие с требованиями Закона № 44-ФЗ (например, путем установления момента заключения с даты поступления подписанного заявителем экземпляра договора в сетевую организацию). До внесения соответствующих изменений в Правила технологического присоединения действия заказчиков будут неизбежно сопряжены с высокими правовыми рисками.

Список литературы

1. Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ (ред. от 25.10.2024) «Об электроэнергетике» // Информационно-поисковая система «Консультант плюс» (дата обращения: 16.02.2026).
2. Постановление Правительства РФ от 27.12.2004 № 861 (ред. от 19.12.2025) «Об утверждении Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям» // Информационно-поисковая система «Консультант плюс» (дата обращения: 16.02.2026).
3. Мельников, О. О. Проблемы энергетического права / О. О. Мельников // Труды Института государства и права РАН. 2024. Том 19. № 3. С. 215.
4. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Информационно-поисковая система «Консультант плюс» (дата обращения: 16.02.2026).
5. Федеральный закон от 17.08.1995 № 147-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О естественных монополиях» // Информационно-поисковая система «Консультант плюс» (дата обращения: 16.02.2026).
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) // Информационно-поисковая система «Консультант плюс» (дата обращения: 16.02.2026).
7. Правила ведения реестра контрактов, заключенных заказчиками, утвержденные постановлением Правительства РФ от 27.01.2022 № 60 (ред. от 02.09.2025) «О мерах по информационному обеспечению контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, по организации в ней документооборота, о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу актов и отдельных положений актов Правительства Российской Федерации» // Информационно-поисковая система «Консультант плюс» (дата обращения: 16.02.2026).
8. Официальный сайт закупок «Единая информационная система в сфере закупок» // URL: <https://lk.zakupki.gov.ru> (дата обращения: 16.02.2026).

РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ ЕСТЕСТВЕННЫХ МОНОПОЛИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ПЕРЕВОЗОК)

Власова Людмила Вадимовна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
milla123voronina@mail.ru

Иванов Владислав Сергеевич, студент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
ivanov.vlad.555@mail.ru

Научный руководитель: Пономарева Валерия Владимировна, доктор юридических наук, профессор

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
valery_e378he@mail.ru

Аннотация. В данной работе авторы рассмотрели вопрос об отнесения ОАО «Российские железные дороги» к естественным монополиям и проблему регулирования монополизированной деятельности через призму железнодорожных перевозок. Исследуются обстоятельства, исключающие возможность естественной монополизации. Авторами предпринята попытка выявить связь между обстоятельствами возникновения и развития железнодорожной монополии.

Ключевые слова: естественная монополия, железнодорожные перевозки, регулирование деятельности, ОАО «РЖД», монополии, субъект естественных монополий

Согласно «Обобщению правовых позиций и практики Суда Евразийского экономического союза» (утв. Управлением систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда РФ) [3], сущность естественной монополии заключается в ее соответствии с той рыночной ситуацией, когда эффективное производство и распределение любого объема продукции или услуги возможно лишь при наличии единственного производителя, а величина издержек, при определенном уровне производства, для одного производителя меньше, чем для двух или более. Наличие конкурентов в этом случае ведет к неоправданным затратам на создание параллельной инфраструктуры. Такая технология возможна только в результате особенностей технологии, уникальности ресурсов и услуг, предоставляемых ими, а также высоких барьеров входа на рынок, которые автоматически делают хозяйствующий субъект естественным монополистом.

Субъект естественной монополии – это хозяйствующий субъект, занятый производством (реализацией) товаров в условиях естественной монополии [4].

Основная цель регулирования естественных монополий – достижение баланса интересов потребителей и субъектов естественных монополий, обеспечивающего доступность реализуемого ими товара для потребителей и эффективное функционирование субъектов естественных монополий. Это закреплено в статье 1 Федерального закона от 17 августа 1995 года № 147-ФЗ «О естественных монополиях» [4]. Таким образом, регулирование естественных монополий направлено на сочетание интересов бизнеса (обеспечение возможности эффективного функционирования) и общества (доступность услуг, защита прав потребителей). Это позволяет сбалансировать специфику таких рынков, где конкуренция ограничена технологическими особенностями производства.

В настоящее время ОАО «Российские железные дороги» (далее ОАО «РЖД») являются одним из крупнейших субъектов естественных монополий в России. Деятельность железных дорог регулируется государством (ФАС) в связи с высокой капиталоемкостью и отсутствием конкуренции в железнодорожных перевозках. Несмотря на то, что существуют

конкурентные сегменты (например, оперирование вагонами), магистральная инфраструктура остается монополией. Некоторые ученые, например С.А. Быкадоров и Е.Б. Кибалов [1], считают, что система - железнодорожная сеть России, и субъект управления ею - ОАО «РЖД» - изначально не могло формироваться иным путем, из чего следует, что положение ОАО «РЖД» как естественной монополии спорно.

Обширность территории Российской Федерации имеет некоторые особенности, например, наличие определенных труднодоступных мест или полное отсутствие доступа для автомобильного и/или иного транспорта, но имеется возможность провоза груза багажа и/или пассажирских перевозок. Таким образом железная дорога является одним из ключевых способов взаимодействия и взаимосвязи отдаленных территорий между собой.

По данным на 2021 год, РЖД занимала 72,14% рынка «Деятельность железнодорожного транспорта: грузовые перевозки». Общий объем рынка тогда составлял 2,72 трлн рублей в год, а выручка РЖД – 1,96 трлн рублей.

В 2024 году компания перевезла 1,28 млрд пассажиров и 1,18 млрд тонн грузов. На РЖД приходится более 27% пассажирооборота всей транспортной системы России и более 45% ее грузооборота (без учета трубопроводного транспорта – 87%).

РЖД эксплуатирует подавляющее большинство железнодорожных магистралей в России. Исключение составляют ряд железных дорог общего пользования, управляемых другими владельцами – например, ОАО «АК „Железные дороги Якутии“», ОАО «Ямалская железнодорожная компания», «Крымская железная дорога».

В своей статье «Монополия в Современной России» Филипова И.А. [2] указывает, что российские монополисты федерального уровня – это узкоспециализированные производства, сознательно созданные государством.

Таким образом, ОАО «РЖД», имея узкоспециализированную направленность и специфичность деятельности, путем исторических и закономерных событий является естественной монополией в современном мире.

Одним из ключевых нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность естественных монополий, в том числе ОАО «РЖД» как одного из ключевых операторов железнодорожных сетей, является федеральный закон «О естественных монополиях» от 17.08.1995 г. № 147-ФЗ. Его целью является определение правовых основ и федеральной политики в отношении естественных монополий в Российской Федерации.

В ст. 6 данного федерального закона предусмотрены методы регулирования деятельности естественных монополий. Так, ценовое регулирование, применяемое к ОАО «РЖД», является одним из способов сдерживания ценовой политики железнодорожного оператора, тем самым не позволяя ОАО «РЖД» злоупотреблять доминирующим положением на рынке.

Несмотря на то, что естественная монополия, является структурообразующим элементом экономики государства, представляя собой устойчивый и стабильный механизм, существует вероятность, когда предприятие начинает пользоваться всеми своими преимуществами и без регулирования ценовой политики, фактически, в силу отсутствия здоровой конкуренции, не имеет верхней ценовой границы, а значит бесконтрольно и не рационально устанавливает цены, опираясь лишь на свою выгоду. В следствии такого ценообразования, предприятие однозначно получает преимущество над другими субъектами правоотношений, а пользователи услуг вынуждены покупать согласно стоимости, представленной естественной монополией, ущемляющей право другой стороны.

Целью государственного регулирования в сфере железнодорожных перевозок является не допущение существенного неравенства между ключевым оператором - ОАО «РЖД», и пользователями услуг, которые физически не имеют иного выбора, а следовательно государство должно решить вопрос объективной стоимости услуг, чтобы соблюсти интересы обеих сторон.

ФАС приняла документ, регулирующий тарифы РЖД в 2026 году. ФАС утвердила Тарифное руководство №1 (приказ от 6 ноября 2025 года №894/25) [5], которое определяет

порядок расчета тарифов на грузоперевозки и услуги инфраструктуры. Эксперты отмечают, что в новом документе сохраняется основной порядок тарификации, но при этом происходит переход от принципа «инфляция минус» к методу «затраты плюс», что может привести к необоснованному росту тарифов. Также упоминается о планах сближения тарифов на металлургическое сырье и металлопродукцию, а также об увеличении надбавки к тарифу при перевозке контейнеров.

В 2023 году ФАС не поддержала инициативу РЖД ввести отдельный инвестиционный тариф на перевозки угля по Байкало-Амурской магистрали (БАМ) на участке Комсомольск-на-Амуре – Ванино. РЖД предлагало повысить тариф для грузоотправителей на 15% с 2024 года на три года, но ФАС сочла это нарушением стратегических документов развития инфраструктуры железнодорожного транспорта.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что ОАО «Российские железные дороги» является естественной монополией, чью деятельность государство вынуждено отслеживать и регулировать дабы не допустить общественного неравенства.

Список литературы

1. Быкадоров, С. А. Естествен ли монополизм ОАО «РЖД»? / С. А. Быкадоров, Е. Б. Кибалов // ЭКО. 2013. № 7 (469).
2. Филиппова, И. А. МОНОПОЛИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ / И. А. Филиппова, Л. Р. Умеркина // Экономика и социум. 2017. № 5-2 (36).
3. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // КонсультантПлюс: Законодательство.
4. Федеральный закон от 17.08.1995 г. № 147-ФЗ «О естественных монополиях» // КонсультантПлюс: Законодательство.
5. ПРИКАЗ Федеральной антимонопольной службы от 06.11.2025 N 894/25 // КонсультантПлюс: Законодательство.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (в ред. Федерального закона от 24.07.2023г. №71-ФЗ) // КонсультантПлюс: Законодательство.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАРКЕТПЛЕЙСОВ

Дроздова Елизавета Алексеевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

drozdyash@mail.ru

Научный руководитель: Фастович Галина Геннадьевна, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

Fastovich-85@mail.ru

Аннотация. В статье проводится анализ современного состояния правового регулирования деятельности маркетплейсов в Российской Федерации. На основе статистических данных и нормативно-правовых актов рассматриваются ключевые коллизии, возникающие между участниками цифровой торговли: потребителями, продавцами и владельцами платформ. Особое внимание уделено проблеме делегирования регулирования на уровень подзаконных актов и поиску баланса между стабильностью законодательства и гибкостью правоприменения. Выявлены риски размытия ответственности за качество товаров и дисбаланс в договорных отношениях.

Ключевые слова: информационное право, маркетплейс, электронная торговля, защита прав потребителей, правовое регулирование, агрегатор информации, конкуренция, делегированное регулирование, цифровая платформа

Российская экономика активно переходит в цифровую эпоху, и торговля смещается в онлайн. По данным Tinkoff eCommerce и Tinkoff Data в 2022 году россияне потратили на отечественных маркетплейсах почти в полтора раза больше, чем в 2021 году. Число продавцов на этих платформах также увеличилось на 50 % [1]. Эти тенденции отражают глобальный тренд цифровизации экономики и укрепления деловых связей через онлайн-платформы.

Стремительное развитие электронной коммерции неизбежно порождает правовые коллизии, характерные для информационного права и цифровой экономики. Бизнес и пользователи сталкиваются с новыми вызовами, связанными с организацией и использованием маркетплейсов. Проблемы правового регулирования онлайн-торговли регулярно становятся предметом научных дискуссий, что отражено в трудах И.М. Рассолова, О.М. Саковича, С.В. Соловьева, А.И. Савельева и других исследователей. [7] Тем не менее значительный объем практического опыта, накопленного в последние годы, до сих пор не систематизирован с научной точки зрения. Это служит основанием для проведения более глубоких исследований в области регулирования электронной торговли, особенно деятельности маркетплейсов.

Данное исследование ставит задачу изучить актуальные проблемы правового регулирования работы маркетплейсов (онлайн-торговых площадок) в Российской Федерации. В ходе работы использованы статистический анализ, формально-юридический метод и сравнительно-правовой анализ.

Правовое поле деятельности российских маркетплейсов формируется комплексом законодательных актов. Основопологающим документом в сфере защиты прав потребителей является Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» [2]. Он применяется к маркетплейсам как к операторам цифровых платформ и обязывает обеспечивать техническую возможность реализации потребительских прав (возврат, обмен, подача жалоб). При этом юридическая позиция маркетплейсов остается двойственной: они выступают посредниками, организуют возвраты и обработку претензий, но не несут прямой ответственности за качество товара. Это создает правовую неопределенность для покупателей.

Дополнительное регулирование осуществляется Федеральным законом от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» [3], устанавливающим требования к достоверности и прозрачности рекламной информации. На практике алгоритмическое управление выдачей товаров нередко затрудняет контроль за соблюдением этих требований. Антимонопольное регулирование, закрепленное в Федеральном законе от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [4], направлено на предотвращение недобросовестной конкуренции и обеспечение прозрачного доступа к маркетинговым инструментам платформ.

Федеральный закон от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в РФ» [5] задает общие рамки организации торговли, включая цифровое пространство. Статья 11.1 закона направлена на ограничение размещения предложений о продаже товаров с ограниченным оборотом, лекарств без регистрации, продукции без маркировки и сертификации. Однако правоприменительная практика свидетельствует об ограниченной эффективности этих норм из-за высокой скорости товарооборота на платформах.

Практические коллизии в отношениях участников рынка

Анализ практики выявляет существенные проблемы в защите прав потребителей. Несмотря на закрепление статуса маркетплейса как информационного посредника, потребители часто не могут идентифицировать реального продавца. При получении контрафакта или бракованного товара процедура возврата усложняется переадресацией претензий между платформой и продавцом. Особенно актуально это для технически сложных товаров, где логистические издержки ложатся на покупателя, а ответственность агрегатора остается неопределенной. Аналогичные риски возникают при непрозрачном оформлении рекламных акций.

Не менее актуальной является проблема правового положения продавцов. Условия сотрудничества с крупными платформами зачастую устанавливаются в одностороннем порядке в рамках договора присоединения. Маркетплейсы применяют штрафные санкции за невыезд товара или нарушение сроков, суммы которых могут быть значительными и не подлежать оспариванию. Это ограничивает возможности малого бизнеса влиять на условия торговли. Представители ассоциаций продавцов отмечают сокращение их участия в формировании платформенной политики после ужесточения правил модерации, что вызывает обеспокоенность в контексте добросовестной конкуренции и прозрачности доступа к инструментам продвижения.

Проблема делегирования регулирования и стабильности права

Одним из ключевых критических замечаний представителей рынка, в частности управляющего директора Ozon С. Белякова, стало отсутствие в законодательных проектах значительной части регулирования и его делегирование на уровень подзаконных актов. Позиция рынка объяснима: законодательное регулирование обладает большей стабильностью, а процедура его изменения позволяет шире учитывать мнение заинтересованных сторон. [6]

Подход регуляторов предполагает принятие базовых норм с последующей корректировкой на основе практики. Донастройка ведомственных актов объективно проще, чем внесение изменений в федеральный закон. Наиболее сбалансированным решением представляется закрепление в федеральном законе минимально необходимых гарантий и статусных характеристик маркетплейсов, очерчивающих границы ведомственного усмотрения. Такой подход предпочтителен также потому, что ранее применявшееся «мягкое» регулирование (рекомендательные документы, необязательные для всех участников) было признано неэффективным.

Таким образом, российское регулирование маркетплейсов демонстрирует противоречие между декларируемой поддержкой цифровой экономики и практическими трудностями. Рост платформ приносит экономические выгоды, однако на практике возникают проблемы защиты прав потребителей и позиций продавцов. Юридические нестыковки являются характерными для информационного права и цифровой экономики.

Наиболее уязвимыми оказываются мелкие продавцы, чьи интересы нередко ущемляются в процессе масштабирования платформ, а также потребители, перед которыми размывается ответственность за качество товара.

Учитывая, что рынок продолжает переходить в интернет-сферу, у законодателя имеется возможность смягчить негативные последствия. Целесообразно закрепить в федеральном законе минимально необходимый статус маркетплейсов, обеспечить баланс между стабильностью закона и гибкостью ведомственного регулирования, гарантировать прозрачность штрафных санкций для продавцов, рассмотреть введение солидарной ответственности агрегатора в случаях реализации контрафактной продукции и развивать обязательные для всех участников механизмы регулирования. Только такой подход позволит совместить эффективность цифровой торговли с уважением прав и интересов всех участников оборота.

Список литературы

1. Итоги 2022 года для маркетплейсов по версии Тинькофф - Тинькофф новости. - Текст: электронный // tbank.ru: [сайт]. - URL: <https://www.tbank.ru/about/business/news/24012023-results-of-2022-for-marketplaces-according-to-tinkoff/> (дата обращения: 03.03.2026).
2. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (последняя редакция) «О защите прав потребителей» (ЗОЗПП) // КонсультантПлюс. - Текст: электронный // consultant.ru: [сайт]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 25.02.2026).
3. Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ (последняя редакция) «О рекламе» // КонсультантПлюс. - Текст: электронный // consultant.ru: [сайт]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/ (дата обращения: 13.02.2026).
4. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (последняя редакция) «О защите конкуренции» // КонсультантПлюс. - Текст: электронный // consultant.ru : [сайт]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/ (дата обращения: 01.03.2026).
5. Федеральный закон от 28.12.2009 № 381-ФЗ (изм. от 14.07.2022) «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в РФ» - Текст: электронный // minpromtorg.permkrai.ru: [сайт]. - URL: <https://minpromtorg.permkrai.ru/dokumenty/16083/> (дата обращения: 01.03.2026).
6. Правовое регулирование маркетплейсов: Проблемы и перспективы. - Текст: электронный // roscongress.org : [сайт]. - URL: <https://roscongress.org/materials/pravovoe-regulirovanie-marketpleysov-problemy-i-perspektivy-razvitiya-zakonodatelstva/> (дата обращения: 01.03.2026).
7. Козинец, Н. В. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАРКЕТПЛЕЙСОВ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ – тема научной статьи по праву читайте бесплатно текст научно-исследовательской работы в электронной библиотеке КиберЛенинка / Н. В. Козинец. – Текст: электронный // cyberleninka.ru : [сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-deyatelnosti-marketpleysov-aktualnye-problemy> (дата обращения: 03.03.2026).

ЛИЗИНГ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Дрюкова Арина Александровна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

a9504044742@mail.ru

Супрун Владислав Витальевич, студент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

Bladd6126@gmail.com

Научный руководитель: Бородин Игорь Анатольевич, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

igorborodin@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу правового регулирования лизинга в пищевой промышленности Российской Федерации. Рассматриваются законодательные основы финансовой аренды, включая положения Гражданского кодекса РФ и Федерального закона № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)». Особое внимание уделяется правовым особенностям заключения и исполнения договоров лизинга, ответственности сторон, вопросам досрочного расторжения и технической эксплуатации оборудования. Проведен анализ региональных особенностей применения законодательства на примере Республики Крым, а также рассмотрена актуальная судебная практика и практика международного правового регулирования. Статья выявляет основные проблемы правоприменения и предлагает пути совершенствования нормативно-правовой базы для повышения эффективности лизинговых отношений в пищевой промышленности.

Ключевые слова: лизинг, финансовая аренда, договор лизинга, пищевое производство, правовое регулирование, Гражданский кодекс РФ, Федеральный закон № 164-ФЗ, правоприменение, юридическая защита, региональные особенности

Лизинг в пищевой промышленности Российской Федерации является важным инструментом обновления производственного оборудования и расширения технологических возможностей предприятий. Высокая капиталоемкость отрасли требует применения эффективных правовых механизмов, позволяющих снизить финансовую нагрузку на компании. Договор финансовой аренды, предусмотренный Гражданским кодексом РФ, обеспечивает предприятиям возможность использовать оборудование без единовременной крупной инвестиции[1].

Законодательная база лизинга в России формируется на основе Федерального закона № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» и положений Гражданского кодекса. Нехайчук Д.В. и Чижанькова И.В. подчеркивают, что правовое регулирование лизинга на федеральном и региональном уровнях влияет на инвестиционную привлекательность отрасли и защищает интересы всех участников договора[6]. Комплексность законодательства позволяет учитывать специфику оборудования, используемого в пищевой промышленности, включая требования безопасности и стандарты качества.

Современная практика показывает рост числа лизинговых сделок в отрасли, что требует анализа правовых аспектов и проблем их применения. Цирихова В.А. отмечает наличие пробелов в регулировании досрочного расторжения договоров и изменения условий платежей, которые могут создавать правовые риски для лизингополучателей и лизингодателей[3]. Понимание этих аспектов является необходимым условием повышения правовой защищенности сторон и эффективного использования лизинга в пищевой промышленности.

Изложение основного текста статьи. Правовое регулирование договора лизинга включает обязательные условия, такие как предмет договора, срок действия, размер

лизинговых платежей, права и обязанности сторон, а также порядок передачи и возврата имущества[1]. В пищевой отрасли особое значение приобретают условия эксплуатации оборудования, страхование и ответственность за техническое состояние, что снижает вероятность финансовых и юридических рисков.

Булгаков В.В. и Булгакова Д.В. выделяют двойственную природу договора лизинга, сочетающую элементы аренды и инвестиционного соглашения[4]. Для пищевых предприятий это выражается в необходимости согласования технических характеристик оборудования с финансовыми обязательствами сторон, что требует внимательного соблюдения всех правовых норм и положений договора.

Полоцкая А.А. и Нардина С.А. отмечают, что правильное оформление локальных нормативных актов и учет лизинговых операций способствуют юридической защищенности участников сделки[5]. Пищевые предприятия, использующие дорогостоящее и специализированное оборудование, обязаны вести строгий учет и контроль за исполнением всех условий договора.

ГК РФ и Федеральный закон № 164-ФЗ устанавливают, что имущество до выкупа остается в собственности лизингодателя, что предполагает соблюдение правил эксплуатации и сохранности оборудования[1]. Нарушение условий договора может привести к правовым последствиям, включая штрафные санкции и компенсацию убытков.

Региональные особенности применения законодательства также влияют на эффективность лизинга. Нехайчук Д.В. и Чижанькова И.В. показывают, что на рынке Республики Крым наблюдается рост лизинговых операций, однако пробелы в региональном регулировании создают риски для участников сделок[6]. Анализ региональной практики позволяет выработать рекомендации по совершенствованию правового механизма лизинга.

Судебная практика последних лет демонстрирует, что споры по договорам лизинга возникают преимущественно из-за несоответствия оборудования заявленным техническим характеристикам или нарушения графика платежей[4]. Применение четко оформленных договоров, учет всех условий сделки и соблюдение процедур страхования минимизируют вероятность возникновения конфликтов.

Лизинг способствует внедрению современных технологий в пищевую промышленность, включая автоматизированные линии переработки и упаковки. Согласование условий эксплуатации оборудования с финансовыми обязательствами сторон обеспечивает юридическую защиту лизингополучателя и снижает риски экономических потерь[5].

Внесение изменений в федеральное законодательство, включая обязательное размещение сведений о договорах лизинга на государственных реестрах, повышает прозрачность и предсказуемость правоприменительной практики[5]. Прозрачность процедур позволяет снизить правовые риски и укрепить доверие участников рынка.

Вопрос обеспечения исполнения обязательств по договорам лизинга остается актуальным. Цирихова В.А. отмечает, что законодательство предусматривает меры ответственности за нарушение условий, однако их практическое применение зависит от правильного оформления документов, страховых соглашений и контроля за соблюдением условий договора[3].

Международные стандарты, включая УНИДРУА и соответствующие международные соглашения по финансовой аренде, постепенно внедряются в российскую правовую практику. Гармонизация национального законодательства с международными нормами позволяет пищевым предприятиям участвовать в трансграничных сделках на правовой основе и снижает риски несоответствия[4].

Правовое сопровождение лизинговых сделок в пищевой промышленности включает анализ договоров, проверку условий страхования и оценку рисков невыполнения обязательств сторон. Булгаков В.В. и Булгакова Д.В. подчеркивают, что комплексный подход к правовому оформлению способствует снижению числа судебных разбирательств и повышает инвестиционную привлекательность отрасли[4].

Развитие лизинга в пищевой промышленности требует непрерывного совершенствования нормативно-правовой базы, выработки единых стандартов оформления договоров и учета региональных особенностей. Полоцкая А.А. и Нардина С.А. показывают, что правильная организация правовой работы и учет всех условий сделки повышают эффективность лизинга и защищают права всех участников[5].

Заключение. Юрико-правовое регулирование лизинга пищевой промышленности Российской Федерации играет ключевую роль в модернизации производственных мощностей и внедрении современных технологий. Соблюдение требований ГК РФ и Федерального закона № 164-ФЗ обеспечивает правовую защиту участников сделки и снижает финансовые риски, связанные с использованием дорогостоящего оборудования.

Анализ современной практики показывает необходимость совершенствования нормативно-правовой базы и учета региональных особенностей применения законодательства. Внедрение международных стандартов и развитие прозрачной судебной практики создают условия для стабильного функционирования лизинга и повышения инвестиционной привлекательности пищевой промышленности РФ.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая). Принят Государственной Думой 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 29.07.2017). Статьи 665–670: договор финансовой аренды (лизинг) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (Дата обращения: 15.02.2026).
2. Федеральный закон от 29 октября 1998 г. № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» (с изм. и доп.). // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20780/ (Дата обращения: 15.02.2026).
3. Цирихова, В. А. Лизинг в России: современные вызовы и правовые пути совершенствования в условиях экономических реалий / В. А. Цирихова // *Академическая наука*. 2025. № 1 (январь-март). – С. 56–62. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lizing-v-rossii-sovremennye-vyzovy-i-pravovye-puti-sovershenstvo-vaniya-v-usloviyah-ekonomicheskikh-realiy> (Дата обращения: 16.02.2026).
4. Bulgakov, V. V. Legal aspects of the leasing agreement and features of leasing legal relations in modern Russia / V. V. Bulgakov, D. V. Bulgakova // *Current Issues of the State and Law*. 2023. Vol. 7, No. 2. P. 238–248. URL: <https://journals.rcsi.science/2587-9340/article/view/303483> (Дата обращения: 15.02.2026).
5. Polotskaya, A. A. Regulatory legal regulation of lease accounting in commercial organizations: from the Civil Code of the Russian Federation to local regulatory legal acts / A. A. Polotskaya, S.A. Nardina // *Региональные социально-гуманитарные исследования*. 2025. No. 10. – P. 232–241. DOI:10.24412/2411-0450-2025-10-232-241. URL: <https://journals.rcsi.science/2411-0450/article/view/354497> (Дата обращения: 15.02.2026).
6. Нехайчук, Д. В. Анализ регионального рынка лизинговых услуг и его особенностей в Республике Крым / Д.В. Нехайчук, И. В. Чижанькова // *Вестник Академии знаний*. 2025. №1 (66). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-regionalnogo-rynka-lizingovyh-uslug-i-ego-osobennostey-v-respublike-krym> (дата обращения: 18.02.2026).

ДОГОВОР В МЕССЕНДЖЕРЕ: СЧИТАЕТСЯ ЛИ ПЕРЕПИСКА ПОЛНОЦЕННЫМ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫМ СОГЛАШЕНИЕМ

Зиганшина Эмилия Маратовна, студентка

Московский государственный университет, Москва, России

emiliazigansina23@gmail.com

Аннотация. В современную цифровую эпоху многие сделки заключаются посредством переписки в мессенджерах и социальных сетях. Возникает вопрос: может ли такая электронная переписка считаться полноценным гражданско-правовым договором? В статье анализируются нормы гражданского законодательства о форме сделок и условия, при которых переписка в чате приобретает юридическую силу договора. Приводятся примеры судебной практики, подтверждающие, что при соблюдении необходимых требований переписка признается заключенным договором. Отмечены ограничения и риски использования мессенджеров для оформления соглашений. Сделан вывод, что переписка в мессенджере может иметь юридическую силу письменного договора при соблюдении ряда условий, а также даны рекомендации по снижению возможных рисков.

Ключевые слова: переписка в мессенджере, договор, письменная форма сделки, электронное сообщение, заключение договора, гражданско-правовой договор, судебная практика

Сегодня значительная часть деловых и личных договоренностей достигается через электронную переписку – будь то мессенджеры (WhatsApp, Telegram и др.), электронная почта или чаты в социальных сетях. Такой способ общения удобен и оперативен, однако вызывает законный вопрос: считается ли переписка в мессенджере полноценным договором с точки зрения гражданского права? Ответ на этот вопрос требует анализа норм о форме сделок и практики их применения.

Гражданское законодательство РФ устанавливает, что договоры могут заключаться в устной или письменной форме (простой либо нотариальной) [1 ст.160-162, 432-434]. По общему правилу допускается любая форма, если законом не предусмотрена обязательная определенная форма для данного вида договора. В частности, сделки между гражданами на сумму свыше 10 000 рублей, а также сделки с участием юридических лиц, подлежат совершению в простой письменной форме (ст. 161 ГК РФ). Несоблюдение письменной формы не влечет недействительности договора, но лишает стороны права ссылаться на свидетельские показания в случае спора, оставляя возможность приводить письменные и иные доказательства заключения сделки. Таким образом, во многих ситуациях закон требует или поощряет оформление договоренностей письменно, однако возникает вопрос: можно ли электронное сообщение приравнять к простой письменной форме договора?

Согласно п. 2 ст. 434 Гражданского кодекса РФ, договор может быть заключен посредством обмена документами, в том числе электронными, позволяющими достоверно установить, от кого исходит предложение и акцепт. Иными словами, закон прямо допускает заключение договора путем обмена электронными сообщениями (письмами, телеграммами, электронными документами) [13]. Более того, абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ приравнивает к соблюдению письменной формы совершение сделки с помощью электронных или иных технических средств, которые фиксируют содержание соглашения так, чтобы его можно было воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде. Электронное сообщение считается документом в письменной форме, если оно позволяет идентифицировать лицо, выразившее волю [11]. Таким образом, переписка в мессенджере при соблюдении этих условий способна удовлетворить требования законодательства о простой письменной форме.

Однако не всякая переписка равнозначна заключенному договору. Гражданский кодекс предусматривает, что для возникновения обязательства необходимы оферта (конкретное предложение заключить договор) и акцепт (согласие на предложение) (ст. 432–433 ГК РФ) [1]. Переписка превращается в договор, когда в сообщениях явно прослеживаются все существенные условия сделки и взаимное волеизъявление сторон на ее заключение. В переписке должна содержаться оферта с основными условиями и последующее недвусмысленное согласие на них; при этом сами участники переписки должны обладать полномочиями на заключение такой сделки. Если одна сторона в чате выдвинула определенные условия (предмет договора, цену, срок и т.п.), а другая сторона в ответ прямо согласилась с ними – можно говорить о достижении соглашения по всем существенным условиям. В этом случае договор будет считаться заключенным в момент получения акцепта адресатом (ст. 433 ГК РФ) [1].

Судебная практика подтверждает, что переписка в мессенджере может свидетельствовать о заключении договора в письменной форме, если из сообщений ясно, кто их отправил и кому они адресованы, и стороны однозначно выразили согласие по предмету сделки. Так, Арбитражный суд Московского округа в постановлении от 14.10.2020 отметил, что электронная деловая переписка между компаниями признается надлежащим подтверждением факта заключения и исполнения договора. Суд указал, что обмен сообщениями в мессенджерах стал обычной практикой, ускоряющей согласование договорных условий, и отсутствие единого бумажного документа не препятствует признанию сделки совершенной. Похожий вывод сделал Тринадцатый арбитражный апелляционный суд, указав, что отсутствие оригинала письменного договора не означает отсутствие соглашения, если стороны обменивались электронными сообщениями и фактически реализовали договоренности. Таким образом, при наличии предложения и согласия в переписке и идентификации сторон, переписка способна выполнять роль договора.

Важно учитывать, что закон предъявляет особые требования к форме некоторых сделок. Если для договора установлена обязательная нотариальная форма или государственная регистрация, переписка не заменит собой такой формы (например, сделки с недвижимостью могут требовать нотариального удостоверения и/или регистрации в предусмотренных законом случаях) [12]. Кроме того, сами стороны могут предусмотреть в соглашении (или предварительной договоренности), что договор считается заключенным только после подписания единого документа в письменной форме. Если заранее оговорено, что юридическую силу имеет лишь подписанный на бумаге договор (либо документ, подписанный усиленной электронной подписью), то одна переписка не создаст обязательства [5]. Однако при отсутствии требования об отдельном письменном документе электронная переписка может рассматриваться как полноценное соглашение сторон [11].

Суды в целом все чаще признают переписку в мессенджерах и по доказательством факта заключения договора [12]. При рассмотрении споров суды исходят из принципа добросовестности и свободы договора: если стороны длительное время вели переговоры и обменивались существенной информацией через электронные сообщения, и ни у одной из них не вызывал возражений такой способ коммуникации, то переписка приобретает юридическое значение договорных отношений [6]. При этом выработались два ключевых условия, без которых суд может не признать договор заключенным путем переписки: во-первых, сообщения должны исходить от уполномоченных лиц сторон; во-вторых, в переписке должны быть согласованы все существенные условия договора [7]. Например, если переписку вел сотрудник, не имевший права заключать договор, либо из сообщений не ясно, о какой именно организации идет речь, то договор может не возникнуть. Аналогично, если стороны обменивались предложениями, но так и не согласовали цену или иной существенный параметр, переписка не создаст обязательства [1].

Отдельное внимание уделяется вопросу идентификации участника переписки. Электронное сообщение должно позволять достоверно установить отправителя и получателя. Обычно идентификация обеспечивается привязкой аккаунта к конкретному лицу

– например, использованием служебной корпоративной почты или корпоративного мессенджера, где профиль явно принадлежит определенной компании или человеку. Если переписка велась с неопознанного личного аккаунта, могут возникнуть сложности в доказательстве, что именно контрагент направлял эти сообщения. В судебных разьяснениях встречается подход, согласно которому сообщение, отправленное с адреса электронной почты или аккаунта определенного лица, рассматривается как исходящее от этого лица, пока не доказано обратное[6]. То есть бремя доказывания того, что переписку вел неуполномоченный либо посторонний человек, возлагается на сторону, отрицающую факт своего участия. На практике для подтверждения авторства сообщений могут привлекаться различные доказательства: свидетельские показания, технические данные, экспертизы устройств и т.д. Нередко стороны сами признают в суде переписку своей, споря лишь о ее толковании.

Тем не менее, для надежности рекомендуется предпринимать дополнительные меры. Во-первых, по возможности стороны могут заранее в договоре или обмене письмами зафиксировать, что признают юридическую силу за перепиской в определенном мессенджере или по электронной почте. Во-вторых, если переговоры в чате привели к соглашению, не лишним будет оформить итоговый документ (договор, соглашение) либо хотя бы ключевые условия на бумаге или в форме скана с подписями, чтобы подкрепить переписку письменными доказательствами. Практика показывает, что наличие подписанных документов (даже обменянных в скан-копиях) значительно укрепляет позицию: суды охотнее признают договор заключенным, когда помимо сообщений представлены подписанные акты, счета, заявки и т.п. Таким образом, комбинация электронного обмена и традиционных доказательств усиливает юридическую позицию [15].

Еще один аспект – заверение переписки у нотариуса. В российской практике пока нет единого подхода: одни суды считают, что предоставленная в распечатках или электронном виде переписка сама по себе допустима в качестве доказательства и не требует нотариального удостоверения. Другие суды могут усомниться в достоверности скриншотов и требовать нотариально удостоверить переписку, если есть сомнения в том, кому принадлежат аккаунты и сообщения. Чтобы исключить подобные возражения, желательно в важных случаях заранее позаботиться о фиксации электронных переговоров – например, сохранить переписку на материальном носителе, сделать нотариальный протокол осмотра переписки или хотя бы резервные копии с привязкой к аккаунтам. Это поможет в суде подтвердить содержимое сообщений и их отправителей.

Подводя итог, можно заключить, что переписка в мессенджере при соблюдении необходимых условий действительно может выступать полноценным гражданско-правовым договором. Российское законодательство признает электронные сообщения разновидностью письменной формы сделки, если можно установить авторство и содержание соглашения [1]. Судебная практика последних лет демонстрирует все большую готовность считать договор заключенным на основе переписки, особенно когда стороны ясно согласовали все условия и приступили к исполнению обязательств [7]. Переписка, по своей юридической силе, приравнивается к обычному письменному договору в тех случаях, когда закон не требует нотариального удостоверения или особой формы, и когда сами стороны не возражали против такого способа фиксации договоренности. Вместе с тем участникам электронных переговоров важно помнить о рисках и соблюдать осторожность: четко формулировать условия в сообщениях, удостоверяться в личности контрагента, сохранять историю переписки. Желательно собрать дополнительные доказательства сделки (оплата, акты, квитанции), подтверждающие фактическое исполнение договоренностей [11]. Такой подход позволит защитить свои права, если возникнет спор. В заключение отметим, что цифровая коммуникация прочно вошла в деловой оборот, и при грамотном использовании переписка в мессенджерах способна иметь ту же юридическую силу, что и традиционный письменный договор [12].

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изм. и доп.) // СПС Консультант Плюс.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (с изм. и доп.) // СПС Консультант Плюс.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (с изм. и доп.) // СПС Консультант Плюс.
4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп.) // СПС Консультант Плюс.
5. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (с изм. и доп.) // СПС Консультант Плюс.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.
7. Постановление Пленума Верховный Суд Российской Федерации от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений ГК РФ о заключении и толковании договора» // СПС Консультант Плюс.
8. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12.11.2013 № 18002/12 // СПС Консультант Плюс.
9. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.10.2020 по делу № А40-93872/2019 // СПС Консультант Плюс.
10. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.10.2023 № 13АП-22781/2023 (по делу № А56-82150/2022) // СПС Консультант Плюс.
11. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26.04.2021 № Ф09-1869/21 // СПС Консультант Плюс.
12. Антонов, А. Когда электронная переписка превращается в полноценный договор / А. Антонов // Адвокатское бюро «Антонов и партнеры». – 2025. – Текст: электронный. - URL: <https://pravo163.ru/kogda-elektronnaya-perepiska-prevrashhaetsya-v-polnoczennyj-dogovor/> (дата обращения: 23.02.2026).
13. Может ли переписка в мессенджере считаться договором? // МЦРП «Новый Ростов», 21.08.2024. – Текст: электронный. - URL: https://xn--d1acmcsfk8d0a.xn--p1ai/info/news/news_mozhet-li-perepiska-v-messendzhere-schitatsia-dogovorom.html (дата обращения: 23.02.2026).
14. Можно ли заключить договор путем переписки? // VC.ru – 09.11.2025. – Текст: электронный. - URL: <https://vc.ru/legal/2328731-zaklyuchenie-dogovora-cherez-perepisku> (дата обращения: 23.02.2026).
15. Чекмарева, А. Электронная переписка: как использовать в качестве доказательства в суде / А. Чекмарева // 4DK. – 25.06.2024. – Текст: электронный. - URL: <https://www.4dk.ru/content/art/35531-cplus-elektronnaya-perepiska-kak-ispolzovat-v-kachestve-dokazatelstva-v-sude-20240621> (дата обращения: 23.02.2026).
16. Русакова, Е. П. Мессенджер как доказательство в гражданском и арбитражном процессе: российская судебная практика / Е. П. Русакова, В. В. Зайцев // Российский журнал правовых исследований. – 2020. – Т. 7, № 3. – С. 9–15.

ЦИФРОВАЯ ВОЛЯ СТОРОН: ПРЕДЕЛЫ АВТОНОМИИ В АЛГОРИТМИЗИРОВАННОЙ СРЕДЕ

Зуенко Дарья Михайловна, студентка

Крымский юридический институт (филиал), Университет прокуратуры Российской Федерации, Симферополь, Россия
teckerey@mail.ru

Научный руководитель: Потапова Лариса Витальевна, кандидат исторических наук, доцент
Крымский юридический институт (филиал), Университет прокуратуры Российской Федерации, Симферополь, Россия
polavit@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется трансформация автономии воли сторон в условиях алгоритмизированной среды гражданского оборота. Анализируются особенности формирования и выражения согласия в цифровых системах, включая использование смарт-контрактов, платформенных моделей и интерфейсных механизмов акцепта. Обосновывается вывод о том, что цифровизация не устраняет автономию воли, а модифицирует механизм ее реализации, формируя опосредованную модель волеизъявления. Особое внимание уделяется проблеме иллюзии договорной свободы в условиях доминирования алгоритмической логики, а также распределению рисков, связанных с функционированием программного кода. Рассматриваются пределы допустимой алгоритмизации частноправовых отношений через призму принципов добросовестности, прозрачности и контролируемости цифровых механизмов. Формулируется вывод о необходимости развития доктрины «контролируемой алгоритмизации» как основы сбалансированного правового регулирования цифровой автономии.

Ключевые слова: цифровая воля, автономия воли, свобода договора, алгоритмизация, смарт-контракт, цифровая добросовестность, контролируемая алгоритмизация

Уже сегодня цифровая трансформация частноправовых отношений привела к формированию качественно новой среды реализации автономии воли сторон. Несомненно, договорные связи между различными участниками гражданско-правовых отношений все чаще возникают, изменяются и прекращаются в алгоритмизированных системах, где довольно-таки значительная часть юридически значимых действий совершается автоматически, то есть, например, посредством программного кода, смарт-контрактов, рекомендательных механизмов или же каких-либо преднастроенных пользовательских интерфейсов. В связи с этим, в настоящее время традиционная категория «свобода договора» приобретает иное содержательное наполнение.

Несомненно, проблематика «цифровой» воли сторон затрагивает фундаментальные начала гражданского права, в первую очередь, стоит упомянуть такие категории как автономия воли, равенство участников, добросовестность и баланс интересов. Вместе с тем, важно учитывать, что как таковая алгоритмизированная среда способна трансформировать сам механизм формирования согласия, и в большинстве случаев почти каждый пользователь нередко не конструирует условия договора, а присоединяется к заранее запрограммированной модели поведения. Соответственно, на основе вышеизложенного возникает вопрос о пределах допустимой алгоритмизации частноправовых отношений и о том, сохраняется ли в этих условиях подлинная автономия субъекта.

Так, автор исходит из предположения, что цифровизация не устраняет автономию воли, но изменяет механизм ее реализации, создавая новую форму - «опосредованную волю».

Традиционно автономия воли в гражданском праве рассматривается как способность субъекта самостоятельно определять содержание своих прав и обязанностей в пределах закона. В Гражданском кодексе Российской Федерации автономия воли также нашла свое отражение в ст. 421 ГК РФ, где указано, что «граждане и юридические лица свободны в заключении договора. Понуждение к заключению договора не допускается, за исключением случаев, когда обязанность заключить договор предусмотрена настоящим Кодексом, законом или добровольно принятым обязательством» [1]. Наряду с этим, Гетьман-Павлова И. В. считает, что автономия воли сторон гражданских правоотношений – фундаментальный принцип любой частноправовой системы, выражающийся в свободе вступать или не вступать в гражданско-правовые отношения, независимо от их законодательного регулирования. Автономия позволяет выбирать любую модель поведения, даже совершенно новую для данной правовой системы. При этом она не имеет неограниченного характера: ее пределы устанавливаются законом, и частные соглашения не должны нарушать императивные нормы. Избранная сторонами модель поведения обязательна для них и для государственных органов, а автономия воли рассматривается как частный закон (*lex privata*) [2, с. 161]. Однако в алгоритмизированной среде волеизъявление осуществляется не напрямую, а через интерфейс цифровой системы. Именно архитектура такой системы во многом предопределяет возможные варианты поведения.

Представляется возможным утверждать, что именно в цифровой среде автономия воли трансформируется из содержательной свободы формирования условий в свободу выбора из уже определенных заранее алгоритмом альтернатив. Нельзя не согласиться с позицией Коржовой И.В., которая отмечает: «акцепт публичной оферты будет иметь место в том случае, если сторона ее принимающая, прямо заявит о принятии оферты или совершит действия по исполнению договора или приступит к использованию объекта оферты, то есть акцептует оферту конклюдентными действиями [4, с. 152]. Подтверждением этому можно привести в пример большинство массовых цифровых сделок, которые строятся по модели присоединения, где субъект вовсе не участвует в разработке условий, а лишь подтверждает согласие с ними посредством стандартного действия в виде клика компьютерной мышью, цифровой подписью или же активацией аккаунта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Вместе с тем, внедрение алгоритмов в данную область одновременно и ограничивает вариативность индивидуального волеизъявления, но, и при этом, расширяет фактическую доступность договорных отношений за счет упрощения процедур. В таких условиях нельзя не отметить постоянно растущий рост числа пользователей различных интернет-платформ, площадок и в целом объема электронных контрактов, что подтверждает, факт того, что переход на цифровизацию условий никаким образом не препятствует расширению экономической активности. Особое внимание заслуживает феномен смарт-контрактов так как именно в них воля сторон выражается через программный код, который автоматически исполняет заранее заданные условия. Как отмечает в своих трудах Пархоменко И.К.: «данная конструкция обладает взаимным характером, поскольку каждая из сторон такого цифрового соглашения приобретает совокупность корреспондирующих прав и обязанностей по отношению к контрагенту. Двусторонняя сущность смарт – контракта выражается в объективной необходимости участия не менее двух субъектов гражданского оборота для его заключения, функционирования и последующего исполнения предусмотренных обязательств. Консенсуальна природа рассматриваемого правового явления проявляется в том, что юридическая сила смарт – контракта возникает с момента достижения сторонами согласия по всем существенным условиям, зафиксированным в его программном коде или ином цифровом выражении воли» [3, с. 106].

По мнению автора, пределы автономии в алгоритмизированной среде должны определяться не столько степенью технологической автоматизации как таковой, а больше сохранением возможности осознанного выбора, прозрачности и контроля за соблюдением императивных норм.

Также, необходимо подчеркнуть, что автономия воли сторон в гражданском праве никогда не носила абсолютного характера. Ее пределы традиционно определялись императивными нормами, публичным порядком, требованиями добросовестности и запретом злоупотребления правом, предусмотренными ГК РФ. Одним из ключевых факторов, влияющих на пределы цифровой автономии, выступает факт уже готового договора, без возможности его изменения, а именно автор подчеркивает те ситуации, когда техническая структура платформы фактически исключает альтернативные модели поведения, где пользователь той или иной платформы формально сохраняет возможность отказаться от сделки, но не обладает реальной свободой модифицировать ее условия. На наш взгляд, именно в подобных случаях возникает некая иллюзия договорной свободы при фактическом доминировании алгоритмической логики.

Фролова Е.Е, Берман А.М. верно указывают, что: «цифровая трансформация обогащает способы волеизъявления в договорных отношениях, делая заключение сделок доступнее, быстрее и удобнее, но при этом вызывает появление новых юридических препятствий безопасности и защите интересов сторон. Цифровизация открывает новые возможности формирования деловых и правовых отношений внедрением инновационных способов выражения воли сторон. Однако она также создает новые вызовы правоприменению и требует разработки дополнительных подходов к установлению достоверности и подлинности такого волеизъявления [5, с. 61]. Так, автор полагает, что нельзя не обозначить одну из приоритетных проблем при применении цифровых технологий при волеизъявлениях участников гражданских правоотношений в цифровой среде, а именно о распределении рисков ошибок, возникающих в процессе алгоритмизации действий. В традиционных договорных отношениях риск неблагоприятных последствий во многом связан с поведением сторон, а уже непосредственно в цифровой среде существенная часть рисков переносится на уровень программного кода, который разрабатывается одной из сторон либо третьим лицом. Как правило, одной из сторон будет являться разработчик платформы или же оператор цифровой системы, который обладает достаточно большими возможностями влияния на условия сделки. С цивилистической точки зрения представляется оправданным подход, согласно которому указанные риски должны возлагаться на субъект, контролирующий ее функционирование. Следовательно, автор считает, что требуется закрепление повышенных стандартов ответственности для субъектов, контролирующих алгоритмическую инфраструктуру.

Прежде всего следует признать, что алгоритм в современном обороте перестал быть нейтральным техническим инструментом. Он способен предопределять структуру выбора, влиять на экономическое поведение и формировать условия сделки еще до того, как сторона осознает юридическую значимость своих действий. По мнению автора, та самая необходимая прозрачность должна пониматься больше не как раскрытие программного кода в буквальном его смысле, а скорее как обеспеченность стороны достаточной информацией о логике функционирования цифрового механизма и его правовых последствиях.

Далее, существенное значение приобретает возможность контролируемости любого алгоритмического действия. Полагаем, что даже в условиях смарт-контрактных конструкций должна сохраняться возможность оценки обстоятельств, иначе в противном случае возникает риск подмены фактического согласия на формальное. С другой же стороны, ряд авторов подобное явление относит к несомненному преимуществу. Так, например Егоров М.И., Дихтяр А.И. пишут, что алгоритмизация договоров: «значительно сокращает время и ресурсы, необходимые для исполнения обязательств. Это также снижает вероятность ошибок и злоупотреблений со стороны участников сделки [6, с. 37].

Особого внимания заслуживает проблема согласия в цифровой среде. Традиционная конструкция акцепта предполагает осознанность и добровольность волеизъявления. Однако в алгоритмизированных интерфейсах согласие зачастую выражается через стандартные действия – нажатие кнопки, активацию сервиса, продолжение использования платформы. В подобных условиях формируется феномен «рутинного согласия», при котором пользователь

фактически утрачивает способность критически оценивать содержание сделки. По мнению автора, нормативная модель должна предусматривать дополнительные гарантии осознанности волеизъявления, включая ясность формулировок, структурированность информации и запрет скрытых условий, способных повлиять на экономический результат.

Кроме того, представляется целесообразным предложить развитие института цифровой добросовестности. Рассматривая принцип добросовестности в контексте российского гражданского законодательства в традиционном понимании, то здесь добросовестность оценивается преимущественно через поведение самой стороны, а в цифровой среде она должна распространяться и на проектирование самой системы.

Подводя итог, следует отметить, что цифровая воля сторон не может рассматриваться исключительно как технологический феномен в связи с тем, что она представляет собой результат взаимодействия правовых норм, алгоритмической деятельности и поведенческих моделей субъектов гражданских правоотношений. В контексте дальнейшего развития правового регулирования представляется целесообразным формирование доктрины «контролируемой алгоритмизации», предполагающей нормативное закрепление пределов допустимого использования автоматизированных решений в частноправовой сфере.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. 8 дек.
2. Маркина, С. Н. Принцип автономии воли в гражданском праве и его ограничения публичным порядком / С. Н. Маркина, И. И. Пустомолотов // Научный потенциал - 2025 : сборник статей Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 11 декабря 2025 года. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская Ирина Игоревна), 2025. – С. 160-165. – EDN PHL YSP.
3. Пархоменко, И. К. Цифровизация договорных отношений: правовые аспекты использования смарт - контрактов / И. К. Пархоменко // Актуальные проблемы частного права (к 100-летию заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора, доктора юридических наук Ю.М. Аристакова) : Сборник статей по материалам межвузовского научно-практического круглого стола, Санкт-Петербург, 24 октября 2025 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2025. – С. 105-108. – EDN ZQJLQZ.
4. Коржова, И. В. Способы заключения договоров с использованием цифровых технологий / И. В. Коржова // Право и государство: теория и практика. 2020. № 2 (182). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-zaklyucheniya-dogovorov-s-ispolzovaniem-tsifrovyyh-tehnologiy> (дата обращения: 04.02.2026).
5. Фролова, Е. Е. Способы волеизъявления сторон в условиях цифровой трансформации: актуальные тренды правоприменения / Е. Е. Фролова, А. М. Берман // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-voleizyavleniya-storon-v-usloviyah-tsifrovoy-transformatsii-aktualnye-trendy-pravoprimereniya> (дата обращения: 10.01.2026).
6. Егоров, М. И. Актуальные аспекты цифровизации в договорном праве России / М. И. Егоров, А. И. Дихтяр // Вестник магистратуры. 2025. №1-2 (160). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-aspekty-tsifrovizatsii-v-dogovornom-prave-rossii> (дата обращения: 04.03.2026).

СПОРЫ В СФЕРЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗРЕШЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Кармацкая Полина Сергеевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

Mis.krasp@yandex.ru

Научный руководитель: Орлова Александра Ивановна, кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

ai_orlova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль арбитражного процесса как инструмента разрешения экологических конфликтов в контексте устойчивого развития. Автор анализирует специфику экологических споров, связанные с ними сложности правоприменения, а также демонстрирует актуальные проблемы правовой регламентации и взаимодействия норм федерального, регионального и международного уровней. Особое внимание уделено судебной практике Красноярского края и конкретному делу, иллюстрирующему существующие правовые пробелы. Рассматриваются процессуальные особенности арбитражных судов, возможности применения специализированных процедур и экспертных механизмов, а также предлагаются направления совершенствования правового регулирования в сфере экологии.

Ключевые слова: устойчивое развитие, экологические конфликты, арбитражный процесс, арбитражные суды, охрана окружающей среды, судебная практика, экспертиза, правоприменение, природные ресурсы

В настоящее время усиление антропогенного воздействия на окружающую среду делает вопросы устойчивого развития одной из центральных тем правового регулирования. Это отражается не только в международных актах и экологическом законодательстве, но и в арбитражном процессе, через который рассматриваются экономические споры, связанные с использованием и охраной природных ресурсов. Рост числа экологических конфликтов, возникающих в связи с хозяйственной деятельностью и нарушением природоохранных требований, усиливает значение арбитражных судов в обеспечении баланса между экономическими интересами и экологической безопасностью.

Постановка исследовательской проблемы, связанной с разрешением экологических споров в арбитражном процессе, требует учета, как нормативных пробелов, так и особенностей судебной практики. В научной литературе (В.В. Ярков, А.А. Демичев, В.А. Абсалямов) отмечается, что специфика арбитражного судопроизводства определяется сложной системой процессуальных механизмов, которые не всегда в полной мере учитывают междисциплинарный характер экологических конфликтов. В связи с этим возрастает потребность в анализе правоприменения и обновлении теоретических подходов к рассмотрению таких дел [3,7,4].

Сложность разрешения экологических конфликтов в арбитражном процессе обусловлена несколькими факторами. Во-первых, экологические споры затрагивают одновременно экономические, социальные и природоохранные интересы, что требует комплексного подхода при рассмотрении дел арбитражными судами. Во-вторых, отсутствие четко закрепленных процессуальных критериев доказывания экологического ущерба и детальной регламентации оценки вреда осложняет работу судов. На практике возникают вопросы о распределении бремени доказывания по ст. 65 АПК РФ: истцам часто трудно подтвердить причинно-следственную связь между действиями ответчика и вредом окружающей среде, а также размер такого вреда.

Особое значение в экологических спорах приобретает судебная экспертиза. В Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ по вопросам применения законодательства об охране окружающей среды (2022 г.) подчеркивается, что без проведения комплексной эколого-технической экспертизы суды нередко лишены возможности объективно оценить характер и объем причиненного вреда [2]. Верховный Суд обращает внимание на недопустимость замены экспертизы справками и письмами органов власти, не обладающих статусом экспертного учреждения. Указанные подходы напрямую соотносятся с положениями ст. 82–87 АПК РФ о судебной экспертизе в арбитражном процессе.

Кроме того, арбитражные суды сталкиваются с юридической неоднородностью регулирования: одновременно применяются нормы федерального законодательства, региональные акты и международные соглашения. Это требует выработки согласованных подходов и определенной унификации процессуальных стандартов. Анализ судебной практики Красноярского края за период с 2020 по 2025 годы показывает наличие значительного числа дел, связанных с нарушением природоохранного законодательства, спорами о лесопользовании, охране водных объектов и исполнении противопожарных мероприятий.

Показательным в этом отношении является дело № А33-26287/2022, рассмотренное Арбитражным судом Красноярского края и Третим арбитражным апелляционным судом (Постановление от 31.01.2025). В данном деле спор возник по поводу исполнения природоохранных обязательств хозяйствующим субъектом и возмещения вреда, причиненного окружающей среде. Суд апелляционной инстанции проанализировал доказательства, представленные органами власти, оценил результаты проведенных проверок и документы, подтверждающие нарушение природоохранных требований. При этом были затронуты вопросы соотношения федеральных норм и Закона Красноярского края от 28.06.2007 № 19-4853 «Об охране окружающей среды», в части закрепления обязанностей по охране природных ресурсов на региональном уровне [1].

Указанное дело выявило проблему правовой неопределенности при исполнении комплексных природоохранных мероприятий и недостаточную координацию действий между государственными органами и хозяйствующими субъектами. В результате разрешение спора затянулось во времени, а риск дальнейшего негативного воздействия на экосистемы сохранялся. Аналогичные тенденции прослеживаются и в других делах 2020–2025 гг., связанных с лесопользованием и охраной водных объектов, о чем пишет А.И. Сметанина, анализируя практику Красноярского края. При рассмотрении таких дел арбитражные суды все чаще обращаются к экспертным заключениям и расширяют перечень исследуемых доказательств, что свидетельствует о постепенном формировании более взвешенного подхода к оценке экологического вреда.

Несмотря на обозначенные сложности, арбитражный процесс обладает существенным потенциалом для урегулирования споров в сфере устойчивого развития. К его процессуальным преимуществам относятся относительно сжатые сроки рассмотрения дел, наличие установленных процедур взаимодействия с органами государственной власти и возможность использования специальных знаний через назначение экспертиз. Кроме того, арбитражные суды имеют опыт рассмотрения экономических споров, связанных с хозяйственной деятельностью, что позволяет учитывать как финансовые, так и экологические последствия конфликтов.

Лукиянова Т.В. обращает внимание на то, что при разрешении экологических конфликтов в арбитражных судах важны не только формальные процессуальные инструменты, но и понимание междисциплинарного характера таких споров, а также участие специалистов в формулировании вопросов для экспертов [5]. Это позволяет сделать экспертизу более содержательной и адаптированной к конкретным особенностям дела. В результате возрастает вероятность принятия мотивированных и устойчивых решений.

Перспективными представляются следующие направления совершенствования арбитражного процесса в части экологических споров. Во-первых, целесообразно формализовать и унифицировать критерии доказывания экологического ущерба, исходя из требований ст. 65

АПК РФ и практики Верховного Суда РФ. Это предполагает обязательное привлечение квалифицированных научно-технических экспертов в сложных делах, где без специальных знаний невозможно определить характер вреда и способы его компенсации. Во-вторых, необходима разработка и внедрение специализированных процедур рассмотрения экологических споров, учитывающих международный опыт и стандарты, о чем пишут В.А. Абсалямов и другие исследователи арбитражного процесса.

В-третьих, важным направлением является повышение квалификации судей и помощников судей в сфере экологического права, что позволит более последовательно применять нормы материального и процессуального права и учитывать долгосрочные последствия вмешательства в природную среду. Это соответствует подходу, отраженному в разъяснениях Пленума высших судов и научной литературе.

В-четвертых, требуется дальнейшее развитие механизмов взаимодействия арбитражных судов с государственными органами и общественными экологическими организациями, в том числе при сборе доказательств и контроле исполнения судебных актов.

Отдельного внимания заслуживает вопрос информационной открытости практики по экологическим делам. Публикация мотивировочных частей судебных актов и обобщение типичных ситуаций позволяют формировать единообразные подходы к квалификации правонарушений и оценке вреда окружающей среде. Это создает основу для дальнейшего совершенствования законодательства и практики его применения.

В то же время необходимо учитывать ограничения арбитражного процесса в сфере экологических споров. Действующее законодательство не предусматривает обязательного проведения экологической экспертизы в каждом деле, связанном с причинением вреда окружающей среде, хотя ст. 49 Федерального закона № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» подчеркивает значение оценки воздействия на окружающую среду. На практике это приводит к тому, что в ряде случаев судебные акты выносятся при ограниченном объеме специальных знаний, а длительный характер экологического вреда оценивается недостаточно.

Кроме того, арбитражный процесс достаточно формализован: жесткие процессуальные сроки, значительные расходы на проведение экспертиз и сложность участия общественных объединений в качестве лиц, защищающих экологические интересы, могут ограничивать полноту рассмотрения споров. В Обзоре Верховного Суда РФ 2022 г. обращается внимание на необходимость более активного использования экспертиз и учета долгосрочных последствий нарушения природоохранных требований, что должно служить ориентиром для арбитражных судов при рассмотрении экологических дел.

Арбитражный процесс в сфере устойчивого развития и экологических конфликтов сочетает значительный потенциал с рядом объективных ограничений. Системный подход к разрешению экологических споров, основанный на активном использовании экспертизы, координации действий органов власти и последовательном применении норм федерального и регионального законодательства, способствует снижению негативного воздействия хозяйственной деятельности и укреплению экологической безопасности. Дальнейшее развитие процессуальных механизмов, в том числе с учетом рекомендаций Верховного Суда РФ и научных исследований, будет способствовать более эффективной защите окружающей среды в арбитражных судах.

Список литературы

1. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 31.01.2025 по делу № А33-26287/2022 // СПС Консультант Плюс.
2. Обзор судебной практики по вопросам применения законодательства об охране окружающей среды // Президиум Верховного Суда РФ. 2022.
3. Абсалямов, В. А. Особенности арбитражного разбирательства в экономических спорах / В. А. Абсалямов. – СПб., 2019.
4. Демичев, А. А. Арбитражный процесс: теория и практика / А. А. Демичев. – М., 2021.
5. Лукьянова, Т. В. Арбитражное разрешение экологических конфликтов: теория и практика / Т. В. Лукьянова. – М.: Юрист, 2023.
6. Сметанина, А. И. Судебная практика и правоприменение в сфере экологии: Красноярский край 2020–2025 гг. / А. И. Сметанина // Вестник юридических наук. – 2025. – № 3.
7. Ярков, В. В. Арбитражное процессуальное право: учебник / В. В. Ярков. – М., 2017.

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ НА СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ: АНАЛИЗ ПРАКТИКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Кондратова Татьяна Сергеевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

tanya.kondratova01@yandex.ru

Научный руководитель: Летягина Екатерина Александровна, кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

let_k@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности гражданской правосубъектности (правоспособности и дееспособности) детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), что является ключевой предпосылкой их участия в правоотношениях в сфере социального обеспечения. Автор анализирует теоретические противоречия, возникающие при сравнении общих норм гражданского права с положениями специального законодательства об инвалидности. Выявляются проблемы правоприменительной практики, связанные с реализацией имущественных прав таких детей, ролью их законных представителей и механизмами восполнения дееспособности. В заключение предлагаются меры по улучшению законодательства, направленные на обеспечение эффективной правовой защиты интересов таких детей в области социального обеспечения.

Ключевые слова: ребенок с ограниченными возможностями здоровья, гражданская правоспособность, дееспособность, законный представитель, социальное обеспечение, опека и попечительство, индивидуальная программа реабилитации и абилитации (ИПРА)

Правовая регламентация социального обеспечения ребенка с ОВЗ базируется на признании за ним особого юридического статуса [1]. Однако эффективность реализации соответствующих прав и гарантий напрямую зависит от четкости определения его положения как субъекта права, прежде всего - в рамках гражданско-правовых отношений. Именно гражданская правосубъектность определяет способность иметь права (на получение пенсий, компенсаций, услуг) и возможность своими действиями их приобретать и осуществлять. Специфика статуса ребенка с ОВЗ порождает комплекс теоретических и практических проблем на стыке гражданского, семейного и социального права, требующих детального анализа.

В соответствии со ст. 17 ГК РФ, гражданская правоспособность - способность иметь гражданские права и нести обязанности - признается в равной мере за всеми гражданами и возникает в момент рождения [2]. Следовательно, ребенок с ОВЗ, независимо от характера и тяжести нарушений, обладает *полной и равной* правоспособностью. Теоретическая проблема заключается в том, что классический цивилистический принцип равенства правоспособности вступает в противоречие с объективными ограничениями в возможности реализации отдельных правомочий.

Особенность проявляется не в объеме правоспособности, а в системе *специальных социальных гарантий*, направленных на ее фактическую реализацию. Так, право собственности на полученные технические средства реабилитации, право на получение ежемесячной денежной выплаты, право требовать предоставления социальных услуг по ИПРА - все это элементы содержания его общей правоспособности, наполненные специфическим содержанием за счет публично-правового регулирования [3]. Таким образом, правоспособность ребенка с ОВЗ остается универсальной, но ее фактическое наполнение

обеспечивается комплексом публичных и частноправовых средств, что создает *гибридную правовую конструкцию*.

Ядро проблематики лежит в плоскости дееспособности - способности своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права (ст. 21 ГК РФ) [2]. Общее правило о частичной дееспособности несовершеннолетних (ст. 26, 28 ГК РФ) сталкивается с ситуацией, когда психическое расстройство (часто сопутствующее статусу «ребенок-инвалид») может служить основанием для ограничения или лишения дееспособности по правилам ст. 29-30 ГК РФ [2] даже до достижения 18 лет.

На практике возникает ряд противоречий:

- **Проблема «правового вакуума».** Ребенок с тяжелым ментальным нарушением, не способный осознавать значение своих действий, но не признанный в судебном порядке недееспособным, формально обладает дееспособностью малолетнего (до 14 лет) или несовершеннолетнего (14-18 лет). Его законные представители (родители) действуют по модели ст. 28, 26 ГК РФ, однако их полномочия по распоряжению имущественными правами ребенка (например, крупными компенсационными выплатами) могут быть недостаточными или оспорены, так как не обеспечены судебным решением об ограничении дееспособности [5].

- **Коллизия интересов в действиях законного представителя.** Родители, представляя интересы ребенка в органах социальной защиты, Фонде социального страхования или же при заключении договоров на услуги, одновременно управляют средствами ребенка (пенсиями, выплатами) [4]. Гражданское законодательство предусматривает контроль органов опеки за такими действиями (ст. 37 ГК РФ), однако на практике он часто носит формальный характер, особенно в отношении распоряжения регулярными социальными выплатами [5].

- **Индивидуальная программа реабилитации и абилитации (ИПРА) как квазидоговор и роль представителя.** ИПРА, будучи административным актом, порождает для ребенка гражданские права требования к конкретным исполнителям (государственным и негосударственным организациям) [3]. Фактическое взаимодействие по ее выполнению (выбор исполнителя, согласование условий) осуществляет законный представитель [4]. Его правовая природа в этих отношениях двойственна: он действует и как орган лица (представляя недееспособного/частично дееспособного), и как уполномоченный в рамках публичного правоотношения.

Данные теоретические противоречия приводят к возникновению конкретных правоприменительных трудностей.

Например, **сложности в распоряжении имущественными правами.** Получение компенсации за самостоятельно приобретенное ТСР, распоряжение накопленными на счете ребенка средствами материнского капитала, направленными на социальную адаптацию, требуют согласования с органами опеки [5]. Так в одном из решений Якутского городского суда было установлено, что истец оспаривала отказ и требовала взыскания стоимости проезда на восстановительное лечение для себя и своей несовершеннолетней дочери. Суд удовлетворил требование. Однако в дальнейшем апелляционное определение постановило отменить решение суда и отказать в удовлетворении требования истца. Но судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 25 февраля 2019 г. по делу №2-11379/2018 Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) и оставила в силе решение Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) от 25 декабря 2018 г [7, 8].

Таким образом, процедуры часто бюрократизированы и не учитывают специфику нужд ребенка с ОВЗ, очень затрудняя реализацию имущественных прав.

Также существуют трудности при **участии в договорных отношениях по социальному обслуживанию.** Заключение договора о предоставлении социальных услуг (по закону № 442-ФЗ) [4] от имени ребенка-инвалида с ментальными нарушениями, не признанного

недееспособным, создает риск оспаривания такого договора, если будет доказано, что представитель (родитель) вышел за пределы обычного объема полномочий малолетнего [2, 4].

Рассматривая судебную защиту, необходимо отметить возникающие сложности при предъявлении исков о взыскании недополученных выплат, компенсации морального вреда вследствие некачественного предоставления услуг осуществляется законным представителем. Суды сталкиваются с необходимостью оценивать не только факт нарушения права, но и легитимность и добросовестность действий самого представителя, особенно в потенциально конфликтных ситуациях внутри семьи [2, 5].

Гражданская правосубъектность ребенка с ОВЗ представляет собой сложный правовой феномен, где общие цивилистические конструкции требуют адаптации с учетом принципов Конвенции о правах инвалидов. общих правовых норм в соответствии с принципами Конвенции о правах инвалидов. Важнейшие из этих принципов включают уважение к развивающимся способностям ребенка и его право на самостоятельность.

Для устранения выявленных проблем необходимы следующие меры:

1. **Развитие шкалы дееспособности.** Внедрение в гражданское законодательство более гибких, чем полное лишение дееспособности, механизмов поддержки принятия решений (расширенная опека, соподопечительство), позволяющих учитывать индивидуальные возможности ребенка с ментальными нарушениями.

2. **Специальная регламентация полномочий законных представителей в социально-обеспечительных правоотношениях.** Закрепление в Семейном кодексе или федеральном законе об основах социального обслуживания расширенного перечня действий, которые родители вправе совершать от имени ребенка-инвалида без предварительного разрешения органов опеки (в пределах, связанных с реализацией ИПРА и распоряжением стандартными социальными выплатами).

3. **Повышение роли органов опеки как института содействия, а не только контроля.** Создание при органах опеки экспертных советов с участием медиков, психологов и представителей НКО для оценки не только юридической обоснованности, но и целесообразности и пользы для ребенка решений, которые принимают его представители в сфере социального обеспечения.

Таким образом, совершенствование гражданско-правового статуса ребенка с ОВЗ является не технической, а концептуальной задачей. Оно должно быть направлено на создание правовых условий, при которых гарантии социального обеспечения могли бы быть максимально эффективно реализованы через соответствующие гражданско-правовые механизмы, обеспечивающие баланс между необходимой защитой прав и развитием автономии личности.

Список литературы

1. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 48. – Ст. 1.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ : принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. (ред. от 24.02.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32.
3. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации : Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 28.06.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 48. - Ст. 4563.
4. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 52 (ч. I).
5. Об опеке и попечительстве : Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ (ред. от 29.09.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 17.
6. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ : принят Гос. Думой 8 дек. 1995 г. (ред. от 23.11.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1.
7. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с реализацией мер социальной поддержки отдельных категорий граждан : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 17.06.2020 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2020. – № 9.
8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.2020 № 74-КГ19-10 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

НЕЗАВИСИМАЯ ГАРАНТИЯ КАК ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ ДОСТУПНОСТИ УЧАСТИЯ В КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЕ

Крахалева Вероника Игоревна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

vkrahhalva@inbox.ru

Научный руководитель: Дадаян Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

dadaelena.lena@mail.ru

Аннотация. В статье автором рассматриваются особенности независимой гарантии как способа обеспечения исполнения обязательств и актуальные проблемы ее правоприменения. Обеспечение интересов заказчиков и создание условий для доступности участия в контрактной системе, а также развитие механизмов исполнения обязательств являются приоритетами построения взаимоотношений заказчика и участника закупки.

Ключевые слова: Независимая гарантия, сделки, гражданское законодательство, муниципальные закупки, обеспечение обязательств

Надлежащее исполнение обязательств можно обеспечить способами, предусмотренными п. 1 ст. 329 ГК РФ гл. 23 ГК РФ, такие способы можно назвать традиционными, способами, то есть они, как правило, предусмотрены законом или договором [1].

Понятие такого способа обеспечения исполнения обязательств как банковская гарантия, появилось в ГК РФ уже довольно давно, после внесения изменений в 2015 г. Так, статья 368 ГК РФ была дополнена новыми положениями и изменила свое название на независимую гарантию, но только с начала 2022 года ее повсеместно стали применять на практике. Например, при заключении государственных контрактов в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд термин «банковская гарантия» перестал использоваться. Кроме случаев, предоставления обеспечения гарантии по-прежнему предъявляются, но заказчики не вправе требовать, чтобы они были оформлены именно банками.

Кроме того, в п. 1 ст. 766 ГК РФ при заключении договоров, сторонам законодателем предоставлено право разработать собственный способ обеспечения исполнения обязательств, основанный на нормах ГК РФ с учетом правил о непоименованном и смешанном договорах, общих принципах исполнения обязательств и принципе добросовестности. В целях снижения риска недопонимания и споров с контрагентом, при выборе способа обеспечения исполнения обязательства необходимо наиболее подробно указать все условия предлагаемые варианты обеспечения исполнения обязательства, раскрыть последовательность действий по его предоставлению и обосновать механизм работы выбранного способа обеспечения обязательств в случае нарушения должником договорных обязательств [1].

В соответствии с п. 1 ст. 371 ГК РФ независимая гарантия является безотзывной. Она не может быть отозвана или изменена гарантом, если в ней не предусмотрено иное.

Требование об определенной денежной сумме считается соблюденным, если условия независимой гарантии позволяют установить подлежащую выплате денежную сумму на момент исполнения обязательства гарантом.

Независимая гарантия существенно отличается от иных способов обеспечения исполнения обязательств, поскольку представляет собой одностороннюю сделку, а не договор, а также не является акцессорным способом обеспечения исполнения, обязательства, т.е. не зависит от обеспечиваемого ею основного обязательства.

По правовой природе независимая гарантия является самостоятельным способом обеспечения исполнения обязательств. Обеспечение исполнения обязательств можно рассматривать в качестве системы мер, побуждающих должника и кредитора исполнять обязательства должным образом и гарантирующих интересы кредитора в случае неисправности должника. Следовательно, независимая гарантия необходима для того, чтобы, прежде всего, обеспечить интересы, в том числе муниципального заказчика по обязательству. Однако, при этом нельзя не учитывать интересы должника и гаранта, которые также нуждаются в защите. В связи с этим следует согласиться с мнением О.М. Олейник, что «основной проблемой гарантии является согласование, компромисс интересов кредитора, должника и третьего лица (гаранта) при доминирующем положении кредитора» [3, с. 64].

Особое значение применения независимой гарантии при размещении заказов на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг для муниципальных нужд, состоит в том, что она небезосновательно признается самым ликвидным и надежным из всех способов обеспечения исполнения обязательств. Безотзывная независимая гарантия обеспечивает интересы кредитора путем принятия на себя третьим лицом ответственности за исполнение обязательств должником. Применение независимой гарантии в качестве способа обеспечения исполнения контракта позволяет сократить время получения неисполненного по контракту.

Особенность безотзывной банковской гарантии как способа обеспечения исполнения контракта состоит в том, что, если заказчиком, уполномоченным органом, было установлено требование обеспечения исполнения контракта, муниципальный контракт заключается только после предоставления участником конкурса, с которым заключается контракт, безотзывной банковской гарантии. При этом, независимая гарантия, может являться средством обеспечения исполнения контракта, но не средством обеспечения заявки на участие в аукционе. По мнению Л.Г. Ефимова, «независимая гарантия – самостоятельное гражданско-правовое обязательство одностороннего характера одного гаранта перед бенефициаром, которое следует отличать от гарантийной операции, т.е. операции по выдаче гарантии. В такой операции участвуют как минимум три лица: банк-гарант, бенефициар и принципал, а в случае не прямой гарантии – четыре: банк - гарант, банк-эмитент, бенефициар и принципал» [4, с. 119].

Независимая гарантия отличается порядком оформления и структурой отношений участников обязательств, связанных с ее выдачей, условиями исполнения обязательств, вытекающих из гарантии и отсутствием единого подхода заказчиков, контролирующих органов, и банков к содержанию банковских гарантий. В частности, согласно ст. 368 ГК РФ независимая гарантия выдается по просьбе лица [5, с. 72].

Представляется возможным предложить вариант, решения данной проблемы.

Необходимо ввести в ГК РФ норму об учете требований специальных актов при выдаче банковских гарантий.

В связи, с чем в ГК РФ, необходимо внести изменения, изложив п. 4 ст. 368 ГК РФ, в следующей редакции: «В независимой гарантии может содержаться условие об уменьшении или увеличении суммы гарантии при наступлении определенного срока или определенного события. В независимой гарантии может содержаться полный перечень условий обязательных для закрепления в независимой гарантии, и условия недопустимые для включения в независимую гарантию, которая выдается для использования в сфере Закупок».

По аналогии с Постановлением Правительства РФ № 1005 «О независимых гарантиях», используемых для целей Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 08.11.2013 (в ред. от 26.12.2024) [6], содержащего четкий перечень того, что должно быть и чего не должно быть в банковской гарантии, которая выдается для использования в сфере закупок. Но банки при выдаче гарантий зачастую руководствуются не только положениями вышеуказанного правового акта и ФЗ 05.04.2013 № 44-ФЗ [7], но и общими нормами гражданского законодательства, а также специальными банковскими нормативами и регламентами, которые входят в противоречие с требованиями специального закупочного законодательства [2, с. 22].

Предлагаемые нами изменения позволят избежать несоответствий в тексте независимой гарантии, оснований для отклонения независимой гарантии, как не соответствующей требованиям, а также выработать единый подход государственных заказчиков и контролирующих органов, а также банков к содержанию банковских гарантий.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. - № 32. – Ст. 3301.
2. Белых, В.С. Утрата банковской гарантией обеспечительной функции / В.С. Белых, А.П. Алексеенко // Банковское право. – 2019. - № 3. – С. 16-22.
3. Олейник, О. М. Банковская гарантия и проблемы ее применения / О. М. Олейник // Хозяйство и право. – 1996. - № 1. – С. 64.
4. Ефимова, Л. Г. Банковская гарантия: понятие и практическая применимость / Л. Г. Ефимова // Хозяйство и право. – 119. - № 3. – С. 119.
5. Кучеров, И. И. Слагаемые финансовой безопасности и ее правовое обеспечение / И. И. Кучеров // Журнал российского права. – 2017. - № 6. – С. 72.
6. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 26.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2025) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. – 2013. - № 14. – Ст. 1652.
7. Постановление Правительства РФ от 08.11.2013 № 1005 (ред. от 26.12.2024) «О независимых гарантиях, используемых для целей Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»// Собрание законодательства РФ. – 2013. - № 46. – Ст. 5947.

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Левковец Анна Сергеевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

anna.levkovets.02@mail.ru

Научный руководитель: Орлова Александра Ивановна, кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

ai_orlova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы раскрытия доказательств в арбитражном процессе, которые играют важную роль в правильном и справедливом судебном разбирательстве. Особое внимание уделяется вопросам баланса между правом на защиту и обязанностью сторон предоставлять информацию, а также влиянию современных технологий на процесс раскрытия доказательств. Исследование подчеркивает необходимость дальнейшего изучения данного вопроса для повышения качества арбитражного разбирательства и обеспечения справедливости для всех сторон.

Ключевые слова: арбитражный процесс, доказательства, риски, факты, судопроизводство, момент раскрытия доказательств, равноправие, состязательность, электронные доказательства

Процесс раскрытия доказательств в арбитражном судопроизводстве зачастую сталкивается с различными вызовами, такими как недостаточная прозрачность, различия в подходах к доказыванию, а также вопросы, связанные с доступом к информации и защитой конфиденциальности. Все эти аспекты оказывают существенное влияние на справедливое и эффективное судебное разбирательство, что, в свою очередь, создает риски для сторон, так как они могут оказаться в невыгодном положении из-за недостатка необходимых доказательств или неравного доступа к информации.

Для начала следует разобраться, что следует понимать под доказательствами в арбитражном процессе. Так, согласно статье 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее АПК РФ) следует понимать полученные в предусмотренном кодексом и иными федеральными законами порядке сведения о фактах, на основании которых арбитражный суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения лиц, участвующих в деле, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения дела [1].

Важным элементом процесса доказывания является раскрытие доказательств, представляющее собой процессуальную обязанность лиц, участвующих в деле, обеспечить возможность для других лиц ознакомиться со всеми доказательствами по делу до момента рассмотрения дела по существу. Данный процесс позволяет обеспечить правильное и своевременное рассмотрение дела арбитражными судами[5].

Существует много проблем, связанных с раскрытием доказательств в арбитражном судопроизводстве. Одной из них является момент предоставления доказательств для ознакомления другим лицам. Данный аспект не урегулирован АПК РФ, из-за чего остается непонятным, в какой именно момент лица, участвующие в деле, должны представить доказательства: на стадии направления искового заявления, или отзыва иска, или в предварительном судебном заседании или в какой-то другой момент.

Арбитражный процессуальный кодекс в статье 65 закрепляет обязанность за лицами предоставить доказательства до судебного заседания или в пределах установленного судом срока. В статье также уточняется, что лица должны быть ознакомлены с ними

заблаговременно, однако оно не дает конкретного пояснения по поводу содержания термина «заблаговременно» не дается.

Данное понятие лишь указывает на право использовать в качестве обоснования своей позиции только те доказательства, которые были предоставлены другой стороне процесса заблаговременно.

В то же время Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 года № 46 не считает основанием нарушение указанных сроков для отказа в принятии и исследовании доказательств, однако в случае непредставления всех доказательств, суды будут рассматривать лишь те, которые имеются в деле[2].

Несмотря на то, что АПК РФ запрещает ссылаться на доказательства заранее не раскрытые, суды обязаны изучить их и дать соответствующую оценку при вынесении решения. Данный подход правоприменителя вряд ли можно назвать обоснованным, так как в арбитражном процессе участвуют профессиональные лица гражданского оборота, которые должны нести соответствующие риски заблаговременного непредставления доказательств.

Данный аспект можно рассмотреть подробнее на примере судебной практики. Так, по делу Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 15 июля 2020 года по делу № А56-116542/2019 о задолженности по договору суд отказал в ходатайстве ответчика о приобщении дополнительных доказательств, поскольку они не были заблаговременно раскрыты перед судом и лицами, участвующими в деле. В том числе была не обоснована относимость этих доказательств к обстоятельствам, имеющим значение для правильного разрешения спора. При этом суд не уточняет, что необходимо понимать под заблаговременностью предоставления доказательств, и в какой момент это должно было произойти[6].

Исходя из этого, буквальное толкование норм по данному аспекту не дает однозначного ответа на вопрос о том, в какой момент участникам спора следует представить доказательства для их раскрытия другой стороне[4].

Для решения поставленной проблемы следует в первую очередь создать легальное определение термина «заблаговременное» представление доказательств. Помимо этого необходимо четко прописать момент предоставления доказательств, а именно: до какой стадии процесса они должны быть предоставлены, а также следует установить временные рамки для лиц участвующих в деле, обязательно с учетом сложности дела, в течение которых все доказательства должны быть раскрыты оппоненту.

Еще одной проблемой раскрытия доказательств в арбитражном процессе является равноправие и состязательность участников процесса. Это связано с тем, что порой дела включают в себя большой объем состязательных доказательств, а из-за того, что оппонент не имел возможности ознакомиться с ними ранее, судебное заседание приходится постоянно откладывать, что затягивает процесс и лишает другую сторону возможности на справедливое и объективное рассмотрение дела. В тоже время оппонент не всегда имеет возможность подготовить свое возражение на предоставленные доказательства, что доходит вплоть до наложения судебного штрафа. Вследствие чего сторона теряет свои позиции в судебном заседании и может проиграть дело[3].

В тоже время, одна сторона может намеренно не представлять доказательства процессуальному оппоненту с целью затягивания судебного разбирательства и лишения его возможности подготовить достаточную контраргументацию по делу. В результате, мы видим явное нарушение принципа равноправия сторон на представление арбитражному суду своих доводов и объяснений процессуальным оппонентом.

Как мы знаем, согласно статье 125 АПК РФ при подаче искового заявления к нему должны быть приложены доказательства, чтобы другая сторона могла с ними ознакомиться, в статьях 135 и 136 АПК РФ также прописана возможность лиц ознакомиться с доказательствами. Это сделано с целью предоставить возможность другой стороне подготовить свои возражения, а суду - определить существо спора и принять решение о достаточности или недостаточности представленных доказательств.

Однако равноправие отсутствует и в том случае, когда одна из сторон не представляет другой стороне доказательства, что не позволяет подготовить возражения, учитывая прямое закрепление в законодательстве такого права.

Состязательность в данном аспекте не представляется возможным реализовать по причине отсутствия у одной из сторон возможности подготовить свои возражения на представленные доказательства. Разумеется, одна из сторон в таком случае может заявить ходатайство об отложении дела, в связи с необходимостью подготовить контраргументы в защиту своей правовой позиции, вследствие чего судебное разбирательство может затягиваться. Бывает, что сторона пытается без надлежащей подготовки опровергнуть данные доказательства, из-за чего может быть вынесено неверное судебное решение. Однако нередко суды отказывают в ходатайствах об отложении дела, мотивируют отказ тем, что у истца имелась возможность ознакомиться с доказательством в судебном заседании. Кроме того, у ответчика отсутствует обязанность предоставлять для истца копии документов. Это приводит к ухудшению положения одной из сторон процесса[4].

Чтобы решить данную проблему, законодателю следует в полной мере использовать положение об отнесении судебных расходов на лицо, допустившее незаблаговременное представление доказательств и усилить контроль над его реализацией. Но применять его следует только с учетом доказанности такого факта непредставления доказательств. Также необходимо запретить судам принимать к судебному производству доказательства, о которых другой стороне не было известно и с которыми они не были ознакомлены на всех стадиях.

Таким образом, проблема удержания доказательств с последующим их предоставлением перед началом судебного заседания непосредственно является актуальной для арбитражного процесса. Это, в свою очередь, приводит к невозможности ознакомления противоположной стороной с такими доказательствами и подготовки мотивированных контраргументов.

Список литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025). – Текст: электронный // URL: <https://sudact.ru/law/apk-rf/> (дата обращения: 04.03.2026).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 №46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции». – Текст: электронный // URL: <https://www.consultant.ru/document/> (дата обращения: 04.03.2026).
3. Орлова, А. И. О повышении судебного контроля за соблюдением сроков раскрытия доказательств и представления состязательных документов лицами, участвующими в деле. / А. И. Орлова // Материалы III Межрегиональной научно-практической конференции по актуальным проблемам частно-правовых отношений. Красноярск, 2025. – С. 41-45.
4. Чебукин, С. С. Проблемы доказывания в арбитражном процессе и оценки судом / С. С. Чебукин // Флагман науки. – 2025. – Т. 1. – № 5-1 (28). – С. 746-748.
5. Шатов, Р. А. Проблемы раскрытия доказательств в арбитражном процессе / Р. А. Шатов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. - № 7-3 (94). – С. 156-159.
6. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 15 июля 2020 г. по делу № А56-116542/2019. – Текст: электронный // URL: <https://sudact.ru/arbitral/> (дата обращения: 04.03.2026).

О ДУАЛИЗМЕ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ В СПОРАХ ОБ ОБЩЕЙ СОБСТВЕННОСТИ МНОГОКВАРТИРНОГО ДОМА

Лоншаков Артем Валентинович, студент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

Научный руководитель: Дадаян Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

dadaelena.lena@mail.ru

Аннотация. В работе исследуются теоретико-правовые вопросы правового режима общего имущества многоквартирного дома. Рассмотрены вопросы дуализма правоприменения норм гражданского законодательства в спорах, затрагивающих общую долевую собственность имущества многоквартирного дома. Предложены пути корректировки законодательства по устранению правовой неопределенности в отношении общего имущества многоквартирного дома.

Ключевые слова: общее имущество многоквартирного дома, общая долевая собственность, недвижимое имущество, исковая давность

Формальное описание объектов, который законодатель относит к общему имуществу в многоквартирном доме (далее – МКД), закреплено в п. 1 ст. 290 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ), ст. 36 Жилищного кодекса РФ (далее - ЖК РФ), Постановлении Правительства Российской Федерации от 13 августа 2006 г. № 491. Такой правовой подход к определению общего имущества МКД имеет вполне понятные причины, поскольку сформулировать его более конкретно в практическом плане не представляется возможным - состав общего имущества для каждого МКД индивидуален и имеет свою специфику даже для типовых проектов жилых многоквартирных домов. Кроме того, общее имущество МКД законодательно образовано из совокупности юридически и физически разнородных объектов, связанных общим функциональным назначением - предназначены для обслуживания более одного жилого и (или) нежилого помещения в МКД.

Правовая конструкция общего имущества МКД, которая использует бланкетный принцип и предусматривает искусственное выделение в целевом физическом объекте общего имущества собственников недвижимых вещей, приводит к частым ошибкам восприятия таких объектов, что создает трудности практического характера в установлении элементов такого имущества.

В частности, существующая система кадастрового учета в отношении МКД имеет свои целевые оценочные пределы в разграничении имущества на общее и индивидуальное. Строительно-проектная и иная техническая документация на МКД, в силу своей специфики, имеет свои пределы в установлении возможных вариантов выделения и разграничения имущества по характеру его предназначения, и не содержит явной оценки делимости объекта по критерию права индивидуальной собственности. Соответственно, данные единого государственного реестра недвижимости, государственной информационной системы жилищно-коммунального хозяйства, фактически только обобщают хранение бланкетной и разрозненной информации об общем имуществе МКД.

Таким образом, юридическая процедура образования в едином физическом объекте общего имущества МКД, в силу своего субъективно-оценочного характера, является фундаментальной причиной споров из-за множества заинтересованных лиц.

Разрешение вопроса о праве собственности на общее имущество МКД, как самостоятельного требования, так и связанного с ним требования является наиболее сложным правоприменительным вопросом в судебных спорах, что стало предметом рассмотрения высших судебных органов.

Судебная практика показала, что правовой режим общего имущества в МКД обладает своими свойствами и отличается от правового режима общей долевой собственности на другие объекты, что потребовало выработки системного подхода при совместном применении норм ГК РФ, ЖК РФ при разрешении споров по вопросу о праве собственности на общее имущество. Первые практические результаты в этой области были закреплены в Постановлении Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 64 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров о правах собственников помещений на общее имущество здания». В частности, в пункте 9 были даны разъяснения, если лицо, на имя которого в реестр внесена запись о праве индивидуальной собственности на помещение, относящееся к общему имуществу, владеет таким помещением, лишая других собственников доступа в это помещение, собственники иных помещений в данном здании вправе обратиться в суд с иском об истребовании имущества из чужого незаконного владения (статья 301 ГК РФ), соединив его с требованием о признании права общей долевой собственности. На такие требования распространяется общий срок исковой давности (статья 196 ГК РФ).

Эти руководящие указания суда сформировали практический метод защиты права для разрешения наиболее характерной ситуации, когда после начала приватизации помещений в МКД, муниципалитет, оформивший права на часть подвала или другие помещения МКД, в последующем передал это имущество в частную индивидуальную собственность. Такое частное владение неизбежно приводит к конфликту интересов при эксплуатации и обслуживании инженерного оборудования, коммуникаций, расположенных в спорных помещениях МКД после их приватизации и утраты режима единоличной собственности на все здание.

В 2022 году, рассматривая дело №А53-30478/2020, Верховный Суд Российской Федерации (ВС РФ) указал, что подвалы из муниципальной собственности автоматически переходят в долевую, даже при отсутствии соответствующей записи в ЕГРН. В решении от 26.09.2023 №АКПИ23-606 ВС РФ подчеркнул, что подвал МКД может включать в себя не только общее имущество, но и принадлежащие отдельным собственникам нежилые площади (ч. 6 ст. 15 ЖК РФ). Вопрос отнесения их к общему имуществу требует исследования фактических обстоятельств в каждом отдельном случае.

В тоже время, со момента приватизации и до выхода Постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 64 прошло более 10 лет, и во многом это стало основной причиной отказов судов в признании права общей долевой собственности по общему сроку исковой давности в абсолютном и относительном исчислении.

В пункте 7.1 Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, предлагалось установить специальные сроки исковой давности в отношении обязательств, предметом которых является недвижимое имущество [1].

О сроках давности по подобным искам говорили и депутаты Госдумы РФ: в 2018 году они предложили закрепить в НПА правило, что на такие вопросы он не распространяется, но во втором чтении законопроект № 752270-7 был отклонен.

Так как законодательные инициативы по совершенствованию правового регулирования применения сроков исковой давности практического развития не получили, решение этих вопросов нашло в судебной практике Конституционного Суда Российской Федерации [2], который отметил, что исключения в рамках правового регулирования института срока исковой давности допустимы, если они требуются для поддержания баланса публичных и частных интересов исходя из принципов справедливости, равенства и пропорциональности, что фактически привело к революционными изменениями правоприменительных подходов высших судебных инстанций к фактору времени в частном праве.

Принимая во внимание этот общий посыл конституционного толкования, ВС РФ в определении от 17.07.2025 № 305-ЭС25-2385 [3] переосмыслил правоприменительный подход к разрешению споров о праве собственности на общее имущество МКД, в том числе и фактически легализовал отмену фактора времени по таким искам.

В качестве основания было использовано положение Постановления Пленума Верховного Суда РФ №10, Пленума ВАС РФ №22 от 29.04.2010 (ред. от 12.12.2023) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», которое закрепило применение в судебной практике такого непоименованного в статье 12 ГК РФ способа защиты как предъявления иска о признании права отсутствующими. В Обзоре судебной практики ВС РФ №1 (2019), утвержденном Президиумом ВС РФ 24 апреля 2019 г. высказана правовая позиция, согласно которой иск о признании зарегистрированного права или обременения отсутствующим является исключительным способом защиты, который подлежит применению лишь тогда, когда нарушенное право истца не может быть защищено посредством предъявления специальных исков, предусмотренных действующим гражданским законодательством.

Судебная коллегия ВС РФ подтвердила правоприменительную практику указав, что надлежащим способом защиты права на общее имущество МКД будет являться иск о признании зарегистрированного права на спорное имущество МКД отсутствующим. Интересы собственников общего имущества восстанавливаются путем исключения из ЕГРН на основе судебного акта записи о праве собственности на спорное имущество.

Фактически ВС РФ, посредством определения от 17.07.2025 № 305-ЭС25-2385, творчески переосмыслил теоретическо-правовое содержание Постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 №64, и пришел к выводу, что с учетом принадлежности спорного помещения к общему имуществу в силу закона все основания для его перехода в частную собственность не могут соответствовать закону, в связи с чем признание права собственности в отношении такого объекта как общего имущества за собственниками помещений в МКД, по существу, не требуется.

Отдельно отметим такой вывод ВС РФ, что в целях обеспечения восстановления прав и законных интересов и собственников помещений в МКД и на основании пункта 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ №10, Пленума ВАС РФ №22 от 29.04.2010 заявленный истцом иск о признании права собственности на спорное помещение следует квалифицировать как иск о признании отсутствующим права собственности на нежилое помещение (подвал), который подлежит удовлетворению.

Таковыми революционными изменениями правоприменения ВС РФ устранил фактор времени, установленный статьей 196 ГК РФ и нашедший в свое время закономерное отражение в пункте 9 Постановлении Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 №64.

На более высоком теоретическом уровне юридического осмысления этой правоприменительной практики, можно констатировать о дуализме применения норм надлежащих способов защиты гражданских прав относительно предмета спора о праве общей долевой собственности, совокупность которых поставлена в зависимость от структуры собственности владения.

Следует признать, что явная противоречивость применения норм ГК РФ по отношению к общей долевой собственности обусловлена особыми юридическими свойствами присущими только общей долевой собственности общего имущества МКД и ее социальной значимостью. Результаты изучения развития гражданского законодательства в части определения структуры собственности в МКД говорят о кризисной ситуации в сфере правового режима общей долевой собственности МКД. Различные предложения урегулировать все отношения между владельцами отдельных помещений в МКД в рамках общей долевой собственности, имеющей особый регламент не достигают той цели, количество логически противоречивых судебных решений будет только нарастать.

В целом, проблема дуализма применения норм ГК РФ по отношению к предмету общей долевой собственности на общее имущество МКД является системной, что предопределено вопросом соотношения правового режима здания и помещений в нем.

Такие теоретики права как Алексеев В.А., Суханов Е.А. приходят к заключению, что стройная и непротиворечивая система соответствующих отношений может быть создана

только на базе признания неделимой вещью здания и отказа от рассмотрения помещений и машино-мест в качестве недвижимых вещей. Следует только отметить, что на пути создания и внедрения такой системы существует объективное общественно-политическое препятствие, порожденное системой приватизации. Как замечает цивилист Скловский К.И., «ввиду очевидных угроз, по большей части социально-психологических: миллионам собственников помещений, прежде всего, жилых, конечно, невозможно объявить о том, что их право собственности заменяется на общую собственность даже с одновременным установлением такого порядка пользования, который вполне обеспечит им все имеющиеся возможности» [4].

Все эти обстоятельства естественным образом подталкивают формулировать свои предложения по корректировке законодательства используя социально-комфортные условия для трансформации общественных отношений в МКД. Учитывая тот факт, что в ближайшее обозримое время не предполагается отказ от делимости зданий на оборотоспособные объекты, в качестве которых выступают помещения (жилые и нежилые), а также машино-места, для решения проблемных вопросов необходимо и достаточно сосредоточить усилия на изменение правовой модели общего имущества здания.

В данном случае, для разрешения противоречий, возникающих в судебной практике и истории законодательных изменений правового режима общего имущества МКД, следует принципиально отказаться от применения правовой модели общей долевой собственности на общее имущество МКД и перейти к узкоспециализированной модели правового регулирования. Зарубежный опыт показывает, что наиболее оптимальной моделью является создание отдельного индивидуального соглашения между собственниками по каждому объекту недвижимости, в котором определяется общее имущество и правила его использования.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 18.07.2008 № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 25.02.2026).
2. Определение Верховного Суда Российской Федерации №305-ЭС25-2385 от 25.07.2025 по делу №А40-88564/2023. - URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/5d1a419e-e55b-40e4-9423-e1ff3f4f1008> (дата обращения: 25.02.2026).
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31.10.2024 №49-П «По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2024. - № 46. - Ст. 7029.
4. Скловский, К. И. Помещение как объект права / К. И. Скловский // Закон. - 2010. - № 1. - С. 166–171.

К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ ПРАВ КРЕДИТОРА ПРИ БАНКРОТСТВЕ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОПЫТА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Лунина Анастасия Петровна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

alunina87@mail.ru

Научный руководитель: Дадаян Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

dadaelena.lena@mail.ru

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ эффективности механизмов защиты прав кредиторов в рамках процедур банкротства физических лиц в Российской Федерации. Автор исследует итоговую статистику за 2025 год, констатируя критически низкий уровень удовлетворения требований кредиторов. В работе представлен сравнительно-правовой анализ законодательства Германии, Франции, США и Китая в части обеспечения интересов кредиторов/взыскателей. На основе изученного опыта сформулированы конкретные предложения по совершенствованию российского законодательства, направленные на преодоление проблемы, связанной с освобождением должника от обязательств.

Ключевые слова: банкротство физических лиц, несостоятельность, защита прав кредиторов, сравнительное правоведение, реструктуризация долга, освобождение от обязательств

Институт несостоятельности (банкротства) граждан в Российской Федерации продолжает претерпевать существенную трансформацию, адаптируясь к меняющимся социально-экономическим реалиям. По состоянию на начало 2026 года наблюдается сохранение высокой динамики обращений граждан в суды и использования механизма внесудебного банкротства. Согласно данным статистического бюллетеня Федресурса за 2025 год, количество граждан-банкротов (включая индивидуальных предпринимателей) достигло 568 тысяч человек, что на 31,5% выше показателей предыдущего года [1]. Столь масштабное применение процедур освобождения от долговых обязательств ставит перед правовой доктриной и законодателем острый вопрос о соблюдении баланса интересов: с одной стороны - предоставление гражданину «второго шанса» («fresh start») и с другой стороны - гарантирование прав кредиторов, которые в современных условиях зачастую несут невосполнимые убытки.

Кроме того, при росте числа процедур, инициируемых самими должниками в 2025 году, баланс интересов смещается в сторону «социальной реабилитации» гражданина, зачастую оставляя права кредиторов декларативными. В условиях, когда банкротство становится массовым социальным проектом, критически важным представляется поиск правовых механизмов, предотвращающих злоупотребление правом со стороны заемщиков и обеспечивающих хотя бы минимальное удовлетворение требований взыскателей.

Основу правового регулирования несостоятельности граждан в России составляет ГК РФ (ст. 25), которым устанавливает фундаментальный принцип: гражданин, который не в состоянии удовлетворить требования кредиторов, может быть признан несостоятельным по решению арбитражного суда либо в ином порядке, предусмотренном специальным законом [2].

К субъектам, подпадающим под действие норм о банкротстве граждан, законодатель относит физических лиц, не имеющих статуса индивидуального предпринимателя, а также самих индивидуальных предпринимателей. При этом правовой режим их банкротства практически идентичен, за исключением нюансов, связанных с профессиональными долгами. В контексте защиты кредиторов важно подчеркнуть, что субъектом признается лицо, чья неплатежеспособность носит объективный характер, однако на практике

разграничение добросовестного стечения обстоятельств и злоупотребления правом остается одной из сложнейших задач процесса.

Законодатель предусмотрел ряд правовых инструментов, направленных на защиту имущественных интересов кредиторов. Механизмы обеспечения защиты прав кредиторов направлены на минимизацию потерь кредиторов. Обеспечение их интересов реализуется через следующие процедуры:

- Формирование реестра требований кредиторов.
- Институт финансового управляющего, когда формирование конкурсной массы осуществляется под его контролем.
- Право на оспаривание сделок: Кредиторы и арбитражный управляющий наделены полномочиями по оспариванию подозрительных сделок и сделок с предпочтением, совершенных должником в течение «периода подозрительности» (ст. 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве) [3]. Это направлено на пресечение вывода активов перед процедурой банкротства.
- Ограничение освобождения от обязательств: Закон о банкротстве устанавливает запрет на списание долгов в случае доказанного недобросовестного поведения должника (скрытие сведений об имуществе, предоставление ложных данных кредитору при получении займа).

Несмотря на описанный инструментарий, приведенная выше статистика за 2025 год, указывающая на то, что интересы кредиторов не удовлетворяются. Так согласно статистическому релизу Федресурса [4] кредиторы остались без какого-либо возмещения в более чем 90% завершенных дел о банкротстве граждан. Средний процент погашения долга в процедурах реализации имущества составляет менее 5%. В связи с этим, как представляется, данные меры не обеспечивают должной эффективности, что диктует необходимость совершенствования мер, направленных на повышение процента удовлетворенности требований кредиторов, в том числе через исследования успешных зарубежных практик.

В данном отношении, следует заметить, что мировая практика банкротства физических лиц демонстрирует разнообразие подходов к защите прав кредиторов – от жестких патерналистских моделей до гибких рыночных механизмов. Для анализа выбраны страны с принципиально разными подходами: Германия и Франция (про-кредиторская и социально-ориентированная модели Европы), США (либеральный подход «fresh start»), а Китай (активно развивающуюся систему, адаптирующие нормы под современные рынки). Изучение этого спектра позволяет увидеть, как разные правовые культуры решают проблему соблюдения баланса интересов должника и кредитора в процедуре банкротства. Исследование опыта данных стран позволяет выделить наиболее эффективные инструменты, препятствующие злоупотреблению правом со стороны должников.

Так, например, в Германии исходят из так называемого этического стандарта «хорошего поведения». Данный стандарт закреплен в Положении о банкротстве (далее Положения) [5], которым регулируется процедура частного (потребительского) банкротства – механизма освобождения граждан от долговых обязательств.

Немецкое право, опираясь на нормы данного Положения, выстраивает процедуру вокруг концепции социальной справедливости. Ключевым элементом здесь выступает так называемый «период хорошего поведения», регулируемого параграфами 286–303 Положения. В отличие от российской практики, где освобождение от обязательств часто воспринимается как автоматический результат процедуры, в Германии это привилегия, которую нужно заслужить. В течение трех лет должник обязан передавать всю подлежащую аресту часть своего дохода доверительному лицу для распределения между кредиторами. При рассмотрении обеспечения прав кредиторов особого внимания заслуживает обязанность по трудоустройству. Если должник безработный, он обязан доказать, что активно ищет работу, а его отказ от подходящего места работы является безусловным основанием для прекращения процедуры банкротства без списания долгов. В отличие от российской практики, где освобождение от обязательств часто воспринимается как автоматический

результат процедуры, в Германии это привилегия, которую нужно заслужить. В течение трех лет должник обязан передавать всю подлежащую аресту часть своего дохода доверительному лицу для распределения между кредиторами. Таким образом, права кредиторов защищаются не только за счет имеющегося имущества должника, но и за счет будущего его трудового потенциала.

Во Франции существует некая модель «финансового оздоровления» при банкротстве физических лиц, которая определяется в Потребительском кодексе Франции, регулирующим институт несостоятельности физических лиц, что можно охарактеризовать как выраженный приоритет социальной реабилитации должника при сохранении строгого контроля над его имущественной сферой. В соответствии со ст. 711-1 данного документа процедура инициируется исключительно в отношении лиц, проявляющих добросовестность, и применима только к обязательствам непрофессионального характера. Разграничение потребительских и профессиональных долгов является императивным: требования, возникшие в результате предпринимательской или ремесленной деятельности, подлежат разрешению в рамках процедур, предусмотренных Коммерческим кодексом Франции [6].

Особенностью французской модели является центральная роль внесудебных органов – Комиссий по рассмотрению дел о чрезмерной задолженности. Статья 721-1 Потребительского кодекса Франции регламентирует порядок обращения в данные комиссии для поиска компромиссных решений между сторонами. С момента признания заявления соответствующим нормам предусмотренным ст. 722-2 данного нормативно-правового акта, наступают правовые последствия в виде приостановления мер принудительного исполнения по обязательствам должника. Одновременно с этим ст. 722-5 устанавливает императивный запрет для должника на совершение действий, ведущих к уменьшению его активов или изменению очередности удовлетворения требований кредиторов без специального разрешения судьи по вопросам исполнения.

Основным инструментом правового регулирования на данной стадии выступает план восстановления платежеспособности, правовая основа которого закреплена в ст. 731-1. Данный механизм направлен на реструктуризацию задолженности путем пролонгации сроков или снижения процентных ставок. При этом ст. 732-1 ограничивает предельный срок реализации мер, предусмотренных планом, за исключением случаев, когда исполнение обязательств напрямую связано с сохранением прав собственности должника на его основное жилье. Таким образом, французский законодатель через нормы Потребительского кодекса обеспечивает баланс между защитой минимальных социальных стандартов жизни гражданина и реализацией прав кредиторов на получение соразмерного удовлетворения в условиях жесткого надзора за состоянием активов должника.

Охарактеризовать механизм банкротства физических лиц в праве США, можно как экономический прагматизм и «тест на честность», Поскольку англосаксонская модель, представленная Кодексом США о банкротстве [7] характеризуется выраженным экономическим прагматизмом и опирается на доктрину «честного, но не удачливого должника». Она предлагает субъектам вариативность между процедурой немедленной ликвидации активов в рамках Главы 7 и планом корректировки долга согласно Главе 13. Последняя представляет собой социально-ориентированный механизм защиты, предназначенный для лиц с регулярным доходом, и выступает эффективным инструментом обеспечения баланса интересов участников процесса. Ключевым правовым инструментом здесь выступает предусмотренный параграфом 1325 так называемый «тест на лучшие интересы кредиторов» (Best Interests of Creditors Test). Суть данного императива заключается в том, что план реструктуризации не может быть утвержден судом, если дисконтированная стоимость выплат, предлагаемая кредиторам, окажется меньше той суммы, которую они получили бы при немедленной ликвидации имущества должника [8]. Такое нормативное ограничение полностью исключает возможность использования банкротства как способа сокрытия ликвидных активов под прикрытием долгосрочного графика выплат, гарантируя кредиторам получение экономического эквивалента рыночной стоимости имущества должника.

Что касается Китая, то здесь его современный опыт в сфере несостоятельности граждан, представленный Регламентом города Шэньчжэнь (2021 г.), демонстрирует уникальный симбиоз права, технологий и социальной ответственности. В отсутствие общенациональной базы Шэньчжэньская модель [9] возводит защиту интересов кредиторов в абсолют через систему тотального цифрового надзора. Ключевым механизмом здесь выступает предусмотренный статьями 23 и 96–100 Регламента [10, с.78] трехлетний «испытательный срок» (период проверки), в течение которого должник обязан ежемесячно отчитываться перед кредиторами о каждой произведенной трате. Статья 23 Положения вводит жесткие ограничения на потребление, запрещая любые расходы, не являющиеся жизненно необходимыми: от приобретения билетов на скоростные поезда до оформления накопительного страхования жизни. В этой системе кредитор защищен государственным аппаратом цифрового контроля, что делает любые попытки сокрытия доходов экономически бессмысленными. Таким образом, китайский подход трансформирует процедуру банкротства из простого списания долгов в институт длительной финансовой дисциплины и абсолютной транспарентности перед обществом.

Анализ зарубежного опыта позволяет выделить конкретные механизмы, внедрение которых в российское право (в Закон о банкротстве) способно повысить защищенность кредиторов:

1. Продление контроля за доходами (опыт Германии и США) перейти от разовой реализации имущества к обязательному периоду контроля за «располагаемым доходом» должника после завершения процедуры, если требования кредиторов не были погашены в значительной части.

2. Применение наиболее жестких стандартов добросовестности (закрепить презумпцию недобросовестности при совершении сделок с цифровыми активами или при отказе от трудоустройства без уважительных причин).

3. Автоматизация раскрытия информации (опыт Китая). Интеграция данных о расходах гражданина из банковских систем в отчет финансового управляющего позволила бы выявлять скрытые активы эффективнее.

Подводя итог, следует признать, что российская модель банкротства граждан на текущем этапе (по состоянию на 2025–2026 гг.) перегружена социально-реабилитационной функцией в ущерб правам собственности кредиторов. Только через усиление контроля за будущими доходами должника и внедрение четких критериев «нового старта» возможно достижение баланса, при котором банкротство перестанет быть инструментом легального неплатежа.

Список литературы

1. Банкротства в России: итоги 2025 года. Статистический релиз Федресурса // URL: <https://fedresurs.ru/news/0fb732a9-dcd6-457c-b72d-5d6227977a0f> (дата обращения: 05.03.2026).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) // СПС «Консультант плюс».
3. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «Консультант плюс».
4. Банкротства в России: итоги 2025 года. Статистический релиз Федресурса // URL: <https://fedresurs.ru/news/0fb732a9-dcd6-457c-b72d-5d6227977a0f> (дата обращения: 05.03.2026).
5. Положение о банкротстве от 5 октября 1994 г. (BGBl. I S. 2866), (в ред. от 15 июля 2024 г. (BGBl. 2024 I № 236)) // URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/insol/BJNR286600994.html#BJNR286600994BJNG000100000> (дата обращения: 05.03.2026).
6. Коммерческий кодекс Франции / пер. с фр., предисл., доп., коммент. и словарь-справ. В. Н. Захватаева. – Москва : Волтерс Клувер, 2008. – 1269 с.
7. Свод законов США: раздел 11 – «Банкротство» // URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/11> (дата обращения: 05.03.2026).
8. Финансовый словарь. Критерий интересов кредиторов // URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/24492 (дата обращения: 05.03.2026).
9. Что нужно знать о первом в Китае законе о личном банкротстве // URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/a/the-thing-about-chinas-first-personal-bankruptcy-regulation> (дата обращения: 05.03.2026).
10. Стрелкова, И. И. Законодательство Китая о банкротстве: основные этапы эволюции / И. И. Стрелкова // Юридические исследования. – 2017. – № 1. – С. 75-90.

АДВОКАТСКАЯ МОНОПОЛИЯ В СУДАХ

Любишкина Анастасия Петровна, студентка

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия

anastasia1ubishkina@gmail.com

Папенина Виктория Михайловна, студентка

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия

viparenina@mail.ru

Научный руководитель: Щербакова Лилия Геннадиевна, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия

lilia2107@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу законопроекта Министерства юстиции РФ о введении адвокатской монополии. В ней рассматриваются некоторые положения Пояснительной записки к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Внимание уделяется ключевым аргументам сторонников и противников нововведения. Обосновывается собственная позиция об опасности реализации на практике законодательного предложения и поиске баланса между частными и публичными интересами.

Ключевые слова: адвокатская монополия, законодательство, нововведение, юридические услуги, адвокатура, доступ к правосудию, защита, частный и публичный интерес

Министерство юстиции 11 июля 2025 года вынесло на обсуждение законопроект о внесении изменений в ряд важнейших источников российского законодательства. Это касается как ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ, так и ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Суть заключается в том, что подобно уголовному судопроизводству, где адвокат является неотъемлемой частью процесса, квалифицированную юридическую помощь по защите интересов граждан по гражданским, административным или арбитражным делам смогут оказывать лишь лица, обладающие вышеупомянутым статусом. Министр юстиции Константин Чуйченко утверждает, что именно адвокатура является лучшей сферой для создания профессионального объединения юристов, осуществляющих защиту и отстаивающих ту или иную позицию в суде [1]. Это главным образом говорит ее четко регламентированными этическими нормами и сформированной годами практикой ведения дел.

В Пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» эта мера объясняется тем, что нет специального закона для урегулирования деятельности лиц, оказывающих юридические услуги, при этом не имея статуса адвоката. А также нет эффективных способов для их наказания, при оказании недобросовестных и недоброкачественных услуг [2].

Говоря об адвокатах, стоит сказать, что сам по себе статус не является абсолютным показателем компетентности и качества выполненной работы, но его можно признать лучшей существующей гарантией добросовестности. Его наличие предполагает подчинение лица «кодексу профессиональной этики адвоката», но в то же время не стоит забывать о человеческом факторе. По данным Федеральной палаты адвокатов, во втором полугодии 2024 года в Московской области было рассмотрено 253 дисциплинарных дела, 8 из которых рассматривались комиссией повторно [3]. Это говорит о том, что существует работающий механизм за контролем деятельности и наказанием недобросовестных адвокатов.

Мнение о том, что наделение статусом автоматически решит проблему, требует более тщательной проработки. Статус сможет усилить публичное начало, но при этом не устранил

частную природу, то есть не ликвидирует напряжение между рынком юридических услуг и содействием правосудию. На этом основании данная тема уже на протяжении многих лет вызывает дискуссии, находя как сторонников, так и противников инициативы.

Одним из сторонников нововведения выступает судья в отставке с 29-летним опытом Потапенко Сергей Викторович. По его мнению, не каждый выпускник юридического факультета сможет достойно и качественно отстаивать интересы в суде. «Вуз вузу – рознь» говорит о том, что наличие диплома не является показателем мастерства и гарантий профессионально оказанной помощи. В данной инициативе он видит возможность очистить рынок юридических услуг ... повысив уровень доверия населения к адвокатской деятельности. Кроме того, он обращает внимание на то, что законопроект не исключает иные виды представительства, не являющиеся судебными [4].

Член Адвокатской палаты г. Москвы, доктор юридических наук, доцент Рагулин Андрей Викторович, анализируя круглый стол по обсуждению профессионализации судебного представительства, отмечает некоторые выводы противников реформы. Главным образом, предлагаемые изменения противоречат основополагающим конституционным правам и свободам граждан относительно свободного выбора представителя (ст. 48), также свободы предпринимательской деятельности (ст. 34) и свободы труда (ст. 37). Нововведение неизбежно приведет к существенному росту стоимости юридических услуг, ограничивая доступ к правосудию значительной части населения [5, с. 89].

По данным новостного интернет-портала «Известия» рынок судебного представительства в России обеспечивают около 1,5 млн юристов (75,8 тыс. имеют статус адвоката, 440 тыс. юристов не имеют). Цены на услуги адвокатов в настоящее время составляют 5–6 тыс. за час – это почти в 2 раза выше стоимости услуг обычных юристов. Разница определена значительными дополнительными расходами на поддержание статуса, а также членские взносы. Аналитики также отмечают увеличение рабочей нагрузки – сейчас на одного специалиста приходится в среднем 30,3 дела в год. С введением адвокатской монополии нагрузка возрастет до 49,6 дела (увеличение более чем в 1.5 раза). Отмечается, что «даже прогнозируемый переход 10% юристов в адвокатуру не сможет кардинально изменить ситуацию... в первый год после вступления закона в силу цены на адвокатские услуги вырастут, после чего темпы роста замедлятся» [6].

Кроме того, при наличии монополии качество оказываемых услуг может значительно снизиться, из-за отсутствия конкуренции, ведь реализация данной инициативы также может привести к тому, что молодые юристы, которые находятся только в начале своего пути, будут ограничены в возможности получения практического опыта. При реализации законопроекта ужесточатся требования к претенденту на должность адвоката. Увеличится длительность стажировки в адвокатском образовании и повысится сложность квалификационного экзамена, учитывая то, что даже сейчас сдать его не каждому под силу.

Стоит упомянуть и о том, что огромное количество специалистов уйдут в теневую занятость, оказывая нелегальные юридические услуги, а также уходя в смежные профессии. Различные организации, а особенно крупные, станут массово увольнять юристов. Это связано с тем, что они смогут выполнять только ограниченную работу, в частности, лишь связанную с документацией. Либо же требовать от них получения статуса адвоката, чтобы иметь оперативную возможность отстаивать интересы в судах.

Данную проблему поднимала и Венера Шайдуллина – директор исследовательского центра «Аналитика. Бизнес. Право» во время выступления в ходе круглого стола в Госдуме. По ее мнению, ожидается резкий скачок цен примерно на 30%. Это будет вызвано «мгновенным сокращением предложения услуг из-за исчезновения с рынка большинства юристов без адвокатского статуса. Отсутствие ценовой конкуренции со стороны более доступных специалистов и повышенная нагрузка на оставшихся специалистов усилят этот эффект. К 2031 году, с учетом инфляции, цены могут вырасти на 155%» [7]. Подобные разъяснения мы уже отмечали в сводке новостей «Известий». Стоит отметить, что чрезмерная нагрузка также может привести к существенному снижению качества услуг,

оказываемых самими адвокатами, так как они столкнутся с огромными объемами работ, что увеличит риск допустить разного рода ошибки.

Назревшая проблема между соотношением частного и публичного интереса в адвокатуре вызвана тем, что с одной стороны политика нашего государства направлена на обеспечение качественной и доступной юридической помощи, при этом с другой стороны участники процесса свободны в выборе своего законного представителя, конкурирующего на рынке юридических услуг. Так возникает парадокс: законопроект, созданный для повышения качества юридических услуг, может привести к противоположному результату.

В этой связи видится одно решение – найти компромиссный подход. Необходимо вводить обязательные стандарты качества для всех лиц, которые представляют интересы граждан в судах, а также осуществляют их защиту и консультирование. Вместе с этим целесообразно упростить процесс получения адвокатского статуса, для практикующих юристов, обладающих большим опытом, рынок фактически придет к монополии, но более плавно. Данное предложение корректирует условия введение монополии, позволяя избежать дефицита на рынке труда.

Продолжая более мягкий вариант реализации на практике предложения Министерства юстиции, обязательное профессиональное представительство следует ввести в судах первой инстанции по сложным категориям дел, например, в арбитражных судах, по корпоративным спорам или по делам о банкротстве. В мировых и районных судах по несложным делам, не затрагивающим уголовную ответственность, можно сохранить возможность представительства за любыми лицами, имеющими соответствующие полномочия, например начинающими или практикующими юристами. Это позволит снизить нагрузку на адвокатов и сохранить доступность юридической помощи.

Дискуссия об адвокатской монополии порождает глубокие конфликты. Анализ показывает, что вместо введения жесткой монополии целесообразно использовать более гибкие механизмы: упрощение доступа к статусу, дифференциацию требований по инстанциям. Только такой подход позволит сохранить конкурентную среду, повысить качество услуг и не допустить роста социальной напряженности среди юридического сообщества и граждан.

Список литературы

1. Российская газета: официальное печатное издание Правительства Российской Федерации: сайт. – Москва, 2025. – Текст: электронный. - URL: https://rg.ru/2025/02/18/v-zashchite-professionalny.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 25.02.2026).
2. Проект нормативного правового акта № 158248: Федеральный портал проектов нормативных правовых актов: сайт. – Текст: электронный. – URL: <https://regulation.gov.ru/projects/158248/> (дата обращения: 22.02.2026).
3. Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты Московской области за второе полугодие 2024 г. – Текст: электронный. // Сайт Федеральной палаты адвокатов РФ.– URL: <https://fparf.ru/documents/disciplinary-practice/obzor-distiplinarnoy-praktiki-advokatskoy-palaty-moskovskoy-oblasti-za-vtoroe-polugodie-2024-g/> (дата обращения 01.03.2026).
4. Коммерсантъ: советская и российская ежедневная общественно-политическая газета: сайт. – Москва, 2025. – Текст: электронный.– URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7973792> (дата обращения: 24.02.2026).
5. Рагулин, А. В. «Адвокатская монополия»: разоблачение антинародной контрреформы в стенах парламента / А. В. Рагулин // Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 69 – 90.
6. Известия: новостной интернет-портал: сайт. – Москва, 2025. – Текст: электронный - URL: <https://iz.ru/1922287/iana-shturma-valeriia-mishina/predstavitel-s-interesom-stoimost-uslug-advokatov-mozhet-vyrasti-v-razy> (дата обращения 02.03.2026).
7. ТАСС: информационное агентство России, первый единый орган распространения официальной информации страны: сайт. – Москва, 2025. – <https://tass.ru/obschestvo/25379811> (дата обращения 03.03.2026). – Текст: электронный.

ГРАЖДАНСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА РАСПРОСТРАНЕНИЕ НЕДОСТОВЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Марушева Эвелина Валерьевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

marusheva.evelina04@mail.ru

Научный руководитель: Фастович Галина Геннадьевна, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

Fastovich-85@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются особенности гражданско-правовой ответственности за распространение недостоверной информации в условиях цифровой трансформации общества. Рассматриваются механизмы защиты нематериальных благ посредством статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, принципы информационного права, регулирующие достоверность и легитимность распространения сведений, а также проблемы соотношения свободы слова и защиты чести, достоинства и деловой репутации. Особое внимание уделено распределению бремени доказывания, процедуре опровержения и вызовам правоприменения в интернет-среде.

Ключевые слова: гражданская ответственность, недостоверная информация, информационное право, защита чести и достоинства, Гражданский кодекс РФ, опровержение, нематериальные блага, цифровая среда

Современное общество переживает глубокую трансформацию информационных коммуникаций: цифровые платформы, социальные сети и мессенджеры стали основными каналами формирования общественного мнения и обмена сведениями. Совместно с расширением возможностей для свободного выражения мысли возрастает и риск распространения сообщений, не соответствующих действительности. Такие сведения способны причинить вред как отдельным лицам (в виде ущерба деловой репутации, морального страдания), так и обществу в целом (провоцируя дезориентацию, панику или дестабилизацию социальной среды). В этой связи особую актуальность приобретает анализ правовых механизмов, направленных на защиту от недостоверной информации при сохранении конституционного баланса со свободой слова (ст. 29 Конституции РФ) и правом на защиту чести и доброго имени (ст. 23 Конституции РФ). [1]

Гражданско-правовой механизм, закрепленный в статье 152 Гражданского кодекса РФ, является краеугольным камнем в системе защиты нематериальных благ. Эта норма наделяет граждан правом обращаться в суд с требованием опровергнуть сведения, ущемляющие их честь, достоинство или деловую репутацию. Суть данного механизма заключается в перераспределении бремени доказывания: именно на того, кто распространил спорные сведения, возлагается обязанность доказать их достоверность. Такой подход обеспечивает повышенную защиту для пострадавших и соответствует общим принципам охраны личных неимущественных прав. Для полного восстановления нарушенного блага, опровержение должно быть осуществлено с использованием тех же средств и с охватом той же аудитории, что и первоначальное распространение. [4] Помимо опровержения, пострадавший имеет право требовать компенсации морального вреда, размер которой будет определен судом с учетом специфики информации, степени ее публичности и индивидуальных обстоятельств дела.

Информационно-правовое регулирование рассматриваемых отношений базируется на ФЗ от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Закон устанавливает ключевые принципы: обеспечение свободы в поиске, получении и распространении информации с использованием любых способов, не

противоречащих законодательству; введение ограничений на доступ к информации допускается исключительно в случаях, прямо предусмотренных федеральными законами; а также гарантии точности информации и оперативности ее предоставления. Одновременно с этим законодательство запрещает распространение сведений, за неправомерное разглашение которых установлена юридическая ответственность. [2] Таким образом, информационное право формирует правовую среду, в которой гражданско-правовые механизмы защиты приобретают конкретное содержание и процедурное оформление.

Помимо гражданско-правовых способов защиты, закон предусматривает и другие меры. Так, за распространение заведомо ложной информации, имеющей общественное значение, предусмотрена административная ответственность (ст. 13.15 КоАП РФ). Кроме того, уголовное законодательство наказывает за клевету (ст. 128.1 УК РФ) и за распространение ложных сообщений об угрозах безопасности (ст. 207.1, 207.2 УК РФ). Тем не менее, когда речь идет о защите личных нематериальных благ, именно гражданско-правовые методы являются основными. Это связано с тем, что они ориентированы на восстановление нарушенных прав, а не на наказание виновного. Административные и уголовные меры, напротив, в основном служат для предотвращения правонарушений и наказания, и применяются лишь при наличии особых обстоятельств, таких как угроза общественной безопасности или наступление серьезных последствий.

На практике применение норм о защите от недостоверной информации сопряжено с рядом существенных правоприменительных трудностей. Прежде всего, отсутствие в законодательстве четкого определения понятия «недостоверная информация» создает правовую неопределенность, затрудняющую как правильную квалификацию действий распространителя, так и осознанное соблюдение норм самими гражданами. Такая неопределенность открывает пространство для различного толкования одних и тех же сведений в судебной практике. Во-вторых, особую сложность представляет разграничение объективных фактических утверждений, подлежащих проверке на соответствие действительности, и субъективных оценочных суждений, иронии или сарказма, которые в силу своей природы не могут быть признаны ложными в юридическом смысле. [5] Нередко информация подается как личное мнение или предположение, однако воспринимается широкой аудиторией как достоверный факт, что значительно усложняет оценку ее правовой природы. Для разрешения подобных споров суды все чаще обращаются к лингвистической экспертизе, призванной установить характер высказывания, его потенциальную порочащую направленность и отличить заведомо ложное утверждение от допустимой критики или субъективной интерпретации. В-третьих, в условиях цифровой среды затруднено установление прямой причинно-следственной связи между конкретной публикацией и наступившими негативными последствиями - будь то моральный вред, утрата деловой репутации или иные убытки, - особенно учитывая множественность источников информации и вирусный характер ее распространения. В-четвертых, анонимность пользователей, использование прокси-сервисов и трансграничный характер интернет-коммуникаций существенно осложняют установление личности нарушителя, определение юрисдикции и реализацию судебных решений, что требует совершенствования механизмов международного правового взаимодействия. Наконец, сохраняется риск необоснованного ограничения конституционного права на свободу выражения мнения при чрезмерно расширительном толковании норм, что обязывает правоприменителя строго соблюдать баланс между защитой нематериальных благ личности и гарантией свободного обмена мнениями в обществе.

Таким образом, гражданско-правовая ответственность за распространение недостоверной информации, регулируемая статьей 152 ГК РФ, представляет собой эффективный инструмент защиты нематериальных благ личности в цифровой среде. [3] Особенности правовой защиты чести, достоинства и деловой репутации проявляются в специфике процессуальных механизмов: обязанность доказывания соответствия распространенных сведений действительности возлагается на ответчика, опровержение

недостовой информации должно осуществляться тем же способом, которым она была распространена, а потерпевшему предоставляется право на возмещение причиненного морального ущерба. Совокупность этих инструментов направлена на эффективное восстановление нарушенных нематериальных благ. В более широком контексте информационное законодательство формирует правовые основы обращения с информацией, устанавливая границы ее легитимного использования и усиливая тем самым гражданско-правовые способы защиты. При этом центральным элементом справедливого правоприменения выступает соблюдение баланса между двумя конституционными ценностями – необходимостью охраны личной и деловой репутации граждан и одновременной гарантией свободы слова и выражения собственной позиции. [6] Дальнейшее развитие правовых институтов в этой сфере должно быть направлено на уточнение критериев достоверности, совершенствование процедур идентификации нарушителей и укрепление международного сотрудничества в условиях глобального информационного пространства.

Список литературы

1. Официальное разъяснение МВД России. - Текст : электронный // 87.мвд.рф : [сайт]. - URL: <https://87.мвд.рф/news/item/21560051> (дата обращения: 01.03.2026).
2. Елисеев, А. Н. Правовая ответственность за размещение в СМИ и в сети Интернет недостоверной общественно значимой информации. / А. Н. Елисеев. – Текст : электронный // Официальный интернет-портал прокуратуры субъекта Российской Федерации : [сайт]. - URL: <https://prokuratura> (дата обращения: 01.03.2026).
3. Гражданская ответственность за распространение недостоверной информации в сети Интернет. - Текст : электронный // cyberleninka.ru : [сайт]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskaya-otvetstvennost-za-rasprostranenie-nedostovernoy-informatsii-v-seti-internet> (дата обращения: 01.03.2026).
4. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм. от 14.12.2020) // Собрание законодательства РФ. -2020. -№ 51. -Ст. 7390.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. -1994. -№ 32. -Ст. 3301.
6. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. - 2006. -№ 31 (ч. 1). -Ст. 3448.

ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ ТРЕТЬИХ ЛИЦ В АРБИТРАЖНЫХ ПРОЦЕДУРАХ: РАЗВИТИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ИНСТИТУТА

Матвеева Софья Александровна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

itzsonya@mail.ru

Научный руководитель: Орлова Александра Ивановна, кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

ai_orlova@mail.ru

Аннотация. На основе обзора судебных решений и практических примеров предлагаются меры по совершенствованию института: стандартизация процедур, внедрение прозрачных механизмов участия, использование дистанционных технологий и повышение квалификации судей. Представлена комплексная оценка перспектив развития института участия третьих лиц в арбитражных разбирательствах с учетом современных технологических и процессуальных вызовов.

Ключевые слова: арбитражный процесс, третьи лица, Арбитражный процессуальный кодекс РФ, судебная практика, процессуальные права, правоприменение, Красноярский край, дистанционные технологии, процессуальный институт, правовые коллизии

В современных условиях развития арбитражного процессуального права становится особенно актуальным вопрос участия третьих лиц в арбитражных разбирательствах, что связано с необходимостью комплексной защиты прав и законных интересов всех субъектов, затрагиваемых предметом рассматриваемых требований. Несмотря на нормативную регламентацию данного института в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (АПК РФ), практика его применения зачастую порождает многочисленные трудности и коллизии, требующие глубокого анализа и выработки эффективных правовых механизмов. Особое значение имеет изучение судебной практики арбитражных судов, в частности Арбитражного суда Красноярского края в период за 2020 по 2025 годы, что позволяет выявить тенденции, проблемы и потенциальные пути совершенствования института участия третьих лиц.

В соответствии со статьями 50, 51 АПК РФ различаются две категории третьих лиц: заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора и не заявляющие таковых [1]. Третьи лица без самостоятельных требований участвуют в деле для защиты своих прав и интересов, которые могут быть затронуты судебным решением. Их привлечение помогает избежать неблагоприятных последствий: например, преюдициального учета установленных судом обстоятельств или последующего предъявления к ним требований. Такие лица реализуют свои процессуальные права: представляют доказательства, заявляют ходатайства и возражения, дают объяснения, обжалуют судебные акты и участвуют в исследовании доказательств. Привлечь их к участию можно по инициативе суда, самих третьих лиц, либо по ходатайству участников дела.

Третьи лица, обладающие самостоятельными требованиями, по принципу диспозитивности могут присоединиться к процессу исключительно по собственной инициативе, поскольку именно от самих участников предпринимательской и иной экономической деятельности зависит, нуждаются ли их субъективные права и интересы в судебной защите. Различие в порядке их участия наглядно показывает особенности процессуального статуса третьих лиц, предъявляющих и не предъявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора. При этом вопрос о привлечении третьего лица каждый раз решается с учетом конкретных обстоятельств дела и не означает автоматического удовлетворения любого поступившего ходатайства. Однако действующее

законодательство не содержит четких критериев, оснований и условий участия в деле третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора.

Это сказывается на судебной практике: суды нередко ограничиваются формальной отсылкой к ст. 50 и 51 АПК РФ и лаконичным указанием, что спор затрагивает права и обязанности лица, привлекаемого в качестве третьего лица без самостоятельных требований. Иногда арбитражные суды вообще не учитывают, на чьей стороне – истца или ответчика – выступает такое третье лицо.

О.В. Турчина также отмечает, что неопределенность процессуальных норм, регулирующих порядок вступления третьих лиц в процесс, порождает сложные практические ситуации [2].

В то же время практика привлечения судом граждан, организаций, органов государственной власти и местного самоуправления в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований и без указания стороны, в чьих интересах они участвуют, находит поддержку у части ученых.

Так, К.С. Рыжков предлагает расширить основания участия третьих лиц, вводя категорию «обособленного субъекта гражданского судопроизводства», который включается в процесс не на стороне истца или ответчика, а, например, для устранения правовой неопределенности относительно круга участников материального правоотношения, частью которого это третье лицо может стать по итогам рассмотрения дела [3].

Анализ конкретных дел, рассмотренных в Арбитражном суде Красноярского края, преимущественно по части привлечения третьих лиц, позволяет выявить определенную тенденцию к осторожному расширению круга лиц, привлекаемых к участию в разбирательствах без самостоятельных требований, с целью учета их интересов и предотвращения возможных негативных последствий от принимаемых судебных решений. В деле № А33-28670/2023, рассмотренном 31 января 2024 года, на стороне истца к участию было привлечено третье лицо – Управление Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Красноярскому краю, что свидетельствует о стремлении суда обеспечить комплексное рассмотрение вопроса, затрагивающего права и законные интересы не только сторон спора, но и связанных с ним государственных органов [4]. При этом арбитражный суд руководствовался принципами объективности и всестороннего анализа обстоятельств дела, акцентируя внимание на необходимости балансировки процессуальных прав третьих лиц и интересов сторон. Судебная практика также показывает, что вопросы технической реализации участия, например, через системы видеоконференц-связи (как в деле № А33-31805/2020), становятся все более актуальными, что свидетельствует об эволюции института в сторону адаптации к современным технологическим вызовам [5].

Для устранения выявленных проблем и повышения эффективности участия третьих лиц в арбитражных процедурах является необходимым совершенствование законодательной базы и практики ее применения. В частности, целесообразно решение следующих задач:

- внедрение более четких критериев и процедур допуска третьих лиц, с указанием их процессуальных прав и обязанностей, а также стандартизация подходов судебных инстанций к их рассмотрению;
- разработка механизмов повышения прозрачности и доступности информации для третьих лиц, в том числе путем расширения технических возможностей участия, включая использование электронных и дистанционных платформ [6];
- введение института предварительного рассмотрения заявлений третьих лиц с целью оптимизации процесса и исключения злоупотреблений;
- повышение квалификации судей и участников арбитражных процессов по вопросам участия третьих лиц, что позволит обеспечить единообразие правоприменения [7].

Участие третьих лиц в арбитражном процессе остается многоаспектной правовой проблемой, решение которой требует системного подхода, учитывающего современные технологические, процессуальные и социальные реалии. Анализ практики Арбитражного

суда Красноярского края за последние пять лет показывает, что несмотря на наличие нормативного регулирования, необходима дальнейшая работа по гармонизации и повышению эффективности института участия третьих лиц, направленная на создание баланса процессуальных интересов всех участников арбитражного разбирательства [8].

Список литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации. – М.: Юрист, 2025.
2. Турчина, О. В. Третьи лица в гражданском процессе / О. В. Турчина // Вестник ДВЮИ МВД России. 2016. № 1 (34). С. 154-160.
3. Рыжков, К. С. Участие третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, в гражданском процессе. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / К. С. Рыжков. Саратов, 2017.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке» // СПС Консультант Плюс.
5. Мукасева, К. В. Актуальные проблемы участия третьих лиц в арбитражном разбирательстве / К. В. Мукасева, А. Е. Дуйсенова // Вестник Каспийского университета. 2017.
6. Комментарии к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации. – М.: Норма, 2024.
7. Решение Арбитражного суда Красноярского края от 31.01.2024 по делу № А33-28670/2023 // СПС Консультант Плюс.
8. Определение Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 15.01.2025 по делу № А33-31805/2020 // СПС Консультант Плюс.

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ

Павлухина Зинаида Николаевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

simbo77@yandex.ru

Научный руководитель: Сторожева Анна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

storanna2021@mail.ru

Аннотация. В статье поднимаются вопросы выявления и разрешения проблем, связанных с восстановлением родительских прав. Автор предлагает в семейное законодательство внести изменения, относительно вопросов обращения родителей о восстановлении родительских прав.

Ключевые слова: дети, ребенок, семья, лишение родительских прав, восстановление родительских прав

Естественное право родителей и детей на совместное проживание, обусловленное кровным родством, находится под защитой государства, что подтверждается статьями 38 Конституции РФ [1], а также 54 и 68 Семейного кодекса РФ [2]. Конвенция ООН о правах ребенка подчеркивает, что для полноценного развития личности ребенка необходимо его воспитание в семейном кругу, в атмосфере любви и понимания [3]. Однако, к сожалению, не все родители осознают ценность этой возможности и должным образом исполняют свои обязанности.

Серьезные трудности возникают и при восстановлении родительских прав.

Семейное законодательство допускает неоднократное лишение родительских прав и последующее их восстановление. В таких случаях, когда родитель систематически пренебрегает интересами ребенка, но все же сохраняет право на обращение в суд о восстановлении в правах, возникает вопрос о целесообразности. Многие исследователи справедливо полагают, что Семейный кодекс РФ должен содержать запрет на повторное обращение с таким иском, если суд уже дважды восстанавливал родителя в правах, но затем вновь его лишал.

Кроме того, отсутствует четкий минимальный срок для восстановления в родительских правах. Хотя это может способствовать скорейшему воссоединению семьи в случае исправления родителя, практика показывает, что процесс исправления часто затягивается. Восстановление в правах должно быть обусловлено устойчивым и продолжительным изменением поведения родителя, что подразумевает прохождение определенного периода – от трех месяцев до года.

Данный минимальный срок может варьироваться в зависимости от оснований лишения родительских прав. Например, при умышленном преступлении срок должен определяться факторами, устраняющими основание лишения (например, оправданием судом вышестоящей инстанции). Исключением являются случаи хронических психических заболеваний. Установление максимального срока также оправдано, поскольку длительное отсутствие контакта с ребенком и передача его на попечение другим лицам свидетельствует об утрате семейных связей.

Еще одна проблема – сохранение права на общение с ребенком для родителей, лишенных родительских прав. Восстановление в правах возможно только с согласия ребенка старше 10 лет. Однако, согласно статье 71 Семейного кодекса РФ, родитель, лишенный родительских прав, утрачивает все права, включая право на общение. Это создает парадоксальную ситуацию, когда ребенок не может убедиться в позитивных изменениях родителя, а родитель не имеет возможности доказать их. Несмотря на формальный запрет,

общение часто продолжается, и именно его наличие может повлиять на решение суда о восстановлении в правах. В то же время, лишение родительских прав направлено в первую очередь на защиту ребенка, а не на наказание родителя. Поэтому вопрос об общении должен учитываться судом.

Предлагается закрепить право родителя, лишенного родительских прав, на общение с ребенком, если это не противоречит интересам последнего. Органы опеки и попечительства могут играть ключевую роль в предоставлении такого права, оценивая поведение родителя и его образ жизни.

Наблюдается несбалансированность в судебной практике при решении вопроса о восстановлении в родительских правах, когда в аналогичных ситуациях выносятся разные решения. Чаще всего суды восстанавливают в правах при наличии следующих факторов: общение с ребенком, интерес к его жизни, налаженный психологический контакт, участие в содержании (отсутствие задолженности по алиментам), стабильный доход, наличие жилья, положительные характеристики, желание ребенка жить с родителем, прохождение лечения от зависимостей, заключение органа опеки. Законодательство не устанавливает конкретных обстоятельств, но восстановление в правах должно быть в интересах ребенка.

Однако суды могут недооценивать или игнорировать факторы, ставящие под сомнение целесообразность восстановления: удаленность ребенка, неблагоприятные условия в прошлой семье, игнорирование текущих условий жизни родителями органами опеки. В то же время, необоснованные отказы могут быть вызваны отсутствием средств у родителей на адвоката, нехваткой альтернативных организаций помощи, а также субъективным фактором при оценке потенциала родителя.

Для унификации судебной практики предлагается разработать на экспертном уровне рекомендации для правоприменителей и органов опеки. Ключевыми факторами при принятии решений должны стать: текущий социальный статус родителя, риск рецидива зависимостей и правонарушений, а также характер взаимодействия с субъектами профилактики социального сиротства. Это позволит улучшить процесс восстановления в родительских правах, предоставив гарантии родителям, исправившимся, и при этом сохраняя приоритет интересов ребенка.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями и одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Консультант Плюс: Законодательство.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // Консультант Плюс: Законодательство.
3. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989, вступила в силу для СССР 15.09.1990, ратифицирована Постановлением ВС СССР от 13.06.1990 № 1559-1) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Выпуск XLVI. Консультант Плюс.
4. Беспалов, Ю. Ф. Семейно-правовая ответственность и ограничение семейных прав / Ю. Ф. Беспалов // Журнал российского права. 2014. № 2. С. 45-51.
5. Бессчетнова, О. В. Восстановление родительских прав: мнение экспертов / О. В. Бессчетнова // Вестник НГУЭУ. 2018. № 2. С. 302-312.
6. Доржиева, С. В. Актуальные проблемы восстановления в родительских правах / С. В. Доржиева // Евразийская адвокатура. 2017. № 4-29. С. 104-106.

ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВОССТАНОВЛЕНИЯ В РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВАХ, АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ С ЗАРУБЕЖНЫМИ ПРИМЕРАМИ

Павлухина Зинаида Николаевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

simbo77@yandex.ru

Научный руководитель: Сторожева Анна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

storanna2021@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются практические аспекты восстановления в родительских правах на основе анализа судебной практики Российской Федерации и зарубежных стран. Исследуются критерии оценки судами изменения поведения родителей, роль органов опеки и попечительства, значение мнения ребенка при принятии решения. Проводится сравнительный анализ подходов к восстановлению родительских прав в России, США, скандинавских странах и некоторых европейских государствах. На основе проведенного исследования формулируются предложения по совершенствованию российского законодательства с учетом позитивного зарубежного опыта.

Ключевые слова: восстановление родительских прав, лишение родительских прав, судебная практика, интересы ребенка, сравнительное правоведение, органы опеки и попечительства

Институт восстановления в родительских правах занимает особое место в системе мер семейно-правовой защиты прав детей. Как справедливо отмечается в научной литературе, главная задача данного института заключается в достижении наилучших интересов ребенка, а благодаря этой процедуре государство уменьшает количество сирот, что способствует воспитанию более осознанного будущего поколения [1, с. 243].

Восстановление родительских прав – это не просто формальная юридическая процедура, а сложный, многогранный процесс, требующий от суда глубокой оценки не только формальных оснований, но и всего комплекса социальных, психологических и нравственных факторов. При этом, как обоснованно указывает А.Ю. Касаткина, современные правовые механизмы семейно-правовой ответственности несовершеннолетних: «отечественным законодателем до сих пор не определено, в чем именно состоит противоправное поведение при лишении родительских прав; каким образом такое поведение воздействует на жизнь, здоровье, развитие и воспитание ребенка; имеются ли альтернативные меры для устранения противоправности» [2, с. 61].

Целью настоящей статьи является пролить свет на практические тернии применения норм, касающихся восстановления родительских прав. Мы подвергнем анализу судебную практику как России, так и зарубежных стран, и, опираясь на метод сравнительно-правового исследования, представим авторские предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Статья 72 Семейного кодекса Российской Федерации [3] (далее – СК РФ) открывает дверь для восстановления родительских прав, если родители смогли совершить поистине кардинальное преображение: изменить свое поведение, образ жизни и (или) отношение к воспитанию ребенка. Как проницательно подметила А.С. Лозовая, «законодатель предоставил слишком широкое толкование указанным обстоятельствам, поэтому для их конкретизации необходимо обратиться к научным изысканиям» [4, с. 1262].

Анализ судебной практики убедительно демонстрирует, что суды, разрешая столь деликатные дела, неизменно руководствуются именно этими основополагающими критериями. Так, по делу № 2-166/2019, опираясь на показания опекуна ребенка, суд пришел к выводу, что доводы истицы о восстановлении общения с сыном, его стабильном

посещении и пройденном лечении от алкогольной зависимости не нашли должного подтверждения. В результате, в удовлетворении требований о восстановлении в родительских правах было отказано [6].

Противоположный, но не менее показательный пример демонстрирует дело № 2-2395/2018. В этом случае истица представила убедительные факты, неопровержимо свидетельствующие о ее близкой связи с ребенком, искреннем стремлении наладить утраченные отношения, сформировать полноценную семью и избавиться от пагубных привычек. Эти обстоятельства стали весомым основанием для удовлетворения иска [7].

Особую остроту в теории и практике вызывает проблема смешения понятий «восстановление родительских прав» и «отмена ограничения родительских прав». Как справедливо указывает Н.А. Аблятипова, хотя процедуры и схожи, во втором случае родители не лишаются полностью родительских прав, а лишь подвергаются определенным ограничениям. При ограничении родительских прав сохраняется неразрывная правовая связь между родителем и ребенком, и зачастую допускаются их личные контакты [8, с. 44].

В судебной практике нередко встречаются случаи, когда суды одновременно рассматривают требования об отмене ограничения родительских прав и о восстановлении в них. Такое смешение недопустимо, поскольку указанные институты имеют принципиально разную правовую природу: ограничение родительских прав может применяться как при виновном, так и при невиновном поведении родителей (например, при психическом расстройстве, хроническом заболевании, попадании в тяжелые жизненные обстоятельства), тогда как лишение родительских прав является исключительной мерой ответственности за виновное, противоправное поведение.

Особое место в череде вопросов, касающихся восстановления родительских прав, занимает та драгоценная нить – мнение самого ребенка. Закон, словно чуткий камертон, настроен на его голос: согласно пункту 4 статьи 72 Семейного кодекса РФ, вернуть родителя в семью можно лишь с безусловного согласия десятилетнего малыша. Как пронизательно отмечает А.Е. Тарасова, «это означает, что мнению (голосу) несовершеннолетнего придается юридическое значение, степень которого может существенно различаться в зависимости от уровня зрелости и возраста самого несовершеннолетнего» [9, с. 59].

Пленум Верховного Суда РФ, в своем постановлении от 14 ноября 2017 г. № 44, подчеркнул важность прямого диалога с ребенком, разъяснив, что «ребенок, достигший возраста десяти лет, либо в возрасте младше десяти лет (если суд придет к выводу о том, что он способен четко сформулировать свои взгляды по вопросам, затрагивающим его права), может быть опрошен судом непосредственно в судебном заседании с целью всестороннего выяснения его мнения по рассматриваемому вопросу» [10].

Однако, как порой печально свидетельствует анализ судебной практики, эта тонкая, но столь важная процедура выявления истинного мнения ребенка зачастую омрачена существенными недоработками. В Обзоре практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 20 июля 2011 года, звучит тревожное наблюдение: «не всегда выяснялось судами мнение ребенка, достигшего возраста десяти лет, о возможности восстановления родителя в родительских правах» [11].

Именно поэтому А.Е. Тарасова справедливо бьет тревогу, обращая наше внимание на то, что «процедуры, связанные с лишением или восстановлением родительских прав, безусловно, требуют наиболее деликатного и чуткого разрешения. Выяснение мнения несовершеннолетнего целесообразно осуществлять с привлечением органов опеки и попечительства, вне судебного заседания, в присутствии педагога-психолога, в максимально бесконфликтной обстановке, исключая любое влияние заинтересованных лиц» [9, с. 66].

Проведем углубленный сравнительно-правовой анализ, опираясь на опыт зарубежных стран.

В законодательстве Соединенных Штатов Америки вопросам восстановления родительских прав уделяется значительное внимание. В ряде штатов предусмотрена возможность поддержания общения между детьми и родителями даже после лишения

последних родительских прав. Особая важность такого взаимодействия подростка и родителя объясняется тем, что оно может смягчить переходный этап и процесс привыкания к новой, приемной семье, что, в свою очередь, потенциально предотвращает побег из нее.

В США установлен минимальный срок, который должен пройти с момента лишения родительских прав до начала процедуры их восстановления – не менее двух лет. Такой взвешенный подход позволяет обеспечить максимальную стабильность положения ребенка и исключить поспешные, непродуманные решения, которые могут необратимо негативно сказаться на его психоэмоциональном состоянии.

В американской правовой системе, как метко указывает Джошуа Гупта-Каган, «разработан широкий спектр вариантов обеспечения стабильности положения ребенка, предоставляющих реальные альтернативы полному прекращению родительских прав» [12]. Это, безусловно, позволяет дифференцированно подходить к каждой уникальной семейной ситуации, выбирая наиболее оптимальную форму правовой связи между родителями и детьми.

Скандинавские страны, и в частности Норвегия, демонстрируют принципиально иной, более гуманный подход к регулированию родительских правоотношений. В Норвегии с 2020 года Закон о детях автоматически предоставляет совместные родительские права обоим родителям, независимо от их семейного статуса [13]. Это ярко отражает глобальную тенденцию к обеспечению равного участия обоих родителей в воспитании детей.

Что касается восстановления родительских прав, то в скандинавских странах «прекращение родительских прав и принудительное усыновление остаются редкими, исключительными явлениями». Государство здесь ориентировано на сохранение и укрепление связей между детьми, находящимися временно вне родной семьи, и их биологическими родителями. Как отмечается в компаративных исследованиях, «историческая направленность скандинавских стран на поддержание отношений между детьми в приемных семьях и их биологическими родителями должна способствовать открытости для внедрения таких вариантов обеспечения стабильности, которые никогда не ставят под сомнение исключительность родительских прав» [12].

В Швеции, к примеру, отсутствует специальный механизм усыновления, однако предусмотрен институт, эквивалентный опеке, что дает возможность сохранять правовую связь ребенка с его кровными родителями [12].

В семейном законодательстве большинства европейских стран отсутствуют четкие, жестко установленные сроки для восстановления родительских прав. Как указывается в авторитетных зарубежных источниках, «срок после лишения родительских прав до начала процедуры их восстановления должен быть достаточно продолжительным, а суды рассматривают каждый случай индивидуально, не устанавливая незыблемых временных рамок» [1, с. 244].

Такой гибкий, индивидуальный подход позволяет максимально учитывать всю специфику конкретной семейной ситуации. Значительный промежуток времени, отведенный на восстановление, способствует позитивным изменениям в поведении родителя и надежно защищает права ребенка. Примечательно, что в европейской практике «сам факт разлуки с семьей, а также пережитое плохое отношение в родной семье являются для ребенка серьезнейшей моральной травмой» [14, с. 42], поэтому вопрос о возможном возвращении ребенка решается особенно взвешенно и осторожно.

Особый интерес вызывает подход, при котором даже после лишения родительских прав сохраняется возможность общения ребенка с его кровными родителями. Как свидетельствуют зарубежные исследования, «если ребенок воспитывается опекуном (попечителем), усыновителями, приемными родителями или находится под надзором государственной организации для детей, оставшихся без попечения родителей, ему должна быть предоставлена возможность поддерживать контакт с родителем, который был лишен родительских прав, при безусловном условии полного изменения его поведения».

Проведенный анализ позволяет с уверенностью выявить ряд насущных проблем, требующих безотлагательного решения. В российском законодательстве, к великому сожалению, отсутствуют четкие временные рамки для процедуры восстановления родительских прав. Предлагается установить максимальный срок не более пяти лет – по истечении этого периода, при полном отсутствии интереса к ребенку, восстановление должно быть запрещено. Одновременно с этим, целесообразно перенять положительный опыт США, установив минимальный срок – не менее двух лет. Заслуживает пристального внимания и предложение о законодательном закреплении права родителей, лишенных прав, право на общение с ребенком под строгим контролем органов опеки, с обязательным учетом мнения самого ребенка. Такой подход позволит объективно оценить произошедшие в родителях позитивные изменения.

Существует проблема формального участия прокурора в делах о восстановлении. Как указывает А.С. Лозовая, участие прокурора зачастую сводится к формальному заключению без существенной аргументации [4]. Требуется решения вопрос о возможности повторного восстановления, представляется обоснованным мнение о необходимости запрета на повторное восстановление, поскольку это дестабилизирует положение ребенка.

Практика деятельности Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка показывает важность комплексного подхода: применяются меры поддержки, включая помощь в оформлении документов, психологическое консультирование, содействие в улучшении жилищных условий, юридическую помощь. Особо подчеркивается важность последовательной поддержки и сопровождения, чтобы родители чувствовали, что их направляют, а не оставляют один на один с проблемами.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что институт восстановления родительских прав является важным элементом системы защиты прав детей, направленным на реализацию права ребенка на воспитание в кровной семье. Вместе с тем существующее правовое регулирование и правоприменительная практика нуждаются в совершенствовании.

Представляется целесообразным внесение следующих изменений в законодательство Российской Федерации:

1. Установление минимального (не менее двух лет) и максимального (не более пяти лет) сроков для восстановления родительских прав.

Целесообразно дополнить статью 72 СК РФ «Восстановление в родительских правах» следующими положениями, касающимися сроков. Предлагается изложить пункт 1 указанной статьи в новой редакции, а также дополнить статью пунктом 1.1 следующего содержания:

«1. Родители (один из них) могут быть восстановлены в родительских правах по истечении не менее двух лет с момента вступления в законную силу решения суда о лишении родительских прав и не позднее пяти лет с указанного момента, если они изменили поведение, образ жизни и (или) отношение к воспитанию ребенка. Пропуск пятилетнего срока является основанием для отказа в удовлетворении иска о восстановлении в родительских правах, за исключением случаев, когда суд признает уважительными причины пропуска срока, связанные с объективными обстоятельствами, препятствовавшими подаче иска (длительная болезнь, нахождение в местах лишения свободы, участие в боевых действиях), и при условии, что это не противоречит интересам ребенка.

- 1.1. Иск о восстановлении в родительских правах может быть подан не ранее чем по истечении двух лет с момента вступления в законную силу решения суда о лишении родительских прав. Восстановление в родительских правах допускается не более одного раза в отношении одного и того же ребенка, и тех же родителей».

2. Закрепление права родителей, лишенных родительских прав, на общение с ребенком под контролем уполномоченных органов при условии изменения поведения и при отсутствии негативного влияния на ребенка.

3. Установление запрета на повторное восстановление родительских прав.

4. Совершенствование процедуры выявления мнения ребенка с обязательным участием педагогов-психологов вне судебного заседания.

Как справедливо отмечает А.Е. Тарасова, «процедуры выявления мнения и получения согласия ребенка требуют разработки методики работы с детско-родительскими отношениями и применения восстановительных технологий, направленных на сохранение кровной семьи для ребенка, а не формального получения согласия или несогласия» [9, с. 70].

Восстановление родительских прав – это необходимый правовой институт, который требует определенного совершенствования с учетом развития общества и государства. В данном случае можно опираться на правовой и судебный опыт европейских стран и США, но важно не забывать и о национальных и правовых особенностях России.

Список литературы

1. Скорик, К. А. Процедура восстановления родительских прав в России и зарубежных странах / К. А. Скорик // Актуальные проблемы экономики, управления и права: материалы научно-практической конференции. Москва, 2023. – С. 240-244.
2. Касаткина, А. Ю. Ограничение, утрата и восстановление родительских прав: проблемы семейно-правовых механизмов / А. Ю. Касаткина // Вестник Владимирского юридического института. – 2022. – № 3(64). – С. 61-64.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025) // СПС КонсультантПлюс.
4. Лозовая, А. С. К вопросу о восстановлении родительских прав / А. С. Лозовая // Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве: Сборник статей по результатам II Международной научно-практической конференции. Симферополь, 2023. – С. 1259-1265.
5. Костина, С. Е. Восстановление родительских прав как мера защиты прав ребенка - современное состояние и перспективы развития / С. Е. Костина // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2019. – № 1 (126). – С. 119-123.
6. Решение Зейского районного суда (Амурская область) от 25 февраля 2019 г. по делу № 2-166/2019. – Текст: электронный. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/BTF3ttA1tGlo/?ysclid=mm51d3vvhq772374675> (дата обращения: 27.02.2026).
7. Решение Тахтамукайского районного суда (Республика Адыгея) от 13 ноября 2018 г. по делу № 2-2395/2018. – Текст: электронный. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/IMZbrpeSCsHo/?ysclid=mm51hpsz5bh873732374> (дата обращения: 27.02.2026).
8. Аблятипова, Н. А. Ограничение родительских прав: современные проблемы реализации / Н. А. Аблятипова, Ю. С. Луговая // Крымский научный вестник. – 2019. – № 1(22). – С. 44-50.
9. Тарасова, А. Е. Право ребенка на выражение мнения в спорах об ограничении и лишении родительских прав его родителей, отмене ограничения и восстановлении родительских прав: проблемы реализации / А. Е. Тарасова // Социальные науки и детство. – 2025. – Т. 6, № 1. – С. 55-72.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // СПС КонсультантПлюс.
11. Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.07.2011) // СПС КонсультантПлюс.
12. Gupta-Kagan J. Establishing New Permanent Family Relationships in United States and Nordic Child Protection Systems // Exploring Norms and Family Laws Across the Globe. – Rowman & Littlefield, 2022. – Текст электронный. - URL: https://scholarship.law.columbia.edu/faculty_scholarship/3878/ (дата обращения: 27.02.2026).
13. Resseth H.B. Hilde Braaten Resseth writes for Family Law Journal comparing parental responsibility laws in Norway, England and Wales // Family Law Journal. – 2026. – February 17. – Текст электронный. - URL: <https://www.charlesrussellspeechlys.com/en/news-and-events/in-the-press/2026/02/> (дата обращения: 27.02.2026).
14. Фещенко, С. С. Правовые аспекты восстановления в родительских правах / С. С. Фещенко // Лучшие научные тезисы 2022: сборник материалов международного конкурса. Москва, 2022. – С. 41-42.

**ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВРЕД,
ПРИЧИНЕННЫЙ СУДЕБНЫМ ПРИСТАВОМ-ИСПОЛНИТЕЛЕМ:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Пашковский Никита Романович, студент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

wernandpic@gmail.com

Научный руководитель: Дадаян Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

dadaelena.lena@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье поднимается вопрос о реализации института гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный незаконными действиями (бездействием) судебного пристава-исполнителя. На основе анализа судебной практики и доктринальных источников автором исследуются проблемные аспекты доказывания условий такой ответственности, а также процессуальные сложности, возникающие у потерпевших при взыскании убытков с казны Российской Федерации.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, судебный пристав-исполнитель, возмещение вреда, казна Российской Федерации, убытки, исполнительное производство

Институт гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный государственными органами и их должностными лицами, является важнейшим элементом правового государства, гарантирующим защиту прав граждан и организаций от незаконных властных воздействий. В системе принудительного исполнения судебных актов, где судебный пристав-исполнитель наделен широкими властными полномочиями, риск причинения вреда особенно высок. Несмотря на детальную регламентацию данного института в статьях 1069, 1070 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ [1], правоприменительная практика сталкивается с системными проблемами, превращающими процесс возмещения вреда в длительную и ресурсозатратную процедуру.

Вопрос об определении обоснованности требований о возмещении вреда, причиненного действиями (бездействием) судебного пристава-исполнителя, может возникнуть при оспаривании потерпевшим незаконных действий должностного лица. Правовая природа такой ответственности носит уникальный публично-частный характер: вред причиняется при осуществлении публично-властных полномочий, но его возмещение регулируется нормами гражданского деликтного права. Центральная специфика механизма заключается в том, что непосредственным причинителем выступает должностное лицо (пристав), а финансовым ответчиком – государство в лице Российской Федерации [2].

Для наступления гражданско-правовой ответственности по ст. 1069 ГК РФ необходима совокупность условий: наличие вреда, противоправность поведения причинителя, причинно-следственная связь между противоправным поведением и вредом, а также вина причинителя вреда. При этом для государственных органов установлена презумпция вины, что означает возложение бремени доказывания отсутствия вины на ответчика – соответствующий финансовый орган, выступающий от имени казны РФ [3].

Наиболее острая проблема, с которой сталкивается каждый потенциальный взыскатель, – практическая сложность доказывания реального размера убытков, особенно упущенной выгоды, причиненных незаконными действиями пристава. Яркой иллюстрацией служит решение Индустриального районного суда г. Перми по иску ФИО1 к ФССП России [4]. Взыскатель потерпел реальный имущественный вред после того, как судебный пристав-исполнитель, получив от должника 80 000 рублей, ошибочно перечислил их другому лицу.

Суд квалифицировал это как прямые убытки в полной сумме неполученных средств (80 000 руб.), а также признал дополнительные убытки, вызванные длительным незаконным удержанием этих денег, рассчитанные по методике, аналогичной процентам за пользование чужими денежными средствами (ст. 395 ГК РФ) в размере 6 226 руб. 86 коп.

Помимо имущественного, суд признал и нематериальный вред, указав, что противоправное лишение гражданина средств, взысканных через суд, нарушает его личные неимущественные права, причиняет нравственные страдания и подрывает доверие к власти. В результате была взыскана компенсация морального вреда в размере 5 000 рублей. Данное дело наглядно демонстрирует, как неправомерное действие и последующее бездействие государственного органа приводят к комплексу подлежащих взысканию убытков, включая как прямые потери, так и последствия их несвоевременного возмещения.

Существенной процессуальной проблемой является необходимость прохождения «двойного процесса»: сначала административного судопроизводства об установлении факта незаконности действий (бездействия) пристава, а затем – искового производства о взыскании вреда. Такая процессуальная разделенность порождает существенные издержки, увеличение сроков рассмотрения требований и требует от истца высочайшей юридической грамотности в вопросах подведомственности, подсудности и процессуальных сроков [5].

Показательным является пример из практики Коломенского городского суда, который отменил постановление судебного пристава о взыскании исполнительского сбора с гражданина, являвшегося должником по исполнительному производству о временном порядке общения с ребенком [6]. Суд указал, что такое судебное решение по своей правовой природе является обеспечительной мерой, и согласно п. 4 ч. 5 ст. 112 Закона об исполнительном производстве, взыскание исполнительского сбора по судебным актам по обеспечительным мерам не допускается. Данный пример подтверждает, что суд тщательно проверяет наличие прямого законного основания для применения мер ответственности, а его отсутствие влечет отмену неправомерного постановления.

Еще одной проблемой является доказывание причинно-следственной связи при бездействии пристава. Верховный Суд РФ разъяснил, что если пристав, зная о наличии у должника ликвидного имущества, бездействовал и не обращал на него взыскание, и в результате это имущество было отчуждено, то взыскателю причинен вред в виде упущенной возможности получить удовлетворение требований [1]. Такой вред подлежит возмещению за счет казны, причем истец-взыскатель не обязан доказывать, что у должника отсутствует иное имущество.

Примером реализации данного принципа является решение Октябрьского районного суда г. Белгорода по делу № 2-967/2020 [7]. В рамках исполнительного производства судебный пристав-исполнитель на протяжении нескольких лет бездействовал, не накладывая арест на недвижимое имущество должника, что позволило последнему реализовать его. Данное бездействие было признано незаконным в административном порядке, а сам пристав осужден за халатность. Суд взыскал с Российской Федерации в лице ФССП России компенсацию морального вреда в размере 100 000 рублей.

Практика знает также примеры ошибок в идентификации лица, когда вред причиняется гражданину, ошибочно принятому за должника. Решение Ленинского районного суда г. Тамбова по делу № 2-1019/2020 демонстрирует взыскание с казны не только сумм незаконно списанных средств, но и компенсации морального вреда за причиненные переживания и ущемление прав из-за технической ошибки в базе данных ФССП [8].

Совершенствование механизма возмещения вреда требует комплексного подхода. Представляется необходимым законодательное закрепление презумпции причинения вреда определенного вида наиболее распространенными незаконными действиями (например, незаконный арест счета презюмирует упущенную выгоду от блокировки оборотных средств). Также важным направлением является создание целевого резервного фонда при ФССП России или Министерстве финансов, гарантированно обеспечивающего исполнение

судебных решений о взыскании вреда. Наконец, требуется законодательное введение возможности заявления требований о возмещении вреда непосредственно в рамках дела об оспаривании действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя, что позволит упростить процедуру и сократить сроки защиты нарушенных прав.

Таким образом, институт гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный судебным приставом-исполнителем, является необходимым элементом правового государства, призванным уравновесить властные полномочия и права личности. Однако на практике эта конструкция сталкивается с препятствиями процедурного, доказательственного и организационного характера, которые существенно снижают ее эффективность. Реализация предложенных мер позволит трансформировать существующий механизм из декларативной нормы в реально работающий инструмент справедливости и восстановления нарушенных прав.

Список литературы

1. О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 нояб. 2015 года № 50 (ред. от 19.11.2024) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.02.2026).
2. Казаков, А. О. Взыскание убытков за нарушения, допущенные судебным приставом-исполнителем на стадии исполнительного производства / А. О. Казаков // *Ex jure*. – 2024. – № 2. – С. 77–83.
3. Николаев, Д. О. Институт возмещения вреда, причиненного Федеральной службой судебных приставов / Д. О. Николаев // *Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки*. – 2024. – Т. 166, Кн. 3. – С. 156–169.
4. Решение по делу № 2-335/2024: заочное решение Индустриального районного суда г. Перми от 11 января 2024 года // Судебные и нормативные акты РФ: интернет-портал. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.02.2026).
5. Гальперин, М. Л. Исполнительное производство: учебник для вузов / М. Л. Гальперин. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2025. – 245 с.
6. Решение по делу № 2А-2019/2020: решение Коломенского городского суда Московской области от 13 сентября 2020 года // Судебные и нормативные акты РФ: интернет-портал. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.02.2026).
7. Решение по делу № 2-967/2020: решение Октябрьского районного суда г. Белгорода от 1 июля 2020 г. // Судебные и нормативные акты РФ: интернет-портал. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.02.2026).
8. Решение по делу № 2-1019/2020: решение Ленинского районного суда г. Тамбова от 26 июля 2020 года // Судебные и нормативные акты РФ: интернет-портал. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.02.2026).

ПРОБЛЕМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ПОДПИСИ

Потехина Елизавета Сергеевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

potekhina_2002@list.ru

Научный руководитель: Сторожева Анна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

storanna2021@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования электронной подписи в судопроизводстве обусловлена цифровизацией правосудия, ростом электронного документооборота и необходимостью обеспечения юридической силы цифровых доказательств. Переход на электронное правосудие требует четких правил применения электронной подписи для подачи исков, ходатайств и ознакомления с материалами дел.

Ключевые слова: судопроизводство, проблемы, электронная подпись

Законодательство РФ активно внедряет электронные подписи, делая их обязательными или рекомендованными для обеспечения юридической значимости в судебном делопроизводстве.

Основным документом, регулирующим использование электронных подписей в РФ, является Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» [1]. Он определяет три вида электронной подписи: простую, усиленную неквалифицированную и усиленную квалифицированную, устанавливая правила их использования, требования к аккредитованным удостоверяющим центрам и порядок признания подписей.

Указом Президента РФ от 9 мая 2017 года № 203 была утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы [2], определяющая цели и меры государственной политики в сфере информационно-коммуникационных технологий. Она формирует национальную цифровую экономику, обеспечивает технологическую независимость, защиту граждан в цифровом пространстве и развитие отечественных технологий.

Цифровизация представляет собой процесс, в ходе которого во многие сферы общественной жизни внедряются цифровые и компьютерные технологии. Процесс цифровизации прочно входит во многие отрасли: в экономику, науку, образование и здравоохранение [3, с. 172].

Важнейший конституционный принцип доступности правосудия, закрепленный в статье 46 Конституции Российской Федерации [4], обеспечивается возможностью подачи иска, иных процессуальных документов в электронной форме.

Приемлемость цифровых документов в суде – важная юридическая проблема, требующая подтверждения достоверности, целостности и подлинности информации. Основная сложность заключается в отсутствии единых стандартов оценки, необходимости использования квалифицированной электронной подписи.

Использование электронных подписей и цифровых сертификатов помогает установить подлинность и целостность цифровых документов, а системы электронного документооборота обеспечивают надежное хранение, юридическую значимость, прозрачный жизненный цикл, быстрый обмен и структурированный архив документов [5, с. 36].

Е.Д. Земцова и А.М. Манцыгин приходят к выводу, что электронная подпись является более надежным средством идентификации, чем собственноручная, значительно упрощает подачу документов, снижает процессуальные риски, но требует совершенствования законодательного регулирования для однозначной оценки доказательств [6, с. 140].

Проблемы с электронной подписью в суде часто касаются подтверждения подлинности, целостности документа и правомочности подписанта. Основные сложности включают в себя необходимость использования именно усиленной квалифицированной подписи, сложности с проверкой истекших сертификатов, а также разную интерпретацию судами допустимости электронных доказательств.

Суды часто не принимают электронные документы без усиленной квалифицированной электронной подписи или с истекшим на момент проверки сертификатом, так как это нарушает требования к юридической значимости. Для большинства судебных дел и взаимодействия с госорганами необходима именно квалифицированная подпись, которая признается аналогом собственноручной [7, с. 78].

Электронная подпись представляет собой обязательный элемент при подаче документов в суд в электронном виде, обеспечивающий их юридическую силу, равную собственноручной подписи. Использование усиленной квалифицированной электронной подписи позволяет подтвердить личность заявителя, целостность и подлинность документов в арбитражных судах и судах общей юрисдикции [8, с. 25].

Электронная подпись значительно экономит время и ресурсы, позволяя подписывать и передавать юридически значимые документы удаленно без личного присутствия сторон. Этот инструмент, актуальный в условиях цифровизации и высокого темпа жизни, ускоряет документооборот, оптимизирует бизнес-процессы и делает взаимодействие сторон эффективным, безопасным и быстрым, исключая необходимость физического обмена бумагами.

Для отправки обращений через систему «Мой арбитр» или ГАС «Правосудие» чаще всего необходима усиленная квалифицированная электронная подпись. Кроме того, обращения в суд в виде электронных документов должны быть подписаны УКЭП лица, подающего документ. При отправке скан-копий бумажных документов их можно заверять простой электронной подписью или усиленной квалифицированной электронной подписью.

Документ с усиленной квалифицированной электронной подписью приравнивается к оригиналу, что важно для кассационных жалоб и других процессуальных актов.

Согласно пункту 1.1 Порядка, утвержденного Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251 [9], в качестве ключа простой электронной подписи для подачи документов в суды используется учетная запись физического лица в ЕСИА (Единой системе идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме). Данный ключ применяется при подаче обращений через личный кабинет, размещенный на официальном сайте суда (или интернет-портале ГАС «Правосудие»).

Для повышения доступности правосудия и упрощения подачи документов, Верховный Суд РФ мог бы выпустить Пленум, разъясняющий использование сервиса «Правосудие». Такие разъяснения снизят барьеры для граждан и сделают цифровое правосудие более доступным.

М.В. Перова, С.В. Иванов и А.Е. Ляхнович выделяют в качестве барьеров низкую правовую грамотность пользователей, технические сложности и риски безопасности. Авторы приходят к выводу о необходимости усиления ответственности за неправомерное использование электронной подписи, централизацию удостоверяющих центров и переход на облачные технологии для повышения удобства и защиты данных [10, 169].

А.А. Щетинин и А.В. Селин подчеркивают, что дальнейшее развитие электронной цифровой подписи в России зависит от гармонизации технической защиты данных с правовыми нормами [11, с. 431].

Таким образом, внедрение электронных подписей в судопроизводстве направлено на цифровизацию процессов, повышение эффективности и юридической силы цифровых документов. Электронная подпись обеспечивает высокий уровень защиты, приравнивая

электронный документ к бумажному. Использование электронных подписей в судопроизводстве РФ позволяет подавать иски, ходатайства и жалобы в электронном виде через системы «Мой арбитр» и «ГАС «Правосудие».

Использование электронной подписи значительно ускоряет документооборот и позволяет участвовать в процессах дистанционно.

Квалифицированная электронная подпись – наиболее защищенный вариант, подходящий для любых документов.

Список литературы

1. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.
2. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.
3. Романова, Н. Л. О некоторых проблемах цифровизации правосудия / Н. Л. Романова, В. Э. Гаджиев // Искусство правоведения. 2025. № 2 (14). С. 170-176.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Консультант Плюс: Законодательство.
5. Собакина, В. А. Подписание электронных документов / В. А. Собакина // Бюджетный учет. 2023. № 8 (224). С. 36.
6. Земцова, Е.Д. Применение электронной подписи в гражданском судопроизводстве / Е. Д. Земцова, А. М. Манцыгин // В сборнике: Юридическая клиника: тенденции и перспективы развития бесплатной юридической помощи. Сборник материалов V Международной научно-практической конференции. Москва, 2024. С. 137-143.
7. Попов, В. И. Возможности фиксации, предоставления и использования электронных доказательств при рассмотрении дел, вытекающих из предпринимательской и иной экономической деятельности / В. И. Попов, А. Ю. Красноглазов // Гуманитарный научный журнал. 2025. № 8-1. С. 76-80.
8. Коваль, А. А. Актуальные проблемы применения электронной цифровой подписи / А. А. Коваль, П. В. Каледина // В сборнике: Информационные технологии в науке и образовании. Проблемы и перспективы. Сборник статей по материалам XII Всероссийской научно-практической конференции. Пенза, 2025. С. 25-27.
9. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 № 251 (ред. от 24.07.2025) «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» // Бюллетень актов по судебной системе. 2017. № 2.
10. Перова, М.В. Проблемы в использовании электронной подписи / М. В. Перова, С. В. Иванов, А. Е. Ляхнович // В сборнике: Актуальные аспекты развития науки и общества в эпоху цифровой трансформации (шифр – МКАА). Сборник материалов XXII Международной научно-практической конференции. Москва, 2025. С. 164-169.
11. Щетинин, А. А. Электронная цифровая подпись: проблемы и перспективы использования в правовой системе России / А. А. Щетинин, А. В. Селин // В сборнике: Современные тенденции в развитии Российской юридической науки. Сборник научных статей. Ростов-на-Дону, 2025. С. 429-431.

ЭЛЕКТРОННОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Потехина Елизавета Сергеевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

potekhina_2002@list.ru

Научный руководитель: Сторожева Анна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

storanna2021@mail.ru

Аннотация. В настоящий момент существует необходимость в комплексном изучении электронного правосудия в гражданском процессе, поскольку происходит активное внедрение электронного документооборота. Возникновение новых средств доказывания влияет на принцип непосредственности, который также требует пересмотра.

Ключевые слова: электронное судопроизводство, проблемы, актуальные аспекты

Электронное правосудие представляет собой такой подход к судебному процессу, который использует информационно-коммуникационные технологии с целью обеспечения высокого уровня эффективности и прозрачности.

Кроме того, электронное правосудие является неотъемлемой частью модернизации судебной системы России. Оно открывает широкие возможности для повышения эффективности, прозрачности и доступности гражданского судопроизводства.

В настоящее время компьютерные и информационные технологии затрагивают практически все сферы общественной жизни, что также касается деятельности и функционирования судебной власти. Можно сказать, что наиболее актуальными вопросами являются проблемы цифровизации правосудия в Российской Федерации.

Цифровизация правосудия является логическим развитием процессов, касающихся информатизации и компьютеризации судоустройства. Цель планомерного внедрения информационных технологий – это создание полноценной системы искусственного интеллекта, которая будет сопровождать процесс судебного рассмотрения дел, охватывая всех участников судебного разбирательства[1, с. 19].

Несмотря на то, что в настоящее время электронное правосудие все больше развивается, сервисы не могут учитывать все существующие аспекты судопроизводства. Вследствие этого возникают определенные проблемы.

Важнейший конституционный принцип доступности правосудия, закрепленный в статье 46 Конституции Российской Федерации[2], обеспечивается возможностью подачи иска, иных процессуальных документов в электронной форме, а также возможностью проведения полноценного заседания посредством использования видеоконференц-связи и веб-конференции.

Возможность осуществления судебного процесса – от подачи иска до вынесения судебного решения – в дистанционном формате является наиболее перспективным вариантом решения проблем, связанных с территориальной доступностью правосудия для граждан и организаций[3, с. 288].

Доступность в сети «Интернет» текстов решений судов всех уровней и звеньев видится важнейшим средством обеспечения принципа гласности правосудия, закрепленного в статье 123 Конституции Российской Федерации.

Цифровые технологии с каждым годом становятся все более востребованными в рамках осуществления судопроизводства. Так, портал ГАС «Правосудие» обладает популярностью у пользователей.

Цифровые документы имеют ряд преимуществ, такие как повышение эффективности, улучшение доступности и снижение затрат. Однако их использование сопряжено с

юридическими сложностями, включая вопросы допустимости в судебных процессах, требования к электронным подписям, а также правовые аспекты хранения и управления такими документами.

Одной из ключевых проблем является признание цифровых документов в суде. Для их юридической силы необходимо соблюдение определенных условий, таких как аутентичность, точность и надежность. Применение электронных подписей и цифровых сертификатов способствует подтверждению подлинности и целостности документов, а системы электронного документооборота помогают обеспечить правильное хранение и управление ими.

Гражданский процесс развивается в соответствии с модернизацией общества, на которое влияет технический прогресс. В условиях формирования информационного общества возникает необходимость внедрения новых компьютерных технологий. Поэтому важными становятся вопросы внедрения систем электронного документооборота, обеспечивающих защиту передаваемых данных через механизмы проверки подлинности и корректности документов. В гражданском процессе все чаще используются электронные доказательства как новая форма подтверждения фактов.

Часто в судебных разбирательствах стороны пытаются использовать электронную переписку как доказательство, но суды относятся к ней с недоверием, если она не имеет официального статуса. На практике переписка по электронной почте признается доказательством только в случае, если договор содержит указание на электронные адреса сторон для обмена сообщениями [5; 6].

Таким образом, если в договоре или других документах отсутствует фиксация электронных адресов, с которых ведется юридически значимый обмен, представленные сторонами переписки не принимаются судом как допустимое доказательство [7]. Однако при взаимном подтверждении факта переписки обеими сторонами такое доказательство может быть признано относимым, если нет иных препятствий [8].

Аналогичная ситуация наблюдается с сообщениями, передаваемыми через мессенджеры и мобильные приложения. Здесь пока нет единого подхода, но в большинстве случаев переписка приобретает юридическую силу после нотариального заверения в установленном порядке [9].

Кроме того, суды иногда признают в качестве электронных доказательств скриншоты интернет-ресурсов, которые чаще всего используются в делах о защите интеллектуальных прав [10, с. 35].

Следует отметить, что электронное правосудие должно предполагать полную цифровую трансформацию процесса, включая внедрение искусственного интеллекта. Без ИИ невозможно говорить об электронном правосудии, поскольку правосудие – это когнитивная и аналитическая деятельность разума, будь то человеческого или искусственного [11, с. 10].

Заслуживает внимания определение искусственного интеллекта, которое дал А.В. Малышкин: «Сущностными признаками искусственного интеллекта являются: способность автономной работы и обмена данными с окружающей средой; способность обучаться на основе полученного опыта и в процессе взаимодействия с окружающей средой; способность адаптировать свои решения под изменяющимися обстоятельствами» [12, с. 446].

Следует сказать, что в современной научной литературе применение электронного правосудия в основном сводится только к делопроизводству, оценке доказательств и установлению юридически значимых обстоятельств.

В.К. Андреев, В.А. Лаптев и С.Ю. Чуча определяют следующие направления применения искусственного интеллекта в судопроизводстве: обработка естественного языка, использование цифрового протокола вместо протокола на бумажном носителе, хранение данных в «судебном облаке», установление отдельных юридически значимых обстоятельств, например определение срока исковой давности [13, с. 26].

В России на сегодняшний день уже начинает формироваться правовая база для развития электронного правосудия. Очевидно, что одного только нормативного регулирования недостаточно – необходимо внедрение IT-решений и разработка специализированного программного обеспечения. В этом направлении, как нам кажется, государство создает благоприятные условия [14, с. 128].

Поскольку цифровизация продолжает формировать правовую сферу, важно, чтобы юристы и регулирующие органы работали сообща, чтобы гарантировать, что цифровые технологии используются таким образом, чтобы способствовать справедливости, беспристрастности и защите прав и интересов.

В качестве мер совершенствования электронного правосудия можно предложить следующее:

1) перейти полностью на использование искусственного интеллекта для автоматизации приказного производства (вынесения судебных приказов по бесспорным требованиям) и подготовки черновиков судебных актов. Идея полной автоматизации приказного производства с помощью искусственного интеллекта – одна из самых обсуждаемых тем в юридическом сообществе.

В частности, искусственный интеллект будет проверять наличие всех обязательных реквизитов, корректность расчета госпошлины и соответствие формальным требованиям закона. Если формальные признаки соблюдены, система автоматически сгенерирует судебный приказ

2) перейти на электронные уведомления: участники дел будут получать судебные повестки и письма в личный кабинет на портале «Госуслуги», что исключит задержки, связанные с бумажной почтой;

3) полностью перейти на дистанционное ознакомление с материалами дел, то есть обеспечение возможности просмотра всех томов дела в оцифрованном виде через личный кабинет, которое сейчас доступно не во всех судах.

Список литературы

1. Михайлива, С. А. Особенности электронного судопроизводства / С. А. Михайлива // Студенческий вестник. 2025. № 41-4 (374). С. 19-20.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Консультант Плюс: Законодательство.
3. Ракитина, Л. Н. Электронное судебное решение как проявление идентичности российского судопроизводства / Л. Н. Ракитина // В книге: Современная правовая система России: наследие Победы и взгляд в будущее. Сборник тезисов докладов по материалам 4.1 Саратовского юридического форума. Саратов, 2025. С. 285-289.
4. Собакина, В. А. Подписание электронных документов / В. А. Собакина // Бюджетный учет. 2023. № 8 (224). С. 36 – 40.
5. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.01.2023 № 17АП-15202/2022-ГК по делу № А60-32445/2022 // Консультант Плюс: Судебная практика.
6. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 15.12.2022 № 08АП-13987/2022 по делу № А46-10667/2022 // Консультант Плюс: Судебная практика.
7. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 22.03.2022 № 88-7175/2022 по делу № 2-630/2021 // Консультант Плюс: Судебная практика.
8. Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 09.02.2022 № 20АП-8338/2021 по делу № А62-4088/2021 // Консультант Плюс: Судебная практика.
9. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.03.2022 № 11АП-1615/2022 по делу № А49-11114/2019 // Консультант Плюс: Судебная практика.
10. Юдкина, С. П. Проблемы использования электронных доказательств в гражданском процессе в эпоху развития электронного правосудия / С. П. Юдкина // Научный форум Гарант: право, бухгалтерский учет и аудит. 2023. № 1. С. 35 – 40.
11. Зуев, С. В. Электронное уголовное судопроизводство как система / С.В. Зуев // В сборнике: Актуальные вопросы расследования преступлений в условиях развития цифровых технологий. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 20-летию кафедры криминалистики и кафедры уголовного процесса. Уфа, 2025. С. 9-12.
12. Малышкин, А. В. Интегрирование искусственного интеллекта в общественную жизнь: некоторые этические и правовые проблемы / А. В. Малышкин // Вестник СПбГУ. Право. 2019. Т. 10. №. 3. С. 445 – 449.
13. Андреев, В. К. Искусственный интеллект в системе электронного правосудия при рассмотрении корпоративных споров / В. К. Андреев, В. А. Лаптев, С. Ю. Чуча // Вестник СПбГУ. Право. 2020. Т. 11. № 1. С. 26 – 31.
14. Свирин, Ю. А. Размышления о гражданском процессе (монография) / Ю. А. Свирин. М.: Прометей, 2022. 230 с.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЕТЕРИНАРНОГО ОБОРУДОВАНИЯ

Пухова Екатерина Владимировна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

katya.puhova.05@mail.ru

Симбирева Анастасия Михайловна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

nastya.simbirva@bk.ru

Научный руководитель: Бородин Игорь Анатольевич, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

igoriborodin@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы нормативно-правового регулирования оборота, стандартизации и эксплуатации ветеринарного оборудования в России. Анализируется коллизия между нормами гражданского законодательства, регулирующего отношения собственности и купли-продажи, и специальными требованиями Закона РФ «О ветеринарии» и подзаконных актов. Особое внимание уделяется отсутствию унифицированной классификации ветеринарного оборудования как объекта прав, правовым последствиям использования несертифицированной техники и вопросам привлечения к ответственности. В работе обосновывается необходимость принятия специализированного технического регламента и внесения изменений в действующее законодательство для устранения правовой неопределенности.

Ключевые слова: ветеринарное оборудование, правовое регулирование, Закон о ветеринарии, гражданский кодекс, техническое регулирование, безопасность, стандартизация, ветеринарная деятельность, ответственность, оборот оборудования

Актуальность темы исследования обусловлена стремительным развитием агропромышленного комплекса и ветеринарной медицины в Российской Федерации. Внедрение высокотехнологичного оборудования (аппараты УЗИ, рентгеновские установки, системы для лабораторной диагностики, оборудование для хирургии и искусственного осеменения) требует адекватного правового сопровождения. Однако существующая нормативная база характеризуется фрагментарностью и наличием пробелов в регулировании ветеринарного оборудования как специфического объекта гражданского оборота.

С одной стороны, отношения по поводу купли-продажи, аренды или лизинга оборудования регулируются Гражданским кодексом РФ (далее - ГК РФ). С другой стороны, эксплуатация этого оборудования напрямую влияет на благополучие и безопасность продукции животного происхождения, что выводит данные отношения в сферу действия Закона РФ от 14.05.1993 N 4979-1 «О ветеринарии» и норм технического регулирования.

Первая и фундаментальная проблема лежит в том, что отсутствует легальное определение понятия «ветеринарное оборудование». ГК РФ оперирует общими категориями: «вещь», «оборудование», «сложная вещь» (ст. 134 ГК РФ), «главная вещь и принадлежность» (ст. 135 ГК РФ). Однако специфика ветеринарного оборудования не позволяет применять к нему общие правила без учета функционального назначения.

Закон РФ от 14.05.1993 № 4979-1 «О ветеринарии» (далее - Закон о ветеринарии) также не содержит дефиниции «ветеринарное оборудование». В Законе говорится о «средствах ветеринарного применения», что является более узким понятием, включающим преимущественно лекарственные средства и биопрепараты.

Отсутствие четкой классификации в Общероссийском классификаторе продукции по видам экономической деятельности (ОКПД 2) приводит к тому, что одно и то же

оборудование (например, холодильник) может квалифицироваться и как бытовое, и как медицинское, и как ветеринарное. Это влечет за собой правовую неопределенность при применении мер государственной поддержки сельхозтоваропроизводителей, при начислении амортизации (как основное средство) и при сертификации [8, 376].

Соответственно, необходимо на законодательном уровне закрепить понятие «ветеринарное оборудование» в Законе о ветеринарии, определив его как «технические средства, приборы и устройства, предназначенные для проведения диагностических, лечебных, профилактических мероприятий в отношении животных, а также для обеспечения ветеринарно-санитарного благополучия».

Оборот ветеринарного оборудования подчиняется общим нормам ГК РФ о купле-продаже, поставке, аренде. Однако анализ судебной практики показывает, что основная масса споров возникает не из-за неисполнения обязательств по оплате, а из-за ненадлежащего качества оборудования [6, 79-80].

Проблема заключается в том, что качество ветеринарного оборудования должно соответствовать не только условиям договора, но и обязательным требованиям, установленным для данного вида продукции. Здесь возникает коллизия между диспозитивностью гражданского права и императивностью публичного (ветеринарного) законодательства.

В соответствии с Законом о ветеринарии, ветеринарные мероприятия проводятся с использованием зарегистрированных в установленном порядке средств. Хотя закон говорит о «средствах», правоприменительная практика распространяет это требование и на оборудование, напрямую контактирующее с животными или влияющее на результаты диагностики (например, аппараты для УЗИ-диагностики стельности).

Продавец, передавший оборудование без необходимых сертификатов или свидетельств о государственной регистрации (если они требуются), нарушает требования не только договора, но и публичного порядка. Покупатель (ветеринарная клиника, фермерское хозяйство) в таком случае лишается возможности легально использовать это оборудование в своей деятельности, что является основанием для расторжения договора и взыскания убытков на основании ст. 15 и ст. 475 ГК РФ [3, 29-30].

Наиболее острой проблемой является отсутствие единого технического регламента на ветеринарное оборудование. В настоящее время действует разрозненная система стандартов (ГОСТы), многие из которых были разработаны еще в СССР или являются добровольными.

Согласно Закону о ветеринарии, ветеринарные правила (ВП) и ветеринарные нормы и правила (ВНП) являются обязательными для исполнения. Однако они регламентируют порядок проведения мероприятий (например, дезинфекции), но не содержат требований к оборудованию, с помощью которого эти мероприятия проводятся.

На практике возникают казусы: дезинфекционная установка формально соответствует ГОСТу как промышленное изделие, но не обеспечивает требуемых параметров обработки, установленных ветеринарными правилами. Ответственность за такое несоответствие законодательно не урегулирована.

В соответствии с Федеральным законом «О техническом регулировании», подтверждение соответствия может быть обязательным (если продукция включена в единый перечень) или добровольным. Ветеринарное оборудование зачастую подпадает под действие технических регламентов. Однако регламенты устанавливают общие требования безопасности (электробезопасность, механическая безопасность), игнорируя ветеринарно-санитарные аспекты (легкость очистки, устойчивость к агрессивным дезсредствам и т.п.).

Таким образом, возникает «правовой вакуум»: оборудование безопасно для человека, но потенциально опасно для животных или может служить фактором передачи инфекций.

В соответствии с Законом о ветеринарии, ветеринарные специалисты обязаны соблюдать правила использования средств ветеринарного применения. Контролирующие органы (Россельхознадзор) при проверках ветеринарных клиник оценивают наличие

необходимого оборудования согласно перечням, утвержденным региональными органами управления ветеринарией, либо согласно правилам добровольной сертификации.

Отсутствие четкого федерального стандарта оснащения приводит к тому, что требования к одному и тому же виду оборудования (например, к хирургическому столу или стерилизатору) в разных регионах могут трактоваться по-разному. Это нарушает принцип единства экономического пространства, закрепленный в ст. 8 Конституции РФ, и создает административные барьеры для ведения бизнеса [5, 58-59].

Вопрос ответственности за использование некачественного или несертифицированного оборудования является комплексным и регулируется нормами ГК РФ, КоАП РФ и УК РФ.

Владелец животного, которому причинен вред вследствие использования неисправного оборудования (например, ожог при физиотерапии), вправе требовать возмещения убытков с ветеринарной клиники (ст. 1068 ГК РФ - ответственность за вред, причиненный работником). Если же вред причинен источником повышенной опасности (например, рентгеновская установка), ответственность наступает независимо от вины (ст. 1079 ГК РФ).

Нарушение ветеринарно-санитарных правил, в том числе правил эксплуатации оборудования, влечет ответственность по ст. 10.6 КоАП РФ. Штрафы налагаются как на должностных лиц, так и на юридических лиц. Проблема здесь в доказывании: часто сложно установить причинно-следственную связь между использованием конкретной единицы оборудования и возникновением инфекционного заболевания [4, 112].

В случае гибели животных в крупном размере или массового отравления населения продукцией животноводства, действия (бездействие) ветеринарных врачей могут быть квалифицированы по ст. 249 УК РФ (нарушение ветеринарных правил). Если будет доказано, что нарушение правил стало возможным из-за конструктивных недостатков оборудования, ответственность может быть возложена на производителя (ст. 238 УК РФ – производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности) [7, 207].

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы и предложения по совершенствованию правового регулирования ветеринарного оборудования:

Во-первых, наличие проблем в части терминологии. Действующее законодательство (ГК РФ и Закон о ветеринарии) не содержит легального определения понятия «ветеринарное оборудование». Отсутствие четкой классификации затрудняет правоприменение в сфере стандартизации и налогообложения.

Предлагается внести изменения в Закон РФ «О ветеринарии», дополнив ее понятийный аппарат термином «ветеринарное оборудование» и определив его существенные признаки.

Во-вторых, отмечается несовершенство технического регулирования. Регулирование оборота ветеринарного оборудования подпадает под общие технические регламенты, которые не учитывают специфику ветеринарно-санитарных требований. Требования к оборудованию, содержащиеся в ветеринарных правилах (ВП), носят отсылочный характер. В связи с чем предлагается инициировать разработку специализированного технического регламента «О безопасности ветеринарного оборудования» либо внести дополнения в существующие профильные регламенты, устанавливающие обязательные требования к материалам, конструкции и маркировке оборудования, контактирующего с животными.

В-третьих, ввиду наличия коллизии гражданского и публичного права в части заключения договоров купли-продажи отмечаются риски признания сделок недействительными или невозможности использования оборудования по назначению. Представляется целесообразным дополнить ст. 469 ГК РФ положением о том, что товар, предназначенный для использования в ветеринарной деятельности, должен соответствовать обязательным требованиям, установленным законодательством о ветеринарии. Это придаст таким требованиям характер существенных условий договора.

В-четвертых, проблема стандартизации оснащения сводится к тому, что отсутствие унифицированного федерального перечня минимальных требований к оснащению ветеринарных учреждений приводит к неравенству условий ведения бизнеса и сложностям при проведении контрольно-надзорных мероприятий. Соответственно, необходимо на федеральном уровне утвердить Примерные правила оснащения ветеринарных клиник и лабораторий, закрепив перечень обязательного оборудования и требования к его поверке и калибровке.

Решение обозначенных проблем будет способствовать повышению уровня благополучия, защите прав потребителей ветеринарных услуг и созданию прозрачных условий для производителей и поставщиков ветеринарного оборудования.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 16.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. ст. 410.
2. Закон РФ от 14.05.1993 № 4979-1 (ред. от 29.12.2025) «О ветеринарии» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 24. ст. 857.
3. Арндт, О. В. Несовершенство правового регулирования ветеринарной деятельности в РФ и пути его преодоления / О. В. Арндт // Актуальные проблемы современной России: психология, педагогика, экономика, управление и право. Сборник статей и тезисов. - 2021. - С. 28–31.
4. Боровков, М. Ф. Ветеринарно-санитарная экспертиза с основами технологии и стандартизации продуктов животноводства / М. Ф. Боровков - Санкт-Петербург: Лань, 2023. - 476 с.
5. Деревянская, Т.П. Целесообразность уголовно-правового регулирования обращения лекарственных средств для ветеринарного применения / Т.П. Деревянская // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. - 2020. - №4 (95). - С. 57-63.
6. Минина, Е. Л. Тенденции развития законодательства об отраслях сельского хозяйства / Е. Л. Минина // Журнал российского права. - 2023. - № 10. - С. 68 - 81.
7. Савкин, Д. О. Правовое регулирование ветеринарной деятельности в Российской Федерации / Д. О. Савкин // Молодой ученый. - 2024. - № 46 (545). - С. 206-208.
8. Сергеев, А. А. Ветеринарная деятельность и правовое регулирование в данной сфере / А. А. Сергеев // Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития. Материалы международной научно-практической конференции. - 2021. - С. 375–378.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА САМОЗАНЯТОСТИ СО СМЕЖНЫМИ ИНСТИТУТАМИ

Самсонова Ксения Владимировна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

ksyu.samsonova2020@mail.ru

Научный руководитель: Дадаян Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

dadaelena.lena@mail.ru

Аннотация. В статье проводится комплексное исследование правового статуса плательщиков налога на профессиональный доход (самозанятых) в системе российского права. Осуществляется сравнительно-правовой анализ института самозанятости с близкими по содержанию категориями: индивидуальным предпринимателем, дистанционным работником, а также с понятием фриланса и договорными конструкциями поручения и агентирования. На основе статистических данных Федеральной налоговой службы оценивается эффективность доктринального осмысления самозанятости не только как фискального инструмента, но и как элемента гражданской правосубъектности. Поднимается вопрос о целесообразности включения положений о самозанятых в Гражданский кодекс Российской Федерации.

Ключевые слова: самозанятость, налог на профессиональный доход, индивидуальный предприниматель, трудовые отношения, гражданский оборот, Гражданский кодекс РФ, цифровая экономика

Развитие цифровых платформ и трансформация рынка труда в условиях постиндустриальной экономики привели к размыванию традиционных границ между трудовыми и гражданско-правовыми отношениями. Введение в Российской Федерации специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (далее - НПД) Федеральным законом от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (далее - Закон № 422-ФЗ) стало ответом государства на потребность в легализации теневой занятости. Однако с точки зрения цивилистической науки статус самозанятого остается дискуссионным. Актуальность исследования обусловлена необходимостью систематизации правовых связей самозанятых участников оборота и разграничения их статуса от смежных институтов для минимизации правовых рисков.

По данным Федеральной налоговой службы (ФНС России), по состоянию на начало 2025 года количество плательщиков НПД превысило 9 миллионов человек. Ежемесячный прирост составляет сотни тысяч новых участников. Объем налоговых поступлений от данного режима исчисляется десятками миллиардов рублей [5].

Такая статистика свидетельствует о высоком спросе на данный правовой режим. Граждане выбирают его из-за низкой налоговой ставки (4% или 6%) и простоты администрирования через приложение «Мой налог». Однако рост численности выявляет и проблемы: значительная часть самозанятых фактически работает на одну компанию, что указывает на сохранение проблемы квази-трудовых отношений. Статистика подтверждает, что институт востребован, но требует контроля за соблюдением запретов на подмену трудовых отношений.

В действующем законодательстве РФ термин «самозанятый» используется преимущественно в фискальном контексте. Закон № 422-ФЗ определяет плательщиков НПД как физических лиц, применяющих специальный налоговый режим, не имеющих

работодателя и не привлекающих наемных работников по трудовым договорам. Основным признаком является получение дохода от самостоятельной деятельности.

В гражданско-правовом доктринальном смысле самозанятость коррелирует с понятием предпринимательской деятельности, закрепленным в п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ). Однако законодатель сознательно развел эти понятия: самозанятый не обязан регистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя (ИП). Это создает уникальный гибридный статус: лицо осуществляет деятельность, направленную на систематическое получение прибыли, но обладает упрощенным правовым режимом.

Проведем сравнительный анализ института самозанятости со смежными институтами. Самозанятость и индивидуальное предпринимательство (ИП). Основное различие заключается в объеме правосубъектности и административной нагрузке. ИП обладает полной гражданской дееспособностью в сфере бизнеса, но обязан вести учет, сдавать отчетность и платить страховые взносы в фиксированном размере независимо от дохода. Самозанятый освобожден от страховых взносов (за исключением добровольных) и отчетности, но ограничен лимитом дохода (2,4 млн руб. в год) и запретом на определенные виды деятельности (например, торговля подакцизными товарами).

Несмотря на внешнюю схожесть экономической деятельности, данные субъекты обладают принципиально различной гражданско-правовой характеристикой, что обуславливает неодинаковый объем правосубъектности, специфику участия в гражданском обороте и механизмы юридической ответственности. Согласно п. 1 ст. 2 ГК РФ, предпринимательской деятельностью признается самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли. Индивидуальный предприниматель – это физическое лицо, прошедшее государственную регистрацию в установленном порядке (п. 1 ст. 23 ГК РФ) и приобретшее специальный правовой статус, позволяющий ему выступать в обороте в качестве профессионального участника.

Плательщик НПД напротив, не приобретает статуса предпринимателя. Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ сознательно избегает использования категории «предпринимательская деятельность», оперируя нейтральным понятием «деятельность по получению профессионального дохода». Это создает уникальную правовую конструкцию: лицо осуществляет деятельность, объективно подпадающую под признаки предпринимательской (систематичность, направленность на прибыль, риск), но формально не признается таковым в смысле ГК РФ.

Одним из ключевых различий выступает режим имущественной ответственности. Согласно п. 3 ст. 25 ГК РФ, индивидуальный предприниматель отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом, за исключением имущества, на которое в соответствии с законом не может быть обращено взыскание (ст. 446 ГПК РФ).

Для самозанятых законодатель не установил специальных норм об ответственности, что порождает правоприменительную неопределенность. Формально, поскольку самозанятый не является предпринимателем, к его обязательствам должны применяться общие правила об ответственности физических лиц. Участие самозанятых в гражданском обороте осложняется проблемами квалификации заключаемых договоров.

Самозанятые преимущественно выступают исполнителями по данным договорам подряда и возмездного оказания услуг (гл. 37, 39 ГК РФ). Однако отсутствие статуса предпринимателя влияет на применение диспозитивных норм: например, право на односторонний отказ от договора (ст. 782 ГК РФ) может толковаться судами по-разному в зависимости от того, рассматривается ли исполнитель как профессиональный участник оборота.

Согласно ст. 426 ГК РФ, коммерческая организация не вправе оказывать предпочтение одному лицу перед другим в отношении заключения публичного договора. Вопрос о распространении данного режима на самозанятых остается открытым: если их деятельность носит публичный характер (например, репетиторство, такси), должны ли они

заключать договор с любым обратившимся? Отсутствие законодательного ответа создает неравные условия конкуренции с ИП.

С цивилистической точки зрения, ИП – это статус, интегрированный в ГК РФ, тогда как самозанятый – статус, введенный через налоговое законодательство. Это создает коллизию: самозанятый фактически занимается предпринимательством, но формально не является предпринимателем. В случае споров это может влиять на применение норм о субсидиарной ответственности и банкротстве.

Проведем сравнение самозанятости и фриланса. Термин «фриланс» (freelance) не закреплен в российском законодательстве и является социологическим или экономическим понятием, обозначающим внештатную работу. Фрилансер может быть самозанятым, ИП или работать по гражданско-правовому договору как обычное физическое лицо. Выделение самозанятости в отдельную категорию на практике оправдано фискальными целями, однако в гражданском обороте понятие «фриланс» часто подменяет правовую квалификацию договора. Отсутствие легального определения фриланса приводит к тому, что суды квалифицируют отношения исходя из существа договора (подряд, возмездное оказание услуг), а не из статуса исполнителя.

Разграничение с трудовыми отношениями, в том числе дистанционной работой (гл. 49.1 Трудового кодекса РФ), является наиболее критичным. Ключевой критерий – наличие подчинения. Дистанционный работник выполняет трудовую функцию, подчиняется правилам внутреннего трудового распорядка, имеет гарантированное рабочее время и оплачиваемый отпуск. Самозанятый действует автономно, рискует собственными средствами и не подчиняется внутренним актам заказчика.

Проблема заключается в риске переквалификации отношений. Согласно ст. 15 ТК РФ, заключение гражданско-правовых договоров, фактически регулирующих трудовые отношения, не допускается. На практике многие компании переводят штатных сотрудников в статус самозанятых для оптимизации налогов. В настоящее время недопустима подмена трудовых отношений гражданско-правовыми, независимо от статуса самозанятости исполнителя.

Самозанятость имеет различия и с агентским договором. Агентский договор (гл. 52 ГК РФ) предполагает совершение юридических действий от имени принципала за вознаграждение. Самозанятость же чаще всего реализуется через договоры подряда или возмездного оказания услуг (гл. 37, 39 ГК РФ), где важен овеществленный результат или фактическое действие. Смещение этих понятий опасно: если самозанятый действует как агент, он может столкнуться с проблемами учета чужих денежных средств, что не соответствует сути НПД, где налогом облагается доход от реализации собственных услуг или товаров собственного производства.

Обратимся к зарубежному опыту. Так, в зарубежном праве широко используется понятие «independent contractor» (независимый подрядчик). Импорт терминологии (гиг-экономика, краудворкинг) в российский правовой оборот происходит стихийно [4, С. 57].

В странах романо-германской правовой традиции (Германия, Франция, Италия) регулирование самозанятости базируется на четком разграничении коммерческого предпринимательства (Gewerbe) и свободных профессий (Freie Berufe / Professions libérales). Немецкое право проводит фундаментальное различие между предпринимателями, осуществляющими коммерческую деятельность (подлежащими регистрации в торговом реестре – Handelsregister), и представителями свободных профессий (врачи, адвокаты, архитекторы, журналисты), которые освобождены от данной обязанности и регулируются специальными профессиональными уставами. Лица, работающие на себя (Solo-Selbständige), но не относящиеся к свободным профессиям, фактически занимают промежуточное положение, близкое к российским самозанятым.

Особую проблему в Германии представляет феномен «scheinselbständigkeit» (фиктивная самозанятость) – ситуация, когда работник формально зарегистрирован как самостоятельный, но фактически экономически зависит от одного заказчика. Для борьбы с

данным явлением в 2024 году в Германии ужесточены критерии проверки: наличие признаков подчинения, интеграция в бизнес-процессы заказчика и отсутствие предпринимательского риска служат основаниями для переквалификации отношений в трудовые.

Французская система предлагает уникальный институт микро-предпринимательства (*micro-entrepreneur*, ранее *auto-entrepreneur*), введенный законом № 2008-776. Данный режим позволяет физическим лицам осуществлять коммерческую или ремесленную деятельность в упрощенном порядке с уплатой единого социального взноса (*versement libérateur*) пропорционально обороту. Лимит годового оборота для сохранения статуса составляет 77 700 евро для услуг и 188 700 евро для торговли

Важной особенностью французского регулирования является включение микро-предпринимателей в систему социального страхования на общих основаниях, что обеспечивает им доступ к пенсионному обеспечению и медицинскому обслуживанию. В отличие от российского НПД, где социальное страхование носит добровольный характер, французская модель императивно связывает налоговые льготы с социальными гарантиями.

В Китайской Народной Республике регулирование самозанятости осуществляется в контексте политики «массового предпринимательства и инноваций». Законодательство КНР не содержит специального статуса для самозанятых, однако доходы от индивидуальной трудовой деятельности (*individual industrial and commercial households*) облагаются подоходным налогом по прогрессивной шкале (5–35%) с возможностью вычета расходов [1, С. 505].

Уникальной чертой китайской модели является активное использование цифровых платформ (*WeChat*, *Alipay*) для фискального администрирования. Интеграция налоговых сервисов в супер-приложения позволяет в режиме реального времени отслеживать транзакции самозанятых, минимизируя возможности для уклонения от налогообложения. При этом государство предоставляет преференции в виде налоговых каникул для стартапов и микро-бизнеса в приоритетных отраслях.

В Японии самозанятые (*jigyōnushi*) рассматриваются как субъекты, осуществляющие предпринимательскую деятельность, и облагаются подоходным налогом (*jōtokuzei*) по прогрессивной шкале (5–45%). Особенностью японской системы является обязательность участия в системе пенсионного страхования (*Kokumin Nenkin*) для всех резидентов, включая самозанятых, что обеспечивает базовый уровень социальной защищенности [2, С. 26].

Зарубежный опыт свидетельствует о том, что выделение самозанятости в отдельный правовой институт не является универсальным трендом. В большинстве развитых юрисдикций предпочтение отдается гибкому применению общих норм гражданского и трудового права с использованием специальных налоговых режимов для микро-бизнеса. Российская модель НПД, сочетающая сверхупрощенное администрирование с жесткими ограничениями (лимит дохода, запрет на наем), представляет собой уникальный эксперимент, эффективность которого зависит от сбалансированности фискальных интересов государства и социальной защищенности граждан. Заимствование зарубежных правовых конструкций (таких как «*dependent contractor*») без учета системных особенностей российского права может привести к доктринальным противоречиям, однако изучение механизмов противодействия фиктивной самозанятости представляется крайне полезным для совершенствования правоприменительной практики [3, С. 98].

В современной Российской Федерации необходимость выделения самозанятости, как отдельного понятия обусловлена спецификой российской налоговой системы. В странах с единым социальным налогом такое разделение менее актуально. В РФ же это инструмент вывода из тени микро-бизнеса. Однако, заимствуя иностранные экономические модели, российское право должно адаптировать их через собственные юридические конструкции, а не оставлять их в «серой зоне» терминологии.

Вопрос о закреплении статуса самозанятого в Гражданском кодексе РФ является дискуссионным. Проанализируем аргументы «за». Легитимация в гражданском обороте.

Сейчас статус регулируется налоговым законом, что сужает его восприятие до фискальной обязанности. Включение в ГК РФ подчеркнет гражданско-правовую природу деятельности.

Системность. Это позволит четко разграничить самозанятость и предпринимательство в ст. 2 ГК РФ, устранив неопределенность в вопросах ответственности.

Защита прав. Четкий статус облегчит защиту самозанятых в судах при спорах с заказчиками, выравнивая их положение с ИП в части доступа к правосудию по экономическим спорам.

Однако, нельзя оставить без внимания и аргументы «Против»: Временный характер. Специальный налоговый режим может рассматриваться как эксперимент или временная мера. Кодификация требует стабильности. Гражданское право регулирует отношения, а не налоговые режимы. Любое физическое лицо вправе заключать договоры. Выделение отдельной главы может создать излишнюю фрагментацию субъектного состава.

Представляется, что введение отдельной главы в ГК РФ на данном этапе не требуется.

Цивилистическая наука исходит из единства гражданского оборота. Однако, считаем необходимым внесение изменения в ст. 2 ГК РФ. Следует закрепить понятие «лицо, осуществляющее профессиональную деятельность без регистрации в качестве ИП», указав на допустимость такой формы для предпринимательства. Это легализует самозанятость не как налоговую льготу, а как форму реализации гражданской правосубъектности

Следует закрепить понятие «лицо, осуществляющее профессиональную деятельность без регистрации в качестве ИП», указав на допустимость такой формы для предпринимательства. Это легализует самозанятость не как налоговую льготу, а как форму реализации гражданской правосубъектности.

Таким образом, институт самозанятости в Российской Федерации прошел путь от экспериментального налогового режима до значимого элемента экономической системы. Сравнительно-правовой анализ показывает, что, несмотря на схожесть с индивидуальным предпринимательством и гражданско-правовыми договорами, самозанятость обладает уникальными признаками, обусловленными упрощенным фискальным администрированием.

Внедрение зарубежных понятий должно сопровождаться их адаптацией к национальной правовой системе. Включение положений о самозанятых в ГК РФ в виде отдельной главы на текущем этапе представляется преждевременным. Более целесообразным является внесение изменений в общие положения о субъектах гражданских прав, что позволит гармонизировать налоговое и гражданское законодательство, признав за самозанятыми статус субъектов малой предпринимательской активности без обязательной регистрации ИП. Это обеспечит баланс между фискальными интересами государства и свободой гражданского оборота.

Список литературы

1. Краснова, А. А. Правовой контур деятельности самозанятых граждан за рубежом / А. А. Краснова // Молодой ученый. – 2022. – № 51 (446). – С. 505-509.
2. Савенко, Н. Е. Занятость, самозанятость и платформенная занятость граждан в свете законопроекта о занятости населения в Российской Федерации / Н. Е. Савенко // Хозяйство и право. – 2024. – № 2. – С. 26 - 41.
3. Черных, Н. В. Труд самозанятых - новая ли форма нетипичной занятости / Н. В. Черных // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 12. – С. 98 - 108.
4. Чесалина, О. В. Платформенная занятость - как регулировать в Трудовом кодексе / О. В. Чесалина // Трудовое право в России и за рубежом. – 2022. – № 1. – С. 57 - 60.
5. Официальный сайт Федеральной налоговой службы. Статистика плательщиков НПД – Текст: электронный. - URL: <https://www.nalog.gov.ru> (дата обращения: 20.02.2026).

ПРАВОВОЙ СТАТУС СУДЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Совельева Наталья Александровна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

natalia_dream@mail.ru

Научный руководитель: Сторожева Анна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

storanna2021@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется правовой статус судей в Российской Федерации и различных государствах романо-германской и англосаксонской правовых семей, рассматриваются отличительные особенности и общие черты.

Ключевые слова: судья, правовой статус судьи, судебная система, судебная деятельность, неприкосновенность, независимость, несменяемость

Институт судебной власти выступает фундаментальной основой правового государства. Судебной власти принадлежит ведущая роль в утверждении принципа верховенства права. Правовой статус судьи является одной из ключевых составляющих функционирования судебной власти и системы правосудия в государстве. В условиях современного общества, где правозащитные механизмы и гарантии независимости судебной власти становятся актуальными, исследование правового статуса судей приобретает особую значимость.

Целесообразно в данной связи провести сравнительный анализ правового статуса судей нескольких стран англосаксонской, романо-германской правовых семей, выявить степень схожести и отличительные особенности.

Так как основным источником права в государствах англо-саксонской правовой семьи является судебный прецедент, то это напрямую влияет на необходимость уделять значительное внимание правовым основам положения судей, как субъектам правотворчества.

В Соединенных Штатах Америки (далее – США) прецедентное право взаимодействует с законодательным и является многоуровневым, так как судебные прецеденты устанавливаются не только федеральными органами. Судебные прецеденты принимаются на двух уровнях: федеральном и субъектном, но только высшими инстанциями. Однако прецеденты, принятые федеральными судами, не являются обязательными для судов штатов, и наоборот [6].

В США правовой статус судей определен на конституционном и законодательном уровнях и направлен на обеспечение их независимости, а также беспристрастности при отправлении правосудия.

Суды в США не составляют единой судебной структуры, здесь функционируют федеральная система судов и самостоятельные судебные системы 50 штатов, округа Колумбия и четырех федеральных территорий. Их компетенции во многом пересекаются. В федеральную систему судов входит Верховный суд США, апелляционные и окружные суды, а также специальные суды. На территории США функционируют два суда первой инстанции (суд штата и федеральный окружной суд). Никакое иное государство с федеральным устройством не имеет подобного набора судов первой инстанции на федеральном уровне и параллельно судов первой инстанции на уровне штатов [6].

В каждом штате судебная система определяется на основе собственной конституции и региональных законов. По сравнению с судебной системой России судебная система США достаточно сложна, что влияет на особенности правового регулирования статуса судей.

В США комплектование судейского корпуса происходит различными способами. Кандидат может стать судьей четырьмя путями: назначен высшим должностным лицом штата с утверждением законодательным собранием штата; назначен высшим должностным лицом из списков кандидатов, утвержденных независимой комиссией; может быть всенародно избран; а также избран законодательным собранием.

Судьи избираются или назначаются на различные сроки (6, 8, 10, 12, 14), а также пожизненно. **Срок назначения судей в США зависит от уровня судебной системы.** Судьи федеральной судебной системы назначаются Президентом с согласия Сената на пожизненный срок. **Срок назначения судей в судах штатов США варьируется в зависимости от штата.**

В большинстве штатов назначения судей происходит специальной комиссией, состоящей из 9-15 человек, среди которых как юристы, так и граждане. Комиссия принимает заявки от кандидатов и после обсуждения передает списки губернатору, который выбирает лиц, по его мнению, наиболее достойных. Несмотря на широкое распространение способа назначения судей специальной комиссией и активную поддержку общественности, многие штаты выбирают судей прямым голосованием населения [6].

Конституция США предусматривает, что судьи занимают свои должности, пока ведут себя безупречно, кроме того, получают за службу вознаграждение, которое не может быть уменьшено во время пребывания в должности. Данные положения гарантируют невмешательство Конгресса или Президента в судопроизводство, являются дополнительным инструментом обеспечения независимости судопроизводства. Федеральные судьи, назначенные пожизненно Президентом, могут быть отстранены от должности на основании соответствующего решения Конгресса только в порядке импичмента за измену, взяточничество и другие серьезные преступления и правонарушения.

В США к кандидату на должность судьи предъявляются достаточно высокие требования как в профессиональном, так и в этическом плане. Кроме того, кандидат должен иметь безукоризненную репутацию. Приветствуется большой опыт работы в адвокатуре, юрисконсультантом либо профессором в университете.

Основными критериями отбора кандидатов на должность судьи в США являются:

- опыт работы, не менее 10 лет юридической практики либо преподавания правовых дисциплин, либо службы в судебной системе;
- высокие моральные качества, а также репутация честного, справедливого, трудолюбивого и усердного человека и носителя профессии;
- профессиональная компетенция, к которой относятся интеллектуальные способности кандидата, его способность грамотно письменно изложить и проанализировать ситуацию, а также знание законодательных актов;
- особый темперамент, характерный для судей;
- служение закону, а также вклад в эффективное осуществление правосудия страны, включая приверженность как профессионализму, так и стремление повысить доступность правосудия для всех тех лиц, кто находится под его юрисдикцией [7].

США и Российская Федерация принадлежат к разным правовым семьям, однако стоит некоторый позитивный опыт США адаптировать в российских условиях. Так, предлагается расширить перечень законодательно установленных требований к кандидатам на должность судьи требованиями к личным качествам кандидатов, необходимыми для отправления правосудия.

В Великобритании правовой статус судей закреплён не в Конституции (основном законе), как в большинстве стран, а в нескольких нормативных правовых актах, что обусловлено правовой системой этого государства.

Суды играют значительную роль в современной государственной системе Англии и Уэльса.

Судебная система Англии и Уэльса формировалась на протяжении нескольких столетий, она обладает рядом особенностей, присущих только ей. В рамках данной системы

деятельность судов является важным источником права. На судей накладываются повышенные требования к профессиональным качествам: если в континентальной правовой семье с развитым кодифицированным правом роль судей относительно невелика и сводится преимущественно к правоприменению, то в Англии ситуация отличается так как на судьях, помимо указанной функции, лежит еще и масштабная задача в области правотворчества.

В Англии и Уэльсе фактически отсутствует единая судебная система, большинство гражданских дел рассматривается не в судах, а в досудебных, альтернативных процедурах и учреждениях, в том числе и с участием судей. Суды имеют различную организационную структуру, а также суды, рассматривающие гражданские и уголовные дела, различаются.

Судебную систему Англии и Уэльса образуют суды общей юрисдикции: 1) нижестоящие суды (магистратские суды и суды графств); 2) высшие суды Англии и Уэльса: Апелляционный суд, Высокий суд и Суд Короны. Кроме этого, функционируют иные суды или суды специальной юрисдикции, а также третейские суды (арбитражи) [6].

Судьи, наряду с адвокатами, входят в элиту общества. Независимость судей относится к числу фундаментальных принципов государства.

Все судебские должности в Великобритании замещаются по назначению, а не в результате выборов. Судьи высших судов назначаются монархом по представлению премьер-министра, а нижестоящего звена – по представлению лордканцлера. Самым нижестоящим звеном судебного корпуса являются районные судьи – рекордеры, они исполняют обязанности судьи лишь несколько дней в году, совмещая эту работу с другими обязанностями.

Кроме профессиональных судей в судебной системе особый статус имеет магистрат. Это лицо, которое не является профессиональным юристом, но обладает обширными полномочиями по единоличному рассмотрению дел о малозначительных преступлениях, проверке достаточности оснований для привлечения лица к уголовной ответственности, производству ряда следственных действий.

Кандидат на должность судьи должен обладать **безупречной репутацией** как профессиональной, так и личной, отлично знать прецеденты и законодательство, уметь быстро воспринимать, сопоставлять и анализировать фактическую и правовую информацию. Отбор кандидатов проводит Комиссия по назначениям судей (JAC). Процесс включает в себя письменный тест, интервью и ролевые упражнения.

Статус судей в Англии предполагает независимость и политический нейтралитет при принятии решений. Судьи не принадлежат ни к одной политической партии и не высказывают мнений политического характера, свои полномочия осуществляют пожизненно, но обязаны уйти в отставку по достижении 70 (75)-летнего возраста, в зависимости от должности, а до этого могут быть смещены со своего поста лордом - канцлером по причине недееспособности или за недостойное поведение [8].

Далее рассмотрим правовой статус судей в государствах романо-германской системы права на примере Германии и России.

Германия (ФРГ) – федеративное государство, состоящее из земель, обладающих самостоятельным статусом. Система судов имеет двойную структуру: вертикальную (суды в землях и федеральный суд) и горизонтальную (суды различных юрисдикций). К судам общей юрисдикции относятся: участковые суды; земельный суд; Высший суд земли; Верховный федеральный суд; Федеральный патентный суд [6].

Германия, как и Россия, регулирует основы правового статуса судей в содержании Основного закона ФРГ, фактически являющегося конституцией. Конкретизация особенностей статуса судей содержится в 6 различных федеральных законах Германии. В Германии, как и в России, действует схожий Закон «О судоустройстве» от 27.01.1877, который устанавливает общие требования к судьям, правовое положение федеральных судей раскрыто в Законе «О судьях», принятом в 1961 г., дополнительные требования к судьям установлены Законом об административных судах.

Правовое положение судей в землях регулируют особые законы земель. Судья независим и подчиняется только закону. Судьи могут быть уволены против их желания, окончательно или временно освобождены от должности, переведены на другое место или уволены в отставку до истечения срока службы лишь в силу судебного решения и лишь по основаниям и в формах, предписанных законом.

В Германии прерогатива в области формирования судейского корпуса земель принадлежит, как правило, Министерству юстиции земель. Между тем это не единственный орган, участвующий в процедуре набора судей. В некоторых землях назначением в суды по социальным или по трудовым делам занимается местное Министерство по труду и социальным вопросам или действуют Судебные избирательные комитеты. Назначение судей высших федеральных судов осуществляет выборный комитет Федерации и федеральный министр по представлению Специального совета при Президенте.

К основным требованиям для кандидатов на должность судьи в ФРГ относятся: наличие гражданства Германии, юридического образования, полученного в Германии, безупречное соблюдение принципов свободного демократического строя, социальная компетентность, стрессоустойчивость и умение принимать взвешенные решения, способность к сохранению нравственных качеств, которые необходимы для исполнения судейских обязанностей.

Требования к возрасту кандидата и стажу работы по юридической специальности не предъявляются. На основании Закона «О судьях» на должность судьи может претендовать лицо, получившее в немецком университете юридическое образование, успешно сдавшее два государственных квалификационных экзамена и прошедшее подготовительную профессиональную стажировку.

В Германии существует определенная система оценки профессиональной деятельности судьи, в которой в качестве критериев выделяют пригодность судьи к судебной работе, способности и исполнительность. Однако в Российской Федерации отсутствует подобная система оценки деятельности судьи, что негативно сказывается на качестве отправления правосудия. Принимая во внимание положительный опыт ФРГ, представляется возможным ввести систему удовлетворенности профессиональной компетентности судей, а также систему удовлетворенности качеством судебного процесса со стороны участников процесса, что позволит оценивать качество работы судей, выявлять проблемные области, требующие внимания и совершенствования, судьям в дальнейшем повышать свою квалификацию и обеспечивать карьерный рост.

Судьи в Германии назначаются без указания срока полномочий, но состоят в должности до достижения возрастного предела, установленного законом о судьях (65 лет). При этом существует испытательный срок – от 3 до 5 лет, который проходят кандидаты на должность судьи, прежде чем получить назначение на постоянную должность. В течение испытательного срока судья может быть уволен в связи с непригодностью к занимаемой должности.

Введение в России практики назначения судей с испытательным сроком 3 года может принести ряд положительных изменений в судебную систему. Испытательный срок позволит более тщательно оценить профессиональные навыки и личные качества судьи в реальных условиях работы. Это поможет выявить кандидатов, которые действительно соответствуют высоким стандартам и требованиям, предъявляемым к судьям. Судьи, находящиеся на испытательном сроке, будут более мотивированы к тщательному изучению дел и принятию обоснованных решений, что приведет к повышению качества выносимых судебных актов и уменьшению числа ошибок и апелляций.

Для того, чтобы судье получить назначение на постоянную должность по окончании испытательного срока ему следует пройти профессиональную оценку в целях подтверждения своей квалификации и соответствия высоким стандартам судебной деятельности. Этот процесс должен включать анализ качества вынесенных судебных актов, оценку уровня правовых знаний, проверку этики и профессионального поведения, анализ поступивших

жалоб на судью и т.д. В конечном счете судьи будут осознавать, что их работа подвергается оценке, что таким образом повысит уровень их ответственности за принимаемые решения.

Основной закон ФРГ в качестве одного из оснований для увольнения судьи в отставку называет нарушение главных конституционных положений федерации или земли, и в этом случае вопрос решает Федеральный конституционный суд по предложению бундестага.

Правовой статус судей в Российской Федерации устанавливается Конституцией, федеральными конституционными законами, федеральными законами, а также законами субъектов РФ, актами органов судейского сообщества и судебными актами высших судебных органов страны.

В России правовой статус судей формируется через сложную систему правовых актов, направленных на обеспечение независимости судебной власти, защиту прав судей и реализацию правосудия. Все судьи в Российской Федерации обладают единым статусом. Особенности правового положения некоторых судей, в том числе судей военных судов, устанавливаются соответствующими федеральными законами, а мировых судей - законами субъектов Российской Федерации.

Правовой статус судей основывается на конституционных принципах: независимости, несменяемости и неприкосновенности, которые обеспечивают эффективное и справедливое функционирование судебной власти.

Независимость судей является конституционно установленным принципом деятельности судебной системы, выражающемся в том, что судьи в своей деятельности подчиняются только Конституции РФ и федеральному закону. Независимость судей является неперенным условием отправления правосудия. Независимость – это исключение любого воздействия на судей со стороны других лиц и организаций при рассмотрении судом конкретных дел

Согласно Закону РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (далее-Закон о статусе судей) (ст. 9) независимость судьи обеспечивается:

- предусмотренной законом процедурой осуществления правосудия;
- запретом, под угрозой ответственности, чьего бы то ни было вмешательства в деятельность по осуществлению правосудия; установленным порядком приостановления и прекращения полномочий судьи; правом судьи на отставку;
- неприкосновенностью судьи; системой органов судейского сообщества;
- предоставлением судье за счет государства материального и социального обеспечения, соответствующего его высокому статусу.

Принцип несменяемости судей, предусмотренный ст. 121 Конституции РФ, а также в ст. 12 Закона о статусе судей, предполагает, что полномочия судьи могут быть прекращены или приостановлены только в порядке и по основаниям, предусмотренным федеральным законом. Судья не может быть переведен на другую должность или в другой суд без его согласия. Несменяемость не означает пожизненность - предельный возраст для пребывания в должности судьи федерального суда составляет 70 лет, если иное не установлено соответствующим федеральным конституционным законом.

Порядок приостановления и прекращения полномочий судьи в РФ определяется Законом о статусе судей. Полномочия судьи и отставка судьи приостанавливаются решением квалификационной коллегии судей при наличии оснований.

Гарантии неприкосновенности судьи устанавливаются Конституцией РФ ст. 122 и Законом о статусе судей ст. 16. Судьи неприкосновенны, это означает, что они не могут быть привлечены к уголовной ответственности иначе как в порядке, предусмотренном федеральным законом [1].

Проблему неприкосновенности судьи не сводят только к личности судьи. Неприкосновенность судьи включает в себя неприкосновенность личности, неприкосновенность занимаемых им жилых и служебных помещений, используемых им личных и служебных транспортных средств, принадлежащих ему документов, багажа и иного имущества, тайну переписки и иной корреспонденции (телефонных переговоров, почтовых, телеграфных, других электрических и иных принимаемых и отправляемых судьей сообщений) [2].

Неприкосновенность судей, прежде всего, состоит в том, что они не могут быть привлечены к какой-либо ответственности за выраженное им при осуществлении правосудия

мнение и принятое решение, если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность судьи в преступном злоупотреблении либо вынесении заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта. Кроме того, неприкосновенность обеспечивается установлением особого порядка привлечения судьи к ответственности (уголовной, административной, дисциплинарной) за совершенные правонарушения и с учетом этого законом установлен ряд особенностей решения уголовно-правовых и уголовно-процессуальных вопросов, так или иначе связанных с обеспечением обоснованности привлечения судьи к ответственности.

Неприкосновенность судьи гарантируется принимаемыми мерами, направленными на защиту их профессиональной независимости и безопасности. Все эти меры способствуют созданию среды, в которой судьи могут действовать независимо, беспристрастно и профессионально, обеспечивая тем самым защиту прав граждан и справедливость правосудия.

Вопросы правового статуса судей сегодня остаются одними из широко обсуждаемых как в российской, так и зарубежной юридической науке. Таким образом, сравнив правовой статус судей в Российской Федерации, в США, Великобритании, Германии, следует отметить, что правовой статус судей в России и в рассмотренных зарубежных странах имеет общие принципы такие как независимость, несменяемость, неприкосновенность, но также и различия, связанные с типом правовой системы и исторически сложившимися традициями.

В целях повышения эффективности правового статуса судей Российской Федерации и улучшения качества правосудия автором предлагается адаптировать положительный опыт зарубежных стран к национальным реалиям. А именно расширить законодательно установленный перечень требований к кандидату на должность судьи требованиями к личным качествам, необходимыми для отправления правосудия, такими как безупречная репутация, профессиональная компетенция. Кроме того, ввести систему удовлетворенности профессиональной компетентности судей, а также систему удовлетворенности качества судебного процесса со стороны участников процесса, благодаря которым представится возможность оценивать эффективность работы судей, повышать качество проведения гражданского процесса, выявлять проблемные области, требующие внимания и совершенствования, а также обеспечивать дальнейший карьерный рост судьи и повышение квалификации. В дополнение к этому предлагается внедрить практику назначения судей с испытательным сроком 3 года и последующей профессиональной оценкой, что позволит повысить эффективность работы судебной системы и улучшить качество выносимых решений судьями.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Информационно-поисковая система «Консультант плюс»: Законодательство (дата обращения: 01.03.2026).
2. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 28.12.2025) «О статусе судей в Российской Федерации» // Информационно-поисковая система «Консультант плюс»: Законодательство (дата обращения: 01.03.2026).
3. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 29.12.2025) «О судебной системе Российской Федерации» // Информационно-поисковая система «Консультант плюс»: Законодательство (дата обращения: 02.03.2026).
4. Федеральный закон от 17.12.1998 № 188-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «О мировых судьях в Российской Федерации» // Информационно-поисковая система «Консультант плюс»: Законодательство (дата обращения: 02.03.2026).
5. Артемова, Д. И. Общее и особенное в конституционно-правовом статусе судей Российской Федерации и зарубежных стран / Д. И. Артемова, Т. А. Савельева // Вестник Пензенского государственного университета. – 2014. – № 2 (6). – С. 35–39.
6. Бибило, В. Н. Судебные системы зарубежных государств : учеб.-метод. пособие для студентов юрид. спец. БГУ / В. Н. Бибило. – Минск : БГУ, 2012. – 93 с.
7. Мишин, А. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран / А. А. Мишин. -16-е изд., перераб. и доп. – М.: Юстицинформ, 2019. - 560 с.
8. Страшун, Б. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть: Учеб. для вузов / Б. А. Страшун. - 7-е изд., обновл. - М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2020. – 754 с.

ЗАДАТОК В СДЕЛКАХ С НЕДВИЖИМОСТЬЮ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Степаненко Сергей Сергеевич, студент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

kfwtn@yandex.ru

Научный руководитель: Дадаян Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

dadaelena.lena@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются правовые коллизии, возникающие при использовании задатка как способа обеспечения обязательств в сделках купли-продажи недвижимости. Рассматривается проблема квалификации денежных сумм в качестве задатка или аванса, особенно на этапе заключения предварительного договора. На основе анализа судебной практики выявляется противоречивость подходов судов к вопросу о возможности обеспечения задатком еще не возникшего основного обязательства. В работе предлагаются конкретные изменения в гражданское законодательство, направленные на устранение правовой неопределенности и защиту прав добросовестных участников гражданского оборота.

Ключевые слова: задаток; аванс; купля-продажа недвижимости; предварительный договор; способы обеспечения обязательств; гражданское право; судебная практика; правовая коллизия

Одной из актуальных проблем в сфере гражданско-правового регулирования купли-продажи недвижимости является неоднозначность применения норм закона о задатке. По договору купли-продажи жилого помещения продавец обязуется передать объект в собственность покупателя, а покупатель – принять его и уплатить определенную сумму. При этом задаток традиционно рассматривается как эффективный инструмент, выполняющий одновременно платежную, обеспечительную и доказательственную функции. Сложность вопроса обусловлена как спецификой регистрации прав на недвижимое имущество, так и устоявшимися обычаями заключения сделок, которые зачастую расходятся с буквой закона.

В отличие от иных способов обеспечения (залог, неустойка), обеспечительная функция задатка носит двусторонний характер (п. 2 ст. 381 ГК РФ): сторона, передавшая задаток, теряет его при неисполнении обязательства, а сторона, получившая его, обязана вернуть сумму в двойном размере в случае своей вины.

Основная коллизия заключается в том, что в доктрине и практике сложилось устойчивое мнение: задатком могут обеспечиваться только реально существующие денежные обязательства по вступившим в силу договорам, а также обязательства, где одновременно реализуются все три вышеперечисленные функции задатка. Это создает серьезные риски при заключении предварительных договоров [1, с. 22].

Особое внимание требует соотношение задатка с иными способами обеспечения исполнения обязательств, предусмотренными гражданским законодательством. В отличие от залога, обладающего выраженной вещно-правовой составляющей, или неустойки, имеющей преимущественно компенсационный характер, задаток представляет собой сложную правовую конструкцию смешанной природы. Его специфика заключается в том, что он возникает только при фактической передаче денежной суммы, что придает ему черты реального соглашения и связывает момент возникновения обеспечительного механизма с фактом передачи средств.

В сделках с недвижимостью данная особенность приобретает дополнительное значение. Недвижимое имущество подлежит государственной регистрации, а переход права собственности не совпадает по времени с заключением договора. Возникает временной разрыв между достижением соглашения, передачей объекта и регистрацией перехода права. В этот период стороны несут повышенные имущественные риски, что объясняет широкое применение задатка как средства обеспечения стабильности намерений сторон.

Дополнительную сложность порождает правовая природа предварительного договора. Обязательство, возникающее из него, состоит в обязанности заключить в будущем основной договор на согласованных условиях. Возникает дискуссионный вопрос: может ли обязательство организационного характера, направленное на совершение юридического действия в будущем, обеспечиваться имущественным способом – задатком?

С одной стороны, обязательство заключить основной договор обладает самостоятельной юридической силой и подлежит судебной защите, что свидетельствует о его гражданско-правовой природе. Следовательно, формально отсутствуют препятствия для применения обеспечительных мер. С другой стороны, законодатель определяет задаток как денежную сумму, выдаваемую в счет причитающихся по договору платежей, что позволяет трактовать его как инструмент, применимый исключительно в рамках уже существующего имущественного обязательства. Именно данное противоречие лежит в основе рассматриваемой правовой коллизии.

Указанные теоретические противоречия непосредственно отражаются в судебной практике.

В правоприменительной практике наблюдается существенное рассогласование подходов. С одной стороны, суды иногда признают правомерность задатка в предварительном договоре. Так, по делу № 2-3220/2018 Курганский городской суд отказал в признании задатка авансом, указав, что задатком обеспечивалось именно обязательство сторон заключить основной договор в будущем. Суд посчитал, что неисполнение этого обязательства влечет последствия, предусмотренные п. 2 ст. 381 ГК РФ. При этом, как следует из правовой природы договора купли-продажи недвижимости, **фактическая передача объекта зачастую осуществляется одновременно с подписанием передаточного акта или иного документа о передаче**, что предшествует государственной регистрации перехода права собственности, в результате возникает **разрыв между фактическим владением и юридическим титулом**, что, в свою очередь, порождает целый ряд правовых рисков и неопределенностей [2].

С другой стороны, существует и противоположная позиция, согласно которой задаток не может обеспечивать обязательство, которое еще не возникло. Например, Алапаевский городской суд по делу № 2-26/2016 признал переданную сумму авансом (неосновательным обогащением), мотивируя это тем, что основной договор купли-продажи не заключался, а значит, обеспечивать было нечего. Такой подход ставит добросовестного продавца (или покупателя) в уязвимое положение, так как любая сумма может быть возвращена как аванс независимо от вины стороны в срыве сделки [3].

Дополнительной проблемой является соблюдение письменной формы соглашения о задатке. Закон требует письменной формы, однако судебная практика исходит из того, что сама по себе расписка в получении денежных средств не всегда подтверждает существование соглашения именно о задатке. При отсутствии прямого указания на обеспечительную функцию переданная сумма квалифицируется как аванс, что влечет ее возврат независимо от распределения вины сторон.

Таким образом, правовая неопределенность носит системный характер и обусловлена недостаточной конкретизацией нормативной конструкции задатка, а также отсутствием единообразия в толковании судами пределов его применения в преддоговорных отношениях. Несогласованность подходов приводит к ситуации, при которой юридическая судьба одной и той же по своей экономической природе денежной суммы зависит не от воли сторон, а от последующей судебной квалификации.

Для эффективного устранения выявленных коллизий и стабилизации гражданского оборота недвижимости необходимо учитывать уже действующие положения ГК РФ. Так, п. 4 ст. 380 ГК РФ закрепляет возможность обеспечения задатком обязательства по заключению основного договора, вытекающего из предварительного договора купли-продажи. Вместе с тем судебная практика показывает, что неопределенность в толковании этой нормы сохраняется, особенно если предварительный договор не содержит прямой связи суммы с будущим платежом.

В этой связи целесообразно уточнить содержание п. 4 ст. 380 ГК РФ путем конкретизации условий применения задатка в рамках предварительного договора. Например, законодательно можно предусмотреть, что сумма задатка считается обеспечивающей обязательство по заключению основного договора только при наличии прямого указания на его обеспечительную функцию и связи с конкретным предварительным или основным договором.

Дополнительно, с учетом п. 3 ст. 380 ГК РФ, устанавливающего презумпцию аванса в случае сомнения в правовой природе уплаченной суммы, предлагается закрепить механизм преодоления этой презумпции. В частности, стороны смогут явно зафиксировать, что сумма является задатком, путем нотариального удостоверения соглашения или детализированного письменного оформления, включающего ссылку на обеспечиваемое обязательство.

Такая доработка позволит снизить количество споров в судебной практике, усилить предсказуемость последствий для сторон и синхронизировать фактические намерения участников сделки с юридическими последствиями их действий.

Таким образом, корректировка нормативной конструкции задатка и формулировок практического применения п. 4 ст. 380 ГК РФ способна существенно снизить уровень правовой неопределенности в сфере сделок с недвижимостью и укрепить стабильность гражданского оборота.

Список литературы

1. Журавлева, А. А. Некоторые проблемы задатка при заключении договора купли-продажи жилого помещения / А. А. Журавлева // Жилищное право. 2017. № 9. С. 22.
2. Решение Ленинского районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области от 16 октября 2018 года по делу № 2-5960/2018. - URL: <https://sudact.ru>. Решение (дата обращения: 02.02.2026).
3. Решение Алапаевского городского суда Свердловской области от 29 июня 2016 года по делу № 2-26//2016. - URL: <https://sudact.ru>. Решение (дата обращения: 03.02.2026).

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ДЕТЕЙ В ЧАСТНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Твердохлебова Дарья Александровна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
darya.tverdokhlebova2006@mail.ru

Раджабоов Шахзод Райимжонович, студент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
yamach_kochovaly107@mail.ru

Научный руководитель: Бородин Игорь Анатольевич, старший преподаватель
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблемам правового регулирования содержания детей (присмотра, ухода, проживания, питания) в частных образовательных организациях Российской Федерации. Анализируются пробелы в Федеральном законе «Об образовании в РФ» в части требований к условиям пребывания, ответственности организаций и контроля. С опорой на судебную практику предлагается усовершенствовать законодательство путем введения минимальных стандартов содержания и усиления контроля.

Ключевые слова: частные образовательные организации, содержание детей, присмотр и уход, безопасность несовершеннолетних, правовое регулирование, контроль и надзор

Увеличение количества частных образовательных организаций, предлагающих услуги проживания, актуализирует необходимость пересмотра подходов к их правовому регулированию. Согласно данным Росстата, за последние пять лет количество частных общеобразовательных организаций увеличилось на 30 %, при этом каждая пятая из них оказывает услуги по проживанию детей. Однако действующее законодательство, прежде всего Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», фрагментарно регулирует именно аспекты содержания, смещая акцент на образовательный процесс. Это создает правовую неопределенность в вопросах безопасности, ответственности и контроля, что требует комплексного научного анализа.

Обеспечение безопасности детей регулируется рядом нормативных документов. Базовые требования закреплены в ст. 41 Закона об образовании [1, с. 4], обязывающей создавать условия для охраны здоровья. Среди них – соблюдение санитарных правил, профилактика травматизма, организация питания и медпомощи.

Однако анализ правоприменительной практики выявляет ряд системных проблем. Понятие «присмотр и уход» раскрыто в ст. 2 Закона об образовании [1, с. 4] лишь через комплекс мер по организации питания и хозяйственно-бытового обслуживания, обеспечению соблюдения личной гигиены и режима дня. Детализация отсутствует, что допускает произвольное толкование. Режим дня, питание и требования к площади спальных помещений в частных пансионатах зачастую устанавливаются локальными актами без учета обязательных нормативов [2, с. 4]. Например, СанПиН 2.4.3648-20 устанавливает требование не менее 2,5 квадратных метров на одного ребенка в спальне, однако на практике частные организации нередко занижают эти нормы, ссылаясь на отсутствие прямого контроля.

Особую тревогу вызывает отсутствие лицензирования услуг проживания. Лицензируется только образовательная деятельность; ночной уход и быт остаются без разрешений. Школы-пансионы работают без подтверждения безопасности помещений и персонала.

Наибольшие риски возникают в частных образовательных организациях, предоставляющих услуги круглосуточного пребывания детей (пансионы). Нет требований к

ночному присмотру, квалификации воспитателей в ночное время, оказанию неотложной помощи. В отличие от детских лагерей, деятельность которых регламентируется отдельными нормативными актами, школьные пансионаты остаются вне специального правового регулирования, что недопустимо в условиях растущего спроса на такие услуги.

Сохраняется проблема разграничения ответственности за жизнь и здоровье ребенка между частной образовательной организацией и родителями. В период пребывания ребенка в образовательной организации обязанность по обеспечению его безопасности временно переходит к учреждению. Судебная практика исходит из того, что бремя доказывания отсутствия вины лежит на организации, однако четкие критерии надлежащего присмотра в законе отсутствуют. Это порождает риски как для детей, так и для учреждений. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 15.02.2024 по делу № 33-2456/2024 подтверждает, что при травмировании ребенка в частном детском саду ответственность возлагается на учреждение, если не доказано, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего. В соответствии со ст. 1073 ГК РФ [3, с. 4], ответственность за вред, причиненный несовершеннолетним, несут его законные представители, если не докажут, что вред возник не по их вине. Однако в период нахождения ребенка в школе бремя ответственности смещается.

Коммерческий характер частных организаций порождает конфликт между интересом учредителей к прибыли и потребностями детей в безопасности. Стремление к минимизации издержек приводит к экономии на квалифицированном персонале, закупке некачественных продуктов питания, сокращению площадей помещений. При этом родители, оплатившие услуги, фактически лишены рычагов влияния на решения администрации, поскольку договор оказания платных образовательных услуг заключается на условиях, определяемых исполнителем. Судебная защита в таких случаях затруднена из-за сложности доказывания причинно-следственной связи между действиями учреждения и наступившим вредом.

Психологическая безопасность – еще один острый вопрос. Закон «Об основных гарантиях прав ребенка» [4, с. 4] провозглашает право на защиту от насилия. Однако механизмы профилактики и реагирования не конкретизированы. В частных школах нередко отсутствуют локальные акты, регламентирующие процедуры реагирования на жалобы. Обзор практики рассмотрения дел о защите прав несовершеннолетних, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2023, указывает на необходимость разработки внутренних регламентов, однако обязательного требования к их наличию в частных организациях не установлено.

Государственный контроль за деятельностью частных образовательных организаций осуществляется в нескольких формах: лицензионный контроль, санитарно-эпидемиологический надзор, а также надзор за соблюдением трудового законодательства и требований пожарной безопасности. Однако применительно к содержанию детей эффективность этих механизмов остается низкой.

Предметом плановых проверок Рособнадзора является прежде всего качество образования, а не условия пребывания. Проверки Роспотребнадзора охватывают санитарное состояние, но проводятся не чаще одного раза в три года. Многие частные образовательные организации фактически выпадают из поля зрения надзорных органов из-за моратория на проверки малого бизнеса, установленного Постановлением Правительства РФ № 336 [5, с. 4].

Отдельной проблемой является фактическая закрытость частных образовательных организаций для оперативного контроля. В отличие от государственных учреждений, доступ надзорных органов на территорию частных школ без согласования с учредителем существенно ограничен. Проверки прокуратуры, Роспотребнадзора и иных контролирующих структур требуют либо планового основания, либо согласования с органами прокуратуры, что в условиях моратория на проверки малого бизнеса делает внеплановые визиты практически невозможными. Это создает ситуацию, при которой нарушения условий содержания детей могут длительное время оставаться скрытыми.

Механизмы реагирования на жалобы родителей недостаточно эффективны. Сроки рассмотрения обращений и отсутствие у родителей доступа к материалам проверок снижают оперативность защиты прав детей. Большинство обращений, связанных с условиями содержания в частных образовательных организациях, не приводят к реальным проверкам из-за сложности доказывания нарушений. Доклад Уполномоченного по правам ребенка за 2024 год отмечает, что только 15 % жалоб на условия содержания в частных школах завершаются восстановлением нарушенных прав.

Перспективным направлением мог бы стать общественный надзор. Закон об образовании закрепляет право родителей знакомиться с содержанием образования, но не с условиями содержания. Включение в договор об оказании платных образовательных услуг условий о праве родителей на посещение помещений в любое время могло бы повысить прозрачность. Однако такие условия носят рекомендательный характер и часто не включаются в типовые договоры. В международной практике, например в Германии и Франции, подобные положения являются обязательными и закрепляются в типовых формах договоров, утверждаемых на уровне министерств образования.

Важным аспектом является отсутствие обязательной публичной отчетности частных образовательных организаций об условиях содержания детей. В отличие от государственных школ, которые обязаны размещать на официальных сайтах отчеты о результатах самообследования, включая информацию о материально-техническом обеспечении, частные учреждения зачастую ограничиваются лишь рекламными описаниями. Родители, заключая договор, не имеют возможности проверить реальное соответствие заявленных условий фактическим, поскольку законодательно закрепленное право знакомиться с содержанием образования не распространяется на условия содержания.

Анализ правовых пробелов позволяет сформулировать ряд предложений по совершенствованию законодательства. Необходимо легальное закрепление минимальных стандартов содержания детей в частных образовательных организациях. Целесообразно дополнить Закон об образовании понятием «условия содержания», включив в него требования к площади помещений в расчете на одного ребенка, кратности питания, квалификации персонала, осуществляющего присмотр в ночное время, наличию медицинского кабинета и порядку оказания первой помощи.

Требуется уточнение оснований и порядка привлечения частных образовательных организаций к ответственности за нарушения в сфере содержания детей. Предлагается установить повышенные санкции за нарушения санитарных норм и правил безопасности в ночное время, а также ввести административную ответственность за воспрепятствование проведению проверок [6, с. 4]. Кроме того, представляется обоснованным введение персональной ответственности руководителей частных образовательных организаций за нарушения, повлекшие вред здоровью детей. В настоящее время административные штрафы часто оплачиваются из средств учреждения, что не создает для должностных лиц личной мотивации к соблюдению требований.

Важно внедрение механизмов независимой оценки условий содержания с участием родительских сообществ и общественных организаций. Создание электронных платформ для сбора обратной связи и публичных рейтингов частных образовательных организаций по критериям безопасности и качества содержания будет стимулировать учреждения к соблюдению стандартов. Опыт Великобритании показывает, что публикация рейтингов школ по результатам проверок службы стандартов образования существенно повышает уровень безопасности и качества услуг.

Международный опыт регулирования содержания детей в частных образовательных организациях представляет интерес для России. В Германии деятельность частных школ-пансионов регулируется не только федеральным законодательством об образовании, но и специальными нормами о защите детей, которые устанавливают обязательные требования к условиям проживания, квалификации персонала и порядку медицинского обслуживания. Во Франции частные образовательные организации, предоставляющие услуги проживания,

подлежат обязательному лицензированию как детские учреждения интернатного типа, что предполагает регулярные проверки не только образовательной деятельности, но и условий содержания. Например, в Финляндии частные образовательные организации с пансионом обязаны ежегодно проходить независимый аудит условий проживания, результаты которого публикуются в открытом доступе. Это позволяет родителям принимать осознанное решение при выборе школы и одновременно стимулирует учреждения поддерживать высокий уровень безопасности. Внедрение аналогичных требований в российское законодательство позволило бы повысить уровень защиты прав детей.

Практические рекомендации направлены на устранение выявленных недостатков путем повышения квалификации управленческого персонала, создания специализированных надзорных структур, внедрения систем оперативного рассмотрения жалоб с участием независимых экспертов. Скоординированная работа всех участников образовательного процесса будет способствовать формированию правовой среды, в которой дети, обучающиеся в частных учреждениях, будут надежно защищены.

Проведенное исследование подтверждает необходимость комплексного подхода к реформированию правового регулирования содержания детей в частных образовательных организациях. Только посредством законодательного совершенствования, усиления контроля и создания прозрачных механизмов взаимодействия возможно обеспечение равных и безопасных условий для всех несовершеннолетних, независимо от формы собственности образовательной организации. Внедрение этих мер будет способствовать не только защите прав детей, но и повышению общественного доверия к частной системе образования.

Таким образом, комплексный анализ правового регулирования содержания детей в частных образовательных организациях свидетельствует о необходимости системных изменений. Отсутствие детализированных требований к условиям пребывания, слабость контрольных механизмов и неопределенность в вопросах ответственности создают риски для здоровья и развития несовершеннолетних. Внесение предложенных изменений в законодательство, включая введение минимальных стандартов содержания, обязательное лицензирование услуг по проживанию и усиление общественного контроля, позволит сформировать эффективную правовую среду, гарантирующую равную защиту прав детей независимо от формы собственности образовательной организации.

Список литературы

1. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 53. – Ст. 7598.
2. СанПиН 2.4.3648-20 «Санитарно-эпидемиологические требования к организациям воспитания и обучения, отдыха и оздоровления детей и молодежи». – М., 2020.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
4. Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3802.
5. Постановление Правительства РФ от 10.03.2022 № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 11. – Ст. 1715.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 1. – Ст. 1.

СООТНОШЕНИЕ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРА ПО ОКАЗАНИЮ УСЛУГ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ И ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ

Трубаева Ксения Александровна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
trubaevaksenia9@gmail.com

Сивков Максим Александрович, студент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
maxsivcov@bk.ru

Научный руководитель: Бородин Игорь Анатольевич, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
igorborodin@.bk.ru

Аннотация. Актуальность данного исследования обусловлена стремительной трансформацией рынка труда, появлением платформенной занятости и массовым переходом организаций на работу с самозанятыми, что зачастую ведет к подмене трудовых отношений гражданско-правовыми. Новизна статьи заключается в анализе современных «гибридных» форм занятости через призму классических критериев разграничения трудового и гражданского права. В работе рассматриваются полемические вопросы о достаточности существующих законодательных признаков для квалификации отношений, а также исследуется ужесточение позиции судов в отношении защиты прав фактических работников. Результатом исследования стал перечень сущностных признаков, позволяющих минимизировать риски переквалификации договоров и обеспечить соблюдение конституционного права граждан на социальные гарантии в сфере труда.

Ключевые слова: трудовой договор, гражданско-правовой договор, возмездное оказание услуг, трудовая функция, работодатель, самозанятость, переквалификация договора, социальные гарантии, судебная практика, трудовое правоотношение

В современной юридической доктрине и практике вопрос разграничения трудового договора (ТД) и гражданско-правового договора (ГПД) остается одним из наиболее дискуссионных. С одной стороны, гражданское право основывается на принципах диспозитивности и равенства сторон, предлагая гибкость в оформлении отношений. С другой стороны, трудовое право носит императивно-защитный характер, гарантируя работнику – как более слабой стороне – стабильность и социальную поддержку. Конфликт интересов возникает тогда, когда экономическая выгода заказчика (минимизация налогов и страховых взносов) вступает в противоречие с необходимостью защиты законных прав исполнителя, фактически выполняющего функции штатного сотрудника.

Целью данной работы является проведение комплексного сравнительно-правового анализа трудового договора и гражданско-правового договора (ГПД) о выполнении работ или оказании услуг для выявления их фундаментальных различий и выработки рекомендаций по их правоприменению.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Раскрыть правовую природу и предмет исследуемых договоров в соответствии с ТК РФ и ГК РФ.
2. Выявить ключевые критерии, позволяющие отличить процесс выполнения трудовой функции от достижения о вещественного результата услуги.
3. Проанализировать правовые последствия подмены трудовых отношений гражданско-правовыми конструкциями.

4. Изучить актуальную судебную практику и позицию Верховного Суда РФ по вопросам защиты прав работников в спорных правоотношениях.

5. Оценить влияние режима «самозанятости» на современную практику заключения договоров.

Правовая природа и предмет договоров

Трудовой договор (ст. 56 ТК РФ) – это соглашение, по которому работник обязуется лично выполнять определенную трудовую функцию (работу по должности в соответствии со штатным расписанием, профессии, специальности), подчиняясь правилам внутреннего трудового распорядка, а работодатель обязуется обеспечить условия труда и выплачивать заработную плату.

Гражданско-правовой договор (например, ст. 779 ГК РФ – возмездное оказание услуг) предполагает выполнение конкретного задания (заказа). Предметом здесь является не процесс труда как таковой, а его овеществленный или нематериальный результат, который передается заказчику.

Ключевое отличие: В трудовых отношениях важен сам процесс (работник «продает» свое время и навыки), в гражданских – итог (заказчик покупает готовую услугу или товар).

Критерии разграничения: сравнительный анализ

Для четкого понимания разницы необходимо выделить несколько базовых параметров:

А. Организационная зависимость и субординация

В трудовом праве работник включен в организационную структуру предприятия. Он обязан приходить к 9:00, уходить в 18:00, следовать распоряжениям начальника и соблюдать корпоративную этику.

В гражданском праве исполнитель автономен. Заказчик не вправе диктовать ему график работы или методы достижения результата, если иное не оговорено в спецификации к договору. Исполнитель сам организует свой труд.

Б. Личный характер выполнения работ

Трудовой договор всегда подразумевает личное участие работника. Он не может прислать вместо себя соседа или субподрядчика.

В рамках ГПД, если иное не установлено договором, исполнитель может привлечь к оказанию услуг третьих лиц (соисполнителей), оставаясь ответственным перед заказчиком за конечный результат.

В. Обеспечение условий труда

Работодатель обязан предоставить рабочее место, компьютер, спецодежду, инструменты и сырье. В ГПД исполнитель, как правило, действует на свой риск и использует собственную материально-техническую базу. Стоимость амортизации его оборудования обычно закладывается в цену договора.

Г. Порядок и форма оплаты

Заработная плата выплачивается регулярно (не реже двух раз в месяц) за фактически отработанное время или выполнение норм выработки, независимо от финансового состояния предприятия.

Вознаграждение по ГПД выплачивается на основании акта приема-сдачи оказанных услуг. Если услуга не оказана или результат не достигнут по вине исполнителя, оплата может не производиться вовсе.

Социальные гарантии и риски

Разрыв в объеме прав между работником и «подрядчиком» колоссален. Трудовой договор гарантирует:

- Оплачиваемый ежегодный отпуск.
- Оплату листов нетрудоспособности (больничных).
- Запрет на увольнение без веских оснований (ст. 81 ТК РФ).
- Выплату выходных пособий при сокращении.
- Ограничение материальной ответственности (обычно в пределах среднего заработка).

Исполнитель по ГПД лишен этих привилегий. Его отношения с заказчиком могут быть расторгнуты в любой момент в соответствии с условиями договора, а ответственность за ущерб, причиненный заказчику, носит полный характер в рамках гражданско-правовой деликатности.

Проблема «мнимых» ГПД и переквалификация

Статья 15 ТК РФ прямо запрещает заключение гражданско-правовых договоров, фактически регулирующих трудовые отношения. Если контролирующие органы (Роструд, ФНС) или суд обнаружат признаки трудового договора в договоре оказания услуг, будет произведена переквалификация.

Признаки, вызывающие подозрение у судов:

1. В договоре указана должность (например, «водитель»), а не конкретный объем перевозок.
2. Оплата производится в одни и те же даты ежемесячно в равных суммах.
3. Исполнитель ознакомлен под роспись с должностной инструкцией или ПВТР.
4. Договор носит длительный характер и многократно пролонгируется (системность).
5. Исполнителю выдаются пропуска, ключи от офиса, выделяется стационарное рабочее место.

Последствия для работодателя:

При признании отношений трудовыми работодатель будет обязан:

- Доначислить и выплатить страховые взносы.
- Выплатить компенсацию за неиспользованные отпуска за весь период работы.
- Привести кадровое делопроизводство в соответствие с ТК РФ.
- Уплатить штрафы за нарушение трудового законодательства (ст. 5.27 КоАП РФ).

Подводя итог исследованию, можно сделать вывод, что трудовой договор и ГПД по оказанию услуг имеют принципиально разную правовую природу. Трудовой договор направлен на обеспечение стабильной жизнедеятельности работника и функционирование организации, тогда как гражданско-правовой договор служит инструментом оперативного решения конкретных бизнес-задач. Четкое соблюдение границ между этими институтами является необходимым условием правовой безопасности бизнеса и социальной стабильности общества. Развитие законодательства должно идти по пути уточнения признаков «зависимого труда», чтобы исключить возможность дискриминации работников под видом гражданского партнерства.

Выбор между ТД и ГПД не должен диктоваться исключительно желанием сэкономить на налогах или упростить процедуру «увольнения». Гражданско-правовой договор эффективен для разовых, проектных задач, требующих специфической экспертизы или привлечения внешних ресурсов. Трудовой же договор остается фундаментом стабильности для бизнеса, где требуется постоянное присутствие персонала, контроль качества процессов и формирование кадрового резерва. Юридическая чистота в этом вопросе – залог отсутствия судебных тяжб и претензий со стороны государства.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993). М., 2025.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (Статьи 15, 16, 19.1, 56, 57) // СПС Консультант Плюс.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ. (Глава 37 (Подряд), Глава 39 (Возмездное оказание услуг)) // СПС Консультант Плюс.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2018 № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей – физических лиц и у работодателей – субъектов малого предпринимательства» (Важнейший документ по критериям разграничения ТД и ГПД) // СПС Консультант Плюс.
5. Гусов, К. Н. Трудовое право России: Учебник / К. Н. Гусов, В. Н. Толкунова. – М.: Проспект, 2022. (Классическое издание, подробно разбирающее элементы трудового отношения).
6. Головина, С. Ю. Понятийный аппарат трудового права / С. Ю. Головина. – Екатеринбург, 2021. (Анализ терминологических различий «трудовой функции» и «задания»).
7. Лютов, Н. Л. Трансформация трудового правоотношения в условиях цифровой экономики / Н. Л. Лютов. – М.: Норма, 2023. (Актуальные данные о платформенной занятости и самозанятых).
8. Скачкова, Г. С. Гражданско-правовые договоры в сфере регулирования труда / Г. С. Скачкова. – М.: МГИМО, 2020. (Глубокий сравнительный анализ договорных конструкций).
9. Куренной, А. М. Трудовое право России: Учебник / А. М. Куренной. – М.: Правоведение, 2022.
10. Миронов, В. И. Трудовое право: учебник для вузов / В. И. Миронов. – СПб.: Питер, 2023.

СООТНОШЕНИЕ УБЫТКОВ И СУДЕБНЫХ РАСХОДОВ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Тузова Светлана Сергеевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

tuzova_s@internet.ru

Научный руководитель: Сторожева Анна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

storanna2021@mail.ru

Аннотация. В данной работе исследуются теоретические и практические аспекты отграничения убытков от судебных издержек в рамках гражданского процесса по потребительским спорам. Автор анализирует правовую сущность досудебных затрат потребителя, включая расходы на проведение экспертизы и оплату юридической помощи, а также определяет критерии их дифференциации. Особое место уделено порядку возмещения процессуальных издержек, включая случаи вынесения решения не в пользу потребителя, и проблеме обеспечения равновесия между необходимостью компенсации затрат на судопроизводство и принципом доступности правосудия.

Ключевые слова: Защита прав потребителей, убытки, судебные расходы, судебные издержки, досудебные расходы, квалификация расходов, гражданское судопроизводство, доступность правосудия, представительство в суде, штраф, принцип пропорциональности, судебная практика, соотношение правовых категорий

В современных условиях правоприменения по потребительским спорам особую научную и практическую значимость обретают имущественные элементы судопроизводства, выступающие ключевым фактором, лимитирующим или обеспечивающим доступ экономически зависимого субъекта к правосудию. Дифференциация правовой природы убытков и процессуальных издержек в указанной категории дел образует сложный исследовательский комплекс, требующий анализа через призму взаимосвязи материально-правовых и процессуально-правовых конструкций.

Фундаментальное различие между данными категориями коренится в их функциональном назначении: убытки выполняют правосстановительную (компенсационную) функцию в отношении имущественной сферы, пострадавшей от правонарушения. Судебные же расходы представляют собой процессуальный инструмент перераспределения фискальной нагрузки между сторонами, основанный на императиве возмещения затрат пропорционально объему удовлетворенных (либо отклоненных) исковых требований. [1].

Особый процессуальный статус потребителя проявляется не только в льготах по уплате госпошлины, но и в специфике квалификации судебных издержек, к которым относятся: представительские расходы, почтовые издержки, затраты на досудебные экспертизы и иные необходимые расходы, признанные судом таковыми.

Определяющим при разрешении вопроса о взыскании представительских расходов выступает критерий разумности, верифицируемый через оценку цены иска, сложности дела, объема оказанной помощи и продолжительности процесса. При этом законодательная конструкция исключает возможность произвольной редукции заявленных сумм: уменьшение представительских расходов находится в строгой зависимости от наличия процессуальной позиции оппонента, доказательно обосновавшего чрезмерность предъявленных к взысканию затрат.[2].

Самостоятельного научно-прикладного анализа заслуживает вопрос о компенсации расходов, связанных с представительством интересов потребителя общественными

объединениями. Как следует из правовой позиции Верховного Суда РФ, подобного рода затраты не подпадают под правовой режим судебных издержек, поскольку не могут быть квалифицированы в качестве необходимых для реализации права на судебную защиту. Указанное обстоятельство исключает возможность их возмещения по правилам главы 7 ГПК РФ либо главы 9 АПК РФ.

Центральной проблемой исследуемой тематики выступает правовая квалификация досудебных расходов потребителя. Наиболее дискуссионный характер данная проблема приобретает применительно к затратам на проведение независимой экспертизы качества товара, осуществляемой до момента инициирования судопроизводства. [1].

Ключевым критерием демаркации убытков и процессуальных издержек выступает целевой характер затрат и их роль в восстановительном механизме. Правоприменительная практика исходит из того, что расходы на установление размера ущерба не подпадают под диспозицию ст. 15 ГК РФ, поскольку не являются ни реальным ущербом (имущество не страдает), ни упущенной выгодой. Указанные затраты лишены восстановительной функции, так как не направлены на непосредственное устранение последствий правонарушения.

Аналогичный подход экстраполируется на досудебные расходы на юридические услуги, квалифицируемые как судебные издержки. Из данной квалификации вытекает невозможность взыскания неустойки, начисленной на сумму процессуальных расходов. Судебная практика единообразна: представительские расходы относятся к сфере процессуального права и не подлежат включению в цену иска. [1].

Наиболее рельефно правовая дилемма соотношения убытков и судебных издержек манифестируется при отрицательном для потребителя исходе дела. Отказ в удовлетворении иска актуализирует вопрос о допустимости взыскания с истца-потребителя судебных расходов ответчика.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о генерализации общего процессуального принципа распределения издержек (ст. 98 ГПК РФ) на потребительские споры: при отказе в иске ответчик легитимирован требовать компенсации своих расходов, включая представительские, размер которых может быть сопоставим с ценой отклоненного иска.

Иллюстративна практика Московского городского суда: в одном деле с потребителя взысканы представительские расходы ответчика, в другом – заявлено требование о 100 000 руб. при цене иска 109 000 руб., что объективно ставит вопрос о соответствии подобных взысканий конституционному принципу доступности правосудия. При этом окончательный размер определяется судом с учетом критериев соразмерности. Однако действующее процессуальное законодательство, несмотря на обозначенную коллизию, не предусматривает исключений для потребителя как проигравшей стороны. [4].

Обобщение современных тенденций правоприменения позволяет выявить ряд векторов развития правового регулирования в сфере соотношения убытков и судебных издержек по потребительским спорам. Отчетливо прослеживается углубление дифференциации процессуальных правил распределения судебных расходов применительно к различным категориям дел. Подобная специализация правового регулирования, как неоднократно подчеркивалось в решениях Конституционного Суда Российской Федерации, сама по себе не может интерпретироваться как нарушение конституционных основ правосудия. [3].

Правоприменительная практика вынуждена балансировать между полным возмещением судебных издержек выигравшей стороне и необходимостью обеспечения реальной доступности правосудия для потребителей, поскольку перспектива взыскания значительных расходов при отказе в иске способна выполнять превентивно-блокирующую функцию в отношении обращения в суд.

Пункт 6 статьи 13 Закона «О защите прав потребителей» конституирует штраф в размере 50% от суммы, присужденной в пользу потребителя, за несоблюдение добровольного порядка урегулирования спора. Указанная санкция носит дуалистический

характер, сочетая публично-правовую (штрафную) природу и функцию стимулирования ответчика к внесудебному удовлетворению требований.

Принципиальное значение имеет законодательно закреплённая дифференциация базы исчисления штрафа: в нее инкорпорируются убытки, но исключаются судебные расходы. Подобная конструкция обеспечивает четкую демаркацию материально-правовой ответственности (реализуемой через институт убытков) и процессуального механизма компенсации издержек, связанных с рассмотрением дела. [3].

В качестве перспективного направления оптимизации правового регулирования предлагается дальнейшая конкретизация критериев разумности судебных расходов и имплементация механизмов, учитывающих имущественное положение потребителя при взыскании с него издержек в пользу выигравшего ответчика.

В доктрине гражданского процесса обоснована допустимость дифференциации правил распределения судебных расходов применительно к отдельным категориям дел, что не противоречит конституционным основам правосудия. Необходимость несения и компенсации судебных издержек детерминирована не самим фактом судебного акта, а вынужденным характером затрат лица, объективно заинтересованного в восстановлении своих прав, что устанавливается по итогам разбирательства. [2].

В силу открытости перечня судебных издержек, закреплённого в статье 94 ГПК РФ, делимитация процедурных и судебных расходов в значительной степени детерминирована судебским усмотрением и векторами судебной практики.

Резюмируя проведенное исследование, следует констатировать, что проблема соотношения убытков и судебных расходов в потребительских спорах представляет собой многомерный правовой феномен, интегрирующий категории материального и процессуального права. Разграничение правовой природы указанных институтов предопределяет особенности их практической реализации: дифференцированный порядок исчисления, специфику механизмов взыскания и характер взаимодействия в структуре конкретного дела.

Эволюция правового регулирования в исследуемой сфере осуществляется в парадигме поиска оптимального баланса между обеспечением повышенной защиты потребителя как экономически слабой стороны и действием фундаментальных процессуальных принципов – состязательности и обязанности компенсации судебных издержек выигравшей стороне. Перспективное совершенствование законодательства и правоприменительной практики должно быть ориентировано на формирование предсказуемых и не предсказуемых правил распределения судебных расходов, исключающих риски, при которых потенциальные издержки могут трансформироваться в непреодолимый барьер для доступа к правосудию.

Соотношение убытков и судебных расходов по потребительским делам складывается не в пользу ответчика (продавца, исполнителя, изготовителя). Штрафной характер законодательства о защите прав потребителей приводит к тому, что судебные расходы (неустойки, штрафы, пени, моральный вред) устойчиво превышают сумму основного требования или составляют ее значительную часть. Данная правовая модель направлена на стимулирование исполнителей к добровольному удовлетворению требований потребителей, однако на практике она также создает почву для злоупотреблений и существенно увеличивает финальную стоимость проигранного дела для недобросовестного ответчика. В итоге судебный процесс превращается в механизм взыскания не столько убытков, сколько санкций, что возлагает на ответчика финансовое бремя с множеством обязательств.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. -2002.-№ 46. -Ст. 4532.
2. Гражданский процесс: учебник / под ред. А. В. Габова, В. Г. Голубцова, С. Ж. Соловых.- М.: Статут, 2024.- 832 с.
3. Домшенко, В. Г. Защита ответчика против группового иска: монография / В. Г. Домшенко. – М.: Статут, 2024. -192 с.
4. Спор о защите прав потребителей при приобретении товара ненадлежащего качества (на основании судебной практики Московского городского суда) // Электронный журнал «Помощник адвоката». -2025 (дата обращения: 26.02.2026).

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРАХОВАНИЯ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Тюрина Анна Андреевна, курсант

Университета ФСИН России, Санкт-Петербург, Россия

anna.tyurina78@gmail.com

Жданов Егор Иванович, курсант

Университета ФСИН России, Санкт-Петербург, Россия

egor.zdanow2004@gmail.com

Научный руководитель: Абдуразаков Ахмед Абдурахманович, кандидат юридических наук, доцент

Университет ФСИН России, Санкт-Петербург, Россия

abdurazakov1982@gmail.com

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ договора страхования, изучение его правовой природы, существенных условий и субъектного состава. Особое внимание уделяется специфике договора обязательного государственного страхования жизни и здоровья сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС РФ), рассматриваются его правовое регулирование, особенности заключения и исполнения. Автором исследуется правовая конструкция договора, заключаемого в пользу третьего лица, анализируется соотношение публично-правовых и частноправовых элементов в механизме обязательного государственного страхования. На основе анализа законодательства, ведомственных нормативных актов выявляются системные проблемы действующей модели страховой защиты и формулируются конкретные предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики, направленные на повышение уровня социальной защищенности сотрудников УИС РФ и членов их семей.

Ключевые слова: обязательное государственное страхование, уголовно-исполнительная система Российской Федерации, сотрудники УИС РФ, страховой случай, страховые выплаты, социальная защита, ФСИН России

Актуальность темы исследования обусловлена особыми условиями службы сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (УИС РФ), сопряженными с повышенным риском для жизни и здоровья. Сложная, напряженная для жизни и здоровья трудовая деятельность сотрудников УИС РФ нуждается не только в правовой защите, но и в правовой регламентации случаев, когда жизни и здоровью сотрудников УИС РФ причинен вред [1, с. 4]. Работа в учреждениях УИС РФ связана с постоянным контактом с лицами, совершившими преступления, что создает специфические условия, требующие надежной и эффективной системы страхования. Поэтому обеспечение социальной защиты сотрудников УИС РФ, а именно страхование их жизни и здоровья, является одной из важнейших задач государства.

Целью настоящей статьи является комплексное исследование договора страхования жизни и здоровья сотрудников УИС РФ с акцентом на правовые аспекты его заключения, исполнения и возможных споров. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: изучение понятия и правовой природы договора страхования; исследование его содержания; анализ правовых основ обязательного страхования сотрудников УИС РФ; определение проблем и перспектив развития данной системы.

Страхование является одним из ключевых институтов гражданского права и финансовой системы, обеспечивающим защиту имущественных интересов физических и

юридических лиц при наступлении неблагоприятных событий. В соответствии со ст. 2 Закона РФ от 27.11.1992 № 4015–1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации», это отношения по защите интересов физических и юридических лиц, Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований при наступлении определенных страховых случаев за счет денежных фондов, формируемых страховщиками из уплаченных страховых премий (страховых взносов), а также за счет иных средств страховщиков [6]. Данное определение подчеркивает экономическую и правовую природу страхования, которое выступает как механизм перераспределения рисков.

Правовое регулирование страхования в Российской Федерации осуществляется на основе Гражданского кодекса РФ – гл. 48 (далее – ГК РФ) [7], Закона РФ № 4015–1, а также специальных федеральных законов. Как отмечает Корчевская Л.И., судебная практика играет важную роль в толковании страхового законодательства [2, с. 34]. Например, в Постановлении Пленума ВС РФ от 25.06.2024 г. №19 [8] и Постановлении Пленума ВС РФ от 08.11.2022 №31 [9] даны важные разъяснения по применению норм о страховании.

Договор страхования представляет собой ключевой юридический инструмент, опосредующий страховые правоотношения. Согласно статье 927 ГК РФ, страхование осуществляется на основании договоров имущественного или личного страхования, заключаемых страхователем со страховщиком.

Содержание договора страхования образуют взаимные права и обязанности сторон. Основная обязанность страховщика – выплатить страховое возмещение или сумму при наступлении страхового случая. Обязанность страхователя – уплатить страховую премию и сообщить существенные для оценки риска обстоятельства.

Существенные условия договора перечислены в статье 942 ГК РФ: об объекте страхования; о характере страхового случая; о размере страховой суммы; о сроке действия договора. Отсутствие соглашения по любому из этих условий влечет недействительность договора. Форма договора должна быть письменной (ст. 940 ГК РФ). Несоблюдение этого требования влечет недействительность договора.

Особого внимания заслуживает толкование условий договора. В судебной практике применяется принцип, согласно которому неясные условия договора толкуются в пользу контрагента стороны, которая подготовила проект договора. Таким образом, договор страхования представляет собой сложный правовой механизм, требующий четкого согласования всех существенных условий и соблюдения установленной законом формы.

Таким образом, страхование жизни и здоровья сотрудников УИС РФ представляет собой особый вид обязательного государственного страхования, регулируемый Законом РФ от 28 марта 1998 года № 52-ФЗ [10]. Данный нормативный акт устанавливает специальный правовой режим страхования, учитывающий повышенные профессиональные риски.

Правовая природа данного страхования характеризуется сочетанием публично-правовых (обязательность, бюджетное финансирование) и частноправовых элементов (реализация через гражданско-правовой договор между ФСИН России и страховой организацией АО «СОГАЗ»). Как справедливо отмечается в научной литературе, договор обязательного государственного страхования жизни и здоровья сотрудников УИС «заключается в пользу третьего лица, что подтверждается положениями ФЗ № 52», что определяет особую конструкцию складывающихся правоотношений [3, с. 82].

Субъектный состав правоотношений включает: страхователя (Российская Федерация в лице ФСИН России), страховщика (страховая компания, отобранная по конкурсу), застрахованных лиц (сотрудники учреждений и органов УИС РФ) и выгодоприобретателей (сам сотрудник, члены его семьи или наследники). Объектом страхования выступают имущественные интересы, связанные с жизнью и здоровьем.

Перечень страховых случаев установлен статьей 4 Закона № 52-ФЗ и включает гибель, установление инвалидности, получение увечья и др. Размеры страховых сумм установлены статьей 5 Закона и подлежат индексации. Выплаты производятся независимо от получения других видов возмещения вреда. Выплата осуществляется страховщиком в 15-

дневный срок со дня получения необходимых документов. Порядок осуществления выплат регламентирован статьей 6 Закона № 52-ФЗ и включает документальное подтверждение страхового случая, подачу заявления через кадровый аппарат и рассмотрение его страховщиком в установленный срок. Финансовое обеспечение системы осуществляется за счет средств федерального бюджета.

Несмотря на длительный период существования, система обязательного государственного страхования жизни и здоровья сотрудников УИС РФ требует существенной модернизации. Проведенный анализ позволяет выделить несколько ключевых проблем, носящих системный характер и требующих безотлагательного законодательного и организационного реагирования.

Прежде всего, это явное несоответствие размера страховых выплат реальным потребностям застрахованных лиц. Установленные ст. 5 ФЗ № 52-ФЗ фиксированные страховые суммы были определены более двадцати лет назад и, несмотря на периодическую индексацию, утратили свою экономическую обоснованность. Реальная покупательная способность выплат за этот период снизилась в несколько раз, что не позволяет в полной мере компенсировать утраченный заработок, расходы на лечение, реабилитацию и содержание семей в случае гибели кормильца. Кроме того, действующая система не учитывает такие объективные критерии, как выслуга лет, регион прохождения службы, занимаемая должность и степень профессионального риска. Сотрудник со стажем двадцать лет и кандидат, прослуживший два месяца, формально находятся в равном положении, что нарушает принципы справедливости и адекватности страховой защиты.

Второй проблемой является чрезмерная сложность и длительность процедуры доказывания причинно-следственной связи полученного заболевания или увечья с исполнением служебных обязанностей. Существующая система ведомственных военно-врачебных комиссий не обеспечивает оперативности и единообразия экспертных заключений. Сбор необходимых документов, прохождение многочисленных инстанций, ожидание решений зачастую растягиваются на срок от шести месяцев до полутора лет. При этом бремя доказывания фактически возложено на самого сотрудника или членов его семьи, которые вынуждены самостоятельно инициировать экспертизы, обращаться в независимые медицинские учреждения, нести судебные расходы. Действующие перечни заболеваний не учитывают специфических профессиональных вредностей, характерных именно для службы в уголовно-исполнительной системе: постоянный контакт с криминальной средой, работу в условиях изоляции и ограниченного пространства, ночные смены, высокий уровень психоэмоциональных нагрузок. В результате значительная часть заболеваний, напрямую связанных с прохождением службы, не признается страховыми случаями, а обоснованные требования удовлетворяются лишь после длительных судебных разбирательств.

Третья, наиболее острая и долгое время игнорируемая проблема – это полное отсутствие страхового покрытия рисков повреждения психического здоровья. Служба в учреждениях и органах УИС РФ объективно сопряжена с систематическим воздействием на психику сотрудников таких факторов, как агрессивное поведение осужденных, угрозы физической расправы, необходимость применения силы, высокая концентрация лиц с психическими отклонениями, суицидальные проявления среди спецконтингента. Несмотря на очевидный профессиональный риск, действующее законодательство не относит к страховым случаям посттравматическое стрессовое расстройство, профессиональную деформацию личности, депрессивные состояния, попытки суицида, даже если они находятся в прямой причинно-следственной связи с исполнением служебных обязанностей. Данный пробел не только лишает сотрудников адекватной компенсации и возможности получить дорогостоящее лечение, но и формирует в ведомственной среде стигматизацию психических расстройств, препятствует своевременному обращению за помощью и в ряде случаев приводит к необратимым последствиям. Является целесообразным дополнить перечень страховых случаев наступлением у сотрудников профессиональных заболеваний, вызванных тесным контактом с осужденными [4, с. 53].

Исходя из обозначенных проблем, перспективы развития системы обязательного государственного страхования сотрудников УИС РФ видятся в реализации комплекса взаимосвязанных мер, охватывающих финансовую, медицинскую, процедурную и организационную сферы.

В области финансовой модернизации необходима смена самой парадигмы расчета страховых сумм – переход от плоской фиксированной шкалы к гибкой, дифференцированной модели. Предлагается внедрение прогрессивной шкалы страховых выплат с применением повышающих коэффициентов, учитывающих выслугу лет сотрудника, территорию прохождения службы, а также категорию должности по степени профессионального риска. Это позволит привести размер страхового обеспечения в соответствие с объемом фактически исполняемых обязанностей, накопленным стажем и реальной стоимостью жизни в конкретном регионе. Кроме того, требуется законодательное закрепление обязательной ежегодной индексации страховых сумм на уровень фактической инфляции предшествующего года с дополнительным увеличением не менее чем на два процентных пункта, что обеспечит не просто сохранение, но и реальный рост покупательной способности выплат. Дополнительной гарантией стабильности системы должно стать формирование целевого резервного фонда, аккумулирующего средства экономии по государственным контрактам и доходы от временного размещения свободных остатков, который может быть использован для осуществления выплат в случаях временных кассовых разрывов или задержек бюджетного финансирования.

В медицинском аспекте ключевым направлением является разработка и нормативное закрепление специализированного ведомственного перечня профессиональных заболеваний сотрудников УИС РФ, учитывающего специфические факторы службы, включая заболевания опорно-двигательного аппарата от длительного ношения средств бронезащиты, патологии органов дыхания, инфекционные заболевания, полученные при контакте со спецконтингентом, профессиональные дерматозы и иные расстройства. Для обеспечения единообразия экспертных подходов и сокращения сроков освидетельствования представляется обоснованным создание Федерального центра профессиональной патологии сотрудников УИС РФ с сетью окружных филиалов, наделенного исключительными полномочиями по установлению причинно-следственной связи заболеваний с профессиональной деятельностью. Наиболее значимым шагом должно стать включение в перечень страховых случаев психических расстройств и посттравматического стрессового расстройства с определением размера выплат на уровне не менее пятидесяти процентов от сумм, установленных для случаев тяжелых увечий, а также покрытием расходов на психотерапевтическое лечение и реабилитацию.

Процедурные изменения должны быть направлены на кардинальное упрощение административных барьеров и сокращение сроков получения выплат. Длительные и запутанные процессы рассмотрения претензий, обширная документальная работа и административные задержки могут добавить ненужного стресса и без того сложной ситуации [5, с. 272]. Одной из наиболее действенных мер видится введение законодательной презумпции профессионального характера заболевания для сотрудников, имеющих выслугу более десяти лет, что означает признание любого заболевания, включенного в соответствующий перечень и возникшего в период прохождения службы, связанным с профессиональной деятельностью, если страховщиком не доказано иное. Также необходимо сокращение предельных сроков рассмотрения заявлений о страховых выплатах до пятнадцати рабочих дней с установлением финансовой ответственности страховщика за их нарушение в виде пени. Ключевым инструментом повышения эффективности должна стать полномасштабная цифровизация процесса – создание единого электронного досье на каждого сотрудника, интегрированного с кадровыми, медицинскими и финансовыми учетными системами. Это позволит сотруднику подавать заявление о выплате дистанционно через портал государственных услуг, а страховщику – получать автоматический доступ к подтверждающим документам без участия заявителя.

Реализация предлагаемых преобразований должна носить поэтапный характер, начиная с внесения неотложных изменений в Федеральный закон № 52-ФЗ и проведения пилотных проектов по цифровизации, с последующим переходом к созданию новых институциональных структур и полноценному внедрению дифференцированной системы выплат. Такой подход в конечном итоге позволит существенно увеличить реальный размер страхового обеспечения, сократить сроки его получения до двух-трех недель, расширить перечень страховых случаев с учетом современных реалий службы и, что наиболее важно, сформировать качественно новый уровень социальной защищенности сотрудников УИС РФ и членов их семей.

Список литературы

1. Попова, В. В. Страхование жизни и здоровья сотрудников УИС : методические рекомендации / В. В. Попова. – Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2020. – 24 с.
2. Корчевская, Л. И. Проблемы правового регулирования страхования / Л. И. Корчевская // Журнал российского права. – 2021. – № 5. – С. 32-41.
3. Шевченко, Е. С. Правовые особенности социального страхования сотрудников уголовно-исполнительной системы / Е. С. Шевченко, Р. Р. Зарипов // Modern Science. – 2024. – № 12. – С. 81-85.
4. Валькова, Е. В. Обязательное страхование сотрудников уголовно-исполнительной системы: особенности организационного и правового регулирования / Е. В. Валькова, С. И. Хромова // Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и ресоциализации : сборник материалов международной научно-практической конференции : в 3 ч., Вологда, 09–11 декабря 2021 года. – Вологда: Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. – Ч. 1. – С. 45-53.
5. Воробьев, С. М. К вопросу о страховании сотрудников уголовно-исполнительной системы / С. М. Воробьев, П. В. Ивлиев // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 2 (230). – С. 271-273.
6. Об организации страхового дела в Российской Федерации: закон РФ от 27.11.1992 № 4015–1 (ред. от 13.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru>. (дата обращения: 19.11.2025).
7. Гражданский кодекс Российской Федерации: от 30 ноября 1994 г.: по состоянию на 08.08.2024 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru>. (дата обращения: 19.11.2025).
8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2024 г. № 19 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <https://sudact.ru>. (дата обращения: 22.11.2025).
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 08.11.2022 № 31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <https://sudact.ru>. (дата обращения: 20.11.2025).
10. Закон Российской Федерации от 28.03.1998 № 52 «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru>. (дата обращения: 22.11.2025).

РОЛЬ ПРОКУРОРА В ЗАЩИТЕ АВТОРСКИХ ПРАВ НА МУЛЬТИМЕДИЙНЫЕ ПРОДУКТЫ: РОССИЙСКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ПРАКТИКА

Ухванова Анна Алексеевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

rolandjm@mail.ru

Научный руководитель: Сторожева Анна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

storanna2021@mail.ru

Аннотация. Информационные технологии привели к появлению новых объектов интеллектуальных прав, среди которых мультимедийные продукты занимают особое место. Российское законодательство закрепляет их как сложные объекты (ст. 1240 ГК РФ), но не содержит четкого определения. Массовый характер нарушений в цифровой среде обуславливает необходимость участия прокурора – как гаранта публичных интересов и защиты неопределенного круга лиц.

В статье исследуются правовая природа мультимедийного продукта, полномочия прокурора, анализируется судебная практика Красноярского края и других регионов России, а также приводятся предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: мультимедийный продукт; авторское право; прокурор; судебная практика; интеллектуальная собственность

Развитие цифровых технологий привело к формированию новых объектов интеллектуальных прав, среди которых мультимедийные продукты занимают особое место. Они сочетают в себе различные формы творческого выражения – текстовые материалы, изображения, музыкальные композиции, видеоряд и программное обеспечение. Их комплексный характер порождает сложные вопросы правовой квалификации и защиты. Несмотря на то, что ст. 1240 ГК РФ относит мультимедийные продукты к числу сложных объектов, единое легальное определение до сих пор отсутствует. Это создает значительные трудности для судебной практики. По мнению А.П. Сергеева, отсутствие точной дефиниции приводит к тому, что одни суды квалифицируют мультимедийный продукт как аудиовизуальное произведение, другие – как базу данных или программу для ЭВМ. В.О. Калятин отмечает, что для эффективной охраны прав необходимо разработать самостоятельный правовой режим мультимедиа. Е.С. Котенко в своей диссертации подчеркивает, что ключевыми признаками мультимедийного продукта являются цифровая форма существования, интерактивность и интегративность.

В условиях правовой неопределенности особое значение приобретает участие прокурора. Он выступает не только как участник конкретных дел, но и как субъект, обеспечивающий защиту публичных интересов. Ст. 45 ГПК РФ предоставляет прокурору право подавать иски в защиту неопределенного круга лиц. Ст. 52 АПК РФ позволяет ему участвовать в арбитражных делах, что особенно важно в спорах между организациями. Ст. 39 и 265.1 КАС РФ закрепляют право прокурора на предъявление административных исков о признании информации, распространяемой в сети Интернет, запрещенной к распространению. Наконец, ст. 37 УПК РФ наделяет прокурора широкими полномочиями в уголовном процессе: от надзора за предварительным следствием до поддержания обвинения в суде.

Практика Красноярского края демонстрирует широкий спектр дел об авторских правах. В деле № А33-4745/2012 Арбитражный суд взыскал компенсацию за использование персонажей мультсериала «Смешарики». В деле № А33-16768/2011 («Смешарики GmbH» против ИП Росинского В.В.) был защищен товарный знак, используемый на продукции. В

делах № А33-4942/2013 и № А33-10741/2012 о «Маше и Медведе» суд признал факты нарушения и назначил компенсации. Особое значение имело дело № А33-14443/2013, рассмотренное Судом по интеллектуальным правам (постановление № С01-131/2014 от 03.12.2014), где предметом спора стала фотография, использованная на упаковке. Уголовные дела 2015–2019 гг. касались использования нелицензионного программного обеспечения и оборота контрафактных DVD-дисков. В этих процессах прокуроры играли активную роль: контролировали законность расследования, утверждали обвинительные заключения и обеспечивали возмещение ущерба правообладателям.

Не менее значимой является практика по гражданским делам в других регионах России. Так, в Определении ВС РФ от 17.05.2018 № 18-КГ18-68 рассматривался спор о незаконном использовании фотографий в рекламных материалах. Апелляционное определение Мосгорсуда от 22.06.2017 № 33-24863/2017 касалось публичного исполнения музыкальных произведений в ресторане. В апелляционном определении СПб горсуда от 15.11.2016 № 33-21457/2016 речь шла о незаконной публикации литературного произведения в Интернете. Решение Арбитражного суда Москвы по делу № А40-146565/2015 касалось использования нелицензионного ПО, а Определение ВС РФ от 14.03.2019 № 305-ЭС19-1257 – защиты прав на изображения, распространенные в сети.

Следует отметить, что Верховный Суд РФ в своих определениях неоднократно подчеркивал необходимость комплексного подхода к защите авторских прав. Так, в Обзоре судебной практики ВС РФ за 2019 год указывалось на важность учета как интересов правообладателей, так и баланса публичных интересов. Генеральная прокуратура РФ также отмечает, что в условиях цифровизации именно прокуроры должны играть ключевую роль в инициировании дел о блокировке сайтов, содержащих незаконный контент. В ряде регионов уже реализуются пилотные проекты, предусматривающие взаимодействие прокуратуры с Роскомнадзором и правообладателями.

Зарубежный опыт заслуживает особого внимания. В США и ЕС мультимедийные продукты чаще всего квалифицируются как аудиовизуальные произведения. Это позволяет использовать унифицированные механизмы охраны, включая коллективное управление правами. В ЕС действует Директива 2001/29/ЕС, регулирующая вопросы цифрового использования произведений. В США судебная практика по видеоиграм и программам демонстрирует широкое толкование понятия аудиовизуального произведения, что упрощает защиту авторских прав. Для России заимствование этих подходов может способствовать устранению пробелов и формированию устойчивой практики.

Таким образом, отсутствие четкого определения мультимедийного продукта и единых механизмов защиты осложняет деятельность правообладателей и органов прокуратуры. Представляется необходимым закрепить легальное определение мультимедийного продукта в ст. 1240 ГК РФ, разработать методические рекомендации для прокуроров, а также расширить практику прокурорских исков в публичных интересах. Только комплексный подход, сочетающий усилия правообладателей, судов и органов прокуратуры, позволит эффективно защищать авторские права в

Особое внимание следует уделить именно прокурору как центральной фигуре в системе защиты авторских прав на мультимедийные продукты. Его полномочия позволяют воздействовать на разные уровни правоприменительной практики. Прежде всего, прокурор является гарантом соблюдения законов в сфере интеллектуальной собственности. Надзорная функция реализуется как в уголовном процессе, так и при рассмотрении гражданских и административных дел. Так, прокурор вправе проверять законность возбуждения уголовных дел по ст. 146 УК РФ, контролировать полноту предварительного расследования и утверждать обвинительные заключения. Кроме того, прокурор в суде представляет обвинение от имени государства, отстаивая интересы общества и правообладателей.

Не менее важной является его роль в гражданском судопроизводстве. В силу ст. 45 ГПК РФ прокурор может обращаться в суд в защиту прав неопределенного круга лиц. Это особенно актуально в ситуации, когда отдельный автор или компания не имеют достаточных

ресурсов для отстаивания своих прав, например, в случаях массового распространения контрафактных копий произведений в Интернете. Прокурор в таких процессах выполняет функцию «публичного истца», способного инициировать разбирательство и привлечь внимание суда к проблеме, выходящей за рамки частного интереса.

Значительный потенциал прокурор имеет и в арбитражных процессах. В соответствии со ст. 52 АПК РФ прокурор может вступать в дела о защите интеллектуальных прав, в том числе связанных с использованием мультимедийных продуктов. Это позволяет обеспечить баланс интересов между хозяйствующими субъектами и государством. К примеру, когда речь идет о систематическом использовании нелегального программного обеспечения крупной организацией, прокурор способен не только поддержать позицию правообладателя, но и инициировать проверку законности хозяйственной деятельности компании.

Особое внимание заслуживает административное судопроизводство. В последние годы прокуроры активно используют механизм, предусмотренный ст. 39 и 265.1 КАС РФ, для блокировки сайтов, распространяющих пиратский контент. Данный механизм важен тем, что обеспечивает оперативное прекращение нарушений, затрагивающих миллионы пользователей. Прокуроры обращаются в суды с административными исками о признании информации незаконной, после чего решения направляются в Роскомнадзор для незамедлительной блокировки ресурсов. Такой подход позволяет быстро пресекать массовые нарушения авторских прав, особенно в сфере мультимедийного контента (фильмов, сериалов, видеоигр, музыкальных произведений).

В теории прокурор рассматривается не только как участник судебных процессов, но и как координатор деятельности других государственных органов. В условиях цифровизации именно прокуратура обладает возможностью объединить усилия Роскомнадзора, МВД и правообладателей для борьбы с пиратством. Таким образом, прокурор выступает в роли связующего звена между государственными структурами и частным сектором, что значительно повышает эффективность охраны прав.

Наконец, нельзя не отметить превентивный потенциал прокурорского реагирования. Внесение представлений и протестов на незаконные акты органов власти позволяет предотвращать создание условий для нарушений авторских прав. Например, если муниципальные органы утверждают регламенты, допускающие использование объектов авторских прав без согласия правообладателей, прокурор вправе опротестовать такие акты. Это свидетельствует о широте его возможностей: от уголовного преследования до административного надзора и правотворческой функции.

Все вышеизложенное позволяет утверждать, что прокурор является ключевым субъектом защиты авторских прав в современной России. Его участие обеспечивает не только восстановление нарушенных прав, но и профилактику нарушений, что особенно важно в условиях цифровой экономики. Усиление прокурорского надзора и активизация практики обращений в суды в публичных интересах способны существенно снизить уровень пиратства и повысить доверие общества к институту интеллектуальной собственности.

Рассмотрим примеры административных исков прокуроров о блокировке сайтов

Практика последних лет показывает, что прокуроры активно используют предоставленные им ст. 39 и 265.1 КАС РФ полномочия для защиты авторских прав через механизм блокировки интернет-ресурсов. Так, в 2018 году прокуратура Красноярского края обратилась в суд с административным иском о признании незаконной информации, размещенной на сайте, распространявшем пиратские копии фильмов. Суд удовлетворил исковые требования и обязал Роскомнадзор ограничить доступ к данному ресурсу.

В 2019 году прокуратура Московской области подала аналогичный административный иск к владельцам интернет-сайта, на котором размещались нелегальные версии популярных музыкальных произведений. Суд признал размещенную информацию запрещенной к распространению на территории России, после чего Роскомнадзор внес сайт в реестр запрещенных ресурсов и заблокировал доступ к нему.

В 2020 году прокуратура Санкт-Петербурга инициировала административное дело о блокировке интернет-страниц, где незаконно распространялись программные продукты компании Microsoft. Суд первой инстанции удовлетворил иск прокурора, и сайт был

заблокирован. Данное дело является показательным примером взаимодействия прокуратуры с крупными правообладателями и подтверждает эффективность механизма прокурорских исков в сфере охраны авторских прав. В 2021 году прокуратура Республики Татарстан подала административный иск о признании информации, содержащейся на сайтах с пиратскими копиями учебной литературы, запрещенной к распространению. Суд также удовлетворил иск, что позволило защитить интересы авторов и издателей. Этот пример показывает, что прокурорский надзор распространяется не только на сферу развлечений, но и на образовательный сектор.

Таким образом, практика административных исков прокуроров по блокировке сайтов с пиратским контентом подтверждает универсальность и эффективность данного механизма. Эти иски позволяют быстро реагировать на массовые нарушения и защищать права неопределенного круга лиц, обеспечивая баланс интересов общества и правообладателей.

Список литературы

1. Афолина, А. А. Роль прокурора по защите авторских прав / А. А. Афолина // Электронная библиотека eLIBRARY.RU. – 2022. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49483157> (дата обращения: 20.10.2025).
2. Борисова, Ю. В. Деятельность прокурора по защите прав на объекты интеллектуальной собственности: гражданско-правовой и административно-правовой способы судебной защиты: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / Ю. В. Борисова. – М., 2014. – URL: <https://www.prilib.ru/item/467726> (дата обращения: 20.10.2025).
3. Directive 2001/29/EC of the European Parliament and of the Council of 22 May 2001 on the harmonisation of certain aspects of copyright and related rights in the information society // EUR-Lex. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX%3A32001L0029:EN:HTML> (дата обращения: 20.10.2025).
4. Jović, N. Use of Protected Content by Online Content-Sharing Service Providers / N. Jović // Montenegrin Journal of Social and Legal Studies. – 2020. – URL: <https://mnsisc.pf.unibl.org/2020/njegoslav-jovic-use-of-protected-content-by-online-content-sharing-service-providers.pdf> (дата обращения: 20.10.2025).
5. Маматов, М. В. Защита прокурором права интеллектуальной собственности средствами административной ответственности / М. В. Маматов // Казанский юридический журнал. – 2017. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-prokurorom-prava-intellektualnoy-sobstvennosti-sredstvami-administrativnoy-otvetstvennosti> (дата обращения: 20.10.2025).
6. «Мультимедийная продукция – правовая охрана» // Юридическая энциклопедия NevskyLaw. – URL: <https://nfskylaw.ru/glossary-ip/multimedijnaya-produkciya> (дата обращения: 20.10.2025).
7. «Мультимедиа, контрафакт и троллинг: главное в праве интеллектуальной собственности» // Право.ru. – 2024. – URL: <https://pravo.ru/story/256323/> (дата обращения: 20.10.2025).
8. Попов, Н. В. Юридическая защита интеллектуальной собственности и авторских прав: учебное пособие / Н. В. Попов. – М.: ПХТУ, 2016. – URL: <https://www.prometeus.nsc.ru/biblio/newrus/cpright.ssi> (дата обращения: 20.10.2025).
9. Quagliariello, J. Applying Copyright Law to Videogames: Litigation and Strategy / J. Quagliariello // Harvard Journal of Sports & Entertainment Law. – 2019. – URL: <https://journals.law.harvard.edu/jsel/wp-content/uploads/sites/78/2019/05/HLS204.pdf> (дата обращения: 20.10.2025).
10. Сайт Генеральной прокуратуры РФ. Авторские права и ответственность за их нарушение // Единый портал органов прокуратуры РФ. – 2020. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_26/activity/legal-education/explain?item=53004134 (дата обращения: 20.10.2025).
11. Сук, Е. С. Авторские права на мультимедийный продукт в современной российской законодательной системе / Е. С. Сук // Российская адвокатская ассоциация. – 2017. – URL: <https://raa.ru/wp-content/uploads/2017/10/%D0%90%D0%B2%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5-%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B0-%D0%BD%D0%B0-%D0%BC%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D0%B8%D0%BC%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%B9%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%83%D0%BA%D1%82.pdf> (дата обращения: 20.10.2025).
12. Шатковская, Т. В. Режим правовой охраны мультимедийных продуктов по части IV ГК РФ / Т. В. Шатковская // Вестник РАНХиГС. – 2025. — С. 41–49. – URL: <https://vestnik-urii.ranepa.ru/wp-content/uploads/2025/06/41-49.pdf> (дата обращения: 20.10.2025).
13. Ćemalović, U. Directive 2001/29/EC: An Important Breakthrough, But Some Limitations / U. Ćemalović // Strani Pravni Život. – 2015. – URL: <https://straniprav nizivot.rs/index.php/SPZ/article/download/152/151> (дата обращения: 20.10.2025).
14. «The Internal Market Aspects of Copyright» // CEPS Policy Study. – URL: <https://www.ceps.eu/ceps-projects/the-internal-market-aspects-of-copyright/> (дата обращения: 20.10.2025).
15. U.S. Code Title 17 § 106 – Exclusive Rights in Copyrighted Works. // Legal Information Institute, Cornell Law School. – URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/17/106> (дата обращения: 20.10.2025).

ПРАВОВЫЕ РИСКИ ПЕРЕДАЧИ НАЛИЧНЫХ ДЕНЕГ БЕЗ РАСПИСКИ

Чекашкина Валерия Сергеевна, студентка

Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева, Саранск, Россия
lera24072004@mail.ru

Научный руководитель: Рябова Евгения Васильевна, кандидат философских наук, доцент

Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева, Саранск, Россия
Riabova-e@rambler.ru

Аннотация. В статье анализируются правовые риски передачи наличных денег без оформления расписки или договора займа. Рассматриваются требования гражданского законодательства к форме и содержанию расписки, проблемы ее составления и доказывания факта займа в суде. На конкретных примерах из судебной практики показаны сложности, с которыми сталкиваются кредиторы при отсутствии письменных доказательств: невозможность подтвердить передачу средств, неосновательное обогащение, недействительность свидетельских показаний, спорный характер аудиозаписей. Особое внимание уделено трудностям взыскания долга при банкротстве заемщика. Делается вывод, что надлежаще оформленная расписка существенно повышает вероятность успешной судебной защиты прав кредитора.

Ключевые слова: договор займа, расписка, заемщик, судебная практика, сделка, наличные денежные средства, доказательства, аудиозапись, неосновательное обогащение, правовые риски

Одной из практических проблем, возникающих при заключении займового договора, является акт доказательности сделки. Если обратиться к статье 808 Гражданского Кодекса РФ, то доказательством может служить расписка или какой-либо иной документ, закрепляющий получение заемщиком денежных средств или вещей.

Существует несколько мнений о том, что именно представляет расписка. Одни считают, что расписка в письменной форме выступает обязательной составляющей сделки. Другие говорят, что расписка не представляет собой договор, а является лишь доказательством одушевления сделки.

Основными условиями расписки являются: указание имя заемщика, сумма, подпись и обязательно прописано обещание вернуть полученную сумму. Но в российском законодательстве четких предписаний составления расписки, из-за этого происходят разные казусы, в которых неправильно составленный документ не может выступать как доказательство. Поэтому, чтобы обезопасить себя, лучше составлять соответствующий договор, четко устанавливающий стороны сделки и защищающий права всех задействованных лиц.

Существенной затруднением в составлении расписки является то, что не всегда кредитор может повлиять на ее текст. Для кредитора на первый план выходят сроки и выдаваемая сумма, чем подтверждать акт получения заемщиком денег. Если брать сторону заемщика, то для него приоритетным является акт получения, поэтому характеру условий он уделяет небольшое внимание. В наихудшем варианте, когда у заемщика не будет средств, то субъект будет всеми силами опровергать задолженность [1, с. 47].

В качестве примера возьмем дело гражданина Республики Карелия. В период с 2016 по 2018 год условно гражданин «Р» составил пару расписок своему экономическому партнеру, обязуясь в них отдать обратно полученную сумму с процентами. Когда прошел назначенный срок, гражданин «Р» ничего не вернул. В 2019 году истца поддержал местный суд, подтвердив юридическую силу расписок. Но не все так просто. Верховный суд республики опроверг решение местного суда, заявив, что гражданин «Р» должен выплатить сумму, но нет никаких доказательств того, что он эти деньги получил. Истец решил не

сдаваться и решил обратиться во вторую инстанцию Верховного суда. Свою позицию индивид аргументировал тем, что расписка была составлена понятно, где четко прописывалось, что гражданин «Р» обязуется вернуть деньги.

В итоге суд принимает позицию кредитора, подчеркивая, что между субъектами был установлен договор займа. Также суд указал, что суд сам определяет взаимоотношения между субъектами и должен, дословно воспринимать все прописанные фразы.

Часто у субъектов гражданского оборота возникает вопрос по поводу того, что если при передаче наличных денег не было заключен договор займа или расписки, можно ли будет вернуть деньги? Вернуть будет можно, но без соответствующих документов это будет намного сложнее сделать.

Если такая ситуация возникла, первым делом следует поговорить с должником, чтобы он признал, что между вами была заключена сделка и подписать расписку. Если заемщик не идет на контакт, то не запрещается обращение в суд, но иск будет действенным только при наличии доказательств (банковская выписка, аудиозапись, возможно сообщения в мессенджерах от заемщика). Можно также привлечь свидетеля, который присутствовал в момент «передачи» денег, но данное условие предусматривается, если заем составляет меньше 10 тыс. рублей, т.к. если сумма превышает это требование, то свидетель будет недействительным решением, поскольку все сделки, превышающие данную сумму, должны оформляться письменным договором. Также в этом случае следует учитывать исковую давность, которая составляет 3 года с момента займа.

Доказать передачу безналичных денежных средств намного проще, чем наличных. Например, гражданин «Г» попросил гражданина «Б» дать ему в долг денежную сумму. Гражданин «Б» «по старой дружбе» осуществил несколько переводов на счет товарища в размере 200 тыс. рублей. По прошествии полугода гражданин «Б» потребовал возврата займа, но оппонент заявил, что никаких договоров они не заключали и эти денежные средства считаются подаренными.

Гражданину «Б» остается только обратиться в суд. Сначала суд отказал истцу в обвинениях, потому что никакого подтверждающего договора не было, а в назначении перевода ничего не значилось. Но, углубившись в дело, было обнаружено неосновательного обогащение со стороны гражданина «Г», которое не могло являться подарком.

Гражданину «Б» решил подать апелляцию, которая увенчалась успехом. Адвокат истца указал на ошибку суда. Факт перевода денежных средств был зафиксирован, и имущество было получено от другого лица, следствие факт обогащения. Ответчик признал, что перевод был осуществлен. По законодательству каждый оппонент должен установить факторы, на которые ссылаются, и подтвердить это документом. Гражданин «Г» в качестве фактора указал подарок, но не подтвердил данное действие документами. После этого суд признал виновность гражданина «Г».

Из рассмотренного дела видно как трудно доказать мошеннические операции когда нет расписки или договора, порой бывают такие ситуации, что истец не может предоставить тех доказательств, которые удовлетворили бы суд. Если бы в данном деле фигурировали наличные деньги, то гражданин «Б» не смог бы вернуть свои средства.

В подобной, казалось бы, безвыходной ситуации, доказательством может служить телефонный разговор или переписка. К девушке Лидии обратилась подруга, с просьбой внести ежемесячный платеж за кредит, т.к. у девушки задерживали заработную плату. Лидия сделала платеж, но за этим последовали иные взносы. Подруга по отдельности возвращала суммы, но гораздо в меньшем количестве, а после перестала и вовсе отдавать деньги, ссылаясь на неопределенные сроки.

Лидия обратилась за помощью. По рекомендации Лидия произвела запись телефонного разговора, где в разговоре упомянула о том, когда подруга взяла долг и о его сумме. В процессе звонка девушка подтвердила, что еще не исполнила обязательства по возврату долга и помнит об этом. Лидия решила написать заявление в полицию, но потерпев

неудачу, обратилась в Мировой суд. Приняв к сведению аудиозапись, суд помимо занимаемой суммы (50 тыс. рублей) назначил ответчику значительные проценты.

Но предоставление аудиозаписи в качестве доказательства является спорным моментом, поскольку не всегда приравнивается к доказательствам. Например, если запись сделана скрытно, то это считается нарушением. Спорным моментом между судами служит вопрос: стоит ли во время записи уведомлять другую сторону о том, что ведется запись. Мнения по этому поводу расходятся, т.к. если субъект заранее знает, что ведется прослушивание, он не признается в содеянном.

Также главным условием записи является, чтобы в ее содержании было понятно время, место и обстоятельства при которых запись производилась. Еще одной актуальной проблемой, с которой сталкиваются лица, пытающиеся в качестве доказательства предоставить аудиозапись. Это предоставление подлинного носителя записи. Если истец принесет запись на CD-диске или USB-накопителе, то суд не будет рассматривать ее в качестве улики, поскольку будут сомнения в подлинности документа. С помощью современных технологий, можно сделать «фонограмму» с симулированием голоса оппонента. Поэтому, предоставление аудиофайлов в качестве доказательств, не перспективно [2, с. 310].

Как уже говорилось ранее, без расписки передача наличных денег в долг является опасным. Но кроме сложности предоставления доказательств есть еще один аспект. Банкротство заемщика, т.е. неспособность человека в полном объеме выплачивать денежные средства кредиторам. Если в данном случае не было составлено расписки и деньги были получены не безналичным переводом, то получить обратно денежные средства практически невозможно.

Таким образом, из выше сказанного можно сделать вывод о том, что правильное составление расписки при передаче денежных средств, обеспечивает практически 80 % успешности судебного дела.

Список литературы

1. Косынкин, А. А. К вопросу о расписке как форме договора займа / А. А. Косынкин. – Текст : непосредственный // Юридическая наука. – 2020. – № 12. – С. 46–48.
2. Рыбкина, М. В. Договор займа между физическими лицами: проблемы теории и практики / М. В. Рыбкина. – Текст: непосредственный // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 2 (80). – С. 304–328.

ЦИФРОВЫЕ ОБЪЕКТЫ КАК ПРЕДМЕТ ВЕЩНЫХ ПРАВ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ЗАЩИТЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Червона Анастасия Сергеевна, студентка

Донбасский государственный университет юстиции, Донецк, Россия

p.chervona@mail.ru

Научный руководитель: Белинская Елена Анатольевна

Донбасский государственный университет юстиции, Донецк, Россия

belinskayaelen@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются проблемы правовой квалификации цифровых активов как объектов гражданских прав на основе анализа судебной практики. Выявлены системные противоречия, связанные с невозможностью применения традиционных вещно-правовых способов защиты к криптовалюте и иным цифровым объектам. Обосновывается необходимость законодательного закрепления категории цифровых объектов как самостоятельной разновидности иного имущества с установлением специальных правил их оборота и защиты.

Ключевые слова: цифровые активы, криптовалюта, вещные права, судебная защита, блокчейн, правовая квалификация

Стремительная цифровизация экономических отношений обусловила появление объектов гражданского оборота, правовая природа которых не укладывается в традиционную систему классификации, закрепленную ст. 128 ГК РФ. Актуальность исследования определяется противоречием между активным участием криптовалют, токенов и цифровых финансовых активов в обороте, их экономической ценностью и отсутствием определенного юридического статуса, что порождает невозможность применения традиционных механизмов защиты прав обладателей. Объектом исследования выступают общественные отношения по поводу оборота и защиты прав на цифровые активы. Целью работы является выявление системных трудностей правовой квалификации цифровых объектов и обоснование необходимости их законодательного закрепления как самостоятельной категории иного имущества. Методологическую основу составили формально-юридический метод анализа нормативных актов и метод обобщения судебной практики, эмпирическую базу – решения КС РФ, ВС РФ и судов общей юрисдикции 2021-2026 гг.

Квалификация цифровых объектов затруднена невозможностью отнесения их к традиционным категориям объектов гражданских прав. Криптовалюта не является вещью ввиду отсутствия материального воплощения, не относится к безналичным денежным средствам в силу отсутствия обязательственного требования к финансовой организации и не может быть признана цифровым правом в смысле ст. 141.1 ГК РФ. Конституционный Суд в постановлении 2026 года признал возможность рассмотрения цифровой валюты как иного имущества по смыслу ст. 128 ГК РФ, оборотоспособность которого ограничена согласно п. 2 ст. 129 ГК РФ [1; 9].

Принципиальное значение имеет вывод КС РФ о том, что имущественное содержание цифровых валют позволяет рассматривать связанные с ними правоотношения как отношения собственности в конституционно-правовом смысле, охраняемые ст. 35 Конституции РФ [10]. В определении от июня 2021 г. Верховный Суд продемонстрировал переход к функциональному анализу экономической роли цифровых объектов, приняв во внимание фактическую возможность оплаты товаров, услуг и государственных пошлин, что позволило признать электронную валюту объектом гражданских прав [2].

Признание имущественной природы цифровых объектов не разрешает вопрос применимости традиционных способов защиты вещных прав. Так, районный суд в решении

от ноября 2021 г. проиллюстрировал невозможность виндикации криптовалюты, указав, что биткоин не обладает качествами вещи и не может быть истребован, поскольку предметом виндикации является только индивидуально-определенная вещь, существующая в натуре [3]. В условиях неприменимости вещно-правовых способов суды обращаются к обязательственно-правовым конструкциям.

Верховный Суд в определении от февраля 2021 г. показал, что наличие договора купли-продажи исключает квалификацию полученного имущества как неосновательного обогащения даже при неправомерных действиях третьих лиц [4]. Районный суд Республики Коми в решении от марта 2025 г. подтвердил возможность признания действительности сделок с криптовалютой при совершении их в простой письменной форме согласно ст. 160 и 434 ГК РФ через обмен электронными данными [5; 9].

Анализ представленной судебной практики позволяет выявить ряд системных трудностей, требующих доктринального осмысления и законодательного разрешения. Центральной сложностью является отсутствие единого подхода к определению правовой природы цифровых объектов, что порождает противоречия в правоприменении. Суды вынуждены балансировать между необходимостью обеспечения судебной защиты имущественных прав обладателей цифровых активов и отсутствием адекватного законодательного регулирования, которое бы четко определяло правовой режим данных объектов. Подобная неопределенность создает риски для участников оборота, поскольку они не могут с достаточной степенью уверенности прогнозировать правовые последствия своих действий с цифровыми активами.

Особенно остро стоит вопрос разграничения правомерного и неправомерного обладания цифровыми объектами в условиях, когда традиционные критерии владения оказываются неприменимыми. Владение вещью в классическом понимании предполагает фактическое господство лица над материальным объектом, что невозможно в отношении цифровых активов, существование и обращение которых опосредовано информационными системами на базе технологии блокчейн. Обладание криптовалютой фактически сводится к знанию приватного ключа, что ставит под сомнение возможность применения традиционных институтов защиты владения и порождает необходимость выработки новых правовых конструкций, учитывающих специфику цифровой среды.

Законодательное регулирование характеризуется фрагментарностью и внутренней противоречивостью, что препятствует формированию стабильной правоприменительной практики. Федеральный закон о цифровых финансовых активах установил определение цифровой валюты в ч. 3 ст. 1, однако одновременно ч. 5 ст. 14 запрещает принимать ее в качестве встречного предоставления за товары и услуги, а ч. 11 ст. 14 наделяет уполномоченный орган правом запретить сделки для обеспечения финансовой стабильности [6]. Данная двойственность отражает стремление государства контролировать распространение частных виртуальных валют при сохранении возможности развития инновационных технологий, однако создает правовую неопределенность для участников оборота.

Принципиальной трудностью является обеспечение доступа к судебной защите при соблюдении публично-правовых требований. Конституционный Суд в упомянутом постановлении признал ч. 6 ст. 14 Федерального закона неконституционной в части, препятствующей судебной защите требований лиц, получивших цифровую валюту способами, не связанными с майнингом, поскольку порядок информирования согласно ст. 86.5 НК РФ и постановлению Правительства РФ от ноября 2024 г. был адресован исключительно майнерам [1; 7; 8]. Данное решение высветило вопрос несогласованности материально-правовых и процессуальных норм, когда установление условия доступа к правосудию не сопровождается созданием реальной возможности его выполнения для всех категорий обладателей цифровых активов.

Существенной трудностью представляется отсутствие эффективных механизмов принудительного исполнения судебных решений о возврате криптовалюты или обращении

на нее взыскания. Техническая невозможность изъятия криптовалюты без знания приватного ключа делает судебные акты фактически неисполнимыми в случае уклонения должника от добровольного исполнения. Традиционные механизмы исполнительного производства, разработанные применительно к материальным объектам и денежным средствам на банковских счетах, оказываются неприменимыми к цифровым активам, что требует разработки принципиально новых правовых и технических решений.

Сложность правовой неопределенности приобретает особую остроту в связи с асимметричностью подхода законодателя к квалификации цифровых активов в различных отраслях права. Криптовалюта признается имуществом в Налоговом кодексе Российской Федерации для целей налогообложения, в Федеральном законе от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» для целей включения в конкурсную массу должника, а также в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» для целей декларирования доходов и имущества, однако этот статус не влечет автоматического применения традиционных способов защиты вещных прав [11; 12; 13]. Такая коллизия создает парадоксальную ситуацию, при которой актив существует с точки зрения фискальных обязательств, но оказывается юридически невидимым в контексте защиты прав его обладателя. Данная асимметрия не только подрывает принцип правовой определенности, но и создает почву для злоупотреблений со стороны недобросовестных участников оборота.

Специфика владения цифровыми активами требует переосмысления базовых цивилистических категорий. В отличие от классического владения вещью, предполагающего физическое господство и презумпцию правомерности, владение криптовалютой опосредовано обладанием приватным ключом – уникальным криптографическим элементом, без знания которого невозможен доступ к цифровому активу, что делает такое владение принципиально иным по своей природе и может привести к его безвозвратной утрате. Техническая архитектура блокчейна меняет саму концепцию владения, поскольку традиционная конструкция владельческой защиты, построенная на идее физического контроля, оказывается неприменимой к активам, существование которых опосредовано математическими алгоритмами. Это порождает необходимость разработки принципиально новых правовых конструкций, учитывающих децентрализованную природу распределенных реестров.

Наиболее острой остается трудность принудительного исполнения судебных решений, которая выявляет системный конфликт между децентрализованной природой блокчейн-технологий и централизованным характером государственного принуждения. Суд может вынести решение о передаче криптовалюты, однако его реализация полностью зависит от добровольного содействия должника, обладающего приватным ключом. Традиционные механизмы исполнительного производства согласно Федеральному закону от 2 октября 2007 г. N 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», рассчитанные на возможность физического изъятия имущества или принудительного списания денежных средств, оказываются неэффективными [14]. Предлагаемые меры косвенного принуждения в виде судебных штрафов согласно ст. 308.3 ГК РФ имеют ограниченную эффективность и не устраняют фундаментального противоречия между технической неподконтрольностью цифровых активов и императивностью судебных актов [9].

Представляется, что преодоление выявленных трудностей требует комплексного подхода, включающего как совершенствование законодательного регулирования, так и развитие судебной практики и правовой доктрины. В качестве конкретных предложений по совершенствованию правового регулирования представляется целесообразным внесение в ст. 128 ГК РФ дополнения следующего содержания: «К иному имуществу относятся цифровые объекты как совокупность электронных данных, обладающая экономической ценностью и оборотоспособностью, существование и обращение которой опосредовано информационной системой на основе технологии распределенного реестра или иной аналогичной технологии, обеспечивающей достоверность и неизменность записей». Такая формулировка позволит

устранить правовую неопределенность в отношении природы цифровых активов без необходимости детального регулирования технических аспектов их функционирования, что обеспечит гибкость правового регулирования в условиях стремительного развития технологий.

Для обеспечения правовой определенности сделок с цифровыми объектами необходимо дополнить ГК РФ положением о том, что сделки с цифровыми объектами совершаются в письменной форме путем обмена электронными данными в соответствии с правилами ст. 434 ГК РФ, при этом фиксация сделки в распределенном реестре приравнивается к ее совершению в письменной форме [9]. Доказательством совершения сделки служит запись в распределенном реестре с указанием уникальных идентификаторов сторон и временной метки, при условии подтверждения такой записи в порядке, установленном правилами соответствующей информационной системы.

В процессуальном законодательстве, в частности в ГПК РФ и АПК РФ, следует закрепить положение о том, что запись в распределенном реестре признается допустимым доказательством при условии представления стороной, на нее ссылающейся, данных о технических параметрах информационной системы, обеспечивающих достоверность записей, а также экспертного заключения о соответствии представленных данных записям в распределенном реестре. При этом бремя опровержения достоверности записи в распределенном реестре возлагается на противоположную сторону. Такое регулирование установит четкие критерии доказывания по спорам о цифровых активах и снизит риски фальсификации доказательств.

Для целей эффективной защиты прав на цифровые объекты предлагается ввести в ГК РФ специальный иск о признании права на цифровой объект с обязательным уведомлением оператора информационной системы и последующей блокировкой спорного актива до разрешения спора судом [9]. В случае установления судом принадлежности цифрового объекта истцу и уклонения ответчика от передачи приватного ключа, суд вправе применить судебный штраф согласно ст. 308.3 ГК РФ в размере от десяти до двадцати процентов стоимости цифрового объекта за каждый месяц просрочки исполнения судебного акта, с возможностью последующего обращения взыскания на иное имущество ответчика в размере стоимости цифрового объекта согласно ст. 1102 ГК РФ, если исполнение в натуре становится невозможным [9]. Данный механизм создаст действенный стимул для добровольного исполнения судебных решений и обеспечит реальную защиту прав обладателей цифровых активов.

Таким образом исследование выявило следующие ключевые аспекты правовой квалификации цифровых объектов как предмета имущественных прав в условиях цифровой экономики:

1) цифровые объекты квалифицируются как иное имущество по ст. 128 ГК РФ на основании функционального критерия экономической ценности и оборотоспособности при отсутствии материального субстрата и невозможности отнесения к традиционным категориям вещей, денежных средств или ценных бумаг;

2) ограниченная оборотоспособность цифровых активов согласно п. 2 ст. 129 ГК РФ обусловлена необходимостью защиты финансового суверенитета государства и обеспечения устойчивости национальной валюты согласно ст. 75 Конституции РФ, что выражается в запретах на использование цифровой валюты в качестве средства платежа согласно ч. 5 и 8 ст. 14 ФЗ о цифровых финансовых активах [10; 6];

3) невозможность применения традиционных вещно-правовых способов защиты, включая виндикацию согласно ст. 301-303 ГК РФ [9] и реституцию согласно ст. 167 ГК РФ [9], к цифровым объектам вследствие отсутствия у них признаков индивидуально-определенных вещей и фактического владения в его классическом понимании обуславливает необходимость использования обязательно-правовых конструкций согласно ст. 1102-1109 ГК РФ [9] при условии доказывания наличия договорных отношений или фактов неосновательного обогащения.

Предложенные в исследовании конкретные меры по совершенствованию законодательства призваны устранить выявленные противоречия и создать стабильную правовую основу для развития цифровой экономики при обеспечении надлежащей защиты прав всех участников оборота цифровых активов.

Список литературы

1. По делу о проверке конституционности ч. 6 ст. 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича : постановление Конституционного Суда РФ от 20 января 2026 г. № 2-П. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413365176/> (дата обращения: 22.02.2026).
2. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 1 июня 2021 г. № 48-КГ21-3-К7. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401291417/> (дата обращения: 22.02.2026).
3. Решение Савеловского районного суда г. Москвы от 9 ноября 2021 г. по делу № 2-2888/2021 о взыскании биткоинов. – URL: <https://судебныерешения.рф/57617245> (дата обращения: 22.02.2026).
4. Определение Верховного Суда РФ от 2 февраля 2021 г. по делу № 44-КГ20-17-К7 о взыскании неосновательного обогащения с продавца криптовалюты. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=657432> (дата обращения: 22.02.2026).
5. Решение Прилузского районного суда (Республика Коми) от 18 марта 2025 г. по делу № 2-70/2025. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/FJLE69W92CUg/> (дата обращения: 22.02.2026).
6. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Российская газета. – 2020. – 6 августа. – № 173.
7. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 11.02.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.
8. Об обязанности лица, осуществляющего майнинг цифровой валюты, по предоставлению информации о получении цифровой валюты в случае выпуска (получения) цифровой валюты в результате майнинга цифровой валюты, а также об адресе-идентификаторе, включая адрес-идентификатор майнинг-пула : постановление Правительства РФ от 1 ноября 2024 г. № 1466. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410554364/> (дата обращения: 22.02.2026).
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 25.11.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 22.02.2026).
11. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (ред. от 15.01.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 32. – Ст. 3340.
12. О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 17.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.
13. О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 52 (часть I). – Ст. 6228.
14. Об исполнительном производстве : Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 41. – Ст. 4849.

КАРШЕРИНГ КАК НОВЫЙ ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ И КВАЛИФИКАЦИИ

Юсупов Амиль Мусаевич, студент

Казанский институт (филиал) Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Казань, Россия

forga393@mail.ru

Гибадуллин Амаль Артурович, студент

Казанский институт (филиал) Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Казань, Россия

amal.gibadullin@mail.ru

Научный руководитель: Закиров Радик Юрьевич, кандидат юридический наук, доцент

Казанский институт (филиал) Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Казань, Россия

radikzakirov@rambler.ru

Аннотация. Актуальность темы обусловлена бурным развитием каршеринговых отношений в России, вызванным сочетанием экономических, технологических и психологических факторов. Причины возникновения данной тенденции кроются в глубокой трансформации модели потребления. В работе исследуются проблемы квалификации договора каршеринга и отсутствие его легального определения. Анализируются позиции правоведов и судебная практика. Авторы указывают на смешанную природу правоотношений и предлагают комплексное определение каршеринга как сложной правовой конструкции, основанное на рамочном соглашении.

Ключевые слова: договор каршеринга, аренда транспортного средства, договор проката, договор об оказании услуг, рамочный договор

В науке и правовых актах существуют различные подходы к пониманию термина «договор каршеринга». Следует начать с анализа тех из них, которые существуют в правовой доктрине. Ряд авторов отождествляют договор каршеринга как разновидность договора аренды транспортного средства без экипажа [1]. Интересна позиция, в рамках которой договор каршеринга рассматривается как рамочное соглашение [2], аргументируя это тем, что при вступлении в данные правоотношения субъект, в лице потребителя, присоединяется к пользовательскому соглашению, которое является рамочным договором, для дальнейшего использования онлайн-платформы. Оно выступает предвестием дополнительных договоров. Следует обратить внимание на заключение О. В. Гридневой, которая считает, что договор каршеринга по своей структуре является рамочным договором, но по своему содержанию - смешанным, за счет сочетания в себе элементов договора проката и договора оказания услуг [3]. Ряд авторов в определении термина договора каршеринга, указывают на то, что это комплексный договор, состоящий из элементов аренды, проката и договора на оказание возмездных услуг, но взяв за основу из всей этой триады договоров именно договор на оказание возмездных услуг, так как благодаря нему, каршеринговая компания способна предоставить гражданину транспортное средство по его заданию и на его условиях за договорную плату [4, с. 21].

Сложность квалификации договора возникает во многом из-за того, что договор заключается в онлайн формате через мобильное приложение сервиса, предоставляющего услуги каршеринга. Следует обратить внимание, что в квалифицирующие признаки договора краткосрочной аренды входит, наряду с другими элементами, именно оказание услуг, и подход по рассмотрению данной правовой конструкции в рамках исключительно арендных отношений [5, с. 39] авторам представляется недостаточным, так как игнорируется программный комплекс каршеринговой компании, суть которого заключается в обеспечении

поиска, бронирования автомобиля и др. функций, по существу являющихся информационными услугами.

К сожалению, на данный момент правовая доктрина обладает не проработанной научной концепцией для полноценного решения дел, связанных с подобного рода соглашениями. Поэтому следует пойти по пути проведения аналогии со схожими по своему существу договорами, рассмотреть их ключевые сходства и различия между ними.

Каршеринг по своему существу похож одновременно и на договор аренды транспортного средства без экипажа, и на договор проката, однако договор каршеринга юридически конфликтует с вышеуказанными договорами.

Например, если проводить аналогию каршеринга и договора аренды транспортного средства без экипажа (ст. 642 ГК РФ), то можно заметить между ними явное противоречие в условиях, ссылаясь на ст. 644 ГК РФ, согласно которой арендатор транспортного средства обязан проводить капитальный и текущий ремонт используемого транспортного средства. Противоречие выражается в том, что в договоре каршеринга подобная обязанность ложится на руки компании, а не арендатора транспортного средства, если, конечно, необходимость в капитальном ремонте не возникла из-за недобросовестного пользования арендатором транспортным средством. В таком случае обязанность компенсации нанесенного ущерба возлагается уже на арендатора. Также, к ключевым различиям между каршерингом и договором аренды транспортного средства без экипажа можно отнести то, что по договору каршеринга невозможна субаренда транспортного средства. Важно отметить, что как такового законодательного запрета на субаренду в рамках договора каршеринга нет, во многом из-за дефицита правовых норм, регулирующих данный договор. Как правило, субаренда в договоре каршеринга не предусмотрена или напрямую запрещена внутренней политикой компании. Учитывая, что единый подход к правовому регулированию договора каршеринга на законодательном уровне отсутствует, компании исходят из принципа свободы договора (ст. 421 ГК РФ), таким образом самостоятельно регулируя правоотношения с потребителями [6, с. 30]. Причина этого условного «запрета» чисто экономическая – большим компаниям это экономически не выгодно, ведь субаренда не принесет столько же выгоды, сколько ее могут потенциально принести несколько арендаторов за тот же установленный срок. Запрет субаренды в договоре каршеринга аргументирован не только потенциальной потерей прибыли, но и возможными рисками для каршеринговой компании. В договоре каршеринга в цену услуги, помимо аренды транспортного средства, входит страховка (ОСАГО), которая предусмотрена для конкретного клиента сервиса, прошедшего верификацию и указавшего свои данные в приложении. В свою очередь субаренда в каршеринге свела бы всю эту систему безопасности на нет, благодаря чему образовалась возможность для недобросовестного арендатора искусственно подстраивать страховые случаи через третьих лиц (субарендатора). Более того, субаренда в рамках договора каршеринга не совсем целесообразна ввиду специфичной природы данного договора, по которой транспортные средства предоставляется арендатору на довольно короткий срок. Иными словами, возможность субаренды в договоре каршеринга на законодательном уровне никак не возбраняется, но на практике компаниями, предоставляющие подобного рода услуги, по логичным на то причинам, не применяются. Ввиду вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что договор каршеринга и договор аренды транспортного средства без экипажа пускай и схожи между собой, однако внутри имеют явные противоречия, что не позволяет применять к каршерингу те же нормы права, что и к договору аренды транспортного средства без экипажа.

Если же сравнивать между собой договор каршеринга и договор проката (ст. 626 ГК РФ), то можно также сказать, что схожесть данных договоров ограничивается лишь функциональной схожестью, но никак не их правовым содержанием. В качестве дискуссионного вопроса можно выделить публичность эти двух договоров. Если с договором проката все просто – нет никаких сомнений в том, что договор проката является публичным в силу ст. 626 ГК РФ, то с каршерингом не все так однозначно. Подобное

явление связано с отсутствием закрепленных норм права в гражданском законодательстве в отношении договора каршеринга. «В отсутствие федеральных правовых норм, регламентирующих правовую связь участников каршеринга, каршеринговые компании разрабатывают собственные правила, которые не являются у всех каршеринговых компаний идентичными» [7, с. 51]. Кроме общеизвестных международных норм права и Конституции РФ, можно привести Закон РФ «О защите прав потребителей» в качестве примера нормативного правового акта, который регулирует отношения между арендатором и компанией в рамках договора каршеринга. Иными словами, компания не может отказать в предоставлении услуг каршеринга условному арендатору, если только отказ не был обусловлен явными нарушениями законодательства со стороны арендатора. Например, если отказ в предоставлении услуг каршеринга обусловлен тем, что арендатор не обладает правом управления соответствующим транспортным средством, то такой отказ в предоставлении услуг более чем аргументирован, потому как это напрямую противоречит закону. Это правило общее для всех публичных договоров и не подлежит обсуждению. Однако, нигде в рамках российского законодательства не закреплено, что договор каршеринга – публичный договор. Более того, в больших компаниях существует система «черных списков», в который попадают неблагонадежные водители, склонные к аварийным ситуациям, ДТП или иному противоправному и (или) аморальному поведению. Соответственно, основываясь на нарушениях условного арендатора и (или) наличия его данных и характере его правонарушений в «черном списке», компания может отказать арендатору в предоставлении услуг каршеринга, не ссылаясь на нормы права. Иными словами, отказ компании в предоставлении услуг обусловлен не столько нормами законодательства, сколько внутренней политикой самой компании, которая может различаться от случая к случаю. Подобное противоречие на практике позволяет с трудом назвать договор каршеринга публичным договором. Основываясь на судебной практике, можно однозначно сказать, что большинство решений судебных инстанций классифицирует этот договор как не публичный. Так, Московский городской суд пришел к выводам о невозможности применения норм публичного договора к договору каршеринга [8]. Суд аргументировал свой вывод тем, что оснований для признания правоотношений публичными нет, так как законодательство не предусматривает обязанность компании заключать договор краткосрочной аренды с каждым, кто к ним обратился.

Возможно, самым заметным отличительным признаком договора каршеринга от схожих с ним договоров является форма его составления, а именно, то, что договор каршеринга, как правило, заключается в электронной форме. Согласно ст. 160 ГК РФ, электронный договор имеет равную юридическую силу с письменным договором при соблюдении требований, установленных законом, поэтому существование договора каршеринга преимущественно в рамках цифрового поля не вызывает никаких противоречий. Более того, сложно представить существование договора краткосрочной аренды в простой письменной форме. Как указывалось нами ранее, субъект при заключении договора с компанией соглашается или присоединяется к пользовательскому соглашению, которое по своей сути не может существовать вне онлайн-приложения. Цифровая форма данного договора обусловлена не просто удобством для компании, а спецификой правоотношений, вытекающих из договора каршеринга. Так простая письменная форма сделки не позволила бы единожды акцептовать общие условия в рамках рамочного (пользовательского) соглашения, с заключением дополнительных договоров путем конклюдентных действий для каждой конкретной поездки. Цифровая форма договора краткосрочной аренды позволила динамизировать данные отношения, сделав их существующими в рамках договорного регулирования.

Уже на данном этапе исследования понятно, что договор каршеринга имеет смешанный характер, вобравший в себя признаки таких договоров как аренда транспортных средств без экипажа, прокат, возмездное оказание услуг и др. Но несмотря на сходство некоторых признаков, которые делают договор каршеринга похожим на вышеперечисленные

договоры, данное основание все равно не позволяет в полной мере отнести его ни к одному из поименованных в ГК РФ договоров, так как вместе со схожими элементами, договор каршеринга обладает и рядом принципиальных противоречий, в отношении каждого существующего договора. Из-за сложившейся неопределенности в правовой доктрине, необходимо обратиться к нормативным актам, для выработки полного и максимально объективного определения исследуемого термина. По Распоряжению Правительства РФ от 25.03.2020 № 724-р [9], это вид краткосрочной аренды автомобиля. Однако содержание понятия «краткосрочность» остается дискуссионным. За исключением регионального акта Правительства Москвы [10] где указывается, что под краткосрочной арендой понимается аренда сроком до 24 часов, легальное определение данного термина отсутствует в нашем законодательстве. Тем не менее именно краткосрочность, которая предполагает исчисление времени в минутах или часах, позволяет отграничить договор каршеринга от классических арендных конструкций.

Теперь, собрав все необходимые структурные элементы договора каршеринга, мы можем определить его как комплексную правовую конструкцию договоров проката, аренды транспортного средства без экипажа, оказания услуг, признаки которых структурированы между собой в рамках рамочного (пользовательского) соглашения, а правоотношения по временному владению и пользованию транспортных средств в границах этой сложной договорной конструкции носят краткосрочный характер.

Исходя из этого определения можно сказать, что договор каршеринга не относится не к одному из поименованных в ГК РФ договоров, что свидетельствует о недостаточной регуляции данных отношений нормами гражданского права, а между тем такое регулирование необходимо. Так горячая линия Роспотребнадзора зафиксировала многочисленные жалобы на данный вид предпринимательской деятельности [11]. Что касается нарушения Правил дорожного движения, то тут можно наблюдать положительную тенденцию. Согласно отчету Научного центра БДД МВД России количество дорожно-транспортных происшествий с участием автомобилей взятых в краткосрочную аренду по сравнению с 2024 годом уменьшилось на 7,2%, число погибших в них - на 18,5%, раненых – на 7,1% [12, с. 34].

Исходя из этих данных можно сделать вывод о том, что внутренний контроль каршеринговых компаний по предоставлению своих услуг показывает свою эффективность в сфере безопасности. Однако такое обстоятельство не позволяет игнорировать объективные основания, свидетельствующие о публичной природе данной правовой конструкции. К таким основаниям можно отнести следующее: а) деятельность каршеринговых компаний носит массовый характер и направлена на неопределенный круг лиц; б) каршеринговые отношения в силу своей массовости стали занимать значительную часть городской транспортной инфраструктуры, что обусловило социальную значимость услуг, предоставляемых каршеринговыми компаниями. Ввиду этого видим необходимость признать договор краткосрочной аренды публичным. Такая правовая квалификация позволит защитить потребителя от необоснованного отказа в предоставлении услуг каршеринга; несопоставимых по размеру ущерба штрафов, налагаемых каршеринговыми компаниями. А для компаний станет обязательной мотивировка всех своих решений, ограничивающих права потребителя на получение услуг каршеринга.

Список литературы

1. Акименко, Е. С. Правовое регулирование общественных отношений, связанных с арендой транспортных средств по системе каршеринг / Е. С. Акименко, В. В. Луценко, А. И. Сушицкий // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – Т. 9, № 2. – С. 117–121.
2. Вавилин, В. Е. К вопросу о правовой природе договора каршеринга / В. Е. Вавилин // Юрист. – 2024. – № 4. – С. 19–25.

3. Гриднева, О. В. Правовая природа договора каршеринга / О. В. Гриднева // Юридическая наука. – 2020. – № 4. – С. 29–32.
4. Абрамов, В. Ю. Правовое регулирование новых видов предпринимательской деятельности: практическое пособие / В. Ю. Абрамов, Ю. В. Абрамов. – Москва: Юстицинформ, 2023. – 212 с. – Текст: непосредственный.
5. Фазлиева, Л. К. Договор каршеринга в гражданско-правовом обороте: проблемы и направления развития законодательства / Л. К. Фазлиева, Н. Ю. Комлев // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2022. – № 3 (97). – С. 36–41.
6. Комиссарова, С. В. Правовая природа договора онлайн аренды на примере каршеринга / С. В. Комиссарова // Право и государство. – 2022. – № 8. – С. 30–32.
7. Мальцева, Т. Г. Договор поминутной аренды транспортного средства (каршеринг): особенности заключения договора / Т. Г. Мальцева // Известия Саратовского университета. – 2025. – № 1. – С. 48–55.
8. Апелляционное определение Московского городского суда от 26 апреля 2019 г. по делу № 33-19520/2019. – Текст : электронный // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.01.2026).
9. Об утверждении Концепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования: Распоряжение Правительства РФ от 25 марта 2020 г. № 724-р. – Текст : электронный // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.01.2026).
10. О городской поддержке таксомоторных перевозок и услуги каршеринг в городе Москве : Постановление Правительства Москвы от 31 августа 2011 г. № 405-ПП. – Текст : электронный // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.01.2026).
11. Об итогах горячей линии по услугам такси и каршеринга // Роспотребнадзор : официальный сайт. – 2022. – URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=16249 (дата обращения: 15.02.2026). – Текст: электронный.
12. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 9 месяцев 2025 года : информационно-аналитический обзор / ФКУ «НЦ БДД МВД России». – Москва : НЦ БДД МВД России, 2025. – 37 с. – URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/15189496> (дата обращения: 15.02.2026). – Текст: электронный.

БЕСХОЗЯЙНЫЕ ОБЪЕКТЫ НЕДВИЖИМОСТИ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Ярмолинская Вероника Андреевна, студентка

Донбасский государственный университет юстиции, Донецк, Россия

yarmolinskayav@mail.ru

Научный руководитель: Белинская Елена Анатольевна

Донбасский государственный университет юстиции, Донецк, Россия

belinskayaelen@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются правовые проблемы выявления и признания бесхозными объектов жилой недвижимости на территории Донецкой Народной Республики. Обосновывается, что формирование значительного массива фактически неиспользуемого жилья связано с событиями 2014 года и последующими миграционными процессами, усилившимися в 2022 году. Анализируются положения статьи 225 Гражданского кодекса Российской Федерации, Федерального конституционного закона от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ и регионального законодательства Донецкой Народной Республики. Выделяются ключевые правоприменительные проблемы: вынужденный характер оставления имущества, статус собственников, проживающих в иностранных государствах, отсутствие сведений в Едином государственном реестре недвижимости, а также доказательственные сложности судебного признания права муниципальной собственности. Делается вывод о необходимости обеспечения баланса между публичными интересами муниципальных образований и конституционными гарантиями защиты права собственности.

Ключевые слова: бесхозное имущество, недвижимость, муниципальная собственность, Донецкая Народная Республика, право собственности, публичный интерес, вынужденная миграция, судебное признание, правоприменительная практика, жилищный фонд

Проблема бесхозных объектов недвижимости на территории Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) носит не абстрактный, а ярко выраженный социально-правовой характер. Ее формирование связано с событиями 2014 года, когда в результате вооруженного конфликта значительная часть населения была вынуждена покинуть место постоянного проживания. Ситуация получила дальнейшее развитие в 2022 году в условиях проведения специальной военной операции, когда процесс вынужденной миграции усилился.

Многие граждане, спасаясь от боевых действий, покидали жилые помещения без возможности надлежащего оформления правового статуса своего имущества. Часть собственников выехала в иностранные государства, впоследствии включенные в перечень государств, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 марта 2022 года № 430-р [5]. В результате на территории муниципальных образований образовался значительный массив фактически неиспользуемых объектов жилого фонда.

После принятия Федерального конституционного закона от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики» (далее – ФКЗ от 04 октября 2022 г. № 5-ФКЗ) начался процесс интеграции региональной правовой системы в правовое пространство Российской Федерации. В этих условиях особую актуальность приобрело применение статьи 225 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), регулирующей порядок обращения с бесхозными вещами, с учетом региональной специфики.

Таким образом, проблема бесхозных объектов недвижимости в Донецкой Народной Республике находится на пересечении частноправовых механизмов защиты собственности и публичных задач восстановления и рационального использования жилищного фонда.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в связи с выявлением и признанием бесхозными объектов недвижимого имущества на территории Донецкой Народной Республики.

Предмет исследования составляют нормы гражданского законодательства Российской Федерации, положения ФКЗ от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, а также Закон Донецкой Народной Республики от 21 марта 2024 года № 66-РЗ «Об особенностях выявления, использования и признания права муниципальной собственности муниципальных образований Донецкой Народной Республики на жилые помещения, имеющие признаки бесхозного имущества» (далее – Закон ДНР от 21 марта 2024 г. № 66-РЗ), и муниципальные нормативные акты, регламентирующие соответствующую процедуру.

Цель исследования – выявление проблем правовой квалификации объектов недвижимости как бесхозных и анализ особенностей приобретения муниципальной собственности в условиях трансформации правовой системы региона.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

- проанализировать федеральную модель правового регулирования бесхозных вещей;
- определить региональные особенности ее применения;
- выявить ключевые правоприменительные проблемы;
- оценить соотношение публичных интересов и гарантий права собственности.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы.

Основополагающей нормой является статья 225 ГК РФ, устанавливающая порядок постановки бесхозной недвижимой вещи на учет, последующего обращения в суд и признания права муниципальной собственности.

С учетом региональной специфики в Донецкой Народной Республике был принят Закон ДНР от 21 марта 2024 г. № 66-РЗ, закрепивший особенности выявления жилых помещений, имеющих признаки бесхозного имущества, порядок их учета и судебного признания муниципальной собственности. Согласно региональному законодательству, жилое помещение может быть отнесено к категории имеющего признаки бесхозного при наличии совокупности установленных законом обстоятельств. К числу таких критериев относятся: невнесение платы за жилое помещение и коммунальные услуги в течение одного года до дня выявления; отсутствие сведений о зарегистрированном праве собственности в Едином государственном реестре недвижимости; а также фактическое неиспользование объекта, создающее угрозу жизни и здоровью граждан либо сохранности имущества [2]. Наличие указанных признаков служит основанием для инициирования процедуры учета и последующего обращения имущества в муниципальную собственность.

На муниципальном уровне процедура конкретизирована, в частности, решением представительного органа городского округа Донецк от 4 июля 2024 года № 1/32-5, которым утвержден порядок выявления, учета и принятия в муниципальную собственность бесхозного недвижимого имущества жилого фонда [6].

Практическая реализация механизма сопровождается размещением на официальном сайте муниципального образования городского округа Донецк объявлений о выявлении объектов, имеющих признаки бесхозных, с указанием адресов объектов и предложением возможным правообладателям заявить свои права в установленный срок [4]. Однако формальная нормативная определенность не устраняет ряд существенных правоприменительных проблем.

В классической доктрине бесхозность рассматривается как исключительное явление. В Донецкой Народной Республике речь идет о десятках тысяч объектов.

Массовость процедуры повышает риск формального подхода и требует усиленных гарантий индивидуализации.

Классическая конструкция статьи 225 ГК РФ предполагает отсутствие собственника, неизвестность собственника либо его отказ от права собственности [1]. В условиях Донецкой Народной Республики значительное число жилых помещений оказалось оставленным не вследствие свободного волеизъявления собственника, а по причинам чрезвычайного характера. Физическое отсутствие лица в жилом помещении не тождественно утрате им права собственности. Вынужденный выезд по обстоятельствам, связанным с угрозой жизни и безопасности, не может рассматриваться как отказ от права. Следовательно, признание такого имущества бесхозным требует особой осторожности и доказывания именно юридической утраты титула либо невозможности установления собственника. Иначе существует риск подмены института бесхозности механизмом фактического изъятия имущества при отсутствии надлежащих оснований.

Особенно затруднительной становится ситуация, при которой собственник выехал в иностранное государство, включенное в перечень недружественных. Сам по себе факт проживания за пределами Российской Федерации не прекращает право собственности и не может служить основанием для признания имущества бесхозным. Однако в практическом измерении возникают объективные трудности: невозможность оперативной связи с правообладателем, отсутствие подтверждения намерения сохранить право, отсутствие контроля за состоянием объекта. Это создает риски разрушения жилищного фонда и возникновения социальной напряженности. Муниципальные образования заинтересованы в вовлечении неиспользуемого жилищного фонда в оборот для решения социальных задач, включая предоставление жилья нуждающимся и восстановление разрушенной инфраструктуры. Поэтому, правоприменитель вынужден балансировать между недопустимостью дискриминационного подхода к собственнику и необходимостью защиты публичных интересов муниципального образования.

Переход к российской системе государственной регистрации прав сопровождался отсутствием сведений о значительном числе объектов в Едином государственном реестре недвижимости. Отсутствие записи в реестре не означает отсутствия права собственности, однако затрудняет его установление. В условиях массового выявления объектов существует риск формального подхода, при котором отсутствие регистрации трактуется как признак бесхозности. Такой подход противоречил бы природе вещного права, поскольку государственная регистрация носит правоподтверждающий, а не порождающий характер. Следовательно, необходима комплексная проверка архивных документов, договоров приватизации и иных правоустанавливающих оснований.

Представляется, что на данном этапе судебная стадия выступает ключевой гарантией защиты прав собственника. Муниципальный орган обязан доказать, что предприняты все разумные меры по установлению правообладателя и уведомлению заинтересованных лиц. При массовом характере подобных дел существует опасность формализации процедуры, когда соблюдаются лишь внешние этапы без реального установления судьбы собственника. В этих условиях формирование устойчивой судебной практики приобретает особое значение, поскольку именно суд вырабатывает критерии достаточности предпринятых мер.

В правоприменительной практике ДНР применялось постановление Государственного комитета обороны Донецкой Народной Республики от 29 сентября 2022 года № 341 «Об утверждении Перечня имущества, обращенного в собственность Донецкой Народной Республики» (далее – Постановление Государственного комитета обороны ДНР от 29 сентября 2022 г. № 341), содержащее перечень недвижимого имущества, в отношении которого были введены ограничения на совершение каких-либо действий. Данный перечень не был опубликован, а критерии включения объектов в него оставались непрозрачными. При этом Комитет обороны ДНР, как орган, издавший постановление, впоследствии был ликвидирован. Граждане, чье имущество попало в перечень, не были уведомлены о принятых решениях, не вызывались для дачи пояснений, и соответствующая

информационная кампания в СМИ не проводилась. Хотя непосредственного выселения из жилых помещений не осуществлялось, утрата права собственности на недвижимость создавала предпосылки для возможного выселения по инициативе новых собственников – муниципальных образований [7]. Однако статья 35 Конституции Российской Федерации закрепляет принцип неприкосновенности собственности [3]. Следовательно, механизм признания имущества бесхозяйным не может применяться расширительно. Он должен использоваться как исключительная мера при достоверном установлении отсутствия собственника либо невозможности его выявления.

Примером судебного контроля за правомерностью обращения имущества в государственную собственность является апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 14 января 2025 года по делу № 66а-9/2025, которым отменено решение Верховного Суда Донецкой Народной Республики и признано незаконным в части постановление Государственного комитета обороны ДНР от 29 сентября 2022 г. № 341.

Суть спора заключалась в том, что квартира, приобретенная гражданами на основании договора купли-продажи от 15 ноября 2021 года и зарегистрированная в установленном порядке, была включена в Перечень имущества, обращенного в собственность ДНР. Впоследствии орган регистрации прав приостановил государственную регистрацию, сославшись на наличие запрета, установленного указанным постановлением. Административный истец указывал на противоречие постановления положениям: Закона Донецкой Народной Республики от 28 сентября 2022 года № 422-ПНС «О некоторых вопросах обращения имущества в собственность Донецкой Народной Республики» (далее – Закон ДНР от 28 сентября 2022 г. № 422-ПНС), Закона Донецкой Народной Республики от 23 октября 2015 года № 83-ПНС «О специальных мерах защиты интересов Донецкой Народной Республики (санкциях)», статьи 35 Конституции Российской Федерации, а также на нарушение процессуальных требований статьи 213 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ). Суд первой инстанции отказал в удовлетворении требований, сославшись на полномочия Государственного комитета обороны, действующего в условиях военного положения на основании Указа Главы ДНР от 3 апреля 2022 года № 121 «О Государственном комитете обороны Донецкой Народной Республики» и Закона Донецкой Народной Республики от 25 марта 2022 года № 357-ПНС «О некоторых вопросах государственного управления в связи с освобождением населенных пунктов Донецкой Народной Республики, временно находившихся под контролем Украины, и в условиях военного времени». Однако апелляционная инстанция заняла иную позицию.

Суд апелляционной инстанции исходил из того, что обращение имущества в государственную собственность в условиях действия Закона ДНР от 28 сентября 2022 года № 422-ПНС возможно лишь при наличии установленных законом оснований, в частности: применения специальных экономических и иных санкций, осуществления противоправной деятельности, наличия угрозы государственным интересам. При этом бремя доказывания законности нормативного правового акта в силу части 2 статьи 62 КАС РФ возлагается на публичный орган.

В рассматриваемом деле административный ответчик не представил доказательств того, что собственники квартиры подпадают под действие санкционного законодательства либо осуществляли деятельность, направленную против интересов ДНР. Правомерность приобретения ими имущества не оспаривалась, право собственности было зарегистрировано. Таким образом, суд констатировал отсутствие фактических и правовых оснований для применения меры в виде обращения имущества в государственную собственность.

Необходимо обратить внимание на применение судом положений Закона Донецкой Народной Республики от 24 марта 2015 года № 23-ПНС «Об особых правовых режимах», согласно которым ограничение прав допускается лишь в той мере, в какой это необходимо для достижения целей введенного режима. Апелляционная инстанция фактически применила критерий соразмерности: само по себе действие военного положения не легитимизирует произвольное изъятие имущества при отсутствии индивидуализированных оснований.

Кроме того, суд сослался на правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации, выраженную в Постановлении от 7 ноября 2017 года № 26-П, согласно которой включение имущества в перечень публичной собственности не освобождает государство от обязанности доказывать правомерность такого решения и не лишает собственника права на

судебную защиту. Примечательно, что на момент рассмотрения дела квартира уже была исключена из Перечня и право собственности восстановлено. Однако суд указал, что это не устраняет необходимости признания оспариваемого положения незаконным, поскольку нормативный правовой акт продолжает действовать. Тем самым апелляционная инстанция подтвердила принципиальную возможность судебного контроля за актами чрезвычайных органов власти даже в условиях военного положения и переходного периода, установленного ФКЗ от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ [1].

Проблема бесхозных объектов недвижимости в Донецкой Народной Республике носит комплексный характер и обусловлена историческими и социально-политическими обстоятельствами, начиная с 2014 года и усилившимися в 2022 году. Федеральная модель, закрепленная статьей 225 ГК РФ, в целом применима к условиям региона, однако требует осторожного и дифференцированного подхода. Ключевыми проблемами являются вынужденный характер оставления имущества, статус собственников, проживающих за пределами Российской Федерации, отсутствие сведений в Едином государственном реестре недвижимости и доказательственные сложности судебного признания. Оптимальное развитие правоприменительной практики возможно при строгом соблюдении баланса между публичным интересом восстановления жилищного фонда и конституционными гарантиями защиты права собственности.

Список литературы

1. Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 14 января 2025 года по делу № 66а-9/2025. – Текст: электронный // Судебные решения РФ : [сайт]. – URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/88098829> (дата обращения: 24.02.2026).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025). – Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 24.02.2026).
3. Закон Донецкой Народной Республики от 21.03.2024 № 66-РЗ «Об особенностях выявления, использования и признания права муниципальной собственности муниципальных образований Донецкой Народной Республики на жилые помещения, имеющие признаки бесхозного имущества, расположенные на территории Донецкой Народной Республики». – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/8000202403220001> (дата обращения: 24.02.2026).
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 24.02.2026).
5. Объявление. – Текст: электронный // Официальный сайт муниципального образования городской округ Донецк Донецкой Народной Республики: [сайт]. – URL: https://donetsk.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/novosti-i-reportazhi/novosti_17309.html (дата обращения: 24.02.2026).
6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.03.2022 № 430-р. – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203070001> (дата обращения: 24.02.2026).
7. Решение Донецкого городского совета Донецкой Народной Республики от 04.07.2024 № I/32-5 "Об утверждении Порядка выявления, учета и принятия в муниципальную собственность муниципального образования городской округ Донецк Донецкой Народной Республики бесхозного недвижимого имущества жилого фонда". – Текст : электронный // Официальный сайт муниципального образования городской округ Донецк Донецкой Народной Республики: [сайт]. – URL: https://donetsk.gosuslugi.ru/ofitsialno/dokumenty/dokumenty-all_887.html (дата обращения: 24.02.2026).
8. Батулин, С. Бесхозная недвижимость Новороссии. Что происходит с правом собственности в новых регионах России / С. Батулин. – Текст: электронный // РИА Новости: [сайт]. – URL: <https://dzen.ru/a/ZpUDo3VpIG0xLCB5?ysclid=mlziokdsio423191816> (дата обращения: 24.02.2026).

УДК 343.132

ПРОВЕДЕНИЕ ОБЫСКА В СЛУЧАЯХ, НЕ ТЕРПЯЩИХ ОТЛАГАТЕЛЬСТВ: ВОПРОСЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Абраменко Олеся Михайловна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
olesya.abramenko.97@mail.ru

Научный руководитель: Курбатова Светлана Михайловна, доктор юридических наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
sveta_kurbatova@mail.ru, ksm-2024@mail.ru

Аннотация. В научной статье анализируются вопросы правового регулирования и практической реализации порядка проведения обыска в случаях, не терпящих отлагательств в порядке, предусмотренном ч.5 ст.165 УПК РФ, в т.ч. устанавливается обоснованность распространения данных правовых положений на случаи проведения обыска в отношении адвоката, рассматриваются вопросы совершенствования уголовно-процессуального законодательства в данной части, приводятся доводы о невозможности внедрения тех или иных законодательных положений, с поправкой на правовую природу случаев, не терпящих отлагательств, их роли для осуществления эффективного предварительного расследования.

Ключевые слова: право на защиту, следственное действие, случаи, не терпящие отлагательств, обыск, обыск в жилище, представитель адвокатской палаты

Баланс публичных и частных интересов, следующий из принципа состязательности сторон (ст.15 УПК РФ) является одним из условий эффективного регулирования государством отношений, возникающих по поводу совершенного преступления, при осуществлении предварительного расследования и реализации права на защиту в ходе него и на последующих стадиях уголовного судопроизводства. Вместе с тем, в отечественной уголовно-процессуальной доктрине распространен термин «обвинительный уклон», который, казалось, бы не будучи отраженным в УПК РФ, нашел свое воплощение на практике, когда статистика принимаемых решений, в частности, судом свидетельствует о существенно небольшом количестве случаев принятия решения в пользу стороны защиты. Данное обстоятельство относится также к случаям проведения следственных действий, не терпящих отлагательств (ч.5 ст.165 УПК РФ), в т.ч. обыска.

По смыслу ч.5 ст.165 УПК РФ, перечень исключительных случаев, позволяющих провести обыск без предварительного получения санкции суда на него, образуют следующие обстоятельства: ситуации, когда возникла реальная угроза уничтожения или сокрытия предметов или орудий преступления; имеются достаточные основания полагать, что лицо, находящееся в помещении или ином месте, в котором производится какое-либо следственное действие, скрывает при себе предметы или документы, могущие иметь значение для уголовного дела [1]. Тем не менее, данный перечень является открытым, и на практике, при наличии достаточной мотивированности ходатайства с учетом приложенных к нему материалов, судом могут быть усмотрены в дальнейшем основания для признания факта законности проведенного обыска.

Смысл неотложности такого следственного действия, вытекающий из приведенного перечня, обусловлен, прежде всего, необходимостью предотвращения наступления необратимых для хода проведения предварительного расследования последствий, когда те

или иные сведения, предметы и ценности, составляющие интерес следователя (дознателя), необходимые ему для расследования конкретного уголовного дела, могут быть утрачены.

Таким образом, правообразующим основанием для проведения обыска в данном случае является наличие фактических обстоятельств, что в жилом помещении, ином месте, где необходимо провести обыск, могут находиться соответствующие данные, предметы или ценности.

Указанный порядок проведения обыска также распространяется на лиц, пользующихся большей степенью правовой защищенности, в связи с несением ими ответственности за сохранность сведений, составляющих профессиональную тайну (ст.450.1 УПК РФ).

Вместе с тем, первого взгляда на порядок проведения следственного действия в данном режиме достаточно, чтобы прийти к выводу о недостаточности правового регулирования данного вопроса, об оставлении следователю (дознателю) простора для возможных противоправных действий с его стороны, изъятия неопределенного перечня предметов, что не может быть осуществлено в случае санкционирования проведения обыска судом до его осуществления. В данной связи, по прошествии трех суток, по итогу обыска, следователь (дознатель) будет иметь возможность обосновать его целесообразность с учетом уже имеющейся у него информации.

Несмотря на то, что санкция на проведение обыска может быть получена следователем (дознателем) дополнительно, перед ним стоит задача соблюдения требований, предусмотренных положениями ст.182 УПК РФ, которые ограничивают возможность безотлагательности, с учетом необходимости привлечения к его осуществлению лиц, указанных в ч.ч.11,15 ст.182 УПК РФ.

Речь идет о лице, в отношении которого проводится обыск, его защитнике, а также лице, которому принадлежит помещение, в котором он осуществляется, и его адвокат; совершеннолетнем члене семьи такого лица и сотрудниках администрации организации, в помещении которой проводится обыск.

В уголовно-процессуальной доктрине по данному поводу высказана точка зрения, согласно которой следователь (дознатель) нуждается в наделении его полномочием, позволяющим провести обыск в отсутствие данных лиц [2, с. 31-34].

Данная позиция имеет особое значение, поскольку в случае, если в ситуации, не терпящей отлагательств, следователь (дознатель) все же будет обязан соблюсти требование по их привлечению к проведению следственного действия, перед ним откроется проблематика иного рода, в частности, связанные с порядком уведомления защитника о нем.

Для следователя внезапное проведение обыска является решающим, в то время как для защитника это обстоятельство будет иметь последствия, выраженные в уменьшении шансов принятия им мер, направленных на обеспечение интересов своего доверителя, в т.ч. по способствованию уничтожению им вещественных доказательств (чего сам адвокат делать категорически не вправе).

Действующая редакция ч.11 ст.182 УПК РФ оставляет определенный простор для следователя (дознателя) в том отношении, в каком он может не выполнять требования, предусмотренные данной нормой в отсутствие соответствующего ходатайства лица, в отношении которого проводится обыск. Если такое лицо скрылось, собственник помещения, если им выступает иное лицо, не возражает против проведения обыска, особых проблем нет, следователь (дознатель) осуществляет его, в т.ч. путем добровольной выдачи интересующих его предметов, данных и ценностей.

Однако в случае, если лицо настаивает на присутствии защитника, возникает вопрос, каков порядок его привлечения к участию в данном следственном действии?

По мнению С.Н. Воробей, при данных обстоятельствах следователь (дознатель) предоставляет возможность лицу пригласить защитника, однако это не должно приостанавливать ход проведения самого следственного действия, т.е. защитник может прибыть в помещение до его окончания [3, с. 160-162].

Полагаем, что подобное волеизъявление лица должно быть зафиксировано в протоколе проведения обыска, поскольку защитник может не прибыть в место его осуществления.

Здесь возникает проблема, связанная с тем, что для реализации права на защиту лицо должно располагать определенным объемом времени, чтобы иметь возможность заключить соглашение с интересующим его адвокатом либо пригласить иного защитника. Все это требует времени, а в силу занятости, как адвокатов, осуществляющих защиту в порядке, предусмотренном ст.51 УПК РФ, так и адвокатов, пользующихся у обывателей большей степенью доверия, оперативно прибегнуть к их услугам, зачастую, невозможно.

С другой стороны, будет ли являться отказом от защитника случай, когда следователь (дознатель) привлекает к следственному действию адвоката, приглашенного последним? Полагаем, что нет, однако ситуация усложняется, если лицо, в силу своей неопытности участия в следственных действиях, подпишет необходимые следователю (дознателю) документы (протокол проведения обыска).

Полагаем, что в данном случае факт давления следователя (дознателя) доказать практически невозможно, однако и вносить соответствующие законодательные изменения в данной части – является избыточным, поскольку эффективность проведения обыска будет сведена к нулю.

Напротив, в случае, когда лицо настаивает на защитнике по соглашению, ему следует предоставить возможность заключить соответствующее соглашение. Однако в силу того, что мы говорим об обыске, не терпящем отлагательств, реализовать данное правомочие даже при наличии законодательных изменений, которые могли бы предоставить лицу достаточное количество времени для заключения соглашения (12 часов или сутки), означало бы, вновь, дискредитировать такой режим проведения обыска.

Вместе с тем, должна ли эффективность проведения следственного действия приноситься в жертву соблюдения права на защиту, когда в случае его проведения в безотлагательном режиме, такое право отсутствовало бы – 12 часов или сутки, к примеру, а при изначальном получении разрешения на его проведение – наличествовало?

Полагаем, что более обоснованно применять положения ч.11 ст.182 УПК РФ в обоих случаях единообразно. Поскольку, в случае изменения данной нормы с учетом вышеизложенного, решения о проведении обыска будут массово отменяться в связи с непредоставлением достаточного времени для заключения соглашения с защитником, а во втором случае эффективность проведения обыска будет также являться сомнительной.

По мнению некоторых исследователей данную ситуацию может сбалансировать присутствие понятых [3], если следователь не сможет подобрать мотивировку своего постановления сообразно положениям ч.3 ст.170 УПК РФ.

Ключевой момент состоит в том, что у лица отсутствует какой-либо административный ресурс, позволяющий ему воспротивиться проведению обыска, поскольку оценку законности и обоснованности его осуществления может дать только суд. Однако, с учетом трудностей, которые возникают при реализации судебного контроля, зачастую суд занимает пассивную позицию, соглашаясь с доводами следователя (дознателя), что не оставляет гражданину шансов оперативно осуществить право на защиту. В силу изменившихся обстоятельств, выраженных в получении следователем (дознателем) интересующей его информации и предметов, включенных в перечень вещественных доказательств, на возможный факт недопустимости которых может обратить внимание только суд, который будет рассматривать уголовное дело по существу, а также вышестоящие судебные инстанции, его право на неприкосновенность частной жизни и жилища существенно подрывается, не говоря о об иных правомочий, предоставленных ему законом.

Применительно к случаям, когда обыск, осуществляемый безотлагательно, проводится в отношении адвоката, что не исключает его профессиональный статус, наряду с

положениями ст.182 УПК РФ применяются те из них, предусмотренные п.10 ч.1 ст.448 и ст.450.1 УПК РФ.

Как указывает Р.В. Хмыров, практика проведения обыска в отношении адвокатов в масштабах всего государства, является противоречивой: встречаются позиции судов, как полагающих возможным подобное проведение, так и отрицающих таковое [4, с. 28-32].

По нашему мнению, с учетом положений п.5.2 ч.2 ст.29 УПК РФ, смысла, следующего из положений ст.450.1 УПК РФ, а также позиции Конституционного суда РФ, выразившего ее в Постановлении от 11.04.2019 №863-О, проведение обыска в отношении адвоката безотлагательно запрещено [5].

Примечательно, что практика игнорирования положений ч.2 ст.29 УПК РФ является характерной для проведения следственных действий в порядке ст.165 УПК РФ. Уголовно-процессуальный закон содержит множество исключений, применительно к общим правилам проведения следственных действий, в связи с чем, на практике сложилась подобная ситуация.

Как показывает практика иных судов кассационной инстанции (примеров обжалования решений судов первой и апелляционной инстанций, вынесенных судьями Красноярского краевого суда, не имеется), в случае проведения обыска в отношении адвоката безотлагательно, такое следственное действие признать в качестве законного нельзя [6].

В подобных случаях оценке суда также подлежало то обстоятельство, какой отрезок времени разделял момент возбуждения уголовного дела в отношении адвоката и момент проведения обыска в безотлагательном режиме. Если в течении данного промежутка времени у следователя имелась объективная возможность обратиться в суд с ходатайством (за подписью руководителя следственного отдела) о разрешении проведения следственного действия, то такой обыск также признать в качестве законного оснований не имеется [7].

Если говорить об обоснованности наличия вышеизложенных ограничений, с учетом обязательного требования о привлечении к проведению обыска представителя адвокатской палаты, для прибытия которого к месту его проведения требуется определенное время, поскольку ответственный член совета региональной адвокатской палаты, будучи практикующим юристом, может выполнять свою работу в рамках ст.51 УПК РФ либо заключенного соглашения, полагаем, она имеет место быть. Проведение обыска в отношении адвоката безотлагательно может повлечь существенные трудности при сохранении в законной силе как постановления следователя (дознателя), так и судебного решения, что едва ли будет оставлено незамеченным вышестоящими судебными инстанциями. В современных условиях кадровой ситуации в Восьмом кассационном суде общей юрисдикции в отсутствие единообразия в принятии решений, не исключено, что некоторые решения суда апелляционной инстанции будут подвергнуты критике, если обыск в отношении адвокатов будет проведен безотлагательно. Вопросы процессуального положения представителя адвокатской палаты будут раскрыты нами в рамках иного исследования.

Полагаем порядок проведения обыска в безотлагательном режиме в настоящий момент имеет особую специфику своей реализации, выраженную в предотвращении возможной утраты вещественных доказательств в случае получения разрешения на осуществление следственного действия у суда. Тем не менее, необходимое следователю (дознателю) время может быть потеряно. С другой стороны, данный формат проведения следственного действия существенным образом на практике может ограничивать те или иные правомочия лица, в отношении которого проводится обыск, в т.ч. адвоката. Целесообразно внести в положения ст.450.1 УПК РФ изменения, состоящие в отсылочной к п.5.2 ч.2 ст.29 УПК РФ норме, предписывающей обязательное получение следователем (дознателем) судебного санкционирования проведения обыска в отношении адвоката. Кроме того, целесообразно расширить перечень исключительных случаев, предоставляющих возможность проведения безотлагательного следственного действия в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 №19. Наряду с этим, указанные разъяснения

нуждаются в корректировке в части фактических обстоятельств, которые предоставляют следователю (дознавателю) простор для неконтролируемого вмешательства в частную жизнь граждан. Также законодателю следует рассмотреть возможность внесения изменений в п.11 ст.182 УПК РФ, предусмотрев возможность предоставления лицу времени, необходимого для заключения соглашения с интересующим его защитником, что активно применяется на практике, как на стадии осуществления предварительного расследования, так и рассмотрения дела судом по существу (как минимум один раз лицу предоставляется данное право, с разъяснений ответственности за неявку защитника по соглашению, и время, необходимое для реализации указанного правомочия.

Список литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 №19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» // Российская газета. №125. 09.06.2017.
2. Белова, А. Н. Процессуальные проблемы производства обыска / А. Н. Белова // Будущее науки: взгляд молодых ученых на инновационное развитие общества: Сборник научных статей 3-й Всероссийской молодежной научной конференции. В 3-х томах, Курск, 30 мая 2025 года. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2025. – С. 31-34.
3. Воробей, С. Н. Проблемные вопросы производства обыска в уголовном процессе / С. Н. Воробей // Государственная служба и кадры. – 2020. – № 3. – С. 160-162.
4. Хмыров, Р. В. Обыск в отношении адвоката в случаях, не терпящих отлагательства / Р. В. Хмыров // Адвокатская практика. – 2024. – № 1. – С. 28-32.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 11.04.2019 №863-О «По жалобе граждан Зубкова Владимира Владимировича и Крупочкина Олега Владимировича на нарушение их конституционных прав положениями статей 38, 88, 113, 125 и части первой статьи 152 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также части 2 статьи 7 Федерального закона "О Следственном комитете Российской Федерации».
6. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10 февраля 2022 года по материалу № 77-394/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Кассационное постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 16 декабря 2025 года по материалу № 77-2440/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ И РАВНОПРАВИЕ СТОРОН КАК ПРИНЦИП УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Авилов Юрий Юрьевич, студент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск. Россия

gagarinyur200506@gmail.com

Научный руководитель: Середа Ольга Викторовна, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

gr.fos@ya.ru

Аннотация. В статье рассматривается принцип состязательности и равноправия сторон в уголовном судопроизводстве. Раскрывается понятие и содержание принципа состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе.

Ключевые слова: стороны, суд, состязательность, равноправие, уголовный процесс

Наши права и обязанности имеют правовое регулирование, а в свою очередь, это регулирование основывается на принципах и нормах. Многие принципы четко формулируются в самих законных актах, другие же вытекают из самого смысла и содержания. Таким образом принцип представляет собой некую руководящую норму, которая обобщает и распространяет свои положения на все явления той области, на которой данный принцип конкретизируется.

Структура принципов уголовного судопроизводства строится на Конституции Российской Федерации и представляет собой систему требований, которая определяет весь характер уголовного процесса. Как гласит 123 статья Конституции Российской Федерации, судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. Также это дублируется в статье 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Одним из первых сторонников состязательного уголовного судопроизводства был правовед М. С. Строгович. По его мнению, состязательность добавляла демократические идеи в судопроизводство. Он определил, что «состязательность – это такое построение судебного разбирательства, в котором обвинение отделено от суда, решающего дело, и в котором обвинение и защита – это стороны, наделенные равными правами для отстаивания своих утверждений и оспаривания утверждений противной стороны. Суду же принадлежит руководство процессом, активное исследование обстоятельств дела и разрешение самого спора».

Смотря более современное определение, Шумилова Людмила Фаритовна – судья, председатель первого судебного состава Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда, в 2021 году опубликовала научную статью «Принципы состязательности и объективной истины как фундаментальные начала правоприменительной практики». Где принцип состязательности представляется как «конкуренция участвующих в деле лиц, когда самостоятельные действия одних участвующих в деле лиц, эффективно отграничивают возможность других односторонне воздействовать на исход судебного разбирательства при наличии активной роли суда, наделенного функциями правосудия по руководству и управлению процессом»

Смотря юридическую литературу, можно найти немало определений. Так В. П. Смирнов считает, что «принцип состязательности заключается в таком построении процессуального порядка судебного разбирательства и исследования в нем доказательств, при котором сторонам обеспечивается возможность активно отстаивать свои или защищаемые права и интересы». Важнейшим условием реализации этого принципа, по Смирнову, является размежевание процессуальных функций между сторонами и равные права для собирания и предоставления сведений в пользу своих интересов. Суд, по его

мнению, выступает в качестве арбитра между сторонами, создает необходимые условия для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела и выносит окончательное решение на основе представленных ему доказательств. Принцип состязательности, по мнению А. А. Чебышевой-Дмитриевой, определяет три основные и строго отделенные друг от друга группы уголовно-процессуальных функций: обвинение, защита и разрешение уголовного дела. Из этого следует, что принцип состязательности выступает способом взаимодействия процессуально равноправных сторон, осуществляющих противоположные функции (обвинения и защиты) под контролем независимого суда.

Из вышеуказанного можно сделать вывод, что принцип состязательности заключается в следующем: он разграничивает функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела, суд при этом занимает руководящую роль, а стороны наделяет равными правами для защиты своих интересов.

Суд является беспристрастным арбитром в споре сторон, а они делятся на сторону обвинения и защиты.

Целью стороны обвинения является уголовное преследование подозреваемых и обвиняемых в целях изобличения их в совершении преступления. Участниками могут быть: прокурор; следователь, руководитель следственного органа; дознаватель, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания; орган дознания; частный обвинитель; потерпевший, его законный представитель и представитель; гражданский истец и его представитель.

Целью стороны защиты будет охрана личности от предъявленного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Чьи участники это: подозреваемый, в отношении которого возбуждено уголовное дело; обвиняемый, по уголовному делу которого назначено судебное заседание; законный представитель несовершеннолетнего обвиняемого, которым может быть один из его родителей, усыновителей, опекунов или представитель учреждения, на попечении которого находится подросток; защитник, который оказывает юридическую помощь подозреваемому или обвиняемому; гражданский ответчик, который несет ответственность за вред, причиненный совершенным преступлением.

Принцип состязательности наделяет эти стороны равными процессуальными правами для защиты своих интересов. Цель равноправия – обеспечить справедливое решение судебного дела, так как одна из сторон, не наделенная такими же правами, будет находиться в более проигрышном положении. При этом Суд обязан контролировать и поддерживать принцип равноправия сторон. Он не является органом уголовного преследования и не выступает на стороне обвинения или на стороне защиты, лишь оценивает правомерность сторон в процессе, их доводы, доказательства и разрешает спор.

Мнения, что суд это отдельная независимая сторона придерживается Дубровин О. В.. Он считает, что конституционный принцип состязательности сторон предполагает отделение суда как органа, вершащего правосудие, от спорящих сторон. Состязательность предполагает возможность участнику судебного дела довести свою позицию до суда.

Принцип состязательности и равенства сторон является фундаментальным основанием справедливого уголовного процесса. Он гарантирует, что обе стороны – обвинение и защита – имеют равные возможности для представления доказательств, доводов и защиты своих интересов, что обеспечивает объективность и беспристрастность судебного разбирательства. Соблюдение данного принципа способствует повышению доверия к судебной системе, укрепляет законность и справедливость принимаемых решений, а также защищает права и свободы участников процесса. Таким образом, принцип состязательности и равенства сторон является неотъемлемым элементом эффективного и демократичного правосудия.

Список литературы

1. Додонов В. Н., Ермаков В. Д., Крылова М.А и др. Большой юридический словарь. – М.: Инфра-М, 2001. – 790 с.

2. Корнакова С. В. Состязательность – условие равноправия сторон в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2009. – № 1(7). – С. 92–97.
3. Кронов Е. В. О реализации принципов состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе России // Журнал российского права. – 2008. – № 2 (134). – С. 141–149.
4. Нестерова А. М. Состязательность сторон как принцип уголовного судопроизводства в РФ // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2017. – № 7–2. – С. 50–52.
5. Сардарян Н. Т. Реализация принципа состязательности в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета МВД России. – 2008. – № 6. – С. 132–133.
6. Хамидова М. М., Авезова З., Халиков Ш. Состязательность в системе принципов осуществления правосудия по уголовным делам // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. – 2013. – № 2 (20). – С. 88–96.

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РЕАЛИЗАЦИИ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ
ЗА ПРОВЕДЕНИЕМ ОБЫСКА В ОТНОШЕНИИ АДВОКАТА (ст. 450.1 УПК РФ):
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Абраменко Олеся Михайловна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

olesya.abramenko.97@mail.ru

Научный руководитель: Курбатова Светлана Михайловна, доктор юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

sveta_kurbatova@mail.ru, ksm-2024@mail.ru

Аннотация. В научной статье анализируется вопрос рассмотрения судьями Красноярского края на базе первой и апелляционной инстанций ходатайств следователей о проведении обыска в отношении адвоката, дается авторская оценка обоснованности оснований проведения обыска, а также иным обстоятельствам, представляющим интерес в контексте совершенствования законодательного регулирования проведения обыска, формулируется вывод, в каком состоянии находится институт судебного контроля при рассмотрении вышеуказанных ходатайств на примере региональной практики, предлагаются некоторые законодательные изменения, направленные на совершенствование уголовно-процессуального регулирования порядка рассмотрения данных ходатайств.

Ключевые слова: судебный контроль, следственное действие, безотлагательное следственное действие, обыск, обыск в жилище адвоката, обыск в адвокатском кабинете

По смыслу положений ст.7 УПК РФ, осуществление предварительного расследования, в том числе при проведении следственных действий должно осуществляться с учетом требований, предъявляемых к порядку такого проведения уголовно-процессуальным законодательством. В обратном случае, доказательства, полученные с нарушением требований закона при проведении следственного действия, признаются судом как недопустимые, что может влечь вынесение судом решения, не отвечающего интересам стороны обвинения, в том числе влекущего невозможность своевременного окончания проведения дополнительного расследования при возвращении дела прокурору. Кроме того, дело может быть прекращено за неимением должной доказательственной базы, истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности.

Обращая внимание на региональную судебную практику, показателен в данном отношении пример рассмотрения уголовного дела судом апелляционной инстанции (после возвращения уголовного дела судом кассационной инстанции по мотивам игнорирования судом апелляционной инстанции отдельных доводов стороны защиты, содержащихся в апелляционной жалобе) в отношении А.А. Глискова, в ходе которого Судебной коллегией по уголовным делам Красноярского краевого суда было установлено, что у суда первой инстанции было недостаточно оснований для вынесения итогового судебного решения по делу в силу недостаточности и противоречивости доказательственной базы, 25.02.2025г. уголовное дело было возвращено Красноярскому транспортному прокурору, мера пресечения в виде заключения отменена, с избранием меры пресечения в виде домашнего ареста.

В данной связи вопрос необходимости соблюдения порядка осуществления судебного контроля по делу представляет особую актуальность, в том числе применительно к проведению такого следственного действия, как обыск. Применительно к его осуществлению в отношении адвоката закон устанавливает специальные правила, предусмотренные ст.450.1 УПК РФ).

В рамках данной научной статьи мы не будем анализировать проблематику, свойственную осуществлению обыска в отношении адвоката, сопряженную с невыполнением следователем (дознавателем) требования к проведению такового, вытекающую из привлечения к участию в нем представителя адвокатской палаты, составляющую предмет анализа в рамках другого проведенного нами исследования, сосредоточившись на иной из нее.

Эмпирическую базу научной работы составили решения суда апелляционной инстанции по вопросам проведения обысков в отношении адвокатов.

Исходя из смысла ч.1 ст.450.1 УПК РФ, обыск в отношении адвоката может быть проведен только при наличии судебного решения, вынесенного по итогу рассмотрения ходатайства руководителя следственного органа Следственного комитета РФ по субъекту РФ (п.10 ч.1 ст.448 УПК РФ). На данный вывод может «натолкнуть» формулировка, предусмотренная ч.3 ст.450.1 УПК РФ, позволяющая проводить осмотр в отношении адвоката в отсутствие представителя адвокатской палаты. Вместе с тем, он является поверхностным, поскольку речь идет об ином основании признания или непризнания следственного действия в качестве законно проведенного.

Как справедливо указывают некоторые исследователи, в настоящий момент правоприменитель не ограничен в возможности проведения обыска в отношении адвоката, в т.ч. в его жилище в рамках безотлагательного следственного действия (ч.5 ст.165 УПК РФ) [1, с. 28-32]. Из содержания решений суда апелляционной инстанции, которыми разрешались доводы адвокатов об оспаривании проведения обыска в их жилищах и адвокатских кабинетах следует, что таковой в форме безотлагательного следственного действия не проводился, руководители следственных отделов и их заместители получали разрешение на проведение обыска. Оценка обоснованности проведения подобного обыска в отношении адвоката будет дана нами в рамках иного исследования, в целом, посвященного проведению обыска безотлагательно.

В соответствии ч.1 ст.450.1 УПК РФ для проведения обыска в отношении адвоката, орган, осуществляющий предварительное расследование обязан либо возбудить уголовное дело в отношении адвоката, либо привлечь его в качестве обвиняемого в рамках уголовного дела, возбужденного в отношении иных лиц, либо при наличии данных о совершении преступления, предметы и документы, относящиеся к событию которого находятся в месте проведения следственного действия в отношении адвоката.

Обращая внимание на региональную судебную практику, за 2023-2025гг. в суд апелляционной инстанции поступило и им рассмотрено 4 материала по вышеуказанным ходатайствам. Из них:

- в 2 случаях следственный орган возбудил в отношении адвоката уголовное дело [2; 3];
- в 1 случае он обосновал факт возможной причастности адвоката к совершенному преступлению, при наличии сведений о факте преступления [4];
- в 1 случае у следственного органа имелись сведения о факте преступления, совершенного иными лицами, с которыми адвокат состоит в профессиональных отношениях [5].

Согласно указанным материалам, постановления суда апелляционной инстанции вышестоящими судебными инстанциями не отменялись, что свидетельствует об их законности и обоснованности в понимании правоприменителя, в том числе суда.

Выше мы затрагивали вопрос того, кто уполномочен обращаться с вышеуказанным ходатайством, вместе с тем, как показал анализ содержания первых двух судебных решений, материалы с ходатайством были направлены заместителем руководителя следственного отдела, что, в целом, не противоречит требованиям ч. 1 ст. 450.1 УПК РФ, поскольку в ней содержится, с одной стороны, отсылочная норма, обращающая нас к п. 10 ч. 1 ст. 448 УПК РФ, прямо не называя фигуру автора ходатайства – должностного лица, уполномоченного на его подписание, с другой стороны, в п. 10 ч. 1 ст. 448 УПК РФ речь идет о возбуждении

уголовного дела, а не обращении в суд в порядке ст.165 УПК РФ. Кроме того, сама формулировка ч. 1 ст. 450.1 УПК РФ отсылает нас не к конкретному пункту ч. 1 ст. 448 УПК РФ, а части, в целом. Также редакция п. 10 ч. 1 ст. 448 УПК РФ располагает фигурой заместителя, однако с учетом структуры изложения данной нормы он относится к Председателю Следственного комитета РФ, а не руководителю следственного отдела.

Тем не менее, с учетом итогов рассмотрения вышеуказанных ходатайств судами различных инстанций, направление в суд ходатайства за подписью заместителя руководителя следственного отдела не исключается. Вместе с тем, в уголовно-процессуальной доктрине общепринятой точкой зрения является та, которой подобная возможность противоречит действующему законодательству [6, с. 51-55].

В первых двух случаях по материалу о проведении обыска последовательно в жилом помещении и адвокатском кабинете одного и того же лица, приходя к выводу о наличии у следственного органа оснований для проведения обыска, суд указывал, что в представленных материалах содержатся необходимые сведения об относимости предметов, которые планируется изъять у адвоката, совершившему им преступлению (ч.2 ст.306 УК РФ).

Кроме того, следователь сослался на конкретные предметы, которые планируется изъять: мобильные телефоны, компьютеры, CD/DVD-диски и иные электронные носители информации, в памяти которых сохранены сведения, связанные с подачей адвокатом письменных заявлений о совершении в отношении адвоката тяжких и особо тяжких преступлений, а также с участием ее участием в рамках иного уголовного дела; иные предметы и документы (записные книжки, блокноты, ежедневники, рукописные записи, договоры купли-продажи транспортных средств, договоры залога транспортных средств), связанные с подачей адвокатом письменных заявлений о совершении в отношении нее тяжких и особо тяжких преступлений, а также с ее участием в рамках иного уголовного дела; иные предметы и документы, имеющие значение для уголовного дела [2; 3].

Как показал анализ иных материалов в порядке ст.125 УПК РФ, по заявлениям данного адвоката, вышеизложенные предметы и документы непосредственно связаны с расследуемым в отношении нее преступлением, сопряженного с заявленным ею изобличением неких лиц, совершивших в ее отношении ряд преступлений, в том числе угон транспортного средства, принадлежащего адвокату на праве собственности.

Полагаем, с учетом действующей редакции ст.450.1 УПК РФ, следственный орган со своей стороны выполнил требования, предъявляемые к ходатайству и материалам к нему о проведении обыска в отношении адвоката. Кроме того, данное следственное действие в безотлагательной форме не проводилось.

По одному из двух первых материалов апелляционное производство было прекращено в связи с поступлением уголовного дела в отношении адвоката в суд для рассмотрения по существу. Применительно к другому материалу, интерес представляет довод апелляционной жалобы адвоката, сводящийся к отсутствию на момент принесения ходатайства следователем в суд первой инстанции факта использования адвокатом своего служебного помещения в связи с окончанием договора его аренды. Вместе с тем, суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что отсутствие факта использования адвокатского кабинета на том или ином имущественном праве не упраздняет обстоятельства его использования ранее, сбережения в нем предметов и документов, имеющих значение для расследования возбужденного в ее отношении уголовного дела.

Относительно того довода, что в настоящий момент бывшее служебное помещение используется иным лицом, осуществляющим деятельность, связанную с оказанием медицинских услуг, и, как следствие, в результате проведения обыска была нарушена иная тайна, доступ к которой ограничен действующим законодательством (врачебная тайна), суд расценил его как несостоятельный, указав, что при наличии факта нарушения такового, заинтересованное лицо вправе обратиться в суд первой инстанции в порядке, предусмотренном ст.125 УПК РФ. Иные доводы апелляционной жалобы также не

свидетельствовали о наличии в действиях следственного органа каких-либо нарушений при проведении обыска в адвокатском кабинете.

В третьем случае основанием проведения обыска в адвокатском кабинете являлись результаты оперативно-розыскной деятельности, согласно которым у следователя имелись данные о том, что в кабинете адвоката находятся документы, которые были сокрыты в нем его доверителем после того, как в жилище самого доверителя должен был состояться обыск, в связи с чем, им были приняты подобные меры.

В обоснование заявленного ходатайства следователем указаны конкретные предметы и документы, принадлежащие доверителю адвоката: мобильный телефон, планшет, электронные носители информации, расписки в получении и передаче денежных средств, доверенности, иные документы организаций, имеющие отношение к уголовному делу, которые не были обнаружены в ходе обыска в жилище и транспортных средствах его доверителю при его задержании, а также при проведении дальнейших оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в рамках уголовного дела по факту совершения преступления, предусмотренного п.«б» ч.4 ст.158 УК РФ.

Кроме того, адвокатом на протяжении длительного времени оказывались услуги по представлению интересов соответствующих организаций, фигурирующих в данном уголовном деле, с помощью которых совершалось преступление (по версии следственного органа), в т.ч. компрометирующего характера (доводы жалоб сводились к указанию на факты различных нарушений, допущенных правоохранительными органами). Также у следственного органа имелаась информация о возможной причастности адвоката к совершению ряда преступлений в составе преступной группы.

Вопреки доводам адвоката в ходе рассмотрения материала судами первой и апелляционной инстанций, нарушений порядка проведения обыска в адвокатском кабинете установлено не было.

Применительно к четвертому случаю, следственный орган располагал информацией о том, что адвокат является учредителем организации, используемой в процессе преступной деятельности иными лицами, с которыми он поддерживал отношения на момент событий инкриминируемого им преступления (ч.4 ст.159 УК РФ). Интерес следственного органа в данном случае составляли документы о финансово-хозяйственной деятельности указанной организации, а также иные документы и предметы, имеющие значение для объективного расследования уголовного дела.

Судами первой и апелляционной инстанций оснований сомневаться в объективности и достоверности предоставленных следователем материалов с ходатайством не имелось, ходатайство было признано обоснованным, подлежащим удовлетворению, а следственное действие – проведению в силу его законности, отсутствия у суда сведений об обратном.

Сведений о том, что в ходе обыска у адвокатов были изъяты материалы производств по делам доверителей, а также о том, что в месте проведения следственного действия осуществлялись фотографирование, киносъемка, видеозапись и иная фиксация материалов указанного производства, судом установлено не было, из представленных материалов, в т.ч. доводов апелляционных жалоб, не усматривалось.

Примечательно во всех случаях являлось то, что руководитель (заместитель руководителя) следственного отдела ходатайствовали также об изъятии предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, помимо конкретных из них, что едва ли является обоснованным. Впрочем, существенным образом на законность проведения обыска это обстоятельство значения не имеет, если следственным органом будут добыты доказательства, как юридические, так и фактические о том, что адвокат имел отношение к совершению того или иного преступления (прямое или опосредованное). В обратном случае, целесообразность изъятия предметов и документов является избыточной.

Тем не менее, представителями уголовно-процессуальной доктрины отмечается, что суды далеко не всегда принимают обоснованное решение, в силу несовершенства действующей редакции ст.450.1 УПК РФ [7, с. 61-65].

Из приводимых исследователем примеров следует, что практика судов Красноярского края является объективной и стабильной, основанной на нормах действующего законодательства. Права и законные интересы самих адвокатов нарушены не были, а изымаемые документы имели непосредственное отношение к совершенным преступлениям. Относительно заявления ходатайства заместителями руководителей следственных отделов, полагаем, что данная практика не влечет нарушения прав и законных интересов адвокатов, вместе с тем, следует скорректировать п.10 ч.1 ст.448 УПК РФ указанием на возможность принесения ходатайства в т.ч. им, наряду с руководителем следственного отдела.

Список литературы

1. Хмыров, Р. В. Обыск в отношении адвоката в случаях, не терпящих отлагательства / Р. В. Хмыров // Адвокатская практика. – 2024. – № 1. – С. 28-32.
2. Апелляционное постановление Красноярского краевого суда от 23 января 2025 года по материалу № 22к-1369/2025 // Архив Советского районного суда г. Красноярска.
3. Апелляционное постановление Красноярского краевого суда от 24 апреля 2025 года по материалу № 22к-1370/2025 // Архив Советского районного суда г. Красноярска.
4. Апелляционное постановление Красноярского краевого суда от 06 февраля 2025 года по материалу № 22к-662/2025 // Архив Центрального районного суда г. Красноярска.
5. Апелляционное постановление Красноярского краевого суда от 28 сентября 2023 года по материалу № 22к-7544/2023 // Архив Центрального районного суда г. Красноярска.
6. Мыльцын, Д. А. Проблемы реализации прав адвоката в рамках производства в отношении него обыска и возможные пути их разрешения / Д. А. Мыльцын // Адвокатская практика. – 2022. – № 2. – С. 51-55.
7. Умярова, Р. Р. Специфика судебного контроля за следственными действиями в отношении адвоката / Р. Р. Умярова // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2023. – № 1(59). – С. 61-65.

ВЛИЯНИЕ ПЛАСТИЧЕСКИХ И КОСМЕТОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ В ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Акопян Венера Романовна, студентка

Оренбургский институт (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Оренбург, Россия
venera.akopyan@mail.ru

Меределина Кристина Владимировна, студентка

Оренбургский институт (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Оренбург, Россия
Kmeredelina@mail.ru

Научный руководитель: Саюшкина Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент

Оренбургский институт (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
Оренбург, Россия
oevsayushkina@msal.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию влияния пластических и косметологических вмешательств на процессы идентификации личности. В условиях растущей популярности эстетической медицины и трансформации внешности, вопросы верификации подлинности человека приобретают особую актуальность. В работе рассматриваются технические аспекты идентификации, юридические и социальные последствия изменений. Анализируются вызовы, с которыми сталкиваются правоохранительные органы.

Ключевые слова: идентификация личности, криминалистическая техника, пластическая хирургия, внешность, экспертиза

В современном мире медицина позволяет нам не только подправлять возрастные изменения, но и кардинально изменять внешний вид человека, начиная от черт лица до частей тела. Если подобная тактика является самовыражением личности человека, то для правовой системы, а именно для судебной экспертизы, такие изменения могут приводить к серьезным проблемам.

В уголовном процессе, одним из важнейших источников доказательств является судебная экспертиза, которая опирается на объективные методы установления личности. В случае, если внешность человека подвергалась значительным изменениям или же трансформациям, то классические методы идентификации, которые отражают особые признаки внешности, могут оказаться как не применимыми, так и вовсе нерезультативными. Это ставит перед экспертами-криминалистами следующий вопрос: если фенотипические признаки участников процесса, таких как обвиняемый, потерпевший, свидетель или же иной участник, поддавались значительным и намеренным изменениям, то как достоверно установить их личность?

Под судебной экспертизой Т.Ф. Моисеева поднимает синтетическую науку, которая включает в себя юридические-правовые, естественно-научные, а также иные гуманитарные науки, что предполагает необходимость многоаспектного подхода при ее деятельности. Данный подход также поддерживают Н.П. Майлис и В.Ф. Орлова, понимая под комплексным подходом интеграцию знаний как прогрессивный тренд, который всегда был чрезвычайно важным фактором развития криминалистики и судебно-экспертной деятельности [3].

При описании внешности человека свидетель должен выделить не только общие характеристики, которые идентифицируют личность человека, но и индивидуальные признаки, посредством которых можно будет выделить подозреваемого среди других лиц. Но множество идентифицирующих свойств – дефекты, шрамы, татуировки часто скрывается под одеждой человека. В силу данного обстоятельства необходимо уделить внимание строению головы, что необходимо при формировании субъективного портрета [5].

Намеренная или естественная трансформация черт лица и тела затрудняет работу органов следствия и дознания при розыске преступников, задержании лиц, скрывающихся от правосудия, и выполнении экспертных исследований. Актуальность приобретает габитоскопия, как отрасль криминалистической техники, объектом изучения которой являются внешние признаки человека и закономерности их изменения под воздействием медицинских манипуляций [1].

Ключевую роль в процессе идентификации преступников, а также лиц, находящихся в розыске, играет сведения об их внешнем облике. Исход расследования зависит от грамотного умения следственных органов применять криминалистические методы исследования физических данных человека. Основным механизмом верификации здесь выступает портретная экспертиза. Она позволяет научно обосновать идентичность лица, сопоставляя его первоначальный вид с актуальными фото- или видеоматериалами, полученными после изменения его внешности.

Современные возможности судебно-портретной экспертизы глобальны. Одна из возможностей такой экспертизы – использование биометрических технологий, методы которой делятся на статические и динамические. Автоматизированные системы, находящиеся на вооружение экспертов, позволяют идентифицировать лицо по узору папиллярных линий, радужной оболочке глаза, ДНК, а также, по термограмме тела человека, что относят к статическим методам. Среди динамических методов экспертизы применяется распознавание лица по походке и голосу. Другая современная возможность – создание трехмерной модели лица. При помощи 3D-сканеров и круговой фотосъемки программа создает трехмерное изображение в необходимом масштабе, что позволяет сравнить изображение подозреваемого (даже с учетом плохого качества фото и проигрышного ракурса), разметить константные точки на обоих изображениях, определить размеры отрезков между ними и провести точную идентификацию. Несмотря на возможности судебно-портретной экспертизы, часто прибегают и к другим видам экспертиз для устранения сомнений экспертов и следователей, такие экспертизы называют комплексными.

Важно подчеркнуть не только полезность и целесообразность, но в отдельных случаях и необходимость применения комплексного подхода при отождествлении лиц, внешность которых была изменена в результате медико-косметологических вмешательств. При этом участникам процесса предоставляется свобода в выборе способов реализации этого подхода; их усилия должны быть направлены на установление факта идентификации – то есть подтверждение того, что на том или ином носителе портретной информации запечатлен конкретный индивид с присущим только ему набором признаков внешнего облика.

При сборе сведений о внешности важно обращать внимание не только на общие, но и на частные признаки, поскольку именно они помогают выделить предполагаемого преступника среди других людей. Следователь должен учитывать совокупность субъективных (эмоциональное состояние, возраст, здоровье) и объективных (освещенность, погодные условия) факторов, которые могут повлиять на формирование мысленного образа у свидетеля и исказить его.

Кроме того, преступник может вносить изменения не только в анатомические характеристики (внешность), но и в функциональные – походку, мимику, жестикуляцию. Функциональные признаки относительно легко изменить: контакт между жертвой и преступником обычно непродолжителен, и нет необходимости долго отрабатывать однообразные движения, чтобы они казались естественными. Поэтому злоумышленник может целенаправленно выполнять систему несвойственных ему движений, чтобы создать в памяти свидетеля ложный функциональный образ.

Одним из примеров хирургического вмешательства, оттянувшего расследование, является дело Сергея Буторина, лидера так называемой «Ореховской» организованной группы [2]. По данным следствия, ставшим известным широкой общественности Буторин был объявлен в розыск и долгие годы скрывался за границей, в период бегства он прибегал к косметическим и пластическим вмешательствам, что значительно изменило его внешность.

В репортажах упоминаются операции, направленные на изменение носа (ринопластика), подбородка, скул, изменение линии волос (пересадка волос) и удаление родинок, шрамов и татуировок [4]. Такие вмешательства позволили разыскиваемому визуально замаскироваться. Такие изменения внешнего облика (нос, губы, скулы, морфология век) сделали сложнее визуальное опознание по старым фотоснимкам и сократили эффективность первичных проверок по базам фото, а также привели к ложным следам и задержкам. Часто, оперативные подразделения фиксировали несколько кандидатур, внешний вид которых отдаленно соответствовал прежнему образу, однако «настоящему» лидеру удавалось укрываться от глаз правоохранителей. Экспертизы и доказательства, проводимые следственными органами, в конечном счете подтвердили личность, а именно - портретная (фото-сравнительная) экспертиза, сопоставившая старые и новые снимки по совокупности признаков: не только по мягким тканям, но по неизменяемым отношениям между костными ориентирами и «геометрии» лица, к тому же - анализ ушной раковины и других персистентных признаков, уникальных для индивида. Основной упор был сделан на костную структуру орбитальной области (глазницы) и строение ушных раковин – эти параметры пластика практически не меняет, таким образом и удалось отождествить изучаемую личность с лидером «Ореховской» организованной группы. В деле Буторина пластические вмешательства действительно стали фактором, замедлившим процесс опознания и потребовавшим более сложной работы следственных и экспертных подразделений. Однако сочетание классических методов идентификации с современной портретной экспертизой позволило установить личность и обеспечить доказательственную базу для осуждения.

Другой пример, но уже из международной практики – дело Тацуи Итихаси. В марте 2007 г. в Японии была убита британская учительница Линдси Хокер; подозреваемый – Тацуи Итихаси (Tatsuya Ichihashi) – скрылся. Долгое время он находился в розыске и был арестован летом 2009 г. Согласно иностранным изданиям, в течение двух лет он самостоятельно проводил себе косметические операции, а именно отрезал часть нижней губы, удалял родинки, сужал кончик носа, но этого оказалось мало [6]. Тацуи обратился в клинику с запросом сузить нос, поднять переносицу. Врачей удивило состояние кожи и многочисленные слезы от порезов и непрофессиональных вмешательств, они были вынуждены обратиться в полицию. В ноябре 2009 года полиция распознала мужчину как Тацуи. Мужчина был арестован, когда пытался проехать на пароме из Осака на Окинаву. После нескольких месяцев следствия убийца признался в содеянном и был приговорен к пожизненному заключению. Итихаси удавалось долгое время скрываться от правоохранителей из-за изменения мягких тканей лица, которые значительно снижают эффективность визуального опознания и работы автоматических систем распознавания лиц, особенно если у органов нет большого массива «последних» фотографий. В то же время остаются устойчивые элементы: пропорции лица, расстояния между костными ориентирами, структура ушной раковины, зубная формула, отпечатки пальцев и ДНК. Эксперты используют их при сомнении, поэтому тактика следствия переходит от «встречного опознания по фото» к комбинированным методам: анализ CCTV записей (поведение, походка), сопоставление персистентных признаков, проверка документального следа (визы, банковские операции), запросы в клиники (если есть основания думать, что операции делались), и при возможности – биометрические сравнения. По сообщениям СМИ, следователи активно сопоставляли изображения с камер наблюдения и фотографии розыскных листовок – это помогало отсеять множество «ложных версий» и сузить круг проверяемых лиц. Задержать лицо удалось благодаря сообщениям пластической клиники и предоставленным ею «свежим» снимкам разыскиваемого лица.

Это не единственные примеры из Отечественной и зарубежной практики, вместе с видами экспертиз и техническими приборами «эволюционируют» и способы виновных скрыться от правосудия. Нынешняя индустрия предоставляет широкий перечень косметологических вмешательств, что создает серьезные проблемы для идентификации обвиняемых лиц. Тем не менее ключевые биометрические и анатомические маркеры

остаются устойчивыми: отпечатки пальцев, ДНК, зубы, костная структура черепа, форма ушной раковины. Эти каналы идентификации в большинстве случаев дают окончательное подтверждение личности. Пластика затрудняет начальную стадию розыска, но не отменяет возможности надежной идентификации при доступе к комплексным методам экспертизы. Успех расследования при измененной внешности зависит от мультидисциплинарного подхода, сочетания портретной экспертизы, фотограмметрии, поведенческого анализа (походка, манеры), дактилоскопии, стоматологии, ДНК.

Список литературы

1. Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е.Р. // Криминалистика: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА: ИНФРА – М. 2010. С. 944.
2. Московский городской суд. Приговор по делу № 2-26/11 от 06.09.2011 (Буторин С.В. и др.). Доступ: ГАС «Правосудие» (<https://sudrf.ru>), дата обращения: 02.02.2026.
3. Солодова Т.А. О значении комплексного подхода при идентификации лица с измененным внешним обликом//Вестник экономической безопасности. – 2020. – С. 205 – 209.
4. Стенин А. Лидер "ореховской" ОПГ приговорен к пожизненному сроку за 29 убийств. // РИА Новости. – 02.02.2026 - <https://ria.ru/20110906/431329732.html?ysclid=mlfh3gpgqg9786987316>. - (дата обращения: 02.02.2026).
5. Торопов С. А., Рудик М. В. Методические аспекты выявления возможных изменений внешности для проведения идентификации по мысленному образу. // Таврический научный обозреватель. – 2016. – № 7 (12). – С. 44–46.
6. Daily Mail. Parents of British teacher Lindsay Hawker arrive in Japan ahead of trial of man accused of her murder // Daily Mail. – 06.02.2026. - <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2010855/Tatsuya-Ichihashi-murder-trial-Lindsay-Hawkers-parents-arrive-Japan.html>

ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ ПСИХОЛОГА В СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ФОРМАЛЬНОСТЬ ИЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ?

Барина Алина Сергеевна, студентка

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия

Alinabaranova757@mail.ru

Научный руководитель: Домнина Ольга Викторовна кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия

ol-domni@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль психолога в следственных действиях с участием несовершеннолетних. Анализируются правовые основы привлечения специалиста, психологические особенности несовершеннолетних участников уголовного процесса, а также практические аспекты взаимодействия следователя и психолога. Обосновывается необходимость участия психолога возрастными особенностями детей. Подробно раскрываются диагностическая, коммуникативная и защитная функции психолога, влияющие на достоверность и полноту показаний. Делается вывод о необходимости активного участия психолога в следственных действиях с несовершеннолетними и законодательного закрепления его права на вмешательство в ход допроса.

Ключевые слова: юридическая психология, следственные действия, несовершеннолетние, психолог в судопроизводстве, допрос, допустимость доказательств

В условиях гуманизации уголовного судопроизводства особое внимание уделяется защите прав граждан, в том числе прав несовершеннолетних участников процесса, чье психоэмоциональное состояние и уровень когнитивного развития объективно требуют создания специальных условий при производстве следственных действий. Согласно ст. 191 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК РФ), участие педагога или психолога при проведении таких следственных действий, как допрос, очная ставка, опознание и проверка показаний с участием несовершеннолетнего является обязательным. Однако на практике возникает вопрос: является ли присутствие психолога лишь процессуальной формальностью, необходимой для соблюдения буквы закона, или же это действительно работающий на практике инструмент, влияющий на результаты следствия? Поиск ответа на этот вопрос требует комплексного анализа как психологических особенностей несовершеннолетних, так и существующей практики взаимодействия следователей со специалистами.

Фундаментальное обоснование необходимости присутствия психолога заложено в трудах классиков юридической психологии. М.М. Коченов, один из основоположников отечественной юридической психологии, отмечал принципиальную незавершенность, динамичность и пластичность психики ребенка. Ученый подчеркивал, что несовершеннолетний находится на пути становления личности, он развивается и растет, также и его психика находится в процессе формирования, именно поэтому дети и подростки отличаются от взрослых повышенной внушаемостью, склонностью к фантазированию и неспособностью в полной мере оценивать значение происходящих событий [2, с. 45]. Это утверждение связано с особенностями психики подростка, которые проявляются на фоне отсутствия достаточного жизненного опыта, знаний и навыков. Развивая эту мысль, М.М. Коченов акцентировал внимание на специфике восприятия отдельных событий несовершеннолетними. Они уступают взрослым в способности осознавать событие в целом, не всегда могут выделить главное, обращая внимание лишь на те факты, которые им интересны или произвели на них сильное впечатление. Эти особенности могут привести к трудностям при проведении следственных действий, при установлении события совершения

преступления и формировании доказательственной информации, именно поэтому участие психолога не должно исчерпываться простым присутствием: необходим субъект, способный выстроить безопасный диалог с ребенком.

С формальной точки зрения, законодатель закрепил за психологом статус специалиста. Цель его привлечения – оказание помощи в постановке вопросов, разъяснение особенностей поведения несовершеннолетнего, а также создание психологически комфортной обстановки. Как справедливо отмечает О.Х. Галимов, присутствие психолога призвано нейтрализовать деструктивное воздействие официальной атмосферы правоохранительных органов, которая способна дезориентировать подростка и спровоцировать защитную реакцию, например, в виде замкнутости [1, с. 112]. Специалист создает психологически безопасное пространство, корректирует формат общения следователя с учетом возрастных и индивидуальных особенностей допрашиваемого.

Однако анализ судебной практики показывает, что часто роль психолога сводится к пассивному наблюдению. Следователи, ориентированные на выполнение процессуальных сроков и формальное соответствие протокола требованиям УПК, нередко привлекают специалиста лишь для подписи в протоколе, которая легитимизирует процедуру, но не влияет на ее содержание.

Чтобы ответить на вопрос о необходимости присутствия психолога, следует обратиться к возрастной психологии. В.Л. Васильев в своих работах акцентирует внимание на том, что дети и подростки, в силу авторитарности фигуры взрослого, склонны к неосознанному принятию его версии событий. Это создает опасность формирования у несовершеннолетнего ложного представления о том, что от него ждут определенных ответов. Как подчеркивает исследователь, «несовершеннолетние, особенно младшего возраста, могут воспроизводить не то, что было на самом деле, а то, что, по их мнению, хочет услышать допрашивающий» [3, с. 465]. Психолог, владеющий методиками выявления когнитивных искажений, способен заметить момент, когда мнение взрослого становится для ребенка «ориентиром» и он начинает «подстраиваться» под вопросы. Психолог в таком случае может скорректировать тактику допроса, переформулировав вопросы, что обуславливает необходимость его участия. Особого внимания заслуживают ситуации, когда несовершеннолетний выступает в статусе потерпевшего. Вовлечение в уголовное судопроизводство, сопряженное с необходимостью повторного переживания травматических событий, может усугубить посттравматическое стрессовое расстройство. Страх перед неизвестностью, боязнь осуждения или непонимания со стороны представителей правоохранительных органов часто блокируют коммуникацию. Психолог, используя техники эмоциональной регуляции, способен снизить уровень тревожности, создать условия, при которых ребенок чувствует себя в безопасности, что напрямую влияет на полноту и достоверность его показаний. Кроме того, важно помнить, что дети запоминают события иначе, чем взрослые. Они могут упускать временные связи, но отлично помнить детали, которые были для них эмоционально яркими и важными. Задача психолога – помочь следователю правильно интерпретировать ответы ребенка и сформулировать вопросы на доступном ему языке.

Реализация непосредственного участия психолога возможна лишь при условии выполнения им комплекса взаимосвязанных функций. Так, на первоначальном этапе психолог оценивает уровень интеллектуального и эмоционального развития несовершеннолетнего, его способность адекватно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать по ним показания, то есть выполняет диагностическую функцию. Это напрямую коррелирует с требованиями ст. 196 УПК РФ о назначении экспертизы для определения психического состояния. Затем коммуникативная функция, которую выполняет психолог, позволяет снижать коммуникативные барьеры между следователем и ребенком. Психолог может перефразировать юридически сложный вопрос на понятный ребенку язык, не искажая при этом его сути. Он также обеспечивает обратную связь, помогая следователю понять истинный смысл ответов несовершеннолетнего, которые могут быть скрыты страхом,

стеснением. И наконец, активное участие психолога служит дополнительной гарантией недопустимости психологического насилия, давления или использования наводящих вопросов. Это, в свою очередь, обеспечивает такой важнейший критерий доказательств, как допустимость. Любое нарушение, зафиксированное специалистом, может стать основанием для признания протокола следственного действия недопустимым доказательством.

Исследование Л.П. Конышевой подтверждает взаимосвязь между активностью психолога и качеством получаемых показаний. Протоколы допросов с активным участием психолога, отличаются большей степенью детализации, логической целостностью и точностью в изложении фактов по сравнению с допросами, где присутствие психолога было пассивным [4].

Несмотря на очевидную потребность в квалифицированном психологическом сопровождении, на пути его эффективной реализации стоит ряд системных проблем. Привлечение в процесс педагогов или психологов общего профиля, не обладающих компетенциями в области юридической психологии и не знакомых со спецификой уголовного судопроизводства, зачастую не дает желаемого результата. Необходима целенаправленная подготовка специалистов, владеющих как диагностическими методиками, так и знанием основ уголовного процесса и тактики проведения следственных действий. Действующий УПК РФ не содержит четкой регламентации пределов вмешательства психолога в ход следственного действия. Вправе ли он задавать вопросы самостоятельно, делать замечания по ходу допроса, требовать занесения своих комментариев в протокол? Отсутствие ясности в этом вопросе ставит специалиста в зависимость от усмотрения следователя и препятствует реализации его активной роли. Представляется целесообразным законодательное закрепление права психолога на активное участие с занесением его вопросов и замечаний в протокол следственного действия. Кроме того, сохраняется проблема неготовности части следователей воспринимать психолога как равноправного участника процесса, чьи рекомендации могут повысить результативность расследования. Преодоление этого стереотипа требует не только правовых, но и организационно-методических мер, включая проведение совместных семинаров и тренингов.

Подводя итог, следует отметить, что участие психолога в следственных действиях с несовершеннолетними не может рассматриваться как простая процессуальная формальность, несмотря на распространенность такого подхода в правоприменительной практике. Сама природа возрастного развития, характеризующаяся незавершенностью психического развития, повышенной внушаемостью и эмоциональной лабильностью, объективно требует присутствия профессионального медиатора.

Необходимость участия психолога детерминирована не столько императивными предписаниями УПК РФ, сколько фундаментальными закономерностями детской и подростковой психологии. Эффективность доказывания по уголовным делам с участием несовершеннолетних напрямую зависит от качества коммуникации, выстроенной между следователем и ребенком. Достижение такого качества невозможно без превращения психолога из пассивного статиста, чья подпись лишь легитимирует процедуру, в активного помощника следователя, реализующего диагностическую, коммуникативную и защитную функции. Преодоление существующих процессуальных и организационных барьеров должно стать приоритетной задачей для дальнейшего развития юстиции в России.

Список литературы

1. Васильев, В. Л. Юридическая психология: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности "Юриспруденция" / В. Л. Васильев. – 5-е изд. / перераб. и доп. – Москва [и др.] : Питер, 2005. – 655 с.
2. Галимов, О. Х. Малолетние лица в уголовном судопроизводстве / О. Х. Галимов – Санкт-Петербург : Питер, 2021. – 223 с.
3. Коченов, М. М. Введение в судебно-психологическую экспертизу / М. М. Коченов – МГУ им. М. В. Ломоносова, Факультет психологии. Москва : Изд-во МГУ, 1980. – 116 с.
4. Ситковская, О. Д. Психологическая экспертиза несовершеннолетних в уголовном процессе. Научно-методическое пособие / О. Д. Ситковская, Л. П. Конышева : М., 2001. – 72 с.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

ИНСТИТУТ СМЕРТНОЙ КАЗНИ В РОССИИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Бараева Дарья Дмитриевна, студентка

АНО ПОО Самарский колледж цифровой экономики и предпринимательства «МИР», Самара, Россия
dariyabaraeva@yandex.ru

Климанова Анастасия Николаевна, студентка

АНО ПОО Самарский колледж цифровой экономики и предпринимательства «МИР», Самара, Россия
nastankl@yandex.ru

Научный руководитель: Ривкина А.И. старший преподаватель

АНО ПОО Самарский колледж цифровой экономики и предпринимательства «МИР», Самара, Россия
aikhesina@ya.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию одного из наиболее противоречивых институтов уголовного права – смертной казни – в контексте российской правовой действительности. В работе проводится историко-правовой анализ эволюции данного вида наказания: от его зарождения в ранних законодательных памятниках до введения действующего моратория. Рассматриваются актуальные нормативно-правовые основания применения высшей меры, включая закрытый перечень составов преступлений и процессуальные ограничения. Особое внимание уделено полемике между сторонниками и противниками смертной казни, затрагивающей такие аспекты, как ее превентивный потенциал, вероятность судебных ошибок, экономическая обоснованность и соответствие принципам гуманизма. Авторы приходят к выводу, что существующий мораторий выступает отражением общественного компромисса, а дальнейшее движение к полной отмене смертной казни неразрывно связано с прогрессом правосознания и социальной сферы.

Ключевые слова: смертная казнь, история смертной казни, уголовное право, право на жизнь, мораторий, исключительная мера наказания

В современном мире право на жизнь признается фундаментальным и неотъемлемым правом человека, служащим основой для реализации всех иных прав и свобод. Сама возможность пользоваться правовыми благами обусловлена физическим существованием индивида, что предопределяет особую защиту данного права как на уровне международного публичного права, так и в национальных законодательствах. Уровень гарантированности права на жизнь выступает одним из ключевых индикаторов цивилизованности государства.

Институт смертной казни занимает уникальное положение в правовом поле, находясь на пересечении юридических, этических, политических и социальных координат. Анализ этого института позволяет не только проследить историческую трансформацию уголовной политики, но и понять изменение общественных представлений о ценности человеческой жизни, целях наказания и границах государственного принуждения. История России в этом вопросе демонстрирует сложную, нелинейную траекторию: от широкого применения казни как инструмента устрашения к фактическому отказу от нее и введению бессрочного моратория. Данный уникальный опыт обуславливает высокую актуальность его исследования, особенно в контексте непрекращающихся дискуссий о путях совершенствования уголовной юстиции, эффективности наказания и поиске баланса между безопасностью социума и неотчуждаемыми правами личности.

Легальной дефиниции смертной казни в российском законодательстве не закреплено. Однако, исходя из совокупности ее признаков, можно определить, что смертная казнь представляет собой санкционированное государством лишение жизни индивида, совершившего особо тяжкое преступление. Данная мера реализуется принудительно, исключительно на основании вступившего в законную силу приговора суда, вынесенного от имени государства.

Генезис смертной казни восходит к обычаю кровной мести и принципу талиона, в рамках которых отсутствие возмездия воспринималось как бесчестие. В отечественной правовой традиции нормативное закрепление смертной казни фиксируется в ряде исторических документов: Двинской уставной грамоте 1398 г. (которая содержит самое раннее упоминание высшей меры в русском праве [3, с. 388-389]), Псковской судной грамоте XV в., Судебниках 1497 и 1550 гг., Соборном уложении 1649 г., Синодском указе 1701 г., Воинском уставе 1716 г., Полевом уложении 1812 г., Своде законов 1832 г., Уложении о наказаниях 1845 г. и других актах.

С вступлением в силу Уголовного кодекса РФ 1996 года перечень деяний, наказуемых смертной казнью, был существенно сокращен. В настоящее время он включает пять составов преступлений:

- Убийство при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 105 УК РФ);
- Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ);
- Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК РФ);
- Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ);
- Геноцид (ст. 357 УК РФ).

Законодательство предписывает единственный способ исполнения данного приговора - расстрел. При этом установлен исчерпывающий круг лиц, к которым смертная казнь не применяется: женщины, несовершеннолетние, лица, признанные невменяемыми, а также мужчины, достигшие 65-летнего возраста. Правоприменительная практика показывает, что в подавляющем большинстве случаев суды заменяют смертную казнь альтернативным наказанием – пожизненным лишением свободы.

К числу сущностных характеристик смертной казни как правового феномена можно отнести следующие:

1. Карательная природа. Как и любое наказание, смертная казнь является формой государственной кары. Профессор Н.А. Стручков определял кару как установленный законом комплекс правоограничений, конкретизируемых при применении наказания.

2. Исключительная суровость. Данная мера лишает осужденного высшего блага – жизни, а вместе с ней и всех прочих прав. Важно подчеркнуть, что эти права сохраняются за ним до момента фактического исполнения приговора, включая право на обжалование, помилование, свидания и переписку.

3. Публично-правовой характер. Смертная казнь применяется от имени государства, которое санкционирует вынесение приговора уполномоченным судом и обеспечивает проверку его законности.

4. Временный характер. Конституция РФ (ст. 20) устанавливает, что смертная казнь может предусматриваться «впредь до ее отмены», что указывает на ее исключительный и временный статус в российской правовой системе.

5. Исключительность как мера наказания. Назначение смертной казни допускается только на основе приговора суда и в строгом соответствии с уголовным, уголовно-процессуальным и уголовно-исполнительным законодательством.

6. Узкая сфера применения. Санкция в виде смертной казни устанавливается исключительно за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь человека и обладающие максимальной общественной опасностью.

7. Психологическое воздействие. Помимо физического лишения жизни, данная мера сопряжена с тяжелыми психологическими страданиями осужденного, вызванными осознанием неотвратимости смерти, страхом и возможными мучениями совести.

С образованием Российской Федерации дискуссия о допустимости смертной казни приобрела новую остроту. Ключевым событием стало подписание 16 апреля 1997 года Протокола № 6 к Европейской конвенции о защите прав человека, предполагающего отмену высшей меры наказания в мирное время. В развитие этого курса Указом Президента был

введен мораторий на приведение смертных приговоров в исполнение [1]. В период 1997–1999 гг. мораторий действовал де-факто, поскольку глава государства прекратил практику рассмотрения ходатайств о помиловании – необходимого условия для исполнения приговора.

Окончательную точку в вопросе о возможности применения смертной казни поставил Конституционный Суд РФ. В Постановлении от 19 ноября 2009 года № 20-П Суд констатировал формирование в России устойчивой конституционно-правовой традиции, исключающей возврат к смертной казни. Суд указал, что в силу ратификации Европейской конвенции и многолетнего (свыше 10 лет) неприменения данного вида наказания, его возобновление будет противоречить Конституции РФ [2].

Несмотря на юридическую невозможность исполнения, смертная казнь как вид наказания продолжает фигурировать в Уголовном кодексе РФ, что формально сохраняет потенциальную возможность отмены моратория.

В обществе полемика вокруг смертной казни не прекращается, обостряясь после каждого резонансного преступления, особенно совершаемого в отношении детей. Аргументы сторонников возвращения к практике смертных приговоров сводятся к следующему: такая мера является адекватным возмездием за особо тяжкие преступления, не противоречит Конституции и служит целям борьбы с преступностью. Кроме того, они указывают на то, что альтернатива в виде пожизненного заключения требует значительных бюджетных расходов на содержание осужденных, что ложится бременем на налогоплательщиков [4, с. 63].

Противники высшей меры, в свою очередь, апеллируют к неотчуждаемому праву на жизнь и запрету жестоких, бесчеловечных видов обращения. Ключевым контраргументом выступает неустранимый риск судебной ошибки. Трагическим примером служат случаи в советской практике, когда двое невиновных были осуждены к смертной казни за преступления, совершенные впоследствии Андреем Чикатило. Гибель невиновного в такой ситуации становится невозполнимой утратой и тяжелейшим ударом по авторитету судебной системы.

Также ставится под сомнение превентивный эффект смертной казни. Сам по себе страх смерти не способен удержать от преступления лиц, действующих в состоянии аффекта, страдающих психическими расстройствами (к которым относится значительная часть серийных убийц [5, с. 303]) или убежденных в собственной безнаказанности. Подлинное снижение уровня преступности достигается через воспитание, повышение морально-нравственного уровня и улучшение качества жизни граждан.

Таким образом, действующий в России фактический мораторий представляет собой сформировавшийся общественно-политический компромисс. Он отражает хрупкое равновесие между полярными точками зрения – от требования полного восстановления смертной казни до последовательного аболиционизма, основанного на принципах гуманизма.

Смертная казнь не может рассматриваться как эффективный инструмент уголовной политики. При решении вопроса о ее применении необходимо учитывать комплекс факторов: гуманистический (недопустимость причинения смерти государством), криминологический (степень общественной опасности личности и риск ее сохранения после отбытия наказания) и экономический (издержки на пожизненное содержание заключенных). Однако первостепенное значение имеет осознание того, что угроза смертью не является действенным сдерживающим фактором.

Однозначного ответа на вопрос о необходимости возвращения смертной казни в России не существует. Тем не менее, позиционирование Российской Федерацией себя в качестве правового и демократического государства, где высшей ценностью признаются права и свободы человека, делает нарушение этих прав, включая право на жизнь, недопустимым ни при каких обстоятельствах.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 16.05.1996 № 724 «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы».
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 № 20-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и третьей статьи 332, статьи 336 и части второй статьи 339 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.Л. Меркулова, А.Г. Попкова и других».
3. Дулепина, О.В. Смертная казнь: история и современное состояние / О.В. Дулепина // Вестник науки. – 2023. – С. 386–390.
4. Коровин, С.С. Смертная казнь в России: формирование и ее место в карательной политике / С.С. Коровин, Е.А. Романенко // Гуманитарный научный вестник. – 2024. – С. 61–64.
5. Фарвазова, М.Б. Смертная казнь: мировая практика / М.Б. Фарвазова, Э.Ф. Закирова // Вестник экономики, права и социологии. – 2024. – С. 301–305.

КЛАССИФИКАЦИЯ И ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ПОВРЕЖДЕНИЙ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ ПРИ РАЗЛИЧНЫХ ВИДАХ ДОРОЖНО- ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ

Винидиктова Ева Геннадьевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

evavinidiktova@mail.ru

Научный руководитель: Пяткин Алексей Николаевич, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

pjatkin77@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается классификация повреждений транспортных средств в зависимости от вида дорожно-транспортного происшествия. Анализируются диагностические признаки, позволяющие идентифицировать механизм столкновения, опрокидывания или наезда. Особое внимание уделяется тому, как характер повреждения автомобиля и травмы пострадавших связаны между собой, что имеет значение для расследования дорожно-транспортного происшествия.

Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие, повреждение транспортного средства, автотехническая экспертиза, классификация дорожно-транспортного происшествия, диагностические признаки

Установление механизма дорожно-транспортного происшествия является одной из ключевых задач при расследовании дорожно-транспортного происшествия. Важнейшим источником доказательственной информации выступают повреждения, полученные транспортными средствами в результате происшествия. Их правильная классификация позволяют правильно выстроить обстоятельства аварии и определить степень вины участников. Повреждения, получаемые транспортными средствами при дорожно-транспортных происшествиях, могут быть разнообразны по своему характеру и степени тяжести. Их классификация и последующая диагностика позволяют установить механизм дорожно-транспортного происшествия, оценить тяжесть последствий и определить объем восстановительного ремонта.

В современной экспертной практике повреждения транспортных средств классифицируются по нескольким основаниям. По источнику возникновения выделяют повреждения, полученные при столкновении с другими транспортными средствами, наезде на препятствие, опрокидывании, наезде на пешехода. По характеру деформации различают вмятины – изменение геометрии элемента в виду углубления со сглаженными краями; изгибы – дугообразное искривление оси симметрии элемента; перекосы – взаимное смещение конструктивных элементов; разрывы и трещины.

Виды повреждений транспортных средств при дорожно-транспортном происшествии:

-Отпечатки – поверхностные отображения на следовоспринимающем участке поверхности одного транспортного средства выступающих деталей другого. Это отслоения или наслоения вещества, которые могут быть взаимными: отслоение краски или иного вещества с одного объекта приводит к наслоению этого же вещества на другом.

-Контактные деформации – изменение первоначальной формы отдельных деталей транспортных средств. К ним относятся: вмятины, которые образуются в местах приложения усилий.

-Повреждения шин – подразделяются на проколы, пробои, разрезы, разрывы, отслоение протектора шин.

Также повреждения классифицируют по степени деформации:

-Первая группа – повреждения поверхности элемента, не вызывающие изменение формы.

-Вторая группа – повреждения, вызвавшие плавную деформацию без складок и заломов элемента.

-Третья группа – повреждения, вызвавшие сложную деформацию элемента, в виде складок и заломов.

Также выделяют вторичные деформации, которые характеризуются отсутствием признаков непосредственного контактирования деталей и являются следствием контактных деформаций.

Особую группу составляют вторичные деформации и скрытые повреждения, которые не всегда обнаруживаются при внешнем осмотре, но существенно влияют на оценку технического состояния транспортного средства.

Существует несколько диагностических признаков при различных видах дорожно-транспортного происшествия:

-Лобовое столкновение характеризуется деформацией передней части транспортного средства, заклиниванием дверей, нарушением целостности стекол, нередко – смещением двигателя в сторону салона. Характерным диагностическим признаком является локализация повреждений преимущественно в передней части автомобиля с нарастанием глубины деформации по направлению к центру удара. Важно зафиксировать высоту расположений повреждений, что позволяет сопоставить их с выступающими частями другого транспортного средства.

-Боковое столкновение отличается деформацией боковых частей кузова, повреждением дверей, нередко – деформацией крыши и разбитыми стеклами. Диагностическое значение имеет глубина и угол направления деформирующего усилия, что позволяет определить траекторию движения ударившего транспортного средства.

-Касательное столкновение сопровождается деформацией соприкасающихся боковых частей, заклиниванием дверей, образованием царапин и задиров без глубокого внедрения. Характерны следы скольжения и наложение материала одного транспортного средства на другое.

-Опрокидывание дает наиболее обширные повреждения: значительная деформация корпуса и крыши, разбитые стекла, нередко – разлив топлива. Диагностическим признаком выступает множественности и хаотичность повреждений, локализованных по всей поверхности кузова.

-Наезд на препятствие по характеру повреждений напоминает лобовое столкновение, однако имеет свои особенности: локальность деформации, часто – наличие специфических отпечатков препятствия – дерева, столба, ограждения.

Установление связи между повреждениями автомобиля и травмами людей имеет важное значение для реконструкции механизма дорожно-транспортного происшествия и определения вины участников. При лобовом столкновении типичным являются шейно-позвоночные и черепно-мозговые травмы, повреждения грудной клетки и нижних конечностей, что связано с ударом о рулевую колонку, приборную панель и ветровое стекло.

При боковом столкновении преобладают травмы таза, бедер, живота, переломы ребер со стороны удара. Характерным является смещение пострадавшего к боковой двери, что подтверждается локализацией контактных повреждений на теле.

Опрокидывание сопровождается множественными травмами позвоночника, черепно-мозговыми травмами, что объясняется хаотичным перемещением пострадавших внутри салона и ударами о различные элементы кузова.

Классификация повреждений транспортных средств и анализ диагностических признаков составляют основу экспертного исследования при расследовании дорожно-транспортного происшествия. Системный подход к оценке повреждений, учитывающий вид происшествия, локализацию и характер деформаций, позволяет достоверно

реконструировать механизм аварии и установить причинно-следственные связи между действиями участников и наступившими последствиями.

Список литературы

1. Махнин, Е.Л. К вопросу об установлении перечня повреждений автотранспортных средств, полученных в результате ДТП / Е.Л. Махнин // Теория и практика судебной экспертизы. – 2015. – № 2(38). – С. 72-79.
2. Махнин, Е.Л. К вопросу об установлении перечня повреждений автотранспортных средств, полученных в результате ДТП / Е.Л. Махнин // Теория и практика судебной экспертизы. – 2020. – № 3(59). – С. 68-75.
3. Джалавян, В.В. Криминалистическая методика расследования дорожно-транспортных преступлений / В.В. Джалавян // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). – Казань: Бук, 2016. – С. 262-265
4. Бадиков, Д.А. Некоторые аспекты расследования уголовных дел о дорожно-транспортных происшествиях / Д.А. Бадиков // Закон и право. – 2018. – №7. – С. 171- 172.
5. Чельшева О.В. Криминалистика: учебник / О.В. Чельшева. – Санкт-Петербург: РКОПИ, 2017. – 579 с.

РОЛЬ ТЕХНИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ В ВОЗНИКНОВЕНИИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯХ

Винидиктова Ева Геннадьевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
evavinidiktova@mail.ru

Научный руководитель: Пяткин Алексей Николаевич, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
pjatkin77@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние технического состояния автомобилей на аварийность и тяжесть последствий дорожно-транспортных происшествий. Анализируются статические данные, основные неисправности, провоцирующие дорожно-транспортное происшествие, а также установление причинно-следственной связи между дефектами транспортных средств и фактом происшествия. Особое внимание уделяется эксплуатационным неисправностям, которые водитель мог обнаружить своевременно.

Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие, водитель, техническое состояние транспортного средства, автотехническая экспертиза

Проблема обеспечения безопасности дорожного движения остается одной из приоритетных задач государства. Традиционно основное внимание уделяется человеческому фактору, однако техническое состояние транспортных средств играет не менее важную роль в возникновении аварийных ситуаций. Согласно данным Научного центра безопасности дорожного движения МД, в 2025 году зарегистрировано 5004 дорожно-транспортных происшествия с участием неисправных автомобилей, что на 2, 8% превышает показатели 2024 года. Число погибших в таких авариях выросло на 7,8%, достигнув 917 человек.

При этом доля дорожно-транспортных происшествий, при которых зафиксированы технические неисправности, составляет около 3,8% от общего числа аварий. Однако, неисправности чаще выступают не основной, а сопутствующей причиной, усугубляющей последствия происшествия.

Надежность автомобиля – это свойство автомобиля выполнять заданные функции, сохраняя свои эксплуатационные показатели в заданных пределах в течение требуемого отрезка времени или наработки. А это значит, что надежность – это способность автомобиля работать без поломок и преждевременного износа деталей, нарушения регулировок механизмов и систем, то есть работать без остановок по техническим причинам в течение определенного времени.

Основные неисправности, влияющие на безопасность движения:

-Тормозная система является наиболее опасной. Неисправности тормозов могут выражаться в нарушении герметичности гидравлического привода, предельном износе колодок и коррозии рабочих поверхностей цилиндров.

-Рулевое управление – люфт, превышающий допустимые значения, поломки гидроусилителя и механические повреждения способны привести к внезапной потере контроля над транспортным средством.

-Ходовая часть и шины – износ протектора, несоответствие шин сезону, повреждения шин, неисправности амортизаторов. Изношенные шины могут привести к потере сцепления с дорогой, особенно на мокрой или скользкой поверхности

Осветительные приборы – неработающие фары, неправильно отрегулированный свет, чрезмерная тонировка стекол снижают обзорность и увеличивают риск наезда на пешеходов и препятствия.

Отдельную проблему представляют внесенные в конструкцию автомобиля изменения. По данным МВД, 28% дорожно-транспортных происшествий с участием неисправных машин связаны именно с самовольным вмешательством в конструкцию транспортного средства. Это могут быть изменения тормозной системы, установка нештатного оборудования, тюнинг, влияющий на управляемость, или замена элементов подвески.

При расследовании дорожно-транспортных происшествий ключевое значение имеет экспертиза технического состояния транспортного средства, которая отвечает на следующие вопросы:

-исправность транспортного средства – имела ли неисправность, какова ее сущность, когда она возникла?

-влияние на дорожно-транспортное происшествие – повлияла ли данная неисправность на возникновение и развитие происшествия?

-причинно-следственная связь – является ли техническая неисправность причиной дорожно-транспортного происшествия?

-возможность предотвращения – была ли у водителя техническая возможность избежать аварии при данном состоянии автомобиля?

-обнаружение неисправности – мог ли водитель обнаружить неисправность до происшествия?

Особое значение имеет разграничение внезапного отказа и эксплуатационной неисправности, возникшей вследствие износа и несвоевременного обслуживания. Так как, в первом случае ответственность может быть снижена, во втором – водитель признается виновным, так как обязан был обнаружить неисправность перед поездкой.

Существенным обстоятельством является возраст транспортных средств. Средний возраст легкового автомобиля в России составляет 15 лет, грузового – 18 лет. С увеличением возраста техники возрастает и тяжесть последствий дорожно-транспортных происшествий, поскольку современные автомобили оснащены эффективными системами безопасности, отсутствующими у старых моделей.

Для снижения числа ДТП, возникающих из-за технических неисправностей, рекомендуется:

- Регулярно проводить технический осмотр транспортных средств, находящихся в эксплуатации. Контролировать исправность всех узлов и систем автомобиля.

- Своевременно устранять неисправности. Некоторые поломки не являются критичными и позволяют эксплуатировать машину, а другие требуют немедленного устранения.

- Уделять внимание критическим элементам – например, амортизаторам, шаровым опорам и ступичным подшипникам, работа которых напрямую не зависит от погодных условий.

- Следить за состоянием шин – в теплое время года возрастает риск боковых повреждений и появления вздутия или «грыж».

- Проводить предрейсовые технические осмотры – транспорт должен соответствовать требованиям технической исправности для перевозки пассажиров и грузов.

Техническое состояние транспортных средств является одним из ключевых факторов, влияющих на безопасность дорожного движения. Неисправности автомобилей значительно увеличивают риск возникновения дорожно-транспортного происшествия и их последствия. Сегодня важнейшим фактором поддержания транспортных средств в исправном состоянии является техническое обслуживание автомобиля. Применение планового предупредительного ремонта автомобиля повысит безопасность дорожного движения. Неисправные транспортные средства могут стать причиной аварий, что ставит под угрозу жизни и здоровье людей.

При расследовании дорожно-транспортных происшествий важно разграничивать внезапные отказы, которые водитель не мог предотвратить, и эксплуатационные

неисправности, являющиеся следствием халатного отношения к поддержанию автомобиля в исправном состоянии.

Список литературы

1. Афанасьев Л. Л. Конструктивная безопасность автомобиля / Л. Л. Афанасьев, А. Б. Дьяков, В. А. Иларионов. – М.: Машиностроение, 1983. – 212 с.
2. Допматовский Ю. А. Автомобиль в движении. – М.: Транспорт, 1987. – 283 с.
3. Научный центр безопасности дорожного движения (дата обращения: 27.02.2026).
4. Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 16.07.2025) "О Правилах дорожного движения" (дата обращения: 02.03.2026).

ВОЗВРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРУ В ПОРЯДКЕ СТАТЬИ 237 УПК РФ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Ворошилова Юлия Андреевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

voroshilovajulija@yandex.ru

Научный руководитель: Курбатова Светлана Михайловна, доктор юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

ksm-2024@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается институт возвращения уголовного дела прокурору как один из наиболее дискуссионных и сложных в правоприменении элементов уголовно-процессуального права. Анализируется историческая эволюция данного института. Особое внимание уделяется научной полемике относительно эффективности механизма: представлены позиции сторонников расширения полномочий прокурора в суде и адептов повышения качества досудебного производства. На основе статистических данных Судебного департамента за 2020–2023 гг. выявлена динамика возвращенных дел по различным ведомствам, а также проанализированы правоприменительные проблемы, возникающие при возвращении дел, с приведением конкретных примеров из судебной практики.

Ключевые слова: возвращение уголовного дела прокурору, дополнительное расследование, качество предварительного расследования, обвинительное заключение, судебный контроль, принцип состязательности, обвинительный уклон, судебная практика, прокурор в уголовном процессе

Возвращение уголовного дела прокурору представляет собой один из наиболее проблематичных с точки зрения толкования и правоприменения институтов уголовно-процессуального права, что обуславливает его высокую дискуссионность в научной среде.

Истоки данного института уходят корнями в глубокое прошлое российского правового поля, прослеживаясь до эпохи монархии. Тем не менее, его полноценное институциональное оформление и систематическое развитие как механизма возвращения уголовного дела прокурору стартовали лишь в XIX столетии.

В 1864 году в рамках принятия Устава уголовного судопроизводства был институционализирован механизм, получивший наименование «производство о разъяснении». Данный правовой институт предусматривал процедуру возбуждения уголовного производства с целью устранения неопределенности по вопросам, непосредственно связанным с расследуемым уголовным делом. В исследовании И. Х. Хачатряна отмечается, что соответствующие законодательные нормы наделяли суд полномочием по проверке соблюдения процессуальных требований при проведении предварительного следствия. В ситуации выявления неполноты либо нечеткости проведенного расследования судебный орган обладал правомочием инициировать дополнительное расследование, направленное на устранение выявленных процессуальных недостатков [1].

В Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 года институт возвращения уголовного дела для дополнительного расследования получил четкое нормативное закрепление. В частности, статья 232 данного законодательного акта систематизировала и детально регламентировала основания, при наличии которых суд был вправе принять решение о возврате материалов уголовного дела органу предварительного расследования [2].

С принятием Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в 2001 году в системе уголовно-процессуального регулирования произошла существенная трансформация механизмов устранения недостатков предварительного расследования. Законодатель осуществил принципиальный отказ от института возвращения уголовного дела для производства дополнительного расследования, который традиционно функционировал в предшествующих кодификациях. В качестве альтернативного процессуального механизма был внедрен институт возвращения уголовного дела прокурору, нормативно закрепленный в статье 237 УПК РФ.

С момента вступления в силу УПК РФ в научной среде не прекращаются дискуссии об эффективности данного института. В рамках полемики выделяются две основные позиции: Сторонники процессуальной модернизации (Н. В. Бudyлин, В. Д. Потапов, Г. В. Абшилава, Б. Я. Гаврилов) аргументируют необходимость введения новой процедуры - права прокурора на изменение обвинения непосредственно в суде. Данная позиция предполагает расширение дискреционных полномочий прокурора в рамках судебного разбирательства [3]. Адепты совершенствования досудебного производства (С. В. Цедрик, Е. Е. Степанова, А. Е. Канузель) настаивают на приоритете повышения качества предварительного расследования. По их мнению, это позволит минимизировать случаи возвращения дел прокурору без внесения изменений в действующий механизм устранения процессуальных недостатков [4].

Проанализируем практическое функционирование института возвращения уголовного дела прокурору.

Таблица 1 – Общие показатели количества возвращений уголовных дел в порядке ст. 237 УПК РФ

Количество возвращенных судом уголовных дел прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ			
Год	Следователям СК РФ	Следователям МВД РФ	Органам дознания МВД РФ
2020	1143	3023	1855
2021	1135	3383	1797
2022	1151	3065	1630
2023	1046	2632	1329

Приведенные данные отражают динамику применения института возвращения уголовных дел прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ. За четырехлетний период наблюдается умеренное снижение количества возвращенных дел по всем категориям: следователям СК РФ - с 1 143 (2020) до 1 046 (2023), сокращение на 8,5 %; следователям МВД РФ - с 3 023 (2020) до 2 632 (2023), снижение на 12,9 %; органам дознания МВД РФ - с 1 855 (2020) до 1 329 (2023), уменьшение на 28,4 %.

На протяжении всего периода: наибольшая доля возвращенных дел приходится на следователей МВД РФ (в среднем 63 % от общего числа); второе место занимают органы дознания МВД РФ (25 %); наименьшая доля - у следователей СК РФ (12 %).

Таким образом, можно сделать вывод, что анализ статистики за 2020-2023 гг. демонстрирует тенденцию к сокращению числа возвращенных уголовных дел по всем категориям органов предварительного расследования. Однако, сопоставление данных позволяет выделить устойчивую системную проблему качества предварительного расследования, проявляющуюся в неоднородности показателей по ведомствам и сохранении значительного объема возвращенных дел. Даже при тенденции к снижению ежегодно сотни уголовных дел возвращаются прокурору из-за дефектов обвинительных документов.

Основная масса уголовных дел возвращается прокурору в случаях, когда обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление содержат существенные нарушения требований УПК РФ, неустраняемые в ходе судебного разбирательства и препятствующие вынесению судом приговора или иного итогового решения (п.1 ч.1 ст.237 УПК РФ). К числу указанных нарушений относятся дефекты содержания и формы обвинительного заключения либо обвинительного акта, в частности:

подписание документа неправомочным лицом; отсутствие подписи следователя или прокурора; несоответствие формулировки обвинения в обвинительном заключении (акте) содержанию обвинения, изложенного в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого [5].

Так, например, В Курганский городской суд поступило уголовное дело в отношении ФИО1. В рамках предъявленного обвинения установлено, что ФИО1 совершил действия, явно выходящие за пределы предоставленных ему должностных полномочий, а также осуществил служебный подлог. В частности, им было: принято решение о непроведении предусмотренных мероприятий по обеспечению пожарной безопасности; дано поручение подчиненным сотрудникам о подготовке информационно-документальных материалов, содержащих недостоверные сведения и осуществлена подпись электронной цифровой подписью ряда официальных документов МКУ «Управление по делам ГО и ЧС г. Кургана», в которые внесены заведомо ложные сведения о фактическом проведении противопожарных мероприятий. Совершенное ФИО1 деяние повлекло, помимо прочего, причинение особо крупного ущерба. В судебном заседании был рассмотрен вопрос о возвращении уголовного дела прокурору на основании п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ ввиду существенных нарушений требований УПК РФ при составлении обвинительного заключения, исключающих возможность постановления приговора. В частности, в документе не указано место совершения инкриминируемых преступлений, отсутствует описание признаков официальных документов по эпизоду служебного подлога, а также не конкретизирован причиненный ущерб - нет детального перечня уничтоженного имущества и его стоимости, экспертиза для определения рыночной стоимости не проводилась. В результате чего уголовное дело было возвращено прокурору для устранения препятствий рассмотрения дела судом [6].

Еще одним примером является Постановление Рубцовского городского суда Алтайского края: Органом предварительного следствия ФИО1 обвиняется в причинении тяжкого вреда здоровью Ф. 8-9 мая 2025 года в комнате в состоянии алкогольного опьянения, на почве личной неприязни, он толкнул потерпевшего, нанес ему не менее трех ударов по лицу, а затем – не менее восьми ударов по ногам и не менее десяти по голове, лицу и туловищу, используя фрагмент металлической трубы. Однако обвинительное заключение содержит существенные противоречия при изложении существа обвинения и квалификации действий подсудимого. В описании последствий указано на стойкую утрату общей трудоспособности свыше 30 %, тогда как при квалификации по п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ и в описании умысла фигурирует признак опасности для жизни. Аналогичные расхождения имеются в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого. Поскольку признак, определяющий тяжесть вреда здоровью, является составообразующим и подлежит обязательному установлению, указанные нарушения уголовно-процессуального закона препятствуют вынесению законного и обоснованного приговора. Устранить их в судебном порядке невозможно без нарушения права подсудимого на защиту. В связи с этим, на основании п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, уголовное дело подлежит возвращению прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом [7].

Таким образом, проведенный анализ правоприменительной практики убедительно свидетельствует о сохранении актуальной научно-практической проблемы, связанной с недостаточным качеством предварительного расследования. Это обуславливает высокую частоту возвращения уголовных дел прокурору, что позволяет солидаризироваться с позицией исследователей, указывающих на объективную необходимость совершенствования процессуальных механизмов и методик досудебного производства.

Также необходимо отметить, что в научной и профессиональной среде неоднократно акцентируется внимание на проблематике потенциального нарушения принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве. Суть затруднения заключается в том, что при возвращении уголовного дела прокурору суд - вопреки своей процессуальной

роли как независимого арбитра -объективно вовлекается в реализацию функций обвинительной власти.

А. Д. Назаров отмечает, что институт возвращения уголовного дела прокурору под влиянием обвинительного уклона фактически трансформировался в инструмент дополнительного расследования, отходя от своей процессуальной цели - устранения формальных препятствий к рассмотрению дела [8].

А вот С. В. Бурмагин в своей работе пишет, что, вводя пункт 6 части 1 статьи 237 УПК РФ, законодатель предпринял попытку снизить обвинительный уклон при реализации судом полномочия по возвращению уголовного дела прокурору. Для этого норма устанавливает особое правило: судья обязан указать обстоятельства, которые служат основанием для переквалификации обвинения, но при этом не вправе ссылаться на конкретную статью Уголовного кодекса РФ, предусматривающую новую квалификацию деяния [9]. Такой подход призван обеспечить баланс: сохранить за судом функцию правового контроля над досудебным производством, одновременно исключив выполнение им обвинительных функций в рамках данной процессуальной процедуры.

Так, например, Н. Ю., глава МО и председатель Муниципального совета Санкт-Петербурга 6-го созыва, в период с 16.02.2022 по 17.09.2024 умышленно не исполняла вступившие в законную силу решения Московского районного суда г. Санкт-Петербурга (от 16.02.2022, 09.11.2022, 27.02.2023) и связанные с ними исполнительные производства, возбужденные Василеостровским РОСП ГУФССП по г. Санкт-Петербургу (от 09.03.2022, 17.11.2022, 28.02.2023). Будучи предупрежденной об уголовной ответственности по ст. 315 УК РФ и ранее неоднократно привлеченной к административной ответственности по ч. 1 ст. 17.15 КоАП РФ, она игнорировала требования судебного пристава-исполнителя, чем совершила злостное неисполнение судебного решения, предусмотренное ч. 2 ст. 315 УК РФ. В рамках судебного следствия, по завершении процедуры допроса потерпевшего и свидетелей, а также исследования представленных сторонами обвинения и защиты доказательств, суд в инициативном порядке вынес на обсуждение участников процесса вопрос о возвращении уголовного дела прокурору, так как изложенные в заключении факты указывают на необходимость квалификации действий обвиняемой как более тяжкого преступления, что делает невозможным вынесение приговора на его основе. (п.6 ч.1 ст.237 УПК РФ). Основанием явились следующие данные: 1) описание деяния в обвинительном заключении не согласуется с ч. 2 ст. 315 УК РФ. Закон предусматривает два варианта преступного поведения - злостное неисполнение или воспрепятствование исполнению судебного решения. В документе же не указано, каким именно образом Н. Ю. препятствовала исполнению решения суда. 2) отсутствуют сведения, что Н.Ю. является муниципальным служащим (согласно Закону СПб от 20.07.2006 № 348-54). 3) по трем решениям суда возбуждено три отдельных исполнительных производства (не объединены в сводное), при этом каждое неисполнение может образовывать отдельное правонарушение/преступление. 4)обвиняется в совершении преступления с 16.02.2022 по 17.09.2024, однако с 16.09.2024 она не могла исполнять обязанности (вступил в должность новый глава МО). В силу приведенных аргументов уголовное дело было возвращено прокурору [10].

Подводя итоги, важно отметить, что механизм возвращения уголовного дела прокурору является системообразующим компонентом стадийной организации российского уголовного процесса. Его ключевая роль проистекает из контрольно-проверочной функции судебной власти, пронизывающей все этапы судопроизводства. В то же время существующий институт возвращения уголовного дела прокурору требует существенной оптимизации. Практическая реализация данного процессуального механизма сопряжена с рядом негативных последствий, в частности: необоснованным увеличением продолжительности судебного разбирательства; дублированием ранее проведенных следственных действий; существенным ростом процессуальной нагрузки на судебные и следственные органы. В целях устранения указанных недостатков представляется

целесообразным внести коррективы в ст. 237 УПК РФ, предусмотрев нормативно закреплённую возможность устранения дефектов предварительного расследования непосредственно в рамках судебного разбирательства. При этом право внесения соответствующих исправлений следует предоставить государственному обвинителю без возврата уголовного дела на стадию предварительного расследования.

Список литературы

1. Ибрагимов, С. И. Проблемы возвращения уголовного дела прокурору / С. И. Ибрагимов, С. А. Асадуева. - Текст: непосредственный // Закон и право. - 2024. - № 3. - С. 239-242;
2. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 27.10.1960 : (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) : (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2002). – Ст. 232. - Текст: электронный // КонсультантПлюс: справочная правовая система. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3275/ (дата обращения: 18.02.2026). - Режим доступа: свободный;
3. Будылин, Н. В. Запрет на поворот к худшему как элемент позитивно-правовой формы обвинения, доказывания и правоприменения в уголовном процессе определенного типа / Н. В. Будылин, В. Д. Потапов, Г. В. Абшилава. - Текст: непосредственный // Ex jure. - 2024. - № 4. - С. 127–147;
4. Цедрик, С. В. К вопросу о некоторых причинах возвращения уголовных дел прокурору в порядке пунктов 1 и 2 части 1 статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / С. В. Цедрик, Е. Е. Степанова, А. Е. Канузель. - Текст: непосредственный // Искусство правоведения - The art of law. - 2024. - № 2. - С. 81–86;
5. Бегова, Д. Я. Основания возвращения судом уголовного дела прокурору / Д. Я. Бегова, С. М. Магомедов. - Текст: непосредственный // Закон и право. - 2022. - № 7. - С. 143-145;
6. Постановление № 1-924/2025 от 28 августа 2025 г. по делу № 1-844/2023. - Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) : [сайт]. - URL: <https://sudact.ru/regular/doc/VTRH6rFxoJYW/> (дата обращения: 18.02.2026);
7. Постановление № 1-348/2025 от 25 августа 2025 г. по делу № 1-348/2025. - Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) : [сайт]. - URL: <https://sudact.ru/regular/doc/cbOL2iaCUOIT/> (дата обращения: 18.02.2026);
8. Назаров, А. Д. Обвинительный уклон в деятельности субъектов, ведущих уголовный процесс, как фактор, способствующий появлению ошибок в уголовном судопроизводстве / А. Д. Назаров. - Текст: непосредственный // Актуальные проблемы российского права. - 2015. - № 9. - С. 149-153;
9. Бурмагин, С. В. Разделение обвинительной и судебной властей в уголовном судопроизводстве России: от судебной реформы 1864 г. до наших дней / С. В. Бурмагин. - Текст: непосредственный // Актуальные проблемы российского права. - 2014. - № 5. - С. 893-900;
10. Постановление от 26 августа 2025 г. по делу № 1-8/2024-15. - Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт): [сайт]. - URL: <https://sudact.ru/magistrate/doc/yqagPhEXg9VQ/> (дата обращения: 18.02.2026).

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О КОМПЬЮТЕРНОМ МОШЕННИЧЕСТВЕ

Гомонова Анастасия Сергеевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

GOMONOVA754@yandex.ru

Научный руководитель: Ерахтина Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

345nn@mail.ru

Аннотация. Статья написана по теме «Криминалистическое обеспечение доказывания по делам о компьютерном мошенничестве» в современное время человек уже не может реализовывать свои потребности, не прибегая к использованию компьютерной среды. Быстрое развитие компьютерных и интернет-технологий способствует росту преступных посягательств, в том числе мошенничеств, совершенных с использованием информационного пространства. При расследовании уголовных дел о мошенничестве в сфере компьютерной информации возникает ряд практических проблем, по причине неустановившейся судебной практики и отсутствии методических рекомендаций по расследованию данных преступлений.

Ключевые слова: хищение, криминалистическая характеристика, компьютерная информация, мошенничество, компьютерные технологии, организация расследования

Предметом мошенничества в сфере компьютерной информации выступают денежные средства (независимо от валюты), как и другое имущество потерпевшего и компьютерная информация, которая умышленно подвергается преступному воздействию. Справедливо отметить, что компьютерная информация, используемая при совершении мошеннических действий, в данном случае будет выступать уже не в качестве предмета, а в качестве средства совершения преступления [5]. Рассматривая предмет мошенничества в сфере компьютерной информации, а также анализируя правоприменительную практику, представляется возможным обозначить, что наиболее подвержены преступным посягательствам пароли от разнообразных аккаунтов в социальных сетях, данные средств платежа, права на движимое и недвижимое имущество потерпевшего. В последнее время участились случаи мошеннических действий в сфере компьютерной информации, где в качестве предмета выступает интеллектуальная собственность потерпевшего, а также данные (информация) о личности, которые могут быть использованы злоумышленником в достижении преступных целей.

По общему правилу предварительное следствие по уголовным делам данной категории нужно производить в той местности, где непосредственно происходили преступные деяния, либо же там, где оно было окончено. Решения относительно места совершения хищений принимаются правоохранительными органами для обеспечения процессуальных сроков, объективности, а также для наиболее полного и справедливого расследования. В частных случаях местом совершения преступления может являться любое место, где у преступника появилась возможность реализовать свой корыстный умысел.

Важное значение имеет непосредственное определение, при помощи каких технических средств было совершено хищение. Если оперативным работникам известно точное местоположение совершения преступления, то имеет значение, какие технические средства удалось обнаружить на этом месте, количество лиц, осуществлявшее хищение денежных средств, и установление конкретного лица – владельца технической аппаратуры.

Таким образом, предметом мошенничества в сфере компьютерной информации являются денежные средства (независимо от валюты), а также иное имущество

потерпевшего и компьютерная информация, которая умышленно подвергается преступному воздействию. В свою очередь обстановка совершения мошеннических действий включает в себя время, место и условия совершения противоправного посягательства. Согласно ст. 159.6 УК РФ [1] под мошенничеством в сфере компьютерной информации понимается «хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной отличительной характерной чертой способа совершения рассматриваемого преступления, выделяющей ст. 159.6 УК РФ из ряда остальных дифференцированных мошенничеств, является то, что оно реализуется не посредством обмана или злоупотребления доверием.

В соответствии со ст. 159.6 УК РФ рассматриваемый вид мошенничества совершается «...путем ввода, удаления, блокирования, модификации ... либо иного вмешательства ...» [3]. Исходя из формулировки данной нормы, можно утверждать, что законодатель не стал ограничивать способы совершения преступного деяния, не исключая иных методов воздействия на компьютерную информацию и информационно-коммуникационные сети, установив лишь последствия, связанные с нарушением систем функционирования.

Наиболее подробно расширительная по своему смыслу формулировка «вмешательство в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей» раскрывается Пленумом Верховного суда, где данное действие определяется как «...целенаправленное воздействие программных и (или) программно-аппаратных средств на серверы, средства вычислительной техники (компьютеры), в том числе переносные (портативные) – ноутбуки, смартфоны, планшетные компьютеры, снабженные соответствующим программным обеспечением, или на информационно-телекоммуникационные сети, которое нарушает установленный процесс обработки, хранения, передачи компьютерной информации, что позволяет виновному или иному лицу незаконно завладеть чужим имуществом или приобрести право на него» [2]. Определяющим фактором криминалистической характеристики мошенничества в сфере компьютерной информации являются сведения, характеризующие типичные способы осуществления данных преступлений [4].

На сегодняшний день законодательное закрепление исчерпывающего перечня всех способов мошенничества не имеет смысла, т. к. с течением времени злоумышленники придумывают все новые способы реализации преступных деяний, подстраиваясь под методики расследования данного вида преступлений.

Нужно заметить, что не все на сегодня существующие способы мошенничества будут квалифицированы по ст. 159.6 УК РФ, важным моментом является непосредственно вмешательство в отношения, связанные с охраной компьютерной информации. По смыслу ст. 159.6 УК РФ любое действие преступника может быть квалифицировано как способ совершения данного преступления, если оно сопряжено с вводом, удалением, блокированием и модификацией компьютерной информации потерпевшего.

Взаимодействие следователя с сотрудниками оперативных подразделений и специалистами информатиками должно присутствовать на всем временном промежутке расследования. В случае с мошенничествами в сфере компьютерной информации пристальное внимание необходимо обратить на взаимодействие следователя и специалиста в области компьютерно-технических экспертиз. Так как расследование данных преступлений представляет собой довольно трудоемкий процесс, требующий исключительных специальных познаний в области устройства и функционирования технических средств, а также компьютерных сетей, особенностей их модификации, то привлечение специалиста внесет ясность и даст возможность получить более полную и качественную информацию, используемую доказательством по уголовному делу [2].

Комплекс проверочных мероприятий включает в себя различные формы действий, установленных УПК РФ. Применительно к мошенничеству в сфере компьютерной

информации это могут быть следственные или процессуальные мероприятия в виде получения объяснений, изъятия предметов документов и их осмотр, а также оперативно-розыскные мероприятия, предусмотренные Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности».

С учетом быстрых темпов цифровизации непосредственное участие человека в процессе совершения преступления является минимальным.

Таким образом, мошенничеством в сфере компьютерной информации признаются действия или совокупность действий злоумышленников, которые непосредственно направлены на завладение чужим имуществом. Как уже говорилось ранее, данные действия должны быть обязательно сопряжены с блокировкой, удалением, вводом или другой модификацией компьютерной информации. Такие действия, как правило, могут быть совершены абсолютно при любом вмешательстве в компьютерные системы хранения и передачи интересующей злоумышленника информации. После анализа всего массива информации и формировании на его основе следственных версий следователь приступает к планированию необходимого комплекса следственных мероприятий и алгоритма процессуальных действий для решения поставленных задач.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025) // СПС Консультант Плюс.
2. Бердникова, О. П. Особенности расследования мошенничества в сфере компьютерной информации: учебное пособие / О. П. Бердникова, Р. А. Дерюгин. – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2022. 244 с.
3. Виноградова, О. П. Отдельные аспекты обеспечения информационной безопасности в условиях цифровизации общества / О. П. Виноградова // Thesaurus. Збірник наукових прац. – Магілеў, 2023. – С.144.
4. Грибунов, О. П., Расследование преступлений в сфере компьютерной информации и высоких технологий: учебное пособие / О.П. Грибунов, М. В. Старичков М.: ДГСК МВД России, 2021. С.155.
5. Старцева, Е. А. Особенности криминалистической характеристики мошенничества в сфере компьютерной информации / Е. А. Старцева // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2024. – Т. 27. – № 2 (81). – С. 23-26.

ЦИФРОВЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В СИСТЕМЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Громакова А.А., студентка

Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Владимирский филиал), Владимир, Россия
alisagromakova@yandex.ru

Научный руководитель: Симагина Наталья Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Владимирский филиал), Владимир, Россия
simagina.n@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена изучению цифровых доказательств в уголовном процессе. В ней рассматриваются их особенности, сложности с правовым регулированием и различные виды. Для соответствия законодательства современным реалиям необходимо официально ввести термин «цифровые доказательства» в УПК РФ. Подчеркивается, что такие доказательства важны при расследовании киберпреступлений, мошенничества и дел, связанных с наркотиками. В заключение делается вывод о необходимости всестороннего подхода, включающего улучшение законов, технологий и обучения специалистов.

Ключевые слова: цифровые доказательства, уголовный процесс, правовая природа, электронные носители, цифровая криминалистика

В современном мире все большее значение приобретает цифровая среда, ставшая с недавних пор неотъемлемой частью общественной жизни. Цифровые доказательства в системе доказательств по уголовным делам представляют собой информацию, зафиксированную в электронном формате, предназначенную для установления фактических обстоятельств дела. Их значимость в современном уголовном процессе возрастает, что обусловлено повсеместной цифровизацией и увеличением числа киберпреступлений. Специфика данных доказательств определяет их правовую природу и процессуальное значение, требуя выработки особых методик для их сбора, верификации и оценки. В.А. Новицкий и Л.Ю. Новицкая предлагают произвести «ревизию» всех источников права и «выделить в самостоятельные статьи уголовно-процессуального законодательства нормы об электронных (цифровых) доказательствах» [1]. Цифровые доказательства обладают рядом уникальных характеристик, отличающих их от традиционных форм улик. Ключевые различия включают их нематериальную природу, легкость копирования, зависимость от технологий для доступа и анализа, а также высокую изменчивость, требующую оперативного сбора и фиксации.

Несмотря на частое упоминание «электронных носителей информации» в УПК РФ (например, в статьях 81, 81.1, 82, 166), кодекс не содержит ясного и однозначного определения этого понятия. Такая терминологическая неопределенность порождает сложности в правоприменительной практике. В то же время, статья 164.1 УПК РФ специально посвящена регулированию процессуальных действий с электронными носителями в ходе предварительного расследования. Она четко устанавливает обстоятельства, при которых их изъятие допускается, включая ситуации, требующие экспертного исследования, наличие судебного решения или отсутствие у владельца прав на информацию. Отсутствие четких правил в Уголовно-процессуальном кодексе РФ создает проблемы с цифровой информацией: не определены правила работы с сетевыми хранилищами данных; существуют пробелы в законодательстве, касающиеся сбора, фиксации и оценки цифровой информации на этапе досудебного расследования; возникают

трудности в установлении момента получения доказательства, его происхождения и правильного оформления. Для разрешения этих проблем нужно ввести в статью 5 УПК РФ понятие цифровых доказательств. Эти изменения помогут адаптировать законодательство к современным технологиям [2].

Цифровые доказательства можно классифицировать на: электронные документы (текстовые документы, электронные таблицы); цифровые медиа файлы (видеозаписи, изображения в различных цифровых форматах); электронная коммуникация (все формы цифровой переписки); метаданные (IP- адрес отправителя). Для предотвращения подделки и обеспечения достоверности доказательств, применяются такие меры, как нотариальное заверение, проведение компьютерно-технической экспертизы с привлечением квалифицированных специалистов, а также использование цифровых подписей и других технологий, гарантирующих неизменность и подлинность данных[3].

В современном уголовном процессе цифровые доказательства стали незаменимы, особенно в борьбе с киберпреступностью. Они помогают: выявлять скрытые улики (данные о местонахождении); устанавливать обстоятельства уголовного дела; ускорять процесс расследования благодаря быстрому доступу к информации и ее передаче.

Согласно статье 73 УПК РФ, в ходе уголовного судопроизводства цифровые доказательства являются средством для выяснения всех элементов предмета доказывания. Их практическая польза проявляется в следующем: в судебных разбирательствах, касающихся мошеннических действий, электронные данные, такие как транзакции, через системы интернет-банка и коммуникации в приложениях для обмена сообщениями, регулярно выступают в качестве ключевых улик, подтверждающих вину; в контексте расследований, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, данные геолокации, полученные из приложений для доставки, способствуют определению точных мест размещения тайников [5].

Согласно ст.73 УПК РФ, цифровые доказательства являются эффективным инструментом для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, что свидетельствует об их первостепенной процессуальной значимости. Это подтверждается обширной судебной практикой, особенно в делах, связанных с мошенничеством, незаконным оборотом наркотиков и другими преступлениями, совершаемыми в киберпространстве.

Применение цифровых доказательств в суде сталкивается с серьезными препятствиями, главным из которых является их допустимость. Несмотря на технические средства защиты, процедуры работы с такими доказательствами (изъятие, осмотр, приобщение) часто не гарантируют их неизменность и подлинность. Особые трудности возникают с облачными и иностранными данными, требуя международного правового взаимодействия.

Внедрение блокчейн-технологий для отслеживания цепочки хранения цифровых доказательств представляет собой направление, способное автоматизировать документирование действий с ними и существенно снизить риски фальсификации. Параллельно необходимо сосредоточиться на обучении экспертов по цифровой криминалистике и создании стандартизированных методик анализа данных из разнородных источников [4].

В связи с технологическим прогрессом и изменением способов взаимодействия людей, цифровые доказательства стали динамично развивающимся элементом уголовного процесса. Их полноценное включение в систему доказательств требует не только обновление законодательства, но и развития новых навыков у всех участников процесса. Дальнейшее совершенствование правовой базы должно быть направлено на создание механизма, который одновременно обеспечит эффективность расследования и надежную защиту прав человека в цифровой среде. Только комплексное осмысление правовой сущности, процессуального положения и методов работы с цифровыми доказательствами позволит использовать их в интересах правосудия максимально полно и справедливо.

Список литературы

1. Новицкий В. А., Понятие и виды цифровых доказательств / В.А. Новицкая, Л. Ю. Новицкая // Ленинградский юридический журнал. – 2019. – № 1 (55). – С. 213–221.
2. Федулова, А. Е. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве / А.Е. Федулова // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2022. – № 2 (60). – С. 90–100.
3. Соколов, Ю.Н. Информационные технологии и оборот цифровых данных в криминалистике: вопросы теории и практики: автореф. дис. д-ра юрид. наук / Ю. Н. Соколов Екатеринбург, 2023. - 44 с.
4. Шелегов, Ю.В., Шелегов В.Г. К вопросу о классификации электронных (цифровых) доказательств / Ю. В. Шелегов // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2019. – № 2 (10). – С. 63–68.
5. Тульская, О. В. Некоторые проблемы использования электронных документов в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве / О.В. Тульская // Вестн. Акад. Ген. Прокуратуры РФ. – 2009. – № 6(14). – С. 74–79.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО РОССИЙСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ: ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Даниелян Горик Оганнесович, студент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

gorik_danielyan_2017@mail.ru

Научный руководитель: Курбатова Светлана Михайловна, доктор юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

ksm-2024@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию процессуального статуса следователя в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Анализируются положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, определяющие полномочия, обязанности и ответственность следователя. Рассматриваются проблемы, возникающие в практике реализации следователем своего уголовно-процессуального статуса, предлагаются пути совершенствования законодательного регулирования. Особое внимание уделено вопросам взаимодействия следователя с органами дознания, прокурором и судом.

Ключевые слова: следователь, процессуальный статус, полномочия, уголовное судопроизводство, сторона обвинения

Согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации [1] (далее – УПК РФ) предварительное расследование осуществляется в форме предварительного следствия или дознания, которые проводятся следователями, дознавателями, соответственно (статьи 150, 151 УПК РФ). При этом в ч. 3 ст. 150 УПК РФ содержится перечень составов преступлений, уголовные дела о которых расследуются в форме дознания, и анализ которого позволяет сделать вывод, что это меньшая часть преступлений, тогда как большая часть преступлений расследуется в форме предварительного следствия. Этим обусловлено повышенное внимание исследователей к процессуальному статусу следователя [2-5].

Процессуальная фигура следователя является одной из центральных в досудебном производстве по уголовным делам. Основной задачей следователя является осуществление предварительного следствия и обеспечение при этом соблюдение прав его участников [6].

Под процессуальным статусом понимается совокупность полномочий, обязанностей и ответственности лица, участвующего в уголовном судопроизводстве [7]. Согласно ст. 38 УПК РФ, следователь является должностным лицом, уполномоченным осуществлять предварительное следствие по уголовному делу. Его деятельность направлена на установление обстоятельств преступления, сбор доказательств и подготовку материалов дела для передачи в суд.

Основными признаками процессуального статуса следователя являются:

- процессуальная самостоятельность, следствием чего являются такие признаки, как: подчинение следователя только закону; независимость в принятии процессуальных решений; ограничение вмешательства других участников производства по уголовному делу в деятельность следователя;
- полномочия на проведение следственных действий (осмотр места происшествия, допрос свидетелей, назначение экспертизы);
- обязанность соблюдать права подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и других участников производства по уголовному делу. И другие.
- ответственность за законность и обоснованность принимаемых решений.

Следователь обладает широкими полномочиями, позволяющими эффективно расследовать преступление. К ним относятся:

- Возбуждение уголовного дела (ст. 146 УПК РФ).

- Проведение предварительного следствия (ст. 162 УПК РФ).
- Привлечение лиц в качестве обвиняемых (ст. 171 УПК РФ).
- Назначение судебных экспертиз (ст. 195 УПК РФ).
- Применение мер пресечения (ст. 97 УПК РФ). И другие [8].

Эти полномочия направлены на обеспечение всестороннего исследования обстоятельств уголовного дела и позволяют установить объективную картину произошедшего.

Несмотря на широкие полномочия, практика показывает наличие ряда проблем, затрудняющих эффективную работу следователей. Среди них выделяются:

- Недостаточная координация с органами дознания, приводящая к дублированию функций и затягиванию сроков расследования.
- Ограниченность ресурсов и перегруженность следователей большим количеством дел.
- Низкий уровень квалификации некоторых сотрудников правоохранительных органов. И другие.

Для решения указанных проблем предлагается ряд мер, направленных на повышение эффективности работы следователей:

- Создание единой информационной системы, объединяющей органы дознания и следствия.
- Регулярное обучение и повышение квалификации сотрудников.
- Оптимизация нагрузки путем перераспределения дел между следователями. И другие.

Кроме того, неоднозначно мнение многих авторов относительно места следователя в системе участников уголовного судопроизводства. В настоящее время он находится в группе «Участники со стороны обвинения», что является основанием полагать формирование заведомо предубежденного отношения к реализации своих полномочий – в сторону обвинительного уклона. Тогда как следователь, реализуя государственно значимую деятельность по осуществлению уголовного преследования, должен при этом собирать все доказательства, имеющие значение для дела, как обвинительные, так и оправдательные [9].

Таким образом, процессуальный статус следователя представляет собой сложную систему норм, регулирующих его деятельность в уголовном процессе. Несмотря на существующие проблемы, законодательство предусматривает механизмы защиты прав участников процесса и обеспечивает эффективный механизм расследования преступлений. Дальнейшее развитие института следователя требует постоянного внимания и усилий по совершенствованию правового регулирования.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. и доп.) // СПС Консультант Плюс.
2. Череватова, А. В. Полномочия и процессуальная самостоятельность следователя / А. В. Череватова // Научный Лидер. – 2025. – № 33(234). – С. 54-58.
3. Уланов, В. В. Самостоятельность и независимость следователя при осуществлении процессуальных полномочий в уголовном судопроизводстве / В. В. Уланов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2012. – № 2(61). – С. 38-43.
4. Найман, М. В. Полномочия и процессуальная самостоятельность следователя / М. В. Найман // Новый юридический вестник. – 2026. – № 1(53). – С. 21-24.
5. Гнутова, Н. В. К вопросу о функциях и полномочиях следователя в уголовном процессе / Н. В. Гнутова // Наука сегодня: вызовы и решения: материалы международной научно-практической конференции, Вологда, 25 января 2017 года / Научный центр «Диспут». – Вологда: ООО «Маркер», 2017. – С. 90-92.
6. Судницын А.Б. Задачи предварительного расследования: правовая природа, система, проблемы реализации и пути совершенствования: монография / А.Б. Судницын. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019. – 176 с.
7. Рыженкова, Е. В. Следователь в уголовном судопроизводстве: процессуальный статус / Е. В. Рыженкова // Молодой ученый. – 2025. – № 21(572). – С. 320-322.
8. Шумилин, С. Ф. Полномочия следователя: система и механизм реализации: монография / С. Ф. Шумилин; С. Ф. Шумилин; М-во внутр. дел Рос. Федерации, Белгор. юрид. ин-т. – Белгород: БелЮИ МВД России, 2003. – 131 с.
9. Ковтуновский, В. Е. Правовая природа полномочий следователя в уголовном судопроизводстве / В. Е. Ковтуновский // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. – 2010. – № 2. – С. 386-389.

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Дмитриенко Дарья Петровна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

dm.dasha@inbox.ru,

Научный руководитель: Фастович Галина Геннадьевна, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

Fastovich-85@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты расследования уголовных дел с участием несовершеннолетних лиц. В рамках данного исследования проводится анализ процессуальных требований, изложенных в главе 50 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих особый порядок производства следственных действий. Одновременно рассматриваются криминалистические методики, адаптированные с учетом возрастных и психологических особенностей несовершеннолетних. При этом акцент делается на специфике предмета доказывания, тактических аспектах допроса и практике применения принудительных мер воспитательного воздействия.

Ключевые слова: несовершеннолетний, предварительное расследование, уголовное судопроизводство, предмет доказывания, допрос, законный представитель, педагог, психолог

В настоящее время актуальной проблемой является рост числа преступлений, совершенных несовершеннолетними. Данная общемировая тенденция не обошла стороной и Россию, где можно отметить снижение возраста криминальной активности несовершеннолетних.

Преступность среди несовершеннолетних представляет собой серьезную проблему, поскольку юные правонарушители часто становятся будущим резервом для взрослой криминальной среды. Особенную тревогу вызывают присущие им жестокость и цинизм. Кроме того, высокая латентность этой категории преступлений (по оценкам, реальное число совершаемых деяний в 2–4 раза превышает зарегистрированное) подчеркивает острую необходимость в эффективных мерах противодействия.

По данным прокуратуры, ежегодно несовершеннолетними совершается более сорока тысяч преступлений (большинство из них – умышленные). Последние несколько лет заметна тенденция к увеличению числа преступлений, совершенных несовершеннолетними. Прежде чем рассмотреть причины роста преступности несовершеннолетних, необходимо дать краткую характеристику ее современному состоянию.

По официальным данным, в 2024 году в России зафиксировано 21 069 преступлений, совершенных несовершеннолетними. Это составляет 3,2% от общего числа преступлений. Особую тревогу вызывает рост числа тяжких и особо тяжких преступлений [8] : из 26 398 преступлений, совершенных несовершеннолетними или с их участием, 10 494 относятся к этой категории. Данные обстоятельства подчеркивают необходимость совершенствования как процессуальных, так и криминалистических методов расследования таких дел.

Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних регламентируется главой 50 УПК РФ, которая устанавливает дополнительные гарантии защиты прав указанной категории лиц. Как верно отмечается в научной литературе, несовершеннолетний – особый субъект уголовно-процессуальных отношений, требующий дифференцированного подхода к решению процессуальных вопросов, учитывающего специфику психофизиологического развития [1].

Ключевое значение имеет специальный предмет доказывания, закрепленный в ст. 421 УПК РФ. Наряду с общими обстоятельствами, предусмотренными ст. 73 УПК РФ, по делам несовершеннолетних обязательно устанавливаются: возраст (число, месяц, год рождения); условия жизни и воспитания; уровень психического развития и иные особенности личности; влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц [4].

Особую сложность представляет установление возраста. В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, лицо считается достигшим возраста уголовной ответственности не в день рождения, а по истечении суток, на которые приходится этот день, то есть с нуля часов следующих суток. При отсутствии документов, подтверждающих возраст, либо при сомнениях в их подлинности обязательно назначается судебно-медицинская экспертиза [2]. Днем рождения в таком случае считается последний день года, определенного экспертами.

При расследовании уголовных дел данной категории существенное значение имеет выделение дела в отношении несовершеннолетнего в отдельное производство. Согласно ст. 422 УПК РФ, если несовершеннолетний участвовал в совершении преступления вместе со взрослым, дело в отношении его подлежит выделению в отдельное производство. Данное правило направлено на предотвращение негативного влияния взрослых соучастников и обеспечение дополнительных гарантий прав подростка [2].

Обязательное участие защитника является ключевой процессуальной особенностью. Согласно п. 2 ч. 1 ст. 51 УПК РФ, его присутствие обязательно по уголовным делам в отношении несовершеннолетних с момента фактического задержания, применения меры пресечения или предъявления обвинения. Отказ от защитника не является обязательным для следователя и суда.

Важнейшей процессуальной особенностью является обязательное участие защитника. В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 51 УПК РФ, участие защитника обязательно по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, причем с момента фактического задержания, применения меры пресечения или предъявления обвинения. Отказ от защитника не обязателен для следователя и суда.

Особого внимания заслуживает институт законных представителей. Согласно ч. 1 ст. 426 УПК РФ, законный представитель допускается к участию в деле с момента первого допроса несовершеннолетнего. В соответствии с ч. 12 ст. 5 УПК РФ, законными представителями являются родители, усыновители, опекуны, попечители, представители учреждений, на попечении которых находится несовершеннолетний [3]. При наличии противоречий между интересами законного представителя и несовершеннолетнего суд вправе отстранить такого представителя и привлечь иное лицо, включая представителя органа опеки.

Наиболее сложным в тактическом отношении следственным действием выступает допрос несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого). Статья 425 УПК РФ устанавливает обязательное участие педагога или психолога при допросе лиц, не достигших 16 лет, а также достигших этого возраста, но страдающих психическим расстройством или отстающих в психическом развитии [5]. Важно подчеркнуть, что показания, полученные без участия указанных специалистов, признаются недопустимыми доказательствами в силу ч. 2 ст. 75 УПК РФ [3].

Требования к продолжительности допроса также имеют особенности: он не может продолжаться без перерыва более 2 часов, а в общей сложности – более 4 часов в день (ст. 191, 425 УПК РФ) [6]. Следователю необходимо учитывать повышенную внушаемость, склонность к фантазированию, эмоциональную неустойчивость подростков, что требует особой тактики, исключая постановку наводящих вопросов и предполагающей установление психологического контакта.

Иллюстрацией может служить уголовное дело, рассмотренное в одном из районов Иркутской области. Несовершеннолетний Александров, которому в день совершения преступления исполнилось 14 лет, совместно с соучастниками совершил грабеж в 23 часа 20 минут. Поскольку уголовная ответственность наступает по истечении суток, на которые приходится день рождения, суд прекратил дело в отношении Александрова за отсутствием состава преступления. Соучастники же были привлечены к ответственности по ч. 2 ст. 161 УК РФ [4].

Данный пример демонстрирует важность точного установления возраста и правильного исчисления момента его наступления, что напрямую влияет на квалификацию и возможность привлечения к ответственности.

При решении вопроса о мере пресечения законодатель устанавливает приоритет передачи под присмотр (ст. 105 УПК РФ). Согласно ч. 2 ст. 423 УПК РФ, в каждом случае должна обсуждаться возможность применения именно этой меры. Заключение под стражу допускается лишь в случае совершения тяжкого или особо тяжкого преступления, а в исключительных случаях – средней тяжести [7]. При этом о задержании или заключении под стражу незамедлительно извещаются законные представители.

Криминалистическая методика расследования преступлений несовершеннолетних включает ряд особенностей, связанных с типичными следственными ситуациями. Анализ практики показывает, что преступления подростков часто носят групповой характер, совершаются спонтанно, под влиянием эмоций или в состоянии опьянения. Более 50 % преступлений имеют корыстную направленность [8].

Важное значение имеет проверка показаний на месте с участием несовершеннолетнего. Как отмечается в криминалистической литературе, данное следственное действие позволяет не только проверить достоверность показаний, но и выявить обстоятельства, которые подросток не может описать вербально в силу возрастных особенностей [9]. При этом рекомендуется применение видеозаписи, что позволяет впоследствии оценить психологическое состояние несовершеннолетнего и исключить заявления о недозволённых методах допроса.

Особым видом окончания предварительного расследования является прекращение уголовного преследования с применением принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 427 УПК РФ). Данная форма возможна при соблюдении условий: преступление небольшой или средней тяжести; возможность исправления без применения наказания; согласие несовершеннолетнего и его законного представителя [2]. Следователь с согласия руководителя или прокурор направляет дело в суд для решения вопроса о применении таких мер, как предупреждение, передача под надзор, возложение обязанности загладить вред, ограничение досуга.

В качестве практического примера рассмотрим материалы уголовного дела, расследованного в Саратовской области в 2024 году.

Несовершеннолетний Сидоров, 16 лет, обвинялся в краже с незаконным проникновением (п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ). На стадии предварительного следствия следователем были допущены нарушения: допрос проведен без участия психолога, хотя подросток состоял на учете у психиатра и характеризовался педагогами как отстающий в развитии. Кроме того, законный представитель (мать) не была извещена о задержании своевременно.

Адвокатом заявлено ходатайство о признании протокола допроса недопустимым доказательством. Суд, руководствуясь ч. 3 ст. 425 УПК РФ и разъяснениями Пленума Верховного Суда, признал доказательство недопустимым. Поскольку иных доказательств было недостаточно, уголовное преследование в части квалифицирующего признака прекращено, дело направлено на дополнительное расследование.

При повторном расследовании следователем привлечен психолог, проведена комплексная психолого-психиатрическая экспертиза, установившая, что Сидоров отстает в психическом развитии и не в полной мере осознавал значение своих действий. С учетом

этого и положительных характеристик, возмещения ущерба, уголовное дело в отношении Сидорова прекращено, применены принудительные меры воспитательного воздействия в виде передачи под надзор матери и ограничения досуга [5].

Данный пример показывает, что соблюдение процессуальных требований при расследовании дел несовершеннолетних является не формальностью, а необходимым условием законности и обоснованности принимаемых решений.

Подводя итог, можно отметить, что расследование преступлений несовершеннолетних требует комплексного учета процессуальных и криминалистических особенностей. Процессуальные гарантии, закрепленные в главе 50 УПК РФ, направлены на обеспечение прав подростка и учет его возрастных особенностей. Криминалистические методики должны учитывать психологические характеристики, типичные следственные ситуации и тактику проведения следственных действий с участием указанной категории лиц. Дальнейшее совершенствование практики расследования видится в усилении межведомственного взаимодействия, повышении квалификации следователей в области ювенальной юстиции и расширении применения видеозаписи следственных действий.

Список литературы

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // Собрание законодательства РФ. – 07.01.2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.
2. Определение Верховного Суда РФ от 10.08.2012 по делу № 78-КГ12-10 на решение Фрунзенского районного суда Санкт-Петербурга от 7 июня 2011 г. // Гарант: справочно-правовая система [Офиц. сайт]. – URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 14.04.2025).
3. Определение Приморского краевого суда от 31.07.2012 по делу № 33-6754 на решение Шкотовского районного суда Приморского края № 2-169/2012 ~ М-3/2012 от 07.03.2012 г. // Гарант: справочно-правовая система [Офиц. сайт]. – URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 14.04.2025).
4. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 12.01.2017 по делу № 33-126/2017 на решение Октябрьского районного суда г. Екатеринбурга № 2-2974/2017 ~ М-2164/2017 от 13.06.2017 г. // Гарант: справочно-правовая система [Офиц. сайт]. – URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 14.04.2025).
5. Материалы гражданского дела № 2-1038/2023 Свердловского районного суда г. Красноярска. - Текст: непосредственный.
6. Бычков, А.И. Книжная отрасль в России: традиции и пути развития / А.И. Бычков. – М.: Инфотропик Медиа, 2017. – 232 с.
7. Семенова, Е. А. Правоприменительная практика юрисконсульта: учебно-практическое пособие / Е.А. Семенова. – М.: Проспект, 2020. – 272 с.
8. Ситникова, Е.Г. Расторжение трудового договора (анализ актуальной судебной практики, рекомендации) / Е.Г. Ситникова, Н.В. Сенаторова, // Гарант: справочно-правовая система [Офиц. сайт]. – URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 14.04.2025).
- Юридическая помощь: вопросы и ответы. Выпуск III. // Гарант: справочно-правовая система [Офиц. сайт]. – URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 14.04.2025).

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С КОНТРАФАКТНОМ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Краснова Татьяна Владимировна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

tanyakrasnova260207@gmail.com

Кабина Ярослава Олеговна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

kabinayaroslava@mail.ru

Научный руководитель: Бородин Игорь Анатольевич, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

igoriborodin@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются правовые проблемы борьбы с контрафактными лекарствами в РФ. Анализируются нормы Федерального закона № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» (включая обновленную ст. 57 о запрете продажи немаркированных препаратов). С опорой на учебные пособия и комментарии к ГК РФ выявлены основные коллизии: смешение понятий контрафакта и фальсификата, сложность доказывания в рамках ст. 6.33 КоАП РФ.

Ключевые слова: правовые проблемы, лекарственные средства, контрафакт, нарушение законодательства, федеральный закон, продажа препаратов, фальсифицирование

Теневой рынок лекарственных средств представляет собой одну из угроз национальной безопасности Российской Федерации. Контрафакция лекарств не только нарушает исключительные права производителей и принципы добросовестной конкуренции, но и создает реальную опасность для жизни и здоровья потребителей. Несмотря на развитие законодательства и внедрение цифровых инструментов контроля, правоприменительная практика сталкивается с рядом системных проблем, начиная от сложности доказывания и заканчивая несовершенством механизмов блокировки нелегальных продаж в сети Интернет.

Понятие и правовая природа контрафактных лекарственных средств

Ключевой проблемой правовой квалификации является разграничение понятий «контрафактное», «фальсифицированное» и «недоброкачественное» лекарственное средство. Согласно статье 57 Федерального закона от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» (в редакции Федерального закона от 08.08.2024 № 292-ФЗ), продажа всех трех категорий таких средств запрещена. [1]

Существенную роль в разграничении этих понятий играет судебная практика. Высшие судебные инстанции неоднократно указывали, что контрафактность товара не всегда тождественна его опасности для потребителя с медицинской точки зрения. Например, препарат может быть произведен с соблюдением технологии (то есть быть доброкачественным), но маркирован чужим товарным знаком, что вводит потребителя в заблуждение относительно производителя и нарушает права последнего. И наоборот, фальсифицированный препарат может быть упакован в оригинальную упаковку. Отсутствие в законодательстве легального определения «фальсифицированного лекарственного средства», дублирующего нормы УК РФ, также вносит путаницу в правоприменение.

Как отмечается в комментариях к Гражданскому кодексу, товар (или его упаковка) считается контрафактным, если использование средств индивидуализации (товарного знака) происходит без согласия правообладателя. В отличие от контрафакта, фальсификат – это подделка состава, а недоброкачественное средство – это препарат, не соответствующий требованиям фармакопейной статьи либо истекший по сроку годности. Смешение этих

понятий на практике приводит к ошибкам в квалификации правонарушений и выборе мер ответственности.

Проблемы административной и уголовной ответственности

Законодатель устанавливает жесткие санкции за оборот контрафактных лекарств. Ключевой состав закреплен в статье 6.33 КоАП РФ, которая предусматривает ответственность за реализацию или ввоз контрафактных лекарственных средств. Для юридических лиц штраф достигает от 1 до 5 миллионов рублей с возможной конфискацией или административное приостановление деятельности на срок до 90 суток. [2]

Тем не менее, проблемой остается мягкость правоприменения в отношении недобросовестных продавцов, особенно на маркетплейсах. Как отмечают эксперты, наказания зачастую ограничиваются предупреждениями или незначительными штрафами, что не останавливает нарушителей от повторного выхода на рынок. Кроме того, существует проблема доказывания: уполномоченный орган должен доказать не просто факт отсутствия рецепта или вторичной упаковки, а именно нарушение исключительных прав, что требует сложной экспертной оценки.

В уголовно-правовой науке также поднимается вопрос о необходимости введения специальных составов, например, за контрабанду лекарственных средств (статья 238.2 УК РФ), что позволило бы более эффективно перекрывать каналы поставок поддельной продукции из-за рубежа [4].

Проблемы цифровой среды и маркировки

Развитие электронной торговли создало новые вызовы. Интернет-площадки остаются зоной с наименьшим уровнем регулирования, где доля нелегальных продаж в отдельных сегментах достигает 70%. С 1 марта 2025 года вступила в силу обновленная редакция статьи 57 Закона № 61-ФЗ, которая прямо запрещает продажу препаратов, отсутствующих в системе мониторинга движения лекарственных средств (ФГИС МДЛП). Это означает, что отсутствие обязательной маркировки (криптокодов) является основанием для признания оборота незаконным, даже если сам препарат не является подделкой по составу. [1]

Росздравнадзор активно использует полномочия по блокировке сайтов, реализующих нелегальные лекарства (заблокировано более 100 тысяч ресурсов). Однако проблемой остается «регуляторные качели» в отношении параллельного импорта. Судебная практика, в частности позиция Суда по интеллектуальным правам, разграничивает последствия ввоза поддельных товаров и товаров, ввезенных по параллельному импорту.

Следует отметить и технические аспекты борьбы с контрафактом в интернете. Несмотря на блокировки Росздравнадзором более 100 тысяч ресурсов, сохраняется проблема «зеркал» и доменов в иностранных зонах, что требует оперативного взаимодействия с зарубежными регистраторами и хостинг-провайдерами. Кроме того, система маркировки «Честный знак», будучи эффективным барьером для легального ввоза товара в оборот, пока не позволяет в полной мере отслеживать конечную реализацию «серыми» дистрибьюторами, использующими схемы с повторным вводом в оборот уже выведенных из оборота или похищенных упаковок.

Товары, ввезенные без согласия правообладателя, могут быть изъяты только в исключительных случаях (угроза безопасности, ненадлежащее качество), в то время как подделки подлежат безусловному уничтожению. [3]

Заключение

Правовые проблемы борьбы с контрафактом лекарственных средств лежат в плоскости межотраслевого взаимодействия норм гражданского, административного и уголовного права. Ключевыми системными проблемами являются:

1. Коллизия терминологии – смешение понятий «контрафактный» и «фальсифицированный» препарат в правоприменительной практике, что требует законодательного уточнения дефиниций.

2. Сложность субъектного состава – низкая эффективность привлечения к ответственности владельцев интернет-площадок (маркетплейсов) и иностранных продавцов.

3. Пробельность доказывания – необходимость проведения сложных и дорогостоящих экспертиз для подтверждения факта нарушения интеллектуальных прав при очевидности самого факта нелегальной продажи.

4. Технологическое отставание контроля – оперативное создание «зеркал» нелегальных сайтов опережает по скорости процедуры их блокировки.

Введенная обязательная цифровая маркировка является эффективным инструментом фильтрации на входе в легальный оборот, однако она не решает проблему полностью. Поддельные документы и схемы обхода системы мониторинга требуют совершенствования не только технической, но и оперативно-розыскной составляющей. Для комплексного решения требуется объединение усилий государства, производителей и общественных организаций, а также унификация подходов в рамках ЕАЭС и разработка механизмов внесудебной блокировки продаж явно контрафактной продукции.

Список литературы

1. Федеральный закон от 12.04.2010 N 61-ФЗ (редакция от 23.07.2025). "Об обращении лекарственных средств». № 61-ФЗ // Документ действующий. Статья 57. Запрещение продажи отдельных лекарственных средств.

2. КоАП РФ Статья 6.33. Обращение фальсифицированных, контрафактных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок. (стр. 85-86)

3. Песков, А. Н. Спорт и противоправное поведение: учебник / А. Н. Песков. – Москва: Проспект, 2016. – 383 с. –Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. – URL: <https://e.lanbook.com/book/150233> (дата обращения: 14.02.2026). – Режим доступа: для авториз. пользователей.

4. Статья 238. Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности (в ред. Федерального закона от 09.07.99 N 157-ФЗ (ред. от 08.12.2003)).

ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО КОРРУПЦИОННЫМ УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Кучеров Никита Евгеньевич, студент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

nik.kuchеров.7878@mail.ru

Научный руководитель: Середина Ольга Викторовна, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

gr-fos@mail.ru

Аннотация. В работе рассмотрены ключевые особенности доказывания по уголовным делам о коррупционных преступлениях. Акцентируется внимание на специфике таких правонарушений – их высокой латентности, скудной следовой картине и систематическом противодействии расследованию со стороны участников. Проанализирована роль должностных инструкций в установлении объективной стороны преступления: показано, почему важно детально фиксировать нарушенные полномочия, проверять период действия инструкции и факт ознакомления с ней обвиняемого.

Ключевые слова: коррупционные преступления, доказывание, оперативно-розыскная деятельность, должностные инструкции, противодействие расследованию, допустимость доказательств

Доказывание по коррупционным уголовным делам обладает рядом особенностей, обусловленных спецификой таких преступлений: латентностью, сложностью выявления следов, активным противодействием со стороны участников и необходимостью использования специальных методов расследования. Эти особенности требуют особого подхода к сбору, фиксации и оценке доказательств.

Коррупционные преступления часто характеризуются скудной следовой картиной: отсутствуют прямые свидетели самого акта преступления, а участники (взяткодатель, посредник) часто заинтересованы в сокрытии факта правонарушения. Высокая латентность таких преступлений усложняет их раскрытие и доказывание.

Одной из ключевых проблем является противодействие расследованию. Оно может проявляться в виде сокрытия следов преступления (утаивание, маскировка, уничтожение или фальсификация информации), инициирования изготовления подложных документов, а также воздействия на следователя, свидетелей и экспертов. Противодействие может исходить как от самих участников преступления (внутреннее), так и от лиц, связанных с ними процессуальными, служебными или иными отношениями (внешнее).

Установление должностных обязанностей лица является важнейшим элементом доказывания по коррупционным уголовным делам. В соответствии с действующим законодательством и сложившейся судебной практикой при составлении постановления о привлечении в качестве обвиняемого обязательно указывается, какие конкретно должностные полномочия были нарушены, с обязательной ссылкой на соответствующую должностную инструкцию и ее конкретный пункт. Это требование обусловлено тем, что объективная сторона коррупционного преступления (в частности, предусмотренного ст. 290 УК РФ) неразрывно связана с компетенцией субъекта – без четкого определения круга его полномочий невозможно достоверно установить факт злоупотребления или превышения служебных полномочий.

При анализе должностных инструкций следует учитывать три ключевых аспекта:

- Точность формулировок. Необходимо проверять, содержатся ли в инструкции четкие положения, прямо наделяющие лицо правом совершать те или иные действия. Если документ ограничивается лишь общими целями и задачами без конкретизации полномочий,

это может привести к признанию обвинения юридически ничтожным – отсутствие нормативного основания для совершения спорных действий исключает состав преступления.

- Период действия. Крайне важно удостовериться, что должностная инструкция имела юридическую силу на момент совершения инкриминируемого деяния. Использование утратившего силу документа или редакции, не действовавшей в соответствующий период, влечет недопустимость доказательств и подрывает обоснованность обвинения.

- Факт ознакомления. Обязательным процессуальным требованием является наличие подписи должностного лица в листе ознакомления с инструкцией. Отсутствие подтверждения того, что субъект был надлежащим образом ознакомлен с объемом своих полномочий, может быть расценено как существенный процессуальный дефект, ставящий под сомнение правомерность привлечения к ответственности.

Таким образом, тщательная проверка этих трех аспектов позволяет обеспечить законность и обоснованность обвинения, исключив возможные процессуальные ошибки и оспаривание доказательств стороной защиты.

Результаты оперативно-розыскной деятельности (ОРД) часто служат основой доказывания по делам о коррупции: они могут стать поводом для возбуждения уголовного дела, помочь в подготовке следственных действий и войти в доказательственную базу. Однако их использование строго регламентировано и сопряжено с рядом требований.

Во-первых, все оперативно-розыскные мероприятия (ОРМ) должны проводиться и оформляться в полном соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности». Это касается как санкционирования каждого мероприятия, так и передачи материалов следователю или в суд. Суд обязан проверить законность и обоснованность ОРМ: наличие оснований, компетенцию исполнителей и соблюдение процедурных норм.

Во-вторых, критически важно корректное оформление материалов. На практике нередко встречаются ошибки: ненадлежащее утверждение постановлений, отсутствие актов, справок и рапортов о проведении мероприятий, неверное оформление изъятых предметов (без указания времени, места, участников, способов изъятия и признаков упаковки), нарушения при составлении описей и фиксации аудио-, фото- и видеоматериалов.

В-третьих, определяющим критерием допустимости доказательств является подтверждение, что умысел на преступление сформировался у лица самостоятельно, до вмешательства оперативников. Если инициатива исходила от сотрудников ОРД, результаты могут быть признаны провокацией и исключены из доказывания. Например, при оперативном эксперименте нужно доказать, что у проверяемого уже был умысел на получение взятки до начала мероприятия. Кроме того, ОРМ не должны подменять следственные действия, а собранные данные должны быть проверяемы иными способами.

Таким образом, чтобы результаты ОРД стали допустимыми доказательствами, необходимо: соблюдать законность на всех этапах проведения ОРМ; грамотно оформлять сопроводительные и фиксирующие документы; исключать любые признаки провокации преступления; обеспечивать возможность судебной проверки законности и достоверности материалов. Только при выполнении этих условий результаты ОРД могут надежно поддерживать обвинение в коррупционных делах.

При доказывании по коррупционным уголовным делам необходимо учитывать ряд специфических особенностей. Прежде всего, ключевое значение имеет надежная фиксация обстоятельств преступления: наиболее эффективным способом изобличения взяточника признается задержание «с поличным» в момент получения предмета взятки. При этом принципиально важно, чтобы процедуру фиксации осуществляли лица, не участвовавшие в самом задержании – это позволяет исключить подозрения в провокации преступления.

Не менее существенно детальное исследование должностных полномочий обвиняемого. Требуется тщательно установить круг его служебных компетенций, поскольку от этого напрямую зависит правильная квалификация деяния. Например, если действия лица не входили в рамки его должностных полномочий, содеянное может быть переквалифицировано как хищение, а не как взяточничество.

Кроме того, доказывание не должно ограничиваться лишь отдельным эпизодом – необходим всесторонний анализ сопутствующих обстоятельств. Следователь обязан изучить всю картину коррупционной деятельности подозреваемых, в том числе проверить их возможные связи с организованными преступными группами и иные эпизоды противоправного поведения.

Наконец, важная составляющая доказывания – проверка алиби и мотивов участников события. Следует выяснить, не были ли задействованы личные отношения (дружеские, родственные), не связанные с должностным положением лица. Установление такого факта может стать основанием для исключения состава взятки, поскольку отсутствие служебной мотивации подрывает один из ключевых элементов состава преступления.

Среди проблем – недостаточная регламентация порядка документирования преступной деятельности в ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», что позволяет ставить под сомнение достоверность и допустимость результатов ОРД. Также существует риск злоупотреблений при оценке доказательств, основанных только на показаниях одного лица (например, о вымогательстве взятки).

Для повышения эффективности доказывания рекомендуется:

- совершенствовать законодательство, регулирующее использование результатов ОРД в уголовном процессе;
- проводить обучение сотрудников правоохранительных органов для повышения профессионализма в проведении ОРМ и следственных действий;
- усиливать контроль за соблюдением прав участников уголовного судопроизводства.

Доказывание по коррупционным уголовным делам представляет собой сложный, многоэтапный процесс, обусловленный спецификой данных преступлений: их высокой латентностью, изощренными способами маскировки, активным противодействием расследованию и необходимостью точного установления служебного статуса и полномочий обвиняемого.

На основании проведенного анализа можно сформулировать следующие ключевые выводы о специфике доказывания по коррупционным уголовным делам.

Успешное доказывание в данной категории дел возможно исключительно при реализации комплексного подхода, предполагающего согласованное использование различных инструментов: следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий, экспертных исследований и тщательного анализа документации. При этом неперенным условием выступает строгая процессуальная дисциплина – любое отступление от установленных правил при сборе или фиксации доказательств способно повлечь их признание недопустимыми, что чревато разрушением всей доказательственной базы.

Принципиальное значение имеет системность расследования: необходимо выходить за рамки единичного эпизода и выявлять всю цепочку коррупционных правонарушений, устанавливая их взаимосвязь и повторяемость.

Таким образом, эффективность доказывания по коррупционным делам детерминирована совокупностью факторов: профессионализмом следственных и оперативных работников, неукоснительным соблюдением законности на всех этапах производства, применением современных криминалистических методов, а также способностью анализировать сложные взаимосвязи и противостоять попыткам искажения фактов. Только при условии реализации всех перечисленных требований возможно достижение основополагающих целей уголовного судопроизводства – справедливого наказания виновных и восстановления нарушенных прав и законных интересов.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (в ред. от 02.05.2025) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. – URL: www.consultant.ru.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 20.01.2026) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. – URL: www.consultant.ru.
3. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. – 1995. – № 33. – Ст. 3349. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/
4. Карабанов, А. Л., Современные проблемы противодействия коррупции: уголовно-правовой и криминалистический аспекты / А.Л. Карабанов, С. К. Мелькин. – М.: Волтерс Клувер, 2010. 100 с.
5. Курносов, Н. Р. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности как источника доказательств по преступлениям коррупционной направленности / Н.Р. Курносов // Вестник науки. – 2024. – №11 (80). – С. 35-38.
6. Шегабудинов, Р. Ш. Состояние, тенденции и меры борьбы с коррупцией: монография / Р. Ш. Шегабудинов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 104 с.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ОФОРМЛЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ПРОВЕДЕНИЯ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

Клявдина Виолетта Евгеньевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

violetta_evgenевна01@mail.ru

Научный руководитель: Гладких Антон Валентинович, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

gladkih_anton@mail.ru

Аннотация. Автором настоящей статьи рассмотрены некоторые актуальные проблемы процессуального оформления результатов проведения осмотра места происшествия и предложены рекомендации по их разрешению. Акцентируется внимание на том, что для решения выявленных проблемных вопросов, прежде всего, необходимо строгое соблюдение следователем уголовных процессуальных норм, а протокол отвечающий законодательным требованиям является достоверным источником информации о ходе уголовного дела. В работе проанализированы методические материалы СК РФ по Красноярскому краю и Республике Хакасия и правоприменительная практика по теме исследования, описан процессуальный порядок (этапы) данного следственного действия, а также обозначена его роль для дальнейшего расследования уголовных дел.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, осмотр места происшествия, протокол, следователь, дознаватель, процессуальные ошибки, преступление

В настоящее время такое следственное действие как осмотр места происшествия (далее – ОМП) выступает одним из значимых видов следственных осмотров, так как его проведение позволяет должностным лицам не только обнаружить, но и зафиксировать следы преступления, которые могут иметь решающее значение для дальнейшего расследования того или иного уголовного дела. Уместно дополнить, что связь между совершенным преступлением и самим осмотром проявляется не только в реконструкции событий (в том числе в установлении факта преступления), но и в выявлении характеристик и признаков личности преступника (например, какие именно противоправные действия были совершены лицом и в каком направлении это лицо предположительно могло скрыться). Иными словами, место происшествия является материальным отображением совершенного преступления, а осмотр выступает одним из способов передачи этой информации в юридически значимую форму.

Прежде чем раскрыть содержание заявленной автором темы, следует указать, что законодатель детально регламентировал основания и порядок проведения осмотра следов и предметов в гл. 19, 22 и 24 УПК РФ [1]. Например, ст. 144 Кодекса наделяет правом проведения осмотра как следователя, дознавателя и орган дознания, так и руководителя следственного органа при проверке сообщения о совершенном преступлении, а в ст. 166 описаны основные правила его оформления, какие дополнительные документы к нему следует прилагать и т.п.) [1]. Целесообразным видится кратко охарактеризовать и сам алгоритм проведения ОМП. В одной из своих научных работ А.О. Топильская, проанализировав последовательность действий должностного лица по обнаружению, фиксации, исследованию и изъятию следов, разделила данную очередность на три основных этапа [6, с. 292]:

1. Подготовительный (ориентирующий). На данной стадии ведется активная подготовка к производству ОМП. Например, следователь подробно изучает детали события, определяет границы осмотра и т.д.

2. Рабочий (исследовательский). В рамках данного этапа тщательно проверяются объект и место преступления: осуществляется поиск следов и вещественных доказательств, производится фотосъемка, ведется видеосъемка и т.п.

3. Заключительный этап, в ходе которого должностное лицо подводит итоги следственного действия, в частности, ведется процессуальное оформление и закрепление

результатов ОМП, то есть обязательное составление следователем протокола о фиксации хода и результатов проведенного исследования.

Обратим свое внимание на протоколирование хода ОМП. Следует подчеркнуть, что подробное описание хода осмотра позволяет проверить полноту и точность фиксации, исключая всевозможные искажения (к примеру, личных данных, разъяснение прав). Надлежащее документирование описанных нами трех этапов придает доказательствам юридическую силу (протокол указывает на возможность их дальнейшего использования в судебных инстанциях), тем самым предотвращая фальсификацию доказательств и выступая своего рода основой для последующих следственных действий (например, по изъятым в ходе ОМП дактилоскопическим следам выносятся постановления о назначении экспертиз, опрашиваются очевидцы, потерпевшие и т.д.).

Вместе с этим, старший государственный инспектор МУ МВД России «Красноярье» А.С. Крикотин справедливо отметил, что: «сегодня существует ряд проблем, связанных как с правовым регулированием ОМП, так и непосредственно с его проведением». Прежде всего государственный инспектор к числу практических проблем отнес: «неуделение должного внимания работе с протоколом ОМП». А.С. Крикотин описал следующие случаи: «когда должностные лица в тексте протокола неполно отражают те действия, которые были ими осуществлены в процессе его проведения, используют в документе оценочную и неоднозначную терминологию (например, «около», «предположительно», «возможно»)), игнорируют положения ст. 166 УПК РФ (в части отсутствия подписей и отметок о разъяснении участникам ОМП прав, обязанностей), а также несвоевременность составления протокола с нарушением последовательности описания произведенных действий [2, с. 127]. Схожую точку зрения высказал и подполковник полиции М.Х. Ордоков, указав, что следователи и дознаватели из года в год допускают большое количество грубых ошибок при проведении и фиксации хода ОМП. К одним из причин таких нарушений автор отнес не только незнание ими норм права, но и «большой объем работы, возложенной на сотрудников, который не позволяет работникам сконцентрироваться на проводимом следственном действии в силу дефицита времени и накопившейся усталости» [4].

С учетом представленных выше точек зрения констатируем, что в следственной практике многократно описываются случаи, когда субъекты игнорируют требования к процессуальному оформлению результатов ОМП. Для обоснования изложенной позиции опишем конкретные примеры, опубликованные в ряде Интернет-ресурсах. Так, в 2021 году Управлением криминалистики ГСУ СК России по Красноярскому краю и Республике Хакасия (далее – ГСУ, Управление) было проведено изучение практики в территориальных следственных подразделениях ГСУ по вопросам соблюдения процессуального законодательства при проведении ОМП. Из представленных итогов проделанной работы следовало, что в большинстве случаев на территории СФО в протоколах осмотра не были соблюдены требования УПК РФ, в документах содержались многочисленные ошибки. Также Управлением были приведены примеры таких нарушений [5]:

Пример 1 (Красноярский край). В правоохранительный орган одного из районов края от гражданина поступило сообщение по факту обнаружения им мертвого тела сотрудника полиции с двумя огнестрельными ранениями передней части головы. Исходя из обстановки на месте происшествия наиболее вероятной версией являлось совершение самоубийства из ружья, которое согласно фототаблице из протокола ОМП (элемент дополнительной фиксации результатов следственного действия), находилось на полу между ног погибшего. Однако, при описании в протоколе положения огнестрельного оружия по отношению к убитому следователем не было описано расстояние ступней ног и в каком именно положении находился убитый. Должностным лицом была прописана следующая формулировка: «рядом с огнестрельным оружием на незначительном расстоянии был обнаружен труп» [5].

Пример 2 (Республика Хакасия). Уголовное дело было возбуждено по факту совершенного убийства (ст. 105 УК РФ). Однако, следователь на место происшествия не явился и протокол осмотра вовсе не составлял. Причина – должностное лицо просто проигнорировало возложенную на него обязанность проверить поступившее сообщение о преступлении, как позже выяснилось, следователь полагал возможным для себя по памяти (со слов третьих лиц) и фототаблице составить протокол у себя в кабинете и в ночное время выезжать на место просто не

захотел. Участие в осмотре принимал лишь специалист-эксперт, который по своему собственному усмотрению проводил изъятие следов преступления [5].

Данные примеры подтверждают, что следователи не соблюдают установленный процессуальный порядок, а сами протоколы не соответствуют требованиям ст. 166 УПК РФ, что, в свою очередь, может исказить факты и негативно повлиять на исход уголовного дела. Кроме этого, сотрудники отдела криминалистики к наиболее частым недостаткам при составлении протокола также отнесли [5]: «копирование с электронных носителей информации без участия понятых; применение фотосъемки вместо участия понятых с дальнейшей утратой по техническим причинам фотографий; внесение в протокол своих личных предположений, а также чрезмерно подробное описание объектов, находившихся на месте происшествия, но не имеющих прямого отношения к делу» и т.д.

С учетом описанных выше примеров и ошибок считаем, что такое халатное отношение к своим служебным обязанностям свидетельствует об отсутствии базовых знаний о порядке производства данного следственного мероприятия. На наш взгляд, перечисленные проблемы решаются исключительно через строгое соблюдение требований УПК РФ, а также через использование комплексных способов фиксации и качественное применение технических средств, с помощью которых и обеспечивается полнота, всесторонность и объективность полученных доказательств. Также следует обязать следователей один раз в год проходить компьютерное тестирование на знание норм уголовно-процессуального законодательства и тактики проведения следственных действий, а также один раз в три года проходить обучение методике проведения ОМП, с ознакомлением с современными криминалистическими средствами, используемыми должностными лицами при выполнении данного действия, включив в обучение анализ допускаемых следователями ошибок.

Кроме того, исследуя вопрос о качестве составления протоколов следственных действий К.И. Кошечева в целях предупреждения данной негативной тенденции, предложила закрепить в ст. 83 УПК РФ принципы полноты и достоверности, а также требование к терминологической правильности протоколов следственных действий [3]. Считаем, что предложенное автором решение проблемы о закреплении в УПК РФ строгих требований к качеству протоколов ОМП повысит объективность и законность следствия. Уверены, что внесение соответствующих изменений в Кодекс станет гарантией прав участников, а также позволит снизить количество ошибок, тем самым укрепляя доверие к судебной системе.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921.
2. Крикотин, А. С. Доказательственное значение протокола осмотра места происшествия по уголовным делам о преступлениях в сфере сельского хозяйства / А. С. Крикотин // Актуальные проблемы частно-правовых и публично-правовых отношений в сфере рационального использования и охраны окружающей среды. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2023. – С. 125-128.
3. Кошечева, К. И. К вопросу о качестве составления протоколов следственных действий / К.И. Кошечева // Вестник экономики, управления и права. 2021. №1 (54). – Текст электронный. URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 16.12.2025).
4. Ордоков М. Х. Проблемы процессуального оформления осмотра места происшествия // Теория и практика общественного развития. 2015. №16. – Текст электронный. URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 15.12.2025).
5. Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации по Красноярскому краю и Республике Хакасия: «Методические материалы. Алгоритм проведения осмотра места происшествия», 2021. – Текст электронный. URL: <https://krk.sledcom.ru/folder/875974/item/1606502/?print=1> (дата обращения: 15.12.2025).
6. Топильская, А. О. Этапы проведения осмотра места происшествия / А. О. Топильская. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2024. – № 40 (539). – С. 292-294.

ПРОБЛЕМАТИКА ОТГРАНИЧЕНИЯ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ОТ СМЕЖНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Клявдина Виолетта Евгеньевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

violetta_evgenевна01@mail.ru

Научный руководитель: Гладких Антон Валентинович, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

gladkih_anton@mail.ru

Аннотация. Автором настоящей статьи рассмотрена проблематика отграничения осмотра места происшествия от смежных следственных действий. Указывается, что в правовой науке обсуждается «размытость границ» между самым осмотром, а также обыском и выемкой, так как все они направлены на сбор доказательств, но отличаются целью, объектом, методикой и процессуальными основаниями.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, осмотр места происшествия, следственной действие, обыск, выемка, уголовное дело

В условиях постоянного усложнения уголовных дел и роста объема доказательственной базы осмотр места происшествия остается ключевым этапом фиксации первичных следов преступления. Вследствие этого актуальность исследования проблем отграничения осмотра места происшествия от смежных следственных действий обусловлена реформированием уголовно-процессуального законодательства, где последние поправки к УПК РФ и практика Верховного Суда РФ подчеркивают необходимость минимизации процессуальных ошибок при проведении следственных действий. Особую значимость данная проблематика приобретает и в контексте увеличения нагрузки на правоохранительные органы, требующей оптимизации процедур доказывания.

Прежде чем раскрыть содержание заявленной темы обозначим, что осмотр места происшествия в российском уголовном процессе регламентируется ст. 176 УПК РФ [1]. Данное следственное действие определяется как неотложное мероприятие, проводимое для обнаружения следов преступления и выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Его главная цель заключается в фиксации обстановки места происшествия без производства выемки или изъятия предметов. Таким образом, осмотр направлен на сохранение и документальное закрепление доказательственной информации в ее первоначальном состоянии.

Правовая природа осмотра места происшествия характеризуется как исследовательско-фиксационный акт. Он осуществляется при строгом соблюдении процессуальной формы, установленной уголовно-процессуальным законодательством. Важным аспектом является проведение осмотра без нарушения прав участников уголовного судопроизводства. Это обеспечивает законность полученных доказательств и их допустимость в дальнейшем судебном разбирательстве.

В этой связи целесообразным видится перечислить ключевые признаки и цели смежных следственных действий (а именно: обыск, выемка).

Так, обыск и выемка существенно отличаются от осмотра места происшествия по ряду ключевых признаков. Важнейшим отличием является принудительный характер этих действий, который отсутствует при осмотре. Проведение обыска и выемки требует наличия специальных процессуальных оснований, связанных с необходимостью поиска конкретных объектов, имеющих доказательственное значение по уголовному делу. В отличие от осмотра, который носит познавательный характер, обыск и выемка предполагают активное вмешательство в права граждан.

Целевая направленность смежных следственных действий также имеет принципиальные отличия. Обыск ориентирован на активный поиск скрываемых предметов, которые могут быть связаны с преступлением. В свою очередь, выемка направлена на изъятие заранее известных объектов при условии их добровольной выдачи правообладателем. Как отмечает В.Д. Зеленский: «цель в расследовании – модель будущего результата следственного действия, тактической операции и всего расследования» [3, с. 90]. Это положение позволяет четко дифференцировать цели рассматриваемых действий.

Вместе с этим, ключевая проблема здесь заключается в нечетком разграничении осмотра места происшествия с такими смежными следственными действиями, как обыск и выемка, что приводит к необоснованному расширению объема процессуальных мероприятий без получения судебного решения. Это, в свою очередь, влечет за собой нарушение прав участников уголовного процесса и снижение доказательственной ценности полученных материалов. Наиболее остро указанные коллизии проявляются в сложных делах с множественными сценами преступления, где требуется особо тщательное соблюдение процессуальных формальностей.

Так, анализ типичных ошибок в разграничении осмотра и обыска показал, что одной из ключевых ошибок в правоприменительной практике является смешение целевых установок осмотра и обыска. Осмотр места происшествия направлен на изучение и фиксацию исходной обстановки, обнаружение следов преступления и иных объектов в их первоначальном состоянии. В отличие от этого, обыск представляет собой принудительное следственное действие, главной целью которого является активный поиск и изъятие скрытых объектов, имеющих значение для уголовного дела.

Типичной ошибкой является и нарушение процессуального порядка назначения следственных действий, когда обыск фактически проводится под видом осмотра. Это происходит в ситуациях, когда следователь без достаточных правовых оснований для обыска осуществляет целенаправленный поиск скрытых предметов, превышая полномочия, предоставленные для проведения осмотра. Такие действия приводят к существенным процессуальным нарушениям, которые могут повлечь за собой признание полученных доказательств недопустимыми.

В судебной практике часто встречаются случаи, когда неправильная квалификация следственного действия приводит к признанию полученных доказательств недопустимыми. Это происходит на различных стадиях судебного процесса, включая суды первой и апелляционной инстанций, что подчеркивает серьезность проблемы. Например, Г.В. Романова указывает, что «в случае отступления от требований части 10 статьи 182 УПК РФ к упаковке изъятых предметов протокол обыска может быть признан недопустимым доказательством» [4, с. 524], что демонстрирует прямое влияние процедурных ошибок на юридическую силу доказательств. Такие решения судов акцентируют внимание на необходимости строгого соблюдения процессуальных норм при проведении следственных действий.

Системные последствия процессуальных нарушений проявляются в отмене судебных решений при установлении фактов подмены одного следственного действия другим. Это указывает на глубокое воздействие таких ошибок на весь ход расследования и судебного разбирательства. Подобные действия ставят под сомнение легитимность собранных материалов, что приводит к пересмотру или прекращению уголовных дел. Таким образом, строгое соблюдение процессуальных требований является фундаментом для обеспечения законности и справедливости в уголовном судопроизводстве.

С учетом изложенного следует также добавить, что основным критерием дифференциации осмотра места происшествия от обыска и выемки выступает целевая направленность каждого из этих следственных действий. Осмотр направлен на фиксацию и исследование исходной обстановки места происшествия, а также обнаружение следов преступления и иных объектов, имеющих значение для дела. В отличие от этого, обыск и выемка преследуют цель принудительного изъятия конкретных предметов, документов или

ценностей, которые, предположительно, находятся у определенных лиц или в определенных местах. Таким образом, осмотр является поисково-познавательным действием, тогда как обыск и выемка носят принудительно-изъятельный характер.

Процессуальные основания для производства следственных действий также служат важным критерием их разграничения. Осмотр места происшествия, согласно УПК РФ, не требует получения судебного решения и может быть проведен незамедлительно в случаях, не терпящих отлагательства. Это позволяет оперативно зафиксировать следы преступления и обстановку до их изменения или утраты. В то же время, производство обыска, затрагивающего конституционные права граждан, в большинстве случаев требует судебного решения, что обуславливает иной, более сложный порядок его проведения.

Целесообразным видится описать алгоритм принятия решения о виде следственного действия. Так, процесс принятия решения о выборе конкретного следственного действия требует последовательной этапности, начиная с оценки целей, которые необходимо достичь. Важным шагом является анализ имеющихся процессуальных предпосылок, таких как наличие достаточных оснований для проведения того или иного действия, а также оперативной информации, полученной в ходе предварительного расследования. Это позволяет следователю определить, какое именно действие будет наиболее эффективным и законным для сбора доказательств.

На каждом этапе выбора между осмотром, обыском или выемкой необходимо применять критерии дифференциации, которые выступают в качестве фильтрующих механизмов. Эти критерии позволяют исключить неверный выбор и обеспечить соответствие проводимого действия его правовой природе и целям. Например, Е.А. Бартенев отмечает, что «планомерность обыска (выемки) предполагает определение его границ; выбор направления и тактических приемов метода поиска; определение мест наиболее вероятного нахождения искомых объектов; обращение внимания на определенные объекты и их признаки; выбор места и тактических приемов для производства ориентирующей, обзорной и узловой съемки места обыска; распределение между участниками имеющихся средств и сил» [2, с.103], что является одним из таких дифференцирующих критериев.

Таким образом, актуальность проблемы отграничения осмотра места происшествия от смежных следственных действий подтверждается ростом процессуальных нарушений в уголовном судопроизводстве, особенно в условиях реформирования законодательства. Усложнение уголовных дел и увеличение объема доказательственной базы требуют четкого разграничения следственных действий для минимизации ошибок. Необходимость методологического совершенствования подчеркивается судебной практикой, в том числе постановлениями Пленума Верховного Суда РФ, что делает данное исследование значимым вклад в развитие уголовного процесса.

Теоретический анализ нормативно-правовой базы позволил выявить ключевые признаки дифференциации осмотра места происшествия, обыска и выемки. Основанием для разграничения служит правовая природа действий: добровольность доступа к месту происшествия при осмотре противопоставляется принудительному характеру обыска. Цель осмотра состоит в фиксации обстановки, тогда как обыск направлен на поиск конкретных объектов. Такое различие минимизирует риски превышения полномочий следователями и нарушения прав участников процесса.

Разработанные методические рекомендации, включающие алгоритмы выбора следственного действия и критерии соразмерности, доказали свою эффективность в устранении типичных коллизий, выявленных в судебной практике. Применение данных рекомендаций обеспечивает допустимость собираемых доказательств, предотвращая их признание недопустимыми из-за процессуальных нарушений. Это способствует защите прав участников уголовного судопроизводства и повышению качества расследования. Считаем, что внедрение предложенных подходов способствует унификации следственной практики и повышению качества доказывания, что особенно важно в условиях роста нагрузки на следственные органы. Данное исследование открывает перспективы для дальнейшего

изучения возможностей цифровизации процедур разграничения следственных действий. Это позволит адаптировать уголовный процесс к современным вызовам, обеспечивая его эффективность и соответствие принципам правового государства.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921.
2. Бартенев Е.А. О принципах обыска и выемки // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2020. – №1. – С. 102-104.
3. Зеленский В.Д. Следственная ситуация и организация отдельного расследования // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2014. – №9. – С. 89-93.
4. Романова Г.В. Особенности тактики и проблемные аспекты проведения обыска // Вестник удмуртского университета. Экономика и право. – 2025. – №3. – С. 519-525.

РАССЛЕДОВАНИЕ ИНЦИДЕНТОВ С УЧАСТИЕМ БЕСПИЛОТНОГО ТРАНСПОРТА: ДЕЛИКТЫ, АЛГОРИТМЫ И УСТАНОВЛЕНИЕ ВИНОВНОГО

Ковалевский Иван Евгеньевич, студент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

chestervankoval@yandex.ru

Научный руководитель: Ерахтина Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

345nn@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена актуальным проблемам криминалистического обеспечения расследования инцидентов с участием беспилотных летательных аппаратов (далее БПЛА) и автономных транспортных средств. В условиях стремительной роботизации и цифровизации всех сфер жизни беспилотные системы все чаще становятся не только объектами, но и орудиями совершения преступлений, а также источниками происшествий, требующих сложной юридической квалификации. В статье подробно анализируется конструкция современных беспилотных летательных аппаратов (планер, силовая установка, авионика) как фундаментальная основа для поиска криминально значимой информации. Особое внимание уделяется тактике осмотра места происшествия, связанного с крушением беспилотника, классификации следов (материальных, идеальных, виртуальных) и алгоритмам их удаления. Центральное место в исследовании занимает проблема установления субъекта ответственности в контексте распределенного управления: конфликт «человек против алгоритма». Авторы анализируют механизм сбора и процессуального закрепления доказательств, позволяющий дифференцировать вину оператора, разработчика программного обеспечения или владельца, а также рассматривают возможности судебных экспертиз (компьютерно-технических, видеотехнических, взрывотехнических) для реконструкции события преступления. В статье также рассматриваются правовые, организационные и технические аспекты использования средств поиска и документирования компьютерной информации при досмотре БПЛА.

Ключевые слова: беспилотный летательный аппарат, дрон, криминалистика, осмотр места происшествия, цифровые следы, автономный транспорт, идентификация виновного, судебная экспертиза, деликт, алгоритм, инструменты

Эволюция технического прогресса неизбежно влечет за собой трансформацию методов совершения преступлений и методов их расследования. Как справедливо отмечают современные исследователи, преступность успешно осваивает достижения технического прогресса, используя их в своих целях. Беспилотные летательные аппараты (БПЛА), изначально предназначенные для военных и гражданских нужд (мониторинг, доставка, видеосъемка), сейчас активно используются в незаконной деятельности: от контрабанды наркотиков и их незаконного оборота до террористических актов и атак на безопасность критически важных объектов инфраструктуры. В то же время растет количество инцидентов с участием автономных наземных транспортных средств, где вопрос о виновнике – человеке-водителе (пусть и удаленном), алгоритме искусственного интеллекта или разработчике – приобретает принципиально новую сложность. Целью данной работы является разработка криминалистически значимых рекомендаций по расследованию инцидентов с участием беспилотных транспортных средств, уделяя особое внимание структуре объекта (БПЛА), тактике осмотра места происшествия и методам выявления виновного в распределенной системе управления. Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в процессе расследования преступлений и правонарушений, совершаемых с использованием или в отношении беспилотных авиационных систем и автономных

транспортных средств, а предметом - закономерности механизма образования следов при инцидентах с БПЛА, а также тактико-техничко-криминалистические приемы работы с доказательствами. Методологическую основу работы составляют диалектический метод познания, системно-структурный анализ, формально-логический метод, а также специальные криминалистические методы (наблюдение, описание, моделирование).

Для эффективного расследования инцидентов следователь и специалист должны четко понимать, из каких элементов состоит беспилотник и где именно могут находиться следы преступления или ключевая доказательственная информация. Современный беспилотный летательный аппарат, независимо от его типа (самолет, вертолет, многовинтовой двигатель), представляет собой сложную техническую систему, состоящую из двух основных групп компонентов: конструктивных механических частей и оборудования авионики. К первой группе относится планер, обеспечивающий целостность конструкции и аэродинамические свойства: фюзеляж (корпус), который часто изготавливается из композитных материалов (стекловолокно, углепластик) для снижения веса; крыло и хвостовое оперение (для транспортных средств самолетного типа), которые могут иметь полости для размещения полезных грузов и топливных элементов; несущая рама (для мультикоптеров), к которой крепятся двигатели, и шасси для взлета и посадки; а также элементы крепления, узлы, фиксаторы, позволяющие собирать и разбирать устройство. При осмотре места происшествия следователь может найти как готовое устройство, так и его фрагменты, а впоследствии определить производителя или владельца по номерам на узлах, маркировке составных деталей и заводским швам.

Вторая группа – авионическое оборудование - является наиболее криминально значимой частью БПЛА, поскольку именно здесь хранятся цифровые следы. К оборудованию включают автопилот (полетный контроллер), который является программно-аппаратный комплекс, который обеспечивает управление полетом и содержит встроенное программное обеспечение, настройка пропорционально-дифференциальных регуляторов, журналы событий, и в современных системах чаще всего строится на уже готовых решениях, таких как или совершенствовании модели PX4; набор датчиков (инерциальная единица измерения), включая гироскопы, акселерометры, магнитометры (циркуль), барометрические высотомеры, показания которых позволяют восстановить траектории и характера движения до грехопадения, навигационная система, как правило, приемник спутниковых систем (GPS, ГЛОНАСС), фиксируя координаты машины в каждый момент времени, и современной инерциально-спутниковые навигационные системы обеспечивают высокую точность позиционирования даже при отсутствии сигнала GNSS с помощью алгоритмов несколькими способами; связь (приемник и антенна), для связи с наземной станцией управления и сохраняется в памяти или на сопряженном устройстве, оператор, таким образом, чтобы обеспечить секретность и иммунитет может использоваться в сложных сигналов с расширением спектра, а также шифрование трафика; единица наблюдения оборудование (полезная нагрузка), одну или несколько камер в видимом и инфракрасном спектре, тепловизоры, а также более сложных систем, в том числе радиолокационные станции с синтезированной апертурой лидара и гиперспектральные датчики фиксируют что позволяет идентифицировать объекты, свидетелей, или оператора, если он попал в кадр; и, наконец, источник энергии и двигательная установка – аккумуляторная батарея (литий-полимерный, литий-ион) или двигателей внутреннего сгорания и топливных элементов и гибридных двигателей. Важно отметить, что современные БПЛА также могут быть оснащены блоком цифровой радиочастотной памяти, который позволяет записывать и воспроизводить сигналы радаров, что важно при расследовании инцидентов, связанных с радиоэлектронной борьбой. Кроме того, авионика часто включает в себя модули для повторной передачи сигнала, позволяющие увеличить дальность управления, и системы автоматического возврата к точке старта в случае потери связи. Таким образом, понимание структуры БПЛА позволяет исследователю перейти от пассивного наблюдения за объектом к целенаправленному поиску

черных ящиков – цифровых носителей информации, которые могут хранить полетное задание, телеметрию, видео- и фотоизображения, а также логи всех подсистем.

Осмотр места происшествия с участием дрона - это следственное действие, имеющее ярко выраженную специфику из-за высокой степени риска (возможность взрыва, химического заражения) и хрупкости цифровых данных. При получении сообщения о крушении или обнаружении БПЛА первоочередной задачей является обеспечение безопасности участников проверки. Следователь обязан организовать оцепление места происшествия радиусом не менее 10-15 метров, используя предупредительную ленту, поскольку БПЛА может перевозить взрывчатые, химические или радиоактивные вещества; немедленно привлечь специалистов: взрывотехника (для оценки опасности), криминалиста (для работы со следами), а также специалиста в области авиационных систем или программиста (для корректной работы). До прибытия специалистов категорически запрещается прикасаться к устройству, пытаться отключить его или извлекать аккумулятор - это может привести к детонации или уничтожению данных в энергозависимой памяти. Как подчеркивается в современных криминалистических исследованиях, основным источником уголовно значимой информации является электронный блок БПЛА, и в рамках его исследования проводится оценка технического состояния, определяется работоспособность, функциональное назначение и способ производства устройства. Идентификация беспилотных летательных аппаратов на этапе следственного досмотра осуществляется путем визуального осмотра с изучением маркировки, конструкции и геометрии, а в некоторых случаях необходимо интерпретировать цифровые данные, извлеченные из электронных компонентов.

Сам осмотр следует проводить непосредственно на месте падения, фиксируя положение объекта относительно окружающей среды (статические следы: разрушения, кратеры, повреждения на земле). Во время детального осмотра необходимо задокументировать внешнее состояние: наличие груза, камер, повреждений корпуса, цвета и опознавательных знаков; извлекать предметы в порядке, исключающем повреждение электронных компонентов, при этом специалист должен отключить источник питания (если это безопасно) для предотвращения короткого замыкания; извлекать все носители информации: флеш-карты памяти, платы встроенной памяти, жесткие диски (если таковые имеются). Параллельно с осмотром транспортного средства ведется поиск традиционных криминалистических следов: отпечатков рук на фюзеляже (если он был собран вручную), микрочастиц, следов горюче-смазочных материалов. Особое внимание следует уделять упаковке и транспортировке компонентов и комплектующих БПЛА, чтобы сохранить эти следы. Уголовно значимые следы при инцидентах с БПЛА делятся на три группы: материальные следы (повреждения транспортного средства, его частей и груза; следы взрыва, пожара; следы на земле); идеальные следы (показания очевидцев, видевших полет, падение, или самого оператора); и виртуальные (цифровые) следы (данные телеметрии GPS координаты, высота, скорость; видеозапись с бортовой камеры; журналы автопилота; история команд с панели управления). Цифровые следы - ключ к реконструкции события. При работе с компьютерной информацией на месте происшествия могут быть эффективно использованы инструменты для поиска и документирования данных в тех случаях, когда нецелесообразно или невозможно изъять и назначить экспертизу устройств обработки информации. Например, используя специальные программаторы, вы можете считывать содержимое микросхем памяти непосредственно на месте, не извлекая их, если есть риск повреждения при разборке. Портативные криминалистические системы также используются для создания битовых копий устройств хранения данных.

Наиболее сложным аспектом расследования является юридическая квалификация деяния и определение субъекта, подлежащего ответственности. В отличие от традиционных преступлений, где причинителем вреда является человек, здесь присутствует посредник в виде алгоритма. В типичной следственной ситуации, когда контроль осуществлялся оператором (лицом), виновником является лицо, управлявшее дроном, и ключевой задачей

расследования является доказательство факта контроля над этим конкретным лицом. Источниками доказательств здесь являются данные с наземной станции управления : журналы подключений, MAC-адреса устройств, идентификаторы Wi-Fi; сам пульт дистанционного управления может содержать отпечатки пальцев оператора и генетический материал; данные телеметрии с БПЛА подтвердят, что полет проходил по траектории, ведущей к месту преступления, и был активен в тот конкретный момент; видеозапись с камеры дрона может случайно запечатлеть оператора, место совершения преступления. наконец, свидетели и камеры наблюдения могут зафиксировать человека с пультом дистанционного управления в зоне запуска. Если будет установлено, что беспилотник выполнял полностью автономный полет, то есть выполнял заранее заданную программу и не управлялся лицом в момент совершения правонарушения, круг подозреваемых расширяется. Есть два возможных вектора ответственности: владелец (человек, поставивший задачу) и разработчик (создатель алгоритма). Владелец несет ответственность за использование источника повышенной опасности (статья 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации). Если владелец запрограммировал беспилотник летать по периметру тюрьмы для доставки телефонов, он виновен в организации преступления, независимо от того факта, что он не нажимал кнопку пуск во время полета. Его вина доказывается содержанием полетного задания (загруженного на карту памяти), данными о покупке беспилотников, перепиской в мессенджерах. Самый сложный случай - ответственность разработчика за дефект продукта. Инцидент может произойти из-за ошибки в программном коде (например, неправильной идентификации препятствия, сбоя в системе навигации, приведшего к падению в толпу). В данном случае речь идет о гражданско-правовой ответственности (статья 1095 Гражданского кодекса Российской Федерации) за ущерб, причиненный в результате недостатков товаров (работ, услуг). Доказательственная база формируется путем назначения компьютерно-технической экспертизы, которая должна ответить на следующие вопросы:: соответствует ли программное обеспечение заявленным характеристикам и стандартам безопасности; имеется ли в коде ошибка (баг), приведшая к инциденту; вызвана ли эта ошибка действиями разработчика или форс-мажорными обстоятельствами (например, внешним воздействием на датчики). При этом важно учитывать, что современное авионическое оборудование БПЛА может включать в себя информационно-управляющую систему, состоящую из бортового компьютера, систем автоматического управления, оборудования сопряжения с общеобъектным оборудованием, систем мониторинга и диагностики, что существенно расширяет объекты экспертных исследований.

Чтобы разграничить ответственность между человеком и алгоритмом (или их комбинацией), необходимо установить роль каждого элемента в цепочке постановка задачи – обработка данных – выполнение. Алгоритм действий следователя включает изъятие и анализ полетного задания: было ли оно составлено человеком или сгенерировано автопилотом на лету, содержит ли оно признаки противоправного умысла (облет запретной зоны); анализ телеметрии в динамике, сравнение команд от оператора и действий автопилота, выяснение, переключался ли оператор на ручное управление непосредственно перед столкновением, была ли отключена автоматика; назначение комплексных экспертиз: компьютерно-технической (исследование программного обеспечения, логов, изъятых носителей), видео-технической (анализ записей с бортовых и внешних камер), а также традиционных экспертиз. (отпечатки пальцев, взрывчатые вещества, химикаты). Важным аспектом является использование неразрушающих методов при извлечении информации с электронных носителей БПЛА, и ключевой концепцией, лежащей в основе этих действий, является обеспечение целостности исходных данных. Современные экспертные исследования беспилотных летательных аппаратов позволяют не только восстановить траекторию и параметры полета, но и выявить аномалии, приведшие к падению или столкновению, а также установить факты внешнего воздействия или преднамеренной модификации устройства. Кроме того, сами беспилотники могут выступать в качестве экспертного инструмента для осмотра места происшествия, позволяя создавать подробные ортофотоснимки и трехмерные

модели, на которых можно проводить точные линейные, угловые и объемные измерения, что особенно важно при расследовании крупных аварий, пожаров и других инцидентов со сложными пространственными условиями. Например, с помощью дрона, оснащенного лазерным сканером, можно построить трехмерную модель места происшествия с точностью до сантиметров, что позволит впоследствии проводить виртуальные следственные эксперименты.

Расследование инцидентов с участием беспилотных транспортных средств - новое и динамично развивающееся направление криминалистики. Успех расследования напрямую зависит от уровня технической компетентности следователя и привлеченных специалистов. Проведенные исследования позволяют сформулировать следующие основные выводы: БПЛА является источником комбинированной трассирующей информации – традиционные материальные следы на его корпусе органично дополняются виртуальными цифровыми следами в его электронных компонентах, а знание устройства устройства (планера, силовой установки и авионики) является необходимым условием для компетентного осмотра; осмотр места происшествия с помощью БПЛА требует повышенных мер безопасности. строгая алгоритмизация действий, начиная от изоляции периметра и заканчивая правильным удалением энергозависимых носителей информации с участием профильного специалиста; идентификация виновного в среде распределенного управления должна основываться на тщательном анализе всего набора данных, позволяющем различать вклад человека (оператора, владельца) и алгоритма (разработчика), при этом ключевым инструментом является комплексная судебно-медицинская экспертиза, которая может реконструировать механизм события и ответить на вопрос: была ли авария результатом человеческой ошибки, злого умысла или сбоя программы; использование инструментов поиска и документирование компьютерной информации на месте происшествия значительно повышает эффективность сбора цифровых доказательств. Дальнейшие научные исследования в области криминалистики беспилотных летательных аппаратов должны быть направлены на разработку унифицированных методов извлечения цифровых данных из различных типов беспилотных систем и создание критериев криминалистического исследования алгоритмов искусственного интеллекта, а также совершенствование правового регулирования использования беспилотных летательных аппаратов в следственных действиях.

Список литературы

1. Беспилотник-конвертоплан : проект // Университет 2035. – URL: <https://pt.2035.university/project/bespilotnik-konvertoplan> (дата обращения: 25.02.2026) [1].
2. Беспилотные летательные аппараты как объект криминалистического исследования / А. В. Ростовцев, Е. Д. Берестенко // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2024. – № 4. – С. 84–92 [2].
3. Беспилотный летательный аппарат : пат. 100491 U1 Рос. Федерация. – № 2010136672/11 ; заявл. 01.09.2010 ; опубл. 20.12.2010 [3].
4. Беспилотный летательный аппарат и комплекс авианаблюдения для него : пат. 123393 U1 Рос. Федерация. – № 2012116030/11 ; заявл. 23.04.2012 ; опубл. 27.12.2012 [4].
5. Белорусские беспилотные летательные аппараты: этапы развития и перспективы. Часть 2 / А. Алесин // Минский диалог. – 2023. – 15 сент. – URL: <https://minskdialogue.by/research/analytics-notes/beloruskie-bespilotnye-letatelnye-apparaty-etapy-razvitiia-i-perspektivy-chast-2> (дата обращения: 25.02.2026) [5].
6. БПЛА (дроны) как объект и инструмент экспертизы: от расследования аварий до осмотра места пожара // НИИ Экспертизы и сертификации. – 2026. – 4 февр. – URL: <https://sud-expert.pro/blog/bpla-drony-kak-obekt-i-instrument-ekspertizy-ot-rassledovaniya-avarij-do-osmotra-mesta-pozhara/> (дата обращения: 25.02.2026) [6].
7. Земскова, А. В. Особенности применения инструментальных средств для поиска и документирования компьютерной информации в ходе следственных действий по осмотру /

А. В. Земскова, С. С. Минаков // Вестник экономической безопасности. – 2023. – № 2. – С. 74–85 [7].

8. Кисленко, С. Л. Особенности тактики осмотра мест происшествий при расследовании незаконного вмешательства в деятельность объектов энергетики с использованием беспилотных аппаратов / С. Л. Кисленко, А. Б. Смушкин // Правоприменение. – 2025. – Т. 9, № 2. – С. 77–86 [8].

9. Кисленко, С. Л. Криминалистическое обеспечение выявления угроз нападения на объекты топливно-энергетического комплекса с использованием автоматизированных беспилотных комплексов / С. Л. Кисленко // Lex russica. – 2025. – Т. 78, № 4. – С. 63–79 [11].

10. Малогабаритная беспилотная авиационная система : пат. 127717 U1 Рос. Федерация. – № 2012157013/11 ; заявл. 26.12.2012 ; опубл. 10.05.2013 [8].

11. Радыш, Н. Устройство беспилотных летательных аппаратов / Н. Радыш // Университет 2035. – URL: <https://skvot.2035.university/ustrojstvo-bpla> (дата обращения: 24.02.2026) [10].

12. Смушкин, А. Б. Концепция дистанционной криминалистики / А. Б. Смушкин ; под ред. В. Б. Вехова. – М. : Юрлитинформ, 2024. – 256 с. [9]

13. Попов, В. А. Особенности тактики осмотра мест происшествий при расследовании террористических актов, совершенных с использованием беспилотных летательных аппаратов / В. А. Попов, А. А. Рудавин // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2024. – № 2. – С. 191–198 [4].

14. Варданын, А. В. Беспилотные летательные аппараты как сегмент цифровых технологий в преступной и посткриминальной действительности / А. В. Варданын, А. С. Андреев // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12, № 6. – С. 785–794 [7].

ТИПИЧНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ДЕЛ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ

Кочева Ангелина Алексеевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

KochevaAngelina@yandex.ru

Научный руководитель: Ерахтина Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

345nn@gmail.com

Аннотация. Актуальность настоящей статьи обусловлена тем, что эффективность расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов (далее – НС, ПВ и их аналоги) в значительной степени определяется способностью следователя к быстрой и адекватной оценке исходной информации и выработке на ее основе оптимальной модели действий. Ключевым инструментом для решения этой задачи выступают следственные ситуации.

Ключевые слова: преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, следственные ситуации, алгоритм действий, алгоритм, стратегия

Под следственной ситуацией понимается совокупность условий и обстоятельств, в которых на определенный момент времени происходит расследование, оказывающая непосредственное влияние на его тактику и стратегию. Анализ ситуаций позволит перейти от теоретической криминалистической характеристики, рассмотренной в первой главе, к практическим аспектам организации расследования.

Понятие «следственная ситуация» остается предметом активной научной дискуссии с 1970-х годов. Одну из лаконичных, хотя и нуждающихся в конкретизации, дефиниций предложил Р.С. Белкин [1], определяя ее как совокупность условий, в которых протекает расследование на конкретный момент, то есть как обстановку, в которой осуществляется процесс доказывания. Ученый также подчеркивал, что следственная ситуация имеет по отношению к расследованию преимущественно внешний характер. На наш взгляд, в данном определении не отражены ключевые компоненты ситуации – имманентно присущие ей конфликт и противоречия, которые и формируют острую, динамичную сущность ее содержания.

Более детализированную трактовку предлагает Ю.В. Чуфаровский [5], рассматривающий следственную ситуацию в качестве динамической информационной системы. Ее элементами, по его мнению, выступают существенные признаки и свойства обстоятельств уголовного дела, а также связи и отношения между этими обстоятельствами и участниками процесса расследования. Несмотря на системный подход, данный автор также не акцентирует противоречия в качестве ключевого фактора, инициирующего развитие ситуации.

М.Ю. Тихомиров [3], пытаясь выработать типовую характеристику и классификацию, определяет следственную ситуацию (англ. *investigatory situation*) как совокупность обстоятельств, сложившихся на определенный момент предварительного следствия, которые подлежат учету при разработке и реализации программы дальнейшего расследования.

Представляется более точным и практически ориентированным следующее определение: следственная ситуация – это система проявляющихся в материалах дела и деятельности по его расследованию противоречий, а также условий процессуальной работы, которые в своей совокупности побуждают следователя к принятию тактических и

стратегических решений о дальнейшем направлении расследования и производстве конкретных следственных действий.

На первоначальном этапе расследования дел о незаконном обороте наркотиков значение типичных следственных ситуаций трудно переоценить.

Следователь, идентифицировав ситуацию, может опереться на уже разработанные криминалистические алгоритмы. Типичная ситуация диктует круг наиболее вероятных версий.

Также, она помогает оптимально спланировать расследование, определить первоочередные и последующие следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия (ОРМ), рационально распределить обязанности между членами следственно-оперативной группы (СОГ).

С учетом указанных предпосылок, в криминалистической практике целесообразно классифицировать типичные следственные ситуации, формирующиеся на начальном этапе расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств следующим образом.

1. Ситуация, характеризующаяся наличием достаточных данных для выдвижения версии о причастности конкретного лица или преступной группы.

Данная следственная ситуация является наиболее благоприятным и продуктивным сценарием для начала расследования. Ее ключевой признак – наличие у следователя не разрозненных фактов, а целостного информационного массива (системы данных), который с высокой степенью вероятности указывает на причастность конкретного лица или преступной группы к совершению преступления в сфере незаконного оборота наркотиков. Эта система данных позволяет сразу выдвинуть обоснованную версию и перейти к ее целенаправленной проверке.

К таким сведениям могут относиться:

- данные оперативно-розыскной деятельности, фиксирующие систематические контакты подозреваемых с лицами, имеющими судимость за аналогичные преступления.
- информация о проведении финансовых операций, не соответствующих декларируемым доходам фигурантов, что может свидетельствовать о легализации средств, полученных преступным путем.
- результаты наблюдения, указывающие на подозрительную активность (например, передача неизвестных предметов, использование тайников) [2].

Источники формирования достаточных данных носят комплексный характер и взаимно дополняют друг друга, формируя прочную доказательственную основу.

Алгоритм действий следователя в данной ситуации выстраивается как последовательная и агрессивная тактика, направленная на процессуальную легализацию уже имеющейся информации.

Первоначальный этап: Моделирование и планирование.

На основе полученных данных формулируется основная версия о причастности конкретной группы лиц к незаконному обороту наркотиков. В ее развитие выдвигаются частные версии, требующие проверки: о роли каждого участника, о каналах поступления и способах хранения наркотиков, о методах отмыwania денег. План расследования строится таким образом, чтобы обеспечить синхронность ключевых действий, исключаящую сговор и уничтожение доказательств.

Ключевой этап: Проведение неотложных следственных действий.

Основная задача – легализовать оперативные данные в качестве доказательств. Центральным элементом является проведение одновременных обысков (жилища, рабочего места, транспортных средств) у всех ключевых фигурантов. Цель – изъятие самих наркотических средств, а также предметов, подтверждающих преступную деятельность: весов, упаковочных материалов, записей, крупных сумм денег, средств связи. Параллельно проводится задержание и допрос подозреваемых. Информированность

следователя, основанная на данных ОРД, позволяет вести допрос детально, вскрывать противоречия в показаниях и оказывать целенаправленное психологическое воздействие.

Для укрепления доказательственной базы незамедлительно назначается комплекс судебных экспертиз:

- трасологические и дактилоскопические – для подтверждения физического контакта подозреваемых с вещественными доказательствами.

- химические – для точного определения состава, массы и степени чистоты изъятых наркотических средств.

- биологические (ДНК-анализ) – для выявления микроследов подозреваемых на упаковке.

- компьютерно-технические – для анализа данных с электронных устройств, изъятия истории переписки, геолокационных данных и информации из финансовых приложений.

Вместо ответа на уже совершенное преступление следователь, обладая достаточными данными, может спланировать и провести контролируемое задержание, максимально полно зафиксировать доказательства и обеспечить их неопровержимость в суде. Это обеспечивает экономию процессуальных и временных ресурсов, концентрируя усилия на самом эффективном направлении расследования с самого его начала.

2. Ситуация, связанная с дефицитом информации, однозначно указывающей на причастность конкретных лиц к совершению преступления.

Данная следственная ситуация является наиболее сложной и ресурсоемкой. Ее ключевой признак – отсутствие системных данных, прямо указывающих на круг причастных лиц. Следователь сталкивается не с отсутствием события преступления (например, факт сбыта или обнаружение крупной партии наркотиков установлен), а с информационной неопределенностью относительно субъектов преступной деятельности. Расследование в таких условиях приобретает поисковый, а не проверочный характер.

Характерные признаки и источники проблем в данной ситуации формируют комплекс первоначальных трудностей.

1. Отсутствие прямых вещественных доказательств, связывающих лицо с преступлением:

- наркотические средства изъяты без задержания сбытчика (например, обнаружена «закладка» по анонимному сообщению).

- отсутствуют отпечатки пальцев, ДНК или иные биологические следы на упаковке, пригодные для идентификации.

- нет документально зафиксированных результатов наблюдения, которые бы визуально идентифицировали лицо, осуществлявшее сбыт или хранение.

2. Недостаточность или низкая доказательственная ценность свидетельских показаний:

- показания носят анонимный или непроверяемый характер.

- свидетели дают противоречивую информацию, не могут детально описать внешность или действия подозреваемых.

- вовлеченные лица (например, наркозависимые) могут давать заведомо ложные показания, пытаясь минимизировать свою собственную ответственность или ввести следствие в заблуждение.

3. Сложности в установлении логистической и финансовой структуры преступной деятельности:

- отсутствие идентифицируемых финансовых потоков, связанных с сокрытием доходов от преступления (использование криптовалют, обналичивание денежных средств через подставные лица).

- не установлены каналы поставки и способы транспортировки наркотиков, что не позволяет двигаться по цепочке «снизу вверх».

- использование преступной группой зашифрованных каналов связи (мессенджеры с повышенной секретностью) и одноразовых SIM-карт, блокирующих возможность оперативного прослеживания контактов.

Стратегия и алгоритм действий следователя в условиях информационного дефицита требует системного, поэтапного подхода, направленного на генерацию новых источников данных.

Первоначальный этап: анализ исходных данных и выдвижение поисковых версий.

Поскольку версия о причастности конкретного лица изначально отсутствует, усилия сосредотачиваются на поисковых версиях, направленных на установление неизвестных субъектов.

Ключевой этап: активное использование оперативно-розыскных методов и судебных экспертиз для генерации информации.

Основная задача – преобразовать информационный вакуум в проверяемые данные.

Оперативно-розыскные мероприятия (ОРМ) проводятся в приоритетном порядке для установления лиц, причастных к сбыту. Это включает:

- наблюдение за местом обнаружения наркотиков с целью выявления и задержания лиц, проявляющих к нему интерес.

- оперативный эксперимент по контролируемой поставке или покупке для выявления всей цепочки причастных.

- анализ технических каналов связи: установление абонентов, использующих номера для связи с «закладками», даже при частой их смене.

- криминалистические экспертизы, направленные на получение новых идентификационных признаков: химическая экспертиза, трасологическая экспертиза, ДНК-анализ.

Этап консолидации информации и сужения круга поиска.

Полученные фрагменты данных (например, примерный фоторобот по показаниям свидетеля, установленный по данным геолокации район проживания подозреваемого, особенности его речи в перехваченном разговоре) систематизируются. Формируется криминалистическая характеристика неизвестного преступника, которая позволяет целенаправленно проверять лиц, состоящих на оперативных и криминалистических учетах [4].

Криминалистическое значение данной ситуации заключается в том, что она требует от следователя и оперативных сотрудников максимальной гибкости, терпения и системного мышления. Успех расследования зависит не от быстрой процессуальной фиксации, а от способности постепенно, шаг за шагом, генерировать и накапливать информацию, преобразуя ее из оперативной в судебную. Это испытание на эффективность взаимодействия следственных и оперативных подразделений, где основным инструментом является стратегическое планирование и комплексное использование всех доступных криминалистических и оперативно-розыскных методик.

Таким образом, грамотная идентификация типичной следственной ситуации представляет собой фундаментальный элемент методики расследования преступлений в сфере наркооборота. Этот инструмент позволяет следователю структурировать массив поступающей информации, оптимизировать ресурсы и выстроить эффективную стратегию расследования. В условиях ограниченности временных и кадровых ресурсов именно мысленное и документальное моделирование хода расследования на основе типичной ситуации позволяет синхронизировать все запланированные следственные и оперативные мероприятия.

Список литературы

1. Белкин, Р. С. Очерки криминалистической тактики: учеб. Пособие / Р. С. Белкин. - Волгоград, - 1993.
2. Грачев Ю. А. Возникновение и развитие наркотизма в России / Система профилактики преступности: современное состояние, проблемы и перспективы развития: Материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции. - СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2016. С. 102 - 106.
3. Любавина М. А. Квалификация преступлений с альтернативными видами действий (на примере статей 228, 228.1 УК РФ) // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 5.
3. Тихомиров, М. Ю. Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова. - М., - 1998.
4. Чуфаровский, Ю. В. Юридическая психология / Ю. В. Чуфаровский. - М., - 1995.

КОРРУПЦИЯ КАК «ТЕНЕВОЙ КОНТРАКТ» В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ В ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Кудимова Варвара Сергеевна, студентка

Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия
kudimova.varvara.5@mail.ru,

Шаталова Виктория Евгеньевна, студентка

Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия
vikulya.shatalova.2016@mail.ru,

Научный руководитель: Попова Светлана Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия
popovasveta@list.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу парадоксального влияния коррупционных практик на состояние экономической безопасности Российской Федерации в условиях внешнего санкционного давления и внутренней структурной перестройки. Выдвигается гипотеза о формировании «теневого общественного контракта», в рамках которого неформальные платежи и связи начинают восприниматься экономическими агентами как инструмент снижения рисков и компенсации институциональной несостоятельности государства. На основе анализа правоприменительной практики в контексте Федерального закона "О противодействии коррупции" от 25.12.2008 N 273-ФЗ и данных экономической статистики делается вывод о том, что высокий уровень толерантности к коррупции на микроуровне создает стратегические угрозы экономической безопасности на макроуровне, включая деформацию конкурентной среды, утечку капитала и снижение инвестиционной привлекательности.

Ключевые слова: коррупция, экономическая безопасность, теневой общественный контракт, антикоррупционное законодательство, институциональное доверие, толерантность к коррупции, санкционное давление, правоприменительная практика, угрозы национальной безопасности

В системе стратегического планирования Российской Федерации коррупция традиционно определяется как одна из ключевых угроз экономической безопасности. Стратегия экономической безопасности РФ до 2030 года (Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 г. № 208 [1]) прямо указывает на «высокий уровень коррупции в экономической сфере» как на вызов, требующий системного противодействия. Действительно, анализируя практику коррупционной деятельности, она представляет собой «налог» на экономическую активность, который, по разным оценкам, изымает из ВВП страны от 2 до 5% ежегодно, дестимулирует инновации и консервирует сырьевую модель развития, что делает поднятый вопрос актуальным.

Экономическая безопасность государства традиционно понимается как состояние защищенности национальной экономики от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечивается реализация национальных интересов. Коррупция в этом контексте является «внутренней угрозой» особого рода. Она не просто перераспределяет ресурсы, но и деформирует общественные отношения.

Коррупционные риски для экономической безопасности классифицируются по нескольким каналам:

- Фискальный – дефицит налогов и снижение эффективности бюджетных расходов;
- Инвестиционный – рост рисков и бегство капитала, инвесторы избегают юрисдикций с высоким уровнем коррупции;
- Конкурентный – получение выгоды теми участниками рынка, которые борются с конкурентами за счет участия в коррупционных схемах, что ведет к стагнации качества.
- Социальный – снижение доверия к власти в глазах населения, подрыв «социального мира» [9].

Ключевой постулат для нашего исследования: в состоянии «плохого равновесия» отказ от коррупции является индивидуально иррациональным. Если предприниматель знает, что все его конкуренты «договариваются» с пожарными инспекторами или таможней, то его законопослушное поведение приведет либо к банкротству (из-за более высоких издержек), либо к остановке бизнеса (из-за формальных придирок). Таким образом, коррупция становится для него не вопросом морального выбора, а условием физического выживания бизнеса в краткосрочной перспективе. Это создает фундаментальный конфликт между рациональностью и разрушением. То, что спасает отдельную фирму сегодня (дача взятки для прохождения проверки), подрывает экономическую безопасность всей страны завтра (формируя спрос на недобросовестных чиновников).

Правовое регулирование противодействия коррупции в РФ базируется на Федеральном законе «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ [6]. Закон устанавливает систему запретов, ограничений и обязанностей для государственных и муниципальных служащих. Однако с точки зрения обеспечения экономической безопасности закон сталкивается с рядом проблем.

Статья 1 273-ФЗ определяет коррупцию через незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды. Как справедливо отмечает Пантелеев В.Ю., это определение фокусируется на индивидуальном деянии, оставляя за скобками системный эффект. Например, массовое распространение практики «блата» (устройство на работу по знакомству, поступление в ВУЗ по звонку) может не содержать прямого состава уголовного преступления, если не доказан факт подкупа. Однако именно такие «мягкие» формы коррупции (патронаж, семейственность, круговая порука) являются наиболее токсичными для экономической безопасности, так как они полностью замещают рыночные механизмы распределения ресурсов сетевыми. Доступ к ресурсам получают не самые эффективные игроки, а «свои», что снижает совокупную факторную производительность экономики [4].

Современная правоприменительная практика, особенно после принятия ужесточающих поправок (например Федеральный закон от 28.12.2025 № 505-ФЗ [7]), смещается в сторону усиления финансового контроля и декларирования. Это важный шаг, но он бьет преимущественно по коррупции «элиты». Бытовая же и «деловая» коррупция (средний и малый бизнес, взаимодействие с рядовыми чиновниками) остаются в глубокой тени [8].

Официальная статистика Генпрокуратуры фиксирует ущерб в десятки миллиардов рублей, однако экспертные оценки, использующие социологические опросы и экономические модели, показывают, что реальный ущерб (включая потерю потенциального ВВП) может быть выше в 5–10 раз [3].

Наглядной иллюстрацией этого разрыва является сопоставление официальных данных правоохранительных органов и показателей общественного восприятия (индекса CPI) (см. рис. 1).

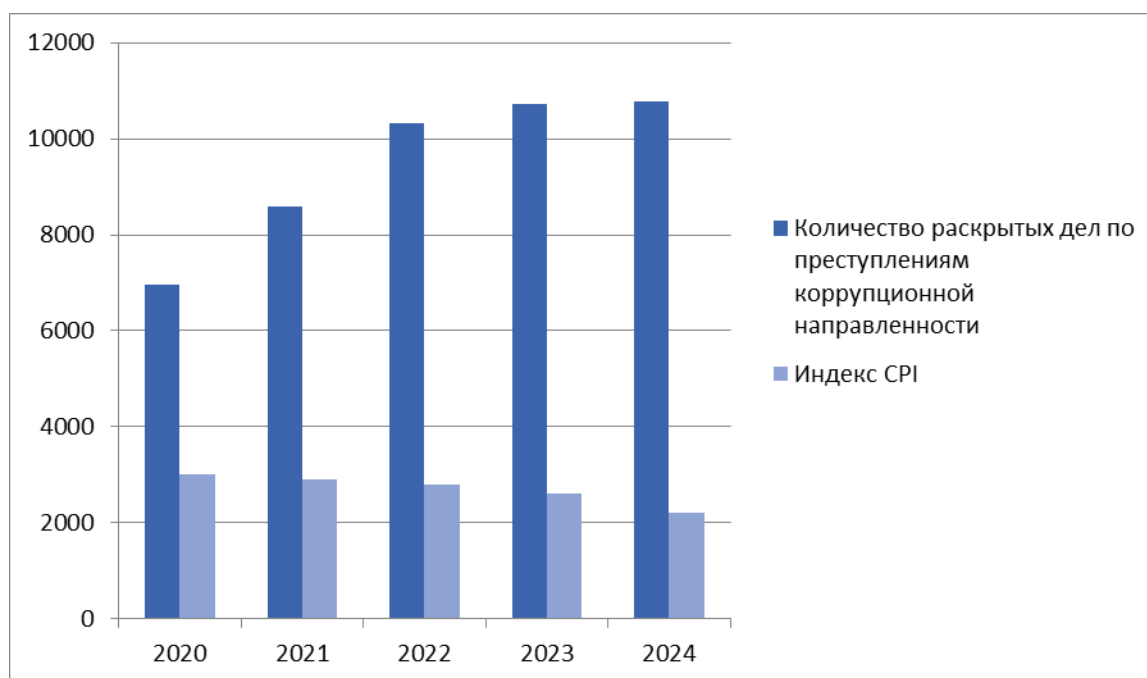

Рисунок 1 – Сравнение официальной статистики и реального восприятия коррупции за 2020-2025 г.г. (составлено авторами на основании [10], [11])

Анализ представленных данных демонстрирует парадоксальную ситуацию. В то время как официально зарегистрированное число коррупционных преступлений демонстрирует стабильность (растет из года в год), индекс восприятия коррупции (CPI) фиксирует ухудшение ситуации в глазах экспертов и предпринимателей (снижается с 2020 по 2024 год со значения в 30 пунктов до 22).

Этот разрыв подтверждает тезис о росте латентности: коррупция не исчезает, а мутирует, уходя в более скрытые формы, которые перестают регистрироваться как уголовно наказуемые деяния, что формирует основу для «теневого контракта».

Латентность создает иллюзию благополучия: если преступление не зарегистрировано, то угрозы не существует, но для экономической безопасности важен не столько факт возбуждения уголовного дела, сколько сам факт деформации экономического поведения.

Качественные социологические исследования фиксируют извинения в описании коррупции. Если в относительно стабильные 2010-е годы взятка часто описывалась как «воровство», то сегодня все чаще звучат слова «помощь», «благодарность», «решение проблем», «спасение бизнеса». Это явление можно назвать сменой институтов власти: формальные институты (законы, суды, регламенты) перестают выполнять функцию защиты прав собственности и безопасности ведения бизнеса. Их место занимают неформальные институты – личные связи и коррупционные сети. Фактически, на уровне повседневности происходит замещение государственного контракта на «теневой контракт» между бизнесом и представителями власти на местах. Этот «теневой контракт» имеет свою цену и свои правила, что объясняется тем, что в условиях хаоса предсказуемость, пусть даже нелегальная, ценнее свободы.

Здесь мы подходим к ключевому вопросу: если «теневой контракт» обеспечивает выживание бизнеса здесь и сейчас, можно ли говорить о нем как о механизме поддержания экономической безопасности.

С точки зрения системного анализа, ответ должен быть отрицательным, так как такой контракт создает иллюзию стабильности. Коррупционная сделка решает проблему одного агента, но воспроизводит порочную систему для всех остальных. Она создает «ловушку»: бизнес, однажды решивший вопрос взяткой, теряет стимулы бороться за улучшение делового климата легальными способами (через ассоциации, суды, общественные советы). Так же это ведет к росту транзакционных издержек в долгосрочном периоде. Коррупция – это налог, который растет непредсказуемо. Сегодня ставка одна, завтра пришел новый чиновник – и ставка выросла. Это делает долгосрочное планирование в экономике невозможным, что критично для

инвестиционных циклов. Более того, происходит деградация человеческого капитала. В экономике, где успех определяется не компетенциями, а доступом к «нужным людям», происходит отток талантов из производственной сферы в сферу «административного менеджмента». Наиболее предприимчивые люди становятся не инженерами или технологами, а посредниками [2].

Следовательно, коррупция как «теневого контракт» является миной замедленного действия под фундаментом экономической безопасности. В краткосрочной перспективе она амортизирует удары, но в долгосрочной – разрушает несущие конструкции: доверие, конкуренцию и верховенство права.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы, значимые для корректировки государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности. Во-первых, необходимо признать ограниченность сугубо репрессивного подхода в текущих условиях. Усиление уголовной ответственности без изменения структуры стимулов для экономических агентов ведет лишь к росту латентности и цен коррупционных услуг. Граждане и бизнес, оказавшиеся в условиях экономической турбулентности, воспринимают взятку не как преступление, а как премию за риск или плату за доступ к дефицитному благу (безопасности, скорости, стабильности). Во-вторых, связь коррупции и экономической безопасности должна рассматриваться нелинейно, так как важно понимать, что результат коррупционной сделки будет ощутим не в момент дачи взятки, а спустя годы, когда выясняется, что построенный объект небезопасен, а выпущенный продукт неконкурентоспособен. В-третьих, требуется концептуальный сдвиг от борьбы с коррупционерами к борьбе с коррупционными институтами. Пока сохраняется высокая свобода принятия решения чиновниками и низкое качество оказания государственных услуг, спрос на «теневого контракт» будет сохраняться.

Ключевым направлением должно стать снижение транзакционных издержек легального поведения, цифровизация услуг, автоматизация принятия решений (исключение человеческого фактора), реальная независимость суда по экономическим спорам, эффективная защита прав собственности – вот что сделает обращение к государству более выгодным, чем обращение к коррупционеру. Только разрушив «плохое равновесие» на институциональном уровне, можно переломить толерантность к коррупции на уровне общественного сознания и тем самым укрепить долгосрочную экономическую безопасность страны.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.
2. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 28.12.2025).
3. Федеральный закон от 28.12.2025 № 505-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Авторский коллектив СПбГУ. Конфликтно-криминологическая парадигма бытия коррупции // Российский криминологический взгляд. 2018. № 4. С. 622–633.
4. Индекс коррупции в России (данные за 1996–2025 гг.) // Trading Economics: [сайт]. – 2025. – URL: <https://ru.tradingeconomics.com/russia/corruption-index>
5. Кекки, Д. Экономика образования: человеческий капитал, семья и неравенство: учебник / Д. Кекки; перевод с английского. – Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. – 288 с. – ISBN 978-5-85006-262-0.
6. Кириллова Т.К. Масштаб экономического ущерба Российской Федерации из-за коррупционных преступлений и методика его подсчета / Т.К. Кириллова, Е.С. Сосновский // Управленческий учет. 2025. № 12. С. 45–52.
7. Пантелеев, В.Ю. Антикоррупционное право России: системный анализ / В.Ю. Пантелеев. – Екатеринбург: РАНХиГС, 2022.
8. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: [сайт]. – Москва, 2026. – URL: <https://cdep.ru/> – Раздел «Данные судебной статистики по делам коррупционной направленности».
9. Трунцевский, Ю.В. Законодательство о противодействии коррупции: тенденции и перспективы развития: Научно-практическое пособие / Ю.В. Трунцевский, А.М. Цирин и др.. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; НОРМА, 2025.

МИКРООБЪЕКТЫ КАК ИСТОЧНИК КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ

Лазаренко Ксения Сергеевна, студентка

Сибирский государственный университет путей и сообщения, Новосибирск, Россия
klazarenko5@gmail.com

Хлыстова Полина Андреевна, студентка

Сибирский государственный университет путей и сообщения, Новосибирск, Россия
hpa05@bk.ru

Научный руководитель: Батраков Алексей Владимирович, старший преподаватель
Сибирский государственный университет путей и сообщения, Новосибирск, Россия
batrakov15@yandex.ru

Аннотация. В условиях современных преступлений, становящихся все более тонкими и сложными, использование микрообъектов в криминалистике приобретает особую важность. Они позволяют обнаруживать и исследовать мельчайшие следы, недоступные обычным методам. Современные технологии и инновационные методы анализа повышают точность и скорость раскрытия преступлений. Новизна исследования заключается в расширении спектра микрообъектов и применении новых лабораторных и экспертных методов, что значительно улучшает эффективность криминалистического оформления и расследования.

Ключевые слова: микрообъекты, криминалистика, методы исследования, изъятие микрообъектов, следы преступления, экспертные исследования

Микрообъекты в современной криминалистике выступают одним из ключевых источников доказательственной информации. Эти мельчайшие частицы и элементы способны сохранять следы преступления. Их уникальные характеристики позволяют извлекать ценные данные, что в значительной степени повышает эффективность следственных мероприятий.

Отличительной особенностью микрообъектов является то, что их уничтожение на месте происшествия преступником представляет значительные трудности: уничтожая одни микрообъекты, он с высокой вероятностью оставляет другие [4].

Существуют три самых распространенных принципов классификации микрообъектов. Первым из них является их разделение по форме материального существования: микрочастицы, микроследы и микроколичества вещества.

Микрочастицы – это материальные объекты небольших размеров, которые имеют фиксированные пространственные границы и признаки внешнего строения. К ним, например, относятся частицы металлической стружки, возникающие при сверлении, или частицы лакокрасочных покрытий.

Под микроследами понимаются материально зафиксированные отображения рельефа слеодообразующего объекта, у которых форма, размеры и признаки внешнего строения невооруженным глазом четко не различаются. К микроследам могут относиться и частицы вещества, находящиеся в растворе.

Микроколичествами вещества являются небольшие массы вещества, обладающие неустойчивыми пространственными границами, свойства которых невозможно определить без проведения ряда экспертных исследований. К микроколичествам веществ могут быть отнесены жидкие, сыпучие и газообразные вещества.

Вторым основанием для классификации микрообъектов служит степень их визуального восприятия. В зависимости от этого выделяют видимые, слабовидимые и невидимые микрообъекты.

1. Невидимые микрообъекты при нормальных условиях восприятия (освещение, хорошее зрение наблюдателя) зрительно не воспринимаются невооруженным глазом. Это может быть обусловлено их крайне малыми размерами или цветом, сливающимся с фоном поверхности. Чаще всего специалист-криминалист лишь предполагает их наличие в определенной зоне осмотра места происшествия, опираясь на предварительную оценку механизма совершенного преступления и показания потерпевших либо очевидцев произошедшего.

2. Слабовидимые микрообъекты можно обнаружить при нормальных условиях восприятия, однако без применения специальных технических средств и методов затруднительно исследовать их признаки и свойства в силу их малого размера или цвета, сливающегося с окружающим фоном.

3. Видимые микрообъекты – это объекты, которые при нормальных условиях восприятия можно выявить без специальных технических средств, а также изучить ряд признаков, позволяющих отнести их к той или иной группе (волокна, следы лакокрасочных покрытий, следы металлической стружки и т. д.) [3].

Третья классификация по виду взаимодействия (контакта) с объектом-носителем, микроследы (образуются): наложения; внедрения; включения.

1. Наложение (прилипание) – наиболее распространенный вид взаимодействия микрообъектов с объектом-носителем. В этом случае микрообъекты удерживаются на поверхности за счет сил сцепления – такие как электростатические силы, влажность, растягивающая или сцепляющая способность материала. К типичным примерам относятся пылевые частицы, ворсинки и микрокапли грязи, прилипшие к одежде, обуви, оружию и другим предметам, с которыми они контактировали.

2. В случае внедрения микрообъекты проникают внутрь структуры или внутренние слои объекта-носителя. Это чаще всего происходит под действием силы давления, теплового воздействия или химической реакции. Например, порошки или жидкие вещества, такие как краска, кровь, жидкостылючающиеся химикаты, могут проникнуть в поры ткани, кожи, материалов или поверхностей.

3. Включения (инкрустации) – это вид взаимодействия, при котором микрообъекты становятся частью структуры объекта-носителя в процессе производства, эксплуатации или ремонта. Такие включения могут возникать при изготовлении стекла, пластика, металлоконструкций и других материалов, когда в них попадают или внедряются частицы – например металлические включения или загрязнения. В ходе эксплуатации они также образуются из-за износа или механических повреждений, например кусочки керамики, стекла или металла, оказавшиеся внутри других материалов.

На месте происшествия для выполнения изъятия микрообъектов у криминалистов имеются: комплект технических средств для работы с микрообъектами «Капля», криминалистический чемодан, в которые входят средства для работы с микрообъектами: для поиска, обнаружения и осмотра (ультрафиолетовый осветитель, комплект луп, портативный микроскоп, и др.); для изъятия (пылесборник, стеклянные капилляры, шприцы-тюбики, пинцеты, скальпели, зонды, нож и др.); для упаковки и хранения (контейнеры, пакеты, боксы и др.); вспомогательные средства.

Требования к порядку сбора и перевозки микрообъектов:

1) при осмотре нельзя перемещать какие-либо объекты;

2) в случае крайней необходимости изменения положения объекта под него следует подложить белый чистый лист бумаги (все, что может осыпаться и упасть, окажется на листе и будет обнаружено);

3) прикасаться к объектам разрешается только в перчатках и с чистыми инструментами, для того чтобы не допустить оставления других следов;

4) в случае если отделение микрообъекта от объекта-носителя невозможно, то объект-носитель изымают полностью для дальнейшего проведения исследования в лабораторных условиях [2].

Исследование микрообъектов осуществляется различными лабораторными методами, такими как микроскопия, спектроскопия, химический анализ и другие, что дает возможность выявлять их состав, происхождение и связи с определенными событиями и лицами. Вследствие этого микрообъекты представляют собой ценный источник криминалистически значимой информации. Они помогают подтвердить или опровергнуть версии следствия, восстановить цепочку событий и способствуют идентификации преступника или предмета преступления. Таким образом, микрообъекты играют важную роль в современной судебной практике, повышая шансы на раскрытие преступлений и установление объективной истины [1].

Список литературы

1. Дронова, О. Б. Техничко-криминалистические особенности работы с микрообъектами / О.Б. Дронова, В. В. Веселин // Учебное пособие. – 2024. – 72 с.
2. Ищенко, Е. П. Общий взгляд на криминалистическое следоведение / Е.П. Ищенко // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 3(90). – С. 146-156.
3. Трубицын, Р. Ю. К вопросу о современной классификации микрообъектов в криминалистике / Р.Ю. Трубицын // Судебная экспертиза. – 2022. – № 2. – С. 49-54.
4. Федякина, А. Г. О некоторых проблемных вопросах использования микрообъектов в ходе расследования преступлений / А.Г. Федякина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 12-2(51). – С. 107-110.

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ МЕТОДИКА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ:
ГЕНЕЗИС, ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ, НАПРАВЛЕНИЯ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ**

Маркус Алена Андреевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

alna.markus.02@mail.ru

Научный руководитель: Курбатова Светлана Михайловна, доктор юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

ksm-2024@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье проведен анализ генезиса, теоретических основ криминалистической методики расследования преступления против половой неприкосновенности детей. Установлено, что в настоящее время по-прежнему отсутствует полноценная методика расследования таких преступлений. Кроме того, существуют определенные проблемы при проведении допроса несовершеннолетних. В частности, следователь, как правило, не имеет должной подготовки к взаимодействию с несовершеннолетними. Предложены меры совершенствования методики.

Одним из ключевых направлений совершенствования является разработка специализированных тренингов и образовательных программ для следователей, нацеленных на формирование навыков эффективного общения с детьми, учета их возрастных особенностей и психологического состояния. Также необходимо внедрение в практику работы следователей протоколов допроса, разработанных с участием детских психологов и юристов, специализирующихся на защите прав несовершеннолетних. Это позволит минимизировать риск нанесения морального вреда ребенку и повысить объективность расследования.

Ключевые слова: Методика расследования, половая неприкосновенность, несовершеннолетние, допрос, детский психолог, криминалистика, следы преступления, виктимология, профилактика, типичные следственные действия

В Российской Федерации в течение последних десятилетий осуществляется перманентное разрушение сформированных в Советское время ценностей, норм морали и права. Национальные и религиозные противоречия, социальное неравенство – все это является детерминирующими фактами для развития преступности в целом.

Государственные деятели не скрывают того факта, что преступления против половой неприкосновенности личности являются повсеместной практикой, что, в свою очередь, оказывает отрицательное воздействие на развитие общества в целом.

Рассуждая о нравственном состоянии современного общества, нельзя не упомянуть момент влияния на него СМИ. Вопросы, поднимаемые различными СМИ, как правило, обладают провоцирующим характером и могут быть истолкованы двусмысленно. Указанное обстоятельство, в свою очередь, также оказывает негативный эффект на нравственное воспитание, как общества, так и молодых людей.

Под преступлениями против половой неприкосновенности принято понимать общее название деяний, которые выражаются в удовлетворении половой потребности в формах, противоречащих установленному в обществе укладу отношений, и наносящих вред здоровью и психике жертвы.

Отдельную группу таких деяний составляют преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Наказание за данные преступления

предусмотрены ст. ст. 131-135 УК РФ [1] и включают в себя: изнасилование, насильственные действия сексуального характера, понуждение к ним и др.

Анализируемый вид преступлений является одним из самых опасных посягательств на личность, которые направлены на особый объект уголовно-правовой охраны. Кроме того, они обладают высоким уровнем латентности, поскольку жертвы, как правило, не сообщают о насилии, которому они подверглись. Такие преступления наносят непоправимый ущерб психике ребенка, что в дальнейшем может сформировать у него психотравмирующее восприятие окружающей действительности. Помимо этого, в процессе доказывания обстоятельств подобного рода деяний, возникают серьезные проблемы, поскольку ребенок по причине своего возрастного развития не в состоянии понять значение действий, которые были совершены в отношении него.

На основе этого в органах охраны правопорядка разрабатываются специальные методики расследования подобных преступлений. Необходимо отметить, что подобные разработки в свое время прошли путь от рекомендаций, носящих частный характер до специализированных подходов. Общее начало было положено работами по криминалистике Гросса Г., написавшего «Руководство для судебных следователей» и впервые использовавшего понятие криминалистики. На основе его трудов уже в XX столетии были разработаны и изданы первые пособия по криминалистике, характерной особенностью которых стала дифференциация методик расследования. В это время впервые появляются зачатки методики расследования преступлений против половой неприкосновенности.

Однако лишь на рубеже XX в. и XXI в., когда можно было констатировать отсутствие полноценной методики расследования, начались полноценные разработки. Постепенно ликвидировались пробелы, связанные с типизацией, примерными программами расследования на основе следственных ситуаций на каждом этапе. Так, Федотов И.С. анализируя возрастные особенности несовершеннолетних и их влияние на процедуру проверки доказательств, которые получали с их участием, установил, что в процессе развития механизма насильственного преступления, ключевая роль должна отводиться информации, полученной с учетом условий, в рамках которых органы охраны правопорядка проводили расследование. По мнению ученого, упор необходимо делать на тактико-криминалистических средствах, в числе которых можно указать: уровень взаимодействия органов с родителями, число присутствующих, форму взаимодействия непосредственно с несовершеннолетним [4].

Приблизительно в то же время Айнетдинова Н.Х. [3] разработала особую методику раскрытия ненасильственных половых преступлений в отношении несовершеннолетних. Ученая исследовала организационные и процессуальные формы взаимодействия органов дознания, предварительного следствия, обозначала возможности для высокоэффективного и результативного расследования. Кроме того, были созданы типичные модели механизмов ненасильственных половых преступлений.

В настоящее время существуют различные криминалистические методики расследования преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних. В общем, под методикой понимается совокупность и перечень методов и приемов, которые направлены на раскрытие и расследование преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Такая методика, как правило, также включает в себя следующее:

1. Этапы расследования, состоящие из первоначальных действий, сбора доказательств, определения всех обстоятельств дела.
2. Особенности и специфику взаимодействия с несовершеннолетним, ставшим жертвой полового преступления.

Этапы методики в самом общем представлены первоначальным и последующим этапами. В рамках первого этапа осуществляется:

1. Осмотр места происшествия, включающий в себя фиксацию следов преступления и изъятие предметов.

2. Допрос несовершеннолетней жертвы в присутствии ее родителей.
3. Осмотр и выемка одежды жертвы.
4. Освидетельствование.
5. Допрос свидетелей, если таковые имеются.
6. Оперативно-розыскные мероприятия, предполагающие поиск и поимку подозреваемого.

Последующий этап включает в себя:

1. Осмотр места проживания и одежды.
2. Сбор биологических образцов.
3. Опознание подозреваемого жертвой.
4. Сбор иных доказательств.

Если рассматривать более подробно, то расследование преступления начинается по факту возбуждения уголовного дела. Согласно ст. 140 УПК РФ [2], одним из обязательных условий для возбуждения дела является наличие информации, которая может указывать на совершение преступления. На данном этапе осуществляются действия, направленные на дальнейшее обеспечение законности решения о возбуждении уголовного дела. Для этого используется опрос несовершеннолетней жертвы. Таким образом, ключевой задачей становится определение – действительно ли преступление могло быть совершено, установление круга потерпевших, определение подозреваемого, а также выявление лиц, которые могут располагать необходимой информацией.

При этом, смысл первоначальных следственных действий будет полностью вытекать из сформировавшихся следственных ситуаций. Любая следственная ситуация включает в себя такие элементы, как: психологический, информационный, тактический, процессуальный.

Применительно к анализируемому виду преступлений выделяют такие типичные следственные ситуации [5, с. 36]:

1. Основываясь на источнике получения сведений:

- полученных от родственников жертвы;
- из сообщения в СМИ;
- в процессе судебного разбирательства по другому делу;
- в процессе получения из данных ОРД;
- от сотрудников медучреждений и др.

2. На основе содержания и объема информации:

- в сообщении о совершенном деянии достаточно сведений, которые дают возможность определить личность подозреваемого;
- или недостаточно таких сведений.

3. На основе числа потерпевших.

Также, как было указано ранее, первоначальным этапом расследования является допрос. Наибольшую результативность при допросе можно достичь с учетом возрастных и индивидуальных особенностей несовершеннолетней жертвы.

При подготовке к допросу, следователю необходимо провести такие мероприятия, как:

1. Анализ сведений об обстоятельствах дела, жертве, ее родителях, подозреваемом.
2. Подготовка помещения для допроса.

3. Подготовка списка вопросов. Необходимо понимать, что составлять такие вопросы следователь должен вместе с педагогом-психологом.

Протокол допроса осуществляется после устного допроса или параллельно с ним. Протокол составляется с учетом положений, установленных ст. 166, 167 УПК РФ.

После этого проводится осмотр места происшествия, тактика которого обусловлена характером взаимоотношений между насильником и жертвой, обстановкой, где совершено преступление. Должны быть зафиксированы все следы, которые дадут возможность определить личность преступника. Среди таких: кровь, сперма, слюна, следы рук и т.д.

Ключевой проблемой методики расследования данных преступлений являются особенности психологического и возрастного характера несовершеннолетних. Психологическая травма, полученная несовершеннолетней жертвой, может стать причиной искажения памяти, стыда, страха и т.д. В связи с этим, ребенок может давать показания, противоречащие друг другу.

Поэтому, для решения таких проблем необходимо специальное обучение следователей путем повышения квалификации через:

1. Подготовку общения с детьми.
2. Обучение методики проведения допросов.
3. Психологическую подготовку.

Важно, чтобы взаимодействие между следователем и несовершеннолетней жертвой, должно начинаться уже на этапе возбуждения уголовного дела. Очевидно, что такие преступления должны расследоваться наиболее подготовленным следователем, который имеет навыки работы с лицами, не достигшими совершеннолетия.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ
3. Айнетдинова Н.Х. Методика расследования ненасильственных преступлений, совершаемых в отношении лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста: дис.. канд. юрид. наук. М., 2004.
4. Федотов И. С. Расследование насильственных преступлений, совершаемых в отношении малолетних: правовые, теоретические и организационные основы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009.
5. Яблоков Н.П. Криминалистическая характеристика преступлений как составная часть общей криминалистической теории // Вестн. Моск. ун-та. Сер. «Право». 2024. № 2. С. 35-36.

ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПРОЕКТОВ СТРОИТЕЛЬСТВА КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

Мамрукова Валерия Олеговна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

valeriamamrukova03@mail.ru

Научный руководитель: Сочнева Елена Николаевна, кандидат экономических наук

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

sochneva.e@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются процессуальные и методические аспекты использования инженерно-технической экспертизы проектов строительства в качестве доказательства в судебном процессе. Анализируются правовая природа заключения эксперта, его место в системе судебных доказательств, особенности назначения и производства экспертизы по гражданским, арбитражным и уголовным делам. Особое внимание уделяется критериям оценки заключения эксперта, типичным ошибкам и проблемам, возникающим при использовании результатов экспертизы в судопроизводстве.

Ключевые слова: инженерно-техническая экспертиза, проектная документация, судебная строительно-техническая экспертиза, заключение эксперта, судебное доказывание, оценка доказательств

Современное судопроизводство характеризуется возрастающей ролью специальных знаний при рассмотрении дел, связанных со строительной деятельностью. Споры о качестве проектной документации, соответствии проектных решений требованиям безопасности, достоверности сметных расчетов и наличии недостатков в проекте требуют привлечения специалистов, обладающих познаниями в области строительства, архитектуры, инженерных изысканий.

Инженерно-техническая экспертиза проектов строительства (как разновидность судебной строительно-технической экспертизы) становится одним из ключевых доказательств по делам данной категории. От качества проведенного исследования и правильности оформления его результатов зачастую зависит исход судебного разбирательства. Вместе с тем, анализ судебной практики свидетельствует о наличии ряда проблем, связанных с назначением экспертиз, оценкой заключений и использованием их в процессе доказывания.

Цель настоящей статьи- определить процессуальный статус инженерно-технической экспертизы проектов строительства, выявить критерии ее доказательственного значения и предложить пути повышения эффективности использования экспертных заключений в судебном процессе.

В соответствии с процессуальным законодательством (ст.55 ГПК РФ, ст. 64 АПК РФ, ст.74 УПК РФ), заключение эксперта является самостоятельным видом доказательств. Его специфика заключается в том, что эксперт, используя специальные знания, исследует представленные материалы и формулирует выводы, которые имеют значение для правильного решения дела. Инженерно-техническая экспертиза проектов строительства представляет собой процессуальное действие, состоящее в проведении исследования проектной документации и даче заключения экспертом-строителем по вопросам, требующим специальных знаний в области проектирования, строительных конструкций, технологий строительного производства, сметного нормирования. Особенность данного вида экспертизы заключается в том, что объектом исследования выступает не реально существующий объект недвижимости, а проектная документация- совокупность текстовых и графических материалов, определяющих архитектурные, функционально-технологические, конструктивные и инженерно-технические

решения будущего строительства. Это предопределяет специфику методик исследования и критериев оценки.

Доказательственное значение инженерно-технической экспертизы определяется следующими факторами:

- соблюдением процессуального порядка назначения и производства экспертизы;
- компетентностью и незаинтересованностью эксперта;
- научной обоснованностью примененных методов исследования;
- полнотой и непротиворечивостью выводов;
- соответствием заключения требованиям законодательства о судебно-экспертной деятельности.

Основанием для назначения экспертизы является необходимость разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области строительства, которые не могут быть разрешены судом на основе представленных сторонами доказательств. Как разъяснено в постановлении Пленума ВАС РФ №23, вопросы права и правовых последствий оценки доказательств не могут быть поставлены перед экспертом. Типичными основаниями для назначения экспертизы проектной документации выступают:

- возникновение спора о соответствии проектной документации требованиям технических регламентов и строительных норм;
- сомнения в достоверности сметной стоимости строительства;
- необходимость определения причин отступлений от проекта в процессе строительства;
- споры о качестве проектных работ о наличии недостатков;
- проверка обоснованности корректировок проектной документации.

Предмет инженерно-технической экспертизы проектов строительства составляют фактические обстоятельства дела, связанные с разработкой, согласовыванием и реализацией проектной документации, устанавливаемые на основе исследования специальных знаний в области строительства. При формулировании вопросов эксперту следует руководствоваться такими правилами как недопустимая постановка правовых вопросов (например, «имеются ли в действиях проектировщика признаки нарушения закона?»), вопросы должны относиться к предмету спора и иметь значение для дела, также вопросы не должны выходить за пределы специальных знаний эксперта. Рекомендуемый перечень вопросов при назначении экспертизы проектов строительства:

- соответствует ли представленная проектная документация требованиям технических регламентов, строительных норм и правил, действовавших на момент ее разработки?
- обеспечивают ли проектные решения безопасность объекта строительства при соблюдении технологии производства работ?
- имеются ли в проектной документации недостатки (некачественное проектирование, некорректные исходные данные, нарушения технологии строительства)?
- соответствуют ли фактически выполненные строительно-монтажные работы проектной документации?
- достоверна ли сметная стоимость строительства, определенная в проектной документации?

Особое внимание следует уделить компетенции конкретного эксперта. Для исследования проектной документации эксперт должен обладать общими познаниями в области строительства, но и специальными знаниями в области проектирования, владеть методиками экспертного исследования проектной документации, знать требования нормативно-технической документации.

Методика инженерно-технической экспертизы проектов строительства представляет собой систему научно обоснованных методов, приемов и технических средств, применяемых в определенной последовательности для решения экспертных задач.

Заключение эксперта не имеет заранее установленной силы и подлежит оценке судом наряду с другими доказательствами (ст.67 ГПК РФ, ст.71 АПК РФ). Критерии оценки заключения эксперта выработаны судебной практикой и доктриной.

На первом этапе оценивается соблюдение процессуальных требований при назначении и производстве экспертизы:

- надлежащее оформление определения (постановления) о назначении экспертизы;
- соблюдение прав участников процесса при назначении экспертизы;
- предупреждение эксперта об ответственности за дачу заведомо ложного заключения;
- соблюдение установленных сроков производства экспертизы.

Наиболее сложным этапом является оценка достоверности заключения, при этом анализируются компетентность эксперта, научная обоснованность методики, полнота исследования, и обоснованность выводов. В постановлении Пленума ВАС РФ №23 особо подчеркивается, что заключение эксперта не имеет для суда заранее установленной силы и подлежит оценке наряду с другими доказательствами. Несогласие суда с выводами эксперта должно быть мотивировано в решении.

Следует выделить такой аспект как повышение эффективности использования инженерно-технической экспертизы проектов строительства в судебном процессе, и выделить следующие меры:

- Совершенствование нормативно-правовой базы. Целесообразно разработать и утвердить на федеральном уровне методические рекомендации по производству судебной строительно-технической экспертизы проектной документации, которое бы содержали единые подходы к исследованию, критерии оценки качества проектирования, типовые вопросы.
- Повышение квалификации экспертов. Необходима специализация экспертов-строителей по отдельным направлениям (экспертиза проектной документации, экспертиза выполненных работ, экспертиза материалов и конструкций). Важно обеспечить регулярное повышение квалификации экспертов в области проектирования и современных строительных технологий.
- Унификация требований к заключению эксперта. Целесообразно разработать рекомендации по структуре и содержанию заключения эксперта при исследовании проектной документации, включая обязательные разделы, требования к описанию методик, оформлению выводов и иллюстративных материалов.

Инженерно-техническая экспертиза проектов строительства является важным процессуальным средством доказывания по делам, связанным со строительной деятельностью. Ее доказательственное значение определяется соблюдением процессуальных требований при назначении и производстве экспертизы, научной обоснованностью примененных методов, полнотой и достоверностью выводов эксперта. Дальнейшее развитие института судебной экспертизы проектов строительства должно быть направлено на интеграцию современных цифровых технологий в экспертную практику, что позволит повысить объективность и достоверность экспертных выводов, а следовательно, и их доказательственное значение в судебном процессе.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 30.12.2025) // СПС КонсультантПлюс.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 25.12.2025) // СПС КонсультантПлюс.
3. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
4. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 04.04.2014 № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» // СПС КонсультантПлюс.
5. Россинская, Е.Р., Настольная книга судьи: судебная экспертиза / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина – М.: Проспект, 2024. – 464 с.
6. Смирнова, С.А. Судебная экспертиза на современном этапе: состояние, проблемы, перспективы / С.А. Смирнова // Теория и практика судебной экспертизы. – 2025. – № 1. – С. 8-19.
7. Орлов, Ю.К. Заключение эксперта и его оценка (в уголовном процессе) Ю.К. Орлов. – М.: Юрист, 2023. – 208 с.
8. Шишов, М.А. Актуальные вопросы судебной строительно-технической экспертизы / М.А. Шишов // Эксперт-криминалист. – 2024. – № 3. – С. 24-28.
9. Материалы судебно-экспертной практики ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России за 2024-2025 гг.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТА ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ МОШЕННИЧЕСТВА

Мазуренко Илья Евгеньевич, студент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

i.mazurenko@mail.ru

Научный руководитель: Космодемьянская Елена Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

kontra2505@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются специфические черты предмета доказывания по уголовным делам о мошенничестве (ст. 159 УК РФ). Автор анализирует требования ст. 73 УПК РФ в контексте квалификации хищений, совершенных путем обмана или злоупотребления доверием. Особое внимание уделяется проблеме разграничения уголовно-наказуемого мошенничества и гражданско-правовых деликтов, а также доказыванию умысла на безвозмездное изъятие имущества. На основе анализа постановления Пленума Верховного Суда РФ и следственной практики формулируются предложения по оптимизации доказательственной деятельности.

Ключевые слова: предмет доказывания, мошенничество, уголовный процесс, умысел, обман, злоупотребление доверием, ущерб, ст. 159 УК РФ

Мошенничество остается одним из наиболее распространенных и латентных преступлений против собственности в Российской Федерации. Высокая общественная опасность данного деяния обусловлена не только размером причиняемого ущерба, но и интеллектуальным характером преступной деятельности, что создает существенные трудности для органов предварительного расследования. Ключевой проблемой в правоприменении выступает точное установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Ошибки на данном этапе нередко приводят к необоснованному отказу в возбуждении уголовного дела или, напротив, к незаконному привлечению к ответственности лиц, чьи действия носят гражданско-правовой характер.

Актуальность темы исследования продиктована необходимостью совершенствования методики расследования мошенничества в условиях усложнения экономических отношений. Целью настоящей работы является выявление особенностей формирования предмета доказывания по делам о мошенничестве и определение ключевых обстоятельств, подлежащих установлению в ходе предварительного следствия.

Согласно ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), предмет доказывания по уголовному делу включает обстоятельства, подлежащие доказыванию при производстве по делу. К ним относятся: событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления); виновность лица; обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого; характер и размер ущерба; обстоятельства, исключающие преступность деяния, и иные обстоятельства. Однако применительно к составу мошенничества, предусмотренному ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1, С. 78], данные общие положения приобретают специфическую окраску.

Первоочередной задачей следствия является доказывание события преступления, которое в структуре мошенничества неразрывно связано со способом совершения деяния. В отличие от кражи или грабежа, где изъятие имущества происходит открыто или тайно, мошенничество характеризуется специфическим механизмом передачи имущества потерпевшим виновному. Следовательно, в предмет доказывания обязательно входит

установление факта передачи имущества или имущественных прав, а также оснований такой передачи. Следователь должен доказать, что потерпевший действовал под влиянием заблуждения, вызванного обманом или злоупотреблением доверием со стороны обвиняемого.

В делах о мошенничестве установление события преступления требует доказывания следующих элементов:

1. Время и место совершения преступления. Точная фиксация временных рамок необходима для определения момента возникновения умысла, передачи имущества и наступления ущерба. Место совершения преступления имеет значение для установления территориальной подследственности и подсудности, а также для выявления способа взаимодействия с потерпевшим (личное общение, дистанционные способы, использование информационно-телекоммуникационных сетей).

2. Способ совершения преступления – обман или злоупотребление доверием. Данный элемент является конститутивным для состава мошенничества и требует детальной доказательственной проработки:

Обман может выражаться в сознательном сообщении ложных сведений (активный обман) или в умолчании об истинных фактах, когда лицо было обязано их сообщить (пассивный обман). Подлежат доказыванию: содержание ложной информации, форма ее доведения (устная, письменная, электронная), источник ее происхождения, осведомленность обвиняемого о ее ложности [5, С. 42].

Злоупотребление доверием предполагает использование особых доверительных отношений с потерпевшим, основанных на договоре, служебном положении, родственных или дружеских связях. Необходимо установить: основание возникновения доверия, действия обвиняемого по использованию этого доверия в корыстных целях, осознание им неправомерности своих действий.

3. Механизм передачи имущества или приобретения права на имущество. В отличие от иных форм хищения, при мошенничестве имущество передается виновному самим потерпевшим. Следовательно, доказыванию подлежат: юридические и фактические основания передачи (договор, расписка, устная договоренность), волеизъявление потерпевшего, наличие или отсутствие встречного предоставления, момент перехода права собственности или владения.

4. Предмет посягательства. Подлежит установлению характеристика имущества: его вид (движимое, недвижимое, денежные средства, ценные бумаги, имущественные права), индивидуализирующие признаки, рыночная стоимость на момент совершения преступления. Особое внимание уделяется доказыванию принадлежности имущества потерпевшему на законных основаниях.

Критически важным элементом предмета доказывания при расследовании мошенничества является установление формы вины и конкретного содержания умысла. Мошенничество может быть совершено только с прямым умыслом. Лицо осознает, что обманывает потерпевшего или злоупотребляет его доверием, предвидит возможность или неизбежность причинения ущерба и желает его наступления. Сложность заключается в том, что умысел является внутренним психическим процессом, не поддающимся прямому наблюдению [4, С. 35]. В связи с этим, в соответствии с разъяснениями, содержащимися в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», намерение хищения должно возникнуть у виновного до момента получения чужого имущества.

Это положение порождает главную проблему квалификации: разграничение мошенничества и неисполнения гражданско-правовых обязательств. На практике часто возникают ситуации, когда лицо получает имущество (например, по договору займа или поставки), но не возвращает его или не исполняет обязательства. Для включения таких обстоятельств в предмет доказывания по уголовному делу необходимо установить, что лицо изначально не намеревалось исполнять обязательства. Доказывание данного факта требует

сбора совокупности косвенных доказательств: использование подложных документов, отсутствие реальной хозяйственной деятельности, сокрытие местонахождения после получения средств, нецелевое использование полученных ресурсов. Если следователь не докажет изначальный умысел на хищение, деяние не может быть квалифицировано как мошенничество, что прямо вытекает из принципа презумпции невиновности и норм гражданского законодательства.

Доказывание умысла при расследовании мошенничества представляет собой сложный, многоаспектный процесс, требующий от правоприменителя глубокого знания уголовного закона, процессуальных норм и судебной практики. Ключевым критерием является установление момента возникновения умысла: он должен предшествовать получению имущества. О наличии умысла могут свидетельствовать совокупность обстоятельств: отсутствие реальной возможности исполнить обязательство, использование подложных документов, сокрытие информации о финансовом положении, нецелевое использование средств.

В практике судов данный критерий является одним из наиболее значимых. Так, в кассационном определении Второго кассационного суда общей юрисдикции по делу № 77-1234/2023 было указано, что для признания действий мошенничеством суд обязан установить, что умысел на завладение денежными средствами возник до получения денег, а не после. В данном деле обвиняемый получил аванс по договору подряда, однако не приступил к выполнению работ. Суд первой инстанции квалифицировал деяние как мошенничество, однако кассация отменила приговор, указав, что следствие не доказало изначальное отсутствие у обвиняемого намерения исполнить обязательство: у него имелись необходимые ресурсы, а неисполнение договора произошло вследствие форс-мажорных обстоятельств (резкое повышение цен на материалы).

Использование фальсифицированных документов при заключении сделки является сильным индикатором умысла на хищение. В определении Верховного Суда РФ от 02.04.2024 № 78-УД24-1-К7 подчеркивается, что мошенничество заключается в противоправном безвозмездном изъятии и (или) обращении чужого имущества в пользу виновного, и использование поддельных документов свидетельствует о сознательном введении потерпевшего в заблуждение с корыстной целью.

Также, по делу № 1-123/2022 Ленинского районного суда г. Екатеринбурга подсудимый был признан виновным в мошенничестве (ч. 3 ст. 159 УК РФ) за получение кредита в банке на основании поддельной справки о доходах. Суд установил, что обвиняемый осознавал ложность представленных сведений, предвидел причинение ущерба банку и желал его наступления. Ключевым доказательством умысла послужила переписка в мессенджере, где подсудимый обсуждал с соучастником способы фальсификации документов.

Соккрытие сведений о наличии задолженностей, залогов или банкротства также может свидетельствовать об изначальном умысле на хищение. В постановлении Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 15.03.2023 по делу № 33-4567/2023 указано, что при расследовании мошенничества в сфере предпринимательской деятельности (ч. 5–7 ст. 159 УК РФ) особое внимание следует уделять доказыванию того, что обвиняемый заведомо скрывал от контрагента свое критическое финансовое положение, не имея реальных возможностей исполнить обязательства.

Данный критерий часто используется в делах о мошенничестве с долевым участием в строительстве. Так, в оправдательном приговоре Московского городского суда по делу № 10-1234/2021 суд указал, что использование полученных от дольщиков средств не по целевому назначению само по себе не свидетельствует об умысле на хищение, если обвиняемый предпринимал реальные меры для завершения строительства и возврата средств. Однако если средства были выведены на счета подконтрольных фирм, а строительство не велось, это может расцениваться как доказательство изначального умысла.

При этом суды обязаны соблюдать принцип презумпции невиновности и не допускать подмены уголовной ответственности гражданско-правовой. Только всестороннее, полное и

объективное исследование всех обстоятельств дела позволяет обеспечить законность и обоснованность принимаемых процессуальных решений, защитить права, как потерпевших, так и обвиняемых [2, С. 15].

Еще одной специфической чертой предмета доказывания является характер и размер ущерба. В делах о мошенничестве ущерб должен быть реальным и фактически причиненным. В предмет доказывания входит не только сумма хищения, но и момент возникновения ущерба. Например, при мошенничестве в сфере кредитования (ч. 1 ст. 159.1 УК РФ) ущерб возникает не в момент выдачи кредита, а в момент невозврата, однако умысел должен быть доказан на этапе получения средств. Точный расчет ущерба необходим для правильной квалификации по частям ст. 159 УК РФ (значительный, крупный, особо крупный размер). Ошибки в оценке ущерба ведут к нарушению принципа справедливости назначения наказания.

Также следует выделить необходимость доказывания причинно-следственной связи между обманом (злоупотреблением доверием) и наступившими последствиями. Следствие должно установить, что именно действия обвиняемого ввели потерпевшего в заблуждение. Если потерпевший передавал имущество, осознавая риск, или передача произошла по иным мотивам, состав мошенничества отсутствует. Это обстоятельство часто упускается при расследовании, что приводит к возврату дел прокурором или оправдательным приговорам.

Особого внимания заслуживает доказывание обстоятельств, связанных с личностью обвиняемого и его ролью в групповом мошенничестве. В современных условиях мошенничество часто совершается организованными группами. В предмет доказывания входит распределение ролей, кто именно осуществлял обман, кто подготавливал документы, кто обналачивал средства. Согласно ст. 74 УПК РФ, каждое доказательство должно быть оценено с точки зрения относимости, допустимости и достоверности [3, С. 5]. В делах о мошенничестве часто используются результаты оперативно-розыскной деятельности, которые должны быть легализованы в соответствии с требованиями УПК РФ, чтобы стать допустимыми доказательствами.

Анализ следственной практики показывает, что наиболее уязвимым местом в предмете доказывания является фиксация момента возникновения преступного намерения. Зачастую обвинение строится на презумпции: «не вернул деньги, значит, хотел украсть». Такой подход недопустим. Научная доктрина уголовного процесса, в частности труды Л.В. Головки и А.В. Смирнова, подчеркивает, что бремя доказывания вины лежит на стороне обвинения. Отсутствие доказательств изначального умысла должно трактоваться в пользу обвиняемого. Следовательно, в предмет доказывания должно входить опровержение версий о невозможности исполнения обязательств вследствие форс-мажора или экономических причин, не зависящих от воли обвиняемого.

Кроме того, специфика предмета доказывания варьируется в зависимости от сферы мошенничества. При расследовании компьютерного мошенничества (ст. 159.6 УК РФ) акцент смещается на доказывание факта вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации. В данном случае предмет доказывания расширяется за счет необходимости проведения сложных компьютерно-технических экспертиз для установления модификации данных. Однако базовые элементы – умысел и хищение – остаются неизменными.

Важным аспектом является доказывание обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание. При мошенничестве часто имеет место явка с повинной, активное содействие раскрытию преступления, возмещение ущерба. Полнота установления данных обстоятельств влияет на индивидуализацию ответственности. В то же время, рецидив, совершение преступления с использованием служебного положения должны быть доказаны с особой тщательностью, так как они влияют на квалификацию и тяжесть наказания.

Помимо традиционных (показания, вещественные доказательства, документы), по делам о мошенничестве особое значение приобретают: результаты финансово-экономических, бухгалтерских, оценочных, почерковедческих, компьютерно-технических экспертиз; данные

оперативно-розыскной деятельности, представленные в порядке ст. 89 УПК РФ; электронные доказательства (переписка, логи транзакций, записи с камер наблюдения).

В соответствии с ч. 2 ст. 14 УПК РФ и принципом презумпции невиновности, бремя доказывания всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания, лежит на стороне обвинения. Недоказанность умысла на хищение, неустраненные сомнения в квалификации толкуются в пользу обвиняемого.

Каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения дела (ст. 88, 90 УПК РФ). Особую осторожность следует проявлять при использовании показаний, полученных в ходе оперативно-розыскных мероприятий, которые должны быть процессуально закреплены в соответствии с требованиями УПК РФ.

Таким образом, обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию по делам о мошенничестве, образуют сложную, многоуровневую систему, охватывающую объективные и субъективные элементы состава преступления, характеристики субъектов, размер и характер ущерба, а также процессуальные условия допустимости доказательств. Ключевой особенностью предмета доказывания по данной категории дел является необходимость установления изначального умысла на хищение, что требует от следствия и суда тщательного анализа всей совокупности прямых и косвенных доказательств. Только при условии полного, всестороннего и объективного установления всех перечисленных обстоятельств возможно вынесение законного, обоснованного и справедливого процессуального решения, отвечающего требованиям ст. 6, 73 УПК РФ и обеспечивающего баланс между защитой прав потерпевших и гарантиями прав обвиняемых.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что предмет доказывания по делам о мошенничестве обладает рядом специфических особенностей, отличающих его от других хищений. Ключевыми элементами являются: способ совершения преступления (обман или злоупотребление доверием), момент возникновения умысла на хищение, причинно-следственная связь между обманом и передачей имущества, а также реальный размер ущерба.

Основной проблемой правоприменения остается разграничение уголовно-наказуемого мошенничества и гражданско-правовых споров. Для минимизации ошибок следственным органам необходимо сосредоточить усилия на сборе доказательств, подтверждающих изначальный характер умысла, а не только на факте неисполнения обязательств. Представляется необходимым более широкое использование специальных знаний (экономических, бухгалтерских, IT-экспертиз) для объективизации предмета доказывания.

Совершенствование практики доказывания по данной категории дел требует строгого соблюдения требований ст. 73 УПК РФ и учета разъяснений Верховного Суда РФ. Только комплексный подход к установлению всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания, обеспечит законность, обоснованность уголовно-процессуальных решений и защиту прав как потерпевших, так и обвиняемых.

Список литературы

1. Научно-практический комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» / Д. А. Безбородов, А. В. Зарубин, Р. М. Кравченко [и др.]. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2020 –124 с.
2. Харина, Е.А. К вопросу об эффективности расследования мошенничества в сфере компьютерной информации / Е.А. Харина // Российский следователь. –2025. –№ 8. –С. 15 -19.
3. Фокин, А.Д. Принципы и тактика проведения следственного осмотра интернет-ресурса при расследовании дистанционного мошенничества в сфере недвижимости / А.Д. Фокин // Российский следователь. –2025. –№ 3. –С. 2 -7.
4. Муратов, К.Д. Уголовно-правовое значение вещественных доказательств по уголовным делам: квалификационные проблемы / К.Д. Муратов // Уголовное судопроизводство. –2022. –№ 3. –С. 35 -40.
5. Саморока, В.А. Анализ опыта предварительного расследования и рассмотрения в суде уголовных дел о "классическом" мошенничестве и мошенничестве с использованием электронных средств платежа / В.А. Саморока, Н.В. Угольников, Н.В. Григорьева // Уголовное судопроизводство. –2023. –№ 2. –С. 41 -44.

ИНТЕГРАЦИЯ ИНСТИТУТА МЕДИАЦИИ В УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ВАЖНЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

Макаров Дмитрий Евгеньевич, студент

Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС, Новосибирск, Россия
dmakarov-24@ranepa.ru

Научный руководитель: Брашнина Оксана Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС, Новосибирск, Россия
brashnina-oa@ranepa.ru

Аннотация. В данной научной статье рассматриваются проблемные аспекты внедрения института медиации в уголовный процесс Российской Федерации. В ходе исследования автором анализируются соответствующие нормативно-правовые акты и предлагаются пути решения сложившихся проблем в правовой и организационной плоскости. По результатам исследования автор приходит к выводу о необходимости дальнейшего развития института медиации, который способен осуществить прогресс государственно-социального партнерства при правильной методологии реализации.

Ключевые слова: медиация, уголовный процесс, уголовное право, государственное партнерство, социальное партнерство

Современные тенденции к развитию концепции правового государства тесно взаимосвязаны с социальными отношениями. По мере укрепления и развития правового фундамента общество все чаще требует обратной связи от государства, выражая свое стремление к поддержанию социально-политической системы сдержек и противовесов. Здоровое правовое сознание индивидов формирует правильную правовую культуру населения, которая способствует положительному развитию горизонтальных и вертикальных социальных связей. Уголовное право выступает наиболее острым предметом социальных дискуссий ввиду исключительной специфики охватываемых данной отраслью права общественных отношений, возникающих в связи с совершением общественно опасных противоправных деяний и назначением справедливого наказания за них. Возможность внедрения института медиации в уголовный процесс с последующим этапом развития в форме создания восстановительной юстиции дает социуму и государству новый виток развития государственно-социального партнерства.

Отправной точкой нашего исследования выступит составление определения понятия «медиация» через анализ соответствующего нормативно-правового акта. В российской правовой системе регламентация деятельности данного института определена Федеральным законом (далее – ФЗ) от 27.07.2010 N 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».

Цели и первоначальная структура медиативного сотрудничества изложены в ч. 1 ст. 1 данного ФЗ: «Настоящий Федеральный закон разработан в целях создания правовых условий для применения в Российской Федерации альтернативной процедуры урегулирования споров с участием в качестве посредника независимого лица – медиатора (процедуры медиации), содействия развитию партнерских деловых отношений и формированию этики делового оборота, гармонизации социальных отношений» [1]. Также законодатель определяет круг применения данного института в ч. 4 ст. 1 данного ФЗ, отводя ему роль в гражданском, административном и арбитражном судопроизводстве.

Законодатель также определил ключевые принципы проведения процедуры медиации, которыми стали: взаимное волеизъявление и равное положение сторон; добросовестность и конфиденциальность сотрудничества; независимость медиатора.

Порядок применения медиации является гибким в виду возможности применения медиации до и во время судопроизводства, а требования к самим медиаторам восходят к форме выражения их компетенций, которые устанавливают для непрофессиональных и профессиональных медиаторов разные условия допуска к работе. Согласно ч. 2 ст. 15 данного ФЗ непрофессиональный медиатор может осуществлять данную деятельность по достижению 18 лет при условии отсутствия судимости. В то же время, требования к профессиональному медиатору существенно выше. Опираясь на содержание ч. 1 ст. 16 данного ФЗ, мы можем определить его как физическое лицо, достигшее возраста 25 лет, имеющее высшее образование и получившие дополнительное профессиональное образование по вопросам проведения медиации.

Закрепление итогов медиации тоже получило особую регламентацию. Согласно ч.ч. 3-4 ст. 12 данного ФЗ медиативное соглашение, достигнутое в ходе медиации, оформляется в письменном виде и в зависимости от порядка применения может быть утверждено судом либо третейским судьей или нотариально заверено.

Исходя из вышесказанного, определение медиации в судебном производстве можно выразить следующим образом:

Медиация в российской правовой среде – это альтернативная процедура урегулирования гражданских, административных или арбитражных споров при участии на коммерческой или некоммерческой основе независимого непрофессионального или профессионального посредника (медиатора), основанная на добросовестности, конфиденциальности сотрудничества, взаимном волеизъявлении и равенстве сторон.

Проецируя институт медиации на уголовное судопроизводство в России, мы не можем не обратиться к ст. 76-76.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [2]. Данные статьи предусматривают условия освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим и возмещением ущерба. По данным отчета Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации «Об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел» за первое полугодие 2025 года, число лиц, освобожденных от уголовной ответственности по ст. 76 УК РФ составило 34971, а по основаниям возмещения вреда – 21 [3]. Данная статистика свидетельствует о достаточной распространенности применения данного условия освобождения от уголовной ответственности, что одновременно дает определенную нагрузку на должностных лиц, осуществляющих расследования по данным уголовным делам. Данная позиция находит отражение в работах многих исследователей, среди которых мы выделяем позицию Н.В. Маликовой: «Именно в целях разгрузки в большей степени судебного аппарата от рассмотрения огромного количества дел, связанных с преступлениями, подпадающими под категорию небольшой и средней тяжести, впервые совершенными, видится необходимым на законодательном уровне закрепить правовой институт медиации в уголовном судопроизводстве» [4, с. 47]. Однако существует ряд проблемных аспектов в области потенциального применения института медиации в уголовном процессе.

Консервативность и монолитность правовой системы не позволяет без проблем внедрить новый элемент в систему уголовного судопроизводства. В этом контексте остается открытым вопрос о досудебной, судебной или всеобщей возможности применения медиации. Нам представляется, что существование института медиации в рамках российской уголовно-правовой системы возможно только на стадии предварительного расследования, потому что именно на данном этапе производства вполне вероятно выполнить одну из основных целей медиации в уголовном процессе – это снижение нагрузки на судебную систему.

Наша позиция по правовому статусу медиатора в уголовном процессе схожа с позицией В.Е. Градского, который предлагает ввести ст. 60.1 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК РФ) «Медиатор» с изложением определения, прав и обязанностей данного лица [5, с. 12]. С нашей правовой позиции мы можем дать следующее определение понятия «медиатор»:

Ст. 60.1 УПК РФ «Медиатор».

1. Медиатор – это физическое лицо, имеющее высшее образование и получившие дополнительное профессиональное образование по вопросам проведения медиации, которое на профессиональной основе осуществляет независимую деятельность по заключению медиативного соглашения между потерпевшим и обвиняемым.

Подход к формированию категориальных границ медиации в российском уголовном праве мы отведем преступным деяниям всех категорий, предусмотренных ст. 15 УК РФ, совершенным впервые.

При проведении следствия по преступлениям небольшой или средней тяжести следователь на основе заключенного письменного медиативного соглашения принимает решение о прекращении или продолжении производства по уголовному делу, учитывая личностную характеристику подозреваемого (обвиняемого), характер и степень общественной опасности совершенного им преступления.

Мы допускаем возможность заключения медиативного соглашения при совершении тяжких и особо тяжких преступлений исключительно в роли смягчающего обстоятельства при назначении наказания [6, с. 192]. В свою очередь, достигнутое медиативное соглашение должно иметь существенное юридическое значение в виду не только материального примирения с потерпевшим, но и нравственного прощения, что полностью нейтрализует преступность деяния для потерпевшего. Соответствующие поправки в ч. 1 ст. 61 и введение ч.ч. 6-7 ст. 62 УК РФ мы бы изложили следующим образом:

Ст. 61 УК РФ «Обстоятельства, смягчающие наказание».

л) заключение медиативного соглашения с потерпевшим в ходе предварительного расследования

Ст. 62 УК РФ «Назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств».

6. В случае заключения медиативного соглашения с потерпевшим в ходе предварительного расследования, предусмотренного пунктом «л» части 1 статьи 61 настоящего Кодекса, и отсутствии отягчающих обстоятельств, срок или размер наказания не могут превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса.

7. Положения части шесть настоящей статьи не применяются, если соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса предусмотрены пожизненное лишение свободы или смертная казнь. В этом случае наказание назначается в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части настоящего Кодекса.

Безусловно, мы не можем избежать введения ст. 76.3 УК РФ, которая, по нашему мнению, получила бы следующее содержание:

Ст. 76.3 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с заключением медиативного соглашения».

1. Лицо, впервые совершившее преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно заключило медиативное соглашение.

2. Под медиативным соглашением в настоящей статье следует понимать добровольное письменное соглашение между потерпевшим и обвиняемым, а равно подозреваемым, заключенное при содействии независимого посредника (медиатора) с целью разрешения материального и (или) нравственного конфликта, возникшего между ними при совершении преступления.

3. Медиативное соглашение может являться основанием для прекращения уголовного дела только по преступлениям небольшой и средней тяжести, совершенным впервые.

4. При совершении тяжкого или особо тяжкого преступления впервые медиативное соглашение может являться только смягчающим обстоятельством.

Немало важным видится установление разумных сроков принятия стороной проведения медиативной процедуры и заключения данного соглашения. Срок предварительного следствия и дознания по общему основанию, закрепленному в ст. 162 и ст.

223 УПК РФ, составляет не более 2 месяцев (для следствия) и в течение 30 суток (для дознания) со дня возбуждения уголовного дела [7]. Мы предлагаем установить следующие сроки для проведения медиативной процедуры:

- Выражение потерпевшим или обвиняемым желания о проведении процедуры медиации путем письменной подачи предложения об обращении к процедуре медиации – не более 10 дней (для следствия) и 5 дней (для дознания) со дня возбуждения уголовного дела.

- Принятие потерпевшим или обвиняемым желания одной из сторон о проведении процедуры медиации – не более 10 дней (для следствия) и 5 дней (для дознания) со дня подачи предложения об обращении к процедуре медиации. В случае игнорирования такого предложения, такое предложение считается отклоненным.

- Заключение медиативного соглашения – в течение 35 дней (для следствия) и 15 дней (для дознания) со дня удовлетворения письменного предложения об обращении к процедуре медиации. В случае просрочки сроков заключения медиативного соглашения, такое соглашение считается не достигнутым.

Мы оставляем 5-дневный запас от общих сроков окончания проведения предварительного расследования с целью возможности процессуального оформления необходимых документов для составления обвинительного заключения или вынесения постановления о прекращении уголовного дела без продления сроков проведения расследования, предусмотренных ч.ч. 3-4 ст. 223 и ст. 162 УПК РФ.

Такие сроки идут в разрез со ст. 13 ФЗ № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», которые устанавливают стандартный срок проведения медиации – 60 дней с возможностью продления до 180 дней. Однако мы ориентируемся на особенности уголовного судопроизводства, в котором предмет возмещения ущерба, как правило, имеет более четкие контуры, а сам уголовный процесс существует в более строгих процессуальных рамках, напрямую взаимодействуя с ограничением прав и свобод личности.

Разбирая организационную сторону данного вопроса, мы отмечаем, что создается необходимость создания института профессиональных медиаторов, имеющих специализацию в области уголовного права. Для создания штата данных специалистов необходимо активнее интегрировать в систему высшего образования смежные дисциплины, охватывающие методологию преодоления конфликтов на правовой почве. Таким базисом для профессии медиатора может являться конфликтология, которая становится все популярнее в рамках смещения юридических и психологических наук. На базе данного образования лицо может пройти процедуры повышения квалификации и стать медиатором в уголовном судопроизводстве. Интересным представляется идея В.Е. Градского о возможности предоставлять право на осуществление медиации на профессиональной основе адвокатами, так как они осуществляют универсальную деятельность и имеют необходимую правовую квалификацию [5, с. 12]. Также мы можем прибегнуть к возможности привлечения к медиативным услугам судей в отставке, которая закреплена в ч. 1.1 ст. 16 ФЗ № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».

Коммерческая основа оказания медиативных услуг также является весомой проблемой для внедрения данного института в уголовное право. Сумма нанесенного ущерба может быть кратно ниже стоимости услуг медиатора, что уменьшает целесообразность применения данной процедуры. Данная проблема может решаться через создание медиативных центров на государственной основе, которые при должной реализации смогли бы обеспечить гибкость при применении института медиации, выводя его за пределы коммерческой плоскости.

Нельзя не отметить низкий уровень освещенности института медиации и доверия в России. По данным исследования применения процедуры медиации интернет-порталом «Право.ru» за 2025 год, наиболее важной проблемой по версии юристов и медиаторов является «недостаток информации о процедуре». Данный вариант набрал 69% и 38% от

числа опрошенных юристов и медиаторов [8]. Мы полагаем, что единственно правильное противоядие для данной проблемы – это более активное освещение в СМИ и интернет-пространстве процедуры медиации и ее особенностей. Проблематично без взвешенной и соответствующей времени огласки создать устойчивое позитивное социальное мнение о государственных изменениях в правовой сфере.

Подводя итоги, институт медиации в российском уголовном процессе – это кардинально новый подход в рамках устойчивой и консервативной правовой системы. Данный институт при создании полного нормативно-правового регулирования и качественной практической реализации способен существенно увеличить уровень социального доверия к правосудию, при соблюдении ключевой цели наказания преступника, закрепленной в ч. 2 ст. 43 УК РФ – восстановление социальной справедливости. В основе медиации лежит ключевой компонент любой социальной организации – это межличностный диалог в поисках консенсуса. Интеграция института медиации в уголовное судопроизводство Российской Федерации станет одним из ключевых маркеров нового витка развития государственно-социального партнерства.

Список литературы

1. Федеральный закон от 27.07.2010 N 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». – Текст: электронный // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (дата обращения: 22.02.2026).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026). – Текст: электронный // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 22.02.2026).
3. Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел за 1 полугодие 2025 года. – Текст: электронный // URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=9303> (дата обращения: 22.02.2026).
4. Маликова, Н. В. Есть ли перспективы у института медиации в уголовном процессе России? / Н. В. Маликова // Научные исследования преступления и наказания. – 2025. – №. 2. – С. 45-48.
5. Градский, В. Е. Медиатор как участник уголовного процесса в Российской Федерации / В. Е. Градский // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2022. – №. 1 (33). – С. 10-14.
6. Щербина, А. А. Роль медиации в уголовном процессе / А. А. Щербина // Человек. Социум. Общество. – 2024. – №. 4. – С. 189-196.
7. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026). – Текст: электронный // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 22.02.2026).
8. Каменская Р., Малаховский А. Проблемы медиации в России: что мешает развитию процедуры и как это изменить. – Текст: электронный // URL: <https://pravo.ru/story/258437/> (дата обращения: 22.02.2026).

**ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ
В СИСТЕМЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТРАНСГРАНИЧНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Мелешко Евгений Сергеевич, студент

Белорусский государственный университет транспорта, Гомель, Беларусь

zabkov06@gmail.com

Патапейка Илья Денисович, студент

Белорусский государственный университет транспорта, Гомель, Беларусь

patap24patap@gmail.com

Научный руководитель: Путятю Ольга Васильевна, старший преподаватель

Белорусский государственный университет транспорта, Гомель, Беларусь

olga_putyato-81@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу правового регулирования, организационной структуры и практических аспектов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) таможенных органов Республики Беларусь и Российской Федерации в сфере противодействия трансграничной преступности. Рассмотрены ключевые нормативно-правовые акты, основные принципы ОРД, примеры практического применения и сравнительная характеристика механизмов взаимодействия с другими правоохранительными субъектами, а также проблемные аспекты и перспективы совершенствования.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, таможенные органы, трансграничная преступность, нормативно-правовое регулирование, оперативно-розыскные мероприятия, международное сотрудничество, Республика Беларусь, Российская Федерация, правоприменительная практика

Оперативно-розыскная деятельность – это совокупность мероприятий, выполняемых публично и негласно уполномоченными государственными органами с целью предупреждения, выявления, пресечения и раскрытия преступлений, установления лиц, их совершивших, а также получения информации, представляющей интерес для защиты общества и государства от преступных посягательств.

В таможенной сфере ОРД становится ключевым инструментом борьбы с трансграничной преступностью, включая контрабанду наркотиков, оружия, стратегических материалов и иных запрещенных товаров. ОРД тесно связана с уголовным процессом, хотя не является его частью, и направлена на получение оперативной информации, используемой для принятия процессуальных решений в ходе расследования преступлений.

В Республике Беларусь основным правовым актом, регулирующим ОРД, является Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» (в ред. от 02.07.2023). Закон определяет содержание ОРД, основные задачи, принципы, порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий и гарантии соблюдения прав граждан [1].

До вступления в силу этого закона действовал Закон Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 289-З «Об оперативно-розыскной деятельности», утраченный в 2015 г. Нормативный акт базируется на Конституции Республики Беларусь и международных договорах, обязательства которых страна принимает, и регулирует как публичные, так и тайные мероприятия (ст. 9 и 10).

Закон предусматривает правоохранительные и специальные органы, в том числе подразделения таможенных органов, на проведение ОРД в целях выявления лиц, готовящих преступления, и выявления угроз экономическим интересам государства [1].

Кроме того, основным актом, определяющим таможенный правовой режим и полномочия таможенных органов, является Закон Республики Беларусь от 10 января 2014 г. № 129-З «О таможенном регулировании в Республике Беларусь», содержащий нормы о правоприменительной и правоохранительной деятельности таможи [2].

В Российской Федерации ОРД регулируется федеральным законодательством, главным образом Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», который и определяет порядок и условия проведения ОРМ всеми уполномоченными государственными органами, включая таможенные службы [3].

Особенности деятельности таможенных органов регламентируются также Таможенным кодексом Российской Федерации, где в статьях 224–226 закреплены полномочия таможи по расследованию преступлений таможенной компетенции. Помимо этого, важное значение имеют положения Конституции Российской Федерации, отражающие принцип законности деятельности правоохранительных органов.

ФЗ № 144-ФЗ устанавливает принципы ОРД (законность, уважение прав личности, сочетание гласных и негласных методов), виды оперативно-розыскных мероприятий и ответственность за нарушение законодательства [3].

В Республике Беларусь оперативно-розыскная деятельность таможенных органов осуществляется специально уполномоченными подразделениями Государственного таможенного комитета (далее – ГТК), включая подразделения по борьбе с контрабандой и внутренние службы безопасности. Эти подразделения действуют в пределах компетенции, определенной руководителем ГТК, и используют ОРМ для выявления и пресечения преступлений, отнесенных к компетенции таможи.

В России в рамках таможенных органов также сформированы специализированные оперативно-розыскные подразделения, входящие в систему Федеральной таможенной службы (далее – ФТС). Они действуют на основе полномочий, указанных в Таможенном кодексе РФ и Законе об ОРД, и имеют возможность применять комплекс оперативно-розыскных мероприятий для пресечения преступлений экономической и таможенной направленности [3].

Российские таможенные органы регулярно используют негласные оперативно-розыскные мероприятия (контролируемая поставка, оперативные закупки, наблюдение) при раскрытии преступлений, связанных с контрабандой наркотических средств посредством международных перевозок. Эти мероприятия позволяют получить доказательства, необходимые для возбуждения уголовного дела и последующего судебного преследования.

В Беларуси одним из типичных случаев применения ОРД является выявление схем незаконного вывоза стратегических материалов с использованием фиктивной документации. Специальные оперативные мероприятия, проведенные подразделениями ГТК в сочетании с международным сотрудничеством, позволили пресечь каналы противоправной деятельности и передать материалы о преступлении в суд.

Трансграничная преступность требует взаимодействия и обмена информацией между таможенными службами различных стран. Россия и Беларусь, как члены Евразийского экономического союза, осуществляют обмен оперативными данными и совместное расследование некоторых преступных схем на территории ЕАЭС. Это осуществляется на основе международных договоров, в том числе документов Союза, и взаимных соглашений о правовой помощи и взаимодействии по уголовным делам.

Несмотря на наличие нормативной базы и практического опыта, существуют проблемы, связанные с соблюдением прав человека при проведении негласных мероприятий, организацией межведомственного взаимодействия и использованием цифровых технологий. Перспективы совершенствования связаны с усилением международной координации, развитием аналитических инструментов и подготовкой квалифицированных оперативных кадров [4].

Несмотря на активное сотрудничество и наличие правовой базы, на практике оперативно-розыскная деятельность таможенных органов сталкивается с рядом значимых проблем:

Хотя Республика Беларусь и Российская Федерация имеют развитую законодательную базу ОРД (включая Федеральный закон РФ №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и Закон Республики Беларусь №307-З «Об оперативно-розыскной деятельности»), существуют различия в процессуальных требованиях и межведомственном взаимодействии, что затрудняет мгновенное применение совместных оперативно-розыскных мероприятий на практике.

Несмотря на создание рабочих групп и механизмов обмена данными, информационный обмен все еще ограничен несовместимостью баз данных, техническими барьерами и процедурными сложностями, что может замедлять выявление трансграничных преступных сетей.

Различия в практике применения негласных ОРМ (например, контролируемая поставка, оперативные закупки) ведут к разной оценке оперативных доказательств в уголовном процессе, что требует дальнейшей унификации подходов.

ОРД предполагает использование негласных методов, что порождает риски нарушения прав и свобод граждан, особенно при трансграничных операциях, требующих согласования и соблюдения широкого спектра процедурных гарантий.

Пути решения выявленных проблем:

1. Усиление унификации правовых норм и совместных стандартов ОРД. Необходимо продолжать работу по гармонизации законодательства в сфере ОРД между Беларусью и РФ, улучшать общие процессуальные стандарты, что позволит ускорить и упростить совместные действия.

2. Создание высокотехнологичных платформ обмена данными. Развитие единых электронных платформ обмена оперативно-розыскной информацией поможет устранить технические барьеры и обеспечить более оперативное взаимодействие таможенных служб двух стран.

3. Повышение квалификации кадров и совместные тренинги. Организация регулярных учебных программ, обмена опытом и тренингов, в т.ч. с участием международных экспертов, поспособствует укреплению профессиональных компетенций сотрудников таможенных ОРП и улучшению качества оперативной работы.

4. Развитие международных форматов сотрудничества. Расширение участия в международных совместных операциях по обмену информацией и оперативным данным, а также включение в крупные международные инициативы по борьбе с транснациональной преступностью.

Примеры совместной деятельности Республики Беларусь и Российской Федерации.

В декабре 2025 г. российские и белорусские таможенные органы совместно с российскими правоохранительными службами пресекли деятельность транснациональной преступной сети, которая пыталась незаконно провезти более 135 кг гашиша через территорию Беларуси в РФ; при этом задержаны участники преступной группы, материалы переданы в уголовное производство [5].

В августе 2025 г. в совместной операции таможен Беларуси и России, в том числе с участием российских спецслужб, было изъято более 637 кг особо опасного психотропного вещества 4-SMS, обнаружено на белорусско-латвийской границе и задержано несколько участников группы преступников. [5]

В рамках сотрудничества Генеральная прокуратура Российской Федерации и Генеральная прокуратура Республики Беларусь провели рабочую встречу в Минске, посвященную борьбе с наркотрафиком и обмену опытом в координации совместных действий [6].

Аналогичная встреча представителей надзорных подразделений двух стран проводилась в Москве с участием транспортных и таможенных прокуратур, направленная на укрепление взаимодействия в сфере соблюдения законодательства в таможенной сфере. [6]

В рамках Союзного государства России и Беларуси подписано решение о создании рабочей группы по унификации таможенного контроля, целью которой является унификация подходов к мониторингу, анализу рисков и обмену информацией по перемещению товаров и транспортных средств. [6]

Надзорные органы Союзного государства регулярно оказывают взаимную правовую помощь в уголовном преследовании, обменявшись за несколько лет более чем 250 уголовными

делами, что позволяет обеспечить принцип непрерывности уголовного преследования и привлечения к ответственности преступников, действующих на территории соседней страны. [5]

Проведенный анализ показывает, что оперативно-розыскная деятельность таможенных органов Республики Беларусь и Российской Федерации является ключевым элементом системы противодействия трансграничной преступности. Совместные операции по пресечению незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и иных запрещенных товаров подтверждают высокую эффективность координации действий правоохранительных структур двух государств. Практика проведения согласованных оперативных мероприятий свидетельствует о наличии устойчивых каналов межведомственного взаимодействия и доверительного обмена информацией.

В то же время выявленные проблемы демонстрируют необходимость дальнейшей гармонизации правовых механизмов и процедур проведения оперативно-розыскных мероприятий. Различия в процессуальном регулировании, особенностях документирования результатов оперативных мероприятий и порядке их использования в уголовном процессе требуют унификации подходов, особенно в условиях интеграционных процессов в рамках Союзного государства и Евразийского экономического союза.

Практические примеры совместных операций показывают, что наиболее результативными являются меры, основанные на предварительном обмене аналитической информацией, согласованном проведении контролируемых поставок и создании межведомственных рабочих групп. Это подтверждает, что противодействие транснациональной преступности невозможно без постоянного оперативного взаимодействия, синхронизации действий и единой стратегии реагирования.

Кроме того, анализ свидетельствует о необходимости дальнейшего технологического развития информационных систем таможенных органов, создания интегрированных цифровых платформ и расширения использования риск-ориентированных моделей анализа. Усиление кадровой подготовки и проведение совместных учебных мероприятий также являются важным фактором повышения эффективности оперативно-розыскной деятельности.

Таким образом, совместная деятельность Республики Беларусь и Российской Федерации в сфере оперативно-розыскной работы таможенных органов демонстрирует положительные результаты, однако требует дальнейшего совершенствования правового регулирования, организационных механизмов и технического обеспечения. Перспективы развития данного направления связаны с углублением интеграции, расширением международного сотрудничества и внедрением современных аналитических и цифровых технологий в практику оперативно-розыскной деятельности.

Список литературы

1. Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Респ. Беларусь от 15.07.2015 № 307-З (ред. действующая). – Текст: электронный // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by> (дата обращения: 18.02.2026).
2. О таможенном регулировании в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 10.01.2014 № 129-З (ред. действующая). – Текст: электронный // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by> (дата обращения: 18.02.2026).
3. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон Рос. Федерации от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. действующая). – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.02.2026).
4. Козловский, А. Ю. Взаимодействие оперативно-розыскных подразделений таможенных органов России с иными субъектами оперативно-розыскной деятельности / А. Ю. Козловский // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2012. – № 4. – С. 98–105.
5. О совместных мерах по противодействию незаконному обороту наркотиков на территории Союзного государства. – Текст: электронный // Официальный сайт Федеральной таможенной службы Российской Федерации. – URL: <https://customs.gov.ru> (дата обращения: 18.02.2026).
6. О взаимодействии Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Генеральной прокуратуры Республики Беларусь в сфере борьбы с транснациональной преступностью. – Текст: электронный // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – URL: <https://epp.genproc.gov.ru> (дата обращения: 18.02.2026).

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЕЛЫ В МЕТОДОЛОГИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ НАУКИ

Миронова Евгения Юрьевна, студентка

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия
tsp011@mail.ru

Научный руководитель: Яшин Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент
Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия
sergei-yashin@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются теоретические пробелы в методологии оперативно-розыскной науки как самостоятельной отрасли знаний. На основе анализа научных публикаций и диссертационных исследований 2020–2025 годов установлены ключевые пробелы: фрагментарность теоретических основ, обусловленная ведомственной разобщенностью; недостаточная разработанность методологии с учетом цифровой трансформации; формальный подход к декларированию методов исследования; разрыв между фундаментальными разработками и практикой оперативных подразделений. **Ключевые слова:** оперативно-розыскная наука, методология, теоретические пробелы, ведомственная разобщенность, цифровая трансформация, межведомственная интеграция

Оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД) как относительно молодая отрасль научного знания прошла сложный путь становления – от раздела криминалистики до самостоятельной научной и учебной дисциплины [1]. В современный период, характеризующийся цифровой трансформацией всех сфер общественной жизни, усложнением криминальных угроз, появлением новых форм транснациональной преступности, методологический аппарат оперативно-розыскной науки требует критического переосмысления и обновления.

Актуальность темы подтверждается рядом факторов. Во-первых, как отмечает П.И. Иванов, проблемы методологии теории ОРД «еще слабо проработаны особенно с учетом коренных изменений, обусловленных прежде всего цифровой трансформацией» [2, с. 422]. Во-вторых, в диссертационных исследованиях по специальности 5.1.4 «Уголовно-правовые науки» наблюдается формальный подход к декларированию методов исследования, что снижает качество научных работ и их практическую значимость [3]. В-третьих, исследователи констатируют наличие негативных тенденций: разделение единой теории ОРД на относительно независимые ведомственные теории и стремление к их изоляции [4, с. 57].

Теоретические основы ОРД закладывались в трудах А.И. Алексеева, Д.В. Гребельского, А.Г. Лекаря, В.А. Лукашова, С.С. Овчинского, Г.К. Сенилова, А.Ю. Шумилова. В последние годы появились исследования, посвященные информационно-аналитическому сопровождению ОРД в цифровом мире [5], методологическим аспектам взаимосвязи уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной информации [6], а также применению количественных методов оценки ситуаций неопределенности [7]. Однако комплексного исследования теоретических пробелов в методологии оперативно-розыскной науки, выполненного на современном этапе, не проводилось.

Целью настоящей работы является выявление и систематизация теоретических пробелов в методологии оперативно-розыскной науки, а также определение перспективных направлений их восполнения. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- проанализировать современное состояние методологического аппарата оперативно-розыскной науки;

- выявить основные пробелы и проблемные аспекты методологии;
- определить факторы, обуславливающие существование теоретических пробелов;
- предложить пути совершенствования методологической основы оперативно-розыскной науки.

Проведенный анализ научных публикаций позволяет выделить несколько ключевых направлений исследования методологии оперативно-розыскной науки.

Первое направление представлено работами, посвященными общетеоретическим основам методологии ОРД. П.И. Иванов определяет методологию как «ядро любой отрасли знания», включающее концептуально важные компоненты: систему научных методов и принципов, обобщенные способы организации теоретической и практической деятельности [2, с. 423]. Автор подчеркивает необходимость демонстрации новых методологических подходов с учетом интеграции научного и прикладного знаний в период социальных трансформаций. В статье Академии ФСИН России (2022) раскрываются базовые методы научного исследования, рекомендуемые для комплексного изучения проблем ОРД, и обосновывается вывод о необходимости неформального подхода к декларированию методов [3].

Второе направление составляют исследования, анализирующие современные тенденции развития теории ОРД. С.Х. Шамсунов и А.В. Агарков (2024) выделяют две негативные тенденции: разделение единой теории на ведомственные теории и стремление к их изоляции [4, с. 58]. Авторы указывают на причины этих явлений: усложненная процедура передачи информации, содержащей научные результаты в области охраняемых сведений; исключительная практико-ориентированность исследований; отсутствие возможности публичного обмена мнениями в специализированных изданиях; снижение количества научно-представительских мероприятий; требование публикационной активности как предпосылка к увеличению недостаточно качественных публикаций [4, с. 59].

Третье направление связано с методологией использования результатов ОРД в уголовном процессе. В статье «Антикриминальное познание как методологическая основа взаимосвязи уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной информации» (2025) вводится новая методологическая категория – антикриминальное познание, охватывающая как уголовно-процессуальную, так и оперативно-розыскную познавательную деятельность [6]. Автор обосновывает необходимость устранения методологического разрыва между формами юридического познания.

Четвертое направление представлено исследованиями, внедряющими количественные методы в методологию ОРД. П.Л. Боровик и С.В. Пилюшин (2025) предлагают вероятностно-статистический подход, позволяющий формализовать процесс принятия решений на основе расчета вероятностей и учета факторов риска [7, с. 86]. В статье Е.А. Окуновой (2016) рассматриваются математические модели принятия решений в условиях определенности [8]. И.В. Орлова (2021) исследует использование пакета Prophet в прогнозировании временных рядов [9].

Пятое направление связано с информационно-аналитическим сопровождением ОРД в условиях цифровой трансформации. А.С. Овчинский, В.Д. Кондратьев, К.К. Борзунов (2018) анализируют перспективные направления оперативно-розыскной аналитики в цифровом мире, включая формирование ресурсов и обработку потоков данных в цифровом виде [5, с. 224].

Анализ литературы показывает, что, несмотря на наличие фундаментальных исследований, вопросы методологии ОРД остаются дискуссионными, а теоретические пробелы требуют системного осмысления.

Основной массив проанализированных источников охватывает период 2020–2025 годов, что позволяет отразить современное состояние методологии оперативно-розыскной науки и выявить актуальные тенденции ее развития.

Проведенный анализ позволяет систематизировать теоретические пробелы в методологии оперативно-розыскной науки по следующим основаниям.

1. Фрагментарность теоретических основ и ведомственная разобщенность.

Ключевой проблемой, отмечаемой большинством исследователей, является отсутствие единой теории ОРД. Как указывают С.Х. Шамсунов и А.В. Агарков, «на начальном этапе существовали два основных ведомственных направления ее развития, представленные органами государственной безопасности и органами внутренних дел» [4, с. 56]. В настоящее время эта разобщенность не только сохранилась, но и усилилась.

Анализ причин ведомственной разобщенности позволяет выделить:

- информационную закрытость – усложненная процедура передачи информации, содержащей научные результаты в области охраняемых сведений, препятствует межведомственному обмену [4, с. 58];
- ведомственную ориентацию исследований – исключительная практико-ориентированность научных разработок, проводимых по заказам органов-учредителей, ограничивает их теоретическое значение;
- отсутствие открытых дискуссионных площадок – недостаток межведомственных научных мероприятий и специализированных изданий, доступных для широкого обмена мнениями [4, с. 59].

Данный пробел проявляется в том, что теория ОРД фактически представляет собой совокупность ведомственных теорий, каждая из которых развивается в относительной изоляции, что препятствует формированию целостной методологической основы.

2. Недостаточная разработанность методологии с учетом цифровой трансформации.

П.И. Иванов констатирует, что проблемы методологии теории ОРД «еще слабо проработаны особенно с учетом коренных изменений, обусловленных прежде всего цифровой трансформацией» [2, с. 424]. Цифровизация создает принципиально новую среду для оперативной работы, что требует адекватного методологического обеспечения.

А.С. Овчинский с соавторами отмечают: «Оперативная работа в этих условиях все глубже погружается в новые информационные сферы. Если раньше ее средой были социальные коммуникации и отношения людей, отражающие криминальные явления в реальном мире, то современная оперативно-розыскная деятельность уже немыслима без обращения к информационным ресурсам Интернета» [5, с. 223].

К числу методологических проблем цифровой эпохи относятся:

- отсутствие теоретически обоснованных моделей работы с большими данными (Big Data) в оперативно-розыскной деятельности;
- неразработанность методологии аналитической разведки в сети Интернет, включая «темные» сегменты;
- пробелы в теории идентификации в цифровой среде, где традиционные криминалистические подходы требуют существенной корректировки.

3. Формальный подход к декларированию методов исследования.

В статье Академии ФСИН России (2022) обосновывается вывод о том, что «методы научного познания при подготовке диссертационных и иных научных работ должны изучаться и декларироваться соискателями не формально, а быть привязаны непосредственно к предмету исследования, использоваться для получения научных результатов, обоснования их новизны, достоверности и значимости» [3].

4. Разрыв между фундаментальными разработками и практикой.

Несмотря на наличие фундаментальных теоретических разработок, наблюдается их слабая востребованность в практической деятельности оперативных подразделений. Как отмечает П.И. Иванов, «выборочное изучение затронутой нами проблемы показало, что она еще слабо проработана» [2, с. 425].

Причины этого разрыва:

- сложность и абстрактность теоретических построений, затрудняющих их практическое применение;
- отсутствие механизмов внедрения научных результатов в оперативно-служебную деятельность;

- недостаточная связь научных исследований с реальными запросами практики;
- ведомственная закрытость, препятствующая апробации разработок в различных структурах.

5. Пробелы в методологии оценки ситуаций неопределенности.

Оперативно-розыскная деятельность характеризуется высокой степенью неопределенности. П.Л. Боровик и С.В. Пилюшин отмечают: «В условиях профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел ситуационная неопределенность возникает вследствие недостаточности или противоречивости данных, что затрудняет объективную оценку обстановки и выбор оптимального решения» [7, с. 85].

Анализ методов оценки неопределенности, применяемых в ОРД, выявляет следующие проблемы:

- доминирование качественных экспертных оценок при недостаточном использовании количественных методов;
- отсутствие адаптированных к условиям оперативной работы вероятностно-статистических моделей;
- неразработанность критериев оптимальности для устранения противоречий в практике применения методов анализа ситуации;
- субъективизм при оценке рисков и прогнозировании результатов оперативно-розыскных мероприятий.

6. Методологический разрыв между оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельностью.

Как отмечается в статье «Антикриминальное познание...», «сложившаяся разобщенность между процессуальной и непроцессуальной формами юридического познания препятствует выработке согласованного подхода к использованию информации о преступной деятельности» [6].

Данный пробел проявляется в:

- отсутствии единой методологической основы для трансформации оперативно-розыскной информации в уголовно-процессуальные доказательства;
- теоретической неопределенности критериев допустимости результатов ОРД в уголовном процессе;
- противоречиях между принципами оперативно-розыскной (конспирация, негласность) и уголовно-процессуальной (гласность, состязательность) деятельности.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы.

Теоретические пробелы в методологии оперативно-розыскной науки носят системный характер и включают:

- фрагментарность теоретических основ, обусловленную ведомственной разобщенностью;
- недостаточную разработанность методологии с учетом цифровой трансформации;
- формальный подход к декларированию методов исследования в диссертационных работах;
- разрыв между фундаментальными разработками и практикой оперативных подразделений; пробелы в методологии оценки ситуаций неопределенности; методологический разрыв
- между оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельностью; неопределенность категориально-понятийного аппарата.

Особого внимания требует преодоление формального подхода к методологии в диссертационных исследованиях. Необходимо разработать методические рекомендации по обоснованию методов исследования применительно к различным направлениям оперативно-розыскной науки, а также усилить требования к методологической составляющей при оценке качества диссертационных работ.

Теоретические пробелы в методологии оперативно-розыскной науки представляют собой серьезное препятствие для ее дальнейшего развития и повышения эффективности

практической деятельности оперативных подразделений. Преодоление этих пробелов требует консолидации усилий ученых и практиков всех ведомств, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, разработки единой методологической концепции, учитывающей как традиционные подходы, так и вызовы цифровой эпохи.

Системное восполнение выявленных пробелов позволит поднять оперативно-розыскную науку на качественно новый уровень, обеспечив ее методологическую состоятельность, практическую востребованность и соответствие современным реалиям противодействия преступности.

Список литературы

1. Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: материалы всероссийской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 28 ноября 2019 г.) / под ред. А. В. Шахматова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2019. – 315 с. – EDN KFXOUU.
2. Иванов, П. И. Методологическая основа построения теории ОРД / П. И. Иванов // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 9 (237). – С. 422–426. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_422.
3. Методологический аспект научного исследования оперативно-розыскной деятельности и средств ее обеспечения [Электронный ресурс] // Editorum. – 2022. – 16 декабря. – С. 534–545. – URL: <https://mcp.editorum.ru/ru/nauka/article/57450/view> (дата обращения: 19.02.2026).
4. Шамсунов, С. Х. Современные тенденции развития теории оперативно-розыскной деятельности: постановка проблемы / С. Х. Шамсунов, А. В. Агарков // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. – 2024. – № 4. – С. 56–61.
5. Овчинский, А. С. Информационно-аналитическое сопровождение ОРД в цифровом мире / А. С. Овчинский, В. Д. Кондратьев, К. К. Борзунов // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 5. – С. 222–226.
6. Антикриминальное познание как методологическая основа взаимосвязи уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной информации [Электронный ресурс] // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2025. – № 3. – С. 150–155. – URL: <https://vestnikspbmvd.ru/ru/nauka/article/98968/view> (дата обращения: 19.02.2026).
7. Боровик, П. Л. Модель прогнозирования успешного разрешения ситуаций неопределенности в оперативно-розыскной деятельности / П. Л. Боровик, С. В. Пилюшин // Вестник Полоцкого государственного университета. – 2025. – № 2. – С. 85–90. – DOI 10.52928/2070-1632-2025-71-2-85-90.
8. Окунева, Е. А. Математические модели принятия решений в условиях определенности / Е. А. Окунева // Инновационная наука. – 2016. – № 3-2 (15). – С. 154–156.
9. Орлова, И. В. Прогнозирование временных рядов с использованием пакета Prophet / И. В. Орлова // Вестник науки. – 2021. – Т. 4, № 5 (38). – С. 45–51.
10. Критерии оптимальности для устранения противоречий в практике применения метода анализа ситуации в оперативно-розыскной деятельности // Российский следователь. – 2024. – № 8. – С. 35–38. – DOI 10.18572/1812-3783-2024-8-35-38.

ИДЕЯ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ

Павлинов Архип Павлович, студент

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

tsp011@mail.ru

Научный руководитель: Яшин Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

sergei-yashin@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется идея индивидуализации как фундаментальная категория уголовно-процессуального права. На основе анализа научных источников и действующего законодательства установлено, что индивидуализация относится к числу фундаментальных идей, образующих системную основу уголовного судопроизводства. Обоснована разноуровневая система идей, в которой идея индивидуализации занимает особое место.

Ключевые слова: идея индивидуализации, система идей, дифференциация уголовно-процессуальной формы, комбинаторность формы, права участников уголовного судопроизводства

К числу его основополагающих начал уголовного процесса традиционно относят идеи гуманизма, справедливости и публичности. Указанные идеи обладают правовым статусом принципов, хотя отдельные из них, не получившие прямого законодательного закрепления, продолжают оставаться предметом научной полемики.

Предназначение идей в уголовном процессе видится в том, что они служат основой для формирования абстрактного, но вместе с тем желаемого образа - идеальной модели судопроизводства и достигаемого в его рамках результата. Представленная учеными формула «идея - процессуальное правило» получила широкое признание в научном сообществе [4, с. 152].

Принципы, нашедшие отражение в главе 2 УПК РФ, представляют собой ту конструктивную основу, которая определяет как общие параметры, так и конкретное содержание уголовно-процессуальных механизмов. Уголовный процесс, таким образом, пронизан системой идей, образующих его несущий «каркас». Именно этот каркас задает границы наполнения процесса конкретными правилами, содержание которых не может быть произвольным, будучи подчиненным идеям, выраженным и нормативно закрепленным законодателем [4, с. 160].

Указанные обстоятельства обуславливают актуальность настоящего исследования, которая заключается в необходимости теоретического осмысления места и роли идеи индивидуализации в системе уголовно-процессуальных идей, а также поиска новых направлений развития уголовно-процессуальной формы, основанных на реализации потенциала данной идеи.

Проблема индивидуализации в уголовном судопроизводстве имеет как научное, так и практическое измерение. С научной точки зрения, требуется разработка теоретически обоснованной концепции, определяющей сущность, содержание и место идеи индивидуализации в системе идей уголовного процесса. С практической стороны, реализация идеи индивидуализации позволяет создавать процессуальные механизмы, максимально учитывающие особенности конкретных уголовных дел и обеспечивающие баланс публичных и частных интересов.

В силу сложности и многогранности уголовно-процессуальных отношений построение целостной модели судопроизводства (включая как общую концепцию, так и

отдельные направления процессуальной деятельности - доказывание, обжалование, принуждение) не может базироваться исключительно на какой-либо одной идее-принципе.

Конструирование абстрактного образа и получение желаемого результата уголовного процесса предполагают наличие не простого набора, а именно системы принципов, структурно организованной таким образом, чтобы обеспечить единство формируемой модели.

Исходя из того, что различные идеи обладают неодинаковым содержательным объемом, представляется возможным говорить о многоуровневой структуре такой системы, где идеям-принципам отведен один из уровней. Исходя из этого, в качестве основной научной задачи настоящего исследования определено выявление места идеи индивидуализации в указанной системе и определение форм ее отражения в уголовно-процессуальном праве.

Непосредственная постановка проблемы идеи индивидуализации и ее отражения в уголовно-процессуальном праве осуществлена в статье, опубликованной в журнале «Мировой судья» [1]. Автор обосновывает необходимость уяснения смысла, содержания и процессуальной значимости идеи индивидуализации, а также использования ее потенциала, в частности посредством разработки и установления правил применения вариативных («гибридных») форм в судебной деятельности.

В исследовании С.С. Крипиневиц, обращенном к концепции «комбинаторности» уголовно-процессуальной формы, содержится значимый вклад в теоретическое осмысление процессуальной индивидуализации [6]. Авторская концепция базируется на новом подходе к развитию формы, исходным началом которого выступает принцип процессуальной индивидуализации, и предлагает рассматривать «комбинаторность» (комбинированность) в качестве одного из перспективных направлений модернизации уголовного судопроизводства. В работе подчеркивается, что традиционные направления дифференциации - усложнение и упрощение - при сохранении элементов конструктивизма характеризуются нарастающим замедлением темпов развития формы, вследствие чего возникающие проблемы аккумулируются и не находят решения в рамках имеющегося инструментария [6, с. 75].

В исследовании С.С. Крипиневиц, опубликованном в журнале «Актуальные проблемы российского права» (2025, No 3), раскрывается значение идеи индивидуализации для обеспечения прав участников уголовного судопроизводства [3]. Автор приходит к выводу, что реализация потенциала идеи индивидуализации позволяет создавать процессуальные механизмы, максимально учитывающие особенности конкретных уголовных дел и обеспечивающие баланс публичных и частных интересов.

Вопросы дифференциации уголовно-процессуальной формы и ее связи с индивидуализацией рассматриваются также в работах К.В. Муравьева, А.В. Смирнова, Ю.А. Цветкова и других авторов [5; 6].

Анализ литературы показывает, что, несмотря на наличие фундаментальных исследований, вопросы систематизации идей уголовного процесса и определения места идеи индивидуализации в этой системе требуют дальнейшего теоретического осмысления.

В наиболее общем виде идея может быть определена как форма постижения в мысли явлений объективной реальности, включающая в себя сознание цели и проекции дальнейшего познания и практического преобразования мира. Применительно к уголовному судопроизводству идеи выступают той основой, которая позволяет сформировать целостное представление о должном порядке производства по уголовным делам.

Идея индивидуализации относится к числу фундаментальных идей уголовного судопроизводства. Ее сущность заключается в необходимости учета при производстве по уголовному делу его индивидуальных особенностей, а также особенностей участвующих в деле лиц для достижения назначения уголовного судопроизводства и обеспечения прав и законных интересов участников.

Актуальность обращения к идее индивидуализации в уголовном судопроизводстве обусловлена несколькими факторами. Во-первых, сложность и многообразие современных уголовно-процессуальных отношений требуют построения целостной модели процесса на основе системно организованной совокупности идей, в которой идеи-принципы составляют лишь один уровень. Во-вторых, именно идея индивидуализации способна выступить теоретическим фундаментом для разработки вариативных («гибридных») форм судебной деятельности, позволяющих эффективно разрешать проблемы обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

В этой связи определение места идеи индивидуализации в системе уголовно-процессуальных идей и выявление форм ее реализации приобретают значение не только научной, но и практической задачи, отвечающей потребностям современного этапа развития уголовно-процессуального права.

В научной литературе предлагается следующая разноуровневая система идей:

- фундаментальные идеи (справедливость, гуманизм, публичность, индивидуализация и др.), определяющие сущностные характеристики уголовного судопроизводства; - идеи-принципы, закрепленные в гл. 2 УПК РФ, образующие «каркас» уголовного процесса;
- отраслевые идеи, характеризующие отдельные институты и стадии уголовного процесса;
- идеи-конструкции, лежащие в основе конкретных процессуальных механизмов.

В этой системе идея индивидуализации занимает место среди фундаментальных идей, что обусловлено ее значением для формирования целостной модели уголовного судопроизводства и обеспечения прав участников процесса.

Идея индивидуализации находит многогранное отражение в уголовно-процессуальном законодательстве. Можно выделить следующие основные формы ее проявления.

Во-первых, дифференциация уголовно-процессуальной формы. Как отмечается в литературе, активный научный поиск ведется в сфере возможного развития уголовно-процессуальной формы, основным вектором которого выступает дифференциация.

В соответствии со сложившимся подходом к дифференциации, дискуссии ведутся вокруг двух признанных, давно сформулированных и динамично развивающихся направлений:

- усложнения и упрощения уголовно-процессуальной формы. В основе дифференциации лежит именно идея индивидуализации;
- необходимость учета особенностей различных категорий уголовных дел и создания адекватных этим особенностям процессуальных механизмов.

Во-вторых, особый порядок производства по отдельным категориям уголовных дел.

Наиболее ярким проявлением индивидуализации выступают особые производства: по уголовным делам в отношении несовершеннолетних (гл. 50 УПК РФ), о применении принудительных мер медицинского характера (гл. 51 УПК РФ), в отношении отдельных категорий лиц (гл. 52 УПК РФ). Создание особых процедур для этих категорий дел обусловлено необходимостью учета возрастных, психофизических и иных особенностей участвующих лиц.

В-третьих, альтернативные (упрощенные) формы судопроизводства: особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением (гл. 40 УПК РФ), особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ), производство по уголовным делам, подсудным мировому судье (гл. 41 УПК РФ). Эти формы предоставляют участникам возможность выбора процедуры, наиболее соответствующей их интересам и особенностям конкретного дела.

В-четвертых, индивидуализация процессуальных решений. Проявляется в требовании учета при принятии процессуальных решений конкретных обстоятельств дела и личности участников. Так, при избрании меры пресечения учитываются тяжесть преступления,

сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства (ст. 99 УПК РФ).

В-пятых, усмотрение правоприменителя как форма реализации идеи индивидуализации. Предоставление следователю, дознавателю, прокурору, суду определенной свободы в выборе процессуальных решений в пределах, установленных законом, позволяет учитывать индивидуальные особенности конкретной ситуации.

В современной науке уголовного процесса обосновывается концепция «комбинаторности» (комбинированности) как перспективного направления модернизации уголовного судопроизводства, основанного на принципе процессуальной индивидуализации.

Сегодня становится очевидным, что традиционные направления дифференциации уголовно-процессуальной формы – усложнение и упрощение – исчерпали свой потенциал. Как отмечает С.С. Крипиневиц, при сохранении некоторых конструктивных элементов они демонстрируют все более замедляющееся развитие, а возникающие проблемы накапливаются, не находя разрешения доступными средствами [4, с. 74]. Данное обстоятельство актуализирует поиск принципиально новых подходов к развитию процессуальной формы, и в этой связи особую значимость приобретает концепция «комбинаторности», предполагающая гибкое сочетание форм под конкретную ситуацию.

Актуальность обращения к идее индивидуализации продиктована также потребностями правоприменительной практики в сфере защиты прав участников уголовного судопроизводства. Как справедливо констатируется в литературе, именно использование потенциала идеи индивидуализации, в частности через разработку правил применения вариативных («гибридных») форм в судебной деятельности, способно обеспечить эффективное решение проблем, связанных с реализацией прав и законных интересов [2, с. 10]. Тем самым идея индивидуализации выступает не абстрактной теоретической конструкцией, а востребованным механизмом совершенствования уголовно-процессуальной практики.

Значение идеи индивидуализации для обеспечения прав участников проявляется в следующих аспектах:

- создание процессуальных механизмов, учитывающих особенности различных категорий участников (несовершеннолетние, лица с психическими расстройствами, лица, обладающие особым правовым статусом);
- предоставление участникам возможности выбора процедуры, наиболее соответствующей их интересам (особый порядок, досудебное соглашение о сотрудничестве);
- индивидуализация применяемых мер процессуального принуждения с учетом личности участника;
- учет индивидуальных особенностей при оценке доказательств и принятии процессуальных решений.

По итогам проведенного исследования представляется возможным сформулировать ряд ключевых положений.

1. Идея индивидуализации принадлежит к категории фундаментальных начал уголовного судопроизводства, определяющих его сущностные параметры. В иерархии уголовно-процессуальных идей индивидуализация занимает место в ряду таких базовых ценностей, как справедливость, гуманизм и публичность.

2. Многоплановое проявление идея индивидуализации находит в уголовно-процессуальном законодательстве, реализуясь в следующих формах: дифференциация процессуальной формы; установление особого порядка производства по отдельным категориям дел; закрепление альтернативных (упрощенных) процедур судопроизводства; индивидуализация принимаемых процессуальных решений; предоставление правоприменителю определенной свободы усмотрения.

3. Дифференциация уголовно-процессуальной формы базируется на идее индивидуализации. При этом традиционно выделяемые направления дифференциации –

усложнение и упрощение – на современном этапе характеризуются замедлением темпов развития, что актуализирует необходимость выработки новых подходов.

4. Концепция «комбинаторности» (комбинированности) уголовно-процессуальной формы, разработанная на основе принципа процессуальной индивидуализации, выступает перспективным вектором модернизации уголовного судопроизводства. Ее реализация позволяет осуществлять «процессуальный маневр», не нарушая прав участников процесса.

5. Реализация потенциала идеи индивидуализации имеет принципиальное значение для обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, поскольку создает предпосылки для формирования процессуальных механизмов, максимально учитывающих специфику конкретных уголовных дел и индивидуальные особенности участвующих в них лиц.

Обобщая изложенное, следует констатировать, что идея индивидуализации выступает фундаментальной основой уголовно-процессуального права, пронизывающей все его институты и стадии. Ее значение для построения целостной модели уголовного судопроизводства и гарантирования прав участников процесса не подлежит сомнению. В современных условиях, отмеченных усложнением уголовно-процессуальной формы и активным поиском новых направлений ее развития, обращение к идее индивидуализации обретает особую значимость. Концепция «комбинаторности» уголовно-процессуальной формы, опирающаяся на принцип процессуальной индивидуализации, открывает дополнительные возможности для модернизации судопроизводства, обеспечивая гибкое сочетание процессуальных форм применительно к конкретной ситуации. Глубокое осмысление смысла, содержания и процессуального значения идеи индивидуализации, равно как и практическое использование заложенного в ней потенциала, создают основу для эффективного разрешения проблем, связанных с обеспечением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Идея индивидуализации и ее отражение в отечественном уголовно- процессуальном праве // Мировой судья. – 2025. – No 1. – С. 5–10. – DOI 10.18572/2072-4152- 2025-1-5-10.
2. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. / И. Я. Фойницкий. – 4-е изд. – Санкт-Петербург: Типография т-ва «Общественная Польза», 1912. – Т. 1. – 579 с.
3. Крипиневич, С. С. «Комбинаторность» уголовно-процессуальной формы, как возможное направление ее современного развития / С. С. Крипиневич // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2025. – Т. 22, No 4. – С. 74–81. – DOI 10.24147/1990-5173.2025.22(4)74-81.
4. Крипиневич, С. С. Идея индивидуализации и ее значение для обеспечения прав участников уголовного судопроизводства / С. С. Крипиневич // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – No 3. – С. 156–171. – DOI 10.17803/1994-1471.2025.172.3.156-171.
5. Муравьев, К. В. Уголовный процесс как форма применения уголовного закона / К. В. Муравьев // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2017. – No 1. – С. 3–9.
6. Смирнов, А. В. Альтернативная экспертиза в УПК. Вариант назначения следственным судьей / А. В. Смирнов // Уголовный процесс. – 2021. – No 2. – С. 42–49.

СУЩНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РОССИИ

Смолянинова Ольга Сергеевна, студентка

Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева (Центральный филиал), Воронеж, Россия

lelya.smolyaninova@internet.ru

Научный руководитель: Кургузкина Елена Борисовна, доктор юридических наук, доцент
Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева (Центральный филиал), Воронеж, Россия

torbagan1@mail.ru

Аннотация. В статье автор анализирует сущность института освобождения от уголовной ответственности, исследует проблемы применения норм об освобождении от уголовной ответственности по различным основаниям, в частности, в связи с назначением штрафа и примирением с потерпевшим. Перечень оснований освобождения от уголовной ответственности в законодательстве РФ сформулирован исчерпывающим образом, применение указанных норм предполагает соблюдение четко закрепленных в законе условий. Вместе с тем, ряд проблем законодательного и правоприменительного характера предопределяют актуальность исследуемой темы.

Ключевые слова: уголовный закон, уголовная ответственность, институт освобождения от уголовной ответственности, примирение, судебный штраф

Освобождение от уголовной ответственности применяется в различных странах с учетом законодательного закрепления видов и процедуры. Причем весьма распространенными основаниями, применяемыми в странах континентальной правовой семьи, являются истечение сроков давности, применение к несовершеннолетним мер воспитательного воздействия. Разумеется, указанные основания имеют специфику. В свою очередь, в странах англо-саксонской правовой семьи данный институт не получил значительного развития, в первую очередь, ввиду того, что основным источником права служит юридический прецедент, а нормы права отличаются низким уровнем систематизации.

Освобождение от уголовной ответственности, в частности в Российской Федерации, является отказом государства от ее реализации в отношении лица, совершившего преступление, а именно – от осуждения и наказания такого лица, что означает освобождение виновного лица от правовых последствий совершенного им преступления, от порицания, которое от имени государства объявляется обвинительным приговором суда, от наказания и от судимости.

Институт освобождения от уголовной ответственности призван снизить нагрузку на органы дознания, следствия, судебную систему, а также органы уголовно-исполнительной системы.

Думается, что данный институт является межотраслевым, хотя дискуссии относительно данного признака ведутся до сих пор. Ряд ученых отрицает межотраслевой характер данного института ввиду того, что нормы процессуального права имеют так называемый вспомогательный характер и направлены на обеспечение применения норм материального права, потому как освобождение от уголовной ответственности оформляется процессуальным актом с соблюдением условий освобождения от уголовной ответственности. От уголовной ответственности может быть освобождено лицо, обладающее следующим процессуально правовым статусом: подозреваемый, обвиняемый или подсудимый.

Ошибочно понимание, что освобождение от уголовной ответственности предполагает отказ от вынесения обвинительного приговора, потому как виновный может быть освобожден и следователем с согласия руководителя следственного органа, и дознавателем с согласия прокурора путем прекращения уголовного дела на стадии предварительного расследования.

Вместе с тем, ряд ученых утверждает о необходимости закрепления в законе возможности освобождения от уголовной ответственности властными участниками, выступающими на стороне обвинения, по всем материально-правовым основаниям, в связи с чем, предлагают восстановить в УПК РФ право на это прокурора. Думается, что такой порядок противоречит нормам Основного закона государства, в соответствии с которым правосудие в Российской Федерации осуществляется только судами. Освободить от уголовной ответственности можно лишь лицо, вина которого установлена именно судом.

Среди оснований освобождений от уголовной ответственности можно выделить:

- освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа;
- освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим;
- освобождение от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия;
- освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности и другие.

Думается, что для более детального изучения института освобождения от уголовной ответственности и формулирования проблем, которые возникают на стадии правоприменения, необходимо рассмотреть некоторые виды освобождения от уголовной ответственности.

Так, например, согласно ст. 104.4 УК РФ судебный штраф представляет собой денежное взыскание, назначаемое судом при освобождении лица от уголовной ответственности при следующих условиях, строго определенных в законе:

- если лицо впервые совершило преступление небольшой или средней тяжести;
- возместило ущерб потерпевшему или иным образом загладило причиненный преступлением вред. Данные условия являются взаимосвязанными и должны быть выполнены обвиняемым в полной мере, в противном случае лицо не может быть освобождено от уголовной ответственности в связи с уплатой штрафа [1].

Возмещение вреда, как указано в Постановлении Пленума Верховного суда РФ, может производиться разными способами, в денежной форме, в натуральной форме и пр. [2] Возмещению также подлежит моральный вред, который, согласно гражданскому законодательству, не является экономической категорией, не имеет материального выражения, определяется с учетом физических или нравственных страданий, которые были причинены лицу, которые он испытал в связи с совершением преступления и нарушением его прав, данное условие гарантирует восстановление прав потерпевшего, потому возмещение вреда должно отвечать требованиям соразмерности.

Не менее актуальным является вопрос, о возможности возмещения причиненного вреда не только лицом совершившим преступление, но и другими лицами по его просьбе или с его одобрения. Однако здесь следует снова оговориться, что возмещение вреда в определенной степени следует считать ответственностью лица, которая носит личный характер. И именно лицо, совершившее преступление, должно возместить ущерб посредством имеющихся у него в распоряжении материальных благ. Однако при более детальном изучении указанной проблемы законодатель по сути делает акцент на волеизъявление лица, направленного на заглаживание вреда потерпевшему с помощью материальных ресурсов третьих лиц при наличии их согласия. Некоторые юристы размышляют, возможно ли в таком случае утверждать о снижении общественной опасности личности, поскольку материальную ответственность фактически понесли другие лица.

Применение указанного условия возможно и в составах преступления, где такой признак, как наличие потерпевшего, отсутствует, при этом, Верховный суд делает акцент именно на заглаживании ущерба [2], под которым понимается восстановление положения,

которое существовало до нарушения права, однако данная категория не является абсолютной, поскольку в ряде случаев восстановление положения, существовавшего до нарушения права, невозможно.

Для применения такого основания, как примирение с потерпевшим необходимо соблюдение следующих условий:

- если лицо совершило преступление небольшой или средней тяжести впервые;
- лицо загладило вред, причиненный преступлением;
- виновное лицо примирилось с потерпевшим и потерпевший не возражает против прекращения уголовного дела [3].

Думается, что при применении норм об освобождении от уголовной ответственности в связи с уплатой штрафа и примирением с потерпевшим следует на законодательном уровне предусмотреть в качестве условий – утрату лицом общественной опасности.

В юридической практике нередки случаи, когда лицо освобождается от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, однако впоследствии вновь совершает преступление небольшой или средней тяжести. При исследовании данной проблемы с криминологической точки зрения, можно утверждать, что указанный факт явно свидетельствует о сохранении общественной опасности личности, а, например, при повторном совершении преступлений против собственности – о корыстной направленности деяний, а также о том, что лицо в определенной степени злоупотребляет своими правами [4; 43-44].

Представляется целесообразным закрепить в ст. 76 УК РФ дополнительное условие для применения вышеуказанного основания освобождения от уголовной ответственности, а именно - виновный должен перестать быть общественно опасным, как это определено, например, в ст. 75 УК РФ [5; 77-78].

Таким образом, институт освобождения от уголовной ответственности является сложной категорией уголовного права и процесса, предполагает отказ государства от ее реализации в отношении лица, совершившего преступление. Перечень оснований является закрытым. Условия применения каждого из видов оснований четко определены законодателем, вместе с тем, думается еще нуждаются в законодательной регламентации, в том числе законодательного закрепления в ст. 76 УК РФ, такого условия, как утрата лицом общественной опасности, регламентация порядка возмещения вреда именно лицом, совершившим преступление, с учетом требований соразмерности.

Список литературы

1. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: текст с изменениями и дополнениями на 20 февраля 2026г. [принят Государственной Думой 24 мая 1996, одобрен Советом Федерации 5 июня 1996] – Москва, Эксмо. 2026 – 288с. – (Актуальное законодательство). ISBN: 978-5-04-233398-9. Текст: непосредственный.
2. base.garant.ru. [сайт] – Москва, 1990 – URL: base.garant.ru. (дата обращения 10.02.2026). Режим доступа: для незарегистр. Пользователей. Текст: электронный.
3. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: текст с изменениями и дополнениями на 20 февраля 2026г. [принят Государственной Думой 22 ноября 2001 года, одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года,] – Москва, Эксмо. 2026 – 288с. – (Актуальное законодательство). ISBN: 978-5-04-201314-0. Текст: непосредственный.
4. Благов, Е.В. Основание освобождения от уголовной ответственности / Е.В. Благов. // Актуальные проблемы российского права 2018. – № 7. С. – 161-162. – Текст: непосредственный.
5. Освобождение от уголовной ответственности: теория, закон, практика / В. К. Андрианов, Н. В. Генри, Д. А. Дорогин [и др.]; под ред. Ю. Е. Пудовочкина. – Москва: РГУП, 2021. – 436 с. – (Библиотека российского судьи). – ISBN 978-5-93916-925-7.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВОГО СТАТУСА СУРДОПЕРЕВОДЧИКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Титов Иван Евгеньевич, студент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

titov_ivan04@mail.ru

Научный руководитель: Серeda Ольга Викторовна, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

o.v.sereda@mail.ru

Аннотация. Конституционное право на пользование родным языком и свободный выбор языка общения представляет собой одно из ключевых прав человека, закрепленное в Конституции Российской Федерации. Для людей с нарушениями слуховой функции значение этого права существенно возрастает, поскольку надлежащее переводческое обеспечение становится необходимым условием для реализации их конституционных прав в рамках судебного разбирательства. Глобальная статистика свидетельствует о масштабности проблемы инвалидности по слуху, когда миллионы людей во всем мире испытывают различные нарушения слуховой функции.

Сфера уголовного судопроизводства занимает особое место в системе правоприменения, где гарантирование права на переводческое содействие приобретает критическую значимость для охраны интересов всех участников процесса. Хотя Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации содержит в своем составе норму о переводчиках, нормативное регулирование положения сурдопереводчика не является тождественным положениям обычного переводчика.

Ключевые слова: сурдопереводчик, уголовный процесс, жестовый язык, инвалидность по слуху, процессуальные права, конституционные гарантии, доступность правосудия, переводчик, адвокатская тайна

Защита языковых прав граждан в судопроизводстве основывается на положениях Конституции Российской Федерации: «Каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества»[1]. Это конституционное положение образует неразрывное единство с принципом равноправия, согласно которому все лица пользуются идентичной защитой перед судебной системой вне зависимости от их языковых возможностей и особенностей.

Процессуальное законодательство конкретизирует названный принцип, устанавливая, что ведение уголовного судопроизводства осуществляется на русском языке, хотя в отдельных субъектах Российской Федерации допускается параллельное использование государственных языков этих субъектов[2]. Однако особое внимание заслуживает то обстоятельство, что для лиц, имеющих глубокие нарушения слуха и неспособных воспринимать устную речь, участие в судебном разбирательстве без помощи специалиста-сурдопереводчика становится невозможным с фактической и юридической точек зрения. Таким образом, деятельность сурдопереводчика обретает характер конституционно необходимого элемента, наравне с переводчиком.

Законодательная база, регулирующая права инвалидов в Российской Федерации, представляется комплексной системой нормативных актов. Федеральный закон, принятый в 1995 году и посвященный социальной защите инвалидов[3], и принятый в 2012 году нормативный акт об изменениях в области защиты прав инвалидов[4], содержат специальные гарантии для граждан, имеющих инвалидность по слуху. Согласно этим законодательным положениям, органы, ответственные за вопросы социальной защиты, обязаны оказывать инвалидам содействие в получении услуг переводчиков жестового языка.

При этом законодатель признал русский жестовый язык в качестве полноценного средства общения, применяемого в областях, где используется государственный язык Российской Федерации.[3]

Вместе с тем, уголовно-процессуальное законодательство предоставляет определение переводчика как участника судопроизводства, допускаемого в установленных законом случаях и обладающего свободным владением языком, знание которого требуется для осуществления переводческой функции[5]. Нормативный текст специально уточняет, что положения, относящиеся к переводчикам, распространяются также на граждан, обладающих навыками перевода жестового языка и привлекаемых к участию в уголовном деле.

Однако в практическом применении закона обнаруживается проблема, заключающаяся в том, что законодатель использовал единообразный нормативный подход по отношению к различным категориям переводчиков. Это порождает определенные затруднения в деятельности органов, применяющих закон. Деятельность сурдопереводчика существенно отличается от работы обычного переводчика, поскольку включает в себя преобразование звука в немую жестикуляцию. Для качественного выполнения этой работы необходимо не только владение лингвистическими аспектами жестового языка, но и понимание элементов коммуникации.

Процессуальное положение переводчика определяется нормами Уголовно-процессуального кодекса, при этом установленные там положения в равной мере применяются к сурдопереводчикам. Сурдопереводчик наделен правом ставить вопросы участникам судебного разбирательства, необходимые для достижения точности и ясности перевода информации. Он получает возможность ознакомляться с официальными протоколами следственных мероприятий и судебного заседания, в котором он принимал участие, и вправе оформлять замечания относительно корректности отражения результатов его переводческой деятельности в этих документах, в том числе путем внесения соответствующих записей в протокол. Кроме того, сурдопереводчик располагает правом направлять жалобы на решения и действия (включая бездействие) должностных лиц и правоохранительных органов, которые ограничивают объем его процессуальных прав. По завершении своей работы сурдопереводчик, так же, как и переводчик, вправе потребовать возмещение произведенных им расходов, которые связаны с исполнением процессуальной функции.

С другой стороны, на сурдопереводчика возложены определенные обязанности процессуального характера, закрепленные в законодательстве. Прежде всего, сурдопереводчик несет запрет на осуществление преднамеренного неправильного перевода, поскольку это могло бы исказить информацию и повредить интересам участников судопроизводства. Сурдопереводчик должен сохранять в тайне информацию о фактах и обстоятельствах, которые он узнал в связи со своей деятельностью в составе следственного коллектива или судебного заседания. Нарушение этих требований влечет за собой уголовную ответственность на основе положений уголовного закона. Перед началом следственного мероприятия должностное лицо, ведущее расследование, обязано проверить наличие у привлекаемого переводчика необходимой компетентности и довести до его сведения содержание его прав и возложенных на него обязанностей.

Анализ нормативно-правовой базы выявляет существование серьезной проблемы, состоящей в том, что отсутствуют четко определенные, нормативно закрепленные критерии оценки компетентности лица в области сурдоперевода. Ранее было сказано, что должностное лицо ведущее следственные действия должно проверить наличие компетенции привлекаемого переводчика, однако, законодательство не устанавливает объективные требования к уровню образования, к продолжительности и характеру практического опыта работы, а также к процедуре прохождения аттестации и сертификации. В реальной правоприменительной практике это обстоятельство создает значительные затруднения, особенно в регионах, где число квалифицированных сурдопереводчиков оказывается

недостаточным или же нет центров, позволяющих определять компетенцию сурдопереводчика.

Второй значимой проблемой является недостаточность нормативного регулирования вопроса о сохранении конфиденциальности во время проведения встреч подозреваемого или обвиняемого с его представителем. В случае, когда инвалид по слуху нуждается в помощи сурдопереводчика для понимания обсуждаемых вопросов, содержание этих конфиденциальных бесед становится известно третьему лицу. Это лицо не защищено нормами об адвокатской тайне, что создает возможность воспользоваться этим в судебном разбирательстве. Такая ситуация нарушает принцип справедливого судебного разбирательства.

Стоит так же разделить инвалидов с травмами слуха, слабослышащих или рожденных глухонемыми. Ввиду того, что слабослышащий теоретически может вести беседу в виду возможности воспринимать и передавать информацию. Инвалид с приобретенной потерей слуха и вовсе не сможет ни высказывать информацию на языке жестов, ни говорить. Глухонемые вполне могут использовать язык жестов (если они ему обучены) при коммуникации, но все же требуется сурдопереводчик для того чтобы остальные участники процесса понимали ход его мысли. Да, существуют технологии, которые помогают слабослышащим или глухим воспринимать речь, однако остается вопрос, в какой степени глухоты должен привлекаться сурдопереводчик?

В заключении, правовое положение сурдопереводчика в уголовном процессе Российской Федерации формируется на основе конституционных гарантий, касающихся защиты языковых прав граждан, и федеральных нормативных актов, посвященных защите интересов инвалидов. Вместе с тем, существующее законодательство применяет к различным категориям переводчиков унифицированный подход, что недостаточно отражает особенности работы переводчика жестового языка.

В связи с этим государственные органы Российской Федерации должны выполнять не только формальное закрепление в законе права инвалидов по слуху на участие в судебном разбирательстве с помощью специального переводчика, но и создавать условия для качественной реализации этого права. Развитие и совершенствование правовых норм, регулирующих деятельность сурдопереводчика, способствует всесторонней защите интересов инвалидов по слуху и одновременно повышает уровень защиты прав и законных интересов всех без исключения участников уголовного процесса. Это объясняется тем, что высокое качество информационного обмена, обеспечиваемое компетентным переводчиком, является необходимым предусловием вынесения справедливого и законного судебного решения.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
3. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
4. Федеральный закон от 30.12.2012 № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
5. Федеральный закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (с учетом положений о правах и обязанностях переводчиков в судопроизводстве) // СПС КонсультантПлюс.
6. Ахутин, А. В. Поворотные моменты истории интеллекта / А. В. Ахутин. – СПб.: Петропольис, 2014. – 524 с.

7. Багирова, С. В. Проблемы защиты прав инвалидов в правовом государстве / С. В. Багирова // Юридическая наука и практика. – 2019. – № 4. – С. 34–49.
8. Валиев, Р. Р. Процессуальная роль переводчика в уголовном судопроизводстве / Р. Р. Валиев, М. Ю. Валиева // Уголовное право и криминология. – 2018. – № 3. – С. 78–85.
9. Воронин, Н. П. Обеспечение доступности правосудия для лиц с ограниченными возможностями здоровья / Н. П. Воронин // Право и государство. – 2020. – № 2. – С. 112–127.
10. Грязнов, Е. А. Жестовый язык как средство коммуникации и его правовая защита / Е. А. Грязнов. – М.: Издательство юридической литературы, 2021. – 187 с.
11. Давыдов, И. М. Специальные гарантии прав участников уголовного процесса / И. М. Давыдов // Российское уголовное право. – 2017. – Т. 15. – № 1. – С. 45–62.
12. Естеева, Л. А. Конфиденциальность консультаций в уголовном процессе / Л. А. Естеева // Адвокатская практика. – 2019. – № 5. – С. 23–31.
13. Журавлева, О. В. Стандарты справедливого судебного разбирательства в международном праве / О. В. Журавлева. – М.: Норма, 2020. – 256 с.
14. Иванов, С. К. Аттестация специалистов в области жестового перевода: опыт стран Европейского Союза / С. К. Иванов // Международное уголовное право. – 2021. – № 1. – С. 89–102.
15. Кокарева, М. С. Защита прав глухих и слабослышащих лиц в уголовном судопроизводстве / М. С. Кокарева // Права человека и правосудие. – 2020. – № 8. – С. 156–171.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ДОПРОСА КАК СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

Феллер Анна Александровна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

anyuta.feller@mail.ru

Научный руководитель: Курбатова Светлана Михайловна, доктор юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

ksm-2024@mail.ru

Аннотация. Автором настоящей статьи исследованы некоторые актуальные проблемы производства допроса как следственного действия, а также предложены возможные пути их решения (в части внесения изменений в гл. 26 УПК РФ). В работе делается вывод о том, что сегодня назрела острая необходимость в разработке изменений в нормы уголовно-процессуального законодательства, которые бы установили четкий порядок проведения допроса с целью соблюдения прав граждан и достижения результатов в расследовании преступлений. Кроме того, в статье анализируются мнения ученых и практикующих юристов по теме исследования, а также перечислены основные ошибки, допускаемые уполномоченными лицами при производстве допроса как следственного действия.

Ключевые слова: право, уголовное судопроизводство, допрос, следствие, следователь, допрашиваемое лицо, следственное действие, уголовное дело

В одной из своих научных работ А.С. Быкова отмечает, что в настоящее время одним из самых распространенных следственных действий при проведении расследования является допрос, с помощью которого уполномоченное лицо получает значимую информацию, максимально близко отражающую реальное положение вещей по тому или иному уголовному делу. Вместе с этим А.С. Быкова также указывает, что со стремительным развитием института допроса, а также появлением новых правил и методик его проведения, значительно увеличился и объем правовых проблем, связанных с проведением данной следственной процедуры [3, с. 124].

Об этом упоминается и в ряде других научных работ. Например, схожей позиции придерживаются и такие ученые как С.Г. Загорьян и О.А. Котельникова. Кандидаты юридических наук подчеркивают, что допрос лишь на первый взгляд кажется одним из самых «простых» следственных действий, но фактически сама процедура является достаточно трудоемкой (состоит из нескольких этапов) и требует не только тщательной юридической подготовки в проведении, но и высокого профессионализма (компетентности) субъекта расследования. С их точки зрения, следователь и дознаватель при допросе сталкиваются с обилием разрозненной информации, которую необходимо должным образом систематизировать и закрепить в соответствии с закрепленными в гл. 26 УПК РФ правилами. Однако, из-за наличия в уголовно-процессуальном законодательстве пробелов в регулировании на практике у должностных лиц возникают некоторые трудности [1; 5, с. 155]. Следует поддержать высказанное мнение А.С. Быковой, С.Г. Загорьян и О.А. Котельниковой, поскольку без строгого соблюдения определенных правил проведения допроса (которые закреплены в ст. 180-191 УПК РФ) он теряет свое процессуальное значение (выраженное в обеспечении гарантий защиты интересов) и может повлечь за собой недопустимость (запрет) использования полученной информации в доказательственных целях [1]. Исходя из анализа указанных выше норм следует, что законодатель детально не урегулировал порядок проведения допроса и при применении субъектами закрепленных в кодексе правил возникает ряд процессуальных сложностей. Ниже раскроем содержание некоторых актуальных проблем в исследуемой области и предложим возможные пути их решения.

Акцентируем свое внимание на рассмотрении вопроса о выборе места проведения указанного следственного действия. Из содержания ч. 1 ст. 187 УПК РФ следует, что «допрос проводится по месту производства предварительного следствия, но в отдельных случаях, по

решению следователя, если тот признает это необходимым, законом допускается возможность проведения допроса и в месте нахождения допрашиваемого» [1]. Под местом нахождения в данном случае следует понимать место жительства гражданина (дом, квартира), его место работы (организация, ее филиал), место лечения (в случае если допрашиваемый проходит курс реабилитации в медицинском учреждении), место учебы несовершеннолетнего лица (школа, учреждение среднего профессионального образования). Одновременно с этим при выборе места проведения допроса вне специально оборудованного помещения (комнаты допроса) законодатель не требует от следователя каким-либо образом документировать мотивировку своего решения.

В одном из своих исследований Д.А. Бауэр указала, что в каждом отдельно взятом случае, при разрешении вопроса о месте проведения допроса, следователю следует исходить из характера совершенного преступления, информации о личности допрашиваемого и следственной ситуации в целом, поэтому перенос места проведения необходимо официально зафиксировать, с указанием конкретных причин и детальным описанием фактов, которые сложились из тех или иных обстоятельств [4, с. 123]. Высказанная Д.А. Бауэр позиция кажется нам верной. Полагаем, для решения описанной проблемы целесообразно дополнить п. 1 ст. 187 УПК РФ положением о том, что при выборе места проведения допроса следователю необходимо приобщать к материалам уголовного дела документ, обосновывающий перенос места проведения допроса (с указанием причин, времени переноса и т.д.). Считаем, что таким документом может стать письменное сообщение должностного лица (например, пояснение от директора образовательного учреждения) или медицинская справка от лечащего врача, в которой будет прописана причина неявки на допрос. Такой причиной может стать ухудшение состояния здоровья пациента, именно поэтому допрашиваемому не представилось возможным явиться на допрос по месту вызова следователя. Думаем, что внесение изменений в анализируемую автором статьи норму исключит существующий на сегодняшний день пробел в правовом регулировании и позволит обеспечить полноту и всесторонность расследования.

Рассмотрим еще одну проблему – производство допроса с помощью цифровых средств связи и коммуникаций. Так, Е.Н. Максименко указывает, что установленный ст. 188 УПК РФ порядок вызова на допрос носит совершенно общий характер, объясняя это тем, что законодатель не раскрывает и не конкретизирует, что именно следует понимать под обязанностью направления повестки с помощью средств связи; допускается ли уведомление о вызове на допрос посредством СМС-сообщений, телефонного звонка или отправки письма посредством сервиса для получения электронных сообщений [6]. Автор совершенно справедливо заметила, что закон не дает прямых ответов на перечисленные вопросы и в данном случае п. 2 ст. 188 УПК РФ предполагает распространительное толкование, а детально незакрепленный перечень способов вызова на допрос с указанием средств вызова (телефонный звонок, письменное или голосовое сообщение) существенно снижает эффективность предварительного расследования и его итоговых результатов.

Для подкрепления высказанной научной позиции обратимся к экспертам в данной сфере. Так, практикующие юристы АБ «Деловой фарватер» указывают, что из-за неверной интерпретации ст. 188 УПК РФ зачастую следователи или дознаватели нарушают порядок вызова на допрос. Так известный адвокат А.А. Раевский, оказывающий юридическую помощь на различных стадиях уголовного процесса в своем информационном блоге отметил, что, исходя из собственного опыта работы в большинстве случаев органы предварительного расследования предпочитают не направлять повестки на допрос (требование о явке для дачи показаний), следователи лишь ограничиваются телефонными звонками на личные номера. В данном случае вызываемое лицо не только не может убедиться в том, что вызов в действительности поступил от уполномоченного должностного лица, но и не может понять, в качестве кого и с какой целью он вызывается, в таких ситуациях гражданин не понимает объем своих прав. Помимо этого, гражданин может вообще не принять вызов от следователя и не явиться в назначенное время, поскольку процедура вручения повестки не была соблюдена должным образом. Как разъяснил сам адвокат, следователю необходимо помнить, что соблюдение порядка вручения повестки о вызове на допрос является важным этапом в проведении данной следственной процедуры и интерпретация ч. 2 ст. 188 УПК РФ подразумевает в себе, что с помощью технических и программных средств связи, таких как компьютер или почта, передается именно повестка, а не

требование о вызове на допрос, сформулированное в произвольной форме. Это означает, что в полученном через средства связи сообщении должны быть указаны или записаны (например, в случае получения ее телефонограммой) все реквизиты повестки, в другом ином случае – процедура вызова на допрос не соблюдена [2].

С целью устранения данного пробела в праве считаем необходимым при решении вопроса об извещении лица о явке на допрос исходить из того, что извещение посредством тех или иных средств связи допускается лишь в случае согласия на уведомление таким способом с обязательной фиксацией факта отправки и доставки извещения адресату. Данное условие должно найти свое отражение в ст. 188 УПК РФ. Помимо этого, законодателю в указанную выше норму также необходимо закрепить положение о том, что сам факт согласия на получение извещения должен подтверждаться удостоверением о получении, в котором будет отображены не только личные данные участника уголовного судопроизводства, но и будет указан номер (номера) мобильного телефона, к которому привязаны программные обеспечения используемых лицом мессенджеров или его электронной почты.

Перед тем как подвести итоги исследования сосредоточим свое внимание и на тактике проведения допроса. Напомним, что следователь ведет допрос не хаотично (достигает цель допроса) и использует в работе специальные тактические приемы и методы для получения необходимых сведений по уголовному делу (к примеру, детализация показаний, использование ассоциаций). Однако, правоприменитель не освещает и не описывает в УПК РФ конкретных приемов и методов проведения допроса, а указывает лишь на общие правила, закрепленные в ст. 189 УПК РФ. Глава 26 кодекса не содержит в себе отдельной нормы, которая бы описывала четкую систему действий, направленных на получение полной информации при помощи различных способов получения информации. Данный законодательный пробел приводит к значительным следственным ошибкам (например, следователь может нарушить этапы проведения допроса), что влечет за собой нарушение прав участников, поэтому необходимо закрепить в УПК РФ выбор тактики допроса применительно к разным участникам указанного следственного действия.

Резюмируя вышесказанное отметим следующее: допрос как следственное действие – это необходимое средство процессуального доказывания, которое имеет ряд недостатков со стороны его законодательной регламентации. В конечном счете это приводит к снижению качества оформления допросов и несоблюдению требований, предъявляемых к обстановке допроса. Поэтому законодателю необходимо разработать более детальные и строгие требования к проведению анализируемой автором статьи следственной процедуры, что позволит не только уточнить содержание правовой природы института допроса, но и разрешить перечисленные в данной работе проблемы. Думаем, что предлагаемые автором статьи практические решения способны положительно повлиять на развитие института допроса.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921.
2. Адвокатское бюро «Деловой фарватер», 2025. – Текст: электронный // URL: <https://delfarvater.ru/press-center/analitika-novosti-byuro/top-3-narusheniy-sledovatelya-kotorye-mogut-obernut-delo-protiv-vas.html> (дата обращения 06.05.2025).
3. Быкова, А. С. Актуальные проблемы при проведении допроса / А. С. Быкова // Научные достижения и открытия 2021: сборник статей XIX Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 15 апреля 2021 года. – Пенза: Общество с ограниченной ответственностью «Наука и Просвещение», 2021. – С. 124-126.
4. Бауэр, Д. А. Производство допроса на стадии предварительного расследования: особенности и проблемы / Д. А. Бауэр // Актуальные вопросы юридических наук: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Чита, апрель 2017 г.). – Чита «Молодой ученый», 2017. – С. 122-125.
5. Загорьян С. Г., Котельникова ОА. Допрос как следственное действие в Российском уголовном судопроизводстве / С. Г. Загорьян, О. А. Котельникова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России: науч.-практич. журн. Иркутск. 2023. № 2 (105). – С. 155-164.
6. Максименко, Е. Н. Допрос как следственное действие в уголовном судопроизводстве / Е. Н. Максименко // НИУ «БелГУ», 2019. – Текст: электронный // URL: <https://core.ac.uk/download/427550297.pdf> (дата обращения: 06.05.2025).

МЕТОДИКА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДАНАМИ, ОБЛАДАЮЩИМИ ИММУНИТЕТОМ

Чечушков Артем Алексеевич, студент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

artemfootball2016@mail.ru

Научный руководитель: Ерахтина Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия

345nn@mail.ru

Аннотация. В условиях активного развития международных отношений на территории государств постоянно находятся иностранные граждане, выполняющие дипломатические, консульские и иные официальные функции, расследование преступлений, совершенных иностранными гражданами, обладающими иммунитетом, требует учета как норм национального уголовно-процессуального законодательства, так и положений международного права, в статье раскрываются актуальные вопросы расследования данных преступлений, предлагаются пути решения выявленных проблем расследования

Ключевые слова: дипломатический иммунитет, иностранные граждане, расследование преступлений, уголовное судопроизводство, международное право, криминалистическая методика

В условиях расширения международных политических, экономических и гуманитарных связей государства все чаще взаимодействуют на различных уровнях дипломатического, консульского и межгосударственного сотрудничества, в связи с этим на территории Российской Федерации постоянно находятся иностранные граждане, обладающие различными видами международно-правового иммунитета, включая дипломатический, консульский и иные формы функциональной неприкосновенности.

Наличие особого правового режима не исключает возможности совершения указанными лицами противоправных деяний на территории государства пребывания.

В подобных ситуациях правоохранительные органы сталкиваются с рядом специфических правовых и организационных трудностей, связанных с ограничениями национальной юрисдикции и необходимостью строгого соблюдения международно-правовых норм.

Иммуниеты существенно влияют на порядок возбуждения уголовных дел, проведения процессуальных действий, а также на возможность привлечения виновных лиц к ответственности, данные обстоятельства обуславливают необходимость разработки и совершенствования научно обоснованных подходов к расследованию преступлений, совершенных иностранными гражданами, обладающими иммунитетом.

Особое значение приобретает формирование методических рекомендаций, учитывающих как положения уголовного и уголовно-процессуального законодательства, так и нормы международного права, регулирующие дипломатические и консульские отношения, при этом важную роль играет обеспечение баланса между соблюдением международных обязательств государства и необходимостью защиты правопорядка на его территории.

Актуальность рассматриваемой темы определяется также тем, что подобные преступления отличаются сложностью доказывания, ограниченными возможностями применения мер процессуального принуждения и необходимостью взаимодействия с дипломатическими представительствами, международными организациями и компетентными органами иностранных государств.

Правовой статус иностранных граждан, обладающих иммунитетом, характеризуется тем, что такие лица в определенной степени исключаются из юрисдикции государства

пребывания. Данное положение закреплено нормами международного права, прежде всего международными соглашениями, регулирующими дипломатические и консульские отношения, в связи с этим при расследовании преступлений, совершенных иностранными гражданами, обладающими иммунитетом, органы предварительного расследования оказываются в специфической правовой ситуации, а их деятельность должна строиться не только на основе норм национального уголовно-процессуального законодательства, но и с учетом международных договоров, определяющих содержание, объем и пределы соответствующих иммунитетов [3, с.20].

Российское законодательство также отражает особенности правового положения данной категории лиц, в частности, положения статьи 3 Уголовного кодекса Российской Федерации закрепляют принцип действия уголовного закона в пространстве, в соответствии с которым преступность и наказуемость деяний определяются уголовным законом Российской Федерации, если преступление совершено на ее территории. Вместе с тем статья 11 УК РФ устанавливает, что лица, пользующиеся иммунитетом от уголовной юрисдикции Российской Федерации, несут ответственность в порядке, предусмотренном нормами международного права.

Аналогичный подход закреплен и в уголовно-процессуальном законодательстве. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации предусматривает необходимость соблюдения международных договоров Российской Федерации при осуществлении уголовного судопроизводства, в частности, в части второй статьи 3 УПК РФ используется понятие права дипломатической неприкосновенности, которое выражается в предоставлении дипломатическим и консульским представителям особых гарантий защиты их личности и имущества от принудительных действий со стороны государственных органов страны пребывания.

Содержание указанной неприкосновенности включает целый комплекс ограничений для правоохранительных органов, дипломатические и консульские представители не подлежат задержанию или аресту в какой-либо форме, их служебные и жилые помещения, а также транспортные средства не могут подвергаться обыску, осмотру, выемке либо иным процессуальным действиям принудительного характера.

Архивы, служебная корреспонденция и дипломатическая почта также пользуются особой защитой и не могут быть вскрыты либо задержаны, также указанные лица не обязаны давать свидетельские показания.

Следует отметить, что предусмотренные частью второй статьи 3 УПК РФ привилегии распространяются не только на дипломатических представителей, но и на определенные категории консульских работников. В целом иммунитет от уголовной юрисдикции Российской Федерации распространяется на несколько групп иностранных граждан [1, с.82].

К числу таких лиц относятся сотрудники дипломатических представительств иностранных государств, прежде всего это дипломатический персонал, а также проживающие совместно с ними члены их семей при условии, что они не являются гражданами Российской Федерации, к данной категории также относятся сотрудники административно-технического персонала дипломатических миссий и члены их семей, если они не обладают российским гражданством.

Отдельную группу составляют работники обслуживающего персонала дипломатических представительств, не являющиеся гражданами России и не проживающие на ее территории на постоянной основе.

Иммунитетом обладают и представители консульских учреждений иностранных государств, к ним относятся руководители консульских учреждений, консульские должностные лица, а также административно-технические сотрудники консульств, включая обслуживающий персонал, при условии что они не являются гражданами Российской Федерации и не проживают в ней постоянно.

Особенности правового статуса лиц, обладающих иммунитетом, оказывают непосредственное влияние на организацию расследования преступлений, в первую очередь

это связано с ограничениями в применении процессуальных мер, органы предварительного расследования не вправе задерживать дипломатических представителей, проводить в отношении них личный досмотр, обыск или иные следственные действия без соблюдения процедур, предусмотренных международным правом. Это существенно усложняет сбор доказательственной информации и требует использования иных методов установления обстоятельств совершенного преступления.

Важным элементом методики расследования является первоначальный этап реагирования на сообщение о преступлении, так на данной стадии особое значение имеет установление правового статуса лица, подозреваемого в совершении противоправного деяния.

Необходимо выяснить, обладает ли данное лицо дипломатическим, консульским либо иным видом международно-правового иммунитета, а для этого правоохранительные органы, как правило, взаимодействуют с Министерством иностранных дел Российской Федерации, которое располагает информацией о статусе иностранных представителей и объеме предоставленных им привилегий и иммунитетов.

После установления факта наличия иммунитета следственные органы должны учитывать ограничения, вытекающие из международных обязательств Российской Федерации, в частности, любые действия, которые могут затрагивать личную неприкосновенность дипломатического агента или территорию дипломатического представительства, допускаются только при соблюдении требований международного права, так, согласно положениям Венской конвенции о дипломатических сношениях помещения дипломатического представительства пользуются неприкосновенностью, и представители органов власти государства пребывания не вправе входить в них без согласия главы дипломатической миссии [2, с. 235].

В подобных условиях особое значение приобретает работа с иными источниками доказательственной информации, следственные органы должны уделять повышенное внимание сбору показаний свидетелей, анализу материальных следов преступления, использованию данных видеонаблюдения, результатам экспертиз и другим видам доказательств, которые могут быть получены без нарушения иммунитета соответствующего лица, фактически расследование в таких ситуациях строится преимущественно на косвенных доказательствах и информации, полученной от третьих лиц.

Существенное значение имеет взаимодействие правоохранительных органов с дипломатическими представительствами иностранных государств, в ряде случаев возможна ситуация, когда государство, направившее дипломатического представителя, принимает решение о снятии иммунитета с соответствующего лица, согласно Венской конвенции о дипломатических сношениях только государство, направившее дипломатического агента, вправе отказаться от его иммунитета, а отказ должен быть выражен явно, в случае снятия иммунитета органы государства пребывания получают возможность осуществлять уголовное преследование на общих основаниях.

Если же иммунитет не снимается, государство пребывания может использовать иные механизмы реагирования, наиболее распространенной мерой является объявление лица *persona non grata*, что означает необходимость его выезда из государства пребывания, данная мера предусмотрена международным правом и применяется в случаях, когда поведение дипломатического представителя признается несовместимым с его статусом [2, с. 236].

Особенности методики расследования также проявляются в вопросах документирования обстоятельств совершенного преступления, даже если лицо обладает иммунитетом, правоохранительные органы вправе фиксировать обстоятельства происшествия, проводить осмотр места происшествия, изымать предметы и документы, не находящиеся в помещениях дипломатического представительства.

Такие действия должны осуществляться с соблюдением требований уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, в частности положений главы 24 УПК РФ, регулирующей производство следственных действий.

Значительную роль играет международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства, в случаях, когда государство пребывания не может осуществить уголовное преследование в силу иммунитета лица, материалы проверки или расследования могут быть переданы компетентным органам государства, гражданином которого является данное лицо, данная практика основана на принципе сотрудничества государств в борьбе с преступностью и позволяет обеспечить привлечение виновного к ответственности в юрисдикции его государства.

Одной из наиболее существенных проблем, возникающих при расследовании преступлений, совершенных иностранными гражданами, обладающими иммунитетом, является отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации четко регламентированного порядка действий правоохранительных органов на первоначальном этапе выявления и фиксации обстоятельств преступления, совершенного лицом, пользующимся дипломатическим или иным международно-правовым иммунитетом.

Действующее законодательство в целом закрепляет необходимость соблюдения международных договоров Российской Федерации, однако не содержит детального механизма взаимодействия следственных органов с Министерством иностранных дел и дипломатическими представительствами иностранных государств в подобных ситуациях.

В соответствии со статьей 11 УК РФ лица, пользующиеся иммунитетом от уголовной юрисдикции Российской Федерации, подлежат ответственности в соответствии с нормами международного права, в свою очередь, уголовно-процессуальное законодательство предусматривает, что производство по уголовным делам осуществляется с учетом международных договоров Российской Федерации, но вместе с тем в УПК РФ отсутствуют специальные нормы, которые бы устанавливали порядок процессуальных действий следственных органов при установлении факта совершения преступления лицом, обладающим иммунитетом.

Отсутствие конкретного алгоритма действий может привести к процессуальным ошибкам, так в ряде случаев возникает вопрос о допустимости проведения отдельных следственных действий, о порядке уведомления дипломатического представительства соответствующего государства, а также о механизме обращения к компетентным органам с просьбой о снятии иммунитета.

Отсутствие четкого правового регулирования затрудняет фиксацию доказательственной информации на первоначальном этапе расследования, поскольку лицо, обладающее дипломатическим иммунитетом, не может быть задержано или подвергнуто иным мерам процессуального принуждения, следственные органы должны действовать максимально оперативно для закрепления следов преступления и получения информации от иных участников события.

Однако законодательство не определяет, какие именно действия должны быть предприняты и в каком порядке должно осуществляться взаимодействие с органами внешнеполитического ведомства.

Представляется, что для устранения данной проблемы целесообразно внести изменения в УПК РФ, закрепив специальную норму, регулиющую порядок действий при выявлении преступления, совершенного лицом, обладающим международно-правовым иммунитетом.

В частности, целесообразно дополнить главу 52 УПК РФ новой статьей, условно обозначив ее как статья 447.1 «Особенности производства по уголовным делам в отношении лиц, обладающих иммунитетом в соответствии с нормами международного права».

В данной статье можно закрепить следующее положение:

«1. При установлении факта совершения преступления иностранным гражданином, обладающим иммунитетом от уголовной юрисдикции Российской Федерации, следователь или дознаватель обязан незамедлительно уведомить об этом Министерство иностранных дел Российской Федерации.

2. До получения разъяснений Министерства иностранных дел Российской Федерации следователь вправе осуществлять действия, направленные на фиксацию обстоятельств происшествия, включая осмотр места происшествия, опрос свидетелей, изъятие предметов и документов, не находящихся в помещениях дипломатических представительств и не принадлежащих лицу, обладающему иммунитетом.

3. Следователь вправе обратиться через Министерство иностранных дел Российской Федерации в компетентные органы иностранного государства с просьбой о снятии иммунитета либо о проведении процессуальных действий в отношении соответствующего лица.

4. При отсутствии отказа иностранного государства от иммунитета следователь принимает меры по документированию обстоятельств преступления и направлению материалов компетентным органам государства, гражданином которого является соответствующее лицо».

Таким образом, методика расследования преступлений, совершенных иностранными гражданами, обладающими иммунитетом, представляет собой сложную систему организационных, правовых и криминалистических мероприятий, направленных на установление обстоятельств преступления при соблюдении ограничений, вытекающих из международно-правового статуса соответствующих лиц.

Список литературы

1. Львов С. А. Некоторые особенности тактики подготовки допроса иностранных граждан / С.А. Львов // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2017. – № 17-1. – С. 82–83.

2. Талайковская Я. В. Правовой анализ консульских привилегий и иммунитетов в сопоставлении с дипломатическими привилегиями и иммунитетами / Я.В. Талайковская // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12, № 7-1. – С. 235–244.

3. Щерба С. П. Основания и процедуры выдворения, депортации и экстрадиции: сходства и различия / С. П. Щерба, М. А. Фролова // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2008. – № 4. – С. 19–21.

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ОТНОШЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Чечушков Артем Алексеевич, студент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
artemfootball2016@mail.ru

Научный руководитель: Ерахтина Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
345nn@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается развитие правового регулирования уголовного судопроизводства в отношении иностранных граждан в Российской Федерации. Анализируются основные этапы формирования соответствующих правовых норм, начиная с дореволюционного периода и заканчивая современным этапом развития уголовно-процессуального законодательства, предлагаются отдельные направления совершенствования уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, иностранные граждане, уголовно-процессуальное право, переводчик в уголовном процессе, права участников процесса, УПК РФ, правовое регулирование, международное право

В условиях интенсификации международных миграционных процессов, расширения трансграничных экономических, политических и гуманитарных связей особую значимость приобретает проблема правового регулирования участия иностранных граждан в национальных правовых системах государств.

Российская Федерация неизбежно сталкивается с необходимостью выработки эффективных правовых механизмов регулирования статуса иностранных граждан в различных сферах общественных отношений, включая сферу уголовного судопроизводства.

Уголовно-процессуальная деятельность государства, направленная на расследование преступлений, осуществление правосудия и обеспечение защиты прав и законных интересов участников процесса, в отношении иностранных граждан приобретает дополнительную сложность, обусловленную как особенностями их правового положения, так и необходимостью соблюдения международно-правовых обязательств Российской Федерации.

Так, количество преступлений, совершенных иностранцами и лицами без гражданства в 2025 г., достигло 41 103, что почти на 7% превышает показатель 2024 г. (38 578). Число преступлений, совершенных мигрантами, находящимися в стране нелегально, выросло на 16% – с 13 694 до 15 952. Доля преступлений мигрантов в общем объеме раскрытых преступлений составила около 5% (в 2024 г. – 4%). Каждое третье преступление, совершенное иностранцами, было связано с незаконным оборотом наркотиков – раскрыто почти 13 000 таких случаев. На 18% увеличилось число фактов незаконного оборота оружия (со 156 до 184), а количество преступлений террористического характера, совершенных мигрантами, выросло почти вдвое (с 253 до 483). Всего за год раскрыто почти 1500 преступлений против несовершеннолетних, совершенных мигрантами, из них 690 – против малолетних. В суды передано 2948 дел в отношении 3177 иностранных граждан, каждое девятое из которых связано с убийствами или причинением тяжкого вреда здоровью со смертельным исходом [3].

Правовое регулирование уголовного судопроизводства в отношении иностранных граждан формируется на пересечении нескольких правовых плоскостей: национального уголовно-процессуального законодательства, норм международного права, а также двусторонних и многосторонних соглашений, регулирующих вопросы правовой помощи,

консульских сношений и защиты прав человека, в этой связи государство вынуждено обеспечивать баланс между реализацией суверенного права на осуществление уголовной юрисдикции и соблюдением международных стандартов правосудия, закрепленных в универсальных и региональных правовых актах.

Историческое развитие правового регулирования данной сферы позволяет выявить закономерности формирования современного уголовно-процессуального механизма, определить влияние международных правовых стандартов на национальное законодательство, а также проследить трансформацию подходов государства к обеспечению процессуальных гарантий иностранных граждан.

Правовое регулирование участия иностранных граждан в уголовном судопроизводстве Российской Федерации формировалось в течение длительного исторического периода и отражает трансформацию российской государственности, изменения правовой системы и развитие международных правовых связей. Специфика правового положения иностранных граждан в уголовном процессе обусловлена сочетанием двух ключевых факторов: осуществлением государством суверенной уголовной юрисдикции на своей территории и необходимостью соблюдения международных обязательств, направленных на обеспечение прав человека и защиту интересов иностранных граждан, в этой связи формирование соответствующего правового регулирования представляет собой результат постепенной эволюции законодательства, охватывающей дореволюционный, советский и современный этапы развития российского государства.

На ранних этапах развития российского государства правовое положение иностранных подданных в уголовном процессе не имело самостоятельной нормативной регламентации и определялось преимущественно общими положениями уголовного и процессуального права.

В дореволюционный период иностранные подданные, находившиеся на территории Российской империи, в целом подчинялись действию национального законодательства и привлекались к уголовной ответственности на общих основаниях, но вместе с тем в ряде случаев их правовое положение регулировалось специальными актами, а также нормами международных договоров, заключаемых Российской империей с иностранными государствами [2, с. 44].

Значительную роль в формировании процессуального регулирования сыграла судебная реформа 1864 года, которая привела к созданию новой модели уголовного судопроизводства, основанной на принципах законности, гласности и состязательности. Судебные уставы 1864 года закрепили процессуальные гарантии, распространявшиеся на всех участников уголовного процесса, независимо от их подданства.

Таким образом, иностранные подданные получали право на судебную защиту, участие защитника, представление доказательств и обжалование судебных решений, в то же время их положение нередко осложнялось отсутствием четко регламентированных процедур взаимодействия с дипломатическими и консульскими учреждениями иностранных государств.

Следует отметить, что в дореволюционный период вопросы уголовной юрисдикции в отношении иностранных подданных зачастую рассматривались через призму международных соглашений, регулирующих правовую помощь, экстрадицию и консульские отношения, что свидетельствует о постепенном формировании международно-правового измерения уголовного судопроизводства, которое впоследствии получило дальнейшее развитие.

Советский этап развития правовой системы характеризуется существенными изменениями в подходах к регулированию уголовного судопроизводства. После революционных событий 1917 года и последующего формирования новой государственной системы произошло коренное преобразование законодательства, включая уголовно-процессуальную сферу.

Первые нормативные акты советского государства, регулирующие уголовное судопроизводство, исходили из принципа равенства всех лиц перед законом и судом. Иностранные граждане, находившиеся на территории Советского государства, подлежали уголовной юрисдикции на общих основаниях, за исключением случаев, связанных с дипломатическим иммунитетом.

Важным этапом в развитии уголовно-процессуального законодательства стало принятие Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1923 года, который закрепил основные принципы советского уголовного процесса и определил порядок рассмотрения уголовных дел, хотя данный кодекс не содержал развернутой регламентации особенностей участия иностранных граждан, он закреплял общие процессуальные гарантии, распространявшиеся на всех участников процесса [1, с. 54].

В последующие десятилетия законодательство продолжало совершенствоваться, существенное значение имело принятие Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 года, который более подробно регулировал вопросы уголовного судопроизводства и закреплял процессуальные права обвиняемых, подозреваемых, свидетелей и других участников процесса, иностранные граждане, находившиеся на территории СССР, участвовали в уголовном процессе на условиях, в целом аналогичных условиям участия советских граждан.

Одновременно с этим советское государство активно развивало систему международного сотрудничества в сфере уголовного правосудия, заключались двусторонние договоры о правовой помощи по уголовным делам, регулировавшие порядок передачи доказательств, выдачи лиц, совершивших преступления, а также взаимодействия судебных и следственных органов различных государств.

Современный этап развития правового регулирования уголовного судопроизводства в отношении иностранных граждан связан с глубокими политико-правовыми преобразованиями, произошедшими в Российской Федерации в конце XX века.

Принятие Конституции Российской Федерации 1993 года стало важнейшим этапом в формировании новой правовой системы, основанной на признании и гарантировании прав и свобод человека и гражданина.

Конституция закрепила принцип равенства всех перед законом и судом, независимо от гражданства, национальности и иных обстоятельств, данное положение имеет фундаментальное значение для уголовного судопроизводства, поскольку распространяет основные процессуальные гарантии на иностранных граждан, участвующих в уголовном процессе на территории Российской Федерации.

Значительное влияние на развитие уголовно-процессуального законодательства оказало принятие в 2001 году нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, ведь данный нормативный акт сформировал современную модель уголовного судопроизводства, основанную на принципах законности, уважения прав и свобод человека, состязательности сторон и обеспечения права на защиту.

В соответствии с действующим законодательством иностранные граждане, участвующие в уголовном судопроизводстве, обладают теми же процессуальными правами и обязанностями, что и граждане Российской Федерации и имеют право на защиту, на участие адвоката, на переводчика, на обжалование процессуальных решений, а также на иные гарантии, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством.

Особое значение имеет обеспечение права иностранных граждан пользоваться услугами переводчика в случае, если они не владеют русским языком или владеют им недостаточно, а реализация данного права является необходимым условием обеспечения справедливого судебного разбирательства и эффективного участия лица в уголовном процессе.

Важным элементом правового регулирования является также обязанность органов предварительного расследования уведомлять дипломатические или консульские учреждения государства, гражданином которого является лицо, задержанное или привлеченное к уголовной ответственности, что соответствует положениям международного права, в частности нормам консульских конвенций, и направлено на обеспечение дополнительной защиты прав иностранных граждан [1, с. 55].

Современное правовое регулирование уголовного судопроизводства в отношении иностранных граждан невозможно рассматривать вне контекста международного права.

Российская Федерация является участником многочисленных международных договоров, регулирующих вопросы правовой помощи, экстрадиции, передачи осужденных лиц, а также защиты прав человека.

Особое значение имеют международные договоры о правовой помощи по уголовным делам, заключенные Российской Федерацией с различными государствами, существенную роль играют международные акты, закрепляющие стандарты справедливого судебного разбирательства и защиты прав человека.

Одной из наиболее заметных проблем уголовного судопроизводства в отношении иностранных граждан в Российской Федерации остается обеспечение их права пользоваться родным языком и получать помощь переводчика, несмотря на то что данное право закреплено в уголовно-процессуальном законодательстве, его практическая реализация нередко вызывает сложности.

Основные положения о языке уголовного судопроизводства закреплены в статье 18 УПК РФ, а процессуальный статус переводчика регулируется статьей 59 УПК РФ, а нормы устанавливают право лиц, не владеющих русским языком, давать показания и заявлять ходатайства на родном языке, а также пользоваться бесплатной помощью переводчика, однако законодательство в целом ограничивается лишь общим закреплением данного права и не содержит достаточной детализации механизма его реализации.

На практике это приводит к ряду проблем, актуально отметить тот факт, что переводчики часто привлекаются без проверки их профессиональной подготовки, что может приводить к неточному переводу юридической терминологии, поэтому иностранным гражданам не всегда предоставляется письменный перевод ключевых процессуальных документов, нередко им лишь устно разъясняется содержание документов, после чего они подписывают их на русском языке, не имея возможности полноценно проверить корректность перевода, а в результате право на защиту фактически может быть реализовано не в полной мере.

Таким образом, проблема заключается не столько в отсутствии правовой гарантии, сколько в недостаточной конкретизации порядка ее реализации в действующем уголовно-процессуальном законодательстве.

Для решения указанной проблемы представляется целесообразным внести ряд изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

Во-первых, статью 18 УПК РФ можно дополнить положением о том, что подозреваемым и обвиняемым, не владеющим русским языком, должен обеспечиваться письменный перевод основных процессуальных документов, включая постановление о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительное заключение и приговор суда.

Во-вторых, статью 59 УПК РФ целесообразно дополнить нормой о том, что переводчиком может выступать лицо, обладающее подтвержденным знанием соответствующего иностранного языка и способное осуществлять перевод юридической терминологии.

Кроме того, возможно дополнить статью 47 УПК РФ, закрепляющую права обвиняемого, положением о праве получать перевод ключевых процессуальных документов на язык, которым он владеет.

Внесение указанных изменений позволило бы более четко урегулировать порядок обеспечения права иностранных граждан на перевод и повысить уровень процессуальных гарантий при рассмотрении уголовных дел.

Список литературы

1. Гирько С.И. Законодательные меры, направленные на противодействие рецидивной преступности незаконных мигрантов: аналитический материал с предложениями / С.И. Гирько, В.Б. Первозванский, Ю.Н. Строгович, Р.М. Жилиев. – Москва.: ФКУ НИИ ФСИН России, 2017. – 58 с.
2. Филиппова Т. Ю. Особенности применения российского уголовно-процессуального законодательства в отношении иностранных граждан : монография / под ред. Б. Б. Булатова. – Москва: Юрлитинформ, 2016. – 188 с.
3. Статистика: Бастрыкин: число преступлений мигрантов выросло на 7% за год// URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2026/03/03/1180412-prestuplenii-migrantov> (дата обращения: 03.03.2026).

НЕГАТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА ПРОЦЕСС СОБИРАНИЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Юсупов Амиль Мусаевич, студент

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Казань, Россия
forga393@mail.ru

Ильясова Лолита Рафаэлевна, студентка

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Казань, Россия
lolita.raf@mail.ru

Научный руководитель: Маркелов Александр Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Казань, Россия
MarkelovAleksandr@yandex.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена важному аспекту уголовного процесса – требованию к допустимости доказательств при рассмотрении дела судом. Актуальность исследования обусловлена сложившейся в судебной практике тенденцией, где приоритет отдается строгому соблюдению процессуальной формы в ущерб другим качествам доказательств – информативности и достоверности, что препятствует установлению объективной истины по делу. Авторами рассматриваются проблемы участия защитника в процессе доказывания, а также вносится предложение в целях реализации принципа равенства сторон уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовный процесс, сбор доказательств, представление доказательств, недопустимость доказательств, опрос, допрос, подозреваемый, обвиняемый, защитник

Уголовно-процессуальные доказательства всегда будут волновать исследователей уголовно-правовых наук, так как данная тема является ядром всего уголовного процесса. Перед началом рассуждения весьма логично будет указать, что авторы понимают под «сбором» и «представлением» доказательств, ведь в отечественной доктрине нет единого понимания данных правовых категорий. Как верно отмечает С. Б. Россинский, каждый, кто стремится дополнить теоретическую основу структуры доказывания исходит из собственного понимания сущности этого явления [1, с. 93]. Ввиду этого, необходимо отметить, что целью данного исследования не будет поиск абсолютных дефиниций «сбора» и «представления» доказательств, так как это отвлечет нас от анализа правоприменительной практики. Поэтому ограничимся функциональным пониманием данных правовых категорий, которые необходимы для обозначения авторской позиции.

Исходя из этой посылки, видим необходимость разграничить эти термины по субъектному составу. Весьма точно «сбор доказательств» определил А. В. Победкин, указав, что данный процесс со всеми его элементами (поиск, обнаружение, восприятие и т.д.) необходимо отнести к исключительной компетенции государственных органов, обладающих государственно-властными полномочиями [2, с. 126–127].

В противовес этой деятельности, можно выделить термин «представление доказательств», который в первую очередь осуществляет сторона защиты в лице подозреваемого, обвиняемого и его защитника. Представление доказательств является одной из форм реализации конституционных прав на защиту и доступа к правосудию [3]. Сторона защиты и другие участники процесса, не обладающие государственно-властными полномочиями, приводят сведения или документы для включения их в доказательственную базу, допустимость и достоверность которых, в соответствии со ст. 17 УПК РФ, определяет следователь (дознатель), прокурор, суд и присяжные заседатели.

Такое разграничение необходимо, так как в структуре ст. 86 УПК РФ эти правовые категории фактически перемешаны, что указывает на логическую непоследовательность законодателя, где ч. 1 данной статьи собирание связывается с проведением следственных действий, а уже в ч. 2 и ч. 3 наделяет правом собирания доказательств, наряду с правом представлять доказательства, других участников процесса, которые не обладают государственно-властными полномочиями. Таким образом, видим необходимость отнести собирание доказательств к компетенции органов государственной власти, а представление доказательств к остальным участникам уголовного судопроизводства.

Главным гарантом соблюдения законности в уголовном процессе является институт недопустимости доказательств, который подразумевает формальное соответствие доказательства юридическим нормам, поэтому необходимо углубиться в сущность данного правового института, определив его влияние на процесс собирания и представления доказательств. В большей степени, институт недопустимости в нашем уголовном процессе влияет на деятельность правоохранительных органов, а значит, в соответствии с тем определением, которое было дано нами ранее, рассмотрим связь данного свойства доказательств во взаимодействии с процессом собирания доказательств. Для того, чтобы доказательство стало допустимым, следователь (дознатель) облакает его в определенную процессуальную форму, предварительно удостоверившись в том, что доказательства получено с поименованных в УПК РФ источников доказательств (ч. 2, ст. 74 УПК РФ), а способы их получения были законны. Согласимся с мнением, что допустимость – это итоговый результат собирания доказательств при соблюдении всех норм уголовно-процессуального закона [4, с. 59]. Однако данный институт, несмотря на свою значимость, стал инструментом уничтожения доказательств, хотя бы при малейшем нарушении норм уголовного судопроизводства. В судебной практике сложилась ситуация, при которой формальное соблюдение процессуальной формы стало преобладать над такими качествами доказательств как информативность и достоверность. Для выхода из этой «ловушки» формализма и бюрократизации уголовного процесса необходимо обратиться к опыту зарубежных стран в понимании такого института как допустимость.

Обратимся к странам континентальной правовой системы, в частности, к Германии и Франции. Как отмечают авторы, их уголовный процесс предусматривает систему, при которой недопустимые доказательства признаются таковыми, в случае нарушения, прямо указанного в законе. В остальном же, когда в тексте не содержится нарушения уголовно-процессуального закона, такое доказательство является лишь критерием оценки судом в качестве допустимого [5]. Такой подход позволяет направить вектор с формы получения на качество содержания доказательств. В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55, одним из критериев допустимости являются «существенные нарушения» [6]. Хотя и содержание данной правовой конструкции не определено, применение в российской уголовно-процессуальной системе ранее озвученной правоприменительной концепции зарубежных стран позволило бы разграничить «существенные нарушения» от «несущественных», которые не искажают сведения об обстоятельствах реальной действительности. Такое деление позволило бы судам оценивать доказательства более объективно и достигать цели уголовного судопроизводства, что благотворно бы повлияло на процесс собирания доказательств.

Необходимо привести примеры из судебной практики для наиболее точного разграничения ранее указанных дефиниций. Так, примером существенного нарушения уголовно-процессуального законодательства является Определение Первого КСОЮ от 10.12.2025 г. № 7У-8760/2025 [7], в котором суд признал недопустимым заключение специалиста по психофизиологическому исследованию. Такое решение весьма мотивировано, ведь оценка показаний участника процесса является исключительной прерогативой суда, который основывает свои выводы на внутреннем убеждении. Иной подход по расширению возможностей оценки показаний участников процесса другими средствами (например, на основе данных полиграфа) приведет к возврату к формальной

теории доказательств. Поэтому данное нарушение нельзя считать «несущественным», ведь оно посягает на монополию суда в оценке правдивости сведений.

Вторым примером из судебной практики для раскрытия «несущественных» нарушений, связанных с процедурной компетенцией, будет служить Определение Седьмого КСОЮ от 11.08.2020 г. № 77-1302/2020 [8]. Суд признал недопустимым заключение эксперта, проведенное по постановлению следователя, в производстве которого уголовное дело не находилось. Такое нарушение, в контексте борьбы с излишним формализмом процесса, можно назвать «устранимым», поскольку в данном случае факты о необходимости экспертизы и ее достоверности не вызывают сомнений.

В научной литературе существует распространенное мнение о неравенстве имеющихся процессуальных возможностей подозреваемого, обвиняемого, защитника с позиции собирания доказательств по уголовному делу. Так, Л. А. Воскобитова отмечает наличие обвинительного уклона со стороны органов предварительного расследования. Тем самым, преждевременное определение «проигрышного» статуса подозреваемого, обвиняемого приводит к возникновению устойчивой тенденции: сначала сформулировать – затем всеми установленными уголовно-процессуальным законом средствами подтвердить обвинение приговором суда [9, с. 458].

В процессе собирания доказательств сторона защиты в отличие от органов предварительного расследования не наделена властными полномочиями. Несмотря на закрепление принципа равноправия сторон в уголовном судопроизводстве, становится затруднительным представление стороной защиты доказательств по уголовному делу, особенно тех, которые бы оправдывали подозреваемого, обвиняемого или смягчали будущее наказание. Для подозреваемого, обвиняемого, защитника предусмотрена лишь возможность ходатайствовать перед следователем, дознавателем о производстве следственных действий или приобщении сведений в качестве доказательств. Безусловно, отказ следователя в удовлетворении ходатайства может быть обжалован в порядке ст. 124, 125 УПК РФ, но на это необходимо дополнительное время. Так, создается временная правовая неопределенность, которая не только создает неудобства в виде незащищенности и неопределенности прав для заинтересованных лиц, но и ставит под вопрос принцип процессуальной экономии уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ).

Перечисленные в ч. 3 ст. 86 УПК РФ полномочия защитника не позволяют в полной мере осуществить надлежащую защиту. Отсюда следует, что защитник осуществляет сбор информации, которую в дальнейшем могут как признать, так и не признать доказательством, а, кроме этого, неурегулированность порядка осуществления таких полномочий порождает еще немало проблем. Например, сроки представления информации адвокату на его запрос, а также обязательность такого представления. Это положение лишь подтверждает некоторую зависимость защитника от органов предварительного расследования и суда, ведь присвоение статуса доказательств напрямую влияет на дальнейшее продвижение дела и его исход.

Нельзя однозначно применять в уголовном процессе термин «собираание доказательств» по отношению к защитнику и обвиняемому, подозреваемому, поскольку в действительности происходит собирание сведений, документов, имеющих отношение к уголовному делу, а не самих доказательств. На данный момент уголовно-процессуальное законодательство не регулирует не только порядок приобщения такой информации, но и проверку такого приобщения. С. А. Шейфер приходит к выводу о том, что защитник уже практически относится к лицам, которые содействуют собиранию доказательств [10, с. 59].

Следует выделить еще одну проблему, с которой сталкивается современное уголовно-процессуальное законодательство. Отсутствие законодательного закрепления процессуальной формы приобщения материалов опроса лица защитником, которая предполагала бы возможность преобразования полученных данных в доказательства.

Поскольку опрос не является следственным действием, опрашиваемое адвокатом лицо вправе представить любые сведения, оценка которых проводится следователем, но только в случае допроса ранее опрошенного лица, проведение которого зависит от

усмотрения следователя. Очевидно, что сведения, полученные адвокатом в ходе опроса, не будут иметь доказательственной силы в пользу подозреваемого, обвиняемого без допроса следователем. Соответственно после допроса опрошенных адвокатом лиц их показания в процессуальном статусе свидетеля могут быть отличны от материалов опроса. Важно также отметить, что такое доказательство отсутствует в перечне ст. 74 УПК РФ.

Однако закрепление материалов адвокатского опроса в качестве доказательств, установленных ст. 74 УПК РФ, по аналогии с допросом, производимым следователем, дознавателем, с разьяснением ответственности за дачу ложных показаний фактически означает наделение защитника полномочиями органа предварительного расследования. На наш взгляд, недопустимо выводить полномочия по собиранию доказательств за рамки деятельности следователя, дознавателя, иначе правосудие, определяемое как деятельность уполномоченных государственных органов на всех этапах уголовного судопроизводства, выйдет за установленные пределы такой деятельности.

По данной проблеме Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 4 апреля 2006 г. № 100-О выразил следующие позиции: «Отсутствие процессуальной регламентации формы проведения опроса и фиксации его результатов не может рассматриваться как нарушение закона и основание для отказа в приобщении к материалам дела; право стороны защиты на собирание и приобщение доказательств обеспечивается обязанностью органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, рассмотреть каждое ходатайство, заявленное в связи с исследованием доказательств» [11].

Отсюда введение процессуальной формы приобщения материалов опроса считается нецелесообразным, поскольку в любом случае должен быть подтвержден следственным действием – допросом. Согласно ч. 2 ст. 159 УПК РФ следователь обязан удовлетворять ходатайства подозреваемого, обвиняемого, его защитника, а также потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика или их представителей о допросе свидетелей, производстве судебной экспертизы и других следственных действий, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для уголовного дела. Эта обязанность продолжает оставаться в пределах дискреционных полномочий следователя, что подтверждает положение п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, согласно которому следователь уполномочен самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий.

Исходя из всего вышеизложенного видим необходимость сделать следующее заключение. Во-первых, внести изменения в ст. 75 УПК РФ, дополнив ее положениями о внесении критериев допустимости, которые будут разграничивать процессуальные нарушения. Такие критерии позволят отнести к существенным нарушениям: нарушение прав и свобод человека и гражданина; приобщение к материалам дела доказательств, полученных с источника, непоименованного в УПК РФ, и другие существенные нарушения, противоречащие логике и назначению уголовного судопроизводства. К несущественным нарушениям следует отнести незначительные смысловые ошибки в тексте процессуального документа (указание эксперта вместо специалиста; нарушения, связанные с процедурной компетенцией) – процедурные погрешности, которые носят устранимый характер.

Во-вторых, предлагается обязать следователя проводить допрос по ходатайству подозреваемого, обвиняемого, его защитника в качестве дополнительного способа собирания доказательств по уголовному делу. Такой подход снимет ограничения в доступе к правосудию участников процесса и обеспечит полноту расследования, а также поспособствует активному участию подозреваемого, обвиняемого и его защитника в целях обеспечения частных интересов на стадии предварительного расследования.

Список литературы

1. Россинский, С. Б. Собирание доказательств как «первый» этап доказывания по уголовному делу / С.Б. Россинский // Юридический вестник Самарского университета. – 2020. – Т. 6. – № 3. – С. 91–103.

2. Победкин, А. В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... д-ра. юрид. наук / А.В. Победкин. – Москва: МосУ МВД России. – 2005. – 464 с.
3. Осипов, М. Ю. Вопросы предоставления и оценки доказательств в уголовном процессе в свете требований конституционного и международного права / М.Ю. Осипов // Уголовная юстиция. – 2016. – № 1(7). – С. 74–77.
4. Вологина, Е. В. Требование к допустимости доказательств при рассмотрении дела судом в уголовном процессе / Е.В. Вологина, Э. В. Голоманчук // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2024. – № 3 (70). – С. 55–61.
5. Николаева, Т. Г., Допустимость доказательств в зарубежном уголовном процессе / Т.Г. Николаева, С. Д. Шестакова, С. А. Роганов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2012. – № 2 (54). – С. 103–108.
6. О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства) : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 51 // Российская газета. – 2017. – 29 декабря (№ 297).
7. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11 августа 2020 г. по делу № 77-1302/2020 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ007&n=12532#gYHr2CVWe8C8SgW> (дата обращения: 23.02.2026). – Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.
8. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 10 декабря 2025 г. по делу № 7У-8760/2025 // Справ.-правовая система «Гарант» : [сайт]. – URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/348718962/paragraph/43:0> (дата обращения: 23.02.2026). – Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.
9. Воскобитова, Л. А. Обвинение или обвинительный уклон? / Л.А. Воскобитова // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 3 (40). – С. 455–462.
10. Шейфер, С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам / С.А. Шейфер. – М.: Норма. – 2017. – 240 с.
11. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бугрова Александра Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части третьей статьи 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 04.04.2006 N 100-О // Вестник Конституционного Суда РФ. – N 4. – 2006.

ПОДСЕКЦИЯ 8.5. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА, КРИМИНОЛОГИИ И СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

УДК 343.54

ОСОЗНАНИЕ ВОЗРАСТА ПОТЕРПЕВШЕГО КАК УСЛОВИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ст. 134 УК РФ

Борознова Милена Михайловна, студентка

Волго-Вятский институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Киров, Россия
Mboroznova6747@gmail.com

Научный руководитель: Ермакова Татьяна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Волго-Вятский институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Киров, Россия
tnermakova@msalkirov.ru

Аннотация. В статье анализируется проблема влияния обмана несовершеннолетним о своем возрасте на квалификацию деяний по ст. 134 УК РФ [1]. Рассматривается противоречие формального подхода к определению возраста и принципа вины, закрепленного в ст. 5 УК РФ. Исследуются вопросы субъективной стороны и значение фактической ошибки в возрасте потерпевшего. Приводятся позиции ученых и анализ российской судебной практики. Проводится сравнительно-правовой анализ зарубежного регулирования. Обосновывается необходимость учета добросовестного заблуждения обвиняемого. Формулируются предложения по совершенствованию законодательства

Ключевые слова: статья 134 УК РФ, принцип вины, субъективная сторона преступления, возраст потерпевшего, ошибка в уголовном праве, обман о возрасте, формальный состав преступления, квалификация преступлений, объективное вменение, судебная практика, сравнительно-правовой анализ

Уголовно-правовая охрана половой неприкосновенности несовершеннолетних рассматривается как одно из важнейших направлений государственной политики в сфере защиты прав и свобод личности. Законодатель, устанавливая специальные составы преступлений против половой неприкосновенности лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста, исходя из презумпции их особой социальной и психологической уязвимости. Вместе с тем современное развитие общественных отношений, цифровизация коммуникаций и трансформация способов межличностного взаимодействия порождают новые вызовы для уголовного права, которые не всегда находят однозначное и справедливое разрешение в рамках действующих норм.

Одной из таких проблем является уголовно-правовая оценка ситуаций, при которых несовершеннолетний сознательно вводит совершеннолетнего партнера в заблуждение относительно своего реального возраста. Практика показывает, что подростки нередко завышают возраст в социальных сетях, на сайтах знакомств, в переписке и при личном общении, стремясь выглядеть старше, более зрелыми и самостоятельными. В условиях виртуального общения у взрослого лица зачастую отсутствует объективная возможность проверить достоверность сообщаемых сведений.

Статья 134 УК РФ предусматривает ответственность за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста [1]. Данный состав характеризуется как формальный: для признания преступления окончательным не требуется наступления каких-либо вредных последствий, достаточно самого факта совершения соответствующих действий. Возраст потерпевшего выступает обязательным

конструктивным признаком состава преступления, а субъектом может быть только лицо, достигшее восемнадцати лет.

Однако формальный характер состава не означает, что субъективная сторона утрачивает значение. Как справедливо отмечал А.В. Наумов, что любой состав преступления предполагает наличие виновного отношения лица ко всем объективным признакам деяния, в противном случае уголовная ответственность утрачивает свой правовой и нравственный смысл [2]. Применительно к ст. 134 УК РФ это означает необходимость установления того, что лицо осознавало именно несовершеннолетний возраст партнера.

Проблема ошибки в возрасте потерпевшего в теории уголовного права рассматривается как разновидность фактической ошибки. Л.Д. Гаухман указывал, что фактическая ошибка исключает умысел в той части, в которой лицо неверно представляло себе юридически значимые обстоятельства [3]. Если совершеннолетний убежден, что партнер достиг возраста согласия, его умысел не охватывает обязательный признак состава преступления – несовершеннолетие потерпевшего. В такой ситуации говорить о наличии прямого умысла, необходимого для квалификации по ст. 134 УК РФ, представляется проблематичным.

Несмотря на данные теоретические положения, судебная практика нередко демонстрирует противоположный подход. Во многих случаях суды исходят из презумпции того, что взрослый обязан был удостовериться в возрасте партнера, а сам факт недостижения потерпевшим шестнадцати лет рассматривается как достаточное основание для привлечения к ответственности. Так, в ряде приговоров по ч. 1 ст. 134 УК РФ суды указывали, что возраст потерпевшего подтвержден документально, а потому доводы подсудимого о заблуждении относительно возраста не имеют правового значения. Подобная логика фактически сводит на нет анализ субъективной стороны преступления.

Вместе с тем встречаются и решения, в которых суды подходят к оценке обстоятельств более взвешенно. В отдельных делах учитываются содержание переписки между сторонами, сведения, указанные несовершеннолетним в социальных сетях, его внешний вид, поведение и иные факторы, создававшие у обвиняемого обоснованное убеждение в совершеннолетию партнера. Если совокупность доказательств свидетельствует о добросовестном заблуждении, суды приходят к выводу об отсутствии состава преступления ввиду отсутствия умысла. Однако такие решения пока не носят системного характера и во многом зависят от усмотрения конкретного суда.

Научное сообщество в целом критически оценивает формальный подход к квалификации деяний по ст. 134 УК РФ. Так, Н.Ф. Кузнецова отмечала, что «игнорирование субъективного отношения лица к возрасту потерпевшего неизбежно приводит к объективному вменению, несовместимому с принципами современного уголовного права» [4].

Особую остроту рассматриваемая проблема приобретает в условиях распространения интернет-коммуникаций. Виртуальное пространство позволяет легко искажать персональные данные, в том числе возраст. Подросток может сознательно создавать образ совершеннолетнего человека, вести себя соответствующим образом, использовать фотографии и документы, вводящие партнера в заблуждение. В подобных условиях требовать от взрослого абсолютной осведомленности о реальном возрасте партнера зачастую объективно невозможно. Тем не менее действующая правоприменительная модель фактически возлагает на совершеннолетнего риск любой ошибки, даже если она была вызвана активным обманом со стороны самого несовершеннолетнего.

Такое положение вещей приводит к возникновению серьезной правовой коллизии. С одной стороны, формальный подход к определению возраста ориентирован на максимальную защиту несовершеннолетних. С другой стороны, в соответствии со ст. 5 УК РФ лицо подлежит уголовной ответственности только при наличии вины, выражающейся в форме умысла или неосторожности, а объективное вменение недопустимо [1]. То есть, если же совершеннолетний партнер не знал и не мог знать о несовершеннолетии потерпевшего

вследствие его обмана, возникает очевидное противоречие между формальной конструкцией состава преступления и принципом виновной ответственности. Фактически возникает ситуация объективного вменения, когда лицо наказывается не за виновное поведение, а за сам по себе неблагоприятный результат.

При этом судебная практика демонстрирует неоднозначность подходов. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 разъясняется необходимость установления субъективной стороны преступлений против половой неприкосновенности, включая осознание возраста потерпевшего [5]. Однако на практике данное разъяснение применяется не всегда последовательно.

Примером формального подхода может служить приговор Кировского районного суда г. Омска (дело № 1-122/2018), где доводы подсудимого о том, что потерпевшая сообщила ему о достижении 16 лет и выглядела старше, были признаны несостоятельными, а суд ограничился констатацией документально подтвержденного возраста потерпевшей. Анализ субъективной стороны был сведен к выводу о «должной осмотрительности» обвиняемого [6].

Вместе с тем в судебной практике имеются решения, где суды исследовали переписку сторон и установили, что несовершеннолетняя указывала возраст «16 лет» в социальных сетях, а обвиняемый объективно не имел оснований сомневаться в достоверности этих сведений. В подобных делах суды приходили к выводу об отсутствии доказательств прямого умысла на вступление в отношения именно с несовершеннолетним.

Интересным представляется сравнительно-правовой анализ зарубежного опыта регулирования аналогичных отношений. В ряде государств континентальной правовой семьи вопрос ошибки в возрасте потерпевшего урегулирован более гибко, чем в российском праве. Так, в уголовном праве Германии (§ 182 УУ ФРГ) предусмотрена возможность освобождения от ответственности, если обвиняемый добросовестно заблуждался относительно возраста партнера и имел для этого достаточные основания [7]. Немецкая доктрина исходит из того, что вина исключается при отсутствии знания о несовершеннолетии, а формальный подход недопустим.

Схожая модель действует во Франции. Французский Уголовный кодекс предусматривает ответственность за сексуальные отношения с несовершеннолетними, однако судебная практика признает допустимой защиту в форме добросовестной ошибки (*erreur de fait*). Если обвиняемый докажет, что обоснованно полагал партнера достигшим возраста согласия, уголовная ответственность может быть исключена [8]. Таким образом, субъективная сторона играет решающую роль в квалификации.

В праве Великобритании и США также существует институт «*reasonable belief*» – разумного убеждения в достижении партнером определенного возраста. В некоторых штатах США прямо предусмотрена возможность освобождения от ответственности, если обвиняемый доказал, что разумно полагал партнера совершеннолетним. Аналогичные положения содержатся в законодательстве Канады и Австралии.

В странах постсоветского пространства подходы к данной проблеме неоднородны. Например, в уголовном законодательстве Республики Беларусь и Республики Казахстан, как и в России, составы, аналогичные ст. 134 УК РФ, носят формальный характер. Однако в правоприменительной практике этих стран все чаще высказывается позиция о необходимости учитывать добросовестное заблуждение относительно возраста потерпевшего. В научной литературе данных государств также подчеркивается, что привлечение к ответственности без учета субъективного отношения противоречит общим началам уголовного права.

Сравнительный анализ показывает, что многие зарубежные правовые порядки стремятся к более гибкому и справедливому регулированию, допускающему учет ошибки в возрасте как обстоятельства, исключаящего вину. Российская же правовая система в настоящее время сохраняет преимущественно формальный подход, что приводит к риску необоснованного уголовного преследования лиц, фактически не имевших преступного намерения.

Представляется, что для преодоления выявленных противоречий необходимо совершенствование российского законодательства и правоприменительной практики. С целью устранения правовой неопределенности представляется целесообразным внести изменения в ст. 134 УК РФ, изложив часть первую в следующей редакции: «Половое сношение, мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера, совершенные лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, с лицом, заведомо для виновного не достигшим шестнадцатилетнего возраста, – наказываются...»

Дополнительно предлагается включить примечание: «Лицо не подлежит уголовной ответственности по настоящей статье, если оно добросовестно заблуждалось относительно возраста потерпевшего и имело достаточные основания полагать, что потерпевший достиг шестнадцатилетнего возраста.»

Такая редакция устраняет формальный подход к определению возраста как автоматического основания ответственности, закрепляет необходимость доказанности осознания возраста и полностью соответствует ст. 5 УК РФ. Альтернативным вариантом может стать официальное разъяснение Пленума Верховного Суда РФ, закрепляющее необходимость установления субъективной стороны и недопустимость объективного вменения в подобных делах.

Кроме того, целесообразно разработать четкие критерии оценки добросовестности заблуждения. К таким критериям могут относиться: способ и условия знакомства сторон, сведения, сообщенные несовершеннолетним о своем возрасте, содержание переписки, внешний вид и поведение потерпевшего, наличие у него документов, подтверждающих ложный возраст, а также иные объективные обстоятельства, позволявшие обвиняемому сделать вывод о совершеннолетию партнера. Наличие совокупности подобных факторов должно рассматриваться как основание для исключения уголовной ответственности.

Таким образом, обман несовершеннолетним о своем возрасте является существенным фактором, способным принципиально влиять на квалификацию деяния по ст. 134 УК РФ. Формальный характер данного состава в современных условиях нередко вступает в противоречие с принципом вины, закрепленным в ст. 5 УК РФ. Игнорирование субъективного отношения лица к возрасту потерпевшего фактически приводит к объективному вменению, что недопустимо в правовом государстве.

Развитие цифровых технологий, изменение моделей социального поведения и расширение виртуальных форм общения делают проблему ошибки в возрасте все более актуальной. Для обеспечения справедливости уголовного правосудия необходим пересмотр излишне формального подхода и переход к модели, при которой решающим фактором будет не только объективный возраст потерпевшего, но и реальное психическое отношение обвиняемого к этому обстоятельству.

Только учет, как интересов несовершеннолетних, так и прав лиц, действовавших без преступного намерения, позволит сформировать сбалансированную и справедливую систему уголовно-правового регулирования, отвечающую требованиям принципа виновной ответственности и современным реалиям общественной жизни.

Список литературы

1. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: от 13.06.1996 № 63-ФЗ: текст с изменениями и дополнениями на 28 февраля 2026 года: принят Государственной Думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года. – Москва: Эксмо, 2026. – 320 с. – ISBN 978-5-04-120943-6.
2. Наумов, А. В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций / А. В. Наумов. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2020. – 784 с. – ISBN 978-5-392-31317-4.
3. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под общей редакцией Л. Д. Гаухмана, С. В. Максимова. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Москва: Эксмо, 2005. – 703 с. – (Российское юридическое образование). – ISBN 5-699-12031-9.

4. Кузнецова, Н. Ф. Избранные труды / Н. Ф. Кузнецова; предисловие В. И. Полубинской. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003. – 834 с. – (Антология юридической науки). – ISBN 5-94201-205-9.

5. Российская Федерация. Верховный Суд. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 16 от 04.12.2014 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2015. – № 2. – С. 12-24.

6. Приговор Кировского районного суда г. Омска от 15.05.2018 по делу № 1-122/2018. – Текст: электронный // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». – URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 23.02.2026).

7. Strafgesetzbuch [Уголовный кодекс ФРГ]: vom 15. Mai 1871: in der Fassung vom 11. Januar 2026. – Текст: электронный // Bundesministerium der Justiz: [сайт]. – URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/> (дата обращения: 23.02.2026).

8. Code pénal [Уголовный кодекс Франции]: édition originale du 22 juillet 1992: mise à jour au 25 février 2025. – Текст: электронный // Légifrance: [сайт]. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070719/ (дата обращения: 23.02.2026).

ПРОБЛЕМА ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКИ ДОСТОВЕРНОСТИ ФОНОГРАММ С УКРАИНСКОЙ РЕЧЬЮ: ВЫЯВЛЕНИЕ ПРИЗНАКОВ МОНТАЖА И ФАЛЬСИФИКАЦИИ В ЦИФРОВЫХ АУДИОФАЙЛАХ

Ботандаева Алина Вадимовна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

botandaevaalina@mail.ru

Научный руководитель: Костылев Александр Анатольевич, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

kostilev_alex@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме судебной фоноскопической экспертизы – установлению подлинности цифровых аудиозаписей, содержащих украинскую речь. В условиях роста числа фальсифицированных материалов, используемых в качестве доказательств в судопроизводстве и распространяемых в информационном пространстве, особое значение приобретает разработка методик выявления признаков монтажа и иных изменений. Автор анализирует типичные способы фальсификации цифровых фонограмм, рассматривает технические и лингвистические признаки, указывающие на наличие изменений, а также предлагает подходы к их обнаружению с учетом специфики украинской речи.

Ключевые слова: фоноскопическая экспертиза, цифровые фонограммы, украинская речь, монтаж, фальсификация, подлинность записи, спектральный анализ, лингвистический анализ

В последние годы цифровые аудиозаписи все чаще фигурируют в качестве доказательств при расследовании уголовных дел, в гражданских спорах и даже в информационных кампаниях. Голосовые сообщения в мессенджерах, записи телефонных переговоров, аудиофайлы, распространяемые в сети – все это может стать предметом фоноскопической экспертизы. Однако с развитием технологий обработки звука появилась и обратная сторона – возможность относительно легко изменять содержание записи, монтировать ее, вставлять или удалять фрагменты, имитировать голоса с помощью искусственного интеллекта. Как показывает анализ экспертной практики, проблема выявления таких фальсификаций становится одной из ключевых в современной криминалистике.

Считаем, что особую остроту эта проблема приобретает при работе с украиноязычным материалом. Почему это так? Во-первых, в последние годы в информационном пространстве распространяется множество аудиозаписей, связанных с событиями вокруг Украины, и многие из них оказываются подделками. Во-вторых, украинская речь обладает специфическими фонетическими и интонационными особенностями, которые могут как создавать дополнительные сложности при выявлении монтажа, так и, наоборот, служить надежными маркерами подлинности. Целью моей работы было проанализировать существующие методы выявления признаков монтажа и фальсификации цифровых фонограмм и рассмотреть их применимость к записям с украинской речью с учетом ее лингвистических особенностей.

Прежде чем говорить о методах выявления фальсификаций, необходимо определить место этого направления в структуре фоноскопической экспертизы. По-нашему мнению, важно понимать, что фоноскопическая экспертиза решает несколько групп задач. Во-первых, это идентификация диктора – установление личности говорящего по голосу и речи. Во-вторых, это диагностические задачи, среди которых центральное место занимает установление подлинности аудиозаписи [1].

Как отмечается в методических материалах судебно-экспертных учреждений, при исследовании фонограмм эксперты могут решать такие вопросы, как определение наличия или отсутствия изменений в записи, выявление признаков монтажа, установление факта копирования или перезаписи. Особенно важно, что эти задачи решаются как на уровне технического анализа (исследование файловых характеристик, спектров, шумов), так и на уровне лингвистического анализа (изучение речевых особенностей).

Проанализировав доступные источники, я пришла к выводу, что в экспертной практике сложился определенный алгоритм проверки подлинности фонограмм. Он включает несколько этапов: анализ метаданных файла, исследование акустических характеристик, спектральный анализ, лингвистический анализ содержания. Каждый из этих этапов важен по-своему, и только их комплексное применение позволяет сделать обоснованный вывод.

Рассмотрим основные способы, с помощью которых злоумышленники могут изменять содержание аудиозаписей. По моему мнению, их можно разделить на несколько категорий в зависимости от сложности и применяемых технологий.

Первый и самый распространенный способ – это монтаж, то есть механическое редактирование записи. Он может включать склейку разных фрагментов, удаление отдельных слов или фраз, вставку инородных элементов. Как показывает экспертный опыт, при монтаже на записи неизбежно остаются следы – акустические нестыковки в местах склеек, неестественные переходы, изменение характера шумов. На спектрограмме такие места часто выглядят как обрывы частот или резкие скачки формант.

Второй способ – изменение характеристик голоса с помощью программной обработки. Это может быть замедление или ускорение речи, изменение высоты тона, наложение эффектов. Такая обработка оставляет свои следы – например, неестественную плавность переходов или, наоборот, "цифровую" жесткость звучания.

Третий, наиболее современный и опасный способ – использование технологий искусственного интеллекта для синтеза речи или создания дипфейков. С помощью нейросетей сегодня можно не только имитировать голос конкретного человека, но и генерировать целые высказывания, которых на самом деле никогда не было. Это создает принципиально новый вызов для судебной экспертизы, поскольку традиционные методы выявления монтажа здесь могут не сработать.

Технический анализ фонограммы начинается с исследования файла-носителя. Я считаю, что нельзя недооценивать важность этого этапа, поскольку именно здесь часто обнаруживаются первые признаки фальсификации. Эксперт изучает метаданные файла – информацию о дате создания, программе-редакторе, кодеках. Если файл создан в программе, предназначенной для редактирования звука, а заявлен как оригинальная запись с диктофона, это уже повод для подозрений.

Следующий этап – спектральный анализ. С помощью специальных программ (например, спектрографов) эксперт исследует частотную картину записи. Какие признаки могут указывать на монтаж? Во-первых, это резкие изменения спектра на границах предполагаемых склеек. В естественной речи спектр меняется плавно, а при склейке двух разных фрагментов может возникнуть скачок. Во-вторых, это анализ шумовой составляющей. Если фонограмма записывалась в одном помещении, шум (например, гул кондиционера или уличный шум) должен быть однородным на всем протяжении. Изменение характера шума – серьезный признак монтажа [3].

Проанализировав современные исследования, следует обратить внимание, что разрабатываются и более сложные методы автоматического выявления изменений. Например, методы на основе гауссовых смесей и опорных векторов позволяют моделировать "доминирующую среду" записи и выявлять участки, которые этой среде не соответствуют. Другие подходы используют анализ файловой структуры и постоянство квантизации для обнаружения даже очень аккуратно выполненных изменений.

Однако только технического анализа недостаточно. По моему глубокому убеждению, важнейшую роль в выявлении фальсификаций играет лингвистический анализ. Эксперт-

лингвист исследует речевые характеристики – темп, интонацию, паузы, логические ударения, особенности произношения.

В контексте украинской речи это приобретает особое значение. Почему? Украинский язык обладает рядом фонетических особенностей, которые могут служить маркерами подлинности записи. Например, специфические аффрикаты, палатализованные согласные, особенности реализации гласных в разных позициях. Если эти звуки звучат неестественно или не соответствуют типичному для данного региона произношению, это может указывать на синтез или имитацию.

Как показывает анализ современных исследований, проблема распознавания сгенерированной украинской речи уже привлекает внимание ученых. Разрабатываются методы на основе сверточных нейронных сетей, позволяющие отличать реальную речь от синтезированной с высокой точностью. Эти методы учитывают тонкие акустические различия, которые человеческое ухо может не улавливать, но которые фиксируются при спектральном анализе.

Какие еще лингвистические признаки могут указывать на фальсификацию? По моему мнению, это нарушения в интонационном оформлении высказывания. Украинская речь имеет специфический интонационный рисунок, отличный от русского. Если фальсификатор, имитирующий украинскую речь, является носителем другого языка, его интонация может "фонить" – сохранять следы родного языка. На слух это может быть незаметно, но при инструментальном анализе проявляется.

Отдельно хочу остановиться на практических аспектах. Для проведения полноценной экспертизы эксперту необходимы не только технические средства, но и качественные образцы для сравнения. В идеале, если есть подозрение на подделку, должны быть предоставлены записи голоса предполагаемого диктора, сделанные в сходных условиях, достаточные по объему (не менее 10-15 минут чистой речи) [4].

Но что делать, если таких образцов нет? Например, когда запись появляется в интернете и неизвестно, кто на ней говорит? Здесь, на мой взгляд, особенно важен комплексный подход. Эксперт может не идентифицировать личность, но установить, является ли запись подлинной или смонтированной. При этом вывод о монтаже может быть сделан и без идентификации диктора – на основе технического анализа и выявления нестыковок [1].

Важно отметить, что в практике уже были громкие дела, связанные с исследованием спорных фонограмм. Например, известная экспертиза записей Мельниченко показала, что даже очень сложные и многочасовые записи могут быть исследованы, и эксперты могут прийти к однозначному выводу о наличии монтажа и невозможности идентификации голосов. Этот опыт показывает, что, несмотря на сложности, современные методы позволяют решать даже такие задачи.

Обобщая все вышесказанное, я попыталась сформулировать основные принципы, которые, по моему мнению, должны лежать в основе экспертного исследования украиноязычных фонограмм на предмет подлинности.

Во-первых, это обязательное комплексирование методов. Ни один метод сам по себе не дает стопроцентной гарантии, но их совокупность позволяет построить убедительную систему доказательств. Эксперт должен использовать и анализ метаданных, и спектральный анализ, и лингвистический анализ речевых характеристик [2].

Во-вторых, это учет лингвистической специфики. При работе с украинской речью эксперт должен обладать не только общими знаниями в области фонетики, но и пониманием региональных особенностей, диалектных различий, типичных интонационных контуров. Без этого легко ошибиться, приняв особенность живой речи за артефакт монтажа или наоборот – пропустив подделку.

В-третьих, это необходимость постоянного обновления методик. Технологии фальсификации совершенствуются, и то, что работало вчера, завтра может оказаться бесполезным. Особенно это касается методов борьбы с дипфейками. Исследования в этой

области активно ведутся как в Украине, так и за рубежом, и их результаты должны внедряться в экспертную практику.

В-четвертых, это важность статистической обоснованности выводов. Современные подходы предполагают не просто констатацию факта "есть монтаж" или "монтажа нет", а оценку вероятности, с которой сделан вывод. Это повышает научную обоснованность экспертизы и ее убедительность для суда.

Подводя итог, хочу отметить, что проблема выявления признаков монтажа и фальсификации цифровых фонограмм с украинской речью является одной из наиболее актуальных в современной фоноскопической экспертизе. С одной стороны, это связано с ростом числа поддельных записей в информационном пространстве. С другой стороны – с развитием технологий, которые делают фальсификацию все более доступной и качественной.

Проанализировав существующие методы и подходы, можно прийти к выводу, что эффективное решение этой проблемы возможно только на основе комплексного подхода, сочетающего технический и лингвистический анализ, с обязательным учетом специфики украинской речи. При этом особого внимания требуют новые угрозы, связанные с развитием искусственного интеллекта и технологий синтеза речи.

Дальнейшие исследования в этой области, на наш взгляд, должны быть направлены на разработку автоматизированных методов выявления синтезированной речи, адаптированных к украинскому языку, а также на создание баз данных эталонных записей, которые могли бы использоваться экспертами для сравнения. Только так мы сможем обеспечить надежность и достоверность этого вида доказательств в судопроизводстве.

Список литературы

1. Власов, О. О. Методологические аспекты судебно-экспертного исследования видеозаписей / О. О. Власов // Теория и практика судебной экспертизы. – 2025. – Т. 20. – № 3. – С. 25–31.
2. Власов, О.О. Классификация задач криминалистической экспертизы видеозаписей / О.О. Власов // Теория и практика судебной экспертизы. – 2024. – Т. 19. – № 2. – С. 14–25.
3. Вознюк, М. А. Экспертная диагностика обстоятельств изготовления цифровых видео- и звукозаписей / М. А. Вознюк, Ю. А. Денисов, // Теория и практика судебной экспертизы. – 2017. – Т. 12. – № 1. – С. 48–71.
4. Фоноскопическая экспертиза: методологические основы и практическое применение в судебной экспертной деятельности. – Текст: электронный // Федерация судебных экспертов. Независимый экспертно-криминалистический центр: [сайт]. – URL: <https://patexp.ru/fonoskopicheskaya-ekspertiza-metodologicheskie-osnovy-i-prakticheskoe-primenenie-v-sudebnoj-ekspertnoj-deyatelnosti/> (дата обращения: 05.03.2026).

ИССЛЕДОВАНИЕ ОТОБРАЖЕНИЙ УШНЫХ РАКОВИН ЧЕЛОВЕКА В РАМКАХ ПОРТРЕТНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В КОМПЛЕКСЕ С КОМПЬЮТЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗОЙ

Головкова Анастасия Алексеевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

nastya.golovkova.com@gmail.com

Научный руководитель: Селезнев Виктор Михайлович, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

svit1017@mail.ru

Аннотация. В данной работе представлена методика всестороннего изучения человеческого уха в рамках портретной экспертизы, сочетающая традиционные подходы и методы компьютерно-технического анализа. В центре внимания – уникальные анатомические характеристики ушной раковины, которые рассматриваются как средство идентификации личности. Исследуются перспективы использования современных технологий обработки изображений для повышения точности и надежности экспертизы. Особое внимание уделяется правовым вопросам, связанным с применением результатов исследования в судебных процессах, а также анализируются существующие нормативные акты и прецеденты, регулирующие данную область. Работа направлена на совершенствование методологии портретной экспертизы и расширение ее возможностей при установлении личности.

Ключевые слова: судебная экспертиза, портретная экспертиза, идентификация, компьютерно-техническая экспертиза, ушная раковина, биометрическая идентификация, криминалистика, фотограмметрия, обработка изображений

Традиционно, портретная экспертиза уделяет основное внимание изучению лица, в частности, его чертам, мимике и пропорциям. Однако, в последнее время все большее значение приобретает анализ ушной раковины, рассматриваемой как устойчивый биометрический показатель. Ухо выделяется рядом неповторимых свойств: его возрастные изменения после завершения формирования минимальны, форма слабо подвержена влиянию мимики, а составные элементы (спираль, антиспираль, мочка, трагус) отличаются высокой индивидуальностью. В совокупности с инструментами компьютерно-технической экспертизы (КТЭ) анализ ушных раковин предоставляет новые перспективы для установления личности по фото- и видеоматериалам.

Ушная раковина имеет сложную пространственную структуру, которая формируется в процессе эмбрионального развития. Важнейшими идентификационными характеристиками являются: общая форма уха (круглая, овальная, прямоугольная); особенности строения спирали и противоспирали (выраженность, извилистость, наличие дефектов); размер и форма мочки (свободная, сросшаяся, величина); конфигурация трагуса и антитрагуса; наличие врожденных или приобретенных особенностей (рубцы, деформации). Данные признаки демонстрируют высокую стабильность с течением времени, что делает ухо надежным объектом для портретной идентификации, особенно когда лицо частично скрыто (маской, головным убором, шарфом) или снято под углом [1].

Углубленный подход к исследованию

1. Первичный этап - портретное исследование на первоначальном этапе эксперт в области портретной экспертизы проводит традиционный анализ, который включает в себя:

Сопоставление анатомических черт ушной раковины на исследуемых изображениях и образцах для сравнения.

Оценку влияния перспективных искажений, условий освещения и качества графических файлов на видимость признаков.

Определение общих и отличных характеристик, и формулировка первоначального заключения.

2. Следующий этап – применение компьютерно-технической экспертизы (КТЭ)

КТЭ используется для решения следующих вопросов:

Оптимизация визуального восприятия изображений: повышение четкости, уменьшение артефактов, настройка яркости для улучшения детализации.

Создание трехмерной модели: воссоздание формы уха на основе нескольких снимков или стереоскопической съемки.

Измерение и сравнение характеристик: автоматическое выделение границ, вычисление углов, измерение расстояний между опорными точками (антропометрические показатели уха).

Исследование текстуры: анализ микроструктуры кожного покрова, пор, складок в области ушной раковины.

Подтверждение подлинности цифровых изображений: обнаружение следов манипуляций, ретуширования, компрессии с потерей данных [2].

3. Объединение полученных данных

Взаимосвязанный анализ результатов, полученных на обоих этапах, позволяет сделать аргументированный вывод. Например, при обнаружении портретной экспертизой сходства основных элементов, а также подтверждении КТЭ идентичности микрорельефа и пропорций, значительно повышается вероятность точной идентификации.

Для всестороннего анализа необходим особый софт:

Инструменты биометрической аутентификации (вроде EarVox и ANTHEM), базирующиеся на алгоритмах машинного обучения. Приложения для фотограмметрической обработки (например, Agisoft Metashape), дающие возможность строить трехмерные модели на основе набора изображений. Программные комплексы для работы с изображениями (Adobe Photoshop со специализированными криминалистическими расширениями, Fiji/ImageJ для научных изысканий). Инструменты для контроля за сохранностью информации (Forensic Toolkit, Axiom Magnify). Правовые и методологические сложности.

Несмотря на многообещающие перспективы, данная методика сопряжена с определенными трудностями:

Во-первых, отсутствует унифицированная база данных строения ушных раковин, сопоставимая с дактилоскопическими картотеками.

Во-вторых, на результаты анализа влияют условия съемки: угол обзора, освещенность, технические характеристики оборудования могут приводить к искажению формы.

В-третьих, существуют юридические ограничения: использование биометрической информации требует соблюдения норм законодательства о защите персональных данных (в Российской Федерации – ФЗ-152) [3].

В-четвертых, необходима подготовка специалистов, обладающих знаниями в различных областях, включая анатомию, криминалистику и информационные технологии.

Детальное изучение строения ушных раковин с применением компьютерных технологий в рамках портретной экспертизы является активно развивающейся отраслью криминалистики. Данный подход особенно актуален в связи с возрастающим объемом видеозаписей с камер видеонаблюдения, где часто затруднительно получить четкое изображение лица [4].

Повышение эффективности алгоритмов искусственного интеллекта для анализа биометрических характеристик и создание стандартизированных баз данных изображений ушей позволят увеличить точность и скорость идентификации. Однако успешное применение методики обусловлено совершенствованием нормативно-правовой базы,

подготовкой квалифицированных специалистов и взаимодействием между экспертными организациями [5].

Список литературы

1. Бирюков, С. Ю. Общие вопросы криминалистической габитоскопии / С. Ю. Бирюков // Форум. – 2016. – № 1(7). – С. 88-92.
2. Габитоскопия и портретная экспертиза: учебно-практическое пособие / В. А. Газизов [и др.]; под ред. Н. В. Румянцева; М-во внутренних дел Российской Федерации, Московский ун-т. – Москва: МосУ МВД России, 2008. – 167 с.
3. Доляева, Г. Э. Идентификация человека по внешним признакам. Габитоскопия / Г. Э. Доляева, Е. Д. Хильченко // Аллея науки. – 2016. – № 4. – С. 639-644.
4. Зинин, А. М. Габитоскопия: учеб. пособие / А. М. Зинин, И. Н. Подволоцкий; А. М. Зинин, И. Н. Подволоцкий. – Москва: Юрлитинформ. Серия: Библиотека криминалиста: БК. – 2006.
5. Осинкин, В. Криминалистическая габитоскопия и криминалистическая фотопортретная экспертиза / В. Осинкин // Студенческие Южно-уральские криминалистические чтения: сборник научных статей по материалам VI-й Всероссийской студенческой научно-практической конференции, Институт права Башкирского государственного университета, 22 декабря 2017 года. Том Выпуск 6. – Институт права Башкирского государственного университета: Башкирский государственный университет, 2017. – С. 112-120.

ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ДОКУМЕНТОВ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ В СВЯЗИ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ДОСТУПНОГО ОБОРУДОВАНИЯ ДЛЯ АВТОПОДПИСИ С ПОМОЩЬЮ ГРАФОПОСТРОИТЕЛЕЙ (ПЛОТТЕРОВ)

Дашиева Билигма Бадмаевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

biligma.dashieva.03@mail.ru

Научный руководитель: Селезнев Виктор Михайлович, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

svit1017@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема современной криминалистики – появление нового класса подделок рукописных реквизитов документов с использованием доступных графопостроителей (плоттеров). Анализируются технические возможности такого оборудования и его доступность для широкого круга лиц. Подробно описаны диагностические признаки, позволяющие дифференцировать рукописный способ выполнения подписи от выполненного с помощью плоттера. Выявлены недостатки существующих экспертных методик и предложены пути совершенствования практики ТКЭД в условиях новых технологических вызовов.

Ключевые слова: Техничко-криминалистическая экспертиза документов (ТКЭД), плоттер, графопостроитель, техническая подделка подписи, судебное почерковедение, диагностические признаки, автоподпись, пишущий прибор

В современном цифровом обществе, несмотря на активное внедрение электронного документооборота, значительная часть юридически значимых действий по-прежнему удостоверяется собственноручной подписью на бумажных носителях. Это создает устойчивый спрос на различные способы подделки подписей и рукописных записей. Если традиционные методы фальсификации (срисовывание на просвет, копирование через копировальную бумагу, подражание с предварительной тренировкой) достаточно хорошо изучены и диагностируются экспертами, то появление доступных технических средств для автоподписи формирует новый вызов для системы ТКЭД [1, с. 143].

Речь идет о графопостроителях (плоттерах) – устройствах для автоматического вычерчивания с высокой точностью любых изображений, включая сложные кривые [2, с. 163]. Еще десятилетие назад такие устройства были дороги и труднодоступны. Сегодня на рынке представлены недорогие настольные плоттеры (стоимостью от 5-10 тысяч рублей), а также DIY-наборы, позволяющие любому пользователю, имеющему базовые навыки работы с графическими редакторами, изготовить высококачественную подделку подписи [3, с. 162]. Существует даже устройства, позиционируемые производителями специально для нанесения поздравительных надписей и факсимиле.

Конструкция современных плоттеров позволяет закреплять любые стандартные пишущие приборы: шариковые, гелевые, капиллярные ручки. Управление осуществляется через компьютер, на котором векторное изображение подписи (полученное путем сканирования и трассировки подлинного образца) преобразуется в управляющую программу [3, с. 162].

Технологическая схема подделки предельно проста: злоумышленник получает образец подлинной подписи (например, сфотографировав или отсканировав документ), в графическом редакторе создает векторный контур, после чего плоттер воспроизводит его на поддельном документе с точностью до 0,1 мм. В отличие от принтера, плоттер именно рисует, оставляя на бумаге след пишущего прибора, что создает иллюзию рукописного

исполнения. Известны случаи использования таких устройств для фальсификации договоров с целью рейдерских захватов и иных мошеннических действий.

Перед экспертом стоит сложная задача, отличить живую подпись от ее технически точной машинной копии. Как справедливо отмечает Д.А. Шлыков, распространенная практика ограничиваться констатацией факта выполнения подписи пишущим прибором как доказательства ее рукописности несостоятельна – плоттер также использует пишущий прибор.

На основе анализа экспертной практики и научных публикаций можно выделить две группы признаков, указывающих на использование плоттера [3]:

Признаки, возникающие при подготовке векторного изображения:

- сглаживание угловатых и мелкоизвилистых элементов, замена сложных форм более простыми геометрическими фигурами;
- утрата малых дополнительных штрихов, характерных для конкретного почерка;
- возможное появление признаков почерка оператора, если векторизация выполнялась вручную с помощью манипулятора «мышь».

Признаки, возникающие при воспроизведении плоттером (инструментальные):

- недифференцированный нажим, человек пишет с вариативным нажимом (сильнее на сгибательных движениях, слабее - на отводящих). Плоттер обеспечивает равномерное давление пишущего узла на протяжении штриха. Это ключевой диагностический признак;
- особенности начала и окончания штриха, у плоттера точки начала и окончания движения пера часто имеют форму правильной полуокружности, при этом отсутствуют рефлекторные штрихи, например, микропродолжения, характерные для естественного письма;
- механическая извилистость, на протяженных элементах может наблюдаться равномерная, механическая извилистость, обусловленная люфтом пишущего узла в зажиме плоттера или вибрацией механизма;
- абсолютное совпадение нескольких подписей, человек не может дважды воспроизвести подпись с абсолютной точностью. Наложение цифровых изображений нескольких исследуемых подписей друг на друга с помощью графических редакторов, например, Adobe Photoshop позволяет выявить их полную графическую идентичность, что однозначно свидетельствует о машинном способе исполнения [3, с. 164-165].

Современная ситуация требует пересмотра некоторых устоявшихся подходов в экспертной практике. Традиционные методики судебно-почерковедческой экспертизы ориентированы на поиск признаков замедления темпа, нарушений координации движений, срисовывания. Плоттер же рисует быстро и уверенно, поэтому такие признаки отсутствуют, что может ввести эксперта-почерковеда в заблуждение.

В научной литературе справедливо указывается на необходимость своевременной адаптации теоретических и методических основ почерковедения к новым видам объектов, воспроизведенных с помощью современных технологий. Игнорирование этого требования чревато снижением достоверности экспертных выводов и, как следствие, риском принятия необоснованных судебных решений.

Для преодоления сложившегося методического разрыва представляется целесообразным реализовать комплекс мер, включающий следующие направления:

- сложность объектов, выполненных с помощью плоттеров, требует привлечения к экспертизе не только почерковедов, но и специалистов, обладающих компетенциями в области компьютерной графики, материаловедения. Наиболее перспективной формой становится производство комплексных экспертиз, в рамках которых объединяются усилия экспертов разного профиля. Такой подход позволяет оценить как почерковые характеристики, так и технические аспекты происхождения подписи;
- существующие методические рекомендации должны быть дополнены алгоритмами поиска и интерпретации специфических признаков, характерных именно для плоттерной

подделки. Внедрение этих критериев в повседневную практику повысит надежность дифференциации рукописных и машинных объектов.

Распространение доступных графопостроителей сформировало принципиально новый класс подделок рукописных реквизитов – технически точных подделок, которые сложно выявить без специального инструментального исследования. Традиционные экспертные методики, ориентированные на поиск признаков неестественности письма человека, в данном случае могут быть неэффективны, поскольку плоттер имитирует не почерк, а его внешний рисунок.

Для адекватного ответа на этот вызов необходимо совершенствование методического обеспечения ТКЭД, внедрение комплексного подхода с участием специалистов различного профиля и обязательное использование микроскопической техники. Без этого существует риск экспертных ошибок, способных привести к необоснованным судебным решениям по делам о фальсификации доказательств и экономических преступлениях.

Список литературы

1. Шлыков, Д. А. Установление фактов нерукописного воспроизведения почерковых объектов: современное состояние и перспективы развития / Д. А. Шлыков // Научно-практический журнал «Энциклопедия судебной экспертизы». – М., 2017. – Текст : электронный // URL: http://www.proexpertizu.ru/theory_and_practice/ted/756 (дата обращения: 17.02.2026).
2. Пронин, В. Н. Исследование подписи с целью установления факта ее выполнения с помощью технического средства – плоттера / В. Н. Пронин, П. Г. Лесникова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2015. – № 4. – С. 162-165.
3. Ярошук, И. А. Проблемные вопросы экспертизы подписи как малообъемного почеркового объекта / В. Н. Пронин, К. В. Гриневич // Актуальные проблемы Российского права. – 2021. – Т. 16. – № 8. – С. 141-151.
4. Судебно-почерковедческая экспертиза. Общая часть: теоретические и методические основы / под науч. ред. В. Ф. Орловой. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Наука, 2006. – 544 с.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СКЛОНЕНИЕ К ПОТРЕБЛЕНИЮ НАРКОТИЧЕСКИХ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ (п. «Д» ч. 2 ст. 230 УК РФ): ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Задорожная Дарья Игоревна, студентка

Волго-Вятский институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Киров, Россия
dazador18@gmail.com

Научный руководитель: Ермакова Татьяна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Волго-Вятский институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Киров, Россия
tnermakova@msalkirov.ru

Аннотация. В статье исследуется проблема уголовной ответственности за склонение к потреблению наркотических и психотропных веществ с использованием сети Интернет – социально опасного явления, приобретающего все более масштабные и скрытые формы в условиях цифрового изменения общества. Актуальность работы обусловлена стремительным развитием информационно-телекоммуникационных технологий, которые преступники активно используют для вовлечения граждан (в том числе несовершеннолетних в наркопотребление). Приводятся примеры судебной практики.

Ключевые слова: уголовная ответственность, наркотические и психотропные вещества, пропаганда наркотических средств, склонение к потреблению наркотиков, интернет-преступления, цифровая среда, киберпреступность, наркотизация, уголовное право, несовершеннолетние

Современный этап развития российского общества характеризуется стремительным развитием технологий во всех сферах общественной жизни. Информационно-телекоммуникационные сети стали не только инструментом коммуникации, но и пространством социальной активности, формирования мировоззрения, ценностных ориентиров и поведенческих установок. Такая кардинальная трансформация не оставила в стороне уголовно-правовую сферу, в особенности – наркопреступность, которая адаптировалась к новым реалиям. Если ранее склонение к потреблению наркотиков осуществлялось преимущественно при личном контакте, то сегодня значительная часть противоправного воздействия реализуется прежде всего через сеть Интернет.

Современная наркопреступность активно использует социальные сети, мессенджеры и иные цифровые платформы для формирования у неопределенного круга лиц положительного отношения к потреблению наркотиков. Особую тревогу вызывает вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность. Цифровые платформы, отвечающие анонимностью и доступностью, становятся идеальной площадкой для вербовки подростков. Преступники используют адаптированные под детскую психологию методы, такие как создание «доверительных» сообществ, предложение легкого заработка, что приводит к нормализации наркотизации как элемента молодежной субкультуры, а в дальнейшем – к реальному участию в незаконном обороте наркотических средств. Преступники с легкостью могут использовать зашифрованные каналы связи, что значительно усложняет их идентификацию. Это создает ощущение безнаказанности и способствует беспрепятственному распространению наркотиков. Основным отличием пропаганды наркотических средств от склонения к их потреблению является неперсонифицированный характер. Это свойство усиливает общественную опасность деяний, так как пропаганда способствует расширению числа наркозависимых [1].

Специфика рассматриваемого состава преступления заключается в способе его совершения – с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Данный признак был отражен в Федеральном законе "О внесении изменений в отдельные

законодательные акты Российской Федерации" от 01.03.2012 N 18-ФЗ [2], что говорит о том, что законодатель активно реагирует на современные растущие тенденции в сфере незаконного оборота наркотиков. Под информационно-телекоммуникационными сетями современная судебная практика понимает не только глобальную сеть Интернет, но и любые иные системы передачи данных: мессенджеры (Телеграм, ВКонтакте), закрытые форумы в даркнет-сервисах, а также внутренние сети мобильных операторов. Законодатель осознанно использовал широкую формулировку, чтобы охватить любые будущие технологические решения, которые могут быть адаптированы преступниками.

Борьба со склонением к потреблению наркотических средств (ст. 230 УК РФ) остается приоритетным направлением уголовного законодательства [3]. Однако эффективность принимаемых мер во многом зависит от способности системы реагировать на новые способы совершения преступлений с использованием социальных сетей и мессенджеров. Рассмотрим статистические данные и результаты исследований. Ежегодно к уголовной ответственности за склонение к потреблению наркотических средств привлекается чуть менее ста человек. Так, в 2022 году по ст. 230 УК РФ осуждено 76 лиц (по ч. 2 – 8 человек), в 2023 году по данной части осуждено такое же количество лиц, в 2024 году число увеличилось на одного осужденного лица. В 2018 году было проведено исследование по изучению роли социальных сетей, а именно мессенджера «Телеграм» в незаконном обороте наркотиков, где было выявлено более 70 телеграм-каналов в которых пропагандируется употребление наркотиков, рекламируются интернет-магазины и так далее, а их аудитория – десятки тысяч подписчиков [4]. По данным Роскомнадзора, в 2023 году было заблокировано более 100 тысяч интернет-страниц с информацией о наркотиках, что на 25% больше, чем в 2022 году, это говорит о масштабности совершаемых преступлений. Борьба с наркопреступностью в сети Интернет требует не только мер уголовно-правового характера, но и активной профилактической работы, повышение цифровой грамотности населения, сотрудничества с интернет-провайдерами и администраторами платформ, так как реальная угроза, исходящая от онлайн-склонения к потреблению наркотических веществ растет, что требует адекватного и быстрого реагирования всех заинтересованных сторон [5].

Объективная сторона выражается в активных действиях, направленных на склонение другого лица к потреблению наркотических, психотропных веществ или их аналогов. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ №14 от 15.06.2006 [6], склонение может выражаться в любых умышленных действиях, в том числе однократного характера, направленных на возбуждение у другого лица желания их потребления (в уговорах, предложениях, даче совета и т. п.). Также склонение может проявляться в обмане, психическом или физическом насилии, ограничении свободы и других действиях, совершаемых с целью принуждения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов лицом, на которое оказывается воздействие. В цифровой среде объективная сторона может выражаться в разнообразных формах: размещение рекламных объявлений о продаже наркотиков на специализированных платформах; публикация инструкций по изготовлению и употреблению запрещенных веществ; ведение медиаресурсов, пропагандирующих наркопотребление; персональные сообщения с предложениями попробовать наркотики. Доказывание таких деяний требует особого подхода к сбору и фиксации доказательств. Ключевое значение приобретают электронные переписки, IP-адреса, метаданные устройств, а также заключения компьютерно-технических экспертиз. При этом преступники активно используют даркнет-ресурсы и анонимные платежные системы, что существенно усложняет процесс расследования уголовного дела.

Субъективная сторона склонения к потреблению наркотиков характеризуется прямым умыслом. Лицо осознает общественную опасность своих действий, предвидит возможность вовлечения другого лица в потребление и желает наступления такого результата. Это означает, что целью преступника является именно формирование у другого человека желания употребить наркотики, а не просто случайное распространение информации. Мотивы не влияют на квалификацию, но могут учитываться при назначении наказания. Субъектом

преступления выступает вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста. К таким лицам могут относиться владелец, создатель сайта, его оператор, владелец учетной записи системы обмена сообщениями или электронной почты, которая использовалась для совершения преступления. Особую общественную опасность представляет склонение несовершеннолетних, что предусмотрено п. «а» ч.3 статьи 230 УК РФ и влечет более строгое наказание, что отражает повышенную уязвимость данной возрастной категории. Несовершеннолетние, в силу своего психологического развития, менее способны критически оценивать информацию, более подвержены влиянию со стороны сверстников и взрослых, а также склонны к рискованному поведению. Можно предположить, что к уголовной ответственности по п. «д» ч. 2 ст. 230 УК РФ субъекты могут быть привлечены только в случае «адресного» общения с конкретным покупателем, отвечая на интересующие вопросы и убеждая в целесообразности приобретения и употребления наркотических средств, рассказывая о свойствах и воздействии на организм.

Практика расследования таких преступлений выявляет ряд проблем. Во-первых, технические сложности связаны с отслеживанием транзакций, использованием преступниками технологий шифрования и размещение серверов за рубежом. Во-вторых, скрытый характер остается крайне высоким из-за страха жертв обращаться в правоохранительные органы или недостаточной осведомленности о механизмах фиксации доказательств. Судебная практика демонстрирует тенденцию к ужесточению наказаний за склонение через Интернет. Так, например, в Кировском районном суде г. Ростов-на-Дону рассмотрено уголовное дело в отношении В.В., обвиняемого в склонении к потреблению наркотических средств (п. «б» ч. 3 ст. 230 УК РФ). По версии следствия, В.В. через мессенджер «Telegram» склонил двух лиц к употреблению наркотиков. Одна из потерпевших после употребления наркотического вещества совершила суицид. Подсудимый не признал вину, утверждая, что не склонял потерпевших к употреблению наркотиков, а они сами добровольно их употребляли. Однако суд счел доказательства (показания потерпевших, акты медицинского освидетельствования, заключения экспертов и другие материалы дела) достаточными для установления виновности В.В. Суд квалифицировал действия подсудимого как склонение к потреблению наркотиков, повлекшее иные тяжкие последствия, и приговорил его к 9 годам 6 месяцам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима [7]. Таким образом, современные способы борьбы с интернет-преступлениями характеризуются наличием серьезных проблем в расследовании и тенденцией к усилению ответственности за подобные деяния.

Для качественного совершенствования уголовно-правовой охраны здоровья населения в условиях цифровизации требуется теоретическое изменение подходов к пониманию объективной стороны преступления. В первую очередь, существует необходимость разработки и внесения четких, формализованных критериев в нормативно-правовые акты. Это необходимо для того, чтобы на практике суды могли безошибочно отграничивать пассивное информирование или обсуждение наркотических веществ от активного, целенаправленного психологического манипулирования. Критерием такого разграничения должен выступать характер подачи информации: если контент, транслируемый в сети Интернет, содержит не только описание психоактивных эффектов, но и конкретные инструкции по способам употребления или прямые ссылки на ресурсы по приобретению веществ, такие действия должны квалифицироваться как уголовное преступление. Особое внимание заслуживает вопрос о субъекте. Масштабное воздействие на аудиторию через популярных блогеров, стримеров или «лидеров мнений» должно быть законодательно закреплено какотягчающее обстоятельство или выделено в отдельный квалифицированный состав. Потенциальный охват и популярность источника информации в Интернете способны вовлечь в наркопотребление несоизмеримо большое количество лиц. В связи с этим возможно обсуждение введения в ст. 230 УК РФ нового квалифицирующего признака – «совершение деяния лицом с использованием своего публичного статуса или с использованием информационных ресурсов с аудиторией». Усиление ответственности за

массовое склонение в информационном пространстве позволит государству перейти к быстрому реагированию на совершение преступления.

Проведенный анализ проблемы уголовной ответственности за склонение к потреблению наркотиков в сети Интернет позволяет сделать ряд выводов о характере и масштабах данного явления. Интернет-среда кардинально изменяет способы вовлечения в наркопотребление, придавая им новые свойства: анонимность, массовость и доступность. Эти особенности не только повышают общественную опасность деяние, но и создают существенные препятствия для выявления, расследования и пресечения преступлений. Преступники активно используют шифрование, даркнет-ресурсы (скрытые сети, доступ, к которым осуществляется через специальное ПО), что затрудняет идентификацию виновных и сбор доказательств. Привлечение к уголовной ответственности при совершении преступления с использованием сети Интернет возможно при персонифицированном взаимодействии между склоняемым и склоняющим (например, путем взаимодействия посредством переписки, видео- и аудиозвонков, создание закрытых групп и чатов). Уголовно наказуемой стадией совершения этого преступления должно считаться приготовление к склонению к потреблению наркотических средств с использованием сети Интернет, которое состоит в создании веб-сайта для размещения информации и иной деятельности, направленной на последующее совершение преступления.

Список литературы

1. Фарахиева, Г. Р. Влияние Интернет-пространства на процессы вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов / Г. Р. Фарахиева // Вестник Саратовской юридической академии. – 2021. – №5 (142). – С. 182.

2. Федеральный закон "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 01.03.2012 № 18-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126740/ (дата обращения: 06.02.2026).

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) №63-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 06.02.2026).

4. Обзор судебной практики по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.06.2024) (ред. от 22.12.2025) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_479925/ (дата обращения: 19.02.2026).

5. Число заблокированных Роскомнадзором сайтов за публикации о наркотиках выросло на 25%: [сайт]. – Москва, 2024. – URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/504337-cislo-zablokirovannyh-rokomnadzorom-sajtov-za-publikacii-o-narkotikah-vyroslo-na-25> (дата обращения: 19.02.2026).

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 16.05.2017) "О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами" // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61074/ (дата обращения: 19.02.2026).

7. Димитровский районный суд г. Костромы. Приговор № 1-36/2020 от 21 февраля 2020 г. по делу № 1-36/2020 / Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт): [сайт]. – 2024. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/zo9ztqbComZA/> (дата обращения: 21.02.2026).

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА ПО ВЕНАМ НА ЛАДОНИ И ТЕРМОГРАММАМ ЛИЦА: ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКУЮ РЕГИСТРАЦИЮ

Ковалевский Иван Евгеньевич, студент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
chestervankoval@yandex.ru

Научный руководитель: Селезнев Виктор Михайлович, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
svit1017@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются современные биометрические технологии идентификации личности на основе анализа венозного рисунка ладони и термограмм лица, а также оцениваются перспективы их интеграции в существующие системы судебно-медицинской регистрации в России. Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска более надежных и защищенных от фальсификации методов идентификации, особенно при работе с неопознанными трупами, потерпевшими с измененной внешностью и в условиях цифровизации преступности. Анализируются физиологические основы этих методов, технические аспекты получения и обработки биометрических образцов, процедура экспертного исследования, а также потенциальные следственные ситуации для их применения. Особое внимание уделяется проблемам нормативного регулирования, ведомственной стандартизации и совместимости с существующими системами учета (записи отпечатков пальцев и дезоксирибонуклеиновой кислоты). Сделан вывод о том, что внедрение мультимодальных биометрических технологий в деятельность экспертно-криминалистических подразделений является весьма перспективным, и сформулированы предложения по совершенствованию криминалистической регистрации.

Ключевые слова: судебно-медицинская регистрация, идентификация личности, биометрия, вены на ладони, термограмма лица, инфракрасная съемка, мультимодальная биометрия, экспертное исследование, раскрытие преступлений, неопознанные трупы

Современная криминалистика переживает активную цифровую трансформацию. Традиционные методы идентификации личности, такие как дактилоскопия и словесный портрет, сохраняя свою фундаментальную важность, сталкиваются с новыми вызовами. Преступники используют средства маскировки, меняют свою внешность, перчатки становятся обязательным атрибутом, а посмертные изменения или преднамеренное повреждение пальцев затрудняют идентификацию трупов. В этих условиях возникает необходимость обратиться к биометрическим технологиям, основанным на внутренних характеристиках человека, которые скрыты от непосредственного наблюдения. Среди наиболее перспективных областей - идентификация по венозному рисунку ладони (пальцев) и термограммам лица. В этих методах используются анатомические и физиологические особенности, которые практически невозможно скрыть или подделать. Целью данной работы является комплексный анализ возможностей, механизмов и перспектив внедрения данных технологий в систему регистрации преступлений МВД России для повышения эффективности раскрытия и расследования преступлений. Объектом исследования являются социальные отношения, которые складываются в процессе идентификации личности при расследовании преступлений с использованием биометрических технологий. Предметом исследования являются закономерности формирования, сбора, исследования и использования изображений венозного рисунка ладони и термограмм лица в судебно-медицинских целях. Методологическую основу составляют общедialeктический метод

познания, а также общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение, системно-структурный подход) и частнонаучные методы (формально-логический, сравнительно-правовой, статистический). При написании статьи мы использовали труды отечественных и зарубежных ученых в области криминалистики и биометрии.

Идентификация по венам ладони основана на уникальности рисунка венозной системы, который формируется внутриутробно и остается неизменным на протяжении всей жизни человека, изменяясь лишь в размерах пропорционально росту. Венозный рисунок строго уникален: даже у однояйцевых близнецов он отличается, что связано со случайным характером ангиогенеза. Расположение вен под кожей делает их невидимыми невооруженным глазом при обычном освещении, что исключает возможность их случайного оставления на поверхности предметов и защищает от подделки. Термограмма лица, в свою очередь, отображает распределение температуры по поверхности кожи, которое определяется сетью кровеносных сосудов (терморегуляция), толщиной подкожно-жировой клетчатки, метаболической активностью тканей и теплопередачей через костные структуры (глазницы, пазухи носа). Термографический рисунок также индивидуален и стабилен во времени. Для получения изображения венозного рисунка используется метод ближней инфракрасной спектроскопии. Гемоглобин в венозной крови (дезоксигемоглобин) поглощает инфракрасное излучение в диапазоне 700-1000 нано метров сильнее, чем окружающие ткани. Специальная камера с инфракрасной подсветкой улавливает отраженный свет, так что вены на изображении выглядят как темные линии на более светлом фоне мышечной и костной ткани. Этот процесс является бесконтактным, гигиеничным и не требует прямого контакта со сканером. Термограммы лица получают с помощью тепловизоров - камер, чувствительных в дальнем инфракрасном диапазоне (8-14 микрон), которые улавливают собственное тепловое излучение организма. Важным преимуществом является независимость от условий освещения – термографию можно проводить в полной темноте. Однако на результат могут повлиять физическая активность, эмоциональное состояние, температура окружающей среды, прием пищи или алкоголя.

Процесс идентификации на основе этих биометрических характеристик, как и в случае традиционных видов судебно-медицинской экспертизы, состоит из нескольких последовательных этапов, начиная с получения образца и заканчивая заключением эксперта. На первом этапе судебно-медицинский эксперт получает первичное изображение. При работе с живыми лицами используется специализированный сканер или тепловизор. При работе с трупом могут возникнуть трудности: после смерти температура тела падает и выравнивается с температурой окружающей среды, что делает термографию лица бесполезной. С другой стороны, венозный рисунок может быть пригоден для идентификации в течение длительного времени, но посмертные изменения и травмы могут исказить изображение. Полученное изображение обрабатывается для улучшения его качества: контрастность увеличивается, шум подавляется, а область интереса (ладонь или лицо) сегментируется. Для венозного рисунка используются алгоритмы идентификации сосудистого русла (бинаризация, скелетонизация), в результате чего формируется подробная карта вен. На основе обработанного изображения создается биометрический шаблон – компактное цифровое представление уникальных характеристик. Для вен ладони это могут быть координаты точек разветвления и пересечения сосудов, направление хода вен, их толщина и кривизна. Для термограмм – взаимное расположение горячей и холодной зон, температурные градиенты в области глаз, носа, губ и лба. Проверка (сравнение один к одному) выполняется для подтверждения того, что конкретный человек является тем, за кого он себя выдает (например, при проверке оперативных справочных документов). Идентификация (сравнение «один ко многим») включает поиск в базе данных для идентификации неизвестного объекта. Современные алгоритмы, использующие нейронные сети и глубокое обучение, демонстрируют высокую точность. Так, в Национальном институте стандартов и технологий, алгоритмы распознавания вен на ладони демонстрируют показатели точности, сопоставимые с лучшими алгоритмами распознавания отпечатков

пальцев. Несмотря на высокую степень автоматизации, окончательное решение об идентификации должен принимать судебно-медицинский эксперт. Как и при дактилоскопии, здесь действует принцип непринятия решений, основанных исключительно на автоматической оценке степени сходства. Эксперт визуально оценивает совпадение характерных точек на венозном рисунке, анализирует возможные искажения и формулирует заключение в категориальной или вероятностной форме.

Внедрение методов идентификации на основе ладонных вен и термограмм лица может значительно расширить возможности правоохранительных органов в различных следственных ситуациях. Направление идентификации неопознанных трупов представляется наиболее перспективным. В случаях, когда кожа пальцев повреждена (воздействие воды, огня, кислот) или отсутствует, идентификация по отпечаткам пальцев становится невозможной. Венозный рисунок ладони, расположенный в более глубоких слоях ткани, может сохраниться. Для его получения требуется препарирование руки, которое должно быть выполнено судебно-медицинским экспертом с последующей рентгенографией. В ситуациях, когда преступники используют перчатки, маски, очки, меняют причёску и цвет волос, чтобы избежать идентификации по отпечаткам рук и видеозаписям наблюдения, термограмма лица лишена этих недостатков: она не зависит от макияжа, наличия бороды или пластической операции, которая не изменяет структуру глубоких сосудов. Тепловизоры, встроенные в системы видеонаблюдения, могут фиксировать уникальный термографический рисунок даже в условиях плохой видимости, что позволит идентифицировать подозреваемого, скрывшего свое лицо под маской. В отличие от папиллярных узоров, вены ладони не оставляют следов на поверхностях при обычном контакте, но при определенных условиях их можно обнаружить. Например, холодное оружие может оставлять нарисованный от руки тепловой след, который может быть обнаружен чувствительным тепловизором, если проверка будет проведена оперативно. Перспективным направлением является работа с окровавленными предметами: на фоне крови, имеющей свою температуру, могут проявляться термографические особенности рук, но это направление требует дополнительных исследований. Интеграция различных биометрических методов в единую систему (мультимодальная биометрия) повышает надежность идентификации. Например, совпадение отпечатка пальца может быть подтверждено совпадением вены на ладони, а распознавание лица по видеозаписи может быть подтверждено термограммой. Для оперативно-розыскных мероприятий это открывает возможность дистанционной идентификации: термограф, установленный скрытно, может фиксировать изображение лица подозреваемого через оптически непрозрачные препятствия (например, через тонкую ткань палатки или в условиях сильного задымления).

Несмотря на очевидные преимущества, внедрение этих методов в систему судебно-медицинской регистрации МВД России связано с рядом проблем. В настоящее время Федеральный закон № 128-ФЗ «О государственной регистрации отпечатков пальцев в Российской Федерации» не предусматривает сбора и хранения изображений венозного рисунка или термограмм. Для узаконивания новых видов учета необходимо будет внести изменения в законодательство, определить правовой статус данных биометрических образцов, порядок их получения, хранения и использования, а также обеспечить гарантии соблюдения прав и свобод граждан. Необходимо четко определить категории лиц, подлежащих обязательной регистрации по новым основаниям. Внедрение технологий требует приобретения дорогостоящего оборудования (сканеры, тепловизоры) и создания новых автоматизированных систем биометрической идентификации или интеграции модулей в существующие системы. Вопрос стандартизации форматов данных стоит остро. Для обеспечения обмена информацией на межгосударственном уровне (например, в рамках Интерпола, СНГ) необходимо, чтобы внутренние стандарты соответствовали международным стандартам для изображений сосудов, а также для изображений лица, включая термограммы. Целесообразно создать федеральную базу данных изображений вен ладоней и термограмм лица в структуре Экспертно-криминалистического центра МВД

России. Это потребует разработки ведомственных инструкций, регламентирующих порядок создания и ведения документации. Необходимо подготовить специалистов, обладающих навыками работы с новым оборудованием и методами исследований. Соответствующие темы должны быть включены в образовательные программы высших учебных заведений Министерства внутренних дел. Использование термографии в общественных местах может быть воспринято обществом как вторжение в частную жизнь, что требует широкого общественного обсуждения и разработки четких правовых ограничений. Кроме того, на точность термографии могут влиять внешние факторы (жара, холод, ветер), что ограничивает ее использование на открытом воздухе и требует учета в методах исследования.

Идентификация человека по венам на ладони и термограммам лица является одним из наиболее перспективных направлений развития судебно-медицинской регистрации. Эти методы отличаются высокой надежностью, устойчивостью к подделке и позволяют получать идентификационную информацию в ситуациях, когда традиционные методы бессильны (измененный внешний вид, отсутствие папиллярных узоров, работа в условиях плохой видимости). Анализ показывает, что эти методы технологически готовы к внедрению в практику правоохранительных органов. Однако для их эффективной интеграции в существующую систему судебно-бухгалтерской экспертизы в России необходимо решить комплекс правовых, организационных, технических и кадровых задач. На начальном этапе представляется целесообразным создать экспериментальные учетные записи на базе одного из региональных ЕСС для разработки методов и оценки их практической эффективности. Параллельно требуется разработка нормативной базы, регулирующей сбор, хранение и использование биометрических атрибутивных данных. Внедрение мультимодальных биометрических технологий, которые включают в себя, помимо традиционных записей отпечатков пальцев и дезоксирибонуклеиновой кислоты, также записи вен ладони и термограммы лица, позволит вывести идентификацию личности в криминалистике на качественно новый уровень, повысив раскрываемость преступлений и обеспечив более надежную защиту прав и законных интересов граждан и государства.

Список литературы

1. Криминалистика: Учеб. для вузов / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская; Под ред. Р. С. Белкина. - Москва : Издат. группа НОРМА - ИНФРА-М, 1999. - 971 с.
2. Волчецкая Т. С. Современные тенденции развития криминалистической идентификации / Т. С. Волчецкая // Вестник криминалистики. – 2021. – № 2 (38). – С. 5-12.
3. Биометрия рук в цифровой криминалистике / А. Бера, Д. Бхаттачарджи, М. Насипури – Текст: электронный // arXiv.org. [сайт]. – 2024. – arXiv:2402.11206.
4. Фан, К. С. Использование тепловых изображений рисунков вен ладони и спины для биометрической верификации / К. С. Фан, К. Л. Лин // 15-я Европейская конференция по обработке сигналов. – 2007. – С. 2145-2149.
5. Джайн, А. К. Преодоление разрыва: от биометрии к криминалистике / А. К. Джайн, А. Росс // Философские труды Королевского общества В: Биологические науки. – 2015. – Т. 370, № 1674. – С. 20140254.
6. Справочник по биометрии / А. К. Джайн, П. Флинн, А. А. Росс (ред.). – Нью-Йорк: Спрингер, 2008. - 556 с. – URL: <https://link.springer.com/is.muni.cz/>.
7. Джайн, А. К. Биометрическое распознавание: 16-я китайская конференция CCBIR 2022, Пекин, Китай, 11-13 ноября 2022 г., Материалы / У. Дэн, Дж. Фенг, Д. Хуан, М. Кан, З. Сун, Ф. Чжэн, У. Ван, З. Хэ (ред.). – Cham: Springer, 2022. – 705 с. – URL: <https://link.springer.com/>
8. Росс, А. А. Мультимодальная биометрия: обзор / А. А. Росс, А. К. Джейн // Материалы 12-й Европейской конференции по обработке сигналов (EUSIPCO). – Вена, 2004. – С. 1221-1224. – URL: <http://cse.msu.edu>.
9. Уэйман, Дж. Л. Биометрические системы: технология, проектирование и оценка производительности / Дж. Л. Уэйман, А. К. Джейн, Д. Мальтони, Д. Майо. – Лондон: Спрингер, 2005. – 370 с. – URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/b138151>.
10. Решения по идентификации преступников для правоохранительных органов. – Текст: электронный. – IDEMIA: [сайт]. – URL : <https://idemia.com/identification> (дата обращения: 25.02.2026).

ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ БИОМЕТРИЯ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО: АНАЛИЗ РУКОПИСНОГО ВВОДА НА КЛАВИАТУРЕ И ДИНАМИКИ ДВИЖЕНИЙ МЫШИ ДЛЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ АВТОРА ДОКУМЕНТА

Ковалевский Иван Евгеньевич, студент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
chestervankoval@yandex.ru

Научный руководитель: Костылев Александр Анатольевич, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
kostilev_alex@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются возможности использования поведенческих биометрических характеристик человека – почерка с клавиатуры и динамики движений мыши – в качестве доказательств при идентификации автора электронного документа. Актуальность исследования обусловлена стремительным ростом числа преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий, когда традиционные методы идентификации оказываются неэффективными. В статье анализируются психофизиологические основы формирования индивидуального стиля взаимодействия с компьютером, технические аспекты сбора и обработки соответствующих данных, процедура экспертного исследования, а также потенциальные следственные ситуации для применения этих методов. Особое внимание уделяется проблемам нормативного регулирования, стандартизации и оценки доказательной ценности полученных результатов. Сделан вывод о том, что поведенческая биометрия обладает значительным криминалистическим потенциалом, но требует разработки единых методологических подходов и создания специализированных баз данных. Сформулированы предложения по совершенствованию практики расследования преступлений в цифровой среде.

Ключевые слова: поведенческая биометрия, рукописный ввод с клавиатуры, динамика движений мыши, криминалистическая идентификация, автор электронного документа, цифровые следы, судебная экспертиза, расследование киберпреступлений, аутентификация пользователя

Современная криминология сталкивается с принципиально новыми вызовами, порожденными цифровой трансформацией общества и преступностью. Традиционные методы идентификации, такие как дактилоскопическая или почерковедческая экспертиза, хотя и сохраняют свое фундаментальное значение, не всегда могут быть применены в контексте расследования преступлений, совершенных в виртуальном пространстве. Преступники активно используют анонимайзеры, чужие аккаунты и арендованные серверы, что значительно затрудняет идентификацию человека, который на самом деле совершил противоправные действия. В этих условиях особенно актуально обращение к поведенческим биометрическим характеристикам человека – уникальным особенностям его взаимодействия с компьютером. Почерк с клавиатуры и динамика движений мыши формируются на основе сложного набора психофизиологических факторов и могут служить надежным идентификатором личности, точно так же, как традиционный почерк позволяет идентифицировать исполнителя рукописного текста.

Поведенческая биометрия основана на фундаментальной предпосылке, что многие, казалось бы, произвольные действия человека на самом деле осуществляются с помощью сложных нейрофизиологических механизмов, которые формируют устойчивые индивидуальные паттерны. Динамика рукописного ввода с клавиатуры и движения мыши относятся к категории так называемых мягких биометрических данных, что не требуют специального оборудования для фиксации и могут быть получены с помощью стандартных

компьютерных средств ввода/вывода. Формирование индивидуального стиля взаимодействия с клавиатурой начинается в процессе обучения печатанию и продолжается на протяжении всей жизни, закрепляясь на уровне двигательных стереотипов. Как отмечается в литературе, имитировать поведение при наборе текста чрезвычайно сложно, поскольку оно является баллистическим (полуавтономным), что делает поведенческую информацию особенно ценной в качестве биометрического метода.

К числу основных характеристик клавиатурного почерка, которые имеют идентификационное значение, исследователи относят временные показатели, такие как время удержания клавиш и интервалы между последовательными нажатиями клавиш, а также динамические характеристики, такие как ритм набора текста, характер пауз между словами и предложениями, особенности набора заглавных букв и знаков препинания. использование служебных ключей. Для идентификации важны особенности исправления ошибок: частота и характер опечаток, способы их исправления с помощью клавиши Backspace или удаления всего слова целиком, возврата к ранее набранному тексту. Дополнительную информацию предоставляет ритмичность ввода – неравномерный темп печати, наличие своеобразных ошибок, связанных с индивидуальным стилем набора текста.

Не менее важным идентификатором является динамика движения мыши, которая характеризуется траекториями перемещения курсора, скоростью и ускорением движений, особенностями щелчков и двойных щелчков, а также использованием колеса прокрутки. Индивидуальные различия проявляются в степени плавности или резкости движений, характере остановок и точности попадания по интерактивным элементам. Исследования показывают, что при работе с графическими интерфейсами у каждого пользователя формируется устойчивый динамический образ взаимодействия, который сохраняется даже при смене устройства ввода.

Процесс идентификации на основе поведенческих биометрических характеристик состоит из нескольких последовательных этапов. На первом этапе происходит сбор первичных данных – регистрация временных рядов событий, происходящих с клавиатурой и мышью. Для этого могут использоваться специализированные программные средства, реализующие функции ведения журнала, или стандартные средства операционной системы, сохраняющие соответствующую информацию в системных журналах. Важно отметить, что, в отличие от статических биометрических параметров, поведенческие характеристики требуют достаточно объемной записи для обеспечения статистической значимости результатов. Полученные данные подвергаются предварительной обработке: фильтрации помех, нормализации, сегментации на отдельные действия.

На основе обработанных данных формируется биометрический шаблон – компактное цифровое представление уникальных характеристик пользователя. Для рукописного ввода с клавиатуры это могут быть векторы признаков, описывающие распределение временных интервалов, для мыши – динамика, параметры траектории и кинематические характеристики. Современные алгоритмы, использующие методы машинного обучения и нейронные сети, демонстрируют высокую точность идентификации. Таким образом, согласно ряду исследований, вероятность ошибок первого и второго рода при использовании клавиатурного почерка может составлять менее 2-3% при условии наличия достаточной обучающей выборки.

При проведении экспертного исследования возможны два основных режима: верификация (подтверждение того, что документ был создан конкретным лицом) и идентификация (поиск неизвестного автора в базе данных). В первом случае эксперт располагает образцами клавиатурного почерка проверяемого лица, полученными в ходе следственных действий, и сравнивает их с данными, извлеченными из исследуемого документа. Во втором случае задача усложняется – требуется создание и ведение специализированных баз данных поведенческих биометрических характеристик, аналогичных существующим записям отпечатков пальцев. Несмотря на высокую степень автоматизации, окончательное решение об идентификации должен принимать судебно-

медицинский эксперт, который анализирует совпадение набора признаков и оценивает возможные искажения, связанные с состоянием пользователя, типом используемого оборудования или программного обеспечения.

Внедрение методов идентификации, основанных на почерке с клавиатуры и динамике работы мыши, может значительно расширить возможности правоохранительных органов в различных следственных ситуациях. Наиболее перспективным направлением является выявление автора анонимных сообщений, размещенных в Интернете, включая угрозы, клевету и призывы к экстремистской деятельности. Даже если преступник использует общедоступный компьютер или VPN, его поведенческие характеристики сохраняются и могут быть выявлены с помощью анализа цифровых отпечатков. Этот метод особенно важен при расследовании утечек инсайдерской информации, когда необходимо определить, кто из сотрудников, имеющих законный доступ к системе, на самом деле совершал противоправные действия.

Поведенческая биометрия также актуальна для ситуаций, когда преступник использует чужие учетные данные. Как показывает практика, даже при знании пароля злоумышленник не в состоянии полностью воспроизвести индивидуальный стиль легитимного пользователя, что проявляется в изменении динамических характеристик работы. Это открывает возможности для выявления фактов несанкционированного доступа и идентификации фактического исполнителя. Перспективным направлением является интеграция методов поведенческой биометрии в системы видеонаблюдения и контроля доступа, что позволяет осуществлять непрерывную аутентификацию пользователя на протяжении всей рабочей сессии.

В оперативно-розыскной деятельности анализ клавиатурного почерка может быть использован в ходе оперативного эксперимента или наблюдения, в том числе с использованием программных комплексов, установленных на оборудовании подозреваемого, в рамках оперативно-технических мероприятий. Полученные данные впоследствии могут служить доказательствами по уголовному делу после проведения соответствующей экспертизы. Важно подчеркнуть, что поведенческая биометрия позволяет идентифицировать человека даже в тех случаях, когда он предпринимает сознательные попытки исказить свой почерк – полностью контролировать все параметры набора невозможно из-за их бессознательной природы.

Несмотря на очевидные преимущества, внедрение этих методов в систему криминалистического учета и экспертную практику сопряжено с рядом юридических, организационных и технических проблем. В настоящее время российское законодательство не содержит каких-либо специальных правил, регулирующих сбор, хранение и использование поведенческих биометрических данных в криминалистических целях. Федеральный закон «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» и другие нормативные акты ориентированы в первую очередь на статические биометрические характеристики. Для легализации новых видов бухгалтерского учета необходимо будет внести изменения в законодательство, определить правовой статус соответствующих цифровых следов, порядок их получения, хранения и использования, а также обеспечить гарантии соблюдения прав и свобод граждан.

Технические проблемы связаны с необходимостью разработки и стандартизации общих форматов данных, создания автоматизированных систем идентификации и обеспечения совместимости с международными стандартами. Целесообразно создать специализированную базу данных поведенческих биометрических характеристик в структуре Экспертно-криминалистического центра МВД России, что потребует разработки ведомственных инструкций и методических рекомендаций. Важным направлением является подготовка экспертных кадров, владеющих методами поведенческого биометрического анализа, и включение соответствующих тем в образовательные программы высших учебных заведений Министерства внутренних дел.

Одним из спорных вопросов остается оценка доказательственной ценности результатов идентификации на основе поведенческих характеристик. В отличие от традиционных криминалистических методов, которые имеют долгую историю использования и устоявшиеся критерии надежности, поведенческая биометрия основана на вероятностных моделях и статистических методах. Это требует разработки единых подходов к оценке достоверности

идентификации, определения пороговых значений, при которых совпадение признаков может считаться доказательством. Необходимо учитывать влияние различных факторов на стабильность поведенческих характеристик: переутомление, эмоциональное состояние, алкогольное или наркотическое опьянение, заболевания опорно-двигательного аппарата, смена типа клавиатуры или мыши.

Перспективным направлением развития является создание мультимодальных идентификационных систем, сочетающих анализ рукописного ввода с клавиатуры и динамики работы мыши с другими биометрическими методами, включая анализ голоса, термографию лица и поведенческие паттерны в информационной среде. Это повысит надежность идентификации и расширит круг следственных ситуаций, в которых могут быть использованы соответствующие методы. Интеграция поведенческой биометрии в существующие криминалистические записи может вывести идентификацию личности в цифровой среде на качественно новый уровень, обеспечивая более эффективное выявление и расследование преступлений, совершенных с использованием компьютерных технологий.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что идентификация человека по клавиатурному почерку и динамике движения мыши является одним из наиболее перспективных направлений развития криминалистической регистрации. Эти методы отличаются высокой надежностью, устойчивостью к преднамеренному искажению и позволяют получать идентификационную информацию в ситуациях, когда традиционные методы бессильны. Однако для их эффективной интеграции в существующую систему судебной экспертизы в России необходимо решить комплекс правовых, организационных, технических и методологических проблем. На начальном этапе представляется целесообразным создать экспериментальный учет на базе одного из региональных центров судебной экспертизы для отработки методик и оценки практической эффективности. Параллельно требуется разработка нормативной базы, регулирующей сбор, хранение и использование поведенческих биометрических данных. Внедрение мультимодальных биометрических технологий, которые включают в себя, помимо традиционных отпечатков пальцев и геномных записей, поведенческие характеристики, выведет идентификацию личности в криминологии на качественно новый уровень, повысив раскрываемость преступлений и обеспечив более надежную защиту прав и законных интересов граждан и государства в условиях цифровизации.

Список литературы

1. Криминалистика : Учеб. для вузов / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская; Под ред. Р. С. Белкина. – Москва : Издат. группа НОРМА – ИНФРА-М, 1999. – 971 с.
2. Россинская, Е. Р. Криминалистическая экспертиза в судопроизводстве: теория и практика / Е.Р. Россинская. – М.: Юрайт, 2021. – 365 с.
3. Гейнс, Р. С., Лисовски У., Аутентификация нажатием клавиши: некоторые предварительные результаты / Р. С. Гейнс, У. Лисовски и др. // Отчет Rand R-256-NSF. – 1980. – с. 1-32.
4. Монроуз, Ф. Динамика нажатия клавиши как метод биометрической аутентификации / Ф. Монроуз, А. Д. Рубин // Компьютерные системы будущего поколения. - 2000. – Том 16, № 4. – с. 351-359. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0167739X9900059X>
5. Пикок, А., Шаблоны ввода: ключ к идентификации пользователя / А. Пикок, Х. Ке, М. Уилкерсон // IEEE Security & Privacy. - 2004. – Том 2, № 5. – С. 40-47.
6. Гончаров, В. А. Поведенческая биометрия: современное состояние и перспективы развития / В.А. Гончаров, А. И. Иванов // Информационная безопасность регионов. – 2019. – № 2 (35). – С. 45-52.
7. Железняк, В. К. Методы идентификации пользователя по клавиатурному почерку на основе нейросетевых технологий / В.К. Железняк, В. В.Петров // Вестник Воронежского института МВД России. - 2020. – № 3. – С. 180-188.
8. Федотов, Н. Н. Криминалистическое исследование цифровых следов: монография / Н.Н. Федотов. М.: Юрлитинформ, 2022. - 312 с.
9. Джайн, А. К. Введение в биометрию / А.К. Джайн, А. Росс, К. Нандакумар. – Нью-Йорк: Springer, 2011. – 311 с.
10. Ямпольский, Р. В., Поведенческая биометрия: обзор и классификация / Р.В. Ямпольский, С. Говиндараджу // Международный журнал биометрии. - 2008. – Том 1, № 1. – с. 81-113.

ОСОБЕННОСТИ АВТОТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ДЕЛАМ О ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЯХ

Коник Анастасия Викторовна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

nastya_kotik_031@mail.ru

Научный руководитель: Пяткин Алексей Николаевич, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

pjatkan77@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты автотехнической экспертизы в контексте расследования и судебного рассмотрения дел о дорожно-транспортных преступлениях. Анализируются правовые основы экспертной деятельности, включая нормативно-правовую базу, регулиующую производство автотехнических исследований, и требования, предъявляемые к экспертам. Особое внимание уделено предмету и задачам автотехнической экспертизы, методологии ее производства, включающей подготовительный, исследовательский и аналитический этапы. В работе детально исследуются особенности экспертного заключения при квалификации деяний по статьям 264 и 268 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), а также типология вопросов, разрешаемых экспертом. Выделяются современные проблемы автотехнической экспертизы, связанные с методологическими, кадровыми и организационными факторами, и формируются перспективы ее развития в условиях цифровизации и внедрения инновационных технологий.

Ключевые слова: автотехническая экспертизы, дорожно-транспортные преступления, судебная экспертиза, уголовный-процесс, транспортно-трасологическое исследование, техническое состояние транспортного средства, механизм дорожно-транспортного происшествия (ДТП), экспертное заключение, реконструкция ДТП

Дорожно-транспортные происшествия, повлекшие тяжкие последствия, занимают особое место в структуре преступлений против жизни и здоровья граждан. Согласно официальной статистике, ежегодно на территории Российской Федерации регистрируется свыше 150 тысяч дорожно-транспортных происшествий, из которых значительная часть содержит признаки преступлений, предусмотренных статьями 264 и 268 Уголовного кодекса Российской Федерации. В условиях роста интенсивности дорожного движения и усложнения конструкции транспортных средств (ТС) особую значимость приобретает качественное производство автотехнических экспертиз, которые зачастую становятся определяющими при установлении виновности участников дорожного движения и квалификации содеянного.

Автотехническая экспертиза представляет собой сложный комплексный вид судебных исследований, направленный на установление объективной картины дорожно-транспортного происшествия, оценку технического состояния ТС и реконструкцию механизма столкновения. Ее результаты имеют фундаментальное значение для правильного разрешения уголовных дел, поскольку именно на основе экспертных выводов следователь и суд формируют представление о причинах происшествия, степени вины водителя и наличии причинно-следственной связи между действиями участника дорожного движения и наступившими последствиями [7].

Для обеспечения законности, объективности и процессуальной значимости автотехнической экспертизы необходимо определить ее правовой фундамент, который формируется совокупностью нормативных правовых актов, действующих в сфере государственной судебно-экспертной деятельности.

Федеральный закон от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» устанавливает правовой статус эксперта, определяет порядок производства экспертиз и предъявляет требования к экспертным учреждениям [1]. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) в статьях 195-199 регламентирует процессуальный порядок назначения и производства экспертизы, закрепляя права и обязанности эксперта, а также гарантии его независимости [2].

Важнейшее значение для методологии автотехнических исследований имеют технические регламенты и государственные стандарты. ГОСТ Р 58197-2018 «Порядок проведения экспертизы качества автотранспортных средств. Общие требования» и ГОСТ Р 59857-2021 «Автомобильные транспортные средства. Автотехническая и автотовароведческая экспертиза. Термины и определения» устанавливают единые подходы к проведению исследований и классификации объектов экспертизы [3, 4]. Методические рекомендации Министерства юстиции РФ по производству судебных автотехнических экспертиз, действующие в редакции 2018 года, содержат подробные алгоритмы исследования различных аспектов ДТП [5].

Особое внимание следует уделить требованиям, предъявляемым к субъективному составу экспертов. Лицо, осуществляющее автотехническую экспертизу, должно обладать высшим техническим образованием в области автомобилестроения, дорожного движения или транспортных систем, иметь аттестат на право самостоятельного производства экспертиз по специальности 13.1 «Исследование обстоятельств дорожно-транспортного происшествия», а также практический стаж работы в сфере автотехники не менее пяти лет. Данные требования обусловлены высокой степенью ответственности эксперта, поскольку от качества его заключения напрямую зависит судьба уголовного дела и правовое положение его участников [6].

Определив нормативно-правовую базу, перейдем к рассмотрению содержательной стороны автотехнической экспертизы – ее предмета и задач. Предмет экспертизы по делам о дорожно-транспортных преступлениях охватывает широкий спектр вопросов, связанных с техническим состоянием транспортных средств, механизмом происшествия и действиями участников дорожного движения. В первую очередь эксперту предстоит установить техническое состояние ТС на момент дорожно-транспортного происшествия, выявив наличие технических неисправностей, определить их характер и установить причину возникновения. Не менее важным является оценка влияния выявленных неисправностей на безопасность движения и возможность их влияния на механизм происшествия.

Транспортно-трасологический аспект экспертизы направлен на реконструкцию механизма дорожно-транспортного происшествия. Эксперт устанавливает взаимное расположение транспортных средств в момент столкновения, определяет траекторию движения, рассчитывает скорость ТС и устанавливает место первоначального контакта. В рамках комплексной экспертизы могут решаться вопросы, связанные с оценкой времени реакции водителя в конкретной дорожной обстановке и установлением возможности предотвращения ДТП при своевременном реагировании.

Следует подчеркнуть, что автотехническая экспертиза не ограничивается исключительно техническими вопросами. В ряде случаев эксперт вынужден анализировать действия участников дорожного движения и их соответствие требованиям Правил дорожного движения РФ. Данная оценка имеет принципиальное значение для установления виновности водителя и квалификации его действий по нормам уголовного права.

Понимание предмета автотехнической экспертизы логически обуславливает необходимость рассмотрения методологии ее производства, поскольку именно от правильного выбора методов и последовательности исследования зависит достоверность экспертных выводов. Производство автотехнической экспертизы осуществляется в строгом соответствии с установленной методикой, включающей несколько последовательных этапов. Подготовительный этап начинается с тщательного изучения материалов уголовного дела, в

том числе протоколы осмотра места происшествия, схемы, фотографии, показания участников и свидетелей. Особое внимание уделяется анализу постановления о назначении экспертизы и сформулированных в нем вопросов, поскольку именно они определяют направление проводимых исследований.

Исследовательский этап представляет собой наиболее сложную и трудоемкую часть экспертизы. Он включает осмотр транспортного средства, который проводится в несколько стадий: внешний и детальный осмотр с применением специальных инструментов и инструментальная диагностика систем и агрегатов. Эксперт проводит измерение геометрических параметров повреждений, диагностику систем управления, тормозной системы, рулевого управления и внешних световых приборов. Параллельно анализируются следы на месте ДТП: тормозные следы, следы юза, осыпи стекла и деталей. Полученные данные фиксируются с помощью фотосъемки, которая включает ориентирующие, обзорные, узловые и детальные снимки.

Аналитический этап заключается в сопоставлении полученных данных с требованиями нормативных документов, реконструкции механизма дорожно-транспортного происшествия и формулировании выводов по каждому поставленному вопросу. На данном этапе эксперт применяет расчетные методы для определения скорости по длине тормозного пути, расчета времени реакции водителя и моделирования столкновения с применением специального программного обеспечения.

Оформление заключения эксперта осуществляется в строгом соответствии с требованиями статьи 204 УПК РФ. Структура заключения включает вводную, исследовательскую и резолютивную (выводы) части, а также приложения в виде фототаблицы, схем, расчетов и протоколов исследований. Особое значение имеет четкость и однозначность формулировок выводов, поскольку именно они будут использоваться следователем и судом при принятии процессуальных решений.

Автотехническая экспертиза приобретает особое значение при расследовании и судебном рассмотрении дел о ДТП. Ее результаты играют решающую роль при квалификации деяний по статье 264 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств». Эксперт устанавливает факт нарушения правил дорожного движения, определяет причинно-следственную связь между нарушением и наступившими последствиями, а также дает оценку тяжести вреда здоровью, причиненного в результате ДТП.

Процессуальные особенности производства автотехнической экспертизы по уголовным делам обусловлены повышенными требованиями к срокам и качеству исследования. Согласно требованиям уголовно-процессуального законодательства, экспертиза должна быть произведена в разумные сроки, установленные следователем, которые обычно составляют от десяти до тридцати суток. Продление срока возможно по ходатайству эксперта с обязательным уведомлением следователя. Не менее значимым является институт ответственности эксперта. Перед началом производства эксперт предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения по статье 307 УК РФ. Данная мера направлена на обеспечение объективности и достоверности экспертных выводов, поскольку от их качества зависит правильность правоприменительных решений.

Содержание автотехнической экспертизы определяется конкретными вопросами, поставленными перед экспертом следователем или судом. По техническому состоянию транспортного средства эксперт устанавливает наличие технических неисправностей, оценивает соответствие технического состояния требованиям безопасности дорожного движения на момент ДТП, определяет возможность влияния выявленных неисправностей на механизм происшествия и устанавливает время возникновения неисправностей – до или после дорожно-транспортного происшествия.

При исследовании механизма дорожно-транспортного происшествия эксперт реконструирует последовательность событий, устанавливает взаимное расположение ТС в

момент столкновения, рассчитывает скорость движения в момент начала торможения, определяет длину тормозного пути и оценивает техническую возможность предотвращения столкновения. Вопросы, касающиеся действий участников дорожного движения, требуют от эксперта оценки соответствия действий водителя требованиям правил дорожного движения, установления возможности своевременной реакции на дорожную ситуацию и расчета времени, необходимого для принятия мер к предотвращению ДТП.

Анализ типологии экспертных вопросов позволяет выявить существующие проблемы и противоречия в практике производства автотехнических экспертиз, что обуславливает необходимость рассмотрения современных вызовов и перспектив развития данного вида судебных исследований.

Современная автотехническая экспертиза сталкивается с рядом серьезных проблем, обусловленных как методологическими, так и организационными факторами. Методологические трудности связаны с отсутствием единых стандартов расчета скорости при сложных механизмах дорожно-транспортных происшествий, недостаточной разработанностью методик исследования современных систем активной безопасности, таких как антиблокировочная система тормозов и электронная система стабилизации. Быстрое развитие автомобильных технологий опережает совершенствование методик экспертизы, что создает объективные трудности для экспертов.

Кадровые проблемы проявляются в дефиците квалифицированных экспертов с достаточным опытом работы по уголовным делам. Устаревание знаний экспертов в условиях стремительного развития автомобильных технологий требует постоянного повышения квалификации и освоения новых методов исследования. Организационные трудности связаны с перегруженностью государственных экспертных учреждений и недостаточным финансированием приобретения современного диагностического оборудования, что негативно сказывается на качестве и сроках производства экспертиз.

Будущее автотехнической экспертизы определяется комплексным внедрением инновационных технологий, совершенствованием нормативно-правовой базы и модернизацией системы подготовки кадров. Технологическое развитие экспертной деятельности предполагает активное использование методов компьютерного моделирования ДТП, в том числе на основе трехмерного лазерного сканирования места происшествия, что позволяет с высокой точностью воссоздать обстановку дорожно-транспортного происшествия. Значительный потенциал заключается в применении алгоритмов искусственного интеллекта для обработки и интерпретации больших массивов экспертной информации.

Нормативно-правовое обеспечение автотехнической экспертизы требует актуализации действующих методических рекомендаций с учетом трансформации автомобильных технологий. Особую актуальность приобретает разработка специализированных стандартов и методик для исследования дорожно-транспортных происшествий с участием автономных транспортных средств, что обусловлено появлением принципиально новых объектов экспертного исследования.

Автотехническая экспертиза по делам о дорожно-транспортных преступлениях представляет собой сложный вид судебных исследований, требующий от эксперта сочетания глубоких технических знаний и понимания уголовно-процессуального механизма доказывания. Качество экспертного заключения напрямую влияет на объективность правосудия: ошибочные выводы могут привести как к необоснованному осуждению невиновного, так и оправданию виновного.

Будущее автотехнической экспертизы связано с цифровизацией, созданием информационной системы экспертных заключений и усилением международного сотрудничества. Внедрение передовых методов повысит объективность и достоверность экспертных выводов, способствуя укреплению правового государства и защите прав граждан.

Список литературы

1. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон № 73-ФЗ (ред. от 22.07.2024 г.): [принят Государственной Думой 5 апреля 2001 года: одобрен Советом Федерации 16 мая 2001 года]. – Текст: электронный // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс»: – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/ (дата обращения: 18.02.2026).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон №174-ФЗ: [принят Государственной Думой 22 ноября 2001 года: одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года]. – Текст: электронный // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс»: – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 18.02.2026 г.).
3. ГОСТ Р 58197-2018. Порядок проведения экспертизы качества автотранспортных средств. Общие требования: национальный стандарт Российской Федерации: дата введения 2019-03-01 / Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. – Изд. официальное. – Москва: Стандартинформ, 2018. – 24 с.
4. ГОСТ Р 59857-2021. Автомобильные транспортные средства. Автотехническая и автотовароведческая экспертиза. Термины и определения: национальный стандарт Российской Федерации: дата введения 2022-04-01 / Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. – Изд. официальное. – Москва: Стандартинформ, 2021. – 16 с.
5. Методические рекомендации по производству судебных автотехнических экспертиз. – М.: Минюст России, 2018. – 84 с.
6. Белкин, Р. С. Криминалистическая экспертиза: теория, методология, практика: учебное пособие / Р. С. Белкин. – М.: Норма, 2019. – 416 с.
7. Савельев, А.В. автотехническая экспертиза в уголовном процессе. Учебник / А.В. Савельев. – М.: Норма, 2022. – 288 с.

ПОТЕНЦИАЛ СУДЕБНОЙ КОМПЬЮТЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ВЫЯВЛЕНИИ И ДОКАЗЫВАНИИ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ

Коник Виктория Алексеевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

vika.glushchenko2003@mail.ru

Научный руководитель: Пяткин Алексей Николаевич, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

pjatkan77@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется роль и значение судебной компьютерно-технической экспертизы как ключевого инструмента противодействия киберпреступности в условиях тотальной цифровизацией общества. Приводится комплексный анализ нормативно-правовой базы, регламентирующей экспертную деятельность в Российской Федерации, а также рассматриваются требования к квалификации экспертов. Подробно описываются объекты, этапы и методология проведения экспертиз, с акцентом на методы статического и динамического анализа программного обеспечения. Особое внимание уделяется специфике исследования по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 272-274 УК РФ. Приводятся выявленные системные проблемы современной экспертной практики, а также перспективы ее развития.

Ключевые слова: судебная компьютерно-техническая экспертиза, киберпреступность, методические рекомендации, анализ, технологии

Эпоха цифровых технологий охватила все аспекты современной жизни. Компьютерные системы и информационные сети стали неотъемлемой частью государственного управления, бизнеса, образования и повседневного быта граждан. Однако цифровая революция породила новую угрозу – киберпреступность, которая постоянно эволюционирует, приобретая все более изощренные формы и причиняя значительный ущерб обществу.

Данные правоохранительных органов свидетельствуют о том, что ежегодный прирост преступлений в информационной сфере составляет 15-20%. Данная тенденция подчеркивает необходимость совершенствования методов противодействия киберугрозам. В этой связи судебная компьютерно-техническая экспертиза выступает в роли незаменимого инструмента для установления объективной истины по уголовным делам, связанным с незаконным вмешательством в работу компьютерных систем.

Судебная компьютерно-техническая экспертиза представляет собой комплексное исследование, направленное на выявление фактов, касающихся разработки, распространения и применения вредоносного программного обеспечения, несанкционированного доступа к защищенной информации и нарушения правил эксплуатации информационных систем. Результаты таких исследований имеют определяющее значение для правильной квалификации преступных деяний, предусмотренных нормами статей 272-274 Уголовного кодекса Российской Федерации. Для эффективного функционирования в качестве инструмента правосудия компьютерно-техническая экспертиза опирается на прочную правовую базу, которая регламентирует все аспекты ее проведения.

Правовую основу судебной компьютерно-технической экспертизы составляют нормативные правовые акты, регулирующие экспертную деятельность в Российской Федерации. ФЗ № 73-ФЗ от 31 мая 2001 года «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» определяет статус эксперта, устанавливает порядок проведения экспертиз и формулирует требования к экспертным организациям.

Статьи 195-199 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации регламентируют процессуальные аспекты назначения и производства экспертизы, закрепляя права и обязанности эксперта, а также гарантируя его независимость. Особую значимость имеют положения статьи 86 УПК РФ, определяющие доказательственную силу экспертного заключения.

Методологическую базу компьютерно-технической экспертизы формируют методические рекомендации и руководящие документы, разработанные Министерством юстиции Российской Федерации и экспертными учреждениями. К числу основополагающих документов относятся «Методические рекомендации по производству компьютерно-технических экспертиз» (2020 г.) и «Порядок производства экспертизы компьютерной информации» (2019 г.).

К требованиям к экспертам в области компьютерно-технических исследований предъявляются высокие стандарты. Лицо, проводящее компьютерно-техническую экспертизу, должно иметь высшее образование в области информационных технологий, программной инженерии или кибербезопасности, обладать аттестатом на право самостоятельного производства экспертиз по специальности 12.1 «Исследование компьютерной информации и программного обеспечения», а также иметь практический опыт работы в сфере информационных технологий не менее пяти лет. Понимание правовых основ проведения экспертизы позволяет перейти к рассмотрению ее сущности и объектов исследования, которые составляют материальную основу экспертной деятельности.

Содержание компьютерно-технической экспертизы охватывает широкий круг вопросов, связанных с анализом компьютерной информации, программного обеспечения, аппаратных компонентов и сетевых технологий. В первую очередь эксперту необходимо установить объективные обстоятельства, касающиеся создания, изменения, распространения или применения компьютерных программ и данных.

Объектами компьютерно-технической экспертизы выступают:

- программное обеспечение и приложения, включая исполняемые файлы, скрипты, библиотеки и системные программы;
- цифровая информация в форме файлов данных, баз данных, электронных документов и мультимедийного контента;
- аппаратные компоненты вычислительной техники – персональные компьютеры, серверы, мобильные устройства, сетевое оборудование и периферийные устройства;
- носители информации – жесткие диски, оптические диски, флеш-накопители и карты памяти;
- сетевые ресурсы и телекоммуникационные системы, включая веб-сайты, облачные сервисы и корпоративные сети.

Особое значение в рамках экспертизы имеют вопросы, связанные с определением вредоносного характера программного обеспечения. Эксперт должен установить, предназначена ли компьютерная программа для незаконного воздействия на компьютерную информацию, выявить ее функциональные возможности и оценить потенциальный ущерб от ее применения. Понимание разнообразия объектов исследования позволяет глубже погрузиться в технологию проведения компьютерно-технической экспертизы, которая представляет собой сложный многоэтапный процесс.

Процесс производства компьютерно-технической экспертизы осуществляется в строгом соответствии с установленной методикой, включающей несколько последовательных этапов. Подготовительная стадия начинается с детального изучения материалов уголовного дела, включая протоколы осмотра, изъятия, допросов, а также постановление о назначении экспертизы с конкретными вопросами. Особое внимание уделяется анализу технических характеристик изъятых объектов и условий их хранения.

Исследовательский этап представляет собой наиболее сложную и трудоемкую часть экспертизы. Он включает создание криминалистически чистых копий исследуемых носителей информации с использованием специализированного оборудования, такого как

аппаратные имиджеры и блокираторы записи. Далее эксперт проводит статический и динамический анализ программного обеспечения, исследует структуру файловых систем, извлекает удаленные данные и анализирует логи системных событий.

Статический анализ подразумевает изучение программного кода без его выполнения. Эксперт исследует исполняемые файлы на предмет наличия вредоносных функций, анализирует зависимости между модулями программы, изучает строки и ресурсы, встроенные в исполняемый файл. Для этих целей применяются дизассемблеры, декомпиляторы и анализаторы исполняемых файлов.

Динамический анализ осуществляется в контролируемой среде - изолированной виртуальной машине или специальном стенде, защищенном от выхода в сеть. Программа запускается и ее поведение отслеживается с помощью специализированных инструментов: снифферов трафика, мониторов системных вызовов, анализаторов памяти. Это позволяет выявить скрытые функции программы, которые активируются только при определенных условиях.

Аналитический этап заключается в сопоставлении полученных данных с требованиями нормативных документов, формулировании выводов по каждому поставленному вопросу и подготовке экспертного заключения. Особое внимание уделяется установлению причинно-следственных связей между действиями исследуемой программы и наступившими последствиями. Освоение методологии проведения экспертизы позволяет перейти к рассмотрению ее практического применения при расследовании конкретных видов киберпреступлений.

При расследовании преступлений, предусмотренных статьей 272 УК РФ «Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации информационно-телекоммуникационных сетей», компьютерно-техническая экспертиза направлена на установление факта нарушения правил эксплуатации, определение причин возникновения сбоев в работе систем и оценку последствий таких нарушений. Эксперт исследует конфигурацию систем, настройки безопасности, журналы событий и логи доступа для выявления ошибок в администрировании или эксплуатации информационных систем.

При расследовании преступлений по статье 272.1 УК РФ «Неправомерный доступ к охраняемой компьютерной информации» экспертиза решает задачи по установлению факта несанкционированного проникновения в информационные системы, определению методов и средств взлома, выявлению объема похищенной или уничтоженной информации. Эксперт анализирует сетевой трафик, исследует следы вторжения в системных журналах, восстанавливает удаленные файлы и устанавливает личность злоумышленника по цифровым следам.

При расследовании преступлений, предусмотренных статьей 273 УК РФ «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ», компьютерно-техническая экспертиза приобретает особое значение. Эксперт должен установить вредоносный характер программы, определить ее функциональное назначение, выявить механизмы воздействия на компьютерную информацию и оценить потенциальный вред от ее использования. Особое внимание уделяется исследованию программ, предназначенных для неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации.

При расследовании преступлений по статье 274 УК РФ «Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей и доступа к информационно-телекоммуникационным сетям» экспертиза направлена на установление факта нарушения правил доступа к сетям, определения последствий таких нарушений и оценки ущерба, причиненного информационной безопасности. Практическое применение экспертизы в различных ситуациях выявляет ряд проблем, с которыми сталкивается современная экспертная деятельность, и определяет направления ее дальнейшего развития.

Современная компьютерно-техническая экспертиза сталкивается с рядом серьезных проблем, обусловленных стремительным развитием информационных технологий. Методологические трудности связаны с отсутствием единых стандартов исследования новых типов вредоносных программ, таких как полиморфные вирусы, руткиты и программы-вымогатели. Недостаточная разработанность методик исследования облачных сервисов, интернета вещей и блокчейн-технологий создает объективные трудности для экспертов.

Кадровые проблемы проявляются в дефиците квалифицированных экспертов с достаточным опытом работы по уголовным делам в сфере компьютерной информации. Устаревание знаний экспертов в условиях стремительного развития информационных технологий требует постоянного повышения квалификации и освоения новых методов исследования.

Таким образом, для противодействия новым видам преступности необходима непрерывная актуализация методик, регулярное повышение компетенций специалистов и активная интеграция инновационных технологий в следственную практику. Устойчивое развитие отрасли базируется на триаде: глубокие технические знания, высокая правовая культура и современное технологическое оснащение. Вектор будущего развития направлен на полную цифровизацию процессов, создание централизованных баз экспертных заключений и расширение международного партнерства. Реализация данной стратегии обеспечит необходимую степень объективности и достоверности доказательств, что является фундаментальным условием защиты прав граждан и функционирования правового государства в эпоху глобальной информатизации.

Список литературы

1. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон № 73-ФЗ (ред. от 22.07.2024 г.): [принят Государственной Думой 5 апреля 2001 года: одобрен Советом Федерации 16 мая 2001 года]. – Текст: электронный // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс»: – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/ (дата обращения: 05.03.2026).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 63-ФЗ: [принят Государственной Думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года]. – Текст: электронный // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс»: – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 05.03.2026).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 174-ФЗ: [принят Государственной Думой 22 ноября 2001 года: одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года]. – Текст: электронный // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс»: – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 05.03.2026).
4. Методические рекомендации по производству компьютерно-технических экспертиз. – М.: РСФЦЭ при Минюсте России, 2020 – 85 с.
5. Россинская, Е.Р. Судебная компьютерно-техническая экспертиза: учебник / Е.Р. Россинская, А.И. Усов. – М.: Право и Закон, 2001. – 103 с.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ОЧАГА И ПРИЧИНЫ ПОЖАРА ПРИ ВОЗГОРАНИИ ОТ ТЛЕЮЩЕГО ТАБАЧНОГО ИЗДЕЛИЯ

Куделько Маргарита Алексеевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

kudelko.m@bk.ru

Научный руководитель: Червяков Михаил Эдуардович, кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

mc256gt@gmail.com

Аннотация. В статье на примере конкретного экспертного заключения рассматриваются особенности пожарно-технической экспертизы по делам о пожарах, связанных с неосторожным обращением с огнем при курении. Анализируется логика экспертного исследования: от установления очага пожара на основе анализа термических повреждений до проверки версий о причине возгорания и формулирования итогового вывода. Особое внимание уделяется методике дифференциальной диагностики, позволяющей обоснованно исключить альтернативные источники зажигания (электрооборудование, открытое пламя) и подтвердить версию о тлеющем табачном изделии. Статья демонстрирует, каким образом совокупность косвенных признаков (наличие окурков в очаговой зоне, характер прогаров, данные справочной литературы) может служить основой для категоричного вывода эксперта. **Ключевые слова:** судебная пожарно-техническая экспертиза, пожар, тление, тлеющее табачное изделие (ТТИ), неосторожное обращение с огнем, очаг пожара, причина пожара, источник зажигания

По статистическому анализу Департамента МЧС России [1] за 2025 год такая причина возникновения пожаров, как неосторожное обращение с огнем, составила 62,21% из общего количества произошедших за год возгораний. А пожары, возникающие в результате неосторожного обращения с огнем при курении, являются одной из наиболее распространенных категорий в доле неосторожного обращения с огнем. Ежегодно значительная доля пожаров с тяжкими последствиями (гибелью людей, уничтожением имущества) происходит именно по этой причине. Несмотря на кажущуюся очевидность, установление факта возгорания от тлеющего табачного изделия (ТТИ) представляет собой сложную и многозадачную экспертную проблему.

Сложность эта обусловлена специфическим механизмом тления, уничтожением источника зажигания в процессе пожара и необходимостью дифференцировать следы воздействия тлеющего табачного изделия (ТТИ) от иных термических поражений. В связи с этим особый интерес представляет анализ конкретных экспертных заключений, позволяющий проследить логику экспертного мышления и применяемые методические подходы.

В связи с этим, цель настоящей статьи – на примере обобщенного экспертного заключения по факту пожара в жилом доме продемонстрировать алгоритм действий эксперта при подозрении на возгорание от ТТИ. В ходе анализа будут рассмотрены: методы установления очага пожара, критерии оценки термических повреждений, порядок проверки версий о возможных источниках зажигания и основания для формулирования категоричного вывода о причине пожара.

В исследуемом заключении эксперт начинает работу с решения первоочередной задачи – установления очага пожара, то есть места первоначального возникновения горения. Как справедливо отмечается в тексте, «не имея достоверных данных о месторасположении очага, крайне проблематично определить причину возникновения пожара». Данный тезис полностью соответствует фундаментальным положениям пожарно-технической экспертизы [2,5].

При проведении исследования эксперт опирается на основные процессуальные источники информации: протокол осмотра места происшествия, фототаблицу и электронные фотоматериалы. Анализ этих источников позволяет ему реконструировать картину термических повреждений.

При изучении материалов дела эксперт фиксирует существенную разницу в степени повреждения различных помещений. В прихожей, кухне и спальней комнате, согласно описанию, «стены, потолок, предметы мебели покрыты копотью», однако следов непосредственного горения не наблюдается. Иная картина выявляется в заливной комнате.

Особое внимание эксперт уделяет левой части зала, где расположен диван. Анализ фотоизображений позволяет ему зафиксировать следующие значимые обстоятельства:

1. на стене за диваном наблюдаются интенсивные наслоения копоти, а также растрескивание и отслоение штукатурки, причем интенсивность поражений нарастает по направлению к левому углу комнаты;

2. обивка и наполнитель спинки дивана с тыльной стороны полностью уничтожены, обнажились металлические пружины;

3. в левой части спинки (ближайшей к окну) имеется сквозной прогар, деревянный каркас левого подлокотника также выгорел сверху;

4. на сиденье дивана в левой части наблюдается фрагментарное выгорание обивки и оплавление наполнителя;

5. в правой и центральной частях дивана обивка сохранилась.

Важно отметить, что эксперт не ограничивается констатацией повреждений самого дивана. Он обращает внимание на сопутствующие признаки: в районе дивана отсутствуют электроприборы и нагревательные устройства, однако в пожарном мусоре на полу и в месте крепления отсутствующего подлокотника обнаружено множество сигаретных окурков, пачки из-под сигарет, зажигалки и спички.

На основе выявленных признаков эксперт приходит к заключению, что «зона наибольших термических повреждений приходится на левую ближнюю относительно входа часть заливной комнаты, в которой размещается диван». При этом он отмечает, что именно в левой части спинки и прилегающем участке подлокотника сформировался сквозной прогар, тогда как остальные части дивана пострадали значительно меньше. В иных помещениях признаков непосредственного горения не зафиксировано.

Данная совокупность признаков позволяет эксперту сделать категоричный вывод: очаг пожара находился в районе левой части спинки и сопряженного с ней участка левого подлокотника дивана, расположенного в зале. В тексте заключения особо подчеркивается, что объективной информации, противоречащей данному выводу, в представленных материалах не содержится.

С методической точки зрения важно, что эксперт не ограничивается визуальной фиксацией повреждений, а оценивает их в динамике, учитывая закономерности формирования очаговых признаков, описанные в специальной литературе [5]. Он принимает во внимание, что «с увеличением продолжительности и площади горения выраженность очаговых признаков становится менее рельефной», однако в данном случае локальный характер наиболее серьезных повреждений позволяет достоверно локализовать очаг.

После установления очага эксперт переходит к решению второй ключевой задачи – определению непосредственной (технической) причины пожара. Как следует из текста заключения, экспертный подход основан на методе последовательного выдвижения, проверки и исключения версий [2]. Формируя перечень потенциальных источников зажигания, эксперт учитывает местоположение очага, обстоятельства происшествия и особенности объекта.

Исходя из выявленного очага (левая часть дивана) и известных обстоятельств (отсутствие в очаговой зоне электрооборудования, наличие множества окурков), эксперт выделяет два потенциальных источника зажигания:

- 1) источник открытого пламени (пламя спички, зажигалки);
- 2) малоразмерный источник зажигания в виде тлеющего табачного изделия.

Примечательно, что эксперт аргументированно исключает иные версии. Он указывает, что в материалах дела нет сведений о веществах, склонных к самовозгоранию, а отсутствие в районе дивана электроприборов и элементов электросети не дает оснований рассматривать аварийные режимы работы электрооборудования. Это важный момент, демонстрирующий применение метода дифференциальной диагностики: эксперт не просто перечисляет все возможные причины, а обосновывает, почему одни из них отсеиваются сразу.

Сначала была рассмотрена версия об открытом пламени. При ее оценке эксперт обращается к справочным данным [3], согласно которым температура пламени спички составляет 600-640°C, а зажигалки – 1100-1200°C. Такие температуры достаточны для воспламенения текстильных материалов. Однако ключевым аргументом против данной версии становится анализ механизма горения: при воздействии открытого пламени, как правило, развивается активное пламенное горение без продолжительной стадии скрытого тления. Такое горение обычно быстро обнаруживается очевидцами. Поскольку в материалах дела отсутствуют сведения о том, что кто-то наблюдал вспышку или предпринимал попытки немедленного тушения, эксперт обоснованно относит версию об открытом пламени к маловероятным.

Второй эксперт рассмотрел версию о тлеющем табачном изделии. Анализируя эту версию, эксперт опирается на комплекс условий, необходимых для реализации данного механизма [2, 4]:

- факт курения на объекте: подтверждается обнаружением многочисленных окурков как на полу в очаговой зоне, так и в конструктивных элементах дивана (в месте крепления отсутствующего подлокотника);
- наличие материала, способного к самоподдерживающему тлению: обивка и наполнитель мягкой мебели (ткани на целлюлозной основе, поролон) относятся к категории материалов, способных тлеть;
- соответствие временных характеристик: эксперт ссылается на справочные данные [4], согласно которым время перехода тления в открытое пламя для элементов мягкой мебели составляет от 25-90 минут (для хлопчатобумажного гобелена) до 55-90 минут (для тканей в композиции с синтетикой). Данный временной интервал согласуется с обстоятельствами дела, когда возгорание могло быть обнаружено спустя значительное время после курения.

Особо подчеркивается, что характер термических повреждений – локальный сквозной прогар в месте контакта – полностью соответствует картине, наблюдаемой при воздействии тлеющего табачного изделия.

Совокупность рассмотренных факторов позволяет эксперту сделать категоричный вывод: причиной возникновения пожара явилось воспламенение горючих материалов в выявленном очаге под воздействием тепловой энергии малоразмерного источника зажигания в виде тлеющего табачного изделия.

Важно отметить, что в тексте заключения этот вывод представлен как результат последовательной проверки всех возможных версий. Эксперт не просто констатирует наличие окурков в зоне пожара, а показывает, почему именно ТТИ, а не открытое пламя или иные источники, стало причиной возгорания, и почему характер повреждений соответствует именно данному механизму.

Проведенный анализ исследуемого заключения позволяет выделить ряд методически значимых моментов, характерных для качественного экспертного исследования пожаров от тлеющих табачных изделий:

1. Приоритет очага. Автор заключения последовательно реализует фундаментальный принцип пожарно-технической экспертизы: сначала достоверно устанавливается очаг, и только затем рассматриваются версии о причине.

2. Комплексный подход к оценке признаков. Эксперт не ограничивается каким-либо одним признаком (например, наличием окурков). Вывод о причине пожара строится на совокупности данных: локализация очага, характер повреждений (локальный прогар), наличие материалов, способных к тлению, присутствие источников зажигания (окурков) в очаговой зоне, отсутствие альтернативных источников.

3. Использование справочных и литературных данных. В тексте заключения присутствуют ссылки на специальную литературу, обосновывающие как общие положения (методика установления очага), так и частные (температурные параметры, временные характеристики перехода тления в пламя).

4. Метод исключения. Заключение демонстрирует грамотное применение метода дифференциальной диагностики: эксперт не просто выдвигает версию о ТТИ, но и аргументированно исключает иные возможные причины (открытое пламя, электротехнические причины, самовозгорание).

5. Категоричность выводов. Итоговый вывод сформулирован в категоричной форме, что допустимо и обоснованно, поскольку в распоряжении эксперта имелась вся совокупность необходимых признаков, предусмотренных методикой [2].

Рассмотренное экспертное заключение представляет собой пример грамотного и методически выверенного исследования по установлению причины пожара от тлеющего табачного изделия. Оно наглядно демонстрирует, что даже при отсутствии прямых доказательств (непосредственно не сгоревшего окурка в очаге) совокупность косвенных признаков – локализация очага в месте скопления окурков, характерный локальный прогар в материале, склонном к тлению, отсутствие иных источников зажигания – может служить достаточным основанием для категоричного вывода.

Список литературы

1. Анализ обстановки с пожарами и их последствиями на территории Российской Федерации за 12 месяцев 2025 г. / Департамент надзорной деятельности и профилактической работы МЧС России. – М. : Департамент надзорной деятельности и профилактической работы МЧС России, 2026. – 17 с. – Текст : электронный // URL: https://vdpo64.ru/uploadedFiles/files/Analiz_obstanovki_s_pozharami_RF_za_2025.pdf/ (дата обращения: 22.02.2026).

2. Ключников, В. Ю. Установление технической причины пожара: Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. / В. Ю. Ключников, А. В. Довбня, А. И. Богатищев, Л. В. Дашко, С.О. Шульгин / под ред. А.Ю. Семенова, общая ред. канд. техн. наук В. В. Мартынова. – ч. II – М.: ЭКЦ МВД России, 2012. – С. 443-473.

3. Зернов, С. И. Задачи пожарно-технической экспертизы и методы их решения. Учебное пособие / С. И. Зернов. – М.: ГУ ЭКЦ МВД России, 2001. – 200 с.

4. Особенности возникновения горения современных горючих материалов от тлеющих табачных изделий. – Справочное пособие. / ЭКЦ Управление МВД России по Омской области. – Омск, 2023. – С. 47.

5. Мегорский, Б. В. Методика установления причин пожаров / Б. В. Мегорский. – М.: Издательство литературы по строительству, 1966. – С. 166.

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ ЦИФРОВОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ: НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И МЕТОДЫ В ФОНОСКОПИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Литвинова Злата Николаевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

zlata.litvinova12@bk.ru

Научный руководитель: Костылев Александр Анатольевич, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

kostilev_alex@mail.ru

Аннотация. В статье представлен обзор современных тенденций развития фоноскопической экспертизы, обусловленных стремительной цифровизацией и появлением технологий искусственного интеллекта. Рассматриваются новые вызовы, стоящие перед экспертами, в первую очередь – проблема обнаружения дипфейков и синтезированной речи. Анализируются актуальные методы исследования: углубленный акустический анализ микропризнаков, криминалистическая обработка сигналов для выявления цифровых артефактов, а также конвергенция фоноскопии с компьютерно-технической экспертизой. Особое внимание уделяется комплексному подходу, объединяющему знания лингвистов, инженеров-акустиков и ИТ-специалистов для обеспечения достоверности выводов в эпоху технологического синтеза.

Ключевые слова: фоноскопическая экспертиза, дипфейк, искусственный интеллект, идентификация диктора, цифровая обработка сигналов, компьютерная экспертиза, конвергенция

Фоноскопическая экспертиза, исторически сложившаяся как инструмент идентификации личности по голосу и установления подлинности фонограмм, сегодня переживает период глубокой трансформации. Если раньше основными угрозами были аналоговый монтаж или имитация голоса, то в последние годы эксперты столкнулись с вызовами принципиально иного уровня. Развитие нейросетей и технологий искусственного интеллекта привело к появлению дипфейков – синтезированных аудиозаписей, которые с высокой степенью достоверности имитируют голос и манеру речи конкретного человека.

Это ставит перед специалистами новые задачи: не просто идентифицировать говорящего, но и ответить на вопрос, существовал ли этот говорящий в реальности или же его речь была сгенерирована алгоритмом. Ответом на эти вызовы становится разработка и внедрение принципиально новых подходов, основанных на симбиозе классической криминалистики и передовых цифровых технологий.

Традиционные методы фоноскопии, ориентированные на анализ формантной структуры и частоты основного тона, могут оказаться недостаточными при столкновении с высококачественным синтезом речи. Современные нейросети способны генерировать акустически правдоподобный сигнал. Однако, как показывает практика, «идеально» воспроизвести живую речь они пока не в состоянии [4].

Новые методы исследования смещаются в область анализа макропризнаков, которые остаются за пределами возможностей стандартного инструментария. Эксперты фокусируются на следующих аспектах:

1. Естественная вариативность. «Цифровая стерильность»: Живая человеческая речь никогда не бывает идеально стабильной. Она характеризуется микрофлуктуациями частоты основного тона, незначительными изменениями тембра и интонации, естественной нерегулярностью пауз и артикуляции. Искусственный интеллект, напротив, может выдавать аномально стабильные параметры или, наоборот, создавать нехарактерные для человека случайные колебания в шумовых компонентах, сопутствующих речи.

2. Детальный спектральный анализ: Исследование форматной структуры гласных и особенностей переходных процессов между звуками позволяет выявить цифровые артефакты, неизбежно возникающие при работе генеративных моделей. Для этого используется технологии спектрального анализа, визуализирующие скрытые на слух изменения в структуре сигнала.

В эпоху цифры объектом исследования становятся не только акустическая волна, но и цифровой файл со всеми его атрибутами. Это привело к активной конвергенции фоноскопической и компьютерно – технической экспертиз [1].

Сегодня эксперт - фоноскопист все чаще работает в тандеме со специалистом в области компьютерных технологий, а то и совмещает эти компетенции. Исследование цифровой аудиозаписи ведется в двух направлениях одновременно:

1. Компьютерно - техническое: Анализ метаданных файла (даты создания, модификации, информация о записывающем устройстве или программном обеспечении), проверка целостности структуры файла, выявление следов редактирования в цифровой среде (например, по наличию служебных записей в реестре или временных файлов). Любое не соответствие между заявленными условиями создания записи и ее техническими параметрами – серьезный сигнал о возможности фальсификации.

2. Фоноскопическое (акустическое): Поиск цифровых артефактов в самом сигнале: неестественных шумов, эха, аномалий синхронизации речи с фоновой обстановкой, следов компрессии, характерных для повторного сохранения или монтажа [2].

Такая интеграция позволяет решить комплексные задачи, недоступные каждому из методов по отдельности – от реконструкции аудиопотоков из зашифрованных данных сетевых мессенджеров до верификации голосовой биометрии.

Технический анализ сигнала – не единственный способ разоблачить подделку. Важнейшую роль играет привлечение методов лингвистической экспертизы. Если инженер-акустик анализирует «как» сказано, то лингвист – «что» сказано и с какой целью.

Даже самая совершенная нейросеть, идеально имитирующая тембр, может дать сбой на уровне речевого поведения. Лингвистический анализ позволяет выявить несоответствия в:

- Лексике и стилистике: Использование слов, идиом или грамматических конструкций, нехарактерных для предполагаемого спикера. Например, ИИ может неправильно расставить акценты или употреблять книжное выражение в спонтанной бытовой речи.

- Социолингвистических характеристиках: Наличие жаргона, диалектных особенностей или слов-паразитов может указывать на происхождение, уровень образования или социальную среду реального диктора, что невозможно смоделировать для синтетического голоса без глубокого контекстного анализа [3].

Анализ речевых паттернов, эмоциональной окраски и соответствия речи общему контексту ситуации становятся мощным маркером для обнаружения подделки [5].

Современная фоноскопическая экспертиза перестанет быть узкой дисциплиной, существующей исключительно в парадигме «акустика-фонетика». Сегодня это многокомплектная область знаний, находящаяся на стыке цифровой обработки сигналов, компьютерных наук, лингвистики и криминалистике. Новые методы, такие как выявление микро-флуктуаций голоса, анализ цифровых артефактов в структуре файла и углубленная лингвистическая диагностика, позволяют эффективно противостоять вызовам, связанным с распространением технологий искусственного интеллекта. Дальнейшее развитие экспертизы будет связано с совершенствованием алгоритмов обнаружения синтетического контента, созданием специализированных экспертных систем и укреплением междисциплинарного взаимодействия специалистов. Только такой синтез знаний способен обеспечить высокую достоверность выводов и сохранить доказательственную силу аудиозаписей в цифровую эпоху.

Список литературы

1. Ветрова А. Д. Основные проблемы современной фоноскопии / А. Д. Ветрова // Ломоносов-2024 : материалы Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Москва, 2024 г. – Москва : МГУ, 2024. – С. 45-50.
2. Компьютерные экспертизы и фоноскопия: конвергенция технологий и методологий / Центр инженерных экспертиз. – Москва, 2025. – 28 с.
3. Теоретические и практические вопросы назначения и производства судебной фоноскопической экспертизы // Вестник ВСИ МВД России. – 2025. – № 2. – С. 112-120.
4. Фоноскопическая экспертиза: методологические основы и практическое применение / Федерация судебных экспертов. – Москва, 2025. – 64 с.
5. Фоноскопическая экспертиза: не обмануть и не подделать // СИНЭО: [сайт]. – 2025. – URL:<https://sineo.ru/articles/fonoskopiheskaya-ekspertiza> (дата обращения: 06.02.2026).

ПРОБЛЕМЫ ИЗЪЯТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ SSD-НАКОПИТЕЛЕЙ КАК ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ: УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Макаревич Маргарита Викторовна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

rita.makarevich.03@mail.ru

Научный руководитель: Дедков Василий Николаевич, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

vsdedkov@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье исследуются проблемы изъятия и последующего исследования твердотельных накопителей (SSD) в рамках уголовного судопроизводства. Актуальность темы обусловлена фундаментальными различиями в архитектуре SSD и традиционных HDD, которые напрямую влияют на сохранность цифровых доказательств. Автором анализируются технические особенности SSD (команда TRIM, сборка мусора, выравнивание износа), рассматриваются правовые основания изъятия электронных носителей по УПК РФ, а также выявляются проблемы, возникающие при исследовании SSD в рамках судебной компьютерно-технической экспертизы. На основе анализа технической литературы, экспериментальных данных и процессуальных норм формулируются рекомендации по совершенствованию тактики изъятия и методики исследования SSD-накопителей. Научная новизна работы заключается в комплексном подходе к проблеме: технические особенности SSD рассматриваются сквозь призму их влияния на допустимость и достоверность доказательств в уголовном процессе.

Ключевые слова: SSD-накопители; команда TRIM; изъятие электронных носителей; допустимость доказательств; судебная компьютерно-техническая экспертиза

С развитием компьютерной техники и технологий все больше информации находится в электронном формате и хранится на специальных носителях информации. Одним из самых распространенных накопителей являются твердотельные накопители (SSD). Их главное отличие от своих предшественников, накопителей на жестких магнитных дисках (HDD), заключается в переходе от пассивного магнитного хранения к активному управлению данными на уровне контроллера и флэш-памяти NAND. Если на HDD операция удаления данных носит логический характер (файл помечается как удаленный, но его физическое содержимое сохраняется до момента перезаписи), то на твердотельном накопителе удаленные данные перезаписываются практически сразу.

Особенностью, позволяющей перезаписать данные на SSD, является именно флэш-память типа NAND, организованная в виде страниц и блоков. Запись при таком способе организации возможна в предварительно очищенные ячейки, при этом очистка производится блоками значительного объема (от 256 КБ до 4 МБ), в то время как чтение и запись осуществляется страницами (2-16 КБ).

Использование данной архитектуры требовало специфических механизмов управления памятью, реализуемых контроллером накопителя:

1. Выравнивание износа (Wear Leveling). Механизм, при котором контроллер равномерно распределяет данные по всем ячейкам памяти, чтобы продлить срок службы накопителя. Для криминалистики это означает, что физическое расположение файла постоянно меняется без ведома пользователя, что разрушает классическую модель расследования, основанную на неизменности размещения информации.

2. Сборка мусора (Garbage Collection). Фоновый процесс, при котором контроллер определяет блоки, помеченные как удаленные (недействительные страницы), копирует

оставшиеся действительные страницы в новый блок, после чего стирается старый, освобождая пространство для последующей записи. Важным моментом является то, что данная команда автономна и включается в период простоя накопителя.

3. Команда TRIM. Данная команда – связующее звено между файловой системой и контроллером SSD. При удалении файла, операционная система через эту команду уведомляет контроллер о том, что определенные логические блоки более не содержат актуальных данных и могут быть физически очищены.

Исследователи из Калифорнийского университета [1] пришли к выводу, что встроенные команды очистки эффективны, но реализуются производителями не всегда корректно; двукратная перезапись всего адресного пространства SSD обычно достаточна для очистки; однако ни один из методов выборочного уничтожения файлов, ориентированных на HDD, не эффективен для SSD. Это напрямую коррелирует с проблемой восстановления: если уничтожение файлов с SSD происходит иначе, то и их восстановление требует принципиально иных подходов.

Правовое регулирование изъятия электронных носителей информации в российском уголовном процессе в первую очередь основывается на статье 164.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ, которая устанавливает особенности данной процедуры. Данная норма была введена для обеспечения баланса между необходимостью получения доказательственной информации и предотвращением необоснованного вмешательства в работу компьютерных систем и преждевременной утраты данных.

В соответствии с ч. 2 ст. 164.1 «Электронные носители информации изымаются в ходе производства следственных действий с участием специалиста. По ходатайству законного владельца изымаемых электронных носителей информации или обладателя содержащейся на них информации специалистом, участвующим в следственном действии, в присутствии понятых с изымаемых электронных носителей информации осуществляется копирование информации. Копирование информации осуществляется на другие электронные носители информации, предоставленные законным владельцем изымаемых электронных носителей информации или обладателем содержащейся на них информации» [2]. Однако, существует и исключение: не может быть скопирована информация «полномочиями на хранение и использование которой владелец электронного носителя информации не обладает, либо которая может быть использована для совершения новых преступлений, либо копирование которой, по заявлению специалиста, может повлечь за собой ее утрату или изменение» [2].

Новые правила изъятия электронных носителей и копирования информации имеют как преимущества (стремление законодателя минимизировать вмешательство в деятельность добросовестных владельцев компьютерной информации), так и недостатки. Применительно к SSD-накопителям возникает ряд проблем, которые законодатель не учел.

Во-первых, возможность копирования информации на месте изъятия технически труднореализуема именно для SSD. Даже простое подключение SSD к системе для копирования может инициировать фоновые процессы сборки мусора или же активировать команду TRIM. Принцип минимального вмешательства закрепленный в ст. 11 ФЗ №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ», требует использования аппаратных блокираторов записи. Однако их применение на месте происшествия не всегда технически осуществимо.

Во-вторых, сам термин «копирование информации» применительно к SSD требует уточнения. С криминалистической точки хранения более корректным является не простое копирование файлов, а создание посекторного образа накопителя. Это требует значительного времени и наличия специального оборудования (стендовый компьютер с достаточным объемом памяти, аппаратный блокиратор). Процессуально статус такого образа (является ли он «копией» в смысле ст. 164.1 УПК РФ) четко не определен.

Помимо этого, следует также учитывать общие принципы СКТЭ – законность, воспроизводимость и минимальное вмешательство. Под принципом воспроизводимости подразумевается, что повторное исследование накопителя должно дать те же результаты.

Однако, если при первичном подключении SSD произошла активация TRIM и часть данных была безвозвратно утеряна, то повторная экспертиза будет заведомо невозможна в полном объеме, что ставит под сомнение реализацию принципа состязательности сторон.

Можно сказать, что действующее правовое регулирование, разработанное в эпоху доминирования HDD, не в полной мере учитывает технологические особенности SSD. Необходимо либо законодательное уточнение процедуры изъятия, либо разработка ведомственных методических рекомендаций, детально регламентирующих действия следователя и специалиста при работе с твердотельными накопителями.

Фактическое изъятие SSD-накопителей сопряжено с комплексом проблем, которые условно можно разделить на технические, тактические и юридические.

Технические сложности. SSD не представляет собой единого монолитного устройства, в отличие от HDD. Они могут быть выполнены в различных форм-факторах: 2,5-дюймовые накопители и интерфейсом SATA, компактные модули mSATA, M.2, а также распаянные непосредственно на материнской плате чипы. Изъятие распаянных чипов требует специальных навыков и оборудования и превращает следственное действие в инженерно-техническую операцию, что не предусмотрено типовой процедурой осмотра места происшествия.

Главный вызов при работе с SSD – предотвращение команды TRIM и фоновой сборки мусора. При проведении серии экспериментов в рамках написания выпускной квалификационной работы было выявлено, что принудительная отправка команды TRIM или штатная работа операционной системы с поддержкой этой команды делает восстановление данных традиционными программными средствами практически невозможным.

Из этого следуют несколько строгих тактических требований к изъятию:

1. Недопустимость штатного выключения компьютера. Если следователь или специалист выключает компьютер через меню «пуск», то операционная система может отправить команду TRIM на накопитель, после чего контроллер приступит к физической очистке ячеек, помеченных как содержащие удаленные данные.

2. Использование аппаратных блокираторов записи. Подключение SSD для создания образа должно производиться только через специальные устройства, блокирующие физически возможность передачи команд записи от компьютера к накопителю. Это позволяет гарантировать, что в случае если операционная система попытается отправить команду TRIM, она не достигнет контроллера SSD.

3. Создание посекторной копии как приоритетная задача. Вместо копирования отдельных файлов необходимо создание полного физического образа диска, для сохранения возможности восстановления удаленных данных из помеченных ячеек.

Изъятие SSD сопряжено с риском нарушения прав и законных интересов граждан. Правовые и криминалистические аспекты изъятия электронной информации требуют анализа судебной практики и учет баланса интересов. В частности:

Немедленное обесточивание компьютера может привести к утрате несохраненных данных текущей сессии, что способно нарушить права добросовестного пользователя.

Изъятие ноутбука с распаянным SSD фактически лишает владельца компьютера на длительный срок, даже если впоследствии будет установлено, что инкриминируемая информация на нем отсутствовала.

Существует риск повреждения накопителя при неквалифицированном извлечении, что повлечет невозможность исследования и может стать основанием для признания доказательств недопустимыми.

Исследование SSD в рамках судебной компьютерно-технической экспертизы представляет собой комплексную задачу, требующую учета как технических ограничений, так и процессуальных требований к допустимости доказательств.

При подготовке и написании выпускной квалификационной работы был проведен ряд экспериментов по восстановлению данных. Основные выводы экспериментов сводятся к следующему: полное восстановление данных без изменений возможно лишь при

отключенной команде TRIM и немедленном обесточивании; временной фактор критичен – чем дольше устройство остается под напряжением, тем меньше шансов на восстановление; принудительная активация TRIM делает восстановление бесперспективным (файлы восстанавливаются с измененным содержанием); полное форматирование уничтожает данные безвозвратно, в отличие от HDD.

Эти экспериментальные данные подтверждаются зарубежными исследованиями: «... ни один из существующих методов выборочного уничтожения отдельных файлов, ориентированных на HDD, не является эффективным для SSD» [1, стр.6]. Исследователи также отмечают парадокс SSD: с одной стороны, данные трудно восстановить из-за TRIM, с другой стороны их трудно гарантировано уничтожить из-за особенностей NAND-памяти и возможных ошибок реализации команд производителями.

Ключевым для уголовного процесса является вопрос: можно ли считать файл с измененной хэш-суммой допустимым доказательством? Хэш-сумма в криминалистике используется для однозначной идентификации файла и проверки его целостности. Если после восстановления хэш-сумма изменилась, это означает, что файл больше не идентичен оригиналу.

В судебной практике это порождает серьезную проблему. Как отмечается в профессиональных дискуссиях на Forensic Focus «проблема хэш-сумм SSD-накопителя и его образа может не совпадать, и это влияет на допустимость доказательств в суде» [3] сторона защиты может заявить, что представленный файл не является тем самым файлом, который существовал на момент изъятия, поскольку его хэш-сумма не совпадает с оригиналом.

Исходя из изложенного, экспертное исследование SSD должно строиться на следующих принципах:

1. Работа только с посекторной копией, созданной через аппаратный блокиратор;
2. Фиксация времени. Эксперт должен точно фиксировать временные параметры: когда был изъят накопитель, когда создана копия, когда проводилось исследование. Это важно для оценки вероятности сохранности данных с учетом экспериментально установленных временных интервалов (40-120 минут);
3. Документирование изменений. Если восстановленный файл имеет хэш-сумму, отличную от эталонной, эксперт должен подробно описать этот факт и указать причины (активация TRIM, сборки мусора). Категорический вывод о том, что восстановленный файл полностью соответствует исходному, в такой ситуации делать нельзя;
4. Использование специализированного оборудования.

При исследовании SSD эксперт получает доступ ко всему массиву данных, включая те, которые могут содержать охраняемую законом тайну (личная переписка, коммерческая тайна, персональные данные третьих лиц). В соответствии со ст. 11 ФЗ №73-ФЗ и принципом этичности, эксперт обязан не разглашать сведения, ставшие ему известными в ходе экспертизы, и исследовать только те данные, которые имеют отношение к предмету доказывания.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы:

- Техническая специфика SSD делает их принципиально иным объектом судебной экспертизы по сравнению с HDD. Механизмы выравнивания износа, сборки мусора и команда TRIM превращают SSD из пассивного хранилища в активную систему, самостоятельно уничтожающую данные, помеченные как удаленные. Это разрушает классическую криминалистическую модель, основанную на неизменности физического расположения информации.

- Действующее правовое регулирование (ст. 164. УПК РФ) не в полной мере учитывает особенности SSD. Требование о возможном копировании информации на месте изъятия может привести к утрате доказательств. Требуется разработка ведомственных методических рекомендаций, детализирующих порядок работы с твердотельными накопителями.

- Тактика изъятия SSD должна быть изменена с учетом временного фактора. Критически важным является немедленное обесточивание устройства, использование аппаратных блокираторов записи и создание полной посекторной копии накопителя. Любое промедление ставит под угрозу возможность полного восстановления доказательственной информации.

- Восстановление данных с SSD возможно лишь в ограниченном «окне возможностей». Экспериментально установлено, что полное восстановление без изменений достижимо только при отключенной команде TRIM и немедленном создании образа. При активации TRIM восстановленные файлы претерпевают изменения, фиксируемые по несовпадению хэш-сумм, что ставит под сомнение их доказательственное значение.

- Проблема изменения хэш-сумм восстановленных файлов требует процессуального осмысления. Необходимо определить категории, при которых файл с измененной хэш-суммой может быть признан допустимым доказательством, а также выработать единообразную практику оценки таких доказательств судами.

- Требуется междисциплинарный подход к подготовке специалистов. Эффективное расследование преступлений, связанных с использованием SSD, возможно лишь при условии взаимодействия юристов и технических специалистов, владеющих современными знаниями об архитектуре твердотельных накопителей и методах работы с ними.

Перспективы дальнейших исследований в данной области связаны с разработкой специализированных криминалистических методик работы с SSD различных типов и производителей, а также с совершенствованием процессуального законодательства в части регламентации работы с цифровыми доказательствами.

Список литературы

1. Wei M., Grupp L.M., Spada F.E., Swanson S. Reliably Erasing Data From Flash-Based Solid State Drives // Proceedings of the 9th USENIX Conference on File and Storage Technologies (FAST'11). – San Jose, CA, USA: USENIX Association, 2011. – P. 105-117.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

3. Forensic Focus. Hash debate. – Текст : электронный // Forensic Focus Forums : [сайт]. – URL: <https://www.forensicfocus.com/forums/> (дата обращения: 03.03.2026).

4. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 23. – Ст. 2291.

5. Прудников, В. М. Периферийные устройства ЭВМ. Внешние запоминающие устройства: учебник для вузов / В. М. Прудников, В. В. Кутузов. – М.: Издательство Юрайт, 2025. – 182 с.

6. Техническая документация R-Studio. – Текст : электронный – R-Tools Technology Inc. : [сайт]. – URL: https://www.r-studio.com/ru/Unformat_Help/index.html.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОЕКТНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ ФАЛЬСИФИКАЦИЙ

Мамрукова Валерия Олеговна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

valeriamamrukova03@mail.ru

Научный руководитель: Сочнева Елена Николаевна, кандидат экономических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

sochneva.e@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы выявления фальсификаций проектной документации на возведение объектов строительства. Анализируются типичные способы подлогов, современные методы их обнаружения, а также правовые и организационные аспекты назначения и производства судебных экспертиз. Особое внимание уделяется возможностям комплексного применения инженерно-технических, почерковедческих и компьютерно-технических знаний.

Ключевые слова: криминалистическое исследование документов, проектная документация, фальсификация, судебная строительно-техническая экспертиза, технический подлог, интеллектуальный подлог

Современный этап развития строительной отрасли характеризуется высокими темпами возведения объектов, усложнением проектных решений и активным внедрением цифровых технологий. Однако параллельно с этими процессами возрастают и риски противоправных посягательств, связанных с фальсификацией проектной документации. По данным Минстроя России, среди нарушений, выявляемых при проведении государственной экспертизы, регулярно фиксируются факты, указывающие на возможную фальсификацию документации, что требует проведения проверочных мероприятий, в том числе с обращением в правоохранительные органы.

Криминалистическое исследование проектной документации представляет собой сложный междисциплинарный процесс, требующий интеграции знаний в области строительства, экономики, компьютерных технологий и собственно криминалистической техники. Цель настоящей статьи – систематизировать современные возможности выявления фальсификаций проектной документации и определить перспективные направления развития данного вида криминалистического исследования.

Под фальсификацией проектной документации в криминалистическом аспекте понимается умышленное искажение или подделка проектных материалов, совершаемые с целью введения в заблуждение заказчиков, экспертных органов, контролируемых инстанций или иных участников строительного процесса. Исходя из анализа экспертной практики, можно выделить две основные группы фальсификаций:

Интеллектуальный подлог-составление документа, содержащего заведомо ложные сведения, но имеющего все внешние реквизиты подлинного. К данной категории относятся:

1. завышение сметной стоимости строительства (включение несуществующих позиций, дублирование расходов, применение некорректных расценок) [2,8];
2. занижение сметной стоимости с целью победы в тендере (впоследствии ведущее к удорожанию и использованию некачественных материалов);
3. указание недостоверных данных об инженерно-геологических изысканиях;
4. фальсификация расчетов нагрузок в конструкции;
5. указание заведомо ложных сведений об исполнителях работ (специалистах, включенных в Национальный реестр специалистов).

Материальный подлог - внесение изменений в подлинный документ путем подчисток, дописок, травления, замены листов. В проектной документации это может выражаться в:

1. замене отдельных листов чертежей;
2. исправлении цифровых показателей в сметах;
3. подделке подписей и печатей проектировщиков;
4. фальсификации дат утверждения документации.

Особую группу составляют фальсификации, связанные с нарушением порядка утверждения документации, когда проект утверждается лицом, не имеющим на то полномочий (например, сотрудником субподрядной организации, а не генеральным проектировщиком) [4,6].

Современные возможности выявления фальсификаций проектной документации можно квалифицировать по методикам исследования. Данные направления позволяет выявить материальный подлог. В арсенале экспертов имеются следующие методы [8]:

- визуальное исследование с использованием увеличительной техники- выявление нарушений структуры бумаги, следов травления, несоответствий в типографических элементах бланков.
- исследование в инфракрасных и ультрафиолетовых лучах- обнаружение дописок, сделанных различными красителями, выявление травленных или подчищенных участков.
- микроскопическое исследование штрихов- определение последовательности нанесения штрихов, установление факта выполнения подписи до или после печати текста.
- исследование оттисков печатей и штампов- идентификация печатно-штемпельной техники, выявление монтажа оттисков с использованием компьютерных технологий.

В одном из экспертных производств, проводившихся по определению Арбитражного суда, именно применение технико-криминалистических методов позволило установить факт замены отдельных листов в рабочей документации и выявить признаки заимствования проектных решений [8].

Данный вид экспертизы является ключевым при выявлении интеллектуальных подлогов. Эксперты-строители анализируют содержание проектной документации на предмет ее соответствия [2,5]:

1. Соответствие нормативным требованиям- проверка соблюдения технических регламентов, СНиП, ГОСТ, СанПиН. Типичными нарушениями являются: отсутствие необходимых расчетов прочности, некорректное определение климатических нагрузок, ошибки в проектировании инженерных систем [3,5].
2. Достоверность исходных данных- анализ полноты и качества инженерных изысканий, проверка соответствия проектных решений фактическим геологическим условиям участка.
3. Обоснованность конструктивных решений- проверка расчетов несущей способности конструкций, моделирование нагрузок с учетом неблагоприятных сочетаний [5].
4. Проверка сметной документации- выявление завышения объемов работ, некорректного применения расценок, включения избыточных материалов.

Сложность строительно-технической экспертизы заключается в необходимости оценки проектных решений не только на момент создания документации, но и противодымной вентиляции могут привести к катастрофическим последствиям [5].

Важно отметить и организационно-правовые аспекты выявления фальсификаций. Эффективность выявления фальсификаций проектной документации во многом зависит от правильной организации проверочных материалов. На этапе получения информации о возможной фальсификации (например, из письма Минстроя или акта государственной экспертизы) проводятся проверочные мероприятия, которые включают в себя истребование и сам анализ проектной документации, получение объяснений от заказчиков, проектировщика, и членов экспертной комиссии. Также назначение документальных

проверок и ревизий имеет значительную роль, а при наличии оснований- проведение исследований специалиста.

Важным обстоятельством является то, что Минстрой России прямо указывает на необходимость проведения проверочных мероприятий, в том числе путем обращения в правоохранительные органы, при выявлении фактов возможной фальсификации исходно-разрешительной документации [4].

При назначении судебной экспертизы по фактам фальсификации проектной документации следует учитывать комплексный характер исследования. Наиболее эффективным является назначение комплексной экспертизы с привлечением специалистов различного профиля (строителей, сметчиков, компьютерных техников, почерковедов). На разрешение экспертов целесообразно ставить данные вопросы:

1. соответствует ли представленная проектная документация требованиям технических регламентов, строительных норм и правил?
2. имеются ли в проектной документации несоответствия, указывающие на возможную фальсификацию (замена листов, исправления, дописки)?
3. достоверны ли сведения, содержащиеся в сметной документации? имеются ли факты завышения объемов и стоимости работ?
4. соответствует ли данные инженерных изысканий, использованные в проекте, фактическим условиям участка строительства?
5. имеются ли признаки заимствования проектной документации из иных источников?
6. кем из специалистов (конкретных лиц) разработана проектная документация?

При оценке заключения эксперта по делам о фальсификации необходимо учитывать, что выводы должны быть научно обоснованными, проверяемыми и не содержать противоречий. Следует обращать внимание на полноту исследованных материалов, примененные методики и квалификацию экспертов.

При проведении исследования данной темы можно выделить перспективные направления развития, такие как создание автоматизированных систем проверки проектной документации на предмет выявления аномалий и признаков фальсификаций, разработка методик идентификации разработчиков проектной документации по цифровым следам (стилевым особенностям оформления, характерным ошибкам, используемым шаблонам), внедрение технологий блокчейн для фиксации этапов разработки и согласования проектной документации, а также совершенствование взаимодействия экспертных, надзорных и правоохранительных органов.

Криминалистическое исследование проектной документации представляет собой сложный многоаспектный процесс, требующий применения современных достижений технико-криминалистической, строительно-технической, компьютерно-технической наук. Эффективное выявление фальсификаций возможно лишь при комплексном использовании всех доступных методов и тесном взаимодействии специалистов различного профиля.

Особую значимость данное направление приобретает в контексте обеспечения безопасности объектов строительства и защиты имущественных интересов участников инвестиционно-строительной деятельности. Выявление фальсификаций на этапе проектирования позволяет предотвратить тяжкие последствия, связанные с обрушением конструкций, человеческими жертвами и значительными материальными потерями.

Дальнейшее развитие криминалистического исследования проектной документации должно быть направлено на совершенствование методической базы, внедрение цифровых технологий и подготовку квалифицированных экспертных кадров.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 174-ФЗ: [принят Государственной Думой 22 ноября 2001 года: одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года]. – Текст: электронный // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс»: – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 05.03.2026).
2. Градостроительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 190-ФЗ: [принят Государственной Думой 22 декабря 2004 года: одобрен Советом Федерации 24 декабря 2004 года]. – Текст: электронный – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 05.03.2026).
3. Постановление Правительства РФ от 16 февраля 2008 г. N 87 "О составе разделов проектной документации и требованиях к их содержанию" (с изменениями и дополнениями) – Текст: электронный – URL: <https://base.garant.ru/12158997/>.
4. Письмо Минстроя России от 04.07.2024 № 37463-АЛ/08 «О необходимости повышения контроля за деятельностью подрядных организаций» – Текст: электронный – URL: <https://www.moasp.ru/files/news/>.
5. Россинская, Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе [Текст]: [монография] / Е. Р. Россинская ; Российский федеральный центр судебной экспертизы при М-ве юстиции Российской Федерации. – 3-е изд., доп. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2014. – 735 с.
6. Бутырин, А. Ю. Судебная строительно-техническая экспертиза: теория и практика. / А. Ю. Бутырин. – Москва: Юрид. бюро «Городец», 2023. – С. 368.
7. Соколова, Т. П., Шашкин, С. Б. Техничко-криминалистическое исследование документов: учебник. / Т. П. Соколова, С. Б. Шашкин. – М.: Юрайт, 2025. – С.412
8. СУДЕБНЫЙ ЭКСПЕРТ: Центр по проведению судебных экспертиз и исследований: автономная некоммерческая организация «Судебный Эксперт»: [сайт]. – Материалы судебно-экспертной практики АНО «Судебный Эксперт» за 2024-2025 гг. – URL: <https://sudexpra.ru/>.

МОТИВАЦИЯ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПРИ СОВЕРШЕНИИ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ «ЦИФРОВОГО» ПРЕСТУПНИКА

Мельникова Арина Александровна, студентка

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия

mariya.melnikova1984@mail.ru

Кутовая Анастасия Сергеевна, студентка

nastyakutovaya2005@gmail.com

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия

Научный руководитель: Домнина Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия

ol-domni@yandex.ru

Аннотация. Статья рассматривает психологические особенности киберпреступлений, а также мотивы преступного поведения в цифровой среде. Актуальность темы обусловлена эволюцией криминала в киберпространстве, где каждый носитель данных – потенциальная жертва. Рассмотрены особенности совершения киберпреступлений, а также психологическое обоснование мотивов киберпреступников. Изучение психологических черт киберпреступников позволяет сделать вывод о том, что им свойственны девиантное мышление, онлайн-зависимость, техническая подготовленность, недостаточный уровень эмпатии, высокий интеллект.

Ключевые слова: киберпреступления, хакер, мотивация, противоправное деяние, цифровизация, мошенничество, технологии

Цифровизация затрагивает многие сферы нашей жизни, принося в нее положительные изменения, и, безусловно, создает новые условия для реализации массы возможностей в самых различных областях деятельности. Однако, при всех преимуществах и новшествах, что дает цифровизация, нельзя не указать на риски, которая ей сопутствуют. Одним из краеугольных камней новейших технологий и развития «цифры» в наше время является кибербезопасность, на которую посягают многие – от отдельных хулиганов до целой плеяды профессиональных хакеров. Используя массу технологий и средств, хакеры крадут личные данные, взламывают аккаунты и профили, наносят репутационный ущерб большим компаниям, посягают на безопасность глобальных корпораций и административных учреждений, а также преследуют цель экономической наживы, прибегая к созданию незаконных типов онлайн-рынков (азартные игры, казино, торговля запрещенными товарами, распространение порнографии и т.д.).

Киберпреступления по статистике остаются неубывающим трендом криминогенного сегмента. «Половину всех IT-преступлений составляют кибермошенничества - 350 тыс. за 2025 год. При этом число мошенничеств в России сократилось в 2025 году на 7,6%, из них около 85% приходится на кибермошенничества» [1]. С начала 2025 года на бизнес зафиксировано свыше 105 тыс. кибератак – рост на 46% по сравнению с 2024-м.

Преступления в цифровой сфере наносят ущерб как глобальной экономике (угроза банковским, правительственным и финансовым учреждениям), так и личным сбережениям граждан. Помимо исключительно финансовой безопасности следует отметить такой важный аспект как психологическое здоровье жертв киберпреступлений. На фоне потери денежных средств, кражи личных данных и взлома аккаунтов у человека могут развиваться психотические и неврологические отклонения, сопровождающиеся депрессивными состояниями, бессонницей, стрессом и т.д. Очевидно, киберпреступления – это новый этап

развития криминальной отрасли, который так или иначе затрагивает каждого носителя цифровых устройств и данных.

В эпоху цифровых технологий методы борьбы с киберпреступниками развиваются, о чем говорит большая база накопленных кейсов, демонстрирующих эффективные решения в предупреждении цифровых преступлений. Например, в банковской сфере уже используются методы автоматического определения телефонных мошенников благодаря ИИ-технологиям, угадывающим номер преступников на основе сравнения номеров в огромной базе данных. Однако, знание психологии поведения киберпреступника, понимание его мотивации, изучение причин и факторов, побуждающих человека идти на такое деяние, крайне эффективны для целей разработки превентивных антикиберпреступных мероприятий. Предотвратить киберпреступление возможно благодаря знаниям юридической психологии, что обуславливает актуальность и значимость исследуемой темы.

Киберпреступление – это противоправное нарушение, совершенное при помощи компьютеризированных средств и технологий. Глава 28 УК РФ предоставляет целый список различных преступлений в сфере компьютерной информации: к таковым относятся махинации с абонентскими номерами, создание вредоносных программ, неправомерный доступ к информации и т.д. [2].

Что не менее важно, такой тип преступления совершается в киберпространстве (виртуальном), а это определяет характер совершения противоправного действия. Например, киберпреступления могут коснуться тех, кто хранит свои данные в интернет-среде, либо же имеет банковские продукты. Особенность виртуальной (кибер) среды в том, что она имеет физической «мост» – носитель-передатчик, который связывает обе среды путем непосредственного взаимодействия индивида и данных, находящихся по ту сторону физического мира. Иными словами, киберпреступник не сможет воздействовать на жертву, если доступ к данным человека находится вне пределов киберпространства. Однако, такой сценарий маловероятен в условиях повсеместного развития цифровизации: глобальные сервисы, которые превращают услуги в экосистему (Яндекс, Сбер), центры принятия юридических решений (Госуслуги), банковские и финансовые инструменты – все подчинено одной конкретной цели, а именно ускорить передачу данных и упростить взаимодействие между субъектами. Даже пожилое население не лишено рисков столкнуться с киберпреступником, так как все сферы жизни постепенно переходят в «цифру».

Основные мотивы цифровых преступлений можно условно разделить на три большие группы: корыстные мотивы, целенаправленное вредительство и ущерб, проявление девиантных отклонений. Корыстные мотивы доминируют – это желание легкой наживы через мошенничество, вымогательство или кражу данных. Основная масса киберпреступлений в общепризнанной классификации имеет под собой именно корыстный умысел и жажду наживы. Другие распространенные причины: хулиганский интерес, исследовательское любопытство, протест или жажда власти, особенно у хакеров-одиночек. Психические отклонения или низкий моральный уровень усиливают импульсивность и характеризуют девиантное поведение в сети.

Одним из главных условий совершения киберпреступления является способ и место: как правило, хакер осуществляет свой замысел непосредственно рядом с компьютером и при помощи специальных программ и знаний программного кода нацелен причинить экономический либо репутационный ущерб. Это означает, что киберпреступник хорошо знаком с программными средствами, умеют пользоваться программными кодами, имеет определенные навыки установки и реализации различных программ и т.д. [3] Иными словами, такой индивид технически оснащен, он увлечен сферой IT и, вполне вероятно, напрашивается вывод о том, что он мог иметь опыт работы в соответствующей сфере. При различных сценариях киберпреступник может совмещать работу в IT и творить противоправные деяния. Этот аспект определяет также еще одну мотивацию совершения преступления – хакер совершает их, чтобы совершенствоваться в освоении новых программных средств и технологий. Так, Муллаярова П.А. отмечает, что киберпреступника

может увлекать «изучение программных и аппаратных составляющих электронных устройств и их сетей, поиск уязвимостей, возможности их использования и устранения» [3].

Юридическая психология позволяет раскрыть некоторые особенности психотипов и психологических особенностей киберпреступников. Так, киберпреступники часто обладают чертами нарциссизма, сниженной эмпатией и девиантным мышлением. Типичный киберпреступник – мужчина 20–35 лет, одинокий, с высшим образованием в IT, высоким IQ и отсутствием судимостей. Он рационален, но социально изолирован, мотивирован анонимностью сети; женщины реже вовлечены. Специализация на методах (фишинг, DDoS) отражает техническую подготовку и низкую эмпатию.

Психологический портрет киберпреступника характеризует такой фактор как возраст. Как правило, это «молодые люди, в том числе школьники и студенты, которые увлекаются компьютерной и вычислительной техникой, имеющие определенные знания в данной сфере, которые используют для совершения киберпреступлений» [4]. Например, известен случай, когда 14-летний подросток взломал сервер NASA для того, чтобы хранить там свои виртуальные данные.

У киберпреступников с некоторой долей вероятности может наблюдаться набор характерных девиаций: интернет-зависимость, тревожные расстройства, диссоциативные расстройства личности. Помимо этого, сознание киберпреступника подвержено внешним влияниям и конкретно влиянию в интернет-среде. Так, после терактов в Норвегии было установлено, что Андреас Брейвик был активным посетителем различных праворадикальных интернет-ресурсов. Данный аспект важен для понимания того, что киберпреступники могут совершать противоправные действия не только по причине корыстного умысла или ради обогащения, но и из-за идеологических радикальных взглядов.

Тем не менее основная мотивация при совершении киберпреступления – нанести вред. Попытка украсть денежные средства зачастую определяют характер способа преступления – кража данных, взлом, шантаж, вредоносная программа служат средствами достижения характерной для хакера цели. Киберпреступник может нанести вред и репутационный, например, когда раскрывает личные данные, а затем использует их для шантажа. В случае с медийной персоной хакер может обличить ее в том, что моментально нарушит репутацию и имидж. С точки зрения психологии такое поведение можно объяснить стремлением к доминированию, мести или ощущению власти над жертвой, особенно медийной персоной, где ущерб имиджу усиливает эффект. Это поведение мотивируется не только финансовой выгодой, но и психологическим удовлетворением от контроля и публичного унижения.

Одной из побуждающих причин выходить на тропу киберпреступника является некоторая степень иллюзии безнаказанности за содеянное. Как пишет Косенков А.Н., Черный Г.А., «анонимность позволяет не только не быть идентифицированным в определенный момент времени, но также, предоставлять о себе ложную информацию...» [5]. Известно, что в отличие от обычного преступления противоправное деяние, совершенное в сети Интернет, не так легко отследить. Для обнаружения места, где находится хакер, используются данные IP адресов, однако, при помощи специальных технологий преступник может скрывать реальный IP и фиктивно подменять его адресом другой страны. В этом участвует так называемая технология VPN, с помощью которой отследить хакера становится сложнее. Для сокрытия цифровых следов хакеры используют и ряд других методов и технологий, что вкуче создает то самое ощущение безнаказанности для преступника. Уверенный в том, что он может оставаться непойманным длительное время, а в любой момент он вправе уйти «на дно» и перестать заниматься этой деятельностью, хакер видит в киберпреступлениях относительно безопасную среду. Все это безусловно влияет на мотивацию заниматься противоправной деятельностью в интернет-среде. Анонимность интернета снижает ответственность, усиливая преступную инициативу и потворствуя последовательной и продолжающейся противоправной деятельности.

Другим типом мотивации является страсть наживы при помощи специальных технологий и средств. Например, так называемый криптоджекинг представляет собой майнинг криптовалют с использованием чужих ресурсов. Получается, что киберпреступник становится таковым не из желания навредить гражданам, а, чтобы многократно увеличить свой доход незаконным путем, прибегая при этом к киберпреступным методам. Подобное поведение расценивается как противоправное исходя из его мошеннической направленности. Сам же преступник при этом использует имеющийся у него арсенал технических средств, понимая, что он может обогатиться благодаря техническим навыкам и знаниям. Иными словами, киберпреступник в этом случае обращает профессиональные компетенции в противоправное русло, что характеризует его расчетливость и уровень рационального поведения.

Мотивация преступного поведения киберхакера может быть связана также с желанием создать подпольный онлайн-сегмент целого рынка услуг. Так, создаются даркнет-площадки для продажи взломанных данных, инструментов для атак или нелегальных сервисов. Это позволяет им монетизировать навыки, обеспечивая анонимный доход через экосистему, где клиенты – другие преступники. Такой подход усиливает устойчивость их деятельности, минимизируя риски традиционных моделей. Здесь же следует упомянуть про создание онлайн-магазинов продажи наркотических средств. Такие площадки, как Silk Road, предлагали наркотики, оружие и вредоносное ПО, генерируя огромный доход через анонимные транзакции в криптовалюте. Хакеры часто участвуют в разработке, защите и масштабировании этих рынков, усиливая свою роль в теневой экономике. Подобные рынки создаются и на базе других услуг, например, незаконное проведение азартных игр, онлайн-торговля запрещенными товарами, и изготовление/хранение детской порнографии.

Таким образом, психологический портрет киберпреступника представляет собой важный пласт знаний, который характеризует основные мотивы и факторы совершения преступлений. Знание этих аспектов, особенно с опорой на юридическую психологию, позволяет разрабатывать эффективные превентивные меры, делая тему исследования крайне актуальной в эпоху цифровизации. Киберпреступники имеют тесную связь с навыками и знаниями из области ИТ. Важное условие совершения преступлений в киберсреде – анонимность преступника, которая снижает ответственность за содеянное и создает иллюзию безнаказанности. Изучение психологических черт киберпреступников позволяет сделать вывод о том, что им свойственны девиантное мышление, онлайн-зависимость, техническая подготовленность, недостаточный уровень эмпатии, высокий интеллект.

Список литературы

1. Число IT-преступлений в России в 2025 году сократилось до 675 тыс. – Текст: электронный // URL: <https://www.comnews.ru/content/243714/2026-02-09/2026-w07/1009/chislo-it-prestupleniy-rossii-2025-godu-sokratilos-do-675-tys> (дата обращения: 01.03.2026)
2. Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.02.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. Муллаярова П. А. Психологический портрет киберпреступника // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – vol.5-4 (56). – 2021. – С.117-121.
4. Защита персональных данных. Опыт правового регулирования / Сост.: Волчинская Е. К.; Предисл.: Симонов А. К. – М.: Галерея, 2001. – 236 с.
5. Косенков, А. Н. Общая характеристика психологии киберпреступника / А. Н. Косенков, Г. А. Черный // Всероссийский криминологический журнал, 2012. – № 3. – С. 87-94.

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Старцев Михаил Константинович, студент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

mstarcev05@gmail.com

Степанов Владислав Вадимович, студент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

svlad5924@gmail.com

Научный руководитель: Червяков Михаил Эдуардович, кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

mc256gt@gmail.com

Аннотация. В уголовном праве огромное внимание уделяется категоризации преступлений. Исследуется роль понятий и функций классификации преступлений, а также различные категории, на которые можно разделить преступления.

Ключевые слова: классификация, преступление, уголовное право

Классификация преступлений является важным инструментом для систематизации и анализа различных видов правонарушений. В современном обществе, где преступность становится все более сложной и разнообразной, необходимо иметь четкую систему классификации, чтобы эффективно бороться с преступностью и обеспечить безопасность граждан. Основывается на различных критериях, таких как характер противоправного деяния, мотивы его совершения, последствия для общества и личности. Она позволяет выделить основные виды преступлений и определить способы их предупреждения. Кроме того, классификация помогает организовать работу правоохранительных органов и судебной системы, устанавливая определенные нормы ответственности за каждый тип правонарушения.

Различение преступлений на категории позволяет установить приоритеты в борьбе с наиболее опасными видами правонарушений. Например, серьезные нарушения общественной безопасности, такие как убийства, терроризм или насилие, требуют особого внимания со стороны правоохранительных органов и строгих мер наказания. В то же время, экономические преступления, включающие мошенничество или коррупцию, требуют специального подхода к расследованию и более эффективных методов предотвращения.

Таким образом, классификация преступлений является необходимым инструментом для справедливого и эффективного функционирования правосудия. Правильное определение типа преступления позволяет более точно выявить его причины и последствия, разработать эффективные меры по предотвращению и борьбе с правонарушениями. Она помогает создать систему ответственности и защитить граждан от наиболее опасных видов преступлений.

Классификация преступлений - важный инструмент в сфере правоприменения, который позволяет систематизировать и категоризировать различные виды преступных деяний. Она является основой для правового регулирования и применения соответствующих наказаний и мер безопасности.

Классификация преступлений включает в себя несколько основных критериев, таких как субъективная сторона преступления (умысел или неосторожность), объект преступления (личность, общество, государство), состав преступления (основные и специальные признаки преступления) и т.д. В результате, преступления могут быть разделены на различные категории, такие как против имущества, против личности, против общественного порядка и безопасности, против государства и его интересов и т.д. [1].

Классификация преступлений позволяет не только определить характер и тяжесть совершенного преступления, но и разработать соответствующие меры по предотвращению и борьбе с ними. Она также используется в процессе следствия и судебных разбирательств для обеспечения справедливости и законности.

Специальные органы и лица, уполномоченные государством, принимают меры в отношении поведения, которое не соответствует общепринятым нормам. Для этого проводится анализ совокупности подобных действий, выделяются общие признаки и классифицируются нарушения.

Древние люди задумывались о разделении деяний через классификацию еще в старые времена, что стало очевидным. Одно из ключевых положений Уголовного кодекса Российской Федерации - это совокупность общепринятых норм, направленных на разрешение вопроса о категоризации преступлений. Что привлекает в этом внимание? В первую очередь, это тесная связь с сущностью преступлений, их подразделение на группы и выделение преступлений и рецидива.

Долгое время назад, в Уголовном Уложении 1903 года, о преступных деяниях говорили как о разных категориях: тяжкие преступления с казнью, каторгой или ссылкой; преступления с заключением в тюрьму или крепость; проступки с арестом или штрафом [2]. Важно помнить, что классификация становится логичной лишь на основе общего критерия разделения. Эта идея давно присутствует в законодательстве многих стран, где она широко распространена.

В уголовном кодексе 1922 года были выделены две основные категории преступлений: нарушения, направленные против основных принципов, установленных властью рабочих и крестьян, а также нового порядка; а также все остальные деяния, считавшиеся преступлениями [3]. Аналогичные различия были установлены и в уголовном кодексе 1926 года. Среди преступлений, перечисленных в уголовном законодательстве страны в 60-80-х годах, были выделены категории: - особо тяжкие преступления; - нарушения, не относящиеся к тяжким; - деяния, которые не представляли большой общественной опасности; - преступления, считавшиеся незначительными.

Французский криминалист России, высказывающий отрицательное мнение о делениях преступных деяний в законе, утверждает, что изучение сути человеческих поступков необходимо, и что власть, решившая кого-то казнить, делает этого человека великим злодеем. Тем не менее, Таганцев Н. С. считает, что это суждение несправедливо, поскольку наказание устанавливается не просто так, а исходя из содержания преступления. Он признает пользу использования такой классификации в уголовном законодательстве.

Важность классификации преступлений в российском уголовном законодательстве подчеркивается многими авторами советской юридической науки, несмотря на противоречия и практические аспекты. Отнесение преступных деяний к определенным категориям зависит от группы посягательств, а не от оценки суда о наказании, назначенном за дело. Выводы, сделанные на основе данной классификации, являются крайне значимыми и положительно влияют на различные аспекты уголовного права.

Используя классификацию преступлений, мы можем не только понять природу уголовного законодательства, но и оценить значения различных видов классификации, анализировать их объективные значения и ключевые аспекты. Это поможет представить факты в научной, обоснованной и систематизированной форме, выявить их взаимосвязь, понять их как целостность и, следовательно, прогнозировать будущие тенденции. Классификация также позволяет изучить основательно уголовно-правовые институты, группировать разнообразные проявления, включая противоречивые, и определять их положение в уголовном праве. Это инструмент систематизации, который объединяет различные формы научного обобщения и определяет их роль в уголовном законодательстве. Кроме того, классификация связывает различные группы, выделяет преимущественно негативные аспекты в уголовном законодательстве, что способствует повышению эффективности его совершенствования.

Важную функцию в правоприменении выполняет классификация преступлений, поскольку она способствует формированию специфического взаимодействия общих и частных разделов Уголовного Кодекса Российской Федерации. Значение классификации в практике определяется степенью структурирования при применении уголовно-правовых институтов. Рассмотрим различные виды и критерии классификации преступлений. Основой для каждой классификации должны стать критерии, наиболее уместные для конкретных ситуаций, независимо от их специфики.

Основу структуры уголовного закона составляет классификация преступлений по степени общественной опасности, которая долгое время была неотъемлемой частью уголовного права. Преступные деяния группируются по их общественной опасности, что является ключевым признаком преступного акта. Группировка преступлений происходит по различным критериям и категориям, что определяет их классификацию в уголовном праве.

В российском уголовном законодательстве различают три вида классификации преступлений: по степени и характеру общественной опасности, по родовому объекту посягательства и по степени общественной опасности, выраженной в самом преступлении. Основой для такой классификации служат элементы состава преступления, степень общественной опасности и характер совершенного преступления. Понятие степени общественной опасности отражает объем общественного вреда, причиняемого преступными действиями одного типа [4].

Различаются различные категории общественной ценности в Уголовном Кодексе Российской Федерации, определяющиеся объемом ущерба, формой вины, способом совершения преступления, целью и мотивом преступного действия. Объединение различных форм общественной опасности в общий критерий позволяет классифицировать и группировать нарушения. Объекты рассматриваемых норм делятся на особо ценные, ценные, средней ценности и небольшой ценности. Среди особо ценных объектов выделяются жизнь человека, безопасность государства и мир для человечества. Объекты средней ценности включают в себя свободу, собственность, здоровье населения и другие интересы. Наконец, объекты небольшой ценности включают в себя честь и достоинство личности, политические права, общественную нравственность и другие аспекты.

Многие ученые в области юриспруденции считают, что основополагающим принципом для группировки преступлений является форма вины. Исходя из этого, правоприменитель может определить степень и характер общественной опасности конкретного преступного деяния. Важно, чтобы классификация преступлений охватывала все нарушения, имеющие общие черты преступности. Объединение категорий преступлений, основанное на общих признаках, не исключает наличие даже незначительных различий между ними.

Важным аспектом совершенствования эффективной системы охраны общественных отношений в нашей стране является непрерывное улучшение классификации преступлений в уголовном праве. Эта классификация объединяет несколько конкретных видов противоправных деяний в одной категории, которая выделяет общие черты и закономерности между ними. Таким образом, категоризация не ограничивается простым перечислением преступлений, а всегда раскрывает что-то общее в разнообразных особенностях, взаимосвязях и отличительных чертах. Классификация преступлений играет важную роль в объединении индивидуального наказания с уголовной ответственностью.

Классификация преступлений по субъектам и объектам является одним из основных способов систематизации преступного поведения. Эта классификация основана на том, кто является основным субъектом или объектом преступления.

По субъектам преступления могут быть разделены на две категории: преступления, совершенные физическими лицами, и преступления, совершенные юридическими лицами. Преступления, совершенные физическими лицами, включают в себя, например, убийства, грабежи, насилие и другие правонарушения, совершенные человеком. Преступления, совершенные юридическими лицами, связаны с экономической и корпоративной деятельностью, такие как мошенничество, уклонение от уплаты налогов и другие.

По объектам преступления также можно выделить несколько категорий. Преступления против личности включают в себя убийства, изнасилования, избиения и другие преступления,

причиняющие вред физическому или психологическому благополучию человека. Преступления против имущества связаны с незаконным захватом, ограблением, кражей имущества других лиц.

Системы классификации преступлений могут отличаться в разных странах и основываться на различных критериях. Однако, обычно преступления делятся на несколько основных категорий: проступки (мелкие нарушения закона, как правило, наказываемые штрафами или лишением свободы на небольшой срок), преступления средней тяжести (включают в себя такие преступления, как кражи, мошенничество, изнасилования, которые подразумевают более серьезные наказания) и тяжкие преступления (убийство, изнасилование, терроризм и др.), которые предусматривают самые строгие наказания, вплоть до пожизненного лишения свободы или смертной казни.

Важно отметить, что система классификации преступлений может быть изменена или дополнена со временем, чтобы учитывать изменения в обществе и правовых тенденциях.

В последние годы наблюдается рост интереса к разработке и усовершенствованию классификации преступлений. Это связано с необходимостью более эффективного противодействия преступности и повышения безопасности в обществе. В современной классификации преступлений все больше уделяется внимания учету новых видов и форм преступности, таких как киберпреступления и преступления в сфере информационных технологий. Обновление классификации преступлений позволяет более точно анализировать и изучать преступную деятельность, разрабатывать эффективные меры противодействия и предупреждения преступлений. Также наблюдается рост использования компьютерной обработки данных и разработка алгоритмов для автоматической классификации преступлений. Это позволяет сократить время и улучшить качество работы правоохранительных органов. Важным направлением в развитии классификации преступлений является учет социально-экономических факторов, которые могут влиять на преступность. Это позволяет разрабатывать более целевые и эффективные предупредительные программы. Однако, несмотря на рост интереса и разработку новых подходов, классификация преступлений остается сложной задачей, требующей дальнейших исследований и совершенствования [5].

Классификация преступлений помогает представить систематизированный обзор преступной деятельности, определить основные угрозы для общества и разработать эффективные меры по их предотвращению и пресечению. Таким образом, классификация преступлений играет важную роль в уголовном правосудии и обеспечении безопасности граждан.

Важно понимать, что значимость института классификации преступлений в российском уголовном законодательстве не ограничивается, и он занимает важное положение из-за своей научной и практической важности. Сложности в интерпретации норм Уголовного кодекса Российской Федерации могут возникнуть из-за отсутствия разделения преступлений на различные категории на основе различных критериев, что негативно сказывается на правоприменительной деятельности, связанной с выполнением уголовных законов.

Список литературы

1. Савельева, В. С. Основы квалификации преступлений [Текст]: учебное пособие / В. С. Савельева. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2014. – 79 с.
2. Уголовное Уложение 1903 года. – Текст: электронный // Вестник университета им. О. Е. Кутафина (МЮГА), 7/2017. – URL: <https://vestnik.msal.ru/jour/article/download/186/186> (дата обращения: 11.03.2026).
3. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года. – Текст: электронный // НИУ ВШЭ: [сайт]. – URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/ugkod_22 (дата обращения 11.03.2026).
4. Маршакова, Н. Н. Теоретические аспекты функционального значения классификации в уголовном законодательстве / Н. Н. Маршакова. // Российский следователь, 2007. – Нижний Новгород.: 2007. – № 20. – С. 32.
5. Коробов, П. Классификация преступлений по уровню их опасности / П. Коробов. // Российская юстиция, 2004. – № 1. – С. 47-49.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ СЕРИЙНОГО ПРЕСТУПНИКА КАК ИНСТРУМЕНТ РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД

Суворова София Александровна, студентка

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия

katasuvorova09@gmail.com

Научный руководитель: Домнина Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия

ol-domni@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается психологическое профилирование (криминалистический профайлинг) как междисциплинарный метод раскрытия серийных преступлений. Анализируются история становления метода, его теоретико-методологические основы, этапы составления психологического портрета и практическая значимость в расследовании. Особое внимание уделяется классификации серийных убийц и мотивационной структуре их преступного поведения. На примере А. Чикатило демонстрируется эффективность проспективного профилирования. Делается вывод о необходимости дальнейшего развития теоретической базы профайлинга и интеграции знаний из области криминологии, психологии, психиатрии и криминалистики.

Ключевые слова: серийный преступник, психологический профиль, криминальная психология, междисциплинарный подход, мотивы преступления, методы расследования, профилактика преступлений

Серийные преступления являются одной из наиболее сложных категорий дел для сотрудников правоохранительных органов. Специфика выражается в отсутствии очевидной связи между преступником и жертвой, периодичности совершения и особой жестокости, что требует применения специальных методов расследования. Одним из наиболее эффективных инструментов, получивших развитие во второй половине XX века, стало психологическое профилирование – метод, позволяющий на основе анализа места преступления, личности жертвы и способа совершения деяния составить портрет вероятного преступника.

Раскрытие преступлений, которые совершаются серийными преступниками, представляют собой сложную задачу, требующую понимания психологии личности преступника. Серийные преступники отличаются от массовых тем, что совершают несколько преступлений с интервалами времени, тщательно планируя свои действия и выбирая жертв. Для серийных преступников характерен так называемый «период охлаждения» – временной промежуток между убийствами, который может длиться более месяца. Психологический профиль таких лиц помогает не только в их идентификации, но и в предупреждении новых преступлений [1, с. 225].

Серийный преступник – это лицо, совершившее три и более убийств с определенными временными интервалами между ними. Важной особенностью является наличие у таких преступников ряда общих психологических черт. Во-первых, отсутствие эмпатии, которая выражается в неспособности испытывать сожаление, сострадание или вину, что позволяет действовать хладнокровно и жестоко. Во-вторых, нарушение личностного развития, которое чаще всего сформировывается еще в детстве из-за травм, способствующих формированию девиантного поведения. В-третьих, нарциссизм – чувство собственной исключительности и превосходства, которое сопровождается неспособностью к самокритике. В-четвертых, компульсивность, выражающаяся во внутреннем непреодолимом побуждении к повторению преступлений [2].

Мотивы преступлений могут быть разными: сексуальное удовлетворение, стремление к власти и контролю, личная месть, а также психопатологические факторы, включая психические расстройства [3]. Психологический профиль серийного преступника – это не просто набор личностных характеристик, а комплексное представление, включающее антропологические, биологические, социально-экономические, демографические и медицинские данные. Такой профиль формируется на основе анализа места преступления, поведения жертв, биографии преступника и других факторов.

Междисциплинарный подход подразумевает под собой взаимодействие нескольких отраслей наук, дисциплин между собой. Криминальная психология отвечает за анализ мыслей преступника, его мотивов и поведения. Социология – изучение социальных ролей, статусов и условий жизни преступника [4]. Медицина и психиатрия – диагностику психических расстройств и их влияние на поведение. Право и криминалистика – юридическую оценку личности и действий преступника, а также сбор доказательств (состав преступления, квалификация деяний). Только такой комплексный анализ способен выявить и сформировать целостный образ личности преступника как субъекта и объекта общественных отношений, что существенно повышает эффективность расследования.

Зарождение метода психологического профилирования относится к середине XX века. Впервые он был применен посредством составления своеобразного психологического портрета лица, заподозренного в совершении преступного деяния. Несмотря на очевидную эффективность, лишь к 50-м годам XX века идея использования данного метода была в определенной степени реализована в правоприменительной деятельности [5]. Наиболее значительный вклад в развитие метода внесли специалисты Федерального бюро расследований США. В 1978 году в Академии ФБР в Куантико был запущен исследовательский проект по изучению личности преступников, сфокусированный на лицах, совершивших серийные сексуальные убийства и отбывающих наказание в тюрьмах. Исследователи Р. Ресслер, Э. Берджесс, Дж. Дуглас и Р. Детью заложили основу системного подхода к профилированию [6].

В России одним из первых, кто стал применять проспективное профилирование стал ростовский психиатр Александр Олимпиевич Бухановский. В 1984 году по просьбе следователей он составил психологический портрет разыскиваемого серийного убийцы, в котором точно описал возраст, манеру поведения и психологические мотивы преступника [7, с. 201]. Созданный портрет впоследствии полностью совпал с личностью Андрея Чикатило, а сам Бухановский сыграл ключевую роль в получении признательных показаний от задержанного. Данный случай стал поворотным моментом в развитии отечественной школы профилирования. После дела Чикатило интерес к методу значительно увеличился и стал пользоваться спросом, хотя внедрение в практику правоохранительных органов происходило достаточно медленно. Как отмечает профессор Ю.М. Антонян, «серийные убийства являются одной из наиболее сложных и трудно раскрываемых категорий преступлений, что обуславливает необходимость применения специальных методов их расследования и профилактики» [8, с. 121].

Для составления психологического профиля используется различные методы: профилирование – создание психологического портрета на основе анализа улик и поведения; интервью и допросы – получение информации о мотивах и психическом состоянии преступника; анализ биографий и историй преступлений – выявление закономерностей и общих черт. Стоит отметить, что на практике существуют законодательные ограничения, например, психологи не всегда имеют право принимать участие в осмотре места преступления или допросах, что может существенно снизить качество профилирования. Именно поэтому требуется регламентировать и предусмотреть стандарты процедур составления психологического профиля.

Классическая методология составления профиля состоит из следующих этапов: 1) Оценка самого преступного деяния – анализ способа совершения преступления, его динамики и особенностей. 2) Комплексная оценка места преступления – изучение

обстановки, характера повреждений, следовой картины. 3) Комплексный анализ жертвы (виктимология) – изучение личности потерпевшего, его образа жизни, социальных связей. 4) Оценка предварительных отчетов правоохранительных органов – анализ первоначальной информации о преступлении. 5) Оценка протокола вскрытия – изучение характера телесных повреждений, орудий преступления, последовательности нанесения травм. 6) Разработка профиля с указанием критических характеристик преступника. 7) Формулирование рекомендаций для следствия на основе построенного профиля.

Работы профессора Юрия Мирановича Антоняна посвящены фундаментальному исследованию серийных убийств. Он внес значительный вклад в развитие отечественной криминологии и юридической психологии. Ю.М. Антонян выделяет основные черты, которые определяют специфику серийных убийств: частоту и периодичность совершения преступлений; клишированность самих преступных действий; совершение в условиях неочевидности; проявление особой внешне ничем не мотивированной жесткости [2]. Ю.М. Антонян раскрывает классификацию причин серийных убийств, выделяя следующие мотивационные группы [2]: 1) Потребность в мести – преступление совершается как способ реагирования на реальные или мнимые обиды, зачастую связанные с представителями определенного пола, возраста или социальной группы. 2) Способ самоутверждения – совершить убийство и доказать собственную значимость, силу и власть над жизнью другого человека. 3) Совершение с целью сокрытия следов иных преступлений. 4) Для очищения общества от «аморальных личностей» – так называемые «социальные чистильщики», которые считают себя вправе вершить суд над другими людьми. 5) Психологическая зависимость от собственного поведения (убийство становится источником эмоций). 6) Связь с религиозными культами – убийство как ритуальное действие.

Особое место в типологии занимают сексуальные серийные убийства. Исследования показывают, что в основе таких преступлений лежит не столько половое влечение, сколько потребность в тотальном контроле над жертвой. Как отмечает Г.Б. Дерягин, «сексуальный компонент в таких преступлениях часто является вторичным, выступая лишь инструментом реализации садистических фантазий» [9, с. 182].

Специалисты ФБР предложили одну из наиболее известных типологий серийных убийц, разделив их на организованных и дезорганизованных. Организованный несоциальный тип характеризуется высоким интеллектом, социальной адаптированностью, планированием преступлений, контролем ситуации на месте преступления, стремлением скрыть следы. Такие преступники часто следят за сообщениями в средствах массовой информации о своих деяниях, могут возвращаться на место преступления. Дезорганизованный асоциальный тип отличается низким интеллектом, социальной дезадаптацией, хаотичным характером преступлений, спонтанным выбором жертвы. Место преступления часто отражает беспорядок, следы не скрываются, орудия преступления могут оставаться на месте. Выделяют и третий тип – смешанный, представляющий наибольшую опасность для общества [10, с. 152-153]. Данная квалификация имеет практическую значимость для первоначальной ориентации следствия.

Эффективность метода психологического профилирования подтверждается одним ярким примером – дело Чикатило. Составленный А.О. Бухановским «перспективный» психологический портрет не только помог в розыске, но и позволил получить признательные показания. После беседы с психиатром маньяк сознался в 56 убийствах, хотя следствию на тот момент было известно только о 53 эпизодах [11, с. 82]. Как подчеркивал Бухановский: «что сегодня можно выявлять таких лиц до совершения ими преступления» [11, с. 82]. Однако следует отметить и ограничения метода. Профилирование не является доказательством в юридическом смысле и не может заменить традиционные следственные действия. Оно лишь предоставляет следствию ориентиры, сужает круг поиска и помогает в планировании допросов и оперативных мероприятий.

Развитие психологического профилирования в XXI веке характеризуется несколькими ключевыми тенденциями. Во-первых, это углубление междисциплинарного подхода,

интеграция достижений нейронаук, генетики и поведенческой психологии. Современные исследования показывают, что формирование серийного преступного поведения связано с комплексным взаимодействием биологических, психологических и социальных факторов.

Во-вторых, наблюдается переход к более строгим научным методологиям. Дедуктивный анализ доказательств, предложенный Б. Терви, становится стандартом профессионального профайлинга, оттесняя интуитивные подходы. Как отмечается в литературе, «профилирование должно основываться на объективных данных и воспроизводимых методах, а не на субъективном опыте и интуиции эксперта» [12].

В российской науке также появляются интересные разработки. Профессор Ю.М. Антонян предлагает рассматривать серийные убийства в контексте экзистенциальной психологии, как способ преодоления страха смерти и утверждения собственного существования через уничтожение другого [2]. Этот подход открывает новые перспективы понимания глубинной мотивации серийных преступников.

Психологическое профилирование серийного преступника представляет собой сложный междисциплинарный метод, требующий интеграции знаний из различных областей науки и практики. Как отмечают современные исследователи, значимость рассматриваемого метода для расследования и профилактики преступлений дает возможность формирования соответствующей теоретической базы знаний и опыта, что позволит оперировать отработанными и общепринятыми понятиями «серийных преступлений» и «серийных преступников» [13].

Перспективы развития метода связаны с совершенствованием методологии поведенческого анализа доказательств, созданием единых стандартов профилирования и подготовкой квалифицированных специалистов, владеющих как психологическими, так и криминалистическими знаниями. Только при этих условиях психологический профиль может стать не просто вспомогательным, а полноценным инструментом раскрытия серийных преступлений.

Необходимо также дальнейшее развитие теоретической базы профайлинга, включая уточнение типологии серийных преступников, исследование мотивационной структуры их поведения и разработку методов верификации построенных профилей. Особое значение имеет изучение гендерных, возрастных аспектов серийной преступности [14].

Таким образом, психологический профиль не может заменить традиционные методы расследования. Однако при правильном применении этот инструмент способен существенно повысить эффективность работы правоохранительных органов и приблизить раскрытие даже самых сложных и запутанных преступлений.

Ключевым принципом современного профилирования является переход от индуктивных методов, основанных на интуиции и субъективном опыте, к дедуктивным, базирующимся на логике, критическом мышлении и анализе всех доступных доказательств.

Понимание психологии серийных преступников помогает не только в их поимке, но и в профилактике преступлений. Раннее выявление лиц с девиантным поведением, диагностика и лечение психических расстройств, создание профилактических программ для групп риска и улучшение взаимодействия между правоохранительными органами и психологическими службами способствуют снижению уровня преступности.

Психологический профиль серийного преступника является важным инструментом в раскрытии и предупреждении преступлений. Междисциплинарный подход, объединяющий психологию, социологию, медицину и право, позволяет создать целостный образ личности преступника, что значительно повышает эффективность расследований. Для широкого применения данного метода необходимо совершенствование законодательной базы и развитие профессиональных стандартов.

Список литературы

1. Психолого-педагогические исследования - Тульскому региону: сборник материалов IV Региональной научно-практической конференции молодых ученых (Тула, 16 мая 2024 г.) /

- редкол. : С. В. Пазухина [и др.] ; Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого. – Чебоксары : Среда, 2024. – 453 с. – ISBN 978-5-907830-36-3. – Текст : электронный. – URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2171761> (дата обращения: 02.03.2026)
2. Антонян, Ю. М. Серийные убийства // Ю.М. Антонян / Пенитенциарная наука. – 2021. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/seriynye-ubiystva> (дата обращения: 02.03.2026).
3. Золочевская, Е. Е. Мотивация преступного поведения / Е.Е. Золочевская // СТЭЖ. – 2008. – №7. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-prestupnogo-povedeniya> (дата обращения: 02.03.2026).
4. Трубчанинова, К. А. Понятие "личность правонарушителя" в социологической науке / К.А. Трубчанинова // Скиф. – 2019. – №5-2 (33). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-lichnost-pravonarushitelya-v-sotsiologicheskoy-nauke> (дата обращения: 02.03.2026).
5. Пермяков, М. В. Использование метода профайлинга в рамках расследования серийных убийств / М.В. Пермяко, Н. В. Рачева, В. Н. Долинин // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2024. – № 2. – С. 90-92.
6. Асямов, С. В. Криминалистический профайлинг: понятие и история становления / С.В. Асямов. – Ташкент: ЮРПСИ, 2022. – 180 с.
7. Юридическая наука и практика. Вып. 7. Ч. 1 : сборник научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. – Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2019. – 283 с. – ISBN 978-5-91612-265-7. – Текст : электронный. – URL: <https://znanium.ru/catalog/product/1094210> (дата обращения: 03.03.2026). – Режим доступа: по подписке.
8. Антонян, Ю. М. Криминология [Текст]: учебник для бакалавров : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по юридическим направлениям и специальностям / Ю. М. Антонян; Всероссийский науч.-исслед. ин-т МВД России. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2013. – 523 с.
9. Смирнов, А. М. Виктимологическая характеристика посягательств несовершеннолетних на половую неприкосновенность и половую свободу личности / А.М. Смирнов // Lex Russica. – 2016. – №9 (118). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/viktimologicheskaya-harakteristika-posyagatelstv-nesovershennoletnih-na-polovuyu-neprikosnovennost-i-polovuyu-svobodu-lichnosti> (дата обращения: 05.03.2026).
10. Эпомен: научный журнал. – Краснодар : Эпомен, 2022. – № 71. – 220 с. – ISSN 2686-6722. – Текст: электронный. – URL: <https://znanium.ru/catalog/product/1894896> (дата обращения: 03.03.2026).
11. Центров, Е. Е. Руководство по следственной тактике : монография / Е. Е. Центров. – Москва : НОРМА : ИНФРА-М, 2026. – 576 с. – ISBN 978-5-00156-331-0. – Текст : электронный. – URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2221655> (дата обращения: 03.03.2026). – Режим доступа: по подписке.
12. Арпентьева, М. Р. Экспертный профайлинг как сфера профессиональной деятельности психолога-практика / М.Р. Арпентьева // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2016. – №3. –URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/ekspertnyy-profayling-kak-sfera-professionalnoydeyatelnosti-psiologa-praktika> (дата обращения: 05.03.2026).
13. Журнал юридических исследований, 2019, – № 2 – М.:НИЦ ИНФРА-М, 2019. – 94 с. ISBN. – Текст: электронный. – URL: <https://znanium.ru/catalog/product/1069039> (дата обращения: 05.03.2026)
14. Вестник Самарского Юридического института: научно-практический журнал. – Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2021. – № 2 (43). – 148 с. – ISSN 2307-6852. – Текст: электронный. – URL: <https://znanium.ru/catalog/product/1894674> (дата обращения: 05.03.2026). – Режим доступа: по подписке.

ПРИЗНАКИ И КЛАССИФИКАЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ НОВЫХ ПОТЕНЦИАЛЬНО ОПАСНЫХ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ

Уложенко Полина Антоновна, студентка

Красноярский государственный аграрный университета, Красноярск, Россия

weurt0108@icloud.com

Научный руководитель: Червяков Михаил Эдуардович, кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университета, Красноярск, Россия

mc256gt@gmail.com

Аннотация. Цель исследования заключается в систематизации признаков и выработке классификационных оснований для новых потенциально опасных психоактивных веществ (НПОПВ), массовое появление которых представляет серьезную угрозу общественному здоровью и безопасности. К ключевым признакам НПОПВ относятся: намеренное изменение химической структуры для обхода законодательства, отсутствие данных о токсикологических свойствах, активное продвижение через нелегальные онлайн-площадки. В качестве классификационных оснований предлагается рассматривать химическую структуру, механизм действия на центральную нервную систему, а также потенциальный риск для здоровья потребителя.

Ключевые слова: замещенные наркотических средств и психотропных веществ, базовый фрагмент молекулы химического соединения, классификационная конструкция, полезная модель

Актуальность проблемы распространения новых потенциально опасных психоактивных веществ (НПОПВ) приобрела характер глобального вызова. С 2009 года система раннего предупреждения ЕС зафиксировала появление более 950 новых соединений, при этом рынок продолжает динамично развиваться, опережая возможности традиционных систем контроля [1]. Скорость появления новых соединений, их доступность через интернет, непредсказуемое и зачастую экстремально токсичное воздействие на организм создают беспрецедентные проблемы для систем здравоохранения, правоохранительных органов и законодателей во всем мире, включая Российскую Федерацию [4].

Основной целью моей научно-исследовательской работы является анализ и обобщение характерных признаков НПОПВ, а также разработка на их основе унифицированных классификационных оснований, которые могут быть использованы для более эффективного мониторинга и противодействия данной угрозе.

Признаки новых потенциально опасных психоактивных веществ.

1. Намеренный молекулярный дизайн. Молекулы создаются в лабораториях путем целенаправленной модификации химической структуры известных запрещенных веществ (например, каннабиноидов, амфетаминов, опиоидов) с целью сохранения или усиления психоактивного эффекта при одновременном избегании контроля в рамках существующих национальных и международных списков запрещенных веществ [1, 5]. Это приводит к возникновению явления «аналогового провала» в законодательстве.

2. «Неизвестность» и отсутствие данных о безопасности. Подавляющее большинство НПОПВ не проходят каких-либо доклинических или клинических испытаний. Их фармакокинетика, метаболизм, острая и хроническая токсичность, тератогенность и долгосрочные последствия употребления (включая формирование зависимости) неизвестны [3]. Это приводит к непредсказуемым и зачастую тяжелым острым отравлениям, психозам, полиорганной недостаточности и летальным исходам, что ставит перед клиницистами сложнейшие задачи по диагностике и лечению.

3. Цифровое распространение и анонимность. Основным каналом продвижения и сбыта НПОПВ являются ресурсы даркнета (криптомаркетплейсы) и социальные сети. Использование криптовалют для расчетов и анонимных служб доставки затрудняет контроль и отслеживание цепочек поставок, делая рынок высокодинамичным и децентрализованным [4].

4. Легальный статус на момент появления и мимикрия. На ранних стадиях многие НПОПВ формально являются легальными, пока не будут идентифицированы и внесены в соответствующие запретительные списки, что создает правовой вакуум и иллюзию безопасности у потребителей. Для маскировки используется агрессивный маркетинг: вещества позиционируются как «соли для ванн», «исследовательские химикаты», «удобрения», «ароматические смеси» или «легальные заменители» [2].

Классификационные основания для НПОПВ

Для систематизации многообразия НПОПВ предлагается многоуровневая классификация по нескольким взаимодополняющим основаниям.

1. По химической структуре и происхождению (наиболее распространенный подход):

- Синтетические каннабиноиды (например, JWH-018, MDMB-4en-PINACA): агонисты каннабиноидных рецепторов CB1, по действию могут значительно превосходить тетрагидроканнабиол (ТГК) марихуаны, вызывая тяжелые тахикардии, гипертензию, рвоту, судороги и пролонгированные психотические состояния.

- Синтетические катиноны («соли», мефедрон, альфа-ПВП, 3-ММС): аналоги амфетаминов и кокаина, ингибируют обратный захват моноаминов (дофамина, норадреналина). Вызывают мощную стимуляцию и эйфорию, сопровождающиеся тяжелой паранойей, вазоконстрикцией, гипертермией и психозами.

- Новые синтетические опиоиды (фентанилы и их аналоги: карфентанил, оксикодон). Являются агонистами μ -опиоидных рецепторов. В десятки и сотни раз мощнее морфина, представляют высочайший риск быстрой передозировки и смерти из-за угнетения дыхательного центра.

- Диссоциативы (например, метоксетамин, дизиоципин (PCP) аналоги): антагонисты NMDA-рецепторов. Вызывают ощущение отделения от собственного тела и окружающей среды, анестезию, амнезию, а также сердечно-сосудистые осложнения.

- Новые бензодиазепины (этизолам, флубромазепам, клоназолам): обладают выраженным седативным и противотревожным действием, высокий риск угнетения дыхания, особенно в комбинации с опиоидами.

2. По механизму действия на ЦНС (фармакологическая классификация):

- Стимуляторы (синтетические катиноны, некоторые производные пиперазина).
- Депрессанты/Седативы (синтетические опиоиды, новые бензодиазепины, GHB/GBL).

- Психоделики/Галлюциногены (производные триптаминов и фенилэтиламина, аналоги LSD).

3. По степени потенциального риска для здоровья:

- Крайне высокий риск: вещества с высокой токсичностью, мощным аддиктивным потенциалом и высоким риском летального исхода даже при однократном приеме (синтетические опиоиды-фентанилы, некоторые катиноны, например, альфа-ПВП).

- Высокий риск: вещества с выраженным психоактивным действием и значительными негативными последствиями для психического и физического здоровья (многие синтетические каннабиноиды, мощные стимуляторы).

- Средний риск: вещества с известным профилем эффектов, но непредсказуемые из-за вариаций в чистоте и дозировке (некоторые психоделики).

- Неизвестный риск: новые соединения, по которым отсутствуют какие-либо данные, что само по себе является фактором высочайшего риска.

Таким образом, феномен НПОПВ характеризуется комплексом специфических признаков, главными из которых являются преднамеренный молекулярный дизайн, отсутствие данных о безопасности и использование цифровых каналов сбыта. Предложенная многоаспектная классификация по химической структуре, механизму действия и уровню риска позволяет более системно и дифференцированно подходить к оценке, мониторингу и регулированию этих опасных соединений.

Борьба с их распространением требует оперативного межведомственного и международного взаимодействия, перехода от реактивного к проактивному правовому регулированию (например, введение общих запретов на целые классы соединений), инвестиций в развитие токсикологического скрининга и судебно-медицинской экспертизы, а также расширения программ санитарного просвещения населения, ориентированных на молодежь.

Список литературы

1. Европейский центр мониторинга наркотиков и наркомании (EMCDDA). European Drug Report 2023: Trends and Developments. Люксембург: Publications Office of the European Union, 2023.
2. Звартау, Э.Э., Новые психоактивные вещества: фармакология, токсикология, анализ / Э.Э. Звартау, А.С. Алябьев // Обзоры по клинической фармакологии и лекарственной терапии. – 2021. – Т. 19, № 2. – С. 123–145.
3. Сычев, Д.А. Клинико-токсикологическая характеристика отравлений новыми психоактивными веществами / Д.А. Сычев, С.Н. Иллариошкин, А.В. Петраков // Токсикологический вестник. – 2022. – № 4. – С. 12–18.
4. United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). World Drug Report 2023. – Vienna: UNODC, 2023.
5. Official Journal of the European Union. Council Implementing Decision (EU) 2023/... on subjecting new psychoactive substances to control measures // <https://eur-lex.europa.eu/> (дата обращения: 18.10.2025).
6. Всероссийский центр мониторинга вредных привычек. Аналитический обзор рынка новых психоактивных веществ в РФ. – М., 2024.
7. Баринский, Е.Л., Шелепов А.М. Криминалистические аспекты оборота дизайнерских наркотиков / Е.Л. Баринский // Вестник криминалистики. – 2023. – Вып. 2 (86). – С. 45–52.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ

Урекяну Эмилия Саввовна, студентка

Красноярский государственный аграрный университета, Красноярск, Россия

emilialitvin03@gmail.com

Научный руководитель: Селезнев Виктор Михайлович, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

svit1017@mail.ru

Аннотация. Цель исследования заключается в анализе современных угроз информационной безопасности, нормативно-правовой базы РФ в этой сфере, а также методы выявления и расследования киберпреступлений, формулировка возможных рекомендаций по совершенствованию системы защиты информации. Эффективная защита информации требует комплексного сочетания определенных методов, а совершенствование законодательства с учетом новых видов киберпреступлений, развитие технологий цифровой криминалистики и повышение квалификации специалистов по информационной безопасности, это самые перспективные направления развития данной сферы.

Ключевые слова: Судебная экспертиза, информационная безопасность, защита информации, киберпреступления, криминалистика, цифровая криминалистика, нормативно-правовая база РФ, угрозы информационной безопасности

В эпоху глобальной цифровизации информационная безопасность становится одним из ключевых факторов стабильности социально-экономического развития государства. Стремительное развитие информационных технологий, расширение сферы их применения во всех отраслях общественной жизни сопровождаются ростом числа киберпреступлений и усложнением их методов. По данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, в 2023 году зафиксирован рост киберпреступлений на 30% относительно предыдущего года. Это подчеркивает необходимость комплексного подхода к защите информации, включающего не только технические и организационные меры, но и криминалистические методы выявления, фиксации и расследования преступлений в сфере информационной безопасности [5].

С криминалистической точки зрения информационные преступления – это противоправные посягательства на элементы информационной сферы, например неправомерный доступ к компьютерной информации, ее модификация, уничтожение или копирование. Однако в криминалистике до сих пор отсутствует устойчивое определение понятия информационной безопасности, что затрудняет его нормативное и практическое применение в доказательственной деятельности. Современные угрозы информационной безопасности характеризуются многообразием форм и высокой степенью сложности. Их можно классифицировать по различным критериям, но наиболее распространенным является разделение на технические, социальные и правовые угрозы.

Технические угрозы включают в себя самый широкий спектр вредоносных воздействий на информационные системы. К ним относятся компьютерные вирусы, троянские программы, шпионское программное обеспечение, а также распределенные атаки типологии «отказ в обслуживании» (DDoS) [10].

Особую опасность представляют уязвимости в программном обеспечении, которые могут быть использованы злоумышленниками для получения несанкционированного доступа к системам. Например, эксплуатация уязвимостей нулевого дня (zero-day) позволяет злоумышленникам проводить атаки до того, как разработчики выпустят соответствующие патчи.

Так же существуют цифровые следы, то есть криминалистически значимая информация, зафиксированная на электронных носителях или передаваемая через сети в форме электромагнитных сигналов. Они могут включать в себя системные логи, историю браузера, файлы, созданные или измененные в ходе преступления, данные сетевых коммуникаций, информацию в облачных хранилищах, мессенджерах, социальных сетях [11].

У них есть и свои особенности цифровых следов: возможность копирования и передачи на другие носители; необходимость использования специализированных технических средств для их обнаружения и анализа; риск утраты или изменения данных до начала расследования; могут быть скрытыми (например, с помощью стеганографии) или зашифрованными [12].

Социальные угрозы связаны с манипуляциями человеческим фактором. Фишинг, то есть рассылка мошеннических сообщений с целью получения конфиденциальных данных, остается одним из самых распространенных методов атак. Социальная инженерия, использующая психологические приемы для получения доступа к информации, также представляет серьезную опасность [9].

Инсайдерские утечки, когда сотрудники организации намеренно или случайно раскрывают конфиденциальные данные, могут нанести значительный ущерб. Правовые угрозы возникают в результате противоправных действий, нарушающих законодательство в сфере информации. К ним относится незаконный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ), создание и распространение вредоносных программ (ст. 273 УК РФ), а также нарушение авторских прав и распространение запрещенной информации. Эти преступления не только наносят прямой ущерб организациям и гражданам, но и подрывают доверие к информационным технологиям в целом. Нормативно-правовая база Российской Федерации в сфере информационной безопасности представляет собой многоуровневую систему актов, регулирующих различные аспекты защиты информации.

Основополагающим документом является Конституция Российской Федерации, гарантирующая право на неприкосновенность частной жизни (ст. 23), тайну переписки (ст. 24) и свободу информации (ст. 29). Эти положения создают фундамент для дальнейшего развития законодательства в области информационной безопасности. Ключевым отраслевым законом является Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Он регулирует отношения, возникающие при осуществлении права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации, а также устанавливает принципы обеспечения информационной безопасности [1]. Закон определяет основные понятия, такие как информация, информационные технологии, информационная система, и закрепляет обязанности операторов информационных систем по защите данных. Вопросы защиты информации ограниченного доступа регулируются Федеральным законом от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне». Этот акт устанавливает правовой режим государственной тайны, определяет перечень сведений, отнесенных к государственной тайне, и порядок их защиты. Закон также регламентирует допуск должностных лиц и граждан к государственной тайне и устанавливает ответственность за ее разглашение [3].

Защита персональных данных обеспечивается Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных». Закон определяет требования к обработке персональных данных, устанавливает права субъектов персональных данных и обязанности операторов. Он также предусматривает меры по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» регулирует использование электронной подписи для подтверждения подлинности электронных документов. Закон устанавливает виды электронных подписей, требования к средствам их создания и проверки, а также определяет юридическую силу электронных документов, подписанных электронной подписью [3;4].

Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) устанавливает ответственность за преступления в сфере компьютерной информации. Статьи 272–274 УК РФ предусматривают наказания за неправомерный доступ к компьютерной информации, создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ, а также нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей [2].

Криминалистика предлагает комплекс методов для выявления, фиксации и расследования преступлений в сфере информационной безопасности. Одним из ключевых направлений является цифровая криминалистика. Она включает в себя анализ цифровых следов, таких как логи событий, метаданные файлов и кэш-память устройств. Специалисты используют специализированное программное обеспечение для восстановления удаленных данных, исследования мобильных устройств и облачных хранилищ. Это позволяет установить хронологию событий, выявить источники атак и собрать доказательства для уголовного преследования.

Экспертиза компьютерных систем играет важную роль в расследовании киберпреступлений. Эксперты проводят детальное исследование информационных систем с целью выявления уязвимостей и следов взлома. Они определяют способы несанкционированного доступа, анализируют конфигурационные файлы и журналы аудита, а также устанавливают причинно-следственные связи между действиями злоумышленника и наступившими последствиями. Результаты экспертизы могут служить основанием для возбуждения уголовного дела и использоваться в качестве доказательств в суде. Мониторинг и анализ сетевого трафика позволяют оперативно обнаруживать подозрительную активность и предотвращать атаки.

Системы обнаружения вторжений (IDS) и предотвращения вторжений (IPS) отслеживают аномалии в сетевом трафике, такие как необычно большой объем запросов к серверу или попытки подключения к запрещенным портам. Анализ сетевого трафика также помогает отследить источники атак и выявить каналы утечки информации. Для проведения криминалистического анализа используются специализированные программные комплексы. Например, EnCase Forensic и FTK (Forensic Toolkit) позволяют извлекать и анализировать данные с жестких дисков, мобильных устройств и других носителей информации. Autopsy предоставляет инструменты для исследования файловых систем и восстановления удаленных файлов. Volatility Framework специализируется на анализе дампов оперативной памяти, что позволяет выявить следы вредоносной активности, не оставившей следов на жестком диске.

На основе криминалистического анализа можно сформулировать ряд практических рекомендаций по совершенствованию системы защиты информации. Организационные меры должны включать разработку и внедрение политики информационной безопасности, учитывающей специфику деятельности организации. Такая политика должна определять правила доступа к информационным ресурсам, порядок обработки и хранения данных, а также действия персонала в случае инцидентов информационной безопасности. Обучение сотрудников правилам кибергигиены является неотъемлемой частью организационной защиты. Регулярные тренинги и инструктажи помогут снизить риски, связанные с социальной инженерией и фишингом.

Технические меры защиты должны быть многоуровневыми и охватывать все компоненты информационной инфраструктуры. Установка антивирусного программного обеспечения и межсетевых экранов (firewalls) позволит предотвратить проникновение вредоносного кода в систему. Регулярное обновление программного обеспечения устраним известные уязвимости и снизит вероятность успешных атак. Резервное копирование данных обеспечит возможность восстановления информации в случае ее потери или повреждения.

Особое шифрование конфиденциальных данных защитит их от несанкционированного доступа при хранении и передаче. Криминалистические меры направлены на раннее выявление и документирование инцидентов информационной

безопасности. Внедрение систем мониторинга и аудита событий позволит оперативно обнаруживать подозрительную активность и фиксировать цифровые следы преступлений [8].

Проведение регулярных проверок на уязвимости (пенетрационные тесты) поможет выявить слабые места в защите и устранить их до того, как ими воспользуются злоумышленники. Создание плана реагирования на инциденты определит порядок действий персонала при обнаружении атаки, что сократит время восстановления системы и минимизирует ущерб.

В заключении хочется сказать, что обеспечение информационной безопасности в современных условиях требует комплексного подхода, сочетающего правовые, технические и криминалистические методы. Действующая нормативно-правовая база Российской Федерации создает достаточную основу для защиты информации, однако ее эффективность во многом зависит от грамотного применения криминалистических инструментов и своевременного реагирования на возникающие угрозы.

Перспективными направлениями развития в этой области являются дальнейшее совершенствование законодательства с учетом новых видов киберпреступлений, развитие технологий цифровой криминалистики и повышение квалификации специалистов по информационной безопасности. Реализация предложенных мер позволит снизить риски утечек данных, повысить устойчивость информационных систем к кибератакам и обеспечить надежную защиту информации на всех уровнях.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 27.02.2026).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 27.02.2026).
3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 27.02.2026).
4. Федеральный закон от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2481/ (дата обращения: 27.02.2026).
5. Доклад МВД РФ «Состояние преступности в Российской Федерации» (2023) // Портал ТПУ. – URL: [https://portal.tpu.ru/SHARED/n/NIKOLAENKOVs/student/risk_management/Состояние преступности в Росс1.pdf](https://portal.tpu.ru/SHARED/n/NIKOLAENKOVs/student/risk_management/Состояние%20преступности%20в%20России.pdf) (дата обращения: 01.03.2026).
6. Белкин, Р. С. Криминалистика: учебник для вузов / Р. С. Белкин. – 3-е изд., доп. – Москва: Норма, 2020. – 992 с. – URL: https://pubdoc.ru/doc/284456/t.-v.-aver._yanova--r.-s.-belkin--yu.-g.-koruhov--e.-r.-ross...?ysclid=mmd3tn6sho682113621 (дата обращения: 02.03.2026).
7. Россинская, Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография / Е. Р. Россинская. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма: ИНФРА М, 2021. – 576 с. URL: <https://znanium.ru/catalog/document?id=472007&ysclid=mmd3uun0q6802949858> (дата обращения: 02.03.2026).
8. Крылов, В. В. Информационные компьютерные преступления: учебное пособие / В. В. Крылов. – Москва: ИНФРА М–НОРМА, 1997. – 285 с. – URL: <https://knigogid.ru/books/1813970-informacionnye-kompyuternye-prestupleniya-uchebnoe-i-prakticheskoe-posobie> (дата обращения: 03.03.2026).
9. Вехов, В. Б. Компьютерные преступления: способы совершения и раскрытия / В. Б. Вехов; под ред. Б. П. Смагоринского. – Москва: Право и Закон, 1996. – 182 с. – URL: <https://polyglotlife.ru/wp-content/uploads/2023/10/Viekhov-V.B.-Kompiuternye-p-Miha.pdf> (дата обращения: 04.03.2026).
10. Современные DDoS-атаки: чем они опасны для бизнеса // Хабр: [сайт]. – URL: <https://habr.com/ru/companies/sberbank/articles/911186/> (дата обращения: 04.03.2026).
11. Уязвимость нулевого дня: что такое и как защититься // Контур : [сайт]. – URL: https://kontur.ru/aegis/blog/83380-uyazvimost_nulevogo_dnya (дата обращения: 04.03.2026).
12. Расследование инцидентов информационной безопасности: учебное пособие / И. Н. Васильева. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ, 2019. – 113 с. – URL: <https://infosec.spb.ru/wp-content/uploads/2020/06/rassledovanie-incidentov-informacionnoj-bezopasnosti.pdf> (дата обращения: 04.03.2026).

СЕКЦИЯ 9. ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ПОДСЕКЦИЯ 9.1. ИСТОРИЯ

УДК 94(470)"17/18":323.2

СОПРОТИВЛЕНИЕ ПЕТРОВСКИМ ПРЕОБРАЗОВАНИЯМ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Алтухова Юлия Андреевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

yulchablack@mail.ru

Научный руководитель: Петров Петр Петрович, кандидат исторических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

savel-b@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется феномен сопротивления преобразованиям Петра I как результат столкновения государственной необходимости модернизации и консервативного сознания традиционного общества. В работе классифицируются формы сопротивления, разделенные на активные и пассивные. Особое внимание уделяется историческим последствиям этого противостояния, включая социокультурный раскол общества. Делается вывод о закономерности протестных движений как реакции на радикальные изменения привычного уклада жизни.

Ключевые слова: Петр I, петровские реформы, сопротивление, модернизация, Астраханское восстание, восстание Булавина, социокультурный раскол, радикальные реформы

Эпоха правления Петра I (1682 – 1725 гг.) является удивительным периодом в Российской истории, ознаменовавшей переход от Московского царства к Российской империи. Реформы начала XVIII века имели европейский характер и охватили все сферы жизни: армию, церковь, бытовой уклад. Поскольку реформы кардинально меняли общественные устои, они вызвали волну противодействия. Сопротивление не было однородным – оно варьировалось от открытых восстаний до духовной оппозиции [1]. Изучение данного феномена позволяет увидеть конфликт между государственной необходимостью модернизации и консервативным сознанием общества.

Актуальность исследования обусловлена тем, что Российский опыт проведения масштабных реформ показывает: радикальные инновации, противоречащие традициям, неизбежно вызывают социальный протест [1]. Понимание механизмов этого протеста важно для любых государственных преобразований в дальнейшем.

Основная проблема заключается в противоречии между объективной необходимостью модернизации страны и субъективным восприятием этих изменений населением. Для многих граждан реформы не выглядели как прогресс, а скорее, как нарушение православной веры и порядка в целом [2].

Целью данной работы является анализ феномена сопротивления преобразованиям Петра I, включающий выявление его форм, причин, а также оценку последствий этого противостояния для развития государства и общества.

Сопротивление реформам Петра I объяснялось множеством факторов, которые затрагивали экономическую, социальную, религиозно-культурную и политическую сферы жизни общества. Во-первых, выделяются экономические причины, среди которых ключевую роль играл чрезмерный налоговый гнет, вызванный введением подушной подати в 1718 – 1724 гг. [3], что было воспринято крестьянами и посадскими людьми как усиление

государственного давления. Фискальная реформа стала не просто финансовым бременем, но и инструментом тотального контроля полиции, поэтому население оказалось под жестким государственным надзором [3]. Влияние оказали и принудительные работы на строительстве Санкт-Петербурга и каналов, которые зачастую были связаны с невыносимыми условиями труда и высокой смертностью, что вызывало повсеместное недовольство.

Во-вторых, значение имели социальные факторы, такие как укрепление крепостного права, введение регулярной армии и пожизненной рекрутской повинности, а также изменение положения дворянства, обязанного нести бессрочную службу согласно «Табели о рангах» [1]. Это вызывало протест родовой аристократии, лишенной прежних привилегий. Трансформация дворянства в служилое сословие стала причиной появления оппозиции внутри элиты [1].

В-третьих, сопротивление имело глубокие религиозно-культурные корни, проявившиеся в неприятии церковной реформы и учреждения Синода, что воспринималось как покушение на основы православия [2], а также в резком отторжении западных обычаев, таких как бритье бород и введение иноземного платья. Синод сделал церковь фактически одним из государственных ведомств, что лишило ее духовной независимости и подорвало доверие народа к институту, который веками выступал хранителем традиций.

Важную роль также играли политические причины, выразившиеся в недовольстве знати ликвидацией Боярской думы и усилением самодержавия через систему Сената и Коллегий [1].

Существовало две формы сопротивления петровским преобразованиям: активное и пассивное. Активное сопротивление заключалось в бунтах и восстаниях. В 1705 – 1706 гг. произошло Астраханское восстание в ответ на ужесточение фискальной политики, запрет на ношение бород и русской одежды. Это масштабное выступление охватило не только Астрахань, но и прилегающие территории, включая Царицын, и было направлено против фискального гнета и насильственного насаждения европейских обычаев, что воспринималось как посягательство на вековые традиции и веру. Восставшие требовали возврата к старым порядкам и даже избрания нового царя, что демонстрировало глубокое неприятие петровской политики. В 1707 – 1708 гг. восстали казаки и крестьяне под руководством Кондратия Булавина, недовольные усилением крепостничества и вмешательством государства в казачьи дела [4]. Булавинское восстание, распространившееся на огромные территории, стало одним из самых опасных для центральной власти, так как объединило под своими знаменами казаков, беглых крестьян, крепостных и посадских людей. Недовольство вызвали также розыск беглых, рекрутские наборы и прямое вмешательство в традиционные казачьи вольности. Мятеж требовал отвлечения значительных воинских контингентов от Северной войны, что свидетельствовало о его серьезности. Жестокое подавление этих восстаний наглядно продемонстрировало, что государство не намерено идти на компромиссы, и будет использовать любые меры принуждения для защиты выбранного курса. Для самого Петра I эти события стали окончательным подтверждением того, что старые порядки являются дестабилизирующим фактором и подлежат полной ликвидации [4].

Вторая форма – пассивное сопротивление – хоть и была менее радикальной, но тоже играла важную роль. Происходили массовые побеги крестьян и рекрутов на окраины страны, что способствовало опустошению деревень [1]. Люди бежали не только от рекрутчины и роста налогов, но и от принудительных работ на строительстве. Эти побеги создавали серьезные проблемы для демографии и экономики государства, подрывая его ресурсную базу. Старообрядцы уходили в отдаленные скиты, а при попытке задержания устраивали самосожжения, считая это способом «спасения души» [2]. Для старообрядцев, не принимавших церковную реформу и новые обряды, петровские преобразования были явным знаком прихода Антихриста. Уход в скиты и массовые самосожжения были высшей формой духовного протеста, отвергающей насильственную секуляризацию и европеизацию, и стали символом их непоколебимой веры в старые устои. Это движение, охватившее значительные слои населения, продемонстрировало глубокое мировоззренческое неприятие реформ. Также

внутри элиты создавались заговоры с целью свержения Петра I или изменения курса реформ, например, дело царевича Алексея [5].

Сопrotивление петровским реформам имело глубокие и долгосрочные последствия, как для той эпохи, так и для последующей истории России. Это выразилось в усилении государственного контроля, когда была создана система фискалов для тотального надзора за населением. Эпоха ознаменовалась колоссальными человеческими жертвами в ходе подавления восстаний и строительства. Также результатом преобразований стал раскол общества на элиту и народное большинство, которое сохраняло верность традициям. В наше время сохранилось недоверие народа к радикальным реформам, люди опасаются нововведений, поэтому можно проследить сходства в сознании народа раньше и сейчас.

В заключение хочется сказать, что сопротивление петровским преобразованиям было не случайным явлением, а закономерной реакцией традиционного общества на радикальное изменение уклада жизни. Модернизация, несмотря на восстания и сговоры, обеспечила военный и технологический прорыв в XVIII веке. Однако важно понимать, что цена этого прорыва оказалась крайне высокой: она включала в себя не только человеческие жертвы, но и создание глубокого социокультурного раскола общества [1]. Таким образом, петровская эпоха заложила основы специфической российской модели развития, она остается важным историческим уроком для понимания механизмов любых масштабных государственных реформ в будущем.

Список литературы

1. Каменский, А.Б. Российская империя в XVIII веке: традиция и модернизация / А. Б. Каменский. – Москва: Новое литературное обозрение, 1999. – 328 с.
2. Успенский, Б. А. Царь и Антихрист: к проблеме дуалистической оппозиции / Б. А. Успенский // Избранные труды. – Москва: Гнозис, 1994. – С. 110–162.
3. Анисимов, Е. В. Податная реформа Петра I / Е. В. Анисимов. – Ленинград: Наука, 1982. – 296 с.
4. Буганов, В. И. Булавинское восстание (1707–1708 гг.) / В.И. Буганов. – Москва: Мысль, 1958. – 216 с.
5. Мезин, С.А. Оппозиция петровским реформам в отечественной историографии / С. А. Мезин // Известия Саратовского университета. Серия: История. –2015. – Т. 15, вып. 3. – С. 15–21.

ИСТОРИЧЕСКИЕ МОМЕНТЫ РАЗВИТИЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ

Астахова Марьяна Вячеславовна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

78@yandex.ru

Научный руководитель: Павлюкевич Руслан Витальевич, кандидат исторических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

autocrator@yandex.ru

Аннотация. В представленной работе осуществлен комплексный историко-научный анализ возникновения земледелия, начало и развитие селекции яровой мягкой пшеницы и государственного сортоиспытания на территории Красноярского края. Хронологические рамки исследования охватывают период от ранних форм земледелия эпохи бронзы до современного этапа развития аграрной науки. Детально рассмотрена эволюция методических подходов к созданию сортов, проанализирована деятельность ключевых научно-исследовательских учреждений региона, прослежена трансформация сети государственных сортоиспытательных участков под влиянием социально-экономических факторов. Особое внимание уделено характеристике сортового состава яровой мягкой пшеницы в различные исторические периоды и оценке вклада местных форм пшеницы в селекционный прогресс.

Ключевые слова: история развития земледелия Красноярский край, генофонд пшеницы, культуры, опытные станции

Актуальность исследования исторических аспектов развития аграрной науки обусловлена необходимостью осмысления накопленного опыта для решения современных задач в развитии АПК края. Приенисейская Сибирь представляет собой уникальный регион, где на протяжении тысячелетий формировались адаптированные к экстремальным условиям формы культурных растений. Целью настоящей работы является реконструкция целостной картины эволюции земледелия в регионе, выявление закономерностей и этапов ее развития, а также оценка научного наследия первых опытных учреждений.

Раздел 1. Истоки земледельческой культуры в Красноярском крае

1.1 Археологические свидетельства древнего земледелия

Территория современного Красноярского края является одним из древнейших центров земледелия в Восточной Сибири. Археологические исследования, проводившиеся на протяжении XX столетия, позволили выявить многочисленные свидетельства аграрной деятельности. Наиболее ранние следы возделывания зерновых культур обнаружены у деревни Андронов, где при раскопках найдены каменные мотыги, серпы, а также зерна полбы (*Triticum dicossum*). Данные находки относятся к андроновской культурно-исторической общности (XVII–XIV в. до н.э.) [1].

В Карасукскую эпоху (1200–1700 лет до н.э.) ассортимент возделываемых культур существенно расширился. Помимо полбы, древние земледельцы выращивали ячмень (*Hordeum vulgare*), просо (*Panicum miliaceum*), гречиху (*Fagopyrum esculentum*) и техническую культуру – коноплю (*Cannabis sativa*). Это свидетельствует о достаточно высоком уровне развития земледелия и дифференциации хозяйственной деятельности.

1.2 Тагарская и таштыпская культуры: зарождение ирригации

Наиболее значительный прогресс в древнем земледелии Красноярского края связан с тагарской археологической культурой (VII–II вв. до н.э.). В этот период идет развитие земледелия к более организованным формам с применением искусственного орошения. Многочисленные памятники тагарской эпохи, сосредоточенные в Минусинской котловине – обширной межгорной впадине, вытянутой вдоль русла Енисея, содержат следы древних

оросительных систем. Наибольшая концентрация ирригационных сооружений зафиксирована в долинах рек Тесь и Ерба, где археологами обнаружены остатки каналов, позволявшие регулировать водоснабжение посевов в засушливых степных условиях [6].

Таштыпская культура (II в. до н.э. – V в. н.э.) унаследовала и развила традиции предшественников. Мотыжное земледелие с элементами ирригации продолжало оставаться основой хозяйственной деятельности. Археологические материалы свидетельствуют о преемственности агротехнических приемов и стабильности набора возделываемых культур на протяжении нескольких столетий.

1.3 Средневековый период: енисейские кыргызы и межкультурные связи

В эпоху раннего Средневековья (V–XIII вв. н.э.) носителями земледельческих традиций выступали енисейские кыргызы – предки современных хакасов. Письменные источники, включая китайские хроники, содержат сведения о том, что кыргызы вели оседлый образ жизни и занимались пашенным земледелием. Основными культурами оставались просо, ячмень и полба. К XIII веку, согласно китайским летописям, посевы пшеницы также получили распространение, хотя их масштабы оценивались современниками как незначительные [1].

Важнейшим фактором развития аграрной сферы в этот период выступала международная торговля. Енисейские кыргызы поддерживали экономические связи с Тибетом, Китаем, Ираном и государствами Средней Азии. По торговым путям в регион проникали новые формы культурных растений, в том числе голозерные пшеницы, что способствовало обогащению местного генофонда и создавало предпосылки для развития народной селекции.

Раздел 2. Появление в Сибири русского населения и формирование сортового разнообразия (XVII–XIX вв.)

2.1 Трансформация агрокультуры под влиянием переселенцев

Присоединение Сибири к Российскому государству и начавшиеся крестьянское переселение коренным образом изменили характер земледелия в регионе. Русские переселенцы, обладавшие многовековым опытом пашенного земледелия, привнесли новые агротехнические приемы, орудия обработки почвы и расширенный набор сельскохозяйственных культур. Однако важнейшим результатом взаимодействия пришлого и аборигенного населения стало формирование уникального сортового состава зерновых, сочетавшего признаки западных и восточных форм.

Выдающийся сибирский ученый В.Е. Писарев, проводивший в начале XX века обследование культурной флоры Сибири, Монголии и Китая, пришел к заключению, что значительная часть восточно-сибирских пшениц имеет китайское происхождение и проникала в регион через территорию Монголии. Выступая на I съезде агрономов Забайкалья в 1913 году, ученый подчеркивал, что Монголия играла роль не только транзитного коридора, но и гигантской естественной селекционной лаборатории, в которой на протяжении столетий шел отбор форм, наиболее приспособленных к экстремальным континентальным условиям [2].

2.2 Сортовое разнообразие яровой пшеницы в XIX веке

К XIX столетию в Енисейской губернии сложился чрезвычайно пестрый сортовой состав яровой мягкой пшеницы (*Triticum aestivum* L.), представленный многочисленными разновидностями и местными популяциями. Анализ литературных источников и материалов земской статистики позволяет выделить следующие группы возделываемых сортов:

1. Разновидность *ferrugineum* (красноколосые остистые формы) – была представлена скороспелыми местными сортами Красенькая, Сибирка, Скороспелка. Отличались повышенной засухоустойчивостью и приспособленностью к короткому вегетационному периоду.

2. Разновидность *milturum* (красноколосые безостые формы) – включала сорта Гирька, Голоколоска, Гальянка, Красная безостая. Данная группа занимала значительные площади в южных степных районах губернии.

3. Разновидность *erythrospermum* (белоколосые остистые формы) – культивировались сорта Остистая белая, Усатая белая, Гнездовка, Колыванка, отличавшиеся относительно высокими хлебопекарными качествами.

4. Разновидность *lutescens* (белоколосые безостые формы) – представлена сортами Белоколоска, Кущевка, Саксонка, получившими распространение в лесостепных районах.

Особый интерес представляет случай, зафиксированный В.Е. Писаревым в селе Ничка Минусинского уезда, где возделывался уникальный образец разновидности *vuliginosum*, крайне редко встречающейся в Сибири. Кроме того, в коллекциях присутствовали формы, относящиеся к разновидностям *gracum*, *anglicum* и *velutinum*, что свидетельствует о широкой генетической основе местных популяций [3].

2.3 Эволюция структуры посевных площадей

На протяжении XIX века происходили существенные изменения в соотношении возделываемых культур. По данным В.Е. Писарева, в 1890 году в Енисейской губернии доминирующее положение занимали озимая рожь (*Secale cereale*), ярица (яровая рожь) и овес (*Avena sativa*). Яровая пшеница занимала лишь четвертое место, уступая указанным культурам по площади посевов. Такая структура отражала консервативные предпочтения крестьянского населения, ориентированного на гарантированные сборы ржи как основной продовольственной культуры.

Ситуация начала кардинально меняться в конце XIX – начале XX веков под влиянием двух факторов: массового переселенческого движения из европейской части России и развития товарно-рыночных отношений. Крестьяне-переселенцы, прибывавшие из хлебопроизводящих губерний Украины, Поволжья и юга России, привозили с собой навыки возделывания пшеницы и соответствующие сорта. К 1917 г. удельный вес яровой пшеницы в структуре зернового клина Енисейской губернии достиг 30–35%, а в Минусинском уезде, являвшемся житницей региона, превысил 40% [4].

Раздел 3. Зарождение и организация опытного дела в регионе (начало XX века)

Начало систематической научно-исследовательской работы в области растениеводства в Восточной Сибири связано с учреждением первых опытных полей и ферм. Старейшим научным агрономическим учреждением региона стала Тулунская опытная ферма, организованная в 1907 г. в Иркутской губернии (ныне Иркутская область). Спустя два года, в 1909 г., было открыто Казачинское опытное поле в Красноярском крае, расположившееся в таежной полосе Приенисейской Сибири [5].

К 1913 г. сеть опытных учреждений в Енисейской губернии включала три специализированных поля, каждое из которых было приурочено к определенной природно-климатической зоне: Казачинское опытное поле (таежная зона); Красноярское опытное поле (лесостепная зона); Минусинское опытное поле (степная зона).

Проведенное исследование позволяет оценить многовековую историю аграрной деятельности в Красноярском крае, как непрерывный процесс, в котором органично переплелись народный опыт, научные достижения и организационные усилия государства. От каменных мотыг андроновских земледельцев до современных генетических лабораторий – этот путь демонстрирует поступательное развитие аграрного комплекса края.

Накопленный за более чем столетнюю историю научных исследований опыт ведения сельского хозяйства, сохраненный генофонд культур, представляют собой национальное достояние, которое должно быть востребовано при решении современных задач импортозамещения, продовольственной безопасности и адаптации сельского хозяйства к изменяющимся климатическим условиям.

Список литературы

1. Дмитриев, В.Е. Истоки и современность земледельческой культуры / В.Е. Дмитриев, Н.Г. Ведров. – Красноярск: КрасГАУ, 2003. – 153 с.

2. Количенко, А. А. Исторические этюды по селекции и сортоиспытанию в Приенисейской Сибири / А.А. Количенко // Россия и Сибирь: история и культура: материалы

Х международного сибирского исторического форума (18-20 октября 2023 г. Красноярск, Россия) – М.; Изд-во «Перо». - 2023. – Мб [Электронный ресурс]. – С. 247-251

3. Якубцинер, М.М. К истории культуры пшеницы в СССР / М.М. Якубцинер // Материалы по истории земледелия в СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – Т. 2. – С. 16–168.

4. Ведров, Н.Г. Яровая пшеница в Восточной Сибири / Под ред. Н.Г. Ведрова. – Красноярск: Изд-во КрасГАУ, 1998. – 312 с.

5. Дмитриев, В.Е. Озимая пшеница в Красноярском крае / В.Е. Дмитриев // Земля сибирская дальневосточная. – 1978. – № 8. – С. 15–17.

6. Тюкавкин, В.Г. Сибирская деревня накануне Октября / В.Г. Тюкавкин. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966. – 267 с.

7. Гончаров, П.Л. Н.И. Вавилов и селекция растений в Сибири / П.Л. Гончаров // Развитие научного наследия Н.И. Вавилова на современном этапе: материалы междунар. науч. конф. – Новосибирск, 2009. – С. 59–72.

5. Кашеваров, Н.И. Вклад Н.И. Вавилова в становление и развитие аграрной науки / Н.И. Кашеваров // Развитие научного наследия Н.И. Вавилова на современном этапе. – Новосибирск, 2009. – С. 8–18.

6. Писарев, В.Е. Селекция зерновых культур / В.Е. Писарев. – М.: Колос, 1964. – 317 с.

7. История Хакасии с древнейших времен до 1917. – М.: Наука, 1993. – 525 с.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПОЯВЛЕНИЯ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЕЙ НА КУПЮРАХ РОССИИ

Бакутина Дарья Руслановна, студентка

Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева, Москва, Россия
dashabakutina8@gmail.com

Научный руководитель: Миронюк Сергей Алексеевич, кандидат исторических наук

Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева, Москва, Россия
mironyuk@rgau-msha.ru

Аннотация. В статье рассматривается эволюция подхода к дизайну российских денежных знаков через призму исторической памяти. Анализируется процесс перехода от имперской и советской символики к изображению региональных архитектурных и культурных достопримечательностей. Особое внимание уделяется «городской серии» банкнот 1995–1997 гг. как отражению новой государственной идеологии, направленной на децентрализацию образа страны и формирование национальной идентичности через узнаваемые локальные символы. В работе также исследуются современные тенденции в оформлении банкнот Банка России и их связь с историко-культурным наследием регионов.

Ключевые слова: бонистика, денежные знаки, культурное наследие, региональная символика, Центральный банк, национальная идентичность

Денежные знаки любого государства – это не просто универсальный эквивалент стоимости, но и мощный носитель идеологии, исторической памяти и культурного кода нации. Они выполняют важную коммуникативную функцию, транслируя ценности и представления о стране, как ее гражданам, так и внешнему миру. Россия в этом смысле не исключение. Задумываясь о том, почему на современных рублях изображены не правители или абстрактные символы, а конкретные памятники архитектуры и монументы, мы обращаемся к сложному историческому процессу, растянувшемуся почти на полтора столетия. Подобный выбор не случаен: изображения на банкнотах всегда отражают политический курс и общественные настроения эпохи. Например, на долларах США мы видим портреты президентов и отцов-основателей, на евро – абстрактные архитектурные стили, подчеркивающие единство разнообразия Европы. Россия же выбрала путь показа своих конкретных, узнаваемых мест, что делает рубль уникальным «путеводителем» по истории страны.

Идея изображать на российских деньгах города возникла задолго до ее реализации. Как свидетельствуют архивы Гознака, первые эскизы кредитных билетов с видами городов появились еще в 1859–1860 гг., в период «великих реформ» Александра II. На них планировалось разместить жителей разных губерний в национальных костюмах, а также виды и гербы городов. Например, 5-рублевый билет должен был украсить Московский Кремль, а 100-рублевый – Дворцовую площадь Санкт-Петербурга. В эту серию входили даже виды Гельсингфорса (Хельсинки) и Варшавы, так как они тогда входили в состав империи. Однако по ряду технических и политических причин этот проект так и не был осуществлен: корабль, везший оборудование для печати, затонул, а в итоге на банкнотах появились портреты императоров, что соответствовало монархической традиции [2]. Тем не менее, сама идея продемонстрировала стремление власти к визуальной репрезентации многообразия империи.

Первой успешной реализацией этой идеи стал 1917 г., когда Временное правительство выпустило купюру в 1000 рублей с изображением Таврического дворца, где заседала Государственная Дума. В народе эти деньги сразу прозвали «думками» [4]. Это был революционный шаг: впервые на денежном знаке появился не монарх, а архитектурное

сооружение, символизирующее новую власть и парламентаризм. Однако после Октябрьской революции советская власть быстро вернулась к привычной персонификации: на первых советских деньгах изображались пролетарии, крестьяне и вожди мирового пролетариата.

В советский период тема городов практически исчезла с купюр. Идеология требовала единого центра, и главным героем денег стала Москва. Виды Кремля, а позднее и Ленинграда, появлялись на эскизах, но доминировала строгая пролетарская символика: серп и молот, звезды, индустриальные пейзажи. Исключение составляли лишь памятные монеты, где чеканили изображения монументов и виды городов-героев, а также отдельные выпуски, например, купюра 1961 г. с изображением Спасской башни [4]. Тем не менее, региональное разнообразие на деньгах отсутствовало, что соответствовало унитарному характеру государства.

Подлинный переворот произошел в 1990-е гг. Российская Федерация искала новую идентичность, стремясь дистанцироваться как от советского прошлого, так и от монархического. Перед художниками Гознака во главе с Игорем Крылковым встала задача: создать дизайн, который порвет с советским прошлым, но при этом сохранит преемственность с тысячелетней историей страны. Изначально предлагались портреты выдающихся деятелей – от князя Владимира до Пушкина и Менделеева. Однако Центробанк под руководством Виктора Геращенко предложил иную идеологию – показать страну через ее уникальные города, что позволяло избежать политических споров о значимости тех или иных исторических личностей и подчеркнуть федеративное устройство [2; 6].

Так родилась знаменитая «городская серия» банкнот образца 1995 г. (с деноминацией 1998 г. ставшая основой современного ряда). Выбор пал не на столицы, а на региональные центры, каждый из которых олицетворял определенную веху или грань русской жизни. Рассмотрим этот выбор подробнее, так как он имеет глубокое историческое обоснование:

– 5 рублей – Великий Новгород. Выбор этого города символичен: именно здесь, согласно летописной традиции, началась государственность Руси. Памятник «Тысячелетие России» (1862 г.) на фоне Софийского собора – это прямая отсылка к истокам, к призванию Рюрика. Новгород также ассоциируется с вечевой демократией и торговлей, что важно для страны, строящей рыночную экономику [1; 3; 5].

– 10 рублей – Красноярск. Сибирь всегда воспринималась как мощь и потенциал России. Изображение часовни Параскевы Пятницы (старейший каменный памятник города) и коммунального моста через Енисей символизирует как духовное освоение, так и инженерный гений, покоривший суровую природу. Часовня на Караульной горе напоминает о казаках-первопроходцах, а мост – о строителях Транссиба и гидроэлектростанций [1, 3, 5].

– 50 рублей – Санкт-Петербург. Северная столица – это окно в Европу, символ имперского периода и петровских преобразований. Скульптура у Ростральной колонны (аллегория реки Невы) и Петропавловская крепость олицетворяют выход России к морям и рождение флота. Петербург также – город Пушкина, Достоевского, Эрмитажа, то есть символ русской культуры и науки [1; 3; 5].

– 100 рублей – Москва. Квадрига Аполлона на портике Большого театра – символ не просто столичности, а культурного расцвета, величия искусства и национального самосознания XIX в. Большой театр – один из главных символов русской культуры, признанный во всем мире. Отказ от Кремля в пользу театра подчеркивает приоритет культуры над политикой [1; 3; 5].

– 500 рублей – Архангельск. Это память о торговом прошлом, о первом морском порте России и начале русского судостроения. Памятник Петру I (основателю флота) и Соловецкий монастырь (духовный оплот севера) связывают военную, торговую и религиозную историю. Архангельск – также ворота в Арктику, что актуально для России и сегодня [1; 3; 5].

– 1000 рублей – Ярославль. Древнейший город на Волге, родина первого русского театра и храмовой архитектуры. Церковь Иоанна Предтечи – шедевр, прославляющий талант русских зодчих. Ярославль, будучи частью Золотого кольца, символизирует глубину русской провинции, ее вклад в общенациональную культуру [1, 3, 5].

– 5000 рублей – Хабаровск. Символ геополитических амбиций России на Дальнем Востоке. Памятник Муравьеву-Амурскому напоминает о значимости Амура и освоении огромных территорий. Хабаровск – форпост России на Тихом океане, символ движения страны на восток и ее евразийской сущности [1, 3, 5].

Позже, в 2017 г., серию дополнили купюры в 200 рублей (Севастополь – память о Крымской войне и русской славе, символ Черноморского флота) и 2000 рублей (Владивосток – символ тихоокеанского могущества и современного развития, мост на остров Русский как символ инженерных достижений) [6].

Почему же был сделан выбор именно в пользу достопримечательностей, а не портретов исторических личностей? Художник Игорь Крылков объяснял это тем, что такой подход позволяет избежать споров о величии той или иной фигуры, объединяя страну через любовь к общим, узнаваемым местам. Городской пейзаж оказался вне политики, но внутри истории [6]. Это был способ напомнить россиянам о богатстве их собственной страны в непростое время экономических реформ, когда многие увлеклись западными идеалами.

В последние годы традиция продолжает развиваться. В 2022 г. была выпущена обновленная банкнота 100 рублей, посвященная Москве и Центральному федеральному округу. На ней появилось изображение Ржевского мемориала Советскому Солдату – дань памяти героям Великой Отечественной войны. А в 2023 г. в оборот поступила новая банкнота 1000 рублей с видами Нижнего Новгорода и Приволжского федерального округа, где запечатлены Нижегородский кремль, стадион и ярмарка. Банк России объявил, что каждая новая банкнота будет посвящена одному из федеральных округов, что позволит охватить всю страну и показать ее многообразие [2].

Таким образом, появление достопримечательностей на российских купюрах – не случайный дизайнерский ход, а продуманная историческая концепция, эволюционировавшая более века. Это своего рода «разговор с нацией» через образы, понятные каждому. Гознак и Центробанк создали не просто платежные средства, а мини-энциклопедию в кармане, где каждый рубль рассказывает свою главу большой истории России – от призвания варягов до освоения Дальнего Востока и подвига советского народа. Эта традиция продолжается и сегодня, доказывая, что историческое обоснование остается ключевым при формировании облика национальной валюты, способствуя укреплению национальной идентичности и патриотизма. Деньги становятся не только средством платежа, но и инструментом просвещения, напоминая каждому гражданину о богатстве и многогранности его Родины.

Список литературы

1. Города на купюрах России: чем известны достопримечательности из кошелька. – Текст: электронный // Комсомольская правда. – URL: <https://www.kp.ru/russia/idei-dlya-otpuska/goroda-na-kupyurah-rossii/> (дата обращения: 24.02.2026).
2. Неосуществленные проекты: 25 лет городской серии банкнот. – Текст: электронный // АО «Гознак». – URL: <https://goznak.ru/about/history/6/December/> (дата обращения: 24.02.2026).
3. Где увидеть объекты с рублевых купюр: какие города на купюрах. – Текст: электронный // GuideGo. – URL: https://guidego.ru/articles/dengi_kotorie_rasskazivayut_istorii/ (дата обращения: 25.02.2026).
4. Музей истории денег АО «Гознак»: выставка «Города на российских банкнотах и монетах». – Текст: электронный // Национальная премия «Корпоративный музей». – URL: <https://corporate-museum.ru/2022/05/15477/> (дата обращения: 02.03.2026).
5. Города на купюрах России. – Текст: электронный // Отдых в России. – URL: <https://ok.ru/group59741813276729/topic/157104555704377> (дата обращения: 02.03.2026).
6. Виноградова, Т. Деньги приглашают в путешествие / Т. Виноградова. – Текст: электронный // Корпоративный музей. – URL: <https://corporate-museum.ru/2024/02/28913/> (дата обращения: 03.03.2026).

СОЦИОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Беркетова Виктория Алексеевна, студентка

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Россия
va.berketova@mail.ru

Научный руководитель: Акользина Марина Константиновна, кандидат исторических наук, доцент

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Россия
akolmarina@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности социальной и психологической составляющей портрета провинциального предпринимателя конца XVIII – первой половины XIX в., а также условия, которые оказали влияние на формирование этих особенностей. Автор рассматривает социо-психологический портрет на основе материалов Сибири, Урала, Центральной России, по итогам работы формируется вывод о характере социо-психологического портрета купечества, исходя из проанализированных данных. Информация, содержащаяся в статье, может быть полезна при изучении предпринимателей и купеческого сословия в России, потому как в рассматриваемой в работе области исследований наблюдается недостаток материала, однако социо-психологическая составляющая является важной частью общего портрета человека того времени.

Ключевые слова: провинциальный предприниматель, купечество, мещане, менталитет, традиционные ценности, повседневность, религиозность, благотворительность, семья, повседневная жизнь, региональные особенности, Тамбовская губерния

Владение знаниями социальной и психологической составляющей человека, на определенном этапе истории, является одним из факторов грамотного анализа исторических процессов и дальнейшего применения полученных данных. Все внешние и внутренние процессы, влияющие на формирование психологического портрета, оказывают влияние на поведение человека, способствуют определению мировоззрения, традиционных ценностей, а также в целом, определению региональных особенностей предпринимательской части населения.

Целью работы является изучение социо-психологического портрета провинциального предпринимателя конца XVIII – первой половины XIX века.

Задачами выступают: изучение открытых источников и литературы по заданной теме, анализ изученного материала, а также подведение итогов и вывод.

В рамках данной статьи, объектом исследования является социо-психологическая составляющая провинциального предпринимателя конца XVIII – первой половины XIX вв.

Предмет определяется анализом источников и литературы, содержащих информацию о повседневной жизни этой категории населения.

Использован теоретический метод исследования, анализ.

В науке уже рассматривались условия, в которых существовали предприниматели из провинции. Об их мыслях, о себе писал А.И. Куприянов [1] в работе «Городская культура русской провинции. Конец XVIII – первая половина XIX века». Банниковой Е.В. представлена целая серия работ [2-6], посвященных уральскому купечеству в дореформенный период. Сибирских предпринимателей в своих работах упоминает Гончаров Ю.М. [7] и Авдеева Е.А. в работе «Записки и замечания о Сибири» [8]. По материалам Тульской губернии предпринимательское сословие рассматривает Глаголева О.Е. [9]. Также была издана хрестоматия под редакцией д.и.н. профессора Ю.А. Мизиса [10], содержащая

документы по Тамбовской губернии, которые касаются и предпринимательской категории населения.

По данным Сибири, провинциальные предприниматели вели борьбу за свои права, желая утвердить свое положение. Сибирские купцы отличались тягой к интеллектуальному развитию, а подтверждает это создание личных библиотек, а также распространение игр на музыкальных инструментах. В работе Авдеевой Е.А. [8] упоминается факт запаса, предпринимателями продукции впрок, подтверждая наличие такого качества, как практичность. Например, несмотря на имеющийся капитал у этой категории населения, в Иркутске почти не было условий для развлечений, например, не было трактиров или кондитерских.

С целью развития своего предпринимательского ремесла, сибирские купцы изучали принципы этикета, необходимые для торговых отношений, отличались хлебосольством, были гостеприимны, имели такие качества, как доброта, щедрость и милосердие. Вместе с этим, в торговых делах не искажали информацию о качестве товара и не брали лишних денег. Обучали своих детей для продолжения дела, строили планы на далекое будущее. Росли в условиях традиционной семьи, с уважением к старшему поколению. Невест выбирали по личным качествам, не обращая внимание на приданое. Не были суеверны, но религиозны.

Таким образом, сибирские купцы характеризовались милосердием, добротой, щедростью, гостеприимством, семейственностью, религиозностью, практичностью, искренностью, честностью и другими качествами.

Обращаясь к вопросу уральских предпринимателей, они, как и сибирские, были религиозны. Помимо традиционных религиозных привычек, купцы учили детей опираться на заповеди Божьи, которые должны привести к семейному благополучию.

Уральские предприниматели отличались своей скромностью, религиозностью, трудолюбием, добротой и любовью к ближнему.

В Центральной России были свои особенности жизни. Семьи, как правило, создавались большие, что было обусловлено как санитарно-гигиеническими обстоятельствами жизни того времени, так и условиями труда. Предпринимательство на этой территории сохраняло традиционные черты жизни, что характеризовало его как обособленное и определяло его низкий уровень развития.

Обращаясь к произведению И.С. Шмелева «Лето Господне» [11], мы можем узнать факты о повседневной жизни провинциальных предпринимательских слоев населения практически «от первого лица». Так, нам известна история старушки «Маревны», торгующей яблоками, пряниками и прочими мелочами. Помог ей начать торговлю знакомый купец. Это говорит о взаимной поддержке, милосердии и доброте среди предпринимательского населения [11, с. 163].

Купцы Центральной части страны также обладали чертами религиозности. Например, И.С. Шмелев упоминает купца, раненого в ногу, которому врачи отказали в помощи, потому как ранение было слишком тяжелым, однако указывается, что благодаря молитвам и святым принадлежностям, купец излечился.

Семейственность и забота о ближнем – не чуждые для предпринимателей Центральной России черты. Это подтверждают как события, описанные выше, так и описанные случаи в произведении «Лето Господне», например, когда купец переживал о больной жене и был готов на все ради ее излечения [11, с. 174].

Простое население относилось к представителям торгово-предпринимательского слоя с уважением. Например, не было отличий в том, с кем именно проводить досуг. Это мы можем проследить в работе И.С. Шмелева, где он описывает совместные катания купцов со снежных горок, вместе с местным народом.

Нельзя не сказать и о пагубном пристрастии, которое было свойственно этой категории населения. Пьянство для купечества воспринималось обыденным явлением.

Предприниматели, помимо скромности в поступках, тихой заботы, религиозности и беспокойства о семье, занимались трудовой физической деятельностью так же, как и местные

жители. Купец Доронин «сомлел», неся тяжелую хоругвь в жаркий день, хотя отличался выносливостью [11, с. 193].

Внешне предприниматели подчеркивали свой статус, надевая дорогие в производстве шубы с отворотами, меховые шапки и сапоги.

Обращаясь к одному из регионов Центральной России, а именно Тамбовской губернии, в хрестоматии Ю.А. Мизиса «И пыль веков от хартии отряхнув...» [10], мы находим различные документы, из которых узнаем, что помещики, засеивая поля пшеницей, не задумывались о качестве обработки продукта или об удобрении земли, ставя перед собой цель в увеличении запашки.

Владелец земель с большим капиталом, Кашкаров, оставил след в истории, ведя жестокое обращение со своими крестьянами, которые в процессе истязаний могли быть даже убиты. Кашкаров лично мог издеваться над уже мертвыми людьми. Жертвами чаще всего становились дети. [12] Это может говорить о том, что получение определенной власти и средств могло стать причиной появления подобного поведения предпринимателей. Важно отметить, что это частный случай из Тамбовской губернии, который может лишь дополнить социо-психологическую характеристику и не является чертой целого предпринимательского слоя населения.

Можем говорить и об организаторских способностях этой категории провинциального населения. На работу могли брать пожилых людей, детей, а также тех, кто отдан в рекруты и тех, кто сослан на поселения. Их приписывали к заводу. Остальные имели возможность уйти на вольные работы по паспортам [13].

Провинциальные предприниматели оказывали значительное влияние на общество, изменяя его по мере своих возможностей. Во время Отечественной войны 1812 года, предприниматели Тамбовской губернии оказывали продовольственную и денежную помощь фронту, способствовали формированию 1-го Тамбовского пехотного полка. [14].

Предприниматель Маслов способствовал открытию первого театра в Тамбовской губернии. Несмотря на то, что в первое время его основания, он не доставлял должного эстетического удовольствия, сам факт его создания говорит о том, что предприниматели, помимо трат своего капитала на личные нужды, жертвовали средства на благоустройство города и приобщение к культуре [15].

Таким образом, мы можем подвести итоги и сделать вывод о том, что провинциальным предпринимателям, как и любому другому слою населения, характерны противоречивые черты, среди которых были признаки жестокости и признаки безоговорочного милосердия и доброты.

В целом, выделяя общие черты предпринимателей конца XVIII – первой половины XIX в., мы можем сказать, что это были люди, обладающие капиталом разного размера. Но, как богатый, так и бедный предприниматель, сочетали в своем характере такие черты, как скромность, религиозность, честность, семейственность, щедрость. Они проводили свой досуг, не отделяя себя от простого населения, не избегали физических нагрузок, жертвовали средства как нуждающимся знакомым, так и на государственные нужды, заботились о ближних и стремились к интеллектуальному развитию, вели общество к прогрессу, планируя будущее после себя.

Список литературы

- 1.Куприянов А.И. Городская культура русской провинции. Конец XVIII - первая половина XIX века. М.: Новый хронограф, 2007. – С. 480.: ил. (Серия «Российское общество. Современные исследования»)
- 2.Банникова Е.В. Дореформенное купечество Южного Урала: повседневная жизнь в городской среде. – Оренбург, 2009.
- 3.Банникова Е.В. Повседневная жизнь провинциального купечества (на материалах губерний Урала дореформенного периода). Оренб. гос. пед. ун-т. – СПб., 2014.

- 4.Банникова Е.В. Повседневная жизнь уральского купечества в первой половине XIX века. – Оренбург, 2010.
- 5.Банникова Е.В. Семейный уклад уральского купечества. Первая половина XIX века // Российская семья: историко-психологический портрет: Мат-лы XXIV Всеросс. науч. конф. – СПб., 2008. – Ч. 1. С. 128-133.
- 6.Банникова Е. В. Семейные устои Уральского дореформенного купечества: подходы к воспитанию и образованию // Вестник ОГУ. 2011. №17 (136). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semeynye-ustoi-uralskogo-doreformennogo-kupechestva-podhody-k-vospitaniyu-i-obrazovaniyu> (дата обращения: 27.01.2026).
- 7.Гончаров Ю.М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX в.). – Новосибирск, 2004.
- 8.Авдеева Е.А. Записки и замечания о Сибири [Электронный ресурс]: с прил. стар. рус. песен / соч. ...ы ...ой; [предисл. изд. К.П.]. – Москва, 1837 (2016). – С. 156.
- 9.Глаголева О.Е. Русская провинциальная старина. Очерки культуры и быта Тульской губернии XVIII – первой пол. XIX в. – Тула, 1993.
- 10.Хрестоматия по истории Тамбовского края «И пыль веков от хартии отряхнув...» / Тамбовский государственный педагогический институт и др.; подгот. Ю.А. Мизис и др. – Тамбов: ТГПИ, 1993.
- 11.Шмелев И.С. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 4. Богомолье: Романы. Рассказы. – М.: Русская книга, 1998.
- 12.Помещичий произвол в Тамбовской губернии в середине XIX в. / Хрестоматия по истории Тамбовского края «И пыль веков от хартии отряхнув...» / Тамбовский государственный педагогический институт и др.; подгот. Ю.А. Мизис и др. – Тамбов: ТГПИ, 1993. – С. 88.
- 13.Состояние фабрик и заводов в Тамбовской губернии в 1828 г. / Хрестоматия по истории Тамбовского края «И пыль веков от хартии отряхнув...» / Тамбовский государственный педагогический институт и др.; подгот. Ю.А. Мизис и др. – Тамбов: ТГПИ, 1993. – С. 86.
- 14.О пожертвованиях на военные потребности в Тамбовской губернии в 1812 г. / Хрестоматия по истории Тамбовского края «И пыль веков от хартии отряхнув...» / Тамбовский государственный педагогический институт и др.; подгот. Ю.А. Мизис и др. – Тамбов: ТГПИ, 1993. – С. 92.
- 15.Открытие первого театра в Тамбове / Хрестоматия по истории Тамбовского края «И пыль веков от хартии отряхнув...» / Тамбовский государственный педагогический институт и др.; подгот. Ю.А. Мизис и др. – Тамбов: ТГПИ, 1993. – С. 103.

ДЕТИ И ПОДРОСТКИ КАК ОБЪЕКТ И СУБЪЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В ЛИТВЕ (1940–1941 гг.)

Беськаева Валерия Александровна, студентка

Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева, Саранск, Россия
beskaevavaleria@gmail.com

Захарова Екатерина Александровна, студентка

Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева, Саранск, Россия
ekaterinazaharova068@gmail.com

Научный руководитель: Мирошкин Владимир Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент

Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева, Саранск, Россия
miroshkinv@yandex.ru

Аннотация. Исследование актуально в контексте изучения механизмов идеологического воздействия на молодежь в период геополитических трансформаций. Его научная новизна заключается в комплексном анализе детей и подростков как объекта и активных субъектов политической борьбы в Литве 1940–1941 гг. на основе архивных документов НКВД и подпольных организаций. Основное положение работы состоит в том, что, вопреки усилиям советской власти, националистическое подполье и институты (церковь, семья) мобилизовали молодежь, формируя не только антисоветские, но и антисемитские установки. Результаты показывают, что молодое поколение стало ключевым участником противостояния, а его вовлеченность предопределила активную роль части литовской молодежи в событиях июня 1941 года, включая преступления Холокоста.

Ключевые слова: Литовские дети и подростки, идеологическая борьба, советизация, Фронт литовских активистов (ЛИАФ), антисоветское сопротивление, католическая церковь, политизация молодежи, Холокост, 1940-1941 годы, «война за молодежь»

1940–1941 год в истории Литвы был отмечен не только масштабным столкновением геополитических интересов, но и ожесточенной борьбой за умы и лояльность населения. Особое место в этой борьбе занимало молодое поколение – дети и подростки, которые стали как объектом целенаправленного воздействия со стороны различных политических сил, так и активными субъектами, вовлеченными в политическое противостояние.

Цель данной статьи проанализировать роль литовских детей и подростков в 1940–1941 гг. как объекта идеологического воздействия и активных участников политической борьбы между Советской властью и антисоветскими силами. Исследование направлено на реконструкцию механизмов, форм и последствий вовлечения молодого поколения в идеологическое противостояние, а также на выявление факторов, определявших их политический выбор.

Источниковую базу работы составили преимущественно архивные документы, представленные в сборнике «Накануне Холокоста: Фронт литовских активистов и советские репрессии в Литве, 1940 – 1941 гг.» – донесения и спецсообщения НКВД, отражающие контроль за настроениями молодежи и деятельностью антисоветских групп, программные материалы и листовки Фронта литовских активистов (ЛИАФ), содержащие призывы к национальной борьбе, антисоветской и антиеврейской пропаганде, документы о деятельности подпольных организаций, а также другие исторические источники, на основе которых реконструируется картина «войны за молодежь».

С приходом Советской власти в Литве была развернута масштабная кампания по советизации образования и воспитания. В школы внедрялись новые учебные программы, создавались пионерские и комсомольские организации. Однако эта политика сразу же натолкнулась на сильное организованное сопротивление, центром которого стала католическая церковь. После законодательного отделения церкви от государства и запрета преподавания религии в школах, духовенство, следуя указанию епископа Бризгиса, оперативно перенесло

уроки «закона божьего» в костелы и на частные квартиры ксендзов. Как свидетельствует спецсообщение НКВД от 18 декабря 1940 г., это не было простым религиозным образованием. На этих занятиях «ксендзы замаскировано, а иногда и открыто проповедуют и воспитывают учащуюся молодежь в национально-повстанческом духе, стараясь создать у молодежи враждебное отношение к Советской власти» [1, с. 68].

Контролирующие органы фиксировали конкретные случаи идеологического противодействия. Так, под влиянием ксендза Жилвиса в каунасской школе № 15 ученики массово выходили из пионерской организации, мотивируя это настороженным ожиданием: «Мы не знаем, какая еще власть будет, хотим остаться беспартийными, были при Сметоне беспартийными, хотим остаться и теперь» [1, с. 68]. Этот пример ярко демонстрирует, как через религиозную идентичность формировалась политическая сдержанность, отказ от лояльности новому режиму и расчет на его скорую смену.

В Вильнюсе практика идеологического противодействия католического духовенства советской системе образования носила более систематизированный характер: ксендзы закрепили за определенными костелами ближайшие школы, создавая сеть подпольного религиозно-политического обучения. Сотрудники НКВД с тревогой констатировали, что эта «вражеская работа» находит благодатную почву из-за слабой и неэффективной политико-массовой работы в самих учебных заведениях со стороны официальных молодежных структур – комсомола и профсоюзов.

Параллельно, через подпольные каналы и агитацию, на сознание молодежи активно влиял Фронт литовских активистов (ЛАФ). Его программа прямо провозглашала целью воспитание «физически и духовно сильных литовских личностей» в духе национализма, христианской морали и готовности к борьбе [1, с. 73]. Антисоветская агитация ЛАФ, распространявшаяся преимущественно в виде листовок, была напрямую ориентирована на молодежную аудиторию. Листовки, расклеенные накануне выборов в Верховный Совет СССР в январе 1941 г., призывали «литовцев» к бойкоту выборов, к объединению в «антибольшевистский и антиеврейский фронт» [1, с. 85].

Их язык был откровенно агрессивен и националистичен. Например, в одной из листовок утверждалось: «Чернобородые [евреи] накопили свои богатства лишь благодаря эксплуатации литовцев. И опять они хотят властвовать над вами. Не позволяйте иудам-жидам себя обеспечить! Долой жидовскую власть!» [1, с. 78]. Такие тексты не просто призывали к бойкоту, а целенаправленно воспитывали ненависть, готовя почву для будущего насилия, которое действительно развернется летом 1941 г.

Эта установка на «воспитание» ненависти была не случайной. В инструкции ЛАФ «Указания по освобождению Литвы», прямо ставилась задача: «создать в стране такую тяжелую атмосферу против евреев, чтобы ни один еврей не мог осмелиться допустить и мысли, что в новой Литве он сможет еще иметь какие-либо права и вообще возможность жить. Цель – заставить всех евреев бежать из Литвы» [1, с. 19]. Таким образом, молодежь, читавшая листовки и вовлекавшаяся в подполье, целенаправленно готовилась к роли не просто борцов за независимость, а исполнителей этнических чисток.

Помимо институтов церкви и подполья, важным оплотом антисоветских настроений была семья. Даже если дети формально состояли в пионерах, домашняя атмосфера, разговоры родителей, семейные традиции и религиозные ритуалы часто формировали противоположные установки. Спецсообщения НКВД фиксировали, что антисоветские листовки и слухи активно обсуждались в домашнем кругу [1, с. 42]. Семья становилась главным инструментом, транслировались недоверие к новой власти, тоска по независимости и националистические идеалы, что в конечном итоге подрывало все усилия официальной советской педагогики.

Таким образом, молодые люди в Литве попали в центр острого столкновения двух мировоззрений. Каждая сторона стремилась переделать их сознание по-своему.

С одной стороны, Советская власть пыталась воспитать из них новых людей. Для этого создавались новые организации – пионерия и комсомол, менялись школьные программы. Целью было привить верность советскому строю, идеям интернационализма и коммунизма.

С другой стороны, им противостояли силы, опиравшиеся на традиции. Католическая церковь и националистическое подполье через костелы, семью и нелегальные листовки предлагали молодежи иную модель. Они делали ставку на национальную гордость, веру и

борьбу за независимость Литвы. Их пропаганда рисовала четкий образ врага – советскую власть и евреев, обещая освобождение.

Молодежь, однако, не оставалась пассивным объектом этого воздействия. Подростки и студенты активно включались в политическую борьбу, часто на стороне антисоветских сил. Студенчество стало одной из самых заметных групп сопротивления. Во время официальных мероприятий, как, например, празднования годовщины Октябрьской революции в ноябре 1940 г., студенческие колонны демонстративно игнорировали приветствия с трибуны, шли без лозунгов, выражая тем самым молчаливый, но массовый протест. Особо отмечалось поведение студентов Каунасского высшего технического училища, преимущественно выходцев из семей «бывших людей» [1, с. 44].

К практической подпольной деятельности активно привлекались и школьники. Докладная записка начальника Биржайского уездного отдела НКВД от 29 января 1941 г. описывает, как в местечке Папелю была вскрыта группа из семи учеников 12–13 лет, систематически писавших и распространявших антисоветские листовки. Примечательно, что вдохновителем был сын бедняка, получившего землю от Советской власти, что указывает на доминирование националистических, а не социальных мотивов. В этом случае органы НКВД применили профилактическую меру: дело не заводи́ли, а ограничились вызовом родителей и учителей, после чего активность группы прекратилась [1, с. 95].

Ученики старших классов вовлекались в серьезную подпольную работу. Польская националистическая организация «Белый Орел» в Вильнюсе имела «довольно распространенное влияние среди учащейся молодежи» [1, с. 48]. Члены литовского националистического подполья, связанного с ЛАФ, такие как молодые служащие типографии «Жайбос», непосредственно участвовали в печати и распространении нелегальной газеты «Лайсвой Лиетува», призывавшей к вооруженной борьбе [1, с. 87].

Таким образом, в 1940–1941 гг. дети и подростки в Литве оказались в эпицентре острого идеологического противостояния. С одной стороны, Советская власть пыталась через школу, пионерию и комсомол сформировать нового, «советского человека». С другой – традиционные институты и националистическое подполье использовали свои сети для воспитания молодежи в духе сопротивления и националистических ценностей. Молодежь, в свою очередь, проявляла активную субъектность: от демонстративного игнорирования советских символов и моделей поведения студентами до непосредственного участия школьников и молодых рабочих в подпольной агитации.

Важно отметить, что реакция молодежи не была единой и во многом зависела от социального происхождения. Дети рабочих, беднейших крестьян или советских служащих чаще вовлекались в пионерскую деятельность, видя в новой власти социальный лифт. Напротив, дети «бывших» – чиновников, офицеров, зажиточных крестьян, интеллигенции и духовенства – составляли костяк сопротивления. Для них советизация означала потерю статуса, привычного уклада и ценностей.

Трагическая развязка лета 1941 г. показала результаты этой борьбы: часть молодежи, воспитанная в духе национализма, активно включилась в деятельность ЛАФ, участвуя не только в «июньском восстании», но и в преступлениях Холокоста. История «войны за молодежь» в Литве является наглядным примером того, как в условиях острого политического кризиса молодое поколение становится главным трофеем идеологических противников, а его мировоззрение и вовлеченность определяют характер и жестокость грядущих событий [2, с. 150].

Список литературы

1. Накануне Холокоста: Фронт литовских активистов и советские репрессии в Литве, 1940–1941 гг.: сборник документов / составитель А. Р. Дюков. – Москва: Фонд «Историческая память», 2012. – 534 с.

2. XXI век: актуальные проблемы исторической науки : материалы Международной научной конференции «XXI век: актуальные проблемы исторической науки», посвященной 70-летию исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, 15–16 апреля 2004 г. / ответственный редактор В. Н. Сидорцов. – Минск: БГУ, 2004. – С. 149–152.

НЕГАТИВНЫЕ СТОРОНЫ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ В АНГЛИИ XVIII–XIX вв.

Гамидов Даниил Евгеньевич, студент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

danya_gamidov@mail.ru

Научный руководитель: Рябов Юрий Владимирович, кандидат исторических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

i@yvryabov.ru

Аннотация. Статья посвящена негативным социальным последствиям промышленной революции в Англии XVIII–XIX веков. Рассматриваются социально-антропологические аспекты индустриализации: условия труда и быта рабочих, жилищный кризис, социальное расслоение и зарождение рабочего движения. Делается вывод о неоднозначности технического прогресса.

Ключевые слова: всемирная история, Англия, промышленная революция, рабочий класс, социальное расслоение, урбанизация, эксплуатация труда, жилищный кризис

Промышленная революция в Англии стала переломным моментом в истории человечества, заложив основы современного мира. Однако ее «негативные стороны» – социальное расслоение, урбанистические кризисы, эксплуатация труда и экологические последствия – не остались в далеком прошлом. Изучение этих теневых аспектов позволяет лучше понять природу современных глобальных проблем (от неравенства до климатического кризиса) и предостеречь общество от повторения ошибок в эпоху новой, цифровой индустриализации и Четвертой промышленной революции.

Во второй половине XVIII – XIX вв. были заложены основы индустриального общества, формировались новые экономические отношения и происходило стремительное развитие техники и технологий. Но при этом за впечатляющими достижениями в области промышленного производства, ростом городов и увеличением объемов выпускаемой продукции скрывались глубокие социальные проблемы, затронувшие судьбы миллионов людей. История уделяет больше внимание экономическим достижениям промышленного переворота, его роли в становлении в экономике и техническом прогрессе. Однако не менее важен аспект изучения обратной стороны этого процесса – негативных последствий, которые выпали на долю простых людей: крестьян, потерявших землю и вынужденных переселяться в города, рабочих, столкнувшихся с жестокой эксплуатацией, женщин и детей, оказавшихся наиболее уязвимыми в новой системе производства.

Рассмотрим основные процессы, происходившие в Англии в период промышленной революции и последствия, которые они за собой повлекли.

Промышленная революция в Англии привела к кардинальной трансформации социальной структуры. Концентрация капитала в руках владельцев фабрик и банкиров сопровождалась экспроприацией крестьянства в ходе «огораживаний», что создало многочисленный класс наемных рабочих, лишенных средств производства [1; 3]. Этот процесс вызвал резкую поляризацию общества: на одном полюсе сосредоточились огромные состояния буржуазии, на другом – масса пролетариев, чья жизнь характеризовалась крайней нестабильностью. Историк Э. Хобсбаум точно определил это состояние словом «нестабильность»: рабочие не знали, сколько заработают в конце недели, как долго сохранится работа и что будет с ними в случае болезни или старости [2]. Налоговая система того времени не смягчала, а скорее усугубляла неравенство, не способствуя справедливому перераспределению доходов [3]. Особенно тяжелым положение становилось в неурожайные

годы, когда цены на продукты питания резко росли, обрекая низшие слои населения на голод.

Также промышленная революция привела к ужесточению условий труда. Условия труда на первых фабриках были исключительно тяжелыми. Рабочий день длился 12–13 часов (а часто и больше), не считая коротких перерывов на еду, широко практиковались ночные смены и работа по воскресеньям [2]. Особенно уязвимыми оказались женщины и дети. Оплата женского труда была значительно ниже мужского: например, в почтово-телеграфном ведомстве женщины получали почти втрое меньше коллег-мужчин [2]. Детский труд стал массовым явлением; дети работали в душных, пыльных цехах наравне со взрослыми, что подрывало их здоровье [4; 4]. Лишь под давлением общественности и благодаря борьбе самих рабочих парламент начал принимать первые фабричные законы. В 1833 г. был принят «Акт, регулирующий труд детей и подростков на фабриках», запретивший ночную работу лицам младше 18 лет и ограничивший их рабочий день 12 часами [4]. Закон 1847 г. ввел 10-часовой рабочий день для женщин и подростков. Эти акты стали важной вехой в формировании фабричного законодательства, но до их принятия эксплуатация труда достигала чудовищных масштабов.

Бурный рост городов, вызванный миграцией сельского населения в поисках работы, обернулся жилищным кризисом. Население Манчестера за столетие увеличилось в 10 раз, а Лондона к концу XIX века достигло 4,7 млн человек. Города оказались не готовы к такому наплыву людей. Рабочие ютились в перенаселенных, сырых и грязных трущобах. В описаниях середины XIX в. Манчестер предстает как город с узкими немощеными улицами, атмосферой, пропитанной дымом и фабричными испарениями. Жилища были лишены элементарных удобств: «помещения грязны, неуютны, не проветриваются, сыры», в подвалах без стоков проживали десятки тысяч людей. Переполненность квартир была колоссальной: более 11% населения Англии и Уэльса в 1893 г. жили в условиях, когда на одну комнату приходилось более двух человек; широко практиковалась сдача углов и коек на ночь [2].

Скопление людей, отсутствие канализации и чистой воды приводили к антисанитарии и распространению инфекционных заболеваний. Работа на фабриках в душных, пыльных помещениях провоцировала профессиональные болезни. Описания жизни рабочих в Манчестере 1851 г. рисуют картину крайней нищеты и скудного питания: жидкий чай с хлебом на завтрак и вареный картофель на обед у низкооплачиваемых слоев [2]. Неурожайные годы и рост цен на сельскохозяйственную продукцию во второй половине XVIII века усугубляли положение, толкая бедноту к голодной смерти [3]. Хотя в долгосрочной перспективе развитие медицины и санитарии привело к улучшениям, на пике индустриализации условия жизни рабочих способствовали высокой смертности.

Возмущение своим положением выливалось в стихийные бунты и восстания [3]. Однако постепенно недовольство стало принимать организованные формы. Более квалифицированные и осознающие свою значимость рабочие, особенно в старых отраслях (например, суконщики), начали объединяться в тред-юнионы – прообразы современных профсоюзов – для защиты своих прав и борьбы за улучшение условий труда и повышение заработной платы [3; 1]. В то же время в среде рабочих возникло внутреннее расслоение. Выделилась так называемая «рабочая аристократия» – высококвалифицированные мастера, механики, надсмотрщики. Они составляли около 15–25% рабочего класса, получали значительно больше (до 45 шиллингов в неделю), жили в отдельных коттеджах и по своему менталитету были ближе к среднему классу. Эта группа часто противопоставляла себя основной массе рабочих, что порождало внутренние конфликты и мешало единству пролетариата в борьбе за свои права [2].

Несомненно, промышленная революция опиралась на блестящие технические изобретения: прялку «Дженни», паровой двигатель Уатта, пудлингование в металлургии, строительство железных дорог. Эти новшества обеспечили беспрецедентный рост производительности труда и экономической мощи страны. Добыча угля и выплавка чугуна

выросли в десятки раз, Англия стала «фабрикой мира» [1; 5]. Однако достижения техники имели и обратную сторону: они обесценивали труд ремесленников, вели к массовой безработице и усиливали зависимость рабочего от машины [1; 4]. Внедрение паровых машин и механических станков не только повышало интенсивность труда, но и делало его более монотонным и опасным.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы. Промышленная революция в Англии XVIII–XIX вв., ставшая эпохой беспрецедентного технического прогресса и экономического роста, имела глубокие и неоднозначные социальные последствия. Проведенный анализ позволяет утверждать, что оборотной стороной индустриализации стали тяжелейшие социальные издержки для широких слоев населения.

Во-первых, трансформация аграрного общества в индустриальное сопровождалась резкой поляризацией доходов и имущества, что привело к формированию массового пролетариата, лишенного средств производства и жившего в условиях крайней нестабильности. Во-вторых, условия труда на первых фабриках характеризовались чрезмерной продолжительностью рабочего дня, широким применением женского и детского труда, а также отсутствием техники безопасности, что подрывало физическое и нравственное здоровье нации. В-третьих, стремительная урбанизация породила жилищный кризис: перенаселенность, антисанитария и отсутствие элементарных удобств в рабочих кварталах стали причиной распространения болезней и высокой смертности.

В ответ на усиление эксплуатации зародилось рабочее движение, которое, пройдя путь от стихийных бунтов до создания профсоюзов, смогло добиться от государства первых фабричных законов, ограничивающих продолжительность труда. Таким образом, технические достижения промышленной революции (паровые машины, механические станки, рост городов) имели свою теневую сторону, обесценивая труд ремесленников и усиливая зависимость человека от машины. Социальные проблемы, порожденные индустриализацией, не только стали тяжелым испытанием для современников, но и потребовали государственного вмешательства, заложив основы трудового законодательства и социальной политики в будущем.

Изучение этого исторического опыта сохраняет актуальность и сегодня, предостерегая от повторения ошибок в эпоху новых технологических переходов.

Список литературы

- 1.Ежов, А. Н. Промышленная революция в Англии: причины и результаты / А. Н. Ежов, Н. А. Гончарова, Г. В. Крестина // Наука и Образование. – 2021. – Т. 4, № 3.
- 2.Чикалова, И. Р. Английский город в эпоху промышленной революции: историко-антропологический аспект / И. Р. Чикалова // Актуальные вопросы антропологии. – 2019. – № 14. – С. 165-183.
- 3.Петрунина, Ж. В. Влияние промышленной революции нового времени на социальные изменения (на примере Англии) / Ж. В. Петрунина, Р. А. Громов // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – 2020. – № 8(48). – С. 83-87.
- 4.Аверина, И. С. Эволюция феномена "промышленная революция": предпосылки и факторы / И. С. Аверина // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. – 2020. – Т. 22, № 4. – С. 18-25.
- 5.Шипилов, А. В. Уголь, печи и дрова: об одном факторе промышленной революции / А. В. Шипилов // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2025. – № 3(308). – С. 118-127.

ХАБАРОВСКИЙ ПРОЦЕСС 1949 г.: ПРОБЛЕМА СУДЕБНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ЗА ПРИМЕНЕНИЕ БАКТЕРИОЛОГИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Дмитриенко Александр Александрович, студент

Ставропольский государственный педагогический институт, Ставрополь, Россия

dmitrienko0709@gmail.com

Научный руководитель: Ануфриенко Ирина Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент

Ставропольский государственный педагогический институт, Ставрополь, Россия

anupr2014@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются исторические предпосылки проведения судебного разбирательства, особенности его процессуального оформления, источниковедческий потенциал материалов дела. Акцент делается на международно-правовом измерении рассматриваемого судебного процесса, включая его воздействие на эволюцию норм, закрепляющих уголовную ответственность за разработку и применение бактериологического оружия. Обращение к архивным документам и научным публикациям позволило определить место и роль Хабаровского процесса в становлении институциональных основ международного уголовного права и раскрыть его значение для формирования послевоенной судебной практики.

Ключевые слова: Хабаровский процесс; военные преступления; бактериологическое оружие; международное уголовное право; судебное преследование; послевоенные трибуналы; источниковедение

Хабаровский процесс 1949 г. следует рассматривать как специфическое и во многом недооцененное явление в системе послевоенной юстиции. Несмотря на меньшую известность по сравнению с Нюрнбергским и Токийским процессами, он занимает важное место в формировании международно-правовой практики привлечения к ответственности за применение бактериологического оружия. Судебное преследование японских военных преступников, разработавших бактериологическое оружие, стало не только реакцией на военные преступления Японской империи, но и важным этапом институционализации принципов международного уголовного права [1; 2].

Применение бактериологического оружия японской армией в ходе Второй мировой войны привело к многочисленным жертвам среди мирного населения и военных сил. В период с 1932 по 1945 гг. японская военная программа включала систематические эксперименты с бактериями, вирусами и токсинами на территории Китая, Кореи и на островах Тихого океана [3]. После капитуляции Японии международное сообщество столкнулось с необходимостью правового осуждения этих действий. Хабаровский процесс стал одной из форм реакции Советского Союза на военные преступления Японии и наращивание международной практики привлечения к ответственности за преступления, связанные с использованием биологического оружия [4].

Важной предпосылкой проведения процесса явились нормы Женевского протокола 1925 г., запрещавшего использование бактериологического и химического оружия, а также международная правовая традиция, закрепившая ответственность за военные преступления против человечности [3].

Рассматриваемый процесс проходил в городе Хабаровске с марта по апрель 1949 г. В ходе судебного разбирательства были рассмотрены дела 12 японских военных, обвиняемых в организации и проведении бактериологических экспериментов над военнопленными и гражданскими лицами [2]. Судебный процесс отличался высокой степенью документальной фиксации доказательств: протоколы допросов, медицинские заключения, вещественные

доказательства, свидетельские показания, особое значение имели медицинские эксперты, которые подтверждали факт применения бактериологического оружия и масштабы причиненного вреда [4].

Хабаровский процесс включал несколько стадий: сбор доказательств и обвинительных материалов, презентацию обвинения и защиту подсудимых, допрос свидетелей и экспертов, вынесение приговора и оглашение мотивировочной части. Организация процесса отражала принципы советской судебной системы, но при этом учитывала международный контекст и необходимость демонстрации справедливого суда для мирового сообщества [5].

Основной проблемой Хабаровского процесса являлось определение юридической квалификации преступлений, связанных с применением бактериологического оружия. В ходе суда рассматривались действия подсудимых как военные преступления против военнопленных, преступления против человечности в отношении гражданских лиц, а также нарушение международных договоров о ведении войны [5]. Международно-правовой аспект процесса заключался в том, что к моменту проведения суда не существовало детализированной международной конвенции, охватывающей биологическое оружие. В этом смысле Хабаровский процесс стал прецедентным, поскольку впервые судебная практика официально признала применение бактериологического оружия военным преступлением [6]. Судебная коллегия установила прямую связь между действиями подсудимых и многочисленными жертвами среди населения и военных, что позволило квалифицировать преступления как умышленные, систематические и направленные на массовое уничтожение [7].

Документы Хабаровского процесса являются ценным источником для историков, юристов и специалистов в области международного права. В коллекции Президентской библиотеки и цифровых архивах представлены протоколы допросов и обвинений, материалы медицинской экспертизы, фотографии и схемы лабораторных установок, пресс-релизы и публикации в советских и зарубежных СМИ [8]. Анализ этих источников позволяет установить не только фактические обстоятельства преступлений, но и подходы к судебной квалификации, структуру доказательной базы и методы работы международных экспертов. Источниковедческая ценность материала также заключается в возможности сопоставления Хабаровского процесса с Нюрнбергским и Токийским трибуналами, выявления особенностей судебного разбирательства на территории СССР и отражения историко-политического контекста [5].

Хабаровский процесс 1949 г. стал важным этапом формирования международной практики уголовного преследования за преступления, связанные с биологическим оружием. Основные достижения процесса заключаются в подтверждении принципа индивидуальной уголовной ответственности за военные преступления, формировании прецедента квалификации применения бактериологического оружия как военного преступления, влиянии на разработку международных конвенций по запрещению биологического и бактериологического оружия, а также развитию методов судебного следствия и экспертизы при расследовании массовых преступлений [4].

Процесс убедительно засвидетельствовал, что даже при отсутствии развернутой системы специализированных международных договоров судебная практика способна выполнять норматив образующую функцию, формируя правовые подходы, которые впоследствии приобретают характер общепризнанных стандартов международного сообщества [3]. Тем самым была продемонстрирована динамическая природа международного права, в рамках которой судебные решения становятся важным элементом кодификационного и прецедентного развития соответствующих норм.

Хабаровский процесс 1949 г. обоснованно рассматривается как значимое явление в эволюции международно-правовых механизмов привлечения к ответственности за военные преступления. Несмотря на то что в историографии и правовой науке он традиционно находится в тени Нюрнбергский процесс и Токийский процесс, его вклад в формирование принципа индивидуальной уголовной ответственности за разработку и применение

бактериологического оружия представляется существенным и концептуально значимым. Судебное разбирательство продемонстрировало возможность национального суда действовать в логике универсальных правовых начал, ориентированных на защиту человечества от наиболее опасных форм вооруженного насилия.

Правовой и исторический анализ материалов дела позволяет выявить их многоаспектную ценность: с одной стороны, они раскрывают специфику квалификации преступлений, связанных с нарушением законов и обычаев войны, с другой – обладают значительным источниковедческим потенциалом. Документы следствия и судебного разбирательства, ныне представленные в цифровых архивах и отраженные в научных публикациях, создают эмпирическую базу для комплексного исследования, как институциональных механизмов послевоенной юстиции, так и эволюции международного уголовного права в целом. В совокупности это обеспечивает теоретическую и методологическую основу для дальнейшего углубленного изучения рассматриваемой проблематики в контексте становления системы международной уголовной ответственности.

Хабаровский процесс подтверждает, что судебная практика является важным инструментом формирования международно-правовых норм и их эволюции в послевоенный период.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ): официальный сайт. – URL: <https://statearchive.ru> (дата обращения: 10.01.2026).

2. Григорьев, А. В. Хабаровский процесс 1949 г.: криминально-правовая характеристика и исторический контекст / А. В. Григорьев // Журнал Российского криминологического общества. – 2021. – Т. 9, № 4. – С. 45–62. – URL: <https://journals.rcsi.science/0130-3864/article/view/255790> (дата обращения: 19.02.2026).

3. Женевский протокол о запрещении применения в войнах удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств (Женева, 17 июня 1925 г.). – URL: <https://legal.un.org/avl/ha/ppbw/ppbw.html> (дата обращения: 25.01.2026).

4. Иванова, Е. П. Правовой анализ международного преследования за применение бактериологического оружия: Хабаровский процесс 1949 г. / Е. П. Иванова // Юридическая наука и практика. – 2020. – № 2. – С. 12–28. – URL: https://agprf.org/userfiles/ufiles/ob%20akademii/DYuI/UMM/UMM_02.pdf (дата обращения: 23.01.2026).

5. Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (Лондон, Москва, Вашингтон, 10 апреля 1972 г.). – URL: <https://www.un.org/disarmament/biological-weapons/> (дата обращения: 19.02.2026).

6. Павлов, В. Ю. Международные судебные процессы над преступниками Второй мировой войны (Нюрнберг, Токио, Хабаровск): сравнительный аспект / В. Ю. Павлов // История международных отношений. – 2019. – № 3. – С. 97–115. – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/118/045.htm> (дата обращения: 19.02.2026).

7. Российская газета. В 1949 г. прошел суд над японскими военными, разрабатывавшими бактериологическое оружие. – 2022. – 22 марта. – URL: <https://rg.ru/2022/03/22/v-1949-godu-proshel-sud-nad-iaponskimi-voennymi-razrabatyvavshimi-bakteriologicheskoe-oruzhie.html> (дата обращения: 19.01.2026).

8. Федеральное архивное агентство. Интернет-проект «Хабаровский процесс (1949)». – URL: <https://www.prilib.ru/events/1332211> (дата обращения: 18.02.2026).

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА ЕНИСЕЙСКИХ КАЗАКОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Дубинский Андрей Борисович, студент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

dubinskijandrej524@mail.ru

Научный руководитель: Селезнев Андрей Валерьевич, кандидат исторических наук

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

seleznev.andrey.val@xmail.ru

Аннотация. В статье анализируется трансформация порядка и условий государственной службы енисейского казачества во второй половине XIX века. На основе нормативно-правовых актов и ведомственных отчетов выявлена противоречивость реформ 1851 и 1871 гг., изменявших правовой статус, штатную численность и функциональные обязанности казаков Енисейской губернии.

Ключевые слова: енисейские казаки, иррегулярные войска, государственная служба, воинская и полицейская служба, Енисейский казачий полк, Красноярская казачья сотня

Актуальность исследования обусловлена интересом исторической науки к региональным социальным группам. Эти группы играли ключевую роль в управлении восточными территориями Российской империи. Реформы енисейского казачества 1851 и 1871 гг. существенно изменили условия несения службы. Изучение служебной деятельности казаков позволяет понять механизмы интеграции иррегулярных формирований в общеимперскую систему управления обширных восточных территорий. Этот процесс проходил в эпоху масштабных реформ и социально-экономических трансформаций.

Данный опыт имеет не только историческое, но и практическое значение. Он важен для понимания моделей государственного управления в полиэтничных и протяженных регионах.

Различные аспекты службы казаков рассматривались в трудах Е.А. Кореевой [1], О.А. Матвеевой [2], И.А. Коновалова [3], А.Е. Богуцкого [4], В.Г. Дацышина [5], Г.И. Романова [6], А.В. Селезнева [7]. Однако вопросы регламентации государственной службы именно енисейского казачества изучены фрагментарно.

Судьбу енисейского казачества во второй половине XIX в. определили реформы 1851 и 1871 гг.

В 1851 г. из Енисейского городского полка и станичных казаков сформирован Енисейский казачий конный полк (6 сотен). К казачьему сословию приписаны крестьяне и отставные солдаты. Полк объединен с Иркутским в одну бригаду.

В 1871 г. полк расформирован, большинство казаков переведены в государственные крестьяне [8]. Для сохранения военного потенциала создана Красноярская казачья сотня (позже дивизион).

Реформы изменили сословный статус, условия и порядок службы.

По Уставу 1822 г. полковые казаки несли службу с казенным довольствием в отдаленных местах, станичные – без довольствия по месту жительства, исполняя внутренние повинности [9, с. 532].

В 1851 г. категории полковых и станичных казаков ликвидированы, установлены единые правила службы. В Енисейский конный полк зачислены казаки городского полка, станичники Саянской и Абаканской станиц, государственные крестьяне, отставные и бессрочноотпускные нижние чины из семи деревень Красноярского и одной деревни Ачинского округов [10, с. 9; 4, с. 2, 5]. Число сотен выросло с пяти до шести, штат – до 861 чел. (на 290 чел. больше прежнего) [11, с. 5; 2, с. 199].

Если по Уставу 1822 г. казаки подчинялись гражданскому губернатору и несли исключительно полицейскую службу [9, с. 533], то в 1851 г. они переведены в ведение Военного министерства. Сроки и порядок службы унифицированы с армейскими, но карьерный рост ограничен: командир полка и сотенные командиры назначались из регулярных офицеров; из казачьего сословия могли назначаться лишь хорунжии [10, с. 9].

Казаки подчинялись Управлению военных поселений и Командующему войсками в Восточной Сибири. Служба разделялась на внешнюю и внутреннюю.

К внешней службе относились: караулы, ночные разъезды, пикеты, ловля беглых, сопровождение арестантов, охрана соляных озер, конвоирование транспортов, пограничная служба [10, с. 10; 16, с. 96], иные обязанности. Служба отправлялась поочередно: год на действительной службе, год на льготе. Наряды утверждались командующим, преимущественно для охраны внутреннего порядка; направлялось не более половины нижних чинов.

Внешняя служба считалась командировкой, места выбирались близко к жительству казаков. Смена команд производилась ежегодно за месяц до окончания срока с осмотром на сборном пункте [10, с. 10].

Урядники и казаки на этапной службе подчинялись этапным начальникам, в гражданских ведомствах – соответствующему начальству [10, с. 11]. Таким образом, они находились в двойном подчинении.

Замена очереди запрещалась, кроме близких родственников (сын за отца, отец за сына, брат за брата). Внеочередная командировка назначалась как дисциплинарное наказание по приговору военного суда или решению командиров [10, с. 11].

Льготы отдельным казакам предоставлялись при: пожаре (один член семьи на год), наличии несовершеннолетних детей (на год), престарелых родителях (один сын), наряде всех братьев нераздельного семейства (старший брат). Станице – при пожарном разорении (на год) и переселении (на два года) [12, с. 18–19]. Порядок нарядов и очередников – по правилам Донского войска.

На внутренней службе (управление полком) состояло 98 чел. (из 861): в полковом управлении – 8 чел., в сотенных – 18, в станичных – 16, в полковой школе – 2 [11, с. 6]. Должности (кроме полкового и сотенных командиров) замещались казаками. Порядок службы регулировался правилами Донского войска.

В 1871 г. с преобразованием полка в Красноярскую казачью сотню штат сократился до 105 чел. [13, с. 266–267]. Введено правило экстренного призыва льготников с донесением императору; по его повелению – поголовный призыв всего мужского казачьего населения [14, с. 8]. Норма не применялась до 1900 г., когда временно (на несколько месяцев) были сформированы три дружины (343 чел.) из Минусинского уезда для охраны границы с Китаем от контрабандистов [15].

Реформа 1871 г. скорректировала служебные обязанности. По Положению 1871 г. казаки обязаны содействовать регулярным войскам. Служба осуществлялась по военному ведомству (в Красноярской сотне) и в гражданских ведомствах. В сотне казаки несли службу при Окружном штабе, рассыльными, в командировках, конвоях, пикетах. В посторонних ведомствах – в таможне, на золотых промыслах (караулы и полиция), в земской и городской полиции, почтовом ведомстве, а также наблюдали границу и содействовали Забайкальскому казачьему войску [14, с. 8].

Казаки подчинялись Главному управлению иррегулярных войск, начальнику местных войск и губернским воинским начальникам. Непосредственное управление сотней – сотенному командиру; командами в посторонних ведомствах – особым штатным офицерам [14, с. 8].

Штат сотни: 6 обер-офицеров (командир, его помощник, 4 офицера для заведования командами), 89 строевых нижних чинов (8 урядников, трубач, 80 казаков), 10 нестроевых (4 писаря, 6 денщиков; при войсковом старшине – седьмой денщик) [13, с. 266–267].

В 1882 г. по Красноярской сотне служили 93 нижних чина. Распределение: ординарцы к губернатору и воинскому начальнику (2 казака), сопровождение арестантов (5 казаков), помощь полиции и охрана в Туруханске (5 урядников, 28 казаков), охрана золотых приисков (17 урядников, 185 казаков). Всего на действительной службе состояло 324 нижних чина [16]. Из них 61,6% охраняли частные золотые прииски, 28,4% – служили по военному ведомству, 10% – содействовали полиции.

Таким образом, во второй половине XIX в. енисейское казачество, формально подчиняясь военному ведомству, фактически выполняло полицейско-караульные функции в интересах частных лиц, полностью утратив, военные и пограничные функции XVII–XVIII вв.

Существенно изменились призывной возраст и сроки службы.

По Уставу 1822 г. казаки зачислялись в полк с 16 лет, к действительной службе привлекались с 17 лет. При превышении штата переводились в станичные казаки или другие полки. Служба была бессрочной («пока продолжать оную в силах»), отставка – по медицинскому заключению и личному осмотру губернатором [9, с. 537–538].

По Положению 1851 г. все мужское казачье население подлежало переписи. С 17 лет – «малолетки», исполнявшие станичные повинности до 19 лет. В 19 лет зачислялись в казаки, приводились к присяге и в течение года освобождались от повинностей для подготовки к службе. С 20 лет вступали в действительную службу по очереди. Малолетки, неспособные к полевой службе, направлялись во внутреннюю службу (писаря, учителя) [10, с. 16–17]. Дети офицеров поступали вольноопределяющимися с 19 лет (возможно ранее) [10, с. 17].

Установлены предельные сроки: для офицеров – 25 лет (из них в должностях не менее 6), для нижних чинов – 30 лет (25 полевой или по управлению, 5 внутренней). Отставка допускалась по выслуге, неспособности, болезни или увечью. Офицеры увольнялись только императором. Нижние чины – после освидетельствования и разрешения командующего, при улучшении здоровья обязаны вернуться. Досрочная отставка – при трех сыновьях, поступивших на службу. Срок службы подвергнутых телесным наказаниям увеличивался на два года [10, с. 18].

Положение 1871 г. снизило общий срок до 23 лет (15 полевой, 7 внутренней). Служба – поочередно: 1 год на действительной, не менее 2 лет на льготе [14, с. 8].

Малолетки с 19 лет включались в очередные списки по старшинству рождения. Старшинство между сверстниками определяли жребием. Отмечались неспособные к службе. Призыв – с 20 лет, с приведением к присяге. В 35 лет – перевод на внутреннюю службу, в 42 года – отставка по выслуге [14, с. 9]. При превышении числа казаков над вакансиями «лишние» переводились на льготу.

Отменен запрет на замену очереди (Положение 1851 г.). Казаки могли выходить на службу «охотниками» сверх очереди (если числились в служивом составе) или вторично (отставные 42–50 лет). Охотники включались в списки первыми. Штрафованные к службе вне очереди не допускались [14, с. 9–10].

Призываемые на год казаки проходили обучение на сборных пунктах [14, с. 10].

Казаки обязаны были иметь собственное обмундирование, вооружение (пехотные ружья со штыками, шашки), лошадей и конскую принадлежность. В зимнее время разрешалась теплая одежда под шинелью, в Туруханском крае – традиционная арктическая одежда (парки). Интендантство могло выдавать имущество в рассрочку на год из жалованья или казачьих капиталов. После упразднения полка в 1871 г. использование его капитала прекратилось.

Денежное, вещевое и поземельное довольствие определялось Положениями 1851 и 1871 гг.

Во второй половине XIX в. произошли существенные изменения в правовом положении енисейского казачества. Реформа 1851 г. увеличила численность казаков, расширила военные функции, упорядочила сроки службы. Реформа 1871 г., напротив, резко сократила штатную численность, и перевела казаков в разряд вспомогательной полицейско-

караульной силы, обслуживающей частные интересы. Выявлена противоречивость законодательства: при сокращении сроков службы и росте денежного содержания происходило сужение служебных функций и утрата традиционных военных задач.

Список литературы

1. Кореева, Н. А. Служба оренбургских и уральских казаков в Казанской губернии в XIX веке // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. – 2024. – № 3 (51). – С. 207–230. – DOI: 10.32516/2303-9922.2024.51.13. – URL: http://vestospu.ru/archive/2024/articles/51/13_51_2024.pdf (дата обращения 01.10.2025).
2. Матвеева, О. А. Донские казаки на службе российскому государству / О.А. Матвеева; науч. руков. Е.И. Мацагорова // Студенческий форум: научный журнал. – № 19(328). Часть 1. М., Изд. «МЦНО», 2025. – С. 5–9.
3. Коновалов, И. А. Служба сибирских казаков по охране правопорядка в дореволюционный период // Вестник ОмГУ. Серия. Право. – 2014. – №1 (38). – С. 19–26.
4. Богущий, А. Е. Енисейское казачество в конце XIX – начале XX вв.: опыт формирования и деятельности // Вестник ХГУ им. Н. Ф. Катанова. – 2013. – №6. – С. 61–68.
5. Дацышен, В. Г. Красноярские казаки в конце XIX – начале XX века. К проблеме сохранения идентичности и сословной замкнутости // Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность: материалы II Всероссийской научно-практической Интернет-конференции на сайте sib-subethnos.narod.ru. – Выпуск 2, Книга 1. – Красноярск, 2006. – С. 92–100.
6. Романов, Г. И. Казачье население Восточной Сибири (конец XIX – начало XX в.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Г. И. Романов. – Иркутск, 1996. – 174 с.
7. Селезнев, А.В. Изменение правового положения енисейского казачества в XVII – начале XX веков // Genesis: исторические исследования. – 2025. – № 4. – С. 12–51. – DOI: 10.25136/2409-868X.2025.4.73615 – EDN: TNESZN – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73615 (дата обращения 29.09.2025).
8. Высочайше утвержденное положение о преобразовании Иркутского и Енисейского конных казачьих полков (№49614, от 19 мая 1871) // Полное собрание законов Российской империи. – СПб : Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1830–1885. – Т. 46. Отделение 1-е: 1871. – От № 49098–49762. – 1874. – С. 586–591.
9. Высочайше утвержденный Устав о сибирских городских казаках: 22 июля (3 августа) 1822 г. // Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е]. – [СПб], 1830. – Т. 38. – № 29131. – С. 532–545
10. Высочайше утвержденное положение об Иркутском и Енисейском казачьих конных полках (№ 24796, 4 января 1851 г.) // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 2-е]. – СПб: Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1830–1885. – Т. 26. Отделение 1-е: 1851. – №24781–25593. – 1852. – С. 8–21.
11. К № 24796 от 4 января 1851 г. // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 2-е]. – СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1830–1885. – Т. 26. Отделение 2-е: 1851: Приложение: Штаты и табели. – 1852. – С. 3–8.
12. Положение о Сибирском линейном казачьем войске. – СПб.: в Тип. Департамента военных поселений, 1847. – [2], IV, 162 с.
13. К № 49769 от 2 июля 1871. Высочайше утвержденный 2 Июля 1871 года штат Иркутской и Красноярской казачьих сотен // Полное собрание законов Российской империи. – СПб : Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1830 –1885. – Т. 46. Отделение 3-е: 1871. – Приложения. – 1874. – С. 266–267.
14. Высочайше утвержденное положение о казаках Иркутской и Енисейской губерний от 2 июля 1871 г. (№ 49769) // Полное собрание законов Российской империи. – СПб: Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1830–1885. – Т. 46. Отделение 2-е: 1871. – От № 49763–50382 и дополнения. – 1874. – С. 8–12.
15. ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 263. Л. 67.
16. Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Ф. 31. Оп. 1 Д. 46. Л. 70, 70об, 71.

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ КАК РЕСУРС НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА

Евстратова Анастасия Максимовна, студентка

ИрГУПС, Красноярский институт железнодорожного транспорта, Красноярск, Россия
evstratovanastya05@mail.ru

Научный руководитель: Банкерова Елена Ивановна, преподаватель высшей категории
ИрГУПС, Красноярский институт железнодорожного транспорта, Красноярск, Россия
bankirovaelena@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется коллективная память о Великой Отечественной войне как ресурс национального единства народов России. Актуальность темы обусловлена поиском объединяющих оснований в условиях социальных трансформаций и пересмотра истории. Проанализирована уровневая структура памяти: семейно-родовой, локально-территориальный и общегосударственный уровни. Их взаимодействие превращает историю в лично значимое событие. Выявлены социально-психологические механизмы консолидации. Рассмотрены угрозы исторической памяти в информационном пространстве, включая стратегию «сравнительной виктимизации». Обоснованы условия формирования памяти как ресурса единства: достоверность, инклюзивность, ритуализация, межпоколенческая трансляция. Проанализированы возможности и риски цифровой трансформации памяти: создание баз данных открывает новые возможности, но несет угрозу утраты эмоциональной глубины.

Ключевые слова: коллективная память, Великая Отечественная война, национальное единство, историческая память, общероссийская идентичность, патриотизм, межпоколенческая трансляция, угрозы исторической памяти

В эпоху глобальных социальных трансформаций, пересмотра исторических нарративов и усиления геополитической напряженности проблема сохранения национального единства приобретает особую остроту. Для России как полиэтнического государства поиск объединяющих оснований является не только академической, но и практической задачей выживания и развития. В этой связи обращение к коллективной памяти о Великой Отечественной войне представляется не просто данью исторической традиции, но актуальным исследовательским запросом, направленным на выявление ресурсного потенциала прошлого в конструировании будущего.

Цель данной статьи – рассмотреть коллективную память о Великой Отечественной войне как социально-психологический феномен и ресурс национального единства народов России, а также выявить факторы, способствующие актуализации данного ресурса в современном обществе.

Понятие «коллективная память» было введено в научный оборот французским социологом М. Хальбваксом, который определял ее как социально обусловленную реконструкцию прошлого, осуществляемую группой в настоящем и служащую целям поддержания групповой идентичности [1, с. 112]. В отличие от истории как объективированного знания, коллективная память избирательна, эмоционально насыщена и выполняет функцию символического скрепления сообщества. Отечественный психолог С.Л. Рубинштейн подчеркивал, что «человек есть субъект жизни, и прошлое не является внешним по отношению к нему – оно включено в его настоящее и будущее» [2, с. 245].

Великая Отечественная война занимает уникальное место в структуре коллективной памяти народов России. Социологические исследования последних лет демонстрируют устойчивый консенсус: независимо от возраста, региона проживания, национальности и вероисповедания, россияне оценивают Победу 1945 г. как главное событие отечественной

истории XX века. Данный консенсус не является «памятью по умолчанию» – он формировался и поддерживался десятилетиями целенаправленной государственной политики, образовательными практиками, деятельностью ветеранских организаций, а в последние годы – массовыми общественными инициативами.

Специфика коллективной памяти о войне заключается в ее многослойности. Можно выделить как минимум три уровня функционирования этого феномена. Первый уровень – семейно-родовая память, хранящая истории конкретных людей, их подвигов, страданий и утрат. Второй уровень – локально-территориальная память, закреплённая в мемориалах, братских могилах, музеях боевой славы отдельных городов и регионов. Третий уровень – общегосударственная память, репрезентированная в официальных ритуалах, парадах, государственных праздниках и нормативных актах [3, с. 94]. Именно взаимодействие этих уровней создает эффект «объемного зрения»: война перестает быть абстрактной исторической хроникой, но предстает как лично значимое, эмоционально переживаемое событие.

Ресурсный потенциал коллективной памяти о войне для поддержания национального единства раскрывается через ряд социально-психологических механизмов.

Во-первых, это механизм символической солидаризации. Победа в Великой Отечественной войне является универсальным символом, значение которого разделяют представители всех этнических групп России. Исследования показывают, что среди россиян, идентифицирующих себя с различными национальностями, доля признающих значимость Дня Победы стабильно превышает 90. В ситуации, когда иные символические основания единства оказываются дискуссионными, память о войне сохраняет консолидирующий потенциал.

Во-вторых, механизм исторической преемственности. Коллективная память о войне выстраивает смысловую связь между поколениями. Участие в акции «Бессмертный полк», наследование семейных историй, поиск сведений о погибших родственниках – все это формирует у молодого поколения ощущение причастности к истории страны и ответственности за сохранение ее ценностей. Как отмечает Д.И. Фельдштейн, «в периоды социальных разломов именно память о героическом прошлом становится тем якорем, который удерживает общество от сползания в ценностный хаос» [4, с. 33].

В-третьих, механизм ценностной консолидации. Память о войне актуализирует такие базовые ценности, как патриотизм, взаимопомощь, самопожертвование, верность долгу. Примечательно, что данные ценности носят надэтнический характер – они объединяют людей независимо от их культурной принадлежности. В этом смысле коллективная память о войне формирует «ценностное ядро» общероссийской идентичности.

Вместе с тем коллективная память о войне не выполняет консолидирующую функцию автоматически. В современном информационном пространстве разворачивается острая борьба интерпретаций прошлого. Политолог В.Э. Багдасарян выделяет три основных типа угроз исторической памяти: фальсификация (прямое искажение фактов), деконтекстуализация (вырывание событий из исторического контекста) и коммерциализация (превращение памяти в объект рыночных отношений) [6, с. 207]. Каждая из этих угроз способна нейтрализовать ресурсный потенциал памяти и превратить ее из фактора единства в фактор размежевания.

Особую опасность представляет стратегия «сравнительной виктимизации», в рамках которой историческая травма различных народов противопоставляется общей Победе. В отдельных регионах России фиксируются попытки конструирования локальных этноцентричных версий военной истории, минимизирующих вклад «других» народов в общее дело [7, с. 55]. Подобные тенденции требуют не запретительных, но содержательных контрмер, важнейшей из которых является развитие научно обоснованного, многоуровневого исторического образования.

Формирование коллективной памяти как ресурса единства предполагает соблюдение ряда условий. Первое условие – достоверность. Память, основанная на мифах и

фальсификациях, рано или поздно утрачивает доверие. Второе условие – инклюзивность. Образ Победы должен включать признание вклада всех народов СССР, не допуская иерархизации «главных» и «второстепенных» участников. Третье условие – ритуализация. Память нуждается в регулярном символическом воспроизводстве, без которого она угасает. Четвертое условие – межпоколенческая трансляция. Наиболее эффективным каналом передачи памяти является живое общение между поколениями, семейное наследование историй и ценностей.

Перспективным направлением представляется цифровая трансформация коллективной памяти. Электронные базы данных «Мемориал» и «Подвиг народа», виртуальные музеи, краудсорсинговые проекты по оцифровке военных архивов создают принципиально новую инфраструктуру памяти, доступную каждому гражданину. Однако цифровизация несет и риски: виртуализация памяти может привести к утрате ее эмоциональной глубины, превращению в поверхностное потребление истории.

Таким образом, коллективная память о Великой Отечественной войне является уникальным, исторически сложившимся ресурсом национального единства народов России. Ее сила – не в консервации прошлого, а в способности актуализировать смыслы, значимые для настоящего и будущего. Этот ресурс не является неисчерпаемым – он нуждается в бережном отношении, научном осмыслении и грамотной социально-педагогической инструментализации. Сохранение и трансляция подлинной, неискаженной памяти о войне – не только долг перед павшими воинами, но и стратегическая инвестиция в единство грядущих поколений.

Список литературы

1. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс ; перевод с французского С. Н. Зенкина. – Москва : Новое издательство, 2007. – 348 с.
2. Рубинштейн С. Л. Человек и мир / С. Л. Рубинштейн. – Санкт-Петербург : Питер, 2003. – 512 с.
3. Гудков Л. Д. Память о войне и массовая идентичность россиян / Л. Д. Гудков // Вестник общественного мнения. – 2019. – № 1–2 (126). – С. 90–107.
5. Фельдштейн Д. И. Психолого-педагогические проблемы построения новой школы в условиях значимых изменений ребенка и ситуации его развития / Д. И. Фельдштейн // Вопросы психологии. – 2010. – № 3. – С. 30–38.
6. Багдасарян В. Э. Историческая память как фактор национальной безопасности России / В. Э. Багдасарян // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2020. – Т. 19, № 1. – С. 202–217.
7. Дробижева Л. М. Общероссийская идентичность и уровень межнационального согласия: от исследования к практике / Л. М. Дробижева // Социологические исследования. – 2021. – № 4. – С. 52–62.

1917 ГОД В РОССИЙСКОЙ И ПОРТУГАЛЬСКОЙ ИСТОРИИ

Елистратов Егор Алексеевич, студент

Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К. А. Тимирязева,
Москва, Россия

medvedrus707@gmail.com

Научный руководитель: Миронюк Сергей Алексеевич, кандидат исторических наук

Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К. А. Тимирязева,
Москва, Россия

mironyuk@rgau-msha.ru

Аннотация. В статье рассматриваются события 1917 г. в России и Португалии. В обеих странах произошли революционные события против властей, которыми народ был недоволен, в частности из-за экономического кризиса. Их отличием является продолжительность. В Португалии государственный переворот занял лишь несколько дней, в России же революционный процесс затянулся практически на целый год. После же этих событий новые правительства стремились укрепить свою власть, так как из-за политической нестабильности она была неустойчивой.

Ключевые слова: Февральская революция, Октябрьская революция, Великая российская революция, В.И. Ленин, Первая Португальская республика, Декабрьский государственный переворот, Сидониу Паиш

События 1917 г. в Португалии и России представляют интерес для историков, поскольку они кардинально и всесторонне изменили направления их развития.

5-8 декабря 1917 г. в Первой Португальской республике произошел государственный переворот. Устроил его майор артиллерии Сидониу Паиш против правительства во главе с лидером Демократической партии и премьер-министром Афонсу да Коштой. Перевороту способствовали следующие причины: рост забастовок и их жесткое подавление правительством; жесткая цензура; снижение уровня жизни; слухи о коррупции; упадок экономики из-за огромного государственного долга; жесткие методы в ответ на жалобы учебных заведений; антицерковная политика. Восстание началось 5 декабря в 6 часов вечера с бунта части армии в Лиссабоне, а также в Порту и в других местах на севере страны. Восставшие стали обстреливать центральную часть Лиссабона, в которой располагалось военное и гражданское руководство Первой Португальской республики, и Авениду да Либердаде. После полудня 7 декабря правительство предприняло попытку штурма с целью вытеснить восставших из парка короля Эдуарда VII [1, с. 72-79].

Ночью с 7 на 8 декабря правительство Португалии подало в отставку. Согласно отчету военно-морского штаба Великобритании, было убито около ста человек. Если верить депеше британского чрезвычайного посланника и полномочного министра в Лиссабоне Л. Карнеги от 17 декабря 1917 г.: государственный переворот был одобрен всеми, за исключением Демократической партии, а также их сторонников. Сидониу Паиш заявлял, что движение носило республиканский характер, а не прогерманский или монархический. Результатом переворота стало отставка правительства Демократической партии, арест Афонсу да Кошты и окончание работы Конгресса [2, с. 123-131].

Новое правительство состояло из следующих людей: Сидониу Паиш занял пост премьер-министра, министра иностранных дел и министра обороны; Эрешта Бранку стал военно-морским министром; Машаду душ Сантуш занял пост министра внутренних дел; Альфред Магальяйнш занял пост министра образования; Мора Пинту занял пост министра юстиции; Фелисиану Кошта занял пост министра труда; Таманьини Барбоза занял пост министра по делам колоний; Винсенте Феррейра занял пост канцлера Казначейства.

27 декабря 1917 г. Сидониу Паиш собственным постановлением назначил себя президентом Португальской республики, пока не будет избран новый президент будущим Конгрессом. Это нарушало несколько статей Конституции, так как, например, согласно статье 50 министры не могли быть избраны президентом, если они за 6 месяцев не прекратили занимать свою должность. Основной проблемой Паиша на посту президента являлись сохранение, усиление и закрепление своей власти. Другой серьезной проблемой являлась нехватка угля. Сидониу Паиш прославился тем, что попытался стабилизировать обстановку внутри страны и провести реформы, которые были необходимы в данный момент стране. Добиться он этого хотел провозглашением Новой Республики. Ее содержанием было противопоставление той республике, которая погрязла в коррупции и бесчестии [3, с. 111-120]». Однако режим Сидониу Паиша имел некоторые черты «классического фашизма». Например, декретирование сверху “Национальной республиканской партии”, которая являлась авторитарной [4, с. 98]. Государственная деятельность Сидониу Паиша «служила предметом ожесточенных дискуссий о мотивах насильственного, военного захвата им власти и содержании программ внутренних преобразований, нацеленных на преодоление глубокого национального кризиса» [5, с. 129]. Российские газеты с интересом наблюдали за событиями в Португалии и «служили стимулом для размышлений относительно ситуации в собственной стране в апреле – декабре 1917 г.» [6].

В 1917 г. в России произошли два этапа Великой российской революции. Первый произошел в феврале, а второй – в октябре [7, с. 6-22]. Одной из главных причин революции стал кризис «третьеиюньской монархии», возникший из-за затяжного участия Российской империи в Первой мировой войне. Из-за масштабной мобилизации людей на фронт нарастал дефицит рабочих рук, а огромные объемы военных перевозок перегрузили железнодорожную структуру. Все это привело к транспортному кризису. На него наложились топливный и продовольственный. Также массовая национализация скота формировали негативное впечатление о власти у крестьян и солдат и способствовало росту забастовочного движения. К причинам можно отнести недовольство политикой Николая II, которая не давала решения проблемам, возникшим внутри страны.

23 февраля (8 марта) 1917 г. начался первый этап Великой российской революции в Петрограде. В городе начались стихийные митинги женщин, которые выступали против инфляции и сбоев поставок хлеба. На следующий день, 24 февраля (9 марта), в протестах стало участвовать примерно 197 тысяч рабочих. 25 февраля (10 марта) количество протестующих составило примерно 80 % трудящихся города – около 240 тысяч человек. Петроградский гарнизон получил императорский указ о немедленном подавлении протестов. Но попытки подавления не принесли никакого результата, а применении огнестрельного оружия 26 февраля (11 марта) послужил причиной перехода воинских частей на сторону протеста. 27 февраля (12 марта) на сторону мятежных сил перешли Волынский и Павловский полки. 28 февраля (13 марта) под их контроль перешла столица. 2 (15) марта Николаем II был подписан манифест об отречении от престола в пользу князя Михаила Александровича, его младшего брата. Этот шаг был принят под давлением лидеров Государственной думы и военного командования, так как они считали его необходимым для сохранения монархической формы правления в условиях революции. Однако уже на следующий день Михаил Александрович отрекся от престола, аргументируя тем, что следовало передать вопрос о форме правления будущему Учредительному собранию, которое будет избрано на основе всеобщего голосования. Это знаменовало конец монархии в России и окончание Февральской революции. Итогами первого этапа Великой российской революции стали уничтожение монархической формы правления в стране и рост влияния социалистических партий.

Во главе Временного правительства встал Г.Е. Львов. 3 (16) марта была опубликована декларация Временного правительства, согласно которой была гарантирована свобода слова, союзов, собраний, стачек и печати. Но позиция Временного правительства была неустойчивой из-за политической неосведомленности и нестабильности внутри страны.

Также правительство откладывало решение земельного вопроса, что привело к потере поддержки крестьянства. Большим достижением Временного правительства стала масштабная подготовка к выборам в Учредительное собрание. 2 (15) июля члены Временного правительства, принадлежавшие Конституционно-демократической партии, вышли из его состава. Это событие подстегнуло большевиков 4 (17) июля совершить вооруженное восстание для захвата власти, но оно привело к применению репрессий против руководства партии большевиков. 12-15 (25-28) августа на Государственном совещании в Москве выступил главнокомандующий русской армией Л.Г. Корнилов с предложением восстановить вертикаль власти, запретить деятельность партии большевиков и ввести военное положение в Петрограде. 25 августа (8 сентября) к Петрограду начали двигаться части третьего кавалерийского корпуса с целью реорганизации власти по плану Корнилова. Но новый глава Временного правительства А.Ф. Керенский, который изначально поддерживал Корнилова, 26 августа (9 сентября) сообщил Временному правительству о готовящемся перевороте. В результате Корнилову было приказано передать командование А.С. Лукомскому. Но они оба отказались это делать, Корнилов обвинил Временное правительство в национальном предательстве и обратился к армии для поддержки своего восстания. Но 31 августа (13 сентября) потерпел поражение. Два этих события подстегнули революционное движение.

12 (25) октября 1917 г. Исполком Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов было принято решение о создании Петроградского Военно-революционного комитета. Официальной причиной создания этого органа стала оборона Петрограда от возможных наступлений германских войск. На самом же деле это был центр большевиков по подготовке вооруженного восстания против Временного правительства. 25 октября (7 ноября) вечером резиденция Временного правительства – Зимний дворец – была блокирована большевиками. Министр-председатель Временного правительства России Керенский покинул столицу, так как не видел возможности дальнейшего сопротивления. Штурм Зимнего дворца начался в ночь на 26 октября (8 ноября), который закончился арестом членов Временного правительства. Помимо заместителя премьер-министра, министра торговли и промышленности А.И. Коновалова было арестовано еще 14 человек. Также 25 октября (7 ноября) состоялся II Всероссийский съезд Советов, на котором было вынесено решение о низложении Временного правительства, власть же перешла Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. На следующий день были утверждены декреты «О мире», «О земле» и «Об образовании Рабочего и крестьянского правительства». Первый документ предлагал всем воюющим народам начать мирные договоры о мире «без аннексий и контрибуций». Второй же отменял частную собственность на землю и провозглашал национализацию земель помещиков без компенсации. После земля бесплатно распределялась среди трудящихся. Согласно третьему документу, создавался временный орган исполнительной власти – «Совет народных комиссаров», который должен был действовать до созыва Учредительного собрания и контролироваться Всероссийским съездом советов. Все эти три декрета заложили основы советской государственности [8, с. 4-14].

По мнению многих ученых, революции можно было избежать, если бы власти провели широкомасштабные реформы, но из-за охвативших страну кризисов и нежелание власти заниматься решением назревающие проблемы произошла Великая российская революция [9, с. 27-31].

В 1917 г. в России и Португалии произошли одни из самых важнейших событий в истории этих стран, определив направление их развития на долгие годы вперед. Так как в ходе революций эти страны поменяли свою политику в отношении своих граждан. Также этот год характеризуется политической нестабильностью в этих странах и крупными социальными преобразованиями. Однако в последующие годы обе страны пережили усиление общенационального кризиса. В особенности Россия после революционного 1917 г.

вступила в Гражданскую войну, которая усиливалась иностранной интервенцией, одной из лидеров которой была Великобритания [10, с. 318-381; 11, с. 153-159; 12, с. 52-62].

Список литературы

1. МIRONЮК, С. А. “Перспектива прекращения отправки войск во Францию... могла бы склонить их в сторону переворота”. Декабрьский государственный переворот 1917 года в Лиссабоне в отчете британца Н. У. Барнардитона / С. А. МIRONЮК // Военно-исторический журнал. – 2025. – № 6. – С. 72-79.
2. МIRONЮК, С. А. Причины, ход и результаты государственного переворота Сидониу Паиша (5-8 декабря 1917 г.) в Первой Португальской республике в документах Военного Кабинета Великобритании / С. А. МIRONЮК // Вестник Томского государственного университета. – 2024. – № 499. – С. 123-131.
3. МIRONЮК, С. А. Деятельность лидера Первой Португальской республики Сидониу Паиша в декабре 1917 – мае 1918 г. в еженедельных отчетах Форин-офис Великобритании / С. А. МIRONЮК // Вестник Томского государственного университета. – 2025. – № 514. – С. 111-120.
4. Кутырев Г. И. Политические партии в период Первой Португальской республики (1910–1926 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 5-2 (31). С. 96–101.
5. МIRONЮК, С. А. Картина португальского художника Энрике Медины «Официальный портрет президента Сидониу Паиша»: создание, содержание и значение / С. А. МIRONЮК // Бизнес и дизайн ревю. – 2025. – № 4(40). – С. 128-134.
6. МIRONЮК, С. А. Развитие внутриполитического кризиса в Первой Португальской республике в апреле – декабре 1917 г. (по материалам газетной коллекции В. В. Водовозова) / С. А. МIRONЮК // Исторический журнал: научные исследования. – 2026. – № 1. – С. 47-58.
7. Воейков, М. В. Революция 1917 года в России: социально-экономические проблемы / М. И. Воейков // Россия и современный мир. – 2017. – № 2 (95). – С. 6-22.
8. История России 1917 – наши дни: Учебник для аграрных вузов / А. Б. Оришев, С. А. МIRONЮК, Д. Н. Христенко. – Москва: РГАУ-МСХА имени К. А. Тимирязева, 2025. – 147 с.
9. Шаршарова, М. В. События 1917 года в истории России / М. В. Шаршарова // Инновационная наука. – 2018. – № 10. – С. 27-31.
10. МIRONЮК, С. А. Британская политика интервенции в России (ноябрь 1917 г. - декабрь 1919 г.) как фактор Гражданской войны: этапы и особенности / С. А. МIRONЮК // Исторический вестник. – 2024. – Т. 47. – С. 318-381.
11. МIRONЮК, С. А. Контроль над Транссибирской железной дорогой как мотив участия Британии в союзной интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири в 1917-1919 гг. и ее роль в этой операции (на основе меморандума Дж.Н. Керзона "Сибирь" от 20 декабря 1919 г.) / С. А. МIRONЮК // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 458. – С. 153-159.
12. МIRONЮК, С. А. Роль Военного Кабинета министров Британии в организации интервенции на Дальний Восток и в Сибирь: согласование условий вторжения с США, Японией и советским правительством в декабре 1917 – августе 1918 гг. (по материалам Национального архива Соединенного Королевства) / С. А. МIRONЮК // Genesis: исторические исследования. – 2019. – № 2. – С. 52-62.

ЗАЩИТНИКИ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА: КАК НЕЗРЯЧИЕ ЛЮДИ ПОМОГАЛИ В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ

Зенько Алена Викторовна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

alenazenko56@gmail.com

Научный руководитель: Павлов Павел Александрович, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

savel-b@yandex.ru

Аннотация. В статье рассказывает о «слухачах» - незрячих добровольцах, участвующих в обороне блокадного Ленинграда. С помощью специальных звукоуловителей они обнаруживали приближение вражеских самолетов задолго до их появления в зоне видимости, что позволяло своевременно объявить воздушную тревогу и минимизировать урон авианалетов. В материале освещается история формирования отряда, особенности службы и вклад слухачей в защиту города.

Ключевые слова: блокада Ленинграда, слухачи, звукоуловители, вклад в оборону города, обучение слухачей, дежурство в условиях блокады

Предыстория и идея привлечения незрячих добровольцев. В 1920-1940-е годы, когда самолеты строились зачастую из дерева. В тот период радиолокация была слабо развита, именно поэтому солдаты отражали налеты с помощью визуальных и звуковых методов. Подобную защиту использовали и в Ленинграде для обнаружения вражеских самолетов.

С началом блокады Ленинграда в сентябре 1941 г. город регулярно подвергался авианалетам. Для обнаружения самолетов использовались звукоулавливатели – массивные конструкции с трубами-рупорами, которые могли улавливать гул моторов на десятки километров. Однако эффективность установок зависела от оператора – человека, который должен был обладать исключительным слухом.

Тогда возникла идея задействовать незрячих людей. Аргументом стал обостренный слух, который мог компенсировать утрату или отсутствие зрения.

Осенью 1941 г. командование ПВО Ленинграда проконсультировалось с психологами, физиологами и дефектологами. Специалисты подтвердили, что у многих незрячих людей слух действительно обострен.

В блокадном Ленинграде к началу 1942 г. оставалось чуть более 300 незрячих человек. На отбор в слухачи подали заявки почти все, но выбрали людей лишь самых выносливых и чувствительных к звуку.

Отбор состоял из нескольких этапов:

- медкомиссия (пройти ее смогли около 30 человек);
- дополнительный отбор (по результатам остались 12–20 кандидатов);
- 10-дневные курсы обучения работе с звукоулавливателями.

Из технического оснащения слухачи использовали звукоулавливатель ЗТ-5 («Слушай небо») – прибором из четырех металлических раструбов, соединенных с наушниками. Внутри был микрофон, усиливавший звуки.

Работали слухачи в парах со зрячими красноармейцами. Помощники разворачивали трубы звукоуловители в разные стороны, а слепы, фокусировались на «выслушивании» вражеской авиации.

Слухачи заступили на службу в феврале 1942 г. Условия были крайне тяжелыми:

- дежурства длились всю зимнюю ночь;
- жили незрячие люди в землянках;

- параллельно могли идти артобстрелы – канонада мешала точному обнаружению самолетов;
- микрофон ЗТ-5 усиливал все звуки, включая взрывы, что могло привести к контузии;
- блокадный голод ослаблял организм.

Несмотря на трудности, работа слухачей оказалась чрезвычайно эффективной. Благодаря им:

- немецкие бомбардировщики поднимались на высоту 6–7 км, откуда не могли прицельно сбрасывать бомбы;
- цели засекались на дальности 40–50 км (раньше такого не было);
- своевременное предупреждение срывало налеты – самолеты разворачивались, не успев сбросить бомбы.

Известно, что слухачей было двенадцать мужчин, но достоверно известно только о одиннадцати:

- Алексей Бойко – разработал систему ориентирования с веревками, отказался от помощи зрячих бойцов. Награжден двумя медалями «За боевые заслуги», медалями «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией». Стал прототипом героя повести Виктора ШUTOва «Я знаю ночь».

- Яков Зобин – служил до конца войны, награжден медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией». После войны преподавал политэкономия.

- Иван Скробот – музыкант, сбил два самолета, получил контузию. После войны руководил духовым оркестром.

- Гавриил Серебrenников – до войны работал настройщиком пианино. Демобилизован по состоянию здоровья, продолжил работу после войны.

- Константин Михайлов – имел небольшой остаток зрения, демобилизован после контузии. После войны работал баянистом.

- Василий Цыпленков – демобилизован по состоянию здоровья, умер от дистрофии вскоре после службы.

- Эдуард Кем, Павел Петров, Петр Борисов, Игорь Заикин – также служили слухачами, но их биографии менее известны.

Значение и память о подвигах

Подвиг слухачей спас тысячи жизней и сохранил от разрушения целые кварталы Ленинграда. Их вклад – не легенда, а документально подтвержденный факт.

Сегодня память о них хранится в Народном музее истории Санкт-Петербургской региональной организации ВОС. В экспозиции представлены:

- шлемы и наушники слухачей;
- звукоулавливатель ЗТ-5;
- документы и фотографии;
- воспоминания и свидетельства.

История слухачей – символ силы духа и самоотверженности. Она показывает, что даже в самых тяжелых условиях человек может найти способ помочь другим и внести вклад в Победу.

Список литературы

1.Статья «Как слепые слухачи защищали небо в блокаду Ленинграда» с платформы «Милосердие.RU» за авторством Дарьи Менделеевой. <https://www.miloserdie.ru/article/kak-nezryachie-bojczy-zashhishhali-nebo-v-blokadu-leningrada/>

2.Статья «Слушали небо. Как служили блокадному Ленинграду незрячие слухачи» с платформы «Аргументы и факты» за авторством Елены Банокиной <https://spb.aif.ru/society/slushali-nebo-kak-sluzhili-blokadnomu-leningradu-nezryachie-sluhachi>

3.Статья «Апостолы блокадного неба: как 12 слухачей защищали Ленинград во время войны» с платформы «Особый взгляд» за авторством Анастасии Махина <https://specialviewportal.ru/articles/story/post628/>

**«РУССКАЯ СМУТА»: ИВАН ГРОЗНЫЙ И БОРИС ГОДУНОВ. ПРОБЛЕМЫ
ЛЕГИТИМНОСТИ ВЛАСТИ В КРИЗИСНЫЕ ЭПОХИ (КАК ОБА ПРАВИТЕЛЯ
БОРОЛИСЬ С БОЯРСКОЙ ОППОЗИЦИЕЙ И УКРЕПЛЯЛИ СВОЮ ВЛАСТЬ
В УСЛОВИЯХ ДИНАСТИЧЕСКОГО КРИЗИСА)**

Ильина Полина Васильевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

ilina-polina@internet.ru

Научный руководитель: Павлюкевич Руслан Витальевич, кандидат исторических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

kaf.histjry@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена анализу проблем, связанных с легитимностью власти в кризисные эпохи, шедшие на Русь в конце XVI – начале XVII вв. Главными фигурами, на которых будет акцентировано внимание – это Иван IV и Борис Годунов. В статье рассматривается, как оба правителя использовали разные методы борьбы со своими противниками. Иван Грозный использовал более жестокие методы, такие как казни, опричнина, Борис Годунов же принимал менее жестокие методы, ссылки и тюремное заключение. Политика Ивана привела к тому, что правительство лишилось опоры, и спровоцировала династический кризис. Борис также не добился большого успеха, хотя и использовал более мягкие методы. Ни один из выбранных путей борьбы не привел к долгожданному результату, что в дальнейшем дало начало смутному времени.

Ключевые слова: Иван Грозный, Борис Годунов, боярская дума, легитимность власти, смутное время, методы борьбы

Одним из ключевых событий нашего прошлого выступает смутное время – это кризис, который пришел на Русь в конце XVI – начале XVII веков. Его преодоление играет высокую роль для формирования нашей государственности. Дата его окончания сегодня выступает одним из главных государственных праздников день – народного единства. В этих реалиях важно понимать истоки этих событий, причины, которые к ним привели.

Главной проблемой была тема власти, ведь из-за смерти Федора Ивановича, который не оставил наследника, место царя-правителя осталось «пустовать». Начало смуты было заложено еще в период правления Ивана Грозного, Федора Блаженного и сменившего его Бориса Федоровича Годунова. Весь их период правления сопровождалось борьбой с боярством, что в итоге привело к проблемам легитимности власти.

Предпосылки к обострению конфликта между боярством и Иваном IV Грозного возникли постепенно, в результате определенных событий. Один из первых серьезных поводов к недовольству Грозного был вызван событием 1552 г. Именно этот год являлся начальным этапом отмены кормления, когда Иван поставил вопрос о замене кормления (способ содержания высокопоставленных лиц за счет населения) на другую систему содержания высокопоставленных лиц. Этот вопрос включал в себя две главные проблемы: первая – кем можно заменить отмененный орган; вторая – чем можно возместить потери, тем лицам, которые имели право на кормление.

Поручил рассмотреть этот вопрос Грозный боярской думе, но в дальнейшем выяснилось, что бояре исходили из стремления к обогащению. Данная ситуация показала не только то, насколько по-разному подходят к решению государственных вопросов боярская дума и Иван IV, но и то насколько у них разные цели: пока боярство стремится к обогащению, Иван стремился к укреплению своей власти.

Присоединение Казанского ханства в 1552 году поставило перед Москвой новую задачу – провести ряд реформ, направленных на изменение внутренней политики. Иван,

ожидая содействия, обратился с этой проблемой к Боярской думе. Бояре же не поддержали, решение царя и, продолжали размышлять, о кормлении обосновываясь личными, финансовыми интересами. Вопросы, связанные с Казанью осталась на втором плане, внимание боярства продолжала удерживать возможное обогащение, что тормозило разработку в Казани устойчивой внутренней политики. Иван был крайне недоволен корыстными целями боярской думы.

После событий 1552 г. Ивана IV в марте 1553 г. поразила серьезная болезнь, которая углубила пропасть между боярством и ним. Главным требованием Ивана в этот период была присяга его малолетнему сыну Дмитрию. Первый созыв близких бояр в составе А.Ф. Адашева, Сильвестра и прочих обошелся без проблем. Второй созыв бояр, в число которых были включены Романовы, на просьбу присягнуть Дмитрию позволили себе в присутствии правителя выступить с протестом, обосновывая свое решение тем, что при малолетнем царе править будет его родня по царице Анастасии Захарьиных-Юрьевых.

Это укрепило мысли Ивана Грозного на то, что боярская дума уже нашла, кем можно его заменить, поэтому и не имела желания присягнуть Дмитрию. В дальнейшем он лишь подтвердил свои догадки, когда выяснилось, что его ближайший боярин князь Дмитрий Иванович Курлятов, присягнув Дмитрию, однако, тайне говорил о замене грозного на его двоюродного брата Владимира Андреевича Старицкого. Этот эпизод наглядно показал то, как ближайшие люди в боярской думе могут не только пренебречь доверием Ивана, но и отказать в прямом наследовании престола Дмитрию в пользу, по их мнению, лучшего кандидата. Вражда между близкими боярами Ивана Грозного и боярами со стороны царицы обострилась.

Окончательная потеря доверия к боярской думе была связана с событием, произошедшим летом 1554 г. Главным событием этого периода было известие о попытке целого круга бояр предать Москву. Во главе измены стоял Семен Васильевич Лобанов-Ростовский.

После болезни, а также после попытки изменить Москве, Иван IV, испытывая опасения за свой престол, принял решение бороться с боярством. Введенная в 1565 году опричнина стала главным орудием против боярства. Первым этапом Иван решил разобраться с теми, в ком видел наиболее реальную угрозу. Некоторые бояре были насильно переселены со своих наследных земель на территории, где условия для оппозиции были осложнены. Также были применены казни: были казнены родственники А.Ф. Адашева по обвинению в желании извести царя. Лиц, кто имел смелость высказать критику в сторону Ивана, отправляли в ссылку. Ей подверглись Д. И. Курлятов и М.И. Воротынский.

Вследствие опричнины и мер, в виде казней и ссылок влияние бояр и их возможность участвовать в принятии решений в политике Московского царства, было ослаблено. Также смерть сыновей Ивана Грозного – Дмитрия в 1591 году, Ивана в 1581 году и Федора в 1598, который не оставил наследника – привела к династическому кризису. За неимением прямого наследника трон остался «пустовать».

Другим важным этапом кризиса легитимности в Московском Царстве выступили события, связанные с правлением Бориса Годунова. Он пришел к власти после смерти Федора Ивановича в 1598 г., поскольку он не являлся прямым наследником. Это способствовало наиболее уязвимому положению. Как и Иван IV, он видел непосредственную угрозу, своей власти исходящую от боярства и поэтому первым этапом своего правления он видел в укреплении власти.

Смерть Ивана Грозного в 1584 году дала начало борьбе за место правителя. Первым этапом являлась ссылка в 1584 г. царевича Дмитрия и его родственников Нагих в Углич. Данное решение объяснялось тем, чтобы максимально отдалить потенциального наследника от престола, а также его родственников.

После того как Борис избавился от потенциального наследника, возникла новая проблема в виде боярства, для которого его власть была неправильной из-за его чужеродности. Метод борьбы Бориса отличался от Ивана IV, Борис действовал более

мягкими и щадящими способами в виде ссылок и тюремных заключений, а не казней. Так, в 1584 г. ссылке подверглись Головины, после в монастырь был сослан Иван Федорович Мстиславский, другие были сосланы в разные города и тюрьмы. Так, Борис избавлялся от всех несогласных с его властью людей.

Последние бояре, которые выступали против власти Бориса, были князья Шуйские, которые являлись потомками Рюриковичей. Шуйские действовали не через собственные личности, а через толпу людей. В 1587 г. на улицах Москвы произошли массовые бунты, направленные против власти Годунова. Начался розыск в ходе, которого организаторами были названы Андрей Иванович и Иван Петрович Шуйские. В дальнейшем у Шуйских конфисковали имущество, а также Борис приказал сослать Татаевых и Колычевых и прочие их сторонников. Этот этап показывает, как угроза власти исходила не просто от боярства, а именно от конкретной семьи.

После устранения основных врагов Борис занялся новой задачей, а именно укреплением власти в обществе и признанием со стороны народа. С этой целью он занялся благотворительностью. Во время голода в 1601 г., Борис начал раздавать голодающим людям хлеб и деньги, а также давал многим работу, которая была получена за счет строительства. Также он приглашал многих иностранцев для демонстрации единства страны и ее стремления к развитию.

Обобщая все выше перечисленное можно сказать, что во время своего правления Иван IV, а также Борис Годунов столкнулись с агрессией со стороны боярства. Иван в борьбе с боярством не только стремился укрепить свою власть, но и сделать свою власть в дальнейшем единоличной. Его методы в виде казней и введенной в 1565 году опричнины дали лишь временный результат. Ослабление боярства и потеря в дальнейшем потенциальных наследников лишь усугубила проблему преемственности верховной власти.

Борис Годунов, являясь не кровным родственником царской семьи, находился в более уязвимом положении. Легитимность его власти была под большой угрозой, так как его противники, такие как Шуйские и Мстиславские, стремились лишить его престола. Стремясь укрепить власть Борис стремился использовать более щадящие методы такие как ссылки и тюремное заключение, а также делая упор на поддержку своей власти со стороны простого народа.

На примере двух правителей очевидно, как ни один из методов борьбы с боярством не дали должного результата. Из-за решений, принятых Иваном IV лишив правительство в дальнейшем опоры в виде боярства, что привело к династическому кризису. Более щадящие методы Бориса Годунова также не привели к должному результату, и лишь углубила проблему, которая началась в период правления Ивана IV.

Список литературы

1.Быкова, А. Ф. Смутное время на Руси (1598 – 1613) / А. Ф. Быкова. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 105 с. – (Антология мысли). – ISBN 978-5-534-15316-3. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 30 – URL: <https://www.urait.ru/bcode/568264/p.30> (дата обращения: 21.02.2026).

2.Готье, Ю. В. Смутное время / Ю. В. Готье. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 147 с. – (Антология мысли). – ISBN 978-5-534-09940-9. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 21 – URL: <https://www.urait.ru/bcode/564222/p.21> (дата обращения: 21.02.2026).

3.Платонов, С. Ф. Иван Грозный. Борис Годунов. Смутное время / С. Ф. Платонов. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 312 с. – (Антология мысли). – ISBN 978-5-534-06685-2. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 1 – URL: <https://www.urait.ru/bcode/564773/p.154> (дата обращения: 21.02.2026).

ХАРАКТЕРИСТИКА БЕЛОГВАРДЕЙСКОГО ЮГА РОССИИ В ТРУДАХ СОВРЕМЕННЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИКОВ

Квардицкая Екатерина Алексеевна, студентка

Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К. А. Тимирязева,
Москва, Россия

k.kvarditskaya@yandex.ru

Мерщиева Марина Юрьевна, студентка

Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К. А. Тимирязева,
Москва, Россия

marina.mershchieva@yandex.ru

Научный руководитель: Миронюк Сергей Алексеевич, кандидат исторических наук

Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К. А. Тимирязева,
Москва, Россия

mironyuk@rgau-msha.ru

Аннотация. Российская Гражданская война по-прежнему вызывает множество споров среди историков. В частности, значительное внимание уделяется Югу России, где антибольшевистские силы сформировали наиболее эффективные структуры сопротивления. Данная статья прослеживает, как менялись научные взгляды на белогвардейский Юг: от предвзятых советских интерпретаций до современных, более объективных оценок социальной, политической и экономической ситуации. Белогвардейский Юг предстает как сложное и противоречивое явление, где высокие идеалы Белого движения часто вступали в конфликт с суровой реальностью Гражданской войны.

Ключевые слова: Гражданская война, Белое движение, Юг России, Добровольческая армия, А.И. Деникин, П.Н. Врангель, казачество

Объективное научное изучение истории Белого движения на Юге России долгое время оставалось под запретом. Начиная приблизительно с 1930-х гг., огосударствленная советская историография попросту игнорировала эту тему. Белое движение изображалось тусклым фоном для героизации «красных». Перелом наступил лишь в конце 1980-х гг., когда историческая наука резко повернула к ликвидации так называемых белых пятен. Первоначально этот процесс сопровождался неизбежными крайностями: эмоциональное отторжение советской идеологии нередко порождало новую идеализацию, обращенную теперь к белым.

Современные историки сходятся во мнении относительно причин превращения Юга России в главный очаг антибольшевистского сопротивления. Доктор исторических наук В.Ж. Цветков называет три определяющих фактора. Географическое расположение с морским побережьем открывало перспективы получения помощи извне, а при неблагоприятном исходе позволяло организовать отступление морем. Регион располагал огромными ресурсами: донецким углем, железом, кубанским зерном. Здесь сосредоточивались значительные людские силы – казачество, от настроений которого во многом зависел исход Белого движения. Ленин осознавал стратегическую ценность юга и неоднократно указывал на необходимость установить контроль над этими ресурсами [1].

Современные исследования показывают, что взаимоотношения между белым командованием и казачеством были омрачены серьезными противоречиями. А. С. Пученков отмечает, что казачество, будучи единственной боеспособной силой в условиях распада армии, было при этом крайне истощено многолетней войной. Неопределенность целей и противника деморализовала казаков к дальнейшему участию в боевых действиях. Генерал М.В. Алексеев приехал в Новочеркасск в ноябре 1917 г., обратился к атаману А.М. Каледину

с просьбой предоставить убежище русскому офицерству. Каледин ответил откровенно: казаки измучены, и продолжать сражаться отказываются. Разрыв между потребностью белых опереться на казачьи силы и категорическим нежеланием самих казаков братья за оружие превратился в центральную проблему южного фронта на протяжении всей Гражданской войны. Как отмечает А. С. Пученков, «в течение трех лет – с ноября 1917 по ноябрь 1920 г. – зародившееся на Юго-Востоке России Белое движение <...> представляло собой наиболее реальную политическую альтернативу советскому пути развитию страны» [2, с. 6].

В своих работах С. А. Миронюк опирается на обширный массив британских архивных документов, что позволяет ему сформировать объективную картину роли внешней поддержки в развитии Добровольческой армии и ВСЮР. Исследователь подчеркивает, что британская политика в отношении белого движения носила сугубо прагматичный характер. Поддержка оказывалась исключительно в рамках национальных интересов Лондона. Как только перспективы победы белых стали выглядеть маловероятными, объем помощи резко сократился [3, с. 83-88; 4, с. 318-381; 5, с. 1-10; 6, с. 1-12; 7, с. 228-236; 8, с. 34-39; 9, с. 643-646].

Современные исследователи проявляют значительный интерес к внутренней политике белых правительств. В этом контексте работы С.В. Карпенко занимают особое место. Его «Очерки истории белого движения на Юге России» стали прорывными, углубив понимание данной проблематики. Карпенко новаторски переориентировал исследовательское внимание с традиционного изучения военных действий на анализ экономических, финансовых и логистических аспектов – то есть, на тыловое обеспечение. Результаты его исследований оказались в диссонансе с устоявшимся романтизированным представлением о Белом движении. Исследователь считал, что «решающую ставку руководители Добровольческой армии, как и деятели «Правого центра», делали на помощь союзников» [10, с. 38].

Финансовая политика денikinского правительства служит показательным примером. Рыночной экономике, свободе предпринимательства и торговли белые отводили роль противовеса большевистской централизации. Однако условия жесточайшей войны сделали такой курс практически неосуществимым. Карпенко отмечал, что внутренняя политика Особого совещания при ВСЮР, особенно в экономической сфере, страдала от неопределенности, и буржуазные круги выражали недовольство этим положением. Буржуазия стремилась вести дела на максимально выгодных условиях за счет казенных кредитов. Подобный эгоизм производил на генералов тяжелое впечатление, подтверждая горькое сетование Алексея, высказанное еще на заре создания Добровольческой армии: ««Мининых» в России почти не оказалось».

Современные историки уделяют значительное внимание идеологии и пропагандистской деятельности белого движения. Традиционная точка зрения сводилась к тому, что белые пренебрегали агитацией и потерпели поражение отчасти из-за неспособности наладить контакт с народными массами. Руководство Белого Юга стремилось создать разветвленную систему взаимодействия с населением: издавались газеты и журналы, распространялись агитационные материалы, организовывались публичные лекции и театральные представления. Результативность подобных усилий оставалась невысокой, поскольку противоречие между декларациями и реальными действиями властей, между провозглашаемыми принципами и проводимой политикой так и не удалось преодолеть.

Мартовская эвакуация 1920 г. из Новороссийска принадлежит к числу наиболее драматичных страниц истории Белого движения на Юге России; этот эпизод неизменно притягивает исследователей. Популярная литература – и научные работы – трактует произошедшее как трагедию высокого порядка: «рыцари без страха и упрека» в глубокой скорби оставляют родную землю. Современные исследования, опирающиеся на широкий круг источников, предлагают более сложный взгляд, раскрывая организационные проблемы, противоречия командования и социально-политический контекст событий.

В работах современных историков образ последнего главнокомандующего П.Н. Врангеля, разительно отличается от оценок его предшественника. А.И. Деникин предстает

фигурой трагической, не совладавшей с нарастающим хаосом. Врангель же изображен как администратор и политик, извлекавший серьезные уроки из допущенных ранее просчетов. Карпенко приводит слова самого барона: движение на Москву при разлагающейся армии и дезорганизованном тыле он называл «совершенным безумием», обещая придерживаться иной тактики - не продвигаться вперед, пока армия и тыл не придут в полный порядок, даже если обстоятельства будут складываться благоприятно. Врангель вместе со своим помощником А.И. Кривошеиным замыслил превратить Крым во «вторую Россию», устроив там «человеческое житье». Этот полуостров мыслился образцом, способным со временем привлечь на свою сторону население советской России. Аграрная реформа, которая наделяла бы крестьян землей, рассматривалась как главный инструмент такого преобразования. Времени для реализации этих планов не хватило. Тем не менее попытка выйти за рамки чисто военного противостояния и приступить к созданию альтернативной модели общественного устройства вызывает у историков наших дней бесспорный интерес и уважение.

Историография Белого движения на Юге России характеризуется развитием по нескольким направлениям. Наряду с фундаментальными трудами, представленными, в частности, активно развиваются диссертационные исследования. Например, О. А. Салов сосредоточился на анализе идеологических основ и политических программ Белого движения.

Особую ценность для восполнения пробелов в отечественной историографии представляют сохранившиеся семейные архивы. Исследователи подчеркивают, что эти документы открывают уникальные возможности для углубленного изучения периода, поэтому крайне важно обеспечивать их сохранность и популяризировать ответственное отношение к подобным источникам среди широкой общественности.

Современные отечественные исследования демонстрируют трансформацию образа белогвардейского Юга России – от крайних трактовок (идеализации и советской критики) к взвешенному, многоаспектному анализу. В рамках нового подхода белый Юг видится как пространство противоречий: военное руководство искало договоренности с казаками и буржуазными слоями, пропаганда обращалась к уставшему от войны населению, а экономика находилась в кризисе из-за гражданского противостояния. Научные работы А. С. Пученкова, С. В. Карпенко, В. Ж. Цветкова и С. А. Миронюка позволяют анализировать исторический опыт объективно, без политической ангажированности, что дает возможность глубже осмыслить природу социальных конфликтов.

Список литературы

1. Пученков, А. С. Первый год Добровольческой армии. От возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооруженных Сил на Юге России. Ноябрь 1917 – декабрь 1918 года / А. С. Пученков. – СПб.: Владимир Даль, 2021. – 813 с.
2. Миронюк, С. А. Сельское хозяйство белого Юга России в 1919 Г. В докладе Г.К. Хольмэна от 8 октября 1919 Г / С. А. Миронюк // Международная научная конференция молодых ученых и специалистов, посвященная 180-летию со дня рождения К.А. Тимирязева: Сборник статей, Москва, 05–07 июня 2023 года. – Москва: Российский государственный аграрный университет - МСХА им. К.А. Тимирязева, 2023. – С. 643-646.
3. Миронюк, С. А. Борьба с большевизмом как фактор формирования политики интервенции после Компьенского перемирия (по документам военного кабинета министров Великобритании ноября-декабря 1918 г.) / С. А. Миронюк // Вестник Томского государственного университета. История. – 2021. – № 70. – С. 83-88.
4. Миронюк, С. А. Британская политика интервенции в России (ноябрь 1917 г. - декабрь 1919 г.) как фактор Гражданской войны: этапы и особенности / С. А. Миронюк // Исторический вестник. - 2024. - Т. 47. - С. 318-381
5. Миронюк, С. А. Изменения в политике предоставления британской помощи белым силам в Сибири и на Юге России в июле 1919 г. и их причины (на основе протокола

заседания Военного Кабинета министров от 25 июля 1919 г.) / С. А. МIRONЮК // Genesis: исторические исследования. – 2019. – № 11. – С. 1-10.

6. МIRONЮК, С. А. Интеллектуальное обеспечение интервенции в Россию в записках британских генералов Г. Вильсона и Ф. Пуля / С. А. МIRONЮК // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2022. – № 2(29). – С. 116-139.

7. МIRONЮК, С. А. Миссия Х.Дж. Маккиндера на Юге России в январе 1920 г.: деятельность и результаты / С. А. МIRONЮК // Марийский архивный ежегодник. – 2025. – № 1(25). – С. 228-236

8. МIRONЮК, С. А. Проблемы ведения предпринимательской деятельности на Белом Юге России в 1919 г. В материалах национального архива Соединенного Королевства / С. А. МIRONЮК // Аграрное предпринимательство: история, тренды, горизонты развития : материалы международной научно-практической конференции, Москва, 11–12 апреля 2023 года. – Москва: Российский государственный аграрный университет - Московская сельскохозяйственная академия им. К.А. Тимирязева, 2023. – С. 34-39.

9. МIRONЮК, С. А. Проблемы ведения предпринимательской деятельности на Белом Юге России в 1919 г. В материалах национального архива Соединенного Королевства / С. А. МIRONЮК // Аграрное предпринимательство: история, тренды, горизонты развития : материалы международной научно-практической конференции, Москва, 11–12 апреля 2023 года. – Москва: Российский государственный аграрный университет - Московская сельскохозяйственная академия им. К.А. Тимирязева, 2023. – С. 34-39.

10. Карпенко, С. В. Очерки истории Белого движения на Юге России (1917-1920) / С. В. Карпенко. – М.: Издательство Ипполитова, 2003. – 352 с.

11. Пученков, А. С. Первый год Добровольческой армии. От возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооруженных Сил на Юге России. Ноябрь 1917 – декабрь 1918 года / А. С. Пученков. – СПб.: Владимир Даль, 2021. – 813 с.

12. Салов, О.А. Идеологические основы и политические программы южнороссийского Белого движения и их практическая реализация (ноябрь 1917 - 1920 гг.). Историографическое исследование: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / Олег Альбертович Салов, 2010. – 436 с.

13. Цветков, В.Ж. Другой мир. Какой была бы Россия без большевиков и советской власти. – Текст: электронный // URL: https://lenta.ru/articles/2018/01/11/white_power/?ysclid=mmdtvzpwrg841706733 (дата обращения: 03.03.2026).

ФИНАНСИРОВАНИЕ ГИТЛЕРА В 1920-е – НАЧАЛЕ 1930-х гг.

Ковшов Алексей Иванович, студент

Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К. А. Тимирязева,
Москва, Россия

Kovshova001@gmail.com

Научный руководитель: МIRONЮК Сергей Алексеевич, кандидат исторических наук

Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К. А. Тимирязева,
Москва, Россия

mironyuk@rgau-msha.ru

Аннотация. В статье описывает путь НСДАП к власти в контексте ее финансирования: от хаотичных сборов в пивных и поддержки мелких спонсоров в 1920-х до системного финансирования крупными промышленниками в обмен на уничтожение профсоюзов и госзаказов в конце 1920-х – в начале 1930-х гг. Ключевую роль сыграл Ялмар Шахт, организовавший каналы пожертвований. Кульминацией стал сбор 3 миллионов рейхсмарок в 1933 г., после чего Гитлер, получив власть, превратил спонсоров в зависимых партнеров, подчинив экономику нуждам войны.

Ключевые слова: Дитрих Эккар, «Клуб промышленников», Ялмар Шахт, Веймарская республика, Курт фон Шредер

На примере НСДАП прослеживаются, как экономические кризисы и союз популистов с крупным капиталом могут подрывать демократические институты. Тема служит предостережением о рисках непрозрачного финансирования политических партий и близорукости элит, считающих, что экстремистов можно использовать как временный инструмент.

Партия, насчитывавшая в 1920 г. лишь несколько десятков членов, а к моменту путча в 1923 г. – около 55 тысяч людей по всей баварской площади, не имела способности существовать на членские переводы. Они являлись маленькими, приходили нерегулярно, в особенности от не имеющих постоянной работы ветеранов войны.

Основным источником финансирования партии были сборы с общественных выступлений. Гитлер, усердно показавший себя как харизматичный и пылкий ритор, стал главным «активом» партии. Присутствие в мюнхенских пивных, таких как «Хофбройхаус» или «Бюргербройкеллер», было платным, стоило не больше 3 марок. Приобретенные средства шли на аренду залов, печать агитационных листовок, афиш и обеспечение скромного партийного устройства. Успех акции – и ее финансовый итог – непосредственно определялся от выступления Гитлера.

Кроме сборов с общественных выступлений, были еще мелкие подарки от приверженцев. Часто поддержка проявлялась в натуральной форме: хозяин печатного станка мог бесплатно напечатать листовки, администратор кафе – угостить деятелей, бывший офицер предоставлял транспорт.

Переломную роль в финансировании партии Гитлера сыграл Дитрих Эккарт – поэт, драматург, переводчик и ярый антисемит. Он открыл путь к серьезным ресурсам. Благодаря своему непосредственному участию в оккультном обществе ТУЛЕ он познакомил Гитлера с людьми, обладавшими огромными деньгами [1, с. 145]. Именно из-за помощи Эккарта получилось приобрести обанкротившуюся газету «Völkischer Beobachter» («Народный обозреватель») [2, с. 78], которая взяла на себя главного агитатора НСДАП. Деньги на газету (около 120 тысяч марок) предоставили участники «Туле» и другие националисты.

Эккарт познакомил Гитлера с богатыми семьями – Бехштейнами (владельцы известной фабрики роялей) и Брукманами (мюнхенские издатели) [3, с. 234]. Эти семьи,

увидевшие в Гитлере «простого солдата» и харизматичного борца с марксизмом и либерализмом, стали его богатыми благодетелями. Их поддержка осуществлялась не только в прямых крупных взносах в партийную кассу, но и в личной помощи Гитлеру. Эккарт умер в 1923 г., уже после провала Пивного путча, он исполнил важнейшую роль: трансформировал Гитлера в серьезного политического деятеля.

Также большую роль сыграл Э. Ганфштенгль, который предоставил НСДАП кредит в 1000 долларов США – огромную по тем временам стабильную валюту [4, с. 89]. Эти деньги спасли *Völkischer Beobachter* от банкротства.

После провала Пивного путча в 1923 г. и выхода из тюрьмы в декабре 1924 г. Адольф Гитлер сделал стратегический вывод: путь к власти лежит не через путч, а через легальное завоевание мест в правительстве. Это требовало коренной перестройки партии, создания национальной структуры и поиска стабильного, системного финансирования. Период можно разделить на две периода: «тощие годы» (1924–1929) реорганизации и консолидации и «рывок к власти» (1929–1932).

Во время первого периода были заложены основы будущего финансового могущества. Членство выросло с 27 000 человек в 1925 г. до 130 000 человек в 1929 г. Партийные митинги превратились в эффективные инструменты сбора пожертвований и продажи партийной атрибутики. Однако до 1929 г. партия оставалась на политической периферии, а ее финансирование, хоть и стало более упорядоченным, все еще не могло сравниться с ресурсами традиционных партий. Электоральные результаты были скромными в Рейхстаге: 32 места (май 1924 г.) и 12 мест (май 1928 г.)

Во время второго периода произошел союз с промышленными и аграрными элитами. «Клуб друзей экономики» (неформальная группа влиятельных бизнесменов (Вильгельм Кепплер, фигуры из концернов Krupp, IG Farben) под руководством Ялмара Шахта стала центральным каналом для крупных партийных пожертвований. Деньги шли не напрямую Гитлеру, а на специальные счета, контролируемые его доверенными лицами. Гитлеровская партия получила прямую поддержку некоторых магнатов. Фриц Тиссен, сталелитейный король, стал одним из крупнейших спонсоров, лично вложив в партию около миллиона рейхсмарок [5, с. 112]. Его примеру следовали другие. Финансовая поддержка напрямую конвертировалась в политический успех: 1930 г. – 107 мест в Рейхстаге (рост с 12!) и июль 1932 г. – 230 мест. НСДАП становится крупнейшей партией Германии.

Центральным эпизодом этого этапа стала встреча 4 января 1933 г. на вилле банкира Курта фон Шредера в Кельне. Организатором выступил Ялмар Шахт [6, с. 201]. За одним столом собрались Адольф Гитлер, Франц фон Папен и хозяин дома – представитель одного из влиятельнейших банковских домов Германии, имевшего тесные связи с международным капиталом. Папен, считавший, что сможет «обуздать» Гитлера, согласился на формирование коалиционного правительства, где нацисты получают власть, а консерваторы – ключевые министерские посты и контроль над Гитлером. Банкир Шредер и стоявшие за ним промышленные круги дали понять, что они поддерживают этот план. Деньги стали тем «рекомендательным письмом», которое убедило колеблющихся. После этой встречи начался активный обмен мнениями в элитах. Промышленники через своих посредников начали массированное давление на президента Гинденбурга, убеждая его, что правительство во главе с Гитлером – единственная альтернатива хаосу и коммунизму.

20 февраля 1933 г. в резиденции Германа Геринга, председателя рейхстага, состоялась тайная встреча, ставшая финансовым апофеозом прихода нацистов к власти. Организаторами выступили Геринг и Шахт.

Гитлер выступил с трехчасовой речью. Он не просил деньги напрямую. Он рисовал картину будущего: уничтожение марксизма, восстановление вермахта, ликвидация парламентской демократии. Он дал бизнесу то, что они хотели услышать – гарантию порядка и предсказуемости. После ухода Гитлера слово взял Шахт. Он был краток: «Господа, теперь нам нужно оплатить счет». Результатом стал сбор 3 миллионов рейхсмарок (около 20

миллионов долларов в современном эквиваленте). Эти деньги поступили на специальный предвыборный фонд НСДАП, подконтрольный лично Гитлеру.

На выборах 5 марта 1933 г. НСДАП получила 43,9% голосов. Этого вместе с мандатами консервативных союзников хватило для принятия Закона о чрезвычайных полномочиях 23 марта. Гитлер получил неограниченную власть.

Финансовая поддержка промышленников вначале 1933 г. была не просто «спонсорством». Это была целенаправленная инвестиция в ликвидацию демократии. Крупный капитал купил себе стабильность, уничтожение профсоюзов и будущие военные заказы.

Приход Гитлера к власти в январе 1933 г. стал водоразделом не только в политической, но и в экономической истории Германии. Отношения между нацистским режимом и крупным капиталом, которые до этого строились как отношения «спонсор – получатель», радикально трансформировались. Финансирование партии как таковой утратило смысл – партия стала государством. Возникла новая система, которую корректнее всего определять термином «симбиоз» [7, с. 278]: промышленность получала беспрецедентные прибыли и социальный порядок, а режим – ресурсы, необходимые для подготовки к войне и тотального контроля над экономикой.

Механизм «Клуба друзей экономики» сохранился, но изменил свою природу. Промышленники продолжали платить, но теперь это была не инвестиция в получение власти, а плата за лояльность. Государство получало колоссальные средства от конфискации предприятий, недвижимости, произведений искусства и банковских счетов. Ключевые партийные функционеры (Геринг, Гиммлер, Геббельс) и приближенные промышленники получали за бесценок захваченные предприятия. Так, концерн IG Farben, уже тесно связанный с нацистами, прибрал к рукам химические заводы, ранее принадлежавшие еврейским семьям.

Крупный немецкий бизнес, десятилетиями мечтавший о сильной власти, которая уничтожит профсоюзы и установит «социальный мир», получил желаемое сполна: 2 мая 1933 г. профсоюзы были разгромлены. Забастовки стали невозможны. Перевооружение вермахта вызвало беспрецедентный промышленный бум. Крупновские заводы, «Хеншель», «Даймлер-Бенц» работали на полную мощность. Прибыли концерна IG Farben, производившего синтетический каучук и топливо, выросли в разы. Государство защищало внутренний рынок, обеспечивало дешевую рабочую силу (за счет замораживания зарплат) и предоставляло налоговые льготы.

Однако гитлеровское государство диктовало, что производить, в каких объемах, и по какой цене. В 1934 г. был создан «Имперский союз германской промышленности», превративший бизнес-ассоциации в придаток партийной бюрократии. Любой промышленник, даже самый могущественный, знал, что компромат на него (связи с еврейскими банкирами в прошлом, родственники-эмигранты, критика режима) хранится в сейфах Гиммлера. Это гарантировало абсолютную лояльность [8, с. 408]. Гитлеру больше не нужны были «тайные деньги» промышленников. Он создал машину, в которой бизнес сам зарабатывал для государства и для себя, но под жестким партийным контролем. Частная собственность формально сохранялась, но право распоряжаться ею, было ограничено интересами рейха.

Фигура Ялмара Шахта символична. Гениальный финансист, который привел Гитлера к деньгам промышленников, к 1937 г. был отправлен в отставку [6, с. 298]. Его концепция сбалансированного бюджета и умеренного перевооружения вступила в конфликт с гитлеровской установкой на тотальную войну любой ценой. Шахт оказался не нужен – режим перерос своего «кошелька».

В этом и заключалась главная ирония «последнего рывка» и последовавшего за ним симбиоза. Консервативные элиты, финансировавшие Гитлера в надежде использовать его как инструмент, к концу 1930-х гг. сами стали инструментом. Их капиталы работали на войну, их заводы бомбила союзная авиация, а их «протекте» привел Германию к

национальной катастрофе 1945 г. [9, с. 384]. Решающий разгром над нацистами внес Советский Союз, ставший после Великой Отечественной войны одной из сверхдержав [10, с. 490; 11, с. 68-69].

Список литературы

1. Гудрик-Кларк, Н. Оккультные корни нацизма. Тайные арийские культы и их влияние на нацистскую идеологию / Н. Гудрик-Кларк. – Москва: Эксмо, 2004. – 576 с.
2. Ширер, У. Взлет и падение Третьего рейха. В 2 т. / У. Ширер. – Москва: Захаров, 2009. – Т. 1. – 816 с.; Т. 2. – 704 с.
3. Фест, И. Гитлер. Биография. В 3 т. / И. Фест. – Москва: Вече, 2006. – Т. 1. – 640 с.; Т. 2. – 640 с.; Т. 3. – 640 с.
4. Ганфштенгль, Э. Гитлер: Утраченные годы. Воспоминания друга фюрера / Э. Ганфштенгль. – Москва: Центрполиграф, 2007. – 448 с.
5. Тиссен, Ф. Я платил Гитлеру. Исповедь немецкого магната / Ф. Тиссен. – Москва: Центрполиграф, 2008. – 256 с.
6. Шахт, Я. Главный финансист Третьего рейха. Признания старого лиса / Я. Шахт. – Москва: Центрполиграф, 2011. – 320 с.
7. Тернер, Г. А. Крупный бизнес и подъем Гитлера / Г. А. Тернер. – Москва: РОССПЭН, 2010. – 352 с.
8. Пикер, Г. Застольные разговоры Гитлера / Г. Пикер. – Смоленск: Русич, 1998. – 480 с.
9. Галло, М. Финансисты Гитлера / М. Галло. – Москва: Вече, 2004. – 416 с.
10. История России / А. Б. Оришев, А. Б. Грачев, С. А. Миронюк [и др.]. – Москва : Российский государственный аграрный университет - МСХА им. К.А. Тимирязева, 2023. – 568 с.
11. История России: 1917 - наши дни : Учебник для аграрных вузов / А. Б. Оришев, С. А. Миронюк, Р. А. Тлепцок, Д. Н. Христенко. – Москва : РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева, 2025. – 147 с.

ЗНАЧЕНИЕ СОЗДАНИЯ И РАЗРАБОТКИ АТОМНОГО ОРУЖИЯ В СССР В ПОСЛЕВОЕННОМ МИРЕ

Кожевникова Елизавета Николаевна, студентка

Московский государственный юридический Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
Москва, Россия

elizaveta.kozhevnikova1405@mail.ru

Научный руководитель: Селиванова Вера Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент

Московский государственный юридический Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
Москва, Россия

vaselivanova@msal.ru

Аннотация. Статья анализирует военно-политическое значение создания атомного оружия в СССР в послевоенный период и его влияние на мироустройство эпохи Холодной войны. Показано, как успешное испытание советской атомной бомбы в 1949 году ликвидировало монополию США на ядерное оружие после бомбардировок Хиросимы и Нагасаки (1945) и привело к установлению ядерного паритета в 1970-е гг. Подчеркивается, что достигнутый баланс сил сформировал систему сдерживания, предотвратив прямое военное столкновение сверхдержав и стабилизировав международную обстановку при сохранении острой геополитической конкуренции. Также кратко рассматривается роль ключевых фигур проекта (И. В. Курчатова, Ю. Б. Харитона, Л. П. Берии и др.) и влияние «Атомного проекта СССР» на развитие науки и экономики страны.

Ключевые слова: атомный проект СССР, ядерное оружие, ядерный паритет, атомная бомба, атомная энергетика, мирный атом, Холодная война, стратегия сдерживания, гонка вооружений

Актуальность проведения исследования обусловлена необходимостью осмысления роли атомного проекта СССР в контексте глобальных геополитических процессов второй половины XX-XXI веков. Создание атомного оружия стало не только технологическим прорывом, но и ключевым фактором, определившим баланс сил в мире после окончания Второй мировой войны. В условиях нарастающего противостояния между сверхдержавами вопрос о ядерном паритете приобрел критическое значение, а достижения советской науки и промышленности задали вектор развития международной безопасности на десятилетия вперед. Подтверждением этого являются события современной истории, которые происходят у нас на глазах. Стремление к обладанию ядерным оружием в условиях разрушения международного права, по сути, единственная возможность для ряда стран сохранить суверенитет. Комментируя войну на Ближнем Востоке, министр иностранных дел С. Лавров указывает на то, что запад осуществляет двойные стандарты по отношению к проблеме "нераспространения".

Создание атомного оружия в СССР стало одним из ключевых событий послевоенного периода, оказавшим глубокое влияние на международную политику, стратегический баланс сил и научно-технический прогресс. Реализация «Атомного проекта СССР» не только позволила Советскому Союзу достичь ядерного паритета с США, но и изменила глобальную систему безопасности, заложив основы сдерживания и предотвратив возможность крупномасштабных военных конфликтов в эпоху Холодной войны, примером может служить исход Карибского кризиса в 1962 году. Компромисс был достигнут, потому что, несмотря на превосходство США в количестве боеголовок, правительство США понимало, что не сможет избежать ответного ядерного удара.

Исследования в области ядерной физики в СССР начались еще в начале XX века. Важнейшую роль сыграли создание в Петрограде Государственного рентгенологического и

радиологического института, позднее преобразованного в Ленинградский физико-технический институт (ЛФТИ) под руководством А. Ф. Иоффе, а также формирование отечественной школы радиационной химии усилиями В. И. Вернадского и В. Г. Хлопина. В этот период был организован Радиевый институт, а ученые И. В. Курчатов, Я. И. Френкель, Н. Н. Семенов, Ю. Б. Харитон и другие заложили фундамент будущих достижений. К концу 1930-х гг. в СССР уже были сделаны важные теоретические открытия: Я. И. Френкель в 1939 г. разработал капельную модель атомного ядра и сформулировал основы теории деления тяжелых ядер, в 1940 г. Н. Н. Семенов, Я. Б. Зельдович и Ю. Б. Харитон предложили теорию цепной ядерной реакции в уране, а Г. Н. Флеров и К. А. Петржак открыли спонтанное деление урана. В 1938–1940-х гг. были заложены организационные основы исследований [1, с. 32]: создана Комиссия по тяжелой воде, комиссия по проблеме урана (1940), начато строительство циклотрона. Начало Великой Отечественной войны замедлило темпы исследований советских ученых, но уже в 1942–1943 гг. работы активизировались.

Существенную роль в ускорении создания советской атомной бомбы сыграла деятельность внешней разведки СССР. С начала 1940-х годов была развернута масштабная операция под кодовым названием «Энормоз», нацеленная на получение информации о зарубежных ядерных программах, прежде всего – о проекте «Манхэттен» в США и аналогичных исследованиях в Великобритании. Инициатором активизации разведывательной работы стал начальник научно-технической разведки Леонид Квасников, заметивший исчезновение публикаций по ядерной физике из научных журналов – признак засекречивания тематики.

Ключевыми источниками информации стали [2]: агенты в Великобритании, включая участников «Кембриджской пятерки» (в т.ч. Дональд Маклин, передавший ценные документы Уранового комитета); советский резидент в Лондоне Владимир Барковский (псевдоним «Дэн»), обеспечивший доступ к данным английских ученых; Клаус Фукс – немецкий физик-эмигрант, работавший в Лос-Аламосе и передававший сведения о конструкции атомной бомбы и методах обогащения урана; резидентуры в США и Канаде, добывавшие информацию о технологиях разделения изотопов, конструкции реакторов и запальных механизмов.

Разведка поставляла не только технические описания и чертежи, но и образцы материалов, включая образцы урана и тяжелой воды. Полученные данные позволяли советским ученым: избежать повторения ошибок зарубежных коллег; сократить сроки исследований за счет использования уже проверенных решений; сосредоточиться на ключевых направлениях, где требовались оригинальные разработки.

Информация поступала в виде шифровок, отчетов и физических образцов. Она аккумулировалась в спецслужбах и спецотделе Академии наук СССР, а затем передавалась ученым, включая И. В. Курчатова, для анализа и внедрения в советский проект. Благодаря разведданным удалось существенно ускорить процесс создания бомбы – по оценкам, на несколько лет. Это было критически важно в условиях послевоенного противостояния и монополии США на ядерное оружие в 1945–1949 гг.

Успех этого грандиозного проекта стал возможным благодаря уникальной организационной модели, основанной на национальных особенностях управления ресурсами и мобилизационном подходе. Важнейшими элементами успеха были высокая мотивация участников, эффективное распределение ограниченных ресурсов и централизация власти, обеспечившие концентрацию усилий на ключевых направлениях. Так советская система управления показала свою эффективность в экстремальных ситуациях, требовавших быстрой реакции и концентрации усилий.

Дискуссии вокруг участия Лаврентия Павловича Берии в реализации советского атомного проекта ведутся давно и остаются предметом научных споров. Однако факты свидетельствуют о том, что роль Берии была значимой и существенной. Он сыграл ключевую роль в создании советского атомного оружия [3]. Его участие началось в 1942 году как заместителя Вячеслава Молотова – тогда он отвечал за доставку разведданных

по атомным проектам США и Великобритании. В 1944 г. по его инициативе создали группу «С» (позже – отдел) под руководством Павла Судоплатова для сбора информации по атомной тематике, а в августе 1945-го Берия возглавил Специальный комитет при ГКО по разработке атомного оружия и руководил им почти 8 лет. Под его кураторством: сформировано Первое главное управление (ПГУ) при Совете министров СССР для координации проекта; построен первый промышленный атомный реактор под Челябинском (1948) и радиохимический завод по выделению плутония; мобилизованы сотни тысяч специалистов (ученых, инженеров, рабочих и др.); налажено взаимодействие науки и разведки, в т.ч. с привлечением Игоря Курчатова и других ведущих ученых. Берия сочетал жесткие методы управления с системой мотивации (предоставление дач, квартир, машин) и обеспечивал строгую секретность проекта. Как отмечал Игорь Курчатов: «Если бы не он, Берия, бомбы бы не было».

28 сентября 1942 г. было издано секретное распоряжение ГКО № 2352сс «Об организации работ по урану», а в марте 1943 г. создана «Лаборатория № 2» АН СССР под руководством И. В. Курчатова [4, 7 с.]. В 1945 г. сформировали Специальный комитет во главе с Л. П. Берией и Первое главное управление при СНК СССР для координации работ. В ходе реализации проекта были решены сложнейшие научно-технические задачи: добыча и обогащение урана, получение тяжелой воды и чистого графита, разработка методов разделения изотопов, конструирование ядерного заряда и систем подрыва, создание инфраструктуры для испытаний и производства.

Ключевыми этапами стали строительство промышленных объектов – комбината «Маяк» (Челябинск-40), атомградов Свердловск-44 и Свердловск-45, Арзамаса-16 (Саров), запуск первого экспериментального реактора Ф-1 25 декабря 1946 г. и осуществление цепной реакции, организация производства плутония на комбинате в Челябинске-40, создание конструкторского бюро КБ-11 (Арзамас-16) для разработки конструкции бомбы и, наконец, испытание первой советской атомной бомбы РДС-1 29 августа 1949 г. В октябре 1949-го участники проекта получили награды (в том числе 36 Героев Социалистического Труда), а Берия – орден Ленина и Сталинскую премию первой степени.

Успешное испытание атомной бомбы в 1949 году имело огромное значение для Советского Союза. В военно-политическом плане оно ликвидировало монополию США на обладание атомным оружием в 1945 г., эта бомбардировка Хиросимы и Нагасаки в 1945 г. Соединенными Штатами было осуществлено, в том числе для атомного шантажа Советского Союза. Позволило достичь сдерживание возможной агрессии, укрепило международный авторитет СССР как сверхдержавы. В научно-техническом отношении проект способствовал развитию фундаментальной и прикладной науки – ядерной физики, радиохимии, материаловедения, созданию новых отраслей промышленности, таких как атомная энергетика и радиоэлектроника, а также вычислительной техники. В экономическом плане он привел к формированию новой промышленной базы – атомградов, комбинатов, научно-исследовательских институтов – и стимулировал развитие смежных отраслей: металлургии, машиностроения, транспорта. Социально проект повысил престиж науки и инженерного труда, сформировал особую корпоративную культуру ученых и инженеров, обеспечил занятость сотен тысяч специалистов – к 1949 году в проекте участвовало более 230 тысяч человек.

12 августа 1953 г. была испытана первая в мире водородная бомба конструкции Андрея Дмитриевича Сахарова мощностью 400 килотонн. Через два года, 22 ноября 1955 г. было испытано принципиально новое термоядерное оружие, конструкцию которого предложили ученые Арзамаса-16, на котором основывается современное термоядерное оружие [5, с. 170].

К середине 1970-х годов СССР достиг паритета (равенства) с США по количеству стратегических носителей – ядерных головок, что укрепило международную стабильность и привело к разрядке международной напряженности. Достижение паритета СССР привело к переговорам с США об ограничении вооружений: в 1972 году были подписаны Договор ОСВ-1 и Договор по ПРО. А далее в 1990-е были подписаны СНВ-1 и СНВ-2.

Реализация «Атомного проекта» оказала глубокое влияние на развитие науки, техники и экономики СССР. Проект стимулировал прогресс в ядерной физике, радиохимии, материаловедении и вычислительной технике, что привело к развитию фундаментальной и прикладной науки. Были созданы новые отрасли промышленности, такие как атомная энергетика

и радиоэлектроника, налажено производство тяжелой воды и графита, организованы специализированные предприятия по добыче и обогащению урана. Строительство атомградов, комбинатов и научно-исследовательских институтов сформировало новую промышленную инфраструктуру и стимулировало развитие смежных отраслей – металлургии, машиностроения, транспорта.

Развитие ядерных технологий дало импульс прогрессу в смежных сферах: в медицине начали активно применять радиоизотопы, в космических исследованиях стали использовать ядерные источники питания. Кроме того, проект способствовал расширению приема на физико-математические факультеты, созданию специализированных учебных заведений и повышению престижа науки и инженерного труда, что обеспечило подготовку высококвалифицированных кадров для будущих поколений исследователей.

Важным этапом в развитии ядерных технологий стало освоение «мирного атома». В 1950 г. Правительство СССР постановило начать исследования по применению энергии атома в мирных целях, и работу вновь возглавил академик И. В. Курчатов. Символом новой эпохи стала первая в мире атомная электростанция, запущенная 26 июля 1954 г. под Обнинском. Ее мощность составила 5 мегаватт, и она стала опытным образцом, продемонстрировавшим возможность использования атомной энергии для выработки электричества. Успешный запуск Обнинской АЭС обеспечил разработку и создание более мощных станций, как в СССР, так и в других странах.

Развитие атомной энергетики позволило решить проблему энергообеспечения в регионах, отдаленных от традиционных источников энергии, и снизить зависимость от ископаемого топлива. Вслед за Обнинской АЭС началось строительство более крупных станций: в 1964 г. была введена в эксплуатацию Белоярская АЭС, а позже – Нововоронежская АЭС. Эти проекты заложили основу для масштабного развития гражданской атомной энергетики в Советском Союзе и впоследствии в России. Сегодня в нашей стране действует 12 АЭС, более того Российская Федерация участвует в строительстве АЭС во многих странах мира, поскольку наши достижения являются одними из самых крупных.

Особого внимания заслуживает создание атомного ледокольного флота. В 1957 г. был спущен на воду первый в мире атомный ледокол «Ленин», открывший новую эру в освоении Арктики. Атомные ледоколы обеспечивали круглогодичную навигацию по Северному морскому пути, что имело огромное экономическое и стратегическое значение. На сегодняшний день в России 8 современных атомных ледоколов.

Таким образом, создание атомного оружия в СССР стало выдающимся достижением советской науки и промышленности, которое сыграло ключевую роль в формировании послевоенного мироустройства, важнейшим фактором укрепления национальной безопасности и сохранения суверенитета страны в условиях острой геополитической конкуренции.

Список литературы

1. Стратегическое ядерное вооружение России / О. А. Бухарин, Б. В. Железов, Т. Т. Кадышев [и др.] ; под ред. П. Л. Подвига. – Москва: ИздАТ, 1998. – 32 с.
2. Никифорова, В. Кто на самом деле выкрал атомную бомбу для СССР / В. Никифорова // РИДУС. – 2018. – 17 мая. – URL: <https://www.ridus.ru/kto-na-samom-dele-vykral-atomnuyu-bombu-dlya-sssr-276437.html> (дата обращения: 01.03.2026).
3. Кудряшов, Н. Атомный маршал / Н. Кудряшов. – Текст : электронный // историк.рф : [сайт]. – URL: <https://xn--h1aagokeh.xn--p1ai/journal/post/7163?ysclid=mmducs4lkz412772600> (дата обращения: 05.03.2026).
4. Ядерное вооружение СССР / Т. Кохран, У. Аркин, Р. Норрис, Дж. Сэндс ; пер. с англ. под ред. П. Л. Подвига. – Москва : ИздАТ, 1992. – 7 с.
5. Сказочкин, А. В. «Атомный проект» СССР: некоторые управленческие аспекты / А. В. Сказочкин // Управление наукой: теория и практика. – 2019. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/atomnyy-proekt-sssr-nekotorye-upravlencheskie-aspekty> (дата обращения: 02.03.2026).

ОТНОШЕНИЕ К ИСТОРИЧЕСКИМ ПАМЯТНИКАМ В ИМПЕРАТОРСКИЙ, СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Конева Марина Андреевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

konevaa007@gmail.com

Научный руководитель: Гайдин Сергей Тихонович, доктор исторических наук, профессор

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

gaydinsergey@rambler.ru

Аннотация. Исторические памятники являются визуальными символами, в которых воплощены значимые для любого государства и населения вехи их исторического прошлого и значимых явлений текущего периода. Они могут отражать события, увековечивать память выдающихся личностей, обеспечивают преемственность в восприятии новыми поколениями исторического наследия. Статья посвящена отношению к историческим памятникам в России в императорский, советский и современный период.

Ключевые слова: исторические памятники, памятник Петру I, переоценка исторического прошлого, снос и возведение памятников

Специалисты утверждают, что первым историческим памятником в России стал памятник Петру I, большинству известный как «Медный всадник». Он был создан французским скульптором Этьеном Морисом Фальконе по заказу императрицы Екатерины II. Первый российский император изображен на вздыбленном коне. Памятник, на котором была высечена фраза «Petro primo Catharina secunda» (Екатерина вторая - Петру первому), подчеркивал особую роль императора в преобразовании России и преемственность политики двух великих монархов.

В 1818 г. на Красной площади в Москве был открыт, созданный по проекту скульптора И.П. Мартоса, памятник руководителям Земского ополчения, разбившего польских захватчиков с надписью: «Гражданину Минину и князю Пожарскому благодарная Россия. Лета 1818». Он является символом единства русского народа, который объединился для борьбы с захватчиками.

Бесспорным шедевром является монумент «Тысячелетие России», который был воздвигнут в 1862 г. М. Микешиним, И. Шредером и В. Гартманом в Новгороде в честь начала русской государственности, которая связывалась с приглашением Рюрика.

В России в императорский период стала традицией установка памятников каждому из последующих после Петра I императоров [1]. Но смена модели развития страны в октябре 1917 г. привела большевиков к пересмотру истории нашей страны и переоценке роли личности в ее истории. Если памятники Петру I, Минину и Пожарскому, «Тысячелетие России» они рассматривали с точки зрения преемственности российской истории, то памятники российским монархам были объявлены вне закона.

В Декрете о памятниках Республики, принятом 12 апреля 1918 г. говорилось, что «..памятники, воздвигнутые в честь царей и их слуг и не представляющие интереса ни с исторической, ни с художественной стороны, подлежат снятию с площадей и улиц ...». Уничтожение их, по мнению В.И. Ленина, было необходимым для преодоления эксплуататорского прошлого и борьбы за светлое будущее для народа. Причем уже 1 мая предлагалось убрать некоторые наиболее уродливые истуканы и представить на суд масс модели новых памятников [2].

Вскоре после принятия Декрета, Наркомат просвещения составил «Перечень памятников, подлежащих уничтожению». В него вошли конные статуи монархов и памятники генералам царской армии. В соответствии с перечнем, уже в 1918 г. в Москве и

Ленинграде были снесены памятники Николаю I, Александру II, Александру III. Советская власть сохранила памятник А.С. Пушкину, установленный в Москве в 1880 г. Но наряду с памятниками «эксплуататорам» были снесены памятники генералам, которые прославились на поприще защиты Отечества. Так в Москве был снесен памятник герою русско-турецкой войны 1877 – 1878 г. генералу М.Д. Скобелеву [3]. Власть при сносе памятников пыталась извлекать максимальный пропагандистский эффект. Так при сносе памятника П.А. Столыпину над ним установили гильотину и устроили показательный суд [4].

В том же году в столице были установлены временные гипсовые памятники и бюсты участникам зарубежного и российского освободительного движения – Дж. Гарибальди, Луи Бланки, Г. Гейне, А.Н. Радищеву, Н.А. Добролюбову, С.Л. Перовской, С. Халтурина, поэтам А. В. Кольцову и И. С. Никитину, но они быстро пришли в негодность. Поэтому с 1923 г. в советской России перешли к изготовлению памятников из долговечных материалов. В 1925 г. был установлен памятник Г.В. Плеханову, отлитый из бронзы. Следует отметить, что такие знаменитые скульпторы, как Л.В. Шервуд, В.А. Синайский, И.Я. Гинцбург и другие активно сотрудничали с советской властью, которая щедро платила за их творения [5].

Советская эпоха, которая характеризовалась созданием нового общества, развитием промышленности, транспорта, науки, народного образования, создавала «новых героев». Наряду с памятниками руководителям партии и правительства, известным революционерам скульпторы ваяли изображения рабочих, колхозников, представителей интеллигенции. Так на аллее Ударников парка Горького в Москве в 1931 г. было размещено шестнадцать бюстов ударников, награжденных орденами Ленина или Трудового Красного знамени. В их числе был бюст англичанина Томаса Монгера, который приехал в Россию еще в 1909 г., в советское время возглавил прокатный цех завода «Серп и Молот», в 1931г. был награжден орденом Трудового Красного Знамени и стал лауреатом Ленинской премии [6].

Советские скульпторы создавали шедевры, такие как скульптура Веры Мухиной, «Рабочий и колхозница», изготовленная в 1937 г. для международной выставки в Париже. Она получила признание со стороны скульпторов с мировой известностью и надолго стала символом СССР на мировой арене.

Переход страны от борьбы с «эксплуататорским прошлым» к созидательной деятельности потребовал признания вклада в развитие России ученых, писателей, деятелей культуры императорского периода, позволял рассматривать деятельность в советский период как продолжение созидательной деятельности на благо России

В 1923 г. в Москве был установлен памятник специалисту по физиологии растений Клименту Аркадьевичу Тимирязеву, в 1932 г. - автору периодической таблицы химических элементов Дмитрию Ивановичу Менделееву, в 1968 г. ученому-химику Александру Михайловичу Бутлерову, а также другим деятелям науки [7].

В памятниках были увековечены заслуги писателей, поэтов, деятелей искусств. В 1929 г. в Москве на театральной площади был открыт памятник А. Н. Островскому, в 1952 г. в сквере на Театральной площади установлен памятник дирижеру и композитору Н. А. Римскому-Корсакову, в 1954 г.- композитору П.И. Чайковскому, в 1958 г. - поэту Н. А. Некрасову, в 1959 г. - памятник баснописцу И. Крылову [8].

В СССР ставили памятники героям труда и покорителям космоса. Естественно, что создавались памятники в память о заслугах ученых, конструкторов, писателей, деятелей культуры советского периода. Благодарностью воинам-победителям, разгромившим захватчиков в годы Великой Отечественной войны, стали памятники полководцам и солдатам, поставленные на территории СССР и на полях сражений в Европе [9].

Первым массовым уничтожением памятников советского периода стала объявленная в хрущевский период борьба с культом личности И.В. Сталина, когда все посвященные ему памятники были снесены.

Во время горбачевской перестройки, когда производилась переоценка результатов советского периода и велась жесточайшая критика политических репрессий, был снесен памятник руководителю ВЧК Ф. Э Дзержинскому. После так называемого путча ГКЧП в августе

1991 г. был снесен памятник председателю ВЦИК Я. М. Свердлову, а позже - председателю Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинину [10]. После путча был снесен памятник пионеру Павлику Морозову, который разоблачил своего отца – кулака. Но если в столице активно сносили памятники, то на просторах страны не наблюдалось подобного остервенения. В Симферополе и Челябинске памятники П. Морозову стоят до сих пор [11].

Смена модели развития России после уничтожения СССР, вызвала новую волну борьбы с памятниками политических лидеров и людей, признанных героями. Она неоднозначно была воспринята большинством населения, которое считало себя частью отвергнутой советской системы. Пришлось считаться с тем, что в бывших советских республиках, ссылаясь на российскую практику стали сносить памятники советского периода, что было направлено на разрушение исторически сложившихся связей с Россией.

Особенно оголтело война с памятниками российским деятелям, военачальникам императорского и советского периода велась на Украине, которой З. Бжезинский определил роль кулака в борьбе Запада с Россией. Результатом работы по формированию ненависти к России и русским, стало деформированное мышление украинского народа, который сегодня воюет с Россией за чужие интересы.

К сожалению, борьба с памятниками имеет давнюю историю. Уничтожение памятников неугодным предшественникам практиковалось еще в древнем мире. Во время Великой французской революции не только были снесены памятники французским монархам, поставленным в предыдущие столетия, но и были уничтожены останки десятков королей, которых стащили в одну яму и засыпали известью.

У памятников, как и у народов сложная и противоречивая история. Они являются воплощенными в камне или металле символами страны и отражают поиск решений, заблуждений, накопление опыта и иммунитета от опрометчивых решений. Было бы разумным отказаться от идеологического отношения к памятникам, как символам правоты и оставить их на пьедесталах как отражение пройденного народом пути, который требует постоянного осмысления.

Список литературы

1. Памятники династии Романовых// <https://www.liveinternet.ru/users/4085298/post311757896/>
2. Декрет о памятниках Республики 12 апреля 1918 г. // <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/18-04-12.htm>
3. Памятник генералу Михаилу Скобелеву// <https://um.mos.ru/monuments/pamyatnik-generalu-mikhailu-skobelevu/>
4. Как большевики отмечали первое мая, стирая историческую память о героях России и уничтожая культурное наследие// <https://wsem.ru/publications/kak-bolsheviki-otmechali-pervoe-maya-stiraya-istoricheskuyu-pamyat-o-geroyakh-rossii-i-unicht>
5. Кириллова Елена. Радищева снесло штормом. В 1918 году в Петрограде большевики начали менять старые памятники на новые// https://rodina-history.ru/2018/01/19/reg-szfo/rodina-pamiatniki.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F
6. Советские памятники довоенного периода// <https://smolbattle.ru/threads/Советские-памятники-довоенного-периода.60620/>
7. Памятник Клименту Тимирязеву (Москва, Тверской бульвар)// [https://ru.wikipedia.org/wiki/Памятник_Клименту_Тимирязеву_\(Москва,_Тверской_бульвар\);](https://ru.wikipedia.org/wiki/Памятник_Клименту_Тимирязеву_(Москва,_Тверской_бульвар);) Памятник Менделееву (Санкт-Петербург) // [https://ru.ruwiki.ru/wiki/Памятник_Менделееву_\(Санкт-Петербург\);](https://ru.ruwiki.ru/wiki/Памятник_Менделееву_(Санкт-Петербург);) Памятник А.Бутлерову//https://www.votpusk.ru/article/attractions/rossiya-privolzhe/kazan/pamyatnik_a_butlerovu-a
8. Памятники великим русским писателям // https://www.m24.ru/articles/infografika/01122013/31572?utm_source=CopyBuf
9. Мария Федорова. Вечная память: Брестская крепость, Дорога жизни и другие мемориалы ВОВ. Вспомнить подвиг советского народа и узнать больше об истории России// <https://experience.tripster.ru/articles/vechnaya-pamyat-breyskaya-krepost-doroga-zhizni-i-drugie-memori/>
10. 5 снесенных памятников советской эпохи в Москве: Дзержинский и не только// <https://dzen.ru/a/YVBeFBKs0CDf2Bnu>
11. Сталин, Дзержинский и Павлик Морозов: памятники каким историческим личностям исчезли с улиц Москвы// www.msk.kp.ru/daily/27245.5/4374014/

РОЛЬ ОЧЕРКОВ Е.А. АВДЕЕВОЙ В ИЗУЧЕНИИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Корнеева Кира Алексеевна, студентка

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Россия

kira.k.ili.m@mail.ru

Научный руководитель: Акользина Марина Константиновна, кандидат исторических наук, доцент

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Россия

akolmarina@yandex.ru

Аннотация. Традиционная культура – одна из важнейших сторон жизни провинциального предпринимательства. В большом количестве работ по данной теме рассматриваются официальные документы, торговые книги, которые дают четкую количественную информацию о доходах, товарах. В статье рассматриваются очерки Е.А. Авдеевой как источник для получения информации о традиционной культуре провинциальных предпринимателей. Проанализирована глава «Воспоминания о Курске», получены сведения о традиционных занятиях и ремеслах населения, обрядах сватовства и свадьбы, развитии традиционного костюма купечества. Сделаны выводы о роли очерков Авдеевой Е.А. в изучение традиционной культуры предпринимательства.

Ключевые слова: предпринимательство, купечество, провинциальный предприниматель, традиционная культура, Авдеева Е.А

С развитием современного мира можно отметить увеличение количества предпринимателей в обществе. Исходя из этого, возрастает интерес к изучению истории предпринимательства, а также конкретно к традиционной культуре купечества, как столичного, так и провинциального.

Целью исследования стал анализ произведения «Записки о старом и новом русском быте» изучение информации о традиционной культуре торгово-предпринимательских слоев населения.

Задачи. Поиск произведения «Записки о старом и новом русском быте». Проанализировать произведение на примере главы «Воспоминания о Курске». Сделать вывод о роли очерков Екатерины Алексеевны в изучение культуры провинциального купечества.

Объектом исследования являются провинциальные предприниматели (конца XVIII века – первой половины XIX века).

Методы исследования – теоретические. Анализ.

Одним из способов изучения традиционной культуры провинциального предпринимательства является анализ произведений художественной литературы и очерков современников. Например, одним из самых известных авторов, описывающих повседневную жизнь купечества, является Островский А.Н. в его произведениях «Не в свои сани не садись», «Семейная картина», «Гроза», «Бедность не порок», «Свои люди – сочтемся» [1] можно встретить крупных и мелких купцов, городских и провинциальных, тех кто перенял новые культуру и обычаи, и тех, кто остался верен традициям. И.Ф. Горбунов описывал мещанско-купеческую среду в произведении «На ярмарке. Сцены из купеческого быта» [2]. П.И. Мельников-Печерский детально показывал быт и традиции старообрядческого купечества в цикле «В лесах», рассказе «Красильниковы» [3]. А.И. Левитов в формате очерков рассказывает о повседневной жизни ярмарки в «Ярмарочных сценах» [4].

Анализируя источники, мы можем прийти к выводу, что большинство произведений затрагивает описание традиционной культуры столичных предпринимателей, описание

жизни в Москве и Санкт-Петербурге. Поэтому выбранное нами литературное произведение, герои которого – провинциальные предприниматели, является ценным источником для раскрытия темы.

Произведение «Записки о старом и новом русском быте» анализируется в научных работах как пример для изучения обрядов, обычаев и традиций русского населения. Упоминается в статье Е.А. Тетериной и А.Ю. Питеровой «Исследование русских традиций, обычаев, обрядов. Историографический обзор» [5].

Цикл очерков Екатерины Алексеевны Авдеевой, собранный в книге «Записки о старом и новом русском быте» [6], выпущенный в 1842 году ее младшим братом Николаем Алексеевичем Полевым, позволяет нам рассмотреть особенности традиционной культуры купечества на разных территориях большой страны. В молодости Екатерина Алексеевна, сама относящаяся к купеческому сословию, много путешествовала вместе с мужем. Она с интересом подмечала важные моменты повседневной жизни разных слоев общества с упором на знакомые черты. В зрелом возрасте брат попросил Екатерину Алексеевну составить из своих воспоминаний очерки для публикации. Так до нас дошли ценные записи о Дерпте, Курске, Одессе, Иркутске, также предания, и обряды, собранные в главе «Житье бытие».

Рассмотрим очерк «Воспоминания о Курске» как пример описания традиционной культуры купечества города Курск и его окрестностей. Большое внимание автор уделяет одежде, поскольку в первой половине XIX века в костюме уже появилось расслоение на местный праздничный наряд, местный повседневный, и столичный. Новое «немецкое платье» в глазах консервативного общества можно было надеть «только на маскарад», в такой наряд входили длинные легкие платья, костюмы со шляпкой или чепчиком. Повседневная одежда курской женщины включала сарафан, называемый «шубкою или сукнею», в зависимости от материала. Под ним была рубаша с широкими рукавами, узким запястьем и высоким воротником, сарафан подпоясывали шелковым кушаком. На голове у девушек был «повойник», который при выходе со двора они покрывали платком. Праздничный наряд у женщин от повседневной одежды отличался богатством тканей, наличием золотых расписных узоров, богатых вышивок на ткани. На голову в праздники надевался расшитый золотом и драгоценными камнями кокошник, а на шею нити из жемчуга и янтаря, также позолоченные цепочки с крестом. Соответственно, чем богаче был женский образ, тем почетнее был глава семьи, муж или отец.

В свою очередь мужской костюм в этот период претерпел меньшие изменения, мужчины в большей степени продолжали одеваться в «русское платье», оставляли бороду на лице, а на голове волосы обстригали «в кружок». Из нововведений: некоторые купцы стали брить бороду и носить галстуки.

Важную часть в жизни каждой курянки играли не только уход за домом и воспитание детей, но и занятие традиционным ремеслом. Девушек с малого возраста учили плести кружевные платки, в них ходили и сами, и выставляли на продажу. Этот навык был показателем хорошей хозяйки. Наиболее искусные мастерицы занимались «вышиванием по кисее», и после богатыми узорами украшали рубашки, платки и платья. Таким ремеслом могли заниматься женщины в зажиточных семьях. Однако, Екатерина Алексеевна отмечает, что к середине XIX века занятие рукоделием в среде курских купчих снижалось, а цена изделий повышалась. Все остатки ниток и изделий скупали местные «торговки» и перепродавали в Харьков по завышенной цене.

Практически все молодые девушки города Курск и окрестностей, дочери купцов и дворян, вели затворническую жизнь. Покидать двор они могли только для поиска суженого, в этот момент их сопровождали родственницы, «старушки», которые могли дать совет девушке, и оценить жениха. Екатерина Алексеевна пишет, что прежде за муж могли отдать в 13 и 14 лет, однако благодаря закону возраст девушки теперь был от 15 лет.

В праздничные дни молодые люди собирались и группами гуляли по улицам города, так высматривая себе невесту. Девушки же весь день сидели с бабушкой или тетей на

лавочке около дома и тоже внимательно рассматривали молодых людей. Автор отмечает, что в такие дни у женщин был обычай «лущить и есть» семена подсолнечника или кедрового ореха и общаться.

Екатерина Алексеевна отмечает, что свадебный обряд изменился в сторону упрощения. Однако в тексте описывается полный свадебный обряд начала XIX века. Когда девушка уже была выбрана стороной жениха, мать и отец жениха должны были приехать в дом невесты. Они попросить посмотреть на нее, в этот момент, оценивая красоту девушки. Важными критериями также было умение принимать гостей, богатство стола, угощений, и конечно, красота нарядов, которые сменялись несколько раз. На следующий день, если невеста понравилась, то в дом невесты отправляли сваху, чтобы договориться о приданом, чем лучше девушка показала себя, тем сговорчивее была сторона жениха. Сам день свадьбы назывался «день сговора». В этот день семья жениха должна была направить напитки, фрукты, конфеты в дом невесты, где все и собирались. Жениха и невесту благословляли образами, а после они обменивались незначительными подарками. Весь день и вечер гости угощались и танцевали вместе с молодыми. Раньше пировать могли всю ночь, и была традиция бить посуду. На следующий день молодые должны были поехать к родителям и ближайшим родственникам с визитами и позвать их к себе на обед.

В очерке также можно найти информацию об обрядах, приуроченных к рождению ребенка, крестины, именины. Описываются особенности похоронного обряда местного купечества. Также большое внимание уделяется культуре питания, поскольку для купца застолье было неотъемлемой частью жизни и через званые обеды и ужины можно было показать свой статус и наладить отношения с другими семьями. Важно выделить роль религии в жизни курского купечества, описаны религиозные обряды, и жизнь предпринимателей в пост.

Таким образом, на примере главы «Воспоминания о Курске» произведения Екатерины Алексеевны Авдеевой «Записки о старом и новом русском быте» мы проанализировали объем информации, который можно извлечь для изучения традиционной культуры провинциального предпринимательства. Хороший слог и умение подмечать детали сделали очерки Екатерины Алексеевны важным источником для изучения указанной темы.

Список литературы

1. Островский А.Н. Сочинения А.Н. Островского [Текст]: Т. 1-5. Т. 3. – Санкт-Петербург: Д.Е. Кожанчиков, 1867-1870, 1867. – 475 с.
2. Горбунов И.Ф. На ярмарке. Сцены из купеческого быта /И.Ф. Горбунов // Сочинения: в 2 т. – Санкт Петербург, 1902. – Т. 1. – 3 с.
3. Мельников-Печерский П.И. Красильниковы / П.И. Мельников-Печерский // Рассказы Андрея Печерского. – М.: Университетская тип. (Катков), 1876. – С. 165–192.
4. Левитов А.И. Сочинения: в 2 т. / А.И. Левитов; ред., статья и комментарии И.С.
5. Тетерина Е.А., Питерова А.Ю. Исследования русских традиций, обычаев, обрядов. Историографический обзор // Наука. Общество. Государство. – 2016. – № 2 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovaniya-russkih-traditsiy-obychaev-obryadov-istoriograficheskiy-obzor> (дата обращения: 03.02.2026).
6. Авдеева Е.А. Записки о старом и новом русском быте / Е.А. Авдеева. – СПб.: Типография штаба военноучебных заведений, 1842. – 133 с.
7. Ежова. – Москва; Ленинград: Academia, 1933. – (Русские писатели. XIX век). – С. 91–153.
8. Островский А.Н. Не в свои сани не садись: Комедия в 3 д. / Соч. А.Н. Островского. – Москва: тип. В. Готье, 1853. – 74 с.
9. Островский А.Н. Бедность не порок / А.Н. Островский – «Public Domain», 1853 – 63 с.
10. Островский А.Н. Гроза / Островский А.Н – М.: ДА! Медиа, 2014. – 178 с.

РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРАВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ XVII–XVIII вв.

Крон Павел Александрович, студент

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

kron028@mail.ru

Научный руководитель: Васильева Злата Владимировна, кандидат педагогических наук

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

zlatavas@gmail.com

Аннотация. статья посвящена анализу развития российского права XVII–XVIII вв. в контексте философских и мировоззренческих идей эпохи. Актуальность исследования обусловлена дискуссиями о периодизации истории права и роли ценностных факторов в его эволюции. Новизна работы состоит в обосновании трехэтапной модели абсолютизма и выявлении связи философских концепций с правовыми институтами. Показано, что развитие права носило противоречивый характер и не являлось линейным прогрессом. Сделан вывод о двойственной роли принципа «общего блага» как основания реформ и легитимации самодержавной власти.

Ключевые слова: история российского права, абсолютизм, философия права, правовая система России, принцип общего блага

Развитие российской правовой системы в XVII–XVIII вв. происходило в тесной связи с господствующими в обществе мировоззренческими и философскими идеями. Право не существует в вакууме – принципы справедливости, равенства и политических убеждений отражаются в нормах права, определяя направления его эволюции [1].

Как отмечают отечественные исследователи, только учитывая ценностно-мировоззренческие факторы, можно полноценно понять закономерности развития государственной и правовой системы. В историографии продолжаются дискуссии о критериях периодизации истории права и предлагаются различные подходы [1, 3]. Опираясь на современные научные исследования, автор стремится обосновать периодизацию развития права XVII–XVIII вв. и показать, как философские концепции влияли на формирование правовых институтов.

В отечественной юридической науке сложилось представление о XVII–XVIII вв. как об эпохе становления и эволюции абсолютизма в России. Складывался во второй половине XVII в., ряд исследователей связывает окончательное институциональное оформление в первой четверти XVIII в. Это означает, что уже при царе Алексее Михайловиче и его наследниках зарождаются черты самодержавного правления, а при Петре I система абсолютной монархии оформляется юридически. Далее, вторую половину XVIII столетия отечественные историки права выделяют как этап «просвещенного абсолютизма» – особой модели, пытавшейся сочетать неограниченную монаршую власть с идеями Просвещения [2].

Таким образом, для целей нашего исследования целесообразно разделить период XVII–XVIII вв. на три основных этапа [3]:

1. Вторая половина XVII – начало XVIII вв. – эпоха становления абсолютизма.
2. Первая четверть – середина XVIII в. – эпоха классического абсолютизма.
3. Вторая половина XVIII в. – эпоха просвещенного абсолютизма.

Правовая система России середины XVII в. опиралась на судебники, царские указы и правовой обычай. Высшей санкцией закона выступала воля царя, легитимированная церковью. Вместе с тем в этот период происходят важные институциональные сдвиги. Так, в 1640-х годах фактически завершается эпоха Земских соборов, и верховная власть все в меньшей степени разделяет законодательные полномочия с обществом. Ключевым правовым итогом

эпохи стало Соборное уложение 1649 г., принятое при царе Алексее Михайловиче. Уложение стало первым полноценным и систематизированным сводом законов Русского государства: оно унифицировало и согласовало массив ранее изданных норм, устранив существенные противоречия. Одновременно Уложение закрепило основы абсолютной царской власти и узаконило крепостное право (в частности, бессрочный сыск беглых крестьян), заложив фундамент социальной конструкции, сохранявшейся до XIX в.

В XVII столетии светская философия в России еще не оформилась как самостоятельная область знания. Функцию философского осмысления государственно-правовой реальности выполняли православное богословие и традиционная политико-религиозная идеология, в том числе мотив «Москва – третий Рим» [4]. В рамках этой парадигмы власть мыслилась богоустановленной: царь – «Божий помазанник», отвечающий за сохранение благочестия и справедливости. Право понималось сквозь призму греха и спасения, а закон отождествлялся с «правдой» как истинным и должным порядком. Показательно, что в языке того времени слово «правда» употреблялось как синоним закона и справедливости. Такая традиция восходит к более ранним слоям отечественной правовой культуры и подразумевает, что закон должен соответствовать божественной истине и быть един для всех подданных, а монарх выступает хранителем этой «правды».

Во второй половине XVII в. в Россию все заметнее проникают элементы западноевропейской философской мысли раннего Нового времени. Формируется круг образованных людей, знакомых с латинской схоластикой, польско-западной культурой. В этом контексте важны фигуры С. Полоцкого и Ю. Крижанича. Полоцкий, сохраняя тезис о божественном происхождении царской власти, одновременно подчеркивал необходимость ее разумного и «просвещенного» осуществления, что позволяет рассматривать его идеи как один из ранних отечественных прототипов будущего «просвещенного абсолютизма». Юрий Крижанич в трактате «Политика» выступал за централизацию управления, критиковал боярскую олигархию, предлагал меры укрепления государства и хозяйства, предвосхищая отдельные мотивы меркантилизма. В целом право конца XVII в. сохраняло доминирование православной религиозной идеи, однако в элитной среде нарастало влияние ранних просветительских взглядов: самодержавие все чаще пытались обосновывать не только религиозно, но и рациональными аргументами «общего блага».

Эта тенденция усилилась в эпоху Петра I, когда, по оценкам исследователей [5], осознанным курсом стала интеграция передовых западноевропейских правовых и административных практик в Россию. Заимствования имели прикладной характер. Так, дворян направляли на обучение, приглашали иностранных специалистов, изучали организацию европейских армий, церквей и учреждений. В правовой сфере это выразилось как в создании новых институтов, так и в разработке новых актов. При составлении регламентов новых учреждений (в частности, коллегий) использовались иностранные образцы, адаптированные к российским условиям. Итогом реформ стало формирование регулярной бюрократической машины: вместо приказной системы вводятся коллегии с функциональным разделением компетенций. Создается Сенат в 1711 г. как высший орган управления и законодательства, подчиненный монарху. Формируются регулярные армия и флот.

В 1721 г. Петр принимает титул Императора и провозглашает Россию Империей. В том же году реформируется церковь. Учреждается Синод вместо патриаршества, что закрепляет концепцию цезаропапизма [5]. В законодательной риторике фиксируется принцип самодержавия как юридической нормы. Боярская дума фактически утрачивает роль и заменяется структурами, формируемыми сверху, а практика созыва Земских соборов не возобновляется. Важное значение имела и Табель о рангах 1722 г., оформившая служебную иерархию по заслугам и одновременно закрепившая сословные различия.

Ключевые идеи философии того времени опирались на идеи европейского рационализма и раннего Просвещения. Наиболее последовательным идеологом реформ стал Ф. Прокопович, который пытался соединить православную доктрину власти с западными

теориями общественного договора близкой к Т. Гоббсу. Государство мыслится как ответ на хаос и беспорядок, а концентрация власти оправдывается целью поддержания порядка и «общего блага». Можно также упомянуть и И. Посошкова, который в книге «О скудости и богатстве» рассуждал о рациональном улучшении хозяйства, критиковал взяточничество и другие вредные для государства практики.

В праве петровского времени эти идеи проявились, прежде всего, как секуляризация и рационализация. Так, Артикул воинский 1715 г. устанавливал наказания прагматично – для дисциплины и управления, а не для религиозного «исправления души». Попытки сохранялись, но появляются установки на их регламентацию и осторожность. Одновременно право сохраняло жесткость и репрессивность, поскольку главной задачей реформ было укрепление государства любой ценой. В частности, ужесточались меры против беглых крестьян, введение подушной подати, сохранялись суровые наказания за «опасные» для порядка деяния. Это показывает, что гуманистический компонент зрелого Просвещения еще не стал доминирующим. Ключевыми идеями оставались сила, порядок и управляемость.

После смерти Петра реформаторская динамика ослабла [6], однако созданные институты продолжали функционировать. К началу правления Екатерины II российская правовая система представляла собой сложный сплав традиционных элементов и механизмов управления и контроля, ориентированных на европейские образцы. В этих условиях второй половине XVIII в. предстояло соотнести накопленный административно-правовой опыт с философскими идеалами зрелого Просвещения.

Эпоха Екатерины II стала вершиной российского «просвещенного абсолютизма»: предпринимаются реформы, вдохновленные идеями Разума и законности, но без исключения самодержавного порядка. В высших слоях общества распространяются тексты Монтескье, Вольтера, Руссо, Дидро, активно обсуждаются естественное право, общественный договор, разделение властей и личные права. Однако эти идеи преломляются через российскую социальную структуру, где крепостничество и сословное неравенство остаются системообразующими. Символом эпохи стал «Наказ» 1767 г. Комиссии о сочинении нового Уложения. Этот документ включал передовые положения о принципах законности, гуманизации наказаний, ограничении произвола, но одновременно прямо исходил из необходимости сохранения самодержавия и осторожности в отношении крепостного строя. В результате возникло внутреннее напряжение между просветительской риторикой и практикой.

Наряду с доминирующим просветительским дискурсом существовали другие течения: православно-консервативная критика вольнодумства, масонско-нравственные кружки, включая деятельность Н.И. Новикова, а также радикально-просветительская линия, приверженцем которой был А.Н. Радищев. Ключевое противоречие эпохи сохранялось. Так, расширение гарантий и прав в привилегированных слоях сочеталось с усилением зависимости крестьянства. Поэтому философия Просвещения в российском праве второй половины XVIII в. проявилась как частичная модернизация и гуманизация форм при сохранении базовой сословно-иерархической конструкции. Однако даже такая динамика изменила правовую культуру.

Таким образом, «сквозной» философской идеей, объединяющей развитие российского права XVII–XVIII в., выступает принцип «общего блага». В различных интерпретациях он присутствует во всех рассматриваемых эпохах: у православных мыслителей XVII века – как божественная «правда» и польза для всего общества, у идеологов петровских реформ – как порядок и польза государства, у законодателей эпохи Екатерины II – как цель просвещенного правления. При этом принцип общего блага выполнял двойственную функцию. С одной стороны, он служил обоснованием правовых преобразований, с другой – использовался для сохранения самодержавия и крепостного строя. Так, в рассматриваемый период философские идеи в значительной степени адаптировали власть для подтверждения ее устойчивости. Это позволяет рассматривать эволюцию российского права не как линейный

прогресс, а как процесс усвоения философских концепций в интересах самодержавной модели государства.

Список литературы

1. Крылов С.В. Некоторые этапы становления правовой системы России // Human Progress. – 2024. – Т.10, вып. 8. – С. 22-27.
2. Эволюция российской правовой системы: история и современность. Коллективная монография. – М.: Норма, 2023. – 458 с.
3. Dorskaya A.A. Periodization of the History of State and Law of Russia: Problems of Axiological Interpretation // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2023. – № 2. – С. 15-26.
4. Байрамов М.Т. Политические и правовые учения в России во второй половине XVII в. // Новый юридический вестник. – 2025. – №4(46). – С. 9-11.
5. Шульгин В.В. Философия права в России XVIII в. // Философия и право. – 2025. – №4. – С. 5-19.
6. Никонов Д.Д. Екатерина II и «просвещенный абсолютизм»: идеи и реальность // Актуальные исследования. – 2026. – №3(289). – Ч. II. – С. 9-13.

ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР II И ОСНОВАНИЕ ПЕТРОВСКОЙ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ И ЛЕСНОЙ АКАДЕМИИ

Куковский Александр Сергеевич, студент

Российский государственный аграрный университет МСХА имени К. А. Тимирязева,
Москва, Россия

acipercollatem@gmail.com

Научный руководитель Федоров Павел Викторович, доктор исторических наук, профессор

Российский государственный аграрный университет МСХА имени К. А. Тимирязева,
Москва, Россия

sever-nordica@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена осмыслению личной роли императора Александра II в создании Петровской земледельческой и лесной академии близ Москвы. Рассматривается высочайший визит 16 августа 1865 г. в Петровско-Разумовское, который фактически принял характер инспекции перед открытием учебного заведения. Анализируется устав академии, утвержденный Александром II. Личная заинтересованность императора объясняется тем, что подготовка кадров в области сельского хозяйства была важным условием отмены крепостного права и реализации Великих реформ.

Ключевые слова: Александр II, Петровская земледельческая и лесная академия, Великие реформы, сельскохозяйственное образование, Петровско-Разумовское

Непосредственной предпосылкой к созданию Петровской земледельческой и лесной академии стала крестьянская реформа 1861 г. Спустя 4 месяца после официального начала реформы, 19 июня 1861 г., Александром II было принято решение об учреждении академии в одном из московских предместий – Петровско-Разумовском. Ссылку на это решение мы встречаем в указе от 27 октября 1865 г., которым был утвержден устав Петровской земледельческой и лесной академии [1]. Отмена крепостного права вскрыла острую нехватку аграрных знаний и новых методов ведения хозяйства. Требовались кадры, способные осуществить техническую модернизацию аграрного сектора. Миллионам крестьян, освобождающихся от крепостной зависимости с очень маленькими наделами земли, нужно было научиться хозяйствовать эффективно, по-новому. Таким образом, Петровская земледельческая и лесная академия стала детищем крестьянской реформы 1861 г. [2; 5]

Цель работы – осмыслить роль императора Александра II в создании Петровской академии.

Методы работы и источники. В исследовании применяются современные методы исторического анализа. Источниковую базу составляют материалы периодической печати. В газете «Русский инвалид» за 4 сентября 1865 г. была напечатана яркая и подробная корреспонденция о посещении императором Петровско-Разумовского. Ее автор – известный поэт Н. Ф. Щербина – скрыл свое настоящее имя под псевдонимом «Омега». К работе над статьей привлекались и нормативно-правовые источники, в частности, устав Петровской земледельческой и лесной академии, утвержденный указом Александра II 27 октября 1865 г.

Результаты исследования и их обсуждение. В литературе, изданной в советский период, не упоминалось о посещении императором Александром II места строительства Петровской академии [3; 6]. За этим учебным заведением закрепилась репутация одного из центров студенческого революционного движения. Данный образ плохо коррелировался с идеей об основании академии императорской властью.

Проведенный анализ источников позволяет конкретизировать роль императора Александра II в создании Петровской академии. Его личный визит сюда 16 августа 1865 г.

подробно описан в репортаже газеты «Русский инвалид» [4]. Этот источник дает возможность детально восстановить это событие.

В тот день государь в сопровождении великих князей осматривал строительство в усадьбе. Он увидел главное здание академии (ныне корпус № 10, в нем расположен ректорат), которое было построено по проекту Н. Л. Бенуа и П. С. Кампиони и казалось необыкновенно, даже чрезмерно роскошным. Двухэтажное здание, с башней, на которой установлены часы работы Носова. Один фасад выходил во двор, где расположен главный подъезд, а другой – в сад, с балконом и террасами. Со стороны сада здание выглядело настоящим дворцом. В огромные окна были вставлены необычные выпуклые наружу стекла. Эти стекла, выписанные из-за границы, но стоящие не дороже местных обыкновенных стекол лучшего сорта, отличались прочностью (министр финансов М. Х. Рейтерн специально становился на них ногами, и они не разбивались). Окна превосходно освещали комнаты, но при этом снаружи было невозможно увидеть, что делается внутри. Государь император во время своего посещения обратил особое внимание, как на эти стекла, так и на прекрасные орнаменты из папье-маше, заменяющие лепнину на потолке «актовой залы».

Приехав на эту стройку, Александр II не мог не показаться главным строителем и даже основателем нового уникального учреждения Российской империи. Из всех зданий академии была полностью готова химическая лаборатория. Там размещалась аудитория, устроенная амфитеатром, и собственно лабораторные помещения: для подготовки опытов к лекциям, две «практические» – для количественного анализа и для элементарных занятий. Лаборатории оборудованы песчаными банями, вытяжными шкафами, помещениями для ядовитых веществ и прочим. Государь император с большим одобрением отозвался об удачном распределении света в лабораториях, окна которых выходят на две противоположные стороны.

Отдельное здание, бывшее ранее оранжереей, было отведено под «музей сельскохозяйственных произведений». В другом здании устроены светлые и удобные небольшие комнаты для стипендиатов и других слушателей (всего более 70 комнат, по 4 рубля каждая, с отоплением, водой и мебелью). Планировалось, что для желающих будет организован общий стол за весьма умеренную плату. В нескольких флигелях приготовлены комфортабельные квартиры для профессоров и служащих академии.

Император ознакомился с перестройкой бывшего конного двора в современный скотный, осмотрел устройство опытных полей, огородов и питомников, а также оценил экспериментальные хозяйственные постройки, возведенные из новых материалов в качестве образцов. Этот скрупулезный объезд, включавший даже осмотр исторических уголков парка, демонстрировал не формальный, а предметный и заинтересованный подход монарха к оценке готовности будущей академии.

После визита императора в Петровско-Разумовское подготовительные мероприятия вступили в свою решающую фазу. 27 октября 1865 г. Александр II своей личной резолюцией «Быть по сему» утвердил устав Петровской земледельческой и лесной академии [1]. Устав включал 118 статей и несколько разделов («Общие основания», «Учебная часть», «Слушатели», «Стипендиаты», «Преподаватели», «Управление» и др.). Согласно этому документу, академия имела целью «распространение сведений по сельскому хозяйству и лесоводству». К слушанию лекций и практическим занятиям в нее допускались лица всех сословий без приема вступительных и переводных испытаний (за исключением стипендиатов). Академия получала право выдавать дипломы на степень кандидата и магистра сельского хозяйства и лесоводства и находилась в ведении Министерства государственных имуществ по департаменту сельского хозяйства.

Сам текст устава, утвержденный императором, закреплял не узкопрактическое училище, а новаторскую модель «свободной» научно-учебной корпорации. Эта модель, сочетавшая фундаментальное образование с обязательной практикой и правом присвоения ученых степеней, напрямую отвечала задачам пореформенной модернизации сельского хозяйства.

3 декабря 1865 г. было объявлено распоряжение об открытии Петровской академии, а 25 января 1866 г. состоялось торжественное открытие лекций [3, с. 12].

Память о причастности императора к созданию Петровской земледельческой и лесной академии и сегодня бережно сохраняется в Тимирязевке: в 2015 г. в главном, 10-м корпусе была установлена мемориальная доска, напоминающая о том, что академия была учреждена «резолуцией» Александра II.

Выводы. Таким образом, Александр II внес свой вклад в основание Петровской земледельческой и лесной академии. Император не просто совершил церемониальный визит в Петровско-Разумовское, но и, детально ознакомившись с ходом работ (от строительства главного здания и лабораторий до организации фермы и опытных полей), придал академии статус важнейшего государственного проекта. Государь фактически выступил покровителем академии. В утвержденном Александром II уставе 1865 г. была взята за основу модель новаторской «свободной» корпорации, интегрирующей образование, науку и практику. Этот проект стал институциональным воплощением курса Великих реформ, создав инновационный центр для преодоления аграрной отсталости страны.

Список литературы

1. Высочайше утвержденный Устав Петровской земледельческой и лесной академии [от 27 октября 1865 г.] // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е (ПСЗ-II). Т. 40. – Санкт-Петербург: Тип. II Отделения С.Е.В. канцелярии, 1867. – № 42613.
2. Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе. 1861-1880 гг. – М.: Наука, 1978. – 287 с.
3. Кузнецов А. И. Академия имени К. А. Тимирязева. – М.: Колос, 1982. – 191 с.
4. Омега. Письмо из Москвы (Частная корреспонденция «Русского Инвалида») // Русский инвалид. – 1865. – № 194. – 4 сентября.
5. Оришев А. Б. Тайны российской аграрной науки: тимирязевский прорыв. – Б/м: Издательские решения, 2016. – 398 с.
6. Сельскохозяйственная академия имени К. А. Тимирязева. – М.: Сельхозгиз, 1946. – 391 с.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ КУПЕЧЕСТВА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛАХ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Лузянчикова Анастасия Викторовна, студентка

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Тамбов, Россия

na01s03ty2004@mail.ru

Научный руководитель: Акользина Марина Константиновна, кандидат исторических наук, доцент

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Тамбов, Россия

akolmarina@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается положение представителей купеческого сословия Тамбовской губернии в первой половине XIX века в рамках правовой, статусной и профессиональной характеристик. Изучена основная деятельность купцов, прослежен процесс укрепления и увеличения их численности. Проведен анализ повседневной жизнедеятельности представителей сословия, а также анализ профессиональной специфики и вклада в развитие экономики, как местного, так и общероссийского уровня. Определена важность купечества в этот исторический период.

Ключевые слова: купечество, экономика, производство, торговля, сельское хозяйство, промышленность, семья, Тамбовская губерния

Актуальность исследования обусловлена заметным повышением интереса к изучению истории родного края, кроме того, необходимостью обобщения имеющейся информации для социально-экономической характеристики купечества Тамбовской губернии в первой половине XIX в. [1].

Историография данного вопроса по Тамбовской губернии в первой половине XIX века формируется из ряда научных работ по отдельным аспектам жизни купцов. Полноценный анализ изучаемой темы отсутствует в широком доступе информационного пространства, что создает пробелы в различных аспектах.

Изучением преуспевающих купеческих семей Тамбовской губернии в разных сферах жизни занималась историк В.Д. Орлова [2], занятия купеческого сословия Тамбовской губернии на примере уездного города Темников проследила Т.М. Гусева [3], изучив Памятные книжки Тамбовской губернии разных лет. Купечество как составная часть истории предпринимательства Российской империи, а также его роль в системе управления и самоуправления уездных городов Тамбовской губернии были оценены М.К. Акользиной [4-6].

Положение купечества в первой половине XIX века во многом определяли новые законодательные акты, отчасти улучшая жизнь купцов, потому что государственные преобразования давали привилегии и позволяли представителям этого сословия причислить себя к более «высокой» категории людей.

1 января 1807 г. Александр I издал манифест «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятиях» [7]. Согласно ему, купечество признавалось как сословие, внесшее большой вклад в развитие торговли страны и ее экономического благосостояние. В манифесте прописан ряд выгод и привилегий, которые купцы получали за свою деятельность. В частности, дворяне могли записываться в гильдии, открывать торговые дома, прописывались финансовые льготы и права, обращенные к купечеству.

Социальный статус и положение купечества в Российской империи в первой половине XIX в. имеет неоднородный характер. Поэтому необходимо изучение этого сословия отдельно по каждой губернии огромной страны.

Купечество Тамбовской губернии было весьма разнообразным по многим критериям: по материальному положению, роду занятий и образу жизни, а также взаимоотношениям с другими сословиями. Торговля в Тамбовской губернии в XIX веке находилась преимущественно в руках местного купечества, которое, по большей части, вышло из разбогатевших крестьян. Кроме того, стоит упомянуть о том, что характерной чертой купечества Тамбовской губернии было семейное ведение купеческого дела. Сначала работали вместе, например, братья, а потом с возрастом дело продолжали их дети, помогали родителям, а после могли самостоятельно управлять всем делом, «число купцов увеличивалось за счет раздела семей, выделения купеческих детей, братьев, племянников и внуков в самостоятельные домохозяйства и соответственного изменения их сословного статуса» [2, с. 2].

Местные купцы являлись весомой причиной развития городов Тамбовской губернии, потому что они занимались торговлей, а это способствовало тому, что сюда стали приезжать люди из близлежащих мест, что означало оживленность городов. Приезжие купцы вкладывались в развитие городов, даже переезжали. Что говорит о том, что положение купцов в Тамбовской губернии было на высоком уровне.

Такое изменение в системе сословий стало реальным после начала действия торгового законодательства, тем не менее, идеально выработанного механизма на этом этапе экономического и политического развития пока не было.

Всего к середине XIX века в Тамбовской губернии, согласно Военно-статистическому обозрению Российской империи [8], купцов первой гильдии среди мужчин было 37 человек, среди женщин – 34, второй гильдии – 140 мужчин, а женщин – 122 человек, третьей гильдии – 5350 мужчин, а женщин – 5750 человек.

По образу жизни купечество Тамбовской губернии несильно отличалось от других губерний, особенностью именно этой территории являлось большое количество ярмарок внутри нее. Существовали Тамбовская, Козловская, Лебедянская ярмарки.

Занимались торговлей в больших размерах хлебом, салом, кожей, лошадьми, в меньшем объеме красными, бакалейными товарами, съестными припасами, винами и прочим. Торговля огородными овощами производилась в незначительном количестве, причем преимущественно в городах, учитывая хорошее собственное продовольственное обеспечение в сельской местности.

Проследить ценовую разницу товаров в Тамбовской губернии позволяет «Таблица средних цен на разные продукты (по сведениям, доставленным городскими думами)» (см. рис.1).

В таблице указаны цены на муку ржаную, рожь, пшеницу озимую и яровую, овес, ячмень, горох, гречиху, крупы гречневую и пшеничную, коровье и конопляное масло, сало разного вида, свечи, сено, уксус, дрова березовые, сосновые и дубовые. В зависимости от места продажи цена указывается разная, где-то колебания незначительные, буквально в 20-40 копеек, но по некоторым показателям она отличается практически в 2 раза. Также можно заметить, что где-то на цене товара отмечен прочерк, что может говорить либо об отсутствии в месте продажи этого товара, либо о неизвестности цены на него, что менее вероятно. В последнем столбце просчитана средняя цена на товар в губернии. Сведения данного характера дают возможность проведения анализа и сравнения статистических данных по ценовому сегменту отдельных товаров, а, следовательно, появляется возможность получить данные о том, сколько купцы могли получить прибыли от продажи той или иной продукции.

Активно велась торговля лошадьми, ей занимались многие лица. Цены на этих животных начинались от 3 до 6000 рублей серебром. Критерием цены выступали «кровность лошади, известность завода, нужда продать или купить, большее или меньшее знание толка в этом деле, недостаток или избыток кормов» [8, с. 87]. Купец Агафон Федорович Асеев, являвшийся основателем крупной купеческой династии, на Тамбовщине вел активную деятельность, а его дети уже во второй половине XIX века являлись владельцами заводских конюшен. «К тому времени Тамбовская губерния стала активным участником

международных конных торгов. Каждая десятая лошадь, проданная из России за границу, была рождена здесь» [9, с. 30].

ТАБЛИЦА

СРЕДНИХ ЦЕН НА РАЗНЫЕ ПРОДУКТЫ. (По сведениям доставленным городскими думами.)

№ 24.

	Борисоглбск.	Елатомь.	Зашт. гор. Кадомъ Темник. уезда.	Кирсановъ.	Козловъ.	Лебедянь.	Липецкъ.	Моршанскъ.	Спаскъ.	Тамбовъ.	Темниковъ.	Усмань.	Щацкъ.	Среднія цены.
	Руб. Коп.	Руб. Коп.	Руб. Коп.	Руб. Коп.	Руб. Коп.	Руб. Коп.	Руб. Коп.	Руб. Коп.	Руб. Коп.	Руб. Коп.	Руб. Коп.	Руб. Коп.	Руб. Коп.	Руб. Коп.
Муки ржаной кул. 9 пуд. въса	2 25	3 85	3 57 1/2	2 80	—	2 60	2 65	2 59	2 57 1/2	3 75	4 58 1/2	—	3 55	2 95 1/11
— — — — — четверть.	2 5	3 20	—	—	2 28	—	—	—	—	—	4 17 1/2	2 5	3 —	2 42 3/4
Ржи	—	—	—	—	2 10	—	—	—	—	—	—	—	—	1 72 1/2
Пшеницы озимой	—	—	—	—	4 15	—	—	—	—	—	—	—	—	4 15
— яровой	—	—	—	—	3 10	—	—	—	—	—	—	—	—	3 10
Овса	1 30	1 65	1 70	92 1/2	1 7 1/2	1 50	1 90	1 5 1/2	1 25	1 75	1 83	—	1 60	1 41 1/13
Ячменя	1 70	—	—	—	1 25	—	—	—	1 65	—	—	—	—	4 53 1/3
Гороху	1 87 1/2	3 80	3 37 1/2	—	3 50	—	—	—	2 80	—	—	—	—	2 86 1/2
— мелкого	—	—	—	—	2 10	—	—	—	—	—	—	1 55	—	2 10
Семена конопляного	—	—	4 32 1/2	—	4 10	—	—	—	—	—	—	—	—	4 21 1/4
Гречихи	—	—	—	—	1 40	—	—	—	—	—	—	—	—	1 40
Крупъ гречневыхъ	3 52	3 35	3 55	2 50	2 35	2 28	2 90	2 57 1/2	2 75	3 50	3 60	1 95	3 60	2 95 1/13
— пшениныхъ	4 5	5 80	5 75	—	4 30	—	—	—	—	—	5 50 1/2	3 80	4 70	4 84 3/11
Солоду ржаного	72	55	—	—	—	—	—	—	70	—	—	—	—	67
Коровьяго масла пудъ.	4 90	4 20	5 45	5 40	4 60	6 —	5 75	5 25	5 60	6 —	—	4 80	4 80	5 22 1/11
Конопляного масла	—	3 70	2 75	—	2 50	—	3 35	2 57	—	3 —	—	2 70	3 20	2 99 3/8
Сала говяж. сыраго	—	—	—	—	2 —	—	—	—	—	—	—	—	—	2 —
— топлена	—	—	3 10	—	2 80	—	—	—	2 72	—	—	—	—	2 86 1/4
— баран. топлена	—	—	—	—	—	—	—	—	2 62	—	—	—	—	2 62
— свиного сыраго	—	—	—	—	2 —	—	—	—	—	—	—	—	—	2 —
— топлена	—	—	—	—	2 80	—	—	—	—	—	—	—	—	2 80
Свѣчъ салныхъ	—	3 80	3 90	—	—	—	—	3 80	—	—	—	—	—	3 83 1/3
Сѣна	—	7 1/2	—	10 1/2	7 —	15 —	11 —	10 1/4	13 1/2	18 —	16 1/2	7 1/2	12 —	11 1/10
Уксуу пивнаго за ведро	—	80	—	—	—	—	—	—	—	80 —	—	—	—	80
Дровъ березовыхъ саж.	—	3 60	—	—	7 85	—	5 25	—	—	—	—	—	—	5 56 1/3
— дубовыхъ	—	3 85	1 60	6-7	8 —	6 —	6 25	5 75	5 —	8 50	—	6 —	3 80	5 56 1/11
— соснов. и другихъ	—	2 62	—	—	6 50	—	—	—	—	—	—	—	—	4 56

Рисунок 1 – Таблица средних цен на разные продукты (по сведениям, доставленным городскими думами) [8]

В Борисоглебске торговля делилась на сухопутную и судоходно-речную. Главными предметами первого рода были пшеница, шерсть, кожа и скот. Пшеница перемалывалась в крупитчатую муку и отправлялась в Москву и другие северные торговые города. «В Борисоглебске было две ярмарки: 8 июля и 22 октября, продолжительностью три или четыре дня, но обе ярмарки были немногочисленными из-за того, что в это время проходили другие ярмарки, где производился более значимый торг. При этом существовали еженедельные базары по воскресеньям» [8, с. 88].

«В Моршанске предметами торговли были разного рода хлеб, скот, сало, бакалейные товары. Ярмарок в Моршанском уезде проводилось много, примерно в десяти разных селениях. Базары проводились еженедельно во все дни, кроме субботы, причем в каждый из дней в определенном закреплённом селении. Торговля на базарах и ярмарках, бывающих в уезде, производилась товарами, необходимыми для крестьянского быта» [8, с. 96].

«В Тамбове как губернском городе купцы торговали предметами, необходимыми для всех слоев населения. Находились товары разной ценности, как для утонченного вкуса, так и для обычных» [8, с. 99]. В ассортимент товаров входили железные изделия, сукно, шелковые изделия, хлеб, чай, сахар, вино, табак, посуда и другие товары. Действовали ярмарки и базары. «Развиваемое местным купечеством торговое предпринимательство не требовало использования квалифицированного наемного труда. Купцы-оптовики для перевозок и погрузочно-разгрузочных работ обычно использовали извозчиков и грузчиков-чернорабочих, сочетавших непостоянную работу по найму с ведением собственного земледельческого хозяйства на окраинах городов или в окрестных селах» [1, с. 526].

«Купцы имели дела не только на местной территории, они отправлялись в деловые поездки торгового характера в Землю Донского войска и в смежные губернии для развития

деятельности и поиска новых торговых связей. Кто-то ограничивался ролью посредника между производителями и потребителями, но многие, понимая возможность получения прибыли, становились непосредственно производителями. Они учреждали фабрики, заводы, некоторые занимались земледелием, были даже владельцы значительной части земельных пространств. Богатые производили все работы на земле наймом, бедные же обрабатывали ее сами, количество относящихся к последней категории было незначительно мало по сравнению с первой» [8, с.86].

Торговля являлась не единственным занятием купцов. Фабричная и заводская промышленность имела огромное значение в производственной среде Тамбовской губернии. В купеческом владении находились салотопенные и кожевенные заводы, из производства материалов которых получалась неплохая прибыль. В меньшем числе существовали суконные фабрики, заводы сахарные, винокуренные и другие, принадлежащие капиталистам со значительным денежным доходом.

Особую важность среди всех фабричных заведений ближе к середине XIX века стала занимать суконная фабрика французского коммерсанта М. Лиона, который получил ее после того, как производство при ее бывших владельцах пришло в упадок. Эту фабрику в XVIII веке основала купеческая династия Гардениных в селе Бондари и владела до 1811 года, пока она не перешла в собственность М. Лиону, хотя до этого момента она успешно развивалась, вырабатывая большое количество сукна, приносила высокий доход. По ведомости, доставленной от самого владельца этой фабрики, в 1848 году на ней работало 975 человек, а фабрика могла производить на 522 ручных станах более 500000 аршин армейских сукон.

Козловский купец Афанасий Мягков имел кожевенный завод, устроенный в собственном доме в 1822 году. В 1828 году на его предприятии было выделано 560 разных кож и опоек, которые были сразу распроданы.

В Спасском уезде находился чугуноплавильный завод купеческой жены Пелагеи Михайловны Очкиной. Изготавливал он разную мелкую посуду, такую, как горшки, котлы, кастрюли, сковороды, вьюшки, лоханки в большом количестве.

Таким образом, экономическая деятельность купцов Тамбовской губернии в первой половине XIX века дала хорошую базу для развития торговли следующей половины века, о чем свидетельствуют различные документы. Формировались купеческие династии, конечно, кто-то разорялся, у кого-то дела шли по восходящей лестнице, что является нормальным этапом развития, но в общих чертах местные купцы не жили в бедности. По указанным параметрам жизни купечества Тамбовской губернии отлично прослеживается их социально-экономический портрет. Удельный вес этого сословия с конца XVIII века к середине XIX века значительно вырос, а это говорит об успешной работе, которая по своей сущности поднимала экономическое благосостояние не только в рамках Тамбовской губернии, но в Российской империи в целом. Среди причин такой тенденции можно выделить не только умения и вклад самих купцов, но и такой фактор, как удобное расположение губернии, через которую проходили речные, гужевые торговые пути.

Список литературы

1. Канищев, В. В. Экономика, демография, экология в контексте модернизации аграрного общества (Тамбовская губерния в XIX – начале XX в.) / В.В. Канищев // Экономическая история: ежегодник, 2002. – М.: РОССПЭН, 2003. – С. 513-529.
2. Орлова, В. Д. Родственные, деловые и соседские связи предпринимательских семей городов Тамбова и Моршанска в XIX в. / В.Д. Орлова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – № 1(141). – С. 1-12.
3. Гусева, Т. М. Основные сферы деятельности купеческого сословия уездных городов (на примере Г. Темникова) / Т. М. Гусева // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2022. – № 2(62). – С. 60-68.
4. Акользина, М. К. Социально-экономическая трансформация торгово-промышленного населения уездных городов Тамбовской губернии в XIX в. / М.К. Акользина

// Российская провинция во второй половине XIX – начале XX в.: проблемы социально-экономического, общественно-политического и социокультурного развития: Материалы V Асеевской Всероссийской научной конференции. – Тамбов: ООО «ТПС», 2023. – С. 26-30.

5.Акользина, М. К. Источниковая база для изучения предпринимательской деятельности провинциального купечества первой половины XIX в.: ресурсы региональных архивов (по материалам Государственного архива Тамбовской области) / М.К. Акользина // Тульский научный вестник: Серия История. Языкознание – 2022. – № 4 (12). – С. 23-31.

6.Акользина, М. К. Купеческие усадьбы в провинциальных уездных городах в XIX веке (по материалам Тамбовской губернии) / М.К. Акользина // Усадебная культура России: Материалы III Всероссийской научной музееведческой конференции. Часть 1 / Науч. ред. и сост. Н.И. Решетников. – М.; Долгопрудненский историко-художественный музей; ЭПИ «Открытый текст», 2024. – С. 21-31

7.Манифест от 1 января 1807 г. О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е: В 45 т. СПб.: Тип. II Отд. собств. Е. И. В. канцелярии. – 1830. – Т. 29. – №22418. – С. 971-979.

8.Военно-статистическое обозрение Российской Империи Т. 13. Ч. 1. Тамбовская губерния / Ген. штаба штабс-кап. П.А. Кузмин – Санкт-Петербург: в типографии Департамента Генерального Штаба, 1851. – 292 с.

9.Кондрашов, М. Е. Тамбовскому ипподрому 175 лет: финиш или новый старт? / М. Кондрашов // Коневодство и конный спорт. – 2012. – № 5. – С. 29-31.

ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА И ЭКСПЛУАТАЦИИ САЯНО-ШУШЕНСКОЙ ГЭС

Майоров Егор Константинович, студент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

egor.maior1231@mail.ru

Научный руководитель: Селезнев Андрей Валерьевич, кандидат исторических наук

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

seleznev.andrey.val@xmail.ru

Аннотация. Настоящая работа посвящена комплексному рассмотрению хронологии проектирования, возведения и эксплуатации Саяно-Шушенской гидроэлектростанции – объекта, занимающего особое место в отечественной энергетике. Прослеживается путь от первых экспедиций изыскателей в Саянский коридор до полного восстановления станции после трагедии 2009 г., анализируются инженерные решения, определившие облик гидроузла.

Ключевые слова: Саяно-Шушенская ГЭС, гидроэнергетика, арочно-гравитационная плотина, река Енисей, гидростроительство, Ленгидропроект, КрасноярскГЭСстрой, авария 2009 года, восстановление ГЭС, РусГидро

Обращение к данной теме продиктовано тем обстоятельством, что Саяно-Шушенская ГЭС по сей день сохраняет статус наиболее мощной электростанции на территории нашей страны. Будучи верхней ступенью Енисейского каскада, она обеспечивает существенную долю генерации в объединенной энергосистеме Сибири [1]. Ее установленная мощность достигает 6400 МВт при среднегодовой выработке порядка 24 млрд кВтч [2]. Ретроспективный анализ строительства этого сооружения представляется важным не только с позиций истории техники, но и в контексте осмысления управленческих просчетов, ведь опыт аварии 2009 года до сих пор остается предметом профессиональной дискуссии в инженерном сообществе.

Отдельные аспекты истории СШГЭС затрагивались в публикациях различного характера. Прежде всего, следует упомянуть проектную документацию института «Ленгидропроект», а также статью Н. Д. Карачаковой, в которой рассмотрены основные этапы проектирования и сооружения станции [3]. Немаловажным источником служат материалы Ростехнадзора, подготовленные в рамках расследования причин катастрофы. Вместе с тем целостных исследований, которые бы последовательно охватывали весь путь – от первых геологических рекогносцировок до завершения послеаварийной реконструкции, – в научной литературе опубликовано сравнительно немного.

1. Зарождение замысла и изыскательские работы.

Мысль о том, чтобы поставить на службу экономике гидроэнергетический потенциал верхнего течения Енисея, оформилась в конкретную инженерную задачу к середине пятидесятих годов прошлого столетия. На протяжении 1956–1960 годов специалисты «Ленгидроэнергопроекта» разрабатывали схему использования водных ресурсов Верхнего Енисея. Итогом этой работы стал вывод о том, что падение реки в пределах Саянского коридора целесообразно сосредоточить на одной крупной станции с водохранилищем, позволяющим вести сезонное регулирование стока [1].

Поворотной датой можно считать 4 ноября 1961 г. – именно тогда группа изыскателей «Ленгидропроекта» под руководством П. В. Ерашова прибыла в поселок Майна, положив начало полевым работам [4]. На протяжении последующих шести лет Саянская экспедиция провела масштабный комплекс инженерно-геологических исследований: было пробурено порядка 41 км скважин, проведены фильтрационные испытания с четырьмя тысячами

образцов горных пород. Столь тщательная подготовка, как отмечают исследователи, позволила в дальнейшем избежать непредвиденных геологических осложнений [5].

Важнейшим решением стал выбор площадки. 21 июля 1962 г. Государственная комиссия утвердила так называемый Карловский створ, признав его наиболее пригодным по совокупности инженерно-геологических характеристик [5]. Параллельно на удалении примерно двадцати километров вниз по течению наметили створ для контррегулирующей Майнской ГЭС, которая должна была сглаживать неравномерность попусков из верхнего бьефа [6].

2. Эволюция проектных решений.

Период 1962–1965 гг. ознаменовался интенсивной проектной деятельностью. Коллектив «Ленгидропроекта» рассматривал различные варианты компоновки гидроузла, сопоставляя между собой несколько типов плотин. В конечном счете предпочтение было отдано арочно-гравитационной конструкции [5] – решение, во многом предопределившее уникальный инженерный облик будущей станции.

Утвержденное в 1965 г. проектное задание предусматривало установку двенадцати турбин мощностью по 530 МВт каждая [1]. Однако проект не оставался неизменным. Уже к 1968 году инженеры пришли к решению увеличить единичную мощность агрегата до 640 МВт, что дало возможность сократить их число до десяти и перейти к принципу «один водовод – один агрегат». Подобный подход, в свою очередь, заметно уменьшил протяженность здания станции и высвободил участок плотины для размещения водосбросных отверстий [7]. Технический проект в обновленном виде получил утверждение в 1971 г. [1].

Нельзя не упомянуть тех, кто нес персональную ответственность за проектные решения. Должность главного инженера проекта в разные годы занимали Г. А. Претро, Я. Б. Марголин, Л. К. Доманский и А. И. Ефименко – каждый из них внес свой вклад в формирование окончательного проекта [5].

3. Строительство: от первых дорог до перекрытия Енисея (1963–1975).

Формально строительство стартовало в 1963 году – с прокладки подъездных путей, возведения жилья для рабочих и обустройства площадки [5]. Генеральным подрядчиком выступила организация «КрасноярскГЭСстрой», обладавшая опытом сооружения Красноярской ГЭС [5]. Первоначально завершить строительство планировалось уже к 1972 году [5], но жизнь распорядилась иначе – этот срок оказался нереалистичным.

К работам на основных конструкциях приступили 12 сентября 1968 г., когда были отсыпаны перемычки котлована первой очереди [1]. Спустя два года, 17 октября 1970-го, в осушенный котлован уложили первый кубометр бетона – событие, имеющее для гидростроителей символическое значение [8]. Стремясь ускорить темпы работ, в апреле 1974 г. участники строительства подписали так называемый «Договор двадцати восьми», регулировавший вопросы качества и сроков [7]. Кульминацией подготовительной фазы стало 11 октября 1975 года – день перекрытия Енисея [1].

Масштаб преобразований, которые претерпела территория, впечатляет: под водохранилище было затоплено свыше 36 тысяч гектаров угодий, перемещено или снесено более двух с половиной тысяч различных строений [9]. В сооружении гидроузла участвовали, по имеющимся данным, более двухсот организаций [6].

4. Монтаж оборудования и поэтапный ввод мощностей (1977–1985).

В августе 1977 года с ленинградского «Металлического завода» торжественно отправили на Енисей рабочее колесо первой гидротурбины. К месту назначения его доставил пароход «Профессор Ладыгин» 2 октября того же года [6]. Спустя ровно год, 2 октября 1978 г., началось заполнение водохранилища [8], а 18 декабря первый гидроагрегат вышел на промышленную нагрузку [8].

Дальнейший монтаж шел с переменным темпом: в 1979 году к сети подключили второй и третий агрегаты; в 1980-м – четвертый и пятый; годом позже заработал шестой.

После некоторой паузы, 5 сентября 1984 года, был введен седьмой агрегат, вскоре за ним - восьмой. Девятый и десятый гидроагрегаты запустили уже в декабре 1985 г. [8].

Таким образом, если первоначально возвести станцию рассчитывали за девять лет, то в действительности путь от начала подготовительных работ до последнего пуска занял более двух десятилетий. Причинами задержек послужили хроническая нехватка финансирования, необходимость корректировки проекта, а также обнаруженные в ходе строительства трещины в бетонном массиве плотины [10].

Что касается официального завершения строительства – оно было зафиксировано лишь в 2000 г. [5]. К тому моменту станция уже давно работала и успела выработать 80 миллиардов кВт·ч электроэнергии, полностью окупив вложенные средства за восемь лет эксплуатации [8]. Годом позже ей было присвоено имя бывшего министра энергетики П. С. Непорожного [8], а в 2003 г. комплекс реорганизовали в ОАО «Саяно-Шушенская ГЭС» [7].

5. Конструктивные особенности плотины.

Несколько слов необходимо сказать о самой плотине, поскольку именно она является сердцем сооружения. Арочно-гравитационная конструкция из бетона удерживается, по расчетам проектировщиков, на 60 % за счет собственной массы и на 40 % – благодаря передаче нагрузки через арочный свод на скальные берега ущелья [5]. Ее высота – 242 метра – делает сооружение самым высоким плотинным объектом в России. Верховая грань описана дугой радиусом 600 метров, ширина у основания составляет 105,7 м, на гребне сужается до 25 м, а общая длина гребня вместе с врезками в берега достигает 1074,4 м [5]. Всего в тело плотины уложено более 9 миллионов кубометров бетона [5]. Специалисты подчеркивают, что конструкция не имеет прямых аналогов в мировой практике гидростроительства [4].

В здании станции разместились десять радиально-осевых турбин мощностью по 640 МВт [2] – колоссальные машины, каждая из которых способна обеспечить электроэнергией крупный промышленный город.

6. Трудности строительства и эксплуатационные проблемы.

Было бы неверно представлять историю СШГЭС исключительно как последовательность побед. В ходе сооружения и начальной эксплуатации обнаружился ряд серьезных проблем. В частности, была зафиксирована нарастающая фильтрация воды через тело плотины [7], а также трещинообразование в бетоне, потребовавшее специальных ремонтных мероприятий [5].

Отдельный инцидент произошел еще до полного ввода станции в строй. К началу 1979 года эксплуатационный водослив не был достроен, и мощный весенний паводок обрушился на незащищенные конструкции – часть площадок была затоплена, оборудование получило повреждения [9]. Этот эпизод наглядно продемонстрировал, чем чревато отставание от графика на столь масштабном объекте.

7. Катастрофа 17 августа 2009 г. и путь к восстановлению.

Самая мрачная страница истории СШГЭС датируется 17 августа 2009 г. В тот день произошло внезапное разрушение гидроагрегата № 2, в результате чего в машинный зал хлынула вода, затопившая помещения и выведшая из строя все десять агрегатов. Три из них – второй, седьмой и девятый – были уничтожены полностью [11]. Короткое замыкание в цепях управления генераторами привело к мгновенной остановке всей станции [11]. Жертвами аварии стали 75 человек [12] – людские потери, несопоставимые ни с одной катастрофой в истории российской гидроэнергетики.

Расследование установило, что персонал, ответственный за безопасность, на протяжении длительного периода допускал эксплуатацию второго агрегата при неудовлетворительных показателях вибрации. Даже в ходе планового ремонта, проводившегося с января по март 2009 года, должных мер по устранению неисправности принято не было [11].

Восстановительные работы развернулись без промедления и растянулись на пять лет. Уже в 2010 году удалось вернуть в строй четыре наименее пострадавших агрегата – третий, четвертый, пятый и шестой [13]. В декабре 2011 г. заработал первый из полностью новых

агрегатов (№ 1) [13]. Заключительным аккордом стал торжественный пуск нового второго гидроагрегата 12 ноября 2014 г., символически замкнувший круг – именно эта машина была эпицентром катастрофы пятью годами ранее [13].

К 2014 г. реконструкция была в основном завершена: заменены все десять гидроагрегатов, обновлены силовые трансформаторы, смонтировано современное распределительное устройство КРУЭ 500 кВ [1]. Параллельно, еще с 2005 г., велось строительство берегового водосброса – сооружения, необходимость которого остро ощущалась все предшествующие десятилетия; его сдали в 2011 г. [1]. Совокупные затраты на восстановление оцениваются приблизительно в 41 млрд. рублей, а ресурс новых агрегатов увеличен до сорока лет [11].

Сооружение Саяно-Шушенской ГЭС, занявшее без малого четыре десятилетия, представляет собой одну из наиболее масштабных строек в истории отечественной энергетики. Станция с арочно-гравитационной плотиной высотой 242 м не имеет конструктивных аналогов в мировой практике. Вместе с тем хронические задержки строительства, проблемы с фильтрацией и трещинообразованием, а также трагедия 2009 года свидетельствуют о том, что амбициозность инженерного замысла должна неизменно подкрепляться строжайшим соблюдением технологической дисциплины и культуры безопасности. Опыт СШГЭС остается наглядным примером для будущих поколений гидростроителей.

Список литературы

1. Саяно-Шушенская ГЭС // Официальный сайт ПАО «РусГидро» – «Гидроэнергетика России». - URL: https://www.hydropower.ru/hydropower/stations/detail.php?ELEMENT_ID=1920 (дата обращения: 27.02.2026 г.).
2. Саяно-Шушенская ГЭС // Volgaltd.ru. – URL: <https://volgaltd.ru/o-kompanii/proekty/sayano-shushenskaya-ges/> (дата обращения: 27.02.2026 г.).
3. Карачакова Н. Д. Об основных этапах проектирования и строительства Саяно-Шушенской ГЭС // Вторые университетские социально-гуманитарные чтения 2008 года. – 2008. – С. 153–160.
4. 1978 год. Введен в эксплуатацию первый гидроагрегат Саяно-Шушенской ГЭС // АО «Системный оператор Единой энергетической системы». – URL: <https://www.so-ops.ru/memorial-day/history-event/news/9680/> (дата обращения: 27.02.2026 г.).
5. Саяно-Шушенская ГЭС // Википедия – свободная энциклопедия. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Sayano-Shushenskaya_HPP (дата обращения: 27.02.2026 г.).
6. Саяно-Шушенская ГЭС // Гид по Хакасии. – URL: <http://gpx.su/place/69-sayano-shushenskaya-ges.html> (дата обращения: 27.02.2026 г.).
7. Саяно-Шушенская ГЭС: история, характеристики и значение для энергетики // Знания России. – URL: https://znanierussia.ru/articles/Sayano-Shushenskaya_HPP (дата обращения: 27.02.2026 г.).
8. Саяно-Шушенская ГЭС имени П. С. Непорожного // RATNIK.TV. – URL: <https://ratnik.tv/articles/facts/sayano-shushenskaya-ges-ukrotit-enisey/> (дата обращения: 27.02.2026 г.).
9. Саяно-Шушенская ГЭС: описание электростанции, где находится, история строительства // Tripster.ru. – URL: <https://experience.tripster.ru/sights/sayano-shushenskaya-ges/> (дата обращения: 27.02.2026 г.).
10. Саяно-Шушенская ГЭС: описание, история, экскурсии // Тонкости туризма. – URL: https://tonkosti.ru/Саяно-Шушенская_ГЭС (дата обращения: 27.02.2026 г.).
11. Авария на Саяно-Шушенской ГЭС и ее восстановление. Досье // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/info/1382130> (дата обращения: 27.02.2026 г.).
12. Авария на Саяно-Шушенской ГЭС // Википедия - свободная энциклопедия. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Accident_on_Sayano-Shushensky_HPP (дата обращения: 27.02.2026 г.).
13. Авария на Саяно-Шушенской ГЭС в августе 2009 года // РИА Новости. 17.08.2019. – URL: <https://ria.ru/20190817/1557524053.html> (дата обращения: 27.02.2026 г.).

МОЙ ПРАДЕД – УЧАСТНИК ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Мушовец Ксения Витальевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

mushovez06@icloud.com

Научный руководитель: Гайдин Сергей Тихонович, доктор исторических наук, профессор

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

gaydinsergey@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена описанию жизненного пути и военного подвига моего прадеда Василия Григорьевича Малюченко, который гордился тем, что защищал нашу Родину. Он сам многого добился в предвоенный период и внес свою лепту в победу нашего народа над немецко-фашистскими захватчиками. При работе над статьей я опиралась на воспоминания старшего поколения нашей семьи.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, 32-я танковая бригада, Василий Григорьевич Малюченко, танковые сражения, Орден Отечественной войны 2 степени

Великая Отечественная война оставила глубокий след в судьбах миллионов людей. Воспоминания о тех временах передаются из поколения в поколение, сохраняя память о мужестве, самоотверженности и жертвах. Я хочу рассказать о судьбе моего прадедушки, Василия Григорьевича Малюченко и подчеркнуть важность сохранения исторической памяти и уважения к подвигам тех, кто отстоял мирную жизнь для будущих поколений.

Он родился в 1914 году, в поселке Андреев Ключ Курагинского района, но, когда Васе исполнилось три или четыре года, к сожалению, умерла его мама. Он остался жить с бабушкой и с отцом. Позже отец женился, и у него появилась мачеха. Но отец не принимал участие в его жизни, и мальчик с самого раннего детства был предоставлен сам себе. Ему рано пришлось повзрослеть.

Василий Григорьевич рассказывал, что в 1925 г. в возрасте одиннадцати лет он поехал в Артемовск, где поступил в семилетнюю фабрично-заводскую школу при Артемовском золотом руднике. После ее окончания он собрал свои нехитрые вещички в фанерный чемодан и поехал поступать в Читинский горный техникум на специальность «Разработка россыпных месторождений золота». На каникулах он иногда приезжал на свою малую родину. Он считал, что ему повезло, что во время одной из таких поездок его попутчиками в купе оказались два мужика-старателя с Урала, которые возвращались домой после работы на золотых приисках Бодайбо. Они рассказали молодому человеку о тонкостях его будущей специальности: как лучше искать, мыть золото, руководить людьми, как общаться с рабочими.

После окончания техникума Василий Григорьевич с 1935 по 1939 гг. работал на Артемовском золотом руднике мастером подземных работ, техником-нормировщиком и мастером гидравлических работ.

В армию он был призван Артемовским райвоенкоматом в октябре 1940 г. и до начала войны проходил обучение в 134 – м отдельном танковом учебном батальоне. Василию Григорьевичу было присвоено звание старшего лейтенанта. И он был направлен для прохождения службы в 32-й танковую бригаду.

Воевал мой прадед на нескольких фронтах. Свое первое боевое ранение Василий Григорьевич получил в битве под Москвой. Перед наступлением двум экипажам танков, одним из которых управлял механик-водитель, сержант Малюченко был дан приказ командира бригады создать хаос, панику и беспорядок в рядах наступающих танковых подразделений противника, уничтожить огнем пулеметов, главных орудий, массой бронированных машин, гусеницами сопротивление вражеских рядов на передовых позициях.

Прадед вспоминал, что тяжелую машину на кочках кидало как футбольный мячик. Но он направлял танк на огневые точки противника, чтобы стрелок уничтожал как можно больше врагов. Стрелок точной очередью уничтожил немецкого офицера в страхе, выскочившего из блиндажа. Командир потребовал подъехать к нему, чтобы забрать документы. В это время в борт танка попал артиллерийский снаряд, Василий Григорьевич ощутил резкую боль в ноге и увидел, как под ногами скапливается лужа крови.

После госпиталя он вернулся в строй, со временем был избран секретарем бюро комитета комсомола 32-й танковой бригады, стал заместителем командира танковой роты по технической части, командиром танковой роты. Он участвовал в Курской битве. Василий Григорьевич вспоминал, что после Курской битвы советские войска порой за день освобождали от оккупантов по тридцать и более километров оккупированной территории. Танковые колонны русских солдат выбивали из сел и хуторов немецких захватчиков, подавляя их сопротивление. Противник, огрызаясь бежал, оставляя после себя разбитую технику, оружие, убитых солдат и разрушенные, опустошенные, порой сожженные дотла, деревни.

Во время походного марша 32 танковой бригады Василий Григорьевич увидел за лесом, взметнувшийся к небу столб дыма. Получив разрешение от командира бригады, он приказал механику-водителю Семеновичу, свернуть на глухую, проселочную дорогу. За густым перелеском горел, подожженный фашистами небольшой хутор в десяток домов. Из горящей конюшни доносились крики запертых в ней людей. Танкисты бросились им на помощь, но не смогли подойти к запертым воротам. Мой прадед запрыгнул в танк и направил машину на угол конюшни. От удара она из стен обрушилась и в образовавшуюся дыру стали выбегать обреченные на смерть женщины, старики, дети. Вышедшая вместе с ними старушка протянула прадеду в знак благодарности иконку Святого лика Матери Пресвятой Богородицы и Сына Ее Христа. Но Василий Григорьевич не стал брать подарок, который как считала старушка, спас жизнь ей и ее сельчанам. Не хочу гневить Господа, но мне кажется, что спасителем обреченных на смерть людей стал мой прадед Василий Григорьевич Малюченко.

За свои боевые заслуги прадед был награжден медалями за оборону Москвы и победу над Германией. Уже после окончания войны Указом № 209/833 от 30.05.1951 г. он был награжден Орденом Отечественной войны 2 степени.

Пройдя через войну, горечь утрат Василий Григорьевич, вернувшись с фронта, стал очень ранимым и не мог видеть чужую боль. Он никогда сам не забивал свой скот, а нанимал людей. Из-за тягот военного времени у него появилось много болезней, раненую ногу нужно было постоянно перевязывать.

После войны прадед работал на своем, ставшем родным, Артемовском золотом руднике. Перед пенсией он работал в его секретном отделе. Когда его приглашали на встречи со школьниками, он надевал все свои медали и рассказывал о подвиге тех людей, с которыми ему пришлось воевать, о подвиге всего нашего народа.

В жизни он был очень ответственным, сердечным, добрым и скромным. Его внук, а мой отец с большой теплотой вспоминает, как Василий Григорьевич укладывал его спать, накрошив хлеба в стакан с молоком и добавив сахара, и после угощения пел ему песню. Мой прадед Василий Григорьевич Малюченко многое сделал в своей жизни. И если бы не война, то не исключено, что он со своим упорством, способностью впитывать и применять знания, лидером мог бы стать крупным руководителем и мог бы многое сделать для страны и для людей.

Его дети и внуки строили мирную жизнь в нашей стране. Его сын Леонид стал известным писателем, дочь Наталья Васильевна (в замужестве - Мушовец) работала в системе дошкольного и школьного образования. Один из внуков Василия Григорьевича – Мушовец Константин Владимирович является ведущим специалистом в области логико-вероятностного анализа надежности бортовых информационно- телеметрических систем космических аппаратов. Мы все благодарны Василию Григорьевичу за его ратный труд и вклад в общую победу нашего народа над немецко-фашистскими оккупантами и их прихвостнями.

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ АВТОБУСНОГО ТРАНСПОРТА В КРАСНОЯРСКЕ

Непомнящий Даниил Евгеньевич, студент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

Peromnyashchiy2025@gmail.com

Веревкина Алина Николаевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

ivanov@mail.ru

Научный руководитель: Баранова Александра Сергеевна, ассистент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

a-s-baranova@mail.ru

Аннотация. В статье описывается историко–аналитический обзор развития общественного транспорта Красноярска с конца XIX в. по настоящее время. В статье прослеживается поэтапная эволюция: от извозчиков до запуска автобусного движения в 1934 г., становления централизованной системы в советский период, кризиса 1990-х гг. и структурных реформ. Особое внимание уделено трансформации маршрутной сети и модернизации автопарка, включая недавнее появление электробусов. На сегодняшний день автобусная сеть города протяженностью 1834,5 км обслуживается 854 единицами транспорта на 55 регулярных маршрутах, что формирует основу мобильности для города-миллионника.

Ключевые слова: автобус, автобусный автопарк, предприятие, маршруты, перевозчик, марки автобусов, история развития, перевозчики, Красноярск

Общественный транспорт справедливо считается основой жизнедеятельности любого крупного города, ключевым элементом экономического роста и важным фактором качества жизни населения.

Как пассажир, который регулярно совершает поездки, на общественном транспорте, может выделить такой факт, что развитие транспортной системы должно отвечать растущим потребностям горожан в перемещениях, обеспечивая при этом комфорт, безопасность и скорость.

Однако в случае с Красноярском – крупнейшим центром Восточной Сибири, недавно перешагнувшим миллионный рубеж, эти цели остаются недостижимыми. Проблемы городского транспорта здесь носят системный и накопленный характер, а их корни уходят в прошлые десятилетия.

Изучение и анализ истории автобуса, города Красноярска, необходимо для того, чтобы знать о произошедших изменениях, улучшениях, и деградации автобусных маршрутов, подвижного состава, условий перевозок, и системе общественного транспорта в целом.

Целью написания статьи – формирование информации, о развитии, проблемах, изучении, для знаний в области исторического формирования о системе автобусных перевозках, изучения проблем, и дальнейших разработок проектов.

История развития и существования Красноярского транспорта, начинается, еще с конца XIX в., когда в Красноярске появились первые извозчики, они доставляли людей от популярных на тот момент точек. В зимний период извозчики носили теплую меховую одежду, а пассажирам предоставляли теплую накидку-чехол для ног, защищаясь от морозов. Однако внешний вид самих экипажей и упряжи оставлял желать лучшего. Как отмечал один из современников, «хуже Красноярских извозчиков трудно себе представить, бестолковее установленной здесь таксы для них невозможно придумать» [1, с. 56]. Экипажи характеризовались как устаревшие.

Основной маршрут извозчиков в 1910-х гг., происходил от Старобазарной площади до станции железной дороги. Проезд стоил 50 копеек. Так обстояли дела вплоть до 1940-х гг.

В 1927 г. планируется запуск первого автобусного маршрута. Для этих целей планировалось выделить 4 автобуса (на 16 пассажиров в каждый).

Запуск первого автобусного маршрута в Красноярске был затруднен недостаточной оснащенностью необходимой техники. Это произошло только 1 августа 1934 г. автобусы вышли на линию по маршруту от железнодорожного вокзала до Площади Просвещения. Две машины следовали по Большой улице (ныне проспект Мира). На всем протяжении маршрута было организовано десять остановок, проезд между которыми стоил 10 копеек. Каждый автобус вмещал до 15 пассажиров. К имеющимся в 1937 г. в городском хозяйстве местным автобусам, добавилось еще 30 [2].

На основании решения Краевого исполнительного комитета от 31 августа 1939 г. (зафиксированного в протоколе № 58) «О создании Краевого управления автомобильного транспорта, входящего в структуру Народного Комиссариата автомобильного транспорта РСФСР», 5 сентября 1939 г. было сформировано Краевое управление автомобильного транспорта.

20 сентября 1939 г. в структуре управления появилось 6 самостоятельных межрайонных автотранспортных предприятий, включая Красноярское. Оно находилось на проспекте Сталина, дом 14 (проспект Мира). К началу 1940 г. Красноярское межрайонное автотранспортное предприятие обладало автопарком, насчитывающим 8 автобусов модели ГАЗ-03-30 и 46 грузовых машин, и осуществляло перевозку пассажиров по трем автобусным линиям: «Старый базар – Железнодорожный вокзал»; «ул. Сурикова – Кирпичный завод»; «Железнодорожный вокзал – Мелькомбинат».

16 января 1941 г., городской автопарк пополнился 6-ю автобусами моделей ЗИС-8 и ЗИС-16. В связи с этим были запущены обновленные автобусные линии, соединяющие улицу Сурикова с Военным городком, а также улицу Сурикова с заводом Красмаш, вторым участком и районом Бумстрой». Помимо городских маршрутов, начал функционировать междугородний рейс «Красноярск - Большая Мурта».

Послевоенное время ознаменовалось новым этапом в развитии. В начале 1946 г. автопарк пополнился 4-мя автобусами «ЗИС-8». Через год 4 грузовика «Опель» были модифицированы для пассажирских перевозок. В середине 1948 г. поступило 3 новых автобуса, что дало возможность запустить маршрут на правом берегу реки: от Большого понтонного моста до «Авиадома» маршрут включал остановки: Поселок первое августа, Завод Побежимова, Судоремзавод и Школа № 46.

С 1952 по 1954 гг. произошло обновление автобусного парка: устаревшие транспортные средства были списаны, вместо них поступили современные автобусы марок ЗИС-154 и ЗИС-155 [4].

В последующие десятилетия в городе наблюдается интенсивный количественный прирост пассажирского автотранспорта. К концу 1980-х гг. в городе функционировало пять производственных пассажирских автотранспортных объединений (ПАТО-1, ПАТО-2, ПАТО-3, ПАТО-4, ПАТО-5). В масштабах Красноярского края все предприятия, занятые пассажирскими перевозками, входили в структуру Красноярского территориального производственного объединения автомобильного транспорта – ТПО «Красноярскавтотранс». Центральная диспетчерская служба обеспечивала необходимый контроль за городским транспортом, осуществляющим пассажирские перевозки [5].

Все АТП края, включая организации, занятые пассажирскими перевозками, находились в подчинении ТПО «Красноярскавтотранс». Координацию работы городских пассажирских маршрутов и контроль за их функционированием и обслуживанием осуществляла центральная диспетчерская служба Красноярска.

На основании решения № 391 Красноярского горсовета народных депутатов от 31 августа 1990 г., была сформирована коммерческо-эксплуатационная служба городского пассажирского транспорта. Эта структура объединила автобусное и электрическое

транспортное сообщение в городе. Организация возникла благодаря реструктуризации ТПО «Красноярскавтотранс» и трамвайно-троллейбусного управления (ТТУ) МПО Горжилкомхоз».

Его функции: подписание соглашений с компаниями во благо осуществления перевозок пассажиров в пределах и за пределами Красноярска, наблюдение за функционированием транспорта, продажа билетов и проездных, а также распределение прибыли, полученной от их продажи.

Помимо этого, в 1992 г. при администрации Красноярска был сформирован департамент транспорта и связи. С целью повышения качества транспортного обслуживания и развития городских коммуникаций 1 сентября 1998 г. было учреждено МУ «Гортрансвязь». В его ведение перешли следующие структуры: муниципальные пассажирские автотранспортные предприятия, муниципальное предприятие «Горэлектротранс», муниципальное предприятие «Красноярскавторемонт», а также муниципальное предприятие «ЦСТО».

К периоду 90-х гг. городские предприятия столкнулись с сокращением финансирования, за этим последовало уменьшение числа транспортных средств, доступных для обслуживания маршрутов. В середине 1999 г., на основании двух постановлений: № 337 и № 525 «О реструктуризации городских муниципальных предприятий пассажирского автотранспорта Красноярска», были сохранены лишь три автотранспортных предприятия: №2,6,7 и «Горэлектротранс».

В ноябре 1999 г. при администрации Красноярска был сформирован городской департамент транспорта. В конце декабря того же года, на основании постановления городской администрации № 844, произошло упразднение Муниципального учреждения «Городское управление транспорта». Данное учреждение было создано в результате переименования МУ «Гортрансвязь» согласно постановлению №299 от 4 июня 1999 г.

Сложная экономическая ситуация, отсутствие возможности для обновления автопарка и пожар вначале 2001 г. на муниципальном автотранспортном предприятии № 6 и уничтоживший 41 автобус, привело к значительному сокращению числа муниципальных перевозчиков. К 1 июля 2005 г. в Красноярске сохранилось лишь 3 муниципальных предприятия, перестало существовать предприятие №6.

В 2008 г. в Красноярске было создано муниципальное предприятие – «Красноярское пассажирское автотранспортное предприятие №5» (МП «КПАТП №5»).

На момент 2016 г., в Красноярске работало 78 городских маршрутов, обслуживанием занимались частные перевозчики, и МП. Автобусный парк города составляли марки иностранных автобусов, «Икарус», «Мерседесы», «Вольво», и др.

Начиная с 2001 по 2021 гг., стала заметно ощутима стагнация Красноярского автобуса, многие предприятия позакрывали, маршруты были сокращены, а количество эксплуатационных автобусов стало снижаться, как это указано в таблице 1 [3].

Таблица 1 – Статистика уменьшения количества эксплуатационных автобусов и автобусов на газомоторном топливе

Года	2001	2005	2010	2015	2016	2017
Количество эксплуатационных автобусов	–	–	1377	1453	1274	1181
Автобусы на газомоторном топливе	–	–	–	112	58	24

В 2017 г., вследствие возникших проблем с финансированием, муниципальное предприятие города Красноярска «КПАТП № 2» прекратило свою деятельность. Весь сохранившийся и годный к эксплуатации транспортный парк был передан в распоряжение «КПАТП-5».

В 2019 г., в городе происходит транспортная реформа автобусных маршрутов, из-за которой были закрыты популярные маршруты города, и многие были переформированы в пригородные. Так, например, были закрыты популярные маршруты: 1, 74, 75 и др. А 72,73 были переформированы в 173 и 170.

В 2020 г. муниципальные предприятия Красноярска обновили свой автопарк, получив из Москвы 55 автобусов моделей ЛиАЗ-5292 и ЛиАЗ-4292. Процесс обновления продолжился и в дальнейшем. В 2022 г. в рамках губернаторской программы «Новый автобус» краевые муниципальные предприятия получили более 100 новых машин различных моделей, в том числе ЛиАЗ-5292 (включая пригородную модификацию ЛиАЗ-5292.65-03), НефАЗ-5299, ПА3-3204 и др. В течение 2023 г. поставки продолжились.

В 2023 г. в Красноярск были поставлены электробусы моделей ЛиАЗ-6274 и АКСМ-Е321 [5][6]. В 2024 г. эта техника вышла на новый маршрут №1, открытый в том же году. В конце 2025 и начале 2026 г., Красноярск закупил у Минского автобусного завода, партию газовых автобусов МАЗ 203, для обновления подвижного состава у 8 маршрутов, в связи устаревшими автобусами МАЗ 103.

На момент начала 2026 г. Красноярск имеет, во многом превосходящую автобусную систему, которая дополняется различным электротранспортом, от троллейбусов с электробусами, до трамваев и строящегося метро, что в свою очередь опережает города с похожей инфраструктурой, ландшафтным, экономическим положением, а также в схожести по численности населения. Красноярский автобус, славится своим новым и удовлетворительным подвижным составом, строгостью к приверженности официального разработанного окраса, именуемым с городом, и отсутствием режущий глаза рекламы. Но, несмотря на это, Красноярск не может выйти на уровень реализации Московского автобуса, или Петербургского, из-за отсутствия постоянного субсидирования, наличия соединения и соотношения по времени с другими коммуникациями транспорта, а наличие частных перевозчиков, которые не всегда должным образом выполняют свои обязанности по перевозки пассажиров. Для должного уровня автобуса, необходимо развитие дорожных развязок, повышение ответственности, и развитие остальной транспортной структуры [3].

Список литературы

1. Долгоруков, В. А. Дорожник по Сибири и Азиатской России / В. А. Долгоруков // Дорожник. 1900. Кн. 6. (ноябрь-декабрь). – Текст: электронный // URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-3035/> (дата обращения: 25.01.2026).
2. Кузьмиченко, И. Р. Летопись городов Сибири. Красноярск – 390 лет. Стат.сб. / И. Р. Кузьмиченко, Н. Е. Калинина, Е. Н. Останина, и др. – Красноярск: Красноярскстат, 2018. – 145 с.
3. Хегай, Ю. А. Проблемы транспортной инфраструктуры г. Красноярска и основные направления их решения / Ю. А. Хегай // Теория и практика общественного развития. – 2013. – №11. С. 514 – 517.
4. Чуруксаева, Л. С. Ко дню автомобильного транспорта / Л. С. Чуруксаева // Архивное агенство Красноярского края. – 2011. – Текст: электронный // URL: https://xn----7sbbimrdbk3alvdfgd8eufwc.xn--p1ai/articles/stati_arhivistov/702 (дата обращения: 25.01.2026).
5. Транспорт – Историческая справка // Официальный сайт администрации города Красноярска. – 2017. – Текст: электронный // URL: <https://www.admkrsk.ru/citytoday/transport/Pages/history.aspx> (дата обращения: 25.01.2026).

ПРИЧИНЫ ПРЕВРАЩЕНИЯ КАРТОФЕЛЯ В ЗНАЧИМЫЙ ПИЩЕВОЙ ПРОДУКТ В ЕВРОПЕ В XVI–XVII вв.

Никитина Любовь Васильевна, студентка

Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск, Россия
Lubava41105@gmail.com

Научный руководитель: Сова Оксана Николаевна, кандидат культурологии, доцент
Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск, Россия
sovamur@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению процесса длительной и противоречивой интеграции картофеля в европейскую агрокультуру и пищевую культуру в XVI–XVII вв. На основе анализа исторических источников прослеживается путь этой культуры, завезенной испанцами из Южной Америки, по которым картофель поначалу встречал настороженное отношение со стороны европейцев. Особое внимание уделяется его агрономическим преимуществам – высокой урожайности, неприхотливости, устойчивости к неурожаям. Первоначально картофель стал пищей беднейших слоев населения, и именно это способствовало его массовому распространению. В рассматриваемый период были заложены основы будущей «картофельной революции», которая впоследствии коренным образом изменила структуру питания и демографическую ситуацию в Европе.

Ключевые слова: картофель, Европа, крестьяне, Колумбов обмен, сельское хозяйство, демографический рост, XVI–XVII века, культура питания

Открытие Америки в конце XV в. познакомило европейцев с невиданными ранее пищевыми растениями. Еще в дневнике Христофора Колумба (1492–1493 гг.) отмечены «корнеплоды, называемые занакорией (ямс), по запаху похожие на каштаны», а также необычные бобы и множество новых фруктов [1, с. 17]. Однако сам картофель – корнеплод из высокогорных областей Южной Америки – не был известен Колумбу. Его европейская история началась несколько десятилетий спустя, когда испанские конкистадоры обнаружили картофель в Андах (по сведениям, в 1539 г. в Перу). Испанцы завезли *rapas* (так называли картофель индейцы) в Европу через свою метрополию, хотя поначалу без большого ажиотажа. Тем не менее, именно Испании принадлежит первое зафиксированное свидетельство употребления картофеля в пищу: в 1573 г. картофель значился среди продуктов, закупленных для госпиталя в Севилье [2, с. 59]. К концу XVI в. новый корнеплод уже выращивался в Италии, появился в германских землях, а в Англию, согласно традиции, был завезен около 1588 г. сэром Уолтером Рэли прямо из Америки. В течение XVI в. – начала XVII в. картофель распространился по разным регионам Европы, хотя и оставался вначале ботанической диковинкой и редкостью на столе. В 1601 г. ботаник Карл Клузиус опубликовал первое научное описание картофеля, отметив при этом, что культура уже завоевала множество огородов в Германии [3, с. 218].

Несмотря на быстрое географическое распространение, превращение картофеля в значимый продукт питания шло постепенно. В XVI–XVII вв. отношение к нему было настороженным – в Европе картофель долго считали «клеякой и неудобоваримой» пищей, пригодной скорее для скота или бедняков. Во Франции и многих других странах раннего Нового времени основой рациона оставались традиционные зерновые и хлеб; новые заморские культуры проникали в питание очень медленно [4, с. 59]. Тем не менее, к концу XVII в. в Европе сложились предпосылки для того, чтобы картофель занял важное место в системе продовольствия.

Европа XVI–XVII вв. испытывала значительный демографический рост и, как следствие, нарастающую потребность в продуктах питания. Традиционное сельское

хозяйство с трудом удовлетворяло спрос: урожаи зерновых часто колебались, случались неурожаи и голод [5, с. 87]. Открытие Америки первоначально даже усугубило продовольственную проблему, поскольку колонизация отвлекала ресурсы, а новые культуры еще не смогли сразу прижиться и восполнить нехватку продовольствия. Американские земли, за исключением развитых аграрных регионов вроде Анд, не были ориентированы на возделывание привычных для европейцев хлебов. Колонизаторам нередко приходилось либо импортировать зерно, либо переходить на местные заменители вроде маисового хлеба.

На этом фоне появление высокоурожайных заморских растений приобрело большое значение. Картофель, наряду с кукурузой и другими американскими культурами, постепенно распространялся по Европе. Уже упоминалось, что в Испании его начали употреблять в пищу с 1570-х гг., а в конце XVI – начале XVII вв. он стал известен в ряде стран. Тем не менее, широкого успеха картофель добился значительно позже [5, с. 168]. Иными словами, в рассматриваемый период были заложены основы будущего триумфа картофеля, но сами европейцы XVI–XVII вв. восприняли его скорее, как запасной и второстепенный продукт.

В XVII в. появились первые примеры успешного принятия картофеля в качестве повседневной пищи. Особую роль сыграли периферийные и аграрно-неблагополучные регионы Европы. Так, в Ирландии картофель появился в первой половине XVII в. и в сочетании с молочными продуктами стал к XVIII в. почти исключительной пищей крестьян – эта однобокая диета принесла известный успех, а впоследствии и катастрофу. Ирландский пример показал, что на картофеле можно прокормить гораздо больше людей, чем на тех же площадях под зерном [6, с. 5]. В Англии отношение долго оставалось пренебрежительным, хотя там тоже начали выращивать картофель, но делали это преимущественно на экспорт, а не для собственного стола. По данным Ф. Броделя, лишь отдельные провинции, как Дофине и Эльзас, уже с 1660-х гг. ввели картофель в севооборот, затем Лотарингия около 1680 г. тоже начала возделывать картофель. В большинстве районов Франции в XVII в. картофель оставался редкостью и встречал недоверие вплоть до XVIII в. Например, еще в 1760-х гг. в Лотарингии критикуют «земляные яблоки», хотя вскоре – к 1787 г. – там признают картофель «главной и здоровой пищей» селян [3, с. 219].

Картофель обладает рядом агрономических и питательных свойств, благодаря которым он со временем превзошел традиционные хлебные злаки по эффективности прокормления населения. Отметим преимущества картофеля как культуры.

Во-первых, высокая урожайность и калорийность. По оценкам, «картофель дает в несколько раз больше пищи с единицы земли, чем пшеница или любое другое зерно» [6, с. 54]. В умеренном климате по суммарной калорийности урожая картофель может соперничать с пшеницей, а по выходу съедобного продукта с гектара значительно превосходит ее. Это означает, что переход на картофель позволял прокормить существенно больше людей на той же площади земли.

Во-вторых, неприхотливость и адаптивность. Картофель может успешно расти на небольших участках и бедных почвах, в разнообразных климатических условиях – от морского уровня до высокогорья – и выдерживает более холодный и влажный климат, где многие зерновые страдают [6, с. 22]. Важно и то, что для возделывания картофеля не требовались ни сложные орудия, ни высокая агрономическая культура: даже крестьяне с примитивными орудиями могли получать неплохие урожаи. Такая неприхотливость делала культуру привлекательной, особенно в бесплодных землях.

В-третьих, устойчивость к неурожаям и войнам. В отличие от зерновых, клубни картофеля созревают под землей, что частично защищает их от погодных катаклизмов (заморозков, града) и от уничтожения вражескими армиями. Современники отмечали, что «картофель никогда не подвергается военным опустошениям: армия может простоять лагерем лето на картофельном поле, не уничтожив осенний урожай» [6, с. 58]. Действительно, исследования показывают, что практически каждая война в Европе стимулировала разведение картофеля – крестьяне охотнее высаживали его, зная, что в случае конфликта поля с хлебом будут разорены, а картофель можно убереечь в земле. Например, в

Эльзасе во второй половине XVII века, во Фландрии во время войны Аугсбургской лиги (1688-1697 гг.) крестьяне расширяли посадки картофеля именно под угрозой боевых действий [3, с. 223]. Картофель становился своего рода «страховкой» от голода во время смут и войн.

В-четвертых, всесезонность и хранение. В условиях умеренного климата картофель дополнял цикл хлебопашества. Его сажали весной, убирали осенью – в период, когда запасы старого хлеба уже на исходе. Свежий картофель позволял пережить межсезонный продовольственный разрыв. Кроме того, клубни могли храниться значительное время, а высушенный картофель сохранялся месяцами. Это уменьшало зависимость от ежегодного урожая зерна [6, с. 27].

В-пятых, питательная ценность. Картофель богат углеводами и содержит необходимые для человека витамины и минералы. При сочетании с молоком или другой белковой пищей картофельная диета способна поддерживать человеческий организм длительное время [6, с. 41]. Недаром к XVIII в. в некоторых странах картофель практически вытеснил хлеб в рационе беднейших слоев, обеспечивая минимум калорий для выживания. Тот факт, что население Европы между 1500 г. и 1700 г. значительно выросло, во многом стал возможен благодаря увеличению продовольственной базы, частью которой стал картофель.

Все перечисленные свойства сделали картофель привлекательным для аграрной экономики раннего Нового времени. Урожайность и неприхотливость особенно ценно проявляли себя в условиях ограниченных ресурсов. На небольших наделах бедных крестьян, в горных или болотистых районах, где плохо родилось зерно, картофель давал спасительный урожай. Распространяясь, он не конкурировал напрямую с существующими злаками, а потому не требовал радикальной перестройки хозяйства. Наоборот, картофель дополнял традиционное земледелие, обеспечивая избыточное продовольствие и подстраховку в голодные годы.

Помимо природно-биологических преимуществ, превращение картофеля в важный продукт было обусловлено экономическим и социальным условиями Европы XVI–XVII вв. Картофель стал пищей беднейших слоев, что облегчило его массовое распространение [4, с. 55]. Новые дорогие приправы или замороженные способы готовки были ни к чему – клубни достаточно было испечь или отварить в печи, и получалась сытная еда. В целом «в Европе и других местах первой открыла двери новым растениям бедняцкая клиентура», как метко выразился Ф. Бродель [3, с. 221]. Не имея возможности купить дорогой хлеб или мясо, крестьяне и городская беднота переходили на более дешевые сытные корнеплоды. Постепенно картофель снизу-вверх завоевывал признание в обществе.

Наконец, экономическая выгода от выращивания картофеля стала очевидной ко второй половине XVII в. Высокий урожай при низких затратах труда означал, что крестьянин мог собрать больше еды и потенциально продать излишки на рынке по конкурентной цене. В регионах, начавших массово выращивать картофель, наблюдался спад цен на зерно из-за снижения спроса на него. Например, во Фландрии рост потребления картофеля в конце XVII – начале XVIII вв. привел к падению потребления хлеба на душу населения: с ~0,816 кг в день (1693 г.) до ~0,758 кг (1710 г.), а к 1780-м – до ~0,48 кг [6, с. 57]. Это означает, что значительную долю калорий люди уже получали не из зернового хлеба, а из картофеля. Крестьянские хозяйства, внедрившие картофель, стали менее уязвимы к колебаниям цен на хлеб. Более того, повышение продовольственной устойчивости способствовало росту населения, что в свою очередь увеличивало внутренний рынок и стимулировало экономику. Картофель оказался вписан в экономический цикл как стратегически важный продукт – дешевый в производстве, способный насытить население и поддержать демографический рост.

В период XVI–XVII вв. статус картофеля в европейском сознании трансформировался от ботанической диковины и пищи низших классов до признанного резервного продукта питания. Если около 1600 г. он был редкостью на столах и вызывал скорее любопытство или

опасения, то к 1700 г. в некоторых частях Европы без него уже трудно было представить крестьянский рацион. Произошел сдвиг в массовом восприятии: картофель из «хлеба для бедняков» превратился в общепризнанный источник калорий [5, с. 87].

К началу XVIII в. картофель уже рассматривался не просто как огородная культура, но как важный элемент продовольственной системы [4, с. 52]. Это выразилось в том, что государственные деятели и ученые мужи стали рекомендовать расширять посадки картофеля для обеспечения «хлеба насущного». Потребность Европы в дешевых калориях, острая в XVI–XVII вв., наконец начала удовлетворяться: «лишь после существенного увеличения производства картофеля – через два столетия после путешествия Колумба – европейский народ смог утолить свой растущий голод», отмечает исследователь истории питания Массимо Монтанари [3, с. 220]. Действительно, именно в рассматриваемый период были заложены основы той «картофельной революции», которая развернется в XVIII–XIX вв. Картофель доказал свою ценность на деле – он накормил Европу, когда традиционные ресурсы иссякали.

Европа нуждалась в новом хлебе – и получила его из Перу, благодаря населявшим этот регион коренным жителям [7, с. 1]. Картофель смог прижиться потому, что отвечал вызовам времени: кормил голодных, выдерживал трудности и давал больше пропитания, чем традиционные культуры [8, с. 171]. Сначала, будучи пищей выживания для бедных и во время войн, он постепенно вошел во все слои общества. Культурные барьеры пали перед лицом очевидной пользы. В XVI–XVII вв. закладывались основы той продовольственной революции, которая впоследствии преобразила европейскую демографию и экономику. Картофель стал фундаментальной частью этой революции. Картофель, вместе с кукурузой и другими дарами Нового Света, расширил продовольственный рацион человечества и тем самым изменил ход истории. Можно сделать вывод, что превращение картофеля в значимый пищевой продукт в Европе XVI–XVII вв. было подготовлено самим ходом развития европейского общества и закреплено уникальными свойствами этого растения. Европейцы обрели в картофеле надежный источник питания, который не только спасал от голода, но и открывал путь к будущему росту и изобилию.

Список литературы

1. Путешествия Христофора Колумба. Дневники, письма, документы / пер. с испан. и коммент. Я. М. Света; вступ. ст. И. П. Магидовича. – Москва: Государственное издательство географической литературы, 1952. – 528 с.
2. Crosby, Alfred W. The Colombian exchange : Biological and Cultural Consequences of 1492 / Alfred W. Crosby, editor Robert H. Walker. – Westport, Connecticut: Greenwood Press, 1972. – 272 p.
3. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное / 2-е изд.; пер. с фр. Л. Е. Куббеля; вступ. ст. Ю. Н. Афанасьева. – Москва: Издательство «Весь Мир», 2006. – 592 с.
4. Арнаутова, Ю. Е. 98.02.004. Монтанари М. Голод и пресыщение: культура питания в Европе / Ю. Е. Арнаутова. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История: Информационно-аналитический журнал. – 1998. – № 2. – С. 47–68.
5. Монтанари, Массимо. Голод и изобилие. История питания в Европе / Массимо Монтанари, пер. А. Миролюбова. – Москва: Александрия, 2018. – 288 с.
6. Карманов, С. Н. Картофель / С. Н. Карманов, В. С. Серебренников. – Москва: Росагропромиздат, 1991. – 64 с.
7. Сова, О. Н. Коренное население современного Перу: некоторые аспекты индейской проблемы / О. Н. Сова // Чтения памяти Евгения Петровича Сычевского. – 2015. – № 15. – С. 180–189.
8. Всемирная история: 6 т. Т. 3: Мир в раннее Новое время / гл. ред. А. О. Чубарьян; отв. ред. В. А. Ведюшкин, М. А. Юсим. – Москва: Наука, 2013. – 854 с.

ОПИСАНИЕ МАРШРУТА АФАНАСИЯ НИКИТИНА

Николаев Игнат Алексеевич, студент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

aromatic.krsk48@gmail.com

Научный руководитель: Гайдин Сергей Тихонович, доктор исторических наук, профессор

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

gaydinsergey@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается путешествие тверского купца Афанасия Никитина в конце 60 – начале 70-х гг. XV в. по Персии, Индии, арабскому миру, описанное им в произведении «Хождение за три моря», более известном в современном звучании как «Хождение за три моря». Оно дает возможность познакомиться с организацией власти, религией, жизнью населения этих территорий в средневековый период. Чтобы лучше понять географию путешествия Афанасия Никитина, мы попытались наложить его на карту современного мира.

Ключевые слова: Хождение за три моря, Афанасий Никитин, маршрут, населенный пункт, наблюдения

Историки предполагают, что тверской купец Афанасий Никитин хотел отправиться в Шемаху, столицу государства Ширван, расположенного в Закавказье, для налаживания торговых отношений. Сейчас эта историческая область, расположенная на западном побережье Каспийского моря, находится на территории Азербайджана. Он воспользовался тем, что в 1466 г в Шемаху из Твери возвращался шемахский посол Асан-бек, с которым ехал русский посол Василий Папин. Имея защитную грамоту, полученную от тверского князя, он благополучно проплыл на корабле мимо Калязина, Углича и Костромы, а в Нижнем Новгороде присоединился к каравану дипломатической миссии.

Но в дельте Волги, разбойники, которые выдавали себя за проводников и обещали провести корабли безопасным путем мимо столицы Астраханского ханства, разграбили товары и отобрали два корабля. Один из оставленных путешественникам двух кораблей во время шторма затонул вблизи Тарки, который находился на торговом пути из Поволжья в Закавказье и Иран. Сейчас это место входит в городской округ столицы Республики Дагестан Махачкалы [1]. Весь его экипаж был взят в плен. Но Афанасию удалось добраться до Дербента. Благодаря заступничеству Хасан-бека пленники были освобождены. После этого русские купцы, лишившись товаров, попытались вернуться на Русь, а Афанасий Никитин, решил идти дальше навстречу Судьбе. Из воспоминаний Афанасия мы знаем, что он отправился на заработки в Баку, где наблюдал, как на нефтяных промыслах «огонь горит неугасаемый».

В Закавказье Афанасий услышал о богатой стране Индии, и у него появилась надежда поправить там свое положение. До Индии ему пришлось добираться через персидский город Чапакур на юге Каспийского моря, где ему пришлось прожить около шести месяцев для того, чтобы заработать денег на дальнейшее путешествие. Затем он неоднократно на более или менее продолжительное время останавливался в разных персидских городах.

На своем пути ему пришлось преодолеть горный массив Демавенд, который представлял спящий вулкан в горном хребте Эльбурс на севере Ирана и Большую Иранскую солончаковую пустыню [2]. Наконец он достиг острова Ормуз, расположенного в северной части Ормузского пролива, между Оманским и Персидским заливами [3]. Этот остров с морским портом был важным торговым центром и славился своим жемчугом. Но жара там по ощущениям Афанасия была невыносимая. Здесь он сумел купить породистого вороного

коня, которого собирался продать в Индии. Таким образом, его путешествие по Персии продолжалось почти два года.

Спустя 25 дней плавания Афанасий Никитин достиг берегов Индии в районе Чаула, расположенного южнее современного Мумбаи откуда перед ним открылся путь в северо-западную и центральную части Индии [4]. Здесь началось его путешествие по Индии, которое продолжалось три года [4; 5].

Афанасий посетил Джунир, Бидар и Парват и многие другие индийские города. Причем в городе Джунире, расположенном на каменном острове, ему пришлось задержаться на два месяца из-за зимних дождей, которые сделали дороги непроходимыми.

В Джунире, сохранившемся до наших дней, Афанасий Никитин, едва не лишился коня, купленного им в Ормузе, так как местный хан, отобрал его, потому что Афанасий не был мусульманином. Он был готов отдать коня только при условии принятия Афанасием ислама. Но русскому купцу, который обратился за помощью к ходже Мухаммеду, удалось сохранить свою православную веру и своего жеребца [4]. Афанасий не нашел на городских рынках товаров кроме дешевого перца и краски, которые пользовались бы спросом у русских покупателей

Довольно долго Афанасий жил в городе Бидаре, который существует до сих пор [6]. В нем он видел дворец султана, украшенный резьбой и золотом, в который вело семь ворот, на охране которых стояло по сто воинов. На рынке Бидара коней или иной товар обменивали на ткани, на рабов или иной товар. Именно здесь Афанасию удалось выгодно продать своего коня.

В Индии его удивил внешний вид людей, на которых практически не было одежды. С одной стороны это объяснялось жарким климатом, а, с другой стороны, нищетой населения, так как знатные люди ходили в портках, надевали сорочку, кафтан и имели головной убор. Их обычно носили на богато украшенных носилках [4]. В Бидаре он наблюдал праздничный кортеж знатного человека и султана. В нем принимало участие большое количество музыкантов, пеших воинов и всадников, жеребцов и слонов, облаченных в золотые доспехи. Ему приходилось видеть, как в кортежах знатных особ к хоботу и бивням боевых слонов привязывали мечи булатные [4].

Наконец, Афанасий Никитин посетил город Парват, в котором находилась индийская святыня, сопоставимая, по его мнению, с Иерусалимом для христиан или Меккой для мусульман [7]. Там он ознакомился с жизнью местного населения и организацией торговли. Он пришел к выводу, что русским купцам нет смысла ехать в Индию ради торговли, ибо пошлины на товар большие, а товаров, которые могли бы пользоваться спросом там мало [4].

Закупив драгоценных камней и пряностей, он выплыл из небольшого индийского порта Дабула или Дабхола в Ормуз, где несколько лет назад он купил жеребца [8]. В районе «Ефиопских гор» их корабль был захвачен пиратами, которые вскоре отпустили пленников за выкуп в виде риса, хлеба и перца. Затем купцу пришлось сделать остановку в порту Маскате на Аравийском полуострове, который сейчас является столицей Султаната Оман [9].

На родину Афанасий решил возвращаться через уже известную ему Персию и территорию, контролируемую турками-османами до Трапезунда (ныне – Трабзон) на берегу Черного моря. Здесь его обвинили в шпионаже и отобрали купленные им драгоценные камни. Афанасий Никитин отправился в путь в 1466 г. Это было очень беспокойное время, когда турки-османы, после захвата в 1453 г Константинополя насаждали свою власть на огромной территории бывшей Византийской империи. Оставленная ему небольшая сумма дала возможность многострадальному путешественнику попробовать добраться до генуэзских городов Балаклавы (сейчас – недалеко от Севастополя) и Кафы (ныне - Феодосия) [10]. Только с четвертого раза корабль смог преодолеть море, так как он попадал в сильный шторм. Их занесло их Балаклаву, откуда Афанасий Никитин морским путем добрался до Кафы. Через несколько лет Османская империя захватит эти два города и сделает частью своих новых крымских владений.

Известно, что герой повествования купец погиб вблизи Смоленска, который в то время входил в состав Великого княжества Литовского и до которого, он, скорее всего добирался по Днепру. В родную Тверь ему не довелось вернуться, так как смерть прервала этот путь, оборвав его жизнь по дороге домой

После открытия в 1492 г. Америки Колумбом началась Эпоха Великих географических открытий. Однако нельзя недооценивать подвиг русского купца Афанасия Никитина, побывавшего за Дербентским (Каспийским), Индейским и Черным морями и фактически «открывшего» для Руси неведомые до этого Персию, Индию, Аравию и Крым. «Хождение за три моря» Афанасия Никитина стало важнейшим памятником древнерусской литературы, его бесценным вкладом в познание малоизученного в те времена мира.

Список литературы

1. Невероятная история Тарки. Хазарский каганат, Золотая орда и Тарковское шамхальство// <https://kavtoday.ru/article/6483>
2. Дамаванд (Демавенд)// <https://www.tadviser.ru/index.php>; Деште-Кевир – безжизненная солончаковая пустыня// [vk.com>wall-196295186_1358](https://vk.com/wall-196295186_1358)
3. Ормуз. Разноцветный остров в Персидском заливе// [34travel.me>post/ormuz](https://34travel.me/post/ormuz)
4. Хождение за три моря Афанасия Никитина: 1466-1472 гг. / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. При участии Я. С. Лурье, Н. С. Чаева, М. К. Кудрявцева, И. П. Петрушевского. Серия «Литературные памятники». М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958. – Текст: электронный // https://imwerden.de/pdf/nikitin_khozhenie_zh_tri_morya_1958__ocr.pdf (дата обращения: 24.01.2026)
5. Семенов Л. С. Путешествие Афанасия Никитина: монография: Наука, 1980. – Текст: электронный // <https://djvu.online/file/RRPSjho4FRdM0?ysclid=ml83ygui4k767979753> (дата обращения: 04.02.2026)
6. Бидар: гид по истории, достопримечательностям и культуре// [KupiBilet.ru>gid/indiia/bidar](https://KupiBilet.ru/gid/indiia/bidar)
7. В поисках индийского "Иерусалима"// <https://rusmir.media/2014/02/01/poiski>
8. Путешествие Афанасия Никитина// [rossyanka.ru>sailing_over_three_seas_2](https://rossyanka.ru/sailing_over_three_seas_2)
9. Маскат – история, население, климат, координаты// [ru.ruwiki.ru>wiki/Маскат](https://ru.ruwiki.ru/wiki/Маскат)
10. Балаклава – история, население, климат, координаты// [ru.ruwiki.ru>wiki/](https://ru.ruwiki.ru/wiki/); Кафа: каменная летопись Крыма, хранящая дыхание веков// <https://azovsky.ru/dostoprimechatelnosti-kryma/kafa-kamennaja-letopis-kryma-hranjashhaja-dyhanie-vekov/>

**В.О. КЛЮЧЕВСКИЙ – НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ СТУДЕНЧЕСКИХ
ВЫПУСКНЫХ РАБОТ ПО ИСТОРИИ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ
(ИЗ АРХИВА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ)**

Петрюк Кирилл Антонович, студент

Российский государственный аграрный университет МСХА имени К. А. Тимирязева,
Москва, Россия

petryuk_kirill2007@mail.ru

Научный руководитель: Федоров Павел Викторович, доктор исторических наук, профессор
Российский государственный аграрный университет МСХА имени К. А. Тимирязева,
Москва, Россия

sever-nordica@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению деятельности выдающегося российского историка В. О. Ключевского как научного руководителя студенческих выпускных работ, посвященных историческому периоду Петра Великого. На основе анализа отзывов ученого, сохранившихся в архиве Московской духовной академии, рассматриваются требования Ключевского, его критические замечания и оценки. Среди недостатков студенческих работ историк указывал на отклонение от изначально избранной программы исследования, непродуманность выводов, в частности, необоснованное преувеличение масштаба петровских преобразований. Отзывы Ключевского на студенческие выпускные работы не только являются ценной иллюстрацией к биографии ученого, но и могут быть использованы в процессе подготовки современных студентов, изучающих отечественную историю.

Ключевые слова: Ключевский, аттестация, Московская духовная академия, школа, студенты, Русская Православная Церковь, Петр I

Вся деятельность выдающегося русского историка Василия Осиповича Ключевского (1841-1911) была тесно связана с высшей школой, с необходимостью преподавания русской истории и воспитания своих учеников. Неудивительно, что в нашей историографии давно уже сформулировано понятие «школа Ключевского» [1; 5]. При этом исследователей интересовал вопрос о вкладе ученого в подготовку таких же великих ученых, как он сам. Впрочем, до сих пор дискутируется проблема состава учеников Ключевского из числа замечательных историков. Например, Г. В. Вернадский относил к последним А. А. Кизеветтера, М. М. Богословского, Н. А. Рожкова, Ю. В. Готье, С. В. Бахрушина, А. И. Яковлева, Я. Л. Барскова [1]. С другой стороны, академик М. В. Нечкина отказывалась рассматривать сообщество воспитанников вокруг Ключевского научной школой в виду отсутствия «единой и ясной методологической концепции» [2, с. 376].

Нерешенность этих и других вопросов не должна лишать возможности изучать деятельность Ключевского не только с историографических, но и с историко-культурных и историко-педагогических позиций. Значительный интерес представляет опыт преподавания Ключевским курса истории, его работа со своими студентами в качестве научного руководителя, повседневные отношения ученого с воспитанниками и т.д. Этим сюжетам исследователи творчества Ключевского до сих пор не уделяли должного внимания.

Между тем сохранился значительный комплекс документов, отражающий взаимодействие Ключевского со своими студентами в Московской духовной академии (МДА). Василий Осипович преподавал в этом учебном заведении в течение 35 лет, с 1871 по 1906 гг. Изучение данных материалов может стать новой главой в биографии великого историка.

Итак, **целью работы** стало изучение научно-педагогической деятельности Ключевского как научного руководителя студентов МДА.

Источниковой базой послужили отзывы Ключевского на выпускные студенческие работы воспитанников из архива МДА, которые сохранились в Центральном государственном архиве г. Москвы и Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Ныне они опубликованы проф. П. В. Федоровым в составе хрестоматии с подробными комментариями [4].

Система подготовки кадров до революции 1917 г. имела свои особенности. К концу обучения в духовной академии студент должен был предъявить письменную выпускную работу. Она называлась кандидатской диссертацией (или кандидатским сочинением), поскольку его автору присуждалась степень кандидата богословия.

Отзывы Ключевского представляют собой весьма ценный исторический источник. При том, что они небольшие по объему и имеют стандартное построение, тем не менее из них мы можем узнать о требованиях Василия Осиповича к студенческой выпускной работе по истории России. Ведь в каждом подобном документе историк отмечает, что удалось достичь выпускнику в своем сочинении, а что в нем не хватает.

В настоящем исследовании мы остановились только на тех написанных под руководством Ключевского кандидатских работах, которые были посвящены времени Петра Великого. Это – 9 сочинений (авторы – Н. И. Богданов, М. Г. Городенский, Н. И. Кедров, А. И. Милосердин, М. А. Остроумов, А. П. Поройков, Я. Г. Соколов, А. А. Тихомиров и С. А. Успенский). На каждую работу сохранился текст отзыва Василия Осиповича [3, с. 146-158, 161-163].

Результаты исследования и их обсуждение. Ключевский, как известно, наделял петровскую эпоху особым смыслом. В своем «Курсе русской истории» он отмечал, что реформа Петра Великого «взбаламутила всю застоявшуюся плесень русской жизни, взволновала все классы общества», усвоив «характер и приемы насильственного переворота, своего рода революции» [4, с. 202].

Хотя тематика сочинений в МДА должна была ограничиваться рамками церковной истории, Ключевский не любил подчинять ее узко-церковным вопросам и формулировал тему так, чтобы у воспитанника всегда оставалась свобода маневра между гражданской и сугубо церковной историей. Если проанализировать тематику выбранных нами кандидатских работ, заметно, что не только сама церковная реформа Петра Великого привлекала внимание историка, но и отношение к преобразовательной деятельности государя разных слоев российского духовенства, в т.ч. через «политическую проповедь» и поддержку таких деятелей, как Феофан Прокопович; и встречное отношение русского общества к религии и духовенству (в особенности на примере трудов крестьянина И. Т. Посошкова); и состояние духовных школ в водовороте того времени.

Отзывы Ключевского на студенческие сочинения дают интересную возможность увидеть, как взгляды историка работали на практике, при взаимодействии с учениками. Так, размышляя о Петре Великом, Ключевский еще в «Курсе русской истории» указывал на ограниченный характер петровских преобразований, считая, что они хотя и потрясли, но не перевернули всю глубину русской жизни [4, с. 202]. Продолжая ту же мысль, историк в своем отзыве критиковал студента А. П. Поройкова за то, что тот в своей работе преувеличивал масштабы переворота, произведенного Петром [3, с. 163]. А в отзыве на сочинение Н. И. Кедрова Ключевский проводит мысль о том, что Духовный регламент 1721 г. не только устанавливал новые порядки, но и охранял «самобытность строя и жизни Церкви» [3, с. 149].

Среди других замечаний, которые мы обнаруживаем в отзывах Ключевского, значительная часть посвящена самой композиции работы, связи главных задач исследования со способами их решения, последовательности разворачивающихся мыслительных операций. Так, А. И. Милосердин он критикует за то, что «он не всегда строго держался своего вопроса» [3, с. 146]. М. А. Остроумов также, по мысли историка, «выходил из пределов предположенной программы» [3, с. 148].

В работе С. А. Успенского неудачными показались выводы. Ключевский считал, что этими словами автору лучше было бы начать, а не закончить свое сочинение [3, с. 153-154]. Из этой реплики вполне понятно, какое важное значение историк уделял заключительной части работы, ее выводам. Выводы должны быть хорошо продуманы автором.

Ключевский нередко хвалил студентов. Ему нравилось, например, когда студент хорошо ориентировался в литературе, привлекал разные источники для своего исследования. Оценки, поставленные Василием Осиповичем за вышеуказанные работы, говорят в целом о его лояльном отношении к студенческому труду: из 9 студентов четыре человека получили пятерки, а пять человек – четверки.

Интересен вопрос о дальнейшей судьбе студентов Василия Осиповича по духовной академии. Михаил Андреевич Остроумов стал профессором Харьковского университета по кафедре церковного права. Николай Иванович Кедров более 30-ти лет преподавал в Московской духовной семинарии, стал автором историко-церковных трудов. Яков Григорьевич Соколов (в монашестве – Антоний) дослужился до архиерейского сана, закончил службу в чине епископа Черниговского и Нежинского [3, с. 256, 258, 261].

Анализ отзывов В. О. Ключевского на студенческие выпускные работы по истории (из архива Московской духовной академии) показывает, что эти материалы не только расширяют наши знания о выдающимся историке, но и могут быть использованы в процессе подготовки современных студентов, изучающих отечественную историю.

Список литературы

1. Гришина, Н. В. «Школа В.О. Ключевского» в историографии: научный дискурс и историографическая судьба / Н.В. Гришина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 12(150). – С. 131–137.

2. Нечкина, Ю. М. В. Василий Осипович Ключевский: история жизни и творчества / М. В. Нечкина. – Москва: Наука, 1974. – 635 с.

3. Ключевский и его школа: отзывы В. О. Ключевского о магистерских и кандидатских работах по истории России и Русской Церкви (из архива Московской духовной академии): хрестоматия / авт.-сост.: П. В. Федоров, Л. Б. Грачев, А. Б. Оришев, М. В. Шерстюк. – Санкт-Петербург: Арт-Экспресс, 2026. – 320 с.

4. Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1989. – 398 с

5. Лачаева М. Ю. К вопросу о «Школе В. О. Ключевского» в современной историографии / М.Ю. Лачаева // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2016. – № 1(1). – С. 26-30.

ВЫСАДКА ЯПОНСКОГО ДЕСАНТА ВО ВЛАДИВОСТОКЕ В НАЧАЛЕ АПРЕЛЯ 1918 Г.

Плужникова Екатерина Александровна, студентка

Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К. А. Тимирязева,
Москва, Россия

eka_pluzhnikova@mail.ru

Научный руководитель: Миронюк Сергей Алексеевич кандидат исторических наук

Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К. А. Тимирязева,
Москва, Россия

mironyuk@rgau-msha.ru

Аннотация. Статья посвящена событиям, связанным с высадкой японского десанта во Владивостоке 5 апреля 1918 г. Проанализированы предпосылки, роль иностранных держав, в частности Японии, связанной с геополитической ситуацией после Октябрьской революции. Поводом послужило убийство японских подданных, а также действия местных органов власти, населения и союзников по Антанте. В статье сделан вывод о том, что апрельские события стали началом для полномасштабной иностранной военной интервенции на Дальнем Востоке России, которая определила ход Гражданской войны в данном регионе на несколько лет вперед.

Ключевые слова: Гражданская война, иностранная интервенция, Япония, Владивосток, Дальний Восток, Антанта, Дальсовнарком

Высадка японского десанта во Владивостоке в апреле 1918 г. стала одним из поворотных событий в истории Гражданской войны на востоке России. Это послужило началом для перехода от дипломатического давления и скрытого вмешательства к открытой вооруженной интервенции иностранных держав, что кардинально изменило расстановку сил и затянуло конфликт в регионе. Обращение к данной теме вызвано необходимостью дать объективную оценку ключевым событиям столетней давности, определить, что важно для понимания их причин и долгосрочных последствий, особенно в связи с текущей геополитической ситуацией.

Целью данной работы является комплексный анализ обстоятельств, причин и последствий высадки японских войск во Владивостоке 5 апреля 1918 г. Для этого необходимо решить следующие задачи: рассмотреть международную обстановку на Дальнем Востоке к весне 1918 г.; изучить повод для интервенции – убийство японцев во Владивостоке 4 апреля; описать ход высадки десанта и реакцию на нее местных советов и населения; определить истинные цели японской стороны.

В центре исследования находятся события конца 1917 – весны 1918 гг. Но для выявления причинно-следственных связей необходимо обратиться к документам, освещающим стратегию и практические шаги интервентов в более позднем периоде. Исследование выполнено в рамках принципов историзма и объективности. В качестве основного инструмента анализа применялся сравнительно-исторический метод, позволяющий выявить общие и особенные черты исследуемой темы.

После Октябрьской революции 1917 г. и отказа советского правительства от продолжения войны, страны Антанты взяли курс на поддержку антибольшевистских сил. Дальний Восток в силу своего географического положения и слабости советских структур стал зоной особого интереса для держав Антанты, и в первую очередь для Японии. Как отмечает исследователь Л. И. Галлямова, уже в декабре 1917 г. в порт Владивостока вошли японский крейсер «Ивами» и британский «Суффолк» под предлогом защиты своих

подданных, что было воспринято местными властями как нарушение суверенитета России [1, с. 10]. Эти действия стали первым шагом к наращиванию военного присутствия.

В начале 1918 г. обстановка во Владивостоке продолжала накаляться. Вторгнувшиеся на территорию Советской России японцы были безжалостны к населению. Для того, чтобы закрепить свою власть на территории они прибегали к жестоким методам убийств, не щадя ни женщин, ни детей. На заседании краевого комитета, состоявшегося 5 января 1918 г., произошло утверждение его организационной структуры. Был избран президиум под руководством А. М. Краснощекова (большевик), созданы комиссариаты, а орган власти получил официальное название – Дальсовнарком (Дальневосточный краевой комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и самоуправлений). Политика Дальсовнаркома по национализации и установлению рабочего контроля встречала сопротивление предпринимателей, поддерживаемых иностранными консулами. Б.Б. Кондратенко подчеркивает, что японский Генеральный штаб еще до революции разрабатывал планы по овладению стратегическими объектами Дальнего Востока, включая контроль над железными дорогами и портами [2, с. 125]. К весне 1918 г. Япония ждала лишь подходящего предлога для активных наступательных действий, хотя на публичного подтверждения этому не было. Хотя первоначально «народный комиссар по военным делам и одновременно народный комиссар по морским делам Л.Д. Троцкий, обратившись к британскому спецпосланнику Б. Локкарту, не был против пребывания японских сил на Дальнем Востоке для противодействия Германии, но только совместно с другими союзниками, которые дадут гарантии невмешательства во внутренние дела России» [3, с. 338; 4, с. 69; 5, с. 57].

Предлогом для данного вторжения послужило убийство двух сотрудников японской торговой фирмы «Исидо» 4 апреля 1918 г. во Владивостоке. Обстоятельства этого преступления до сих пор остаются до конца не выясненными, однако японское командование немедленно использовало его для реализации своих планов. Уже на следующий день, 5 апреля, командующий японской эскадрой контр-адмирал Като отдал приказ о высадке десанта. Вслед за японцами, «для охраны своих граждан», высадился и небольшой отряд британцев [2, с. 126]. Численность японского десанта составила порядка 500 человек.

Японское командование опубликовало воззвание, в котором утверждалось, что высадка «вызывается необходимостью охраны жизни и имущества японских подданных» и что Япония не имеет намерений вмешиваться во внутренние дела России [6, с. 29-45]. Однако, как справедливо указывает В. Г. Дацышен, эти заявления были лишь тактическим прикрытием. Японская интервенция была составной частью глобальных событий, и японцы, поддерживая атамана Семенова и другие антисоветские силы, преследовали цель расширения своего влияния, хотя и не смогли грамотно просчитать развитие ситуации [7, с. 77].

Реакция на высадку была неоднозначной. С одной стороны, владивостокский консульский корпус поддержал действия Японии, усматривая в них защиту от «германской угрозы» и большевизма. С другой стороны, советское правительство в Москве и местные советы выступили с резкими протестами. В резолюции Центро-Сибири от 5 апреля говорилось о нападении международного капитализма и объявлялось о введении военного положения на всей территории Сибири [1, с. 11]. Однако сил для вооруженного отпора у советов не было. Под давлением общественности и союзников к концу апреля японский и английский десанты были временно возвращены на корабли, но их высадка создала опасный прецедент.

Высадка десанта 5 апреля 1918 г. стала тем рубежом, после которого интервенция стала неизбежной. Как отмечает В.Г. Дацышен, действия японского командования носили противоречивый характер. С одной стороны, японские войска активно участвовали в боевых действиях против красных партизан и поддерживали режим атамана Семенова, защищая его даже от армии адмирала Колчака [8, с. 32]. С другой стороны, японское присутствие имело и

гуманитарное значение. Архивные данные свидетельствуют о поставках медикаментов для гражданского населения японским комитетом оказания экономической помощи Сибири.

Таким образом, данный инцидент продемонстрировал слабость центральной власти, а также подтолкнул местные антисоветские силы к активизации и подготовил почву для дальнейшего полномасштабного вторжения летом 1918 г. под предлогом защиты Чехословацкого корпуса. Как отмечает большинство историков, именно апрельские события стали прологом к многолетней оккупации и кровопролитию на Дальнем Востоке [7, с. 78; 2, с. 126].

К ноябрю 1919 г. Япония понесла серьезные потери в своих рядах, хотя финансовые затраты не снижались, что вызывало недовольство у японского парламента и даже прессы. Именно это являлось одной из причин, почему Япония решила поменять свои планы полномасштабного продвижения вглубь Сибири и согласилась на переговоры с Дальневосточной Республикой [2, с. 533].

Эти переговоры привели к подписанию 15 июля 1920 г. договора о прекращении огня и последующему выводу японских войск из Забайкалья к 15 октября 1920 г. [6, с. 42]. Это позволило высвободить территорию для объединения под властью Москвы, а полное очищение Дальнего Востока от интервентов затянулось еще на два года.

Принимая во внимание данные события, можно сделать вывод, что высадка японского десанта во Владивостоке в начале апреля 1918 г. не была спонтанным решением, а оказалась результатом целенаправленной политики Японии, стремившейся использовать хаос Гражданской войны в России для укрепления своих позиций в регионе. Используя провокационный повод, Япония перешла от демонстрации силы к открытому военному вмешательству. Это событие дестабилизировало обстановку, подорвало авторитет местных Советов и стало отправной точкой для развертывания широкомасштабной иностранной интервенции, которая продлилась до 1922 г. и принесла неисчислимые бедствия населению Дальнего Востока

Список литературы

1. Галлямова, Л. И. Гражданская война и военная интервенция в России в региональном измерении: российский Дальний Восток / Л. И. Галлямова // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. – 2018. – Т. 19. – С. 9-22.
2. Кондратенко, Б. Б. Характер японской военной интервенции на Дальнем Востоке 1918-1922 гг / Б. Б. Кондратенко // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. – 2018. – Т. 19. – С. 124-130.
3. Миронюк, С. А. Британская политика интервенции в России (ноябрь 1917 г. - декабрь 1919 г.) как фактор Гражданской войны: этапы и особенности / С. А. Миронюк // Исторический вестник. – 2024. – Т. 47. – С. 318-381.
4. Миронюк, С. А. Интервенция в Россию в политических дискуссиях правящих кругов Великобритании (1917-1919 гг.): диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Миронюк Сергей Алексеевич, 2021. – 200 с.
5. Миронюк, С. А. Роль Военного Кабинета министров Британии в организации интервенции на Дальний Восток и в Сибирь: согласование условий вторжения с США, Японией и советским правительством в декабре 1917 – августе 1918 гг. (по материалам Национального архива Соединенного Королевства) / С. А. Миронюк // Genesis: исторические исследования. – 2019. – № 2. – С. 52-62.
6. Дацышен, В. Г. Проблемы завершения «Сибирской экспедиции» в Забайкалье. Новые документы по истории японской интервенции в Сибири / В. Г. Дацышен // Японские исследования. – 2017. – № 2. – С. 29-45.
7. Дацышен, В. Г. Проблемы японской интервенции в Забайкалье / В. Г. Дацышен // Приграничный регион в историческом развитии: партнерство и сотрудничество. Том Часть 2. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2017. – С. 75-80.
8. Гинс, Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории 1918–1920: впечатления и мысли члена Омского Правительства / Г. К. Гинс. – Москва: Айрис-пресс, 2007. – 672 с.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ПЕРВОГО РОССИЙСКОГО АВТОМОБИЛЯ И ЗАРОЖДЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АВТОПРОМЫШЛЕННОСТИ

Потехин Роман Сергеевич, студент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

rp052324@gmail.com

Научный руководитель: Селезнев Андрей Валерьевич, кандидат исторических наук

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

seleznev.andrey.val@xmail.ru

Аннотация. В статье реконструируется процесс зарождения отечественного автомобилестроения в дореволюционный период. На основе анализа исторических источников рассматриваются инженерно-технические решения первых российских конструкторов: Е. А. Яковлева, П. А. Фрезе, И. В. Романова, а также производственная деятельность Акционерного общества машиностроительного завода Г. А. Лесснера. Особое внимание уделяется техническим параметрам первых отечественных транспортных средств. Авторами выявляются причины, сдерживавшие массовое производство автомобилей в Российской Империи, и оценивается вклад пионеров отечественного автопрома в историю техники.

Ключевые слова: история техники, первый российский автомобиль, Е. А. Яковлев, П. А. Фрезе, И. В. Романов, завод Лесснера, дореволюционная Россия, двигатель внутреннего сгорания, промышленные выставки

Актуальность исследования обусловлена необходимостью углубленного анализа малоизученных страниц отечественной истории техники. Обращение к истокам российского автомобилестроения позволяет выявить закономерности становления новых технологических укладов в социально-экономических условиях Российской Империи конца XIX – начала XX столетия. В эпоху развития электрического транспорта особую ценность приобретает изучение альтернативных инженерных решений прошлого, включая проекты первых отечественных электромобилей.

Целью работы выступает комплексное историко-техническое исследование процесса создания первого российского автомобиля, анализ предпосылок его появления и оценка влияния этого события на формирование отечественной школы автомобилестроения.

Историография вопроса представлена трудами Л. М. Шугурова, Ю. А. Долматовского, Е. Д. Кочнева, посвященными систематизации сведений об автомобилях России и СССР [1-3]. Региональные исследования Р. В. Кирсанова детально рассматривают деятельность петербургских предприятий, включая завод Лесснера и фабрику Фрезе.

Источниковую базу составляют описания Всероссийских промышленных выставок 1896 и 1907 гг., патентные документы и технические описания двигателей Е. А. Яковлева, мемуарные свидетельства современников и периодические издания исследуемого периода.

Начало автомобилестроения в России: предпосылки и первые шаги

Формирование предпосылок для создания отечественного автомобиля связано с развитием российского двигателестроения последней четверти XIX века. Ключевой фигурой стал Евгений Александрович Яковлев – выпускник Морского кадетского корпуса, лейтенант флота, вышедший в отставку в 1884 году. Мотивы его ухода с военной службы, формально обозначенные как «домашние обстоятельства», в действительности были продиктованы стремлением посвятить себя инженерной деятельности [4].

Приобретя помещение в промышленной части Петрограда, Яковлев приступил к изучению конструкции двигателя Отто и приобретению необходимых патентов. Российский инженер поставил задачу создания работоспособного двигателя внутреннего сгорания,

адаптированного к использованию жидкого топлива и условиям отечественного производства. Первые экспериментальные образцы 1885-1887 гг. демонстрировали недостаточную надежность, однако в 1889 году был создан двигатель, успешно выдержавший все испытания. Демонстрация на VIII съезде Русского общества естествоиспытателей произвела впечатление на научное сообщество, а Д. И. Менделеев высоко оценил труды Яковлева, отметив перспективность использования жидкого топлива в транспортных двигателях [5].

В 1891 г. основан «Машиностроительный, чугунно- и меднолитейный завод Е. А. Яковлева», оснащенный паровой машиной, керосиновым и газовыми двигателями. На Всемирной выставке в Чикаго 1893 г. двигатель Яковлева удостоен бронзовой медали и почетного диплома. Там же произошло судьбоносное знакомство с Петром Александровичем Фрезе и демонстрация автомобиля Benz Victoria [6].

Создание первого российского автомобиля

Сотрудничество Яковлева и Фрезе представляло уникальный симбиоз талантов: первый обладал глубокими познаниями в двигателестроении, второй являлся признанным специалистом в области экипажного дела. Российские конструкторы не пошли по пути прямого копирования немецкого образца: автомобиль 1896 г. содержал ряд оригинальных решений, адаптированных к российским условиям.

Сборка первого российского автомобиля завершена весной 1896 года. Презентация состоялась 14 июля на XVI Всероссийской промышленно-художественной выставке в Нижнем Новгороде. Автомобиль представлял собой двухместный заднемоторный экипаж с одноцилиндровым четырехтактным двигателем мощностью около 2 лошадиных сил. Колеса оборудованы сплошными резиновыми шинами – решение, характерное для экипажей того времени [7].

19 июля автомобиль осмотрен императором Николаем II, но интереса не вызвал. Исследователи объясняют это насыщенной программой пребывания царя, настороженным отношением аристократии к техническим новинкам, восприятием автомобиля как забавной диковины.

Смерть Е. А. Яковлева в 1898 г. стала тяжелым ударом: наследники не продолжили производство двигателей для автомобилей, завод переориентировался на традиционную продукцию. П. А. Фрезе оказался перед необходимостью поиска новых поставщиков силовых агрегатов.

Развитие производства на фабрике Фрезе

С 1900 г. фабрика Фрезе использовала французские двигатели. В том же году создан первый российский грузовой автомобиль, что свидетельствовало о расширении производственной программы [8]. В 1901-1903 гг. выпущено около 100 легковых автомобилей – начало серийного производства в России.

В 1903 г. освоены почтовые фургоны по заказу почтового ведомства, в 1904-м – первый российский пожарный автомобиль, использовавшийся в Санкт-Петербурге. Впоследствии фабрика продана Русско-Балтийскому вагонному заводу, что позволило РБВЗ получить опытную базу для развертывания собственного автомобильного производства.

Электромобили И. В. Романова.

В 1899 г. инженер Ипполит Владимирович Романов завершил работу над проектом первого русского электромобиля. Технические характеристики: масса 750 кг (370 кг – аккумулятор), запас хода 60 км, максимальная скорость 37 км/ч. Разработан также 17-местный электрический омнибус для городских пассажирских перевозок с запасом хода 60 км и скоростью 19 км/ч [9].

Проекты не получили распространения по ряду причин: высокая ресурсоемкость производства, несовершенство аккумуляторных технологий, отсутствие инфраструктуры для зарядки, преимущества бензиновых автомобилей в скорости и простоте эксплуатации. Проекты Романова, опередившие свое время, остались примером смелого инженерного поиска.

Деятельность завода Г. А. Лесснера

Основанный в 1852 г. завод Густава Александровича Лесснера к концу XIX века превратился в крупный многопрофильный комплекс, выпускавший паровые машины, котлы, станки. В 1898 г. преобразован в акционерное общество [10]. В 1901 году заключено лицензионное соглашение с немецкой компанией Daimler. Важную роль в адаптации конструкций сыграл инженер Борис Луцкий, имевший опыт европейского автомобилестроения.

Серийный выпуск начался в 1904-1905 гг. Легковые модели оснащались двух- и четырехцилиндровыми двигателями мощностью 6-32 л.с., позднее созданы шестицилиндровые автомобили. Выпускались грузовики до двух тонн, почтовые фургоны, служебные автомобили по госзаказам. Объем выпуска – 70-100 автомобилей, собиравшихся вручную.

Около 1909 г. производство прекращено из-за экономической нерентабельности: ограниченный внутренний рынок, высокая стоимость производства, зависимость от иностранных технологий. Предприятие переориентировалось на выполнение военных заказов. Деятельность Лесснера доказала возможность организации автомобильного производства в России.

Первая автомобильная выставка 1907 г.

19 мая 1907 г. в Михайловском манеже открылась Первая международная автомобильная выставка. Организаторы ставили задачи популяризации автомобильного дела, демонстрации достижений, стимулирования формирования внутреннего рынка [11].

Участвовали 37 российских предприятий. Акционерное общество Г. А. Лесснера представило грузовик, почтовую машину, два легковых автомобиля. Компания «Фрезе и К^о» демонстрировала последние разработки. «Петербургская фабрика П. Д. Яковлева» экспонировала кузова. Шинную продукцию представили «Российская резиновая мануфактура» и Товарищество «Проводник». Фирма «Кольбе Р.» – российские моторы и динамомашинны.

Международный раздел представляли 30 французских, 13 германских фирм, производители США, Англии, Австро-Венгрии, Дании, Бельгии, Швейцарии, Италии. Выставка продемонстрировала наличие собственных производителей, но выявила необходимость государственной поддержки для конкуренции с зарубежной продукцией.

Факторы, сдерживавшие развитие.

Анализ позволяет выявить комплекс факторов, препятствовавших становлению отрасли. Экономические факторы: ограниченность внутреннего рынка, высокая стоимость производства, недостаток инвестиций. Технологические: зависимость от импортных комплектующих, отсутствие специализированного станкостроения, дефицит квалифицированных кадров, слабость смежных производств. Институциональные: отсутствие государственной поддержки, неразвитость дорожной сети, отсутствие массового спроса. Военное ведомство проявило интерес к автомобилям лишь после Русско-японской войны 1904-1905 гг.

Период конца XIX – начала XX века стал временем активного технического поиска в российском автомобилестроении. Деятельность Яковлева, Фрезе, Романова, инженеров завода Лесснера представляет взаимосвязанный процесс становления новой отрасли в сложных социально-экономических условиях.

Первый российский автомобиль 1896 г. – закономерный результат развития отечественного двигателестроения. Высокий технический уровень двигателя Яковлева соответствовал мировым стандартам. Опыт создания электромобилей Романовым демонстрирует работу российских изобретателей в русле мировых тенденций. Производственная деятельность Фрезе и Лесснера доказала возможность организации серийного выпуска автомобилей в России.

Несмотря на отсутствие массового производства в дореволюционный период, был накоплен ценный опыт конструирования, сформированы инженерные кадры и

производственные традиции, востребованные в советский период при создании массовой автомобильной промышленности СССР. История первого российского автомобиля является неотъемлемой частью отечественного технического творчества и промышленного развития.

Список литературы

- 1.Шугуров, Л. М. Автомобили России и СССР: в 2 т. – М.: ИЛБИ, 1993. – Т. 1. – 256 с.
- 2.Долматовский, Ю. А. Автомобиль за 100 лет / Ю.А. Долматовский. – М.: Знание, 1986. – 240 с.
- 3.Кочнев, Е. Д. Энциклопедия военных автомобилей. – 2-е изд., доп / Е.Д. Кочнев. – М.: За рулем, 2008. – 640 с.
- 4.Зворыкин, Н. М. История техники / Н.М. Зворыкин. – М.: Наука, 1962. – 432 с.
- 5.Менделеев Д. И. О жидком топливе / Д.И. Менделеев // Труды VIII съезда Русского общества естествоиспытателей. – СПб., 1890. – С. 112-118.
- 6.Соловьев, Н. А. Первые русские автомобили / Н.А. Соловьев // Автомобильная промышленность. – 1946. – № 4. – С. 18-23.
- 7.Каталог XVI Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 года в Нижнем Новгороде. – Н. Новгород, 1896. – 312 с.
- 8.Шляхов, А. Л. История автомобильного транспорта России: от истоков до первой мировой войны / А.Л. Шляхов. – М.: Транспорт, 2005. – 312 с.
- 9.Гордиенко, М. П. Электрические автомобили: история и перспективы / М.П. Гордиенко. – СПб.: Политехника, 2012. – 184 с.
- 10.Кирсанов, Р. В. Автомобильная промышленность Санкт-Петербурга: история и современность / Р.В. Кирсанов // Вопросы истории естествознания и техники. – 2015. – № 3. – С. 45-58.
- 11.Каталог Первой международной автомобильной выставки в Санкт-Петербурге 19 мая – 2 июня 1907 года. – СПб.: Типография МВД, 1907. – 98 с.

РУССКАЯ ЖЕНСКАЯ КРАСОТА XIX ВЕКА. ЭТИКЕТ И ЧТО СЧИТАЛОСЬ ЭТАЛОНОМ ЖЕНСКОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ В ДВОРЯНСКОЙ СРЕДЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ

Пухова Екатерина Владимировна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

katya.puhova.05@mail.ru

Симбирева Анастасия Михайловна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

nastya.simbirva@bk.ru

Научный руководитель: Сентябова Мария Викторовна, кандидат исторических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

m.v_redko@mail.ru

Аннотация. Русская женская красота XIX столетия представляла собой особый эталон привлекательности, сформированный традициями дворянской среды императорской России. Стандарты женской красоты были тесно связаны с культурными представлениями эпохи, эстетическими предпочтениями высшего света и нравственными нормами общества. Особое внимание уделялось стилю, соответствию моде и индивидуальности нарядов. Эти качества отражали идеалы женственности, характерные для российского дворянства XIX века. Красота воспринималась не только как физическое совершенство, но и как отражение внутренней культуры, воспитания и социального статуса.

Ключевые слова: красота, женщины, эталон красоты, дворянская среда

XIX век является важным периодом в развитии русской культуры и общественной мысли. Этот этап отмечен расцветом русского дворянства, которое формировало собственные стандарты женской красоты и привлекало внимание художников, писателей и поэтов своим особым взглядом на женские идеалы. Цель доклада – раскрыть особенности представлений о красоте женщин в среде русских дворян XIX века.

Одним из важнейших критериев женской привлекательности было наличие аристократической внешности. Среди характеристик, характеризующих женскую красоту, выделялись: благородные черты лица, светлые волосы и голубые глаза, тонкий стан, высокая грудь и стройные ноги. Белоснежная гладкая кожа, выражающая чистоту и непорочность. Хрупкое телосложение, символизирующее слабость и необходимость защиты.

Подобные каноны закреплялись портретной живописью, создававшей образ идеальной женщины-дворянки. Красота в понимании дворян не ограничивалась физическими характеристиками. Большое значение придавалось интеллектуальному развитию девушки. В воспитании особое внимание уделяли следующим аспектам: Освоение музыкальных инструментов, игры на фортепиано и пению. Владение несколькими европейскими языками, способствующими коммуникации в международном свете. Изучение литературы, философии и истории, позволяющее поддерживать интересные разговоры. Танцевальное искусство, манера поведения и движения тела.

Достойное поведение считалось важнейшей частью женского образа. Девушки учились искусству правильно держаться в обществе, соблюдать правила этикета и проявлять скромность. Эти качества становились важными элементами женской привлекательности наряду с внешним обликом.

В дворянском обществе XIX века представление о женской красоте и привлекательности претерпело значительные изменения. Идеал женской красоты эволюционировал от пышных форм петровской эпохи к утонченной романтичности начала XIX века.

В первой половине века эталоном считалась бледность как признак утонченности и глубины чувств. Женщина должна была выглядеть мечтательной, немного грустной, с томным взглядом. Особенно ценились романтические черты: бледность лица, выразительные глаза, в которых могла промелькнуть слеза.

Внешний облик дамы строго регламентировался этикетом. В моду вошли легкие платья с высокой талией, естественность в прическах (отказ от париков), простота движений. Вместо яркого макияжа, популярного в XVIII веке, приветствовалась естественная красота. Манеры и поведение играли ключевую роль в формировании образа привлекательной женщины. Дамы должны были владеть особым «языком кокетства» – умело пользоваться веером, правильно размещать мушки на лице. Важным элементом считалась образованность: умение вести беседу, читать французские романы, разбираться в литературе. Духовная составляющая стала не менее значимой, чем внешняя красота. Идеальная дворянка должна была быть начитанной, уметь поддержать разговор, обладать тонким вкусом. Появился культ «поэтической девушки» – романтического, возвышенного создания, способного уноситься мыслями в идеальный мир. В этот период формируется особый тип русской дворянки – образованной, утонченной женщины, которая сочетает в себе природную красоту и духовную глубину, естественность манер и светское воспитание. Именно такой образ стал эталоном женской привлекательности в высшем обществе того времени.

Модные тенденции XIX века диктовали строгие требования к внешнему виду женщин. Популярностью пользовались пышные платья с корсетами, подчеркивающие фигуру, дорогие ткани и изысканные кружева. Украшения играли значительную роль в создании целостного образа, демонстрируя социальный статус владелицы.

Представления о женской красоте в дворянском обществе XIX века основывались на сочетании физической привлекательности, внутреннего мира и внешнего выражения воспитанности и вкуса. Идеал русской дворянки воплощал сочетание природного очарования, образования и социальных навыков, создавая образ гармоничной и привлекательной женщины.

Образ русской дворянки являлся синтезом физического совершенства, интеллектуальной развитости и высокого уровня воспитания. Представления о женской привлекательности складывались под влиянием культурных традиций, общественных норм и морали, характерных для имперской России. Женщина должна была обладать не только красивой внешностью, но и высокими моральными качествами, образованием и искусством поддержания светского разговора. Таким образом, понятие женской красоты выходило далеко за рамки чисто физических стандартов, охватывая духовную сферу, умственное развитие и социальную компетентность. Это подчеркивает значимость комплексного подхода к формированию идеала женщины в эпоху развития дворянского общества.

Этикет предписывал женщинам определенного круга носить одежду, соответствующую социальным нормам и вкусам эпохи. Например, дамам дворянского сословия полагалось демонстрировать свое положение через аккуратность, дороговизну тканей и соблюдение последних европейских тенденций в одежде. Такие требования значительно усиливали важность физического аспекта женской красоты: ухоженная внешность, правильное платье, прическа и обувь позволяли женщине выглядеть достойно и привлекать внимание окружающих.

Корсеты и специальные конструкции платьев подчеркивали достоинства фигуры, делая акцент на тонкой талии, высокой груди и плавных линиях тела. Именно эта форма стала классическим признаком женской привлекательности XIX века. Даже природные недостатки могли компенсироваться одеждой, поддерживающей необходимую форму.

Приличный внешний вид был неотъемлемой частью общего имиджа дамы. Высокое качество одежды и аксессуаров говорило о принадлежности к высшему обществу, и таким образом служило дополнительным фактором оценки женской привлекательности. Помимо самого костюма, важно было уметь правильно двигаться, общаться и соответствовать стандартам хорошего тона, что превращало костюм в инструмент демонстрации воспитания

и интеллигентности. В то же время было важно соблюсти умеренность: за чересчур дорогой и богатый наряд девушка могла прослыть «выскочкой». В середине XIX века дам высшего света, отличающихся умением одеваться, положением, умом и красотой начинают называть словом «львицы». К числу таковых относились княгиня Юсупова, графиня Орлова-Денисова, Нарышкина и другие.

Этикет регулировал практически каждый аспект взаимодействия женщин друг с другом и мужчинами. От девушек ожидалось поддержание чистоты речи, сдержанности в поведении и уважительное отношение к окружающим. Отсутствие таких качеств могло негативно сказываться на восприятии женской красоты даже при наличии великолепной внешности. Некоторые аспекты этикета могли существенно влиять на повседневную жизнь и здоровье женщин. Так, требование сохранять узкую талию вынуждало многих постоянно носить тугие корсеты, что приводило к проблемам со здоровьем. Несмотря на возможные негативные последствия, многие считали такое тело красивым и привлекательным, что показывает насколько сильно общественные ожидания определяли понятие красоты.

Список литературы

1. Захаров, О.Ю. Русский бал XVIII - начала XX века: танцы, костюмы, символика / О.Ю. Захарова. – М.: Центрполиграф, 2010. – 293 с.
2. Лотман, Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства XVIII-XIX веков / Ю.М, Лотман. – СПб.: Искусство-СПб., 1994. – 481 с.
3. Пономарева В.В. Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад. XVIII – начало XX века. / В.В. Пономарева, Л.Б. Хорошилова. - М.: ЛомоносовЪ, 2022. – 248 с.

РОЛЬ РОССИИ В ЖИЗНИ СЕРБИИ 1910–1920 ГОДЫ

Сизых Ярослав Андреевич, студент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

kyliann81@mail.ru

Научный руководитель: Баранова Александра Сергеевна, ассистент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

almysia2117@mail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу роли России в судьбе Сербии в период 1910–1920 гг. Рассматриваются дипломатическая поддержка России в Балканских войнах, военно-стратегическая помощь в Первой мировой войне, а также влияние Февральской и Октябрьской революций на положение Сербии. Уделяется внимание белым эмигрантам, которые уехали в Королевство Сербов, хорватов и словенцев. Несмотря на исчезновение государства Российская империя, братские отношения между сербами и русскими крепились.

Ключевые слова: Россия, Сербия, Балканские войны, Первая мировая война, славянское единство

С начала XX века Сербия стремилась усилить свое положение на Балканах, опираясь на поддержку России как мощной православной державы и противовеса влиянию Австро-Венгрии. Россия воспринималась в Сербии как «покровитель славянства» [2]. Особенно важным этапом стал Боснийский кризис 1908–1909 гг., вызванный тем, что Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину. Это тесно связано с событиями 1878 г., когда на Берлинском конгрессе Австро-Венгрия получила право оккупировать Боснию и Герцеговину, но официально не аннексировала эти территории. На протяжении следующих тридцати лет регион оставался под контролем Австро-Венгрии, но формально продолжал оставаться частью Османской империи. В начале XX века националистические настроения среди славянского населения Боснии и Герцеговины усилились, это создавало напряженность в регионе. Россия, ослабленная событиями начала XX века (русско-японская война, революция 1905–1907 гг.), была вынуждена действовать осторожно, но дипломатически поддержала Сербию [3]. Это укрепило надежду на продолжение российской поддержки в будущем.

Кроме политических аспектов, Россия активно содействовала культурному сближению: сербские студенты обучались в российских университетах, развивались научные, литературные и церковные связи. Примером служит деятельность Московского славянского комитета и обмен делегациями [4]. Московский славянский комитет, основанный в 1856 году, активно способствовал продвижению идей славянского единства и поддержке национальных движений славянских народов. Он организовывал съезды, издавал литературу и взаимодействовал с российскими властями, стремясь укрепить права славян на независимость от Османской империи и Австро-Венгрии.

В рамках Балканских войн с 1912 по 1913 гг., Сербия сражалась против Османской империи за освобождение славянских земель. В октябре 1912 г. был образован Балканский союз (Греция, Черногория, Сербия и Болгария). Началась война против Османской империи. Цель союза – изгнать османов с Балкан и освобождение христианских народов, находившихся под османским владычеством. 13 марта 1912 г. между Болгарией и Сербией был заключен договор, предусматривавший взаимные гарантии государственного суверенитета и территориальной целостности [1].

Более 1 млн рублей российский красный крест потратил на Балканские войны, помощь Сербии составляла 33,6% от указанной суммы, а Турции – 1,58%. Россия поддерживала Сербию дипломатически, хотя напрямую в конфликт не вмешивалась,

опасаясь втягивания в европейскую войну [5]. Именно в этот период укрепляется идея создания сильной южнославянской державы под покровительством России, что будет важно в последующем формировании Югославии.

Когда 28 июня 1914 г. в Сараево было совершено убийство эрцгерцога Франца Фердинанда, обострение отношений между Австро-Венгрией и Сербией стало неизбежным. После предъявления жесткого ультиматума Сербии, Россия 30 июля 1914 г. начала всеобщую мобилизацию, что стало ключевым фактором начала первой мировой войны. Россия приняла на себя огромную нагрузку восточного фронта, чем значительно ослабила натиск Центральных держав на Сербию. Согласно подсчетам историков, до 40% австрийских войск было отвлечено на российский фронт в 1914 году. В июле 1914 г., после того как Австро-Венгрия предъявила Сербии ультиматум, ставящий под вопрос ее суверенитет, Николай II принял решение о всеобщей мобилизации. Это вынудило австрийское командование перебросить значительные силы с Балканского на Восточный фронт.

Поддержка во время отступления сербской армии. В ходе отступления сербской армии через Албанию к побережью Адриатики осенью 1915 г. Николай II направил послания британскому монарху и французскому президенту. В них российский император отметил, что неоказание помощи сербам дает России основание освободить себя от союзнических обязательств [6]. Однако падение Сербии осенью 1915 г. (после наступления немецких, австрийских и болгарских войск) стало тяжелым ударом. Оставшиеся войска и гражданское население были эвакуированы через Албанию, при поддержке Антанты, включая Россию.

На момент Февральской революции Сербия уже больше года была оккупирована австро-германскими и болгарскими войсками. Правительство и армия Сербии после героического отступления через Албанию в конце 1915 г. эвакуировались на греческий остров Корфу и продолжили борьбу на стороне Антанты на Солунском фронте (Македонский фронт). Революционные события в России вызвали обеспокоенность у умеренных и консервативных кругов в сербской элите, особенно среди монархистов и представителей королевской династии Карагеоргиевичей. Возник страх распространения радикальных левых идей и возможного дестабилизирующего влияния на сербскую армию и общество. С потерей сильного союзника позиции Сербии на международной арене ослабли. Октябрьская революция и приход к власти большевиков еще больше усложнили ситуацию: новое руководство России подписало Брест-Литовский мир в марте 1918 г., фактически выходя из войны и оставляя Сербию без восточного прикрытия [7]. Тем не менее, идеи славянского единства и надежды на помощь русских эмигрантов сохранялись в сербском обществе.

После Гражданской войны в России (1917–1922) множество противников большевиков - представителей Белого движения, аристократии, интеллигенции, офицерства и духовенства - были вынуждены покинуть страну. Эти люди получили название **белоэмигранты**. Одной из стран, которая приняла значительное число русских беженцев, стала **Сербия, Хорватия и Словения** - Королевстве сербов, хорватов и словенцев (провозглашенном 1 декабря 1918 г.). Король Александр I Карагеоргиевич предоставил русским военным, офицерам, профессорам и деятелям культуры приют и возможности для работы [8]. По разным оценкам, в 1920-х годах в Югославии проживало от **30 000 до 50 000** русских эмигрантов. Большая часть из них осела в Сербии – в Белграде, Сремских Карловцах, Нише, Нови-Саде и других городах. Русские офицеры преподавали в военных академиях, профессора работали в университетах Белграда, Загреба, Любляны. Русская эмиграция оставила глубокий след в истории Сербии. До сих пор в стране действуют русские православные приходы, сохранились русские кладбища и памятники, а многие сербские семьи ведут свое происхождение от смешанных браков с русскими эмигрантами. Сербия стала одним из немногих государств, где белоэмиграция чувствовала себя не изгнанниками, а частью братского народа. Это братство продолжает почитаться и поныне, особенно в исторической памяти обеих стран.

Период 1910–1920 гг. показал всю сложность и глубину российско-сербских отношений. Россия, несмотря на внутренние катастрофы, оставалась в глазах сербов главным покровителем и братским народом. Поддержка в годы войн, культурное влияние и помощь эмигрантам сформировали прочный фундамент особых отношений между двумя народами, значение которых не утратилось и в последующие десятилетия.

Список литературы

1. Кудрявцева, А. А. Балканский полуостров в 1912-1913 годы и обострение ситуации накануне Первой мировой войны / А. А. Кудрявцева // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2023. – № 3(219). – С. 92-96.
2. Нюркаева, А. З. Сербия накануне первой мировой войны / А. З. Нюркаева // Вестник Пермского университета. Серия История. – 2003. – №4. С. 30-32.
3. Искендеров, П. А. Балканское измерение международных отношений в Европе в начале XX в. / П. А. Искендеров // Славяне и Россия. – 2017. – №1. – С. 140-157.
4. Кнежевич, М. Культурно-исторические связи русских и сербов / М. Кнежевич // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2017. – №2(43). – С. 81-85.
5. Мамонтова, Е.А. Югославские войны 1990-х гг. В отечественной и зарубежной публицистике / Е. А. Мамонтова // Международные отношения. – 2019. – №2. С. 1-17.
6. Гусев, Н. С. «НИКОГДА НЕ НАБЛЮДАЛСЯ ТАКОЙ ПРИЛИВ ЖЕЛАЮЩИХ ИДТИ ДОБРОВОЛЬЦАМИ НА ЗАЩИТУ СЛАВЯНСТВА». Русские добровольцы в Болгарии во время Балканских войн 1912–1913 гг. / Н.С. Гусев // Военно-исторический журнал. – 2023. – №12. – С. 62-71.
7. Борщукowa, Е. Д. Брестский мир и формирование нового мировоззрения в российском обществе в 1918 году / Е.Д. Борщукowa // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – №115. С. 16-22.
8. Бондарева, Е. А., Мухачев, Ю. В. Русская эмиграция в Югославии (1920–1945) / Е. А. Бондарева, Ю. В. Мухачев // Русское зарубежье. – 2015. – №4. – С. 47-79.

СОВЕТСКАЯ МОДА 1920-Х-1930-Х ГОДОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИДЕОЛОГИИ

Тарасова Анна Романовна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

tarasova05.07@mail.ru

Ильина Вера Дмитриевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

vi1723e99@gmail.com

Научный руководитель: Сентябова Мария Викторовна, кандидат исторических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

m.v_redko@mail.ru

Аннотация. Советская мода представляет собой сложный, многогранный культурный феномен. Хотя официально ее считали пережитком буржуазного уклада, она органично вплеталась в идеологическую ткань государства. Власть стремилась превратить одежду в инструмент воспитания нового человека – сознательного коллективиста и труженика, свободного от мещанских вкусов. Однако мода развивалась по своим внутренним законам, становясь самостоятельным символом обновленного социума, в котором отражались идеологические противоречия, хозяйственные реалии и созидательная энергия того времени. Мода этого времени превратилась не просто в область эстетики, а в важный социальный маркер, чутко фиксирующий идеологические директивы и экономические задачи молодой советской страны.

Ключевые слова: советская мода, идеология, человек, социальный проект, НЭП, повседневность

После введения Новой Экономической Политики (НЭП) в 1921 году в советской экономике начались изменения, которые привели к интересным явлениям в сфере моды. В крупных городских центрах, вопреки официальной пропаганде аскетизма и равенства, стали возникать модные ателье, магазины готовой одежды и даже специализированные журналы о стиле.

В Москве и Ленинграде открылись заведения, где работали бывшие портные императорского двора, продолжавшие поддерживать традиции высокого качества и изысканности. Это отражало частичное возрождение элитарной моды в условиях новой власти. В ранние послереволюционные годы предпринимались попытки использовать моду для служения новой идеологии. Появился так называемый агитационный текстиль, где ткани производились с узорами на политическую тематику. На рынке появились ситцевые ткани с изображениями серпов, молотов и шестеренок. Однако население не оценило этот креативный подход, и такая продукция не нашла широкого спроса. Эти меры не получили поддержки, что свидетельствует об ограниченности влияния идеологии на повседневную жизнь.

Сами фасоны становились более простыми, чем до революции. Распространенным явлением становится ношение перешитых вещей: одежду дореволюционного образца перешивали и переделывали в соответствии с новым жизненным укладом. В мужской моде главным изменением стала замена шляпы-котелка сначала кепкой, а затем - фуражкой. Конец 1920-х запомнился платьями в стиле «чарльстон» с заниженной талией, которые, впрочем, часто превращались в бесформенные балахоны из-за особенностей массового кроя. Популярными аксессуарами стали шляпы - под них даже открывали специализированные ателье.

В указанный исторический отрезок наблюдалась явная полярность в сфере одежды. Для нэпманов и буржуазии задавались модные направления, заимствованные у европейских

аналогов. В женской одежде популярным стал стиль «гарсон»: короткие стрижки, прямые платья до колена с заниженной талией и глубоким декольте, ботинки на шнуровке, маленькие, надвинутые на глаза шапочки. В мужском наряде в моду вошли широкие брюки «оксфорд» из тонкого серого сукна в мелкую клетку с сизым отливом, а также лакированные ботинки с длинными носами «шимми», которые делали из светлой, почти желтой кожи. Широкое распространение получили костюмы-двойки, предназначенные для служащих.

В противовес этому, для советских рабочих и интеллигенции распространялся скромный и практичный стиль. Популярностью пользовались фуражки и гимнастерки военного образца с «разговорами» - поперечными клапанами из контрастной, чаще всего красной ткани или тонкой кожи. Представители средних городских слоев, и, прежде всего, молодежь, демонстрировали принадлежность к «пролетарской культуре», добавляя в одежду элементы внешней революционной атрибутики: кожаные куртки, красные платки, буденовки.

Издания вроде журнала «Ателье мод» пытались найти компромисс, совмещая художественные вкусы с идеологическими требованиями. Их основной задачей было продвижение концепции «рациональной моды», которая должна была соответствовать новому облику советской женщины. Такие издания стремились уравновесить эстетические запросы с политическими реалиями того времени.

После революции возникла потребность в новом типе одежды, вызванная трансформацией быта, развитием спорта и борьбой за женские права. Представители авангарда - Варвара Степанова, Любовь Попова и Александр Родченко - создали концепцию «прозодежды» как рабочей одежды. В манифесте «Костюм сегодняшнего дня - прозодежда» Степанова обосновывала необходимость практичного, комфортного и безгендерного костюма, освобождающего рабочего от диктата буржуазной моды.

Конструктивисты рассматривали одежду как социальный проект, призванный формировать нового человека - коллективиста, рабочего, строителя социализма. Их эксперименты, хотя и не получили массового распространения, оказали значительное влияние на развитие советского дизайна и промышленности.

С окончанием НЭПа и наступлением индустриализационной эпохи советская мода пережила значительные изменения. Авангардные эксперименты уступили место более сдержанным решениям, соответствующим идеям социалистического реализма. К середине 1930-х годов сформировался образ советской женщины, которая являлась активным строителем коммунизма, гармонично сочетая трудолюбие с изяществом и женственностью. Эпоха характеризовалась возвращением к естественной линии талии, ставшей трендом после господства прямых силуэтов 1920-х годов. В моду вошли платья с пышными юбками и изящными воланами из шифона и крепдешина. Искусственный шелк и другие инновационные ткани стали широко использоваться. У мужчин огромной популярностью пользовались солидные и добротные двубортные костюмы из бостона – плотной шерстяной ткани в мелкий диагональный рубчик черного или темно-синего цветов.

Этот период также ознаменовался появлением советских домов мод и ателье, где дизайнеры экспериментировали с новыми формами и стилями. Историки моды называют этот период «сталинским гламуром». В 1934 г. свет увидел Московский дом моделей, и вскоре его творения - изящные платья, роскошные меховые горжетки и стильные шляпки - стали украшать страницы журналов, таких как «Моды сезона» и «Общественница».

Несмотря на пропагандистские кампании, масштабное производство качественной и модной одежды не удалось реализовать. Проблемы возникли с материалами, которые оказались низкого качества, не хватало необходимых красителей, а аксессуары были в крайне ограниченном количестве. В конечном итоге, большинство людей вынуждены были либо шить одежду самостоятельно, либо обращаться к частным мастерам. Широкое распространение получает недорогая одежда и обувь: береты, мужские и женские туфли из парусины (некрашеной льняной ткани).

В 1920–1930-х годах в СССР одежда выходила за рамки обычной функции, становясь мощным идеологическим инструментом. Любая деталь внешности трактовалась как политический знак. Например, кожаная куртка символизировала чекистов и комиссаров Гражданской войны, красная косынка – комсомольцев, а рабочая одежда – пролетариат. Даже прически несли смысл: женская стрижка «под мальчика» означала отказ от буржуазных устоев.

Мода СССР того периода представляла собой удивительное сочетание идеалов и реальности, новаторства и суровых будней. Она прошла путь от смелых авангардных экспериментов до утверждения официального стиля 1930-х годов, что ярко демонстрирует глубокие общественные трансформации в один из самых напряженных периодов истории страны. Сегодня сохранившиеся образцы одежды того времени являются бесценными музейными экспонатами, обладающими не только художественной, но и исторической значимостью, повествуя о масштабных социальных изменениях.

Данный исторический период оказал значительное влияние на эволюцию моды. Инновационные поиски конструктивистов предвосхитили многие тенденции, впоследствии ставшие неотъемлемой частью современного дизайна. Стиль конца 1930-х годов, в свою очередь, заложил основу для формирования узнаваемого советского модного образа. Сегодня мы наблюдаем возрождение интереса к этой эпохе: исследователи моды, художники и стилисты черпают вдохновение в смелых экспериментах и самобытной эстетике раннего советского периода.

Список литературы

1. Советская мода 20-30-х годов. – Текст: электронный – URL: <https://sovietmuseum.ru/historical-periods/nep-industrialization/sovetskaya-modely-20-30/> (дата обращения: 20.02.2026).

2. Дашкова Т. Мода – политика – гигиена: Формы взаимодействия: (на материале женских журналов и журналов мод 1920–1930-х годов) // Дашкова Т. Телесность – идеология – кинематограф: Визуальный канон и советская действительность. – М.: НЛО, 2013. – С. 63–79.

3. История моды. – Текст: электронный. – URL: <https://modapervayapol20vekarussiaussr.tilda.ws/> – (дата обращения: 25.02.2026).

4. Плеханова, Е. О. История костюма, текстильного и ювелирного искусства / Е. О. Плеханова. - Санкт-Петербург: Лань: ПЛАНЕТА МУЗЫКИ, 2024. - 224 с.

5. Индустрия моды в СССР. - Текст: электронный. - URL: <https://diletant.media/articles/39519728/> (дата обращения: 04.03.2026).

6. Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю / Наталия Лебина. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 488 с.

ОБРАЗ АМИРА ТИМУРА В НАРОДНОМ ФОЛЬКЛОРЕ ИРАНА: ФЕНОМЕН «ПРОКЛЯТОГО СВЯТОГО» И ЛОКАЛЬНЫЕ КУЛЬТЫ ПАМЯТИ

Твердохлебова Дарья Александровна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

darya.tverdokhlebova2006@mail.ru

Раджабоов Шахзод Райимжонович, студент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

yamach_kochovaly107@mail.ru

Научный руководитель: Павлюкевич Руслан Витальевич, кандидат исторических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

autocrator@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается феномен народного почитания Амира Тимура в Иране, противоречащий его официальной оценке в персидской историографии как жестокого завоевателя и тирана. На основе анализа народных верований, фольклорных источников и локальных культов памяти автор выявляет механизмы формирования амбивалентного образа «проклятого святого» – фигуры, сочетающей черты сакральности и проклятия. Исследуется географическая вариативность культов, их связь с исламской традицией и социокультурные функции в жизни локальных сообществ Ирана. Делается вывод о том, что народная память о Тимуре представляет собой альтернативный исторический нарратив, существующий параллельно с официальным.

Ключевые слова: Амир Тимур, Тамерлан, народный ислам, Иран, проклятый святой, локальные культы, историческая память, фольклор, шиизм

Образ Амира Тимура в народном исламе Ирана представляет собой сложный культурный феномен, в котором переплетаются элементы святости и проклятия. В официальной персидской историографии Тимур традиционно осуждается как жестокий завоеватель, разрушитель и безбожник, чья деятельность воспринимается в негативном ключе. Однако народные представления радикально отличаются от официальных канонов и включают в себя противоречивые образные элементы, создавая уникальную фигуру «проклятого святого» [1, с. 75]. Данный феномен проявляется в локальных культах памяти, распространенных в различных регионах Ирана, где исторические мотивы сочетаются с религиозным символизмом и фольклорными традициями. Значимую роль в формировании этого образа играет исламская культурная традиция, в рамках которой восприятие святости не всегда связано с безупречностью личности, а может включать устрашающие черты, воспринимаемые как доказательство особой сакральной силы.

Амир Тимур родился в 1336 году в городе Кеш (современный Шахрисабз, Узбекистан). Его происхождение связано с тюркско-монгольской элитой Средней Азии, что оказало влияние на формирование его военного и политического стиля. Политическая деятельность Тимура отличалась жесткой централизацией власти и масштабными завоеваниями. Он сумел объединить обширные территории, включая современный Иран, Среднюю Азию, части Закавказья, а также значительные участки Ближнего Востока и Северной Индии. Культурная политика Тимура была сложной и противоречивой: он покровительствовал искусствам и архитектуре, способствуя возрождению городов, однако его военные кампании сопровождались масштабными разрушениями и массовыми жертвами, что оставило глубокий след в памяти покоренных народов, особенно в Иране. Понимание исторических фактов о Тимуре дает основу для анализа его образа в народной памяти, где исторические оценки переплетаются с религиозными и культурными практиками.

В официальных источниках Амир Тимур предстает как жестокий завоеватель и тиран, чьи действия описываются с акцентом на масштабные разрушения и бесчинства. Персидская историография традиционно воспринимала его как угрозу исламской цивилизации и культурного наследия региона, подчеркивая его роль безбожника – правителя, не соблюдающего религиозных норм и разрушающего мусульманские святыни. Историки той эпохи изображали Тимура как фигуру, воплощающую деспотизм и жестокость. Подчеркивалась и его вера, рассматриваемая официальной историографией как формальная и противоречивая: его поддержка шаманистских традиций воспринималась как проявление язычества. Негативный портрет Амира Тимура служил инструментом для легитимизации власти последующих династий, формируя образ антипода исламской государственной идеологии. Однако, несмотря на эти однозначно критические характеристики, в народном сознании Ирана фигура Тимура приобретала иные смыслы, нередко парадоксальные и амбивалентные [2, с. 55].

Вопреки официальным трактовкам, народная память создала иной образ Тимура, в котором сочетаются элементы святости и проклятия, формируя уникальный культурный феномен «проклятого святого». В народных верованиях Тимур не просто завоеватель, а обладатель могущественной сверхъестественной силы, способной влиять на судьбы людей и общин. Его образ насыщен атрибутами, традиционно ассоциирующимися со святостью: власть над демоническими силами, возможность приносить как благо, так и наказание, способность очищать пространство от зла. При этом он сохраняет черты устрашающего персонажа, который может быть и объектом преклонения, и средством отпугивания бед. Существенную роль играют народные предания, в которых Тимур выступает как одновременно справедливый и беспощадный судья. Его деяния рассматриваются не только как историческое насилие, но и как проявление божественного гнева, необходимого для борьбы с моральным упадком. Особенность феномена заключается в двойственной природе культа: с одной стороны, Тимуру молятся и возлагают надежды на защиту от злых духов, с другой – в его образе присутствует страх перед карающей силой. Такая амбивалентность приводит к особым формам почитания, сочетающим заговоры, обереги и ритуалы изгнания зла.

На разных территориях Ирана формируются уникальные культовые практики, связанные с образом Тимура. В восточных провинциях, таких как Хорасан, культ Тимура часто связан с конкретными святыми местами и мемориалами. Здесь сохранились рассказы о тайных могилах и святилищах, ставших объектами паломничества. В некоторых местах существуют народные представления о том, что дух Тимура способен защищать общину от злых духов. В западных регионах, таких как Керманшах, культ принимает иную форму: здесь распространены обряды изгнания зла, где имя Тимура используется как символ силы, наказывающей несправедливость. Особое место занимают народные песни и баллады, в которых исторический сюжет переплетается с локальными легендами, повествующими о зависимости участия Тимура в судьбах конкретных деревень или семей. Южные районы, в частности Фарс, демонстрируют верования, связывающие образ Тимура с борьбой против колдовства. Местные традиции и элементы суфизма вплетаются в культ, создавая синкретические практики, где образ Тимура служит духовной защитой. На севере страны, в провинциях с преобладанием шиитского населения, культ Тимура носит преимущественно мифологический характер, однако и здесь существуют повествования, в которых он выступает как фигура, связанная с историческими катаклизмами и возмездием за грехи народа. Этот географический плюрализм иллюстрирует разнообразие способов встраивания противоречивой исторической фигуры в структуру местных религиозных практик. Каждый локальный культ, будучи выражением коллективной памяти и идентичности, формирует уникальный символический код, раскрывающий особенности региональной самоидентификации.

Исламская культура играет ключевую роль в интерпретации образа Тимура. В традиционном исламском сознании личность, обладающая исключительной властью,

воспринимается в контексте божественного предначертания. Особое значение имеет концепция божественного суда и справедливости: Тимур предстает как инструмент Божьего гнева, ниспосланного для наказания грешников. С этой точки зрения, его жестокость приобретает сакральное измерение. Кроме того, исламская традиция предусматривает идею святости, основанной не только на личной безгрешности, но и на силе духа. Использование имени Тимура в народных обрядах сопряжено с попытками установить контроль над хаосом, поскольку исламская культура традиционно стремится к балансу светлого и темного начал. В формировании образа Тимура важна также роль исламских символов и ритуалов, которые придают фигуре завоевателя религиозный вес. Через эту призму образ Тимура становится своеобразным артефактом религиозного самоопределения, позволяющим общинам ощущать свою силу и защищенность [3, с. 98].

Феномен «проклятого святого» выполняет важные функции в иранском обществе. Поклонение перед таким персонажем создает общие культурные практики, объединяющие участников общины вокруг общей системы верований. Это способствует формированию коллективной идентичности, основанной на совместном опыте. Одновременно феномен выступает как механизм социального контроля: через противопоставление святости и проклятия возникают механизмы поддержания моральных норм. «Проклятый святой» становится символом страха и наказания, что позволяет обществу структурировать границы дозволенного. Особое значение приобретает способность феномена осуществлять критическую функцию по отношению к официальным дискурсам, выступая как альтернатива централизованным нарративам. Феномен оказывает влияние на межпоколенческие отношения, выступая в роли передатчика культурных традиций. Истории о «проклятом святом» служат учебным материалом, формирующим нравственные ориентиры, а ритуалы выполняют функцию социального воспитания, закрепляя связи между прошлым и настоящим.

Для понимания места феномена в культуре Ирана важен сравнительный анализ с аналогичными явлениями. В турецких и курдских регионах известны культы грозных святых, чьи личности балансируют между почитанием и устрашением. Эти «проклятые святые» часто связаны с историческими воинами или легендарными героями, обладающими способностью влиять на мир духов. В североафриканских регионах исламский мистицизм также создал типаж святых с амбивалентной природой, способных выступать одновременно как духи-покровители и как исполнители божественного наказания. Однако иранский случай обладает спецификой, обусловленной историей взаимоотношений суннизма и шиизма, мощной традицией персидской историографии и глубиной народной памяти. Сравнительный анализ показывает, что феномен «проклятого святого» не является уникальным только для иранского народа, но иранская традиция вокруг фигуры Тимура имеет свои отличительные черты, связанные с конкретными историческими событиями и их интерпретацией в народном сознании.

Сегодня образ Амира Тимура продолжает влиять на культурную идентичность и религиозные практики в различных регионах Ирана. Его фигура, выступающая одновременно как источник страха и объект почитания, интегрирована в повседневные ритуалы, народные поверья и локальные празднества. В условиях социальных трансформаций образ Тимура приобретает новые измерения: он продолжает олицетворять сакральную власть и моральное наказание, выступая в роли коллективного регулятора норм. Современные фестивали и фольклорные традиции способствуют консолидации локальных сообществ, отражая тенденции регионального культурного возрождения. В этих событиях переплетаются наследие и инновации – устные предания о «проклятом святом» обогащаются современными символами и интерпретациями, что содействует устойчивости культурных практик. Неоднозначность образа создает пространство для разнообразных интерпретаций, демонстрируя сложность взаимодействия между государственной памятью и народной культурой. Это наглядно показывает важность учета народных традиций при формировании культурной политики и исторического сознания [4, с. 88].

Таким образом, исследование феномена образа Амира Тимура в народном исламе Ирана выявило сложное взаимодействие исторических, религиозных и социокультурных факторов. Несмотря на доминирующие в официальной историографии оценки, народные представления нашли пути для переосмысления его фигуры, породив парадоксальный образ «проклятого святого». Локальные культы памяти иллюстрируют разнообразие способов сакрализации исторической фигуры и ее значение для социальных процессов в общинах. Феномен «проклятого святого» и локальные культы памяти об Амире Тимуре представляют собой важные элементы народного ислама, отражающие диалог между историей и религиозной традицией. Проведенное исследование расширяет понимание механизмов формирования культурной памяти и религиозных образов, подчеркивая необходимость учитывать множественность нарративов в изучении исторического наследия. Дальнейшие междисциплинарные исследования могут способствовать более глубокому раскрытию взаимосвязей между историей, религией и социальной жизнью в культурах с богатой традицией сакральной памяти.

Список литературы

1. Абдуллаев, В. Р. Культ Амира Тимура в народных верованиях Ирана / В. Р. Абдуллаев // Вестник востоковедения. – 2018. – № 3. – С. 75–89
2. Ибрагимов, З. А. Амир Тимур как персонаж народных мифов и легенд Ирана / З. А. Ибрагимов // Фольклор и традиция. – 2016. – Вып. 21. – С. 55–69.
3. Насыбуллин, Т. К. Народные культы памяти в исламском Иране: динамика и трансформации / Т. К. Насыбуллин // Средневековая история и культура. – 2018. – Т. 12, № 3. – С. 98–110.
4. Гусейнов, Н. А. Локальные культы памяти в исламском Иране: историко-этнографический аспект / Н. А. Гусейнов // Этнографическое обозрение. – 2019. – № 1. – С. 12–27.
5. Багдасарян, Л. М. Феномен «проклятого святого» в шиитском фольклоре Ирана / Л. М. Багдасарян // Исламская культура. – 2017. – № 2. – С. 34–48.
6. Каримова, С. М. Религиозно-мифологические аспекты почитания Амира Тимура среди шиитов Ирана / С. М. Каримова // Вопросы культурологии. – 2021. – № 5. – С. 78–90.
7. Мамедов, Р. Д. Проклятие и святость в образе исторических личностей: на примере Амира Тимура / Р. Д. Мамедов // Журнал религиозных исследований. – 2019. – № 6. – С. 23–37.
8. Семенов, А. П. Исторический контекст формирования образа Амира Тимура в шиитском исламском сознании / А. П. Семенов // Востоковедение. – 2017. – № 7. – С. 46–59.
9. Шарифзаде, М. Р. Тайные знания и локальные культы Амира Тимура в народной традиции Ирана / М. Р. Шарифзаде // Исследования по религии и мистицизму. – 2020. – № 2. – С. 88–99.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Черникова Анастасия Александровна, студентка

Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева,
Москва, Россия

anastasiacernikova459@gmail.com

Научный руководитель: Миронюк Сергей Алексеевич, кандидат исторических наук

Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева,
Москва, Россия

mironyuk@rgau-msha.ru

Аннотация. В статье рассматривается историко-культурный потенциал Тульской области, сформировавшийся под влиянием ключевых событий российской истории: от Куликовской битвы и оборонительной функции Засечной черты до развития дворянских усадеб как центров просвещения и промышленной революции. Анализируется роль памятников истории и архитектуры (музеев-заповедников, храмов, усадебных комплексов) в сохранении исторической памяти и формировании региональной идентичности. На основе анализа 24 ключевых объектов делается вывод о Тульской области как об уникальном историко-культурном феномене, где на сравнительно небольшой территории сконцентрированы пласты военной, духовной, литературной и технической истории России.

Ключевые слова: историческое наследие, Тульская область, музеи-заповедники, усадебная культура, Куликовская битва, региональная идентичность, памятники архитектуры

Тульская область обладает уникальным историко-культурным наследием, сформировавшимся на протяжении нескольких столетий. Географическое положение региона на южных подступах к Москве предопределило его ключевую роль в обороне государства, развитии металлургии и оружейного дела, а благодатные земли и близость к столице способствовали расцвету дворянской усадебной культуры. Целью данной работы является не просто перечисление достопримечательностей, а систематизация и историко-культурный анализ ключевых объектов региона, раскрытие их роли в контексте общероссийской истории.

Историко-культурное наследие Тульской области можно условно разделить на несколько пластов, каждый из которых отражает важнейшие вехи развития российского государства.

Военно-историческое наследие и оборонительное зодчество. Центральным объектом этого пласта является Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле» [1]. Это место, где в 1380 г. произошло сражение, положившее начало освобождению Руси от ордынского ига. Сегодня это крупнейший мемориальный комплекс, включающий музей Куликовской битвы (архитектурный проект, вписанный в ландшафт), храм-памятник Сергия Радонежского на Красном холме и село Монастырщино с храмом Рождества Пресвятой Богородицы, построенным, по преданию, на месте захоронения павших воинов.

Не менее значимым символом оборонного могущества является Тульский кремль – уникальный памятник русского оборонительного зодчества [6, с. 45-47]. Он строился в 1514-1521 гг. [8, с. 194]. В отличие от многих других крепостей, он был возведен на равнине и ни разу не был взят противником. Кремль стал ядром, вокруг которого развивалась Тула как центр ремесла и торговли, а впоследствии – как кузница оружия Победы. В его стенах расположен Свято-Успенский собор – яркий образец русского барокко XVIII в. Наряду с

этим «была построена большая оборонительная линия – Тульская засечная черта» [7, с. 155]. До наших дней от нее сохранились рельефные остатки.

Наследие дворянской усадебной культуры. Тульская губерния была центром притяжения русской аристократии и интеллигенции. Здесь расположены усадьбы, ставшие литературными и культурными символами России. Музей-усадьба «Ясная Поляна» – не просто родовое имение, а философский и творческий центр, сформировавший личность и мировоззрение Льва Толстого [2]. Сохранившаяся планировка, дом писателя, флигели, могила на краю оврага – все это аутентичные свидетельства жизни гения.

Литературное наследие представлено также усадьбой Тургеневых в Чернском районе (село Тургенево), вдохновившей И.С. Тургенева на создание «Записок охотника», и домом-музеем И.А. Бунина в Ефремове, где воссоздана атмосфера семьи, так много значившей для первого русского нобелевского лауреата [5, с. 112-115].

Яркими образцами усадебной архитектуры и паркового искусства являются Богородицкий дворец-усадьба графов Бобринских (архитектор И.Е. Старов) [4] – редкий для провинции образец зрелого классицизма, а также усадьба В.Д. Поленова «Поленово», где художник воплотил собственный архитектурный стиль, названный впоследствии «поленовским» [5, с. 178]. Усадьба А.Т. «Дворяниново» ценна как памятник научной мысли: здесь жил и работал один из основоположников русской агрономии и помологии [5, с. 201].

Духовное и этнографическое наследие. Помимо крупных монастырей (Анастасов монастырь в Одоевском районе, Спасо-Преображенский в Белеве), регион богат памятниками, связанными с народными промыслами и почитаемыми святыми. Село Себино – родина блаженной Матроны Московской. Храм Успения Пресвятой Богородицы, где она крестилась, и домовый музей являются местами массового паломничества, соединяя народную память и церковную историю.

Поселок Одоев – центр сохранения древнего гончарного промысла. Филимоновская игрушка, насчитывающая более тысячи лет истории, – уникальное явление народной культуры, чьи архаичные формы и роспись несут в себе следы дохристианских верований. Ежегодный фестиваль «Сказки деда Филимона» способствует сохранению и популяризации этого ремесла.

Техническое и промышленное наследие. Тула исторически является центром оружейного производства. Тульский государственный музей оружия, расположенный в здании Богоявленского собора на территории Кремля и в современном здании-шлеме, наглядно демонстрирует эволюцию военной мысли и технологий [3]. Музеи «Тульские самовары» и «Тульский пряник» отражают развитие торговли и пищевой промышленности, а сами изделия стали не просто товарами, а брендами и символами русского быта.

Малые исторические города. Отдельного внимания заслуживают малые города области как хранители провинциального уклада. Чекалин (бывший Лихвин) – самый маленький город России с сохранившейся исторической застройкой XIX в. Белев – город с богатой купеческой историей, славящийся пастилой и кружевным промыслом, с сохранившимися монастырями и купеческими особняками. Крапивна – бывший уездный центр, где в здании бывшего правления полиции открыт музей земства, а современный фестиваль крапивы стал удачным примером ревитализации исторического места.

Историко-культурное наследие Тульской области представляет собой сложную многослойную систему, отражающую ключевые этапы развития российского государства: от средневековых битв и строительства засечных черт до расцвета дворянской культуры и становления промышленности. Сохранение этих памятников – музеев-заповедников, усадебных комплексов, исторических городов – имеет фундаментальное значение для поддержания исторической памяти и формирования региональной идентичности. Изучение истории родного края через материальные свидетельства прошлого позволяет осознать неразрывную связь времен и преемственность поколений.

Список литературы

1. Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле»: официальный сайт. – Текст: электронный // URL: <https://kulpole.ru/> (дата обращения: 04.03.2026).
2. Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна»: официальный сайт. – Текст: электронный // URL: <https://yurmuseum.ru/> (дата обращения: 04.03.2026).
3. Тульский государственный музей оружия: официальный сайт. – Текст: электронный // URL: <https://www.museum-tula.ru/> (дата обращения: 04.03.2026).
4. Богородицкий дворец-музей и парк: страница на портале Музеи России. – Текст: электронный // URL: <http://www.museum.ru/M170> (дата обращения: 04.03.2026).
5. Пономарева, В.В. Тульская усадьба: история и судьбы / В.В. Пономарева. – Тула: Приокское книжное издательство, 2018. – 320 с.
6. Гайдуков, П.Г. Археология Тульского кремля / П.Г. Гайдуков. – М.: Наука, 2020. – 215 с.
7. История России / А. Б. Оришев, А. Б. Грачев, С. А. Миронюк [и др.]. – Москва : Российский государственный аграрный университет - МСХА им. К.А. Тимирязева, 2023. – 568 с.
8. История России от древности до конца XVIII века / Е. И. Гончарук, И. А. Миролубов, С. А. Миронюк [и др.]. – Москва: Российский государственный аграрный университет, 2024. – 284 с.

ПЕРВЫЕ БРАКОСОЧЕТАНИЯ И СВАДЕБНЫЕ ТРАДИЦИИ КРЕСТЬЯН СИБИРИ В XVIII ВЕКЕ

Шимолина Варвара Сергеевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

shimolinavarvar@yandex.ru

Научный руководитель: Сентябова Мария Викторовна, кандидат исторических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

m.v_redko@mail.ru

Аннотация. Семья издревле является ключевым институтом, обеспечивающим стабильность и устойчивость общества. Создание и оформление брачного союза было одними из важнейших этапов жизни крестьян XVIII века, который приобретал особенную значимость в экстремальных условиях малозаселенной Сибири. Свадебные образы, утвердившиеся у русского крестьянства в этом регионе, в целом наследовали аналогичные традиции Русского Севера, но при этом имели свою региональную специфику. В силу большей изолированности поселений в Сибири дольше сохранялись более архаичные формы обрядов. Свадебные наряды и состав приданного адаптировались к климатическим условиям региона и к ведущей хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: брак, семья, свадьба, Сибирь, свадебные традиции, XVIII век

Изучение семейно-брачных отношений крестьянства XVIII века представляет важнейшее направление исторической антропологии и этнографии. В рассматриваемый период брачный союз выходил за рамки личных отношений, выступая ключевым институтом, гарантирующим экономическую устойчивость семьи, наследование имущества и продолжение рода. Особый интерес представляет проблема реконструкции свадебных традиций Сибири XVIII века. Этот регион в указанный период находился в стадии активной колонизации, что накладывало отпечаток на все сферы жизни переселенцев.

Большая часть русского населения Сибири в XVII–XVIII веках формировалась за счет миграционных потоков из северных губерний Европейской России (Поморье, Вологодчина, Карелия). В связи с этим, важнейшие труды по этнографии Севера, в частности книга «Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья», служат незаменимым источником для понимания архаичной основы обрядности, которая была перенесена переселенцами за Урал. Хотя Водлозерье географически относится к Карелии, описанный в книге традиционный жизненный цикл отражает общерусские, и в частности севернорусские, нормы, которые легли в основу культуры сибирских старожилов.

Цель данного доклада – воссоздать структуру первых бракосочетаний и свадебных традиций крестьян Сибири XVIII века, опираясь на данные этнографических источников по Водлозерью как на базовый источник, и дополнить их сведениями из работ антропологов, изучавших специфику сибирского региона.

В Сибири XVIII века существовал определенный демографический дисбаланс. На ранних этапах колонизации преобладало мужское население (казаки, служилые люди, крестьяне-переселенцы). Это создавало ситуацию, когда брак был необходимым условием для закрепления на земле. Антропологические исследования указывают, что в сибирской деревне холостой мужчина часто не мог получить полноценный земельный надел или вести самостоятельное хозяйство. Поэтому первые бракосочетания совершались в относительно раннем возрасте.

Если в центральных губерниях возраст жениха мог достигать 20–23 года, а невесты 18–20 лет, то в Сибири эти границы часто сдвигались в сторону уменьшения. Юношей старались женить в 18–19 лет, а девушек выдавали замуж сразу по достижении 16–17 лет. Это

диктовалось хозяйственной необходимостью: новая семья требовала рабочих рук для освоения тайги, земледелия и ведения промыслов.

Как отмечается в книге «Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья», брак в традиционном обществе никогда не был делом только двух людей. Это был союз двух родов. В Сибири XVIII века этот принцип сохранялся в полной мере. Инициатива брака исходила от родителей жениха. Выбор невесты определялся несколькими критериями:

1. Здоровье и работоспособность: невеста должна была быть крепкой, чтобы выдерживать тяжелый крестьянский труд и рожать детей.

2. Приданое: экономический статус семьи невесты играл ключевую роль. Приданое включало одежду, утварь, иногда скот или деньги.

3. Репутация рода: важно было, чтобы в роду невесты не было «дурной славы» (воровство, колдовство или неизлечимые болезни).

Личные симпатии жениха и невесты учитывались редко, хотя полностью игнорировать их было нельзя, так как жизнь в одной избе требовала минимальной совместимости. Однако приоритетом оставалась экономическая целесообразность. Антропологи отмечают, что в условиях сибирской колонизации брак выполнял функцию социальной защиты: одинокий человек был уязвим перед лицом суровой природы и потенциальных конфликтов.

Свадебный ритуал крестьян Сибири XVIII века представлял собой сложную драматургическую последовательность действий. Используя модель, описанную в исследовании К. К. Логинова «Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья», мы можем выделить три основные фазы: предсвадебную (сватовство и сговор), свадебную (венчание и пир) и послесвадебную (введение в дом мужа). Несмотря на географическую удаленность, структура обряда у сибирских переселенцев сохраняла архаичные черты, характерные для Севера России.

Первым этапом было сватовство. В Водлозерье, как и в Сибири, этот обряд часто носил тайный характер. Сваты (обычно родственники жениха или уважаемые односельчане) приходили в дом невесты вечером, иногда под видом покупателей или просто знакомых. Это делалось для того, чтобы в случае отказа не подвергать семью невесты публичному позору.

В сибирских условиях, где расстояния между деревнями могли быть значительными, сватовство могло затягиваться. Если согласие было получено, следовал этап «смотра» невесты. Жених и его родители оценивали внешность и поведение девушки. Важным моментом было «рукобитие» – скрепление договора рукопожатием между отцами семейств. После этого брак считался юридически заключенным с точки зрения общины, даже до церковного венчания. Разрыв сговора после рукобития считался тяжелым грехом и позором.

Период между сговором и венчанием был наполнен обрядами прощания невесты с девичеством. Здесь данные по Водлозерью наиболее значимы для реконструкции сибирской практики. Центральное место занимали причитания (плачи). Невеста должна была оплакивать свою «волю», прощаться с родителями, подругами и родным домом.

В книге К. К. Логинова подробно описывается функция плача как ритуального перехода. Для сибирской невесты XVIII века этот момент был особенно травматичным, так как часто брак означал переезд в другую деревню, иногда за сотни верст, в неизвестные условия. Плач выполнял не только эмоциональную, но и магическую функцию: слезы «смывали» старую жизнь.

Обязательным элементом была предсвадебная баня. В антропологическом смысле баня представляла собой пограничное пространство («лиминальную зону»). Омовение символизировало очищение от прошлого статуса и защиту от злых сил перед вступлением в новый статус. В Сибири, где банный культ был особенно силен из-за сурового климата и гигиены, этот обряд сопровождался дополнительными охранительными действиями: использованием специальных веников, заговоров воды и изоляцией невесты от посторонних глаз.

Венчание в церкви в XVIII веке стало обязательным требованием государства. Однако в отдаленных сибирских приходах священники могли отсутствовать месяцами, поэтому иногда свадьба игралась до венчания, а церковный обряд совершался позже.

Свадебный пир был вершиной обряда. Он строго регламентировался. Существовало распределение мест за столом, порядок подачи блюд и ритуальные действия. Ключевым элементом был каравай и каша. Водлозерские материалы указывают на сакральность хлеба как символа благополучия. В Сибири этот традиция сохранялась: осыпание молодых хмелем, зерном и деньгами символизировало пожелание богатства и плодovitости.

Важнейшим моментом пира был обряд «расплетания косы» и надевания головного убора замужней женщины (повойника или кички). Это визуально означало изменение социального статуса девушки. В Сибири XVIII века головной убор также выполнял охранительную функцию, скрывая волосы женщины от посторонних взглядов, что считалось необходимым для защиты семьи от порчи.

Завершением свадебного цикла была первая брачная ночь. В традиционной культуре XVIII века это был момент публичной проверки честности невесты. После ночи родственники могли требовать доказательства девственности (например, демонстрацию простыни или рубахи). Это был вопрос чести не только невесты, но и всего ее рода. В случае обнаружения «нечестности» невесту могли вернуть родителям, что становилось социальной катастрофой для нее. Антропологи трактуют этот обычай как механизм контроля над репродуктивным поведением женщин в патриархальном обществе.

Обряды, сопровождавшие невест на протяжении всего свадебного цикла, символически оформляли процесс перехода девушки из одной семьи в другую. Этот переход имел три стадии:

1. Отделение. Оно начинается со сватовства и особенно с момента плачей невесты. Девушка символически «умирает» для своего рода. Она перестает быть дочерью, ее коса расплетается (символ утраты девичьей силы). В сибирских условиях этот этап мог сопровождаться ритуальным прощанием с родным порогом, который считался границей между своим и чужим пространством.

2. Пограничное состояние. Это период между уходом из дома отца и окончательным принятием в дом мужа. Невеста находится в состоянии «не там и не здесь». Она уязвима для духов. Именно поэтому существовало множество запретов и охранительных обрядов (завешивание лица фатой, окружение дружкой). В Сибири путь до дома жениха мог быть долгим, и вся дорога считалась опасным переходным пространством, где требовалась особая магическая защита.

3. Включение. Оно завершается после первой ночи и послесвадебных обрядов (например, «перезов» – приглашение родителей невесты в дом мужа). Молодая жена получает ключи от сундуков или амбара, что символизирует передачу ей хозяйственных полномочий.

Антропологи выделяют две главные цели свадебной магии: обеспечение плодovitости и защита от зла. Обсыпание зерном, наличие на столе блюд из яиц и курицы, ритуальная каша – все это апотропейные действия, направленные на то, чтобы молодая семья быстро обзавелась детьми. В условиях Сибири XVIII века, где высокая детская смертность и тяжелый труд требовали много детей, эта функция была критически важной.

Зеркало, которое часто закрывали во время свадьбы, огонь, который переносили с собой, использование поясов – все это элементы обережной магии. В книге «Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья» отмечается, что севернорусская традиция особенно богата охранительными заговорами, и сибирские переселенцы сохраняли этот пласт знаний, адаптируя его к местным условиям (например, добавляя элементы защиты от «лесных хозяев» тайги).

Антропологический анализ показывает жесткую дифференциацию гендерных ролей. Свадьба закрепляла подчиненное положение женщины. Переезд в дом мужа означал полную зависимость молодой жены от свекрови. В Водлозерье, как и в Сибири, существовал обычай

«испытания» молодой работой в первые дни после свадьбы. Она должна была доказать свою способность вести хозяйство. Это был ритуал узаконения ее нового статуса в чужом роду.

Несмотря на общность корней с севернорусской традицией, свадьба в Сибири XVIII века имела ряд уникальных черт, обусловленных географией и историческим контекстом.

В отличие от густонаселенного Водлозерья, где деревни стояли близко, в Сибири расстояния между поселениями могли достигать десятков верст. Это влияло на состав свадебного поезда. Часто «поезжане» (гости, едущие за невестой) проводили в пути несколько дней. Это порождало специфические дорожные обряды, которых не было на Севере. Ночлег в пути требовал особых молитв и оберегов. Кроме того, изоляция некоторых сибирских деревень приводила к сбережению архаичных форм обряда. Пока в Европейской России традиции упрощались под влиянием города, в глухой Сибири они могли сохраняться в более древнем виде вплоть до XIX века.

Сибирь XVIII века была регионом взаимодействия различных культур. Хотя крестьяне строго придерживались православия, некоторые материальные элементы свадьбы могли заимствоваться у местных народов или старообрядцев. Например, в одежде невесты могли присутствовать элементы, удобные для сибирского климата (теплые шубы, меховые отделки), которые вошли в традиционный свадебный костюм. Однако каноническая часть обряда (венчание, структура ритуала) оставалась строго русской.

XVIII век известен попытками государства контролировать брак (указы о единобрачии, запрет на браки без исповеди). В Сибири, где контроль власти был слабее, чаще встречались случаи «беглых браков». Молодые могли венчаться без согласия родителей или убежать вместе, чтобы избежать нежелательного союза. Антропологи отмечают, что это было формой социального протеста. Такие браки часто не признавались общиной полноценными до момента рождения детей или официального признания.

В Водлозерье хозяйство базировалось на земледелии, рыболовстве и лесных промыслах. В Сибири к этому добавлялись охота и более расширенное земледелие. Это влияло на состав приданого. В сибирском приданом XVIII века чаще встречались предметы, связанные с обработкой пушнины или специфической кухней. Кроме того, брак часто использовался для закрепления прав на земельные участки в новых слободах. Безземельный крестьянин мог жениться на дочери хозяина, чтобы получить доступ к земле.

Исследователи отмечают парадокс: сибирские старожилы часто сохраняли более архаичные формы обрядов, чем метрополия. Книга «Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья» и статьи антропологов показывают эволюцию обряда на Севере, но в Сибири эти формы могли «замораживаться». Например, сложные причитания, которые в Европейской России к концу XVIII века начинали упрощаться, в Сибири сохранялись в полной мере как обязательная часть ритуала. Это связано с тем, что культура переселенцев консервируется в момент отрыва от родины.

Подводя итоги, можно утверждать, что первые бракосочетания и свадебные традиции крестьян Сибири XVIII века представляли собой сложное слияние общерусских норм, севернорусской обрядности и региональной адаптации.

Использование книги «Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья» позволило выявить структурную общность между свадебными ритуалами Севера Европейской России и Сибири. Это подтверждает мысль о том, что культурный код сибирских переселенцев формировался на основе традиций выходцев из северных губерний. Ключевые элементы – сватовство, плачи невесты, банные обряды, венчание и проверка честности – сохраняли свое сакральное значение и в азиатской части России.

Однако антропологический анализ выявил и существенные отличия. Сибирская свадьба XVIII века характеризовалась большей суровостью условий, влиянием фактора расстояния, консервацией архаичных форм и специфической экономической мотивацией, связанной с колонизацией земель. Брак оставался главным социальным продвижением и механизмом выживания.

Свадебный обряд функционировал как механизм трансляции культурных ценностей. Через ритуалы перехода молодое поколение усваивало нормы поведения, гендерные роли и хозяйственные обязанности. Несмотря на давление государственной установки и изменение бытовых условий, традиционная свадьба в Сибири XVIII века сохраняла свою магическую и социальную сущность, обеспечивая стабильность крестьянской общины в экстремальных условиях освоения нового региона.

Изучение этой темы важно не только для историков, но и для понимания современной культуры русских в Сибири, где многие элементы традиционного жизненного цикла, описанные в этнографических источниках, оставили след в фольклоре и семейной памяти.

Список литературы

1. Логинов, К. К. Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: обряды, обычаи и конфликты / К. К. Логинов. – М.; Петрозаводск: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2010. – 412 с.
2. Миненко, Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII первой половины XIX в.). - Новосибирск, 1979. - 352 с.
3. Носова, Г.А. Традиционные обряды русских (крестины, похороны, поминки) / Г.А. Носова. – М.: КМЦ ИЭА РАН, 1999. – 231 с.
4. Осипова, Н.О. Ритуал сибирской свадьбы / Н. О. Осипова. – СПб.: Типография С.П.Худякова, 1893. – 24 с.
5. Русские / отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. – М.: Наука, 1999. – 826 с.

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ РОССИИ А.В. КОЛЧАКА
В 1918–1920 гг.: СОВРЕМЕННЫЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР**

Шамшина Олеся Алексеевна, студентка

Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева,
Москва, Россия

olesasamsina90@gmail.com

Горшкова Полина Даниловна, студентка

Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К. А. Тимирязева,
Москва, Россия

polina_gorshkova_2024@mail.ru

Научный руководитель: МIRONЮК Сергей Алексеевич, кандидат исторических наук

Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К. А. Тимирязева,
Москва, Россия

mironyuk@rgau-msha.ru

Аннотация. В данном исследовании были проанализированы работы современных российских историков об А. В. Колчаке. Основное внимание уделено периоду его правления в качестве Верховного правителя России в годы Гражданской войны. На примере публикаций Р. Г. Гагкуева, А. С. Пученкова, С. А. МIRONЮКА и других были выделены ключевые направления развития современной отечественной историографии: внутренние конфликты в Белом движении; внешнеполитические связи с Антантой; психологию А. В. Колчака; реформы, инициированные антибольшевистским правительством. Современные историки все чаще опираются на документальное наследие, отказываются от советских мифов и стремятся представить А. В. Колчака прагматичным политиком, действовавшим в сложных условиях.

Ключевые слова: А. В. Колчак, Гражданская война, Белое движение, Верховный правитель России, Антанта, антибольшевистское правительство, документальное наследие, современная историческая наука

Фигура адмирала Александра Васильевича Колчака уже более ста лет остается в центре внимания исследователей: полярный исследователь, флотоводец Первой мировой войны и Верховный правитель России (ноябрь 1918 – январь 1920). Он возглавлял белый Восток в период Гражданской войны и остается одной из самых дискуссионных личностей отечественной истории.

Если советская историография трактовала «колчаковщину» исключительно как реакционный, антинародный режим, полностью подконтрольный странам Антанты, то современная наука, опираясь на архивные документы, мемуары, преодолевает эти стереотипы.

Одной из ключевых тенденций последних лет стало то, что ученые стремятся уйти от схематичного образа политического деятеля и понять мотивы его поступков, психологическое состояние и систему ценностей.

А. С. Пученков в работе «Античный герой? Штрихи к психологическому портрету адмирала А. В. Колчака» на основе мемуаров и личных документов сравнивает Колчака с «античным героем» – человеком железной воли и патриотизма, но уязвимым перед стрессами войны. Автор систематизирует публикации, отмечая рост академического интереса к многогранности личности Колчака [1, с. 249-259; 2, с. 174-182].

И. В. Наумов в статье «Александр Васильевич Колчак – военный моряк, исследователь Арктики и “Верховный правитель России”» прослеживает эволюцию героя: от арктических экспедиций к лидерству в 1918 г. Автор подчеркивает, что адаптация морского

опыта к сухопутной войне и государственному управлению выявила сильные и слабые стороны программных установок Колчака, что стало одной из причин краха Белого движения [3, с. 134-147].

Р. Г. Гагкуев в своих работах детально анализирует противоречия внутри антибольшевистского лагеря. В статье «Адмирал Колчак глазами голландца Лодевейка Грондейса» он использует мемуары журналиста для реконструкции образа Колчака как решительного лидера, борющегося с сепаратизмом на Дальнем Востоке [4, с. 128-146].

В публикации «Верховный правитель против атамана» Р.Г. Гагкуев на основе документов французского генерала М. Жанена раскрывает эскалацию конфликта с атаманом Г. М. Семеновым – от дипломатических нот до угроз военных мер. Исследователь показывает, что зависимость Колчака от иностранных посредников ослабляла его стратегию укрепления единого антибольшевистского фронта [5, с. 154-166].

С. А. Миронюк в своих исследованиях рассматривает решение аграрного вопроса, проблему внешней политики А.В. Колчака, анализ отдельными британскими высокопоставленными чиновниками Верховного правителя как центральной фигуры Гражданской войны и другие вопросы, связанные так или иначе с А. В. Колчаком [6, с. 318-381; 7, с. 1-10; 8, с. 236-240; 9, с. 153-159; 10, с. 152-156; 11, с. 136-141; 12, с. 801-803; 13, с. 351-360]. В частности, опираясь на датированный 20 декабря 1919 г. меморандум государственного секретаря по иностранным делам Великобритании Дж. Н. Керзона «Сибирь», освещает отношения Колчака с Великобританией, Японией, США и Францией [10, с. 152-156].

Н. И. Наумова в работе «Государство и школа: образовательная политика Российского правительства адмирала А. В. Колчака (1918–1920 гг.)» показывает, что, несмотря на тяжелое положение фронта, правительство Колчака восстановило школьную сеть и унифицировало учебные программы, рассматривая образование как инструмент формирования лояльности [14, с. 137-142].

А. В. Филимонов в исследовании «Награды А. В. Колчака и его роль в реорганизации наградной системы в период Гражданской войны» демонстрирует, как адмирал использовал традиционные символы воинской доблести для поддержания боевого духа армии [15, с. 213-219].

В. Г. Хандорин в своем исследовании рассматривает деятельность Колчака как часть многовековой традиции защиты государственных интересов России, что соотносится с современными поисками исторических параллелей и основ национальной идентичности [16, с. 98-112].

Таким образом, современная историография характеризуется опорой на обширную документальную базу, отказом от советских идеологических штампов, многофакторным анализом событий. В трудах историков А. В. Колчак предстает сложной фигурой – политиком и реформатором, чья деятельность по укреплению государственности, реорганизации армии и социальной политике заслуживает дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Пученков, А. С. Античный герой? Штрихи к психологическому портрету адмирала А.В. Колчака / А. С. Пученков // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: Материалы IV Международной научно-практической конференции. – Омск: ОмГТУ, 2021. – С. 249-259.
2. Пученков, А. С. Биографии адмирала А.В. Колчака: историографический обзор важнейших работ последних лет / А. С. Пученков // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: Материалы V Международной научно-практической конференции. – Омск: ОмГТУ, 2023. – С. 174-182.
3. Наумов, И. В. Александр Васильевич Колчак - военный моряк, исследователь Арктики и «Верховный правитель России» / И. В. Наумов // Известия лаборатории древних технологий. – 2024. – Т. 20, № 1(50). – С. 134-147.

4. Гагкуев, Р. Г. Адмирал Колчак глазами голландца Лодевейка Грондейса / Р. Г. Гагкуев // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2018. – № 2(13). – С. 128-146.
5. Гагкуев, Р. Г. Верховный правитель против атамана: конфликт адмирала А.В. Колчака и атамана Г.М. Семенова в ноябре - декабре 1918 г. в документах французского генерала М. Жанена / Р. Г. Гагкуев // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 154-166.
6. МIRONЮК, С. А. Британская политика интервенции в России (ноябрь 1917 г. - декабрь 1919 г.) как фактор Гражданской войны: этапы и особенности / С. А. МIRONЮК // Исторический вестник. – 2024. – Т. 47. – С. 318-381.
7. МIRONЮК, С. А. Изменения в политике предоставления британской помощи белым силам в Сибири и на Юге России в июле 1919 г. и их причины (на основе протокола заседания Военного Кабинета министров от 25 июля 1919 г.) / С. А. МIRONЮК // Genesis: исторические исследования. – 2019. – № 11. – С. 1-10.
8. МIRONЮК, С. А. А.В. Колчак как центральная фигура Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке в меморандуме Дж.Н. Керзона «Сибирь» / С. А. МIRONЮК // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие : Материалы VI Международной научно-практической конференции, посвященной Году защитника Отечества в Российской Федерации и 120-летию событий Первой русской революции, Омск, 22–23 октября 2025 года. – Омск: Омский государственный технический университет, 2025. – С. 236-240.
9. МIRONЮК, С. А. Контроль над Транссибирской железной дорогой как мотив участия Британии в союзной интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири в 1917-1919 гг. и ее роль в этой операции (на основе меморандума Дж.Н. Керзона «Сибирь» от 20 декабря 1919 г.) / С. А. МIRONЮК // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 458. – С. 153-159.
10. МIRONЮК, С. А. Отношения между верховным правителем России А.В. Колчаком и странами-интервентами в меморандуме Дж.Н. Керзона «Сибирь» (20 декабря 1919 года) / С. А. МIRONЮК // Внешнеполитические интересы России: история и современность : сборник материалов XII Всероссийской научной конференции, Самара, 26 апреля 2024 года. – Самара: САМАРАМА, 2024. – С. 152-156.
11. МIRONЮК, С. А. Отношения между А.В. Колчаком и Японией в меморандуме «Деятельность Японии в Сибири и признание омского правительства» (18 февраля 1919 года) / С. А. МIRONЮК // Внешнеполитические интересы России: история и современность : Сборник материалов XIII Всероссийской научной конференции, Самара, 24 апреля 2025 года. – Самара: Самарама, 2025. – С. 136-141.
12. МIRONЮК, С. А. Решение аграрного вопроса в декларации российского правительства А.В. Колчака (8 апреля 1919 г.) / С. А. МIRONЮК // Международная научная конференция молодых ученых и специалистов, посвященная 160-летию Тимирязевской академии: Сборник статей, Москва, 02–04 июня 2025 года. – Москва: Российский государственный аграрный университет, 2025. – С. 801-803.
13. МIRONЮК, С. А. Участие и роль Британии в выработке решений Лондонской межсоюзной конференции по «русскому вопросу» (11-13 декабря 1919 г.) / С. А. МIRONЮК // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. – 2019. – Т. 11, № 4. – С. 351-360.
14. Наумова, Н. И. Государство и школа: образовательная политика Российского правительства адмирала А.В. Колчака (1918-1920 гг.) / Н. И. Наумова // Политическое пространство и социальное время: Сборник научных трудов XLI Международного Харакского форума. – Ялта, 2023. – С. 137-142.
15. Филимонов, А. В. Награды А.В. Колчака и его роль в реорганизации наградной системы в период Гражданской войны / А. В. Филимонов // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: Материалы V Международной научно-практической конференции. – Омск: ОмГТУ, 2023. – С. 213-219.
16. Хандорин, В. Г. Роль адмирала А.В. Колчака в укреплении российской государственности / В. Г. Хандорин // Защитники русской государственности XVII-XX веков. – М.: Издательство МПГУ, 2021. – С. 98-112.

КОРЕЙСКАЯ ВОЙНА И ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗА КНР НА МИРОВОЙ АРЕНЕ

Юркевич Елена Сергеевна, студентка

Санкт-Петербургский Политехнический Университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия
9226341@mail.ru

Макасеева Екатерина Андреевна, студентка

Санкт-Петербургский Политехнический Университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия
makaseeva.ea@list.ru

Научный руководитель: Норкина Екатерина Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент
Санкт-Петербургский Политехнический Университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия
norkina_es@spbstu.ru

Аннотация. Статья посвящена влиянию Корейской войны (1950-1953 гг.) на формирование международного образа Китая. Анализируются политические и военно-стратегические причины вступления Китая в конфликт, а также дискуссии о необходимости интервенции среди китайского руководства. Особое внимание статья уделяет укреплению международного авторитета КНР в роли значимого участника международных отношений. Анализируются последствия конфликта для отношений Китая с Соединенными Штатами Америки, Советским Союзом и КНДР. Делается вывод о значительной роли Корейской войны в образовании современного КНР на международной арене.

Ключевые слова: Корейская война, Китайская Народная Республика, международный образ, китайско-американские отношения, национальная безопасность, интервенция, внешняя политика КНР, советско-китайские отношения, КНДР

Корейская война 1950–1953 гг. стала одним из ключевых конфликтов периода холодной войны и важным этапом формирования внешнеполитической стратегии Китайской Народной Республики. Участие Китая в войне оказало значительное влияние на международное положение страны, ее отношения с СССР, КНДР и США, а также на формирование образа КНР как значимого военно-политического актора. Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа причин вступления Китая в войну и оценки влияния конфликта на его международное положение. Целью работы является изучение роли Китая в Корейской войне и ее последствий для внешней политики страны. Для достижения цели поставлены задачи: рассмотреть предпосылки вмешательства КНР в конфликт, проанализировать позицию китайского руководства и определить влияние войны на международный статус государства. Объектом исследования является участие Китайской Народной Республики в Корейской войне, предметом – политические и международные последствия этого участия. В работе использованы историко-аналитический и сравнительный методы, а также анализ научной литературы и источников. Источниковую базу составляют воспоминания участников событий, научные исследования по истории. В мемуарах Пэна Дэхуая рассматриваются сами военные события. В статьях Сюэ Цинчао, Роберта Фарли освещается рост престижа Китая на международной арене после войны. В статьях с информационных агентств ТАСС и Deutsche Welle описывается влияние войны на отношения с КНДР и СССР.

К началу 1950 г. перед молодым правительством Китайской Народной Республики стояли две основные задачи. Первой и основополагающей задачей после десятилетий непрерывных войн было восстановления народного хозяйства. Второй, с точки зрения национального единства и легитимности власти, была подготовка освобождения острова Тайвань как последнего оплота сил Гоминьдана [1, с. 1-2]. Консолидация внутри страны и завершение гражданской войны являлись безусловным приоритетом для Пекина.

Этот хрупкий баланс был разрушен началом Корейской войны 25 июня 1950 г. Реакция Соединенных штатов оказалась быстрой и жесткой, уже 27 июня президент Гарри Трумэн сообщил о вводе 7-го флота США в Тайваньский пролив. Целью этой акции провозглашалась нейтрализация зоны прилива, однако для КНР это стало вооруженным препятствием планам по освобождению Тайваня и фактическое возвращение Соединенных штатов в китайскую гражданскую войну на стороне Гоминьдана [1, с. 2]. Вопрос безопасности теперь был в прямой зависимости от действий Вашингтона в регионе.

В последующие недели ситуация на Корейском полуострове развивалась стремительно и тревожно. Наступление северокорейских войск было остановлено, а после высадки американского десанта в Инчхоне в сентябре 1950 г. военный успех резко перешел на сторону сил ООН. Войска Северной Кореи находились на грани разгрома к концу сентября, а силы ООН, игнорируя предупреждения Пекина, направились к северу, приближаясь к реке Ялуцзян, где располагалась граница с Китаем. В этот критический момент китайское руководство получило официальное обращение от Ким Ир Сена с просьбой о военной помощи [1, с. 4].

В руководстве развернулись ожесточенные дебаты. Значительная его часть осознавала тяжелое экономическое положение страны, необходимость концентрации сил на внутренних делах и техническую отсталость Народно-освободительной армии от оснащенной армии США, исходя из этого, выступила против интервенции. Однако для Мао Цзэдуна и ряда других ключевых фигур, как Пэн Дэхуай, существовали аргументы другого порядка, которые в итоге перевесили [2, с. 351].

Главным аргументом выступала угроза национальной безопасности. В своих воспоминаниях Пэн Дэхуай, которому предстояло возглавить китайские силы в Корее, описал логику, заставившую поддержать интервенцию. Учитывая стремительное наступление американских войск, он пришел к выводу, что если войска займут Корею, то возникнет прямая угроза сердцу Китая – Северо-Востоку. Контроль США над Тайванем уже угрожал Шанхаю и восточному побережью [2, с. 352].

В то же время Москва, как главный союзник и идеологический центр, столкнулась с дилеммой. С одной стороны, Сталин опасался прямой конфронтации с США в Корее и ее перерастания в глобальную войну. С другой стороны, нельзя было допустить полный разгром союзника и укрепление американцев у своих границ. Для советского лидера выходом стала стратегия «добровольцев», при которой основная тяжесть сухопутной войны легла бы на Китай. В переписке с Пекином в сентябре-октябре 1950 г. Сталин дал понять: прямого советского военного вмешательства не будет, однако СССР окажет тыловую поддержку через вооружение и авиационное прикрытие с территории Китая [3, с. 196-198].

Соглашение было достигнуто лишь спустя целых два года после перехода конфликта в статус позиционной войны. Плохая коммуникация между Вашингтоном и Пекином в сочетании с репутационными опасениями обеих сторон раздули незначительные проблемы, такие как репатриация военнопленных, и затянули войну далеко за пределы ее продуктивных возможностей. Перемирие заморозило конфликт и установило демилитаризованную зону (ДМЗ) вдоль 38-й параллели, оставив государство разделенным на две части. [4]

За годы конфликта китайская сторона, по разным подсчетам, потеряла от 390 тысяч человек до миллиона. Но, несмотря на значительные человеческие и экономические потери, хоть в отечественной и западной историографии результатом этой войны принято считать «ничью», в Китайской Народной Республике скорее же воспринимают результат как положительный. Для США, рассчитывающих на объединение Кореи под капиталистическим режимом, это была дорогостоящая «ограниченная война», закрепившая политику сдерживания в период холодной войны повлекшая более масштабные военные расходы, чем ожидалось. война возымела большой эффект на международное положение Китая. Однако конфликт возымел большой эффект на положение КНР на международной арене. [4]

Во-первых, то, что КНР лишь спустя год после образования смогла оказать достойное сопротивление США, одной из ведущих держав, утвердило военной авторитет государства и,

по словам Си Цзиньпина, разрушило миф о непобедимости американской армии, «заставив надменных захватчиков подписать соглашение». [5]

Репутация Китая как достойного противника, и важной части социалистического блока, с которым нельзя не считаться. Впоследствии «призрак Кореи» станет сдерживающим

Во-вторых, китайская помощь Северной Корее в «борьбе с империализмом» под лозунгом «Сопrotивляться Америке, помогать Корее» закрепила за Китаем в социалистическом блоке статус миролюбивой державы, которая, однако, готова защищать свои интересы, а также естественным образом улучшила отношения государства с Северной Кореей. Также, помимо колоссальной военной поддержки, китайские силы также оставались в КНДР до 1958 г., помогая корейцам восстанавливать экономику и инфраструктуру, разрушенную военными действиями. [6, с. 28]

Это положительно сказалось на образе КНР в глазах северной Коре и связи двух стран до сих пор остаются крайне теплыми. Так, на 70-летию годовщины окончания войны, «руководитель Северной Кореи Ким Чен Ын посетил кладбище, где почтил память китайских солдат, воевавших в Корее, возложил венок на могиле старшего сына бывшего китайского руководителя Мао Цзедуна - Мао Аньина» [7], представительница Министерства иностранных дел Китая Мао Нин отметила, что подобная акция «олицетворяет наследие и развитие традиционной дружбы двух стран в новый период». [8]

Если же говорить, о влиянии войны на советско-китайские отношения, то его можно считать двойственным. Хотя, в участии в войне у Китая было достаточно собственных причин, во многих странах было распространено мнение о том, что Китай стал «марионеткой» СССР. Так же кредит, который Советский Союз пришлось потратить не на восстановление страны, как планировалось, а на оплату советского оружия. После Корейской войны влияние Советского союза на Китай значительно ослабится. [9, с. 130]

Проведенное исследование подтверждает, что участие в Корейской войне стало поворотным моментом в формировании международного образа КНР. Несмотря на изначальные планы по восстановлению экономики и подготовки вторжения на Тайвань, Пекин изменил свою стратегию под меняющуюся военно-политическую обстановку, сохраняя приоритетом национальную безопасность. Принятое интервенционистского решение через тяжелые потери изменило геополитический статус страны.

Война закрепила за Китаем репутацию военной державы, способной на равных противостоять США. Успешное сопротивление «силам империализма» как разрушило миф о непобедимости американской армии, так и утвердило авторитет КНР как ключевого фактора социалистического лагеря и независимого центра сил в Азии. Участие в конфликте также заложило прочный фундамент для «традиционной дружбы» с КНДР, что подтверждается современными дипломатическими жестами Пхеньяна.

Последствия войны для советско-китайских отношений оказались двойственными. Необходимость расплачиваться за советские кредиты на закупку вооружений, взятая на себя тяжесть сухопутной войны ослабили влияние Москвы на Пекин. Таким образом, Корейская война не только обеспечила безопасность границ КНР, но и запустила процесс эмансипации Китая в рамках социалистического блока, заложив основу внешнеполитической самостоятельности, которая характеризует современный образ Китая на мировой арене.

Список литературы

1. Сюэ Цинчао 薛庆超. Канмэйюаньчао чжаньчжэн дэ вэйда шэнли чжансянь лэ синь Чжунго дэ даго дивэй 抗美援朝战争的伟大胜利彰显了新中国的大国地位 [Великая победа в Войне против США и помощи Корее в Корейской войне продемонстрировала статус Нового Китая как великой державы] // Синьян шифань сюэюань сюэбао 信阳师范学院学报 [Вестник Синьянского педагогического университета]. 2023. – Т. 43. № 4. – С. 1-9.
2. Peng Dehuai. Memoirs of a Chinese Marshal. – Beijing: Foreign Languages Press, 1984. – 384 p.
3. Chen Jian. China's Road to the Korean War. – New York: Columbia University Press,

1994. – 339 p.

4. Farley R. China vs. America: Why the Korean War Was Total Hell (And Why It's Not Over) [Электронный ресурс] // The National Interest. – 2017. – URL: <https://dev.nationalinterest.org/blog/buzz/china-vs-america-why-the-korean-war-was-total-hell-its-not-22196> (дата обращения: 05.03.2026).

5. Си Цзиньпин. В память о китайских народных добровольцах, сражавшихся в Войне за сопротивление американской агрессии и оказание помощи корейскому народу за пределами Китая [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zytz_0/202504/t20250430_11614103.htm (дата обращения: 05.03.2026).

6. Корейская война 1950–1953 гг. [Электронный ресурс] // Referat.co. – URL: <https://referat.co/ref/754164/read?p=13> (дата обращения: 05.03.2026).

7. КНДР празднует 70-летие окончания войны в Корее [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. – URL: <https://www.dw.com/ru/kndr-prazdnuet-70letie-okoncania-voyny-v-koree/a-66358309> (дата обращения: 05.03.2026).

8. Корейская война и ее последствия [Электронный ресурс] // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/opinions/18377959> (дата обращения: 05.03.2026).

9. Корейская война: исторические и политические аспекты [Электронный ресурс] // SciNetwork. – URL: <https://scinetwork.ru/viewer/Article/48233/292619> (дата обращения: 05.03.2026).

ПСИХОЛОГИЯ ЖЕНЩИН БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА: ГОТОВНОСТЬ К ВЗАИМОПОМОЩИ КАК ФАКТОР ВЫЖИВАНИЯ В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ

Якунина Яна Сергеевна, студентка

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Красноярск, Россия
yapohka050607@gmail.com

Научный руководитель: Толмачева Анна Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Красноярск, Россия
tolmacheva@kspu.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления механизмов выживания городского социума в условиях беспрецедентной депривации Ленинградской блокады (1941–1944 гг.). Новизна работы заключается в анализе готовности женщин к взаимопомощи не как пассивной реакции, а как активной, доминирующей стратегии, предотвратившей антропологическую катастрофу. В статье выдвигается полемическое положение о том, что просоциальное поведение, основанное на «этике заботы», оказалось эффективнее индивидуального биологического эгоизма. Представлены результаты изучения микросоциальной солидарности в коммунальных квартирах и роли женских отрядов, доказывающие, что альтруизм стал ключевым фактором сохранения психологической устойчивости и человеческой идентичности в экстремальных условиях.

Ключевые слова: блокада Ленинграда, психология экстремальных ситуаций, женская идентичность, взаимопомощь, альтруизм, выживание, алиментарная дистрофия, социальная солидарность, антропология войны, «этика заботы»

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью глубокого осмысления феномена человеческой выживаемости в условиях экстремальных антропологических катастроф. Ленинградская блокада, являясь одной из наиболее трагических страниц XX века, представляет собой уникальный полигон для изучения механизмов адаптации и сопротивления. Особое значение приобретает анализ поведения наиболее уязвимых, но в то же время наиболее жизнеспособных групп, каковыми являлись женщины. Их роль в поддержании городского социума в условиях тотальной депривации часто недооценивается в традиционных исторических исследованиях.

Историография и источниковедение блокады Ленинграда отличаются обширностью. Однако, несмотря на многочисленные работы, посвященные военным, экономическим и социальным аспектам (А.М. Адамович, А.Г. Вишневский, О.Ф. Берггольц, Л.Я. Гинзбург, Д.В. Павлов, В.М. Ковальчук, Н.Т. Ломагин) [1,2,3,4,6,7,8], психологические механизмы выживания, особенно в гендерном разрезе, остаются предметом недостаточно полного изучения. Классические труды зафиксировали феномен героизма и стойкости, но детальный анализ психологических факторов, таких как просоциальное поведение и его роль в спасении, требует дальнейшей разработки. Работы по психологии экстремальных состояний (Е. П. Ильин, В.А. Ядов) [5,10] и антропологии города (С.В. Яров) [11,12] предоставляют теоретические рамки для интерпретации блокадного опыта, однако синтез этих подходов применительно к женской психологии Ленинграда является областью, требующей дополнительного исследования.

В основу исследования легли эго-документы: дневники, мемуары и письма женщин-блокадниц (Л.Я. Гинзбург, Е.А. Скрыбиной) [4,9], позволяющие получить непосредственное представление о субъективном опыте и переживаниях.

Для всестороннего анализа проблемы использовался комплекс взаимодополняющих методов:

- Историко-психологический анализ: применение психологических теорий для изучения исторического материала, в частности, субъективного опыта, зафиксированного в эго-документах, с учетом исторического, социального и культурного контекста эпохи.

- Системный подход: рассмотрение взаимопомощи как элемента сложной, самоорганизующейся системы жизнеобеспечения городского сообщества в условиях разрушения институциональных структур.

- Социологический анализ: выявление и интерпретация паттернов поведения и взаимодействия в микросоциальных группах (коммунальные квартиры, бытовые отряды, трудовые коллективы) с целью реконструкции социальных связей и норм.

- Герменевтический метод: глубокая интерпретация текстов и свидетельств для выявления скрытых смыслов, мотиваций и ценностных установок, влиявших на принятие решений в условиях выбора между индивидуальным выживанием и просоциальным поведением.

- Сравнительно-аналитический метод: сопоставление блокадного опыта с общими закономерностями психологии выживания в экстремальных условиях и кризисных ситуациях в мировой истории, а также анализ специфики женской реакции на кризис по сравнению с мужской.

Практическая реализация исследования заключалась в тщательном отборе и анализе корпуса источников. Основной акцент был сделан на эго-документах, которые являются наиболее прямым отражением индивидуальных и групповых психологических состояний. Выборка включала дневники и воспоминания женщин разного социального статуса и возраста, что позволило выявить как общие закономерности, так и индивидуальные вариации. Особое внимание уделялось текстам, фиксирующим акты непосредственного взаимодействия, взаимопомощи, а также описания внутреннего состояния авторов (страх, надежда, апатия, решимость). Контент-анализ проводился с целью выявления:

- Частоты и контекста упоминания актов помощи (как оказанной, так и полученной).

- Эксплицитно и имплицитно выраженной мотивации к взаимопомощи (альтруизм, долг, рациональный расчет, необходимость).

- Психологических и социальных последствий актов взаимопомощи для инициатора и получателя.

- Особенности организации взаимопомощи в зависимости от социального статуса, семейного положения и места проживания (коммунальная квартира, рабочий дом, индивидуальное жилье).

Результаты исследования:

1. Трансформация женской идентичности и формирование «этики заботы»

Начальный этап блокады характеризовался шоковым состоянием и первоначальной ориентацией на индивидуальное выживание. Однако по мере углубления кризиса, особенно к весне 1942 г., когда смертность достигла своего пика, наблюдалась трансформация женской идентичности. Женщины, столкнувшись с массовой гибелью близких и коллапсом привычного быта, переосмысливали собственные приоритеты, переходя от пассивного ожидания помощи к активным действиям по спасению окружающих. «Этика заботы» (термин, заимствованный из феминистской философии, но переосмысленный в контексте экстремальных условий) стала доминирующей моделью поведения. Она предполагала приоритет благополучия другого, особенно более слабого и уязвимого (детей, стариков, больных), над собственным, когда это становилось критически важным для выживания группы. Эта трансформация была закреплена в ежедневной практике: от дележа скудных пайков до самоотверженного ухода за больными и осиротевшими.

2. Механизмы взаимопомощи: от индивидуальной к организованной солидарности

Исследование выявило многоуровневую систему взаимопомощи:

- Микроуровень. В коммунальных квартирах и дворах формировались неформальные «бытовые общины». Коллективные походы за водой к проруби, совместное отопление общими усилиями, распределение скудных продуктов, организация дежурств по уходу за

детьми или больными – все это формировало сложную сеть «устойчивости». Психологически, такое взаимодействие не только обеспечивало физическое выживание, но и давало чувство принадлежности, снижало уровень тревожности и стресса, предотвращая чувство полного одиночества [11].

- Мезоуровень. На уровне района или предприятия действовали организованные женские бригады и отряды. Женщины составляли основу бригад МПВО (Местной противовоздушной обороны), занимались очисткой улиц от снега и завалов, работали на подсобных хозяйствах, обеспечивая город продуктами. Особое значение имели бытовые отряды, которые обходили квартиры, выявляли ослабевших и оказывали им помощь [12].

- Макроуровень. Деятельность общественных организаций и предприятий по патронажу семей, созданию дополнительных столовых и детских учреждений, где женщины составляли подавляющее большинство персонала [13].

3. Взаимопомощь как антидот против апатии и дегуманизации

Психологический анализ эго-документов свидетельствует, что именно акты взаимопомощи служили мощным барьером против развития «алиментарной дистрофии души» – состояния глубокой апатии, равнодушия к жизни и смерти. Физически истощенный человек, совершая акт заботы о другом или получая его, сохранял связь с реальностью, чувствовал себя живым, нужным и причастным к социуму. Это противодействовало деперсонализации, когда человек превращается лишь в оболочку, одержимую голодом. Сохранение человеческого облика, способности к состраданию и самопожертвованию в нечеловеческих условиях стало высшим проявлением стойкости и гуманизма.

4. Феномен «блокадного материнства»

Особо проявился феномен заботы женщин о чужих детях. Потеряв собственных детей или мужей, многие женщины брали в свои и без того скудные дома детей, осиротевших после смерти родителей. Этот акт «блокадного материнства» был не просто проявлением инстинкта, но и осознанным выбором в пользу будущего, символом веры в то, что жизнь продолжится. Этот акт альтруизма, казалось бы, противоречащий инстинкту самосохранения, на самом деле становился для самих спасающих мощным стимулом к борьбе, помогая преодолеть личную трагедию потери и придать смысл своему существованию [13].

По итогам проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы:

1. Центральная роль женщин. Женщины стали основными субъектами сохранения ленинградского социума в условиях блокады, продемонстрировав уникальные психологические и организаторские способности, превзошедшие традиционные гендерные стереотипы.

2. Взаимопомощь как доминирующая стратегия выживания. Готовность к взаимопомощи, проявлявшаяся на всех уровнях – от микрообщины до организованных отрядов – являлась не просто моральным выбором или случайным актом доброты, но и эффективным психологическим и социальным механизмом адаптации и выживания.

3. Преодоление дегуманизации. Сформированная в блокадном Ленинграде «этика заботы» и повсеместный альтруизм позволили сохранить человеческое достоинство и социальные связи, противодействуя тотальной апатии, распаду личности и дегуманизации общества под давлением голода и страха.

4. Психологический ресурс. Акты взаимопомощи мобилизовали скрытые внутренние резервы личности, давая смысл существованию, стимулируя волю к жизни и выступая мощным фактором психологической устойчивости.

5. Историческое и антропологическое значение. Опыт блокадного Ленинграда демонстрирует, что в условиях антропологической катастрофы именно просоциальное поведение и способность к кооперации становятся важнейшими факторами коллективного выживания, зачастую превосходя индивидуальные биологические инстинкты и обеспечивая сохранение не только физической, но и нравственной составляющей человеческого общества.

Таким образом, исследование подтверждает, что человеческая психика обладает колоссальным ресурсом сопротивления, а солидарность и взаимоподдержка, особенно иницируемые и поддерживаемые женщинами, могут стать самой мощной силой в борьбе за жизнь и сохранение человеческого облика.

Список литературы

1. Адамович, А. М. Блокадная книга / А. М. Адамович, Д. А. Гранин. – Москва: Советский писатель, 1982. – 432 с.
2. Берггольц, О. Ф. Говорит Ленинград / О. Ф. Берггольц. – Ленинград: Лениздат, 1964. – 352 с.
3. Вишневский, А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР / А. Г. Вишневский. – Москва: ОГИ, 1998. – 432 с.
4. Гинзбург, Л. Я. Записки блокадного человека / Л. Я. Гинзбург. – Ленинград: Советский писатель, 1987. – 608 с.
5. Ильин, Е. П. Психология общения и межличностных отношений / Е. П. Ильин. – Санкт-Петербург: Питер, 2009. – 576 с.
6. Ковальчук, В. М. Ленинград в годы Великой Отечественной войны / В. М. Ковальчук, А. И. Чистиков. – Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2002. – 368 с.
7. Ломагин, Н. Т. Неизвестная блокада / Н. Т. Ломагин. – Санкт-Петербург: Нева, 2002. – 452 с.
8. Павлов, Д. В. Ленинград в блокаде: 1941 год / Д. В. Павлов. – Москва: Наука, 1985. – 156 с.
9. Скрябина, Е. А. Ленинградский дневник / Е. А. Скрябина. – Москва: АСТ, 2014. – 256 с.
10. Ядов, В. А. Человек как социальная общность / В. А. Ядов. – Москва: Наука, 1995. – 320 с.
11. Яров, С. В. Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. / С. В. Яров. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2012. – 602 с.
12. Яров, С. В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда / С. В. Яров. – Москва: Молодая гвардия, 2013. – 320 с.
13. Иванова, И. И. Психологические аспекты женской солидарности в экстремальных условиях / И. И. Иванова // Вопросы психологии. – 2021. – № 4. – С. 45-52.

ПРОБЛЕМЫ ВЕРИФИКАЦИИ И АУТЕНТИЧНОСТИ ДАННЫХ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: ВЫЗОВЫ ДЛЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Ямщикова Мария Викторовна, студентка

Уфимский Университет науки и технологий, Стерлитамак, Россия

jamshikovamarya@yandex.ru

Научный руководитель: Маркелова Людмила Николаевна, кандидат исторических наук, доцент

Уфимский Университет науки и технологий, Стерлитамак, Россия

l.n.markelova@struust.ru

Аннотация. В работе рассматриваются ключевые проблемы и вызовы, с которыми сталкиваются исследователи и создатели контента при работе с различными материалами (историческими источниками, медиа-контентом, академическими и пользовательскими данными). Анализируются технические, методологические, этические и правовые аспекты цифровой трансформации исследовательской и контент-производящей деятельности.

Ключевые слова: цифровая трансформация, оцифровка источников, верификация данных, конфиденциальность, долгосрочное хранение данных

Сегодня цифровизация исторических документов – не просто технический процесс, а ключевой фактор развития исторической науки и сохранения культурного наследия в эпоху цифровых трансформаций. Цифровизации исторических документов сегодня определяется сочетанием угроз и возможностей: с одной стороны – риск утраты наследия, фальсификаций, цифрового неравенства, с другой – беспрецедентные шансы для анализа, доступа и популяризации истории. На наш взгляд, важно обратиться к теме исследования, так как решение этих задач требует не только технических решений, но и переосмысления методологических, правовых и этических основ исторической науки в цифровую эпоху.

Для комплексного анализа проблематики применяется мультидисциплинарный подход, сочетающий методы гуманитарных, технических и правовых наук.

Значимый вклад в развитие темы внесли исследователи, работавшие над созданием специализированных систем для обработки исторических данных, например, Н. М. Арсентьев (система RSKAZKA для изучения демографических процессов по материалам ревизских сказок) [1], Р. Б. Кончаков и В. В. Канишев (экспертная система для работы с метрическими книгами XIX века) [2]. Среди крупных исследователей по проблеме можно выделить следующих ученых: Гарскова И. М. [3], Владимиров В. Н. [4], Бородкин Л. И. [5] и других.

Современная историография переживает фундаментальную трансформацию. Три взаимосвязанных феномена – оцифрованные источники, большие данные и искусственный интеллект – формируют принципиально новую эпистемологическую среду, меняя саму природу исторического познания. Классический образ исследователя, погруженного в пыльные архивы, постепенно уступает место цифровому историку – специалисту, сочетающему традиционную источниковедческую строгость и умение интерпретировать результаты алгоритмического анализа. Новая реальность исторического знания – это оцифрованные источники, большие массивы данных и применение искусственного интеллекта в обработке исторических документов.

За последние десятилетия сделан существенный прорыв в обеспечении доступности исторического наследия. Важным шагом стала массовая оцифровка фондов национальных библиотек и архивов, что позволило перевести в цифровой формат миллионы документов (Проект «Архивы России», Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО), РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив)). В последние десятилетие активно появляются онлайн-платформы, которые создали единую точку доступа к

разнородным источникам («Прожито», «Карта истории», портал «Архивы России», ЦАМО РФ). Происходит внедрение поисковых алгоритмов, которые существенно ускоряют процесс выявления релевантных материалов – от рукописных документов до газетных публикаций [6, С. 81]. Все эти изменения радикально трансформировали исследовательскую практику.

Цифровизация исторических материалов произвела революцию и открыла доступ к отдельным документам и источникам прошлого [4, С. 21]. Однако по-прежнему нет единого мнения о том, насколько доступны, должны быть исторические источники и каково влияние электронных технологий на историческое познание.

Среди положительных аргументов отмечают, что современные технологии существенно расширяют возможности в изучении истории. Прежде всего, онлайн-доступ к историческим документам устраняет привычные ограничения – исследователи могут работать с оцифрованными материалами из любой точки мира, экономя время и ресурсы. Во-вторых, электронный формат более доступен для людей с ограниченными возможностями здоровья (увеличение знаков на экране, использование гаджетов расшифровки текста и т.п.). В третьих, в значительной мере решается проблема сохранения самого носителя информации – устранения внешнего воздействия на документ: цифровые архивы надежно защищают наше культурное наследие – теперь ценные документы не исчезнут из-за пожара, наводнения или естественного старения бумаги. Наконец, искусственный интеллект (ИИ) становится мощным вспомогательным инструментом историков: обрабатывая большие массивы данных, он обнаруживает неочевидные связи и тенденции, позволяя по-новому взглянуть на прошлое и глубже понять логику исторических событий. С другой стороны, специалисты, работающие в направлении исторической цифровизации, указывают на проблемы, с которыми сталкиваются в своей работе исследователи, в частности на них указали Леонид Иосифович Бородин и Петр Тихонович Котрелев, во время развернувшейся дискуссии со студентами в 2022 году, по поводу цифровой публичной истории. Их опасения касались качества обработки данных, методологии работы с источниками, влияния цифровых форматов на восприятие истории.

Петр Котрелев критиковал проекты цифровой публичной истории за осовременивание подачи информации, которое, по его мнению, ведет к антиисторизму. Он указывал, что такие ресурсы («Проект 1917. Свободная история») пытаются создать иллюзию параллельного появления информации у людей прошлого и настоящего, что искажает «историческую ретроспективу» [7]. Котрелев считал, что это ликвидирует дистанцию между прошлым и настоящим и может привести к упрощению или драматизации исторических событий. Еще одна проблема – преобладание в проектах эдьютеймента (образование через развлечение). Данная проблема связана с дисбалансом: развлекательная составляющая часто преобладает над образовательной составляющей. Согласно позиции Котрелева, на многих ресурсах «просматривается доминирование медийного подхода над академическим при формировании контента» [7]. В этом случае представлены лишь отдельные источники информации, отсутствует часть документов, сообщение в которых по-разному может осмысливаться и интерпретироваться исследователями. Таким образом, нерепрезентативный отбор исторических материалов, искажение исторической информации, снижение образовательной ценности проекта. В качестве решения проблемы автор предлагает «создать универсальный ресурс, объединяющий полный массив собранных исторических текстов». [7, С. 119]. Такой портал был бы полезен как ученым, так и непрофессиональным исследователям, предоставляя им доступ к комплексному и систематизированному материалу. Его мнение разделял Леонид Бородин, который не только поддержал дискуссию, но и указал на сложности, «связанные с достоверностью первичных данных источников и их подготовкой к размещению в сети» [5]. Например, при работе с историческими статистическими данными требуется тщательная верификация и корректировка, что не всегда выполняется должным образом. Бородин также отмечал методологические сложности аналитической работы с динамическими данными исторической статистики, включая создание укрупненных индексов на их основе [5, С. 7]. Кроме того, он высказывал опасения относительно использования генеративных нейросетей

в исторических исследованиях. Когда исторических данных недостаточно, исследователи иногда прибегают к нейросетям для воссоздания недостающих фрагментов по аналогам. Однако это дискуссионный подход, так как он может привести к генерации «правдоподобных», но вымышленных образов, что ставит под вопрос историческую достоверность. На наш взгляд, можно присоединиться к данной позиции – инициативы, направленные на актуализацию исторического знания и повышение его наглядности, содействуют повышению интереса к истории в обществе в целом. Но необходимо понимать, что стремление отойти от традиционного «камерного» представления о прошлом порождает появление в ряде случаев пусть допустимых интересных форм представления фактов, но вряд ли в этом случае можно говорить о научном подходе. И наконец, еще несколько проблем выделила Ю.Ю. Юмашева в статье «Источниковедческие проблемы представления исторических источников в электронной среде» [8]. Рассмотрев их можно констатировать, что проблемное поле, возникающее в сфере работы с цифровыми ресурсами, оцифровкой и размещением исторических источников требует решения ряда вопросов. Во-первых, важно преодолеть одну из ключевых сложностей – незамкнутость процесса, когда создание электронных копий: на любом этапе технологического цикла, от оцифровки до публикации может привести к искажению первоначального текста источника, т.к. в электронную версию могут быть внесены изменения. При этом выявить такие правки без сопоставления с оригиналом практически невозможно. Это ставит под вопрос верифицируемость электронных версий и их соответствие подлинникам.

Второе, при создании копий часто не воспроизводится материальная фактура источника – носитель информации, методы и материалы фиксации, латентные детали (например, оттенки цвета, фактура материала, филигранные детали, состав писчих материалов). Эти элементы традиционно являются частью «внешней критики» источника в источниковедении.

Третьей проблемой является неполнота оцифровки исторических источников. В практике цифровых архивов широко распространен так называемый «экономный» подход, при котором исключаются из копирования отдельные элементы документа: пустые страницы, незаполненные обороты листов, а также фрагменты с так называемой служебной информацией. К последним относятся, например, листы с заверительными записями и листами выдачи, традиционно присутствующие в архивных делах [8, с. 19]. Такой подход ведет к утрате структурной целостности документа и может затруднить его последующее исследование.

Четвертое, проблемы с авторством и авторским правом [8, С. 20]. Графическая обработка электронной копии источника может квалифицироваться как творческая переработка: преобразованная копия приобретает статус самостоятельного продукта и становится объектом авторского права сотрудника при условии внесения им оригинального творческого вклада, что соотносится с современными нормами интеллектуальной собственности. Это усложняет правомерное использование таких копий в исследовательской практике.

Таким образом, современные технологические трансформации радикально меняют облик профессии историка. Цифровизация источников и применения искусственного интеллекта формируют новый исследовательский ландшафт, требующий от профессионального сообщества не просто освоения новых инструментов, но и переосмысления ряда методологических принципов. Важно сохранить имеющиеся инструменты исторической науки, не утратить главное – поиск истины, и в тоже время открыть новые горизонты для науки о прошлом. Важно осознанно и профессионально сообществу историков ответить на вызовы цифровой эпохи и воспользоваться тем, что предоставляют современные достижения. Готовность ученых осваивать новые технологии, переосмысливать подходы и интегрировать цифровые методы в традиционные исследования во многом определяет будущее исторического знания, где технологии служат инструментом для более глубокого понимания прошлого, а не заменой профессиональному анализу.

Список литературы

1. Арсентьев, Н. М. Система сбора и обработки материалов ревизских сказок / Н.М. Арсентьев и др. // Круг идей: модели и технологии исторической информатики. – М., 1996. – С. 206–213.
2. Кончаков Р. Б. Пути создания и обработки источник-ориентированной базы данных на материалах метрических книг (приход с. Байловка Тамбовской губернии, 1810–1918 гг.) / Р.Б. Кончаков, В. В. Канищев // Круг идей: Историческая информатика на пороге XXI века. Труды VI конференции Ассоциации «История и компьютер». – М. Чебоксары, 1999. С. 184–197.
3. Гарскова, И. М. Историческая информатика: методологические и историографические аспекты развития: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09 / И.М. Гарскова. – М., 2018. 618 с..
4. Владимиров В. Н. Применение геоинформационных систем в исторических исследованиях (на примере истории юга Западной Сибири): дис. д-ра ист. наук: 07.00.09 / В.Н. Владимиров. – М., 2006. – 429 с.
5. Бородин, Л. И. Цифровая публичная история в оценке студентов-историков (на примере проекта «1917. Свободная история») / Л. И. Бородин // Историческая информатика. – 2018. – № 4. – С. 4–16.
6. Бушуева, Е.В. Зачем нужна цифровизация образования: понятие и задачи цифровизации / Е.В. Бушуева // Педагогика, психология, общество: от теории к практике. – Чебоксары, 2022. – С. 81-82.
7. Котрелев, П. Т. Осовременивание истории: «Timebound» и «Проект 1917» / П. Т. Котрелев // Вестник Московского университета. – Серия 8: История. – 2017. – № 3. – С. 112–125.
8. Юмашева, Ю. Ю. Источниковедческие проблемы представления исторических источников в электронной среде / Ю.Ю. Юмашева // Вестник Московского университета. – Сер. 8. История. – 2014. – № 6. – С. 18–36.
9. Шинкарев А.А. Проблематика верификации подлинности, авторского права и целостности цифровых данных / А.А. Шинкарев, О.В. Логиновский, Д.В. Стародубцев // Вестник ЮУрГУ. – Серия Компьютерные технологии, управление, радиоэлектроника. – 2025. – Т. 25, № 2. – С. 74–81.

ВЛАДИМИР МАКОВСКИЙ И ВАСИЛИЙ ПЕРОВ – СКАНДАЛЬНОЕ ИСКУССТВО XIX ВЕКА

Яхшибоева Комила Хасановна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

kamila.yakhshiboyeva04@mail.ru

Научный руководитель: Баранова Александра Сергеевна, ассистент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

almysia2117@gmail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена цензуры изобразительного искусства XIX века на примере творчества двух известных русских художников – Владимира Егоровича Маковского и Василия Григорьевича Перова. В работе рассматриваются несколько произведений этих мастеров, которые стали объектами общественного резонанса и подверглись ограничениям. Анализируется, как социальные и политические реалии того времени влияли на восприятие их картин, а также причины осуждения и запретов, наложенных на их творчество. В заключение описана судьба выбранных художников и их наследие, акцентирует внимание на необходимости дальнейшего изучения работ данных авторов для более глубокого понимания культурных процессов в России.

Ключевые слова: художник, картина, цензура, Российская империя, общество, В. Маковский, В. Перов

Цензура в Российской Империи отличалась жесткостью и критическим подходом не только к творениям литераторов и поэтов – художники также находились под пристальным вниманием общества. Их работы подвергались обсуждению и часто становились объектом запретов. Существовали картины, которые были запрещены к показу и увидели свет лишь спустя значительное количество лет, а некоторые произведения искусства, к сожалению, были безвозвратно утеряны для потомков.

Одними из цензурированных художников XIX века были Владимир Егорович Маковский и Василий Григорьевич Перов, со злободневными и спорными сюжетами в своих творениях [1, с. 4].

Маковский – это художник, принадлежащий к движению передвижников. Как и многие другие мастера данного направления, он тщательно наблюдал и подмечал разнообразные сюжеты, происходящие в повседневной жизни. Большинство из получавшихся картин были хоть и актуальными, но вызвали общественные споры, так как поднимали важные вопросы, касающиеся социальной справедливости и человеческих эмоций [2, с. 390-397].

В дореволюционной России существовал негласный запрет – не создавать картины на острые и неудобные темы. Тем не менее, художники постоянно его нарушали. Одной из таких запрещенных тем было освещение Ходынской трагедии, которая произошла в Москве в мае 1896 года. Во время коронационных торжеств Николая II на Ходынском поле произошла массовая давка. Из-за слухов о нехватке обещанных царских подарков около полумиллиона человек стихийно двинулись к местам раздачи. В возникшем хаосе люди падали в ямы и овраги, а толпа продолжала двигаться по телам. Итогом трагедии стали почти 1400 погибших и около тысячи пострадавших. Впоследствии цензура наложила запрет на то, что бы выставлять напоказ работы, посвященные этому событию, в том числе Владимиру Маковскому.

Талантливый художник Владимир Маковский по следам этих событий создал две картины – «Ходынка» и «После Ходынки. Ваганьковское кладбище». Обе работы были по решению цензоров сняты с выставки и запрещены к демонстрации. Московский генерал-

губернатор сказал Маковскому, что не время показывать эти картины, так как это все равно, что «сыпать соль на свежую рану».

Даже после полученных устных замечаний Маковский продолжил заниматься актуальными для него острыми темами. Революционная тема не была чем-то случайным для Маковского. Она теснейшим образом связана с общей демократической направленностью его творчества, об этом говорит небольшая его работа «Допрос революционерки», созданная в 1904 г. В композиции картины Маковский сознательно противопоставляет молодую революционерку в арестантской одежде двум царским чиновникам, ведущим допрос. Образы чиновников прописаны более убедительно, тогда как фигура революционерки изображена с точки зрения героизации. Также, спустя год он представил свой знаменитый шедевр «9 января 1905 г.». Художник боялся выставлять эти картины публике, хранил их у себя дома и демонстрировал лишь друзьям [4].

Василий Перов вошел в историю русской живописи как мастер жанровых сцен, посвятивший свое творчество изображению тяжелой судьбы обездоленных. В таких полотнах, как «Тройка» и «Проводы покойника», художник передает трагизм повседневности, вызывая у зрителя чувство сострадания. Однако Перов создавал и произведения иного рода – например, «Проповедь в селе» и «Сельский крестный ход на Пасху». Эти работы обличали пороки духовенства, они вызвали острую полемику в обществе, подверглись критике со стороны властей и в итоге были запрещены [3].

В 1861 году Перов представил на рассмотрение Академии сразу две картины – «Проповедь в деревне» и «Попы». Обе работы были выполнены на высоком художественном уровне, однако вызвали недоумение среди академиков.

Написанная в 1861 году, в эпоху отмены крепостного права и острых дискуссий о судьбах крестьянства, картина «Проповедь в селе» представляет сцену в деревенской церкви. Священник, поднял одну руку кверху, другой указывает на задремавшего в кресле помещика, изображенного с отталкивающими чертами. Рядом с ним молодая женщина, которая совершенно не обращает внимания на процесс службы. Вместо этого она внимательно слушает стоящего позади нее господина с приятной утонченной внешностью. В левой части картины изображены крестьяне в бедных одеждах. Они слушают священнослужителя с долей горечи. На заднем плане картины, словно в затемнении расположена основная человеческая масса, которые вовсе смотрят в сторону от священника.

Во второй половине XIX века в обществе нарастает критическое отношение к церкви и ее служителям. Василий Перов выразил это на своих полотнах. Его картина «Сельский крестный ход на Пасху» изображает важный церковный обряд в крайне неприглядном, даже жалком виде. Торжественное шествие выходит из избы, вместо храма, толпа не организована, в глазах шествующих пустота. Среди изображенных на картине выделяется пьяный священник, который держится, чтобы спуститься по лестнице и в процессе раздавил пасхальное яйцо ногой. Несколько людей не в состоянии даже стоять на ногах, одного из них пытаются привести в чувство с помощью воды. Церковные власти осудили такое изображение священного шествия, обвиняя художника в глумлении над православной верой. По некоторым свидетельствам, император Александр II рассматривал возможность ссылки Перова. Однако художник и сам был сибиряком, родился в Тобольске и потому это не вызывало страха. Из-за резонанса картину сняли с выставки Общества поощрения художеств и наложили запрет на ее публичный показ. Скандальную картину, первоначально известную под названием «Попы», приобрел Павел Третьяков. Именно он дал полотну новое название, указанное ранее, название, под которым она и стала известна. Покупка картины Третьяковым вызвала реакцию. Художник В.Г. Худяков в письме к Третьякову предупреждал, что могут возникнуть проблемы со Святейшим Синодом, который может предъявить меценату за покупку и демонстрацию безнравственного и порочащего церковь произведения. Он также упоминал, что картина уже демонстрировалась на Невском проспекте, но была быстро оттуда убрана из-за широкого протеста. В.Г. Худяков не отрицал возможности ссылки Василия Перова в Соловки. И если за картину «Проповедь в селе»

принесла художнику большую золотую медаль, то вторая была отвергнута Академией художеств, ее демонстрация была запрещена [1].

Цензура XIX века в России оказала значительное влияние на восприятие и создание художественного искусства того времени. Мастера, такие как Владимир Маковский и Василий Перов, сталкивались с жесткими ограничениями, что подстегивало их к поиску необычных способов выразить свои идеи и эмоции. Произведения Маковского запечатлели трагедию массовой давки, но их выставка была запрещена, что указывает на страх властей перед опубликованной правдой, отображаемой в искусстве, а также они показывают резкое противоречие между современными социальными катастрофами и официальной идеологией. Картины Перова, выставляя различные аспекты крестьянской жизни и религиозных обрядов, сталкиваясь с критикой со стороны не только цензоров, но также, в большинстве случаев, церкви. Эти произведения акцентируют важность социализации, изучения истории своего народа через искусство, подчеркивая все страдания и надежды. Тем не менее, несмотря на ограничения, работы этих художников предоставили нам возможность увидеть искренние эмоции и проблемы своего времени. Их наследие напоминает о важности свободы выражения в искусстве и о том, как цензура может искривлять восприятие общественных реалий. Сегодня мы можем извлечь уроки из их борьбы, осознавая, что искусство должно оставаться мощным инструментом для отражения правды, независимости и опыта общества.

Список литературы

1. Айналов, Д.В. История русской живописи от XVI по конец XIX столетия / Д.В. Айналов. Санкт-Петербург: Литограф. Семечкиной. 1909. – 96 с.
2. Новицкий, А.П. История Русского искусства с древнейших времен. В 2 т. Т. 1. / А.П. Новицкий. Москва, 1903. – 532.
3. Дитерихс, Л.К. Василий Перов. Его жизнь и художественная деятельность / Л.К. Дитерихс. 1893. – URL: http://az.lib.ru/d/diterihs_l_k/text_1893_perov.shtml (дата обращения: 17.02.2026).
4. Минченков, Я.Д. Воспоминания о передвижниках / Я.Д. Минченков. – Текст электронный: URL: https://royallib.com/book/minchenkov_yakov/vospominaniya_o_peredvignikah.html (дата обращения 17.02.2026).
5. Культура. РФ. Владимир Маковский. – URL: <https://www.culture.ru/persons/11099/vladimir-makovskii> (дата обращения: 17.02.2026).
6. Азбука искусства. Христианское искусство. Проповедь в селе. – URL: <https://azbyka.ru/art/propoved-v-sele/> (дата обращения 17.02.2026).
7. Третьяковская галерея. 8638 открытых шедевров. Виртуальная галерея. Перов Василий. Сельский крестный ход на Пасхе. – URL: <https://my.tretyakov.ru/app/masterpiece/21117> (дата обращения 17.02.2026).
8. Электронекрасовка. Допрос революционерки. Маковский В.Е. – URL: <https://electro.nekrasovka.ru/books/6161702> (дата обращения: 17.02.2026).

УДК 316.77:004

**ЦИФРОВАЯ СОЦИОЛОГИЯ: ТРАНСФОРМАЦИЯ АГЕНТНОСТИ,
СТРАТИФИКАЦИИ И ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГИПЕРСВЯЗАННОСТИ**

Андропова Ольга Сергеевна, студентка

Казанский государственный энергетический университет, Казань, Россия

olga.andropova.06@mail.ru

Валеев Данияр Робертович, студент

Казанский государственный энергетический университет, Казань, Россия

2316003756@edu.tatar.ru

Научный руководитель: Сафиуллина Фарида Рафисовна, кандидат социологических наук, старший преподаватель

Казанский государственный энергетический университет, Казань, Россия

far4911@ya.ru

Аннотация. В статье анализируются фундаментальные сдвиги социальной реальности, обусловленные интеграцией цифровых технологий в повседневные практики. На основе исследований 2024–2025 гг. рассматриваются изменения категории агентности, механизмы воспроизводства социального неравенства в виртуализированной среде и амбивалентный характер гиперсвязанности. Обосновывается необходимость эпистемологического перехода от антропоцентризма к полицентричной онтологии социального, включающей алгоритмических акторов, при сохранении этической ответственности человека как нормативного регулятора цифровой экосистемы.

Ключевые слова: цифровая социология, алгоритмическое общество, распределенная агентность, цифровая стратификация, искусственный интеллект, социальная атомизация, гибридная идентичность

Современные технологические артефакты трансформировались из внешних инструментов в конституирующий элемент социальной онтологии. Формируется «инфосфера» – новая среда существования, где коммуникативные акты, экономические обмены и субъективные переживания опосредуются алгоритмическими процедурами [1]. Данный контекст актуализирует методологический вызов для социологической теории: концептуальные модели индустриальной эпохи демонстрируют ограниченную эвристическую ценность. Речь идет о генезисе качественно новой модальности социальности, провоцирующей реструктуризацию социальной ткани и модификацию ключевых институтов [2, 10]. В этой парадигме центральными аналитическими категориями становятся: перераспределение агентности, динамика социального неравенства и трансформация идентичности.

Одним из наиболее значимых теоретических сдвигов стало переосмысление категории агентности. Классическая традиция трактовала агентность как эксклюзивную способность человека к рефлексивному действию. Однако цифровая реальность вводит нового актанта – алгоритмические системы, обладающие квази-субъектными характеристиками. П.С. Сорокин предлагает дифференцировать два модуса агентности: «условно-автономное созидательное действие» и зону «гибридной агентности», где человеческое действие направляется персонализированными алгоритмами [3]. Ситуации, когда пользователь сталкивается с контентом, алгоритмически синхронизированным с его поведенческими паттернами, ставят под сомнение тезис о «чистой» человеческой

субъектности. Алгоритмы активно со-участвуют в конструировании реальности, обладая «цифровой агентностью» [3, 1].

Данная проблематика актуализирует вопрос об онтологическом пересмотре социального. Акторно-сетевая теория Б. Латура обретает новую объяснительную силу: общество репрезентируется как гетерогенная сеть актантов, где человек утрачивает статус онтологически привилегированного центра [1]. Вместе с тем, как отмечает Ф. Руссо, утрата «центральности» не эквивалентна утрате «ответственности»: именно человек несет этическую ответственность за состояние расширенной социотехнической экосистемы [1].

Цифровые технологии позиционировались как инструмент преодоления пространственных барьеров, однако их реализация носит амбивалентный характер. С одной стороны, фиксируется феномен гиперсвязанности: возможность мгновенной коммуникации, формирование транснациональных сообществ, мобилизация гражданских инициатив [4]. Социальные медиа становятся пространством для консолидации маргинализированных групп [5]. С другой стороны, эмпирические исследования демонстрируют парадоксальный рост социальной изоляции. Замещение глубинного face-to-face общения поверхностными цифровыми сигналами провоцирует дефицит подлинной intersubjectivity. Возникают новые формы девиантного поведения: фаббинг, кибербуллинг, doomscrolling [5, 4]. Виртуальные среды нередко функционируют как суррогат физической реальности, порождая диссоциацию между онлайн- и офлайн-идентичностями [6].

Дополнительный аспект проблемы – эффект «информационной перегрузки» и алгоритмически конструируемых «пузырей фильтров». Системы рекомендаций замыкают пользователя в информационных коконах, где доминирует контент, подтверждающий его предшествующие убеждения. Результатом становится усиление поляризации и эрозия оснований социальной стабильности [2].

Процессы цифровизации придали социальному неравенству новые, технологически опосредованные формы. Классический «цифровой разрыв» первого порядка (неравенство доступа) теряет актуальность, однако на смену приходят разрывы второго и третьего уровней. Разрыв второго уровня связан с дифференциацией цифровых компетенций: наличие доступа не гарантирует эффективного использования возможностей. Ключевое значение приобретают навыки критической оценки информации и защиты персональных данных [2, 7]. Дети из семей с высоким СЭС чаще используют интернет для образовательных целей, тогда как их менее обеспеченные сверстники склонны к пассивному потреблению контента, что воспроизводит образовательное неравенство [7].

Разрыв третьего уровня проявляется в дифференциации жизненных шансов, детерминированной алгоритмическими решениями. Системы кредитного скоринга и автоматизированного отбора могут воспроизводить исторически сложившиеся предрассудки [1]. Когда алгоритм, обученный на смещенных данных, систематически ограничивает доступ к ресурсам для определенных демографических групп, речь идет о новой форме структурного символического насилия. Отдельного внимания заслуживает феномен «цифрового прекариата»: платформенная занятость сегментирует работников на защищенное «ядро» и периферию без социальных гарантий [2].

Особую значимость цифровая среда приобретает в контексте социализации молодежи. Поколения Z и «альфа» – субъекты, чья первичная социализация протекала в гибридном пространстве. Цифровая среда выступает конституирующим пространством формирования ценностных ориентаций и поведенческих сценариев [6]. Выделяются две проблемные зоны. Во-первых, проблема перформативной самопрезентации: конструирование идеализированного цифрового образа провоцирует усиление разрыва между виртуальным и эмпирическим Я, становясь источником кризиса аутентичности [5, 6]. Культура «глэм-капитализма» требует постоянного брендинга личности [3]. Во-вторых, трансформация интимности: исследования фиксируют корреляцию между проблемным использованием социальных сетей и затруднениями в построении устойчивых отношений в офлайн-пространстве [5, 7].

Цифровое общество – эмпирическая реальность современного социума. Задача социологии заключается в разработке нормативно-ориентированных стратегий адаптации. Проведенный анализ свидетельствует о векторе движения к децентрализованной онтологии, в которой человек сосуществует с «интеллектуальными» техническими системами. Ключевые вызовы: сохранение рефлексивной агентности человека, преодоление новых форм цифровой стратификации, поиск баланса между сетевой связанностью и аутентичностью физического присутствия.

Потенциальными ответами могут стать: системное развитие медиаграмотности, разработка прозрачных этических рамок регулирования алгоритмических систем [6], формирование культуры «цифровой заботы». Наша задача – использовать уникальную человеческую способность к рефлексии для ответственного конструирования гибридной реальности [1]. Только при таком подходе цифровое общество сможет стать пространством для реализации человеческого потенциала и социальной солидарности.

Список литературы

1. Russo, F. A Decentralized Sociology for Digital Society / F. Russo // Digital Society. – 2024. – Vol. 3, – No. 15.
2. Социальная стабильность в условиях цифровизации современного информационного общества // Научный результат. Социология и управление. – 2025. – Т. 11. – № 1.
3. Сорокин, П.С. Развитие цифровых технологий и проблема агентности: к новой теоретической оптике / П.С. Сорокин // Социологические исследования. – 2025. – № 8. – С. 14-25.
4. Sivaranjani P. Connectivity and Isolation: Dual Effects of Modern Communication Technologies / P. Sivaranjani // International Journal of Research. – 2025. – Vol. 12. – No. 12.
5. О влиянии цифровизации на общественную жизнь // «Социальная психология и общество». МГППУ. –2024. – №2.
6. Кошелев, А.А., Чернова, А.А. Социализация молодежи в цифровом обществе: монография / А.А. Кошелев, А.А. Чернова. – М.: Ай Пи Ар Медиа, 2025. – 103с.
7. Современная цифровая социология в поисках моделирования смысла: должное и сущее. Обзор статей, 2025. – 492с.
8. Frade, C. Social theory and the digital: The institutionalisation of digital sociology / C. Frade // Acta Sociologica. – 2025. – Vol. 68. No. 1. – P. 41-56.
9. Гугуева, Д.А. Социология в цифровом обществе: учебное пособие / Д.А. Гугуева. Казань: Бук, 2024. – 191 с.
10. Галеева, Г.И. и др. Формирование новой социальной культуры общения в условиях информатизации общества / Г.И. Галеева // Социология. – 2025. – № 3. – С. 241-245.

КЛАССИЧЕСКАЯ МУЗЫКА В РОЛИ ФОНОВОГО КОДА СОВРЕМЕННОСТИ

Астайкина Анастасия Сергеевна, студентка

Самарский национальный исследовательский университет имени ак. С.П. Королева, Самара, Россия
asatsatstats@mail.ru

Научный руководитель: Журавлев Сергей Иванович, кандидат исторических наук

Самарский национальный исследовательский университет имени ак. С.П. Королева, Самара, Россия
asatsatstats@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль классической музыки в качестве фонового звукового сопровождения в современном мире – и ее влияние на восприятие пространства, времени и процессов потребления.

Ключевые слова: классическая музыка, фоновое сопровождение, пространство, потребление

Размывание жанровых границ особенно отчетливо прослеживается в ситуациях, когда в качестве фонового звукового сопровождения используется классическая музыка. Прежде всего, классическая музыка, даже будучи фоновым элементом, мгновенно маркирует пространство, выделяя его из контекста повседневности. Причина в кардинальном отличии ее звукового кода от акустических норм современной эпохи. Ее присутствие воспринимается так же отчетливо, как иностранная речь в потоке привычной разговорной речи.

Классическая музыка обладает потенциалом радикально трансформировать даже знакомое пространство, наделяя его особой аурой. Человек, оказавшись в зоне ее звучания, подсознательно ищет дополнительные признаки исключительности среды – будь то детали интерьера или характер общения присутствующих. Например, магазин, использующий классическую музыку, тем самым сигнализирует о стремлении обеспечить высокий уровень сервиса и уважительное отношение к клиентам. Таким образом, слушатель включается в символическую систему, подразумевающую возвышенность и церемониальность – пространство как бы «переодевается» в исторические декорации.

Ключевая функция фоновой музыки в повседневности - придание предметам и пространствам «живого» измерения, наполнение их образами жизненного процесса. Распространенная практика озвучивания обыденных ситуаций отражает попытку человека компенсировать разрастание обезличенной цивилизации, с которой он не может установить глубокую эмоциональную связь. Звуковое сопровождение создает иллюзию «жизни» пространства, даже если в нем нет других людей. Когда классическая музыка становится посредником между человеком и пространством, она не просто «одухотворяет» технологичную реальность, но и встраивает ее в исторический поток. Присутствуя в современном звуковом ландшафте, классика гармонизирует технический прогресс и логику культурного развития, соединяя их в едином пространственном измерении. Она создает ощущение, что, раздвигая границы технической цивилизации, человек не утрачивает ничего из сферы духовного: напротив, он аккумулирует высшие достижения и получает шанс наслаждаться ими где угодно и когда угодно. Благодаря техническому прогрессу аудитория классической музыки колоссально растет, а доступ к ней становится максимально удобным.

Не менее значимая причина популярности фоновой музыки – расширение потребительского пространства и потребность маскировать коммерческие цели под эстетически привлекательную оболочку. Неудивительно, что торговые центры заманивают посетителей яркой музыкой, призванной сделать шопинг ярче и насыщеннее. Закономерность проста: чем острее прагматизм в жизни, тем острее потребность в эстетическом обрамлении – чтобы человек потреблял, но не осознавал ни самого процесса потребления, ни того, как в нем множатся надуманные желания.

Классическая музыка облагораживает процессы потребления, словно окутывая их легкой дымкой, и отодвигает на задний план коммерческие мотивы. Она внушает мысль, будто ценность товаров и услуг не сводится к цене. Здесь задействуется авторитет классики как искусства высокого порядка, связанного с духовностью, личностным началом и безупречным качеством. Под звуки классической музыки акт покупки обретает оттенок светской беседы о возвышенном, а утилитарность сделки словно стирается. При этом пространство потребления упорно стремится воссоздать иллюзию безоблачной и неизменно уютной жизненной среды. Современный цивилизационный демократизм утверждает: каждый вправе на непрерывную череду приятных ощущений. В потоке жизни не должно быть пустот, лишенных увлекательных и полезных впечатлений. Страх перед ничем не занятым временем заставляет человека жить в перманентном ожидании чего-то нового. Как отмечал Т. Адорно, «люди боятся времени и поэтому – в виде компенсации – придумывают такую метафизику времени, где перекладывают на время вину за то, что в этом отчужденном мире не чувствуют, что живут».

В свою очередь, фоновая музыка не позволяет человеку столкнуться с «пустым» временем лицом к лицу, легко заполняя и расцветивая собой и краткие, и долгие отрезки ожидания. Ее задача – «замаскировать» появляющиеся паузы, то есть обеспечить нужное чувство непрерывности существования, или, снова цитируя Т. Адорно, – музыка превосходно годится для рекламы реальности. Особенность применения классики как наполнителя пауз в том, что она формирует пространство обезличенного общения, снижая до минимума чувство давления, обязательности и пряча расчетливость процессов потребления. К примеру, звучание классической музыки перед стартом презентации нового автомобиля задает требуемый торжественный настрой, внушая участникам важность грядущего момента. У присутствующих возникает ощущение, будто они собрались ради приятного досуга, а не для разбора технических параметров очередной машины. Во всех таких случаях, хотя классика – это сугубо авторское искусство и манифест индивидуализма, ее воспринимают как предельно нейтральный и безличный музыкальный фон: она не принадлежит современности и обычно не связывается с отдельной страной, этносом, бытовыми действиями и обстоятельствами.

Наконец, фоновая музыка за счет своей функционально эстетической двойственности способна эффективно управлять социальным поведением человека – то концентрируя, то «приглушая» его внимание. При этом классическая музыка выступает здесь наиболее гибким и универсальным средством. Она умеет моментально завладеть вниманием благодаря тому, что, как уже отмечалось, резко контрастирует с общим звуковым фоном эпохи и заметно выделяется на фоне привычных слуховых впечатлений. Но по той же причине она без труда становится фоновым сопровождением: осмысление ее глубины и погружение в нее требуют сосредоточенности, большинство ее смыслов скрыто, а потому их трудно «схватить» на ходу, совмещая с иными мыслями или делами. Потому воспринимать классику фоном в известном смысле легче, чем популярную музыку. При фоновом прослушивании она превращается в некую «вещь в себе»: ей приписывают объективную ценность, присущую ей самой, – и она сохраняется, даже если слушатель не понимает музыку и не вникает в нее.

Именно поэтому классику охотно используют для заполнения периодов ожидания. Время, проведенное с классической музыкой, заведомо не бывает утраченным, «брошенным впустую», поскольку ее воспринимают не как простое развлечение, а как прикосновение к безусловно значимому и как рост собственной культурной планки. Благодаря непреложному авторитету классика устраняет смысловую пустоту ожидающих минут, избавляет от чувства напрасной траты жизни, наполняя это время эстетическими переживаниями, которые человек может считать формой ценного приобретения, обладания.

Разумеется, интерпретация коммуникации через классическую музыку зависит от личности слушателя и контекста, в котором она звучит. Одно и то же произведение способно вызывать у разных людей или даже у одного человека в разных обстоятельствах совершенно несхожие реакции – благодаря этому смысловые оттенки фоновой музыки обретают особую

гибкость. Например, человек ожидает ответа оператора в телефонной очереди и слышит классическую мелодию. У него может возникнуть чувство признательности – он воспримет это как приятный бонус, шанс приобщиться к высокому искусству и насладиться безупречным звучанием. Но возможна и противоположная реакция: музыка покажется ему отстраненным барьером, замаскированным под вежливость, – словно компания не желает вступать в прямой контакт. Еще один вариант: фоновая классика может создать у звонящего впечатление элитарности организации, которая тем самым обозначает границы своего «круга» – и слушатель вдруг осознает, что, возможно, в этот круг он не входит.

При этом неизменным остается одно: классическая музыка, вплетенная в ткань повседневности, транслирует определенный посыл. Она становится инструментом, с помощью которого безличные механизмы общества или цивилизации стремятся создать иллюзию собственной гармоничности, эстетического совершенства и притягательности.

Такая музыка призвана формировать «позитивный» фон – вызывать у слушателей ощущение уюта, безмятежности, торжественности, а заодно намекать, что они причастны к некоему привилегированному сообществу, отличаются изысканным вкусом и располагают особыми возможностями. По умолчанию считается, что классика не может быть носителем негативных эмоций – она изначально воплощает красоту и совершенство и должна «заряжать» ими окружающее пространство и время.

Разумеется, этот эффект срабатывает не всегда. Однако сам факт присутствия классической музыки – уже сигнал: абстрактные социальные структуры будь то город, торговый центр или ресторан приложили усилия, чтобы обеспечить человеку достойный уровень обслуживания. И эти усилия не статичны – они динамичны и рассчитаны на то, чтобы человек ощущал их непрерывно, на протяжении всего времени своей обыденной жизни.

Список литературы

1. Журкова, Д.А. Искушение прекрасным. Классическая музыка в современной массовой культуре / Д.А. Журкова. – М.: Новое литературное обозрение «Очерки визуальности», 2016. – 375с.

СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СУДЕБНОМ ДИСКУРСЕ

Бывшева Кира Руслановна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

byvshevakira@yandex.ru

Научный руководитель: Холонина Наталья Викторовна, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

vergaletsnatalia@gmail.ru

Аннотация. Автор статьи рассматривает способы воздействия на аудиторию, которые применяются в рамках судебного процесса. В статье представлен подробный анализ коммуникативных стратегий и коммуникативных тактик обвинения и защиты, а также компонентов речевого воздействия на аудиторию в рамках судебного процесса.

Ключевые слова: дискурс, судебный дискурс, речевое воздействие, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, стратегия обвинения, стратегия защиты

Современная правовая система предъявляет высокие требования не только к профессиональным знаниям юриста, но и к его речевому мастерству. Судебное заседание – это особая коммуникативная среда, где слово становится главным инструментом доказывания и убеждения. От того, как грамотно прокурор или адвокат выстроит свою речь, какие приемы воздействия использует, зависит не только восприятие судом и присяжными, но и приговор по делу.

Актуальность данной темы определяется возрастающим интересом лингвистики и юриспруденции к механизмам эффективного речевого воздействия в условиях процессуальных разбирательств. Понимание структуры коммуникативных стратегий и тактик имеет важное значение для юристов, позволяя им не только успешно выстраивать собственную линию защиты или обвинения, но и оценивать речевые ходы процессуального противника.

Понятия «коммуникативная стратегия» и «коммуникативная тактика» являются ключевыми для анализа речевого воздействия. Вслед за О.С. Иссерс под коммуникативной стратегией мы понимаем совокупность речевых действий, планируемых говорящим для достижения глобальной коммуникативной цели [1, с. 54]. Коммуникативная тактика представляет собой одно или несколько конкретных речевых действий, которые способствуют реализации стратегии на определенном этапе общения [1, с. 55]. Иными словами, стратегия определяет общее направление речевого поведения, а тактики – это практические шаги (ходы) в реальном процессе коммуникации [2, с. 19].

Под речевым воздействием вслед за И.А. Стерниным мы понимаем воздействие на человека при помощи речи с целью побудить его сознательно принять определенную точку зрения, прийти к решению о каком-либо действии [3, с. 240]. В судебном дискурсе это воздействие конкретизируется: прокурор стремится убедить суд в виновности подсудимого, адвокат – доказать его невиновность или добиться смягчения приговора. Достижение этих целей требует владения системой коммуникативных стратегий и тактик, а также широким арсеналом языковых средств.

Судебный дискурс характеризуется четкой ролевой структурой (судья, прокурор, адвокат, подсудимый, присяжные) и наличием особой категории адресата – присяжных заседателей, которые являются непрофессиональными участниками процесса. Как отмечают В.А. Люнгрин и Ю.С. Паули, присяжные воспринимают дело прежде всего с социально-бытовой точки зрения, поэтому оратору необходимо адаптировать свою речь, делая ее доступной и эмоционально убедительной [4, с. 49].

Е.В. Шишкина предлагает классификацию стратегий, используемых в судебном дискурсе, выделяя стратегию изобличения во лжи, стратегию психологического воздействия, стратегию обвинения и стратегию защиты [5, с. 156]. Рассмотрим каждую из них подробнее.

Стратегия обвинения: определяет принцип построения речевого поведения прокурора, который строит свою позицию на основе доказанных обстоятельств дела, свидетельствующих о виновности подсудимого [5, с. 158]. Данная стратегия реализуется через ряд тактик (построения рассказа, «маркирования подсудимого», нападения).

Тактика построения рассказа (нарратива) представляет собой последовательное, логически выстроенное и эмоционально окрашенное изложение событий преступления с точки зрения обвинения. Прокурор создает связную историю, в которой действия подсудимого предстают как закономерные и доказанные [6, с. 56].

Тактика «маркирования подсудимого» предполагает присвоение подсудимому статуса виновного через использование лексических единиц с негативной коннотацией [4, с. 50].

Тактика нападения направлена на опровержение доводов стороны защиты и указание на противоречия в показаниях подсудимого или свидетелей. Прокурор может использовать прием антитезы, противопоставляя «лживые» показания обвиняемого «бесспорным» доказательствам следствия [5, с. 160].

Стратегия защиты: выражается в речевом поведении адвоката, который, представляя интересы подзащитного, использует тактики, направленные на контраргументацию позиции обвинения и доказательство невиновности подсудимого [5, с. 158]. Стратегия защиты может включать в себя тактику отрицания вины, поиска сострадания, отвода подозрения.

Тактика отрицания вины является центральной для стратегии защиты. Адвокат неоднократно, часто с использованием лексических повторов, декларирует невиновность своего клиента, формируя у присяжных соответствующую установку [6, с. 57].

Тактика отвода подозрения указывает на сомнительность обстоятельств дела, несостоятельность обвинений прокурора и возможность совершения преступления другим лицом [5, с. 161].

Тактика поиска сострадания направлена на создание положительного образа подсудимого и вызов сочувствия к нему. В случае стороны защиты акцент делается на личности подсудимого или тяжести сложившихся обстоятельств [6, с. 57].

Помимо стратегий защиты и обвинения, в судебном дискурсе также может быть использована универсальная стратегия. *Стратегия психологического воздействия* может применяться обеими сторонами процесса. Прокуроры используют ее для получения информации от стороны защиты и доказывания вины подсудимого. Адвокаты, в свою очередь, стремятся представить присяжным иную версию событий, перехватывая инициативу в судебном споре [5, с. 157]. В рамках данной стратегии выделяются следующие тактики:

Тактика давления – стремление добиться от допрашиваемого необходимого ответа через серию наводящих вопросов [5, с. 159].

Тактика внушения определенной точки зрения – формирование у суда и присяжных убежденности в истинности своей позиции и сомнительности версии противоположной стороны [7, с. 149].

Тактика создания эмоционального фона – выражение благодарности присяжным, проявление оратором личных чувств для сокращения дистанции и установления доверительного контакта [4, с. 49].

Языковые средства реализации речевого воздействия весьма разнообразны. Выбор конкретных языковых средств обусловлен избранной оратором тактикой. Как отмечает М.О. Острова, в рамках современной прагмалингвистики особый интерес представляет изучение синтаксических средств реализации стратегии убеждения [8, с. 209].

На синтаксическом уровне ключевую роль играют различные типы вопросительных конструкций. Риторические вопросы, являясь косвенными речевыми актами, не требуют ответа, а имплицитно содержат утверждение, вовлекая аудиторию в совместное рассуждение. [8, с. 211]. Вопросы с отрицанием фактически равнозначны утверждению. Парцелляция – расчленение единого высказывания на несколько коротких фраз, создает эффект эмоциональной, взволнованной речи. Повторы (анафора, анадиплосис) выполняют эмфатическую функцию, акцентируя ключевые мысли [8, с. 212].

На лексическом уровне основными инструментами воздействия выступают эмоционально-оценочная лексика, метафоры и сравнения, а также фразеологизмы, сближающие оратора с аудиторией [9, с. 76].

Н.Ю. Трошина, сопоставляя американский и русскоязычный судебный дискурс, отмечает интересный факт, что в американской традиции большее внимание уделяется эмоциональности и использованию сторителлинга, тогда как русскоязычные ораторы чаще апеллируют к социальным потерям и морально-нравственным категориям [9, с. 77].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что речевое воздействие в судебном дискурсе представляет собой сложный процесс, реализуемый через систему коммуникативных стратегий и тактик. Стратегия обвинения и стратегия защиты определяются процессуальной ролью говорящего и включают различные тактики. Наряду с обеими сторонами активно применяются универсальные стратегии психологического воздействия и убеждения. Выбор конкретных языковых средств подчинен общей коммуникативной цели и ориентирован на непрофессиональную аудиторию присяжных заседателей. Владение стратегиями и тактиками речевого воздействия является необходимым условием эффективной профессиональной деятельности юриста.

Список литературы

1. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 284 с.
2. Баишева, З.В. Речевые тактики судебного оратора / З.В. Баишева // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 3 (105). – С. 101-106.
3. Стернин, И.А. Речевое воздействие как теоретическая и прикладная наука / И.А. Стернин // Теоретические и прикладные проблемы языкознания. – Воронеж: Истоки. – 2008. – С. 238-353.
4. Люнгрин, В.А., Паули Ю.С. Тактики речевого воздействия судебного оратора на непрофессионального адресата в суде присяжных заседателей / В.А. Люнгрин, Ю.С. Паули // Современные исследования социальных проблем. – 2020. – Т. 12. – № 1. – С. 49-51.
5. Шишкина, Е.В. Коммуникативные тактики и стратегии судебного допроса / Е.В. Шишкина // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2012. – № 1. – С. 155-162.
6. Бархаткина, Ю.В. К вопросу о коммуникативных стратегиях и тактиках, используемых сторонами судебного процесса / Ю.В. Бархаткина // Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2021. – С. 52-58.
7. Сафронова, Т.С. Механизмы суггестивного воздействия во вступительной речи адвоката / Т.С. Сафронова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 6-2 (72). – С. 149-153.
8. Острова, М.О. Риторические вопросы как реализация стратегии убеждения в судебном дискурсе / М.О. Острова // Современные исследования социальных проблем. – 2020. – Т. 12, № 1. – С. 207-217.
9. Трошина, Н.Ю. Эффективные средства речевого воздействия в англоязычном и русскоязычном судебном дискурсе / Н. Ю. Трошина // Иностранные языки: проблемы преподавания и риски коммуникации: Научные исследования преподавателей и студентов факультета иностранных языков и лингводидактики СГУ имени Н. Г. Чернышевского, Саратов, 04–05 июня 2020 года / Под редакцией Г.А. Никитиной. Том Выпуск 13. – Саратов: Издательство «Саратовский источник». – 2020. – С. 315-323.

СОВРЕМЕННЫЕ МЕДИАСТАНДАРТЫ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА «Я» У ДЕВУШЕК-ПОДРОСТКОВ

Глазырина Ксения Андреевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

glazyrinakseniaa@gmail.com

Научный руководитель: Конникова Лилия Юрьевна, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

konnikova@bk.ru

Аннотация. В статье исследуется влияние медиастандартов массовой культуры на процессы самоидентификации и формирование образа «Я» у девушек в возрасте 14–23 лет. Анализируются механизмы трансляции визуальных и поведенческих идеалов через цифровые медиаплатформы, рекламу и инфлюенсер-маркетинг. На основе теоретических источников и данных социологических исследований выявлены ключевые факторы, усиливающие восприимчивость подростков к медиавоздействию. Сделаны выводы о необходимости развития медиаграмотности как инструмента защиты личностной идентичности в условиях информационной перегруженности.

Ключевые слова: массовая культура, медиастандарты, самоидентификация, образ «Я», девушки-подростки, медиаграмотность, идеал красоты, цифровая среда

Вопрос влияния массовой культуры на формирование личности приобрел особую остроту в эпоху цифровизации. Девушки-подростки (14–23 года) оказываются наиболее уязвимой аудиторией перед лицом медиастандартов, транслируемых через потоки визуального контента в социальных сетях, стриминговых сервисах и рекламных платформах. Согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ, 2022), более 78% российских подростков ежедневно потребляют контент короткого видеоформата, при этом свыше 60% из них отмечают, что медиаобразы оказывают влияние на их восприятие собственной внешности.

Массовая культура формирует унифицированные стандарты привлекательности, транслируемые через многочисленные каналы: образы «идеального тела», поведенческие паттерны успешности, потребительские ценности. В результате у девушек-подростков складываются устойчивые когнитивные схемы, в которых «правильный» внешний вид и образ жизни оказываются неотделимы от ощущения социальной принятости. Данное явление представляет серьезную культурологическую и психосоциальную проблему, требующую научного осмысления. Цель исследования – изучить феномен массовой культуры и определить степень ее влияния на идеалы и самоидентификацию девушек в подростковом периоде (14–23 года).

Понятие «массовая культура» в культурологическом дискурсе традиционно связывается с тиражируемыми продуктами, ориентированными на широкое потребление и не претендующими на высокое художественное значение. Отечественные исследователи – в частности, Д. В. Галкин и А. Я. Флиер – рассматривают массовую культуру как систему производства символических ценностей, обеспечивающих социальную интеграцию и одновременно нивелирующих индивидуальное начало [1].

Медиастандарты представляют собой совокупность нормативных образов, транслируемых через средства массовой коммуникации. В контексте визуальной культуры они приобретают форму устойчивых иконографических паттернов: определенного типа внешности, фигуры, стиля поведения и потребления. Как отмечает Н. Б. Кириллова, цифровые медиа создают принципиально новую среду, в которой идентичность

конструируется «не изнутри, а снаружи» – через постоянное сравнение собственного образа с тиражируемыми визуальными идеалами [2].

Психологической основой данного феномена является теория социального сравнения Л. Фестингера (1954), согласно которой индивиды склонны оценивать себя относительно значимых «других». В условиях цифрового медиапространства роль эталона сравнения выполняют отретушированные образы инфлюенсеров и медийных персон, которые воспринимаются подростками как «реальные», что существенно усиливает тревогу по поводу несоответствия. О. А. Карабанова и соавторы фиксируют устойчивую корреляцию между интенсивностью потребления медиаконтента и снижением показателей самооценки у девушек подросткового возраста [3].

Особую роль играет механизм «парасоциальных отношений»: систематическое наблюдение за медиаперсонажами порождает иллюзию близкого знакомства и формирует стремление подражать их образу жизни и внешнему виду. Инфлюенсер-маркетинг эксплуатирует данный механизм, создавая ощущение «аутентичности» продвигаемых образцов поведения. Е. Г. Дьякова подчеркивает, что российский сегмент цифровых медиа в последние годы демонстрирует нарастающую интенсивность трансляции эскапистских и гедонистических ценностей, особенно ориентированных на женскую молодежную аудиторию [4].

С точки зрения культурологии, ключевым механизмом является нормализация стандартов: многократное воспроизведение определенных образов переводит их в разряд «само собой разумеющихся», тем самым формируя у потребителей установку на соответствие этим стандартам как условию полноценного участия в социальной жизни. Интериоризированный образ «идеальной девушки» становится частью Я-концепции и задает вектор самооценки и самопрезентации.

Настоящий раздел основан на обобщении данных ряда российских социологических и культурологических исследований (2021–2023), проведенных в том числе при поддержке РФФИ и опубликованных на платформах eLibrary и КиберЛенинка.

Таблица 1 – Влияние различных типов медиаконтента на восприятие внешности девушками 14–23 лет (по данным опросных исследований, n = 1200, Россия, 2022)

Источник медиаконтента	Доля респондентов, испытывающих давление медиастандартов, %	Желание изменить внешность под влиянием контента, %
Короткие видео (TikTok-формат)	72	64
Фотоконтент социальных сетей	68	59
Музыкальные клипы	51	43
Телесериалы и стриминговые платформы	47	38
Реклама и инфлюенсеры	65	55

Как следует из данных Таблицы 1, наибольшее давление медиастандартов девушки-подростки испытывают при потреблении короткого видеоформата (72%) и фотоконтента социальных сетей (68%). Примечательно, что реклама и инфлюенсеры занимают второе место по силе воздействия (65%), опережая традиционные форматы – сериалы и музыкальные клипы. Это свидетельствует о смещении ключевых точек медиавлияния в пользу алгоритмически персонализированного контента.

Таблица 2 – Полярные эффекты потребления медиаконтента на самоидентификацию девушек-подростков

Позитивные эффекты медиапотребления	Негативные эффекты медиапотребления
Расширение кругозора и культурного пространства	Снижение самооценки при сравнении с медиаобразами
Формирование трендов в моде, красоте, стиле жизни	Риск развития дисморфофобии и расстройств пищевого поведения
Доступ к сообществам поддержки и позитивным инициативам	Нереалистичные стандарты красоты (фильтры, ретушь)
Возможность самовыражения и создания собственного контента	Зависимость самоидентичности от количества одобрений (лайков)

Данные Таблицы 2 демонстрируют двойственность медиавлияния. Позитивные эффекты связаны преимущественно с расширением информационного пространства и возможностями самовыражения; негативные – с деструктивным сравнением и формированием нереалистичных стандартов. Характерно, что обе группы эффектов нередко реализуются одновременно: один и тот же пользователь может черпать вдохновение и испытывать тревогу из одних и тех же источников контента.

Существенным фактором, усиливающим уязвимость, является алгоритмическая логика рекомендательных систем. Алгоритмы продвигают контент, вызывающий наибольшее вовлечение – как правило, визуально яркий и апеллирующий к желанию соответствовать идеалам. В результате подростки оказываются в «эхо-камерах» стандартизованных образов, где разнообразие и телесная нормативность недопредставлены. Исследование Е. Л. Омельченко показало, что 54% опрошенных девушек 16–19 лет сообщают о нарастании недовольства собственной внешностью после 30 и более минут просмотра рекомендованного фото- и видеоконтента [5].

Важным контекстом является и культурная специфика российской аудитории: воздействие западных медиаканонов накладывается на отечественные стереотипы женственности, создавая сложный гибридный образ «идеальной девушки», совмещающей стройность и ухоженность с традиционными гендерными ролями. Это усиливает внутреннее противоречие между декларируемой «успешностью» и укорененными патриархальными нормами.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, медиастандарты массовой культуры оказывают значительное и поддающееся измерению влияние на самооценку и «Я-концепцию» девушек-подростков, причем наибольший эффект демонстрируют платформы с алгоритмически управляемым видеоконтентом. Во-вторых, механизм социального сравнения, усиленный персонализацией цифровых медиа, формирует у подростков устойчивую установку на несоответствие транслируемым идеалам. В-третьих, влияние носит амбивалентный характер: наряду с деструктивными эффектами медиасреда предоставляет ресурсы для самовыражения и формирования сообществ поддержки.

Для минимизации деструктивных последствий представляется необходимым системное развитие медиаграмотности в образовательных учреждениях, включающее критический анализ визуального контента, осознание роли фильтров и цифровой ретуши, а также формирование навыков осознанного медиапотребления. Перспективным направлением является также интеграция данной проблематики в предметы гуманитарного цикла – культурологии, обществознания, психологии.

Список литературы

1. Флиер, А. Я. Культурная система: модель функциональных свойств / А. Я. Флиер // Вестник ЧГАКИ. – 2021. – №2 (66). – Текст: электронный // URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-sistema-model-funktsionalnyh-svoystv> (дата обращения: 01.03.2026).

2. Кириллова, Н. Б. От медиакультуры к медиалогии / Н. Б. Кириллова // Культурологический журнал. – 2011. – №4. – Текст: электронный // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-mediakultury-k-medialogii> (дата обращения: 01.03.2026).

3. Поскребышева, Н. Н., Карабанова, О. А. Исследование личностной автономии подростка в контексте социальной ситуации развития / Н. Н. Поскребышева, О. А. Карабанова // Национальный психологический журнал. – 2014. – №4 (16). – Текст: электронный // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-lichnostnoy-avtonomii-podrostka-v-kontekste-sotsialnoy-situatsii-razvitiya> (дата обращения: 01.03.2026).

4. Дьякова, Е. Г. Массовая коммуникация и власть в теории установления повестки дня / Е. Г. Дьякова // Антиномии. – 2002. – №3. – Текст: электронный // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/massovaya-kommunikatsiya-i-vlast-v-teorii-ustanovleniya-rovestki-dnya> (дата обращения: 01.03.2026).

5. Омельченко, Е. Л. Уникален ли российский случай трансформации молодежных культурных практик? / Е. Л. Омельченко // Мониторинг. – 2019. – №1 (149). – Текст: электронный // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/unikalen-li-rossiyskiy-sluchay-transformatsii-molodezhnyh-kulturnyh-praktik> (дата обращения: 01.03.2026).

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ ИХ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ШКОЛЫ

Горшкова Анастасия Владимировна, студент

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, (Арзамасский филиал), Арзамас, Россия

nastya-gorshkova-2003@mail.ru

Научный руководитель: Гусева Наталья Валерьевна, кандидат педагогических наук, доцент

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, (Арзамасский филиал), Арзамас, Россия

soleilfun@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности психолого-педагогического сопровождения младших школьников в процессе развития их нравственных ценностей, роль педагога-психолога в процессе формирования и развития нравственных ценностей у младших школьников. Акцент делается на системной деятельности специалиста, включающей диагностику уровня нравственного развития, организацию игровых и ролевых методов обучения, работу с педагогами и родителями, а также применение разнообразных психологических техник и методов. Подчеркивается важность комплексного подхода и взаимодействия всех участников образовательного процесса для успешного воспитания морально ответственной и социально адаптированной личности.

Ключевые слова: педагог-психолог, нравственное развитие личности, младшие школьники, воспитание, нравственные ценности.

В условиях динамичного развития информационно-коммуникационных технологий и социокультурной трансформации современного общества проблема формирования нравственных ценностей у детей младшего школьного возраста приобретает особую актуальность. Современное общество сталкивается с ростом информационного потока и многообразием ценностных установок, что инициирует обновление форм и содержания социального взаимодействия. Это, в свою очередь, обуславливает повышенную ответственность за целенаправленное нравственное воспитание детей, которым предстоит научиться сознательно понимать сложную систему этических принципов, демонстрировать такие личностные качества, как честность, ответственность и уважение, а также самостоятельно делать выбор, опираясь на внутренние моральные установки. В образовательном пространстве роль педагога-психолога трактуется как центральная, поскольку именно этот специалист способен проектировать и поддерживать такие психолого-педагогические условия, которые способствуют гармонизации развития личности ребенка, становления ее внутренних регуляторов поведения и формирования устойчивых жизненных ориентиров.

Современные вызовы, среди которых можно отметить размывание ценностных констант, снижение эффективности передачи культурных кодов, а также возрастающую потребность в укреплении чувства ответственности за сохранение исторической преемственности, делают необходимым переосмысление системы воспитательной работы уже на стадии начального образования. Подчеркивается необходимость интеграции в учебно-воспитательный процесс компонентов, формирующих у детей прочные духовно-нравственные компетенции, уважение к природным ресурсам и культурным традициям, что позволяет закладывать основы полноценной гражданской идентичности.

Проблема психолого-педагогического сопровождения младших школьников в процессе развития их нравственных ценностей является междисциплинарной и

разрабатывается как в педагогике, так и в психологии. Теоретическое обоснование указанных проблемных полей строится на концепциях возрастного развития (в том числе подходах Божович и Эльконина), теориях, анализирующих механизмы воспитания и формирования ценностных отношений (работы Щурковой, Караковского), а также на моделях эффективного психолого-педагогического взаимодействия (разработках Битяновой, Казаковой). В последнее десятилетие актуализация и совершенствование этих методологических оснований отражается в многочисленных эмпирических и теоретических трудах (исследования Землянской, Шитяковой и др.), адаптирующих классические построения к задачам современной образовательной среды.

Роль специалистов образовательного учреждения, а особенно педагога-психолога в системе воспитания заключается не только в диагностике или консультациях, а в системном и целостном сопровождении развития нравственного сознания ребенка. Выступая в качестве посредника, педагог-психолог инициирует процессы, в которых обучающиеся осмысливают свои ценностные предпочтения, обнаруживают барьеры личностного и нравственного роста и получают профессиональную помощь в их преодолении. Его деятельность направлена на проектирование среды, способствующей формированию стойких моральных установок у разных участников образовательного пространства, что обуславливает внедрение интегративного и системного подхода к задачам воспитания. Такой подход базируется на активном сотрудничестве между учениками, педагогическим составом и семьями (лицами, исполняющими родительские обязанности), поскольку результативность нравственного развития индивида предопределяется степенью согласованности совместных усилий и совпадением ценностных установок среди главных субъектов школьной жизни [1].

Первостепенным направлением работы психолога является диагностика уровня развития нравственных ценностей у детей. Для этого используют разнообразные методы – беседы, анкетирование, наблюдения и игровые ситуации, моделирующие моральные дилеммы. В ходе диагностики оценивается уровень эмпатии, способность к сочувствию, честность, отношение к справедливости, конфликтность и умение управлять своими эмоциями. Полученные результаты дают картину того, что уже сформировано у ребенка, а также позволяют определить зоны для дальнейшей коррекционной работы [2].

Дальнейшие этапы заключаются в формировании индивидуального и коллективного плана профессиональной деятельности, в который интегрируются разнообразные модели психолого-педагогического воздействия. Среди них центральное место занимают игровые тренинги, симулирующие ролевые взаимодействия и требующие от школьников принятия морально значимых решений, осмысления последствий собственных поступков, а также формирования внутренних мотиваторов, способствующих развитию добросовестности и искренности [1]. Системное вовлечение детей на ранних этапах обучения в тематические проекты по освоению нравственных ценностей, таких как ответственность, уважение и честность, формирует устойчивую связь между индивидуальными ценностными ориентирами и реальными жизненными случаями. Совместное разрешение этических противоречий и анализ конкретных моральных дилемм становится эффективнейшим инструментом расширения критического мышления учащихся и формирует у них способность ориентироваться в сложноподчиненных нравственных контекстах современной действительности [3].

Не менее важна работа с педагогами и родителями. Психолог организует консультационные сессии и тренинги для образовательного коллектива, что позволяет не только передавать современные методики интеграции нравственного воспитания в педагогическую практику, но и инициировать обмен опытом посредством совместных мастер-классов и обучающих семинаров. Такие мероприятия способствуют профессиональному освоению технологий, направленных на развитие моральных качеств, а также формируют предпосылки для становления у младших школьников компетенций, важных для полноценной социализации личности. Кроме того, регулярные консультации для родителей и реализация совместных инициатив способствуют созданию единой ценностной

базы, что обеспечивает преемственность образовательного процесса и способствует усилению воспитательного воздействия [1].

Индивидуально-групповая поддержка детей, испытывающих трудности нравственного становления, а также проявляющих признаки агрессивности или склонности к конфликтам, рассматривается как центральная деятельность психолога. В таких случаях используются методы эмоциональной регуляции, развитие навыков самоконтроля, техники когнитивно-поведенческой терапии, арт-терапии и другие, позволяющие ребенку понять и реализовать свои чувства, а также сформировать внутренние модели поведения на основе нравственных ценностей [4].

Основные методы работы включают игровые упражнения, моделирования моральных ситуаций, обсуждения и диалоги, творческие задания и проектные работы, которые помогают детям переживать и осмысливать важность честности, ответственности и уважения. Важно использовать интерактивные формы общения, чтобы сделать процесс воспитания привлекательным и доступным для младших школьников.

Так, ориентируясь на изучение психолого-педагогической литературы нами был проведен первостепенный этап в работе педагога-психолога, а именно психодиагностика уровня развития нравственных ценностей у детей младшего школьного возраста.

Исследование первоначального уровня развития нравственных особенностей младших школьников позволит организовать дальнейшую работу педагог-психолога по психолого-педагогическому сопровождению младших школьников в процессе развития их нравственных ценностей, что позволит повысить уровень нравственной ответственности, укрепить внутренние нравственные ориентиры и ценностные убеждения для гармоничного развития личности учащихся.

В соответствии с этим базой исследования выступила ЧОУРО НЕРПЦ (МП) «Арзамасская православная гимназия» г.о.г. Арзамас Нижегородской области. В качестве испытуемых – ученики 3 классов в количестве 36 человек, из них 20 мальчиков и 16 девочек. Средний возраст испытуемых – 9-10 лет.

Диагностика психологических особенностей младших школьников в процессе развития их нравственных ценностей включает исследование когнитивного, эмоционального и поведенческого компонента развития нравственных основ личности и духовной культуры младших школьников.

Исследование когнитивного компонента предполагает изучение осознания детьми нравственных норм и представлений о нравственных качествах.

Исследование эмоционального компонента предполагает изучение нравственных чувств ребенка, эмоционального отношения к моральным нормам.

Исследование поведенческого компонента предполагает выявление нравственного поведения в ситуации морального выбора, нравственной направленности личности во взаимодействии со сверстниками и т.д.

Для исследования психологических особенностей младших школьников в процессе развития их нравственных ценностей нами были использованы следующие диагностические методики: «Что такое хорошо и что такое плохо?» Г.М. Фридмана, «Как поступать» И.Б. Дермановой, «Диагностика уровня воспитанности учащихся начальных классов» Н.П. Капустиной.

Первой проведенной диагностикой, направленной на изучение когнитивного компонента нравственного развития, была методика «Что такое хорошо и что такое плохо?» Г.М. Фридмана. Результаты данной методики отражены на диаграмме (рис.1).

Таким образом, уровень нравственного развития младших школьников варьируется, и большинство находится на среднем этапе развития (47%). Значительная часть детей уже имеет сформированные основные ценностные ориентиры (25%), однако есть и дети с недостаточно развитым нравственным восприятием (также 28%).

Для диагностики эмоционального компонента духовно-нравственных качеств младших школьников мы использовали методику «Как поступать» И.Б. Дермановой. Результаты данной методики отражены на диаграмме (рис. 2).

Рисунок 1 - Уровень развития нравственных представлений учащихся по методике «Что такое хорошо и что такое плохо?» Г.М. Фридмана, %

Для исследования поведенческого компонента нравственного развития была использована методика «Диагностика уровня воспитанности обучающихся начальных классов» (Методика Н.П. Капустиной). Результаты данной методики отражены на диаграмме (рис.3).

На основании полученных в ходе исследования данных можно заключить, что у значительной части младших школьников преобладают начальный и средний уровни сформированности нравственного развития. Данный факт обуславливает необходимость реализации целенаправленной системной работы по формированию нравственных ценностей, развитию аналитических способностей и совершенствованию умений принимать морально выверенные решения у обучающихся. Разработка и внедрение комплексной психолого-педагогической программы позволит обеспечить позитивную динамику развития морального сознания, укрепить нравственную позицию личности и сформировать устойчивые нравственные регуляторы поведения младших школьников.

Подводя итог, можно сказать, что деятельность педагога-психолога по развитию нравственных ценностей у детей младшего школьного возраста представляет собой многоаспектный процесс, детерминированный необходимостью постоянного межсубъектного взаимодействия, системного психолого-педагогического анализа и реализации индивидуально ориентированного подхода. Совершенствование методов и технологий психолого-педагогического сопровождения в сочетании с активным сотрудничеством педагогического коллектива и родительской общественности

Рисунок 2 - Уровень развития отношения младших школьников к нравственным нормам по методике «Как поступать» И.Б. Дермановой, %

Рисунок 3 - Уровень развития нравственной воспитанности младших школьников по методике «Диагностика уровня воспитанности обучающихся начальных классов» (Методика Н.П. Капустиной), %

обуславливает создание благоприятных условий для формирования гармонично развивающейся личности, характеризующейся нравственной устойчивостью и способностью к ответственному, социально одобряемому взаимодействию с окружающим миром.

Список литературы

1. Воспитание нравственной личности младшего школьника: примерная программа и методические рекомендации / Витебск, УО ВОГ ИПК и ПРР и СО, 2010. – 23 с.
2. Овчарова, Р.В. Методика диагностики нравственной сферы личности младшего школьника на основе усвоения этических категорий (МИНСЭК-2) / Р.В. Овчарова, А.Н. Овсянникова // Вестник Курганского государственного университета. – 2018. – №3 (50). – Текст: электронный // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-dagnostiki-nravstvennoy-sfery-lichnosti-mladshego-shkolnika-na-osnove-usvoeniya-eticheskikh-kategoriy-minsek-2> (дата обращения: 10.10.2025).
3. Архангельский, Н.В. Нравственное воспитание / Н.В. Архангельский. – М.: Просвещение, 1979 – 32 с.
4. Стародубова, Е.А. Эмоционально-нравственное развитие личности младшего школьника в процессе образования / Е.А. Стародубова – М.: Начальное образование, 2007. – С. 40 – 41с.
5. Бозорова, Х.Т. Нравственное воспитание младших школьников в учебно-воспитательном процессе / Х.Т. Бозорова // Молодой ученый – 2014 – № 9. С. 458-460.
6. Козлов, М.П. Воспитание нравственного сознания / М.П. Козлов. – М.: Академия, 2001. – 184 с.
7. Колесников, С.С. Создание психолого-педагогических условий для нравственного воспитания младших школьников / С.С. Колесников // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – №10-2 (97). – Текст: электронный // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sozdanie-psihologo-pedagogicheskikh-usloviy-dlya-nravstvennogo-vozpitanija-mladshih-shkolnikov> (дата обращения: 17.11.2025).

ОПРАВДАНИЕ КАК ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

Горюнова Алина Михайловна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

Alina420301@yandex.ru

Научный руководитель: Курбатова Светлана Михайловна, доктор юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

ksm-2024@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена философско-этическому и правовому анализу категории «оправдание». Рассматривается специфика этого понятия в различных сферах общественного сознания: в юриспруденции (формально-рациональный характер), теологии (сотериологический аспект) и морали (личностный и интересубъективный смысл). Автор подчеркивает, что оправдание не является синонимом одобрения, а представляет собой сложную процедуру оценки поступка, требующую анализа обстоятельств, мотивов и баланса между вредом и благом. Особое внимание уделяется сравнению моральных и правовых механизмов оправдания, а также роли смягчающих обстоятельств в вынесении итогового вердикта.

Ключевые слова: оправдание, мораль, право, этика, поступок, вина, моральное сознание, юридический процесс, сотериология, обстоятельства, добро и зло, интересубъективность

Оправдание занимает центральное место среди этических категорий, являясь фундаментальным элементом духовного бытия человека и обладая значительной практической значимостью для нравственной философии

Античные философы и библейские авторы активно обращались к этому понятию, размышляя о моральных отношениях человека с собой, миром и другими. Однако содержание этого процесса кардинально меняется в зависимости от сферы общественного сознания: в юриспруденции оно носит формально-рациональный характер, в богослужении – сотериологический (связанный со спасением души), а в морали – сугубо личностный и интересубъективный.

В христианской теологии, концепция оправдания является ключевой, однако ее трактовка эволюционировала со временем. В отличие от юридического оправдания, божественное оправдание неразрывно связано с верой, благодатью и внутренним изменением человека.

Оправдание – это, в целом, положительное заключение, но оно не равнозначно безоговорочному одобрению или представлению поступка как идеального примера.[1] Оправдание требуется тогда, когда действие имеет в себе нечто осуждаемое («зло»), но при этом содержит компенсирующие его позитивные элементы («добро»), либо когда оно было совершено вынужденно, несмотря на свою моральную недопустимость. Для вынесения оправдательного вердикта необходимо тщательно оценить соотношение причиненного вреда и достигнутого блага, а также степень принуждения к совершению негативных действий. Это подразумевает детальное изучение обстоятельств, понимание мотивов и последствий, сопоставление с моральными принципами и принятие взвешенного, обоснованного решения, соответствующего конкретной ситуации.

Божий замысел состоял в том, чтобы послать на землю совершенного человека, который прожил бы безупречную жизнь и принял бы совершенную смерть. Его праведность должна была стать даром для верующего грешника. Оправдание означает, что человек становится праведным перед Богом. Грешник «облачается» в праведность Иисуса Христа, и Бог видит его таким же праведным, как и Христа. С этого момента Бог считает грешника оправданным в Спасителе, «сокрытым» в Личности Господа Иисуса Христа. Таким образом,

оправдание – это судебное решение Бога, по которому те, кто верит во Христа, провозглашаются праведными в Его глазах и освобождаются от вины и наказания В послании Павла к римлянам [3], мы анализируем подход, который критики называют «юридической фикцией», а сторонники – «судебным реализмом». Согласно этой концепции, Бог не игнорирует грех (что противоречило бы Его моральным принципам), а выносит правомерное решение, опираясь на иное юридическое основание – безупречную жизнь Христа. С философской точки зрения, это поднимает вопрос о возможности и механизме переноса заслуг.

При анализе основ оправдания с точки зрения морали, оправдание рассматривается как специфический вид морального суждения и особая процедура. Что несомненно соотноситься с другими формами моральных заключений и процессов, протекающих в моральном сознании.

Статья Л.В. Максимова является одной из первых работ, рассматривающих оправдание как механизм морального сознания, автор рассматривает важность изучения оправдания через призму человеческого поступка [1]. Он отмечает, что этические споры часто бывают слишком отвлеченными. Поэтому, по его мнению, важно добавить понятие «оправдание» в наш набор этических инструментов, чтобы лучше понимать, как люди на самом деле рассуждают о морали.

Оправдание, наряду с виной и ответственностью, образует фундаментальную триаду, критически важную для осмысления ключевых мировоззренческих проблем. В этой концептуальной связке, где вина фиксирует нарушение, а ответственность выражает готовность нести последствия, оправдание выступает как механизм аннулирования вины или подтверждения правомерности действий. Без него данная система категорий неполна, а поиск ответов на мировоззренческие вопросы остается незавершенным.

Функция оправдания в моральном контексте заключается не только в оценке прошлых действий. Оно служит мощным инструментом для формирования будущего, позволяя человеку обрести внутреннюю опору и смысл, что критически важно для продолжения существования в условиях глубоких потрясений. Без потребности в оправдании не возникло бы нравственное сознание как таковое.

При рассмотрении оправдания с философской точки зрения, можно выделить такую особенность морального сознания как процедурность, оно требуется в ситуациях моральной неоднозначности, где присутствует как осуждаемый (негативный) элемент, так и смягчающие или компенсирующие обстоятельства. Для вынесения оправдательного суждения необходимо проанализировать все мотивы, обстоятельств и последствия поступка, а также выявить баланс между причиненным вредом и достигнутым благом.

Для новой, структурированной правовой системы, пришедшей на смену обычному праву, было важно установить иерархию правовых норм по их значимости, что давало возможность однозначно оценивать действия с точки зрения правомерности. Юридическая казуистика всегда углубленно анализировала конкретные правовые ситуации (казусы), классифицируя их по строгим правилам, что позволяло выносить четкое решение о виновности лица в его действиях. Именно такая иерархия поступков по их юридической значимости является фундаментом для справедливых судебных решений, учитывающих как сам факт нарушения, так и возможные оправдывающие обстоятельства.

Юриспруденция первой четко определила и законодательно закрепила процедуру вынесения оправдания по тому или иному факту и соответствующий оправдательный вердикт. Данный вердикт в свою очередь не являлся по своей природе отличается от «осуждения», но не является «одобрением». В силу этого в юридической науке понятие изучено детальней, чем в этике, хотя по своей сути оно отражает схожие, но менее рефлексивные моральные процессы.

В системе права «оправдание» означает приговор суда о признании обвинения несостоятельным (т.е. обвиняемого – невиновным) [1].

При вынесении решений, как с правовой, так и с моральной точки зрения, важно принимать во внимание обстоятельства, которые могут частично оправдать обвиняемого.

На характер вынесенного вердикта в юридические науки действует вся сущность оправдательных и обвинительных обстоятельств случившегося, на основе баланса между этими противоборствующими элементами формируется итоговое решение по делу.

Как в законодательных актах, так и в общественном правовом и моральном сознании, степень тяжести правонарушения и значимость смягчающих вину факторов поддаются, пусть и неточному, количественному оцениванию.

Определение степени вины – задача, сопоставимая по сложности с оценкой значимости смягчающих обстоятельств. Этот процесс происходит как в рамках юридических норм, так и в сфере общественного мнения и моральных установок. Исход судебного решения – полное или частичное освобождение от ответственности – определяется балансом этих факторов.

Вынесение оправдательного приговора означает признание судом подсудимого невиновным в совершении инкриминированного ему преступления[2], что, по нашему мнению, является сущностью оправдания в российском уголовном судопроизводстве. Это не просто отсутствие обвинительного приговора, а позитивное установление факта непричастности лица к преступлению, основанное на всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств дела.

Оправдание – это сложный, многоуровневый механизм оценки человеческих действий, действующий на стыке права и морали. Содержание понятия «оправдание» кардинально меняется в зависимости от сферы применения. Оно необходимо там, где нет однозначности, и требует тщательного анализа соотношения вреда и блага, вины и обстоятельств. Юридическая сфера дала этому процессу четкую форму, тогда как этика наделяет его глубинным личностным и интерсубъективным смыслом.

Список литературы

1. Максимов, Л.В. Оправдание как процедура и вердикт морального сознания/ Л.В. Максимов // Этическая мысль. – Москва: Рос. акад. наук, Ин-т философии. – 2009. – С. 85-101.
2. Самсонов, И.И. Сущность и социально-ценностное значение оправдательного приговора / И.И. Самсонов // Вестник Удмуртского университета. — 2012. – С. 114-118.
3. Апостола Павла послание к римлянам. Азбука веры. – Текст: электронный // URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Rom.4&r> (дата обращения: 01.03.2026).

ВНЕШНИЕ МАРКЕРЫ СУБКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОДРОСТКА

Емельянова Виктория Алексеевна, студентка

Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, Красноярск, Россия

ayisnotwhite@mail.ru

Научный руководитель: Старовойтова Евгения Николаевна, кандидат исторических наук, доцент

Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, Красноярск, Россия

jane_star78@mail.ru

Аннотация. Статья представляет собой практическое пособие для педагогов, сталкивающихся с трудностями в идентификации современных молодежных увлечений. Основное содержание статьи – сравнительная таблица, которая поможет учителям, преподавателям быстро ориентироваться в ключевых молодежных течениях. В материале дается краткая характеристика молодежных движений, внешние признаки, ценности.

Ключевые слова: молодежные субкультуры, неформальные движения, альтушки, квадроберы, аниме-сообщество

В период, когда профессиональный опыт учителей старшего поколения формировался, существовали относительно стабильные и понятные социальные группы. Если раньше субкультуры были «читаемы» и имели четкие признаки: пинки, нашивки, ирокезы или черную одежду, то сегодня внешний облик и интересы подростков стали сложнее для интерпретации.

Рокеры, реперы, эмо, готы и другие ранее известные объединения никуда не исчезли, но они трансформировались и смешались. Локально можно встретить представителей этих течений, но это скорее «винтаж» или дань эстетике, нежели отражение актуальных массовых движений [1]. Им на смену или в дополнение пришли новые явления: альтушки, квадроберы, e-girls/e-boys, многочисленные фандомы, тесно связанные с аниме-культурой, k-поп сообщества и многие другие [2].

Для педагога такое разнообразие создает практическую проблему: как отличить безобидное увлечение от тревожного сигнала? Как понять, чем «живет» ученик, чтобы найти к нему подход или, в случае необходимости, вовремя заметить риск вовлечения в деструктивные практики? Ведь любое молодежное объединение может нести в себе как потенциал для творчества и социализации, так и риск дезориентации и подмены традиционных ценностей [3, 4].

Любая классификация современных субкультур условна. Подростковая культура текуча и гибридна: вчерашний квадробер завтра может увлечься аниме, а альтушка – пойти в ролевую игру. Представленная ниже сравнительная таблица ставит задачу помочь учителю быстро идентифицировать внешние и смысловые маркеры увлечений ученика, чтобы понять его мотивацию и, в случае необходимости, оценить возможные риски.

В таблице 1 собраны краткие характеристики самых заметных молодежных субкультур в современной России. Акцент сделан на краткой характеристике, с помощью которой педагогу будет проще ориентироваться среди многообразия. Это знание может помочь в работе с учениками.

Таблица 1 – Характеристика субкультур

Название	Внешние признаки	Ценности	Сленг	Атрибутика	Представители
Кей-поперы (к-роп'еры)	Яркие цвета одежды, короткие шорты и юбки, короткие топы и майки, широкие брюки, оверсайз, панамы, кепки, береты, школьный стиль и т.д. В прическах могут быть сочетания разных цветов, цепи, блески, принты на одежде.	Эстетика, популяризация музыкальных К-роп-групп.	Оппа, айдол, хен, трейни, макнэ, лайтстик, биас, саранхэ, мембер, камбек, фандом.	Альбомы групп, карточки айдалов, значки, атрибутика группы, мерч.	BTS, EXO, BlackPink, StrayKids, Twice
Дед инсайды (Dead inside)	Одежда черно-белых оттенков, темные джинсы, черные футболки, темные Толстовки с капюшоном. Длинная челка, покрашенные в белый цвет волосы, а в черный ногти.	Пессимизм, равнодушие, и агрессивное презрение к окружающим, социальная изоляция, одобрение игры Dota, аниме «Токийский гуль».	«1000-7», гуль, зхс, мертв внутри, «я дед внутри».	Включает одежду и аксессуары в стиле дарк-академия или гранж, отражающие эмоциональную отстраненность, маски.	zxcursed
Анимешники	В зависимости от аниме-сериала, фильма или манги каждый представитель демонстрирует внешний вид путем копирования внешнего образа персонажа.	аниме и все, что с ним связано	Сленг анимешников содержит различные термины, связанные с аниме и мангой, слова на японском языке. Также к особенностям сленга относятся так называемые «японские смайлы», например: T_T – печаль, слезы.	Значки, плакаты, фигурки, брелоки, подушки, манга и т.п.	Кирилл Соеров, LiSA
Геймеры	Повседневный стиль одежды.	Эскапизм, гедонизм, достижения, преобразование альтернативной реальности.	Сленг зависит от игры и может включать слова: мид, бот, керри, дд, молитва, мвп, муха, руфкемпер, кт, сайт, спайк, гг.	Цифровой контент: подписки на различных платформах, скины (облики) на предметы, боевой пропуск (бп) и др.	Куплинов, Донк (Donk), Technoblade (Алекс)
Альтушки и нефоры	В одежде преобладают мрачные, черные цвета, большое количество	Индивидуальность, принятие себя.	Может включать популярные слова среди молодежи, трендовые выражения.	Нью роки (New Rock), массивные аксессуары, тяжелые ботинки или обувь на	Лисса

	ювелирных украшений - чокеры, цепочки крупного плетения, кольца и т.д. Яркий, броский макияж.			платформы, юбки в клетку, широкие или рваные джинсы.	
Фурри (furry)	Образы, сочетающие человека с чертами животных.	Соединение лучших качеств человека и зверя на уровне тела и души.	Фурсона, фурсьют, антро, конфуренция.	Ободок «Ушки», пояс «хвост», перчатки «лапки», звуки животных, полноразмерные костюмы и маски животных.	Урсула Вернон, Telephone
Квадроберы	Имитируют животных с помощью одежды и звуков, уходят от антропоморфности	Гиперфиксация на подражании животным.	Звуки животных.	Совпадают с «фурри».	Преимущественно дети и подростки (7–14 лет), которые передвигаются на четвереньках, имитируя повадки животных, и носят маски или хвосты
Нерды (Nerd) и гики (geek)	Повседневный стиль одежды.	Знание, детализация, коллекционирование, саморазвитие.	Технические термины, гик-фест, комиксы, D&D.	Мерч поп-культуры, компьютерная техника, игры, элементы «гик-шика» (рубашки в клетку, очки, рюкзаки).	Команда «Теории Большого взрыва», Гермiona Грейнджер, Марк Цукерберг

Проведенный анализ, составленной автором таблицы 1 на основе источников [5-6], позволяет рассматривать принадлежность к молодежным субкультурам как одну из значимых форм проявления уникальности современного молодого человека. Для подростка участие в субкультурном сообществе – это не просто досуг, а важный механизм удовлетворения информационных, эмоциональных и социальных потребностей. Субкультура дает возможность узнать то, о чем сложно говорить со взрослыми, обеспечивает психологический комфорт и помогает в освоении новых социальных ролей.

Представленный обзор современных молодежных субкультур позволяет не просто составить каталог внешних признаков и сленговых словечек. За каждой строкой таблицы стоит определенный способ взаимодействия с миром и набор ценностей, которые подросток принимает как свои. Если классические субкультуры (хиппи, панки, готы) имели четкую идеологию и униформу, то сегодня многие течения, такие как «альтушки» или «нерды», существуют скорее как эстетические или поведенческие наборы, которые подросток может комбинировать. Можно быть одновременно геймером и интересоваться аниме, совмещая ценности достижения в игре и эскапизма в японской анимации. Важно отметить «возрастную стратификацию». Если «квадробинг» – явление преимущественно младших подростков (7–14 лет), связанное с игровой гиперфиксацией, то «аниме-сообщество» или «гейминг» могут сопровождать человека на протяжении многих лет, трансформируясь из способа убежать от реальности в полноценную сферу профессиональных интересов (киберспорт, искусство, переводческая деятельность).

Причины вхождения подростков в те или иные движения многообразны. Среди ключевых факторов можно выделить: стремление к новому опыту и эмоциональным впечатлениям, проблемы в учебе, отчуждение от школьного коллектива, семейное неблагополучие, чувство одиночества, потребность в протесте.

Самоопределение личности – важнейший этап социализации, условие обретения зрелости. Участие в субкультуре, при всей ее внешней неординарности, часто помогает подростку не раствориться в социуме, не потерять собственное «Я», а напротив – найти свое место в обществе, пусть и через поиск в референтной группе. Задача педагога – увидеть за внешними атрибутами этот внутренний поиск и использовать понимание субкультуры как мост для диалога и поддержки [7].

Список литературы

1. Подростковые субкультуры в современных школах. Онлайн-школа №1. – Текст: электронный // URL: <https://onlineschool-1.ru/blog/education/podrostkovye-subkultury-v-sovremennyh-shkolah/> (дата обращения: 24.02.2026).
2. Гайд по молодежным субкультурам: от истоков до трендов. Сотка. – Текст: электронный // URL: <https://sotkaonline.ru/blog/chill/gajd-po-subkulturam/> (дата обращения: 24.02.2026).
3. Памятка для педагогов и родителей по профилактике вовлечения подростков в молодежные деструктивные субкультуры. МБОУ СШ №4 имени Героя Советского Союза А.Б. Михайлова г. Вязьмы Смоленской области. – Текст: электронный // URL: https://sh4-vyazma-r66.gosweb.gosuslugi.ru/glavnoe/informatsiya-dlya-roditeley-i-buchayuschih/sya/novosti_79.html (дата обращения: 23.02.2026).
4. Мосиенко, Л.В., Новикова, С.А. Социально-педагогический аспект исследования молодежных субкультур/ Л.В. Мосиенко, С.А. Новикова // Современные проблемы науки и образования. – 2023. – № 2. – С.1-11.
5. Субкультуры в онлайн-среде. Институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования Тульской области. – Текст: электронный // URL: <https://clck.ru/3SMD5P> (дата обращения: 25.02.2026).
6. Молодежь нашего города: субкультуры, движения, идеологии и практики (социологический путеводитель): коллективная монография / Под науч. и общ. ред. Т.А. Хагурова. – М.: «Народное образование», – 2025. – 197 с.
7. Власова, О. В. Влияние образования на формирование молодежных субкультур в условиях северного города / О. В. Власова // XIV Международная конференция «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования», 17-18 марта 2011 г., Екатеринбург. – Ч. 1. – Екатеринбург: УрГУ, 2011. – С. 517-522.

КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Ефремова Елена Александровна, студентка

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Helen_efremov@mail.ru

Научный руководитель: Мальцева Наталья Николаевна, кандидат философских наук

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

maltseva@bsuedu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются специфические особенности коммуникативного развития детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) в контексте повсеместной цифровизации образования и социальной среды. Анализируются как барьеры, с которыми сталкиваются такие дети в цифровом пространстве, так и уникальные возможности, которые цифровые технологии открывают для преодоления коммуникативных дефицитов. Особое внимание уделяется трансформации роли педагогов и родителей, а также необходимости создания инклюзивной цифровой экосистемы.

Ключевые слова: дети с ОВЗ, коммуникация, цифровизация, инклюзивное образование, ассистивные технологии, цифровые барьеры, информационная среда

Современное детство формируется в условиях гибридной реальности, где цифровое и физическое пространства тесно переплетены. Для детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), чье общение часто ограничено из-за сенсорных, двигательных, интеллектуальных или эмоционально-волевых нарушений, цифровая среда становится не просто дополнением, а потенциально равноправной, а иногда и единственно доступной площадкой для коммуникации и социализации. Однако процесс цифровизации неоднозначен: он одновременно предлагает инструменты для инклюзии и создает новые риски цифрового неравенства.

Формирование коммуникативных навыков у детей с ограниченными возможностями здоровья имеет свою выраженную специфику, которая в первую очередь определяется комплексом физиологических, психологических и социальных особенностей развития, присущих данной категории. Неоднородность группы детей с ОВЗ обусловлена широким спектром возможных нарушений: слуха, речи, зрения, функций опорно-двигательного аппарата, эмоционально-волевой сферы, а также интеллектуального и психического развития. Диапазон этих нарушений простирается от относительно нормативного развития, сопровождающегося временными и преодолимыми трудностями, до сложных сочетанных расстройств, вызванных поражениями центральной нервной системы.

В контексте нашего исследования особый интерес представляют дети с такими диагнозами, как задержка психического развития, задержка речевого развития и общее недоразвитие речи.

Согласно И.В. Абрамовой [1], в процессе взаимодействия с окружающими дети, имеющие ограниченные возможности здоровья, часто проявляют специфические особенности общения. Для них может быть характерно недостаточное внимание к мнению и позиции собеседников, элементы эгоцентризма в межличностных контактах, а также выраженные сложности в аргументации собственной точки зрения [1].

Исследования, в частности работа А.Л. Битова, показывают, что у таких детей наблюдаются устойчивые нарушения на различных уровнях построения коммуникативного акта. Важным препятствием для полноценного общения становится недостаточная сформированность связной речи, что проявляется в неспособности логично и

последовательно выражать свои мысли, в низкой коммуникативной инициативе и общей невнимательности к партнеру по диалогу. Эти речевые и коммуникативные трудности, в свою очередь, часто приводят к повышенной тревожности, эмоциональной напряженности в ситуациях общения, а также к склонности испытывать страх, обиду и другие сложные переживания в социальных контактах [2].

Детям данной категории свойственно демонстрировать противоречивое поведение, при котором выраженное стремление привлечь к себе внимание соседствует с его активным отвержением. Вследствие низкого уровня рефлексии они, как правило, не способны признать собственную вину в случае конфликта, предпочитая защитные формы реагирования.

Кроме того, у них наблюдаются выраженные трудности в самостоятельном планировании действий и осуществлении самоконтроля. Вместо развития внутренней произвольной регуляции у них закрепляется ориентация на внешний контроль, а навык преодоления трудностей подменяется устойчивой склонностью перекладывать ответственность на окружающих [5].

Детям с ограниченными возможностями здоровья зачастую бывает крайне непросто наладить коммуникацию, поделиться своими мыслями или договориться о совместных действиях. Им свойственна пассивность в диалоге, а навык обращения к другому человеку часто оказывается недостаточно развитым. Даже простой ответ на заданный вопрос может вызывать у них смущение и серьезные затруднения. Кроме того, таким детям сложно поддерживать уже начавшийся разговор, согласовывать свои поступки с другими, открыто проявлять доброжелательность, уверенно защищать свое мнение и быть полноценными участниками обсуждения [6].

Как отмечается в соавторской работе А.Е. Кокосьян и К.С. Вызулиной: «Возникает насущная необходимость организовать процесс психолого-педагогической помощи ребенку, а также его родным. Лучшим способом помочь ребенку и вернуть его родителей к активной и продуктивной жизни является помощь в решении комплекса проблем: проблем собственно ребенка; проблем, связанных с принятием диагноза ребенка; проблем семьи в межличностном и социальном взаимодействии. Наиболее эффективным способом решения этой задачи является комплексное психолого-педагогическое сопровождение» [4, с. 98].

Современная российская действительность в качестве приоритетной модели все чаще выбирает инклюзию, суть которой заключается в совместном обучении детей с ограниченными возможностями здоровья и их нормально развивающихся ровесников в стенах общеобразовательной школы. Считается, что постоянное и естественное общение со здоровыми детьми поможет ребенку с ОВЗ выйти за привычные социальные границы и построить прочные, устойчивые отношения.

Философия такого подхода направлена на то, чтобы разорвать круг изоляции, в которой часто находятся эти дети, и целенаправленно создать среду для развития их коммуникативных способностей [3].

Однако опыт реализации инклюзивного подхода в России показывает, что участники образовательного процесса зачастую психологически не готовы к принятию ребенка с ОВЗ; ограниченная мобильность таких детей усугубляет дефицит их социальных контактов, а недостаточная сформированность коммуникативных навыков у многих из них создает дополнительные барьеры. На практике это нередко приводит к усилению негативного отношения со стороны окружения и углублению социальной изоляции ребенка с ОВЗ в школьном коллективе [2].

Таким образом, целенаправленное развитие коммуникативных навыков у детей с ограниченными возможностями здоровья представляется существенным фактором в формировании атмосферы толерантности, принятия и успешной социализации всех участников образовательного процесса.

Значение коммуникативных умений в жизни любого человека трудно переоценить: именно в процессе общения происходит усвоение языка, знаний об окружающем мире, культурных и нравственных ценностей, социальных норм. Через коммуникацию осуществляется

включение в коллектив и общая социализация личности. Коммуникативные навыки не только способствуют психическому развитию ребенка, но и оказывают влияние на общий уровень его деятельности.

Коммуникативные особенности детей с ОВЗ крайне разнообразны и зависят от характера нарушений: нарушения слуха, нарушения или отсутствие зрения и т.д. [5].

В современном мире и в России в частности цифровые технологии выступают мощным инструментом реабилитации и социализации, предлагая альтернативные и дополняющие каналы связи. В рамках нашего исследования приведем лишь некоторый перечень цифровых технологий коммуникации для детей с ОВЗ:

Ассистивные и адаптивные технологии: программы экранного доступа и синтеза речи для незрячих; слуховые аппараты с bluetooth-подключением; специальные клавиатуры, джойстики и айтрекеры (управление взглядом) для детей с ДЦП; коммуникаторы с пиктограммами и синтезированной речью для невербальных детей (например, приложения типа ААС – Augmentative and Alternative Communication) [1].

Дистанционные формы образования и общения: платформы видеосвязи (Zoom, Skype) с функцией субтитров позволяют детям с нарушениями слуха или двигательными проблемами участвовать в уроках и личном общении, находясь в комфортной среде.

Социальные сети и специализированные сообщества: Для подростков с ОВЗ соцсети могут стать пространством для самопрезентации вне диагноза, поиска друзей со схожими интересами и проблемами, что снижает чувство изоляции. Создаются закрытые группы поддержки.

Геймификация и виртуальная реальность (VR): Обучающие игры и симуляции в контролируемой VR-среде позволяют детям с РАС безопасно тренировать социальные сценарии (например, поход в магазин, знакомство), а детям с нарушениями зрения – изучать пространственные концепции через звуковое сопровождение [5].

Опыт практической работы, однако, свидетельствует о недостаточной изученности проблемы развития коммуникативных умений у детей с ограниченными возможностями здоровья через применение цифровых технологий. В настоящее время отсутствуют специально разработанные для данной категории детей готовые программы по обучению и развитию, которые целенаправленно использовали бы как адаптивные методики. Данный дефицит методического обеспечения обуславливает актуальность нашего обращения к указанной проблеме и позволяет предпринять попытку теоретического обоснования возможной структуры подобной программы.

Список литературы

1. Абрамова, И.В. Золоткова, Е.В., Пушкова, И.Е. Взаимодействие специалистов по психолого-педагогическому сопровождению детей с ОВЗ в условиях интегрированного образования / И.В. Абрамова, Е.В. Золоткова, И.Е. Пушкова // Российский научный журнал. – 2012. – № 5. – С. 153-158.
2. Битов, А.Л. Особый ребенок: исследования и опыт помощи. Проблемы интеграции и социализации / А.Л. Битов. – М.: Правда, –2000. – 254 с.
3. Евтушенко, И.В. Евтушенко, И.И. Основы формирования гуманных межличностных отношений в классном коллективе старшеклассников в условиях инклюзивного образования/ И.В. Евтушенко, И.И. Евтушенко// Актуальные проблемы обучения и воспитания лиц с ограниченными возможностями здоровья: материалы IV Международной научно-практической конференции, Москва, 26-27 июня 2014 г.–2014. – С. 130-136.
4. Кокосьян, А.Е., Вызулина К.С. Теоретический анализ современных видов психолого-педагогического сопровождения детей с ОВЗ и семей, воспитывающих детей с ОВЗ / А.Е. Кокосьян, К.С. Вызулина // Гуманитарные науки (г. Ялта). – 2025. – № 1(69). – С. 98-103.
5. Сеницына, О.А., Сеницына, Е.А. Формирование коммуникативной деятельности у детей с умеренной и тяжелой умственной отсталостью/ О.А. Сеницына, Е.А. Сеницына // Теория и практика образования в современном мире: материалы VI междунар. науч. конф. –2014. – С. 269-271.
6. Шамарина, Е.В. Анализ отечественных исследований аномального развития ребенка с ограниченными возможностями здоровья/ Е.В. Шамарина // Ученые записки Шадринского государственного педагогического университета. – 2024. – № 1 (3). – С. 1-8.

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАДАСТРА И ПРИРОДЫ

Иванова Анастасия Александровна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

staaasy12@mail.ru

Научный руководитель: Барина Светлана Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

sgb2022@mail.ru

Аннотация. В данной статье представлен философский анализ взаимодействия системы кадастрового учета и природы. Рассматривается два фундаментальных подхода к проблеме взаимоотношений человека и природы: антропоцентрический, где главной идеей является потребительское отношение к земле, а также биоцентрический, в которой земля считается высшей ценностью.

Ключевые слова: философия, кадастр, землеустройство антропоцентрический подход, биоцентрический подход, натурфилософия, экологическая философия, взаимоотношение кадастра и природы, устойчивое развитие

В современном мире доминирует антропоцентрический (технологический) подход к проблеме взаимоотношения человека и природы [1]. Мы привыкли, что земля всецело принадлежит нам – мы чертим свои границы земельного участка, ставим колышки и платим налоги. Но земле все равно, что написано в документах, она подчиняется своим законам – законам природы. Она показывает, что она «настоящая» и «живая» и ее нельзя заключить в рамки и координаты. С философской стороны определение «кадастр» можно выразить так – это попытка человека описать землю математически точно с помощью координат, точек, линий, полигонов; попытка человека создать иллюзию контроля над природой. В итоге это приводит к вечному противостоянию «живого хаоса» – природы и «мертвого порядка» – кадастра.

Но идея создания кадастра была необходима для человека:

1. Обществу нужна определенность. Для того чтобы исключить лишние споры, нужно знать, где свой участок земли, а где чужой, понимать какие у человека права и обязанности. А также для рационального землепользования важно знать: что можно построить на данном участке, а что категорически запрещено, какие ограничения на постройку существуют – вся эта информация содержится в реестре. Для человека это является удобным инструментом поиска, владения и контроля информации о земле.

2. Государству нужно начислять и взимать налоги. Земельный налог занимает хоть и небольшую, но очень важную долю в экономике страны. Данный налог обеспечивает «жизнь» населенных пунктов, так как на эти деньги чинятся дороги, благоустраиваются территории и развивается инфраструктура.

3. Для сделок купли-продажи нужны четко определенные объекты. Договоры составляются в строгом порядке и базируются на учтенных в ЕГРН (Единый государственный реестр недвижимости) объектах недвижимости [2]. Теоретически можно приобрести, например, участок земли, который не стоит на учете, но данную сделку нельзя будет считать официально состоявшейся, а значит, покупатель несет за собой огромные риски.

В этой системе, которую построил человек, есть один нюанс – природа не может быть просто идеальной картинкой. Она могучая, многогранная, стихийная. Это несомненно вносит свои коррективы в жизнь общества, и кадастра, в том числе. Существует множество примеров, когда природа доминирует над кадастром, не оставляя ни единого шанса взять ее под контроль:

1. Реки и ручьи имеют свойство менять свое русло. Сегодня земельный участок стоит на одном берегу с установленными координатами, а уже завтра может оказаться совершенно на другом, а что еще более неутешительно – совсем под водой [3].

2. Нередки случаи оползней и эрозий. Земля в буквальном смысле двигается, а вместе с ней и ее координаты. В считанные секунды стихийного бедствия тысячи официальных документов становятся не действительными.

3. Разрастаются леса и кустарники. В межевом плане указано, что граница условно имеет прямую линию, а в реальности заросла так, что не предоставляется возможным построить дом без дополнительной работы, а также просто пройти на земельный участок.

Стоит отметить, что люди тоже, как и природа вносят в систему хаос [4]. Соседи по дачному участку договорились между собой перенести забор на полметра – это уже несоответствие и нарушение официальной документации. Если человек, разумное существо не может поддерживать порядок, то стоит ли говорить о том, что мы не должны ожидать от природы соблюдения наших - «людских» правил?

«Сегодня фактически все сферы общественной жизни подвергаются глубинным трансформациям: изменяются способы проявления и реализации власти, модели экономического развития, нравственные нормы и принципы, формы социального взаимодействия» [5, с. 294].

Кадастр предпринимает множество попыток контролировать и бороться с природой:

1. Уточнение границ. Межевание – это одна из самых востребованных работ у кадастрового инженера, она требует большой работы над установлением новых координат участка, а также в отображении его в виде изображения или схемы.

2. Исправление реестровых ошибок. Это своего рода признание, что природа внесла некоторые корректировки, которые обязательно нужно уточнить.

3. Зоны с особыми условиями использования территории. Такие зоны уславливаются и с целью защиты жизни и здоровья граждан. Это предупреждение, что данный участок может быть подвергнут влиянию природы и стихийным бедствиям.

Но природа все равно всегда выигрывает: каждый пожар, наводнение, оползень, землетрясение заставляет вновь и вновь проделывать огромную работу над систематизацией данных. Исходя из этого вытекает второй подход к проблеме взаимоотношений человека и природы – биоцентрический (экоцентрический) [2]. Он заключается в том, что человек как биологический вид остается под контролем главных экологических законов и в своих взаимодействиях с природой должен принимать ее условия. Какой из этих двух подходов истинно верный? Точно ответить на этот вопрос довольно сложно, но каждому из нас приходится мириться с природой и жить по ее правилам. И эти правила не оговорены заранее, не написаны в книжках, они появляются интуитивно, а основой является уважительное отношение друг к другу, к природе, ко всем живым существам.

«С помощью техники люди изменяют природу, переустраивают ее, согласно своим проектам, в том числе и эгоистическим, и с помощью технологий оперируют совокупностью ее причинно-следственных взаимозависимостей» [6, с. 197].

Природа не знает, что у земельного участка есть свой присвоенный кадастровый номер. Она не берет во внимание, кому принадлежит земля, сколько заплатили налог за нее. Человечество тысячи лет делит землю, пытается начертить границы и закрепить их навсегда. А земля каждый раз доказывает, что она «живое существо», и ее ни исправить, ни изменить. Она не подстраивается ни под кого, а лишь указывает на то, что кадастр – это способ людей договориться друг с другом. С землей не получится договориться, составить договор и заключить сделку. Именно в этом заключается ее сила, и наша слабость перед ней.

Список литературы

1. Молгачев, С. В. Философия экологии: переосмысление взаимоотношений человека и природы в контексте устойчивого развития / С. В. Молгачев // Вопросы эффективного применения научного потенциала общества: Сборник статей по итогам Международной

научно-практической конференции, Киров, 27 апреля 2023 года. – Стерлитамак: Общество с ограниченной ответственностью «Агентство международных исследований», 2023. – С. 112-114.

2. Басанова, М. П. Роль философии в осмыслении экологических проблем / М. П. Басанова, Д. С. Мерич // *Eromen. Global.* – 2023. – № 33. – С. 10-14.

3. Шкловский, А. Ю. Особенности совершения сделок с земельными участками и иными объектами недвижимости / А. Ю. Шкловский // *Актуальные вопросы науки и образования: Сборник материалов V Международной научно-практической конференции*, Москва, 06 февраля 2024 года. – Москва: Автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального образования «Центр развития образования и науки», 2024. – С. 42-49.

4. Иванов, Д. С. Философские подходы в сфере землеустройства / Д. С. Иванов // *Инновационные тенденции развития Российской науки : Материалы XVIII Международной научно-практической конференции молодых ученых*, Красноярск, 03–06 марта 2025 года. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2025. – С. 100-103.

5. Баринава, С. Г. Власть и ответственность в условиях социального кризиса / С. Г. Баринава / *Вестник КрасГАУ.* – 2014. – № 6 (93). – С. 294-298.

6. Баринава, С. Г. Технологический детерминизм и технологический тип детерминации / С. Г. Баринава / *Вестник КрасГАУ* — 2010. – № 9 (48). – С. 195-201.

7. Кузьмичева, Л. Н. Философские концепции развития землеустройства / Л. Н. Кузьмичева, Д. К. Остапенко // *Институты и механизмы инновационного развития: мировой опыт и российская практика: сборник статей 14-й Международной научно-практической конференции*, Курск, 24 октября 2024 года. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2024. – С. 213-215.

ПРОБЛЕМА САМОПОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ В ФИЛОСОФИИ

Истомина Елена Евгеньевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

istomina15121984@gmail.com

Научный руководитель: Бармашова Татьяна Ивановна, доктор философских наук, профессор

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

tatibar910@mail.ru

Аннотация. Статья анализирует самопознание через взаимосвязанные с ним понятия самосознания и рефлексии. Самосознание позиционируется как базовое восприятие «я», рефлексия – как механизм критического осмысления, самопознание – как глубинное понимание личности и ее мотивов. В связи с самосознанием затрагивается важный вопрос самоидентичности личности. В контексте проблемы самопознания рассматриваются историко-философские и современные взгляды мыслителей. Указывается, что основы решения данной проблемы были заложены еще в античной философии. Древнегреческий философ Сократ фактически первым поставил человека в центр предмета философского познания, в чем заключается его великая заслуга перед всей последующей философией. Подчеркивается важная роль русской философии в решении проблемы, для которой самопознание является важнейшим условием самосовершенствования личности. Отмечается междисциплинарный характер проблемы, в частности тесная взаимосвязь философского и психологического подходов в исследовании.

Ключевые слова: самосознание, рефлексия, самопознание, сознание, духовность, моральные ценности

Проблема самопознания личности в философии рассматривается через призму взаимосвязи таких понятий, как самосознание, рефлексия и собственно самопознание. Эти категории часто пересекаются, но при этом отличаются по своей сущности и функции. Самосознание выступает как осознание индивидом своего существования и внутреннего состояния, формируя базовую способность к различению «я» и «не-я». Рефлексия же относится к процессу обдумывания своего опыта и действий, что способствует глубинному пониманию собственного «я». Самопознание представляет собой результат этого процесса – комплексное понимание своей личности, мотиваций, эмоций и целей.

Истоки проблемы берут начало в античной философии, где внимание уделялось не только внешнему миру, но и внутреннему миру человека. Уже в трудах Платона и Аристотеля наблюдается стремление постигнуть сущность человеческой души, что со временем вылилось в учение о самопознании. Сократ, один из первых философов, систематически обращал внимание на необходимость внутреннего познания. Его знаменитое изречение «Познай самого себя» несло в себе идею необходимости постоянного анализа и критики собственного мышления и поступков, что становилось основой нравственного и интеллектуального развития личности.

Идея самопознания в философии сформировалась под сильным влиянием античной мысли, где центральным объектом размышлений был человек и его душа. Античные философы рассматривали душу (психею) как нематериальную, структурированную целостность, способную к мышлению и познанию, что представляло основу того, что позднее станет понятием сознания. Это понимание души как субъекта внутреннего опыта стало фундаментальным для развития теоретических основ самопознания. Одним из наиболее значимых достижений античной философии стал взгляд Платона, который описал душу не только как мыслящее начало, но и как вечное, бессмертное, существующее вне тела существо. В диалоге «Федон» Платон вводит идеи «чистого знания», «припоминания»

(анамнезиса) и «ума-устроителя», характеризующих глубинное устройство сознания и его независимость от материального тела. Эти концепции стали основой для понимания самопознания как внутреннего, интеллектуального восхождения к истине и социальной гармонии.

Понимание соотношения самосознания, рефлексии и самопознания создает основу для учения Сократа, который вывел проблему самопознания на уровень активного процесса личностного становления. Для Сократа самопознание становилось не только актом осознания себя, но и главным средством нравственного и духовного развития личности через постоянный внутренний диалог. Методика Сократа – майевтика, или искусство рождения мыслей через задавание вопросов – опиралась на диалог и самоисследование. Мыслитель не давал готовых ответов, а направлял людей к открытию истины внутри себя, стимулируя рефлекссию и внутреннюю трансформацию [1]. Этот метод был не просто педагогическим, а служил двигателем личностного роста, где познание себя представлялось как непрерывное движение к высшей мудрости и слиянию истины с добродетелью.

Проблема самопознания личности имеет ярко выраженный междисциплинарный характер, объединяя философские, психологические и религиозные аспекты человеческого существования. Философия продолжает играть ключевую роль в формировании теоретической базы, раскрывая сущность самопознания через понятия самосознания, самосовершенствования и свободы личности, опираясь на методологические подходы, варьирующиеся от идеалистического до социально-психологического [2].

Одним из видов самосознания является самоидентичность. Исследование самоидентичности в современном научном пространстве вышло за рамки традиционных философских и психологических подходов, приобретя междисциплинарный характер. В течение второй половины XX века понятие идентичности получило развитие как ключевой элемент анализа социальной жизни и личностного развития, расширив представления о субъективности и самости. Современный феномен идентичности трактуется не как статическое качество или фиксированная сущность, а как подвижный, изменчивый и многогранный процесс, формирующийся через взаимодействие индивида с социальными структурами и культурными символами [3].

Современные методы самоанализа выступают практическими инструментами реализации принципов самопознания личности, тесно связанными с культурным влиянием идеи «познай самого себя». Их цель – не только диагностика и осмысление внутреннего мира индивида, но и формирование устойчивых навыков осознанности, принятия и управления собственными эмоциональными и поведенческими реакциями. В отличие от абстрактных теоретических конструкций, данные методы ориентированы на прикладное применение в повседневной жизни, образовании и психотерапии.

Одним из ключевых инструментов является психодиагностика, включающая тесты и опросники, направленные на измерение самооценки, уровня саморефлексии и особенностей самоотношения. Эти методики позволяют выявить внутренние противоречия, степень самопринятия и мотивационные компоненты «Я-концепции» [4]. Анализ результатов способствует осознанию личностных особенностей, помогает выстраивать адекватную самооценку и корректировать искажения восприятия себя.

Истоки самопознания глубоко укоренены в учениях Платона, Аристотеля и, прежде всего, Сократа, чей призыв «Познай самого себя» стал ориентиром для понимания внутреннего мира человека и направления его нравственного и интеллектуального развития. Анализ историко-философского контекста позволил проследить, как в различных эпохах появлялись и трансформировались представления о душе и сознании, тем самым формируя основу для современного осмысления самопознания.

Разграничение понятий самосознания, рефлексии и самопознания способствовало уточнению теоретической базы исследования, выявив, что самосознание служит исходным состоянием восприятия «я», рефлексия – механизмом критического осмысления, а самопознание охватывает комплекс процессов, ведущих к глубинному пониманию и

формированию личности. Такое различие открывает возможности для более точного анализа внутренних механизмов самоосмысления и подчеркивает динамический и развивающийся характер личности как субъекта.

Особое место занимает философия Сократа, чья методология майевтики стала не просто педагогическим приемом, но и концептуальной основой этического самосовершенствования через самопознание. Его диалоговый подход, ориентированный на внутреннюю смену восприятия и нравственное пробуждение, резонирует с современными психотерапевтическими и самоаналитическими практиками, подтверждая актуальность его идей в культурном и социальном контексте. Не следует забывать и об огромной роли русской философии в решении проблемы самопознания личности, которое эксплицируется как необходимое условие самосовершенствования личности [5, 6].

Проблема самопознания личности сохраняет свою значимость и требует дальнейшего изучения, учитывающего исторический опыт и современные вызовы. Формирование навыков самоосознанности и гармоничного развития личности является ключевым фактором не только для индивида, но и для общества в целом, открывая новые горизонты для философии, психологии и культурного развития.

Список литературы

1. Грибоедова, О. И. Философско-исторические подходы к изучению самопознания личности в психологии / О.И. Грибоедова, И.Л. Фельдман // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2017. – №2. – С. 82–94.
2. Глузман, А. А. Философские аспекты проблемы самосовершенствования личности на основе самопознания / А.А. Глузман // Гуманитарные науки. – 2021. – №1. – С. 165–176.
3. Полякова, Н. Л. «Идентичность» в современной социологической теории / Н.Л. Полякова // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2016. – №4. – С. 22-42.
4. Макарова, Н.Г. Изучение методик самоотношения, саморефлексии, самопознания личности /Н.Г. Макарова // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. – 2013. – №32. – С. 25–30.
5. Белов А.В. Тема личности в русской философии XIXвека / А.В. Белов // Личность. Общество. Государство: проблемы развития взаимодействия. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Краснодар, 2024. – С. 77–81.
6. Бармашова Т.И. Русская философия о нравственных ценностях / Т.И. Бармашова // XVIII Красноярские краевые Рождественские образовательные чтения «Нравственные ценности и будущее человечества». – Красноярск: ООО «Издательский дом «Восточная Сибирь», 2018. – С. 120–130.

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Кириленко Виктория Александровна, студентка

Красноярский техникум железнодорожного транспорта Красноярского института железнодорожного транспорта Иркутского государственного университета путей сообщения, Красноярск, Россия

Kirilenkoo11@mail.ru

Научный руководитель: Банкерова Елена Ивановна, преподаватель высшей категории СПО

Красноярский техникум железнодорожного транспорта Красноярского института железнодорожного транспорта Иркутского государственного университета путей сообщения, Красноярск, Россия

Kirilenkoo11@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования личности современной молодежи под влиянием социальных сетей. Анализируется принципиальное отличие цифровой среды от традиционного пространства взросления, в котором личность формировалась через реальное взаимодействие и непосредственную обратную связь от окружающих. Особое внимание уделяется зависимости самооценки молодых людей от внешних оценок в виде «лайков» и комментариев, а также влиянию цифрового общения на развитие эмпатии и способности к глубокому эмоциональному контакту. Раскрываются риски подмены реального саморазвития виртуальной самопрезентацией и формирования, одобряемой обществом, ориентированной на соответствие ожиданиям сетевой аудитории.

Ключевые слова: индивидуальность, социальные сети, молодежь, виртуальное общение, цифровая социализация, эмпатия, самосознание

Формирование личности всегда являлось ключевым процессом взросления человека. Традиционно этот процесс протекал в ограниченном пространстве реального взаимодействия: семья, школа, ближайшее окружение задавали те рамки и ориентиры, через которые молодой человек познавал себя и свое место в мире. Сегодня же ситуация кардинально изменилась. Современная молодежь погружена в цифровую среду с самого детства, и социальные сети стали не просто дополнительным каналом коммуникации, а полноценным пространством взросления, самопознания и презентации себя. Актуальность исследования данной проблемы трудно переоценить, поскольку именно в подростковом и юношеском возрасте закладываются базовые структуры личности, и то, под влиянием каких факторов они формируются, определяет не только судьбу отдельного человека, но и облик всего общества в будущем. Целью данной статьи является анализ того, как социальные сети трансформируют процессы самопознания молодежи, какие новые возможности и риски возникают при формировании личности в цифровую эпоху.

Традиционно человек формировался в процессе реального взаимодействия с окружающими. Подросток пробовал себя в разных ролях, получал обратную связь от родителей, учителей, сверстников, и через эту обратную связь постепенно складывалось целостное представление о себе. Этот процесс был естественным, относительно медленным и всегда привязанным к конкретному физическому и социальному контексту. Человек был тем, кем он являлся в реальной жизни, и его образ был неразрывно связан с его телом, поступками и непосредственным окружением. Социальные сети кардинально изменили эту картину, предложив новую среду для конструирования себя.

Представить современную молодежь без социальных сетей просто невозможно. Одноклассники, ВКонтакте настолько заполнили разумы юных школьников, что они отдают предпочтение общению виртуально, а не реально. Компьютер для подростка – это целая

жизнь: там есть и друзья, и враги, и увлечения, и любовь. Ведь в подростковом возрасте одна из главных задач – общение со сверстниками. В ленте кажется, что все вокруг живут идеально: успешные, яркие, безупречные и счастливые. Складывается впечатление, что собственная жизнь хуже, скучнее, менее насыщена событиями. Конечно же, это иллюзия. Соцсети показывают только фрагменты, тщательно отобранные и отредактированные.

Виртуальное пространство предоставляет уникальную возможность конструирования множественных образов. В отличие от реальной жизни, где человек ограничен своим телом, голосом, социальным происхождением, в сети он может создавать абсолютно любой образ. Подросток, стеснительный и замкнутый в школе, может представать уверенным лидером в игровом сообществе. Девушка, не соответствующая стандартам красоты в реальности, может создавать идеализированный образ с помощью фильтров и фоторедакторов. Молодой человек может одновременно быть экспертом в профессиональном сообществе, фанатом музыкальной группы в фан-клубе и участником политических дискуссий на другом ресурсе, причем в каждой из этих ролей он может демонстрировать разные грани своей личности [1]. Такая множественность сама по себе не является большой проблемой, но она создает риск фрагментации личности, когда человек теряет ощущение целостности себя, не может ответить на вопрос «кто я на самом деле?» без привязки к конкретной платформе или аудитории.

Ключевой особенностью формирования человека в социальных сетях является то, что она строится не столько через поступки и реальные отношения, сколько через самопрезентацию и обратную связь в виде «лайков», комментариев и «репостов». Молодой человек учится воспринимать себя через призму того, как его образ воспринимается виртуальной аудиторией. Количество «лайков» становится оценкой успешности, популярности, даже собственной ценности. Формируется феномен «одобряемой идентичности», когда подросток стремится быть не тем, кем он является, а тем, кто получит максимальное социальное одобрение в сети. Это порождает глубокое внутреннее противоречие: с одной стороны, социальные сети показывают свободу самовыражения, с другой – они же диктуют жесткие стандарты того, что считать достойным одобрения.

Бесконечная лента успехов и счастливых моментов сверстников создает искаженную картину реальности, которая становится фоном для познания себя самого. Молодой человек, просматривая идеализированные профили других, неизбежно сравнивает свою обыденную жизнь с отретушированными образами. Это сравнение редко бывает в пользу реальности. Возникает ощущение собственной неполноценности, тревога «а достаточно ли я хорош?», страх что-то упустить. Подросток тратит огромные ресурсы не на развитие себя реального, а на создание и поддержание идеального виртуального образа, который должен соответствовать ожиданиям невидимой аудитории. Идентичность, сформированная в таких условиях, оказывается хрупкой, тревожной, зависимой от внешних оценок.

Особого внимания заслуживает влияние социальных сетей на развитие эмпатии и способности к глубокому эмоциональному контакту, что является важнейшей составляющей в формировании себя. Общение в сети происходит преимущественно через текст и визуальные образы, лишенные полноты живого присутствия. Даже самые совершенные видеозвонки не могут передать энергетику человека, случайный взгляд, тончайшие оттенки живых эмоций. Систематическая подмена реального контакта виртуальным ослабляет нейронные связи, отвечающие за эмпатию. Молодые люди теряют навык эмоционального ощущения, способность считывать состояние другого по едва уловимым сигналам. В реальной жизни это ведет к непониманию, ощущению, что тебя «не слышат», и, как следствие, к углублению разрыва между виртуальным образом и реальным Я [2].

Интерес к жизни виртуальных «друзей» за сотни километров часто превышает интерес к тем, кто находится рядом физически. Исчезает чувство локального сообщества, соседской взаимопомощи. Семейные ужины, дружеские посиделки, традиционные места неформального общения подростков – все это конкурирует с индивидуальными экранами. Общение становится целенаправленным и инструментальным, теряя свою важнейшую

функцию – поддержание связности между людьми в реальном пространстве и времени. Между тем именно через непосредственное, спонтанное, не запланированное заранее общение с близкими и происходит наиболее естественное формирование.

Социальные сети предлагают молодежи готовые модели личности в виде популярных трендов, субкультур, образов блогеров. Быть «тем, кто в тренде» становится важнее, чем быть собой. Механизмы рекомендаций и алгоритмических лент формируют информационную среду, которая незаметно, но постоянно направляет интересы, вкусы, даже ценности молодого человека. Идентичность, сконструированная таким образом, оказывается не результатом внутреннего поиска и рефлексии, а продуктом потребления цифрового контента. Молодые люди все чаще описывают себя через набор потребляемых культурных продуктов, а не через свои поступки, убеждения или отношения.

Выход из сложившейся ситуации лежит не в отказе от технологий, а в формировании у молодежи отношения к виртуальному пространству и осознанного подхода к конструированию собственной личности. Важно учить подростков различать реальное Я и виртуальный образ, понимать условность сетевых оценок, сохранять пространство для живого, непосредственного общения. Семья и школа могут сыграть ключевую роль, помогая молодым людям выстраивать целостную картину, которая не рассыпается на множество виртуальных масок и сохраняет устойчивость независимо от количества «лайков» и подписчиков.

Можно сделать вывод о том, что социальные сети стали не просто инструментом коммуникации для молодежи, а принципиально новой средой для строения своей личности. Они предлагают беспрецедентные возможности для самовыражения, поиска единомышленников, творческой реализации. Человек остается социальным существом, чья психика и идентичность наиболее полно и здорово формируются в отражении живого взгляда другого, в реальном взаимодействии, в поступках, а не только в образах. Будущее психологического благополучия молодого поколения зависит от того, сумеем ли мы помочь молодежи восстановить баланс между цифровым самовыражением и необходимостью настоящей, живой встречи с собой и другими.

Список литературы

1. Солдатова, Г. У. Цифровая социализация подростков: от рискованных практик к безопасной среде / Г. У. Солдатова, Е. И. Рассказова. – Москва: Акрополь, 2021. – 288 с.
2. Туркл, Ш. Вместе, но врозь: почему нам нужны технологии и почему мы в них нуждаемся / Ш. Туркл; перевод с английского Е. В. Кузьминой. – Москва: АСТ, 2020. – 416 с.
3. Бойд, Д. Все сложно: жизнь подростков в социальных сетях / Д. Бойд; перевод с английского Т. П. Медведевой. – Москва: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2020. – 324 с.

КОНЦЕПЦИЯ ТЕХНИКИ Ф. ДЕССАУЭРА В АСПЕКТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Козлова Оксана Александровна, студентка

Институт «Казанская академия ветеринарной медицины имени Н.Э. Баумана», Казань, Россия
ox4na.koz@yandex.ru

Научный руководитель: Липатова Ольга Анатольевна, кандидат философских наук, доцент
Институт «Казанская академия ветеринарной медицины имени Н.Э. Баумана», Казань, Россия
distantfiloc@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу философской концепции техники Фридриха Дессауэра и ее значению для рефлексии цивилизационного развития. Компаративный и герменевтический подходы позволили выявить различные трактовки анализа сущности техники. Большинство авторов понимают ее в механицистском аспекте, а в концепции Дессауэра она является ключевым инструментом, «вторым творением» и движущей силой цивилизационного развития в понимании множественности смыслов бытия.

Ключевые слова: Фридрих Дессауэр, философия техники, цивилизационное развитие, техногенная цивилизация, история техники

Феномен техники относится в современной философии к числу тех проблем, которые остаются предметом теоретической рефлексии, что вполне естественно, поскольку она давно изменила нашу цивилизацию и стала причиной необратимых изменений. Традиционно можно выделить две познавательные стратегии изучения техники от критики до ее восторга. Ученые, представители критического подхода к феномену техники: Льюис Мэмфорд в работах «Техника и цивилизация» (1934), «Искусство и техника» (1952), «Миф о машине» (1967–1970). Мэмфорд выступает как один из крайних представителей негативного технологического детерминизма. Основную причину социальных зол и потрясений современной эпохи Мэмфорд видит в возрастающем разрыве между уровнями технологии и нравственности. К. Ясперс. Рассматривал проблему техники в работах «Истоки истории и ее цель», «Духовная ситуация времени». Анализировал сущность техники и ее смысл, которые определяются такими характеристиками, как «рассудок» («техника покоится на деятельности рассудка, на исчислении в сочетании с предвидением возможностей и с догадками») и «власть» («применяя силу природы против силы природы, техника господствует над природой посредством самой природы»).

Данные авторы видят в технике продолжение человеческих способностей, ключ к решению проблем и путь к освобождению: Петр Энгельмейер (1855–1939). Автор брошюры «Технический итог XIX века» (издана в 1898 году) и работ «Теория творчества» (опубликована в 1910 году), «Философия техники» (опубликована в 1913 году). Основоположник одного из направлений в философии техники – техницизма. Эрнст Капп – «Основания философии техники» (1877). Разработал «органопроектию» - теорию, согласно которой техника является «проекцией» человеческих органов во внешний мир (молоток – кулак, телеграф – нервная система). Техника - естественное продолжение человека. Рэй Курцвейл «Сингулярность близка» (2005). Технологическая сингулярность - точка, после которой технический прогресс станет неуправляемым и необратимым, приведя к слиянию человека с ИИ, радикальному продлению жизни и преобразованию человеческой природы.

В этом аспекте представляется актуальной концепция техники Фридриха Дессауэра, в которой он пытается соединить добродетель и знание и уравновесить обе позиции. Разделяя концепцию Фридриха Дессауэра, я считаю, что Бог дал человеку задание обустраивать и улучшать мир. Техника это не грех, а главный инструмент к улучшению. Когда мы создаем полезные вещи такие как лекарства, машины, инструменты, мы помогаем Богу в деле

творения, а не идем против него. Задачи людей с моей точки зрения направлять технику в добро и продолжать технику, как Божьей замысл руками человека.

Цель статьи: осуществить целостную реконструкцию понимания техники Фридриха Дессауэра в аспекте цивилизационного развития.

В условиях глубоких социальных изменений, потрясениях и кризисов необходимо говорить о цивилизационном развитии. Понятие цивилизации - один из важнейших методологических инструментов философского исследования и связано оно с развитием научно-технического прогресса. Перед философами всегда стоял вопрос: каковы факторы исторического развития? Многие из которых давали конкретный ответ указывая на технику.

Сегодня можно говорить о появлении новой реальности - техносферы. В ее рамках следует выделить виды техники: производственную технику, технику связи и обучения, транспортную технику, технику научных исследований, военную технику, технику культуры и быта, управленческую технику и др. Существенным является выяснение соотношения техносферы и ноосферы, взаимообусловленности технического, социального и интеллектуального прогресса человечества [1].

Исторически философы понимали технику по-разному: от мастерства и нейтрального инструмента до судьбы человечества и среды существования.

В период античности (Платон, Аристотель): техника («технэ» (τέχνη)), то есть искусство, мастерство, умение создавать вещи согласно заложенной в них идее или форме. Это знание как и почему нечто возникает, а не просто ремесло.

Классический инструментализм (Ф. Бэкон, Р. Декарт): техника - нейтральное средство, орудие в руках человека для покорения природы («знание - сила»). Ее ценность определяется только целью применения. Этот взгляд доминирует в массовом сознании до сих пор.

Карл Маркс рассматривает технику в работе «Капитал». В 13 глава первого тома посвящена машинам и крупной промышленности: «В мануфактуре и ремесле – рабочий заставляет орудие служить себе, на фабрике он служит машине», по-моему мнению автор подчеркивает, что в мануфактуре рабочие создают единый, живой и сплоченный механизм, а на фабрике данный механизм можно назвать мертвым и работает он в независимости от них [2].

Также Маркс анализирует, из каких частей состоит машина: «Всякая развитая совокупность машин состоит из трех существенно различных частей: машины-двигателя, передаточного механизма, наконец, машины-орудия, или рабочей машины» [2]. Техника для Маркса это, во-первых, «производительные силы», определяющие общественное развитие. Во-вторых, в условиях капитализма она становится основой отчуждения рабочего от продукта и процесса труда, превращая человека в придаток машины [2].

М. Хайдеггер в статье «Вопрос о технике» критикует ее, поскольку она инструментальна. Суть техники он видит «не в операциях, манипуляциях и махинациях, не в применении средств» [3, С.221 -238.], а в раскрытии потаенного. Техника по Хайдеггеру создает новую реальность, которая ставит/требует от природы и человека отдавать свою энергию, превращая все в «ресурс-запас». Важнейшая задача сейчас обосновать «вне техническую» парадигму как истинную перспективу в истории человеческой цивилизации [3,4].

Идеи Хайдеггера продолжает развивать еще один немецкий философ К. Ясперс. Он понимает технику как новый фактор в развитии цивилизации [5, С.288]. А. Х. Ортега-и-Гасет полагает, что техника обусловлена деятельностью человека и, соответственно, связана с преобразованием бытия [6, С 172].

Представители Франкфуртской школы социальных исследований М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе понимали технику как средство порабощения человека и рассматривали технику с точки технической рациональности. М. Хоркхаймер и Т. Адорно, в работе пишут: «Научно-технический прогресс при капитализме оказывается не фактором освобождения человека, а средством его порабощения». Авторы отмечают, что техника, подчиняющаяся

законам монополии, обращает культуру в вид индустрии, производящей «массовую культуру», в которой теряются уникальность и самостоятельность человека [7]. Они показали, что техническая рациональность, стремление все контролировать и оптимизировать, превращается в инструментальный разум. Этот разум подчиняет себе и природу, и самого человека, создавая «одномерное общество» тотального управления [7, С. 413-415].

Ж. Эллюль в книге «Технологическое общество» представил технику («La Technique») как автономную, тотализирующую силу [8]. Просмотрев его произведения, можно понять, что техника для него это не просто машины, а совокупность наиболее эффективных методов во всех сферах жизни (экономике, политике, пропаганде). Техника сама задает цели, поглощая общество и делая человека своим слугой [8, С. 512].

Д. Ихе изучает, как конкретные технологии (медиаторы) формируют наш опыт и восприятие мира (как мобильный телефон меняет наше чувство времени и пространства). «Техника - это обособленная от естественного человека функция, которая от него самого не зависит и вообще никак не принимает в расчет предельные человеческие способности» [4].

Латур рассматривает акторно-сетевую теорию, отвергает деление на субъект (человек) и объект (техника). Техника здесь выступает в роли полноправный «актант», участник социальных сетей, который активно влияет на действия людей.

П.П. Гайденко в своем научном труде «Научная рациональность и философский разум», показала как техника во взаимосвязи с наукой (экспериментально-математическим естествознанием) XVII–XIX вв. больше всего повлияла на особенности индустриальной цивилизации [8].

Итак, в сущности понимания техники, прослеживаются две тенденции: осмысление техники как материального конструкта, и/или технического артефакта; расширение границ понимания от интеллектуальной до индивидуальной, включая в нее всю совокупность применяемых средств.

Фридриха Дессауэр – немецкий философ неомист, застал на своем веку две мировые войны и не мог не видеть всю мощь военных вооружений, вследствие чего рождалась его концепция. Среди его работ следует выделить «Technische Kultur» (Техническая культура, 1908), «Philosophie der Technik» (Философия техники, 1927), «Seele und Bannkreis der Technik» (Души в сфере техники, 1945) и «Streit um die Technik» (Споры вокруг техники, 1956). Казалось бы, этот ученый должен был стать ярким критиком техники, но оказалось все иначе. Дессауэр развивал эту мысль в своей работе «Спор о технике». «Современная техника, при всей своей мощи и новизне, не только не противоречит, но полностью соответствует духу библейских ценностей и божественному замыслу о человеке. Она есть практическое продолжение творения, инструмент для исполнения заповеди «обладать землею»... В своем техническом творчестве человек уподобляется Творцу, участвуя в акте продолжения мироустройства. Таким образом, каждое подлинное техническое изобретение - это не вызов Богу, а ответ на Его призыв, реализация той творческой искры, которая была вложена в человека». Я понимаю, что техника для Дессауэра была главным инструментом и исполнения замысла Бога. Техника это не враг для духовного состояния человека, а наоборот помощник в служении к Богу и людям.

Он полагал, что техника должна решать технические «задачи», а человек ставит «цели». Однако в процессе развития техники человек вынужден трансформироваться и решать технические «задачи», а человеческие «цели» будет соответствовать техническим «задачам».

Концепция Фридриха Дессауэра о технике оригинальна еще и тем, что представляет собой позитивную метафизику техники в отличие от доминирующих критических идей, восходящих к М. Хайдеггеру. Дессауэр стремился обосновать технику «событие человека с открывающимися объективными возможностями бытия» [9]. Такой подход позволяет преодолеть разрыв между техническим действием и этическим смыслом, что важно в эпоху, когда, по выражению В.С. Степина, «техногенная цивилизация достигла своих пределов и требует ценностной переориентации» [10].

Фридрих Дессауэр понимал цивилизационное развитие не как следствие социальных или культурных изменений, а как первичный процесс, движимый техникой, которая имеет

онтологический статус. В основе его концепции лежит убеждение, что существует трансцендентное «четвертое царство» предзаданных технических возможностей (идей самолета, радио и т.д.), а каждое изобретение - это акт обнаружения и воплощения этих возможностей в материю, что и создает новые реалии бытия, формируя экономику, культуру и общество; таким образом, техника выступает автономной и необратимой силой прогресса, реализующей божественный замысел через человека-творца, что возлагает на человечество этический императив - направлять эту мощь в русло добра, ибо цивилизация, обретшая силу без смысла, обречена на гибель [9].

Таким образом, концепция техники Фридриха Дессауэра в аспекте современного цивилизационного развития представляет собой анализ природы техники, методологических процедур и когнитивных структур, представленных в технике соединенных с божественным замыслом [9].

Этот процесс имеет автономный и необратимый характер, последовательно формируя новые материальные и социальные реальности, которые и составляют ткань цивилизации. Следовательно, прогресс для Дессауэра - это реализация предзаданной онтологической программы, возлагающей на человечество высший этический императив: направлять раскрываемую им колоссальную силу исключительно в русло добра, поскольку техника, лишённая смысла и нравственных оснований, несет в себе угрозу самоуничтожения. Его возвышенный оптимизм служит важным противовесом чисто критическим подходам, напоминая, что в основе технологического развития лежит не только могущество, но и глубокое духовное призвание.

Список литературы

1. Ваттимо, Д. Техника и существование Пер. с итал. Н. Вышинский. / Д. Ваттимо. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. – 208 с.
2. Маркс, К. Капитал. Т.1. Кн.1: Процесс производства капитала / Маркс К.; предисловие Ф. Энгельса; перевод И. И. Степанова-Скворцова. – Москва: Политиздат, 1967. – 908 с.
3. Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. / М. Хайдеггер – М.: Республика, 1993. – 447 с.
4. Хайдеггер, М. Вопрос о технике. Новая технократическая война на Западе / М. Хайдеггер – М.: Прогресс, 1986. – 456 с.
5. Ясперс, К. Смысл и назначение истории/ К. Ясперс. – М.: Политиздат, 1991. – С. 527с.
6. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. / Х. Ортега-и-Гассет. – М., 2000. – 704с.
7. Хоркхаймер, М., Адорно, Т Диалектика просвещения / Хоркхаймер. М., Адорно. – М., 1947. – 314 с.
8. Эллюль, Ж. Теологическое общество/ Эллюль Ж. – М., 1954. – 332с.
9. Кудрин, Б.И. Онтология технической реальности. – Текст: электронный // URL: <http://www.kudrinbi.ru/public/10143/index.htm> (дата обращения: 07.02.2026).
10. Дессауэр, Ф.К. Философия техники. Что есть техника? – Термин и сущность / Ф.К. Дессауэр / пер. с нем. А.Ю. Нестерова // Онтология проектирования. – 2016. – Т. 6. – № 3 (21). – С. 390 – 406.
11. Дессауэр, Ф.К. Спор о технике / Ф.К. Дессауэр [пер. с нем. А.Ю. Нестерова]. – Самара: Издательство Самарской гуманитарной академии, 2017. – 266 с.
12. Малькова, Т.П. Философия техники: проблемы и перспективы развития дисциплины / Т.П. Малькова // Гуманитарный вестник. – 2017. – №2. – С. 1–11.
13. Маркузе, Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Пер. с англ., А. А. Юдина; сост., предисл. В. Ю. Кузнецова / Г. Маркузе. – М.: АСТ, 2002. – 526 с.
14. Нестеров, А.Ю. Вопрос о сущности техники в рамках семиотического подхода / А.Ю. Нестерова // Вестник СГАУ. – Т. 14. – 2015. – № 1. – С. 235-246.
15. Нестеров, А.Ю. Эпистемологические и онтологические проблемы философии техники: «четвертое царство» Ф. Дессауэра / А.Ю. Нестеров // Онтология проектирования. – 2016. – Т. 6. – № 3 (21). – С. 377–389.
16. Павленко, А.И. Возможность техники. Часть III. Технический проект Фридриха Дессауэра / А.И. Павленко // Историко-философский ежегодник, 2007.-М.: «ИФ РАН», С.325-351.
17. Latour, B, Acrich, M. A summary of a convenient vocabulary for the semiotics of human and nonhuman assemblies. In: Bijker WE, Law J, editors. Shaping technology / building society: studies in sociotechnical change. Cambridge: The MIT Press, 1992. – p. 259–264.

СТУДЕНЧЕСКАЯ СЕМЬЯ: МОТИВАЦИЯ И ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ

Копылова Эвелина Дмитриевна, студентка

Ивановский государственный университет (Шуйский филиал), Шуя, Россия

kevelina890@gmail.com

Научный руководитель: Гинко Владимир Иванович, кандидат педагогических наук, доцент

Ивановский государственный университет (Шуйский филиал), Шуя, Россия

vigin220177@gmail.com

Аннотация. В статье представлены результаты анкетирования студентов, состоящих в браке, по вопросам мотивации создания семьи в период обучения в вузе и особенностей жизненных стратегий молодых супругов. Установлено, что основными мотивами вступления в брак выступают эмоциональная привязанность и стремление к совместному быту, тогда как прагматические соображения играют второстепенную роль. Выявлены характерные стратегии адаптации: распределение ролей с акцентом на учебу одного из партнеров, активное привлечение родственников к решению бытовых вопросов, оптимизация временных ресурсов. Отмечена высокая роль внутрисемейной коммуникации как фактора преодоления стрессовых ситуаций. Вследствие этого формируется специфический тип жизненной устойчивости, сочетающий гибкость в планировании и четкое распределение ответственности.

Ключевые слова: студенческая семья; мотивация брака; жизненные стратегии; ролевое распределение; семейная адаптация

Студенческий возраст традиционно рассматривается как период профессионального самоопределения и формирования личностной автономии. Однако в современных условиях наблюдается устойчивая тенденция к созданию семьи в период обучения в вузе [1]. Студенческая семья представляет собой особый социальный феномен, сочетающий в себе черты молодой семьи и специфику образовательной среды. Ее функционирование сопровождается уникальными вызовами: необходимостью балансировать между академическими требованиями и семейными обязанностями, ограниченностью финансовых ресурсов, отсутствием устойчивого жилья [3, 5]. При этом такие семьи демонстрируют высокий адаптационный потенциал, что делает их изучение актуальным для понимания механизмов жизнестойкости в молодежной среде.

Актуальность темы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, трансформация семейных ценностей в российском обществе привела к снижению среднего возраста вступления в брак, особенно среди образовательных мигрантов из регионов [2]. Во-вторых, система высшего образования пока недостаточно учитывает потребности обучающихся с семейными обязательствами: отсутствуют гибкие образовательные траектории, программы психологической поддержки, материальные стимулы [4]. В-третьих, студенческая семья становится «лабораторией» для формирования новых моделей партнерства, где традиционные гендерные роли подвергаются переосмыслению под давлением практических обстоятельств.

Цель исследования заключается в выявлении и анализе мотивационных причин, побуждающих студентов к созданию семьи в студенческом возрасте, а также в оценке и характеристике используемых ими жизненных стратегий в контексте семейных и личных целей. Для достижения этой цели было проведено анкетирование 120 студентов в возрасте от 19 до 24 лет, которые вступили в зарегистрированный брак не менее одного года и обучаются очно в вузах г. Иваново. Таким образом, исследование ориентировано на понимание внутренних мотивов молодых людей, их ценностных ориентиров и подходов к формированию семейных отношений в условиях студенческой жизни, а также на выявление особенностей их жизненных стратегий в контексте семейных целей и задач. При этом можно сформулировать общую задачу исследования – углубленное понимание мотивационных причин и жизненных стратегий, что позволяет проследить особенности формирования и развития семейных отношений в студенческом возрасте, а также выявить возможности для повышения их устойчивости и гармоничности.

Результаты анкетирования. Выявлено, что 78% респондентов указали эмоциональную близость и желание «быть вместе постоянно» как главную причину вступления в брак. Лишь 15% отметили прагматические мотивы: упрощение бытового устройства или материальную поддержку. Интересно, что 42% пар познакомились еще до поступления в вуз, что говорит о преемственности отношений и их независимости от образовательного контекста.

Анализ жизненных стратегий показал доминирование трех подходов к организации семейной жизни. Первая стратегия – «академический приоритет» – применяется в 65% семей: один из супругов временно берет на себя основную финансовую нагрузку (часто за счет подработок), позволяя партнеру сосредоточиться на учебе. Вторая – «симметричная нагрузка» – характерна для 25% пар, где оба супруга совмещают учебу с работой, что приводит к хроническому дефициту времени, но укрепляет чувство равноправия. Третья стратегия – «семейная интеграция» – предполагает активное вовлечение родителей в решение бытовых вопросов (присмотр за ребенком, материальная помощь), что особенно распространено среди семей с детьми (58% таких семей).

Особое внимание привлекает роль коммуникации в преодолении трудностей. 89% респондентов отметили, что регулярное обсуждение планов и проблем становится ключевым ресурсом при возникновении конфликтных ситуаций, связанных с нехваткой времени или средств. При этом 71% пар практикуют совместное планирование недели с распределением бытовых обязанностей, что снижает уровень напряженности.

Среди трудностей, с которыми сталкиваются студенческие семьи, лидируют материальные ограничения (92%), нехватка личного времени (84%) и сложности с жильем (67%). Однако большинство респондентов (76%) оценивают свой опыт позитивно, отмечая, что совместное преодоление трудностей укрепляет отношения и формирует навыки ответственности.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что студенческая семья представляет собой уникальную и динамично развивающуюся социально-личностную систему. Ее мотивация к созданию и сохранению брачных связей в первую очередь определяется эмоционально-личностными мотивами, а способность гибко адаптироваться и использовать социальные ресурсы обеспечивает устойчивость и функционирование внутри условий высшего образования. Развитие специфической семейной культуры, ориентированной на краткосрочные планы с перспективой достижения долгосрочных целей, свидетельствует о ее внутренней гибкости и способности преодолевать трудности образовательного этапа. Такой подход позволяет рассматривать студенческую семью не как источник стрессов и проблем, а как важнейший ресурс поддержки личностного и профессионального развития молодых людей. В дальнейшем внедрение специализированных программ поддержки семейных студентов в рамках вузовской системы может стать эффективным инструментом для укрепления их семейных и академических стратегий, способствуя формированию гармоничного баланса между учебой и семейной жизнью.

Список литературы

1. Васильева, Е.В. Молодая семья в России: ценности и практики повседневности / Е.В. Васильева // Социологические исследования. – 2023. – № 4. – С.45–53.
2. Захарова, Е.А. Брачное поведение студенческой молодежи: региональный аспект / Е.А. Захарова // Вестник молодого ученого. – 2024. – № 2. – С.112–119.
3. Козлова М.И. Студенческая семья как объект социально-психологической поддержки / М.И. Козлова, А.Н. Петров // Психология и педагогика. – 2022. – Т. 15. – № 3. – С.88–97.
4. Лебедева, Т.С. Проблемы совмещения учебы и семейных обязанностей у студентов вуза / Т.С. Лебедева // Высшее образование сегодня. – 2023. – № 7. – С.34–41.
5. Семенова, Т.В. Ролевые стратегии в молодых семьях: гендерный аспект / Т.В. Семенова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2024. – Т. 27. – № 1. – С.156–168.
6. Тихонова, А.Р. Адаптационный потенциал студенческих семей с детьми / А.Р. Тихонова // Семейная педагогика и психология. – 2023. – № 4. – С.72–80.
7. Широкова, О.В. Коммуникативные практики в молодых семьях: опыт преодоления кризисных ситуаций / О.В. Широкова // Вестник РГГУ. Серия «Психология». – 2025. – № 1. – С.103–115.

СВОБОДА ЛИЧНОСТИ В ЗЕРКАЛЕ МИРОВЫХ РЕЛИГИЙ

Красноборова Дарья Максимовна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

krasnoborova.darya@gmail.com

Научный руководитель: Бармашова Татьяна Ивановна, доктор философских наук, профессор

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

tatibar910@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию философских взглядов на свободу личности в контексте мировых религий. На основе сравнительного анализа христианства, ислама, буддизма и иудаизма раскрывается взаимосвязь между историческими условиями их возникновения и формированием специфических трактовок свободы. Показывается, что в христианстве свобода основана на внутреннем волевом выборе между добром и злом, в исламе – на подчинении воле Аллаха через шариат, в буддизме – на освобождении от страданий через карму и осознанность, а в иудаизме – на соблюдении завета с Богом.

Ключевые слова: свобода личности, христианство, ислам, буддизм, иудаизм, мировые религии, сравнительный анализ, философские взгляды

Изучение исторического контекста возникновения мировых религий представляет собой необходимое условие для понимания философских взглядов на свободу личности, сформировавшихся в их рамках. Христианство, ислам, буддизм и иудаизм развивались в разные эпохи и в разной культурной среде, в чем отражаются собственные социальные и мировоззренческие запросы. Эти религии не только отвечали на вопросы о смысле жизни и должном поведении человека, но и формировали представления о его внутренней свободе и ответственности.

Каждая из мировых религий возникла в уникальном историческом контексте, что оказалось определяющим для их дальнейшего развития и становления как самостоятельных духовных систем. Эти религии выделились не просто как этнические или политические объединения, а как независимые сообщества, сформировавшие собственный взгляд на устройство мира и место человека в нем. Свобода в отношении к религии является одним из неотъемлемых прав человека. Такую свободу имеют личности, которые могут относиться к религии по-разному.

В христианском учении личность рассматривается как уникальное творение Бога, наделенное высшей ценностью и свободной волей. Свобода воспринимается здесь не как произвол или вседозволенность, а как дар, отражающий образ и подобие Божье в человеке. Эта свобода выражается в способности выбора между добром и злом, что напрямую связано с понятием спасения души и нравственной ответственностью. Такой выбор не сводится к механическому принятию правил, а требует внутреннего духовного участия и осознания своей ответственности перед Богом и обществом.

Согласно христианским представлениям, вся полнота действительной свободы человека заключена в любви, а любовь – в Боге. Поэтому тот, кто ищет свободы, должен иметь дерзновение приблизиться к Богу. Свобода в христианстве неразрывно связана с моральной ответственностью: человек может либо подчиниться воле Божией и жить по нравственному закону, либо отказаться от этого подчинения, что ведет к греху, отделяющему его от Бога. Подлинная свобода проявляется в способности поступать по внутреннему побуждению совести и любви, а не поддаваться внешним обстоятельствам или стихийным желаниям. Внутренний выбор устремлен не на удовлетворение личных страстей, а на реализацию добра, что делает свободу неотъемлемой частью духовной борьбы и формирования личности [1].

Христианская философия свободы личности опирается на представление о свободе как внутреннем даре, сопряженном с любовью, совестью и ответственностью перед Богом и ближними. Человек свободен в своей воле служить добру, что формирует его личность как образ Божий, или отвергнуть это служение, выбирая зло и грех.

Исламская модель свободы личности принципиально отличается от христианского понимания и представляет собой единство внутреннего подчинения воле Аллаха и исполнения предписаний закона шариата. В исламе свобода – это не произвольное исполнение личных желаний, а жизнь в согласии с божественным предначертанием, выраженным в Коране и сунне. Такая свобода подразумевает сознательное выполнение религиозных обязанностей и норм, которые устанавливают границы дозволенного поведения, направленные на гармонизацию отношений человека с Богом, обществом и самим собой. Вера в исламе – основа духовной свободы, поскольку именно принимая Божью волю с внутренним убеждением, человек становится свободен от страха и корысти [2].

Отличие исламской трактовки свободы от христианской состоит в том, что первый акцентирует внимание на подчинении воле Бога через исполнение шариата как пути к свободе, в то время как второе обращается к внутреннему волевому выбору между добром и злом, подчеркивая автономию личности в рамках нравственного закона. В то же время, обе традиции тесно связывают свободу с нравственной ответственностью и подчинением определенным высшим законам.

Карма в буддийской философии выступает фундаментальным законом причинно-следственной связи, согласно которому каждое сознательное действие неизменно порождает соответствующие последствия. Это понятие буквально означает «содеянное» и обладает четырьмя ключевыми характеристиками: непоколебимостью закона, невозможностью получения результата без действия, неуничтожаемостью и приумножаемостью. Эти условия подчеркивают, что любое деяние оставляет неизгладимый след, влияющий на дальнейшее существование и продолжение цикла перерождений, называемого сансарой.

Особенностью буддийского понимания кармы является не только непосредственная связь действий и их результатов, но и зависимость от обстоятельств совершения поступка. Так, действие, выполненное с сильной негативной эмоцией, умножает пагубные последствия не только на физическом уровне, но и на уровне внутреннего духовного состояния. В то же время удар по человеку, стремящемуся к освобождению, может даже способствовать его духовному росту, приводя к сложным и многогранным последствиям.

Свобода личности в буддизме проявляется через осознанность и этическое усовершенствование. Понимая влияние кармы, человек способен менять свое будущее, контролируя свои действия и мотивы. Это освобождение достигается посредством практики Благородного Восьмеричного пути, который включает правильное воззрение, намерение, речь, действие, образ жизни, усилие, внимательность и сосредоточение. Цель этого пути – прекращение страданий и выход из сансары, что и отражает высшую форму свободы – освобождение от обусловленности и иллюзий.

Благодаря сочетанию жесткого закона кармы и возможности его трансформации посредством духовного труда, буддийская философия предлагает уникальный взгляд на свободу, не сводящуюся к произвольному выбору, но выражающуюся в постоянном внутреннем изменении и освобождении от зависимостей. Стремление к просветлению становится пределом истинной свободы, которая достигается не посредством внешних условий, а через осознание природы реальности и преодоление страданий [3].

В иудаизме свобода рассматривается как божественный дар, который тесно связан с ответственностью человека перед Богом. Свобода не понимается здесь как отсутствие ограничений, а как преобладание внутреннего, духовного начала – божественной частицы, вложенной в человека – над внешними и материальными соблазнами и страстями. Такое внутреннее начало формирует возможность для нравственного выбора, который не продиктован мгновенными желаниями, а исходит из глубокого понимания и служения Божьим заповедям.

Практическое понимание свободы в иудаизме связано с возможностью действовать согласно личному осознанию необходимости и нравственным убеждениям без внешнего принуждения. При этом человек зачастую оказывается «порабощен» моментальными желаниями и страстями, а истинная свобода достигается, когда воля основана на божественной частице и понимании добра и зла. Социально-этический аспект проявляется в исключении ответственности за действия несовершеннолетних или душевнобольных, что подчеркивает особый подход к понятию свободы и ответственности в иудаизме.

Иудаизм предлагает концепцию свободы личности как единство духовного дара и ответственности, где внутренний выбор и соблюдение заповедей взаимно дополняют друг друга. Эта философская модель формирует глубокое понимание свободы, основанное на гармонии между личным духовным поиском и уважением к божественному закону [4].

Разнообразие интерпретаций свободы личности в мировой религиозной мысли отражает глубокие культурно-философские различия и особенности каждой традиции. Несмотря на различия, все они стремятся осмыслить баланс между персональной автономией и духовной ответственностью, выявить место человеческой воли в структуре мироустройства и определить нравственные рамки свободы.

В иудаизме, христианстве, буддизме и исламе – свобода личности тесно связана с отношениями человека с Богом. При этом под свободой понимается не столько отсутствие ограничений, сколько способность свободно выбирать в соответствии с нравственными критериями, заложенными Богом.

Эволюция религиозных учений связана с историческими событиями и духовным опытом их носителей. Появление каждой из мировых религий сопровождалось осмыслением человеческой природы и статуса личности. Так, в древних источниках иудаизма свобода человека тесно связана с заветом с Богом и исполнением законов, которые наделяют свободу смыслом через следование избранному пути. В христианской традиции свобода проявляется в этическом выборе, сопряженном с верой и спасением, что подразумевает не столько произвольность, сколько ответственность перед Богом и ближним. В исламе свобода часто рассматривается через призму подчинения воле Аллаха, где истинная свобода находится в единении с божественным предначертанием. Буддизм предлагает иной подход, концентрируясь на освобождении от страданий и циклов перерождений через постижение природы реальности и кармы.

Общими для всех перечисленных традиций являются понятия ответственности и долга, лежащих в основе нравственного выбора. Независимо от того, рассматривается ли свобода в контексте Божественного Закона или внутреннего духовного развития, человек призывается к выполнению моральных и социальных обязанностей. Труд и служение окружающим воспринимаются как выражение неотделимой стороны свободы – долга и самодисциплины.

Таким образом, можно выделить две основные парадигмы свободы личности: первая – «богословская», характерная для христианства, ислама и иудаизма, где свобода сочетается с подчинением божественной воле и принятием нравственного закона; вторая – «духовно-философская», представленная буддизмом, ориентированная на внутреннее освобождение через постижение и преобразование сознания. Несмотря на эти различия, все религии существенно влияют на формирование нравственных ценностей в культуре, предлагая человеку модели осознанного выбора и личной ответственности. Эти традиции продолжают обогащать диалог о свободе личности, предлагая разные пути ее понимания и реализации в жизни общества.

Таким образом, анализ понимания свободы личности в мировых религиях позволяет сделать вывод, что ни одна из них не отрицает свободу как таковую, но кардинально переосмысливает ее суть. Если в авраамических религиях (иудаизме, христианстве, исламе) свобода – это, прежде всего, свобода для исполнения воли Бога и следования нравственному закону, то в буддизме – это свобода от пут сансары, кармы и иллюзорного «я». Несмотря на эти различия, все религии сходятся в одном: подлинная свобода не тождественна произволу

и анархии. Она достигается через добровольное самоограничение, духовную дисциплину и осознанный выбор в пользу добра, истины и освобождения, что в конечном итоге ведет человека к высшей цели – спасению, просветлению.

Список литературы

1. Хомелев, Г.В. Философский и религиозный смысл христианского учения о свободе человека / Г.В. Хомелев // Манускрипт. – 2018. – №1 (87) – С.93–98.
2. Яблоков, И.Н. Базовый принцип свободы в отношении к религии / И.Н. Яблоков // Социально-политические науки. – 2018. – № 1. – С. 44–48.
3. Волкова, В.А. Проблематика свободы воли и моральной ответственности в этике буддизма / В.А. Волкова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2024. – Т. 28. – № 1. – С. 109–119.
4. Яструбенко, О.А., Абдулаева, И.А. Сходство христианства, иудаизма и исламства / О.А. Яструбенко, И.А. Абдулаева // Мировая наука. – 2019. – № 12 (33). – С. 446–451.

САКРАЛЬНЫЕ ЖИВОТНЫЕ В КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЯХ

Кремнева Наталья Дмитриевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

kremnevanata13@mail.ru

Научный руководитель: Конникова Лилия Юрьевна, кандидат культурологии, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

konnikova@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена как непосредственно человек с давних времен связывал себя с природой. Какие были сакральные животные в культурах разных стран, откуда пошло поклонение животным, что они символизировали. Показать, что анимизм и тотемизм был важен не только в далеком прошлом, но и в современном мире.

Ключевые слова: анимизм, тотемизм, священные животные, природа, мировоззрение

С давних времен люди наблюдали за «бытом» животных и замечали в их поведении качества, которые могли бы пригодиться для охоты и самого главного - для выживания. После наблюдений и всего анализа полезных признаков у животных, человек делает их объектом уважения и внимания. Такими же качествами обладали боги и духи, которым поклонялись люди издавна. В связи с этим они считались «проводниками» между богами, природой, духами и людьми.

В книге Джеймса Джорджа Фрэзера «Золотая ветвь» анимизм и тотемизм рассматриваются как ключевые элементы первобытного мировоззрения, которые формировали ценностную картину мира и мифологические представления. Эти концепции играли важную роль в объяснении природных явлений, социальных отношений и культурных практик.

Анимизм – вера в существование душ и духов, одушевление различных предметов, растений, животных, явлений природы. По мнению Дж.Фрэзера, религия исходит из анимизма, то есть представления о мире как пространстве для действия духов. В отличие от анимистической теории происхождения религии Эдуарда Тайлора, Фрэзер считал, что анимизм не был первоначальной формой мировоззрения. Он полагал, что сначала доминировала магия, а уже позже, когда человек перестал верить в собственные магические способности, возникла религия, основанная на вере в духов и богов [1].

Роль в формировании ценностной картины мира:

- Она объясняла необъяснимые для первобытного человека явления (сон, болезнь, смерть) через веру в богов и духов.
- Одушевление природы создавало основу для ритуалов и обрядов, направленных на взаимодействие с этими духами – одаривание различными благами для защиты, удачи и плодородия почв.
- Анимизм влиял на отношение к смерти и погребальным обрядам: вера в существование душ умерших формировала представления о загробной жизни и необходимости почитания предков. Так же о необходимости захоронения умерших.
- В мифологическом мировоззрении анимизм лег в основу многих мифов, где природные объекты и явления наделялись личностными качествами.

Дж. Фрэзер утверждал, что религия, в отличие от магии, основана на идее о личных силах – духах и богах, с которыми человек может взаимодействовать через молитву, жертвоприношения и другие ритуалы [2].

Тотемизм – вера племени в свое родство с определенным растением, животным, природным явлением или предметом. Тотем мыслился как реальный предок, которому племя поклонялось. Имя тотема часто носило само племя. В «Золотой ветви» Фрэзер анализирует

тотемизм в контексте сравнительного изучения мифологии, магии и религии, подчеркивая его роль в ранних обществах как механизма социальной организации, регуляции брачных отношений и формирования табу.

Роль в формировании ценностной картины мира:

- Тотемизм отражал зависимость человека от природы, особенно от объектов охоты и собирательства. Тотем воспринимался как защитник рода, от которого зависела жизнь всего коллектива.

- Вера в инкарнацию тотема в новорожденных укрепляла родовые связи и формировала чувство единства.

- Тотемистические представления влияли на социальные нормы: часто запрещалось убивать или употреблять в пищу тотемное животное/растение, что могло регулировать использование ресурсов.

- Обряды и ритуалы, связанные с тотемизмом (инициации, охотничьи церемонии, сезонные праздники), способствовали передаче культурных норм.

С давних времен приветствовалось жертвоприношение в виде животных для хорошего урожая.

«Так, от царя часто ожидали воздействия в нужном направлении на погоду, чтобы зрели посевы и т. д.»- цитата из книги Джеймса Джорджа Фрэзера «Золотая ветвь. Исследование магии и религии» [2, 104]. Но не обязательно и не всегда религиозное действие принимает форму ритуала, то есть состоит в произнесении молитв, совершении жертвоприношений и других внешних обрядовых действий. Цель их – угодить божеству. Но если божество, по мнению его приверженцев, находит удовольствие в милосердии, прощении и чистоте, а не в кровавых жертвах, пении гимнов, то угодить ему лучше всего можно, не воспевая хвалы и не наполняя храмы дорогими приношениями, а исполнившись чистотой, милосердием и состраданием к людям.

Существовали даже «священные зоопарки». Священные зверинцы не использовались как развлечения или украшение, их содержание было частью церемониальных обязанностей, а жизнь и здоровье животных напрямую влияли на символическое взаимодействие с богами. Испанские хроники указывают, что такие «священные зоопарки» располагались рядом с дворцом и включали широкий спектр видов – от лягушек и змей до пум, бизонов и крупных хищников. Животные считались «пищей богов» и использовались в церемониях, приносясь в жертву для умиротворения божеств.

Анализ данных показал, что содержание животных имело глубокое религиозное значение. Они выступали «символическими посредниками» между богами и людьми, олицетворяя землю, небо и воду в зависимости от вида. Животные использовались как часть церемоний, поддерживающих духовный и социальный порядок. Содержание зверей под контролем человека укрепляло власть жрецов и правящей элиты, поскольку религия и политика были неразделимы.

Для разных стран были характерны определенные животные, которым люди поклонялись. Они имели разное значение, в зависимости от плодородия почвы; климата; географического положения стран, в каком состоянии находится страна на данный момент.

Сравнение священных животных в культурах разных стран.

Египет. Жаркий климат, почвы плодородные вблизи Нила, редкие осадки. В связи с этим были необходимы животные, которые будут «приносить» плодородие почвам, хороший урожай. Тотемизм был ранней формой верований, характерной для племенного строя. Со временем он отошел от основной веры и на замену ему пришел политеизм, в которой животные стали символами богов, а не предками племен. Тотемы были связаны с областями в Египте (номами), но со временем тотемы стали образами богов. В Египте анимизм лег в основу почитания природных сил и животных как вместилищ божественного начала.

Здесь люди занимались мумифицированием, но не только тел самих фараонов, их жен и детей, но и их любимых или просто священных животных, в том числе и крокодилов.

Священными животными являлись *кошки* (защищали урожай от грызунов, тем самым были незаменимыми в земледелии), являлись воплощением богини Бастет- она символизировала плодородие, домашний очаг, любовь; богиня изображалась с головой кошки [3]. *Священный бык* Апис был воплощением божеств Птаха и Осириса- символ силы и плодородия. *Сокол*, был связан с богом неба Гором и солнца Ра, символизировал царскую власть. *Крокодил*, олицетворял бога Собек, защитника Нила и его вод. *Ибис*, был воплощением бога мудрости - Тотом. *Скарабей (жук)*, символ возрождения и вечного движения, связаны с богом Хепри. *Шакал*, ассоциировался с Анубисом, богом бальзамирования и загробного мира.

Мексика. Климат довольно разнообразен. В большей части страны климат тропический. Много крупных рек Тихоокеанского бассейна, Мексиканский залив. Священные животные в Мексике в основном не были связаны с плодородием почвы.

Здесь многие животные воспринимались, как воплощения духов или были с ними связаны. На ранних этапах могли существовать запреты на убийство тотемного животного вне ритуала. Животное могло ритуально поедаться для обретения его качеств (например, воины могли употреблять мясо ягуара или орла). Изображения тотемов использовались в обрядах инициации и военных церемониях.

Священными животными считались *ксолоитцкуинтли* (бесшерстная собака), считавшаяся проводником душ в подземный мир. Считалось, что ксоло оберегают дом и отпугивают нечистую силу. Так же тепло этих собак ценилось как лечебное средство при ревматизме и простудах. Археологи находят мумифицированные останки ксоло и их изображения на керамике, статуэтках и фресках возрастом более 3000 лет. *Ягуар*, был важным символом в культурах ольмеков, майя и ацтеков. Его мощь, способность выживать в джунглях и ночной образ жизни делали его объектом почитания. Боги майя с атрибутами ягуара считались богами подземного мира. В искусстве ольмеков ягуары часто изображались с человеческими чертами. У ацтеков существовал бог Тепейоллотль – покровитель ягуаров, пещер, землетрясений и горного эха. *Волк и Пум*, приносились в жертву, символизируя мощь природы.

Япония. Климат Японии муссонный, с преобладанием влажных и сухих сезонных ветров. Из-за значительной протяженности страны с севера на юг климат варьируется: на севере – умеренный, в южной части Японских островов – субтропический, на островах Рюкю – тропический. В Японии густая сеть коротких, но полноводных, преимущественно горных рек. Была распространена торговля, как внешняя, так и внутренняя.

Анимизм в Японии тесно связан с синтоизмом - традиционная религия страны. Он основан на вере в существование духов ками, которые населяют природные объекты и явления (ветер, дождь, горы, камни, духов умерших предков). У многих родов и кланов были свои эмблемы (*камон*), часто изображавшие животных или растения. Эти символы передавались по наследству и обозначали принадлежность к роду.

Здесь священными животными являлись *кицунэ* (лисы), умные, обладающие магией, символизировали божество Инари (покровителем риса, плодородия и процветания). *Тануки* (Енотовидные собаки), символизируют счастье, процветание и удачу в торговле. Они почитаются как оборотни, способные принимать облик людей, приносить богатство, защищать от воров. *Олень*, считается, что первый ками, поселившийся в Наре, прибыл верхом на белом олене, символизировал мир, гармонию, в древности убийство оленя каралось смертью, сегодня их оберегают как живых символов города. *Дракон* (Рю), могущественный символ силы, воды и удачи, часто связан с императорской властью. Считалось, что драконы управляют дождем, реками, морями. Символизировали силу, удачу, мудрость, связь с небом и землей. *Феникс*, символ юга, возрождения и счастья, связан с императором. *Журавль* (Цуру), один из самых почитаемых символов долголетия, счастья и верности. *Черепаха* (*камэ*), символ долголетия и севера. Часто изображается с журавлем – вместе они символизируют вечное благополучие.

России. Климат здесь характеризуется четким разделением на теплые и холодные сезоны года. Страна расположена в четырех климатических поясах: арктическом, субарктическом, умеренном и субтропическом. Большое количество полноводных рек (Енисей, Лена, Обь). В связи с тем, что в некоторых регионах России климат для земледелия не был благоприятным, были необходимы животные, которые будут «приносить» плодородие почвам, хорошую урожайность.

Для России в Анимизме характерно одушевление предметов и явлений в фольклоре - в сказках помогают печка, речка, яблоня («Гуси-лебеди», «Баба-яга»); заговоры и обряды, направленные на взаимодействие с духами болезней, природы. Тотемизм в русской культуре со временем «смешался» с анимизмом и шаманизмом. У народов Сибири и Севера (ненцы, якуты и тд.) род мог иметь названия животных (род Лося, род Волка, род Орла), что указывало на тотемное происхождение. Тотем служил символом единства рода, его отличительным знаком.

Здесь характерны такие священные животные, как *бурый медведь*, считался древними славянами богом плодородия, защитником от зла и прародителем. Медведь – главный символ России, ассоциирующийся с силой и мощью, его пробуждение весной связывали с пробуждением природы. *Лошадь* (в Якутии), они считают лошадь священным животным небесного происхождения, символом жизни и достатка. *Волк*, считался символом вольной жизни, умения выживать в дикой природе. В мифологии он иногда ведет героя через лес-ассоциация с границей между «своими» и «чужими» мирами. *Конь* (жеребец), был символом урожая и плодородия - участвовал в обрядах, нацеленных на урожайный год (масленица). В погребальных обрядах коня могли хоронить вместе с хозяином как проводника в иной мир. *Амурский тигр*, символ Дальнего Востока, требующий особого поклонения и защиты. *Олень*, почитается народами Севера как священное животное, кормилец и символ благополучия.

Давайте представим ситуацию, при которой в мире случился катаклизм. Исчезли все следы цивилизации и история человечества «стерлась». Останется лишь человек, вновь столкнувшийся с один на один с дикой природой. И человек будет начинать путь к новой культуре точно так же, как и наши предки: с поиска сакрального в окружающем мире, но, что самое важное - он обязательно будет искать своих сакральных в животных.

Список литературы

1. Тайлор, Э.Б. Первобытная культура / Э.Б. Тайлор. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 742 с.
2. Фрэзер, Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии: В 2 т. / Пер. с англ. М. Рыклина / Дж. Дж. Фрэзер. – М.: ТЕРРА Книжный клуб, 2001. – 528 с.
3. Коростовцев, М.А. Религия Древнего Египта / М.А. Коростовцев. – Альма-Матер, 2023. – 320с.

ФИЛОСОФИЯ ГРАНИЦЫ И ПАРАДОКСЫ КАДАСТРОВОГО УЧЕТА

Лаврентьева Валерия Сергеевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

v.lavrenteva@yandex.ru

Научный руководитель: Барина Светлана Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

sgb2022@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются философские аспекты границы в кадастровом учете, анализируются парадоксы реестровых ошибок и влияние цифровизации на право собственности.

Ключевые слова: философия, границы, кадастр, Земля, пространство

На первый взгляд может показаться, что философия и землеустройство очень далеки друг от друга. Философия занимается высокими материями, а землеустройство – прикладными задачами. Но если присмотреться, у них общий предмет – пространство и границы человеческого бытия [1]. Философы веками размышляли о том, что такое граница, а землеустроители устанавливают их на местности. Выходит, что землеустройство – это своего рода практическая философия, где абстрактные идеи воплощаются в конкретных координатах.

Кадастровые инженеры выполняют работы в области межевания земель, выполняют замеры, устанавливают границы земельных участков, а также определяют характеристики объектов недвижимости.

Изначально эта работа кажется технической, но, несмотря на все технические аспекты, специалист также обладает и другими навыками, например, коммуникация, умение общаться с людьми и решать сложные и спорные ситуации, возникающие в ходе выполнения работы. Ведь за каждым участком стоит человек со своими интересами, страхами и ожиданиями.

Кроме того, из-за технических ошибок в Едином государственном реестре недвижимости (ЕГРН), при неправильной передаче информации о границах участков в дальнейшем могут произойти неприятные ситуации и ссоры между людьми. Особенно остро эта проблема встает в эпоху цифровизации, когда данные из реестра начинают жить своей жизнью, иногда оторванной от реальности.

Границы одновременно существуют в двух мирах: физическом и юридическом. В физическом мире это может быть забор, канава или просто условная линия, которую знают соседи. В юридическом – это координаты в Едином государственном реестре недвижимости. И эти два мира не всегда совпадают, получается, что один и тот же участок может иметь разные границы в реальности и документах. Где же в таком случае проходит «настоящая» граница и кому врать – своим глазам или данным из ЕГРН?

Если задуматься, то границы – это не просто линии на бумаге. Это сложный феномен, в котором переплетаются право, геометрия, человеческие отношения и даже философия. Раньше, в древности, люди относились к границам как к чему-то священному, для людей был важен забор, так как он показывал, где проходят границы их участка, а где начинается чужое. Рассмотрим, что об этом говорил древнегреческий философ Аристотель. Он считал, что граница – это то, без чего вещь не будет существовать, и если нет границ, то будет хаос. У древних греков были даже боги-хранители границ [2].

«Бог, высшее существо, занимается совершенным созерцанием самого достойного объекта, которым является он сам» [3, с. 14].

На сегодняшний день люди не относятся к границам как к чему-то священному, но и простыми цифрами их тоже не назовешь. Границы стали юридически значимыми линиями, определяющими пределы земельных участков. Правильно отображенные границы защищают права человека и помогают избежать проблем. В XVII веке ученые считали, что пространство везде одинаковое, а граница – это лишь цифры в системе координат [4, С.322–327]. Сегодня мы живем в мире, где главная граница – это запись в компьютере.

Философ Жан Бодрийяр утверждал, что в современном мире границы между оригиналом и копией становятся неразличимы. Люди верят базе данных больше, чем своим глазам. И с этим невозможно не согласиться, ведь на самом-то деле мы верим цифровым копиям больше, чем реальности.

Представим ситуацию: «Бабушка более 20 лет сажает огород в пределах забора. Приходит кадастровый инженер и сообщает, что в документах ошибка и ваш забор находится за границами вашего участка, на территории соседа». Согласно законам, это ошибка, возникшая в ЕГРН из-за неточности в документах, послуживших основанием для внесения сведений. Но если смотреть с другой стороны, то где же тогда проходит «настоящая» граница, если она существует на местности уже более 20 лет в виде забора, признанного обеими сторонами. В мире идей, то есть в правильных координатах или же в мире вещей, в фактическом землепользовании?

«На первый взгляд, самым очевидным способом повышения ответственности власти представляется выработка и утверждение законодательных норм, которые четко регламентируют, что есть ответственность власти и какие конкретно меры наказания грозят за ее неисполнение» [5, с. 295].

Парадокс заключается в том, что с одной стороны, закон требует исправление ошибки, а с другой – многолетнее согласие соседей и сложившийся порядок землепользования имеют большой социальный вес. Бывает, что участок есть в базе данных ЕГРН, имеются границы, точные координаты, а на местности – чистое поле, нет ни забора, ни межевых знаков. Возникает ситуация раздвоения реальности. Участок существует как объект права и как объект налогообложения, но при этом не выделяется в физическом пространстве. Это вызывает состояние неопределенности, потому что право собственности есть, а воспользоваться им без риска спора невозможно. Человек не может чувствовать себя хозяином, пока не видит реальные границы своего участка.

В июне 2025 года была ситуация, произошедшая с Сергеем Лахамом [6]. Суть истории состоит в том, что Сергей владел двумя смежными участками, он платил налоги, а потом выяснилось, что сведения о границах участка в ЕГРН удалились, а поверх наложили другой участок и продали. Экспертиза подтвердила наличие реестровой ошибки, суды признали наложение, но отказали истцу, сославшись на срок исковой давности. Авторы, анализирувавшие это дело, справедливо называют данную ситуацию «квантовым парадоксом». Участок существует для фискальных органов, как объект налогообложения, но при этом не существует для правовой защиты, как объект с определенными границами. Это яркий пример того, как цифровая система, призванная обеспечивать публичную достоверность реестра, превращается в инструмент отчуждения. Цифровая запись исчезла, а вместе с ней исчезло право собственности.

Кадастровые границы – это не только геометрическая или правовая категория, но и мощный социальный регулятор. Устанавливая границы, мы структурируем социальное пространство, создаем «свое» и «чужое».

Подводя итог, во-первых, хочется сказать, что границы нужны, иначе без них будет хаос. Кадастровые границы – это необходимая социальная условность. Без этого невозможна защита прав собственности и устойчивое развитие территорий.

Во-вторых, современные этапы развития кадастра, связанные с полной цифровизацией, порождают новые риски. Случай, связанный с С. Лахамом показывает, что право собственности может легко исчезнуть вместе с информацией об участке.

В-третьих, каждый кадастровый инженер должен помнить, что за каждым участком

стоит живой человек. Нельзя слепо верить только цифрам из базы данных, надо выезжать на место, смотреть своими глазами, разговаривать с людьми. Только так можно избежать несправедливости. И главное – он должен помнить, что его работа – это не просто измерения, а ответственность перед людьми.

Список литературы

1. Фаритов, В. Т. Смерть философии: на краю мысли / В. Т. Фаритов // Человек в информационном обществе: сборник материалов научно-практической международной конференции. – Самара: Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева, 2021. – С. 671–675.
2. Николина, Н. В. Пространственные метафоры в исследовании науки: от границы к картам / Н. В. Николина // Философский журнал. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 112-123.
3. Баринова, С. Г. Философия Аристотеля как всемирное духовное наследие / С. Г. Баринова // В сборнике: Наука и секулярность: миф и реальность. Материалы Национальной (Всероссийской) научно-практической конференции, приуроченной к Всемирному дню философии. Красноярск, – 2022. –С. 13-15.
4. Чумаков, А. Н. Пространство и время. Коняев Философия: учебник / под ред. А. Н. Чумакова. – 3-е изд., перераб. и доп./ А. Н. Чумаков, С. Н. – Москва: Проспект, 2022. – 525с.
5. Баринова, С. Г. Власть и ответственность в условиях социального кризиса / С. Г. Баринова // Вестник КрасГАУ. – 2014. –№ 6 (93). – С. 294-298.
6. Александрова, Н.П. Право собственности как квантовый феномен: кейс цифрового отчуждения. – Текст: электронный // URL: <https://ros-advocat.ru/offices/pravo-sobstvennosti-kak-kvantovyy-fenomen-kejs-cifrovogo-otchuzhdenija.html> (дата обращения 13.02.2026).

ЛОГИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В СТРУКТУРЕ ПРАВА И ОШИБКИ В ЮРИДИЧЕСКОЙ АРГУМЕНТАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ

Латышева Елизавета Олеговна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

elizaveta.ftk@mail.ru

Научный руководитель: Кубасова Яна Васильевна, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

frogyk@bk.ru

Аннотация. Логика и логические связи важны в практической деятельности юристов, так как логические связи лежат в структуре правовой нормы, которая представляет собой логическое высказывание. Неточность в толковании правовой нормы может привести к ошибкам и неточностям в процессе аргументации, искажающем правоприменение.

Ключевые слова: логика в праве, структура правовой нормы, логические связи, юридическая аргументация, логические ошибки, правоприменение, конъюнкция, дизъюнкция, импликация, судебные прения

Современные ученые призывают большое внимание уделять логическим основам в юридической деятельности. Правильность построения логических связей в процессе аргументации позволяет составить стройную систему, содержащую непротиворечивые факты, позволяющие получить достоверный вывод. Логика в правовой аргументации обеспечивает функционирование правового механизма, позволяя не допускать различных ошибок и неточностей [1, с. 21].

В современном понимании правовая норма – это правила поведения, структура которых зачастую фиксируется формулой «если-то-иначе», которая описывает механизм правового регулирования, логическую структуру права. Сложные нормы права в основном состоят из мелких, более простых суждений, связанных особыми «мостиками», а именно логическими константами [2, с. 291].

В структуре правовых норм чаще всего встречаются такие логические постоянные:

- Конъюнкция представляет собой бинарную логическую операцию, соответствующую союзу «и». Сложное высказывание, сформированное посредством конъюнкции, приобретает истинное значение исключительно при условии, что все его составляющие высказывания являются истинными [3, с. 332].

- Требование к письменной форме сделки, изложенное в пункте 1 статьи 160 Гражданского кодекса РФ, служит наглядным примером логической операции «и» (конъюнкции) [4]. Согласно этой норме, для того чтобы сделка считалась заключенной в письменной форме, необходимо, чтобы были выполнены два взаимосвязанных условия: во-первых, должен быть создан документ, содержащий суть сделки, и, во-вторых, этот документ должен быть заверен подписью – либо непосредственно участниками сделки, либо их уполномоченными представителями. Следовательно, для корректного оформления сделки требуется обязательное присутствие обоих этих компонентов; ни один из них не может быть проигнорирован или заменен другим.

- Дизъюнкция представляет собой логический оператор, эквивалентный союзу «или». Сложное высказывание, сформированное посредством дизъюнкции, приобретает истинное значение, если хотя бы одно из его составляющих высказываний является истинным [3, с. 332].

- В качестве примера дизъюнкции можно привести норму статьи 328, пункта 2 Гражданского кодекса РФ [4]. Она гласит, что если одна сторона не исполнила свои обязательства полностью, то другая сторона, имеющая встречное исполнение, получает

право выбора: либо временно прекратить выполнение своих обязательств, либо отказаться от их выполнения в соответствующей части. Таким образом, закон дает стороне возможность самостоятельно определить, как поступить, не обязывая ее совершать оба действия одновременно.

- Импликация представляет собой бинарную логическую операцию, которая формализует условное утверждение вида «если А, то В». Результат этой операции является ложным исключительно в одном случае: когда посылка (антецедент) истинна, а заключение (консеквент) ложно. Во всех остальных случаях имплицативное высказывание считается истинным [3, с. 332].

Примером импликации служит положение статьи 687, пункт 4 Гражданского кодекса РФ. Согласно этой норме, наймодатель получает юридическое право (возможность) вынести нанимателю предупреждение о необходимости исправления ситуации, но только в том случае, если наниматель или другие лица, за которых он отвечает, используют жилое помещение не по назначению или систематически нарушают права и интересы соседей. Иными словами, наличие нарушения является обязательным условием для реализации наймодателем своего права на предупреждение.

Все вышеперечисленное показывает, что логические связи формируют каркас правовой системы, делая ее точной и однозначной. Однако, понятие «правоприменение» включает в себя не только толкование закона, но и процесс аргументации, в котором стороны того или иного правоотношения отстаивают свои позиции. Часто, в процессе аргументации, участники судебных прений допускают неточности, возникающие по причине нарушения логических связей. Подобные нарушения ведут к возникновению логических ошибок, которые могут исказить ту или иную правовую норму. В результате получается неистинный вывод, которым нельзя успешно апеллировать в аргументации другой стороны судебных прений.

Любая аргументация строится, прежде всего, на доказательствах. В логике доказательство представляет собой процесс подтверждения истинности какого-либо утверждения путем приведения других утверждений, истинность которых уже установлена. [5, с. 110]. Доказательство состоит из тезиса, то есть утверждение, истинность которого предстоит доказать и основания – положения, которыми доказывается истинность тезиса. Но без логических связей тезис и аргумент не представляют собой доказательства. Именно логическая связь позволяет соединить основания и доказать истинность тезиса. Ошибки в логике разрывают цепочку рассуждений и мешают прийти к правильному заключению.

Александр Архипович Ивин в своем учебном пособии для вузов пишет, что логическая ошибка – это ход мысли, который нарушает какие-либо законы или правила логики.

Рассмотрим типичные ошибки в судебной аргументации. Они чаще всего касаются структуры аргументации: тезиса, основания и логических связей.

Ошибки в отношении тезиса: Тезис может подменяться. Это значит, что в ходе аргументации и рассуждения доказывается не то утверждение, которое было выдвинуто вначале [5, с.119]. Данную ошибку можно проиллюстрировать подобным примером: прокурор должен доказать, что обвиняемый совершил разбой. Вместо этого он доказывает, что разбой ужасное преступление, которое разрушает основы общества. То есть, прокурор доказал тезис об опасности разбоя, а не доказал тезис о виновности обвиняемого.

Также тезис может расширяться, то есть в процессе доказательства исходное утверждение заменяется более широким, общим. Когда тезис расширяется, он становится слишком уязвимым, так как он может содержать как истинные положения, так и охватывать ложные. Примером может служить следующее: следствие установило, что человек совершил кражу в магазине. Прокурор заявляет, что обвиняемый ведет преступный образ жизни и несет опасность всем гражданам и их собственности. Ошибка заключается в том, что доказать «преступный образ жизни» намного сложнее, чем единичную кражу. Если в

судебных прениях будет доказано, что данная кража первый проступок, то тезис о «преступном образе жизни» станет неосновательным [5, с. 120].

Также существует логическая ошибка как сужение тезиса, означающая, что доказываемое положение необоснованно ограничивается по объему и содержанию. Например, истец заявляет, что ответчик систематически нарушал условия договора аренды в течение года, но предоставляет неоплаченную квитанцию только за один месяц. Доказательство одного случая не подтверждает систематичность [5, с. 120].

Ошибки в отношении оснований: основания, то есть аргументы, служат фундаментом доказательства, и именно их достоверность определяет силу всего доказательства. Самыми распространенными ошибками являются: ложный аргумент и круг в доказательстве. «Ложность основания» означает принятие за истину ложного утверждения. Например, обвинение строится на показаниях свидетеля, который утверждает, что видел преступника детально, но позже выясняется, что у него плохое зрение и в данный момент он был без очков. Следовательно, аргумент «свидетель опознал личность» ложен.

«Круг в доказательстве» представляет собой логическую ошибку, при которой тезис, подлежащий обоснованию, используется в качестве одного из аргументов для его же подтверждения. Типичным примером является следующее: «Свидетельские показания заслуживают доверия, поскольку свидетель является честным человеком; а честность свидетеля подтверждается правдивостью его показаний».

Ошибки в отношении логической связи:

Формальная ошибка – это ошибка в демонстрации, при которой тезис логически не следует из принятых посылок, то есть доказательство не опирается на логический закон. Между посылками и выводом образуется разрыв: даже если все утверждения верны, они не доказывают конечный результат, так как нарушены правила их объединения. Рассмотрим следующий пример: «Если я зайду к соседу, он отдаст мне старый ноутбук; когда сосед отдаст мне ноутбук, я его продам и куплю скейтборд; значит, если я зайду к соседу, я его продам и куплю скейтборд». Местоимение «его» в последней части цепочки грамматически относится к соседу, а не к ноутбуку. В результате буквальное прочтение заключения приводит к абсурдному выводу о продаже самого соседа, хотя имелась в виду продажа ноутбука [5, с. 119].

Ошибка «Не вытекает» проявляется и тогда, когда связь между аргументами и заключением кажется убедительной лишь внешне, а чувство логичности создается исключительно путем простого перечисления фактов. Яркий пример – фиктивное «обоснование» немецкого физика В. Нернста, утверждающего, что четвертое начало термодинамики вообще невозможно открыть. Его аргументация основана на таком наблюдении: за первым началом последовало три исследователя, за вторым – двое, за третьим – один. Исходя из возникающей убывающей тенденции, он приходит к выводу, что авторов четвертого начала должно быть ноль, то есть никто его открыть не сможет. Хотя это звучит убедительно, на деле между количеством соавторов и вероятностью научного открытия нет ни малейшей логической зависимости [5, с. 119].

Эта ошибка также возникает при так называемом «доказательстве от отсутствия», когда вывод основывается на факторах, которые не могут служить его доказательством. Например, утверждается, что отсутствие проволоки в гробницах ассирийских царей свидетельствует о наличии у них беспроводного телеграфа. Между отсутствием предмета и выводом о развитии технологий нет никакой логической связи [5, с. 119].

Таким образом, формальная логика является системообразующим элементом юридической деятельности. Логические связи являются важным структурным элементом правовых норм, а нарушение этих связей влечет за собой серьезные последствия, выражающиеся в неистинности вывода и лишенности доказательства объективности. Без следования законам логики аргументация теряет юридическую силу, превращаясь в необоснованное мнение.

Список литературы

1. Парунова, Ю. Д. Логические методы в правовой аргументации / Ю. Д. Парунова. – Текст: электронный // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2022. – № 3 (215). – С. 112-118. – Текст: электронный // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/logicheskie-metody-v-pravovoy-argumentatsii> (дата обращения: 03.02.2026).
2. Саак, А. Э., Иванов, И. Г., Ельчанинова, Н. Б. К вопросу о логической структуре нормы права/ А. Э. Саак, И. Г. Иванов, Н. Б. Ельчанинова // Известия ЮФУ. Технические науки. – 1998. – №1. – Текст: электронный // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-logicheskoy-strukture-normy-prava> (дата обращения: 06.02.2026).
3. Апалькова, А. А., Букреева, А. И. Логические ошибки в юридической деятельности / А. А. Апалькова, А. И. Букреева // Символ науки. – 2016. – №12-3. – Текст: электронный // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/logicheskie-oshibki-v-yuridicheskoy-deyatelnosti> (дата обращения: 03.02.2026).
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. От 25.12.2025). КонсультантПлюс – Текст: электронный // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 06.02.2026).
5. Ивин, А. А. Логика: учебное пособие для студентов вузов / А. А. Ивин. – Москва: Оникс: Мир и Образование, 2008. – 336 с.

ЗНАЧИМОСТЬ ИНДУКТИВНЫХ УМОЗАКЛЮЧЕНИЙ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

Малухина Анастасия Борисовна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

anas16bor20044naast@mail.ru

Научный руководитель: Холонина Наталья Викторовна, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

vergaletsnatalia@gmail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются индуктивные умозаключения, лежащие в основе эмпирического познания человека. Автор анализирует виды индуктивного обобщения: перечислительная индукция, элиминативная индукция и индукция как обратная дедукция. В качестве иллюстрации закрепления индукции в повседневной жизни автор обращается к народным приметам, поскольку они формируются в результате длительных наблюдений и являются практической реализацией неполной индукции.

Ключевые слова: индуктивные умозаключения, индукция как обратная дедукции, логика, неполная индукция, перечислительная индукция, полная индукция, причинно-следственные связи, приметы, элиминативная индукция, формальная логика

Познавательная деятельность человека на протяжении всей истории опиралась на множество методов и подходов, позволяющих постигать законы природы и общества. Однако фундаментом научного мышления всегда оставались два основных логических метода – дедукция и индукция. Оба метода были разработаны еще в период античной философии. Дедукция как способ рассуждения от общего к частному доминировала в науке вплоть до XVI столетия. А начиная с эпохи Нового времени уже индукция набирает популярность в философской среде. Философы и ученые этого периода, такие как Фрэнсис Бэкон, Исаак Ньютон и Джон Стюарт Милль, видели в индукции не просто логическую процедуру, а главный метод опытного естествознания, позволяющий открывать законы природы.

Под индукцией в современной логике и методологии науки понимается форма мышления, посредством которой осуществляется обобщение накопленного опыта и переход от высказываний о единичных фактах к высказываниям об общих закономерностях. Это один из ключевых методов эмпирического познания, позволяющий выдвигать гипотезы и формулировать теоретические положения на основе наблюдаемых данных.

Исторически сложилось несколько подходов к классификации индуктивных умозаключений. В частности, в методологии науки выделяют следующие (см. рис.1):

1. Перечислительную индукцию (индукция через перечисление), известную еще со времен Аристотеля, которая основана на простом перечислении повторяющихся признаков у предметов исследуемого класса;

2. Элиминативную индукцию, детально разработанную Ф. Бэконом и Дж. Ст. Миллем, которая не просто фиксирует повторяемость, но ищет причинно-следственные связи, используя методы сходства, различия и сопутствующих изменений;

3. Индукцию как обратную дедукцию, предложенную У. Ст. Джевансом, где индукция рассматривается как процесс выдвижения гипотез, из которых затем дедуктивно выводятся следствия, подлежащие эмпирической проверке.

Наиболее распространенной и простой формой индуктивного вывода в научной практике является перечислительная индукция. В процессе эмпирического познания индукция реализует две ключевые задачи: во-первых, служит инструментом открытия нового знания, во-вторых, выступает способом обоснования уже существующих

эмпирических данных. Индуктивно открываются, прежде всего, научные факты. Научный факт – это индуктивное обобщение протоколов наблюдения с помощью перечислительной индукции. Эмпирические законы имеют ту же логическую природу, что и научные факты, различие между ними заключается лишь в содержании исходной информации, подлежащей индуктивному обобщению.

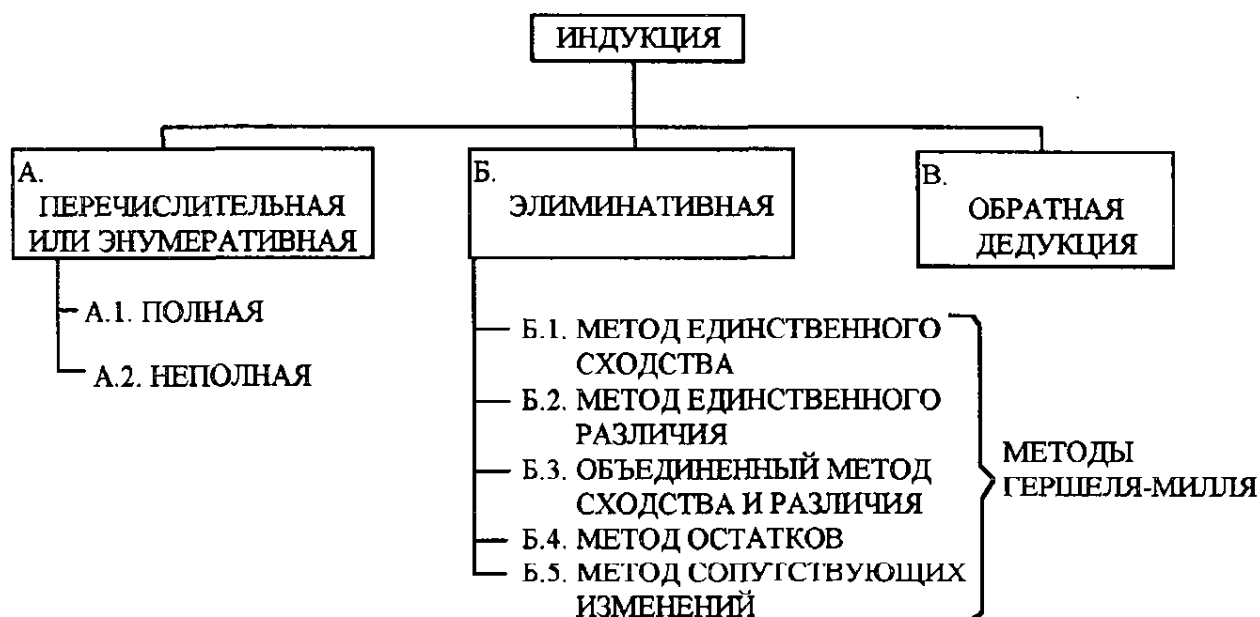

Рисунок 1 - Виды индукции

Полная индукция – это вид индуктивного умозаключения, в котором общий вывод о классе предметов или явлений делается на основе изучения всех без исключения элементов этого класса (см. рис. 2). Вывод здесь носит достоверный характер, так как посылки исчерпывают весь объем рассматриваемого множества.

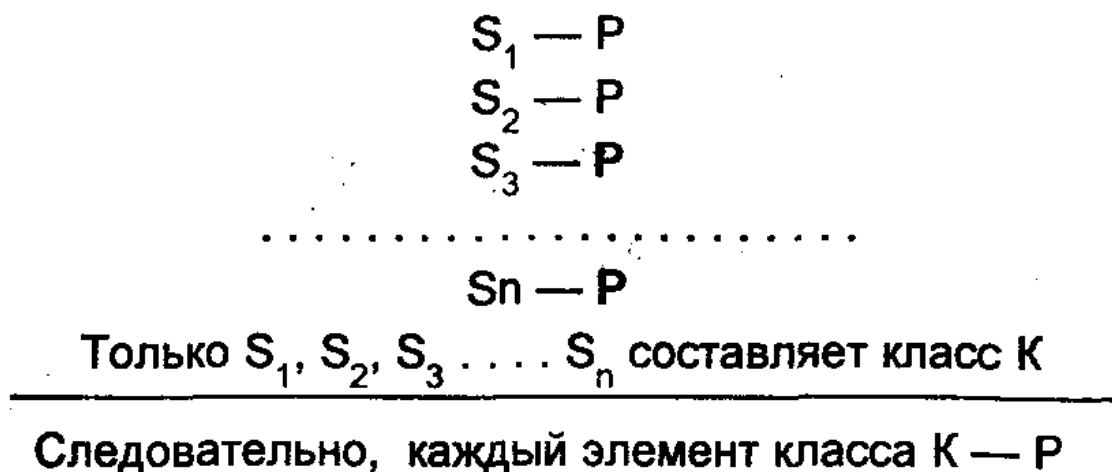

Рисунок 2 – Полная индукция

В случае полной индукции, во-первых, мы имеем дело всегда с исследованием конечного и обозримого класса, во-вторых, в посылках полной индукции содержится информация о наличии или отсутствии интересующего исследователя свойства у каждого элемента класса. К примеру, в 1789 году Лавуазье опубликовал список из 33 химических элементов, известных на тот момент. Это была полная индукция для конечного множества – он перечислил все, что было доступно науке его времени. Еще один пример, Карл Линней поставил задачу: описать все известные виды живых организмов. Он создал систему классификации, где каждому виду нашлось место, для своего времени это была полная индукция – он перебрал все доступные образцы и дал каждому имя. Но очевидным является то, что наука очень редко имеет дело с

исследованием конечных и обозримых классов, поэтому в большинстве случаев ученые вынуждены делать выводы, используя неполную индукцию.

Неполная индукция – это вид индуктивного умозаключения, в котором общий вывод о принадлежности некоторого признака всему классу явлений делается на основе знания лишь о части его элементов (фактов). Вывод в неполной индукции носит вероятностный (правдоподобный) характер, так как не исключает существования контрпримера среди неисследованных объектов.

Как правило, формулируемые в науке законы относятся либо к конечным, но не полностью обозримым классам предметов, либо к неопределенным по размерам классам, либо к бесконечным классам. Такая разновидность перечислительной индукции называется неполной индукцией. Отсюда следует, что выводы, полученные с ее помощью, не обладают строгой логической обязательностью по отношению к исходным посылкам. Любое подобное заключение может быть опровергнуто, если впоследствии обнаружится, что рассматриваемое свойство отсутствует у нового представителя исследуемого класса. В истории науки таких примеров немало. Именно так было разрушено убеждение, будто «все рыбы дышат жабрами», когда выяснилось, что кит дышит иначе, а также опровергнут тезис «все лебеди - белые» после того, как в Австралии нашли черных особей. Все это говорит о том, что выводы по неполной индукции не могут считаться строго обоснованными с логической точки зрения. Тем не менее они остаются одним из ключевых эвристических инструментов, позволяющих выдвигать и разрабатывать общие гипотезы.

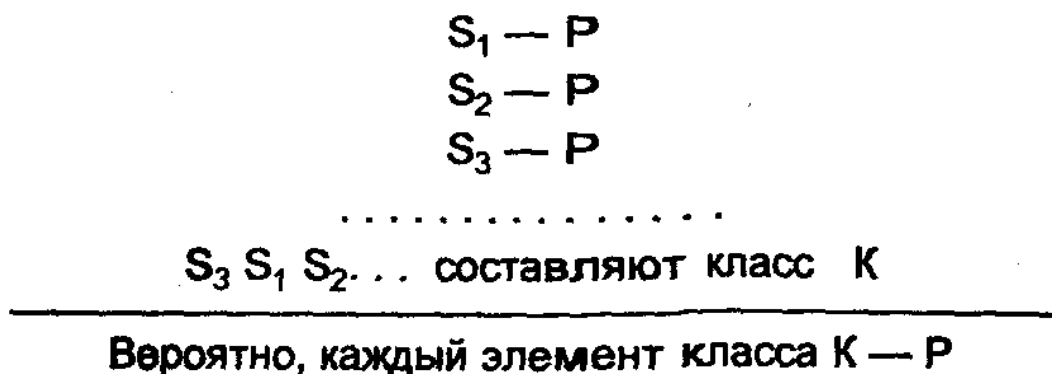

Рисунок 3 – Неполная индукция

Яркой иллюстрацией применения индукции в обыденной жизни выступает появление народных примет в культуре. Примета – это сформированное на основе неполной индукции суждение, в котором путем обобщения ограниченного числа эмпирических наблюдений устанавливается вероятностная связь между двумя явлениями, позволяющая предсказывать будущее событие на основе прошлого опыта, но не гарантирующая его достоверность. Как правило, они формируются по схеме имплицитных суждений: «если произошло А, то за ним последует Б». Например: «Если ласточки летают низко – будет дождь», «Разбитое зеркало – к несчастью» или «Черная кошка перешла дорогу – к неудаче».

Рассмотрим механизм возникновения такой приметы на конкретном примере: «Если соль рассыпалась – быть ссоре». В старину соль была дорогим и дефицитным продуктом. Рассыпать ее означало нанести материальный ущерб семье, что, вполне вероятно, провоцировало конфликт между домочадцами. На основе нескольких таких совпадений (рассыпал соль – поругался) было сделано индуктивное обобщение на весь класс событий. Ошибка данной индукции (и многих примет) заключается в том, что вывод делается на основе неполных данных и без учета реальной причинно-следственной связи. В данном случае причиной ссоры был не сам факт рассыпанной соли, а гнев из-за испорченного продукта. Сегодня, когда соль перестала быть ценностью, рассыпание солонки может вообще не вызвать никакой реакции, однако примета продолжает жить. Сторонники примет игнорируют миллионы случаев, когда соль рассыпалась, а ссоры не происходило, фокусируясь лишь на совпавших событиях. Это классический пример поспешного обобщения, свойственного неполной индукции.

Другой пример приметы: «Встретить женщину с пустыми ведрами – к неудаче». Раньше женщины носили воду из колодца и речки. Пустые ведра означали, что женщина либо только идет за водой (и процесс еще не завершен), либо, что гораздо хуже, возвращается ни с чем (например, по дороге разлила воду или колодец пересох). Возник вывод, что женщина с пустыми ведрами, идущая от реки это уже сигнал бедствия: в доме нет воды, случилась неприятность. Также это тяжелый труд: если человек (охотник, крестьянин) выходил из дома по важному делу и сразу видел женщину с пустыми ведрами, это читалось как знак «пустоты», незавершенности. Психологически это создавало мрачный настрой у людей. Далее по стечению обстоятельств, люди действительно сталкивались с неудачами в пути (сломалась телега, не задалась охота), либо просто день не удался из-за плохого настроения после «дурного знака». И таким образом, был сделан вывод о том, что пустые ведра (символ отсутствия ресурса) равны неудачному дню.

Очередной пример приметы: «Не свисти в доме – денег не будет». Из истории мы знаем, что отношение к свисту в крестьянской и городской среде было резко отрицательным. Свистеть считалось неприличным, особенно для девушек («свистунья – плохая хозяйка»). Кроме того, свист ассоциировался с разгулявшейся нечистью (свист ветра, свист разбойников). Такое отношение было связано с поверьем, что в доме живет домовый – хранитель очага и достатка. Домовые терпеть не могут свиста, так как он похож на завывание вьюги или нечистой силы. Рассердившись на свист, домовый мог покинуть дом или начать вредить. Но если отбросить мистику, свист раздражал старших членов семьи. Если молодой работник вместо работы свистел, его ругали. Если он продолжал бездельничать и свистеть, хозяйство действительно приходило в упадок (не поработал – не получил урожай/прибыль). По стечению обстоятельств, в семьях, где много свистели и мало работали, деньги водились реже, а в семьях с дисциплиной чаще. Данное наблюдение о том, что свист разорителен привело людей к поспешному выводу: свист (символ безделья и раздражения духов) равен пустому кошельку.

Рассмотренные примеры народных примет наглядно демонстрируют, как работает механизм неполной индукции в обыденной жизни. На основе нескольких совпадений (рассыпанная соль и ссора, пустые ведра и неудачный день, свист и безденежье) человеческое сознание делает обобщение на весь класс подобных событий, совершая логическую ошибку «поспешное обобщение».

Стоит отметить, что индукция является полноценным универсальным методом познания мира, но необходимо помнить о том, что точные выводы дает только полная индукция. А применение неполной индукции приводит людей к вероятностным методам, которые требуют дальнейшего анализа. Для решения повседневных задач неполной индукции часто бывает достаточно, но для научного познания, требующего строгих доказательств и достоверности, такая вероятность служит лишь отправной точкой, нуждающейся в тщательной проверке.

Список литературы

1. Лебедев С. А. Проблема оправдания индукции (конвенционалистский, индуктивно-аналитический и лингвистический подходы) / С.А. Лебедев // Учен. зап. Петрозавод. Гос. Ун-та. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. – 2013. – № 5. – С. 79-83.
2. Лебедев С. А., Руденко М. Индукция как метод научного познания: возможности и границы / С.А. Лебедев, М. Руденко // Журнал философских исследований. – 2023. – Т. 9. – № 4. – С. 3-10.
3. Лебедев С. А., Спирина К. А. Конструктивная природа эмпирического познания в науке и его методы / С.А. Лебедев, К.А. Спирина // Гуманитарный вестник. – 2025. – Вып. 3. – С. 89-99.
4. Лебедев С. А., Хромова Т. Д. Эмпирическое познание в науке и его методы. / С.А. Лебедев, Т.Д. Хромова // Журнал философских исследований. – 2024. – Т. 10, № 2. – С. 35-43.
5. Некрасов, С. Н. Научная индукция Ф. Бэкона и ненаучная индукции в современной науке и общественной жизни / С. Н. Некрасов // Актуальные вопросы фундаментальных и прикладных исследований: сборник статей Международной научно-практической конференции, Пенза, 27 октября 2023 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2023. – С. 36-41.
6. Резников, В. М. Философские и научные подходы к проблеме индукции / В. М. Резников // Философия образования. – 2016. – № 6(69). – С. 20-27.
7. Электронный ресурс // URL: <https://studfile.net/preview/986652/page:64/> (дата обращения: 20.02.2026).
8. Электронный ресурс // URL: <https://fil.wikireading.ru/536> (дата обращения: 20.02.2026).

ЦИФРОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ЭТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Ментей Анастасия Игоревна, студентка

Московский финансовый колледж Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации, Москва, Россия

n.mentey@gmail.com

Научный руководитель: Медокс Татьяна Алексеевна, преподаватель высшей
квалификационной категории

Московский финансовый колледж Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации, Москва, Россия

taamedoks@fa.ru

Аннотация. В статье исследуется трансформация идентичности личности в условиях перехода к «Обществу 5.0» и промышленной цифровизации Индустрии 4.0. На основе анализа концепций Ж. Бодрийера автор раскрывает механизмы функционирования «гиперреальности», в которой аутентичное «Я» замещается виртуальными симулякрами, превращая самоопределение в процесс накопления «бренд-капитала» или «идентеймент». В работе впервые интегрирован анализ «эффекта Матфея» как фактора цифрового неравенства и риск «иллюзии освоения» знаний при взаимодействии с ИИ-агентами. Особое внимание уделено этической проблеме «черного ящика» и переходу от универсальных моральных агентов к вычислительным моральным квазиагентам (МКА). Автор доказывает, что сохранение когнитивной автономии в 2026 году требует внедрения принципов объяснимого искусственного интеллекта (ХАИ) и философии цифрового гуманизма для преодоления алгоритмической предвзятости и деформации эго-идентичности.

Ключевые слова: цифровая идентичность, Общество 5.0, гиперреальность, искусственный интеллект, этика ИИ, эффект Матфея, объяснимый ИИ (ХАИ), моральный квазиагент, алгоритмическая предвзятость, самоопределение личности, синдром FoMO, цифровой гуманизм

Актуальность исследования обусловлена тем, что современная эпоха характеризуется беспрецедентными темпами цифровой трансформации, где информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) меняют структуру общества. К концу 2025 года население планеты достигло 8,25 млрд человек, из которых интернет-аудитория составляет 6,04 млрд (73,2%) [1]. При этом 96% пользователей выходят в сеть через мобильные телефоны, что делает цифровую идентичность «всегда присутствующей». Она представляет собой виртуальное воплощение пользователя – совокупность данных, которые позволяют идентифицировать личность в глобальной сети. Подобные сведения могут включать в себя широкий спектр параметров: от базовой информации, такой как имя и адрес электронной почты, до сложных биометрических характеристик, включая отпечатки пальцев или сканирование сетчатки глаза. Мы наблюдаем переход от потребительского интернета к промышленной цифровизации на основе технологий Индустрии 4.0, что ускоряет темпы трансформации общества в сто раз по сравнению с первой промышленной революцией. В подобных обстоятельствах риск цифрового неравенства возрастает, так как благосостояние и успех личности теперь напрямую зависят от доступа к высоким технологиям и умения эффективно ими управлять.

Ускорение технологической трансформации провоцирует возникновение «эффекта Матфея», при котором субъекты, обладающие на старте значительным цифровым капиталом и доступом к инструментам Индустрии 4.0, получают огромные преимущества, в то время как остальные оказываются в ситуации «цифровой нищеты». Такое разделение создает

барьер для самоопределения, поскольку благосостояние и траектория развития личности теперь жестко ограничены уровнем доступной технологической среды. В этом контексте традиционная идентичность претерпевает фундаментальную трансформацию: из-за фактического стирания границ между виртуальной и физической реальностью поиск «истинного Я» в цифровом пространстве становится одной из центральных междисциплинарных проблем современной науки.

Целью работы является анализ этико-психологических факторов, влияющих на формирование идентичности в современном цифровом мире, и поиск путей сохранения человеческой субъектности.

Традиционно идентичность является ответом на вопрос «Кто я?» и включает в себя переживание принадлежности к определенным группам. Однако в информационном обществе на смену устойчивым моделям приходит «идентеймент» – идентичность как развлекательное шоу, связанное с превращением личности в товар, как бы извлечение прибыли из собственного образа. Французский философ Жан Бодрийяр описывает это состояние как «гиперреальность», где реальность замещается симулякрами – копиями, не имеющими оригинала. В этом пространстве создается online-идентичность, которая часто становится не отражением истинного «Я», а его идеализированной или вымышленной версией.

Важнейшим фактором трансформации идентичности выступают алгоритмы фильтрации социальных сетей. Они создают «пузыри фильтров», ограничивая информационное пространство пользователя контентом, подтверждающим его взгляды. Это ведет к формированию «персонализированного общественного мнения», когда суждения человека основываются на искаженном представлении о позиции большинства. Более того, постоянное сравнение себя с улучшенными цифровыми образами других людей порождает «саморесентимент» – ненависть к собственной неидеальной сути и массовый нарциссизм.

Процесс самоидентификации в таких условиях превращается в накопление «бренд-капитала», где личная жизнь, хобби и профессиональные достижения выступают лишь инструментами самопрезентации в виртуальном пространстве. Исследования 2025–2026 гг. показывают, что цифровая среда подталкивает личность к принятию упрощенных моделей поведения, соответствующих определенным архетипам [2]. Так, на первый план выходят архетипы «Любовника», чье поведение продиктовано стремлением угодить аудитории ради одобрения, и «Шута», позволяющего скрыть подлинные переживания за маской юмора.

Среди студентов и молодежи эти процессы часто сопровождаются специфическими ментальными состояниями, ведущим из которых является синдром FoMO (Fear of missing out – страх упущенных возможностей) [3]. Данный феномен характеризуется чувством острой тревоги и беспокойства, возникающим при мысли о том, что человек упускает какой-либо значимый социальный опыт или интересные события, в которых участвуют другие.

В современной психологии принято разделять этот феномен на два уровня: FoMO-черту, которая является относительно стабильной характеристикой личности, и FoMO-состояние, проявляющееся ситуативно. Исследования показывают, что развитие синдрома напрямую связано с тремя ключевыми факторами: степенью чувствительности к внешней оценке, уровнем самооценки и зависимостью от мобильных устройств.

Основным параметром FoMO выступает страх негативной оценки со стороны окружающих – люди с выраженным FoMO-состоянием крайне зависимы от одобрения аудитории в социальных сетях. Постоянный доступ к «умным лентам» создает иллюзию осведомленности о жизни других, провоцируя болезненное социальное сравнение. В результате частое использование смартфона превращается в повторяющиеся, навязчивые действия, ради попытки контролировать виртуальную реальность, чтобы избежать чувства отчужденности, что лишь усиливает психологическое напряжение и зависимость от гаджета.

Кроме того, в высококонкурентной цифровой среде у 70% людей в той или иной степени проявляется «синдром самозванца» [4], когда успехи воспринимаются как случайность.

Трансформация современного мира обусловлена переходом от простого накопления и передачи информации к формированию качественно новой среды обитания. Важнейшим этапом этого процесса является смена глобальных парадигм: эволюция от Информационного общества (4.0) к Высокотехнологичному обществу (5.0), которое в научной литературе также определяется как «суперумное общество» (Super Smart Society).

Если предыдущий этап был сосредоточен на индивидуальной оптимизации через информационно-коммуникационные технологии, то современный вектор развития направлен на полную интеграцию виртуального и физического миров. Цифровые технологии перестают быть просто инструментами в руках человека и становятся основой для решения глобальных социальных вызовов. Сравнительный анализ ключевых характеристик этих двух этапов развития представлен в таблице 1.

Таблица 1 – Сравнительная характеристика этапов развития цифрового общества

Параметры	Информационное общество (4.0)	Высокотехнологичное общество (5.0)
Технологическая база	Информатизация, Интернет вещей	Слияние киберпространства и физического мира
Роль человека	Пользователь данных	Активный партнер систем ИИ
Взаимосвязь систем	Сбор данных через сеть	Люди, вещи и системы полностью связаны в киберпространстве
Цель развития	Поиск решений частных проблем	Решение глобальных социальных проблем

Общество 5.0 (Super Smart Society) – особый вызов для самоидентификации личности. В этой новой реальности человек сталкивается с повсеместным проникновением ИИ-агентов, которые эволюционируют от простых инструментов-ассистентов к автономным исполнителям, способным брать на себя сложные бизнес-процессы и повседневные задачи. Данный «агентный поворот» меняет саму структуру субъектности: личность начинает делегировать принятие решений алгоритмам, что порождает риск превращения человека в «винтик» автоматизированных систем.

В этой связи в фокус научных дискуссий 2025–2026 гг. выходит проблема искусственного морального агента (ИМА) [5]. Исследователи подчеркивают, что системы ИИ на текущем этапе не обладают сознанием и способностью к самоидентификации, поэтому их корректнее обозначать как «вычислительные моральные квазиагенты» (МКА). Критически важным становится сохранение контроля человека в «красных зонах» – медицине, юриспруденции и государственном управлении, где решения ИИ должны носить лишь рекомендательный характер в рамках гибридного морального агентства.

Серьезным препятствием для формирования доверия к интеллектуальным системам остается проблема «черного ящика» (black box). Большинство современных алгоритмов, особенно основанных на глубоком обучении, непрозрачны: пользователь не может проследить логику принятия решения, что подрывает его цифровую автономию. В ответ на этот вызов в 2026 году приоритетным направлением становится развитие Explainable AI (объяснимого ИИ). Технологии ХАИ призваны сделать работу алгоритмов понятной для человека, обеспечивая необходимую прозрачность в таких критически важных сферах, как финансы, юриспруденция и кадровое управление.

Параллельно с этим технологический прогресс провоцирует глубокую профессиональную революцию. ИИ уже не просто автоматизирует рутину, а создает роли, которых ранее не существовало: от инженеров по этике ИИ до аналитиков смарт-контрактов. По прогнозам экспертов, 85% рабочих мест, которые будут актуальны к 2030 году, еще даже не изобретены [6]. Тренды на 2026 год указывают на то, что цифровая идентичность становится объектом постоянной верификации. Технология блокчейн начинает обеспечивать прозрачность происхождения и надежность данных, становясь инструментом подтверждения «цифровой подлинности» личности. Одновременно с этим финтех-индустрия внедряет

механизмы непрерывной цифровой идентификации, отслеживающей даже стиль жестов пользователя на смартфоне для защиты от дипфейков и компрометации образа. Это создает ситуацию тотальной прозрачности, в которой «цифровая тень» человека фиксируется в облачных хранилищах навсегда, ограничивая право на «цифровое забвение».

Особое внимание в контексте технологической модернизации образования и профессионального роста в 2026 году заслуживает риск «иллюзии освоения». Данный феномен заключается в том, что при использовании интеллектуальных систем формальные результаты деятельности или обучения могут существенно улучшаться, однако это не сопровождается реальным усвоением знаний и развитием глубокого понимания материала. Доступ к технологиям сам по себе не гарантирует формирования ключевых когнитивных навыков, так как личность начинает полагаться на готовые решения алгоритмов. В результате возникает ложное ощущение компетентности, которое без контроля со стороны человека и интеграции ИИ в выверенные педагогические модели может привести к снижению качества человеческого капитала и росту неравенства.

Ответной реакцией на эти вызовы становится философия цифрового гуманизма. Она провозглашает, что технологии должны развиваться в соответствии с человеческими ценностями, а не переопределять природу человека. Центральным понятием здесь выступает цифровая автономия – право личности на контроль над своими данными и защиту от алгоритмической предвзятости, которая может приводить к дискриминации по признаку пола, возраста или социального статуса. В данных условиях, основой идентичности становится навык непрерывного обучения и способность сотрудничать с алгоритмами, сохраняя при этом критическое мышление и человеческую эмпатию.

Сегодня процесс самопознания перестал быть разовым событием юности и превратился в непрерывный процесс, длящийся на протяжении всей жизни. В условиях перехода к «Обществу 5.0» личность постоянно балансирует между своим аутентичным «Я» и виртуальными симулякрами, создаваемыми в киберпространстве. Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие необходимые условия сохранения человеческой субъектности:

- Переход к цифровому гуманизму: технологии должны рассматриваться не как замена человека, а как инструмент его развития. Необходимо законодательное закрепление права на «объяснимость алгоритмов» (XAI), чтобы предотвратить алгоритмическую предвзятость и сохранить право личности на осознанный выбор;

- Преодоление «эффекта Матфея»: сокращение цифрового неравенства должно стать приоритетом не только в техническом, но и в образовательном аспекте, чтобы не допустить формирования класса людей в ситуации «цифровой нищеты», лишенных ресурсов для самоопределения;

- Формирование «агентной» идентичности: в эпоху, когда ИИ превращается в вычислительного морального квазиагента (МКА), основой идентичности становится не владение конкретной профессией (85% рабочих мест 2030 года еще не изобретены), а навык непрерывного обучения и эффективного сотрудничества с алгоритмами;

- Развитие цифровой рефлексии: для противодействия синдрому FoMO и «идентейменту» личности требуется критическое осознание механизмов работы «лент рекомендаций». Сохранение индивидуальности сегодня – это акт сопротивления «пузырям фильтров», требующий высокой степени когнитивной автономии и информационной гигиены.

Список литературы

1. Digital 2026 Global Overview Report: тренды цифрового маркетинга из нового отчета DataReportal. – Текст: электронный // URL: <https://www.byyd.me/ru/blog/2025/10/digital-2026/> (дата обращения: 13.02.2024).

2. Балашова, Е. С. Современные аспекты теории архетипов К.-Г. Юнга / Е. С. Балашова, С. В. Грибанов, С. М. Мальцева, О. И. Носкова // Азимут научных исследований:

педагогика и психология. – 2019. – Т. 8, № 3 (28). – С. 321–324. – Текст: электронный // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-aspekty-teorii-arhetipov-k-g-yunga>(дата обращения: 12.02.2026).

3. Кобер, М. А. Исследование феномена FoMO в связи с особенностями самооценки и зависимостью от смартфона у студенческой молодежи / М. А. Кобер // Психология – наука будущего: материалы X Международной конференции молодых ученых, 16–17 ноября 2023 г. – Москва: Институт психологии РАН, – 2023. – С. 585–589.

4. Хибберд, Д. Синдром самозванца: как перестать обесценивать свои достижения и поверить в себя / Д. Хибберд. – Москва: Альпина Паблишер, 2020. – 304 с.

5. Игнатьев, А. Г. Этико-философские проблемы проектирования искусственного морального агента / А. Г. Игнатьев // Этическая мысль. – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 87–100. – Текст: электронный // URL: <https://doi.org/10.21146/2074-4870-2024-24-1-87-100> (дата обращения 11.02.2026)

6. Какие профессии наиболее актуальны в эпоху искусственного интеллекта? / Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. –Текст: электронный // URL: <https://www.fa.ru/university/structure/university/uso/press-service/press-releases/kakie-professii-naibolee-aktualny-v-epokhu-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 13.02.2026).

7. Барыбина, А. З. Цифровые разрывы: обзор исследований и вызовы / А. З. Барыбина // *π-Economy*. – 2025. – Т. 18, № 6. – С. 84–107. – Текст: электронный // URL: <https://economy.spbstu.ru/article/2025.116.5/> (дата обращения 11.02.2026)

8. Белобрагина, А.С. Цифровой гуманизм: между апологией и критикой философской концепции / А.С. Белобрагина // *Философия и культура*. - 2025. - № 9. - С. 47-60. . – Текст: электронный // URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75779 (дата обращения 11.02.2026).

9. Ганюшкина, Е. С. Влияние алгоритмов фильтрации социальных сетей на формирование общественного мнения / Е. С. Ганюшкина // *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*. – 2024. – № 2. – С. 84–89. – Текст: электронный // URL: https://telescope-science.ru/files/13_Телескоп_2%20%2814%29%202024-84-89.pdf (дата обращения 12.02.2026).

10. Тимофеев, А. В. Киберпреступность как социальная угроза и объект правового регулирования / А. В. Тимофеев, А. А. Комолов // *Вестник МГОУ. Серия: Философские науки*. – 2021. – № 1. – С. 95–101. – Текст: электронный // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberprestupnost-kak-sotsialnaya-ugroza-i-obekt-pravovogo-regulirovaniya/viewer> (дата обращения 13.02.2026).

11. Шатохин, А. В. Проблемы этического использования ИИ в сфере бизнеса и экономики, исследование вопросов прозрачности и ответственности разработчиков и корпораций применяющих ИИ/ А. В. Шатохин, Д. О. Нижегородцева. – Москва: ИМЭС, 2025. – 12 с.

12. Перспективы цифровизации образования в 2026 г. (OECD Digital Education Outlook 2026): отчет ОЭСР. – 2026. – 19 янв. – Текст: электронный // URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-digital-education-outlook-2026_062a7394-en.html(дата обращения: 11.02.2026).

РОЛЬ ЯЗЫКА В ПОЗНАНИИ: ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИИ ДЖОНА ЛОККА

Митясова Светлана Александровна, студентка

Красноярского государственного аграрного университета, Красноярск, Россия

mityasovasv@mail.ru

Научный руководитель: Кубасова Яна Васильевна, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

frogyk@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема роли языка в процессах познания в контексте философии Нового времени. Целью исследования является логико-семантический анализ концепции языка, представленной в книге Джона Локка «Опыт о человеческом разумении». Показано, что язык выполняет не только коммуникативную, но и конституирующую функцию по отношению к знаниям. Анализируются теория сигнификации, проблема общих терминов и роль сложных идей. Делается вывод о том, что язык выступает активным инструментом структурирования опыта и формирования intersubjectивного знания.

Ключевые слова: философия языка, логическая семантика, теория познания, сигнификация, эмпиризм, общие термины

Проблема соотношения языка и познания занимает важное место в философии, так как именно язык позволяет человеку закреплять и передавать знания. В философии Нового времени данный вопрос становится особенно значимым, поскольку внимание философов сосредотачивается на субъекте познания и процессах формирования идей. В рамках эмпирической теории познания язык начинает рассматриваться не только как средство выражения мыслей, но и как важный элемент самой познавательной деятельности.

Так, Фр. Бэкон связывал недостоверность знания с особенностями языка, вводя понятие «идолов». Они препятствуют истинному знанию, ведут к когнитивным искажениям, в частности к заблуждению. Наиболее показательными здесь будут «идолы рынка» или, по-другому, «идолы площади». Фр. Бэкон связывает их возникновение с обществом и взаимодействием людей через речь. В толпе, не смотря на усилия ученого сообщества, понятия находят свое неточное употребление, неясноеопределение и, буквально, по мнению Бэкона «слова прямо насилуют разум» [1, с. 82–84]. Через «идолы» он пытался обосновать неэффективность силлогистической логики и всех, «рационально» настроенных философов. В своих трудах он предлагал новый метод познания, более действенный, так называемую элиминативную индукцию. Еще один знаменитый философ XVII века Г. В. Лейбниц, в свою очередь, рассматривал язык как средство рационального упорядочивания мышления и выступал за создание универсального философского языка, способного устранить неоднозначность значений [1, с. 90–92]. Такая вариация создания единого, универсального языка, который вбирает в себя знаки и смыслы, дала в дальнейшем, возможность создания математической логики. В этом контексте концепция языка Джона Локка занимает особое место, поскольку сочетает эмпирический подход к происхождению идей с анализом логико-семантических функций языка.

Согласно рассматриваемой концепции, слова в своем первоначальном значении обозначают не сами вещи внешнего мира, а идеи, существующие в сознании человека [2, кн. III, гл. II–III]. Это положение лежит в основе теории сигнификации, согласно которой связь между словом и объектом является опосредованной. Человек воспринимает внешний мир с помощью ощущений, формирует идеи, и уже затем использует слова для их обозначения. Таким образом, язык напрямую связан с процессами мышления и опыта.

Такой подход приводит к проблеме общих терминов. Если слова обозначают индивидуальные идеи, возникает вопрос о возможности общего знания и взаимопонимания между людьми. Решение данной проблемы связано с процессом абстрагирования. Общие термины формируются на основе выделения сходных признаков у различных предметов и явлений. Язык фиксирует результаты этого процесса и позволяет использовать общие понятия в познании и общении [2, кн. III, гл. III–IV].

Особое место в данной концепции занимает анализ сложных идей и так называемых смешанных модусов. Эти идеи не имеют прямого аналога в чувственном опыте и создаются разумом путем соединения простых идей. Их целостность обеспечивается именно словом, которое объединяет отдельные элементы в единое понятие. В этом проявляется активная роль языка, так как он не только отражает уже существующие идеи, но и способствует формированию новых смысловых конструкций [2, кн. III, гл. V].

Значение слов во многом зависит от индивидуального опыта и уровня знаний человека, что может затруднять процесс коммуникации. Однако использование общепринятых языковых норм и соглашений позволяет преодолевать эти трудности и обеспечивает возможность взаимопонимания [3]. В этом смысле язык выполняет важную социальную функцию, переводя индивидуальные представления в сферу коллективного знания.

Дополнительно следует отметить, что язык играет важную роль не только в теоретическом, но и в практическом познании. Через языковые формы человек учится классифицировать опыт, сравнивать явления и выстраивать причинно-следственные связи. Это делает язык необходимым инструментом повседневного мышления и обучения.

Кроме того, анализируемая концепция подчеркивает значение точности употребления слов в процессе познания. Неправильное или неясное использование терминов может приводить к ошибкам в рассуждениях и искажению смысла передаваемых идей. Поэтому прояснение значений слов рассматривается как важное условие получения достоверного знания.

Проведенный логико-семантический анализ показывает, что язык занимает активное место в структуре познания. Он выступает необходимым условием формирования абстрактных и сложных идей, средством обобщения и упорядочивания опыта. Рассматриваемая концепция оказала значительное влияние на дальнейшее развитие философии языка и логической семантики, став важным этапом в становлении аналитической традиции [4].

Таким образом, язык в анализируемой концепции предстает не как пассивное средство передачи мыслей, а как важный инструмент познания, определяющий способы осмысления и структурирования человеческого опыта.

Список литературы

1. Антисери, Д., Реале, Дж. Западная философия от истоков до наших дней. От Возрождения до Канта / пер. и ред. С. А. Мальцевой/ Д. Антисери, Дж. Реале – СПб: Пневма, 2002. – 880 с. – Текст: электронный // URL: https://yanko.lib.ru/books/philosoph/reale_antiseri-3_tom-vozh_kant-2002-8l.pdf
2. Локк, Дж. Опыт о человеческом разумении / Дж. Локк – Текст: электронный // URL: <https://www.klex.ru/fx1> (дата обращения: 22.02.2026).
3. Виноградова, Ю. В. Взаимосвязь языка, общения и познания в философии Джона Локка/ Ю. В. Виноградова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2015. – № 2 (158). – С. 119–124. – Текст: электронный // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-yazyka-obscheniya-i-poznaniya-v-filosofii-dzhona-lokka> (дата обращения: 22.02.2026).
4. Скрипник, К. Д. Лингвистический поворот и философия языка Дж. Локка: интерпретации, комментарии, теоретические источники / К. Д. Скрипник // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». – 2017. – № 2. – С. 139–146. – Текст: электронный // URL: [5.https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskiy-povorot-i-filosofiya-yazyka-dzh-lokka-interpretatsii-kommentarii-teoreticheskie-istochniki](https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskiy-povorot-i-filosofiya-yazyka-dzh-lokka-interpretatsii-kommentarii-teoreticheskie-istochniki) (дата обращения: 22.02.2026).

ИДЕЯ КОСМОПОЛИТИЗМА И КУЛЬТУРНОГО РЕЛЯТИВИЗМА: ВОЗМОЖНА ЛИ УНИВЕРСАЛЬНАЯ МОРАЛЬ?

Моор Кира Александровна, студент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

m0orkira@yandex.ru

Научный руководитель: Кубасова Яна Васильевна, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

frogyk@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу противостояния космополитизма и культурного релятивизма в контексте проблемы универсальной морали. Рассматриваются исторические основания космополитической идеи от стоической традиции до нормативного проекта Иммануила Канта и их трансформация в международно-правовом дискурсе XX века. Особое внимание уделяется критике универсализма и аргументам морального релятивизма, связанным с процессами мультикультурализма и цивилизационного многообразия. Обосновывается тезис о возможности «процедурного» или «минимального» универсализма, предполагающего признание базовых моральных принципов при сохранении культурной вариативности. Делается вывод о том, что универсальная мораль возможна как согласованный нормативный минимум, институционализированный в глобальном правовом пространстве.

Ключевые слова: космополитизм, культурный релятивизм, универсальная мораль, моральный универсализм, права человека, цивилизационный субъект, глобальная этика

Космополитизм возникает не как идеологическая абстракция, а как ответ на проблему границ морального сообщества. Термин «космополит» впервые был употреблен киниками еще в IV веке до н. э. Это сделал киник Диоген Синопский, когда у него спросили, откуда он родом, философ ответил, что он космополит, то есть гражданин мира, тем самым разрушая замкнутость полиса. Эта линия получает нормативное оформление в философии Иммануила Канта в 1795 году, когда в трактате «К вечному миру» формулируется принцип всеобщего гражданства и идея космополитического права. Космополитизм здесь – не географическая метафора, а требование признания универсального достоинства личности.

Анализ истоков данной традиции у Корякиной Анжелики Анатольевны, доцента кафедры философии СВФУ, показывает, что космополитический подход складывается как последовательное расширение круга моральной ответственности – от рода и города, к человечеству в целом [1, с. 140]. При этом универсализм не отрицает культурных различий, а подчиняет их более высокому нормативному принципу. Именно в этом месте возникает ключевой вопрос: является ли универсальная мораль логическим следствием идеи равного достоинства или она всегда будет восприниматься как навязывание чужого ценностного стандарта?

В философии морали проблема универсальности рассматривается через категорию «общечеловеческого». Ерофеева Ксения Леонидовна и Зеленцова Марина Григорьевна в своей статье «Этический универсализм в философии морали: динамика общечеловеческого» подчеркивают, что универсализм не следует понимать как статичную систему догм; он развивается исторически, трансформируясь вместе с изменением представлений о справедливости и правах личности [2, с. 166]. Универсальная мораль оказывается не набором вечных формул, а процессом расширения морального консенсуса. Принятие Всеобщей декларации прав человека в 1948 году стало юридическим закреплением этой динамики, хотя сама декларация до сих пор вызывает споры о культурной репрезентативности.

Космополитизм в данном контексте выступает проектом, который требует институционального оформления. Он предполагает существование норм, обязательных вне зависимости от национальной принадлежности. Однако исторический опыт XX века показывает, что универсалистские проекты нередко сопровождались политическим давлением. Отсюда устойчивое подозрение к универсализму как к инструменту культурной экспансии.

Реакцией на подобные опасения выступил моральный релятивизм. Ушаков Евгений Владимирович, кандидат философских наук, в своем исследовании связывает распространение данной концепции с процессами мультикультурализма и усилением миграционных потоков в конце XX - начале XXI века [3, с. 136]. Столкновение ценностных систем обнажило различия в понимании свободы, гендерных ролей, религиозных норм. Релятивизм утверждает: моральные стандарты укоренены в конкретной культуре, следовательно, универсальная оценка невозможна.

Для понимания необходимо различать описательный и нормативный релятивизм. Первый фиксирует факт разнообразия норм, второй делает из этого вывод о невозможности универсальных критериев. Если принять нормативный релятивизм в строгой форме, международное право теряет моральное основание, а права человека превращаются в региональный проект.

Именно эту опасность демонстрирует критический анализ универсализма у Углевой А. В., где показано, что попытка абсолютизировать рациональные принципы без учета исторического контекста ведет к их внутренней деформации [4, с. 132].

Релятивизм защищает культурную автономию, но одновременно создает парадокс: если каждая культура обладает собственной моральной истиной, невозможно осудить практики, нарушающие базовые принципы человеческого достоинства. Скворцов Лев Владимирович, доктор философских наук, в этом отношении вводит понятие «цивилизационного субъекта», подчеркивая, что глобальный мир требует новых форм согласования ценностей, а не их полной изоляции [5, с. 159].

Столкновение космополитизма и релятивизма выявляет структурное напряжение: либо признать существование минимального универсального ядра морали, либо принять фрагментацию нормативного пространства. Статистика и анализ участия в академических дискуссиях с представителями разных культур показывает, что абсолютное отрицание универсальных принципов практически невозможно. В аргументации неизбежно апеллируют к идеям справедливости и равенства, претендующим на общезначимость. Это свидетельствует о том, что универсальная мораль не устраняется релятивизмом, а переосмысливается через него.

Попытка выйти из противостояния космополитизма и релятивизма требует изменения самого понимания универсальности. Если трактовать ее как фиксированный набор норм, она неизбежно вступает в конфликт с культурным многообразием. Однако Ерофеева К. Л. и Зеленцова М. Г. предлагают рассматривать «общечеловеческое» как исторически развивающуюся категорию, формирующуюся через расширение морального опыта человечества [2, с. 168]. Универсальность здесь – не догма, а результат накопленного согласия по ключевым вопросам достоинства и справедливости.

Этот подход позволяет иначе взглянуть на международные документы XX века. Принятие Всеобщей декларации прав человека в 1948 году стало не только политическим актом, но и философским рубежом. Впервые базовые принципы – право на жизнь, запрет пыток, свобода совести были признаны в качестве общезначимых. При этом их формулировки оказались достаточно абстрактными, чтобы допускать культурные интерпретации. В этом просматривается модель процедурного универсализма: универсальными являются не конкретные обычаи, а минимальные принципы, регулирующие их оценку.

Скворцов Л. В., анализируя феномен «цивилизационного субъекта», указывает, что в XXI веке универсальность не может быть монологичной; она складывается в пространстве

взаимодействия различных цивилизаций, обладающих собственными историческими кодами [5, с. 162]. Глобальные вызовы – миграционные кризисы 2015 года, пандемия 2020 года, транснациональные конфликты – продемонстрировали, что изоляционизм не работает. Нормативное согласование неизбежно, иначе мировое сообщество распадается на несопоставимые моральные режимы.

Наблюдения, полученные в ходе анализа научных конференций, выявляют устойчивую тенденцию: несмотря на различия в оценке социальных практик у представителей разных культур, отмечается консенсус в отношении базовых ограничений насилия и дискриминации. Данный эмпирический факт служит подтверждением тезиса о наличии минимального универсального ядра ценностей, не закреплённого единым нормативным кодексом.

Универсальная мораль, претендующая на окончательность, превращается в идеологический инструмент. Однако полное принятие релятивизма разрушает саму возможность моральной оценки, включая оценку геноцида, дискриминации или политического насилия.

Ушаков Е. В. подчеркивает, что мультикультурализм, лишенный нормативного основания, приводит к фрагментации общественного пространства [3, с. 137]. Если каждая группа замыкается в собственной системе ценностей, исчезает общий язык ответственности. В этой точке космополитический проект приобретает новое звучание: он предлагает не унификацию культур, а институционализацию базовых запретов и прав.

Перспектива универсальной морали, по моему убеждению, возможна только в формате «согласованного минимума». Такой минимум включает признание человеческого достоинства, запрет произвольного лишения жизни, принцип равенства перед законом. Все остальное – формы семейных отношений, религиозные практики, социальные роли – могут варьироваться. Подобная модель не устраняет различий, но задает рамки их допустимости.

Опыт последних десятилетий показывает, что даже государства, критикующие западный универсализм, апеллируют к собственным версиям справедливости и правды, тем самым подтверждая потребность в универсальном измерении морали. Универсальность оказывается не навязанной извне схемой, а условием совместного существования в мире, где ни одна культура больше не изолирована.

Список литературы

1. Корякина, А. А. Истоки космополитического подхода в философии / А. А. Корякина // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия. – 2023. – № 4(32). – С. 138–144.
2. Ерофеева, К. Л. Этический универсализм в философии морали: динамика общечеловеческого / К. Л. Ерофеева, М. Г. Зеленцова // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – № 2. – С. 163–173.
3. Ушаков, Е. В. Мировоззренческие проблемы современной эпохи: мультикультурализм и моральный релятивизм / Е. В. Ушаков // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 85-3. – С. 135–138.
4. Углева, А. В. Изломанные грани этического универсализма. Комментарий к книге «Универсальность в морали» / А. В. Углева // Кантовский сборник. – 2022. – Т. 41, № 2. – С. 122–147.
5. Скворцов, Л. В. Цивилизационный субъект в XXI в. и моральный универсализм / Л. В. Скворцов // Историческая психология и социология истории. – 2023. – Т. 17, № 1. – С. 154–170.

КИТАЙСКАЯ СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Немытченко Дарья Дмитриевна, студентка

Иркутский Государственный Университет, Иркутск, Россия

dardminem@gmail.com

Научный руководитель: Баринкова Алена Вадимовна, старший преподаватель

Иркутский Государственный Университет, Иркутск, Россия

alenchik05@mail.ru

Аннотация. В статье современная китайская литература описывается как все более мощный инструмент мягкой силы. В настоящее время Китай располагает множеством инструментов «мягкой силы», и его литература становится одним из них. В России интерес к китайской литературе проявляется еще со времен Советского Союза, а с появлением интернета новая тенденция веб-литературы предоставила современным китайским авторам больше возможностей для охвата аудитории, и жанр веб-романов начал бить рекорды, превзойдя таких известных писателей, как Мо Янь. В статье рассматривается, как китайские авторы формируют мнение о китайской литературе и Китае среди иностранных читателей, а также какие жанры популярны и какие авторы в настоящее время востребованы среди молодежи.

Ключевые слова: литература, веб-литература, сетература, Китай, синология, культура, мягкая сила

За последние двадцать лет китайская литература, особенно сетевая, завоевала мировую популярность и привлекла новое поколение читателей. Рост продаж и тиражей свидетельствует о растущем влиянии восточной культуры. Актуальность темы обусловлена интересом российской молодежи к китайской культуре и ее влиянием на имидж Китая в мире. Изучение современной литературы, в частности веб-литературы, популярной благодаря доступности и удобству формата, позволяет понять механизмы формирования позитивного восприятия Китая в России. Это особенно важно для углубления сотрудничества между странами.

Культура служит основой человеческого бытия, формируя как локальную идентичность, так и глобальную социальную среду. Искусство, литература, гастрономия и мода создают символическое пространство для диалога между цивилизациями. Китайская культура, с ее тысячелетней философией, каллиграфией и чайными церемониями, представляет собой особый пласт мировой культуры, она стала ключевым ресурсом «мягкой силы» – концепции, введенной Джозефом Наем в 1990 году. В отличие от «жесткой силы», основанной на принуждении, мягкая сила стремится привлечь инфе общества через культурный обмен и взаимовыгодное сотрудничество, формируя устойчивую позитивную репутацию страны.

Для Китая культура является основным инструментом создания позитивного имиджа. В качестве примера к инструментам его мягкой силы можно отнести:

Институты Конфуция (созданы в 2004 г.), которые через изучение языка, каллиграфию, боевые искусства и фестивали популяризируют китайскую культуру по всему миру.

Буддизм, выступающий как миролюбивая сила для налаживания культурных и дипломатических связей, где активную роль играет Буддийская ассоциация Китая.

Публичная дипломатия, направленная на широкие международные аудитории через информационные ресурсы, распространение идеологического контента и управление интернет-пространством.

Таким образом, Китай комплексно использует культурное наследие и современные коммуникационные инструменты для укрепления своего глобального влияния и формирования лояльности, особенно среди молодежи.

Активный российско-китайский литературный диалог сложился в XX веке. В Китае широкую известность получили произведения Достоевского, Толстого и поэзия Пушкина – они обогатили китайскую литературу новыми жанрами и символикой. В СССР, в свою очередь, переводились «Четыре великих романа», произведения Лу Синя, Мао Дуня, Го Можо, а также поэзия эпох Тан и Сун. Во второй половине века интерес и объем переводов в России значительно возросли. Хотя русская литература отличается психологизмом и философией, а китайская – вниманием к социальной гармонии и природе, их сближает глубокий интерес к человеческой природе и вопросам справедливости.

Современный этап китайской литературы отсчитывается с 1980-х годов. Политика открытости, глобализация и влияние западной литературы привели ее к трансформации и жанровому разнообразию. Ключевыми фигурами стали нобелевский лауреат Мо Янь, Лю Цысинь, Юй Хуа и другие авторы. На рубеже веков литература стала более коммерциализированной и европеизированной, о чем свидетельствуют популярные неоднозначные романы («Крошка в Шанхае», «Конфетка»). Несмотря на сохраняющуюся цензуру, пространство для авторов расширилось. Как выяснили российские китаисты и востоковеды, каждый год Китай публикует около 15 тыс. художественных произведений, и тираж составляет свыше 160 млн. экземпляров. В стране издается более полутысячи литературных журналов, а в сети действует примерно 500 литературных сайтов для писателей, публикующих свои произведения. Благодаря этому набирает популярность и интернет-литература (веб-литература), рассчитанная на молодежь (поколение Z) и пользующаяся огромной популярностью благодаря доступности и удобству онлайн-формата. В информационную эпоху поколение Z, выросшее в условиях глобализации и развития интернета, получило беспрецедентный доступ к мировой культуре. Это способствовало расцвету сетевой литературы – произведений, первоначально созданных и опубликованных в цифровом пространстве, однако это понятие со временем стало размываться, и зачастую в категорию сетевой литературы относят любые литературные продукты, которые можно найти в интернете; однако относить печатные издания в эту категорию не совсем корректно, так как большую часть популярных произведений можно найти в сети, но далеко не все из них изначально являются сетевыми. Сетевая литература удобна для читателей (заметки, закладки, отзывы) и авторов (обратная связь).

Китайская интернет-литература развивается чрезвычайно динамично. Ее становление делят на три этапа:

1. 1990-е – 2003 гг.: Зарождение на первых литературных сайтах, таких как HuaxiaWenzhai (1991) и Rongshuxia (1999);
2. 2004 – 2013 гг.: Коммерциализация с появлением платформ вроде Qidian, позволивших авторам получать доход;
3. 2014 г. – настоящее время: Период массовой популярности и жанрового разнообразия.

Соцсети стали мощными инструментами продвижения, как в случае с поэтессой Юй Сюхуа, чьи стихи стали сенсацией в WeChat.

Среди жанров главенствующее положение на первом этапе занимал личный блог, а сейчас – роман, особенно в жанре фэнтези, который черпает вдохновение в даосской мифологии и истории Китая (сюаньхуань сянься). Он наследует традиционную мораль и привлекают молодых российских читателей. В цифровую эпоху их предпочтения легче учитывать. Популярные авторы этого направления: Мосян Тунсю, Фэнлин Тянься, Прист и другие.

В последние годы сетевая литература становится все более зрелой, а количество читателей растет с каждым днем. Только в Китае на 2018 год по данным Юэвэнь Групп насчитывалось свыше 400 миллионов читателей интернет-литературы, что на тот момент

составляло около половины пользователей интернета [Отчет, 2018]. В фокус внимания читателей попали и кросс-медийные онлайн-новеллы. Объем рынка китайской литературы, согласно отчету 2020 года, увеличивается с 2013 года. В сферу онлайн-литературы продолжают входить представители поколения «Z», которые вскоре станут крупнейшей в мире группой потребителей, освоившей данную сферу, поскольку по данным отчета за 2018 год более 60% читателей онлайн-литературы – люди моложе 30 лет, из них более одной десятой составляет аудитория, не достигшая 18 лет [1, с 191]. Технология кросс-медийного повествования была впервые предложена американским ученым Генри Дженкинсоном в книге «Сближение культур: зона конфликта новых и старых медиа». Суть технологии заключается в том, что каждая платформа по-своему представляет нарратив, которым является полноценный законченный сюжет, независимый от других текстов, но при этом единым с ними. Ярким примером трансмедийного нарратива является серия «Матрица», включающая в себя комиксы, игры и фильмы. Одним из показательных примеров китайской веб-литературы является упомянутый в первой главе роман «Основатель темного пути» Мосян Тунсю, впервые опубликованный на сайте Цзиньцзян и трансформированный в анимацию, радиодраму и веб-драму. Произведение было завершено 1 марта 2016 года, а в 2017 году писательница, которая является также автором культовых веб-новелл «Система «спаси-себя-сам» для главного злодея» и «Благословение небожителей», была признана самым популярным автором ежегодного фестиваля Цзиньцзян. В России широкую известность приобрел не только сам роман, но и аниме по его сюжету.

В России ее первый том в 2022 году занял четвертое место в общероссийском книжном рейтинге, а тираж всей серии превысил миллион экземпляров. Это показывает значительный успех китайской сетевой литературы на российском рынке. Популярность также поддерживается фанатскими переводческими платформами (например, Rulate) и специализированными издательствами (например, «Истари Комикс»).

При этом в России также известны работы классиков китайской литературы (Мо Янь, Лю Цысинь и других), но их аудитория, как правило, старше, поскольку эти произведения более философичны и требуют иного жизненного опыта для понимания. Аудитория сетевой литературы, представленная в основном молодежью, ищет динамичный сюжет и новые жанры, в то время как читатели постарше предпочитают психологически глубокие произведения современных китайских классиков.

Коммерческий успех китайских веб-новелл в России, превосходящий интерес к классикам, формирует новую молодежную аудиторию. Этот феномен превращает литературу из маргинального явления в инструмент «мягкой силы» и культурный мост, системно углубляющий понимание Китая. Доминирование цифровых форматов указывает на то, что основным драйвером популярности являются онлайн-платформы и массовая культура, что соответствует глобальным тенденциям.

Современная китайская литература выступает гибридным инструментом «мягкой силы»: веб-литература формирует массовый позитивный интерес к современному Китаю через рыночные и цифровые механизмы, в то время как «классическая» проза углубляет понимание его ментальности и истории для подготовленной аудитории. Этот феномен демонстрирует, что эффективность культурного влияния достигается за счет сочетания традиционной глубины с современной динамикой и ориентацией на запросы конкретной, прежде всего молодой, аудитории.

Список литературы

1. Ван, Чжэ, Дай, Сяофэн. Трансмедийное повествование в китайском литературном сетевом дискурсе (онлайн-роман «Основатель пути дьявола») / Чжэ Ван, Сяофэн Дай. // Научный диалог. – 2022. – Т. 11. – № 2. С. 182-197.

2. Вэнь, Чжэсянь. Анализ российской модели издания китайской сетевой литературы в цифровую эпоху на примере романа «Благословение небожителей» Мосян Тунсю /

Чжэсянь 3.Вэнь. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. – 2025. – Т. 17. – Вып. 1. – С. 52–64.

4. Радиков, И. В., Лексютина Я. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы / И. В. Радиков, Я. Лексютина // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 2. – С. 19-26.

5. Галиуллина, С. Д., Поподько, Е. А., Поподько, А. А. Влияние поколения Z на сетевое литературное творчество Китая / С. Д. Галиуллина, Е. А. Поподько, А. А. Поподько // Виртуальная коммуникация и социальные сети. – 2022. Т. 2. № 4. С. 275-284.

6. Рубец М. В. Интернет-литература в Китае как воплощение кибер-эпохи / М. В. Рубец. // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2019. №1 (16). С. 73-74.

7. Сунь, Мэнчжо. Китайская сетевая литература как объект изучения в школе / Мэнчжо. Сунь // Филологические науки в XXI веке: сб. материалов Международной научно-практической конференции (Якутск, 23-25 марта 2021 г.). – Якутск: Издательский дом СВФУ – 2021. – С 409-411.

8. Турушева, Н. В. Современная китайская литература как отражение социальных процессов в КНР / Н. В. Турушина. // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2014. – №383. – С 126-132.

9. Егоров, И. А. Лауреат Нобелевской премии писатель Мо Янь и современная китайская литература / И. А. Егоров // Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2014. – 28 с.

10. Рубцова, Д.С., Рожинцева, В.Д. Русская и китайская литература: роль в межкультурной коммуникации России и Китая / Д. С. Рубцова, В. Д. Рожинцева // Культура и цивилизация. – 2024. – Том 14. – № 6А. – С. 165-172.

11. Кривохиж, С. В. Публичная дипломатия Китайской Народной Республики: становление и развитие / С. В. Кривохиж // Санкт-Петербургский Государственный Университет. – Санкт-Петербург, 2014. – 165 с.

12. Хандархаева, В. В. Буддийская дипломатия как фактор «мягкой силы» Китая / В. В. Хандархаева // Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова. – Улан-Удэ, 2022. – С. 148-152.

13. Храмцова, А. А. Распространение китайской культуры в рамках деятельности институтов Конфуция / А. А. Храмцова // Институт социальных и политических наук Уральского федерального университета. – 2015. –С. 118-123.

14. Жильцов, С. С. «Мягкая сила» в мировой политике / С. С. Жильцов // Современная Европа. – 2018. – № 2. – С. 152-156.

15. 墨香铜臭在外网战绩如何？为什么只有她能先走出国门？ // 知乎 [Каковы успехи Мосян Тунсю на зарубежных Интернет-платформах? Почему лишь ей одной удалось выйти за рубеж? // Чжиху]. – Текст: электронный // URL: <https://www.zhihu.com/question/610853440/answer/3131356550> (дата обращения: 14.11.2025).

16. Отчет, 20186 – 年网络文学发展报告 2018, 2019 年 2 月 18 日 [电子资源] /阅文集团. – 访问链接: <http://www.199it.com/archives/834027.html> (访问时间 2019 年 11 日 30В) [Отчет о развитии сетевой литературы за 2018 год, 18 февраля 2019 года] – Текст: электронный // URL <http://www.199it.com/archives/834027.html> (дата обращения 21.11.2025)).

17. Отчет, 20206 – 年中国网络文学出海研究报告 [电子资源] /艾瑞咨询.2020.一 访问链接: <https://www.iresearch.com.cn/Detail/report?id=3644&isfree=0> (访问时间 2021) [Исследовательский отчет о зарубежном распространении китайской он-лайн-литературы] // iResearch. 2020. – Текст: электронный // URL: <https://www.iresearch.com.cn/Detail/report?id=3644&isfree=0> (дата обращения 20.11.2025)).

КУЛЬТУРНЫЙ КОД САХАЛИНЦА

Осипенко Егор Валерьевич, студент

Дальневосточный Государственный аграрный университет, Благовещенск, Россия
kuzmiz@list.ru

Научный руководитель: Кузьмич Наталья Павловна, кандидат экономических наук, доцент
Дальневосточный Государственный аграрный университет, Благовещенск, Россия
kuzmiz@list.ru

Аннотация. В статье исследуется культурный код сахалинца, носителя традиционных ценностей региона. Автором показано, что культурный код, сформированный под влиянием корейской и японской культуры, способствует совершенствованию интеграционных процессов и социокультурного взаимодействия в настоящее время. Смещение культурных традиций породило особые социальные нормы. Сформированный исторически культурный код сахалинца помогает спасти традиционные ценности, не дает их разрушить. В культурном коде содержится социальная установка правил, регулирующих взаимодействие людей в сфере социальных действий.

Ключевые слова: история, корейцы, культурные традиции, культурный код, сахалинцы, Сахалин, ценности, японцы

Сахалин – это уникальный плавильный котел культур, где столетие совместного проживания русских, корейцев и японцев создало особую социальную структуру. Остров, переживший японский период Карафута (1905-1945 гг.), принудительное переселение корейцев в 1930-1940-е годы и последующее советское освоение, демонстрирует удивительный пример культурного синтеза. Несмотря на сложную историю, здесь сформировалась особая идентичность, где восточная дисциплинированность сочетается с русской общинностью, а советское наследие – с азиатской предприимчивостью. Этот культурный код определяет не только менталитет сахалинцев, но и экономические практики, и даже подход к решению современных проблем.

Культурный код скрыт от понимания многих людей, но отчетливо проявляется в их чувствах и социальной практике. Культурный код – это комплекс знаний различного характера, которые благодаря специальным механизмам хранятся и передаются будущим поколениям. Вершиной культурного кода является уникальный опыт, накопленный в течение жизни многих поколений [1].

Современный культурный ландшафт Сахалина – результат нескольких миграционных волн и исторических периодов:

- японское наследие Карафута: за 40 лет японского управления южным Сахалином здесь была создана полноценная инфраструктура – железные дороги, порты, города. Японцы принесли не только технологии, но и свою культуру быта, отношение к труду и природе. Даже после возвращения на родину в 1946-1949 годах материальные следы японского присутствия остались в архитектуре, дорожной сети, а нематериальные – в привычках местного населения.

- корейская диаспора: трагическая история корейцев, насильственно перевезенных на Сахалин в годы Второй мировой войны для работы на японских шахтах и заводах, создала уникальную общину, сохранившую свою культуру в советских условиях. После распада СССР сахалинские корейцы стали связующим звеном между Россией и Республикой Корея, способствуя экономическому и культурному обмену [2].

- советское освоение: массовое переселение русских, украинцев, белорусов в послевоенные годы привело к формированию «советского» слоя культуры, который наложился на уже существующие восточные традиции. Особенностью Сахалина стало то,

что здесь советская культура с самого начала развивалась в условиях постоянного взаимодействия с восточными соседями.

Культурный синтез наиболее очевиден в повседневной жизни сахалинцев:

1. Гастрономический код: сахалинская кухня – это уникальное смешение, где русские пельмени соседствуют с корейским кимчи, а японские суши готовятся из местного лосося. Такие блюда, как:

- «Сахалинский салат» из морских ежей с овощами;
- корейская морковь, ставшая неотъемлемой частью местного застолья;
- японские рисовые лепешки моти, адаптированные под российские вкусы стали кулинарными символами острова [3].

2. Языковые особенности: в местном словоупотреблении сохранились японские и корейские заимствования, особенно в названиях географических объектов («Сусунай», «Тойохара») и в профессиональной лексике рыбаков и моряков. Характерно использование дословных переводов с корейского и японского в бытовой речи [4].

3. Календарь праздников: традиционный русский и советский календарь дополнен восточными элементами:

- корейский Новый год (Соллаль) отмечается многими жителями острова;
- японский праздник любования сакурой прижился в Южно-Сахалинске;
- День основания города празднуется с элементами как русских, так и японских традиций.

Смешение культурных традиций породило особые социальные нормы:

- трудовая этика: японская дисциплинированность и внимание к деталям сочетаются с русской изобретательностью и корейским трудолюбием. Это особенно заметно в таких сферах, как рыбопереработка и логистика, где требуются и аккуратность, и способность быстро адаптироваться.

- общинность и коллективизм: русская традиция взаимопомощи и корейская ценность общины создали особую форму сахалинской солидарности. Это проявляется в активности местных сообществ, готовности помогать соседям и в особом отношении к землякам за пределами острова.

- образовательные приоритеты: под влиянием корейской и японской культур на Сахалине сложилось особое отношение к образованию. Здесь один из самых высоких на Дальнем Востоке процент детей, занимающихся с репетиторами, и большой спрос на дополнительные образовательные услуги.

Города Сахалина сохранили следы разных культурных эпох:

- японское наследие: в Южно-Сахалинске сохранились здания в стиле японской интерпретации европейского модерна. Японские принципы градостроительства, ориентированные на гармонию с природой, повлияли на планировку парков и скверов.

- советский модернизм: типовые советские здания 1960-1980-х годов адаптированы к местным условиям – с усиленными теплоизоляцией и сейсмостойкостью.

- современный синтез: новая архитектура острова сознательно обыгрывает многокультурное наследие – как в проекте культурного центра на месте бывшего японского аэропорта в Южно-Сахалинске.

Сохранение и развитие уникального культурного кода сталкивается с рядом вызовов:

- глобализация и унификация: молодежь подвержена общемировым культурным тенденциям, что может привести к размыванию местной идентичности [5];

- демографические изменения: отток населения на материк и приток новых жителей из разных регионов России меняют культурный баланс [6];

- экономические факторы: развитие нефтегазового сектора привлекает на остров специалистов со всей страны, что также влияет на культурный ландшафт [7].

Однако есть и позитивные тенденции:

- осознание ценности многокультурного наследия: власти и общественность все больше внимания уделяют сохранению культурного наследия всех народов Сахалина;

- туристический потенциал: уникальная культура становится ресурсом для развития туризма – гастрономического, этнографического, культурного [8];

-образовательные программы: в школах и вузах внедряются курсы по истории и культуре народов Сахалина, что способствует формированию терпимости и понимания.

Таким образом, культурный код сахалинца – это не застывшая форма, а живой, развивающийся организм. Сплав русской, корейской и японской культурных традиций создал уникальный социальный феномен – человека, способного сочетать восточную гибкость с русской широтой души, уважение к традициям с готовностью к нововведениям. Эта культурная сочетаемость – не слабость, а сила Сахалина, его конкурентное преимущество в диалоге как с европейской частью России, так и со странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

В эпоху глобальных вызовов сахалинский опыт культурного синтеза приобретает особую ценность. Он демонстрирует, что разные культурные традиции могут не просто сосуществовать, но и обогащать друг друга, создавая новое качество. Сохранение и развитие этого уникального кода – залог не только культурного процветания острова, но и его успешной интеграции в быстро меняющийся мир. Как сказал один сахалинский старейшина: «Мы здесь все – и русские, и корейцы, и японцы – научились главному: понимать друг друга без слов. Потому что море у нас одно на всех, и земля одна».

Список литературы

1. Котляров, И.В. Культурный код: к новой системе ценностей (социально-философские тренды) / И.В.Котляров // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2022. – Т.13. – №3.

2. Кузнецов, Д.В. Потерянные и обретенные: особенности идентичности сахалинских корейцев / Д.В.Кузнецов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2025. – Т.19. – №4. – С.26 – 33.

3. Материковые и сахалинские корейцы: различия и сходства: сайт. – Южно-Сахалинск, 2025. – Текст: электронный // URL: https://koreilbo.com/news/materikovskie_i_sakhalinskie_koreytsy_razlichiya_i_skhodstva80/ (Датаобращения 23.01.2026 г.)

4. История и культура Сахалина: от коренных народов до современности: сайт. – Южно-Сахалинск, 2025. — Текст: электронный // URL: <https://dzen.ru/a/Z6MJ7qlI11KujKXU> (Датаобращения 23.01.2026 г.)

5.Мельников, Р.М. Влияние экономических, социальных и экологических факторов на удовлетворенность жизнью в российских регионах / Р.М.Мельников //Региональная экономика: теория и практика. – 2022. – Т.20. – №3. – С.424 – 450.

6.Кузьмич, Н.П. Социально–экономические условия развития трудового потенциала аграрной сферы / Н.П.Кузьмич //Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. – 2023. – №1(95). – С.149 – 154.

7.Стрюков, Н.С. Оценка компонентов регионального маркетинга / Н.С.Стрюков //Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2025. – №3. – С.249 – 256.

8.Кузьмич, Н.П. Развитие имиджа территории / Н.П. Кузьмич, Т.С. Мартыненко // Стратегии и векторы развития АПК: материалы национальной конференции, посвященной 100-летию Кубанского ГАУ. – Краснодар: ФГБОУ ВО КубГАУ. – 2021. – С. 78 – 81.

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА

Побиянский Владимир Сергеевич, студент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

vladimirpobiyanskiy@mail.ru

Научный руководитель: Барина Светлана Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

sgb2022@mail.ru

Аннотация. В данной статье будут рассмотрены и проанализированы философские аспекты землеустройства. Будут изложены философские изложения и видения понятия «земля», а также основные виды и направления философии о Земле.

Ключевые слова: философия, землеустройство, Земля, геофилософия, экологическая философия

В нашем мире многие вещи тесно связаны друг с другом. Так, например, многие науки или учения находят свое отражение и связь с другими, не всегда подобными им, науками. Именно об этой, не всегда очевидной, связи и пойдет речь в этой статье.

Сегодня мы рассмотрим связь двух наук. А именно, как фундаментальная гуманитарная наука – философия, отражается и имеет влияние в другой прикладной науке – землеустройстве.

Прежде всего, в изучении данного вопроса мы обратимся к понятиям, а именно – дадим определения этих двух наук.

Философия – это специфическая форма человеческого познания, которую зачастую именуют «наукой о мудрости» или же «наукой о жизни». Она занимается изучением фундаментальных принципов бытия, человека, истины и ценностей.

Землеустройство – это прикладная наука и одновременно система государственных мероприятий, направленная на регулирование земельных отношений, использование и охрану земель. Оно объединяет элементы инженерных наук (геодезии, картографии), экономики, права и экологии для рационального использования земельных ресурсов, планирования территорий и межевания.

Важность Земли в системе философии подтверждает то, как сама философия трактует нам понятие Земли и обуславливается наличием нескольких философских подходов к пониманию Земли.

Земля в глазах философии предстает перед нами не только как планета и «дом людей», но и как основа бытия, активная стихия, которая противостоит людскому антропогенному развитию. Она предстает как источник жизни, «плоть мира» и арена, где твориться человеческая история.

Ученые многие века уделяли Земле особую роль и свой интерес. Именно так зарождались следующие философские учения о Земле:

1. Геофилософия (Философия Земли);

Направление в философии, занимающееся исследованием Земли как элементом мышления, ландшафтом, пространством, родиной или природой [1].

2. Феноменология Земли;

Анализирует Землю как «почву» (основу) нашего человеческого опыта, связывает землю и тело, ландшафт и сознание.

3. Экологическая философия (Экософия);

Изучает этические и бытийные отношения природы и человеческой расы. Внутри себя имеет концепции «экологии без природы», направленные на понимание Земли, которая свободна от культурных интерпретаций.

4.Геополитическая философия.

Рассматривает Землю как пространство, территорию, предмет собственности и поле политической борьбы.

Познания о Земле в философии не ограничиваются этими учениями. Существуют также подходы внутри других учений. Вот примеры таких подходов:

1.Феноменология;

Согласно этой теории, Земля – это невидимая опора, которая не движется, а позволяет всему видимому существовать. Она – «пра-почва» для любого человеческого опыта, бытия и восприятия.

2.Экзистенциально-онтологический подход;

Эта теория утверждает, что Земля предстает стихией, которая скрывает в себе сущность, сопротивляющуюся человеческому «исчислению» и разрушительному воздействию, оставаясь изначальной природой.

3.Экотеология и экологическая философия;

Экотеологи рассматривают Землю как нечто священное, живое и целое. Она требует заботы, сопереживания и бережливого отношения [2].

Восточная философия (У-син);

По мнению философов Востока, Земля – это один из пяти элементов (стихий), символизирующий баланс инь и ян, стабильность, центр, а также сопереживание.

«Вторая природа».

Философия также осмысляет Землю в контексте антропогенного воздействия, где «вторая природа» – это очеловеченная, искусственная среда, созданная человеком.

Таким образом, говоря о землеустройстве как о науке о методах рационального использования, улучшения и охраны земель и земельных ресурсов следует считать, что философия имеет свои аспекты внутри данной науки.

Философские аспекты землеустройства:

1.Онтологический аспект.

Он заключается в исключительной важности и ценности земли как места обитания человека. Без земли невозможно само человеческое бытие.

2.Социальный аспект.

Роль социального аспекта в честном, справедливом и сбалансированном распределении земли и ее ресурсов между населением. Доступность земли и ее ресурсов для всех.

3.Ценностный аспект.

Помогает расставить приоритеты, где первоначально сохранение главного качества земли – плодородия.

4.Этический и культурный аспект [3].

Под его влиянием формируется уважение к земле, вместо потребительского отношения. Появляется любовь к земле и желание ее сохранить для будущих поколений.

«Переход от старого к новому нередко сопровождается масштабными деструктивными процессами, самыми очевидными примерами которых являются усиливающиеся экономические кризисы, политическая нестабильность и разрушение традиционной статусно-ролевой структуры общества» [4, с. 294].

Подводя итог, можно сказать, что философия находит отражение в такой науке как землеустройство. Философия не только появляется в отдаленных чертогах землеустройства, но еще и диктует свои тенденции (аспекты) для дальнейшего развития этой науки, определяя ее дальнейший путь. Таким образом, определяет мировоззренческие, моральные и этические основы развития землеустройства. «Естественно, что материальные причины являются основой всех природных явлений. И развитие человеческого общества также обусловлено развитием материальных, производительных сил» [5, с. 437].

Философия дает толчок для человеческого общества к преодолению барьера бездушного технического управления землей к более глубинному и рациональному

управлению и использованию земельными ресурсами. Философия уравнивает на чаше весов экономические интересы общества с интересами природы, тем самым представляя землю не как товар, а как необходимое для человеческого существования место, пространство, которое является неотъемлемой частью здорового развития нашего общества.

Список литературы

1. Геофилософия, или как земля стала частью нашего мышления. – Текст: электронный // URL: <https://vegetarian.ru/articles/geofilosofiya-ili-kak-zemlya-stala-chastyu-nashego-myshleniya.html> (дата обращения 11.02.2026)
2. Кнорре Константинова, Е. Ю. Философия земли М.М. Пришвина в контексте экотеологии / Е. Ю. Кнорре Константинова // Крестьяноведение. – 2024. – Т. 9, № 3. – С. 73-91.
3. Кривых, Е. Г. Философские аспекты урбанистики и формирование компетенций студентов строительного университета / Е. Г. Кривых // Балтийский гуманитарный журнал. – 2021. – Т. 10, № 1(34). – С. 147-150.
4. Барина, С. Г. Власть и ответственность в условиях социального кризиса / С. Г. Барина / Вестник КрасГАУ. – 2014. – № 6 (93). – С. 294-298.
5. Барина, С. Г. Влияние способа материального производства на процессы общественной жизни / С. Г. Барина / В сборнике: Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития. Красноярск, КрасГАУ. – 2016. – С. 437-441.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ФАКТОР СВЯЗИ ПОКОЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Раджабов Шахзод Райимжонович, студент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

yamach_kochovaly107@mail.ru

Данилова Каролина Евгеньевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

k.dnlv11@yandex.ru

Научный руководитель: Конникова Лилия Юрьевна, кандидат культурологии, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

konnikova@bk.ru

Аннотация. В статье анализируется роль исторической памяти в формировании связи между поколениями в современном обществе. Рассматриваются особенности восприятия исторических событий представителями разных возрастных групп, а также влияние образовательной среды, семейных традиций и информационного пространства на сохранение исторического опыта. Особое внимание уделяется изменениям механизмов передачи исторического знания в условиях цифровизации. Делается вывод о том, что коллективные представления о прошлом остаются важным фактором культурной преемственности и социальной стабильности.

Ключевые слова: историческая память, поколения, культурное наследие, историческое сознание, общество, идентичность

Осмысление прошлого всегда являлось неотъемлемой частью становления общественного сознания. Именно представления о минувших событиях во многом определяют ценностные ориентиры, мировоззренческие установки и культурные коды социума. Благодаря исторической памяти происходит аккумуляция и передача накопленного опыта от старших возрастных групп к младшим [1].

В течение последних десятилетий отношение к историческому наследию заметно трансформируется. В основе этих сдвигов лежат, с одной стороны, стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий, а с другой – кардинальное обновление способов получения знаний. Если в предшествующую эпоху главными каналами трансляции сведений о прошлом служили книги, система образования и семейное воспитание, то сегодня на первые позиции выходят цифровые ресурсы и медийное пространство.

Указанные изменения закономерно ведут к тому, что одна и та же историческая реальность может восприниматься представителями разных возрастных когорт неодинаково. Люди старшего поколения склонны опираться на личный жизненный опыт и устоявшиеся источники информации, в то время как молодежь активно черпает знания из интернет-ресурсов и новых медиа [2].

Отмеченные обстоятельства актуализируют необходимость углубленного исследования того, какую роль играют коллективные представления о прошлом в современном социуме.

Настоящая работа ставит своей целью выявление значимости исторической памяти как фактора, обеспечивающего содержательный диалог между поколениями в современном обществе. Достижение поставленной цели предполагает последовательное решение ряда взаимосвязанных исследовательских задач, логически раскрывающих заявленную проблематику. В первую очередь требуется уточнить содержание самого понятия «историческая память», которое в современном научном дискурсе приобретает междисциплинарный характер и требует концептуального осмысления. Далее необходимо

охарактеризовать специфику механизмов трансляции исторического опыта между поколениями, поскольку именно каналы передачи знания во многом определяют его сохранность и интерпретацию. Особого внимания заслуживает выявление основных различий в восприятии истории представителями разных возрастных групп, что позволяет понять природу межпоколенческих разрывов и точек напряжения. Наконец, важным элементом работы выступает оценка вклада образовательной системы в сохранение и ретрансляцию исторического знания, поскольку институционализированное образование остается ключевым каналом формирования исторической памяти в молодежной среде. Решение указанных задач в их совокупности позволит достичь цели исследования и сформулировать обоснованные выводы о роли исторической памяти в поддержании межпоколенческого диалога.

Историческую память правомерно рассматривать как многогранный социальный феномен, который аккумулирует в себе доминирующие в обществе представления о прошлом. Контуры этого феномена складываются под влиянием целого комплекса факторов: культурного контекста, образовательных практик, деятельности общественных институтов и, безусловно, индивидуального опыта людей [3].

Особая роль в процессе сохранения и передачи исторической памяти отводится семье. Именно в семейном кругу человек впервые погружается в рассказы о былом, знакомится с историей рода и начинает ощущать неразрывную нить, связывающую разные поколения. Такие неформальные каналы трансляции знаний зачастую оказывают на становление исторического мировоззрения не менее сильное воздействие, чем официальные нарративы.

Важно подчеркнуть, что индивидуальные воспоминания и семейные предания выступают в качестве своеобразного дополнения к корпусу официальных исторических источников. Благодаря этому «человеческому измерению» прошлое перестает восприниматься как сухая хронология дат и фактов, обретая черты живой, эмоционально окрашенной реальности.

Не менее существенное воздействие на содержание исторической памяти оказывают сегодня средства массовой информации, разнообразные культурные проекты и образовательные инициативы. Их функция заключается в поддержании общественного внимания к ключевым событиям минувшего и в формировании определенного ракурса их восприятия [4].

Резюмируя изложенное, можно констатировать, что историческая память служит одним из фундаментальных оснований культурной идентичности любого общества.

Наиболее отчетливо возрастные различия проявляются в том, каким именно способом люди получают и интерпретируют историческую информацию. Представители старших возрастных групп демонстрируют устойчивую приверженность традиционным каналам знания: печатным изданиям, архивным материалам, академическим образовательным ресурсам.

Молодежь, в свою очередь, все активнее интегрируется в цифровую среду, которая становится для нее основным источником сведений о прошлом. Глобальная сеть открывает доступ к огромным массивам данных, но одновременно порождает ситуацию информационного плюрализма, при котором различные, порой диаметрально противоположные трактовки исторических событий сосуществуют в едином пространстве.

Подобная многоголосица способна порождать множественность точек зрения на одни и те же факты. Однако было бы неверно рассматривать это явление исключительно в негативном ключе. Напротив, столкновение разных интерпретаций может выступать катализатором познавательного интереса к истории и служить основой для выработки навыков критического анализа.

Нельзя не отметить и еще одну важную тенденцию: современная молодежь склонна воспринимать исторические процессы в глобальном контексте, выходящем за рамки национальной истории. Доступ к разнообразным источникам и возможность их сопоставления способствуют выстраиванию объемной, многомерной картины прошлого.

В итоге можно говорить о постепенном складывании новой модели исторического восприятия, органично сочетающей в себе фундаментальные знания, накопленные предшествующими поколениями, и современные, в том числе цифровые, способы работы с информацией.

Особую значимость в контексте межпоколенческой трансляции опыта обретает феномен «живой истории» или микроистории на уровне семьи и локального сообщества. Если макроисторические нарративы зачастую подвергаются идеологическим влияниям и корректировке, то семейные предания, фотографии, письма и личные вещи предстают для молодого поколения наиболее достоверными и эмоционально близкими свидетельствами минувшего. Именно через призму истории своего рода происходит первичная социализация и зарождается чувство сопричастности к судьбе страны. Сохранение семейных архивов, изучение генеалогии, устные рассказы о предках – все это создает прочную основу для уважительного отношения к истории в целом. Следовательно, укрепление института семьи и популяризация интереса к ее прошлому являются важнейшими условиями для поддержания исторической памяти как подлинного фактора единства поколений, противостоящего фрагментации и формализации знания.

Образовательной системе принадлежит определяющая роль в процессе становления исторического сознания. Именно учебные заведения закладывают фундамент для последовательного, системного освоения истории, вооружая студентов инструментарием для анализа исторических процессов и явлений [2].

Методический арсенал преподавания исторических дисциплин в последние годы претерпел существенное обновление. Наряду с классическими лекционными форматами все более широкое распространение получают интерактивные методики, работа с цифровыми архивами, реализация мультимедийных проектов. Подобное разнообразие подходов не только придает учебному процессу динамичность, но и стимулирует вовлеченность студентов в самостоятельную исследовательскую работу.

Важную роль в этом контексте играют научные конференции и студенческие исследовательские проекты. Участие в них дает молодым людям возможность углубленно погружаться в актуальную историческую проблематику, учиться аргументированно отстаивать собственную точку зрения.

Не менее существенно и то, что образовательная среда создает условия для живого диалога между поколениями. В ходе учебного процесса естественным образом происходит обмен знаниями и опытом, что в конечном счете способствует выработке более объемного, интегрального видения исторического пути общества.

Историческая память представляет собой один из ключевых механизмов конструирования гражданской идентичности и системы культурных координат. Благодаря ей общество не утрачивает живую связь с минувшим и получает возможность опираться на аккумулированный опыт при решении актуальных задач современности [1].

Обращение к историческому опыту открывает путь к более глубокому постижению социальных процессов, разворачивающихся в настоящем. Анализ ретроспективы позволяет выявлять устойчивые закономерности общественного развития и, в определенной мере, прогнозировать векторы будущих изменений.

Не менее важно и то, что сохранение исторической памяти служит делу укрепления культурного наследия. Погружение в прошлое дает человеку возможность прикоснуться к традициям, ценностям и опыту предшествующих поколений, ощутить свою укорененность в истории.

Таким образом, коллективная память о прошлом реализует интегративную функцию, выступая связующим звеном между представителями разных возрастных когорт и способствуя их продуктивному взаимодействию.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что историческая память представляет собой неотъемлемый компонент общественного развития. Выполняя функцию трансляции

культурного опыта, она обеспечивает сохранение преемственной связи между поколениями и выступает гарантом культурной непрерывности.

В контексте современных социальных трансформаций значимость исторической памяти отнюдь не снижается. Более того, развитие новых технологий и реализация образовательных инициатив открывают дополнительные горизонты для изучения прошлого и сохранения исторического наследия, делая его более доступным и многообразным.

Резюмируя вышесказанное, подчеркнем: именно активизация диалога между поколениями и последовательная поддержка исторического образования выступают сегодня фундаментальными условиями сохранения культурной преемственности и идентичности общества в условиях стремительных перемен.

Список литературы

1. Ассман, А. Длинная тень прошлого: Память, культура и историческая политика / А. Ассман. – М., 2014. – 328 с.
2. Репина, Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI веков / Л. П. Репина. – М., 2011. – 560 с.
3. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. – М., 2007. – 348 с.
4. Франция-память / Санкт-Петербургский гос. ун-т; [Пьер Нора и др.; пер. с фр. Д. Хапаевой]. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. – 325 с.

КИТАИЗИРОВАННЫЙ ОБЩЕПИТ КАК «ВИТРИНА» КИТАЙСКОГО ПРИСУТСТВИЯ В ИРКУТСКЕ: КАК ГОРОЖАНЕ СЧИТЫВАЮТ КИТАЙ ЧЕРЕЗ ЕДУ И ИНТЕРЬЕР

Рыбкина Светлана Олеговна, студентка

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

svetlanarybkina267@gmail.com

Научный руководитель: Иванов Кирилл Андреевич, старший преподаватель

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

ivanov-ka@word.isu.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль китаизированного общепита в формировании образа Китая в сознании жителей Иркутска. С помощью концепции Анри Лефевра о производстве пространства было проанализировано, как через пространственные практики, репрезентации пространства и пространство репрезентации конструируется «китайскость». Эмпирическим материалом служат интервью с посетителями и сотрудником, а также отзывы на платформе 2ГИС. В результате исследования была предложена классификация заведений китайской кухни, различающихся по ценовому сегменту, количеству китайской символики и целевой аудитории. Считывая маркеры «китайскости» в таких пространствах, посетители конструируют образ Китая. Делается вывод, что китайский общепит в Иркутске воспроизводит особые пространства, в котором чужая культура адаптируется под предпочтения принимающего общества.

Ключевые слова: китаизированный общепит, образ Китая, пространственная практика, репрезентация пространства, пространство репрезентации

Развитие российско-китайских отношений сопровождается ростом повседневных контактов и форм взаимодействия на уровне города. В городской среде появляется больше общественных пространств, в которых конструируется образ Китая. Это связано с развитием заведений китайской кухни, в которых в одном пространстве сосуществуют разные культурные элементы [1]. В предыдущие десятилетия китайцев часто воспринимали прежде всего как торговцев, контакты с местными жителями концентрировались вокруг рынков [2]. Китайцев нередко воспринимали как очень однородную группу, лишенную индивидуальных характеристик. Подобная деиндивидуализация была одним из факторов, способствовавших формированию негативных установок в принимающем обществе [3]. С 2010-х годов приезжими из Китая все чаще становились туристы и студенты, которые нередко встречались в центре города, а не только в местах работы или проживания [4]. По мере расширения связей в разных сферах менялось и общественное восприятие китайцев [5]. С момента увеличения туристического потока из КНР изменилась и «китайскость» городского пространства. На смену стереотипированной символике в оформлении мест пришла скромность и непримечательность, ориентированная на «своих» [4]. Это сопровождалось расширением разнообразия китаизированных объектов в городской среде. Интерес со стороны местных к подобным, маркированным как «китайские», заведениям связан со стремлением попробовать «китайскую кухню» и получить опыт «аутентичного» места [1].

Проблема данного исследования – недостаточная проработанность того, как китаизированные пространства общепита в Иркутске участвуют в конструировании образа Китая и как различия между типами заведений влияют на характеристики этого образа. Цель исследования – выявить, какими способами и практиками в китаизированном общепите формируется образ Китая в восприятии горожан. Объект исследования – китаизированный общепит как городской «интерфейс» [6, с. 7] репрезентации Китая.

Для анализа особенностей механизмов формирования образа Китая в пространстве в качестве теоретической рамки был использован подход Анри Лефевра к производству социального пространства (пространственная практика, репрезентации пространства, пространства репрезентации) [7, с. 47]. В центре анализа – способы, которыми элементы социального пространства участвуют в конструировании образа Китая.

Эмпирической основой исследования стали 10 полуструктурированных интервью с посетителями и 1 полуструктурированное интервью с сотрудником заведения общей продолжительностью 2 часа 54 минуты. Интервью проводились в период с октября по ноябрь 2025 года. 8 человек из опрошенных являются студентами, изучающие восточные языки, 1 человек является китайцем, который учится в Иркутске и 1 человек никак не связан с учебой или работой, имеющих отношение к Азиатским странам. Выборка проводилась с использованием метода «снежного кома» [8], что несколько сместило ее в сторону людей, интересующихся Азией. Интервью анализировались с помощью программы MAXQDA с применением методики тематического осевого кодирования. Коды формировались на основе гайда интервью и повторяющихся тем в данных. В гайде фиксировались темы: расположение, позиционирование, оформление, а также субъективные оценки посетителей. Дополнительно были собраны и проанализированы отзывы на платформе 2ГИС. По запросу «китайская кухня» получено 62 места; для анализа отобраны заведения, упоминаемые в интервью. По каждому заведению собрано и закодировано 40 отзывов (сбор осуществлялся в октябре 2025). Коды для обработки цифрового массива: обслуживание, еда, чистота, обстановка/аутентичность, цена, порции, дополнительные услуги, музыка.

В рамках исследования выделяются три категории китаизированных заведений общественного питания в Иркутске. Критерии типологии: ценовой сегмент (по оценкам в интервью/отзывах), степень китаизации (символика/интерьер, то есть наличие символических элементов, интерпретируемых посетителями как «китайские»), целевая аудитория (по позиционированию и описаниям посетителей). В таблице 1 представлена классификация китаизированных заведений общепита в Иркутске.

Таблица 1 – Китаизированные заведения общепита в Иркутске

Тип	Критерии	Примеры заведений
Столовые	Дешевый ценовой сегмент, китайская символика встречается редко, среди посетителей часто встречаются китайцы	«Чжао Синь», «Дядя Ваня»
Рестораны	Средний ценовой сегмент, китайская символика встречается часто, китайцы среди посетителей встречаются реже	«Золотые палочки», «Chino»
Гастробары	Дорогой ценовой сегмент, китайская символика присутствует всегда, является основным средством привлечения клиентов, китайцы встречаются редко либо никогда	«Chiho», «Маджонг»

То, для каких целей люди используют заведения китайской кухни, является характеристикой пространственной практики. В зависимости от опыта посетителей, различается выбор заведений для посещения. Столовые чаще выбирают респонденты с личным опытом Китая/китайской культуры (в т. ч. «китаисты», люди, жившие в КНР), связывая их с большей аутентичностью меню. Именно в таких заведениях чаще всего можно встретить китайцев как среди посетителей, так и среди персонала. Заведения из более

дорогих сегментов выбирают те, кто целью посещения ставит погружение в атмосферу незнакомой страны.

Объединяющим все категории заведений является желание посещать такие места с компанией. Несколько опрошенных посещают данные заведения не только ради вкусной еды, но и ради хорошего времяпрепровождения с знакомыми. Так, помимо личного опыта, респонденты наблюдали среди посетителей семьи, молодые и пожилые пары, компании друзей.

В рамках пространства репрезентации анализируются сенсорные маркеры (музыка, вкусы, запахи) и интерьер. Они являются сенсорным опытом человека, на основании которого он наделяет пространства определенным смыслом. Также одним из основных воплощений этой категории является интерьер.

Вспоминая свой опыт посещения, респонденты противоречиво отмечали особенности музыки. Кто-то говорил, что в заведениях китайской кухни играет спокойная музыка, связанная с традиционными китайскими мотивами. Кто-то, напротив, утверждал, что никогда не слышал музыку, связанную с Китаем, всегда встречается только популярная русская. Различия в описаниях связаны с типом заведения и его ценовым сегментом. Зачастую в столовых должное внимание не уделяется музыкальному сопровождению, тогда как в заведениях более высокой ценовой категории музыка является одним из элементов, создающих атмосферу Китая. Несколько респондентов отметили, что такая ситуация может объясняться специфичностью китайской музыки. Для русских она является незнакомой, что может быть связано с ориентацией заведений на привычные для аудитории форматы музыкального сопровождения. Так, в зависимости от категории заведений, роль музыки меняется: в столовых она не воспринимается как маркер китайской культуры, а в ресторанах и гастробарах музыка является одним из инструментов воспроизводства образа Китая.

В описаниях запахов чаще упоминаются специи и соусы (в т.ч. соевый, кисло-сладкий), что маркируется как «непривычное», но оценивается преимущественно позитивно. Среди основных вкусов выделяют острый и сладкий. Отмечается предпочтение к присутствию китайских поваров, поскольку, по мнению опрошенных, именно китайцы могут готовить настоящую китайскую еду, но при этом отмечается важность именно русских официантов, поскольку это упрощает коммуникацию. Различия в определении ключевых запахов в разных сегментах не было выделено, что говорит о том, что во всех категориях запах является маркером «китайскости» для русских посетителей, на основании которого Китай – это страна с непривычными сочетаниями вкусов и запахов.

Анализируя ответы на вопрос об элементах интерьера в таких заведениях, были выделены следующие особенности. Среди наиболее частых выделяются красный цвет, китайские фонарики, драконы, иероглифы. В разных типах заведений интерьер отличается. Столовые, которые чаще всего посещают китайцы, не отличаются яркостью, тогда как в более дорогих местах больше внимания уделяется обстановке. Кажется интересным ответ китайца по поводу его опыта посещения таких заведений в Иркутске. Сравнивая китайский интерьер в Китае и в России, он отметил, что в КНР наиболее распространенным оформлением являются картины с китайской живописью и лампы в виде цветов, что в кафе и ресторанах в России редко встречается. Также китайский студент отметил, что в целом оформление интерьера в заведениях китайской кухни в Иркутске более упрощенное, чем в самом Китае. Красный цвет, фонари, драконы, иероглифы выступают для русскоязычных посетителей маркерами «китайскости». В данных интервью именно эти элементы чаще всего связываются с «китайским» интерьером, что несколько расходится с описанием китайского респондента. Такие особенности указывают, что в Иркутске воспроизводится особый набор «китайских маркеров», который не совпадает с тем, как сами китайцы воспринимают «типичный интерьер». Так, воссоздается новое уникальное пространство, в основе которого лежит взаимодействие уже существующих пространств.

Ответы респондентов и интернет-отзывы указывают и на различие в том, еду в каких местах посетители считают аутентичной. Как было упомянуто выше, по мнению посетителей

рестораны и гастробары отличаются более ярким интерьером, чем столовые. Последние, в свою очередь, делают ставку на аутентичность меню, а не атмосферы. Те, кто не раз пробовал китайскую еду, выделяют еду как достоинство таких заведений. Посетитель столовой «Дядя Ваня» отмечает: *«...был приятно удивлен натуральному вкусу китайской кухни. Я гурман - очень много раз был в Китае, люблю эту кухню, и разбираюсь, где, кто что добавил»*.

Репрезентации пространства в данном случае задаются через позиционирование заведений (целевая аудитория, расположение, визуальный образ) и их онлайн-присутствие (карточки в 2ГИС, рекламная выдача, отзывы). Для ресторанов и гастробаров характерны инвестиции в визуальную репрезентацию и продвижение; столовые чаще опираются на локацию и рекомендации. Отзывы выступают медиатором выбора и участвуют в «производстве» пространства, формируя ожидания новых посетителей.

Респонденты связывают размещение заведений в центре с проходимостью и обеденным спросом офисных работников; вывеска/витрина выступают «триггером» первичного посещения. В целом данные указывают на локальную адаптацию маркеров «китайскости» под российские ожидания. Однако, китайский студент говорил о более мелких порциях, по сравнению с кафе и ресторанами и самим Китае. Различия интерпретируются как адаптация под вкусовые привычки российских посетителей. Опрашивая русских посетителей, китайца и официанта заведения китайской кухни, была определена особенность вкуса китайской еды в России. Часть респондентов рассматривает остроту как барьер для знакомства с китайской кухней. Китайский студент заметил, что в России китайская еда менее острая, чем в Китае, при этом в России еда более сладкая. Это подтверждается и ответом официанта кафе «Чжао Синь». Сотрудница рассказала, что еда в их заведении скорректирована под предпочтения русских. Было отмечено, что русские меньше любят острую пищу, чем китайцы, а среди популярных блюд было названо «Гобаожоу», которое отличается своим сладким вкусом. Среди опрошенных посетителей часто именно это блюдо чаще всего упоминалось в ходе интервью. В интервью практически не артикулируется региональная дифференциация китайской кухни: заведения описываются как «китайские» в целом. Сотрудница «Чжао Синь» также подтвердила, что их меню не специализируется на региональной кухне, а скорректировано под русского посетителя. Отсутствие региональной маркировки (например, «сычуаньская кухня») респонденты объясняют тем, что категория «китайская кухня» понятнее массовому посетителю и поэтому выгоднее в маркетинговом отношении.

Отвечая о соотношении русских и китайцев среди клиентов, многие опрошенные говорили о преобладании русских в заведениях более высокой ценовой категории, тогда как китайцы чаще всего встречаются в более дешевых кафе: *«Например, тот же Чихо, он как будто бы больше интерпретирован, сделан под русских. Он такой яркий, как бы с китайским колоритом, но... я замечала, что китайцы редко ходят в подобные заведения, но замечала в таких заведениях, как Чжао Синь или Золотой Карп»*. Таким образом, столовые являются «пространством китайцев для себя», а русские в таких местах только гости. Рестораны и гастробары, в свою очередь, это «пространство русских про Китай», место, которое создано в первую очередь для россиян и адаптировано под них.

Китайская кухня описывается респондентами как одновременно настоящая и адаптированная. Так, настоящая кухня встречается в дешевых местах, а адаптированная – в более дорогих. Если рассматривать то, какой образ возникает при посещении заведений китайской кухни, то выделяется восприятие Китая как единого целого. У большинства опрошенных нет четкого представления о региональной дифференциации кухни, поэтому образ Китая сливается в один обобщенный вкус.

Таким образом, китаизированный общепит – это тематические заведения общественного питания, в которых определенные элементы у посетителей ассоциируются с китайской культурой и создают в их сознании обобщенный образ Китая. К числу таких

элементов относятся особенности интерьера, еды, а также присутствие китайцев в виде посетителей или сотрудников.

По итогам анализа интервью и отзывов показано, как китаизированный общепит участвует в конструировании образа Китая. В качестве пространственных практик выступают посетители, которые выбирают определенный вид заведения, в зависимости от своих целей и интересов. Восприятие музыки, вкусов, запахов, интерьера является проявлением пространства репрезентации. То, как владельцы заведений выбирают свою целевую аудиторию и позиционируют себя, проявляется в репрезентации пространства. После анализа ответов респондентов было определено то, как различия заведений китайской кухни в интерьере, еде, ценам, целевой аудитории, а также маркеры, которые посетители считают, как «китайские» формируют представление о Китае в сознании россиян. Для одних посещение таких мест ограничивается вкусом блюд. Для них Китай – это недорогая еда без излишеств в оформлении. Для других помимо вкусной еды важна обстановка, которая погружает в культуру другой страны. Для этих людей важна возможность не только попробовать непривычную кухню, но и узнать больше о китайской культуре. Поэтому в этих местах складывается образ Китая как о месте с уникальной кухней и атмосферой, которая воссоздается как интерьером, так и едой. Для третьих такие заведения прежде всего должны погружать в атмосферу Китая, причем сама еда стоит не на первом месте, а способом понимания другой культуры является обстановка внутри заведений. В собранных данных чаще встречаются положительные оценки (прежде всего еды и интерьера); негативные упоминания фиксируются реже. Адаптируясь под российского клиента, китайский общепит в России приобрел уникальные черты, которые отличаются от представлений китайцев. В условиях взаимодействия двух культур формируется обобщенный образ Китая, опирающийся на набор устойчивых маркеров «китайскости» и частичную адаптацию кухни под ожидания российских посетителей.

Список литературы

1. Дятлова, Е. В. Китайский общепит Иркутска: присутствие в публичном пространстве города / Е. В. Дятлова // Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX-XX и XX-XXI веков: коллективная монография. – Иркутск: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Оттиск», 2013. – С. 284-296.
2. Брызгина, Д.Е. «Этнические» рынки Иркутска: производство и трансформация социального пространства города /Д. Е. Брызгина// Laboratorium: журнал социальных исследований. – 2020. – №12(3) – С. 70–99.
3. Дятлов, В. И. Синдром «китайской экспансии» в современной России / В. И. Дятлов // Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX - XX и XX - XXI веков / Иркутский государственный университет, Межрегиональный институт при ИГУ (Иркутский ИНИОН);. – Иркутск: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Оттиск», 2011. – С. 499-505.
4. Григоричев, К. В. «Неправильные» китайцы и «захваченный» город: оспаривание городского пространства как выработка практик взаимодействия с другим / К. В. Григоричев//Журнал исследований социальной политики. – 2020. – № 18 (4). – С. 593-608.
5. Авдашкин, А. А. Китайские мигранты в постсоветской России: цели прибытия и отношение принимающего общества / А. А. Авдашкин // Социологические исследования. – 2021. – № 5. – С. 84-93.
6. Штомпка, П. Социология социальных изменений [Пер. с англ.] / П. Штомпка, Под ред. В. А. Ядова. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 414 с.
7. Лефевр, А. Производство пространства / А. Лефевр. – Москва: Стрелка Пресс, 2017. – 430 с.
8. Noy, C. Sampling Knowledge: The Hermeneutics of Snowball Sampling in Qualitative Research / C. Noy // International Journal of Social Research Methodology. – 2008. – Vol. 11. – no. 4. – P. 327–344.

РАЗВИТИЕ ЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ У ДЕТЕЙ

Сырейщикова Татьяна Вячеславовна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

vergaletsnatalia@gmail.ru

Научный руководитель: Холонина Наталья Викторовна, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

vergaletsnatalia@gmail.ru

Аннотация. Автор статьи, анализируя психолого-педагогическую литературу, выделяет основные особенности и этапы развития человеческого мышления, от стадии рождения до взрослого состояния. Также автор сравнивает понятийно-логическое и клиповое мышление, которое весьма распространено среди современных детей. В статье обосновывается актуальность и необходимость целенаправленного развития логических приемов мышления для преодоления негативных последствий клипового восприятия.

Ключевые слова: логическое мышление, понятийное мышление, клиповое мышление, развитие мышления, онтогенез, дошкольный возраст, младший школьный возраст, социальные институты, анализ, синтез

Современный мир предъявляет высокие требования к когнитивным способностям человека. Способность анализировать информацию, выстраивать логические связи, делать обоснованные выводы и принимать решения является залогом успешности в учебе, профессиональной деятельности и повседневной жизни. В то же время, лавинообразный поток информации и развитие цифровых технологий способствуют формированию иного типа мышления – «клипового», для которого характерны поверхностность, фрагментарность и быстрая переключаемость. В связи с этим особую актуальность приобретает проблема целенаправленного развития логического мышления у детей, начиная с самого раннего возраста. Цель данной статьи – на основе анализа научных источников проследить этапы становления логического мышления в онтогенезе и сопоставить его с феноменом клипового мышления.

В процессе онтогенеза человека можно выделить несколько этапов развития логического мышления. Развитие мышления ребенка происходит не спонтанно, а подчиняется определенным закономерностям. Большинство исследователей, включая Ж. Пиаже, Л.С. Выготского, Н.Н. Поддьякова, сходятся во мнении, что логическое (словесно-логическое) мышление является высшим этапом, который формируется на основе предшествующих форм. На основе анализа психологической литературы можно зафиксировать следующие ключевые этапы:

Первый этап – наглядно-действенное мышление, которое охватывает период от рождения до 2-3 лет. На этом этапе мышление ребенка неразрывно связано с практическими действиями. Познание мира происходит через манипуляции с предметами: их разбор, сбор, ощупывание. Как отмечается в исследовании, «развитие мышления ребенка начинается с процесса деления какого-либо предмета на части... ребенок в возрасте 1-2 лет, манипулируя предметами, анализирует, из каких частей они состоят» [1, с. 1]. Ж. Пиаже называл эту стадию сенсомоторной. Ведущую роль на этом этапе играет семья, предоставляющая ребенку предметную среду и образцы действий.

Второй этап – наглядно-образное мышление, характерное для детей от 3 до 6-7 лет. Ребенок начинает мыслить образами, но его логика еще несовершенна и сильно зависит от внешнего вида предметов. Ж. Пиаже назвал этот период дооперациональным, открыв феномен непонимания сохранения количества, который проявляется в том, что дети считают, будто количество вещества меняется при изменении формы сосуда [2]. При этом, как

подчеркивается в исследованиях, «логическое мышление младшего дошкольника как высший этап развития детского мышления зарождается на основе образного мышления» [3, с. 3]. В этот период к семье подключается новый социальный институт – дошкольные образовательные учреждения, где через игру и специальные занятия начинается формирование простейших логических операций: сравнения, обобщения, классификации.

Третий этап – становление словесно-логического, или понятийного мышления, которое приходится на младший школьный возраст (6-11 лет). С поступлением в школу начинается интенсивное развитие понятийного мышления. Л.С. Выготский называл младший школьный возраст сензитивным периодом для этого процесса [4, с. 1]. Ребенок учится устанавливать причинно-следственные связи, оперировать абстрактными понятиями, строить умозаключения, однако его мышление еще во многом опирается на конкретные примеры. Ключевым институтом развития становится школа, где под руководством педагога происходит систематическое овладение логическими приемами: анализом, синтезом, сравнением, классификацией, обобщением [5].

Четвертый этап – развитие формально-логического и понятийно-логического мышления, которое начинается в подростковом возрасте и продолжается далее. Мышление становится абстрактным и теоретическим. Формируется способность к гипотетико-дедуктивным (дедуктивный вывод следствий из гипотезы) рассуждениям, сложному анализу и синтезу. Развитие продолжается в школе, учреждениях профессионального образования, а также в процессе самообразования под влиянием всего многообразия социальных институтов.

Стоит отметить, что современные дети, растущие в эпоху цифровых технологий, демонстрируют черты не только логического мышления, но и черты «клипового мышления».

Сам термин «клиповое мышление» появился в середине 1990-х годов, однако его зарождение связывают с именем философа М. Маклюэна, который еще в 60-х годах XX века предсказал, что развитие электронных средств коммуникации изменит характер мышления, и линейная последовательность знаков перестанет быть базой культуры [6, с. 1].

В статье В.К. Колобаева и Т.А. Сеницыной дается развернутое сравнение этих двух типов мышления [6]. Понятийно-логическое мышление характеризуется как медленное, но глубокое. Человек с таким типом мышления получает информацию из письменных источников, последовательно выстраивая цепочку взаимосвязанных явлений и выявляя логические связи между ними. Такой человек способен находить и выделять существенные признаки явлений, углубляться в информацию, проводить анализ и синтез. У него развито критическое мышление, богатый словарный запас, речь становится эмоциональной и богатой сравнениями.

Клиповое мышление, напротив, является быстрым, но поверхностным. Человек воспринимает материал одномоментно, в виде клипа или видео, независимо от формы подачи. В памяти фиксируется лишь одна наиболее яркая сторона явления, а не целостная картина. Этот тип мышления проявляется в языковом минимализме, речевой бедности, рассеянности внимания и гиперактивности.

Авторы отмечают, что при клиповом мышлении отсутствует возможность к синтезу и анализу, поскольку не из чего складывать целостную картину из разрозненных явлений. Кроме того, преобладает конкретное мышление над абстрактным, что затрудняет обобщение. Интересно, что клиповое мышление можно рассматривать как защитную реакцию организма на переизбыток информации, позволяющую быстро обрабатывать большие объемы данных, но в ущерб глубине понимания [6, с. 3].

Развитие понятийно-логического мышления выступает необходимым противовесом клиповому восприятию. Задача педагогов и родителей – создать условия, при которых ребенок научится не просто потреблять информацию, но и обрабатывать ее: сравнивать, анализировать, классифицировать, устанавливать связи и делать выводы. Как подчеркивается в ряде работ, для этого необходима целенаправленная, систематическая и последовательная работа, основанная на поэтапном формировании умственных действий,

включающем практический, зрительный, моделирующий, внешнеречевой и умственный этапы [1, 5]. Эффективными средствами развития выступают дидактические игры, проблемные ситуации, задачи на логику, работа в группах и использование интерактивных технологий.

Формирование логического мышления – длительный процесс, начинающийся в раннем детстве и продолжающийся на протяжении всей жизни. Он проходит несколько этапов: от наглядно-действенного через наглядно-образное к словесно-логическому. На каждом этапе ведущую роль играют определенные социальные институты: семья, детский сад, школа, вуз. В современном мире, где доминирует клиповое восприятие, целенаправленное развитие понятийно-логического мышления приобретает особую значимость. Только овладев приемами анализа, синтеза, обобщения и классификации, ребенок сможет успешно адаптироваться к информационной среде, эффективно учиться и принимать обоснованные решения в будущем.

Список литературы

1. Воронина, Л. В. Методика формирования у детей дошкольного возраста логических приемов мышления / Л. В. Воронина, З. В. Семенова // Проблемы современного естественнонаучного и математического образования / Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2019. – С. 213-230.
2. Каштанова, Н. С. Особенности развития логического мышления старших дошкольников / Н. С. Каштанова // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». – 2023. – Т. 1, № 15. – С. 224-227.
3. Лебедева, Е. В. Развитие логического мышления детей младшего дошкольного возраста в соответствии с ФГОС до / Е. В. Лебедева // Энигма. – 2021. – № 40. – С. 215-221.
4. Дерябина, Е. Р. Формирование логических суждений, операций и приемов у младших школьников / Е. Р. Дерябина // Вопросы педагогики. – 2023. – № 6-1. – С. 17-21.
5. Петрова, В. Ф. Логика и математика для дошкольников. – Текст: электронный // URL: https://kpfu.ru/dc?p_id=80648 (дата обращения: 01.03.2026).
6. Колобаев, В. К. Понятийно-логическое мышление vs клиповое мышление / В. К. Колобаев, Т. А. Сеницына // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 26. – С. 1159-1164.

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Турчанова Виктория Дмитриевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

nikiforovaviktoria193@gmail.com

Научный руководитель: Бармашова Татьяна Ивановна, доктор философских наук, профессор

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

tatibar910@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются основные особенности в развитии русской философской мысли. При этом учитываются исторические этапы, культурный контекст и ключевые личностные вклады философов. Акцент направлен на формирование целостного и глубокого понимания национальной философской традиции, способствующего ее дальнейшему изучению и популяризации в современном интеллектуальном пространстве.

Ключевые слова: философия, культура, история, традиции, русская идея, русское мышление, религиозность

Несмотря на смену эпох, сквозная тема русского мышления – поиск особого смысла и предназначения народа и государства, что выражается в комплексных философских концепциях, объединенных в понятие «русская идея». Этот термин отражает осознание исторической уникальности России, центра духовного начала и нравственности в мировом масштабе. Особенностью данной традиции является соединение религиозного начала с национальным самосознанием и исторической судьбой, где православие выступает не только как вера, но и как фундамент культурной идентичности.

Религиозность занимает ключевое место в русской философии: концепция богоизбранности и идея соборности (общинного духовного единства) подчеркивают специфическую связь между людьми, обществом и божественным провидением. Эта соборность рассматривается как основа национальной духовности и социальной сплоченности, обеспечивающей единство и развитие русского народа. Философы Русского Ренессанса (С.Л. Франк, Н.А. Бердяев, А.Ф. Лосев и другие) развивали эти темы, подчеркивая неразрывность религии и философии, а также значимость духовной миссии России для мирового сообщества.

Историческое измерение русской мысли связано с идеей особого пути и культурно-цивилизационной миссии, противопоставляемой западноевропейским моделям развития. Взгляды Н.Я. Данилевского и других мыслителей развивали концепцию самостоятельного цивилизационного типа России, акцентируя внимание на ее уникальной роли в истории. Такое понимание не исключает универсальных ценностей, но подчеркивает аутентичность русского пути, где история становится не механизмом случайностей, а осознанной сферой нравственного и духовного выбора.

Национальное самосознание в русской философии сопряжено с идеей «русской души» – особого духовного и культурного склада, который отражает синтез исторического опыта, религиозного чувства и нравственных устремлений народа. Это самосознание включает стремление к нравственному совершенству, социальной справедливости и осмысленному единству личности и общества. Русская идея выступает как комплекс, интегрирующий национальные традиции и универсальные ценности, соединяя культурные особенности с правовым сознанием и моральными нормами [1].

Таким образом, ключевые идеи русского философского мышления – религия, история и национальное самосознание, образуют взаимосвязанную систему взглядов, фиксирующую духовную идентичность России и ее мироощущение. Эти идеи определяют уникальность отечественной традиции.

Основу русского мышления составляют исторические тексты и православная традиция, которые сформировали уникальный духовный и культурный каркас русской философии. Принятие христианства на Руси в X веке стало не просто религиозным событием, но и началом систематического приобщения к книжной культуре, вплетая Русь в широкую православную славянскую общность. Эта общность характеризовалась общим церковнославянским языком и единым литературным фондом, где значительную роль играли переводы богословских и аскетических текстов с греческого языка, включая византийские и болгарские образцы.

Древнерусская литература и просветительская деятельность концентрировались вокруг аскетической византийской традиции и православного богословия. В противоположность светской античной культуре, широко распространенной в Византии, русская мысль не усваивала ее элементы, что весомерно отличало культурно-философскую парадигму Руси от западных моделей развития. Таким образом, русская цивилизация сознательно сохраняла акцент именно на духовно-монашеском опыте и богословском осмыслении мира, что проявлялось в создании, переводах и распространении монастырской литературы, близкой по духу библиотеки византийских монастырей, а не придворных или светских собраний.

Богослужение Русской Церкви строилось по образцу Восточной Церкви, с особым вниманием к уставу Константинопольского храма Святой Софии, что отражалось в высокой торжественности и соборности обрядов, а также в центральной роли ектений – многоголосных молитвенных обращений. Эта литургическая практика подчеркивала коллективный и духовный характер церковного сознания, служившего связующим звеном между личным и общественным духовным опытом русских людей. Роль Церкви в формировании и консолидации древнерусской народности была центральной, особенно в эпоху феодальной раздробленности, когда религиозные институты становились основой единства и нравственной опоры в обществе.

Книжная ученость рассматривалась не просто как средство передачи знаний, а как фундамент духовного пути, укрепления покаяния, обретения мудрости и воздержания – качеств, необходимых для внутреннего совершенствования личности и народа. Древнерусские тексты пропитывались идеями аскетизма и богословской глубины, что отразилось на ментальной структуре русской философии, ориентированной на духовное преодоление человеческих страстей и единение с божественным началом. Это обуславливало особую сознательную отстраненность от светской бурной жизни и приоритет тематик духовности и нравственности [2].

Важную роль сыграли отдельные личности, чьи идеи и дела внесли значительный вклад в формирование русской философской традиции. Митрополит Илларион, возглавлявший Киевскую митрополию в 1051–1054. (или 1055) годах, стал первым митрополитом славянского происхождения, назначенным без участия Константинопольского Патриарха. Это событие отражало становление самостоятельности Русской Церкви и стало ключевым этапом в утверждении национальной духовной независимости. Автор «Слова о законе и благодати», Илларион представил Русь как новый христианский народ, противопоставляя византийской монополии идею равноправия всех христианских народов. Его патриотический пафос прославлял князя Владимира, как просветителя, и утверждал высшую значимость христианства для возрождения и укрепления Руси. Помимо литературной деятельности, Илларион освящал храм Святого Георгия в Киеве и был известен своим благочестием и уединенной молитвенной жизнью, что создало прочную духовную основу для дальнейшего развития философской мысли и церковной практики.

Владимир Мономах, родившийся в 1053 году и получивший прозвище по своему деду, стал выдающимся князем и просветителем, продолжившим традиции духовного и политического укрепления древнерусского общества. Его учения и политико-правовые взгляды отражали идеи Иллариона о духовной миссии государства и народа, подчеркивая необходимость нравственного совершенствования и справедливого управления. Мономах

активно стремился к объединению Руси и внедрению идеалов милосердия и благочестия в политику, что нашло выражение в сборнике его поучений и исторических деяниях [3].

В послепетровский период значительную роль сыграли философы и просветители, прокладывая путь светской и научной мысли в России. Они интегрировали достижения европейского Просвещения, сохраняя при этом национальные традиции и духовные ценности. Такие фигуры создавали интеллектуальную основу для модернизации российского общества, формировали новое понимание роли разума и свободы, способствовали развитию философской науки и образования. Их вклад остается краеугольным камнем исследования, поскольку именно через работу этих ключевых личностей прослеживается органичный переход от духовных основ к современным философским концепциям, формирующим самобытность русской мысли.

Новейшие исследования позволяют рассматривать русский опыт философской мысли как последовательное и многослойное развитие, охватывающее средневековые корни, эпоху просвещения и советский период как отдельную значимую эпоху. Историография русской философии, возникшая во второй половине XIX века, сформировала четкую модель этапности, в которой каждый период отражает особенности социокультурного контекста, влияние исторических вызовов и ответ на них в философских концепциях. Особое внимание уделяется анализу летописей и книжных памятников, фиксирующих внутренние трансформации мышления и его связь с общественной жизнью.

Современный историографический подход сочетает традиционное освещение святоотеческой философии с университетской школой и более широким культурным контекстом, включая влияние литературного и художественного наследия. При этом советский период, долгое время воспринимавшийся сугубо через идеологическую призму, сегодня рассматривается как самостоятельный этап, вносящий свою специфику в общую канву русской мысли. Переосмысление этого периода позволяет увидеть циркуляцию идей, взаимодействие науки и идеологии, а также постепенное расширение философской проблематики, выходящей за рамки официальных догм [4].

Подход, основанный на комплексном изучении исторических источников и фрагментов философской мысли, раскрывает глубину национального самосознания и отражает динамику внутреннего развития русского духовного пространства. Такое целостное восприятие помогает интегрировать отдельные философские школы и направления, включая как религиозные, так и светские формы осмысления бытия и общества, в более широкий культурный и исторический контекст.

Это обеспечивает целостное восприятие отечественной мысли, позволяя не только сопоставлять разные этапы и традиции, но и глубже понимать механизмы формирования российской идентичности, ее философских оснований и перспектив развития в современную эпоху. Системность и комплексность такого подхода служат условием для развития дальнейших исследований и популяризации национального философского наследия.

Список литературы

1. Черепанова, Р. С. «Русская идея» как форма национального самосознания: попытка структурного анализа / Р. С. Черепанова // Вестник Челябинского государственного университета. – 1999. – № 2 (10). – С. 43–59.
2. Протоиерей Георгий Митрофанов. Литургическая и просветительская традиции в Древней Руси / Протоиерей Георгий Митрофанов // Славянский альманах. – 2000. – № 1999. – С. 1724.
3. Лемешко, Г. А. Становление историософских идей в Древней Руси: «Слово о Законе и Благодати» митрополита Иллариона / Г. А. Лемешко // Культура и цивилизация. – 2015. – № 1-2 (2). – С. 50–54.
4. Панюков, А. И. Историография русской философии: этапы развития, персоналии, смыслы / А. И. Панюков // Общество: философия, история, культура. – 2022. – № 10 (102). – С. 109–113.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ПРИОРИТЕТНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

Фролов Сергей Александрович, студент

Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, Орел, Россия

frolov33@mail.ru

Наливайко Ольга Николаевна, студентка

Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, Орел, Россия

nalivaiko.olga77@yandex.ru

Научный руководитель: Алексеенок Анна Алексеевна доктор социологических наук, профессор

Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, Орел, Россия

nalivaiko.olga77@yandex.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена противоречием между декларируемым курсом на формирование гражданской идентичности молодежи и устойчивой тенденцией снижения ее реального участия в электоральных процессах. Цель статьи заключается в выявлении институциональных и ценностных барьеров формирования электоральной культуры молодежи в условиях реализации региональной молодежной политики. Установлено, что приоритетные направления молодежной политики (волонтерство, патриотическое воспитание) формируют лояльность к государству, но не транслируют ценности политической конкуренции и не повышают доверие к избирательной системе. Выявлен феномен «функционального абсентеизма»: молодежь готова участвовать в организации выборов (волонтеры, наблюдатели), но не рассматривает голосование как значимый канал влияния. Сформулированы рекомендации по интеграции политико-просветительских модулей в действующие молодежные проекты.

Ключевые слова: электоральная культура, молодежная политика, абсентеизм, политическая социализация, волонтерство

Современный этап развития российской государственности характеризуется повышенным вниманием к формированию социально ответственной и политически грамотной молодежи. Указом Президента РФ определены национальные цели развития, среди которых – создание возможностей для самореализации и развития талантов молодых граждан [1]. В регионах, в том числе в Орловской области, реализуются масштабные проекты в сфере молодежной политики: открываются молодежные центры, поддерживаются добровольческие инициативы, проводятся патриотические форумы.

Однако на этом фоне фиксируется устойчивый кризис электоральной культуры. Данные избирательных комиссий свидетельствуют о традиционно низкой явке избирателей в возрасте 18-24 лет. В Орловской области, по итогам выборов различного уровня последних лет, явка данной возрастной когорты редко превышает 25-30%, при этом значительная часть голосов отдается «под давлением» (первые избиратели, организованные группы студентов) или носит протестный характер.

Возникает противоречие: молодежная политика, направленная на воспитание активного гражданина, не достигает цели в части формирования устойчивых электоральных практик. Социальная активность (помощь пожилым, экологические акции) оказывается оторванной от политического участия.

Под электоральной культурой в рамках данного исследования следует понимать совокупность трех взаимосвязанных компонентов:

- 1) когнитивный (знания об избирательной системе, правах избирателя, процедурах);
- 2) аксиологический (ценностное отношение к выборам как к институту, доверие к процессу);
- 3) поведенческий (реальное участие в голосовании, наблюдении, агитации).

Формирование этой культуры происходит под влиянием множества агентов: семьи, школы, СМИ, а в последние годы – учреждений молодежной политики. Традиционно молодежная политика в России решала задачи досуга, занятости и патриотического воспитания, оставляя политическое просвещение на откуп системе образования (уроки обществознания) и избирательным комиссиям (редкие встречи со студентами) [4].

Анализ региональных программ (Государственная программа «Молодежь Орловщины» на 2024-2030 гг.) показывает, что приоритетами являются:

1. Вовлечение молодежи в добровольческую деятельность (рост числа волонтеров за 3 года на 18%).
2. Патриотическое воспитание (военно-спортивные игры, поисковые отряды).
3. Поддержка талантливой молодежи (гранты, форумы) [2].

Однако в этих направлениях отсутствует компонент политической грамотности. Волонтеры учатся общаться с людьми, но не учатся анализировать программы партий. Патриоты изучают историю побед, но не механизмы сменяемости власти. Это создает риск формирования «лояльного, но пассивного» поколения.

Эмпирический анализ состояния электоральной культуры молодежи в виде проведенного пилотажного исследования авторами статьи позволил зафиксировать следующие тенденции:

– когнитивный компонент: 62% респондентов не смогли правильно назвать количество уровней выборов в РФ (федеральные, региональные, местные). 45% считают, что их голос «ничего не решает»;

– аксиологический компонент: доверие к процедуре подсчета голосов выразили только 28% опрошенных. При этом 71% доверяют общественным организациям (волонтерским центрам, поисковым отрядам). Это указывает на кризис доверия к формальным институтам при высоком доверии к неформальным горизонтальным связям.

– поведенческий компонент: готовность участвовать в выборах на предстоящих выборах декларируют 33%, но при уточняющем вопросе («пойдете, если будет дождь/загруженность на учебе?») доля падала до 18%.

Особый интерес представляет корреляция между участием в волонтерстве и электоральной активностью. Среди активных волонтеров (участие в 5+ акциях за год) доля планирующих голосовать – 41%. Среди не участвующих в волонтерстве – 27%. Однако качественные интервью показали, что мотивация волонтеров к голосованию часто носит корпоративный характер («нас просили поддержать», «центр сказал, что надо»), а не внутренне убежденный.

Обобщая результаты, можно выделить три системные проблемы:

1. Институциональный разрыв. Молодежная политика и избирательная система работают параллельно. Представители поколения зумеров жалуются на сложность доступа в вузы и ссузы, а молодежные центры не считают политическое просвещение своей задачей.

2. Образование ценностного конфликта «альтруизм против политика». Молодежь готова помогать конкретным людям (ветеранам, детям). Выборы же воспринимаются как абстрактный и не всегда положительный процесс [3]. В сознании молодых людей закрепился стереотип: «политика = обман», «волонтерство = добро».

3. Коммуникационный провал. Информирование о выборах ведется через традиционные каналы (ТВ, газеты, баннеры), которые молодежь не потребляет. Молодежные центры, имеющие доступ к лидерам мнений и мессенджерам, не используются как рупор избирательной кампании [4].

В результате исследования подтверждена гипотеза о том, что существующая система молодежной политики слабо влияет на электоральную культуру. Она успешно формирует «социального работника», но не «политического субъекта».

Выявленный феномен можно обозначить как «функциональный абсентеизм»: молодежь готова выполнять конкретные функции на выборах (волонтеры на участках, наблюдатели от Общественной палаты), но не видит смысла в акте голосования как таковом. Это подтверждает тезис Р. Патнэма о том, что социальный капитал (связи, доверие) не всегда автоматически конвертируется в политический капитал (влияние, участие в выборах) без специальных институтов-посредников.

Формирование электоральной культуры молодежи сталкивается с серьезными барьерами, которые не могут быть преодолены только усилиями избирательных комиссий. Необходима консолидация усилий с институтами молодежной политики.

На основе проведенного анализа предлагаются следующие рекомендации:

1. Для органов исполнительной власти региона (Департамент внутренней политики):
 - внести изменения в региональную программу «Молодежь Орловщины», дополнив раздел «Гражданское воспитание» подразделом «Политическая грамотность и электоральная культура» с целевыми показателями (не менее 20% молодежи, прошедшей обучающие тренинги).
2. Для молодежных центров и НКО:
 - внедрить в программы смен волонтерских лагерей и форумов образовательный модуль «День молодого избирателя» в формате деловой игры или дебатов, а не скучной лекции;
 - разработать совместно с облбизбиркомом настольную игру или мобильное приложение по мотивам избирательного процесса (используя геймификацию).
3. Для Избирательной комиссии Орловской области:
 - сменить коммуникационную стратегию: перенаправить ресурсы с наружной рекламы на создание контента для востребованных социальных сетей среди молодежи с участием лидеров волонтерских движений;
 - создать при территориальных комиссиях консультативные советы из числа активной молодежи (не формальные, а реально работающие).
4. Для образовательных учреждений высшего и среднего звена:
 - ввести в практику встречи не просто с «членами комиссии», а с молодыми депутатами и общественными деятелями, вышедшими из волонтерской среды, демонстрируя успешные примеры карьеры из «поля добра» в «поле политики».

Таким образом, следует констатировать, что только преодолев разрыв между социальной активностью и политическим участием, можно сформировать устойчивую электоральную культуру, превратив молодежь из наблюдателей и волонтеров в осознанных субъектов политического процесса.

Список литературы

1. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809. [утвержден Указом Президента РФ 9 нояб. 2022 г.] // СПС КонсультантПлюс – Текст: электронный // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения 12.02.2026 г.).
2. Об утверждении государственной программы Орловской области «Молодежь Орловщины»: Постановление Правительства Орловской области от 30.08.2019 г. № 498// Официальный интернет-портал правовой информации – Текст: электронный // URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=113026959&backlink=1&&nd=113115056&ysclid=mmdsjnjaw7447431000>(дата обращения 25.02.2026 г.).
3. Алексеенок, А.А. Патриотическое воспитание современной российской молодежи в эпоху цифровизации / А. А. Алексеенок, К. В. Наливайко // Информационное развитие России: состояние, тенденции и перспективы: сборник статей XIV всероссийской научно-практической конференции, Орел, 08 декабря 2023 года. – Орел: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2023. – С. 11-18.
4. Зубок, Ю.А. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров. – Москва: Юридическое издательство «Норма», 2020. – 304 с.
5. Туркова, Е.В. Социальное партнерство в молодежной среде: опыт Орловской области / Е. В. Туркова, К. В. Наливайко // Трудоустройство и социальная адаптация молодежи в современных условиях: Материалы научно-практической конференции, Орел, 23 декабря 2022 года / Под редакцией А.Л. Елисеева. – Орел: Среднерусский институт управления - филиал РАНХиГС, 2022. – С. 113-116.

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЖИЗНИ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Хайртдинова Дина Хайдаровна, студентка

Казанский государственный медицинский университет, Казань, Россия

khayrtdinova06@mail.ru

Научный руководитель: Муртазин Салават Раисович, кандидат философских наук, старший преподаватель

Казанский государственный медицинский университет, Казань, Россия

salavat.murtazin@kazangmu.ru

Аннотация. Проблема определения жизни является одной из центральных проблем философии биологии и аналитической философии. В статье рассматриваются логико-методологические трудности, возникающие при попытке сформулировать универсальное определение жизни. Анализируются классические подходы, основанные на поиске необходимых и достаточных признаков живых систем, а также выявляются ограничения эссенциалистских и редукционистских интерпретаций. Особое внимание уделяется проблеме граничных случаев, возникающей в связи с изучением вирусов и искусственных биологических систем. Обосновывается продуктивность кластерного подхода, позволяющего рассматривать жизнь как совокупность взаимосвязанных признаков. Делается вывод о необходимости методологического плюрализма в анализе данного понятия.

Ключевые слова: жизнь, аналитическая философия, философия биологии, определение понятий, эссенциализм, редукционизм, кластерная теория, философия науки

Проблема определения жизни занимает уникальное место в современной философии науки. С одной стороны, биология как наука о жизни достигла колоссальных успехов в описании молекулярных механизмов, эволюционных процессов и структурной организации живых систем. С другой стороны, универсального, логически строгого и общепринятого определения жизни не существует до сих пор. Эта парадоксальная ситуация указывает на то, что вопрос «Что такое жизнь?» не является сугубо эмпирическим. Он укоренен в фундаментальных проблемах философии языка, эпистемологии и метафизики. Как справедливо отмечал Карл Поппер, научные понятия должны быть не только эмпирически содержательными, но и логически корректными [1, с. 78]. В данной статье предпринимается попытка философского анализа основных подходов к определению жизни, выявления их логико-методологических ограничений и обоснования продуктивности кластерной модели как основы для дальнейших исследований.

Традиционно в биологии и философии доминировал эссенциалистский подход, восходящий к Аристотелю. Он предполагает, что всем живым организмам присуща некая неизменная «сущность» (essence) – набор необходимых и достаточных признаков. К таким признакам обычно относят обмен веществ (метаболизм), способность к самовоспроизведению (репродукция), рост, раздражимость, адаптацию и наличие генетической программы (ДНК/РНК).

Однако, как показывает развитие биологии, поиск такой сущности сталкивается с непреодолимыми трудностями. Эрнст Майр в своих работах убедительно показал, что эссенциализм несовместим с популяционным мышлением, лежащим в основе эволюционной теории [2, с. 45]. Виды и формы жизни историчны и изменчивы, они не обладают вечной и неизменной сущностью. Более того, ни один из перечисленных признаков не является универсальным. Спящие семена и споры бактерий не проявляют метаболической активности, но остаются живыми. Рабочие пчелы и мулы не способны к размножению. Кристаллы растут, а некоторые химические системы (например, реакция Белоусова-Жаботинского)

демонстрируют самоорганизацию, однако мы не считаем их живыми. Эта ситуация демонстрирует несостоятельность жесткой демаркации на основе единичного свойства.

Редукционистский подход, напротив, стремится объяснить жизнь, сводя ее к совокупности физико-химических процессов. Успехи молекулярной биологии, безусловно, подтверждают эвристичность этой стратегии. Однако философская проблема редукционизма заключается в том, что объяснение механизмов функционирования системы не тождественно определению ее концептуального статуса. Знание о том, как устроен белок или как реплицируется ДНК, не отвечает на вопрос, почему совокупность этих процессов мы называем «жизнью». Как отмечают Марк Бедау и Кэрл Келланд, редукционизм часто упускает из виду *emergent properties* – свойства целого, которые не присущи его частям [4, p. 112]. Описание нейронной активности не исчерпывает феномена сознания, точно так же описание биохимии клетки не исчерпывает феномена жизни.

Наиболее острым вызовом для любого строгого определения является существование «граничных случаев» (*borderline cases*). Вирусы – классический пример такой концептуальной аномалии. Они обладают генетическим материалом (ДНК или РНК), способны к эволюции под действием естественного отбора и к самосборке. Однако они не имеют собственного метаболизма и не могут размножаться вне клетки-хозяина. Являются ли они живыми? Этот вопрос остается предметом ожесточенных дискуссий уже более ста лет.

Еще более сложный случай представляют прионы – инфекционные белки, вызывающие тяжелые заболевания нервной системы. Они способны к репликации (изменяя конформацию нормальных белков) и даже к эволюции, но не содержат нуклеиновых кислот. Является ли это формой жизни на молекулярном уровне? С развитием синтетической биологии появляются и искусственные конструкции, такие как «минимальная клетка» или ксеноботы, которые обладают лишь частью свойств естественных организмов. Наличие таких объектов показывает, что мир не делится на четкие категории «живое» и «неживое». Скорее, мы имеем дело с континуумом сложности, где граница оказывается размытой, что требует от нас пересмотра самого способа определения понятий.

В современной аналитической философии все большее признание получает кластерная теория понятий (*cluster theory*), восходящая к идеям Людвиг Витгенштейна о «семейном сходстве». Согласно этой концепции, некоторые понятия не могут быть определены через жесткий набор необходимых и достаточных условий. Вместо этого они определяются через совокупность признаков, каждый из которых является типичным, но не обязательным. Объект принадлежит к категории, если он обладает достаточным количеством этих признаков.

Применительно к проблеме жизни кластерный подход выглядит наиболее продуктивным. Мы можем выделить следующий кластер ключевых характеристик живых систем:

1. **Метаболизм** (обмен веществ и энергии с окружающей средой).
2. **Репродукция** (способность к самовоспроизведению).
3. **Наследственность и изменчивость** (наличие генетического материала и способность к эволюции).
4. **Гомеостаз** (способность поддерживать постоянство внутренней среды).
5. **Структурная организация** (клеточное строение).
6. **Раздражимость и адаптация** (реакция на внешние сигналы).

Вирус обладает признаками 3 и частично 2, но не обладает признаками 1 и 5. Тем не менее, высокий «вес» признака 3 позволяет научному сообществу вести дискуссию о его природе. Кластерная модель не решает проблему раз и навсегда, но она легитимизирует дискурс о граничных случаях, позволяя рассматривать их не как ошибку классификации, а как естественное проявление сложности мира [5, p. 200]. Этот подход смещает фокус с вопроса «Что такое жизнь?» на вопрос «Какие свойства и в какой степени характеризуют живые системы?».

Философский анализ понятия жизни демонстрирует, что его определение – это не разовая задача, а непрерывный процесс концептуального уточнения, идущий рука об руку с развитием науки. Эссенциалистский и редукционистский подходы, будучи полезными на определенных этапах познания, обнаруживают свою ограниченность при столкновении с разнообразием и эволюционной динамикой живых форм. Наличие граничных случаев, таких как вирусы, указывает на принципиальную открытость данного понятия.

Кластерная теория понятий и методологический плюрализм представляются наиболее адекватной стратегией в этой ситуации. Они позволяют интегрировать эмпирические данные биологии с требованиями логической строгости, сохраняя при этом гибкость, необходимую для включения в рассмотрение новых, еще неизвестных форм жизни (например, при поиске внеземных цивилизаций). Дальнейшее исследование проблемы требует тесного междисциплинарного диалога философов, биологов, химиков и специалистов в области искусственного интеллекта.

Список литературы

1. Поппер, К. Логика научного исследования / К. Поппер. – Москва: Республика, 2004. – 447 с.
2. Майр, Э. Рост биологической мысли: Разнообразие, эволюция и наследственность / Э. Майр. – Москва: Прогресс, 1981. – 624 с.
3. Hull, D. L. Philosophy of Biological Science / D. L. Hull. – Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1974. – 148 p.
4. Bedau, M. A. The Nature of Life: Classical and Contemporary Perspectives from Philosophy and Science / M. A. Bedau, C. E. Cleland. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 418 p.
5. De Duve, C. Vital Dust: Life as a Cosmic Imperative / C. De Duve. – New York: Basic Books, 1995. – 362 p.
6. Элиот, Т. Философия биологии: за пределами эволюции / Т. Элиот // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2021. – № 3. – С. 45-62.
7. Кэрролл, Ш. Б. Бесконечное число самых прекрасных форм: Новая наука эво-дево / Ш. Б. Кэрролл. – Москва: Corpus, 2017. – 416 с.

НАУЧНОЕ И ВНЕНАУЧНОЕ ЗНАНИЕ: ПРОБЛЕМА ДЕМАРКАЦИИ

Чебодаева Анастасия Евгеньевна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

chebodaevaanastasia25@gmail.com

Научный руководитель: Круглова Инна Николаевна, доктор философских наук, профессор

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

sinkina68@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу проблемы демаркации – разграничения научного и вненаучного знания. Рассматриваются ключевые критерии научности, эволюция подходов к демаркации от логического позитивизма до критического рационализма К. Поппера. Особое внимание уделяется принципам верификации и фальсификации. На примере астрологии демонстрируется практическое применение критерия фальсифицируемости для выявления псевдонаучных концепций. Обосновывается актуальность критического мышления в современную эпоху информационной перегрузки.

Ключевые слова: проблема демаркации, научное знание, критерии научности, верификация, фальсификация, Карл Поппер, астрология, псевдонаука

Мы живем в эпоху информационной перегрузки, когда на человека ежедневно обрушивается лавина самых разных сведений о мире. В этой ситуации массовая культура нередко придает псевдонаучным теориям статус «альтернативной науки», что порождает проблему идентификации: чем же на самом деле является научное знание, чем оно отличается от других видов знаний? Где проходит та граница, которая отделяет доказательное знание от красивых, но пустых спекуляций? Вопрос о том, как отличить науку от «не-науки», известен в философии как проблема демаркации, то есть поиск объективного критерия для отделения эмпирического (проверенного) знания от иных форм мировоззрения. Цель данной работы – проследить, как менялись представления о критериях научности, и применить эти критерии на конкретном примере анализа астрологии.

Чтобы говорить о границах научности, необходимо сначала определить, какими свойствами обладает само научное знание. Опираясь на подход, представленный в учебном курсе В. Калмыкова, можно выделить несколько атрибутивных характеристик. Прежде всего, это системное, доказательное, логически построенное знание: наука не может существовать в виде набора разрозненных фактов, она предполагает иерархическую структуру – от единичных эмпирических данных к общим аксиомам и теоремам. Далее, наука предполагает логико-методологическую обоснованность: истинность любого положения должна быть либо подтверждена опытным путем, либо логически выведена из ранее доказанных утверждений [1].

Важнейшими признаками также являются установка на рациональность (доминирование логических процедур над интуицией или догматами веры) и объективность – стремление к истине, очищенной от субъективных пристрастий и идеологического давления. Однако данный перечень описывает лишь идеальную модель. В реальной истории науки постоянно возникают парадоксы, которые эти простые критерии разрешить не позволяют, что и побуждает философов к поиску более совершенных инструментов демаркации.

Исторически первой попыткой провести жесткую границу стал принцип верификации, выдвинутый представителями Венского кружка – логическими позитивистами. Согласно этому тезису, научным и осмысленным признается лишь то высказывание, которое можно свести к непосредственному чувственному опыту, к так называемым «протокольным предложениям». Казалось бы, найден надежный эмпирический фундамент. Однако

дальнейшее развитие философии показало существенные ограничения теории верификационизма. Во-первых, этот принцип оказался нефункционален в отношении универсальных законов науки: закон всемирного тяготения невозможно «проверить» во всех точках Вселенной, так как индукция всегда неполна. Во-вторых, верификация создает опасную «ловушку подтверждения». Любую псевдонаучную теорию можно подкрепить единичными, специально подобранными фактами, создав иллюзию истинности. Получается, что простого накопления подтверждений недостаточно для статуса науки [2].

Решающий поворот в развитии демаркационизма совершил британский философ Карл Поппер. В противовес неопозитивистам он предложил исходить не из подтверждаемости, а из опровержимости теории. С точки зрения критического рационализма, научной является лишь та система взглядов, которая содержит «рискованные следствия» – предсказания, которые могут вступить в противоречие с реальностью. Этот принцип получил название фальсификации. Иными словами, если теория построена так, что любое событие трактуется как ее подтверждение, и у нее отсутствует принципиальная возможность столкнуться с контрпримером, она находится за пределами науки. Так, например, общая теория относительности Эйнштейна прошла проверку научностью именно потому, что давала конкретные прогнозы, которые можно было проверить и, потенциально, опровергнуть. Смелость идти на риск – вот что отличает настоящую науку от догмы [3].

Для того, чтобы наглядно продемонстрировать различие между научным и вненаучным знанием, обратимся к анализу феномена астрологии. Этот случай представляет собой классический пример для проблемы демаркации, так как на поверхностный взгляд астрология имитирует научность. Она обладает развитым категориальным аппаратом и сложной системой взаимосвязей между элементами

(планеты, знаки Зодиака, гороскопы), что внешне напоминает теоретическую системность.

Более того, она претендует на рациональное объяснение событий через влияние космических тел. Если применить к астрологии верификационный подход, она покажет высокую степень «научообразности»: практикующие астрологи всегда могут сослаться на множество положительных отзывов и совпадений. Однако современная психология объясняет это не действием космических законов, а когнитивным искажением, известным как эффект Барнума–Форера – склонностью человека воспринимать общие, абстрактные описания как точную характеристику именно своей личности. Верификация здесь основана не на объективном законе, а на субъективной интерпретации.

Как раз критическим для астрологии становится тест на фальсифицируемость. Настоящая наука, по Попперу, отличается смелостью признавать свои ошибки. Астрология же демонстрирует механизм «иммунизации» – защиты своего ядра от критики. Любое невыполненное предсказание объясняется не ошибкой теории, а внешними, субъективными факторами: неточностью исходных данных (времени рождения), сложностью трактовки (влиянием иных аспектов) или даже свободой воли клиента. Поскольку астрологическая система устроена так, что не предусматривает события, которое заставило бы ее сторонников признать свою неправоту, она является классическим примером нефальсифицируемого, а значит, и ненаучного учения [4].

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд выводов. Во-первых, демаркация не является статичным списком раз и навсегда данных правил; она представляет собой исторически развивающийся процесс уточнения границ научной рациональности. От наивного эмпиризма верификации философия пришла к более тонкому и надежному инструменту – фальсификационизму. Во-вторых, на примере астрологии наглядно показано, что простого соответствия внешним признакам системности и рациональности недостаточно для признания статуса науки. Решающим фактором выступает принципиальная готовность теории к опровержению, наличие у нее «рискованных следствий». В-третьих, подход Поппера сохраняет свою актуальность и в XXI веке. В условиях роста влияния паранаучных движений и обилия информации понимание механизма фальсификации становится

важнейшим инструментом интеллектуальной самозащиты от спекулятивных концепций. Освоение этих механизмов формирует у человека не просто эрудицию, но и практические навыки критического анализа информации, позволяя уверенно отделять подлинный поиск истины от искусной имитации знания.

Список литературы

1. Калмыков, В. Н. Основы философии: учебное пособие / В. Н. Калмыков. – Минск: Высшая школа, 2021. – 288 с.
2. Никифоров, А. Л. Философия науки: история и методология / А. Л. Никифоров. – Москва: Идея-Пресс, 2006. – 280 с.
3. Поппер, К. Логика научного исследования / Карл Поппер: пер. с англ. – Москва: Республика, 2004. – 447 с.
4. Ильин, В. В. Философия науки: учебник / В. В. Ильин. – Москва: Издательство МГУ, 2003. – 360 с.

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Чекашкина Валерия Сергеевна, студентка

Мордовский государственный педагогический университет, Саранск, Россия

lera24072004@mail.ru

Научный руководитель: Шулугина Галина Анатольевна, кандидат философских наук, доцент

Мордовский государственный педагогический университет, Саранск, Россия

shuluginagalina@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема человеческой идентичности в контексте постиндустриального общества и определенных новшеств, связанных с этим. Анализируются компоненты, в процессе которых происходит становление современной идентичности индивида.

Ключевые слова: идентичность, постиндустриальное общество, интернет-пространство, «самость», индивид

В настоящее время, в период интенсивного информационного роста и значительного прогресса в постиндустриальной цивилизации, актуальным остается вопрос идентичности человека. Появление новых тенденций существенно влияют на мировоззрение индивида, преобразовывая глубоко устоявшиеся традиционные ценности. Вследствие этого, границы человеческой идентичности постепенно размываются.

Само понятие идентичность имеет корни в глубокой античности и определялось как что-то неповторимое, отражающие те качества или признаки, которые отличали бы определенную вещь от всех других вещей. Спустя время термин стал характеризовать индивида как личность, т.е. то, что определяет «самость» каждого человека.

Сейчас идентичность тесно переплетается с новыми способами коммуникации, т.е. интернет-пространство, видеоигры. Беспрерывное взаимодействие с такими технологиями приводят либо к постоянному саморазвитию индивида, пытающегося таким образом конкурировать с технологическим прогрессом, либо распаду привычных взаимоотношений и их заменой более упрощенной формой. Бесконечный поток информации заменяет собственные взгляды и мысли человека на знания искусственного интеллекта. Таким образом, происходит разрушение идентичности человека изнутри.

О важности нашего окружения говорил еще социолог Чарльз Кули, выдвигая идею «Зеркального Я». В основе лежит взаимообусловленный контакт индивида и социума: под воздействием окружения формируется личность, закладывая определенные устоявшиеся нормы, а также наоборот, личность может ответно воздействовать на социум, меняя его. В становлении идентичности Ч. Кули видит конкуренцию людей друг с другом. Это подтверждает вышеуказанный тезис, но соперничество в постиндустриальном обществе происходит уже не с человеком, а с системой [1, с. 60].

Следовательно, под влиянием интернет-пространства происходит становление сетевой идентичности индивида, которая представляет собой не целостную составляющую, а мозаичную структуру, ячейку данных. Человек выходя в сеть, может применять разные роли, чаще всего ему не свойственные, что в последующем формирует состояние постоянно надетой маски.

Помимо социальных сетей, большое влияние на идентичность оказывают средства массовой информации. Медиа использует определенные технологии воздействия, которые способны навязать человеку ту точку зрения или ту реальность, которые СМИ запланировали. Именно СМИ создают у нас образ мира, находящегося за пределами нашего ведения, преподнося информацию таким образом, чтобы заложить особые мировоззренческие установки. Но медиа не всегда негативно отображается на идентичности человека.

Положительным моментом можно считать информированность средств массовой информации, через трансляцию мировых событий, научных знаний. Это способствует повышению культурного уровня и формированию представлений о действующей картине мира.

И не стоит отменять развлекательный характер медиа, направленный на создание позитивного самоопределения.

Наиболее полную ясность в понимании процесса идентичности личности выражает теория философа Джорджа Мида. Он говорит, что идентичность выступает составляющей двух элементов: сознательного и бессознательного. Сознательное вытекает из внутренней рефлексии индивида, а бессознательное это образы, транслируемые людьми, которые становятся оборотной стороной нашего сознания. Таким образом, базис идентичности складывается из определенных блоков. Рассмотрим три основных блока:

- экзистенциальный блок представляет человеческую «самость». На становление «Я» оказывает влияние визуальная культура. Помимо этого значение имеет собственный опыт личности, который делится на обыденный и травматичный (буллинг, травма). Непосредственное значение играет популяризированная культура. В образах телесериалов человек видит собственную жизнь, переживает те же эмоции. В последнее время популярность набирают психологические фильмы, поднимающие вопросы экзистенциального бытия [2, с. 122];

- общественный блок оказывает влияние на создание «иной стороны» человеческой идентичности. Сталкиваясь с определенными тенденциями, человек сталкивается с тем, что интересным современному обществу будешь тогда, когда будешь иметь популярность, которая добывается через субкультурные атрибуты. Индивид всегда должен держать образ, тем самым «рекламируя» себя, создавая новую идентичность. Таким образом, визуализируется новый образ «Я», «иной стороны», которое существует в сознании определенной социальной группы;

- эстетический блок формирует тот образ, который мы транслируем миру, простыми словами имидж. Имидж направлен на то, что бы вызвать реакцию у социума. Образ представляется не только в том, как ты выглядишь, т.е. одежда, но и твое естество.

Многие факторы тем или иным образом влияют на человеческую идентичность, но не стоит забывать о том, что нужно суметь не потерять ее, чтобы не растворится в информационном пространстве. Эффективным средством сохранения идентичности выступает саморефлексия, которая способствует осознанному выбору человека. Многие философы (Хабермас, Макинтайр) считают, что поддерживать самоидентичность возможно только при непосредственном взаимодействии коммуникаций, раскрывающих понимание индивидом самого себя [3, с. 46].

Постоянная глобальная интеграция и все большее распространение социальных сетей изменяют характер контакта между личностями. Подобные изменения ставят проблему перед «самостью» человека, трудность самоидентификации. Для того, чтобы не поддаться лишнему влиянию, необходимо найти баланс между внешним и внутренним.

Подводя итог вышесказанному, в связи с появлением постиндустриальной модели развития общества, процесс мировосприятия подвергся значительным изменениям. Перед индивидом предстает множество ипостасей, которые он может выбрать. Например, соответствовать ли современным трендам или поддерживать предшествующий новому уклад жизни. Человек сам выбирает, каким образом он будет воздействовать на социум. Но состояние выборности – ложь, создаваемое самим человеком. Общество не замечает, как современные ведущие институты меняют и формируют новую личностную идентичность.

Список литературы

1. Емельянова, О. Б. Личностная идентичность как проблема в свете развития информационно-коммуникативных технологий / О. Б. Емельянова // Общество: философия, история, культура. – 2023. – № 8 (112). – С. 58–64.
2. Гиниятова, Е. В. Идентичность в визуализированном обществе: особенности формирования / Е. В. Гиниятова, Е. Б. Лукиева // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – № 3 (52). – С. 118–127.
3. Тен, Е. А. Социально-философские проблемы цифровой идентичности личности в контексте революции 4.0 / Е. А. Тен // Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – № 2. – С. 45–49.

РАЦИОНАЛЬНОЕ И НЕРАЦИОНАЛЬНОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

Черниченко Екатерина Ивановна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

daikiri898@mail.com

Научный руководитель: Барина Светлана Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

svetabar2014@mail.ru

Аннотация. В наше время философия становится областью знаний, направленной на спасение человечества от грозящей ему гибели путем критического пересмотра всех направлений человеческой деятельности и тех областей знания и духовной культуры, которые их обслуживают, а также требований, предъявляемых ему природой. Именно философия помогает в разработке методов и способов гармонизации отношений человека и природы, посредством синтеза науки, экономики и политики в разрешении глобального экологического кризиса.

Ключевые слова: природа, природопользование, рациональное природопользование, нерациональное природопользование

Большой энциклопедический словарь определяет, что «природа в широком смысле – все сущее, весь мир в многообразии его форм и употребляется в одном ряду с понятиями: материя, универсум, Вселенная». В другом аспекте природа – «совокупность естественных условий существования человеческого общества, объект естествознания» [1].

Но можно рассмотреть и такое определение природы – это материальное, что создано человеком для своего существования. С природой тесно взаимосвязаны природные ресурсы, компоненты природы, используемые человеком. Огромные объемы природных ресурсов, вовлекаемых в современную человеческую деятельность, остро ставят проблемы их рационального использования и охраны, которые приобрели уже глобальный характер.

Итак, философия, как одна из форм общественного сознания – наука о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления. А природа – все то, что нас окружает и не сделано руками человека. К объектам природы относятся: Солнце, воздух, вода, почва, камни, все живые существа. С древних времен люди пытались понять и определить природу (так называемая натурфилософия – исходная форма философских представлений об окружающем мире). В середине прошлого века в СССР наиболее ярким примером мыслящего ученого, применявшего философские знания в познании бытия природы, стал Николай Федорович Реймерс – биолог и эколог, философ и мыслитель, географ и экономист, эколог-теоретик с мировым именем.

«Свобода воли субъекта определяет не только удовлетворение потребностей человека в обществе, но и предопределяет направление его дальнейшего развития» [2, с.89].

Н.Ф. Реймерс рассматривал природопользование как комплексную научную дисциплину, исследующую принципы рационального использования природных ресурсов обществом, в определенный исторический момент. При этом ученый утверждал, что объектом природопользования является комплекс взаимоотношений между природными ресурсами, естественными условиями жизни общества и его социально-экономическим развитием, а предмет природопользования – оптимизация этих отношений, стремление к сохранению и воспроизводству среды жизни [3, с.404-405].

Опираясь на определение природопользования, ученый сформулировал понятия рационального и нерационального природопользования.

1. Рациональное природопользование – система деятельности, призванная обеспечить экономную эксплуатацию природных ресурсов и наиболее эффективный режим их воспроизводства с учетом перспективных интересов развивающегося хозяйства и сохранения здоровья людей.

Вот некоторые особенности рационального природопользования:

- экономическая эффективность (получение максимального количества высококачественного продукта при условии минимальных затрат на производство и экономное использование ресурса);

- охрана природных ресурсов (проведение предупредительных и профилактических мер в процессе производства, осуществление действий по охране технологических процессов и мер по восстановлению свойств и качества ресурсов, нарушенных вследствие хозяйственной деятельности);

- воспроизводство природных ресурсов (восстановление объема эксплуатируемых ресурсов и их запасов, утраченных свойств и качества).

Пример рационального природопользования - безотходное производство, при котором полностью используются отходы, снижается расход сырья, и окружающая среда загрязняется минимально.

В основе рационального природопользования лежат законы природы и потенциальные возможности окружающей среды.

2. Нерациональное природопользование - система деятельности, не обеспечивающая сохранение природно-ресурсного потенциала.

При такой системе деятельности неизбежны последствия в виде:

- истощение (и даже исчезновение) природных ресурсов;

- загрязнение окружающей среды;

- нарушение экологического равновесия природных систем, то есть экологический кризис или катастрофа.

Нерациональное природопользование свойственно для экстенсивного типа хозяйствования, развивающегося путем нового строительства, освоения новых земель, использования природных ресурсов. Такое хозяйство приносит сначала неплохие результаты при сравнительно низком научно-техническом уровне производства, но быстро приводит к уменьшению природных и трудовых ресурсов. Причины нерационального природопользования различны: недостаточное познание законов экологии, слабая материальная заинтересованность производителей, низкая экологическая культура населения и т. д.

Три основные работы Николая Федоровича: словарь-справочник «Природопользование», «Популярный биологический словарь» и монография «Надежды на выживание человечества. Концептуальная экология» стали итогом его многолетней научной деятельности по созданию междисциплинарной науки – экологии, описывающей принципы взаимодействия с природой. Словарь-справочник «Природопользование» содержит около 5 тысяч систематизированных понятий, составивших фундамент междисциплинарной науки.

Монография «Надежды на выживание человечества. Концептуальная экология» это фундаментальная работа Николая Федоровича предлагающая переосмыслить отношение к природе, сменив эксплуатацию на гармоничное сосуществование, именно в ней рассматриваются экологические проблемы как мировоззренческие.

Таким образом, философия природопользования Николая Федоровича базируется на концептуальной экологии, рассматривающей взаимодействие общества и природы через призму выживания человечества. Н.Ф. Реймерс призывал к сознательному, научно обоснованному природопользованию, которое учитывает сложные взаимосвязи в биосфере, а не только сиюминутные экономические выгоды. Его подход – это философия сохранения жизни.

Список литературы

1. Большой Российский энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2006. – 1887с.

2. Барина, С. Г. Технологический детерминизм в условиях новой цифровой реальности / С. Г. Барина / В сборнике: Философия в XXI веке: социально-философские проблемы современной науки и техники. Материалы I Международной научно-практической конференции. – Красноярск, 2023. – С. 88-91.

3. Реймерс, Н.Ф. Природопользование: Словарь-справочник / Н.Ф. Реймерс. – М.: Мысль, 1990. – 637с.

ИГРА В УСПЕШНЫХ: КАК СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ ПРЕВРАТИЛИ ДОСТИЖЕНИЯ В СИМУЛЯКР^{*}

Чиркова Надежда Юрьевна, студентка

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, Омск, Россия

nadya_nadya.p@mail.ru

Научный руководитель: Деревянченко Юрий Иванович, кандидат философских наук, доцент

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, Омск, Россия

DerevianchenkoIuI@omsu.ru

Аннотация. В статье анализируется трансформация понятия социального успеха в условиях цифровых медиа. Рассматривается феномен симуляции успеха, когда демонстрация статуса и достижений в социальных сетях зачастую не имеет под собой реального экономического или культурного капитала. Методологическую основу исследования составляют классические социологические теории: концепция демонстративного потребления Т. Веблена, теория символического капитала и габитуса П. Бурдьё, а также теория симулякра и гиперреальности Ж. Бодрийяра. Эмпирически статья опирается на современные исследования самопрезентации в Instagram, которые демонстрируют парадокс: настоящие обладатели капитала не нуждаются в агрессивной демонстрации, в то время как симуляция успеха становится массовой практикой для создания видимости статуса.

Ключевые слова: успех, символический капитал, социальные сети, симулякр, гиперреальность, демонстративное потребление

Многие люди стремятся к тому, чтобы занять достойное положение в обществе, иметь прочное финансовое, независимое положение и быть в той или иной мере успешным человеком. Но сегодня, в эпоху цифровых технологий, социальные сети позволяют создать красивую картинку успеха, зачастую не имеющую ничего общего с реальностью. Успех теперь зачастую воспринимается не как результат упорного труда для достижения целей, а как тщательно сконструированный симулякр, яркий и привлекательный, но пустой.

Подражание и копирование поведения, образа жизни других людей, которые принадлежат к высшему классу или привилегированному слою общества, не является по своей сути новым. Аналитический аппарат для понимания явления предлагают классические социологические теории, в частности, работы Торстейна Веблена и Пьера Бурдьё, сам феномен симулякра «успеха» описывается в работах Жана Бодрийяра.

В работе «Теория праздного класса» 1899 года Торстейн Веблен определяет праздный класс, как общность людей, занимающуюся непроизводительной деятельностью. Данный класс владеет собственностью, «собственность является общепринятой основой уважения» [1]. Накопленные и приобретенные материальные ценности играют определяющую роль в утверждении человека в обществе, чем выше уровень богатства материального, тем выше уважение, проявляемое к человеку от общества и его уважение к самому себе. Богатство должно выставляться, в свою очередь, на всеобщее обозрение через демонстративную праздность и демонстративное потребление.

^{*} Упомянутая в тексте статьи соцсеть Instagram^{*} запрещена в Российской Федерации на основании решения Тверского районного суда г. Москвы от 21.03.2022 г.; соцсеть принадлежит корпорации Meta, которая признана в РФ экстремистской. Редакционная коллегия не несет ответственности за упоминания запрещенной социальной сети в цитируемых автором статьи отрывках из публикации зарубежных авторов.

В современном цифровом контексте исчезает необходимость в реальном богатстве и свободе от труда. Благодаря соцсетям достаточно создать видимость. Сегодня, благодаря цифровым площадкам и социальным сетям, достаточно создать видимость при помощи визуального контента (фото или видео). Не обязательно владеть машиной или другой собственностью, достаточно сделать фотографию на ее фоне и преподнести ее как свою. Нет необходимости отказываться от труда как такового, достаточно создать образ успешного удаленного предпринимателя, способного работать из любой точки мира, зарабатывая при этом миллионы. Создается копия, у которой в действительности нет оригинала, богатство и определенный статус становятся симуляцией, существующей исключительно в цифровых медиа пространствах.

В цифровом пространстве важным становится «язык» успеха, если в реальности это открытое демонстрирование наличия средств и собственности, то на цифровом поле действуют правила и необходимые специальные символы, демонстрирующие этот успех. Симуляция успеха возможна лишь при условии, что демонстрируются символы, признающиеся в обществе цифрового пространства, и у зрителей, других акторов, есть возможность считать эти символы, как признаки успеха и богатства.

Пьер Бурдьё в своей работе «Практический смысл» 1980 года писал о символическом капитале – это «капитал чести и престижа, который производит институт клиентелы» [2], он представляет собой синтез других капиталов – экономического, культурного и социального. Воспринимается как репутация человека в обществе, его авторитетность и доверие других лиц, по отношению к нему. Данный капитал укрепляет позицию человека в обществе и приносит ему соответствующие выгоды. Изучение капитала символического связано с таким понятием как габитус – системой глубоко усвоенных предрасположенностей, формируемой социальной средой и определяющей наши вкусы, манеры и стратегии поведения, которые помогают приобретать символический капитал [3]. То, что мы, к примеру, считаем безупречными манерами, «правильным» вкусом в искусстве и характерной речью, на самом деле является результатом нашего воспитания и социального окружения (габитуса).

В современном же обществе, если мы рассматриваем символический капитал на цифровом поле, данный капитал производится не посредством его конвертации из культурного или экономического капиталов, а посредством их эффективной симуляции. Экономический капитал и его демонстрация происходит за счет арендованных, заимствованных у других или купленных в кредит атрибутов (аксессуаров, недвижимости, брендовой одежды). Культурный предстает в виде псевдоэкспертного имиджа в той или иной области (заимствование чужих идей, завуалированное объяснение очевидных и простых вещей). Однако, в отличие от тех, кто симулирует успех, изучение реальных сверхбогатых людей с подлинным экономическим капиталом выявляет иную картину.

Так, в 2022 году Нина Михаэлиду, Джордж Христодулидес и Катерина Прези провели исследование «Сверхбогатые люди: самопрезентация и потребление предметов роскоши в Instagram*». Оно было направлено на изучение того, как сверхсостоятельные люди презентуют себя в Instagram* в контексте потребления luxury-товаров и услуг [4].

В ходе исследования было выявлено, что сверхобеспеченные люди не выставляют свое богатство явно и демонстративно: luxury-предметы (машины, яхты, частные самолеты) часто показываются неявно, органично и на заднем плане, а не являются центральным фокусом изображения. Главным выводом заключался в том, что сверхбогатые люди предпочитают менее показательные и более косвенные способы самопрезентации, делая акцент на эксклюзивном опыте и социальных связях, а не на демонстрации материальных владений [4].

Проведенное исследование демонстрирует парадокс: люди с реальным экономическим могуществом (сверхбогатые) больше не нуждаются в агрессивной демонстрации своего положения. Их статус подтверждается не кричащей роскошью, а акцентом на эксклюзивные впечатления и социальные связи – то есть на подлинный, укорененный в реальности символический капитал. Напротив, те, кто лишь стремится к такому положению, активно симулируют его, создавая откровенно постановочный и

демонстративный контент. Показное потребление становится маркером симуляции богатства, чем его реальным индикатором

Таким образом, символический капитал, имеющий место в реальности перестает быть реальным и превращается в симуляцию, что по Жану Бодрийяру «порождение моделей реального без оригинала и реальности: гиперреального» [5], «Симулировать – это значит делать вид, что у вас есть то, чего вы не имеете» [5]. Автор выделяет три порядка симулякров: естественные (натуралистические, основанные на образе, имитации и подделке), продуктивные (направленные на повышение производительности, основанные на энергии, силе, ее материальном воплощении в машине и всей системе производства) и симулякры симуляции (основанные на информации, моделировании, кибернетической игре). Рассматриваемому псевдоуспеху на цифровом пространстве соответствуют естественные симулякры первого порядка, и одновременно с этим симулякры третьего порядка. Бесконечная имитация атрибутов успешной жизни по установленным образцам в обществе сочетается с симуляцией, основанной на информационных моделях.

При симулякрах первого порядка пользователь создает красочный контент, в котором демонстрируется техника, недвижимость, рабочая рутина успешного предпринимателя и т.д. Они выдаются за подлинно собственное, при этом происходит имитация знаков реального экономического и культурного капитала, которые существуют в действительности. Симулякр же третьего порядка не имеет ничего общего с действительностью, реальность больше не является источником или образцом для подражания. Вместо этого источником модели становится абстрактная система, код, информация. Контент в социальных сетях в таком случае создается не для отображения или подражания реальности, а для удовлетворения требованиям алгоритмов социальной сети – для максимального вовлечения других пользователей, посредством лайков и просмотров. Во главе становится не капитал как таковой, а умение создавать данные, информацию, которая считается успешной с точки зрения алгоритма, заложенного в социальной сети. Успешность проявляется не в признании человека успешным по каким-то значимым характеристикам, котирующимся в обществе, она проявляется за счет характеристик, заложенных в самом приложении, социальной сети – за счет времени просмотров, количества оценок (лайков и комментариев), темпа роста подписчиков (пользователей), частоты публикаций и их охвата.

Симулякры третьего порядка проявляются в алгоритмах соцсетей, что подтверждается исследованием Нцундени Мадзунья, Ким Вилджоен и Лизель Силлиерс «Влияние демонстративного потребительского поведения в Instagram* на намерение приобретать предметы роскоши: взгляд развивающейся страны», целью которого было изучение влияния демонстративного потребительского поведения в Instagram* на намерение приобрести предметы роскоши.

Исследователи проверяли три основные гипотезы: «Интенсивность использования Instagram* не оказывает значительного положительного влияния на демонстративное потребительское поведение», «electronic word of mouth (распространение мнений, рекомендаций и опыта о продуктах или услугах через цифровые каналы) в Instagram* не оказывает значительного положительного влияния на демонстративное потребительское поведение», «Демонстративное потребительское поведение в Instagram* не оказывает значительного положительного влияния на намерение покупать товары роскоши» [6].

В ходе исследования первая гипотеза была отвергнута, была обнаружена сильная положительная связь между интенсивностью использования Instagram* и демонстративным потреблением. Исследователи пришли к выводу, что чем больше времени пользователи проводят в Instagram*, тем сильнее их желание продемонстрировать статус и богатство. Вторая гипотеза нашла подтверждение, «electronic word of mouth» не оказала значимого влияния на демонстративное потребление. Авторы предполагают, что это связано с восприятием пользователями контента в Instagram* как «постановочного», где люди намеренно демонстрируют только положительные стороны жизни. Третья гипотеза также нашла свое подтверждение: была обнаружена сильная положительная связь между демонстративным

поведением в Instagram* и намерением покупать товары роскоши. Пользователи, которые демонстрируют показное потребление в соцсети, действительно намерены превратить это поведение в реальные покупки для подчеркивания своего социального статуса [6].

Активное использование Instagram* напрямую подталкивает к демонстративному потреблению. Это свидетельствует о том, что сама структура и функционал социальной сети, а не только личные стремления, формируют у пользователей желание создавать видимость успешной жизни. Показное поведение в Instagram* напрямую коррелирует с намерением приобретать предметы роскоши в реальном мире. Важно отметить, что эта симуляция не ограничивается онлайн-пространством, а оказывает существенное влияние на экономику. Созданный в сети образ успеха требует материального подтверждения, таким образом, формируется замкнутый цикл между виртуальным симулятором и реальным потребительским поведением.

Таким образом, символический капитал в сети – это гиперреальная конструкция, которая не имеет ничего общего с истинными достижениями или статусом. Он существует как самодостаточная симуляция, подчиненная логике цифровых платформ. Подлинные заслуги (профессиональные, интеллектуальные, личные) замещаются показателями, диктуемыми алгоритмами: количеством лайков, охватом, виральностью. Ценность признания определяется не реальным вкладом, а способностью контента генерировать вовлеченность. Возникает новый элитный слой, чье положение определяется не богатством или происхождением, а мастерством в создании убедительных и привлекательных цифровых образов, основанных на умелом использовании симуляционных технологий. Репутация же становится лишь управляемым медиаобразом.

Список литературы

1. Веблен, Т. Теория праздного класса/ Т. Веблен. – Москва: Прогресс, 1984. – 390с.
2. Бурдье, П. Практический смысл / П. Бурдье. – СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с
3. Ihlen, Ø. Symbolic capital. The international encyclopedia of strategic communication. Malden, MA: Wiley-Blackwell. – 2018.
4. Michaelidou, N., Christodoulides, C., Presi, C., Ultra-high-net-worth individuals: self-presentation and luxury consumption on Instagram*. European Journal of Marketing – 2022. – №56 (4).
5. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр. – Москва: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с.
6. Madzunya, N., Viljoen, K. & Cilliers, L., The effect of Instagram* conspicuous consumptive behaviour on the intention to purchase luxury goods: A developing country's perspective', South African Journal of Information Management –2021. –№ 23(1).
7. Feldman, G. Symbolic Capital As a Tool for Social Change: Social Work and Bourdieu. British Journal of Social Work. – 2016. – №46 – P.1759-1775.

* Соцсеть Instagram* запрещена в Российской Федерации на основании решения Тверского районного суда г. Москвы от 21.03.2022 г.; соцсеть принадлежит корпорации Meta, которая признана в РФ экстремистской.

«КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ» КАК МЕХАНИЗМ РАЗРУШЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО «ФАСАДА»: ДРАМАТУРГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Чиркова Надежда Юрьевна, студентка

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, Омск, Россия

nadya_nadya.p@mail.ru

Научный руководитель: Деревянченко Юрий Иванович, кандидат философских наук, доцент

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, Омск, Россия

DerevianchenkoIuI@omsu.ru

Аннотация. В статье рассматривается феномен «культуры отмены» как механизма социального контроля в цифровой среде. Опираясь на драматургическую концепцию Ирвинга Гофмана, анализируется процесс разрушения публичного «фасада» медийных личностей. На конкретных примерах показано, как цифровые архивы и контекстуальный коллапс превращают элементы самопрезентации в инструмент осуждения. Делается вывод о двойственной природе «культуры отмены», которая выступает одновременно и деструктивным механизмом «цифровой расправы», и инструментом общественной подотчетности.

Ключевые слова: культура отмены, драматургический анализ, социальный фасад, цифровая среда, контекстуальный коллапс, социальный контроль

Сегодня на просторах социальных сетей нередко можно увидеть публичное осуждение звезд, лидеров мнений, за их действия и высказывания. Это проявление феномена «культуры отмены», который в современном цифровом обществе превратился в заметный механизм горизонтального социального контроля. Под «культурой отмены» понимается децентрализованная, неинституционализированная форма публичного морального осуждения, реализуемая преимущественно через социальные сети, главной идеей которой является массовый отказ от поддержки определенных взглядов, идей или публичных персон, чьи действия или высказывания противоречат актуальным общественным нормам [1]. Процесс «отмены» характеризуется стихийностью, высокой скоростью распространения и отсутствием формальных процедур, что зачастую приводит к непропорциональным последствиям: незначительный проступок или неудачное высказывание из прошлого может обернуться для медийной личности или бренда серьезной репутационной и экономической потерей. Но, несмотря на очевидное влияние «культуры отмены» на публичную сферу, глубинные социальные и коммуникативные механизмы, превращающие ее из инструмента подотчетности в деструктивную силу с чертами «цифровой расправы», остаются недостаточно изученными. В частности, неясно, как именно в цифровой среде конструируется и разрушается публичный образ личности. Объектом выступает феномен «культуры отмены» как форма социального взаимодействия в цифровом пространстве. Предметом являются социальные и коммуникативные механизмы разрушения публичного образа («фасада») в процессе «культуры отмены» с точки зрения драматургической социологии. Цель исследования - осуществить драматургический анализ «культуры отмены» как механизма разрушения социального «фасада» в цифровой среде. В работе применяется качественный подход, основанный на теоретическом анализе и интерпретации данных. Основным методом выступает драматургический анализ, позволяющий рассматривать социальные взаимодействия в логике театральной постановки. Также используются методы кейс-стади (на примере конкретных публичных кампаний)

Согласно драматургической концепции Ирвинга Гофмана, данный феномен может быть осмыслен через механизм управления впечатлением, при котором индивид стремится производить желаемой обществу впечатление. В случае, когда индивид стремится

произвести на других людей «правильное впечатление» о нем, он выступает в роли «актера», играет определенную роль, демонстрируя желательное поведение для публики. И стоит отметить, что автор выделяет два вида впечатлений: произвольное и произвольное [2]. В первом случае индивид может выстраивать так или иначе свое поведение, свой образ, который он хочет, чтобы считали окружающие, во втором случае может складываться иная ситуация, при которой окружающие считывают информацию, которая неосознанно «выдает» индивида. Также в создании впечатления особую роль играет «фасад» - некоторая часть, формирующая смысл ситуации для наблюдателей. «Фасад» является одновременно «передним планом», «представительским фронтом», который является стандартным набором выразительных приемов и инструментов, намеренно или невольно выработанных индивидом в ходе исполнения [2]. Это то, что выстраивает индивид для необходимого ему представления. В «передний план» включаются такие составляющие, как обстановка (мебель, декорации, физическое расположение участников), которая по своей сути является сценическим реквизитом «актера», а также манеры и внешний вид, которые составляют «личный передний план» [2]. Все три составляющие способствуют производству «правильного» впечатления об «актере», что в свою очередь способствует получению тех или иных выгод – принятие в обществе, увеличение социальных связей, заключение контрактов, повышение собственной значимости и другие.

Применительно к культуре отмены драматургическая модель Ирвинга Гофмана позволяет понять, по какой причине может происходить публичное осуждение известной личности. Выстроенный «фасад» для произведения положительного впечатления может быть разрушен, внешний вид и манеры могут не соответствовать друг другу, или не соответствовать обстановке, что вызывает подозрения у публики и негативно сказывается на восприятии. В таком случае, культура отмены срабатывает как механизм проверки фасада. Аудитория «актера» начинает тщательную проверку стоящей перед ними личности, начинает поиски несоответствий в поведении и действиях, которые выдают наигранность или откровенную ложь, что приводит к разоблачению самого «актера» и его «спектакля».

В эпоху социальных сетей процесс разоблачения становится прозрачнее и эффективнее за счет памяти социальных сетей, цифрового архива, BigData. Каждое действие или высказывание, которое транслировалось в социальной сети становится доступным даже спустя несколько десятков лет. Аудитория имеет возможность возвращаться к прошлому знаменитости, прослеживать как изменяется его позиция, мнение по тому или иному вопросу. Любое неаккуратное или чрезмерно эмоциональное высказывание в прошлом, может стать причиной для кампании по отмене их персоны в настоящем и будущем. Позиция человека в прошлом по тому или иному вопросу может не соответствовать создаваемому образу и впечатлению в настоящий момент, что способствует разрушению нынешнего создаваемого образа и выстраиваемого «фасада». В цифровую эпоху «фасад» становится не только все более значимым, но и более уязвимым. Так как он должен быть не только последовательным в настоящем, но и выдерживать проверку на согласованность с прошлым, которое невозможно стереть. Личность, фасад которой выдерживает данную проверку, является примером для остальных, превращается в идеального «цифрового» субъекта, чья биография лишена каких-либо противоречий, а публичная карьера предстает как доказательство непротиворечивого личностного роста, не имеющего провалов и падений.

За счет того, что у обычных пользователей, аудитории появляется возможность проводить проверку информации относительно интересующей их личности, они становятся акторами, исполняющими функцию социального контроля, становятся критиками и цензорами, устанавливающими правила и границы допустимого поведения и несоответствия.

Так, в 2020-м году произошла публичная «отмена» известной женщины-блогера Дженны Марблс, являвшейся одной из первых представительниц женского пола на видео платформе, контент которой был построен на самоиронии и юморе. В связи с активным развитием движения Black Lives Matter в США и активной проверкой медийных личностей и их цифрового архива на расизм, сексизм и другие формы нетерпимости, Дженна Марблс

самостоятельно подняла свои старые видео, которые посчитала несоответствующими текущим тенденциям в публичном пространстве. Она опубликовала видео с извинениями за свои прошлые публикации, которые являются оскорбительными: пародии на азиатов и афроамериканцев, использование средств для автозагара. После принесения извинений она удалила противоречивый контент и оставила платформу на которой выпускала свой контент.

Данный кейс подтверждает тезис о несовпадении текущего и прошлого «фасада» публичной личности, что может приводить не только к внешнему разоблачению, но и внутреннему – когда сама личность начинает осознавать свою противоречивость и неуместность в современных цифровых реалиях. Однако, подобный всеобъемлющий аудит на предмет согласованности упускает из виду явление, которое можно назвать «контекстуальным коллапсом». Оно возникает тогда, когда утверждение, изначально произнесенное в специфическом сообществе много лет назад, теряет свою первоначальную смысловую рамку и юмористическую составляющую. В результате оно трансформируется в отдельный, «доказательный» элемент, представленный широкой аудитории, чьи ценности и нормы сегодня существенно отличаются.

Цифровой аудит прошлого – это не просто сравнение «тогда» и «сейчас», а столкновение двух принципиально разных коммуникативных контекстов. Исследование Дебры Боркович и Дженнифер Бриз, проведенное в 2016 году, показало, что пользователи социальных сетей столкнулись с проблемой объединения разнородных аудиторий (семьи, коллег, друзей) в одном пространстве. Данная проблема ведет к самоцензуре или использованию таких методов как: создание нескольких аккаунтов, сегментация аудитории, отказ от дружбы с коллегами, переход на другие платформы и мессенджеры [5]. Для публичных фигур эта проблема многократно усугубляется **временным измерением коллапса**. Публичная личность (инфлюенсер, блогер) лишена этих стратегий по определению. Ее фасад изначально публичен и монолитен. Ее «задний план» (ранние, экспериментальные, неловкие видео) становится частью «переднего плана» при первой же проверке. Таким образом, ее цифровая личность наиболее уязвима для коллапса, так как она не может иметь «приватных» контекстов для широкой аудитории.

Драматургический подход Ирвинга Гофмана раскрывает культуру отмены как механизм социального контроля, вызванный разрушением личностного «фасада», в процессе которого элементы, ранее принадлежащие «актеру» - сценический реквизит, закулисы, оказываются в руках пользователей-цензоров.

Так, реквизит, декорации, с помощью которых индивид производил определенное впечатление, больше не принадлежит ему: прошлые твиты, старые фотографии, архивные интервью – все это становится частью реквизита «культуры отмены», который использует против него публика-обвинитель. Личный цифровой архив превращается из инструмента самопрезентации в орудие его же уничтожения. Примером может служить ситуация, произошедшая с известным американским кинорежиссером Джеймсом Ганном в 2018 году, связанная со вскрытием архива его аккаунта в одной из социальных сетей. Началось публичное осуждение режиссера за грубые юмористические посты, содержащие тему педофилии, СПИДа и другие. Привлечение внимания публики к старым публикациям повела за собой разрыв контракта компании Disney с Джеймсом Ганном, его увольнение, несмотря на принесенные им публичные извинения и признание неправильности своих прошлых высказываний.

Существующее, так называемое, закулисы, где индивид, производящий на публику определенное впечатление, мог снять с себя «маску» и быть настоящим, в цифровом пространстве и под пристальным вниманием перестает быть также приватным. Социальные сети, особенно в случае со знаменитостями, которые ведут личные блоги, создают иллюзию «доступа за кулисы». Любое высказывание или действие, которое сам актер мог считать приватным, «закулисным», моментально втягивается в пространство «переднего плана» - общедоступного, публичного, и подвергается оценке по тем же строгим критериям. Высказывания и поведение, не предназначенное для широкой публики, может стать ее

достоянием в любой удобный для наблюдающего момент. Так отмена актрисы Лиа Мишель в 2020 году была связана с ее неподобающим поведением за пределами съемочного экрана с коллегами: токсичное поведение, проявление неуважения и расизма. Кампания по отмене приняла масштабный характер, со множеством обвинительных высказываний со стороны бывших коллег, что повлекло за собой разрыв рекламных контрактов, и нежелания сотрудничать с актрисой.

Стоит отметить также, что такой элемент как «исполнительная команда», которая по Ирвингу Гофману играет роль помощника в разыгрываемом представлении, поддерживает в определенной ситуации, способствует успешному «спектаклю» действующего «актера», в ситуации культуры отмены, зачастую также становится инструментом аудитории-цензора. В момент кризиса «команда» (агенты, пиар-менеджеры, партнеры по проектам) подвергается мощному социальному давлению с требованием публично отказаться от каких-либо связей с личностью, подвергшейся отмене, чтобы сохранить свой «фасад» и не подвергнуться последующей отмене. Это приводит к стремительной **дезинтеграции исполнительской команды**, которая вместо поддержки превращается в молчаливых или даже активных соучастников осуждения. Тем самым разрушается одна из ключевых опор драматургического взаимодействия, что делает падение «актера» окончательным и бесповоротным. Примером может служить ситуация, произошедшая с известной писательницей Джоан Роулинг в 2020 году. Когда писательница оказалась в центре скандала из-за своих взглядов на трансгендерность, ее «исполнительная команда» подверглась беспрецедентному давлению. Активисты требовали от актеров франшизы о «Гарри Поттере» (Дэниела Рэдклиффа, Эмму Уотсон, Руперта Гринта) публично осудить ее и отказаться от какого-либо дальнейшего сотрудничества и взаимодействия. Большинство из актеров публично выразили несогласие с позицией Джоан Роулинг. Это свидетельствует о том, что команда, для того, чтобы сохранить собственный «фасад» и не стать следующей жертвой «культурной отмены», вынуждена публично дистанцироваться от «актера», разрушая драматургическую солидарность.

Исследование «культуры отмены» с использованием драматургической концепции Ирвинга Гофмана выявляет ее фундаментальный социальный механизм: она представляет собой коллективную проверку и принудительное разрушение публичного «фасада». Цифровая среда усиливает этот процесс, предоставляя неограниченный доступ к цифровым данным (архивам), что размывает границы между личным и публичным, и позволяет быстро мобилизовать общественное мнение против индивида. Эффективность «отмены» во многом зависит от «контекстуального коллапса» – ситуации, когда прошлые действия оцениваются исключительно через призму современных этических норм, без учета первоначального контекста.

Признавая разрушительные аспекты «культуры отмены» – ее способность вызывать непропорциональные последствия, причинять боль и стимулировать самоограничение – необходимо также учитывать ее альтернативную социальную функцию. В условиях, когда традиционные институты, призванные контролировать общество, оказываются неэффективными или скомпрометированными, «культура отмены» может стать единственным доступным инструментом для осуществления гражданской ответственности «снизу». Бойкот товаров, услуг или публичной поддержки превращается в форму экономического и символического протеста, давая сообществу возможность наказывать публичных лиц, чьи действия идут вразрез с общепринятыми нормами. Следовательно, «культура отмены» предстает в двойственном свете: с одной стороны, это **дисфункциональный механизм «цифровой расправы»**, разрушающий сложность личности, принуждающий ее действовать в соответствии с ожиданиями, принятыми нормами, с другой – **функциональный инструмент общественной подотчетности** в цифровую эпоху.

Список литературы

1. Кожоридзе, Д. Г. Цифровая мораль и сетевая справедливость: культура отмены в восприятии молодежи / Д. Г. Кожоридзе // Теория и практика общественного развития. – 2025. – №9. – С.120-128
2. Гофман, И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалева / И. Гофман. – М.: «КА НОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. – 304 с.
3. Шураева, Л.Ю., Коринец, А. Г. Социальный эффект «Культуры отмены» в цифровом пространстве на примере поколений Y и Z / Л.Ю. Шураева, А. Г. Коринец // Вестник ГУУ. –2022. –№12. – С. 248-256
4. Barraza, J. O. Cancel Culture's Impact on Brand Reputation. Syracuse University, 2021.
5. Borkovich D. J., Breese J. Social Media Implosion: Context Collapse! // Issues in Information Systems. –2016. – 20 (2). – P.167-177.

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «СВОБОДА ВОЛИ»: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Шмелева Анастасия Игоревна, студентка

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

nastya.shmelve.07@inbox.ru

Научный руководитель: Круглова Инна Николаевна, доктор философских наук, профессор

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

sinkina68@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу эволюции понятия свободы воли в истории философской мысли и выявлению его значения для современной правовой и антропологической мысли. Рассматривается трансформация представлений о свободе от античного понимания произвольного выбора до новоевропейской концепции автономного субъекта. Особое внимание уделяется соотношению свободы и причинной обусловленности, а также теоретическим моделям детерминизма, индетерминизма и компатибилизма. Исследуется влияние философских интерпретаций свободы воли на формирование категорий юридической ответственности и вины. Анализируются современные вызовы, связанные с развитием нейронаук и цифровых технологий. Обосновывается необходимость многоуровневого подхода к интерпретации свободы.

Ключевые слова: свобода воли, детерминизм, компатибилизм, автономия личности, юридическая ответственность, философия права, субъект

История философии демонстрирует, что понятие свободы воли не возникло как абстрактная категория, а формировалось в напряжении между проблемами моральной ответственности и необходимости (причинности). Уже античная мысль связывала произвольность действия с разумом, однако подлинная проблематизация свободы начинается в христианской традиции, где воля становится внутренним источником как греха, так и спасения. Августин выдвигает тезис о том, что зло не имеет самостоятельной субстанции, а коренится в неправильно направленной воле человека. Тем самым свобода превращается в условие вины. А.О. Федотова подчеркивает, что в средневековой интерпретации свобода понимается не как произвольность, а как способность выбирать благо при сохранении личной ответственности [1, с. 277].

В Новое время происходит радикальный сдвиг. Рене Декарт связывает свободу с ясностью мышления, утверждая, что воля бесконечна по своей природе. Бенедикт Спиноза, напротив, в «Этике» (1677) формулирует тезис о свободе как познанной необходимости, что фактически снимает противопоставление свободы и необходимости. Ф.Ф. Фархетдинова показывает, что новоевропейская философия переносит центр тяжести с внешнего порядка мира на внутреннюю автономию субъекта [2, с. 120]. Иммануил Кант в «Критике практического разума» (1788) завершает этот поворот, утверждая свободу как постулат практического разума и основание морального закона. В результате, свобода становится не метафизической привилегией, а нормативным требованием для человека.

Однако историческая эволюция не устранила противоречие между свободой и необходимостью. Уже в XVII–XVIII веках формируются три устойчивые позиции: детерминизм, индетерминизм и компатибилизм. Е.Б. Вознюк анализирует данные подходы и фиксирует, что жесткий детерминизм фактически лишает человека статуса ответственного агента, тогда как индетерминизм сталкивается с проблемой случайности поступка [3, с. 16]. В этом контексте компатибилизм оказывается компромиссной моделью: действие свободно, если оно исходит из внутренних мотивов субъекта, даже если эти мотивы причинно обусловлены.

Интересно, что классическая либеральная философия, опираясь на идеи Джона Локка и Дэвида Юма, постепенно формирует именно компатибилистское понимание свободы. П.П. Ланг обращает внимание на то, что в рамках либеральной традиции свобода трактуется как способность действовать в соответствии с собственными предпочтениями без внешнего принуждения [4, с. 381]. Это понимание легло в основу правовой концепции автономии личности.

Тем не менее, проблема не исчерпана. А.А. Юрасов указывает, что само понятие свободы воли включает как минимум три элемента: осознанность, альтернативность выбора и возможность самодетерминации [5, с. 42]. Если хотя бы один из них ставится под сомнение, рушится вся конструкция. В последние десятилетия к философской дискуссии подключились нейронауки.

Интерпретация нейронаучных данных требует осторожности. Философско-правовой анализ, предложенный О.Н. Васильевой и А.В. Митиной, демонстрирует, что право исходит не из метафизической свободы, а из презумпции способности субъекта к осознанному волеизъявлению [6, с. 21]. Даже, если мотивация частично обусловлена биологическими и социальными факторами, нормативная оценка поступка предполагает рефлексивный контроль над действием.

Осмысление проблемы приводит к выводу: свобода воли не может рассматриваться как абсолютная независимость от причин. Гораздо продуктивнее понимать ее как способность к вторичному контролю – к оценке и пересмотру собственных мотивов. Историческая традиция, от Августина до Канта, показывает, что свобода всегда мыслится через ответственность. Отказ от этого принципа означал бы пересмотр фундаментальных оснований права и морали.

Свобода воли приобретает особую значимость в правовой плоскости, где она перестает быть исключительно метафизической категорией и превращается в основание ответственности. Юридическая доктрина предполагает, что субъект способен осознавать характер своих действий и руководить ими. Именно это допущение лежит в основе категории вины. О. Н. Васильева и А. В. Митина показывают, что философско-правовое понимание свободы связано не столько с абстрактной независимостью, сколько с признанием автономии личности как источника прав и обязанностей [6, с. 19]. Если воля полностью обусловлена внешними факторами, то правовое вменение теряет логическую опору.

При этом философская дискуссия демонстрирует неоднозначность самого понятия автономии. Е.Б. Вознюк отмечает, что свобода воли не равна произвольности; она предполагает наличие внутренней структуры мотивации и способность к рефлексии [3, с. 17]. В праве это выражается в различении умысла и неосторожности, прямого и косвенного намерения. Категория вины строится на допущении, что человек мог поступить иначе при сохранении тех же обстоятельств. Однако данное допущение остается теоретической гипотезой, а не эмпирическим фактом.

Либеральная традиция, анализируемая П.П. Лангом, закрепляет модель субъекта как носителя рационального выбора [4, с. 382]. Гражданское право исходит из презумпции дееспособности и самостоятельности сторон договора. Это означает, что правовая система фактически принимает компатибилистскую позицию: действия могут быть причинно обусловлены, но они считаются свободными, если не было внешнего принуждения. В судебной практике подобный подход проявляется при оценке действительности сделок, заключенных под влиянием заблуждения или угрозы.

Современный этап дискуссии вносит новые элементы. А.А. Юрасов подчеркивает, что свобода воли включает в себя не только выбор, но и способность к самодетерминации, то есть к формированию собственных целей [5, с. 44]. Если признать, что цели навязаны социальными алгоритмами, рекламой, цифровыми платформами, то автономия приобретает проблематичный характер. Цифровая среда создает ситуацию, в которой поведение

предсказуемо на основе больших данных. Это ставит под вопрос традиционную модель субъекта права.

Философско-антропологический анализ Нового времени, представленный Ф.Ф. Фархетдиновой, показывает, что свобода исторически осмыслялась как внутренняя способность к самоопределению [2, с. 122]. Но современный человек действует в условиях постоянного информационного давления. Личное наблюдение подтверждает: решения о потреблении, политических предпочтениях, даже о выборе профессии часто формируются под влиянием алгоритмических рекомендаций. Возникает вопрос: сохраняется ли пространство для подлинного выбора?

А. О. Федотова указывает, что историко-философская традиция связывала свободу с моральной зрелостью личности [1, с. 279]. Свобода требовала ответственности и самоконтроля. Если перенести этот тезис в нынешние условия, то становится очевидным: проблема не в исчезновении свободы, а в снижении уровня рефлексии. Нейронаучные исследования, начиная с экспериментов Бенджамина Либета в 1983 г., фиксируют предшествование нейронной активности осознанному решению. Тем не менее, эти данные не отменяют возможности вторичного контроля: способности человека остановить действие или изменить намерение.

Отсюда вытекает необходимость пересмотра правовой теории свободы воли. Нормативная система должна учитывать биологические и социальные детерминанты поведения, не разрушая при этом принцип личной ответственности. Возможным решением представляется многоуровневая модель свободы: на первом уровне – нейрофизиологические процессы, на втором – психологическая мотивация, на третьем – нормативная оценка поступка. Такая конструкция позволяет сохранить институт вины, признавая сложность человеческой природы.

Свобода воли не исчезает под давлением научных открытий; она трансформируется. Исторический путь от августиновской идеи внутреннего выбора до современных дискуссий о нейродетерминизме показывает, что свобода остается не данностью, а задачей. Ее сохранение требует не отрицания причинности (необходимости), а развития способности к осмысленному самоконтролю, который и делает человека субъектом права и морали.

Список литературы

1. Федотова, А. О. Свобода и формы ее проявления: историко-философский аспект / А. О. Федотова // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2021. – № 12(64). – С. 276–280.
2. Фархетдинова, Ф. Ф. Философско-антропологический подход к пониманию свободы в Новое время / Ф. Ф. Фархетдинова // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2025. – Т. 14, № 4-1. – С. 119–124.
3. Вознюк, Е. Б. Проблема свободы воли и варианты ее решения / Е. Б. Вознюк // Ползуновский альманах. – 2022. – № 3. – С. 15–19.
4. Ланг, П. П. Проблема свободы: значение теоретизации классической либеральной философии в становлении концепции компатибилизма / П. П. Ланг // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2023. – Т. 23, № 4. – С. 379–383.
5. Юрасов, А. А. Понятие свободы воли / А. А. Юрасов // Культура и искусство. – 2021. – № 9. – С. 39–54.
6. Васильева, О. Н. Философско-правовое понимание свободы: история и современность / О. Н. Васильева, А. В. Митина // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. – 2021. – № 2(42). – С. 18–25.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 8. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА, ПРОЦЕССА И СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

ПОДСЕКЦИЯ 8.1. ОТРАСЛИ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

Алеевский Ю.А. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	3
Ардышева К.А., Носова Е.А. ПРОБЛЕМА ДОПУСТИМОСТИ И ДОСТОВЕРНОСТИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ	7
Афанасьев Д.П., Мацкевич В.Е., Скобелева К.Э. ПРИНЦИП РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ	10
Баранова Э.А., Голендухина М.А. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕР ПОДДЕРЖКИ НАСЕЛЕНИЯ	16
Битюкова Е.Ю. ПРАВО СОБИРАТЬСЯ МИРНО: ПОЧЕМУ МИТИНГИ ЧАСТО ЗАПРЕЩАЮТ?	19
Веревкина В.Н., Непомнящий Д.Е. ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ВОЗДУШНОГО ФЛОТА РОССИИ	22
Вититников Д.А. МИРОВЫЕ СУДЫ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ: СТАНОВЛЕНИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ	26
Вититников Д.А., Шавронский О.А. ПРОБЛЕМЫ ЛЕГИТИМАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	30
Владимирова Е.А. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ФИНАНСОВ	34
Ганева Г.Д., Шоба Д.В. ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ОТРАЖЕНИЕ САНКЦИЙ НА СТАТУСЕ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН НЕДРУЖЕСТВЕННЫХ ГОСУДАРСТВ	37
Горбунов И.Ю. БЕСПРИЗОРНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК СОЦИАЛЬНАЯ И ПРАВОВАЯ ПРОБЛЕМА	41
Дресвянникова В.А. ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ	44
Дьяченко В.А. ПОЛУЧЕНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ СТАТУСА БЕЖЕНЦА В РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ	48
Захарова Е.А., Беськаева В.А. АКТЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ КАК ИСТОЧНИК ПУБЛИЧНОГО ПРАВА: НОРМАТИВНОСТЬ И ПРЕДЕЛЫ ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ	53
Ильиных А.С., Шелепкова Н.А. ИНФОРМАЦИОННЫЕ «ВБРОСЫ» КАК ПРИЕМ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	57
Кадырова А.В. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ОРГАНАМИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	62
Клопенко Е.С., Козлова М.С. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	67
Колчин Г.А., Цецулин И.Д. ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА РОСПОТРЕБНАДЗОРА	71
Кольга А.С., Ергаева А.Ю. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛНОМОЧИЙ РОСПОТРЕБНАДЗОРА И РОССЕЛЬХОЗ НАДЗОРА	74
Кондаурова Д.Е. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА ДОСТУП К ИНФОРМАЦИИ И РЕЖИМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ	80
Кочергина А.Д., Панюшкина С.С. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КИНОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ В ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНАХ ФСИН РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ГУФСИН ПО КРАСНОЯРСКОМУ КРАЮ)	84
Красницкая П.С. ПРАВО НА АБОРТ: СОМАТИЧЕСКОЕ ПРАВО ИЛИ ДЕТОУБИЙСТВО?	88
Куликовская Г.В. ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК В РОССИИ	91

Куликовская Г.В. ПРАВОВОЕ ТОЛКОВАНИЕ КРИТЕРИЕВ ОЦЕНКИ ЗАЯВОК В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПКАХ	95
Кулиш А.А. ПРАВОВОЙ СТАТУС И ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИРОВОГО СУДЬИ В РФ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	98
Мадиминова Ю.А. К НЕКОТОРЫМ ПРАВОВЫМ ИНСТИТУТАМ НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ	103
Майорова В.О. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА В СНГ, ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И КАЗАХСТАНА	105
Маланина В.П., Хоменко Н.А. БАНКОВСКИЕ МЕХАНИЗМЫ-ОГРАНИЧИТЕЛИ: ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	109
Мандрык П.Е., Федотова А.В. ПРОБЛЕМАТИКА ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ ЛЕКАРСТВЕННЫХ ПРЕПАРАТОВ ДЛЯ ЖИВОТНЫХ	112
Миллоджанова А.Д. РАЗГРАНИЧЕНИЕ РЕКЛАМЫ И ИНФОРМАЦИОННОГО КОНТЕНТА: ПРАВОВЫЕ КРИТЕРИИ И ПРАКТИКА ФАС	115
Никулина А.В. ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ВЫБОРОВ В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	118
Новицкая А.М. ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ОШИБОЧНОГО ТОЛКОВАНИЯ НОРМ ЭКСТРАДИЦИИ: ВОПРОСЫ ПУБЛИЧНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	122
Перова С.Д. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В СИСТЕМЕ СДЕРЖЕК И ПРОТИВОВЕСОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ	127
Подколзина А.А. ИСТОРИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В РОССИИ	132
Сосин А.М. ПРИНЦИП ГУМАНИЗМА КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩЕЕ НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА	135
Степанов Ю.С. АЛГОРИТМИЧЕСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ПУБЛИЧНОМ ПРАВЕ	138
Твердохлебова Д.А., Раджабов Ш.Р. ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ САНКЦИЙ	144
Усачева Д.В. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	149
Харламова С.И., Санников К.Ю. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЦЕННОСТИ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ДЛЯ ЮРИСПРУДЕНЦИИ	151
Цариков А.С. СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ: ВОПРОСЫ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ	155
Чекушкина А.А., Лабоцкая К.В. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОРЕГУЛИРОВАНИЯ СОЗДАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ В РОССИИ	158
Щербакова В.С. ЦИФРОВОЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ КАК ОСНОВА ЛЕГИТИМНОСТИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ	162
Ядыкова Д.А. КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРА ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОМ МЕДИЦИНСКОМ СТРАХОВАНИИ	166
Ядыкова Д.А. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ТОЛКОВАНИЯ НОРМ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА В МЕХАНИЗМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО МЕДИЦИНСКОГО СТРАХОВАНИЯ	170

ПОДСЕКЦИЯ 8.2. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗЕМЕЛЬНОГО, ЭКОЛОГИЧЕСКОГО,

ПРИРОДОРЕСУРСНОГО И ТРУДОВОГО ПРАВА И ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Барабаш В.С. ПУБЛИЧНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ НОРМ	173
Басенцян М.Г. ПРАВА ГРАЖДАН В ОБЛАСТИ ЖКХ	176
Бойко А.В. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ПОД ЗАХОРОНЕНИЯ	179
Буханистова А.А. МОРАЛЬНЫЙ ВРЕД В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ПРОБЛЕМА ДОКАЗЫВАНИЯ И РАЗМЕР КОМПЕНСАЦИИ	182
Вашлаева К.Е., Лаврешук К.Н. ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ РАБОТОДАТЕЛЕЙ В РФ	185

Галкина Р.И. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРЕРАБОТКИ ОТХОДОВ В РФ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ	189
Добренская Е.А., Барашкова М.С. ФИКТИВНАЯ САМОЗАНЯТОСТЬ: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ	192
Елага А.И., Батурина Е.Р. ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УТИЛИЗАЦИИ ТВЕРДЫХ БЫТОВЫХ ОТХОДОВ В РФ: СИСТЕМНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ РЕШЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ МОСКВЫ	196
Иванов А.А. ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ ПРИ ПРЕКРАЩЕНИИ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА С РУКОВОДИТЕЛЕМ ОРГАНИЗАЦИИ ПО РЕШЕНИЮ СОБСТВЕННИКА: ПРЕДЕЛЫ ДИСКРЕЦИИ РАБОТОДАТЕЛЯ	200
Калашникова В.Р., Юденкова Д.Ю. НЕОБХОДИМОСТЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОПРОСА О РЕАБИЛИТАЦИИ РАДИОАКТИВНО ЗАГРЯЗНЕННЫХ УЧАСТКОВ ТЕРРИТОРИЙ, НА КОТОРЫХ РАСПОЛОЖЕНЫ ОБЪЕКТЫ ЯДЕРНОГО НАСЛЕДИЯ	203
Касьянова А.А., Зацепина М.С. ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В СФЕРЕ СБОРА, УТИЛИЗАЦИИ И ПЕРЕРАБОТКИ ОТХОДОВ ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ	206
Клинкова И.И. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ ВОДНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ (НАДЗОРА)	210
Козаченко А.А. ЭВОЛЮЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОЙ ДОКТРИНЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ В РЕШЕНИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ	215
Козачук А.И. К НЕКОТОРЫМ ВОПРОСАМ СОЦИАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА	219
Корякина А.В., Худенко В.Д. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ	222
Кривоносова Д.Б., Шароглазова Д.С. ЧАСТНАЯ ИЛИ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ШКОЛА, ОСОЗНАННЫЙ ВЫБОР БУДУЩЕГО ДЛЯ СВОЕГО РЕБЕНКА, ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА	227
Крюк А.Е. АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПОРЯДОК ПРИВЛЕЧЕНИЯ ОРГАНОВ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕСОБЛЮЖДЕНИЕ ПРОЦЕДУР ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ГРАЖДАНАМ	231
Мустафина З.И., Переломова А.С. ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕРАБОТКИ И УТИЛИЗАЦИИ ТВЕРДЫХ БЫТОВЫХ ОТХОДОВ	235
Мушкина Д.В. ЗАЩИТА ПРАВ РАБОТНИКОВ ПРИ БАНКРОТСТВЕ ПРЕДПРИЯТИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ	239
Осина Д.С. ПОНЯТИЕ «ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ»: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	243
Павлова М.И. СПОСОБЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ТОВАРОПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ В РЕГИОНАХ СИБИРИ (НА ПРИМЕРЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)	248
Полубелова Д.Е. ЗАЩИТА КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ СЕМЬИ	250
Попов И.Р., Серебренников Д.Е. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЧАСТНЫХ ОХОТНИЧЬИХ ХОЗЯЙСТВ	253
Сафархонзода М. НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН	256
Фантарова А.И., Федорова М.Г. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЖИЛИЩНЫХ ПРАВ ДЕТЕЙ-СИРОТ	259
Чазов М.В. ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ БАЗА РФ В СФЕРЕ АГРОНОМИИ, НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРИМЕНЕНИЯ БИОПРЕПАРАТОВ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ	262
Шабалина А.А., Матвеева В.Е. ПРОБЛЕМА ЗАЩИТЫ ПРАВ ЖИВОТНЫХ ПРИ БИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	266
Шайдорова К.А. ПРАВОВОЙ АСПЕКТ МОРСКОЙ ДОБЫЧИ УГЛЕВОДОРОДОВ НА АРКТИЧЕСКОМ КОНТИНЕНТАЛЬНОМ ШЕЛЬФЕ РФ	268

Шарапова И.А. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ САМОЗАНЯТОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ	271
Шван В.Р., Леснов Д.Д. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЛЯ САМОЗАНЯТОГО НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ	275
ПОДСЕКЦИЯ 8.3. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ	
Агеева А.А. К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ АВТОРСКОГО ПРАВА	280
Алаторцев В.А. ЗАЩИТА ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ	282
Бабанина Н.А. ПОНЯТИЯ УПРАВЛЕНИЯ МНОГОКВАРТИРНЫМ ДОМОМ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ	287
Беськаева В.А., Захарова Е.А. ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРОВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ И МЕССЕНДЖЕРАХ	291
Бурцев М.В. ОСОБЕННОСТЬ ПРОЦЕДУРЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРИСОЕДИНЕНИЯ К ЭЛЕКТРИЧЕСКИМ СЕТЯМ В РАМКАХ ЗАКОНА О КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЕ	295
Власова Л.В., Иванов В.С. РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ ЕСТЕСТВЕННЫХ МОНОПОЛИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ПЕРЕВОЗОК)	299
Дроздова Е.А. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАРКЕТПЛЕЙСОВ	302
Дрюкова А.А., Супрун В.В. ЛИЗИНГ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ	305
Зиганшина Э.М. ДОГОВОР В МЕССЕНДЖЕРЕ: СЧИТАЕТСЯ ЛИ ПЕРЕПИСКА ПОЛНОЦЕННЫМ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫМ СОГЛАШЕНИЕМ	308
Зуенко Д.М. ЦИФРОВАЯ ВОЛЯ СТОРОН: ПРЕДЕЛЫ АВТОНОМИИ В АЛГОРИТМИЗИРОВАННОЙ СРЕДЕ	312
Кармацкая П.С. СПОРЫ В СФЕРЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗРЕШЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ	316
Кондратова Т.С. СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ НА СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ: АНАЛИЗ ПРАКТИКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	319
Крахалева В.И. НЕЗАВИСИМАЯ ГАРАНТИЯ КАК ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ ДОСТУПНОСТИ УЧАСТИЯ В КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЕ	322
Левковец А.С. ПРОБЛЕМЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ	325
Лоншаков А.В. О ДУАЛИЗМЕ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ В СПОРАХ ОБ ОБЩЕЙ СОБСТВЕННОСТИ МНОГОКВАРТИРНОГО ДОМА	328
Лунина А.П. К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ ПРАВ КРЕДИТОРА ПРИ БАНКРОТСТВЕ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОПЫТА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН	332
Любишкина А.П., Папенина В.М. АДВОКАТСКАЯ МОНОПОЛИЯ В СУДАХ	336
Марушева Э.В. ГРАЖДАНСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА РАСПРОСТРАНЕНИЕ НЕДОСТОВЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ	339
Матвеева С.А. ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ ТРЕТЬИХ ЛИЦ В АРБИТРАЖНЫХ ПРОЦЕДУРАХ: РАЗВИТИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ИНСТИТУТА	342
Павлухина З.Н. АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ	345
Павлухина З.Н. ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВОССТАНОВЛЕНИЯ В РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВАХ, АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ С ЗАРУБЕЖНЫМИ ПРИМЕРАМИ	347
Пашковский Н.Р. ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ СУДЕБНЫМ ПРИСТАВОМ-ИСПОЛНИТЕЛЕМ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ	352
Потехина Е.С. ПРОБЛЕМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ПОДПИСИ	355
Потехина Е.С. ЭЛЕКТРОННОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ	358
Пухова Е.В., Симбирева А.М. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЕТЕРИНАРНОГО ОБОРУДОВАНИЯ	361
Самсонова К.В. СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА САМОЗАНЯТОСТИ СО СМЕЖНЫМИ ИНСТИТУТАМИ	365

Совельева Н.А. ПРАВОВОЙ СТАТУС СУДЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ	370
Степаненко С.С. ЗАДОТК В СДЕЛКАХ С НЕДВИЖИМОСТЬЮ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ	376
Твердохлебова Д.А., Раджабоов Ш.Р. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ДЕТЕЙ В ЧАСТНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	379
Трубаева К.А., Сивков М.А. СООТНОШЕНИЕ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРА ПО ОКАЗАНИЮ УСЛУГ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ И ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ	383
Тузова С.С. СООТНОШЕНИЕ УБЫТКОВ И СУДЕБНЫХ РАСХОДОВ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ	386
Тюрина А.А., Жданов Е.И. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРАХОВАНИЯ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	389
Ухванова А.А. РОЛЬ ПРОКУРОРА В ЗАЩИТЕ АВТОРСКИХ ПРАВ НА МУЛЬТИМЕДИЙНЫЕ ПРОДУКТЫ: РОССИЙСКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ПРАКТИКА	394
Чекашкина В.С. ПРАВОВЫЕ РИСКИ ПЕРЕДАЧИ НАЛИЧНЫХ ДЕНЕГ БЕЗ РАСПИСКИ	398
Червона А.С. ЦИФРОВЫЕ ОБЪЕКТЫ КАК ПРЕДМЕТ ВЕЩНЫХ ПРАВ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ЗАЩИТЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ	401
Юсупов А.М., Гибадуллин А.А. КАРШЕРИНГ КАК НОВЫЙ ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ И КВАЛИФИКАЦИИ	406
Ярмолинская В.А. БЕСХОЗЯЙНЫЕ ОБЪЕКТЫ НЕДВИЖИМОСТИ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ	411

ПОДСЕКЦИЯ 8.4. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА И ОРД

Абраменко О.М. ПРОВЕДЕНИЕ ОБЫСКА В СЛУЧАЯХ, НЕ ТЕРПЯЩИХ ОТЛАГАТЕЛЬСТВ: ВОПРОСЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ	416
Авилов Ю.Ю. СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ И РАВНОПРАВИЕ СТОРОН КАК ПРИНЦИП УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	421
Абраменко О.М. О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РЕАЛИЗАЦИИ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ ЗА ПРОВЕДЕНИЕМ ОБЫСКА В ОТНОШЕНИИ АДВОКАТА (СТ. 450.1 УПК РФ): РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	424
Акопян В.Р., Меределина К.В. ВЛИЯНИЕ ПЛАСТИЧЕСКИХ И КОСМЕТОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ В ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ	429
Барина А.С. ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ ПСИХОЛОГА В СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ФОРМАЛЬНОСТЬ ИЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ?	433
Бареева Д.Д., Климанова А.Н. ИНСТИТУТ СМЕРТНОЙ КАЗНИ В РОССИИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ	436
Винидиктова Е.Г. КЛАССИФИКАЦИЯ И ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ПОВРЕЖДЕНИЙ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ ПРИ РАЗЛИЧНЫХ ВИДАХ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ	440
Винидиктова Е.Г. РОЛЬ ТЕХНИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ В ВОЗНИКНОВЕНИИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯХ	443
Ворошилова Ю.А. ВОЗВРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРУ В ПОРЯДКЕ СТАТЬИ 237 УПК РФ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ	446
Гомонова А.С. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О КОМПЬЮТЕРНОМ МОШЕННИЧЕСТВЕ	451
Громакова А.А. ЦИФРОВЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В СИСТЕМЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ	454
Даниелян Г.О. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО РОССИЙСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ: ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ	457

Дмитриенко Д.П. ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ	459
Краснова Т.В., Кабина Я.О. ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С КОНТРАФАКТОМ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	463
Кучеров Н.Е. ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО КОРРУПЦИОННЫМ УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ	466
Клявдина В.Е. О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ОФОРМЛЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ПРОВЕДЕНИЯ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ	470
Клявдина В.Е. ПРОБЛЕМАТИКА ОТГРАНИЧЕНИЯ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ОТ СМЕЖНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ	473
Ковалевский И.Е. РАССЛЕДОВАНИЕ ИНЦИДЕНТОВ С УЧАСТИЕМ БЕСПИЛОТНОГО ТРАНСПОРТА: ДЕЛИКТЫ, АЛГОРИТМЫ И УСТАНОВЛЕНИЕ ВИНОВНОГО	477
Кочева А.А. ТИПИЧНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ДЕЛ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ	483
Кудимова В.С., Шаталова В.Е. КОРРУПЦИЯ КАК «ТЕНЕВОЙ КОНТРАКТ» В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ В ТУРБУЛЕНТНОСТИ	487
Лазаренко К.С., Хлыстова П.А. МИКРООБЪЕКТЫ КАК ИСТОЧНИК КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ	491
Маркус А.А. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ МЕТОДИКА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ГЕНЕЗИС, ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ, НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ	494
Мамрукова В.О. ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПРОЕКТОВ СТРОИТЕЛЬСТВА КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ	498
Мазуренко И.Е. ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТА ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ МОШЕННИЧЕСТВА	501
Макаров Д.Е. ИНТЕГРАЦИЯ ИНСТИТУТА МЕДИАЦИИ В УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ВАЖНЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА	506
Мелешенко Е.С., Патапейка И.Д. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ В СИСТЕМЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТРАНСГРАНИЧНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	511
Миронова Е.Ю. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЕЛЫ В МЕТОДОЛОГИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ НАУКИ	515
Павлинов А.П. ИДЕЯ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ	520
Смолянинова О.С. СУЩНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РОССИИ	525
Титов И.Е. ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВОГО СТАТУСА СУРДОПЕРЕВОДЧИКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	528
Феллер А.А. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ДОПРОСА КАК СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ	532
Чечушков А.А. МЕТОДИКА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДАНАМИ, ОБЛАДАЮЩИМИ ИММУНИТЕТОМ	535
Чечушков А.А. ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ОТНОШЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	540
Юсупов А.М., Ильясова Л.Р. НЕГАТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА ПРОЦЕСС СОБИРАНИЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ	544

**ПОДСЕКЦИЯ 8.5. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА, КРИМИНОЛОГИИ
И СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ**

Борознова М.М. ОСОЗНАНИЕ ВОЗРАСТА ПОТЕРПЕВШЕГО КАК УСЛОВИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ст. 134 УК РФ	549
Ботандаева А.В. ПРОБЛЕМА ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКИ ДОСТОВЕРНОСТИ ФОНОГРАММ С УКРАИНСКОЙ РЕЧЬЮ: ВЫЯВЛЕНИЕ ПРИЗНАКОВ МОНТАЖА И ФАЛЬСИФИКАЦИИ В ЦИФРОВЫХ АУДИОФАЙЛАХ	554
Головкова А.А. ИССЛЕДОВАНИЕ ОТОБРАЖЕНИЙ УШНЫХ РАКОВИН ЧЕЛОВЕКА В РАМКАХ ПОРТРЕТНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В КОМПЛЕКСЕ С КОМПЬЮТЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗОЙ	558
Дашиева Б.Б. ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ДОКУМЕНТОВ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ В СВЯЗИ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ДОСТУПНОГО ОБОРУДОВАНИЯ ДЛЯ АВТОПОДПИСИ С ПОМОЩЬЮ ГРАФОПОСТРОИТЕЛЕЙ (ПЛОТТЕРОВ)	561
Задорожная Д.И. УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СКЛОНЕНИЕ К ПОТРЕБЛЕНИЮ НАРКОТИЧЕСКИХ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ (п. «Д» ч. 2 ст. 230 УК РФ): ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ	564
Ковалевский И.Е. ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА ПО ВЕНАМ НА ЛАДОНИ И ТЕРМОГРАММАМ ЛИЦА: ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКУЮ РЕГИСТРАЦИЮ	568
Ковалевский И.Е. ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ БИОМЕТРИЯ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО: АНАЛИЗ РУКОПИСНОГО ВВОДА НА КЛАВИАТУРЕ И ДИНАМИКИ ДВИЖЕНИЙ МЫШИ ДЛЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ АВТОРА ДОКУМЕНТА	572
Коник А.В. ОСОБЕННОСТИ АВТОТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ДЕЛАМ О ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЯХ	576
Коник В.А. ПОТЕНЦИАЛ СУДЕБНОЙ КОМПЬЮТЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ВЫЯВЛЕНИИ И ДОКАЗЫВАНИИ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ	581
Куделько М.А. МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ОЧАГА И ПРИЧИНЫ ПОЖАРА ПРИ ВОЗГОРАНИИ ОТ ТЛЕЮЩЕГО ТАБАЧНОГО ИЗДЕЛИЯ	585
Литвинова З.Н. НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ ЦИФРОВОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ: НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И МЕТОДЫ В ФОНОСКОПИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ	589
Макаревич М.В. ПРОБЛЕМЫ ИЗЪЯТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ SSD-НАКОПИТЕЛЕЙ КАК ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ: УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ	591
Мамрукова В.О. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОЕКТНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ ФАЛЬСИФИКАЦИЙ	596
Мельникова А.А., Кутовая А.С. МОТИВАЦИЯ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПРИ СОВЕРШЕНИИ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ «ЦИФРОВОГО» ПРЕСТУПНИКА	600
Старцев М.К., Степанов В.В. КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ	604
Суворова С.А. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ СЕРИЙНОГО ПРЕСТУПНИКА КАК ИНСТРУМЕНТ РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД	608
Уложенко П.А. ПРИЗНАКИ И КЛАССИФИКАЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ НОВЫХ ПОТЕНЦИАЛЬНО ОПАСНЫХ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ	613
Урекяну Э.С. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ	616

СЕКЦИЯ 9. ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ПОДСЕКЦИЯ 9.1. ИСТОРИЯ

Алтухова Ю.А. СОПРОТИВЛЕНИЕ ПЕТРОВСКИМ ПРЕОБРАЗОВАНИЯМ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ	620
Астахова М.В. ИСТОРИЧЕСКИЕ МОМЕНТЫ РАЗВИТИЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ	623
Бакутина Д.Р. ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПОЯВЛЕНИЯ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЕЙ НА КУПЮРАХ РОССИИ	627

Беркетова В.А. СОЦИОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.	630
Беськаева В.А., Захарова Е.А. ДЕТИ И ПОДРОСТКИ КАК ОБЪЕКТ И СУБЪЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В ЛИТВЕ (1940–1941 гг.)	634
Гамидов Д.Е. НЕГАТИВНЫЕ СТОРОНЫ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ В АНГЛИИ XVIII–XIX вв.	637
Дмитриенко А.А. ХАБАРОВСКИЙ ПРОЦЕСС 1949 г.: ПРОБЛЕМА СУДЕБНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ЗА ПРИМЕНЕНИЕ БАКТЕРИОЛОГИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА	640
Дубинский А.Б. ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА ЕНИСЕЙСКИХ КАЗАКОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА	643
Евстратова А.М. КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ КАК РЕСУРС НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА	647
Елистратов Е.А. 1917 ГОД В РОССИЙСКОЙ И ПОРТУГАЛЬСКОЙ ИСТОРИИ	650
Зенько А.В. ЗАЩИТНИКИ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА: КАК НЕЗРЯЧИЕ ЛЮДИ ПОМОГАЛИ В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ	654
Ильина П.В. «РУССКАЯ СМУТА»: ИВАН ГРОЗНЫЙ И БОРИС ГОДУНОВ. ПРОБЛЕМЫ ЛЕГИТИМНОСТИ ВЛАСТИ В КРИЗИСНЫЕ ЭПОХИ (КАК ОБА ПРАВИТЕЛЯ БОРОЛИСЬ С БОЯРСКОЙ ОППОЗИЦИЕЙ И УКРЕПЛЯЛИ СВОЮ ВЛАСТЬ В УСЛОВИЯХ ДИНАСТИЧЕСКОГО КРИЗИСА)	656
Квардицкая Е.А., Мерцникова М.Ю. ХАРАКТЕРИСТИКА БЕЛОГВАРДЕЙСКОГО ЮГА РОССИИ В ТРУДАХ СОВРЕМЕННЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИКОВ	659
Ковшов А.И. ФИНАНСИРОВАНИЕ ГИТЛЕРА В 1920-Е – НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.	663
Кожевникова Е.Н. ЗНАЧЕНИЕ СОЗДАНИЯ И РАЗРАБОТКИ АТОМНОГО ОРУЖИЯ В СССР В ПОСЛЕВОЕННОМ МИРЕ	667
Конева М.А. ОТНОШЕНИЕ К ИСТОРИЧЕСКИМ ПАМЯТНИКАМ В ИМПЕРАТОРСКИЙ, СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД	671
Корнеева К.А. РОЛЬ ОЧЕРКОВ Е.А. АВДЕЕВОЙ В ИЗУЧЕНИИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА	674
Крон П.А. РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРАВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ XVII–XVIII вв.	677
Куковский А.С. ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР II И ОСНОВАНИЕ ПЕТРОВСКОЙ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ И ЛЕСНОЙ АКАДЕМИИ	681
Лукиничова А.В. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ КУПЕЧЕСТВА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛАХ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)	684
Майоров Е.К. ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА И ЭКСПЛУАТАЦИИ САЯНО-ШУШЕНСКОЙ ГЭС	689
Мушовец К.В. МОЙ ПРАДЕД – УЧАСТНИК ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	693
Непомнящий Д.Е., Вережкина А.Н. ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ АВТОБУСНОГО ТРАНСПОРТА В КРАСНОЯРСКЕ	695
Никитина Л.В. ПРИЧИНЫ ПРЕВРАЩЕНИЯ КАРТОФЕЛЯ В ЗНАЧИМЫЙ ПИЩЕВОЙ ПРОДУКТ В ЕВРОПЕ В XVI–XVII вв.	699
Николаев И.А. ОПИСАНИЕ МАРШРУТА АФАНАСИЯ НИКИТИНА	703
Петрюк К.А. В.О. КЛЮЧЕВСКИЙ – НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ СТУДЕНЧЕСКИХ ВЫПУСКНЫХ РАБОТ ПО ИСТОРИИ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ (ИЗ АРХИВА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ)	706
Плужникова Е.А. ВЫСАДКА ЯПОНСКОГО ДЕСАНТА ВО ВЛАДИВОСТОКЕ В НАЧАЛЕ АПРЕЛЯ 1918 г.	709
Потехин Р.С. ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ПЕРВОГО РОССИЙСКОГО АВТОМОБИЛЯ И ЗАРОЖДЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АВТОПРОМЫШЛЕННОСТИ	712
Пухова Е.В., Симбирева А.М. РУССКАЯ ЖЕНСКАЯ КРАСОТА XIX ВЕКА. ЭТИКЕТ И ЧТО СЧИТАЛОСЬ ЭТАЛОНОМ ЖЕНСКОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ В ДВОРЯНСКОЙ СРЕДЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ	716
Сизых Я.А. РОЛЬ РОССИИ В ЖИЗНИ СЕРБИИ 1910–1920 ГОДЫ	719
Тарасова А.Р., Ильина В.Д. СОВЕТСКАЯ МОДА 1920-х–1930-х ГОДОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИДЕОЛОГИИ	722

Твердохлебова Д.А., Раджабоов Ш.Р. ОБРАЗ АМИРА ТИМУРА В НАРОДНОМ ФОЛЬКЛОРЕ ИРАНА: ФЕНОМЕН «ПРОКЛЯТОГО СВЯТОГО» И ЛОКАЛЬНЫЕ КУЛЬТЫ ПАМЯТИ	725
Черникова А.А. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	729
Шимолина В.С. ПЕРВЫЕ БРАКОСОЧЕТАНИЯ И СВАДЕБНЫЕ ТРАДИЦИИ КРЕСТЬЯН СИБИРИ В XVIII ВЕКЕ	732
Шамшина О.А., Горшкова П.Д. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ РОССИИ А.В. КОЛЧАКА В 1918–1920 гг.: СОВРЕМЕННЫЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР	737
Юркевич Е.С., Макасева Е.А. КОРЕЙСКАЯ ВОЙНА И ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗА КНР НА МИРОВОЙ АРЕНЕ	740
Якунина Я.С. ПСИХОЛОГИЯ ЖЕНЩИН БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА: ГОТОВНОСТЬ К ВЗАИМОПОМОЩИ КАК ФАКТОР ВЫЖИВАНИЯ В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ	744
Ямщикова М.В. ПРОБЛЕМЫ ВЕРИФИКАЦИИ И АУТЕНТИЧНОСТИ ДАННЫХ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: ВЫЗОВЫ ДЛЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ	748
Яхшибоева К.Х. ВЛАДИМИР МАКОВСКИЙ И ВАСИЛИЙ ПЕРОВ – СКАНДАЛЬНОЕ ИСКУССТВО XIX ВЕКА	752

ПОДСЕКЦИЯ 9.2. ФИЛОСОФИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

Андропова О.С., Валеев Д.Р. ЦИФРОВАЯ СОЦИОЛОГИЯ: ТРАНСФОРМАЦИЯ АГЕНТНОСТИ, СТРАТИФИКАЦИИ И ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГИПЕРСВЯЗАННОСТИ	755
Астайкина А.С. КЛАССИЧЕСКАЯ МУЗЫКА В РОЛИ ФОНОВОГО КОДА СОВРЕМЕННОСТИ	758
Бывшева К.Р. СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СУДЕБНОМ СТАТУСЕ	761
Глазырина К.А. СОВРЕМЕННЫЕ МЕДИАСТАНДАРТЫ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА «Я» У ДЕВУШЕК-ПОДРОСТКОВ	764
Горшкова А.В. ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ ИХ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ШКОЛЫ	768
Горюнова А.М. ОПРАВДАНИЕ КАК ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ	773
Емельянова В.А. ВНЕШНИЕ МАРКЕРЫ СУБКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОДРОСТКА	776
Ефремова Е.А. КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ	780
Иванова А.А. ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАДАСТРА И ПРИРОДЫ	783
Истомина Е.Е. ПРОБЛЕМА САМОПОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ В ФИЛОСОФИИ	786
Кириленко В.А. ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ	789
Козлова О.А. КОНЦЕПЦИЯ ТЕХНИКИ Ф. ДЕССАУЭРА В АСПЕКТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ	792
Копылова Э.Д. СТУДЕНЧЕСКАЯ СЕМЬЯ: МОТИВАЦИЯ И ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ	796
Красноборова Д.М. СВОБОДА ЛИЧНОСТИ В ЗЕРКАЛЕ МИРОВЫХ РЕЛИГИЙ	798
Кремнева Н.Д. САКРАЛЬНЫЕ ЖИВОТНЫЕ В КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЯХ	802
Лаврентьева В.С. ФИЛОСОФИЯ ГРАНИЦЫ И ПАРАДОКСЫ КАДАСТРОВОГО УЧЕТА	806
Латышева Е.О. ЛОГИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В СТРУКТУРЕ ПРАВА И ОШИБКИ В ЮРИДИЧЕСКОЙ АРГУМЕНТАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ	809
Малухина А.Б. ЗНАЧИМОСТЬ ИНДУКТИВНЫХ УМОЗАКЛЮЧЕНИЙ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА	813
Ментей А.И. ЦИФРОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ЭТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	817
Митясова С.А. РОЛЬ ЯЗЫКА В ПОЗНАНИИ: ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИИ ДЖОНА ЛОККА	822

Моор К.А. ИДЕЯ КОСМОПОЛИТИЗМА И КУЛЬТУРНОГО РЕЛЯТИВИЗМА: ВОЗМОЖНА ЛИ УНИВЕРСАЛЬНАЯ МОРАЛЬ?	824
Немытченко Д.Д. СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА КИТАЯ КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ»	827
Осипенко Е.В. КУЛЬТУРНЫЙ КОД САХАЛИНЦА	831
Побиянский В.С. ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА	834
Раджабов Ш.Р., Данилова К.Е. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ФАКТОР СВЯЗИ ПОКОЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	837
Рыбкина С.О. КИТАИЗИРОВАННЫЙ ОБЩЕПИТ КАК «ВИТРИНА» КИТАЙСКОГО ПРИСУТСТВИЯ В ИРКУТСКЕ: КАК ГОРОЖАНЕ СЧИТЫВАЮТ КИТАЙ ЧЕРЕЗ ЕДУ И ИНТЕРЬЕР	841
Сырейщикова Т.В. РАЗВИТИЕ ЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ У ДЕТЕЙ	846
Турчанова В.Д. ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ	849
Фролов С.А., Наливайко О.Н. ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ПРИОРИТЕТНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ	852
Хайртдинова Д.Х. ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЖИЗНИ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ	855
Чебодаева А.Е. НАУЧНОЕ И ВНЕНАУЧНОЕ ЗНАНИЕ: ПРОБЛЕМА ДЕМАРКАЦИИ	858
Чекашкина В.С. ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ	861
Черниченко Е.И. РАЦИОНАЛЬНОЕ И НЕРАЦИОНАЛЬНОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ	863
Чиркова Н.Ю. ИГРА В УСПЕШНЫХ: КАК СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ ПРЕВРАТИЛИ ДОСТИЖЕНИЯ В СИМУЛЯКР	865
Чиркова Н.Ю. «КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ» КАК МЕХАНИЗМ РАЗРУШЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО «ФАСАДА»: ДРАМАТУРГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	869
Шмелева А.И. ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «СВОБОДА ВОЛИ»: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И СОВРЕМЕННОСТЬ	874

СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА – ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Материалы XXI Всероссийской студенческой научной конференции
(12–13 марта 2026 г.)

ЧАСТЬ 5 – ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Секция 8. Актуальные проблемы права, процесса и судебных экспертиз в современных условиях
Секция 9. Гуманитарные науки

Ответственные за выпуск:

А.В. Коломейцев, М.В. Горелов

Редакционная коллегия:

В.С. Литвинова, канд. с.-х. наук, доцент;
Д.Д. Харебин, ст. преподаватель;
Е.А. Ерахтина, канд. юрид. наук, доцент;
С.М. Курбатова, д-р юрид. наук, доцент;
А.В. Ткаченко, канд. юрид. наук, доцент;
С.В. Широких, ст. преподаватель;
Е.В. Дадаян, канд. юрид. наук, доцент;
А.В. Гладких, ст. преподаватель;
Ю.В. Андреева, канд. юрид. наук, доцент;
С.Т. Гайдин, д-р ист. наук, доцент;
И.Н. Круглова, д-р филос. наук, профессор

Электронное издание

Издается в авторской редакции

Компьютерная верстка и дизайн – Д.Д. Харебин

Подписано в свет 26.06.2026. Регистрационный номер 298
Редакционно-издательская служба Красноярского государственного аграрного университета
660017, Красноярск, ул. Ленина, 117